Kudrjavcev, Petr Nikolaevič

Sočinenija S portr. i faks. avtora

Bd.: 2

1887

Opp. 663 a-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11662889-8

СОЧИНЕНІЯ

П. Н. КУДРЯВЦЕВА.

Съ портретомъ и факсимиле автора.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва. Покровка, д. Егорова.
1887.
(101)

Opp. 663a-(2

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg 177 | 98009

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стрн.

1. Осада Лейдена 1
2. Жозефъ Бонапартъ въ Италіи 55
3. Карлъ V . 192
4. Юность Катерины Медичи 452
5. Воспоминаніе о Тимоѳеѣ Николаевичѣ Грановскомъ . 540
6. Дѣтство и юность Т. Н. Грановскаго 551

Осада Лейдена.*

Событіе, которое мы намѣрены разсказать, есть только небольшой эпизодъ изъ исторіи одной великой эпохи, носившей въ себѣ сѣмена еще болѣе великаго будущаго.

Кровавой памяти герцогъ Альба свирѣпствовалъ въ Нидерландахъ. Миссія его состояла въ томъ, чтобы водворить миръ въ смятенныхъ провинціяхъ; онъ же не принесъ съ собою ничего, кромѣ духа вражды и ненависти. Казнями и другими жестокими мѣрами думалъ онъ снова уравнять и совершенно сгладить то глубокое внутреннее раздѣленіе, которое произошло въ самыхъ вѣрованіяхъ жителей и ихъ понятіяхъ. Дѣло умиротворенія превратилось въ безпощадное мщеніе. Права, религія, собственность, самая жизнь гражданъ—все подпало суровому закону мстителя. Но чѣмъ больше умножалось число жертвъ его, тѣмъ больше исчезала возможность примиренія. Все дальше и дальше раздавались края пропасти, отдѣлявшей сѣверныя провинціи отъ юго-западныхъ, и временный разрывъ, увеличенный во сто кратъ насильственными мѣрами, угрожалъ перейти въ совершенное распаденіе. Отчужденіе, сначала непроизвольное, съ каждымъ днемъ утверждалось глубже въ сознаніи жителей страны, какъ необходимость, и наконецъ окрѣпло въ нихъ до того, что не могло быть болѣе побѣждено никакими усиліями.

Человѣческія средства дѣйствительно были безсильны поправить грубую ошибку Альбы. Послѣдующія событія показали, какъ нельзя лучше, что посѣянная имъ вражда оставила по

* Напечатано въ 1855 г. въ «Сборникѣ статей профессоровъ Московскаго университета», изданномъ въ память столѣтняго юбилея сего университета.

себѣ неизгладимые слѣды, и еще разъ подтвердила старую истину, что однажды разорванныя части одного организма не соединяются вновь никакими искусственными средствами. Но прежде чѣмъ исторія произнесла свое непреложное рѣшеніе, долго тянулся кровавый процессъ между двумя противными сторонами, стоившій Нидерландамъ неисчислимыхъ жертвъ. Никто не былъ такъ далекъ отъ мысли, что рано или поздно посѣянное зло возрастетъ сторицею, какъ главный виновникъ его. Располагая превосходными силами, онъ ни разу не усомнился въ успѣхѣ своего дѣла, и тѣмъ больше учащалъ свои удары, чѣмъ больше встрѣчалъ сопротивленія. Но въ противникахъ его жилъ не менѣе крѣпкій духъ. Падавшіе на нихъ удары встрѣчали подъ легкою бронею мужественныя сердца, которыя восполняли недостатокъ численныхъ силъ энергіею и еще болѣе закалялись въ несчастіяхъ. Ихъ не испугало бы никакое лишеніе. Самыя тяжелыя пожертвованія не казались имъ обременительными. Любовь къ родинѣ и независимости служила для нихъ неизсякаемымъ источникомъ героическаго вдохновенія. Превосходство военнаго искусства, которое неоспоримо было на сторонѣ противника, уравновѣшивалось съ ихъ стороны необоримою силою душевныхъ подвиговъ. Чего же недоставало для полнаго равновѣсія, то дополнялось у нихъ отчаяніемъ. Борьба неминуемо должна была продлиться, пока каждый вновь наносимый ударъ вызывалъ лишь новыя силы съ одной стороны, и еще не истощены были всѣ усилія съ другой.

Въ первомъ періодѣ борьбы положеніе голландскихъ патріотовъ, защищавшихъ свои религіозныя убѣжденія противъ фанатическаго преслѣдователя, было самое отчаянное. Главныя ихъ надежды возложены были на знаменитаго представителя нассаускаго дома, Вильгельма принца Оранскаго, о которомъ умный кардиналъ Гранвелла говорилъ совѣтникамъ Филиппа II, что если они не будутъ имѣть его въ своихъ рукахъ, то имъ не сдѣлать ничего. Вильгельмъ не охотникъ былъ говорить, за то умѣлъ дѣйствовать. Въ душѣ его жили великіе замыслы, а холодная наружность скрывала за собою много рѣшимости и безстрашія. Ему по плечу было самое несбыточное предпріятіе. Недоступный увлеченію, онъ ни минуты не былъ ослѣпленъ насчетъ трудностей своего положенія, не презиралъ опасностями, не смѣялся надъ ними, но своимъ умомъ и расчетомъ всегда почти умѣлъ поравняться съ трудными обстоятельствами своего времени, иногда даже стать выше ихъ.

О всякомъ дѣлѣ, за которое брался Вильгельмъ, смѣло можно было сказать, что оно находится въ вѣрныхъ рукахъ. Но врагъ и противникъ его былъ равно неусыпенъ и никогда не давалъ застать себя врасплохъ. Споръ могъ быть рѣшенъ только оружіемъ, а испытанная храбрость испанскихъ войскъ въ бою и извѣстная опытность герцога Альбы въ военномъ дѣлѣ склоняли перевѣсъ на его сторону. Поэтому первая попытка Вильгельма утвердиться въ Нидерландахъ вооруженною рукою рѣшительно не имѣла никакого успѣха. Графъ Лудвигъ Нассаускій, который съ передовымъ отрядомъ открылъ походъ и началъ его довольно счастливо, былъ первый разбитъ на голову, а черезъ нѣсколько времени потомъ и самъ принцъ Оранскій, послѣ тщетныхъ попытокъ вызвать своего противника изъ укрѣпленнаго лагеря, нашелся принужденнымъ распустить свое войско, собранное съ большими пожертвованіями, и почти не обнажая меча отказаться отъ своего предпріятія.

Вторая попытка была по началу своему гораздо счастливѣе, дѣйствіе ея несравненно обширнѣе. Между тѣмъ и другимъ событіемъ прошло два года. Все это время впрочемъ Вильгельмъ не оставался недѣятельнымъ. Онъ жилъ попеременно то въ Германіи, то во Франціи, иногда съ опасностію жизни мѣняя мѣсто своего пребыванія и вездѣ стараясь завязать новыя связи для успѣха своего труднаго начинанія. Мысль объ освобожденіи Нидерландовъ отъ безчеловѣчнаго Альбы не оставляла его ни на минуту. Въ то же время онъ продолжалъ поддерживать тайныя сношенія съ жителями страны и даже позволялъ себѣ нѣкоторыя внутреннія распоряженія, направленныя къ той же самой цѣли. Первые голландскіе каперы, которые начали дѣйствовать противъ испанцевъ съ моря, имѣли отъ него письменныя дозволенія [1]. Денежные сборы по городамъ также производились большею частію отъ его имени. Дипломатическая дѣятельность принца Оранскаго простиралась еще далѣе. Пока онъ лично, или черезъ своего брата, велъ переговоры во Франціи и въ Германіи, особыя посольства отправлялись отъ него въ Данію и Швецію съ цѣлію заискать ихъ дружественное расположеніе. Если не всѣ тронутыя пружины приведены были въ дѣйствіе, то многія по крайней мѣрѣ не замедлили принести желаемую пользу. Неожиданно счастливый случай ускорилъ исполненіе пред-

[1] См. Wagenaar, Allg. Geschichte der vereinigten Niederlanden, t. III, p. 138—142—145. (Подлинникъ писанъ на голландскомъ языкѣ).

пріятія почти противъ намѣренія самого зачинателя. Королева Елизавета, которая тогда имѣла еще причины беречь миръ съ Испаніею, по настоятельному требованію герцога Альбы дала приказаніе, чтобы голландскіе каперы, уже извѣстные подъ именемъ „морскихъ гейзовъ“ (Wassergeusen), покинули англійскія гавани, гдѣ они до сихъ поръ имѣли свое главное убѣжище. Лишенные всякаго безопаснаго пристанища, гейзы волею или неволею должны были обратиться вспять, къ своимъ роднымъ берегамъ, и стараться утвердиться на нихъ прочнымъ образомъ. Командуя двадцатью четырьмя судами, предпріимчивый Лумей (Lumey), потомокъ столько страшнаго въ свое время „Арденнскаго вепря“, вышелъ въ море и сначала направился къ Текселю; но вѣтеръ скоро подулъ къ юго-западу и пригналъ мореплавателей къ устью Мааса. По лѣвую сторону его, между однимъ рукавомъ рѣки и самымъ моремъ, лежитъ о. Ворне (Voorne) съ укрѣпленнымъ городомъ Брилемъ. До сихъ поръ этотъ важный постъ постоянно занятъ былъ испанскимъ гарнизономъ; но незадолго передъ тѣмъ, по распоряженію самого Альбы, стоявшій здѣсь отрядъ войска переведенъ былъ въ Утрехтъ, гдѣ расположеніе жителей въ послѣднее время оказалось довольно сомнительнымъ. Приведенные въ ужасъ именемъ гейзовъ, граждане Бриля сначала затворили передъ ними ворота, однако скоро одумались, и Лумей, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе какъ 252 человѣка, занялъ городъ безъ сопротивленія. Альба понялъ свою ошибку и спѣшилъ поправить ее. Штатгальтеру Голландіи, Боссю, велѣно было немедленно итти къ Брилю и взять его силою. Но было уже поздно: гейзы, утвердившись въ своемъ новомъ владѣніи, дали мужественный отпоръ нападающему. Прикрываясь сами водою, они сожгли у непріятеля нѣсколько судовъ и принудили его возвратиться назадъ. Боссю выместилъ потомъ свою неудачу на Роттердамѣ, который былъ преданъ имъ разграбленію. Выдержавъ ударъ, защитники Бриля ободрились еще болѣе и поклялись стоять за принца Оранскаго, котораго провозгласили, на мѣсто Боссю, королевскимъ штатгальтеромъ въ Голландіи.

Занятіемъ Бриля—говорятъ нидерландскіе историки—положенъ былъ первый камень независимости сѣверныхъ провинцій [1]). Они правы. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе тогда только могло сдѣлать успѣхи внутри страны, когда оно имѣло въ

[1]) Van Kampen, I, p. 384.

тылу у себя хотя одинъ твердый пунктъ, обезпеченный противъ нападенія. Бриль, хорошо защищенный съ моря и съ суши, соединялъ всѣ необходимыя для того условія. Смотря на него, зеландскіе города одинъ за другимъ слѣдовали его примѣру и также поднимали у себя оранское знамя. Флиссингенъ, лежащій на о. Вальхеренѣ, открылъ движеніе по первому извѣстію о происшествіяхъ въ Брилѣ. Стоявшій въ немъ гарнизонъ былъ слишкомъ малочисленъ, чтобы удержаться противъ цѣлой городской общины, а посланное къ нему подкрѣпленіе было отражено, прежде чѣмъ успѣло высадиться на берегъ. Отсюда движеніе тотчасъ передалось на противоположный конецъ острова. Городъ Вере (Veere) также принялъ сторону принца Оранскаго, и испанцы удержались на всемъ островѣ лишь въ крѣпкомъ Миддельбургѣ. По примѣру зеландскихъ острововъ, Голландія мало-по-малу увлекалась тѣмъ же движеніемъ. Еще Амстердамъ стоялъ непоколебимо на сторонѣ герцога Альбы, какъ уже въ отдаленномъ Энкейзенѣ (Enkhuisen) развѣвалось оранское знамя. Поводомъ послужило во-время обнаруженное намѣреніе Альбы ввести въ городъ испанскій гарнизонъ. Граждане воспротивились принятію его, и съ помощію гейзовъ, которые подошли съ моря, успѣли отвратить угрожавшую имъ опасность. Не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ вся западная Фрисландія и Ватерландъ объявили себя въ пользу принца Оранскаго и приняли назначеннаго отъ него намѣстника. Кромѣ Энкейзена, власть его также была признана въ Горнѣ, Меденбликѣ, Алькмарѣ и другихъ городахъ той же области. Между тѣмъ какъ эти взрывы происходили одинъ за другимъ на сѣверѣ, другой еще менѣе ожиданный ударъ послѣдовалъ съ юго запада, угрожая отрѣзать сообщенія Альбы съ тыла. Графу Лудвигу Нассаускому, который проживалъ послѣднее время въ Парижѣ, а между тѣмъ не спускалъ глазъ съ Нидерландовъ, удалось наконецъ войти въ сношенія съ жителями Монса и съ ихъ помощію овладѣть самымъ городомъ. Отсюда онъ могъ дѣйствовать на Брабантъ и на другія провинціи. Эта значительная диверсія въ тылу герцога Альбы, отвлекавшая вниманіе и силы его отъ Зеландіи и Голландіи, рѣшила отпаденіе въ нихъ другихъ городовъ, которые до сихъ поръ медлили, удерживаемые страхомъ скораго мщенія. Прежде всего толчокъ сообщился острову Шувену (Schouwen), лежащему между Вальхереномъ и Ворне. Городъ Цирикзе объявилъ себя за принца Оранскаго. Перейдя отсюда въ Гол-

ландію, движеніе повторилось въ ней еще съ большею силою. Оно прошло теперь по всей сѣверной части провинціи до самыхъ дальнихъ ея оконечностей. Сначала перешли на сторону принца города Удеватеръ и Гуда, оба довольно близкіе къ Зеландіи. Тогда же присталъ къ общему движенію и городъ Лейденъ, лежащій далѣе на сѣверъ, въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Докторъ Павелъ Буисъ, занимавшій въ немъ должность пенсіонарія, былъ душою совѣта, который рѣшилъ отпаденіе. Тогда и Дордрехтъ склонился на ту же сторону. Города Горинхемъ и Боммель послѣдовали за нимъ. Наконецъ не устоялъ и богатый Гарлемъ. Далѣе лежали города, отторгнутые еще въ началѣ переворота, Энкейзенъ и другіе. Почти въ то же время сила удара сообщилась и восточнымъ провинціямъ, лежащимъ по ту и по другую сторону Исселя. Дѣйствуя отъ имени принца, графъ фанъ-деръ-Берге привелъ въ зависимость отъ него Цутфенъ, Десбургъ, Гаттумъ, Гардевикъ и другіе города. Отсюда, черезъ Амерсфортъ, искра перекинулась въ Нарденъ и также произвела пожаръ. Даже отдаленная Фрисландія, лежащая по ту сторону Зюдерзе, не хотѣла отстать отъ прочихъ областей. Въ ней также обнаружилось расположеніе въ пользу общаго дѣла, вслѣдствіе чего гейзы могли безпрепятственно занять Доккумъ и Ставеренъ, и графъ фонъ-Шауенбургъ утвердился во Франекерѣ, чтобы отъ имени принца принять въ свое управленіе вновь отпавшую провинцію.

Не такъ быстро переносится пламя, раздуваемое вѣтромъ, съ одного мѣста на другое, какъ разносились во всѣ стороны искры пожара, произведеннаго жестокими и неполитичными мѣрами герцога Альбы. Одинъ ненавистный „десятый пфеннингъ“ лишилъ его не одного десятка добрыхъ городовъ. Когда же пронесся слухъ, что Филиппъ II, и самъ недовольный своимъ намѣстникомъ, рѣшился отозвать его отъ управленія провинціями, тогда и самые робкіе, отсталые, начали открыто выставлять оранское знамя. Прошло еще нѣсколько времени, и города Роттердамъ, Дельфтъ, Верденъ и Шонговенъ примкнули къ союзу. Въ Голландіи удержался изъ большихъ городовъ лишь Амстердамъ, куда бросился Боссю съ бывшими у него испанскими полками. Между тѣмъ союзъ прочихъ городовъ смыкался все тѣснѣе и тѣснѣе для общаго дѣйствія. Въ Дордрехтѣ открылось собраніе голландскихъ штатовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ виновникомъ всего зачинанія опять былъ докторъ Буисъ, извѣстный уже намъ пенсіонарій города Лейдена. Онъ же потомъ былъ и самымъ

важнымъ органомъ собранія въ качествѣ его адвоката. Филиппъ фанъ-Мирниксъ, сеньоръ Сентъ-Альдегонде, одинъ изъ самыхъ умныхъ и ревностныхъ поборниковъ нидерландской реформы, принимавшій въ судьбахъ ея самое горячее участіе, явился на сеймъ отъ имени принца Оранскаго, требуя признанія его штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи и Утрехта, а графа фанъ-деръ-Марка — его намѣстникомъ [1]. Штаты не только изъявили полное согласіе на его требованіе, но сверхъ того еще приняли на себя обязательство доставлять принцу необходимыя вспоможенія для веденія войны. Эти рѣшенія положили основаніе политическому союзу сѣверныхъ провинцій и ихъ будущей независимости.

Самая природа страны, въ которой главнымъ образомъ сосредоточилось движеніе, представляла многія очень выгодныя условія для дальнѣйшихъ его успѣховъ [2]. Зеландія, состоящая вся изъ острововъ, образуемыхъ устьями Мааса и Шельды, была по самому своему положенію почти неприступна для дѣйствія сухопутныхъ силъ. Немногіе пункты, гдѣ еще оставались испанскіе гарнизоны, были отрѣзаны водою отъ подкрѣпленій, которыя могли бы быть подвинуты къ нимъ на помощь изъ внутреннихъ областей. Голландія также имѣла свои собственныя средства защиты. Прикрытая тройною преградою рѣкъ Мааса, Валя и Лека съ юга, Исселемъ съ востока и Гарлемскимъ озеромъ съ сѣвера, она не легко подвержена была нападеніямъ извнѣ. Но если бы даже непріятелю удалось проникнуть внутрь страны, онъ нашелъ бы тамъ для себя новыя препятствія во множествѣ рѣкъ, рукавовъ, озеръ и каналовъ, которыми провинція, особенно сѣверо-западная ея часть, прорѣзана въ различныхъ направленіяхъ, тогда какъ для туземцевъ они же могли бы послужить превосходнымъ средствомъ защиты, потому что всѣ эти внутреннія воды сообщаются между собою и открываютъ выходъ въ море. На этой почвѣ трудно было дѣйствовать даже пѣхотѣ, а конница и вовсе не могла быть употреблена въ дѣло. Кромѣ того, на случай крайней нужды, жители Голландіи имѣли въ своемъ распоряженіи одно отчаянное средство: имъ стоило только открыть шлюзы, чтобы впустить къ себѣ море, и застигнувъ непріятеля врасплохъ, угрожать

[1]) См. подробное изложеніе всей его многосторонней дѣятельности въ Revue des deux mondes, 1854, 1 и 15 Мая (3 статьи). — [2]) См. Van Kampen, I, 388—389.

ему потопленіемъ, или по крайней мѣрѣ лишить его всякой свободы движенія. Съ моря же Голландія была недоступна для большихъ военныхъ кораблей по мелководію. Здѣсь можно было съ пользою употреблять лишь небольшія суда, а голландцы всегда имѣли ихъ въ изобиліи. Располагая въ такомъ множествѣ естественными средствами обороны, чего не могло сдѣлать твердое и мужественное народонаселеніе страны, преданное своему дѣлу и непреклонное въ своихъ убѣжденіяхъ? Всего опаснѣе было для Голландіи зимнее время: она вдругъ лишалась всѣхъ выгодъ своего положенія, какъ скоро поверхность водъ ея покрывалась ледяною корою; но до зимы было еще далеко, и событія могли до того времени принять такой оборотъ, что всѣ опасенія были бы излишними.

Ужъ готовы были и военныя силы, чтобы прикрыть сѣверныя провинціи вооруженною рукою и предупредить нападеніе на нихъ. Принцъ Вильгельмъ Оранскій не даромъ оставался въ Германіи. Пользуясь своими связями съ протестантскими князьями имперіи, онъ успѣлъ собрать довольно сильное ополченіе, и только недостатокъ въ деньгахъ замедлилъ на нѣкоторое время походъ его къ нидерландскимъ границамъ. Наконецъ дордрехтскія рѣшенія дали ему возможность привести въ исполненіе давно задуманный планъ. Получивъ вспоможеніе отъ голландскихъ штатовъ, онъ тотчасъ двинулся впередъ, съ войскомъ, въ которомъ было 17000 пѣхоты и 7000 конницы и безпрепятственно перешелъ Рейнъ у Дюисбурга. Отсюда онъ направился къ Роремонде, взялъ его штурмомъ и открылъ себѣ переходъ черезъ Маасъ. Въ Брабантѣ кажется вовсе не ожидали его появленія. Большіе города, какъ-то: Мехельнъ, Лёвенъ, Дистъ, весьма мало расположенные въ его пользу, сдавались почти безъ сопротивленія. Другіе, какъ Дендермонде и Уденардъ, были взяты силою. Переправа черезъ Шельду также была въ рукахъ Вильгельма. Онъ могъ по произволу перейти рѣку и двинуться къ Генту, Брюгге, или, оставаясь на правомъ берегу Шельды, ударить прямо на Брюссель, который еще менѣе былъ закрытъ отъ него.

Вдругъ дѣла приняли неожиданный оборотъ. Противникъ Вильгельма былъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно застать неприготовленными, или которые теряются при видѣ угрожающей имъ опасности. Герцогъ Альба не потому не принималъ особенныхъ мѣръ для защиты Брабанта, чтобы не чувствовалъ себя въ силахъ дать отпоръ своему врагу, но потому, что дѣйствовалъ по другому, прежде обдуманному плану. Своимъ

вѣрнымъ взглядомъ онъ скоро понялъ, что ключъ къ твердой позиціи въ Нидерландахъ находился тогда въ Монсѣ, и мало заботясь о сѣверныхъ провинціяхъ, противъ него направилъ свои главныя усилія [1]). Монсъ былъ точкою соединенія голландскихъ патріотовъ и французскихъ гугенотовъ. Черезъ Монсъ они подавали другъ другу руку и всегда могли разсчитывать на взаимную помощь. Лишь благодаря французскому вспомогательному отряду, графъ Нассаускій могъ утвердиться въ этомъ городѣ. Пока тѣ, которые владѣли Монсомъ, угрожали съ тылу, испанцы ничего не въ состояніи были сдѣлать въ сѣверныхъ провинціяхъ. Поэтому первымъ дѣломъ Альбы было отправить къ Монсу сильный отрядъ подъ начальствомъ Дона Фадрика Толедскаго и Ноаркарма, съ приказаніемъ обложить городъ и отрѣзать ему всѣ сообщенія [2]). Помощь, которой защитники города ожидали себѣ изъ Франціи, не могла болѣе проникнуть къ нимъ, между тѣмъ какъ осаждающіе черезъ нѣсколько времени получили новое значительное подкрѣпленіе. Даже появленіе съ войскомъ принца Оранскаго въ нидерландскихъ предѣлахъ нисколько не измѣнило намѣреній Альбы. Получивъ извѣстіе о взятіи Роремонде, онъ писалъ къ королю, что все вниманіе его по прежнему обращено на Монсъ, и продолжалъ заниматься приготовленіями къ осадѣ его [3]). Многіе гарнизоны были вновь выведены изъ Голландіи, чтобы увеличить ими силы осаждающихъ. До того простиралась твердая рѣшимость герцога—во что бы то ни стало овладѣть Монсомъ, что онъ не побоялся ни присутствія принца Оранскаго въ самомъ Брабантѣ, ни даже опасности, угрожавшей Брюсселю, и отправился въ лагерь, чтобы лично управлять осадными работами и скорѣе привести все дѣло къ окончанію. Вспыхнувшая тогда Варѳоломеевская ночь въ Парижѣ убила и послѣднія надежды осажденныхъ на дѣятельное вспоможеніе со стороны Франціи. Вмѣсто того, чтобы итти къ Брюсселю, принцъ Оранскій долженъ былъ поспѣшить на помощь къ Монсу, который находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Скоро войско его показалось въ виду испанскаго лагеря, но напрасно старался онъ выманить своего про-

[1]) См Correspondance de Philippe II (par Gachard), t. II, p. 280: La soumission de cette ville était, à ses yeux, d'une si grande importance, qu'il a negligé pour elle tout le reste du pays (Изъ письма герцога Альбы къ Филиппу II). —Эта драгоцѣнная переписка, въ недавнее время извлеченная Г. Гашаромъ изъ Симанкскаго архива, вообще проливаетъ много новаго свѣта на дѣятельность Филиппа II и на его отношенія.—[2]) Ibid. p. 261, 263, 268.—[3]) Ibid. p. 270.

тивника изъ его укрѣпленій. Герцогъ Альба не измѣнилъ себѣ и на этотъ разъ: сохраняя свое обычное хладнокровіе, онъ оставался неподвиженъ внутри лагеря, и все дѣло ограничивалось лишь нѣкоторыми частными стычками [1]). Между тѣмъ положеніе Вильгельма съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: средства его истощались, а войско требовало денегъ. Послѣ долгаго выжиданія, онъ рѣшился самъ атаковать испанцевъ въ ихъ укрѣпленной позиціи, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Попытка ввести въ Монсъ подкрѣпленія также не удалась ему. Онъ отошелъ на нѣсколько миль въ сторону, въ надеждѣ лучше скрыть свое намѣреніе отъ непріятеля. Но за нимъ слѣдилъ неусыпный глазъ. Донъ Фадрикъ, высланный Альбою для наблюденій за движеніями принца, приблизился ночью къ его лагерю, а начальникъ передового отряда, Ромеро, проникъ почти до самой ставки Вильгельма и произвелъ въ непріятельскихъ рядахъ страшное смятеніе [2]). Въ ночной схваткѣ, которая продолжалась цѣлый часъ, принцъ Оранскій потерялъ много людей и долженъ былъ вовсе отказаться отъ своего намѣренія. Едва дождавшись разсвѣта, онъ бросилъ всѣ свои тяжести и началъ отступленіе. Обратный путь его лежалъ почти черезъ тѣ же мѣста, которыми онъ проходилъ прежде. Никто не преграждалъ ему пути и не старался безпокоить его преслѣдованіемъ, но, при истощеніи всѣхъ средствъ, собственныя войска становились ему въ тягость. Перейдя обратно Маасъ и Рейнъ, принцъ Оранскій распустилъ свое ополченіе.

Монсъ держался послѣ того лишь нѣсколько дней и наконецъ сдался на капитуляцію. Условія были очень выгодныя. Нетерпѣніе Альбы имѣть Монсъ въ своихъ рукахъ было такъ велико, что онъ не тянулъ переговоровъ и согласился отпустить не только весь гарнизонъ, но и самого графа Нассаускаго, къ которому питалъ особенную ненависть [3]), и къ общему удивленію, честно сдержалъ свое слово. Графъ могъ свободно выѣхать въ Германію. Тогда началась пацификація Брабанта. Беззащитные города, которые имѣли несчастіе видѣть въ своихъ стѣнахъ принца Оранскаго, и волею или неволею принимали — хотя на нѣсколько дней — его сторону,

[1]) Ibid. p. 277. Уже находясь въ лагерѣ подъ Монсомъ, Альба писалъ къ королю, чтобы онъ не безпокоился о томъ, что произошло въ Мехельнѣ и Терлинде: все опять придетъ въ порядокъ, какъ скоро будетъ взятъ Монсъ.— [2]) Ibid. p. 279. Ср. Allg. Gesch. III, p. 175—176. — [3]) См. Corresp. de Phil. t. II, p. 281: pour la haine particuliere qu'il (le duc d'Albe) porte au comte Louis.

должны были дорого поплатиться за эту невыгодную честь. Примѣрное наказаніе совершено было надъ городомъ Мехельномъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ призвалъ къ себѣ принца, собственно же за то, что не хотѣлъ содержать у себя испанскаго гарнизона. Онъ былъ преданъ трехъ-дневному разграбленію, которое сопровождалось убійствами и насиліями всякаго рода. Любопытно признаніе Эстебана Пратса, одного изъ секретарей испанскаго управленія въ Нидерландахъ, въ письмѣ къ Филиппу II. Онъ говоритъ, что съ жителями Мехельна поступлено было какъ съ варварами, и что резиденція католическаго архіепископа, примаса всей страны, потерпѣла не менѣе завоеваннаго турецкаго города. Не только разграблено все имущество — гвоздя не уцѣлѣло въ стѣнахъ. Но хуже всего тѣ невыносимыя мученія, которымъ подвергнуты были многія замужнія женщины, даже мальчики и дѣвочки, чтобы выпытать отъ нихъ, гдѣ скрыто было серебро и золото. Нѣкоторыя были такимъ образомъ замучены до смерти [1]). Мнѣніе самого Альбы было таково, что жители Мехельна заслуживали еще большаго наказанія [2]). Какъ бы то ни было, страшный примѣръ скоро подѣйствовалъ: всѣ прочіе города спѣшили изъявленіемъ совершеннѣйшей покорности отклонить отъ себя гнѣвъ страшнаго мстителя, и въ короткое время во всемъ Брабантѣ не осталось никакихъ видимыхъ слѣдовъ недавняго движенія.

Теперь пришла очередь другихъ провинцій. Къ несчастію для нихъ, критическая минута наступила въ такое время, когда уже приближалась зима, и страна съ каждымъ днемъ становилась доступнѣе для внѣшняго нападенія. Положено было начать съ Гельдерна, какъ съ ближайшей и вмѣстѣ самой открытой области. Въ совѣтѣ, который былъ держанъ въ концѣ октября (1572), герцогъ Альба рѣшилъ отправить Дона Фадрика съ войскомъ къ Цутфену, а самъ вмѣстѣ съ герцогомъ Медина-Сели хотѣлъ остаться на нѣкоторое время въ Нимвегенѣ, не считая пока нужнымъ своего присутствія при арміи, всего же болѣе избѣгая лишнихъ расходовъ [3]). Цутфенъ прежде другихъ привлекъ на себя грозу, за то особенно, что въ послѣднее время служилъ мѣстопребываніемъ Вильгельму, который укрывался здѣсь съ небольшимъ остаткомъ своего ополченія. Судьба несчастнаго города рѣшилась довольно скоро. На другой же день послѣ совѣщанія Донъ Фадрикъ

[1]) См. письмо Эстебана Пратса подъ № 1185. Corr. de Phil. II, p. 299.— [2]) Ibid. p. 283. (Письмо Альбы подъ № 1165).—[3]) Ibid. p. 294. Ср. также p. 291.

выступилъ изъ Нимвегена, провелъ нѣсколько дней въ Дюисбургѣ въ ожиданіи своей артиллеріи, потомъ, переправившись черезъ Рейнъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ переходилъ принцъ Оранскій, явился передъ Цутфеномъ и обложилъ его со всѣхъ сторонъ—между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы не выпускать никого изъ города. Онъ имѣлъ отъ отца положительное приказаніе—не оставлять въ живыхъ ни одного человѣка и зажечь самый городъ въ нѣсколькихъ частяхъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что, когда Карлъ V сожегъ Дюренъ, то будто бы въ одинъ день покорился ему весь Гельдернъ [1]). Воля герцога Альбы была исполнена почти буквально. Онъ самъ разсказываетъ о событіи въ письмѣ къ королю. Цутфенъ держался недолго; не болѣе какъ черезъ пять дней послѣ открытія осады, испанцы проникли во внутренность города. По словамъ самого Альбы, жители оказали лишь слабое сопротивленіе; несмотря на то, приговоръ, произнесенный надъ ними заранѣе, былъ исполненъ во всей точности. Большая часть изъ нихъ были избиты на мѣстѣ какъ попало, а нѣкоторые, болѣе значительные плѣнники, повѣшены за ноги. Спаслись только тѣ, которые успѣли бѣжать заблаговременно. „Такъ положено было начало"—говоря словами того же донесенія—„счастливому окончанію дѣлъ" [2]). Къ этому извѣстію надобно прибавить, что, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, граждане Цутфена думали предупредить угрожающую имъ катастрофу и уже изъявили готовность сдаться, но испанцы нарочно сдѣлали видъ, будто берутъ городъ приступомъ, и вошли не въ ворота, а черезъ валъ, чтобы имѣть нѣкоторое право на жестокое обращеніе съ жителями [3]). Потребность справедливости такъ врождена человѣку, что самое грубое насиліе считаетъ за нужное прикрываться видомъ правоты, хотя бы имѣло только нѣмыхъ свидѣтелей своихъ дѣйствій.

Несчастная участь, постигшая Цутфенъ, скоро отозвалась на всей странѣ, лежащей по правую сторону Исселя. Всякая тѣнь сопротивленія должна была исчезнуть передъ превосходными силами испанцевъ и ихъ презрѣніемъ къ самымъ первымъ основаніямъ народнаго права. Города Лохемъ и Десбургъ подали примѣръ безусловной покорности, за ними послѣдовали другіе. Принцъ Оранскій нѣкоторое время не терялъ еще надежды удержать за собою хоть часть Гельдерна

1) См. Corresp. de Phil. II, p. 295. (Письмо Альбы подъ № 1180). — 2 Ibid. — 3) См. Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 180.

и Овериссель, но скоро онъ опечаленъ былъ вѣстью, что даже намѣстникъ его въ этихъ провинціяхъ, графъ фанъ-деръ-Берге, которому поручено было ихъ управленіе и защита, бѣжалъ изъ Кампена со всѣмъ семействомъ и имуществомъ, и что всѣ почти гельдернскіе города покинуты своими гарнизонами. Тогда оказалась полная невозможность держаться въ Овериsселѣ, со всѣхъ сторонъ открытомъ непріятельскому нашествію. Вслѣдъ за тѣмъ потеряна была и Фрисландія. Хотя она давно уже имѣла своего національнаго штатгальтера въ лицѣ графа фонъ-Шауенбурга, но въ одной части ея все еще держался Билли (Billy), утвержденный въ томъ же званіи испанскимъ намѣстникомъ. Событія въ Гельдернѣ вывели его изъ бездѣйствія и въ короткое время доставили ему рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ. Единственный отрядъ нассаускихъ войскъ, стоявшій въ Фрисландіи, былъ разбитъ и разсѣянъ имъ, и намѣстникъ Вильгельма принужденъ былъ оставить ввѣренную ему провинцію, послѣ чего города снова объявили себя испанскими. Возвратное движеніе сообщилось даже области Велау (Velau), лежащей по другую сторону Исселя и сопредѣльной съ Утрехтомъ. Толчокъ вышелъ изъ Кампена и отозвался почти по всему юго-восточному берегу Гарлемскаго озера. Города Гаттумъ, Гедельбургъ, Гардевикъ и Армерсфортъ покорились прежде, чѣмъ вынуждены были къ тому силою, или завидѣли хотя издали испанское войско. Устояла лишь западная половина провинціи, или собственный Утрехтъ, отдѣляющійся отъ Велау небольшою рѣкою.

Вильгельму не оставалось ничего болѣе, какъ искать убѣжища въ Голландіи и стараться спасти ее вмѣстѣ съ Зеландіею отъ разлива вторичнаго испанскаго завоеванія и сопровождавшихъ его ужасовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ еще время созвать голландскіе штаты въ Гарлемѣ и принять вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя мѣры для защиты страны [1]). Отсюда онъ отправился въ Лейденъ, по близости котораго собралъ большую часть своихъ морскихъ силъ, находившихся до сего времени у зеландскихъ береговъ. Между тѣмъ гроза подвигалась все ближе и ближе. Герцогъ Альба вовсе не думалъ пугаться трудностей, которыя ожидали его въ двухъ остальныхъ провинціяхъ. Намѣреніе его привести къ покорности всю Зеландію и Голландію было неизмѣнно. О Зеландіи онъ

[1]) Corresp. de Phil. t II, p. 295.

имѣлъ случай позаботиться еще прежде, когда приверженцы Вильгельма, утвердившись на о. Вальхеренѣ и Шувенѣ, начали угрожать отсюда о. Бевельланду и обложили Гѣсъ (Ter Goes), самый крѣпкій городъ на немъ. Полковнику Мондрагону, стоявшему въ Берген-оп-Цомѣ, велѣно было съ тремя тысячами немедленно итти на помощь осажденнымъ. Этотъ вспомогательный отрядъ совершилъ истинный подвигъ. Чтобы перебраться съ твердой земли на островъ, воспользовались первымъ отливомъ. Люди шли цѣлые четыре часа по поясъ и даже по грудь въ водѣ, и потомъ еще должны были пройти двѣ мили почти по колѣно въ грязи [1]). Противная сторона такъ была поражена ихъ появленіемъ, что не посмѣла тотчасъ же напасть на нихъ и дала имъ оправиться въ продолженіе ночи. На другой день Мондрагонъ самъ ударилъ на непріятеля и заставилъ его очистить островъ съ большою потерею. Такимъ образомъ Бевельландъ не только былъ сохраненъ, но и обезпеченъ на будущее время отъ нападенія. Кромѣ того испанскій гарнизонъ попрежнему занималъ Миддельбургъ и держалъ въ постоянномъ страхѣ жителей Вальхерена. Но главный свой ударъ Альба направлялъ противъ Голландіи. Покореніе области Велау открывало ему путь въ нее. Ужъ въ концѣ ноября, на новомъ нимвегенскомъ совѣтѣ, гдѣ въ послѣдній разъ присутствовалъ герцогъ Медина-Сели, послѣ того окончательно разладившій съ Альбою, рѣшено было наступательное движеніе противъ Голландіи [2]). Предпріятіе было отложено на нѣкоторое время лишь потому, что наступила оттепель; но скоро опять начались морозы, Маасъ покрылся льдомъ, словомъ—пришла пора, когда походъ въ Голландію могъ состояться безъ особенныхъ трудностей. Герцогъ Альба и на этотъ разъ не счелъ нужнымъ лично находиться при арміи: онъ остался до усмотрѣнія въ Нимвегенѣ (что́ и было причиною послѣдней ссоры его съ герцогомъ Медина-Сели) и поручилъ начальство надъ экспедиціоннымъ отрядомъ сыну своему, Дону Фадрику Толедскому.

Никто не былъ достойнѣе Дона Фадрика носить имя своего отца [3]). Онъ былъ правою рукою герцога Альбы и вѣрнымъ исполнителемъ его предначертаній. Путь его дол-

1) Ibid. p. 290; ср. Al'g. Gesch. p 177. — 2) См. письма герц. Медина-Сели и гер. Альбы въ Corresp. de Phil. II. p. 296 — 297.—3) En toutes occa sions— писалъ Филиппъ II къ герцогу Альбѣ — Don Fadrique montre bien qu'il est votre fils. См. Corresp. de Phil., t. II, p. 310.

женъ былъ лежать на Амстердамъ, гдѣ еще держалась испанская партія съ помощію стоявшаго тамъ отряда испанскихъ войскъ. На этомъ пути единственный твердый пунктъ былъ городокъ Нарденъ у южнаго берега Гарлемскаго озера. Незадолго передъ тѣмъ Боссю, находившійся въ Утрехтѣ, требовалъ отъ него сдачи, но получилъ отказъ. Жители удержали силою гарнизонъ, который весь состоялъ—даже по показанію самого Альбы—не болѣе какъ изъ 300 человѣкъ, и затворили ворота города. Они никакъ не ожидали скорого появленія Дона Фадрика, въ надеждѣ, что ему долго еще придется простоять подъ стѣнами крѣпкаго Бюрена, по другую сторону Рейна. Вдругъ узнаютъ, что онъ ужъ въ Амерсфортѣ, т. е. на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль. Бѣдные нарденцы упали духомъ и поспѣшили отправить въ испанскій лагерь депутацію, чтобы предложить ключи города и просить о пощадѣ. Но было уже поздно. Депутатовъ переняли на дорогѣ и воротили ихъ назадъ съ обѣщаніемъ, что жизнь и собственность гражданъ останутся неприкосновенными. Между тѣмъ Донъ Фадрикъ пошелъ къ городу, самъ сталъ у однихъ воротъ, а двое другихъ поручилъ стеречь Юліану Ромеро, который находился у него подъ командою. Герцогъ Альба увѣряетъ въ своемъ донесеніи, что жители Нардена оказали нѣкоторое сопротивленіе, и что испанцы вошли въ городъ силою; но мѣстные историки положительно утверждаютъ, что городъ былъ взятъ обманомъ, при чемъ никто не думалъ сопротивляться [1]). Какъ бы то ни было, Юліанъ Ромеро, вступивъ въ городъ, пригласилъ жителей и оставшійся въ немъ гарнизонъ, впрочемъ безъ оружія, собраться въ одной церкви для принесенія присяги. Большая часть гражданъ явилась на призывъ. Тогда имъ объявлено было, что они должны немедленно готовиться къ смерти. Началось страшное смятеніе. Въ это самое время вооруженные испанцы ворвались внутрь зданія и съ яростію напали на беззащитныхъ. Никогда еще помостъ христіанскаго храма не обагрялся такимъ множествомъ неповинной крови. По словамъ нидерландскихъ историковъ, изъ всего многочисленнаго собранія лишь четыре человѣка спаслись отъ избіенія; но Альба хвалится, что не спаслось ни одного. Еще не насы-

[1]) См. Corresp. de Phil. II, p. 300—301.—Ср. Allg. Gesch. d. verein. Niederlan. 111, p. 182.—Strada (Hist. de la guerre de Flandre) также не упоминаетъ о сопротивленіи.

тившись кровію, такъ безчеловѣчно пролитою въ виду святыни, солдаты разсыпались по городу, чтобы добывать себѣ новыхъ жертвъ. Они нашли ихъ во множествѣ и долго еще тѣшились надъ ними, какъ дикіе звѣри, не разбирая ни пола, ни возраста. Однихъ кололи, другихъ рубили въ куски, нѣкоторыхъ располосывали какъ рыбу. Не было пощады ни больнымъ, которые не могли поднять руки на свою защиту, ни беременнымъ женщинамъ, ни малолѣтнимъ дѣтямъ. Рядомъ съ убійствомъ свирѣпствовало скотское насиліе. Ему тоже равны были всѣ возрасты, оно тоже не смущалось никакимъ положеніемъ женщины. Но закроемъ скорѣе отъ глазъ эту отвратительную картину: ее не можетъ выносить долго, даже только по воспоминанію, образованная мысль нашего времени. Лишь ради исторической вѣрности мы должны прибавить, что эти позорящія человѣчество сцены засвидѣтельствованы несомнѣнными показаніями современниковъ. Въ заключеніе всего Нарденъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ, и зарево пожара освѣтило послѣднія буйныя вакханаліи Юліана Ромеро и его достойныхъ сподвижниковъ [1]).

Чтобы нѣсколько очистить свою совѣсть передъ Филиппомъ, который уже выразилъ свое неудовольствіе за разграбленіе Мехельна, герцогъ Альба писалъ ему, что конечно только „попущеніемъ Божіимъ" жители Нардена были до того ослѣплены, что рѣшились противопоставить ему сопротивленіе: ибо никому бы другому на ихъ мѣстѣ не пришло въ голову защищаться въ такомъ городѣ, который не имѣетъ для того почти никакихъ средствъ [2]). Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, сами они привлекли на себя наказаніе, которое вполнѣ заслуживали. Дополняя этими чертами свое донесеніе, Альба не догадывался, что писалъ самъ на себя обличеніе передъ судомъ потомства!

Нѣмой ужасъ овладѣлъ страною при вѣсти о цутфенскихъ и нарденскихъ происшествіяхъ. Навсегда порваны были послѣднія связи между провинціею и ея фанатическими притѣснителями. Каковы бы ни были впредь успѣхи испанскаго оружія въ Голландіи, оно уже не въ состояніи было возста-

[1]) По словамъ фанъ-Кампена; самое живое описаніе нарденскихъ событій находится у Гофта, извѣстнаго автора нидерл. исторіи (Hooft, Nederl. Hist. VII). Къ сожалѣнію, мы не могли имъ пользоваться и взяли приведенныя нами черты изъ «Всеобщ. исторіи Нидерл. штатовъ», которой всѣ показанія основаны на достовѣрныхъ источникахъ.—[2]) Corresp. de Phil. ibid.

новить утраченныя симпатіи ея народонаселенія. Къ религіозному раздѣленію присоединилась еще ненависть политическая. Вражда проникла до самой глубины народнаго духа, и зло было болѣе неисправимо. Отнынѣ до окончательной развязки возможна была только борьба на жизнь и смерть между двумя противными сторонами. Отчаяніе внушало мужество самымъ робкимъ сердцамъ. Гдѣ недавно еще господствовало уныніе, тамъ явилась непреклонная рѣшимость сопротивленія до тѣхъ поръ, пока не будутъ истощены всѣ возможныя человѣческія усилія. Самые беззащитные города находили себѣ героическихъ защитниковъ въ своихъ мирныхъ жителяхъ. Лучше честно пасть на валахъ или на стѣнахъ родного города — думали они — чѣмъ недостойно погибнуть отъ руки безчеловѣчнаго палача, и смѣло шли на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, нерѣдко удивляя своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ самыхъ опытныхъ воиновъ. Не иначе, какъ дорогою цѣною—страшною потерею людей и безполезною тратою времени—приходилось испанцамъ покупать каждый свой шагъ впередъ, а между тѣмъ возрастающее число жертвъ лишь увеличивало ожесточеніе туземцевъ, и надежда на возстановленіе испанскаго авторитета въ прежнемъ его значеніи и силѣ съ каждымъ днемъ становилась несбыточнѣе.

Первые города, стоявшіе на роковой очереди послѣ Нардена, были Гарлемъ и вслѣдъ за нимъ Лейденъ. Оба они такъ глубоко замѣшаны были въ дѣло независимости Голландіи, что ни одинъ изъ нихъ не могъ надѣяться избѣжать преслѣдованія отъ руки того же безпощаднаго мстителя. Бѣдствіе, постигшее Нарденъ, грозило повториться надъ ними еще въ большей степени. Въ самомъ дѣлѣ, еще на рукахъ Дона Фадрика не остыла кровь отъ нарденскихъ убійствъ, какъ уже онъ двинулся съ своимъ ополченіемъ далѣе въ глубину Голландіи. Путь его лежалъ на Амстердамъ, единственный пунктъ въ цѣлой провинціи, гдѣ еще испанцы находили себѣ нѣкоторое сочувствіе, благодаря торговымъ расчетамъ жителей. Непріятель могъ потерпѣть вредъ развѣ только передъ самымъ вступленіемъ въ городъ, отъ дѣйствія голландской флотиліи; но былъ уже декабрь мѣсяцъ, вода около плотины покрылась льдомъ, и суда должны были держаться въ значительномъ отдаленіи отъ нея. Прибывши въ Амстердамъ, Донъ Фадрикъ ждалъ изъявленія покорности со стороны другихъ городовъ, которые особенно имѣли причины опасаться его скораго мщенія: но надежды его сбылись только въ половину. Гарлемъ,

которому угрожало первое нападеніе, сначала поддался невольному страху и выслалъ отъ себя въ Амстердамъ трехъ депутатовъ, прося лишь нѣсколько дней на размышленіе. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, граждане Гарлема собрались снова, и чувство страха мгновенно исчезло передъ неожиданнымъ взрывомъ патріотическаго негодованія. На вызовъ Вайбута фанъ-Рипперды (Wybout von Ripperda) — вспомнить участь Мехельна, Цутфена и Нардена и лучше защищаться до послѣдней крайности, чѣмъ ждать пощады отъ вѣроломнаго врага, немедленно послѣдовало согласіе всего многочисленнаго собранія [1]). Тотчасъ открыты были сношенія съ принцемъ Оранскимъ, находившимся тогда въ Дельфтѣ, и приняты необходимыя мѣры для обороны. Вильгельмъ не заставилъ гарлемцевъ долго ждать отвѣта. По его разпоряженію, отрядъ войска, состоявшій изъ нѣмецкихъ и валлонскихъ ратниковъ и занимавшій до сего времени Ватерландъ, былъ подвинутъ на югъ, и одна часть его вступила въ Гарлемъ, а другая расположилась гарнизономъ въ Лейденѣ, которому грозило то же самое бѣдствіе. Черезъ нѣсколько времени Марниксъ Сентъ-Альдегонде, явившись отъ имени принца въ Гарлемѣ, совершенно измѣнилъ въ немъ составъ муниципальнаго совѣта. Горячіе патріоты получили въ немъ рѣшительный перевѣсъ надъ боязливыми приверженцами мира. Возвратившіеся изъ Амстердама депутаты были встрѣчены самымъ недружелюбнымъ образомъ. Жребій былъ брошенъ, и Гарлемцы, затворивъ ворота своего города и занявъ ведущіе къ нему проходы, спокойно ждали приближенія грознаго непріятеля.

Героическая защита Гарлема безспорно принадлежитъ къ числу величайшихъ оборонительныхъ подвиговъ въ новой исторіи. Рѣдко гдѣ истощено было столько единодушныхъ усилій осажденными противъ искуснаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ непріятеля, рѣдко когда упорство осаждающихъ встрѣчало противъ себя столько настойчивое и непоколебимое мужество при недостаточныхъ средствахъ искусственной обороны. Самъ герцогъ Альба не присутствовалъ лично при осадѣ, оставаясь большею частію въ Нимвегенѣ, но опытный глазъ его неуклонно слѣдовалъ за всѣми ея операціями, которыми управлялъ сынъ его, Донъ Фадрикъ Толедскій, пользовавшійся полною довѣренностію своего отца. Съ Дономъ Фадрикомъ были и всѣ лучшіе капитаны той же арміи, Ноаркармъ, Сапата,

[1]) Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 185.

Карвахаль, Ромеро и другіе, все люди испытанной храбрости, давно уже заслужившіе себѣ извѣстность въ бояхъ [1]). Нечего говорить о самомъ войскѣ, которое было подъ начальствомъ этихъ вождей: по мужественной твердости, строгой дисциплинѣ и военной опытности оно справедливо считалось тогда первымъ въ Европѣ. Число всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ командою Дона Фадрика во время осады, простиралось до 30,000 [2]). Сверхъ того отецъ прислалъ ему 3,000 люттихцевъ для копанія траншей и другихъ земляныхъ работъ. Что̀ могли противопоставить этимъ силамъ осажденные? Свои старыя стѣны съ башнями и рвами и нѣсколько вновь возведенныхъ укрѣпленій, да отъ 3 до 4,000 наемныхъ ратниковъ, большею частію нѣмцевъ и воллонцевъ [3]). Гарлемцы думали было заградить путь испанцамъ на высокой Спарендамской плотинѣ, которая ведетъ къ городу отъ Амстердама: они мужественно встрѣтили испанскій авангардъ и можетъ-быть успѣли бы остановить его, но въ это время Юліанъ Ромеро съ другимъ отрядомъ обошелъ плотину по льду, ударилъ въ тылъ противникамъ и заставилъ ихъ отступить съ большимъ урономъ. Еще ничего не видя, малочисленный гарлемскій гарнизонъ потерялъ уже до 300 человѣкъ. Между тѣмъ принцъ Оранскій успѣлъ собрать въ Лейденѣ отъ 4 до 5000—пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы при четырехъ орудіяхъ и выслалъ ихъ подъ начальствомъ извѣстнаго Лумея, или графа фанъ-деръ-Марка, на выручку гарлемцамъ. Но едва только онъ показался въ виду города, какъ Ноаркармъ, Ромеро и самъ Донъ Фадрикъ напали на него съ различныхъ сторонъ, сбили и разсѣяли весь отрядъ и отняли у него какъ артиллерію, такъ и весь багажъ. Самъ Лумей едва спасся бѣгствомъ [4]). Ободренные первыми своими успѣхами, испанцы не сомнѣвались, что однимъ смѣлымъ и быстрымъ ударомъ можно покончить все дѣло. Послѣ нѣсколькихъ дней сильнаго бомбардированія назначенъ былъ приступъ къ городу. Напоръ былъ страшенъ своею стремительностію, но здѣсь первые испанцы грудь съ грудью столкнулись съ настоящими защитниками Гарлема и встрѣтили столько же сильный отпоръ. Главная оборонительная сила осажденныхъ заключалась не столько въ малочисленномъ гарнизонѣ, сколько въ нихъ самихъ, въ ихъ собственномъ единодушіи, мужествѣ и самоотверженіи. Они дѣлили съ сол-

[1]) См. Corresp. de Phil t. II, p. 301.—[2]) Allg. Gesch. III, p. 186.—[3]) Ibid. p. 185. Ср. также Corresp. II. p. 305. — [4]) См. Corr. de Phil. II, p. 302; ср. Allg. Gesch. p. 186.

датами всѣ опасности и дѣйствовали за одно съ ними внутри укрѣпленій. Днемъ они стояли на стѣнахъ, ночью закладывали проломы и насыпали новые валы позади старыхъ. Во время приступа, пока одни сражались, другіе, стоя на стѣнахъ, сыпали съ нихъ горячую золу, или кипящую смолу, масло и растопленный свинецъ на осаждающихъ. Испанцы понесли чувствительную потерю въ людяхъ и должны были повести правильныя траншеи и мины. Но осажденные не хотѣли уступить имъ ни шагу: то безпокоили ихъ вылазками, то сами вели подкопы. Работы осаждающихъ шли довольно медленно; холодныя зимнія ночи производили свое опустошеніе въ не защищенномъ отъ морозовъ испанскомъ лагерѣ; Донъ Фадрикъ потерялъ терпѣніе и велѣлъ готовиться къ новому приступу [1]). Нападеніе сдѣлано было во время глубокой ночи; большая часть осадныхъ войскъ были призваны къ участію въ дѣлѣ; приступъ къ городу послѣдовалъ вдругъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Однако неутомимые защитники Гарлема и на этотъ разъ не дали застать себя въ расплохъ. На всѣхъ пунктахъ нападающіе встрѣтили ту же неусыпную бдительность и то же стойкое мужество. Ужъ на одномъ крылѣ они овладѣли рвомъ, взобрались на стѣну и думали, что скоро весь городъ будетъ въ ихъ власти, какъ, подвигаясь далѣе, къ удивленію своему, увидѣли другой, внутренній ровъ, гдѣ ожидало ихъ гораздо болѣе упорное сопротивленіе. Завязавшаяся здѣсь новая борьба кончилась отступленіемъ осаждающихъ. Другое крыло имѣло еще менѣе успѣха. Оно попало на мину, которая своимъ удачнымъ взрывомъ разстроила непріятельскіе ряды и остановила дальнѣйшее ихъ движеніе. Потерявши много людей и ничего не сдѣлавши, испанцы должны были ударить отбой и возвратиться на свою прежнюю позицію. Герцогъ Альба, донося объ этомъ дѣлѣ Филиппу II, не могъ скрыть передъ нимъ своего опасенія за успѣшный исходъ всего предпріятія [2]).

Героизмъ защитниковъ Гарлема сообщился и самымъ женщинамъ. Онѣ также не хотѣли уступить мужьямъ въ мужествѣ и не только помогали имъ при оборонѣ, но сами становились въ ряды и защищались съ оружіемъ въ рукахъ. Особенно прославилась между ними своею неустрашимостію Кен-

1) Въ концѣ января 1573, см. Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 186; ср. донесеніе Альбы въ Corr. de Phil. II, p. 310 — 312. — 2) „Plaise à Dieu, que les choses aillent bien! Pour dire la verité à V. M. j'ai beaucoup d'apprehension", etc

нава Симонсъ Гасселаръ, женщина 46 лѣтъ, вдова одного изъ жителей Гарлема. О подвигахъ ея съ удивленіемъ говорятъ даже тѣ писатели, которые явно держатъ сторону испанцевъ [1]). Подъ начальствомъ Кеннавы дѣйствовалъ цѣлый особый отрядъ, состоявшій изъ 300 гарлемскихъ женщинъ. Онѣ несли всю военную службу наровнѣ съ солдатами, сражались на городскихъ стѣнахъ и участвовали въ самыхъ вылазкахъ. Ими предводительствовала обыкновенно сама героиня, вооруженная копьемъ и шпагою и даже огнестрѣльнымъ оружіемъ. Какъ могли упасть духомъ мужественные защитники города, когда женщины подавали имъ примѣръ доблести?

Въ испанскомъ лагерѣ, напротивъ того, все больше и больше распространялось уныніе. Разочарованіе осаждающихъ было тѣмъ сильнѣе, что они принесли съ собою самое невыгодное понятіе о своихъ противникахъ. Два неудачные приступа нанесли сильный ударъ ихъ гордой самонадѣянности. Между тѣмъ погода стояла очень суровая, и такъ какъ лагерь представлялъ очень мало защиты отъ холода, то число больныхъ въ немъ безпрестанно увеличивалось, а между здоровыми начались побѣги, которые не было возможности прекратить [2]). Была одна минута, когда уныніе до такой степени овладѣло самимъ предводителемъ, что онъ писалъ къ отцу о необходимости снять осаду. Но герцогъ Альба былъ непреклоненъ. Ему оскорбительна казалась самая мысль объ отступленіи. Навѣрное можно сказать, что въ другое время онъ самъ принялъ бы начальство надъ осадою; но какъ болѣзнь продолжала удерживать его въ Нимвегенѣ, то онъ довольствовался лишь тѣмъ, что написалъ сыну, что вызоветъ мать его изъ дому и поручитъ ей вести предпріятіе [3]). Донъ Фадрикъ устыдился позора и взялся за дѣло съ новою ревностію.

Долго еще потомъ тянулась борьба съ перемѣннымъ счастіемъ и съ перемѣнными успѣхами. Не только ни одна сторона не хотѣла уступить, но каждая еще далѣе хотѣла расширить кругъ своихъ дѣйствій, такъ что къ Гарлему приливали тогда всѣ жизненныя силы Голландіи и къ нему же притягивались всѣ средства, какими только враги его могли располагать въ нидерландскихъ провинціяхъ. Съ одной стороны герцогъ Альба истощалъ всѣ усилія, чтобы увеличить свои

[1]) Strada подъ 1572 годомъ: Elles (les femmes de Harlem) estoient animées par Kannava, elles ne donnerent pas moins courage à la ville, que d'admiration aux ennemis (франц. перев. париж. изд. стр.548). — [2]) См. Corresp. de Phil. t. II, p. 312; ср. также p. 315.—[3]) Allg. Gesch. III, p. 188.

денежныя средства новыми пособіями и умножить численныя силы осаждающихъ. Въ своихъ письмахъ къ Филиппу II онъ непрестанно и неотступно требовалъ отъ него вспоможеній какъ деньгами, такъ и войсками [1]). 5000 лучшихъ испанскихъ войскъ, какія только были въ Ломбардіи, вызваны были имъ вновь въ Голландію. Въ то же самое время Боссю, все еще носившій титло штатгальтера той же провинціи, не переставалъ съ помощію амстердамцевъ дѣлать диверсіи на сѣверѣ. Съ другой стороны впрочемъ и принцъ Оранскій не оставался безъ дѣйствія. Онъ старался въ свой чередъ всѣми возможными мѣрами увеличить средства защитниковъ Гарлема и развлечь непріятеля: высылалъ къ нимъ военные запасы, возбуждалъ къ содѣйствію другіе города, снаряжалъ цѣлыя флотиліи и посылалъ ихъ тревожить осаждающихъ и отрѣзывать у нихъ сообщенія. Борьба происходила столько же подъ стѣнами города, сколько и въ окрестностяхъ, на значительномъ отъ него разстояніи. Гарлемцы поддерживали постоянныя сношенія съ Вильгельмомъ посредствомъ голубиной почты, и знали о всѣхъ его распоряженіяхъ, пока испанцы не угадали секрета и не перестрѣляли воздушныхъ почтальоновъ. Но мужественные защитники города и послѣ того не потеряли духа. Какъ скоро чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ или въ порохѣ, цѣлыя партіи удальцевъ, съ мѣшкомъ на шеѣ и двумя пистолетами за поясомъ, выходили изъ города, съ помощію длинныхъ шестовъ перескакивали черезъ рвы и канавы и старались незамѣтно проскользнуть между испанскими часовыми. Кто попадался въ руки къ испанцамъ, тотъ былъ неотмѣнно повѣшенъ; но многіе невредимо возвращались назадъ съ полными мѣшками [2]).

Приближавшаяся весна, казалось, должна была измѣнить взаимное положеніе противниковъ. Ждали, что, когда вскроются рѣки и каналы, осаждающіе лишатся возможности держать городъ въ тѣсной блокадѣ со всѣхъ сторонъ, и подвозъ въ него припасовъ будетъ гораздо свободнѣе. Но, къ сожалѣнію, событія не оправдали ожиданій. Донъ Фадрикъ принялъ самыя энергическія мѣры, чтобы отнять у гарлемцевъ послѣднія надежды. Первымъ сильнымъ ударомъ для нихъ было пораженіе голландскаго флота и находившагося на немъ отряда войскъ, который назначался на вспоможеніе осажденнымъ,

[1]) См. напр. письма его отъ 12 фев. и 24 того же мѣсяца и пр. Corresp. de Phil. II, p. 315—317.—[2]) Allg. Gesch. III, p. 189—190.

послѣ чего они не могли болѣе ожидать себѣ ни помощи, ни подвоза со стороны Гарлемскаго озера. Остатки разбитаго флота только тѣмъ спаслись отъ преслѣдованія, что ушли въ лейденскій каналъ и стали подъ защитою береговыхъ укрѣпленій [1]). Вильгельмъ надѣялся отплатить осаждающимъ тою же монетою и принялъ свои мѣры, чтобы заградить въ ихъ лагерь подвозъ припасовъ, которые шли къ нимъ съ рр. Амстеля и Фехта по Димерскому озеру (Diemersee). Для этой цѣли возведены были въ нѣсколькихъ мѣстахъ окопы и въ двухъ изъ нихъ поставлены вооруженные отряды, одинъ подъ начальствомъ Соноя, другой—Фига. Но ни то, ни другое укрѣпленіе не могли долго держаться. Амстердамцы раззорили первое, а испанскій отрядъ подъ начальствомъ де-Тассисъ, вышедшій изъ Утрехта, сорвалъ второе. Въ то же почти время Франциско Вальдесъ выгналъ Батенбурга изъ Оуверкерка на Амстелѣ. Жителямъ Бюрена также не удалось ихъ отчаянное предпріятіе прорвать плотину р. Лека, чтобы затопить окрестную страну и отрѣзать подвозъ въ лагерь съ юга. Такимъ образомъ Гарлемъ лишился всѣхъ естественныхъ выгодъ своего положенія.

Наступило время тяжелыхъ нуждъ и лишеній. Помощи со стороны не предвидѣлось ниоткуда. Нѣкоторое время принцъ Оранскій простиралъ свои виды на Англію; но герцогъ Альба умѣлъ предупредить его и связалъ руки Елизаветѣ во время заключенною съ нею дружелюбною конвенціею, хотя и вопреки волѣ короля [2]). Въ осажденномъ городѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе чувствовался недостатокъ продовольствія. Запасъ хлѣба наконецъ до того истощился, что едва доставало его для гарнизона; что же касается до жителей, то они должны были питаться чѣмъ попало. Мололись въ муку зерна, которыя никогда не назначались въ пищу, лошадиное мясо становилось лакомымъ кускомъ. Когда до Вильгельма дошли вѣсти о крайнемъ положеніи мужественныхъ защитниковъ Гарлема, онъ рѣшился сдѣлать еще одно усиліе, чтобъ помочь имъ въ нуждѣ. Изъ Дельфта, гдѣ до сихъ поръ было его мѣстопребываніе, онъ переѣхалъ въ Лейденъ и учредилъ военный лагерь въ Зассемѣ (почти на срединѣ пространства между Лейденомъ и Гарлемомъ [3]). Ко всѣмъ голландскимъ городамъ сдѣлано было воззваніе, чтобы

[1]) См. Corresp. de Phil. II, p. 364. — [2]) См. Corresp. de Phil. II, p. 307—314. Конвенція заключена 15 марта 1573 года. Ibid. p. 318. —[3]) Ibid. p. 372.

„кто любитъ принца“, шелъ въ Зассемъ. Призывъ не остался безотвѣтнымъ. Принимая живое участіе въ судьбѣ своихъ братій и зная, что паденіе Гарлема лишитъ ихъ послѣдняго оплота, города наперерывъ высылали къ принцу ополченія, вновь набранныя изъ самихъ гражданъ. Первые явились дордрехтцы; за ними послѣдовали дружины, составленныя въ Роттердамѣ, Брилѣ, Дельфтѣ. Но болѣе всѣхъ показали усердія жители Лейдена: кромѣ 400 человѣкъ ополченія, высланныхъ ими въ Зассемъ, они взяли на себя выставить 400 лошадей и произвести своими силами нѣкоторыя трудныя работы для укрѣпленія плотинъ [1]). Въ распоряженіи принца были сверхъ того довольно значительныя военныя силы изъ людей другихъ націй. Цѣлый мѣсяцъ длились приготовленія, происходили передвиженія войскъ. Наконецъ назначенъ былъ день нападенія; оно должно было послѣдовать вдругъ съ нѣсколькихъ сторонъ, при содѣйствіи осажденныхъ. Все зависѣло отъ быстроты и нечаянности удара; но, къ сожалѣнію, прежде чѣмъ началось движеніе, весь планъ его, открытый случаемъ, былъ уже въ рукахъ непріятеля. Этого только недоставало, чтобы испанцы, которые были сильнѣе военною опытностію и дисциплиною, получили полное превосходство надъ противникомъ. Они не только приготовились дать отпоръ войску Вильгельма, но въ тоже время умѣли отвлечь вниманіе осажденныхъ. Послѣ того безполезно было все мужество нападающихъ. Они вездѣ встрѣчены были сильнымъ огнемъ и на всѣхъ пунктахъ отражены съ одинаковымъ успѣхомъ. Борьба оказалась неровная и скоро превратилась для голландцевъ въ совершенное пораженіе. Ихъ преслѣдовали потомъ до самаго Зассема. Они потеряли много людей и почти всю свою артиллерію. Батенбургъ, командовавшій въ бою голландскими силами, остался на мѣстѣ сраженія.

Гарлемцы могли видѣть со стѣнъ своего города, какъ погибала послѣдняя ихъ надежда. Тогда родилась въ нихъ мрачная рѣшимость — выйти всѣмъ изъ города, и съ женами и дѣтьми пробиваться силою черезъ непріятельскій лагерь [2]). Немногаго недоставало, чтобы это отчаянное намѣреніе приведено было ими въ исполненіе. Донъ Фадрикъ, до котораго дошли вѣсти о рѣшимости осажденныхъ, тотчасъ далъ знать

[1]) Ibid. p. 376: Lettre de Cornille Steyn au Seigneur de Noarcarmes.— [2]) См. между прочимъ Strada (подъ 1572 г.), который также упоминаетъ объ этомъ рѣшеніи.

имъ, что они могутъ еще ожидать отъ него милости, если добровольно сдадутъ городъ. Обѣщаніе милости, когда никто болѣе не ожидалъ ея, отчасти произвело свое дѣйствіе. Еще граждане были непоколебимы, но гарнизонъ рѣшительно отдѣлился отъ нихъ. Первые отказались итти вонъ изъ города нѣмцы; ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на валлонцевъ. Щадя жизнь своихъ женъ и дѣтей, граждане также должны были измѣнить свое прежнее рѣшеніе. Положено было безусловно покориться побѣдителю; лишь отъ грабежа граждане могли откупиться заранѣе условленною суммою денегъ (280,000 гульденовъ) [1]. 1573 года іюля 12 дня, черезъ семь мѣсяцевъ и два дня отъ начала осады, ворота Гарлема отворились передъ испанцами. Не знаемъ, въ какой степени Донъ Фадрикъ, овладѣвши городомъ, расположенъ былъ даровать пощаду его жителямъ, мужеству которыхъ онъ самъ отдавалъ должную справедливость, говоря, что они дѣлали все, что только было въ силахъ человѣческихъ, нисколько не уступая лучшимъ солдатамъ въ мірѣ [2]. Но вотъ что писалъ къ нему отецъ черезъ два дня послѣ сдачи Гарлема: не оставлять ни одного человѣка въ живыхъ изъ валлонцевъ, французовъ и англичанъ, какіе только найдутся въ городѣ; изъ нѣмцевъ предать смерти всѣхъ офицеровъ, а солдатъ раздѣть донага и въ такомъ видѣ отпустить ихъ изъ города (?); часть гражданъ наказать, а надъ прочими показать образецъ милости [3]. Почти не нужно говорить, что приказаніе его исполнено было въ точности. Мы имѣемъ собственное донесеніе герцога Альбы Филиппу II о казняхъ, совершенныхъ по его повелѣнію въ Гарлемѣ. Валлонцы, французы и англичане, находившіеся въ городѣ, были избиты въ числѣ 2,300 человѣкъ; нѣмцы, въ числѣ 600, были высланы къ нидерландской границѣ. Потомъ схвачены были всѣ лучшіе граждане Гарлема, бургомистры и другіе городскіе чины, поставленные или утвержденные принцемъ Оранскимъ. Но самъ Альба не договариваетъ всего: боязнь ли Филиппа II, или какое другое чувство воспрещаетъ ему сказать всю правду. Вопреки его показанію, что изъ гражданъ должны были подвергнуться казни лишь пять или шесть человѣкъ, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что очень многіе изъ нихъ имѣли одну участь съ вал-

[1] Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 133; ср. Corresp. de Phil. II, p. 386 — 388, также p. 391.—[2] См. напр. донесеніе Дона Фадрика отъ 9 апр. 1573 года (Ibid. p. 378).—[3] Ibid. p. 387.

лонскими солдатами [1]). Кто погибъ отъ меча, кто на висѣлицѣ. Пять палачей работали надъ несчастными жертвами нѣсколько дней сряду. Кромѣ того, 300 человѣкъ, съ руками связанными назади, попарно были загнаны въ Гарлемское озеро и безъ всякой жалости потоплены въ немъ. Тогда только утолился гнѣвъ свирѣпаго мстителя. Въ августѣ Донъ Фадрикъ имѣлъ свой торжественный въѣздъ въ городъ, и вслѣдъ за тѣмъ объявлена была гарлемцамъ амнистія, изъ которой однако исключалось болѣе 50 человѣкъ.

Теперь наступила очередь Лейдена. Ему не избѣжать было тѣхъ же самыхъ бѣдъ, какія испыталъ на себѣ Гарлемъ, какъ потому, что онъ стоялъ за то же самое дѣло, такъ еще болѣе по дѣятельному участію его во всѣхъ мѣрахъ, которыя принимаемы были въ видахъ пособить гарлемцамъ во время ихъ нужды. Нѣсколько разъ уже встрѣчали мы имя Лейдена и лейденцевъ въ исторіи гарлемской осады. По близкому ли сосѣдству, или по общему патріотическому духу, между тѣмъ и другимъ городомъ въ самомъ дѣлѣ была очень тѣсная и какъ бы родственная связь. Лейденцы дѣлали все, что только было въ ихъ средствахъ для помощи осажденнымъ и развлеченія силъ осаждающихъ. Изъ Лейдена и Дордрехта имѣли осажденные часть своей артиллеріи [2]). Въ лейденскомъ каналѣ обыкновенно укрывались голландскія суда, преслѣдуемыя испанскими, между тѣмъ какъ раненые въ сраженіяхъ съ испанцами искали себѣ убѣжища въ самыхъ стѣнахъ Лейдена. Отсюда же выходили всѣ распоряженія принца Оранскаго, когда онъ въ послѣдній разъ собиралъ силы на выручку гарлемцевъ. Мы видѣли уже, какое горячее участіе принимали лейденцы въ этомъ предпріятіи. Когда же потомъ войско Вильгельма понесло пораженіе, то разбитые остатки ополченія также бросились въ Лейденъ, въ надеждѣ укрыться въ немъ отъ преслѣдованія; но имъ отказано было въ пріемѣ, потому что на бѣглецовъ смотрѣли какъ на измѣнниковъ [3]). Наконецъ, по взятіи Гарлема, опасность, угрожавшая Лейдену, казалась такъ неминуема, что принцъ Оранскій поспѣшилъ усилить гарнизонъ его, чтобы городъ могъ выдержать нападеніе со стороны непріятеля [4]).

Но судьба отвела еще на нѣкоторое время ударъ, который, повидимому, готовъ былъ разразиться надъ Лейденомъ.

[1]) См. Wagenaar и Kampen, 1, p. 397. — [2]) Wagenaar, III, 190. — [3]) Corresp. de Phil. II, p. 388. — [4]) Corr. Phil. p. 393.

Прежде чѣмъ двинуть противъ него свои силы, испанскіе вожди сочли за нужное довершить покореніе сѣверной Голландіи, Ватерланда и западной Фрисландіи. Для этой цѣли Донъ Фадрикъ повелъ свои войска на сѣверъ отъ Гарлема, и самъ герцогъ Альба переѣхалъ сначала въ Утрехтъ, а потомъ въ Амстердамъ, чтобы наблюдать ближе за ходомъ военныхъ дѣйствій. Въ то же время испанско-голландской флотиліи, подъ начальствомъ Боссю, назначено было дѣйствовать со стороны Зюдерзе. Ожидали, что первое нападеніе послѣдуетъ на Энкейзенъ, съ котораго началось отпаденіе Голландіи [1]; но планъ скоро перемѣнился, и Донъ Фадрикъ выступилъ съ войскомъ къ Алькмару, который нѣкоторымъ образомъ составляетъ ключъ къ Ватерланду. Въ концѣ августа городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, такъ что — говоря словами герцога Альбы въ донесеніи его королю — и воробью неоткуда было проникнуть въ него. Алькмару грозило бѣдствіе, которое должно было превзойти нарденскіе и гарлемскіе ужасы. Свирѣпое сердце Альбы ожесточалось все болѣе и болѣе. Долгая гарлемская осада истощила все его терпѣніе. Ему невыносима была самая мысль о томъ, что тотъ или другой городъ можетъ еще заставить его простоять нѣкоторое время передъ своими воротами. Поэтому, встрѣтивъ сопротивленіе въ жителяхъ Алькмара, онъ заранѣе осудилъ ихъ всѣхъ на истребленіе. „Если городъ будетъ взятъ силою“ — писалъ онъ Филиппу II — „въ немъ не оставлено будетъ ни одной живой души: всѣ они будутъ перерѣзаны, за то, что видѣли участь Гарлема и нисколько не сдѣлались отъ того благоразумнѣе“ [2]. Въ городѣ было не болѣе 900 человѣкъ гарнизона, и страшная участь, на которую онъ заранѣе былъ обреченъ своими врагами, казалась неотвратимою.

По счастію, не всегда отъ воли самого Альбы зависѣло исполненіе его рѣшеній. Кромѣ мужественнаго сопротивленія голландскихъ патріотовъ, ему часто надобно было бороться съ природою. Наконецъ самая судьба какъ бы утомилась его жестокостями и хотѣла положить имъ предѣлъ тамъ, гдѣ онъ надѣялся еще поразить всѣхъ новымъ дѣломъ своего безчеловѣчія. Осада Алькмара испанцами начата была съ обычною энергіею. Какъ только артиллерія прибыла на мѣсто, они повели правильныя осадныя работы, устроили нѣсколько батарей и открыли сильную канонаду по городу. Въ нѣсколько

[1]) Ibid. p. 400.—[2]) Ibid. p. 402.

дней пробита была брешь въ городской стѣнѣ, и войскамъ отданъ приказъ готовиться къ приступу. Здѣсь еще разъ испанская гордость испытала невѣрность военныхъ предпріятій и повстрѣчалась съ неудачею. Къ удивленію нашему узнаемъ, что первая причина неуспѣха лежала въ самихъ осаждающихъ, особенно въ ослабленіи дисциплины между ними. По словамъ самого Альбы, офицеры исполнили свой долгъ, но солдаты отказали имъ въ повиновеніи и не хотѣли итти на приступъ [1]. Это было тѣмъ неожиданнѣе, что осадное войско состояло большею частью изъ испанскихъ ветерановъ, и что ими начальствовали люди испытанной храбрости, самъ Донъ Фадрикъ Толедскій и за нимъ Ноаркармъ и Юліанъ Ромеро. Волею или неволею осаждающимъ пришлось бить отбой и на время оставить непріятеля въ покоѣ, чтобы возстановить порядокъ въ своемъ собственномъ лагерѣ. Такъ разсказываетъ ходъ дѣла герцогъ Альба въ своемъ донесеніи королю. Но мы имѣемъ причины думать, что по своему обычаю онъ скрылъ нѣкоторыя очень важныя подробности. Каковъ бы ни былъ духъ испанскаго войска подъ стѣнами Алькмара, извѣстія нидерландскихъ историковъ однако не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что приступъ дѣйствительно состоялся, какъ было предположено, и что испанцы съ страшными криками устремились къ пролому, но встрѣтили на валахъ и стѣнахъ города неодолимое сопротивленіе и принуждены были отступить послѣ троекратнаго неудачнаго нападенія [2]. Женщины и даже дѣвушки принимали участіе въ защитѣ города, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ стояли на стѣнахъ и безпрестанно лили на осаждающихъ кипящую воду, смолу, известь, свинецъ и другія растопленныя и горючія вещества. Цѣлые четыре часа продолжалось нападеніе и отраженіе, при чемъ нападающіе потеряли до 1000 человѣкъ убитыми и ранеными. По замѣчанію нидерландскихъ историковъ, лишь съ этого времени начинается упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ, и они дѣйствительно потомъ не показывали большого желанія итти снова на приступъ. Ихъ извѣстіе подтверждается невольнымъ признаніемъ герцога Альбы въ томъ же донесеніи, что если въ два или три дня послѣ того не удастся взять городъ, то придется можетъ-быть вовсе снять осаду.

[1] Ibid. p. 412.—[2] Wagenaar, Allg. Gesch. III p. 199—См. также о подробностяхъ осады и приступа—письмо Ноаркарма, который самъ участвовалъ въ дѣлѣ: Corresp. de Phil. II, p. 427—428.

Его вынужденное предсказаніе сбылось хотя и не такъ скоро, какъ предполагалось имъ самимъ. Время стояло очень бурное и дождливое. Вся почти голландская низменность наполнилась водою, и сообщенія день ото дня становились затруднительнѣе [1]. Особенно много трудностей представляла перевозка тяжестей. Уже въ самомъ донесеніи о неудавшемся приступѣ герцогъ Альба выражалъ опасеніе, что артиллерія и вся армія могутъ сильно пострадать, если дѣло затянется. Къ довершенію бѣдствій осаждающихъ, алькмарцамъ удалось прорвать одну плотину, отчего вода на поверхности земли поднялась до такой степени, что во многихъ мѣстахъ около города можно было плавать на лодкахъ. Линія непріятельскихъ укрѣпленій вокругъ Алькмара была разорвана. Прежде чѣмъ испанцы нашли какое-нибудь средство помочь этому злу, перехвачено было письмо принца Оранскаго, изъ котораго они узнали, что окрестные жители точно также готовы поступить и съ другими плотинами. Осаждающіе въ одно утро могли проснуться окруженные со всѣхъ сторонъ водою. Надобно было отложить всякую мысль о вторичномъ приступѣ (если только она дѣйствительно была, какъ увѣряетъ герцогъ Альба [2]) и стараться заблаговременно вывести тяжелую артиллерію. Повидимому, Донъ Фадрикъ не успѣлъ еще окончить всѣхъ своихъ распоряженій для снятія осады, какъ послѣдовало новое несчастіе на морѣ [3]. Испанская флотилія, подъ начальствомъ храбраго Боссю, встрѣтилась неподалеку отъ Энкейзена съ голландскою. Противники схватились на абордажъ, и закипѣлъ жестокій бой. Несмотря на численное превосходство испанскихъ судовъ (ихъ было 30 противъ 24), голландцы скоро взяли верхъ надъ ними. Долѣе всѣхъ держался самъ Боссю на адмиральскомъ кораблѣ, который носилъ ненавистное имя «Инквизиціи». Ужъ всѣ другія суда были взяты или бѣжали, но онъ еще бился послѣ того всю ночь и цѣлое утро, и сдался не прежде, какъ около него отъ многочисленнаго экипажа осталось лишь нѣсколько человѣкъ. Пораженіе флота и плѣнъ Боссю окончательно рѣшили участь алькмарской осады: она была совершенно снята, и войско отведено на югъ, въ окрестности Гарлема.

[1]) Corresp. de Phil. II, p. 422.—[2]) Ibid.—[3]) Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ донесеній Альбы: сначала онъ доноситъ о пораженіи Боссю, и потомъ уже о снятіи осады Алькмара. См. Corresp. de Phil. II, p. 418—422. Ср. Wagenaar, Allg Gesch. III, p. 199—202

Одна неудача не могла поколебать твердой рѣшимости герцога Альбы и измѣнить планъ его дѣйствій. За то, что Алькмаръ ушелъ отъ его рукъ, другіе города должны были поплатиться ему не менѣе дорогою цѣною. Алькмарская осада и безславная развязка ея видимо увеличили его злобу. Черезъ нѣсколько дней послѣ отступленія отъ города, извѣщая Филиппа II объ этомъ непріятномъ оборотѣ дѣлъ, Альба, въ порывѣ горькой откровенности, писалъ къ нему, что, по его личному мнѣнію, равно какъ и по мнѣнію его главныхъ совѣтниковъ, нѣтъ лучшаго средства для скорѣйшаго приведенія войны къ окончанію, какъ предать огню всѣ тѣ мѣста въ Голландіи, которыя не могутъ быть заняты королевскими войсками. „Нѣкоторые изъ совѣтниковъ"—прибавляетъ онъ—„видя, что дѣла идутъ не къ лучшему, отступились отъ своего прежняго мнѣнія: но я твердо стою на томъ, что эта мѣра непремѣнно должна быть приведена нами въ исполненіе, хотя бы нужно было потомъ восемь или десять лѣтъ, чтобы страна могла сколько-нибудь поправиться [1])". (Если бы это мѣсто не находилось въ собственноручномъ письмѣ герцога, можно было бы подумать, что оно есть изобрѣтеніе самой черной и наглой клеветы на него). Нѣкоторое время еще Альбѣ были связаны руки крайнимъ недостаткомъ въ деньгахъ и усиливающимся волненіемъ войска, которое требовало себѣ уплаты жалованья [2]). Удовлетворивъ кое-какъ этимъ нетерпѣвшимъ отлагательства нуждамъ, онъ долженъ былъ потомъ озаботиться размѣщеніемъ войскъ по удобнымъ зимнимъ квартирамъ. Но наступившее зимнее время напоминало также и о томъ, что пришла пора возобновить наступательныя дѣйствія съ бóльшими надеждами на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро началось дальнѣйшее движеніе войскъ къ югу отъ Гарлема. Подвигаясь здѣсь по берегу моря, передовые испанскіе отряды заняли Гагу, Масландейсъ и Флардингенъ (въ южной Голландіи) и въ одномъ изъ этихъ мѣстъ захватили извѣстнаго совѣтника принца Оранскаго, Марникса Сентъ-Альдегонде, чѣмъ уравновѣсилась понесенная прежде потеря въ лицѣ Боссю. Между тѣмъ главный отрядъ, подъ начальствомъ самого Дона Фадрика, углублялся во внутрь страны, имѣя направленіе на большіе города. Такимъ образомъ и Лейденъ не могъ болѣе избѣжать осады. Въ ожида-

[1]) Corresp. de Phil. II, p. 422.—[2]) Ibid. p. 426 и 429; cp. Allg. Gesch. III, p. 200.

ніи приближенія непріятеля, лейденцы успѣли только порубить деревья и сожечь дома, находившіеся за стѣнами города, но не имѣли довольно времени, чтобы увеличить свои оборонительныя средства. Когда началась осада, у нихъ было не болѣе какъ отъ 800 до 900 человѣкъ гарнизона. Плотины не могли принести имъ никакой пользы по зимнему времени. Не менѣе безопасны были осаждающіе и со стороны принца Оранскаго, который далеко еще не оправился отъ нанесеннаго ему пораженія. Другой же помощи осажденнымъ ожидать было неоткуда. Повидимому лейденцамъ приходилось почти позавидовать участи гарлемцевъ: что́ для тѣхъ уже прошло, для нихъ только что наступало.

До того впрочемъ не дошло на первый разъ, чтобы Лейденъ испыталъ всѣ ужасы тяжелаго осаднаго положенія. Кто сказалъ бы, что надъ нимъ все еще свѣтила его благодѣтельная звѣзда. Неудача алькмарскаго приступа много охладила жаръ осаждающихъ, и они мало расположены были повторить тотъ же опытъ надъ Лейденомъ. Поэтому планъ Дона Фадрика состоялъ въ томъ, чтобы держать городъ въ самой тѣсной блокадѣ и принудить его къ сдачѣ голодомъ. Расчетъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что лейденцы не успѣли надолго обезпечить себя жизненными припасами; но во всякомъ случаѣ нужно было много времени, чтобы покорить крѣпкій городъ одною тѣсною блокадою. Между тѣмъ какъ осаждающіе сами осуждали себя на проволочку времени, во главѣ испанскаго управленія провинціями произошла очень важная перемѣна, которая неминуемо должна была замедлить ходъ осады еще болѣе. Въ половинѣ ноября 1573 года прибылъ въ Нидерланды Донъ Луисъ де-Реквесенсъ, вновь назначенный королевскимъ намѣстникомъ на мѣсто герцога Альбы, который отзывался обратно въ Испанію.

Перемѣна готовилась давно, и даже для самого Альбы не была большою нечаянностью. При всей своей довѣренности къ намѣстнику, Филиппъ II однако далеко не былъ доволенъ его дѣйствіями. Прошло уже около шести лѣтъ послѣ того, какъ Альба вступилъ въ управленіе провинціями, а между тѣмъ надежды на возстановленіе мира нисколько не подвинулись впередъ. Его крутыя и прямо враждебныя народонаселенію мѣры привели лишь къ тому, что неудовольствіе, до сихъ поръ глухо бродившее въ странѣ, вспыхнуло въ ней общимъ пожаромъ и распространилось на самыя отдаленныя ея области. Еще менѣе приближали къ миру тѣ жестокости, ко-

торыми сопровождалось покореніе голландскихъ городовъ, открыто державшихъ сторону принца Оранскаго: вырывая съ корнемъ одну часть народонаселенія, онѣ оставляли въ другой неизгладимое впечатлѣніе ужаса и отвращенія. Филиппъ II получалъ донесенія о ходѣ происшествій въ Нидерландахъ не только отъ самого Альбы, но и отъ другихъ членовъ и секретарей испанскаго управленія въ провинціяхъ. Изъ ихъ полупризнаній онъ могъ довольно ясно видѣть, что непопулярность его намѣстника росла съ каждымъ годомъ и производила въ жителяхъ отчужденіе, противъ котораго безсильны были самые успѣхи оружія. Посылка въ Нидерланды герцога Медина-Сели (1572), въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго отъ короны, вовсе не оправдала тѣхъ надеждъ, какія возлагали на него въ Испаніи [1]. Новый уполномоченный вѣчно расходился во мнѣніяхъ съ намѣстникомъ, а тотъ, не обращая никакого вниманія на его разногласіе, продолжалъ дѣйствовать по-своему [2]. Вообще они такъ не сошлись между собою, что для пользы общаго дѣла король увидѣлъ необходимость отозвать своего уполномоченнаго обратно въ Испанію. Между тѣмъ Филиппъ II продолжалъ получать изъ Нидерландовъ сообщенія, которыя бросали очень невыгодную тѣнь на политику намѣстника. Эстебанъ Пратсъ прямо писалъ королю, что „королевская милость есть единственное средство положить конецъ смутамъ въ провинціяхъ“, и что тѣ всегда останутся въ большомъ заблужденіи, которые думаютъ, что будто можно достигнуть той же цѣли другими средствами [3]. Военныя и финансовыя средства намѣстника все больше и больше истощались, такъ что онъ принужденъ былъ въ каждомъ своемъ письмѣ къ королю просить о скорѣйшей высылкѣ вспоможеній и войсками и деньгами, а между тѣмъ, несмотря на кажущіеся успѣхи завоеванія внутри Голландіи, дѣло нисколько не подвигалось впередъ и приводило въ отчаяніе тѣхъ, которые не были совершенно ослѣплены страстію. Мы имѣемъ въ этомъ родѣ нѣкоторыя очень любопытныя признанія. Одно изъ нихъ находится въ письмѣ Альборноса къ Сайясу. „Дѣла наши въ провинціяхъ“—пишетъ онъ—„находятся въ такомъ состоя-

[1]) О неопредѣленныхъ отношеніяхъ герцога къ Альбѣ см. письмо Филиппа отъ 30 апрѣля 1572. Corr. de Phil. II, p. 248. — [2]) См. Ibid. p. 190 (N 1175).—Вотъ что писалъ Альба въ Испанію о личномъ характерѣ герцога: Il n'y a sur la terre un homme plus irascible, plus vif et aussi plus defiant. Vint fois il s'est mis en colère contre les autres et contre moi, etc. II, p. 290. См. также письмо Альборноса, Ibid. p. 291. -- [3]) См. Corresp. de Phil. II, p. 299.

ніи, что хуже ничего не можетъ быть" [1]). По словамъ того же корреспондента, дошло до того, что, пока испанцы останутся въ провинціяхъ, онѣ, по его твердому убѣжденію, никогда не успокоятся и вѣчно будутъ волноваться.. Не смѣя произносить своего суда надъ мѣрами намѣстника, изъ которыхъ прямо вытекало такое состояніе, Альборносъ слагаетъ всю вину на интриги его совѣтниковъ, но признается, что имя Альбы стало до такой степени ненавистно для голландскихъ протестантовъ, что они не иначе могутъ произносить его, какъ съ пѣною у рта. Въ заключеніе онъ даже прямо называетъ Донъ Хуана Австрійскаго, какъ единственнаго человѣка, который, по его мнѣнію, въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть еще нѣсколько полезенъ Испаніи въ нидерландскихъ провинціяхъ.

При всемъ своемъ нежеланіи оскорбить намѣстника, Филиппъ II не могъ долѣе оставлять въ его рукахъ управленія Нидерландами. Вопросъ былъ очевидно поставленъ такъ, что надобно было или пожертвовать имъ, или вовсе отказаться отъ надежды на сохраненіе провинцій. Прямыя выгоды короны требовали перваго, и потому отозваніе Альбы давно уже рѣшено было въ мысляхъ короля, но нѣкоторое время не доставало еще къ тому благовиднаго повода. Наконецъ онъ представился, Герцогъ Альба, замѣтивъ возрастающую холодность Филиппа II, которая особенно, кажется, усилилась со времени размолвки намѣстника съ герцогомъ Медина-Сели, и почувствовавъ себя оскорбленнымъ, заслуги же свои непризнанными по достоинству, обратился тотчасъ съ жалобами къ королю, и конечно въ той увѣренности, что не найдется человѣка, которымъ бы можно было вполнѣ замѣнить его, кончилъ униженною просьбою объ увольненіи его отъ службы [2]). Этого довольно было Филиппу II, чтобы приступить къ исполненію давно задуманнаго рѣшенія. Вмѣсто прямого отвѣта намѣстнику, онъ далъ приказаніе Реквесенсу, великому коммодору Кастиліи, бывшему тогда правителемъ миланской провинціи, готовиться къ отъѣзду въ Нидерланды. Въ особомъ королевскомъ письмѣ къ нему были изъяснены и самыя причины вновь состоявшагося распоряженія [3]). Филиппъ II писалъ, что

[1]) Corresp. de Phil. II, 316—317. По убѣдительной просьбѣ Альборноса, это письмо должно было быть сожжено тотчасъ по прочтеніи: такъ боялся онъ за тѣ признанія, которыя посылалъ въ Испанію.—[2]) См Corresp. de Phil. II, p. 297—98; cp. ibid. p. 369--70.—[3]) См. письмо къ нему Филиппа II, ibid. p. 308.

его сильно начинаетъ безпокоить ходъ дѣлъ въ нидерландскихъ провинціяхъ, что онъ, столько же для успокоенія своей совѣсти, сколько и для сохраненія страны, счелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры для возстановленія мира въ ней, и что наконецъ, поручая ему, Реквесенсу, эту важную миссію, онъ вполнѣ полагается на его опытность, благоразуміе и неусыпную заботливость. Объ герцогѣ Альбѣ лишь глухо упомянуто было, что король не могъ отказать ему въ просьбѣ его объ отставкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушено было коммодору стараться о томъ, чтобы сколько можно сократить срокъ своего пребыванія въ Ломбардіи.

Рѣшеніе короля было неизмѣнно, но онъ еще хотѣлъ всячески щадить дѣйствующаго намѣстника, и потому, даже назначивши ему преемника, не спѣшилъ однако удаленіемъ его отъ должности. Притомъ онъ могъ еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что нѣкоторыя трудныя предпріятія, которыя уже герцогъ Альба началъ и какъ бы принялъ на свою отвѣтственность, имъ же должны быть приведены къ окончанію. Сюда въ особенности принадлежали переговоры съ Англіею, въ видахъ лишить принца Оранскаго очень важнаго для него союзника, и продолжительная осада Гарлема, отъ исхода которой зависѣли дальнѣйшіе успѣхи испанскаго оружія въ Голландіи [1]). Весьма вѣроятно также, что новый намѣстникъ не могъ скоро оставить своего прежняго поста въ Италіи, съ которымъ тоже соединены были важныя обязанности; наконецъ положительно извѣстно, что онъ долго затруднялся принять предложеніе изъ опасенія оскорбить герцога [2]). Какъ бы то ни было, въ изданной перепискѣ Филиппа II, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго назначенія Реквесенса, мы не встрѣчаемъ болѣе никакого упоминанія о немъ. Лишь въ началѣ октября 1573 г. король снова возвратился къ своему рѣшенію, и Реквесенсу высланы были патенты и инструкціи на управленіе Нидерландами [3]). Почти въ то же самое время король писалъ къ герцогу Альбѣ, извѣщая его о скоромъ прибытіи въ Нидерланды новаго намѣстника, при чемъ предоставлялось на волю самого герцога сдать управленіе провинціями, *когда ему самому вздумается* [4]). Нельзя было лучше дать почувство-

[1]) Они окончены были вполнѣ лишь осенью 1573. См. Corresp. de Phil. p. 424.— [2]) На это обстоятельство намекаетъ самъ Реквесенсъ въ письмѣ подъ № 1285 (Corresp. de Phil. II, p. 432).— [3]) Corresp. de Phil., II, p. 413 (№ 1269).— [4]) Ibid. p. 414: afin qu'il (le grand commandeur) puisse prendre possession du gouvernement, quand le duc voudra la lui donner.

вать удаляемому намѣстнику, что онъ далеко не оправдалъ возложенной на него довѣренности, но что прежнія его заслуги пріобрѣли ему право на уваженіе, которое ставитъ его выше формальной немилости.

Такимъ образомъ давно задуманная перемѣна по управленію нидерландскими провинціями много замедлилась. Но наконецъ, какъ мы сказали, въ половинѣ ноября, новый намѣстникъ прибылъ на мѣсто своего назначенія, и Альба, каковы бы впрочемъ ни были его истинныя намѣренія, не могъ болѣе удерживать власти, которая по праву принадлежала уже другому. Нѣсколько дней прошло въ переговорахъ между старымъ и новымъ правителемъ. Первый показывалъ большое нетерпѣніе тотчасъ же передать управленіе провинціями своему преемнику; послѣдній, сохраняя приличія, отклонялъ отъ себя предложеніе и не прежде хотѣлъ вступить въ отправленіе своей должности, какъ по отъѣздѣ герцога. Но волею или неволею Альба долженъ былъ настоять на своемъ. На то были у него очень важныя побудительныя причины. Филиппъ II недолго оставался при выраженномъ имъ желаніи, въ силу котораго герцогъ могъ удерживать за собою власть, пока ему заблагоразсудится. За тѣмъ (не болѣе какъ черезъ нѣсколько дней) послѣдовало другое письмо, гдѣ не менѣе положительно сказано было, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если какъ можно скорѣе сдастъ управленіе [1]). Передъ этимъ деликатнымъ совѣтомъ должно было смолкнуть всякое противорѣчіе. И въ самомъ дѣлѣ, когда простыя убѣжденія не дѣйствовали, герцогу Альбѣ стоило только показать Реквесенсу королевское письмо, чтобы онъ тотчасъ же прекратилъ свои возраженія [2]). Дѣло сладилось, и Альбѣ оставалось только благополучно выбраться изъ страны, гдѣ онъ посѣялъ столько вражды и ненависти. (Извѣстно, что, уѣзжая въ Испанію, Альба хвалился самъ, что число всѣхъ жертвъ, погубленныхъ имъ во время управленія провинціями, простиралось не менѣе какъ до 18,000 человѣкъ).

Любопытны нѣкоторыя черты, относящіяся къ послѣднему времени пребыванія Альбы въ Нидерландахъ. Вотъ, на-

[1]) См. письмо Филиппа II отъ 21 октября 1573. Corresp. de Phil. II p. 416.—[2]) Слова самого Реквесенса: Mais, dès le premier jour de mon arrivée, il (le duc) insista pour que j'en prisse possession, alleguant à cette fin beaucoup de raisons et me montrant la lettre que V. M. lui avait écrite en francais, et par laquelle elle lui prescrivait de me le remettre aussitot que je serais ici. Ibid. p. 435 (письмо подъ № 1285).

примѣръ, какую память оставилъ онъ по себѣ въ Амстердамѣ, единственномъ почти голландскомъ городѣ, который до конца держалъ сторону испанскаго намѣстника противъ принца Оранскаго. Здѣсь была его резиденція со времени взятія Гарлема. Проживши въ Амстердамѣ два мѣсяца, Альба вошелъ въ большіе долги и не имѣлъ довольно средствъ, чтобы удовлетворить требованіямъ своихъ кредиторовъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что назначенъ новый намѣстникъ и находится уже въ дорогѣ. Надобно было ѣхать къ нему навстрѣчу по крайней мѣрѣ до Брюсселя. Но какъ выѣхать изъ Амстердама и потомъ изъ Нидерландовъ, не расплатившись напередъ съ долгами? Альба не хотѣлъ объявить себя банкрутомъ и прибѣгнулъ къ слѣдующему средству. Онъ велѣлъ объявить черезъ трубачей всему городу, чтобы всѣ, имѣющіе на него долговыя претензіи, явились къ нему на другой день для полученія денегъ, а самъ между тѣмъ еще задолго до разсвѣта уѣхалъ тайно изъ города [1]). Другую черту онъ самъ приводитъ въ своей корреспонденціи. Это было одно изъ самыхъ послѣднихъ распоряженій его по управленію провинціями. На рукахъ Альбы оставалось нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ вмѣстѣ съ властію онъ долженъ былъ сдать своему преемнику. Герцогъ такъ и поступилъ, но съ однимъ замѣчательнымъ исключеніемъ. Одинъ изъ плѣнниковъ, по имени Жанли, имѣлъ несчастіе быть католикомъ, и потому казался въ его глазахъ вдвое преступнѣе. Альбѣ не хотѣлось выпустить жертву изъ своихъ рукъ. Онъ воспользовался послѣдними часами своей власти и велѣлъ тайно казнить Жанли, распустивши напередъ слухъ объ его мнимой болѣзни и о томъ, что будто онъ находится при смерти [2])!

Уѣзжая изъ Нидерландовъ, герцогъ Альба взялъ съ собою и сына, Дона Фадрика, который до сего времени управлялъ осадою Лейдена. Мѣсто его заступилъ генералъ Вальдесъ. Это было первое облегченіе въ положеніи осажденнаго города. По крайней мѣрѣ Лейдену не угрожало болѣе близкое присутствіе человѣка, съ именемъ котораго соединялись такія кровавыя воспоминанія, какъ Цутфенъ, Нарденъ и Гарлемъ. Принявши начальство надъ осадою, Вальдесъ также не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ города, и по примѣру своего предшественника, долженъ былъ ограничиваться одною

[1]) См. Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 203.—[2]) См. письмо Альбы подъ № 1283 (Corresp. de Phil. II, p. 431).

блокадою. Вскорѣ потомъ вниманіе испанскаго намѣстничества еще болѣе было отвлечено отъ Лейдена происшествіями на о. Вальхеренѣ. Тамъ испанцы удерживали за собою лишь крѣпкій Миддельбургъ, но и тотъ находился въ опасномъ положеніи, потому что ему отрѣзаны были всѣ сообщенія. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ нассавцами, гарнизонъ, бывшій подъ начальствомъ храбраго Мондрагона, доведенъ былъ до крайности. Спасти Миддельбургъ можно было не иначе, какъ съ моря, и какъ еще прежнимъ намѣстникомъ снаряжены были для этой цѣли двѣ флотиліи, то, не теряя времени, ихъ и отправили съ войскомъ къ Вальхерену. Но нассавцы приготовились встрѣтить непріятеля какъ слѣдуетъ. Неутомимый принцъ Оранскій также собралъ свою флотилію и выслалъ ее подъ командою Боазо. Испанцы, которыми начальствовали Глимъ (Glimes) и Ромеро, не успѣли сдѣлать и половину своего пути, какъ въ узкомъ пространствѣ при Реймерсвале, противъ о. Толена, повстрѣчались съ зеландскими судами. Волею или неволею надобно было принять бой, который, несмотря на отчаянную храбрость испанцевъ, кончился совершеннымъ ихъ пораженіемъ. Глимъ былъ убитъ, а Ромеро искалъ спасенія на о. Толенѣ. Другая флотилія, подъ начальствомъ Авилы, имѣла почти такую же участь. Миддельбургскій гарнизонъ, не видя ни откуда спасенія, принужденъ былъ сдать крѣпость осаждающимъ, и вскорѣ на всемъ Вальхеренѣ не осталось ни одного испанскаго солдата.

Между тѣмъ на юго-западѣ готовилось уже другое, еще болѣе сильное отвлеченіе испанскихъ силъ, тѣснившихъ Лейденъ и занимавшихъ Голландію. Зная, что національныя средства легко могутъ истощиться, Вильгельмъ съ самаго начала борьбы не переставалъ искать себѣ сторонняго союзника; въ одно и то же время онъ дѣйствовалъ оружіемъ и продолжалъ вести дипломатическіе переговоры. Такъ подъ однимъ 1573 годомъ находимъ два посольства его въ Англію и во Францію. Но время еще не созрѣло для того, чтобы кто-нибудь внѣ Нидерландовъ добровольно согласился взять на себя тяжесть войны съ Испаніею. Даже изъ Франціи, гдѣ были гораздо щедрѣе на обѣщанія, чѣмъ въ Англіи, графъ Лудвигъ Нассаускій могъ вывезти лишь денежное пособіе. Впрочемъ ему немного нужно было времени, чтобы превратить эти деньги въ вооруженную силу. Весною же 1574 года графъ Лудвигъ отправился въ Германію и вскорѣ потомъ привелъ къ Маасу девяти тысячное войско. Внезапное появленіе его въ нидер-

ландскихъ предѣлахъ не могло не смутить испанскаго правителя и его совѣтниковъ. Всякому чувствовался недостатокъ желѣзной руки прежняго намѣстника; чтобы сколько-нибудь замѣнить ее и съ успѣхомъ отразить ударъ, надобно было по крайней мѣрѣ собрать всѣ силы, бывшія въ распоряженіи новаго правителя. Поэтому двинуты были даже и тѣ войска, которыя находились въ Голландіи. Вальдесъ съ своимъ отрядомъ также долженъ былъ присоединиться къ арміи, назначенной дѣйствовать противъ непріятеля. За то, конечно, въ битвѣ при Мукѣ (Mook) испанскія соединенныя силы одержали совершенную побѣду: наемное нѣмецкое войско было разбито на голову, и графъ Лудвигъ, равно какъ и братъ его Генрихъ, заплатили самою жизнію за свое отважное предпріятіе; но Голландія хотя на время было очищена отъ испанскихъ войскъ, осада Лейдена снята почти безъ надежды на скорое ея возобновленіе, и Лейденцы, къ удивленію своему, опять могли отворить городскія ворота и пользоваться свободнымъ выходомъ, котораго были лишены въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Прибытіе въ Нидерланды новаго намѣстника возбудило въ жителяхъ страны много добрыхъ надеждъ. Ждали, что перемѣна лица повлечетъ за собою перемѣну и самой системы. Всѣ были увѣрены, что Филиппъ II не рѣшился бы отозвать прежняго намѣстника, если бы не убѣдился въ совершенной безплодности принятой имъ политики. Тѣ же самыя соображенія, повидимому, руководили выборомъ преемника ему. Доброе имя Реквесенса не было обезславлено никакимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ. Жестокость вообще не была въ свойствахъ его характера. Напротивъ того, онъ скорѣе былъ извѣстенъ своимъ кроткимъ и миролюбивымъ нравомъ. Если бы хотѣли продолженія безпощадной политики герцога Альбы, никто бы конечно не подумалъ замѣнить его мирнымъ правителемъ миланской области. Мы знаемъ потомъ изъ показаній самого Реквесенса, что когда дѣло шло о назначеніи его намѣстникомъ въ Нидерланды, Филиппъ II между прочимъ писалъ ему о необходимости употребить болѣе кроткія мѣры, и повидимому, вовсе не прочь былъ даже прибѣгнуть къ переговорамъ съ принцемъ Оранскимъ и его приверженцами [1]). Итакъ провинціи, казалось, имѣли полное право

[1]) См. Corresp. de Phil. II, p. 450 (письмо Реквесенса къ королю, подъ № 1292).

надѣяться, что съ перемѣною управленія измѣнится и самое ихъ положеніе.

Но голландскіе патріоты недолго льстили себя добрыми надеждами: обстоятельства скоро показали, что они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ.

Причины тому были какъ въ личныхъ свойствахъ новаго правителя, такъ и въ самомъ положеніи дѣлъ, которое онъ нашелъ въ провинціяхъ, вновь ввѣренныхъ его управленію.

При всей благонамѣренности Реквесенса, ему недоставало твердой рѣшимости и полной самостоятельности характера. Онъ могъ принести съ собою очень добрыя желанія, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы привести ихъ въ исполненіе. Посредственный умъ его, вмѣсто того чтобы заправлять событіями, самъ легко подчинялся ихъ силѣ и вліянію. Ему довольно было, прибывши на мѣсто, найти дѣла въ дурномъ состояніи, чтобы потерять надежду на возстановленіе ихъ въ лучшемъ видѣ. Притомъ же Реквесенсъ долженъ былъ принять власть уже на мѣстѣ, прямо изъ рукъ своего предшественника, и слѣдовательно не могъ избѣжать его вліянія. Герцогу Альбѣ въ его положеніи оставалось лишь одно утѣшеніе—передать вмѣстѣ съ властью и самый образъ мыслей, которымъ онъ до конца руководствовался въ управленіи провинціями. Онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ о приближеніи новаго намѣстника, Альба выѣхалъ къ нему навстрѣчу, поселился съ нимъ въ одномъ домѣ и почти не разлучался съ нимъ до отъѣзда своего въ Испанію [1]). Въ это время онъ успѣлъ посвятить своего преемника во многія тайны своей политики, и такъ овладѣлъ его мыслями, что тотъ не хотѣлъ сдѣлать ни одного шага безъ его совѣта. Подъ конецъ, самъ того не замѣчая, Реквесенсъ смотрѣлъ почти на все глазами герцога Альбы. Первое время ему казалось, что самое благоразуміе и приличіе требуютъ не предпринимать ничего безъ согласія герцога, пока еще тотъ находился въ Нидерландахъ; а потомъ онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что можно будетъ держаться той же самой политики и на будущее время, лишь бы только нидерландцы забыли ненавистное имъ имя и перестали вѣрить его вліянію [2]). Внося въ свое письмо это

[1]) См. особенно письмо Реквесенса подъ № 1284 и 1291, Corresp. de Phil. II, p. 431 и 438; p. 434: nous voyant, le duc et moi, ses ministres et les miens, si bien d'accord, et logés tous dans la même maison. — [2]) Ibid. Lorsqu'il (le duc) sera parti, peut être trouverai je nécessaire de suivre en tout son avis,

признаніе, Реквесенсъ не догадывался, что обличалъ себя въ отсутствіи всякой самостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣхъ совѣщаній съ Альбою, у него едва осталось нѣсколько пунктовъ, въ которыхъ онъ расходился съ своимъ предмѣстникомъ. Такъ, вопреки мнѣнію Альбы, новый намѣстникъ не сомнѣвался въ необходимости объявить всеобщую амнистію, уничтожить „кровавый трибуналъ" и отмѣнить столько ненавистный 10-й пфеннингъ [1]). Но это было твердо установленное мнѣніе всѣхъ умѣренныхъ совѣтниковъ самого герцога; нужду въ этихъ мѣрахъ давно чувствовали даже въ Испаніи, а въ Нидерландахъ нельзя было ожидать никакого содѣйствія со стороны мѣстнаго народонаселенія, если не обѣщать ему хоть на словахъ—отмѣнить по крайней мѣрѣ самыя ненавистныя учрежденія прежняго намѣстника. Впрочемъ, если бы даже Реквесенсъ и дѣйствительно намѣренъ былъ провести нѣкоторыя хорошія мѣры, онъ не всегда могъ дѣйствовать по желанію, потому что ему связаны были руки тайными инструкціями [2]).

Итакъ перемѣна въ сущности ограничивалась смѣною одного лица другимъ; самая же система осталась прежняя, съ тѣмъ только различіемъ, что она прежде вытекала прямо изъ личнаго недоброжелательства намѣстника къ народонаселенію страны, а теперь получила видъ болѣе расчетливой политики. Преемникъ Альбы способенъ былъ только на полумѣры, но полумѣры ровно ни къ чему не могли привести въ тогдашнемъ крайне напряженномъ состояніи нидерландскихъ провинцій. Такъ между прочимъ *предложена* была имъ амнистія, но на такихъ условіяхъ, которыя никѣмъ не могли быть приняты и дѣлали ее совершенно напрасною [3]). Такъ почти въ то же самое время открыты были переговоры съ принцемъ Оранскимъ. Для этого воспользовались пребываніемъ въ плѣну Марникса Сент-Альдегонде, который принадлежалъ къ числу довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ принца Оранскаго и имѣлъ на него наиболѣе вліянія. Посредникъ дѣйствительно исполненъ былъ миролюбивыхъ намѣреній; но тѣ самые, которые вызвали его на это дѣло, не показали ни искренняго участія въ немъ, ни твердаго желанія привести его къ желаемому концу.

comme celui d'un homme si prudent et de tant d'experience, mais alors cela se pourra faire de façon qu'il semble aux gens du pays que j'agis d'après mes propres inspirations, etc.—[1]) См. письмо Реквесенса подъ № 1292, 1293, и 1294. Corresp. de Phil. II, p. 446 — 462.—[2]) Ibid. p. 480. — [3]) См. Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 214.

Началось оно какъ-то странно, будто помимо самого намѣстника, который хотѣлъ вести его подъ рукою [1]), продолжалось очень вяло и почти вовсе безъ поддержки отъ тѣхъ властей, отъ которыхъ зависѣло все рѣшеніе. Въ то самое время, какъ велись переговоры, Реквесенсъ вдругъ вздумалъ писать королю противъ самаго ихъ основанія [2]). Понятно, что всѣ усилія посредника не могли подвинуть дѣла ни на волосъ впередъ и кончились лишь безполезною потерею времени и словъ.

Такъ какъ отношенія между противниками почти не измѣнились, то неизбѣжно было продолженіе той же упорной и ожесточенной борьбы между ними, какая ведена была до сего времени. Раздору готовилась новая пища, а для мира исчезала послѣдняя надежда, другими словами—пропущенъ былъ послѣдній благопріятный для него случай. Собственно говоря, новый намѣстникъ и не думалъ пріостанавливать войны, начатой его предшественникомъ. Какъ мы уже видѣли, въ ней не произошло ни малѣйшаго перерыва. Пока въ Брюсселѣ происходили совѣщанія между прежнимъ и новымъ правителемъ, и обсуживались планы будущихъ дѣйствій, а на сторонѣ велись подъ рукою переговоры съ главою голландской партіи, война продолжалась безостановочно. Самый отъѣздъ Альбы не имѣлъ замѣтнаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Недостатокъ былъ только въ деньгахъ, но за то въ распоряженіи намѣстника была многочисленная армія, предъ которой ничтожны казались всѣ средства противниковъ: отъѣзжая въ Испанію, Альба сдалъ своему преемнику до 55,000 пѣхоты и до 5000 кавалеріи [3]). Разница въ веденіи войны послѣ Альбы состояла лишь въ томъ, что отвѣтственность за нее лежала больше на самихъ вождяхъ, нежели на намѣстникѣ, и что потерявъ надежду побѣдить голландцевъ на морѣ, испанцы главнымъ образомъ сосредоточили свои военныя операціи на сушѣ. Лишь на время графъ Лудвигъ Нассаускій могъ отвлечь ихъ силы отъ Голландіи: отразивъ нападеніе, побѣдители опять направились къ сѣверозападу, чтобы довершить начатое при Альбѣ завоеваніе гол-

1) См. письмо Ноаркарма къ Реквесенсу подъ № 1289. Ibid. p. 437.—2) См. письмо Р-са подъ № 1292 p. 451. —3) Corresp. de Phil. II, p. 437.—До какой степени доходило расхищеніе казны въ испанской арміи, можно судить по слѣдующей чертѣ, приводимой самимъ намѣстникомъ: De leur coté, les capitaines et leurs offciers, et même les employés des finances, volent ce qu'ils peuvent. Ibid. p. 457.

ландской области. Еще лейденцы не успѣли совершенно оправиться отъ перваго страха, какъ Вальдесъ съ своимъ отрядомъ вторично появился подъ стѣнами ихъ города.

На этотъ разъ Лейдену не отдѣлаться было однимъ страхомъ, безъ существеннаго вреда для народонаселенія. Жители его такъ мало ждали вторичнаго нападенія, что не воспользовались даже временемъ, свободнымъ отъ осады, чтобы запастись жизненными припасами. Бѣда опять застигла ихъ врасплохъ. Говорятъ даже, они были такъ неосторожны что не позаботились срыть работы, начатыя осаждающими во время перваго обложенія города [1]). Осада тѣмъ легче могла подвигаться впередъ, что между началомъ ея и продолженіемъ какъ будто вовсе не послѣдовало никакого перерыва. Городской гарнизонъ тоже нисколько не увеличился въ промежуточное время между первою и второю осадою, и почти вся тяжесть обороны падала на самихъ жителей. Ждать помощи со стороны рѣшительно было не отъ кого. Средства принца Оранскаго были истощены, войско его почти не существовало болѣе, и онъ не могъ даже подумать о томъ, чтобы снова вступить въ борьбу съ испанцами на сушѣ. Онъ старался лишь поддерживать духъ лейденцевъ своими ободрительными посланіями. Ни Францiя, ни Англія не показывали еще прямого желанія вмѣшаться въ постороннюю для нихъ борьбу.

Несмотря на свое безпомощное состояніе, граждане Лейдена и на этотъ разъ не упали духомъ и рѣшились мужественно стоять противъ превосходнаго силами непріятеля, который угрожалъ ихъ независимости, жизни и собственности. Были тогда между лейденцами истинно доблестныя сердца. Изъ ихъ числа особенно достойны памяти исторіи три имени— Іоганна фанъ-деръ-Дуса (Does), Петера фанъ-деръ-Верфа и фанъ-Гоута (Hout). Первый изъ нихъ былъ начальникомъ военныхъ силъ города, второй—бургомистромъ, третій—секретаремъ городового совѣта [2]). Имя фанъ-деръ-Дуса кромѣ того дорого голландцамъ по заслугамъ его отечественной ихъ литтературѣ и исторіографіи. Мы знаемъ потомъ, что онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ принца Оранскаго, который употреблялъ его въ важныхъ дипломатическихъ пору-

[1]) См. Wagenaar, III, p. 219. — [2]) Wagenaar, Allg. Gecsh. III, p. 216. У Вагенара приложенъ и самый планъ осады Лейдена, составленный испанскимъ инженеромъ Бильгамеромъ, который самъ участвовалъ въ осадѣ.

ченіяхъ [1]). Болѣе скромная извѣстность другихъ заслужена ихъ неослабною дѣятельностію во время самой осады. Пока эти три человѣка находились въ стѣнахъ Лейдена, ему не страшна была никакая опасность. Ихъ высокое патріотическое одушевленіе легко сообщалось цѣлому народонаселенію. Не думали считать своихъ силъ—помнили только о томъ, что каждый долженъ исполнить свой долгъ въ минуту общей опасности, знали все превосходство силъ противника, и несмотря на то положили защищаться до послѣдней крайности.

Между тѣмъ Вальдесъ спокойно продолжалъ дѣлать свое дѣло, все больше и больше тѣсня городъ и занимая одно за другимъ своими силами всѣ ближайшія мѣста къ нему. Вторичная осада Лейдена ведена была по той же самой системѣ. Успѣхъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что осаждающіе знали о недостаткѣ продовольствія въ городѣ. Гага, Масландейсъ, Флардингенъ были во второй разъ заняты испанскими отрядами; земляные окопы, возведенные голландцами въ нѣсколькихъ пунктахъ на сообщеніяхъ Лейдена съ другими городами, также перешли скоро въ руки непріятеля. Обезпечивъ себѣ тылъ, Вальдесъ могъ безпрепятственно заняться осадными работами. Каждый день онъ увеличивалъ число своихъ окоповъ, такъ что ихъ было наконецъ болѣе шестидесяти [2]). Положеніе лейденцевъ съ каждымъ днемъ становилось стѣснительнѣе. Если имъ не угрожалъ приступъ, то они не могли также мѣшать осаднымъ непріятельскимъ работамъ. Въ городѣ было 14,000 жителей. Сдѣланный прежде запасъ продовольствія безпрестанно уменьшался, а между тѣмъ ничего не прибывало вновь. Уже съ перваго дня осады положена была точная цѣна на всѣ жизненные припасы, и на каждую мѣру пива назначено опредѣленное количество хлѣба. Но черезъ мѣсяцъ послѣ открытія осадныхъ дѣйствій недостатокъ въ продовольствіи увеличился до такой степени, что принуждены были прибѣгнуть къ формальной раздачѣ хлѣба, по полуфунту въ день на человѣка; только тѣ, которые стояли на часахъ, получали по цѣлому фунту. Молоко дозволено было употреблять лишь на приготовленіе масла. Въ обращеніе были пущены вновь бумажныя деньги, не употреблявшіяся со времени первой осады. Голодъ прибавилъ даже нѣсколько смѣлости осажденнымъ. Вновь набранные полки изъ гражданъ,

1) Van Kampen, I, p. 404.—2) Ibid. p. 217.

почти вовсе не пріученныхъ къ военному дѣлу, отваживались на вылазки изъ города, не столько для того, чтобы тревожить непріятеля, сколько за тѣмъ, чтобы, пользуясь тревогою, отбивать у него провіантъ. Въ одномъ изъ такихъ нападеній имъ удалось даже, сверхъ всякаго чаянія, овладѣть ближайшими къ городу непріятельскими окопами. Благодаря такому единодушію своихъ гражданскихъ дружинъ, Лейденъ могъ держаться еще мѣсяцъ или два послѣ того, какъ въ немъ почувствовался недостатокъ продовольствія.

Но протянуть осаду еще вовсе не значило спасти городъ отъ конечной гибели. Чѣмъ упорнѣе была защита, тѣмъ больше росло ожесточеніе осаждающихъ. Если они и дѣйствительно были умѣренны въ началѣ, то нельзя еще было поручиться, что они сохранятъ тотъ же самый духъ и къ концу предпріятія. Города, которые мирно отворяли свои ворота передъ испанцами, не всегда могли похвалиться великодушіемъ завоевателей: чего же должны были ожидать тѣ, которые осмѣливались встрѣчать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ? Примѣры были у всѣхъ въ свѣжей памяти. При всемъ мужествѣ лейденцевъ, сопротивленіе ихъ было не вѣчно: рано или поздно, они принуждены были бы просить себѣ пощады, и тогда къ Цутфену, Нардену и Гарлему прибавился бы еще одинъ кровавый примѣръ.

По счастію, Лейденъ имѣлъ еще заботливыхъ попечителей на сторонѣ. Не всѣ забыли его: многіе не переставали думать о томъ, чтобы помочь ему въ крайнемъ положеніи тѣми или другими средствами. Первымъ между ними былъ самъ Вильгельмъ, никогда не терявшій надежды спасти то, что̀ еще не было потеряно. У него не было больше войска и почти никакихъ средствъ, чтобы собрать его вновь, но забота о томъ, какъ бы вырвать Лейденъ изъ рукъ испанцевъ, не покидала его ни на минуту. Въ послѣднее время онъ нарочно поселился въ Роттердамѣ, чтобы быть сколько можно ближе къ осажденному городу и имѣть возможность помогать ему дѣломъ или словомъ. Дѣятельная мысль его работала недаромъ. Наконецъ онъ нашелъ, казалось, довольно вѣрное средство помочь Лейдену—въ самыхъ условіяхъ его мѣстнаго положенія. Извѣстно, что равнина, на которой лежитъ Лейденъ, съ одной стороны достигаетъ моря, съ другой, или сѣверной, простирается до Гарлемскаго озера, а съ юга замыкается нижними частями рѣкъ Валя и Мааса, которыя, вливаясь здѣсь въ море, отдѣляютъ ее отъ островокъ Зеландіи. Кромѣ того самая равнина прорѣзана внутри многими рука-

вами Рейна и каналами, идущими въ разныхъ направленіяхъ. Вода въ морѣ и въ крайнемъ разливѣ впадающихъ въ него рѣкъ, имѣющая обыкновенно уровень выше поверхности земли, постоянно угрожаетъ ей наводненіемъ, которое удерживается только искусственными плотинами, но она же, въ случаѣ опасности, угрожающей равнинѣ отъ непріятеля, можетъ служить ей естественнымъ средствомъ защиты. Объ этомъ средствѣ думали уже и прежде: алькмарцы испытали даже на опытѣ его спасительность; теперь Вильгельмъ рѣшился воспользоваться имъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для спасенія осажденнаго Лейдена, т. е. спустить воду въ равнину и такимъ образомъ затопить всѣ мѣста, занимаемыя непріятелемъ въ окрестностяхъ города. Но это предпріятіе соединено было со многими трудностями и пожертвованіями для самого мѣстнаго народонаселенія. Не говоря уже о томъ, что разрушеніе плотинъ стоило много трудовъ и времени, оно необходимо угрожало разореніемъ цѣлому краю. Цѣлая страна подвергалась наводненію, отъ котораго должны были потерпѣть не только поля, но даже нѣкоторые города и селенія. При всемъ томъ полный успѣхъ предпріятія зависѣлъ еще отъ направленія вѣтра, такъ что, потребовавъ много издержекъ и надѣлавъ много вреда, оно однако могло не принести ожидаемой отъ него пользы. Средство было отчаянное, но далеко не несомнѣнное [1]).

Вильгельмъ былъ настойчивъ, другими словами, онъ былъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ, въ уровень своему предпріятію. Прежде всего надобно было побѣдить трудности со стороны мѣстнаго народонаселенія: Вильгельмъ побѣдилъ ихъ силою своей воли и убѣжденія. Въ видахъ подать руку помощи стѣсненнымъ защитникамъ Лейдена, жители края рѣшились подвергнуть опасности свое собственное благосостояніе. Штаты Голландіи приняли предложеніе принца и положили содѣйствовать ему зависящими отъ нихъ средствами. Другая трудность состояла въ производствѣ самыхъ работъ: принцъ надѣялся скоро торжествовать и надъ этимъ препятствіемъ. Благодаря содѣйствію городовъ, которые помогали не только деньгами, но и людьми, работы вдругъ могли быть начаты во многихъ пунктахъ. На одной Иссельской плотинѣ (Ysseldamm) произведены были раскопки для спуска воды въ шести различныхъ мѣстахъ. Кромѣ того не менѣе дѣя-

[1]) Ср. Wagenaar, III, p. 218

тельно работали на плотинѣ между Дельфтомъ и Роттердамомъ. Въ тоже самое время въ Роттердамѣ, Дельфтѣ и Гудѣ изготовляли плоскодонныя суда, чтобы при первой же возможности выслать ихъ къ стѣнамъ Лейдена для употребленія его жителей. Ужъ была, повидимому, близка, пора ихъ освобожденія: еще нѣсколько ударовъ заступа, и осаждающіе сами должны были спасаться отъ преслѣдованія неожиданнаго для нихъ непріятеля.

Но лейденцамъ предстояло еще новое испытаніе. Въ то время, какъ работы для спуска воды въ равнину приводились къ окончанію, тяжкая болѣзнь постигла главнаго виновника всего предпріятія и произвела въ немъ неизбѣжное замедленіе. Такъ печально были настроены умы голландскихъ патріотовъ, что случайная болѣзнь принца показалась имъ не только неизлѣчимою, но и заразительною. Мысль о заразѣ смутила самыхъ твердыхъ. У всѣхъ опустились руки; нѣкоторое время боялись даже входить въ комнату больного. На сторонѣ между тѣмъ совѣщались о томъ, кѣмъ можно будетъ замѣнить принца въ случаѣ его смерти. Какъ нечаянна была скорбь, такъ внезапно было исцѣленіе. Говорятъ, будто извѣстіе, что лейденцы, несмотря на замедленіе ожидаемой ими помощи, все еще продолжаютъ держаться и не унываютъ духомъ, особенно живительно подѣйствовало на Вильгельма. Послѣ того онъ видимо началъ оправляться и черезъ нѣсколько времени совершенно выздоровѣлъ къ полному удовольствію своихъ соотечественниковъ, которые ждали отъ него только слова, чтобы, не щадя своей родной земли, разодвинуть море вплоть до непріятельскаго стана.

Болѣзнь принца впрочемъ была только началомъ испытанія для лейденцевъ. Ихъ ожидало еще другое, гораздо болѣе тяжелое разочарованіе. Наконецъ въ сентябрѣ 1574 года рѣшено было привести въ дѣйствіе страшный опытъ, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая участь Лейдена, т. е. спустить воду въ равнину и тотчасъ же плыть на судахъ къ осажденному городу съ припасами и подкрѣпленіями. Нидерландскіе историки разсказываютъ самыя подробности этого необыкновеннаго дѣла. Роттердамъ назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ для зеландскихъ и голландскихъ судовъ, а адмиралу Боазо, прославившемуся побѣдою при Реймерсвале, поручено начальство надъ всею сухопутно-морскою экспедиціею. По словамъ Страды, число разныхъ судовъ, собранныхъ въ Роттердамѣ, простиралось до 180, при чемъ надобно замѣтить, что число нахо-

дившихся на нихъ вооруженныхъ людей, кромѣ матросовъ, было не менѣе 1200 [1]). Страшенъ былъ особенно видъ зеландскихъ моряковъ: у кого недоставало руки, у кого ноги; кромѣ того всѣ они носили на себѣ слѣды недавнихъ язвъ [2]). Но сквозь эти безобразныя черты проглядывалъ несокрушимый духъ и презрѣніе ко всѣмъ опасностямъ. Начало дѣла было довольно благопріятное. Когда открыты были первые спуски, вода проникла почти до самаго Дельфта, и экспедиція могла начать свое движеніе по поверхности наводненной земли. Длинная насыпь, отдѣляющая дельфтскую область отъ рейнской, въ которой лежитъ самый Лейденъ, также была пройдена довольно счастливо. Испанцы думали было противопоставить здѣсь сопротивленіе непріятелю, но были отражены на всѣхъ пунктахъ. Но чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ больше замедлялось движеніе флотиліи. Вода не покрыла всего пространства: во многихъ мѣстахъ она только наполнила каналы. Несмотря на то, отважный адмиралъ продолжалъ итти впередъ въ данномъ направленіи. Препятствія увеличивались; съ каждымъ новымъ шагомъ мореплаватели все больше и больше убѣждались, что они находятся не на привычной своей стихіи. То они зашли въ каналъ, откуда не было никакого выхода, то имъ приходилось пробивать себѣ путь черезъ мостъ, около котораго засѣли испанцы въ окопахъ. Надобно было итти въ обходъ другимъ путемъ, но тамъ ждала отважныхъ моряковъ новая неудача: испанцы успѣли посредствомъ канавъ развести воду въ разныя стороны, такъ что суда не могли двигаться по недостатку глубины въ водѣ. На другой же день подулъ сильный вѣтеръ съ моря, и вода поднялась вновь на значительную высоту: неутомимый адмиралъ употребилъ новыя усилія, чтобы привести суда въ движеніе, но только что флотъ показался въ виду Лейдена, какъ опять долженъ былъ остановиться: впереди лежала суша, а на ней виднѣлись непріятельскіе окопы. Адмиралъ и осажденные могли только обмѣняться между собою привѣтственными выстрѣлами и потомъ должны были наблюдать другъ за другомъ издали, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда вѣтеръ усилится, и вода покроетъ все раздѣляющее ихъ пространство [3]).

Лейденцы между тѣмъ переживали очень трудную минуту. Голодъ начиналъ уже производить между ними свое опу-

[1]) См. Strada, Hist. de la guerre de Flandre, подъ 1574 г. (Париж. изд. p. 579). — [2]) Wagenaar, ibid.— [3]) См. Wagenaar, III, p. 220.

стошительное дѣйствіе. Запасы до того истощились, что нельзя было и думать о правильной раздачѣ порцій всѣмъ жителямъ. Немногіе остатки продовольствія раздѣлены были между слабыми и больными, прочіе же пробавлялись чѣмъ могли. Дѣйствіе голода скоро обнаружилось и на самомъ духѣ народонаселенія. Была одна минута, когда всѣмъ городомъ овладѣло уныніе, и въ толпѣ послышались голоса недовольныхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ подошли къ самому ратгаузу, съ требованіемъ, чтобы имъ выдали провіантъ, или чтобы показали средство, какимъ образомъ можно достать его. Другими словами, это значило хотѣть сдачи города непріятелю. Другая толпа приступила съ тѣмъ же самымъ требованіемъ къ бургомистру фанъ-деръ-Верфу. Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ имъ на свое собственное тѣло, прибавивъ, что они могутъ, если найдутъ это нужнымъ, изрѣзать его на части, но чтобы не ждали отъ него ничего болѣе. Выразительный жестъ фанъ-деръ-Верфа не утолилъ голода недовольныхъ, но пробудилъ въ нихъ заснувшую совѣсть: пристыженные имъ, они молча разошлись по домамъ. Этотъ случай, сверхъ ожиданія кончившійся такъ счастливо, благодаря великодушной твердости бургомистра, какъ бы поднялъ вновь упавшій духъ лейденскаго народонаселенія. Въ то самое время, какъ испанцы ждали предложенія о сдачѣ, жители кричали имъ со стѣнъ, что они готовы скорѣе лишить себя лѣвой руки, чѣмъ сдать городъ отъ нужды и голода, а что защищаться они будутъ умѣть и одною правою.

Еще надежды лейденцевъ поддерживались ожиданіемъ скорой перемѣны въ направленіи вѣтра. И дѣйствительно, вѣтеръ, который въ послѣдніе дни дулъ съ сѣверо-востока, утихъ, но затѣмъ наступило совершенное затишье, и вода продолжала замѣтно убывать. Боазо потерялъ всякую надежду снабдить городъ припасами и писалъ принцу, что развѣ только чрезвычайная помощь можетъ спасти его флотилію отъ совершенной гибели. Вмѣсто 20 дюймовъ, которые необходимы были для движенія галеръ, вода на поверхности равнины едва поднималась до 9. Адмиралъ, начальствовавшій флотиліею, поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе: ему было лишь самому до себя. Но утопающій хватается и за соломину. Взоры и самыя мысли лейденцевъ постоянно были обращены на голландскую флотилію, и пока суда стояли у нихъ въ виду, они продолжали питаться надеждою. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ только надежда могла еще поддерживать

въ нихъ изнуренныя силы: другія, обыкновенныя средства питанія истощены были всѣ до послѣдняго. Тяжелы были особенно послѣдніе дни сентября. Нужда достигла до самой крайней своей степени. Многіе въ продолженіе цѣлыхъ семи недѣль не видали ни куска хлѣба. Лишь за дорогую цѣну можно было имѣть лошадиное мясо; простой же народъ питался разрѣзанною на куски кожею. Не было такого нечистаго животнаго, которое бы не годилось въ пищу. Давно выброшенныя кости вырывались изъ-подъ земли и обсасывались съ жадностію. Старые овощи и самыя листья съ деревъ были по нѣскольку разъ перевариваемы, и въ этомъ видѣ служили для прокормленія цѣлыхъ семействъ. Молоко, говорятъ, изсыхало въ материнской груди, и случалось, что мать вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ падали на улицѣ и умирали отъ голода. Одна бѣда родитъ другую: голодъ ведетъ за собою губительныя болѣзни. Жители Лейдена также не избѣжали въ своихъ стѣнахъ опустошительнаго дѣйствія заразы. Жатва смерти была тѣмъ обильнѣе, что она вездѣ встрѣчала лишь самое слабое сопротивленіе. Живые едва успѣвали погребать мертвыхъ, мужья, возвращаясь домой со стражи или съ наблюдательныхъ постовъ, находили дома распростертые трупы своихъ женъ и дѣтей [1]).

Непріятелю, тѣснившему городъ извнѣ, представлялся самый удобный и вѣрный случай взять его силою. Язва уменьшила число защитниковъ Лейдена почти на половину [2]); прочіе же были до крайности изнурены голодомъ и усиленною дѣятельностію. Ихъ бѣдственное положеніе не укрылось отъ осаждающихъ. Самъ осторожный Вальдесъ не сомнѣвался болѣе, что пришло время дѣйствовать наступательно, чтобы ускорить развязку. Ужъ назначенъ былъ самый день приступа, и войску дано три дня для приготовленія къ нему. Участь Лейдена висѣла на волоскѣ,—и если не рѣшилась тогда же, то этимъ счастіемъ лейденцы обязаны были единственно весьма странному и непредвидѣнному столкновенію обстоятельствъ. Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ Страда неожиданную отсрочку приступа. По его словамъ, храбрый испанскій генералъ, осаждавшій Лейденъ, имѣлъ одну слабость. Пока тянулась осада, онъ часто бывалъ въ Гагѣ и тамъ почувствовалъ нѣжную склонность къ одной женщинѣ. Получивъ ея согласіе,

[1]) См. Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 221—22. — [2]) Вагенаръ, ibid., полагаетъ число погибшихъ до 6000.

онъ думалъ на ней жениться, и время отъ времени продолжалъ дѣлать ей визиты изъ лагеря. Если извѣстіе справедливо, то неудивительно, что отъ этого обстоятельства много зависѣлъ и ходъ самой осады Лейдена. Неизвѣстно по какому случаю, одно изъ посѣщеній Вальдеса пришлось наканунѣ того самаго дня, который былъ назначенъ для приступа. Само собою разумѣется, что намѣреніе его не осталось тайною для любимой имъ женщины. Узнавши, какая участь ожидала на другой день ея несчастныхъ соотечественниковъ, она рѣшилась употребить все свое вліяніе, чтобы хотя на время отклонить угрожавшую имъ опасность. Суровое сердце испанскаго вождя не устояло противъ женскихъ слезъ. Чтобы только быть пріятнымъ женщинѣ, онъ согласился отсрочить приступъ къ городу еще на нѣсколько дней [1]).

Можно сомнѣваться въ истинѣ романическихъ подробностей, сообщаемыхъ Страдою въ разсказѣ его объ осадѣ Лейдена; но каковы бы ни были истинныя побужденія, заставившія Вальдеса измѣнить его намѣреніе, неоспоримо кажется то, что единственный случай овладѣть городомъ потерянъ былъ испанцами по ихъ собственной винѣ. Никогда еще можетъ-быть судьба цѣлаго города, равно какъ и его непримиримыхъ враговъ, не зависѣла въ такой степени отъ одного дуновенія вѣтра... Вдругъ, въ то самое время, когда уже лейденцы были у послѣдняго предѣла, положеннаго человѣческому терпѣнію, дохнулъ, будто изъ полной и широкой груди, благодѣтельный сѣверо-западный вѣтеръ, и морская вода съ необыкновенною стремительностію полилась черезъ спуски во всѣ открытые ей каналы и скоро на всей равнинѣ поднялась на высоту, какой далеко не достигала въ первомъ своемъ разливѣ. Со стѣнъ Лейдена можно было наблюдать, какъ стекловидная сверкающая масса раздвигалась все дальше и дальше по окрестностямъ и подходила все ближе и ближе къ лагерю осаждающихъ. Суда, которыя, казалось, были прикованы къ землѣ, опять почувствовали свободу и легко всплыли на поверхности. По данному знаку, вся флотилія дружно снялась съ мѣста и двинулась вновь по направленію къ городу. Если по мѣстамъ протягивались высокія насыпи, заграждавшія путь водѣ и судамъ, то въ нихъ тотчасъ пробивали отверстія и оставляли ихъ позади. Никакая сила не могла болѣе остановить движенія флота: вода своимъ стремленіемъ или облегчала, или

[1]) См. Strada, ibid. (Парижск. изд. фран. пер. p. 576—77).

прокладывала ему путь. Наконецъ отъ нея не были безопасны и самые окопы осаждающихъ. Еще они не успѣли спохватиться, какъ неотразимый врагъ подступилъ къ ихъ крайнимъ укрѣпленіямъ. Смотря со стѣнъ, лейденцы едва вѣрили своимъ глазамъ, когда у нихъ въ виду испанцы покидали одни за другими свои дальніе окопы, спасаясь отъ наводненія. Самъ Вальдесъ былъ между бѣгущими. Но отважные зеландскіе моряки шли по пятамъ осаждающихъ и много отсталыхъ положили на мѣстѣ. Стянувъ всѣ свои силы въ Ламменѣ, на ближайшемъ къ городу возвышеніи, испанцы еще надѣялись удержаться здѣсь во время наводненія и готовились дать отпоръ непріятелю въ случаѣ нападенія съ его стороны. Черезъ Ламменъ же шелъ единственный каналъ (Vliet), которымъ флотилія могла проникнуть въ самый городъ. Только овладѣвъ этимъ пунктомъ, Боазо могъ вступить въ сношенія съ осажденными. Уже когда онъ находился почти у цѣли, ему приходилось однако еще разъ рисковать жизнію людей и успѣхомъ всего предпріятія. Но испытаніе лейденцевъ кончилось, и счастіе рѣшительно было на ихъ сторонѣ. Въ ночь, наканунѣ того дня, когда положено было сдѣлать нападеніе на испанцевъ въ ихъ укрѣпленной позиціи, рухнула часть лейденской стѣны: испанцы, испуганные громомъ ея паденія, и вообразивъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ, въ паническомъ страхѣ поспѣшно побросали въ воду всѣ свои орудія и даже безъ барабаннаго боя покинули свое послѣднее укрѣпленіе. Не проливъ ни одной капли крови, зеландцы вступили въ заповѣдный каналъ, и еще на пути къ городу встрѣтили высланную отъ него депутацію.

Въ воскресенье, 3 ноября 1574 года, въ 8 часовъ утра, союзная флотилія съ подкрѣпленіями и запасами вступила наконецъ тѣмъ же каналомъ въ самый Лейденъ. Никогда конечно—ни прежде, ни послѣ—жители его не переживали такого радостнаго дня; никогда эта праздничная радость не наполняла такъ всего существа человѣка. Какъ будто цѣлый городъ вдругъ вышелъ изъ душной тюрьмы, въ которой томился нѣсколько мѣсяцевъ, ожидая только отъ смерти конца своихъ бѣдствій. Въ первыя минуты радость лейденцевъ была скорѣе чувственная, чѣмъ духовная: ихъ занимали прежде всего и болѣе всего груды привезенныхъ припасовъ. Густыя толпы людей всякаго званія и возраста стояли по берегамъ канала, тѣснились на мостахъ, и всѣ провожали жадными взорами проходившія мимо суда, нагруженныя хлѣбомъ, рыбою,

сыромъ и другими предметами продовольствія. Многіе отъ нетерпѣнія бросались прямо въ воду и подплывали къ самымъ судамъ. Тѣ особенно, которымъ удалось тутъ же получить кусокъ хлѣба, не помнили себя отъ радости. Но кто доведенъ до крайности животнаго состоянія, тотъ и не можетъ иначе возстановить въ себѣ полнаго человѣка, какъ начавъ съ удовлетворенія животнымъ потребностямъ. Скоро впрочемъ въ обновленныхъ сердцахъ лейденцевъ заговорило и другое чувство—-то было чувство глубокой благодарности Провидѣнію. По всѣмъ улицамъ раздались новые радостные клики: Лейденъ спасенъ, восхвалимъ Бога! Эти клики шли прямо изъ глубины души. Ждали только адмирала, и какъ скоро онъ сошелъ на берегъ, весь народъ по единодушному движенію устремился вслѣдъ за нимъ во храмъ, чтобы тамъ, въ потокѣ горячихъ слезъ, излить свои благодарственныя ощущенія. Раздался хвалебный хоръ, но торжественное пѣніе псалмовъ не разъ прерывалось глубокими воплями. Минуты вѣчнопамятныя! Онѣ и теперь живутъ въ благодарныхъ сердцахъ лейденцевъ, каждый годъ возобновляющихъ воспоминаніе о нихъ особымъ празднествомъ.

Враги Лейдена, недавно еще столько грозные, постыдно бѣжали отъ стѣнъ его, бросивъ всю свою артиллерію и потерявъ множество людей. Избѣгая преслѣдованія, они сначала удалились на сѣверъ, и потомъ, обогнувъ Гарлемъ и Амстердамъ, появились въ окрестностяхъ Утрехта. Но утрехтцы затворили передъ ними ворота. Въ войскѣ, которое начинало уже терпѣть нужду, послышался ропотъ и обнаружилось неудовольствіе. Тогда Вальдесъ увидѣлъ себя въ необходимости совершенно очистить Голландію и отошелъ со всѣми своими силами къ Мастрихту. Дѣло освобожденія сѣверныхъ провинцій далеко еще не было приведено къ окончанію; но послѣ тѣхъ залоговъ великодушія, твердости и терпѣнія, которыя даны были жителями Гарлема и Лейдена, можно ли еще было сомнѣваться въ успѣхѣ? Когда потомъ въ (1576 г.) Реквесенсъ умеръ, и Донъ Хуанъ Австрійскій заступилъ его мѣсто по управленію Нидерландами, первымъ его дѣломъ было вступить въ мирные переговоры съ голландскими патріотам удалить испанскія войска изъ провинцій: но было уже поздно. Никакія жертвы не могли болѣе искупить роковой ошибки жестокаго Альбы...

И до сихъ поръ еще существуетъ въ Лейденѣ памятникъ, свидѣтельствующій столько же о великомъ подвигѣ его защитниковъ, сколько и объ ихъ высокомъ безкорыстіи.

Вскорѣ послѣ своего освобожденія лейденцы имѣли удовольствіе принимать въ своихъ стѣнахъ того, чья мысль и сердце приготовили необыкновенныя средства ихъ избавленія. Получивъ вѣсть объ этомъ счастливомъ событіи, принцъ Оранскій поспѣшилъ явиться въ Лейденъ, чтобы раздѣлить радость съ его жителями и еще болѣе ободрить ихъ своимъ личнымъ присутствіемъ. Не нужно говорить, что пріемъ, оказанный ему лейденцами, былъ самый радушный и искренній. Принцъ съ своей стороны не менѣе искренно благодарилъ ихъ за всѣ жертвы, принесенныя ими на пользу общаго дѣла, и въ заключеніе выразилъ надежду и увѣренность, что ихъ заслуги не останутся безъ вознагражденія. Принявъ потомъ нѣкоторыя необходимыя мѣры для будущей безопасности города, онъ простился съ его жителями, и выѣхалъ напутствуемый ихъ добрыми желаніями.

Слово Вильгельма сказано было не напрасно. По вызову штатгальтера, государственные чины Голландіи спѣшили торжественнымъ актомъ засвидѣтельствовать свою признательность непоколебимымъ защитникамъ Лейдена, и чтобы не ограничиваться одними словами, тогда же предложили городу въ награду за высокій подвигъ мужества и самоотверженія — или освобожденіе отъ обременительныхъ *пошлинъ* на нѣсколько лѣтъ, или право на учрежденіе *университета* въ стѣнахъ его. Замѣчательною мыслію руководились тѣ, отъ которыхъ шло это необыкновенное предложеніе; но и другая сторона, которой предоставлена была затруднительная свобода выбора показала не менѣе высокое настроеніе духа. Въ положеніи города, почти разореннаго продолжительною осадою и соединенными съ нею тяжелыми лишеніями, повидимому ничего не могло быть привлекательнѣе, какъ освобожденіе отъ пошлинъ, хотя бы только на первое самое трудное время; но мужественные защитники Лейдена доказали, что основаніе ихъ высокаго героизма лежало въ самомъ ихъ духѣ, и что духовные интересы дѣйствительно были для нихъ дороже матеріальныхъ: они отказались отъ предложенныхъ имъ льготъ и пожелали лучше имѣть въ стѣнахъ своего многопотерпѣвшаго города высшее учебное заведеніе. Невѣрные барыши они мѣняли на вѣрное просвѣщеніе.

Желаніе ихъ было немедленно исполнено. Въ январѣ

слѣдующаго 1575 года изготовлена была грамота на учрежденіе университета въ Лейденѣ, а вслѣдъ за тѣмъ неутомимый Марниксъ Сентъ-Альдегонде, только что передъ тѣмъ освободившійся изъ испанскаго плѣна, отправился въ Гейдельбергъ и другіе знаменитые тогда университеты Германіи, съ порученіемъ приглашать достойныхъ преподавателей для новаго разсадника высшаго ученаго образованія въ нидерландскихъ провинціяхъ [1]).

Едва только открылась академическая дѣятельность новаго университета, какъ уже лѣтописи его прославились именами Фоссіуса, Юста Липсіуса и Іосифа Скалигера, которыя и въ наше время наука вспоминаетъ съ признательностію. За ними послѣдовали другіе, не менѣе полезные дѣятели. Филологія и математика воздѣлывались съ особеннымъ успѣхомъ въ Лейденѣ. Но было бы слишкомъ долго излагать всѣ заслуги нашего старшаго собрата по ученымъ занятіямъ; довольно сказать, что Лейденскій университетъ, основанный въ XVI столѣтіи, и теперь еще продолжаетъ цвѣсти и служить наукѣ какъ своими рѣдкими учеными средствами, такъ и полезною дѣятельностію своихъ достойныхъ сочленовъ. Пожелаемъ ему, чтобы онъ и впредь продолжалъ цвѣсти на память героической защиты Лейдена и на общую пользу человѣчества!

1) Wagenaar, Allg. Gesch. III, p. 224; ср. впрочемъ von Kampen, 1, p. 406.

Жозефъ Бонапартъ въ Италіи. *

Подъ этимъ заглавіемъ намѣрены мы представить читателямъ нѣсколько очерковъ, относящихся къ исторіи наполеоновскихъ завоеваній въ Италіи.

Общій ходъ событій извѣстенъ каждому. Перемѣны быстро слѣдовали одна за другою. Изъ волкана, вспыхнувшаго во Франціи въ девяностыхъ годахъ, образовался потомъ бурный потокъ завоеваній, который угрожалъ независимости сосѣдственныхъ государствъ и народовъ. Нидерланды, Германія, Швейцарія, Италія и Испанія почти равно подвергались опасности. Разливъ былъ такъ силенъ и стремителенъ, что, казалось, не было силъ, которыя были бы въ состояніи остановить его. Ближайшія страны на востокъ отъ Франціи первыя испытали его неотразимость. Скоро потомъ сотрясеніе сообщилось и Германіи. Еще менѣе способна была выдержать ударъ Италія съ своими разрозненными силами: она была почти вся завоевана въ нѣсколько походовъ. Только успѣхами русскаго оружія отвращена была опасность совершеннаго ея покоренія. Но русскіе были лишь временными гостями въ Италіи: едва только вышли они изъ ея предѣловъ, какъ новая военная гроза подступила къ нимъ. Консульство и вслѣдъ за нимъ имперія еще шире раздвинули прежніе завоевательные планы. На нѣкоторое время борьба сосредоточилась около Альповъ, по ту и по другую ихъ сторону. Постоянно угрожая Германіи съ Рейна, завоеватель въ то же время продолжалъ наносить тяжелые удары Италіи въ самомъ ея сердцѣ. Они были тѣмъ дѣйствительнѣе, что чрезъ Австрію отражались и на сосѣдственной имперіи.

* Напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1855 г. подъ заглавіемъ: «Жозефъ Бонапартъ въ Италіи и Испаніи». Но второй части этихъ очерковъ (о пребываніи Жозефа въ Испаніи) вовсе не было написано авторомъ.

Сопротивленіе съ каждымъ годомъ теряло въ энергіи. Еще одно Маренго въ самой Германіи, и Нѣмецкая имперія не могла болѣе устоять. Въ Италіи держалось только Королевство Обѣихъ Сицилій — также до перваго рѣшительнаго удара. Занося вновь руку на Австрію, Наполеонъ въ тоже время обдумывалъ планъ занятія Неаполя, который назначалъ въ апанажъ старшему своему брату. Отсюда начинается довольно видная роль Жозефа въ дѣлахъ южной Европы, перенесенная потомъ въ Испанію, гдѣ вскорѣ также потребовалось вѣрное и вмѣстѣ послушное орудіе для властолюбивыхъ замысловъ завоевателя. Такимъ образомъ, вопреки ожиданіямъ самого Жозефа, на головѣ его смѣнились въ короткое время двѣ европейскія короны. Какъ случайное пріобрѣтеніе, лишенное всякаго права, ни та, ни другая не были прочны на немъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда звѣзда Наполеона стала склоняться къ западу, и онъ долженъ былъ, какъ простой изгнанникъ, искать себѣ убѣжища во Франціи. Тамъ, въ роковую минуту взятія Парижа союзниками, Жозефу еще разъ досталось сыграть видную, хотя вовсе не блестящую роль, чтобы потомъ удалиться въ изгнаніе даже изъ той страны, которую онъ привыкъ считать своимъ отечествомъ. Политическое поприще его было кончено, и годы, проведенные имъ въ Неаполѣ и Испаніи, навсегда остались замѣчательнѣйшими въ его жизни.

Жозефъ пережилъ многими годами не только паденіе, но и самую смерть своего брата. Время своего изгнанія онъ провелъ большею частью въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ жилъ частнымъ человѣкомъ подъ именемъ графа Сюрвилье. Іюльскій переворотъ снова пробудилъ въ немъ несбыточныя надежды. Въ 1832 г. экс-король Испаніи сѣлъ на корабль, чтобы переплыть въ Англію и оттуда пробраться въ Австрію, гдѣ было мѣстопребываніе молодого принца, въ которомъ члены наполеоновской фамиліи видѣли главнаго представителя своихъ интересовъ. Но въ это самое время герцогъ Рейхштадскій умеръ въ Шенбруннѣ. Жозефъ остался въ Европѣ, но долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды снова играть въ ней политическую роль. Смерть постигла его въ 1844 году. Онъ умеръ во Флоренціи 77 лѣтъ отъ рожденія. Оставшіеся послѣ него многочисленные письменные матеріалы приведены были въ порядокъ адъютантомъ принца Жерома Дюкасомъ, и изданы имъ же въ свѣтъ, подъ названіемъ «Мемуаровъ Жозефа»,

въ продолженіе 1853 и 54 годовъ [1]. Самому Жозефу принадлежитъ въ нихъ лишь небольшой историческій отрывокъ, въ которомъ разсказъ доведенъ до вступленія французовъ въ Неаполь. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе всей политической дѣятельности Жозефа, раздѣленное на главы и сопровождаемое обширною перепискою его какъ съ главою фамиліи, такъ и съ прочими ея членами, министрами и генералами. Почти нѣтъ нужды говорить, что главный интересъ принадлежитъ перепискѣ Жозефа съ Наполеономъ. Обнародованіе ея безспорно составляетъ одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній для документальной исторіи нашего времени. Впрочемъ и другія части переписки также не лишены интереса во многихъ отношеніяхъ. Вообще бумажное наслѣдство, завѣщанное Жозефомъ исторіографіи, должно быть принято съ благодарностію.

Съ этой точки зрѣнія смотримъ мы на изданіе «Мемуаровъ» Жозефа. Приложенное къ нимъ въ отдѣльныхъ главахъ историческое изложеніе конечно много облегчаетъ обзоръ событій; но это не исторія въ строгомъ смыслѣ слова, которая бы содержала въ себѣ полную картину времени и представляла удовлетворительную оцѣнку современныхъ дѣйствующему лицу событій и отношеній. Для того, чтобы назваться исторіею, изложеніе издателя слишкомъ односторонне и недостаточно безпристрастно. Болѣе существенная заслуга состоитъ въ сообщеніи публикѣ самыхъ документовъ въ подлинномъ ихъ видѣ. Это не болѣе какъ историческій матеріалъ, еще требующій дальнѣйшей разработки, но матеріалъ плодотворный, который—мы не сомнѣваемся — прольетъ много новаго и вовсе неожиданнаго свѣта на внутреннія отношенія въ кругу наполеоновскихъ завоеваній и много измѣнитъ въ нашихъ понятіяхъ о дѣйствующихъ лицахъ того времени. Таковы въ особенности многія интимныя письма самого Наполеона къ брату, вполнѣ открывающія намъ многія задушевныя его тайны и планы, о которыхъ до сихъ поръ едва можно было имѣть слабое подозрѣніе. Другія, болѣе извѣстныя черты его характера выступаютъ въ той же перепискѣ еще явственнѣе, становятся еще уловимѣе, хотя и не говорятъ много въ его пользу. Лицо Жозефа, напротивъ того, много выигрываетъ въ глазахъ читателя, знающаго изъ подлинныхъ документовъ тайну на-

[1] Полное заглавіе есть слѣдующее: Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph, publiés, annotés et mis en ordre par A. Du Casse, aidede camp de s. a. i. le prince Jérome Napoléon. 10 voll. Paris. 1853 — 54.

стоящихъ отношеній его къ брату въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни и дѣятельности. По мѣстамъ встрѣчаются также нѣкоторыя новыя подробности касательно военныхъ дѣлъ того времени. Все это дѣлаетъ изданіе Дюкаса занимательнымъ въ чтеніи и необходимымъ для повѣрки и дополненія прежнихъ извѣстій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи наполеоновскихъ завоеваній на югѣ Европы.

Сюда принадлежитъ въ особенности исторія Неаполя во время занятія его французами. Здѣсь наиболѣе выдается роль Жозефа какъ одного изъ политическихъ дѣятелей своей эпохи. Къ этому времени относится наибольшая и самая занимательная часть его интимной корреспонденціи съ главою французской имперіи. На тѣхъ же годахъ остановимся и мы, сколько позволитъ намъ досугъ, ограничиваясь впрочемъ въ нашемъ обзорѣ лишь самымъ замѣчательнымъ.

I. НАМѢСТНИЧЕСТВО ЖОЗЕФА ВЪ НЕАПОЛѢ.

Неаполь рано уже обреченъ былъ въ жертву наполеоновскому властолюбію. Занимая своими войсками почти всю Италію, завоеватель не могъ потерпѣть на югѣ ея независимую отрасль Бурбоновъ. Еще болѣе непростителенъ былъ въ его глазахъ постоянный союзъ ихъ съ Англіею и Россіею. Предпріятіе же, направленное противъ Неаполя, тѣмъ легче могло быть приведено въ исполненіе, что страна была открыта и доступна завоеванію съ сѣвера и почти вовсе не приготовлена къ оборонѣ. Даже во время мира между Французскою республикою и Неаполемъ сильные отряды французскаго войска подъ разными предлогами не разъ появлялись въ предѣлахъ королевства и располагались въ немъ на квартирахъ. Чего могъ ожидать Неаполь въ случаѣ объявленія войны? Нѣкоторое время для него недоставало лишь предлога, но онъ потомъ открылся въ новомъ союзѣ съ Австріею, Россіею и Англіею, къ которому Неаполь приступилъ съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ дружественной конвенціи, заключенной имъ 21 сентября 1805 года съ Франціею. Еще французскій посланникъ находился въ Неаполѣ, когда соединенный отрядъ вспомогательнаго англо-русскаго войска высадился въ Кастелламаре и двинулся отсюда во внутренность королевства, которое становилось подъ его защиту.

Со стороны Франціи надобно было ожидать бури. Наполеонъ всегда въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывался о политикѣ неаполитанскаго двора и очень гласно высказывалъ свои мнѣнія о ней. Въ настоящемъ случаѣ всего менѣе можно было надѣяться, что онъ захочетъ остаться въ предѣлахъ умѣренности. Дурной оборотъ дѣла былъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что извѣстіе о высадкѣ вспомогательныхъ войскъ въ Неаполѣ застало Наполеона среди новыхъ блестящихъ побѣдъ, которыя открыли ему путь въ самое сердце Германской имперіи. Униженная Австрія смиренно ждала себѣ приговора отъ торжествующаго побѣдителя, занимавшаго самую Вѣну съ ея предмѣстьями. Ветхая форма „Священной Римско-Германской имперіи" окончательно была разбита Пресбургскимъ миромъ, послѣ чего цѣлая половина раздробленной Германіи заискивала милости и ждала повелѣній завоевателя. Въ упоеніи своимъ торжествомъ Наполеонъ думалъ уже самовластно располагать второстепенными коронами въ Европѣ, и тогда же произнесъ свой суровый приговоръ Неаполю, объявивъ въ приказѣ своимъ войскамъ, что неаполитанская династія „перестала царствовать". Исполненныя гордой самонадѣянности слова отзывались не только гнѣвомъ, но и презрѣніемъ къ врагу. Еще не взявши на себя труда побѣдить неаполитанскихъ Бурбоновъ, Наполеонъ объявлялъ уже ихъ, въ услышаніе цѣлаго свѣта, лишенными престола!

За словами тотчасъ послѣдовали дѣла. Первымъ дѣломъ Наполеона было приказать наблюдательному корпусу Сенъ-Сира, лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ выступившему изъ Неаполитанскаго королевства, снова двинуться къ предѣламъ его. Это угрожающее движеніе поразило страхомъ министровъ Фердинанда IV и связало имъ языки въ королевскомъ совѣтѣ. Союзники, не чувствуя себя въ силахъ противиться превосходному числу непріятеля и не находя довольно содѣйствія со стороны мѣстнаго правительства, принуждены были отступить къ берегамъ и снова сѣсть на корабли. Одна только Каролина нашла въ себѣ столько присутствія духа и рѣшимости, что объявила свою готовность вести войну даже безъ союзниковъ и брала на себя отвѣтственность за нее. Но голосъ ея почти не встрѣчалъ себѣ сочувствія. Король до того потерялъ духъ, что не смѣлъ болѣе оставаться въ Неаполѣ и переѣхалъ на жительство въ Палермо, назначивъ старшаго сына своимъ намѣстникомъ на континентѣ. Между тѣмъ Наполеонъ, не ограничиваясь первою мѣрою, готовилъ въ Италіи

цѣлую армію для той же цѣли. Онъ впрочемъ не хотѣлъ принять на себя лично командованіе ею, какъ потому, что не считалъ предпріятіе очень труднымъ и надѣялся скоро привести его къ концу, довѣривъ опытному маршалу, такъ и потому, что гораздо болѣе занятъ былъ Германіею, гдѣ еще не успѣлъ окончить своихъ расчетовъ съ Пруссіею. Но одни только военные успѣхи въ Неаполѣ не удовлетворили бы его честолюбія: не сомнѣваясь въ побѣдѣ, онъ уже мечталъ о томъ, чтобы основать въ южной Италіи зависящее отъ него королевство, подъ властью человѣка ему вполнѣ преданнаго и готоваго содѣйствовать всѣмъ его видамъ и намѣреніямъ. Это была первая попытка Наполеона распространить свои династическіе интересы на членовъ своей многочисленной фамиліи. Въ старшемъ братѣ своемъ Жозефѣ думалъ онъ найти способнѣйшее орудіе для своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ со стороны Жозефа онъ встрѣчалъ только преданность и полную готовность служить всѣмъ его интересамъ, и потому незадолго передъ тѣмъ назначилъ его президентомъ сената имперіи. Теперь, когда представлялся случай утвердить власть рода въ сторонѣ отъ главнаго направленія завоевательной политики, Наполеонъ не находилъ человѣка достойнѣе своего старшаго брата, въ чьи бы руки могъ ввѣрить столь важные для него интересы будущаго пріобрѣтенія въ Италіи, и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Неаполѣ. Ему же поручено было и главное начальство надъ экспедиціонною арміею; впрочемъ онъ носилъ только титулъ главнокомандующаго, а самое командованіе и зависящія отъ него военныя распоряженія ввѣрены были опытному генералу Массенѣ, которому подчинялся и Сенъ-Сиръ съ своимъ корпусомъ.

„Я имѣю намѣреніе"—писалъ Наполеонъ брату изъ Мюнхена черезъ три дня по заключеніи Пресбургскаго мира— „овладѣть Неаполитанскимъ королевствомъ. Два корпуса подъ начальствомъ Массены и Сенъ-Сира направлены мною туда. Васъ я назначаю вмѣсто себя командующимъ неаполитанскою арміею (lieutenant commandant en chef l'armée de Naples). Черезъ сорокъ часовъ по полученіи этого письма вы должны отправиться прямо въ Римъ, и пусть первая же ваша депеша извѣститъ меня о вступленіи вашемъ въ Неаполь. Вашимъ дѣломъ будетъ изгнать оттуда вѣроломный дворъ и утвердить въ этой странѣ наши законы" [1]).

[1]) Mém. et corresp. du roi Joseph, t. 1, p. 351—52.

Такъ однимъ почеркомъ пера Наполеонъ рѣшилъ судьбу цѣлаго независимаго королевства. Жозефъ не прекословилъ. Какъ ни неожиданно было для него это назначеніе, онъ принялъ его какъ приказъ, который долженъ исполнить въ точности, и немедленно началъ собираться въ дорогу.

„Ваше величество“—писалъ онъ въ отвѣтъ Наполеону по полученіи его приказанія—„я ѣду въ эту ночь (8-го января 1806 года), чтобы исполнить порученіе, ввѣренное вашимъ в—омъ мнѣ. Мой отъѣздъ болѣе не тайна, но никто не знаетъ цѣли его. Я бы желалъ, чтобы в. в—во позволили мнѣ взять съ собою Маріуса Клари, молодого человѣка, мною воспитаннаго, адъютанта Бернадота, также Рёдерера-сына, адъютанта генерала Сентъ-Илера. Я не осмѣлился писать объ этомъ къ военному министру. Я не рѣшаюсь взять съ собою Саличетти, потому что не желалъ бы ввѣрить ему настоящей причины моего отъѣзда; но если на то будетъ воля в. в—ва, я радъ буду исполнить ее. Я ни съ кѣмъ не прощаюсь; я оставляю здѣсь жену, которая не совсѣмъ здорова, и моихъ дѣтей“ [1]).

Наполеонъ, повидимому, не ошибся, когда надѣялся имѣть въ братѣ вѣрнаго и всегда готоваго исполнителя своихъ приказаній. Нельзя было быть точнѣе и исполнительнѣе его, какъ это видно изъ приведеннаго письма. Жозефъ не только не противорѣчилъ, но и не задумывался,—не задумывался даже насчетъ своихъ способностей для исполненія такого важнаго и вмѣстѣ опаснаго порученія, какъ покореніе цѣлаго государства и замѣщеніе въ немъ одной династіи другою. Онъ принялъ свое назначеніе какъ долгъ и спѣшилъ взять всѣ необходимыя мѣры, чтобы, не теряя времени, явиться къ своему новому посту. Мы должны прибавить, что Жозефъ былъ столько же точенъ на дѣлѣ, сколько и на словахъ. 18-го января онъ былъ уже въ Туринѣ, 20-го въ Болоньѣ, а 24-го того же мѣсяца писалъ Наполеону изъ Рима, извиняясь, что дурныя дороги замедлили пріѣздъ его сюда двумя днями [2]).

Въ Римѣ намѣстникъ нашелъ весь главный штабъ экспедиціонной арміи. Она состояла изъ 39,000 человѣкъ, испытанныхъ въ бою и командуемыхъ извѣстными генералами. Самый большой корпусъ въ 16,000 чел. находился подъ непосредственнымъ начальствомъ маршала Массены, два другіе—въ 13 и 10,000 чел.—подъ начальствомъ генераловъ

1) Ibid. p. 361—62.— 2) Ibid. t. II, p. 41.

Ренье и Лекки. Сенъ-Сиръ, несовсѣмъ довольный назначеніемъ Массены, который нѣкоторымъ образомъ заступилъ его мѣсто, взялъ отпускъ и отправился въ Парижъ.

Въ письмахъ, писанныхъ около этого времени Наполеономъ къ Жозефу, встрѣчаются весьма любопытныя замѣтки какъ о лицахъ, которымъ ввѣрено было тогда командованіе дѣйствующими войсками въ Италіи, такъ и о веденіи войны вообще. Во всемъ видѣнъ опытный и предусмотрительный глазъ человѣка, вполнѣ владѣющаго своимъ искусствомъ и знающаго какъ хорошія, такъ и слабыя стороны подчиненныхъ ему лицъ. Преслѣдуя одну цѣль, онъ готовъ былъ даже потерпѣть многія злоупотребленія со стороны людей, которыхъ облекалъ своимъ довѣріемъ, если только находилъ въ нихъ способныя орудія. Въ письмахъ къ брату онъ позволялъ себѣ многія признанія въ этомъ отношеніи, которыя до сего времени оставались большею частью тайною для публики.

Изъ трехъ генераловъ, назначенныхъ для командованія корпусами, Наполеонъ особенно рекомендовалъ своему брату Ренье. „Имѣйте особенное вниманіе"—писалъ онъ намѣстнику—„къ генералу Ренье: онъ холоденъ, но способнѣе всѣхъ другихъ составить хорошій планъ компаніи и подать вамъ хорошій совѣтъ". „Впрочемъ"—прибавляетъ онъ во вкусѣ Макіавеля — „въ вашемъ положеніи искусство должно состоять въ томъ, *чтобы каждый изъ нихъ равно не сомнѣвался, что владѣетъ всѣмъ вашимъ довѣріемъ*.... Ваша главная забота должна состоять въ томъ, чтобы не разъединять вашихъ силъ и стараться сколько можно скорѣе достигнуть Неаполя со всѣмъ вашимъ войскомъ" [1]).

Далеко не такъ благопріятны отзывы Наполеона о главномъ предводителѣ экспедиціонной арміи, которому принадлежало командованіе не по формѣ, а на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ, къ кому лучше отнести тѣ мѣста писемъ, гдѣ имя лица означается только буквою М. Одному съ нимъ нареканію подвергается также имя другого лица, означаемаго буквою S. Повидимому, дѣло идетъ о маршалѣ Сультѣ. Нисколько не сомнѣваясь въ военныхъ способностяхъ того и другого, даже предпочитая ихъ многимъ какъ искусныхъ генераловъ, Наполеонъ однако не былъ слѣпъ къ ихъ слабостямъ и приказывалъ брату строго слѣдить за ними.

1) Mém. et correspond. t. II, p. 36–37.

„Будьте строги съ М. и С.“—писалъ онъ въ томъ же письмѣ—„и скажите имъ, что вы не потерпите воровства (volеries); М. много промышлялъ этимъ въ Венеціанской области. По той же самой причинѣ я отозвалъ въ Парижъ С.: это негодный человѣкъ (c'est un movais sujet).—Въ этомъ отношеніи вы должны соблюдать строгую дисциплину. Возьмите себѣ шестерыхъ адъютантовъ; не держите никогда военныхъ совѣтовъ, постарайтесь отъ каждаго отдѣльно отобрать его мнѣніе. Пишите мнѣ часто и подробно, чтобы я также въ состояніи былъ помогать вамъ моимъ совѣтомъ“, и т. д. — Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ почти не менѣе рѣзко повторилъ свое мнѣніе о первомъ изъ двухъ помѣченныхъ его рукою генераловъ, впрочемъ выражая нѣкоторую надежду на его исправленіе: „Не терпите у себя воровъ. Я надѣюсь, что вы будете довольны М.; если же этого не случится, то отпустите его немедленно“ [1]).

Такъ обличаются герои, много разъ служившіе своими талантами и своею шпагою властолюбію завоевателя, — обличаются его же собственными признаніями! Очевидно, онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на искусныхъ кондотьеровъ, мало заботясь объ ихъ нравственныхъ качествахъ и думая только о томъ, чтобы употребить въ свою пользу ихъ способности. Такъ блѣднѣютъ иныя громкія имена при историческомъ свѣтѣ.

Впрочемъ и самъ онъ, величайшій кондотьеръ своего времени, не всегда былъ предметомъ безусловнаго удивленія даже со стороны лицъ, близко къ нему поставленныхъ и связанныхъ съ нимъ родственными и другими отношеніями. Кстати привести здѣсь отзывъ Луціана, другого его брата, находившагося въ то время также въ Италіи, хотя безъ всякаго особеннаго порученія. Луціанъ болѣе всѣхъ другихъ братьевъ Наполеона отличался независимостью образа мыслей. Встрѣтившись съ Массеною въ Болоньѣ, на пути его въ Римъ, гдѣ была тогда главная квартира экспедиціонной арміи, онъ провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ и при этомъ случаѣ много говорилъ съ нимъ о замыслахъ, характерѣ и политикѣ своего брата. Какъ видно, родственныя связи не мѣшали ему быть безпристрастнымъ въ сужденіяхъ. Маршалъ, повидимому, раздѣлялъ его мнѣніе, и въ мемуарахъ, изданныхъ подъ его именемъ, мы находимъ полный отзывъ Луціана о Наполеонѣ.

Замѣчательно особенно въ этомъ отзывѣ слѣдующее мѣсто:

1) Ibid. p. 42—43.

„Я не вижу въ моемъ братѣ полнаго совершенства. Ему недостаетъ истиннаго величія: честолюбіе кружитъ ему голову и сбиваетъ его съ толку. Онъ ставитъ лишь самого себя крайнею цѣлью всѣхъ своихъ плановъ, колоссальныхъ предпріятій и изумительныхъ побѣдъ. Извѣстное изреченіе Людовика XIV давно уже не даетъ ему спать спокойно. Я бы простилъ ему пожизненное консульство, потому что эта маска обманывала республиканскую Францію, не подозрѣвавшую подъ нею скрытой королевской власти, и не внушала особенныхъ опасеній монархической Европѣ. Но имперія была грубою ошибкою съ его стороны. Это значило открыть борьбу между двумя началами, по самой натурѣ своей несовмѣстимыми между собою: то или другое изъ нихъ должно погибнуть. Къ чему послужило присоединеніе Генуи, Пармы, Піаченцы, Піемонта и другихъ земель къ Франціи? Оно лишь произвело опасное раздраженіе умовъ и обратило противъ насъ общее мнѣніе. Не лучше ли было бы, безкорыстно увеличивъ Итальянское королевство присоединеніемъ къ нему всѣхъ этихъ земель, дать ему въ государи туземнаго принца и тѣмъ навсегда обезпечить будущее этой благородной и несчастной страны? Да, я повторяю, мой братъ есть лишній членъ въ составѣ Европы (est de trop en Europe): она до тѣхъ поръ не будетъ спокойна, пока онъ не исчезнетъ вовсе съ политической сцены“ [1]).

Эти слова, сказанныя въ 1806 году однимъ изъ самыхъ независимыхъ членовъ фамиліи, заключали въ себѣ великую истину, оправданную потомъ всѣми событіями послѣдующихъ десяти лѣтъ. Но они не доходили до слуха Наполеона, и если бы даже дошли, не могли бы измѣнить его упорныхъ рѣшеній, которыя онъ обдумывалъ лишь самъ съ собою, не спрашивая ничьихъ совѣтовъ. Луціанъ былъ правъ, когда говорилъ, что, пока братъ его оставался на сценѣ, все должно было итти на ней извѣстнымъ роковымъ порядкомъ. Ничто въ мірѣ не могло измѣнить честолюбія Наполеона. Такъ неизмѣнно было его рѣшеніе относительно вновь предположеннаго завоеванія въ Италіи. „Я могу вамъ только повторить“—писалъ онъ къ Жозефу въ концѣ января того же года — „что имѣю рѣшительное намѣреніе покорить Королевство Обѣихъ Сицилій, и для этой цѣли прошу васъ сообразоваться съ моими прежними инструкціями. Овладѣвъ Неаполемъ, вы пошлете два корпуса далѣе, одинъ по направленію къ Таренту, а дру-

[1]) Mémoires de Massena, t. V, p. 146—147.

гой къ Сициліи. При этомъ вы должны завѣрить всѣхъ самымъ формальнымъ образомъ, что неаполитанскій король никогда болѣе не вступитъ на престолъ, и дать понять всякому, что это необходимо для спокойствія Европы, которое уже два раза было имъ нарушено" [1]). Подумаешь, участь цѣлаго европейскаго государства зависѣла единственно отъ воли одного человѣка, и чтó онъ положилъ себѣ на умѣ, то непремѣнно должно было исполниться, хотя бы то было вопреки всей Европѣ! Для Наполеона какъ будто не существовало общественнаго мнѣнія и никакой другой политической силы, кромѣ той, которая принадлежала ему самому и была въ полномъ его распоряженіи. Какъ сопротивленіе не могло внушать ему страха, такъ самая готовность противной стороны къ уступкамъ равно безсильна была расположить его къ снисхожденію. Въ отношеніяхъ со слабымъ и беззащитнымъ врагомъ онъ пренебрегалъ даже самыми обыкновенными формами общественнаго приличія. Съ Каролиною особенно онъ хотѣлъ чиниться менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ враговъ. Личное чувство вражды къ ней брало въ немъ верхъ надъ самыми первыми требованіями благоразумія и принятыхъ условій. Вмѣсто отвѣта на письмо королевы, въ которомъ она обращалась къ его великодушію, онъ писалъ къ своему намѣстнику: „Сію минуту получилъ я письмо отъ королевы, въ которомъ она проситъ у меня пощады; я не отвѣчаю ей; не отвѣчайте и вы на тѣ письма, которыя получите отъ нея. Если же она вздумаетъ прислать кого, велите ей сказать только, что вы имѣете приказаніе занять Неаполь". Еще рѣзче тонъ другого письма, написаннаго по случаю извѣстія объ отправленіи кардинала Руффо съ предложеніями о мирѣ: „Я получилъ извѣстіе" — писалъ онъ къ Жозефу—„что неаполитанскій дворъ отправляетъ ко мнѣ кардинала Руффо съ мирными предложеніями. Я же распорядился, чтобы его не допускали въ Парижъ. Вы должны безъ отлагательства начать наступленіе и взять всѣ мѣры, чтобы овладѣть Неаполитанскимъ королевствомъ, не слушая никакихъ предложеній о мирѣ, перемиріи или временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій: какого бы рода ни были эти предложенія, вы должны отвергнуть ихъ всѣ безъ исключенія" [2]). Тутъ не могло быть болѣе никакихъ сомнѣній: всякая возможность переговоровъ была отрѣзана заранѣе, и Неаполь безвозвратно обреченъ завоеванію.

[1]) Mém. et corresp. de Joseph, t. II, p. 45.—[2]) Ibid. p. 43.

Оставаясь самъ внѣ предѣловъ Италіи и ввѣривъ исполненіе своей мысли старшему брату, при содѣйствіи опытныхъ генераловъ, Наполеонъ между тѣмъ не спускалъ глазъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили приготовленія къ войнѣ. Несмотря на отдаленіе, дѣятельная мысль его не переставала работать надъ самыми подробностями предпріятія и предначертывала ему всѣ пути. Жозефу и его помощникамъ указана была не только цѣль, но и средства ея достиженія. Въ письмахъ Наполеона, писанныхъ въ это время изъ Германіи и Франціи находимъ, хотя въ общихъ чертахъ, весь планъ будущей кампаніи. Отъ генераловъ экспедиціонной арміи не требовалось много изобрѣтательности: имъ оставалось лишь вѣрно исполнять предписанное. Такъ уже изъ Штуттгардта отъ 19 января Наполеонъ писалъ брату: „Напоминаю вамъ не раздѣлять вашихъ силъ. Пусть вся наша армія пройдетъ Апеннины и потомъ вы двинете три ея корпуса прямо на Неаполь, *держа ихъ на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы ихъ всегда можно было соединить противъ непріятеля не болѣе какъ въ теченіе одного дня.* Какъ скоро Неаполь взятъ, крайнія области не удержатся. Что̀ останется позади въ Абруццахъ, то можно будетъ взять оборотнымъ движеніемъ (à revers). Затѣмъ вы пошлете одну дивизію къ Таренту, а другую къ берегу, лежащему противъ Сициліи, и тѣмъ довершите начатое вами покореніе Неаполитанскаго королевства“ [1]). Въ письмѣ изъ Парижа отъ 31 января читаемъ уже нѣкоторыя подробныя распоряженія на случай предполагаемаго взятія Неаполя: „Полагаютъ, что наслѣдный принцъ остался въ Неаполѣ; если это правда, прикажите немедленно арестовать его и отправить во Францію подъ надежнымъ прикрытіемъ. *Это мое приказаніе исполните во всей точности: я не позволяю вамъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго уклоненія* [2]). Пусть сдадутъ вамъ потомъ всѣ форты, и чтобы не было допущено никакого сопротивленія. Тогда, сформировавъ особый корпусъ въ 22 или 23,000 человѣкъ, вы направите его къ Реджіо, чтобы оттуда немедленно перевести въ Сицилію“. Письмо заключалось выразительными словами: „Я хочу, чтобы, пока мой родъ будетъ царствовать во Франціи, онъ царствовалъ также и въ Неаполѣ. Неаполитанское королевство для меня необходимо“.

Скоро всѣ приготовленія были кончены, и въ февралѣ того же года Жозефъ открылъ кампанію.

[1]) Ibid. p. 39.—[2]) Ibid. p. 46. c'est là mon ordre exprès; je ne vous laisse aucune latitude sur cet objet.

II. ЗАНЯТІЕ НЕАПОЛЯ ФРАНЦУЗАМИ.

8-го февраля 1806 года французскій авангардъ перешелъ Гарильяно и открылъ наступательное движеніе по направленію къ Капуѣ.

Наполеонъ, оставаясь въ Парижѣ, присутствовалъ мыслію и сердцемъ при своей экспедиціонной арміи. Нетерпѣніе его росло съ каждымъ днемъ. Наканунѣ перехода черезъ Гарильяно, онъ писалъ къ брату въ отвѣтъ на письмо его отъ 28-го января: „Я совершенно одобряю отвѣтъ вашъ неаполитанскому наслѣдному принцу (это былъ отказъ на его мирныя предложенія). Пора наконецъ перестать шутить. Меня удивляетъ дурное состояніе вашей артиллеріи и недостатокъ средствъ, на который вы жалуетесь. А все это отъ того, что армію обкрадываютъ. Надобно держать ухо востро́. Я требую отъ васъ только одного: не давайте никому воли. *Я не дождусь, когда вы будете въ Неаполѣ.* Идите смѣло впередъ“, и пр. —На другой день послѣ переправы черезъ ту же рѣку, еще ничего не зная о событіи, Наполеонъ опять писалъ къ Жозефу: „Повторяю вамъ, сосредоточьте всѣ ваши силы на близкомъ разстояніи, такъ чтобы ихъ можно было соединить въ одинъ день. Главное состоитъ въ томъ, чтобы взять Неаполь. За нимъ покорится все остальное, и провинція, съ которою не справились бы прежде два полка, не устоитъ и противъ одной роты... Итакъ идите прямо въ Неаполь. Генералъ Сенъ-Сиръ долженъ быть теперь уже при вашей арміи. Онъ только что представился мнѣ, какъ я тотчасъ же отправилъ его назадъ. Я не хотѣлъ слышать отъ него никакихъ объясненій. Совѣтую и вамъ быть со всѣми пожестче“ [1]).

Въ томъ же письмѣ находимъ еще одну любопытную прибавку. Требуя отъ брата подробнѣйшихъ донесеній о дѣйствительномъ состояніи арміи, ввѣренной его начальству, Наполеонъ по этому случаю высказался болѣе, чѣмъ сколько было въ его обыкновеніи. Предметъ очевидно очень близко касался его сердца. „Съ отчетами этого рода“—писалъ онъ—„не могутъ сравниться для меня никакія литературныя произведенія: они занимаютъ первое мѣсто въ моей библіотекѣ, и въ минуту досуга я ничего не читаю съ бо́льшимъ удовольствіемъ“. Всякій

[1]) См. Mém. de Joseph, t. II, p. 54 и 60.

тѣмъ легче повѣритъ этому признанію, что оно нисколько не было вынужденное.

Но возвратимся къ походу противъ Неаполя. Какъ мы уже видѣли, предпріятіе, несмотря на его насильственный характеръ, не представляло большихъ трудностей. Успѣхъ его заранѣе обезпеченъ былъ превосходствомъ оружія съ одной стороны, недостаткомъ средствъ обороны съ другой. Генераламъ оставалось только исполнять планъ, предначертанный рукою самого завоевателя. Ихъ ожидала впереди не столько слава, сколько вѣрная добыча. Начиналась борьба, лишенная почти всякаго драматическаго интереса и достоинства. Превосходными силами легко было въ короткое время стереть безсильнаго противника, не знавшаго себѣ другой опоры, кромѣ внѣшней или посторонней помощи.

Экспедиціонное войско было двинуто впередъ тремя отдѣленіями. Первое изъ нихъ, которое составляло правое крыло арміи, направлено было, подъ начальствомъ Ренье, черезъ Террачину къ Гаэтѣ. Второе, или лѣвое крыло, подъ начальствомъ Лекки, въ тоже время подвигались отъ Ріети къ югу на Аквилу, Пополи и Сульмону (близь Фуцинскаго озера). Между тѣмъ центръ, при которомъ находился самъ намѣстникъ, шелъ впередъ по большой неапольской дорогѣ, направляясь къ Капуѣ. Здѣсь же назначено было мѣсто соединенія всѣхъ корпусовъ.

Это растяженіе силъ заслужило главнокомандующему арміею неодобреніе Наполеона съ точки зрѣнія военнаго искусства. Вѣрный своему правилу — держать всѣ дѣйствующіе отряды на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, онъ тотчасъ далъ замѣтить Жозефу недостатокъ въ его распоряженіяхъ, поправляя такимъ образомъ въ Парижѣ тѣ ошибки, которыя дѣлались въ Италіи. „Ваша армія“ — писалъ онъ отъ 14-го февраля—„слишкомъ разсѣяна: помните, что вы всегда должны имѣть возможность соединить ее въ теченіе дня на одномъ полѣ сраженія. *Съ 15,000 я бы не побоялся ударить на 30,000 вашихъ, и увѣренъ, что вы были бы разбиты*“. „Впрочемъ“—приписывалъ онъ тутъ же, вспомнивъ, что противникъ вовсе не такого рода, чтобы могъ возбуждать опасенія—„принятое вами расположеніе войскъ можетъ быть допущено по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ вы находитесь. Главное, чтобы вы были скорѣе въ Неаполѣ“. Опасенія, чтобы непріятель не вздумалъ предупредить нападеніе, въ самомъ дѣлѣ были напрасны. Къ сожалѣнію, неаполитанское правительство вовсе не во-

спользовалось тяжелыми уроками послѣднихъ годовъ. Не обезпечивъ себя извнѣ искусными дипломатическими сношеніями, оно пропустило мирное время и не приготовило на случай войны достаточныхъ средствъ даже для внутренней обороны. Поэтому, когда наступила минута опасности, у всѣхъ опустились руки. Всякій понималъ, что съ 20,000 дурно организованнаго войска нельзя и думать о томъ, чтобы отражать сильнаго непріятеля въ открытомъ полѣ. Если неаполитанскіе полки могли принести какую пользу, то развѣ за стѣнами крѣпкихъ городовъ или въ странѣ, защищенной самою природою, чего нельзя сказать о сѣверо-западныхъ предѣлахъ королевства. Каролина, принимая борьбу на свою отвѣтственность, надѣялась поднять противъ французовъ мирныхъ жителей Неаполя и сдѣлать войну народною. Но вызовъ ея остался почти безотвѣтнымъ. Между неаполитанскими Бурбонами не нашлось ни одного довольно популярнаго имени, которое бы могло привязать къ себѣ симпатіи народа и возбудить его къ дѣятельному участію въ предстоявшей войнѣ. Имя Каролины скорѣе даже вредило общему дѣлу, чѣмъ подвигало его впередъ. Напрасно подавала она собою примѣръ тревожной дѣятельности и прибѣгала къ искусственнымъ средствамъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на воображеніе народа и пробудить въ немъ энтузіазмъ. Процессія по главнымъ улицамъ Неаполя къ одной старинной капеллѣ, несмотря на участіе въ ней самой королевы, которая вмѣстѣ съ дочерьми шла босыми ногами, не произвела на неаполитанцевъ почти никакого впечатлѣнія [1]). Даже въ грязныхъ кварталахъ безпокойныхъ лаццарони не замѣчалось никакого движенія. Извѣстія, приходившія изъ провинцій, также свидѣтельствовали о всеобщемъ равнодушіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители добровольно вооружались, чтобъ предотвратить тѣ безпорядки и грабительства, которыми сопровождалось движеніе 1799 года. Бригадиръ Родіо и не менѣе знаменитый бандитъ Фра-Діаволо, имѣвшіе порученіе отъ Каролины набирать охотниковъ для народной войны, не могли почти ничего сдѣлать всѣми своими обѣщаніями и приманками. Шайка бродягъ и удальцовъ всякаго рода, которыхъ Фра-Діаволо привелъ съ собою къ берегамъ Гарильяно, способна была своимъ грабительствомъ развѣ только увеличить общее бѣдствіе, ничего не прибавивъ къ защитѣ страны. И если бы даже изъ подобныхъ людей

1) См. Coletta, t. II, c. 3.

составилось цѣлое ополченіе, что это за патріотическая защита, которая должна быть ввѣрена рукамъ бандитовъ и непремѣнно соединена съ разграбленіемъ собственности?

Когда всѣ попытки вступить въ переговоры съ непріятелемъ и заключить съ нимъ хотя бы вовсе невыгодный миръ, остались безуспѣшны, королева потеряла почти всякую надежду спасти Неаполь. Кромѣ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ гарнизонами, вся страна до Капуи открыта была непріятельскому нашествію. Даже войска, стоявшія сначала подъ стѣнами Неаполя для его прикрытія, отодвинуты были далѣе на югъ. По состоявшемуся вновь рѣшенію, война должна была ограничиться оборонительными дѣйствіями въ одной Калабріи, гдѣ природа страны и отчасти самый духъ жителей, казалось, болѣе благопріятствовали успѣхамъ національнаго оружія. Туда направлены были регулярныя войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала Дама (Damas), и ими заняты важнѣйшіе горные проходы. Въ Козенцѣ была главная квартира арміи и мѣстопребываніе двухъ сыновей Фердинанда, выѣхавшихъ изъ Неаполя. Управленіе дѣлами перешло къ нарочно учрежденному совѣту регентства подъ предсѣдательствомъ Д. Діего Арагоны, или князя Канозы. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Каролина сама покинула столицу, которая заранѣе уже обречена была въ жертву завоеванію, и вмѣстѣ съ дочерьми и со всѣми министрами отправилась въ Сицилію.

Всего менѣе можно было ожидать энергическихъ мѣръ отъ регентства. Оно было безсильно даже поддержать внутренній порядокъ въ самой столицѣ. Приверженцы французскаго владычества въ Неаполѣ явно держали между собою совѣщанія. Въ народѣ обнаруживались признаки безпокойнаго волненія, и не было достаточной силы, которая бы въ состояніи была сдержать возстаніе, если бы оно вскрылось внутри города. Мирные граждане, тревожимые страхомъ, принуждены были совѣщаться между собою о необходимыхъ мѣрахъ для защиты собственности на случай опасности, которая угрожала имъ со стороны буйной неапольской черни. Не внушая никому довѣренности и не имѣя ея къ другимъ, члены правительственнаго совѣта ничего не предпринимали и ждали только роковой минуты, чтобы сдать въ чьи бы то ни было руки власть, изъ которой они не умѣли сдѣлать никакого употребленія.

Съ такимъ деморализованнымъ противникомъ не трудно

было счастливо вести дѣло, особенно имѣя въ своемъ распоряженіи сорокатысячную армію испытанной храбрости и готовый планъ кампаніи, начертанный рукою перваго стратегика своего времени. Въ нѣсколько дней французы дѣйствительно показались въ виду Неаполя, почти нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія. Лишь движеніе праваго крыла было нѣсколько задержано рекогносцировкою, предпринятою къ укрѣпленіямъ Гаэты. Это былъ самый твердый пунктъ во всемъ королевствѣ. Закрытый укрѣпленіями съ суши, гаэтскій гарнизонъ еще болѣе обезпеченъ былъ съ моря, откуда получалъ какъ жизненное продовольствіе, такъ и военные снаряды. Комендантомъ Гаэты былъ принцъ Гессенъ-Филипстальскій, носившій въ груди неробкое сердце. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора изъ цѣлой неаполитанской арміи для замѣщенія этого важнаго поста. Исполняя свое фланговое движеніе, генералъ Ренье подступилъ довольно близко къ передовымъ укрѣпленіямъ Гаэты. Правильная осада города не входила въ его планъ, но дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Французамъ удалось сорвать одинъ изъ неаполитанскихъ редутовъ, но за то въ другой схваткѣ они сами понесли довольно чувствительную потерю въ лицѣ генерала Гриньи, убитаго выстрѣломъ съ канонерской шлюпки [1]). Это обстоятельство впрочемъ не остановило дальнѣйшаго движенія корпуса. Оставивъ за собою Гаэту, онъ продолжалъ подвигаться по направленію къ Капуѣ. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Лекки, также не встрѣчало большихъ препятствій на своемъ пути. Городъ Аквила сдался по первому востребованію. Еще нѣсколько дней, и корпусъ Лекки черезъ Венафро и Сульмону снова вступалъ въ сообщеніе съ главною арміею. Между тѣмъ центральный отрядъ, при которомъ былъ самъ намѣстникъ вмѣстѣ съ Массеною, находился уже у воротъ Капуи. Регентство, кажется, только и ждало этой минуты, чтобы вступить въ переговоры съ завоевателемъ. Маркизъ Малеспина и герцогъ Кампокьяро получили полномочіе, и явившись въ лагерь Жозефа, предложили двухмѣсячное перемиріе. Вмѣсто отвѣта, намѣстникъ потребовалъ сдачи важнѣйшихъ крѣпостей, Гаэты, Капуи, Пескары, и безпрепятственнаго вступленія французскихъ войскъ въ самый Неаполь. Уполномоченные согласились на все, чего даже не въ состояніи были выполнить, выговоривъ только безопасность лицъ и неприкосновенность собственности.

1) См. Mém. de Massena, t. V, p. 162.

Капуя первая отворила ворота. Комендантъ, князь делла-Католика, и съ нимъ 2,500 человѣкъ гарнизона сдались военноплѣнными. Отсюда дивизія Партуно тотчасъ направлена была къ самому Неаполю. Столица королевства нѣсколько дней находилась почти въ состояніи анархіи. Регентство, подписавъ капитуляцію, не считало себя болѣе ни къ чему обязаннымъ. На улицахъ собирались многочисленныя толпы, лаццарони кричали объ измѣнѣ, и какъ ихъ не останавливала никакая публичная сила, то съ часу на часъ надобно было ожидать, что въ городѣ возобновятся ужасныя сцены 1799 года. По счастію, нашлись рѣшительныя лица между самими гражданами, которые взяли на себя охраненіе общественнаго спокойствія. Ничтожные регенты, еще сохранявшіе власть по имени, съ радостію дали свое согласіе на то, чтобы вооруженные гражданскіе патрули ходили по городу и останавливали зачинщиковъ безпорядковъ. Это былъ послѣдній актъ неаполитанскаго регентства [1]). День или два потомъ прошли въ мучительномъ безпокойствѣ. Кто со страхомъ ждалъ внѣшняго врага, кто еще больше опасался внутренняго. Наконецъ, въ полдень 14-го февраля, показался вдали французскій передовой отрядъ. Глухое волненіе пробѣжало по всѣмъ улицамъ города. Дѣло приближалось къ развязкѣ. Напряженное состояніе кончилось, и хотя чувства жителей были весьма различны, однако всякій могъ вздохнуть свободнѣе. Одни спѣшили укрыться, другіе смѣло шли навстрѣчу завоевателю, но никто не думалъ о сопротивленіи. Дивизіи Партуно и Дюгема (Duhesme) спокойно вступили въ Неаполь, заняли въ немъ безъ выстрѣла важнѣйшіе форты и послали сильные отряды на возвышенія, командующія городомъ (Позилиппо, замокъ Св. Эльма, Капо-ди-Монте и Капо-ди-Кино). Покореніе столицы королевства, вмѣщавшей въ себѣ до 350.000 жителей, не стоило такимъ образомъ французамъ ни одной капли пролитой крови [2]). На другой день Жозефъ, въ сопровожденіи Массены и всего генеральнаго штаба, имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ, и тотчасъ по вступленіи въ

[1]) См. Coletta, ibid; ср. Mém. de Massena, ibid. — [2]) Жозефъ писалъ къ брату (Mém. II, p. 73), что Неаполь показался ему населеннѣе Парижа. Онъ считаетъ въ немъ во время своего вступленія болѣе 500,000 жителей. По всей вѣроятности, его преувеличенное мнѣніе о числѣ жителей Неаполя основано было на глазомѣрѣ. Жозефъ, повидимому, особенно пораженъ былъ многочисленнымъ стеченіемъ народа на улицахъ во время своего въѣзда въ городъ, и сдѣлалъ отсюда нѣсколько поспѣшное заключеніе.

него занялъ королевскій дворецъ. Дивизіи Ренье и Вердье, слѣдовавшія за намѣстникомъ, расположились на окрестныхъ возвышеніяхъ. Такимъ образомъ французское владычество въ Неаполѣ съ первой же минуты было обезпечено противъ всякаго нечаяннаго нападенія.

Впрочемъ положеніе оккупаціонной арміи было вовсе не такъ блестяще, какъ казалось. Жозефъ въ своей перепискѣ открываетъ намъ и невыгодныя его стороны. „Я ничего не нашелъ во дворцѣ"—писалъ онъ къ брату на другой день по вступленіи своемъ въ Неаполь. „Даже дрова, назначенныя для топлива, были заблаговременно выбраны изъ него и сложены на суда. Каролина взяла съ собою 10 милліоновъ ливровъ, вынутыхъ ею изъ банка и принадлежащихъ частнымъ людямъ. Такимъ образомъ банковые билеты упали уже на 20 проц. И вотъ я опять поставленъ въ такое же затруднительное положеніе, въ какомъ мы были въ Парижѣ не болѣе какъ 4 мѣсяца тому назадъ. Въ кассѣ нѣтъ рѣшительно ни копѣйки, а между тѣмъ нужно болѣе 2 милліоновъ для уплаты арміи слѣдующаго ей жалованья. Армія остается буквально безъ сапогъ, ибо время стояло дождливое; я заказалъ 30,000 паръ обуви. Прошу в. в-во еще разъ не замедлить намъ вспоможеніемъ: иначе я не знаю, что мы будемъ дѣлать первые четыре мѣсяца. Лишь по истеченіи этого срока, надѣюсь я, будемъ мы въ состояніи обойтись безъ помощи Франціи".—Тѣ же самыя жалобы повторяются и въ слѣдующемъ письмѣ. Но Жозефъ прибавляетъ къ нимъ еще нѣкоторыя новыя черты, дѣлающія картину довольно безотрадною. „Я долженъ много работать, чтобы возстановить порядокъ въ военной администраціи: здѣсь привыкли вовсе не заботиться о солдатахъ. Я думаю особенно заняться этою частію, когда хоть немного поустрою гражданское управленіе. Страна находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи; я не знаю, какъ мы проживемъ въ ней первые мѣсяцы: до такой степени она истощена и ограблена послѣдними мѣрами, которыя предшествовали нашему вступленію. Мы уже успѣли сдѣлать многое, и я смѣю увѣрить в. в-во, что, если вы дадите намъ средства заплатить арміи долгъ (до 3 милліоновъ), то я въ состояніи буду возстановить въ ней порядокъ и устрою такъ, что, кромѣ самыхъ законныхъ требованій, мирные жители не потерпятъ болѣе ничего. Но для этого нужно прежде всего, чтобы солдатъ получилъ отъ правительства должное, а я повторяю в. в-ву, что вотъ уже 4 мѣсяца, какъ жалованья не плачено, и что все, безъ ис-

ключенія все, надобно вновь заготовить для этой арміи, которая могла выйти изъ Рима и военнымъ маршемъ достигнуть Неаполя лишь благодаря средствамъ, собраннымъ для нея въ Папскихъ владѣніяхъ. Если и здѣсь намъ придется прибѣгать къ тѣмъ же самымъ средствамъ, мы много потеряемъ въ общемъ мнѣніи". — Наконецъ въ третьемъ письмѣ Жозефъ такъ формулировалъ свои требованія: 1) произвести всей арміи уплату жалованья по день вступленія его въ Неаполь, и 2) доставить въ ея распоряженіе, въ видѣ займа на опредѣленные сроки, сумму въ 12 милліоновъ [1]).

Любопытно въ этомъ случаѣ наблюдать за Наполеономъ, къ которому прямо обращены были требованія намѣстника его въ Неаполѣ. Онъ не имѣлъ никакой причины быть недовольнымъ распоряженіями своего брата; какъ же отвѣчалъ онъ на просьбы его, вынужденныя обстоятельствами и даже естественно вытекавшія изъ самого положенія дѣлъ? Къ удивленію, въ отвѣтныхъ письмахъ Наполеона нѣкоторое время не находимъ прямого и положительнаго отвѣта на главныя и не терпѣвшія отлагательства требованія намѣстника. Наполеонъ радуется изъ Парижа его успѣхамъ, поздравляетъ его со вступленіемъ въ Неаполь; въ одномъ письмѣ обѣщаетъ даже прислать ему въ скоромъ времени титло неаполитанскаго короля; но въ то же время видимо избѣгаетъ объясненія на счетъ денежныхъ требованій, или молчаливо отклоняетъ ихъ отъ себя, довольствуясь лишь посылкою съ своей стороны 500,000 франковъ. Такъ, тотчасъ же послѣ обѣщанія Жозефу возвести его въ королевское достоинство, читаемъ: „Въ настоящую минуту вы не можете болѣе нуждаться въ деньгахъ. Обезоружьте Неаполь и потребуйте съ него военную контрибуцію въ 10 милліоновъ: вы получите ее безъ труда. Отъ васъ зависитъ сверхъ того увеличить ваши ресурсы конфискаціею англійскихъ товаровъ. Отъ этой мѣры потерпитъ лишъ та часть націи, на которую меньше всего надобно обращать вниманія. Между тѣмъ — я не перестаю льстить себя надеждою, что, занявши форты, вы не забыли ихъ вооружить и укрѣпить какъ слѣдуетъ, и что вы уже обезоружили городъ, и въ управленіи имъ не исключаете немного строгости. Въ Неаполѣ должно находиться множество вещей, принадлежащихъ двору: примите также мѣры для ихъ

1) См. Mém. de Joseph, t. II, p. 65—79.

возвращенія" [1]). Подобные же косвенные намеки на то, какъ можно помочь недостатку въ деньгахъ, не дожидаясь ихъ изъ Франціи, повторяются и въ слѣдующихъ письмахъ. „Вы слишкомъ осторожны"—пишетъ Наполеонъ брату: „Неаполь легко могъ бы доставить вамъ 4 или 5 милліоновъ". Или еще выразительнѣе: „Наложите контрибуцію въ 30 милліоновъ на все королевство. Вы дѣйствуете слишкомъ нерѣшительно. Надобно, чтобы ваши солдаты, ваши генералы, ни въ чемъ не терпѣли недостатка. 30 милліоновъ ничего не значатъ для Неаполитанскаго королевства [2])".

Такъ мало расположенъ былъ Наполеонъ удовлетворять денежнымъ требованіямъ, хотя бы отъ нихъ зависѣли дальнѣйшіе успѣхи его же предпріятій. Правиломъ его было между прочимъ, чтобы война питала войну. Не то, чтобы онъ жалѣлъ денегъ, или дѣйствительно мало имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи: но его колоссальныя затѣи и содержаніе нѣсколькихъ армій на военной ногѣ поглащали самыя огромныя средства. Второстепенныя предпріятія, какъ завоеваніе Неаполя, были въ тѣсной связи съ главными; но какъ для нихъ нельзя было пожертвовать послѣдними, то онъ принужденъ былъ въ подобныхъ случаяхъ — если не вовсе отказывать въ требованіяхъ, то отклонять ихъ отъ себя, въ той надеждѣ, что сама нужда научитъ, какъ помочь горю. Между тѣмъ правило было такого свойства, что Наполеонъ какъ будто совѣстился прямо его высказать, и потому нѣкоторое время довольствовался въ письмахъ къ брату одними намеками, старался дѣйствовать больше внушеніями, чѣмъ приказаніями.

Занятіемъ Неаполя сдѣланъ былъ только починъ дѣлу. Самая трудная часть всего плана, какъ онъ предначертанъ былъ самимъ завоевателемъ, оставалось еще впереди. Она состояла, во-первыхъ, въ покореніи крѣпкихъ мѣстъ, какъ-то: Гаэты, Пескары и другихъ, которыя еще заняты были неаполитанскими гарнизонами; и во-вторыхъ, въ открытой войнѣ съ непріятелемъ, продолжавшимъ удерживать за собою всѣ южныя области королевства. Гаэта въ особенности требовала большихъ усилій. Но кромѣ того необходимо было предпринять большими силами походъ въ Калабрію и Апулію для ихъ покоренія. Затѣмъ намѣстникъ долженъ былъ приступить къ совершенному преобразованію гражданскаго управленія въ завоеванномъ государствѣ, потому что иначе самое завоеваніе

[1]) Ibid. p. 80, письмо отъ 27-го февраля 1806.—[2]) Ibid. p. 86, 89.

не могло быть прочно. Лишь въ отдаленной перспективѣ предполагались наступательныя дѣйствія противъ Сициліи, для присоединенія ея къ Неаполю, какъ составной части того же королевства.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсказу объ исполненіи второй части задуманнаго плана, мы остановимся нѣсколько на первыхъ дняхъ пребыванія Жозефа въ Неаполѣ. Къ этому времени относится начало очень важнаго разногласія его съ Наполеономъ, которое потомъ проходитъ красною ниткою черезъ все его управленіе. Дѣло касалось въ особенности двухъ очень деликатныхъ проектовъ: во-первыхъ, тѣхъ же денежныхъ пособій, о которыхъ мы уже упоминали выше, и во-вторыхъ, самаго способа управленія покоренными областями. О томъ и другомъ предметѣ Наполеонъ имѣлъ свои твердо установленныя понятія. Жезефъ, приступивши къ дѣлу, взглянулъ на него съ своей точки зрѣнія, которая условливалась частію его положеніемъ, а частію самою его природою. Въ немъ было можетъ-быть гораздо больше самостоятельности, чѣмъ сколько онъ самъ подозрѣвалъ въ себѣ. Уполномоченный лишь на то, чтобы исполнять буквально чужія приказанія, онъ часто не зналъ, какъ помирить ихъ съ своими собственными видами, и не разъ впадалъ въ противорѣчіе съ своимъ довѣрителемъ. Впрочемъ переписка лучше всего покажетъ намъ настоящія причины разногласія между двумя братьями.

Относительно перваго пункта, переписка еще нѣкоторое время продолжается въ прежнемъ тонѣ, до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ, наскучивъ повторять одно и то же, не высказалъ своей мысли въ томъ самомъ видѣ, какъ она есть. Заключая свое письмо отъ 28 февраля, Жозефъ говоритъ: „Я имѣю крайнюю нужду просить в. в-во ничего не убавлять изъ моихъ требованій; я принужденъ ограничиться лишь самымъ необходимымъ; вы слишкомъ разсудительны, чтобы хотѣть невозможнаго. Я съ своей стороны могу сдѣлать только одно— посвятить все мое время дѣламъ; но в. в-во должны имѣть полную и совершенную довѣренность къ моимъ словамъ и дать мнѣ средства выйти изъ того состоянія, въ которомъ я нахожусь съ арміею, лишенною почти всѣхъ средствъ существованія [1]“. Нельзя было высказать требованія настоятельнѣе. За него говорили самыя краснорѣчивыя цыфры, приложенныя въ томъ же письмѣ, изъ которыхъ видно, что средства на-

[1]) Mém. de Joseph, t. II, p. 84—85.

мѣстника въ Неаполѣ ограничивались только 2 милліонами въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ содержаніе арміи въ тотъ же самый срокъ требовало по меньшей мѣрѣ 3.590,000 франковъ. Но Наполеону нѣтъ никакого дѣла до денежныхъ средствъ его намѣстника. Онъ попрежнему требуетъ отъ него завоеваній, и не хочетъ знать его нуждъ. Въ отвѣтъ брату онъ писалъ (отъ 6-го марта): „Не можетъ быть, чтобы Неаполитанское королевство было истощено: золото повсюду передъ вами, потому что вездѣ есть земли, есть налоги, незаконно отчужденные отъ короны... Одинъ Неаполь, не считая Сициліи, можетъ доставлять вамъ до ста милліоновъ; если теперь онъ не даетъ столько, то потому, что до сихъ поръ держались системы испанскихъ королей, которые управляли имъ черезъ вице-королей. У васъ нѣтъ денегъ, но за то въ вашемъ распоряженіи есть хорошая армія и сверхъ того богатая страна, которая должна вамъ доставить ихъ. Еще разъ, *не ждите отъ меня денегъ*. 500,000 фр. золотомъ, уже отправленныхъ на ваше имя, есть послѣдняя сумма, которую я посылаю въ Неаполь. *Я это дѣлаю не столько потому, чтобы очень дорожилъ какими-нибудь тремя или четырьмя милліонами, сколько по принципу*. Собирите 30 милліоновъ, и вы заплатите жалованье арміи, дадите средство безбѣдно жить генераламъ и устроите всю матеріальную часть [1]).

Таковы были *принципы* завоевателя, что нѣкоторые изъ нихъ онъ не вдругъ рѣшался высказать даже въ интимной корреспонденціи съ братомъ, которая вовсе не назначалась для публичности!

Не менѣе скоро и сильно почувствовалось разногласіе между Наполеономъ и его намѣстникомъ въ Неаполѣ — относительно общей системы управленія въ завоеванномъ королевствѣ. Правда, что Жозефъ, по недостатку практики, не успѣлъ еще установить для себя опредѣленныхъ понятій объ этомъ предметѣ; но въ немъ тогда уже начали обнаруживаться кроткіе инстинкты его природы, которая никогда не могла совершенно помириться съ крутыми и насильственными мѣрами. Они впослѣдствіи выработались въ немъ до значенія постоянныхъ и ясно сознаваемыхъ началъ. Наполеонъ, напротивъ того, давно уже установилъ свой взглядъ на тотъ же предметъ и имѣлъ свою готовую систему: ему оставалось только прилагать ее вновь при всякомъ сдѣланномъ завоеваніи. Обыкновенно онъ хранилъ ее про себя, какъ тайну.

[1]) Ibid. p. 20.

Но видя, что намѣстникъ, которому ввѣрено было главное управленіе въ южной Италіи, никакъ не можетъ попасть въ тонъ его политики, долженъ былъ въ сношеніяхъ съ нимъ отступить отъ своего правила. Этому обстоятельству обязаны мы тѣмъ, что система управленія завоеванными странами, какъ Наполеонъ понималъ ее самъ и старался растолковать своему брату, не составляетъ болѣе тайны для исторіи.

Жозефъ былъ того мнѣнія, что не иначе можетъ держаться въ Неаполѣ, какъ опираясь на общественное мнѣніе [1]), и потому старался особенно расположить его въ свою пользу. Авторъ мемуаровъ Массены разсказываетъ слѣдующій замѣчательный случай. „Предвидя, что могутъ повстрѣчаться обстоятельства, когда надобно будетъ стянуть всѣ войска, составляющія гарнизонъ города, въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ Неаполитанскаго залива, маршалъ предполагалъ вооружить замокъ Св. Эльма и одинъ изъ неапольскихъ фортовъ (Castel-Nuovo), такъ чтобы изъ нихъ можно было, съ горстью людей, держать въ страхѣ все народонаселеніе города. Но Жозефъ рѣшительно отказалъ ему въ томъ, объявивъ, что онъ вовсе не намѣренъ властвовать въ Неаполѣ посредствомъ террора. Напрасно Массена старался увѣрить его, что достаточно будетъ одного вида орудій, чтобы заставить молчать злонамѣренныхъ людей: онъ никогда не могъ убѣдить намѣстника и долженъ былъ вовсе отказаться отъ своего проекта [2])“. По этой одной чертѣ можно судить, въ какомъ духѣ желалъ устроить Жозефъ свое управленіе во вновь покоренной имъ области.

Воззрѣнія Наполеона діаметрально расходились съ тѣмъ направленіемъ, которому думалъ слѣдовать братъ его въ своей внутренней политикѣ. „Чтобы вы ни сдѣлали“—выразительно писалъ онъ Жозефу, конечно отвѣчая на письмо его отъ 18-го февраля—„никогда не будете въ состояніи держаться въ такомъ городѣ, какъ Неаполь, одною силою общественнаго мнѣнія. Позаботьтесь лучше о томъ, чтобы форты были вооружены мортирами, да чтобы у васъ всегда были подъ рукою резервы для скорѣйшаго подавленія инсуррекцій“ [3]). Вообще, это было больное мѣсто въ его мозгу. Поднявшись самъ на плечахъ инсуррекціи, и постоянно угрожаемый ею у себя дома, онъ не могъ себѣ вообразить, чтобы дѣло обошлось безъ нея и въ Неаполѣ. Этотъ призракъ не давалъ ему покоя. „Помните это и

[1]) Ibid. p. 73: On ne peut donc se soutenir ici que par l'opinion.—[2]) Mém. de Massena, V. p. 171.—[3]) Mém. de Joseph, II, p. 87.

возьмите себѣ въ расчетъ"—писалъ онъ въ томъ же письмѣ— „что, двѣ недѣли позже или раньше, но у васъ непремѣнно будетъ инсуррекція. Безъ этого происшествія не обходится ни одно завоеваніе". То же самое увѣщаніе повторяется и въ слѣдующемъ письмѣ: „Что бы вы ни сдѣлали, знайте что у васъ будетъ инсуррекція. Поспѣшите обезоружить лаццарони. Вы мнѣ не пишите ничего о фортахъ! Если нужно, велите поставить три или четыре батареи (какъ я сдѣлалъ въ Каирѣ), чтобы онѣ могли бросать бомбы въ различные кварталы города. Вы никогда не будете имѣть нужды прибѣгнуть къ ихъ разрушительному дѣйствію, но достаточно уже одного вида ихъ, чтобы городъ не трогался". Какъ видно, что маршалъ Массена, настаивая на вооруженіи городскихъ фортовъ, говорилъ съ заданнаго ему тона! Еще одно мѣсто: „Произведите обезоруженіе жителей, внесите немного порядка въ этотъ громадный городъ. Наблюдайте особенно за вашимъ артиллерійскимъ паркомъ, чтобы городская сволочь (la canaille) не захватила у васъ пушекъ. Ждите навѣрное возстанія на улицахъ или небольшой инсуррекціи. Очень желалъ бы я помочь вамъ моею опытностію въ подобныхъ дѣлахъ". Но совѣты мастера принимались худо въ Неаполѣ, несмотря на частое ихъ повтореніе, и онъ долженъ былъ, черезъ нѣсколько дней потомъ, сдѣлать брату болѣе строгое увѣщаніе. „Любезный братъ"— писалъ онъ Жозефу отъ 8-го марта: „въ одной изъ вашихъ прокламацій нахожу я, что вы обѣщаете жителямъ не налагать на нихъ никакой военной контрибуціи, и что солдатамъ, во время постоя, воспрещается требовать стола отъ домовладѣльцевъ. Все это излишнее стѣсненіе, по моему мнѣнію. Съ народами завоеванными поблажка никуда не годится; подобными мѣрами вы только лишаете себя средствъ достойнымъ образомъ вознаградить свою армію. Что касается до меня, то мнѣ просто смѣшно подумать, что завоеваніе Неаполя не можетъ ничего прибавить къ удобствамъ и благосостоянію моей арміи. Я считаю совершенно невозможнымъ для васъ держаться долѣе въ этихъ узкихъ границахъ. Если находите нужнымъ, можете пожалуй сослаться на мое именное приказаніе" [1]). Для большаго поощренія брату, Наполеонъ приводитъ ему потомъ свой собственный примѣръ. „Такъ въ Вѣнѣ"— пишетъ онъ съ рѣдкою откровенностію—„гдѣ не было копѣйки денегъ, и гдѣ всѣ надѣялись, что дѣло обойдется безъ контрибуціи, я взялъ сто милліоновъ черезъ нѣсколько дней послѣ

[1]) Ibid. p. 94.

моего прибытія туда, и всѣ нашли, что это очень умно съ моей стороны".

Изъ этихъ частныхъ случаевъ собирается общее правило наполеоновской политики въ завоеванныхъ странахъ, по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, которое потомъ, въ свою очередь, прилагаемо было имъ ко многимъ частнымъ распоряженіямъ. Онъ самъ взялъ на себя трудъ изобразить его въ томъ же самомъ письмѣ слѣдующими выразительными словами: „Ваши прокламаціи къ неаполитанскому народу не довольно отзываются тономъ повелителя [1]). Вы ничего не выиграете вашимъ излишнимъ снисхожденіемъ къ нимъ. Народы Италіи, да и вообще всѣ народы, какъ скоро они не замѣчаютъ болѣе этого тона, становятся непокорными и легко увлекаются духомъ мятежа".

Съ такими пессимистическими понятіями о народной нравственности конечно не иначе можно было спокойно оставаться въ большомъ городѣ, какъ только подъ прикрытіемъ пушекъ, и нельзя было сдѣлать шагу по улицамъ безъ военнаго конвоя. Это самое и совѣтовалъ Наполеонъ дѣлать своему брату въ Неаполѣ. „Я вамъ совѣтую"—писалъ онъ ему—„не выходить безъ стражи. *Для этого* вы должны составить себѣ гвардію изъ четырехъ полковъ егерей и гусаръ; сверхъ того сформировать два батальона гренадеръ и роту артиллеріи". Но какъ бы въ возмездіе неаполитанцамъ за страхъ, ими внушаемый, онъ въ тоже время хотѣлъ повѣсить надъ ихъ головами грозу особеннаго рода. Она состояла въ томъ, что жители Неаполя ежеминутно должны были ожидать прибытія въ городъ самого императора. „Возвѣстите"—писалъ онъ—„о скоромъ моемъ прибытіи въ Неаполь. Разстояніе правда такъ велико, что я не могу обѣщать вамъ пріѣхать въ самомъ дѣлѣ; *но сдѣлать такое извѣщеніе не мѣшаетъ какъ для арміи, такъ и для самихъ жителей страны* [2])".

Нѣтъ нужды говорить, что обѣщаніе не было исполнено, потому что никогда и не было дано въ собственномъ смыслѣ; любопытно только замѣтить, что подобные анонсы также входили въ средства политики Наполеона.

1) Ibid. p. 95: Vos proclamations au peuple de Naples ne sentent pas assez le maître.—2) Ibid. p. 86.

III. ЗАВОЕВАНІЕ ФРАНЦУЗАМИ КАЛАБРІИ.

Пока между Наполеономъ и его намѣстникомъ въ Неаполѣ шла переписка о духѣ управленія въ покоренной вновь области и о разныхъ его подробностяхъ, во внутреннихъ провинціяхъ королевства еще продолжалась борьба за его обладаніе. Театромъ ея была въ особенности Калабрія, или та часть неаполитанскихъ владѣній на твердой землѣ Италіи, которая всего дальше вытягивается на югъ, соприкасаясь своею крайнею оконечностію съ Мессинскимъ проливомъ и черезъ него сообщаясь съ Сициліею. Здѣсь главнымъ образомъ сосредоточены были неаполитанскія войска, сколько ихъ было на континентѣ; сюда же, послѣ занятія Неаполя, направлены были французскія силы, которыя назначались для исполненія второй и притомъ самой важной части плана, начертаннаго завоевателемъ. Итакъ въ Калабріи собственно долженъ былъ рѣшиться споръ между туземными защитниками страны и вступившими въ нее непріятельскими силами.

Но прежде чѣмъ экспедиціонный отрядъ выступилъ въ походъ, въ общемъ командованіи французскими войсками въ Неаполѣ произошла нѣкоторая перемѣна. Жозефъ принялъ на себя главное начальство надъ ними, и Массена остался лишь на правахъ главнокомандующаго однимъ корпусомъ. Причины такой перемѣны до сихъ поръ были не довольно разъяснены. Авторъ записокъ Массены объясняетъ все дѣло наговорами людей, окружавшихъ намѣстника, которые надѣялись много выиграть, если онъ приметъ команду на себя лично, и успѣли поссорить его съ маршаломъ. Впрочемъ, по замѣчанію того же автора, они лишь въ половину достигли своей цѣли. Массена дѣйствительно потерялъ главное начальство надъ войскомъ, но имѣлъ потомъ объясненіе съ Жозефомъ и сохранилъ на будущее время его довѣріе [1]). Это извѣстіе подтверждается положительными увѣреніями самого намѣстника. Въ письмахъ къ Наполеону онъ не разъ выражаетъ свое полное довольство поведеніемъ маршала въ качествѣ командира ввѣреннаго ему корпуса. „Я очень доволенъ маршаломъ Массе-

[1]) Mém. de Massena, V. p. 168—69. Elle (la disgrace du maréchal) était l'ouvrage de ces serviteurs si devoués à Joseph depuis quelque temps; on lui dit, on lui répéta si souvent qu'un prince n'acquérait de puissance et de gloire qu'en commendant lui-même ses armées, et qu'il lui suffisait d'avoir un bon chef d'état-major qu'on finit par le lui persuader, etc.

ною во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ понялъ необходимость, въ которой я нахожусь, чтобы въ арміи была соблюдаема строжайшая дисциплина, и ввелъ ее въ томъ корпусѣ, который поступилъ подъ его команду". Въ другомъ мѣстѣ: „Я повторяю в. в-ву, что маршалъ Массена ведетъ себя съ величайшимъ безкорыстіемъ" [1]). Итакъ добрыя отношенія между намѣстникомъ и маршаломъ не прекращались. Какого же рода были причины, которыя лишили Массену командованія арміею, прежде чѣмъ предпріятіе, ему ввѣренное, приведено было къ окончанію? неужели достаточно было пустыхъ наговоровъ, чтобы побудить Жозефа отнять у маршала главное начальство именно въ то время, когда слѣдовало приступить къ исполненію самой трудной части завоевательнаго плана? Не было ли по крайней мѣрѣ еще какихъ скрытыхъ причинъ къ такой важной и почти вовсе неожиданной мѣрѣ?

Переписка не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, но заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на то, чѣмъ Массена могъ испортить свое положеніе при дѣйствующей арміи въ Италіи. На немъ, какъ мы видѣли прежде, лежало одно очень тяжелое нареканіе. Дѣло не осталось безъ послѣдствій, оно угрожало даже принять очень нехорошій оборотъ для маршала. Безпрестанно возраставшія финансовыя нужды заставили Наполеона потребовать строжайшаго отчета отъ тѣхъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ растратѣ или присвоеніи себѣ суммъ, принадлежавшихъ арміи. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что сумма, которую М. и S. прибрали къ своимъ рукамъ, простиралась на нѣсколько милліоновъ франковъ. Какъ только итогъ приведенъ былъ въ извѣстность, Наполеонъ потребовалъ, чтобы деньги немедленно были возвращены въ военную кассу. Въ противномъ случаѣ маршалу не уйти было отъ суда. „Посовѣтуйте Массенѣ"—писалъ Наполеонъ—„возвратить взятые имъ 6 милліоновъ. Пусть отдастъ скорѣе: это единственное средство спасти его. Иначе я долженъ буду назначить военную комиссію, чтобы произвести въ Падуѣ формальное слѣдствіе по этому дѣлу, ибо нельзя потерпѣть такого грабительства. Допустить, чтобы солдатъ умиралъ съ голоду и оставался безъ жалованья, и прибрать себѣ назначенныя для его нуждъ деньги, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто онѣ получены въ даръ отъ (покоренныхъ?) провин-

[1]) См. письма отъ 28-го февр. и 7-го марта, 1806. Mém. de Joseph, II, p. 78 и 94.

цій — это ужъ слишкомъ нагло, это значитъ лишить армію всѣхъ средствъ вести войну. Наблюдайте за S. Они (М. и S.) позволяли себѣ неслыханныя вещи. Я узналъ нѣкоторыя подробности отъ австрійцевъ, которые сами стыдятся ихъ. Довольно сказать, что они (также М. и S.) пропускали муку въ Венецію (конечно во время ея блокады французами?). Зло превзошло всякую мѣру, но я найду противъ него средство" [1]. Главное взысканіе впрочемъ относилось къ присвоеннымъ Массеною военнымъ контрибуціямъ. Кромѣ внушенія, сдѣланнаго маршалу черезъ намѣстника, онъ получилъ еще формальное требованіе о возвращеніи ихъ отъ министра Дежана. Отвѣтъ Массены переданъ былъ въ письмѣ Жозефа къ Наполеону. Не оправдываясь во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, маршалъ обѣщалъ исполнить волю императора и находилъ лишь сказать въ свою пользу, что сумма, поставленная ему въ счетъ, слишкомъ преувеличена [2]). Такимъ образомъ дѣло понемногу могло быть улажено, хотя и не обошлось совершенно безъ нѣкоторыхъ понудительныхъ мѣръ. Слѣды ихъ замѣчаются въ той же перепискѣ. „Я говорилъ черезъ другихъ и обращался лично къ Массенѣ"—пишетъ Жозефъ: „онъ имѣлъ честь отвѣчать вамъ письмомъ прямо на ваше имя. Онъ увѣряетъ, что у него нѣтъ другого имѣнія, кромѣ того, на которое наложенъ секвестръ въ Миланѣ". Сюда же принадлежитъ слѣдующая замѣтка Наполеона въ одномъ изъ писемъ его къ брату: „Уже найдено 4 милліона денегъ, пущенныхъ въ оборотъ Массеною; теперь остается отыскать 2 остальные" [3]). Наконецъ уже въ апрѣлѣ. Наполеонъ еще разъ возвращается къ тому же самому дѣлу. „Я имѣю" — пишетъ онъ брату — „подробный счетъ суммамъ, которыя получены М., S. и другими офицерами. Я отставилъ S., который былъ главнымъ орудіемъ въ этомъ низкомъ дѣлѣ. Утверждать, что будто эти деньги получены были въ подарокъ отъ вновь установленныхъ правительствъ, значитъ только хотѣть дать дурному дѣлу смѣшной видъ: это наконецъ еще возмутительнѣе" [4]). При этомъ надобно замѣтить, что хотя S. былъ отставленъ, но товарищъ его въ той же исторіи не потерялъ еще всей благосклонности императора. Когда рѣчь шла о томъ, чтобы устроить въ Неаполѣ большія помѣстныя владѣнія для фран-

[1]) Ibid. p. 101.—[2]) Ibid. p. 112: Il (Massena) proteste qu'en dernier résultat il fera tout ce que voudra V. M., mais qu'il y a de l'exagération dans les sommes.—[3]) Ibid. p. 147—122. — [4]) Ibid. p. 173.

цузскихъ генераловъ, Наполеонъ самъ поставилъ въ ихъ числѣ имя Массены [1]).

Несмотря на благопріятный исходъ дѣла, оно, повидимому, не осталось безъ вліянія на положеніе маршала, какъ главнокомандующаго арміею. По той же причинѣ, вѣроятно, онъ не могъ получить и начальства надъ экспедиціею въ Калабрію. Она ввѣрена была генералу Ренье, тому самому, котораго Наполеонъ особенно рекомендовалъ своему брату при назначеніи его намѣстникомъ. Подъ начальство его поступилъ особый экспедиціонный отрядъ въ 12,632 человѣка, съ 12 орудіями. Въ то же самое время другой корпусъ, въ 10,000 человѣкъ, подъ командою генерала Дюгема, долженъ былъ дѣйствовать со стороны Апуліи. Массена удерживалъ лишь команду надъ третьимъ корпусомъ, конечно самымъ многочисленнымъ (ибо въ немъ считалось 16,000 чел.), но не имѣвшимъ другого назначенія, кромѣ охраненія столицы и береговъ Неаполитанскаго залива [2]). Любопытно замѣтить, что число всѣхъ орудій, показанныхъ при этой арміи, простиралось не свыше 33.

Въ начинавшейся вновь борьбѣ на сторонѣ неаполитанцевъ были многія выгоды. Горная природа страны представляла множество средствъ для обороны. Во всей Калабріи, къ югу отъ Лагонегро, не было другихъ дорогъ, кромѣ горныхъ тропинокъ, по которымъ обыкновенно ѣздили на мулахъ. Узкіе проходы въ гористыхъ мѣстахъ легко могли быть защищены даже малочисленными отрядами. Но неаполитанцы имѣли еще ту выгоду передъ непріятелемъ, что располагали превосходнымъ числомъ войска. Въ немъ считалось отъ 18 до 20,000 человѣкъ, состоявшихъ подъ главнымъ начальствомъ генерала Дама̀, родомъ француза, при которомъ находился и наслѣдный принцъ, сынъ Фердинанда IV. Командуя непосредственно лѣвымъ крыломъ своей арміи, Дама̀ занималъ имъ лѣвый берегъ р. Лео и отсюда оберегалъ дорогу изъ Неаполя въ Козенцу, между тѣмъ какъ важнѣйшіе горные проходы въ Калабрію изъ Базиликаты заняты были главными силами праваго крыла, подъ начальствомъ генерала Розенгейма. Съ какой бы стороны ни подходилъ непріятель, онъ не иначе могъ проникнуть во внутренность области, какъ взявши съ бою переднія позиціи. Но даже сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ онъ не могъ подвигаться далѣе безъ того, чтобы не встрѣчать безпрестанно новыхъ затрудненій. Жители Кала-

[1]) Ibid p. 97. — [2]) Mém. de Massena, ibid.

бріи также вооружались, и если не были опасны въ открытомъ полѣ, то могли вредить непріятелю изъ засады и постоянно угрожать его сообщеніямъ [1]). Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, повидимому, не предвѣщали французскому оружію большихъ успѣховъ въ южныхъ провинціяхъ королевства.

Къ сожалѣнію, превосходному числу и положенію неаполитанскаго войска мало или даже вовсе не соотвѣтствовало его внутреннее достоинство. Ему недоставало хорошихъ предводителей какъ въ генералахъ, такъ и въ офицерахъ. Генералъ Дама̀ составилъ себѣ извѣстность лишь своимъ отступленіемъ передъ французами въ 1799 году, которое по крайней мѣрѣ спасло неаполитанскую армію отъ окончательнаго пораженія. Онъ былъ исправный солдатъ, но не болѣе. Еще хуже отзываются знающіе дѣло современники объ офицерахъ, служившихъ тогда въ королевскомъ войскѣ. По словамъ одного изъ нихъ, всѣ они, отъ высшаго и до низшаго, отличались совершенною неспособностію къ дѣлу [2]). Лишь самое малое число составляло исключеніе. Этого достаточно, чтобы судить объ организаціи неаполитанскаго войска. Если оно мало надѣялось на своихъ генераловъ и офицеровъ, то генералы не могли много разсчитывать на него. Трудно даже сказать, кто кого былъ неспособнѣе.

Генералъ Ренье, несмотря на незначительность своихъ силъ, подвигался впередъ съ большою самоувѣренностію. Въ началѣ своего похода онъ много уже былъ обезпеченъ тѣмъ, что никакая опасность не угрожала ему ни съ тылу, ни съ фланга. Выступивъ изъ Салерно, отрядъ его скоро достигъ Эболи и потомъ вступилъ въ долину р. Негро, которая составляетъ родъ естественнаго пути въ Калабрію. Королевскій авангардъ, стоявшій у Кампестрино, пытался было остановить его движеніе, но былъ обойденъ непріятелемъ съ тылу и легко разсѣянъ. Идя по слѣдамъ бѣгущихъ, Ренье въ нѣсколько маршей дошелъ до Лагонегро и занялъ безъ сопротивленія Ларію, Боско, Кастелучіо. Такъ пройдена была почти половина пространства отъ Неаполя до самой крайней оконечности южной Италіи. Безъ битвы французы уже стояли въ самомъ сердцѣ Калабріи. Впрочемъ главныя трудности лежали еще

[1]) Элисонъ, въ своей History of Europe during the french revolution, V, 642, слишкомъ преувеличиваетъ дѣло, говоря о „всеобщей инсуррекціи“. Это относится лишь къ позднѣйшему времени. — [2]) Mém. du gén. Pepe, t. I, p. 244: Si Damas était un bon militaire, presque tous les autres généraux et officiers n'étaient bons à rien.

впереди. Дама̀ занималъ главными своими силами тѣснины близь Кампо-Танезе и здѣсь хотѣлъ дать отпоръ непріятелю. Позиція была выбрана имъ довольно искусно. Войско расположено было лагеремъ на ровномъ мѣстѣ; три редута, вооруженные орудіями большого калибра, прикрывали центръ позиціи, между тѣмъ какъ фланги упирались въ близь лежащія высоты, которыя также заняты были неаполитанскими батальонами [1]). Нападающимъ приходилось съ меньшими силами брать позицію, защищенную природою и укрѣпленную искусствомъ. Въ рукахъ хорошо выдержаннаго войска она была бы неприступна. Въ самую минуту нападенія невыгода въ положеніи атакующихъ увеличилась еще болѣе. Только что они оставили за собою дефилеи и стали подходить къ непріятелю, какъ пошелъ сильный снѣгъ, и распространившійся въ то же время густой туманъ скрылъ отъ глазъ важнѣйшіе пункты атаки. Въ пяти шагахъ едва можно было различать предметы. Между тѣмъ все зависѣло отъ силы и стремительности перваго удара, потому что неаполитанцы не могли долго выдерживать нападенія. Несмотря на всѣ неудобства, Ренье живо и горячо повелъ свою атаку въ одно время на высотахъ и на ровномъ мѣстѣ. Въ генералахъ Комперѣ и Вердье онъ имѣлъ весьма способныхъ исполнителей своихъ распоряженій. Неаполитанскіе батальоны, занимавшіе высоты, дрогнули первые. Ободренные этимъ успѣхомъ, французы бросились въ штыки на редуты. Защитники ихъ едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ наудачу и потомъ бѣжали въ безпорядкѣ. Какъ скоро высоты и редуты были взяты непріятелемъ, неаполитанцы не сдѣлали ни малѣйшей попытки удержаться въ открытомъ полѣ. Обѣ линіи ихъ смѣшались между собою. Скоро вся равнина покрылась бѣгущими людьми и обозами. Начался тотъ страшный безпорядокъ, въ которомъ каждый думаетъ лишь о своемъ собственномъ спасеніи. Французамъ оставалось лишь настигать бѣгущихъ и захватывать военную добычу. Въ это время отрядъ французскихъ волтижеровъ, спустившись съ высотъ, отрѣзалъ путь одной колоннѣ почти въ 2000 человѣкъ и заставилъ ее положить оружіе. Кромѣ плѣнныхъ, французамъ досталось также много артиллеріи. Разбитые остатки войска, которые устали отъ преслѣдованія, разсѣялись по окрестнымъ горамъ. Дама̀, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, едва

[1]) См. донесеніе Ренье, Mém. de Jos. II, p. 106; cp. Mém. de Mass. V, p. 147.

могъ собрать около себя до 2000 чел. съ 200 лошадей. Наслѣдный принцъ и его братъ, благоразумно остававшіеся въ Козенцѣ, въ ожиданіи, чѣмъ рѣшится сраженіе, спѣшили удалиться въ Реджіо, чтобы оттуда при первой необходимости тотчасъ переправиться въ Сицилію. Эта необходимость и вмѣстѣ съ нею поводъ къ переправѣ не заставили долго ждать себя.

Нельзя было дешевле купить побѣды надъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. „Генералъ Дама̀" — писалъ по этому случаю Жозефъ къ брату — „обличилъ въ себѣ недостатокъ какъ таланта, такъ и твердости. Армія съ сожалѣніемъ думаетъ, что французъ показалъ себя такъ мало достойнымъ своей націи" [1]). Спрашивается впрочемъ, въ чемъ могъ успѣть и болѣе талантливый предводитель съ войскомъ, которое сражалось при Кампо-Танезе? Таково по крайней мѣрѣ было мнѣніе самого Наполеона, который, получивши извѣстіе о сраженіи съ неаполитанцами, писалъ коротко и ясно: „Съ такими дурными войсками, какъ неаполитанскія, генералъ Дама̀ не могъ сдѣлать ничего порядочнаго" [2]).

Еще легче былъ трудъ второго французскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Дюгема, который имѣлъ своимъ назначеніемъ очистить Базиликату и черезъ нее проникнуть въ Калабрію, чтобы содѣйствовать правому флангу. Дюгему не удалось видѣть выставленный противъ него неаполитанскій отрядъ даже издали. Едва только французскій генералъ достигъ Матеры (на юго-восточныхъ границахъ Базиликаты) и сосредоточилъ здѣсь свои силы, какъ изъ главной квартиры присланъ былъ ему приказъ немедленно двинуться на Кассано. Это значило, что Розенгеймъ, узнавъ о пораженіи Дама̀ и боясь быть отрѣзаннымъ, тотчасъ бросился, для соединенія съ нимъ, къ Козенцѣ и отсюда продолжалъ движеніе далѣе къ югу. Дюгему открытъ былъ свободный путь въ Калабрію, куда онъ вскорѣ и направился. Для занятія Базиликаты оставлена была имъ одна итальянская дивизія Оттави. Все ея дѣло ограничилось поимкою извѣстнаго бригадира Родіо, который съ небольшою шайкою бродилъ въ Апуліи и приготовлялъ въ ней всеобщее возстаніе. Онъ былъ окруженъ, схваченъ и перевезенъ въ Неаполь. Тамъ ожидалъ его военный судъ и смертная казнь. Послѣ того дивизіи Оттави оставалось

[1]) Mém. de Jos. II, p. 112.—[2]) Ibid. p. 122.

лишь прикрывать занятыя прежде мѣста и поддерживать сообщенія съ другими отрядами.

Между тѣмъ Ренье быстро продолжалъ наступленіе. Прежде чѣмъ авангардъ Дюгема, задержанный разлитіемъ рѣкъ, подошелъ къ Кассано, онъ уже оставилъ позади себя Кастровиллари и 13-го марта достигъ Козенцы. Непріятель не показывался, по крайней мѣрѣ въ такомъ числѣ, чтобы въ состояніи былъ начать серьезное дѣло. Не успѣвъ оправиться отъ пораженія при Кампо-Танезе, онъ нигдѣ не могъ противопоставить французамъ сопротивленія. Наслѣдный принцъ выѣхалъ изъ Козенцы лишь за нѣсколько дней до появленія французскаго авангарда, сопровождаемый частію Розенгеймова корпуса. Не давая отдохнуть своимъ противникамъ, Ренье устремился отсюда далѣе къ югу морскимъ берегомъ. Вся забота его состояла только въ томъ, чтобы не прерывать линіи своихъ сообщеній. Съ этою цѣлію въ важнѣйшихъ пунктахъ, которые онъ проходилъ, въ Никастро, Монтелеоне и Сименарѣ, оставлены были имъ гарнизоны. Вердье, стоявшій съ своею дивизіею въ Козенцѣ, прикрывалъ тылъ. 20-го марта французскій авангардъ вступилъ въ Шиллу (Scilla)—въ ту самую минуту, какъ посаженные на суда остатки неаполитанской арміи вышли въ море, чтобы укрыться по другую сторону пролива. Затѣмъ на берегу того же пролива оставался на континентѣ одинъ твердый пунктъ, Реджіо, но и онъ сдался французамъ по первому востребованію. Еще какіе-нибудь два или три укрѣпленные пункта держались позади, но движеніе впередъ было кончено. За немногими исключеніями вся Калабрія приведена была къ покорности, и завоеватель, чтобы продолжать движеніе, долженъ былъ перейти проливъ и перенести военныя дѣйствія въ Сицилію. Казалось, только этого не доставало, чтобы Бурбоны „перестали царствовать“ въ Неаполѣ, какъ сказалъ Наполеонъ, предпринимая завоеваніе Неаполитанскаго королевства.

Еще за долго до покоренія Калабріи Наполеонъ мечталъ уже о завоеваніи Сициліи. Когда онъ чего сильно хотѣлъ, дѣло казалось ему не только возможнымъ, но и удобоисполнимымъ. Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ замѣчать самыхъ очевидныхъ препятствій. Тяжелыя пожертвованія казались ему нестоящими ничего. Лишь бы дѣло было сдѣлано — больше онъ ничего не хотѣлъ знать, и медленность или неуспѣхъ въ

исполненіи приписывалъ недостатку доброй воли со стороны исполнителей.

За два мѣсяца передъ тѣмъ, отправляя въ Неаполь Міо (Miot), который потомъ былъ нѣкоторое время военнымъ министромъ при Жозефѣ, Наполеонъ между прочимъ поручилъ ему передать брату слѣдующее: „Въ настояще время я могу дорожить только тѣми, которые готовы служить моимъ цѣлямъ. Итакъ пусть онъ (Жозефъ) забудетъ всѣ связи, всѣ отношенія своей молодости, когда того требуютъ обстоятельства; пусть заставитъ уважать себя и самъ добудетъ себѣ славы. Теперь представляется ему прекрасный случай: пусть твердо и благоразумно управляетъ своими новыми владѣніями и покажетъ себя достойнымъ той власти, которую я ввѣряю ему. Но не довольно быть въ Неаполѣ (я полагаю, что вы найдете его уже тамъ, ибо не ожидаю сопротивленія): *чтобы занятіе Неаполя имѣло какую-нибудь цѣну*, надобно еще *завоевать Сицилію*. Для этой войны онъ не долженъ щадить никакихъ усилій. Пусть чаще показывается впереди своихъ войскъ—по крайней мѣрѣ сколько позволятъ ему это другія обязанности; пусть будетъ твердъ—безъ этого онъ никогда не будетъ пользоваться любовью солдатъ, и т. д.“ [1]). Наполеонъ очень вѣрно понялъ одно—что Неаполь не проченъ безъ Сициліи, и во что бы то ни стало, хотѣлъ имѣть ее въ своей власти.

Въ письмахъ его къ Жозефу, писанныхъ потомъ, безпрестанно встрѣчаются напоминанія о походѣ въ Сицилію. Онъ какъ будто никогда и не задавалъ себѣ вопроса о трудностяхъ предпріятія. Медленность намѣстника казалась ему иногда невыносимою. Замѣчательно, что въ самый день вступленія французовъ въ Реджіо (20-го марта) онъ писалъ своему брату: „Ваши движенія черезчуръ уже медленны. Вся Сицилія должна бы теперь уже быть въ нашихъ рукахъ. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что въ настоящую минуту ваша власть простирается на Реджіо и на всѣ города континента. Потеря времени, когда идетъ война, ничѣмъ невознаградима: какими бы причинами ни отговаривались, онѣ никуда не годятся, потому что военныя дѣйствія не терпятъ отлагательства.“ [2]).

Вѣрный исполнитель мысли своего брата, Жозефъ и самъ думалъ о завоеваніи Сициліи, и ждалъ только покоренія Калабріи, чтобы приступить къ дѣлу. Ему также казалось въ первое время, что главное состоитъ въ занятіи ближайшихъ

[1]) См. Mém. de Jos. II, p. 131. — [2]) Ibid. p. 115.

пунктовъ для переправы, то-есть одной стороны Мессинскаго пролива. Наконецъ французскія войска стояли въ виду пролива и не видѣли болѣе враговъ передъ собою. Еще одинъ смѣлый шагъ, и французскіе орлы были бы въ Сициліи... Но тутъ только увидѣли, что этотъ шагъ сдѣлать было вовсе не такъ легко, какъ казалось издали. Лишь подойдя къ проливу замѣтили, что перешагнуть было его гораздо труднѣе, чѣмъ покорить цѣлую область. Тутъ вспомнили что, кромѣ неаполитанцевъ, надобно еще имѣть дѣло съ непріятелемъ въ десять разъ болѣе опаснымъ. Тамъ, гдѣ оканчивался берегъ Италіи, начиналось дѣйствіе англійскаго флота. Пока французы подвигались внутрь Калабріи, ихъ морскіе противники не оставались безъ дѣйствія. „Пока неаполитанцы ретировались и садились на суда"—доносилъ Ренье изъ Реджіо намѣстнику—„англичане сняли всю артиллерію съ береговыхъ батарей и выбрали все, что было въ зáмкахъ и публичныхъ зданіяхъ, въ Реджіо, Шиллѣ и другихъ мѣстахъ; чего же они не могли увезти съ собою, по причинѣ близости нашихъ войскъ, то истребили огнемъ и потомъ спаслись на свои суда" [1]). О предполагаемой сицилійской экспедиціи онъ выражался такъ: „Ожидаю приказаній и инструкцій в. и. в—ва, чтобы знать, долженъ ли я заняться приготовленіями къ экспедиціи противъ Сициліи, для чего мы въ настоящую минуту не имѣемъ никакихъ средствъ"... Не то чтобъ думать о нападеніи — французы сами не безопасны были отъ него вдоль занятыхъ ими береговъ. „Такъ какъ англичане"—писалъ Ренье въ томъ же донесеніи—„совершенно обезоружили берега, то мы здѣсь не имѣемъ рѣшительно никакой защиты отъ ихъ канонерскихъ шлюпокъ, чтó очень безпокоитъ жителей Реджіо, которымъ англичане, отъѣзжая, угрожали бомбардированіемъ" Опасность дѣйствительно была близка: кромѣ канонерскихъ шлюпокъ, которыя крейсировали около береговъ, по другую сторону пролива стояло 2 англійскихъ линейныхъ корабля съ 4 фрегатами и въ самой Мессинѣ было 6000 человѣкъ войска [2]).

Сомнѣнія начали приходить въ голову намѣстнику. Массена, которому онъ сообщилъ проектъ Наполеона, еще больше поколебалъ его рѣшимость. Онъ находилъ планъ экспедиціи опаснымъ и неисполнимымъ. По его мнѣнію, нельзя было и думать о томъ, чтобы, при недостаткѣ всѣхъ средствъ, приготовить въ короткое время и переправить на непріятельскій бе-

[1]) Mém. de Jos II, p. 158.—[2]) Ibid. p. 120.

регъ вдругъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Да и тогда нельзя бы было ручаться, что неаполитанцы, имѣя вмѣстѣ съ союзниками до 18,000 чел., не отразятъ перваго нападенія [1]). Жозефъ былъ какъ бы между двухъ огней. Съ одной стороны желая удовлетворить нетерпѣнію Наполеона, съ другой — принимая въ соображеніе основательныя замѣчанія своихъ генераловъ, онъ не нашелъ ничего лучше сдѣлать, какъ самому отправиться въ Калабрію и на мѣстѣ повѣрить всѣ трудности задачи и средства къ ея исполненію. Личное присутствіе намѣстника во вновь покоренной области казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что дѣла въ ней шли несовсѣмъ по его желанію. Позади Ренье, стоявшаго на самомъ краю Италіи, начали обнаруживаться признаки безпокойнаго движенія. Въ разныхъ мѣстахъ появились агенты Каролины, возбуждая жителей къ возстанію. Калабрійцы, оправившись отъ перваго страха, стали понемногу браться за оружіе. Какъ предвѣстіе всеобщаго пожара, по мѣстамъ происходили вспышки, принимавшія иногда опасные размѣры. Тамъ разграбленъ былъ французскій военный обозъ, тамъ цѣлый отрядъ въ 200 чел. былъ атакованъ и обращенъ въ бѣгство вооруженными жителями. Городъ Шильяно (Scigliano), несмотря на стоявшій въ немъ французскій гарнизонъ, подвергался разъ открытому нападенію. Другому отряду, находившемуся въ Козенцѣ, почти въ центрѣ страны, угрожала опасность быть совершенно отрѣзаннымъ съ обѣихъ сторонъ. Генералу Вердье удалось, правда, разсѣять вооруженныя скопища въ окрестностяхъ Козенцы; въ другихъ мѣстахъ сами жители, опасаясь разбоевъ, вооружались и дѣйствовали заодно съ французами. Но опасность отнюдь не миновалась: она напротивъ могла воротиться каждый часъ и угрожать французамъ истребленіемъ. Ренье, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма незначительныя силы, слишкомъ растянулъ свою линію, и поправить его ошибку нельзя было въ скоромъ времени [2]).

Въ первыхъ числахъ апрѣля Жозефъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Неаполя въ Калабрію, подъ прикрытіемъ сильнаго

[1]) Mém. de Massena, V, p. 182.—[2]) См. донесенія полковникомъ Лебрёна и Лафона Жозефу, Mém. t. II, p. 160 — 167. Наполеонъ не просмотрѣлъ и этой ошибки со стороны французскаго генерала: le général Regnier — писалъ онъ Жозефу—me paraît avoir fait sa marche avec assez d'imprudence. По его мнѣнію, слѣдовало непремѣнно занять Котроне, Россано, Катанцаро, Кастеллу и сверхъ того оба берега: въ такомъ только случаѣ онъ считалъ движеніе безопаснымъ. Ibid. p. 174.

конвоя. Странствованіе его продолжалось болѣе мѣсяца. Путь этотъ обошелся ему безъ большихъ лишеній и непріятностей. Волненіе снова стихло, по крайней мѣрѣ не показывалось болѣе наружу. Намѣстникъ слѣдовалъ тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ происходило завоеваніе страны, и точно также достигъ крайнихъ ея пунктовъ при Мессинскомъ проливѣ. Онъ останавливался во всѣхъ большихъ городахъ и во многихъ встрѣченъ былъ съ выраженіями непритворной симпатіи. Ужасы 1799 года, у всѣхъ еще бывшіе въ памяти, въ самомъ дѣлѣ расположили въ пользу французовъ немалую часть жителей, особенно въ среднемъ сословіи. Жозефъ своимъ неспѣсивымъ обращеніемъ и благосклоннымъ вниманіемъ къ нуждамъ народонаселенія умѣлъ поддержать въ немъ такое доброе расположеніе. Пользуясь хотя наружнымъ спокойствіемъ края, онъ могъ даже всмотрѣться въ его положеніе и предначертать для него многія полезныя улучшенія—разумѣется въ отдаленномъ будущемъ. И надобно признаться, ни одна страна не нуждалась такъ въ помощи просвѣщеннаго правителя. По странной судьбѣ, Калабрія еще въ началѣ настоящаго столѣтія оставалась нетронута рукою цивилизаціи. Образованное европейское управленіе какъ будто никогда и не касалось ея. Конечно, скрѣпя сердце, писалъ намѣстникъ слѣдующій отзывъ о странѣ, которая поступала вновь подъ его управленіе: „Здѣсь нѣтъ ни путей сообщенія и никакой судебной расправы; выступившіе изъ береговъ потоки не встрѣчаютъ никакихъ преградъ, которыя бы останавливали ихъ разливъ; воды ихъ, въ обиліи разлитыя по поверхности земли, производятъ лишь безплодіе, стоячія болота образуются среди померанцовыхъ и оливковыхъ садовъ, и страна, изъ богатой и красивой, какою она создана отъ природы, превращается въ нездоровую, а жители ея смотрятъ несчастными“ [1]). Калабрія пережила столько переворотовъ, но исторія для нея какъ будто еще и не начиналась! Жозефъ ничего не пропустилъ безъ вниманія и тогда же принялъ нѣкоторыя мѣры для облегченія вопіющихъ нуждъ страны. Такъ, находясь въ Монтелеоне, онъ съ удивленіемъ узналъ, что мѣстныя тюрьмы наполнены арестантами, изъ которыхъ многіе томятся по 20 лѣтъ въ ожиданіи рѣшенія, и тотчасъ далъ приказъ составить четыре судныя комиссіи, чтобы кончить всѣ нерѣшенныя дѣла въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Тогда же составленъ былъ имъ проектъ большой про-

[1]) Ibid. p. 193.

ѣзжей дороги отъ Лагонегро до южной оконечности Калабріи. что также было для страны дѣломъ первой необходимости. Въ Катанцаро, откуда вдругъ видны два моря, у него явилась прекрасная мысль соединить ихъ между собою посредствомъ судоходнаго канала. Вообще путешествіе въ Калабрію навело намѣстника на многія весьма полезныя предположенія. Отсюда онъ держалъ обратный путь уже черезъ юго-восточныя провинціи. Прибывши въ Тарентъ, Жозефъ внимательно осмотрѣлъ его гавань и положилъ основать здѣсь обширное морское учрежденіе. Тутъ же составился у него проектъ новой дороги въ Калабрію, ибо до сихъ поръ жители тарентинскаго округа производили всѣ сношенія съ своими ближайшими сосѣдями только моремъ! Наконецъ, около половины мая, черезъ Базиликату и Апулію, намѣстникъ такъ же мирно возвратился въ свою резиденцію.

А походъ противъ Сициліи? Объ немъ пока не могло быть болѣе рѣчи. Во время своего путешествія Жозефъ имѣлъ случай своими глазами убѣдиться въ неисполнимости предпріятія, по крайней мѣрѣ въ ближайшій срокъ времени. Онъ видѣлъ очень хорошо, что, прежде чѣмъ предпринимать невѣрный походъ въ страну, самою природою отрѣзанную отъ континента, надобно было еще подумать о защитѣ береговъ, которые недавно поступили въ его владѣніе. Нельзя было помышлять о переправѣ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ судовъ, ибо англійскіе крейсеры увели съ собою все — даже рыбачьи лодки [1]). До чего доведена была беззащитность береговъ, можно судить по слѣдующимъ словамъ намѣстника Наполеону, писаннымъ изъ Реджіо: „Я далъ приказаніе немедленно вооружить здѣшній берегъ: онъ рѣшительно отданъ на жертву нашимъ врагамъ, которые съ своихъ фрегатовъ преспокойно могутъ бомбардировать наши города, не получая въ отвѣтъ себѣ ни одного выстрѣла. Я надѣюсь, что *чрезъ нѣсколько дней* мы будемъ имѣть батарею въ нѣсколько орудій“ [2]). Жозефъ не могъ также скрывать отъ себя той опасности, которой, въ случаѣ возстанія въ Калабріи, подвергалась экспедиціонная армія въ тылу, если бы напередъ не были обезпечены сообщенія ея съ Неаполемъ: для этого потребовались бы слишкомъ большія силы, которыхъ не было въ распоряженіи намѣстника. Какъ ни привлекательно смотрѣла добыча, какъ ни доступна была она глазу наблюдателя, помѣщеннаго по сю

[1]) Ibid. p. 157: донесеніе генерала Ренье.—[2]) Ibid. p. 197.

сторону Мессинскаго пролива, однако, чтобы прибрать ее къ рукамъ, надобно еще было подождать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Не желая огорчать Наполеона, намѣстникъ продолжалъ писать къ нему, что дѣлаетъ приготовленія къ экспедиціи и ждетъ только окончанія ихъ, чтобы потомъ приступить къ самому дѣлу; но всѣ другія показанія согласны въ томъ, что по крайней мѣрѣ на время онъ долженъ былъ вовсе отказаться отъ предпріятія [1]).

Итакъ, послѣ довольно дальней экскурсіи по своимъ новопріобрѣтеннымъ владѣніямъ, Жозефъ возвратился въ Неаполь съ твердымъ убѣжденіемъ, что можно быть правителемъ Королевства Обѣихъ Сицилій и не владѣть никакою Сициліею.

IV. ВСТУПЛЕНІЕ ЖОЗЕФА НА НЕАПОЛИТАНСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

Во время своей поѣздки въ Калабрію, находясь въ Шильяно, намѣстникъ получилъ декретъ о возведеніи его въ королевское достоинство. Декретъ подписанъ былъ только 30-го марта, хотя содержавшееся въ немъ назначеніе вовсе не было для Жозефа новостью. Объ этомъ давно уже была рѣчь между братьями. Согласно ихъ общему желанію, королевство не выдѣлялось совершенно изъ состава имперіи, считаясь какъ бы однимъ изъ большихъ ея леновъ, и новый король удерживалъ сверхъ того въ ней свое прежнее титло принца и великаго избирателя (prince et grand électeur de l'empire). Корона объявлена была наслѣдственною, при чемъ Жозефу выговорено также его право наслѣдства на корону имперіи въ случаѣ прекращенія въ ней императорской линіи. Себѣ Наполеонъ предоставлялъ изъ своего новаго лена милліонъ дохода и шесть малыхъ леновъ, подъ именемъ герцогствъ, для раздачи ихъ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ найдетъ достойными, въ потомственное владѣніе.

Все это было устроено чисто домашнимъ образомъ. Завоеватель очень мало заботился о томъ, согласится ли Европа, или нѣтъ, на его распоряженіе. Пользуясь военными обстоя-

[1]) Въ этомъ не сомнѣвается издатель записокъ: ces renseignements — говоритъ онъ, разсказывая о путешествіи Жозефа — achevèrent de lui prouver l'impossibilité de l'entreprendre (l'expédition contre la Sicile). То же почти подтверждаетъ авторъ записокъ Массены, ссылаясь на письма къ нему Жозефа. Il (Joseph) put se convaincre par ses propres yeux que rien n'était prêt pour la conquête de la seconde partie de royaume.

тельствами, онъ намѣренно старался привести его въ исполненіе, прежде чѣмъ могъ быть сдѣланъ запросъ о Неаполѣ со стороны другихъ правительствъ. „Любезный братъ" — писалъ Наполеонъ Жозефу на другой день по изданіи декрета — „я счелъ за нужное покончить дѣло объ Неаполѣ. Предполагая начать мирные переговоры съ Англіею, я рѣшился не терять болѣе ни минуты времени. Ибо, по существующимъ условіямъ, никакая мѣра не можетъ состояться вновь, какъ скоро открыты переговоры о мирѣ" [1]). Такъ, раздирая одною рукою общеевропейское право, завоеватель все еще продолжалъ держаться другою за принятыя ею условія!

11 мая новый король имѣлъ торжественный въѣздъ въ свою столицу. Всѣ французскія войска, стоявшія въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, участвовали въ парадѣ. Маршалъ Журданъ, незадолго предъ тѣмъ прибывшій въ Неаполь и уже вступившій въ должность генералъ-губернатора столицы, выѣхалъ навстрѣчу королю во главѣ многочисленнаго штаба арміи и муниципальныхъ властей. Радостныя восклицанія раздавались въ толпѣ, когда Жозефъ ѣхалъ по улицамъ. Неаполитанскій архіепископъ, кардиналъ Руффо, братъ другого кардинала того же имени, который пріобрѣлъ столь незавидную извѣстность въ событіяхъ 1799 года, ждалъ короля у входа въ соборную церковь, гдѣ, по обычаю, воспѣто было торжественное Te Deum. Отсюда Жозефъ, сопровождаемый большою свитою, отправился прямо во дворецъ и принималъ тамъ нарочно присланную по сему случаю депутацію французскаго сената. Она состояла изъ трехъ лицъ, въ томъ числѣ сенатора Рёдерера, къ которому Жозефъ питалъ чувство особенной симпатіи. Отправляя его въ Неаполь, Наполеонъ сообразовался не столько съ своими собственными видами (самъ онъ не очень жаловалъ сенатора), сколько съ желаніемъ своего брата. Рёдереръ привѣтствовалъ новаго короля, своего стараго товарища по званію сенатора, рѣчью отъ имени цѣлаго сословія. Рѣчь эта можетъ служить образчикомъ звонкихъ хвалебныхъ привѣтствій того времени. Панегиристы имперіи не жалѣли фразъ, когда нужно было польстить суетности человѣка, облеченнаго властью или высоко поставленнаго. Но рѣчь Рёдерера изобиловала сверхъ того патетическими мѣстами, которыя разсчитаны были на эффектъ особеннаго рода. Одно изъ нихъ такъ изображало впечатлѣніе, произведенное въ се-

[1]) Mém. de Jos. II, p. 123.

натѣ послѣднимъ декретомъ: „Когда сенатъ получилъ императорскій декретъ, который провозглашаетъ ваше в—во королемъ Неаполя и Сициліи, первымъ нашимъ движеніемъ было чувство радости, гордости и признательности къ императору: ваше новое назначеніе, къ которому вы призваны, казалось намъ отчасти также и нашимъ (не надобно забывать, что Жозефъ до назначенія своего намѣстникомъ былъ президентомъ сената). Но когда первое впечатлѣніе прошло, когда церемонія кончилась, и сенаторы встали съ своихъ мѣстъ, чтобы разойтись по домамъ и предаться каждый своему личному чувству, тогда... тогда съ грустью говорили они между собою: „Итакъ все кончено! мы навсегда лишились его!“ Цѣня высоко честь, сдѣланную имъ сохраненіемъ за в. в — омъ званія высокаго курфирста (électeur), которое, повидимому, имѣетъ назначеніемъ продолжить связь, соединяющую насъ съ вами, они впрочемъ не находили въ немъ довольно утѣшенія себѣ. Они обращались къ намъ (депутатамъ): каждый поручалъ намъ отъ себя передать его чувства в. в—ву, и даже ихъ дружескія желанія, которыми они напутствовали насъ въ дорогу, все еще отзывались тѣми прощальными обѣтами, которые они поручили намъ передать в. в—ву“ [1]).

Не знаемъ, каково было впечатлѣніе, произведенное сентиментальными фразами оратора на его слушателей, но Наполеона нельзя было подкупить словами. Фраза и оставалась для него фразою. Къ чести его надобно замѣтить, что подъ пышною оболочкою онъ всегда умѣлъ угадать внутреннюю пустоту и ничтожество. „Рѣчь Рёдерера“ — писалъ онъ впослѣдствіи къ Жозефу—„не могла быть помѣщена въ Монитерѣ, потому что, сказать правду, она не имѣетъ смысла. Говоря отъ имени сената, онъ какъ будто пишетъ журнальную статью. Меня онъ ставитъ наровнѣ съ Макіавелемъ. Я не знаю ничего болѣе безтолковаго, особенно когда подумаешь, что рѣчь была произнесена при такомъ обстоятельствѣ, по поводу котораго можно было сказать такъ много истинно хорошаго“. Брату своему Наполеонъ также не пропустилъ случая замѣтить, что желалъ бы и отъ него слышать поменьше праздныхъ словъ. Подаривъ Жозефу королевское достоинство,

1) Ibid. p. 140.—Описаніе пріема Жозефа въ Неаполѣ см. также въ Зап. Массены (V, p. 184), который впрочемъ, говоря о кардиналѣ Руффо, смѣшиваетъ его съ братомъ, извѣстнымъ предводителемъ народныхъ ополченій въ 1799 г.

онъ попрежнему видѣлъ въ немъ своего чиновника и при случаѣ продолжалъ дѣлать ему строгія замѣчанія. „Въ вашемъ отвѣтѣ оратору“—писалъ онъ въ томъ же письмѣ—„я также нахожу фразы, которыя, съ вашего позволенія, считаю никуда негодными. Вы сравниваете привязанность ко мнѣ французовъ съ тѣми чувствами, которыя неаполитанцы питаютъ къ вамъ? Иному покажется это эпиграммою. Какія чувства можетъ питать къ вамъ народъ, для котораго вы ровно ничего не сдѣлали? къ которому вы пришли завоевателемъ и держитесь, потому что у васъ есть сорокъ или пятьдесятъ тысячъ войска? Вообще вы сдѣлаете гораздо лучше, если въ вашихъ актахъ будете меньше распространяться обо мнѣ и о Франціи, не касаясь насъ ни прямо, ни косвенно... Если бы съ вами не было французской арміи, то, предположивъ даже, что предшественнику вашему не помогали бы англійскія войска, я спрашиваю, кому изъ васъ принадлежалъ бы теперь Неаполь? А обо мнѣ вы конечно не скажете, что я только съ помощью чужеземнаго войска могу держаться въ Парижѣ“ [1]).

Само собою разумѣется, что непріятность этого замѣчанія не могла омрачить праздника, потому что она стала извѣстна лишь нѣсколькими недѣлями позже. Но торжество еще не кончилось, какъ враги пришли смутить его своимъ появленіемъ. Вечеромъ того же дня, когда освѣщенныя улицы еще полны были народа, англійская эскадра показалась въ виду Неаполя. Она состояла изъ нѣсколькихъ линейныхъ кораблей, фрегатовъ и канонерскихъ шлюпокъ. Начальствовалъ надъ ней все тотъ же неутомимый сиръ Сидни-Смитъ, который еще на первыхъ порахъ славы Наполеона сталъ замѣтнымъ противникомъ успѣховъ его оружія. Не имѣя военнаго генія, онъ впрочемъ не разъ достигалъ своею настойчивостью и искусствомъ немаловажныхъ результатовъ. Настоящее его назначеніе, какъ начальника эскадры, состояло въ томъ, чтобы снабдить припасами осаждаемую Гаэту и снова поднять военную тревогу вдоль по всему берегу. Однимъ словомъ, онъ долженъ былъ напомнить французскому намѣстнику, который думалъ было успокоиться на лаврахъ, что пора дѣйствовать только что наступила. Сиръ Сидни-Смитъ какъ нельзя лучше исполнилъ первое порученіе: Гаэта получила нужные запасы и могла потомъ съ большею твердостью продолжать свое сопротив-

1) Mém. de Jos. II, p. 266—267.

Bayerische Staatsbibliothek München

леніе. Отсюда эскадра перешла къ Неаполитанскому заливу и вступила въ него безпрепятственно. Надъ городомъ повисла неожиданная гроза. Берега еще не были достаточно вооружены, и непріятель каждую минуту могъ бомбардировать Неаполь.

Можно себѣ представить тревогу жителей при появленіи вооруженныхъ кораблей въ виду почти беззащитныхъ береговъ. Но къ удивленію, непріятельскія суда не открывали огня. Чѣмъ же былъ занятъ или что̀ замышлялъ въ это время сиръ Сидни-Смитъ? У него былъ другой планъ. Пока главная часть эскадры стояла передъ Неаполемъ, держа его въ постоянномъ страхѣ, другія суда готовились къ нападенію на о. Капри, лежащій при входѣ въ заливъ съ южной стороны. Этотъ важный постъ занятъ былъ лишь небольшимъ французскимъ гарнизономъ въ 200 или 250 человѣкъ, подъ начальствомъ простого капитана [1]). Сидни-Смитъ, наблюдавши нѣсколько дней за островомъ, произвелъ на него высадку подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ судовъ. Вся низкая часть острова скоро перешла въ руки непріятеля. Упорнѣе была защита главной высоты, на которой находился небольшой фортъ и деревня Ана Капри. Нападающіе должны были взбираться вверхъ по узкой тропинкѣ, пробитой въ скалѣ, имѣя передъ собою обращенныя противъ нихъ дула противниковъ. Дорого приходилось покупать каждый шагъ впередъ. Храбрый гарнизонъ защищался съ самоотверженіемъ. Но противники, имѣя на своей сторонѣ численное превосходство, не уступали защитникамъ острова и въ энергіи. Наконецъ сами начальники отрядовъ схватились въ рукопашный бой. Только смерть французскаго капитана, который погибъ въ этой схваткѣ, заставила гарнизонъ быть уступчивѣе и сдать островъ на капитуляцію. Въ уваженіе храбрости своихъ противниковъ сиръ Сидни-Смитъ предоставилъ имъ право переѣхать на твердую землю, сохраняя оружіе. Утвердившись такимъ образомъ на островѣ англичане угрожали отсюда и сосѣднимъ островамъ.

Еще Жозефъ и его ближайшіе совѣтники не успѣли спохватиться, какъ послѣдовало новое нападеніе. Отрядъ англичанъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ высадился на берегъ близъ Массы, на южной оконечности залива, и овладѣлъ береговою батареею. Сопротивленіе было самое слабое. Кромѣ пушекъ,

1) Mém. de Jos. II, p. 232; ср. другое показаніе, ibid. p. 233. Массена уменьшаетъ число до 100. Mém. de Massena, V, p. 186.

Bayerische Staatsbibliothek München

англичане завладѣли всѣми шлюпками и транспортными судами, которые находились въ гавани, и потомъ преспокойно удалились назадъ. По всему пространству залива поднялась тревога, но защитниковъ не было въ готовности. По признанію автора записокъ Массены, на всемъ протяженіи берега отъ Кастелламаре до Массы не нашлось въ это время ни одного солдата. Безпокойство скоро распространилось и на южную Калабрію. На всемъ берегу не было почти ни одного пункта безопаснаго отъ высадки. Англичане подходили то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и высаживали партизановъ Каролины. Кромѣ того Сидни-Смитъ угрожалъ Искіи и Прочидѣ.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ нѣкоторыми внутренними распоряженіями, замедлили на нѣсколько дней принесеніе новому королю присяги на вѣрность. Оно было отложено до 24 мая. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ дѣло обошлось безъ внѣшней тревоги. Только въ рядахъ высшихъ сановниковъ государства послышалось одно, впрочемъ безсильное, противорѣчіе: кардиналъ Руффо, который въ качествѣ неапольскаго архіепископа участвовалъ въ торжественномъ пріемѣ Жозефа по возвращеніи его въ городъ, отказался присягнуть ему, ссылаясь на то, что Неаполитанское королевство есть ленъ папскаго престола, который одинъ имѣетъ право утверждать въ немъ государей. Но кардиналу даже не отвѣчали на его возраженія. Жозефъ тотчасъ же далъ ему приказъ немедленно выѣхать изъ Неаполя [1]). Другихъ замѣшательствъ не было, и церемонія кончилась въ совершенномъ порядкѣ.

Но неаполитанская природа была менѣе спокойна. Черезъ нѣсколько дней потомъ зарево подземнаго пожара охватило своимъ зловѣщимъ огнемъ Неаполь и его окрестности. Везувій, до сихъ поръ безмолвный свидѣтель происходившихъ около него событій, вдругъ открылъ свое жерло и началъ бросать изъ себя огненныя изверженія. Густая колонна чернаго дыма поднялась надъ горою, потрясенною въ своихъ основаніяхъ. Затѣмъ послѣдовали взрывы пламени, которые сопровождались подземными ударами, приводившими въ ужасъ всю окрестность. Кратеръ сыпалъ вокругъ раскаленными массами, грозя

1) Ce cardinal — писалъ объ немъ Жозефъ Наполеону — est un idiot fanatique de bonne foi; d'autres le disent très mal intentionné, mais je penche pour la première opinion. Ibid. p. 253.

далеко разнести разрушеніе. Какъ испуганное стадо, бѣжали жители ближайшихъ селеній. Другіе, болѣе отдаленные отъ опасности, какъ жители Неаполя, оставались на мѣстѣ и ждали въ нѣмомъ ужасѣ, какъ далеко пойдетъ дѣйствіе великана. Между ними былъ и Жозефъ, наблюдавшій съ одного возвышенія его грозное и еще невиданное имъ явленіе. Пять дней продолжалось изверженіе Везувія; потомъ онъ снова смолкъ, и въ окрестной странѣ опять водворилось спокойствіе.

Между тѣмъ Жозефъ не переставалъ совѣтоваться съ Наполеономъ о всѣхъ предметахъ внутренняго управленія. Нерѣдко они разногласили между собою; но большею частью мнѣніе Наполеона брало верхъ. Чѣмъ затруднительнѣе становились обстоятельства, тѣмъ больше поддавался Жозефъ чужому вліянію, тѣмъ меньше довѣрялъ добрымъ инстинктамъ своей природы. Многое даже дѣлалось противъ его воли. Вообще наполеоновская политика все больше и больше укоренялась въ Неаполѣ и подрывала въ народѣ тѣ симпатіи, которыми онъ начиналъ располагаться въ пользу новаго правительства. Ясныя доказательства тому мы имѣемъ въ самой перепискѣ.

Никто столько не старался разрушить довѣріе Жозефа къ его новымъ подданнымъ, какъ самъ Наполеонъ. Оставаясь въ Парижѣ, онъ былъ гораздо подозрительнѣе ко всѣмъ движеніямъ неаполитанцевъ, чѣмъ братъ его въ самомъ Неаполѣ. Поэтому онъ не переставалъ напоминать Жозефу быть какъ можно осторожнѣе и недовѣрчивѣе. Изъ множества его внушеній въ этомъ родѣ мы возьмемъ то, въ которомъ мысль его сказалась всего яснѣе. „Вы вовсе не знаете" — писалъ онъ Жозефу—„что такое народъ, еще менѣе понимаете вы итальянцевъ. Вы слишкомъ довѣрчиво смотрите на тѣ демонстраціи, которыя они вамъ дѣлаютъ. Не нужно дѣлать тревоги, но вы должны взять всѣ предосторожности. При малѣйшемъ движеніи на континентѣ, въ ту самую минуту, когда для васъ всего дороже были бы доказательства ихъ привязанности, вы увидите, какъ мало можете разсчитывать на нихъ. Еще разъ повторяю вамъ—не полагайтесь слишкомъ много на демонстраціи неаполитанцевъ. Дѣйствіе, которое производитъ побѣда на народъ, всегда одинаково. Неаполитанцы кажутся привязанными къ вамъ потому, что враждебныя вамъ чувства принуждены молчать: но дайте только снова подняться тревогѣ на континентѣ, и вы увидите сами, что̀ сдѣлается съ этою хваленою привязанностью, когда придется можетъ-быть уба-

вить, болѣе чѣмъ на половину, французскаго войска, которое находится теперь въ Неаполѣ, и особенно когда тамъ узнаютъ, что я разбитъ на Изонцо, и Венеція очищена французами. Да и какъ можетъ быть иначе? Что такое вы сдѣлали для нихъ? Когда вы успѣли узнать ихъ? Они знаютъ могущество Франціи и думаютъ, что какъ скоро вы назначены у нихъ королемъ, то все дѣло кончено: имъ уже кажется, что этого требуетъ естественный порядокъ вещей, имъ нравится перемѣна самою своею новизною, и наконецъ они считаютъ ее неизбѣжною" [1]).

Нѣтъ спора, что въ положеніи французовъ въ Неаполѣ было немного вѣрнаго, но чтобы уже такъ далеко простиралась недовѣрчивость, надобно было отъ природы имѣть очень подозрительный нравъ. Кромѣ того естественнаго безпокойства, которое завоеваніе влечетъ за собою какъ неизбѣжное слѣдствіе самой несправедливости дѣла, въ Неаполѣ дѣйствовали другія, болѣе постоянныя причины. Когда онъ вооружалъ своего брата противъ итальянцевъ, въ немъ самомъ говорила итальянская кровь. Ея не убило въ немъ ни воспитаніе, ни долгое пребываніе на иной почвѣ, среди другого народа. Нигдѣ такъ не высказывается эта особенность его породы, образовавшейся еще прежде его самого, подъ вліяніемъ исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ, какъ въ интимной перепискѣ. Тутъ онъ не скрывалъ даже тѣхъ душевныхъ движеній, которыхъ можетъ-быть стыдился бы передъ другими. Кому, напримѣръ, кромѣ истаго итальянца, могли бы притти въ голову слѣдующія мѣры предосторожности, которыя онъ—изъ Парижа — совѣтуетъ брату принять для его безопасности въ Неаполѣ? „Я уже говорилъ вамъ и подтверждаю еще разъ, что вы слишкомъ довѣрились итальянцамъ. *Я долженъ это особенно замѣтить вамъ насчетъ вашей кухни и охраненія вашей личности: иначе вы рискуете быть отравленнымъ или погибнуть отъ руки убійцы.* Итакъ я настоятельно требую, чтобы вы всегда имѣли у себя французскихъ поваровъ, чтобы вѣрный метръдотель наблюдалъ за прислугою при вашемъ столѣ, и чтобы охраненіе вашей особы ввѣрено было не иначе, какъ французамъ. *Если бы вы больше знакомы были съ моею частною жизнію, то вы узнали бы, что, даже у себя во Франціи, я всегда стараюсь быть подъ охраненіемъ преданныхъ мнѣ моихъ ветерановъ*". Можно подумать, что это писалъ какой-нибудь итальянскій принчипе XV или XVI вѣка, нѣсколько разъ

[1]) Mém. Jos. II, p. 250—252.

бывшій въ опасности лишиться жизни отъ руки тайнаго убійцы или отъ тонкаго яда! Только изъ вражды гвельфовъ и гибеллиновъ могли народиться въ воображеніи человѣка такіе страшные призраки. Но заботливость Наполеона о безопасности брата простирается еще далѣе: онъ посылаетъ ему рецептъ такихъ предохранительныхъ мѣръ, которыми тотъ долженъ былъ стараться оградить себя противъ невиданнаго врага... „Никто не долженъ входить къ вамъ ночью, кромѣ вашего адъютанта. Спать онъ долженъ въ ближайшей комнатѣ съ вашею спальнею. *Ваша дверь должна быть заперта изнутри, и вы не прежде должны отворить ее вашему адъютанту, какъ хорошо распознавши его голосъ. Онъ тоже не долженъ приниматься прежде стучать въ вашу дверь, какъ накрѣпко припериши дверь той комнаты, въ которой онъ находится, чтобы знать навѣрное, что онъ одинъ, и что никто за нимъ не слѣдуетъ.* Эти предосторожности очень важны: онѣ нисколько не стѣснятъ васъ, а между тѣмъ, кромѣ того, что отъ нихъ можетъ зависѣть спасеніе вашей жизни, онѣ ужъ будутъ полезны вамъ и тѣмъ, что внушатъ вамъ полную увѣренность въ своей безопасности (!). Совѣтую вамъ принять этотъ образъ жизни тотчасъ же и сохранить его навсегда,—а не то, чтобы вамъ надобно было прибѣгать къ нему отъ времени до времени, въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, что́ было бы нѣсколько тяжело для вашего самолюбія и непріятно для лицъ, васъ окружающихъ“ [1]).

Жозефъ отбивался, сколько могъ, отъ подобныхъ внушеній. Природа его была добродушная. Онъ никого не хотѣлъ заподозрить, не имѣя для того достаточныхъ основаній. Но часто и строго повторяемые совѣты дѣйствуютъ какъ приказаніе. Многое запало Жозефу въ голову даже противъ его воли. Притомъ же самое положеніе его было еще для него такъ ново, такъ непривычно, что онъ ни на что не могъ рѣшиться, не посовѣтовавшись съ другими. А тутъ передъ нимъ была цѣлая система политическихъ дѣйствій, строго проведенная и уже испытанная на дѣлѣ: какъ было устоять противъ такого вліянія? И Жозефъ въ самомъ дѣлѣ началъ мало-по-малу склоняться передъ внушеніями своего брата. Такъ между прочимъ въ одномъ изъ его писемъ къ Наполеону находимъ слѣдующее признаніе: „Я наконецъ понялъ справедливость тѣхъ началъ, которыя не разъ имѣлъ случай слышать прямо изъ устъ в. в-ва, и признаюсь, что

1) Ibid. p. 260—261.

самый опытъ убѣдилъ меня въ истинѣ такихъ замѣчаній, что все надобно видѣть своими глазами, что никогда не должно терять ни минуты (?) и не полагаться на дѣятельность другихъ, кто бы они ни были, что все возможно при твердой волѣ со стороны главнаго дѣятеля и т. п. По десяти разъ на день мнѣ приходится повторять: „а императоръ былъ правъ!“ Не знаю, зачѣмъ я пишу объ этомъ; но я такъ привыкъ писать къ в. в—ву по первому движенію и ничего не скрывать отъ васъ, а вы такъ привыкли объяснять все въ хорошую сторону, что конечно и эти невольные порывы моего сердца не сочтете неумѣстными“ [1]).

Многія мѣры, вновь принятыя Жозефомъ по внутреннему управленію, дѣйствительно отзывались наполеоновскою школою; трудно однако было ему *вполнѣ* войти въ духъ политики своего опытнаго руководителя. Доброе сердце его никогда не могло совершенно помириться съ *напрасными* жестокостями. Какъ ни старался Наполеонъ направить мысли своего брата, онъ все продолжалъ смотрѣть отчасти парижскимъ буржуа и иногда вовсе выходилъ изъ заданнаго ему тона. Это обнаружилось особенно въ дѣлѣ извѣстнаго бригадира Родіо, дѣйствовавшаго противъ французовъ въ Апуліи. Мы передадимъ исторію его казни со словъ самого издателя мемуаровъ. Захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, Родіо былъ привезенъ въ Неаполь и преданъ военно-судной комиссіи. Судъ однако призналъ его за военноплѣннаго и большинствомъ голосовъ произнесъ рѣшеніе въ его пользу. Тогда наряжена была другая комиссія, и въ ней Родіо единогласно присужденъ былъ къ казни. Всякаго должно было бы поразить такое рѣзкое разногласіе между рѣшеніями двухъ судовъ. Дѣло по крайней мѣрѣ стоило бы того, чтобы разобрать его со вниманіемъ. Къ сожалѣнію, Жозефа не было тогда въ Неаполѣ: онъ еще не возвращался изъ своей поѣздки въ Калабрію. Саличетти, бывшій тогда министромъ полиціи, вмѣсто того, чтобы дождаться возвращенія намѣстника, или хоть снестись съ нимъ письменно, рѣшилъ отъ себя, что примѣръ строгости необходимъ народу, и что слѣдуетъ немедленно исполнить послѣдній приговоръ. Никто не смѣлъ возразить ему, и Родіо былъ публично разстрѣлянъ на другой день по рѣшенію второго суда. Пови-

[1]) Ibid. p. 220.—Между множествомъ фразъ, которыя показываютъ, что совѣты Наполеона исполнялись, приведемъ слѣдующую: l'on fait fusiller — пишетъ Жозефъ—*tout ce qui mérite de l'être*, et l'on desarme tout le monde. Ibid. p. 121.

димому, Саличетти былъ правъ: по крайней мѣрѣ для Наполеона онъ не могъ сдѣлать ничего угоднѣе. Извѣстившись о казни бригадира, Наполеонъ писалъ къ брату: „Я съ *удовольствіемъ* узналъ, что маркизъ Родіо разстрѣлянъ", — какъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ писемъ онъ тоже говорилъ, что „съ удовольствіемъ" прочелъ извѣстіе, что у инсургентовъ сожгли одну деревню — на томъ де основаніи, что „строгіе примѣры необходимы". Но Жозефъ на этотъ разъ думалъ иначе. Онъ, напротивъ, не хотѣлъ простить министру его неумѣстной ревности. Первою его мыслію, по возвращеніи въ Неаполь, было даже вовсе удалить Саличетти отъ дѣлъ. Напрасно тотъ старался оправдываться: Жозефъ не хотѣлъ ничего слушать — и, говорятъ, смягчился не прежде, какъ получивъ отъ него формальное увѣреніе, что впредь онъ будетъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, т. е. осторожнѣе на „строгіе примѣры". Говоря впрочемъ о послѣднемъ рѣшеніи короля, не надобно также забывать, что слово, сказанное самимъ Наполеономъ по тому же случаю, тоже должно было много вѣсить на его вѣсахъ.

Поставленный между строгими и часто повторяемыми наказами своего брата и внушеніями своего собственнаго сердца, Жозефъ очевидно хотѣлъ выбрать средній путь между ними и слѣдовать ему въ своей внутренней политикѣ. Но, не говоря уже объ опытности, онъ не имѣлъ для того ни достаточно твердой воли, ни положенія довольно независимаго. Личная обстановка также мало благопріятствовала его миролюбивымъ намѣреніямъ. Главными орудіями его воли по внутренней администраціи были большею частію люди, поставленные самимъ Наполеономъ и воспитанные въ духѣ его политики. Неудивительно, что Саличетти позволялъ себѣ произвольныя распоряженія: онъ пользовался благосклонною довѣренностью самого императора. Рѣдко удавалось Жозефу замѣстить тотъ или другой постъ лицомъ своего собственнаго выбора. На всѣ его просьбы о Рёдерерѣ, который пользовался его личнымъ расположеніемъ, Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ, если угодно, удержать при себѣ сенатора, но не давая ему никакой значительной должности. Несмотря на свое королевское титло, Жозефъ часто самъ находился въ зависимости отъ своихъ чиновниковъ. Не все исполнялось, чего онъ хотѣлъ, многое дѣ-

[1]) Mémoires de Massena, II, p. 307.

лалось даже прямо противъ его желанія. Мудрено ли, что симпатіи, которыми онъ былъ встрѣченъ со стороны нѣкоторыхъ сословій, слабѣли, и враждебныя пришельцамъ чувства снова брали верхъ въ покоренномъ городѣ [1]).

Въ то же время между братьями шла дѣятельная переписка о дальнѣйшихъ мѣрахъ для завоеванія остальныхъ частей королевства. Мысль Наполеона постоянно была занята походомъ въ Сицилію. Онъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ понимать уклончивыхъ отвѣтовъ своего брата. Онъ твердо стоялъ на томъ, что завоеваніе Сициліи должно быть на первомъ планѣ, и что для него можно даже пожертвовать осадою Гаэты и другихъ укрѣпленныхъ городовъ на твердой землѣ, которые еще заняты были неаполитанцами.

Расчеты его были основаны особенно на миролюбивыхъ расположеніяхъ Европы. Пользуясь ими, онъ надѣялся безъ помѣхи покончить дѣло съ своимъ новымъ завоеваніемъ. У него было вѣрное предчувствіе, что, въ случаѣ новой большой войны съ Европою, Сицилія вовсе уйдетъ отъ его рукъ. „Въ настоящемъ состояніи Европы“ — писалъ онъ новому королю черезъ нѣсколько дней послѣ принятія имъ присяги на вѣрность—„когда не предвидится близкой войны“ (онъ еще не помышлялъ тогда о близкомъ разрывѣ съ Пруссіею!), „Сицилія есть все, а Гаэта ничего не значитъ. Я разумѣю это относительно ко времени. Къ сентябрю, разумѣется, надобно будетъ ее взять; но до тѣхъ поръ нечего за нее опасаться. Главное состоитъ въ томъ, чтобы вы до этого срока были въ Сициліи“. Черезъ нѣсколько строкъ Наполеонъ еще разъ возвращается къ тому же предмету. „По моему личному мнѣнію, Гаэта могла бы быть въ нашихъ рукахъ еще два мѣсяца тому назадъ. Впрочемъ, при настоящемъ положеніи вещей, лучше можетъ-быть и не думать о взятіи Гаэты, если только вы предвидите возможность скоро вступить въ Сицилію. Итакъ не дѣлайте никакихъ новыхъ усилій противъ Гаэты, чтобы не ослабить необходимыхъ средствъ для экспедиціи въ Сицилію“ [2]). Къ концу мая виды Наполеона на продолженіе мира въ Европѣ, повидимому, нѣсколько поколебались: онъ уже спрашивалъ у брата, какъ бы сталъ онъ дѣйствовать, если бы потребовалось отозвать французскую армію, находившуюся въ Неаполѣ, для прикрытія сѣверной Италіи? Но ему все еще не хотѣлось покинуть любимой мысли о походѣ въ

[1]) Ср. Coletta, ibid; также Pepe, passim.—[2]) Ibid. p. 241—42.

Сицилію. „Если вы имѣете надежду на возможность скораго движенія на Сицилію, то, какъ я уже вамъ и замѣчалъ, вы можете отложить рѣшительныя дѣйствія противъ Гаэты. Въ случаѣ же, если вы не находите возможнымъ исполнить первое предпріятіе въ скоромъ времени, вамъ надобно постараться какъ можно поскорѣе раздѣлаться съ этимъ больнымъ чирьемъ, который называется Гаэтою“ [1]).

Любопытно замѣтить, что у Наполеона былъ уже готовъ цѣлый планъ кампаніи въ Сицилію — какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ подробностяхъ. Подобные проекты не стоили ему большого труда. Онъ обыкновенно чертилъ ихъ очень легко благодаря мѣткости своего геніальнаго взгляда и художнической увѣренности въ рукѣ. Онъ все предвидѣлъ, обо всемъ успѣлъ позаботиться (кромѣ одного пункта, какъ увидимъ впослѣдствіи). Въ томъ предположеніи, что въ Сициліи находится не болѣе 6000 англійскаго войска, онъ разсчитывалъ, что можно открыть кампанію съ 9000 человѣкъ, за которыми потомъ долженъ былъ послѣдовать другой, 5000-й отрядъ. „Но было бы большою глупостью“—писалъ онъ—„пытаться переправить напередъ черезъ проливъ менѣе означеннаго числа“. По его мнѣнію, не столько важно было число войска, сколько хорошій выборъ его. „10,000 отборнаго войска стоятъ 20,000 обыкновеннаго“ — было его правило. Удобства и неудобства переправы черезъ Мессинскій проливъ, равно какъ и время, потребное для нея, также были имъ предусмотрѣны и разсчитаны. „Если высадка будетъ сдѣлана удачно“ — писалъ онъ далѣе—„страну можно считать завоеванною“. Расчетъ былъ главнымъ образомъ на слабость сопротивленія. Наполеонъ такъ представлялъ себѣ ходъ дѣла: „Непріятель воспротивится высадкѣ на берегъ: если онъ будетъ оттѣсненъ, то непремѣнно атакуетъ въ теченіе 36 часовъ, и если потомъ онъ будетъ разбитъ, то англичане поспѣшатъ ретироваться, чтобы поскорѣе сѣсть на суда“ [2]).

Конечно для успѣха такого смѣлаго плана нужно еще было, чтобы Наполеонъ взялъ на себя лично и его исполненіе. Онъ впрочемъ не считалъ нужнымъ своего присутствія въ Италіи, полагая, что для похода въ Сицилію достаточно и тѣхъ военныхъ талантовъ, которые тогда находились въ Неаполѣ. Надобно отдать ему справедливость: онъ отлично зналъ

[1]) Ibid. p. 255.—[2]) См. письмо отъ 6 іюня (ibid. p. 277—285). Здѣсь изложены соображенія относительно предполагаемой кампаніи въ Сицилію.

способности и всѣ средства своихъ генераловъ, такъ что могъ каждому изъ нихъ сдѣлать приличное назначеніе. Въ этомъ отношеніи едва ли кого можно поравнять съ Наполеономъ. Каждому изъ генераловъ, которые отправлялись вновь къ Жозефу изъ Франціи, онъ давалъ особую аттестацію, выставляя при этомъ на видъ его спеціальныя способности. Съ другой стороны, какъ мы уже знаемъ, онъ не былъ совершенно слѣпъ и къ ихъ недостаткамъ. Отправляя Сенъ-Сира обратно въ Италію, Наполеонъ рекомендовалъ его намѣстнику какъ человѣка, которому „недостаетъ только опытности, чтобы онъ могъ быть полезнымъ“; но онъ считалъ также за нужное предупредить брата насчетъ щекотливаго самолюбія этого генерала по дѣламъ ввѣренной ему команды [1]. Нѣсколько позже послѣдовало назначеніе маршала Журдана въ Неаполь. Не слишкомъ высоко цѣня его таланты, Наполеонъ однако питалъ къ нему большое довѣріе; онъ видѣлъ въ немъ „честнаго, дѣятельнаго и умѣреннаго человѣка“ [2]. Ему и Ренье отдавалъ онъ преимущество передъ всѣми другими генералами, находившимися въ Неаполѣ. „Журданъ и Ренье—вотъ два человѣка, которыхъ вы особенно должны стараться привязать къ себѣ“—писалъ онъ къ своему брату [3]. Болѣе всего рекомендовалъ онъ перваго для гражданскаго управленія и совѣтовалъ поручить ему столь важный постъ генералъ-губернатора въ самомъ Неаполѣ, но считалъ его также очень способнымъ и для военной команды во внутреннихъ областяхъ [4]. При такомъ умѣньи цѣнить людей Наполеонъ не затруднялся много въ выборѣ способнаго начальника экспедиціи противъ Сициліи. Нѣкоторое время, правда, онъ колебался между Массеною и Ренье: это потому, что въ каждомъ изъ нихъ находилъ нужныя для того качества. Первый казался ему очень способнымъ для такого назначенія, какъ походъ въ Сицилію, ибо онъ находилъ въ немъ много той безтрепетной отваги, которою рѣшается успѣхъ въ живыхъ и продолжительныхъ атакахъ [5]. Вообще можно сказать, что Наполеонъ зналъ Массену какъ свои пять пальцевъ. Въ своей перепискѣ онъ то-и-дѣло возвращается къ нему, съ одной стороны рѣзко выставляя на видъ его слабости, съ другой — отдавая должное его военнымъ способностямъ. Чтобы полнѣе очертить это лицо, мы приведемъ относящіяся сюда мѣста: „Мас-

[1]) Mém. de Jos. II, p. 208.—[2]) Ibid. p. 258.—[3]) Ibid. p. 272.—[4]) Ibid. p. 261 и 278.—[5]) Ibid. p. 278 и 280.

сена“—писалъ Наполеонъ отъ 3 іюня—„никуда не годится въ гражданскомъ управленіи; притомъ же онъ не способенъ привязаться. Онъ безспорно хорошій солдатъ, но слишкомъ преданъ корыстолюбію. Деньги—вотъ единственный его двигатель; не будь ихъ, онъ бы не тронулся — я самъ бывалъ тому свидѣтелемъ. Но прежде онъ удовлетворялся малыми суммами, а теперь ему недостаточно было бы и милліардовъ“ [1]). Когда же рѣчь снова зашла о пожалованіи генераловъ новыми неаполитанскими ленами, Наполеонъ поставилъ имя Массены наряду съ Журданомъ, оговариваясь такимъ образомъ: „Пятна изглаживаются отъ времени, а такія титла, какъ побѣдитель при Флерусѣ и при Цюрихѣ, остаются навсегда; смотря на потомковъ, всякій будетъ только помнить о подвигахъ, совершенныхъ ихъ предками“ [1]). Скоро впрочемъ для Массены нашлось другое назначеніе: императоръ самъ указалъ его для успѣшнѣйшаго веденія гаэтской осады. Тогда выборъ только былъ между генералами Ренье и Вердье, который также былъ на хорошемъ счету у Наполеона; но какъ первый уже съ честью сдѣлалъ кампанію въ Калабрію, то за нимъ по праву должно было остаться и главное начальство надъ экспедиціею въ Сицилію.

Что касается до самого короля, то Наполеонъ очень благоразумно совѣтовалъ ему не вдаваться въ опасности и держаться подальше во время похода—тоже цѣня по всей справедливости его военныя качества. „Если бы вы дѣйствительно свыклись съ войною“ —писалъ онъ Жозефу— „я бы поручилъ вамъ лично перевести войска черезъ проливъ; но вамъ приличнѣе будетъ остаться въ Неаполѣ: игра опасная, а отъ васъ тутъ, право, не будетъ ни на грошъ пользы: вѣдь ваше личное присутствіе не прибавитъ ничего даже къ численной силѣ войска. По моему мнѣнію, вамъ можно бы на это время перенести вашу квартиру въ Реджіо и оттуда наблюдать, какъ будутъ сажать войска на суда“.—„Вы лишь настолько воинъ“—говорилъ онъ въ заключеніе— „насколько слѣдуетъ имъ быть королю. Взявши на себя отвѣтственность за экспедицію, вы бы только безъ всякой нужды подвергли себя большимъ непріятностямъ. Предположимъ, что Массена или Ренье переправились въ Сицилію съ 9000 войска: если имъ удастся, то хорошо, а если не удастся, то потеря бу-

[1]) Ibid. p. 272,—[2]) Ibid. p. 275.

детъ еще неважная. Но перейдите *вы* — это не только не прибавитъ ни одного шанса на успѣхъ, но еще можетъ сдѣлать его сомнительнѣе; а въ случаѣ неудачи, мы проиграемъ и очень много" [1]).

Если Наполеонъ не могъ безъ шутки говорить о сицилійскомъ походѣ подъ командою своего брата, то Жозефъ также никогда не помышлялъ о немъ серьезно. Онъ лишь продолжалъ отписываться въ общихъ выраженіяхъ насчетъ трудности предпріятія. Ему указывали на Сицилію, а онъ обыкновенно ссылался на Гаэту, очень тонко давая замѣтить, что прежде надо кончить одно дѣло, а потомъ уже думать о другомъ. — „Я не теряю изъ вида Сицилію" — писалъ онъ Наполеону на другой день по вступленіи своемъ въ Неаполь. — „Чтобы взять Гаэту, мы сдѣлаемъ все *возможное*, а для Сициліи—даже *невозможное*". Почти черезъ мѣсяцъ потомъ онъ опять писалъ, что намѣренъ теперь заняться въ особенности Гаэтою, „не забывая впрочемъ о Сициліи". Наконецъ, стянувши мало-по-малу бóльшую часть своихъ военныхъ средствъ къ стѣнамъ осаждаемой Гаэты, онъ уже прямо сознавался Наполеону, что, пока длится осада, нельзя въ то же время думать о другомъ большомъ предпріятіи, какъ походъ въ Сицилію, также требующемъ значительныхъ силъ [2]). Несмотря на догадливость Наполеона, эта хитрость, кажется, осталась имъ не замѣченною.

V. ФРАНЦУЗЫ ПЕРЕДЪ ГАЭТОЙ.

Кому по плечу было всякое смѣлое предпріятіе, тотъ, по завоеваніи Неаполя, не переставалъ думать о Сициліи; а кто не чувствовалъ въ себѣ большой отваги, тотъ готовъ былъ удовольствоваться и первымъ завоеваніемъ, лишь бы чувствовать себя въ немъ безопаснымъ.

По вступленіи Жозефа на неаполитанскій престолъ, главныя заботы его были обращены на то, чтобы довершить покореніе края по сю сторону Мессинскаго пролива. Здѣсь было еще въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько твердыхъ пунктовъ, которые оставались въ рукахъ прежняго правительства. Долѣе всѣхъ держались Маратея и Амантея въ Калабріи, Чивителла-дель-Тронго въ Абруццахъ и Гаэта на берегу моря, въ про-

[1]) Ibid. p. 280—282. — [2]) Ibid. p. 232, 275, 298 и 304.

винціи, извѣстной подъ именемъ Терра-ди-Лаворо. Пока эти пункты оставались непокоренными, нельзя было ручаться за внутреннее спокойствіе страны.

Первая взята была Чивителла-дель-Тронго. Крѣпкій фортъ, поставленный на вершинѣ утеса и занятый храбрымъ гарнизономъ отъ 400 до 500 человѣкъ, дѣлалъ ее почти неприступною. Вооруженные инсургенты занимали сверхъ того самый городъ. Движеніе, которое имѣло здѣсь свой главный пунктъ опоры, могло снова распространиться отсюда по всей области. Сенъ-Сиръ, принявшій команду послѣ Лекки, который получилъ другое назначеніе, рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть Чивителлою. Генералъ Фрежевиль получилъ приказаніе взять укрѣпленіе приступомъ. Недостатокъ средствъ онъ умѣлъ восполнить смѣлостію и ловкостію. Первымъ его дѣломъ было укрѣпиться въ самомъ городѣ. Инсургенты, державшіеся за стѣнами, не могли устоять противъ живого натиска французовъ. Овладѣвши городомъ, Фрежевиль повелъ отсюда мину противъ форта, взорвалъ часть стѣны его, и какъ скоро открыта была брешь, взялъ его штурмомъ [1]. Такимъ образомъ самое опасное гнѣздо въ Абруццахъ было уничтожено.

Черезъ нѣсколько времени потомъ пали Маратея и Амантея. Намъ извѣстны лишь нѣкоторыя подробности о взятіи перваго изъ этихъ двухъ пунктовъ. Маратея была неприступна по своему положенію почти не менѣе Чивителлы, но сверхъ того она имѣла сообщеніе съ моремъ. Генералъ Ламаркъ имѣлъ порученіе взять городъ силою. Онъ встрѣтилъ со стороны защитниковъ весьма упорное сопротивленіе. Тѣ же самые неаполитанцы, которыхъ такъ легко было выбить изъ открытой позиціи, твердо держались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Бой за Маратею продолжался цѣлые три дня. Побѣда нѣсколько разъ склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ на третій день французы утвердились въ городѣ, а вслѣдъ затѣмъ сдалась и самая цитадель. Рѣки крови пролились при нападеніи и оборонѣ. Ожесточеніе было взаимное. Оно потомъ тѣмъ болѣе возрастало, чѣмъ болѣе распространялось народное возстаніе въ неаполитанскихъ провинціяхъ [2].

Затѣмъ французамъ оставалось покончить на континентѣ

1) Mém. de Massena, V, p. 180. — 2) См. Colletta, II, l. 6, c. 2. Время взятія Маратеи не показано; по запискамъ Массены видно впрочемъ, что оно послѣдовало гораздо позже взятія Чивителлы.

только съ Гаэтой. Сначала задача казалась очень нетрудною, потому что Гаэта включена была въ общую капитуляцію, которой условія подписаны были регентствомъ передъ занятіемъ Неаполя; но при первой попыткѣ войти въ сношенія съ комендантомъ оказались недоразумѣнія, которыя кончились совершеннымъ отказомъ съ его стороны сдать крѣпость непріятелю. Чтобы овладѣть городомъ, французы должны были приступить къ формальной его осадѣ.

Гаэта, какъ извѣстно, лежитъ на концѣ узкаго полуострова, глубоко вдающагося въ море. Когда ѣдешь отъ Неаполя къ Террачинѣ, она нѣкоторое время красуется передъ глазами, слѣва отъ дороги, поднимаясь амфитеатромъ на вершину береговой горы и вѣнчая ее однимъ изъ своихъ главныхъ укрѣпленій. Она какъ будто ушла отъ земли и смотрится прямо въ море, разстилающееся у ея подножія. Даже въ этой роскошной странѣ, какова Терра-ди-Лаворо, немного пунктовъ болѣе пріятныхъ для глазъ. Но есть другая точка зрѣнія на Гаэту, возбуждающая совсѣмъ другія впечатлѣнія. Непріятно должна смотрѣть она въ глаза тому, кто хотѣлъ бы проникнуть въ нее вооруженною силою. Гаэта легко доступна съ моря, но не владѣющій моремъ и нападающій на нее съ твердой земли встрѣчаетъ многія трудно одолимыя препятствія. Путь къ ней идетъ неширокою полосою земли, составляющею родъ перешейка, легко обстрѣливаемаго съ моря. По обѣимъ сторонамъ лежатъ два рейда, откуда непріятельскія суда постоянно могутъ угрожать движеніямъ и работамъ нападающаго. Даже дойдя до конца перешейка и утвердившись на возвышеніи Монте-Секко, нельзя еще считать себя довольно безопаснымъ. Тутъ начинается дѣйствіе крѣпостной артиллеріи, а чтобы укрыться отъ нея и отвѣчать на нее, осаждающій долженъ производить свои работы въ каменистой почвѣ, что̀ требуетъ много времени и большихъ усилій. Лежащій сверху слой земли такъ тонокъ, что для насыпей требуется еще большое количество привозной. Тамъ, гдѣ начинается голова полуострова, перешеекъ перерѣзанъ сплошнымъ рядомъ непріятельскихъ бастіоновъ, которыхъ положеніе еще тѣмъ выгодно, что значительная половина ихъ возвышается на утесахъ. Другая невыгода осаждающаго состоитъ въ томъ, что линія его батарей никакъ не можетъ равняться въ ширинѣ съ линіей постоянныхъ непріятельскихъ укрѣпленій. Наконецъ за бастіонами, на высотѣ, господствующей надъ городомъ, поднимаются отдѣльныя укрѣпленія которыми огонь также можетъ быть на-

правленъ на непріятельскій лагерь. Какъ скоро Неаполь взятъ, Гаэта неопасна: она не можетъ дѣйствовать на цѣлую область и мало угрожаетъ сообщеніямъ. Но за то она сама—въ томъ предположеніи, что осаждающій лишенъ возможности дѣйствовать съ моря—равно обезпечена и противъ горячаго нападенія, и противъ продолжительной блокады, ибо защищена съ твердой земли своими укрѣпленіями, а посредствомъ моря можетъ постоянно возобновлять свои силы и припасы [1]).

Именно въ такомъ положеніи находилась Гаэта, когда французы, получивши отказъ на требованіе сдачи города, принуждены были подумать о томъ, чтобы взять его силою.

Неудивительно поэтому, что осада Гаэты продолжалась гораздо долѣе, чѣмъ самое завоеваніе королевства. Первое время надобно было удовольствоваться лишь наблюденіемъ за крѣпостью. Занятые покореніемъ внутреннихъ областей, французы не могли выставить противъ Гаэты значительныхъ силъ. Притомъ же нѣкоторое время у нихъ чувствовался совершенный недостатокъ въ осадной артиллеріи. Гарнизонъ крѣпости состоялъ большею частію изъ новобранцевъ и каторжниковъ (forçats), но имѣя на своей сторонѣ численное превосходство и неустрашимаго коменданта, онъ могъ очень спокойно оставаться за укрѣпленіями [2]). Что́ могли сдѣлать 3 или 4 тысячи осаждающихъ противъ 6 тысячъ, которые были защищены цѣлымъ рядомъ хорошо вооруженныхъ бастіоновъ. Въ случаѣ нападенія, осаждающихъ ожидалъ огонь болѣе чѣмъ изъ 100 орудій. Ограничиваясь одними чисто оборонительными дѣйствіями, комендантъ города могъ надѣяться утомить непріятеля, пока средства его не увеличились по крайней мѣрѣ вдвое.

Генералъ Лакуръ, которому ввѣрено было начальство надъ осаднымъ отрядомъ, полагалъ однако съ самаго начала, что надо приступить къ бомбандированію города. Съ его словъ Жозефъ также считалъ эту мѣру довольно сильною для успѣшнѣйшаго хода осады. „Гаэта держится“—писалъ онъ къ Наполеону отъ 22 февраля: „правильная осада намъ стоила бы очень дорого. Попробуемъ бросить въ городъ нѣсколько бомбъ: я надѣюсь, что этого будетъ достаточно, чтобы принудить коменданта сдать городъ“ [2]). Спѣшить казалось тѣмъ болѣе нуж-

[1]) См. подробное описаніе всѣхъ выгодъ положенія Гаэты и ея укрѣпленій въ Mém. de Massena, V, p. 123—202. Авторъ описанія осады Гаэты въ III томѣ Мемуаровъ Жозефа, повидимому, совѣтовался съ тѣмъ же указателемъ.— [2]) Massen. ibid: il ne s'y trouvait que des forçats et des recrues.—[3]) Mém. de Jos. II, p. 87.

нымъ, что въ Гаэтѣ ожидали подкрѣпленій изъ Сициліи. Наполеонъ ничего не отвѣчалъ, ибо Гаэта пока занимала его всего менѣе: онъ нетерпѣливо слѣдилъ за движеніемъ своего войска внутрь королевства. Итакъ, вопреки мнѣнію Массены, который думалъ, что, дѣйствуя изъ какихъ-нибудь 15 или 20 орудій противъ 100, нельзя надѣяться достигнуть значительныхъ результатовъ, положено было приступить къ необходимымъ работамъ, чтобы поставить батареи. Работы впрочемъ шли довольно медленно по недостатку рукъ и орудій. Съ своей стороны осажденные старались вредить непріятелю вылазками. Такъ, въ первыхъ числахъ марта, партизанскій отрядъ, подъ начальствомъ Фра-Діаволо, вышелъ изъ города на судахъ, высадился въ устьѣ Гарильяно и безпокоилъ осаждающихъ съ тылу. Въ половинѣ того же мѣсяца прибытіе инженернаго генерала Валонга (Vallongue) нѣсколько оживило осадныя работы и подвинуло ихъ впередъ. Ожидали только прибытія намѣстника, чтобы начать бомбардированіе изъ поставленныхъ мортиръ. Онъ не замедлилъ явиться въ сопровожденіи Массены и другихъ генераловъ своего штаба. Дѣйствіе орудій направлено было въ одно время противъ порта и города; но какъ предвидѣлъ опытный глазъ маршала, оно осталось совершенно безъ успѣха. Болѣе половины французскихъ бомбъ попадали въ море и вообще не сдѣлали никакого вреда непріятелю, между тѣмъ какъ осажденные взорвали у французовъ пороховой погребъ и заставили молчать нѣсколько орудій. Попытка провести брандеръ въ южной портъ, чтобы зажечь стоявшія тамъ суда, также не удалась. Огонь съ крѣпости (изъ 80 орудій) не прекращался и почти не ослабѣвалъ въ продолженіе 24 часовъ. Поэтому, когда коменданту повторено было требованіе о сдачѣ, онъ гордо и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отвѣчалъ, что ждетъ осаждающихъ на бреши [1]). Другими словами онъ сказалъ имъ, что они еще ничего не сдѣлали, чтобы даже имѣть право на подобное требованіе.

Еще за нѣсколько дней до бомбардированія Жозефъ писалъ Наполеону о комендантѣ Гаэты въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Принцъ Гессенъ-Филипстальскій, командующій въ крѣпости, замѣчательный чудакъ (est une espéce de fou assez singulier). Онъ отдалъ ключи отъ своего погреба на сохраненіе епископу и запретилъ ему выдавать себѣ болѣе одной бутылки

1) См. Massena, Ibid. — У него находимъ самое обстоятельное описаніе всей осады.

вина въ день. Онъ самъ взлѣзаетъ съ переговорною трубою на бастіоны и кричитъ оттуда во всю мочь: „Гаэта не Ульмъ, а я вамъ не Макъ“ (австрійскій генералъ, извѣстный позорною сдачею Ульма [1]). Все это конечно было не безъ странности, но комендантъ Гаэты могъ находить не менѣе страннымъ требованіе сдать городъ послѣ бомбардированія, которое не имѣло никакого успѣха и послужило только ко вреду осаждающихъ.

Жозефъ, кажется, не доносилъ Наполеону о неудачѣ своей попытки; но еще прежде, чѣмъ она сдѣлалась извѣстною, императоръ предостерегалъ брата противъ бомбардированія, считая его безполезнымъ и крайне невыгоднымъ. Высказанное имъ по этому случаю мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія. „Вамъ представили гаэтскую крѣпость какимъ-то чудовищемъ“— писалъ онъ уже 31 марта, слѣдовательно черезъ десять дней послѣ бомбардированія Гаэты. — „Я право не вижу, почему бы перевозка какихъ-нибудь 30 орудій съ необходимымъ притомъ запасомъ пороха и ядеръ могла стоить такъ много денегъ. Мнѣ очень непріятно было узнать, что вы до сихъ поръ не подумали объ осадѣ ея. *Бомбардированіе будетъ вамъ стоить дороже, чѣмъ осада. Ничто не обходится такъ дорого, какъ продолжительное бомбардированіе. Оно вамъ будетъ стоить очень много, а едва ли будетъ полезно. Правильная осада была бы гораздо вѣрнѣе*“ [2]). Наполеонъ былъ вообще того мнѣнія, что бомбардированіе тогда только можетъ быть полезно для осаждающихъ, когда оно обращено противъ многолюднаго города. Онъ полагалъ, что расчетъ возможенъ только на тревогу и безпокойство мирныхъ жителей, заключенныхъ въ стѣнахъ осажденнаго города. Въ противномъ случаѣ онъ считалъ бомбардированіе безполезнымъ. Не безъ любопытства также конечно прочтутся совѣты Наполеона касательно дѣйствія противъ непріятельскихъ укрѣпленій осадною артиллеріею. Они также высказаны были имъ по случаю гаэтской осады, но всегда сохранятъ свою важность, какъ голосъ перваго авторитета въ военномъ искусствѣ нашего времени. „Не открывайте огня противъ Гаэты“—писалъ онъ уже отъ 29 мая — „пока батареи ваши не будутъ вооружены достаточнымъ числомъ орудій, и пока въ паркѣ вашемъ не будетъ сдѣланъ хорошій запасъ военныхъ снарядовъ. Что бы вамъ ни говорили, *вы должны знать, что артиллерійскій бой такой же, какъ и всякій другой.*

1) Mém. de Jos. II, p. 99. — 2) Ibid. p. 121—22.

Какъ скоро осадный огонь открытъ, то случись во время его дѣйствія малѣйшій недостатокъ въ военныхъ снарядахъ, и все пропало даромъ, какъ будто вы и не начинали дѣйствовать. Вы не возьмете иначе Гаэты, какъ посредствомъ правильной осады. Имѣть по два лафета на пушку вовсе не лишнее. Вамъ надобно запасти напередъ большое количество мѣшковъ съ землею и фашины. Къ тому времени, когда будетъ открытъ огонь, надобно имѣть наготовѣ передъ крѣпостью отъ 9 до 10,000 пѣхоты для службы въ траншеяхъ и для приступовъ. У васъ должны быть батареи для мортиръ и для стрѣльбы калеными ядрами, чтобы дѣйствовать ими на корабли. *Ни съ тѣхъ, ни съ другихъ не начинать стрѣлять до послѣдней минуты.* Все время, пока будетъ продолжаться осада (Наполеонъ назначилъ на нее 12 дней), огонь долженъ *постоянно усиливаться.* Для службы при батареяхъ надобно имѣть хорошаго начальника и отъ 500 до 600 человѣкъ прислуги. Надобно соорудить батареи, укрѣпить позицію для защиты противъ редутовъ, для сопротивленія при вылазкахъ, однимъ словомъ приготовить напередъ всѣ средства“ [1]).

Осадныя дѣйствія почти не входили въ военную практику Наполеона, а между тѣмъ какъ виденъ великій мастеръ своего дѣла! Какая мѣткость во взглядѣ и какая увѣренность въ тонѣ! Подумаешь, всю жизнь свою онъ провелъ въ осадѣ крѣпкихъ городовъ и самъ былъ не одинъ разъ подъ стѣнами Гаэты и видѣлъ все своимъ глазомъ!

Читая записки Массены, видишь, что осада Гаэты производилась подъ главнымъ наблюденіемъ маршала, хотя онъ самъ бо́льшую часть времени оставался въ Неаполѣ; читая письма Наполеона, узнаешь, что онъ, не управляя осадою, видѣлъ однако изъ Парижа всѣ ошибки осаждающихъ и направлялъ ихъ своими указаніями. Напримѣръ, еще въ началѣ апрѣля онъ писалъ Жозефу: „Я не получаю подробностей объ осадѣ Гаэты, а я долженъ имѣть ихъ какъ по инженерной, такъ и по артиллерійской части. Мнѣ пишутъ такъ мало и такъ коротко, что я ничего не могу понять. Смѣшно хотѣть дѣйствовать мортирами на разстояніи 1800 туазовъ отъ крѣпости. Надѣюсь, что капуцинскій монастырь (позади лагеря осаждающихъ) находится въ вашихъ рукахъ. Занята ли вами башня Атратина (la tour d'Atra) и возвышеніе Монте-Секко? Что́ мѣшаетъ поставить батарею въ головѣ предмѣстья, чтобы дѣйствовать на портъ и препятствовать военнымъ судамъ под-

[1]) Ibid. p. 240.

ходить къ нему?" [1]). Получивши болѣе подробные отчеты объ осадѣ, Наполеонъ счелъ за нужное отвѣчать на нихъ слѣдующими замѣчаніями: „Изъ рапорта, присланнаго мнѣ объ осадѣ Гаэты, я вижу, что у васъ въ дѣйствіи нѣтъ и 20 орудій, и всего только 2000 человѣкъ войска передъ крѣпостью. Вамъ надобно имѣть 6000 человѣкъ. Употребите всѣ фуры, какими вы только можете располагать, для доставленія на мѣсто рабочихъ орудій, ядеръ и пушекъ. Изъ Капуи, Неаполя и другихъ крѣпостей королевства вамъ легко можно было бы собрать до 80 орудій. Такъ какъ крѣпостные верки открыты, и въ нихъ можно бить на разстояніи не болѣе какъ 200 туазовъ, то они скоро уступятъ вашимъ усиліямъ. Но я все нахожу, что у васъ мало обращаютъ вниманія на этотъ важный предметъ. До сихъ поръ вы ввели въ дѣло только дивизію Ренье, а она составляетъ лишь четвертую часть вашихъ войскъ. Вамъ не овладѣть Гаэтою, если вы не возьметесь за дѣло систематически и не обратите на него всего вниманія: итакъ ужъ упущено много времени" [2]).

Мы могли бы увеличить число выписокъ, но довольно и приведенныхъ нами для доказательства, что Наполеонъ изъ Парижа или Сенъ-Клу гораздо болѣе заправлялъ осадою, чѣмъ ближайшіе къ мѣсту дѣйствія военные начальники. Ему несомнѣнно принадлежала мысль о систематической осадѣ Гаэты по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, равно какъ и многія ея подробности. Еще нѣкоторое время Жозефъ, употребившій болѣе мѣсяца на разъѣзды по внутреннимъ провинціямъ, не могъ заняться осадою какъ слѣдуетъ. Но за то, возвратившись въ Неаполь, онъ получилъ досугъ и нашелъ необходимымъ посвятить все свое вниманіе преимущественно одному предмету. Въ королевскомъ достоинствѣ Жозефу стало какъ бы чувствительнѣе присутствіе непріятельскихъ силъ на его землѣ. Къ тому же его сильно обезпокоило появленіе эскадры Сидни-Смита у неаполитанскихъ береговъ. Мы уже знаемъ, какъ въ то самое время, когда Наполеонъ все больше и больше торопилъ его походомъ въ Сицилію, онъ, подъ видомъ снаряженія экспедиціи, приготовлялъ новыя средства противъ Гаэты, къ которой наконецъ обратился всѣми своими мыслями.

[1]) Ibid. p. 177. Отвѣтъ Жозефа см. ibid. p. 214. — [2]) Ibid. p. 215—16. Впрочемъ издатель Мемуаровъ замѣчаетъ по поводу этого письма, что Наполеонъ былъ введенъ въ заблужденіе ложнымъ (?) рапортомъ, и что число войска передъ Гаэтою было гораздо значительнѣе. Мы, признаемся, не понимаемъ, откуда могъ взяться здѣсь *ложный* рапортъ.

Впрочемъ, какъ бы ни сильно онъ желалъ овладѣть ею, ему не оставалось ничего болѣе, какъ дѣйствовать по плану, указанному Наполеономъ. Итакъ положено было, увеличивъ средства, вести впередъ осаду Гаэты не иначе, какъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

Осадныя работы, продолжавшіяся весь апрѣль, были вслѣдствіе этого рѣшенія еще болѣе усилены въ теченіе мая. Послѣдовало умноженіе рабочихъ силъ, увеличеніе числа орудій и дѣйствующихъ войскъ подъ крѣпостью; произведены сверхъ того значительныя перемѣны въ самомъ командованіи осадными войсками [1]). Генералъ Гарданъ занялъ мѣсто Латура. Но самый вновь принятый способъ дѣйствія долженъ былъ произвести новое неизбѣжное замедленіе въ ходѣ гаэтской осады. Работы не могли подвигаться быстро впередъ, потому что ведены были систематически. Очень тихо возводились новыя батареи, копались траншеи и устраивались подземныя галлереи по обдуманному напередъ плану и подъ надзоромъ опытныхъ офицеровъ. Но осажденные съ своей стороны также не были недѣятельны. Эскадра Сидни-Смита, прибывшая въ гаэтскій портъ въ началѣ мая, доставила имъ свѣжіе припасы, нѣсколько орудій большого калибра и военные снаряды въ большомъ количествѣ. Это придало осажденнымъ духу и смѣлости. Огонь съ крѣпости усилился; осаждающіе сверхъ того безпокоимы были время отъ времени вылазками. Хотя Фра-Діаволо былъ наконецъ пойманъ, но партіи вооруженныхъ, выходившія изъ Гаэты, и послѣ того показывались въ тылу у французовъ. Утромъ 18 мая вдругъ открытъ былъ сильный огонь со всѣхъ крѣпостныхъ батарей. Осаждающіе принуждены были пріостановить свои работы; сторожевые едва осмѣливались поднимать головы изъ-за парапетовъ. Тогда двѣ колонны, каждая въ 200 человѣкъ, вышли изъ крѣпости и устремились прямо на непріятельскую параллель. Одна колонна пошла противъ батарей, устроенныхъ на Монте-Секко, другая обратилась противъ работъ, производившихся на правой сторонѣ французской линіи. Работавшіе въ траншеяхъ люди, не выдержавъ нападенія, искали спасенія въ бѣгствѣ. Нападающіе продолжали наступать по пятамъ бѣгущихъ. Уже они

[1]) См. Mém. de Massena, V, p. 222 и 223. „Еще около 10 мая“ — замѣчаетъ авторъ — „осада Гаэты имѣла только видъ тѣсной блокады со стороны суши“.

завладѣли батареею на правомъ флангѣ и угрожали другой на Монте-Секко. Но въ это время успѣли подойти ближайшіе батальоны, и тогда съ обѣихъ сторонъ завязалась упорная борьба. Боковымъ движеніемъ французамъ (собственно корсиканцамъ и неграмъ) удалось отрѣзать часть одной непріятельской колонны, слишкомъ далеко выдвинувшейся впередъ, и взять ее въ плѣнъ. Нападающіе не могли послѣ того держаться и должны были начать отступленіе. Но они успѣли еще захватить съ собою нѣсколько плѣнниковъ и рабочихъ орудій, не говоря уже о томъ, что самыя работы были ими значительно попорчены и требовали исправленія [1]).

Черезъ три дня потомъ маршалъ Массена снова прибылъ въ лагерь осаждающихъ и лично осматривалъ всѣ работы. Убѣдившись собственнымъ наблюденіемъ въ недостаточности средствъ, онъ потребовалъ новыхъ подкрѣпленій людьми, орудіями и военными снарядами. Требованія его во многомъ сходились съ тѣми, которыя находимъ и въ письмѣ Наполеона къ Жозефу. Маршалъ настаивалъ на необходимости самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Если вѣрить автору „Записокъ", то лишь по *его* настоятельному убѣжденію Жозефъ положилъ овладѣть Гаэтою во что бы то ни стало [2]). Но мы думаемъ, на основаніи извѣстныхъ намъ мѣстъ переписки, что по крайней мѣрѣ часть этого рѣшенія должна быть отнесена къ другому источнику, котораго самъ Массена, повидимому, былъ только вѣрнымъ органомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что вылазка 15 мая подала поводъ Наполеону еще разъ подтвердить прежнія замѣчанія относительно хода осады и потребовать еще большей бдительности отъ осаждающихъ. Впрочемъ мнѣніе его о вредѣ, наносимомъ непріятелю вылазками осажденныхъ, было установлено уже прежде. Такъ онъ писалъ Жозефу около того же времени, еще ничего не зная о послѣднемъ дѣлѣ подъ Гаэтою: „Малѣйшій успѣхъ непріятеля въ вылазкѣ, направленной противъ вашихъ работъ, будетъ стоить вамъ потери цѣлаго мѣсяца, а можетъ-быть также и нѣсколькихъ орудій, и сверхъ того внушитъ непріятелю самонадѣянность, которая можетъ быть гибельна для васъ" [3]). Наконецъ извѣстное выраженіе Наполеона, сравнивающаго Гаэту съ опаснымъ нарывомъ, относится къ этому же времени.

Какъ бы то ни было, средства осаждающихъ были вновь усилены, и осадныя работы продолжались неослабно, хотя поч-

1) Ibid. p. 222.—2) Ibid. p. 224: le maréchal décida le roi à reduire Gaëte, coûte que coûte. — 3) Mém. de Jos. II, p. 248; cp. ibid. p. 252 и 277.

ти безъ выстрѣла, весь слѣдующій мѣсяцъ. Жозефъ твердо рѣшился пожертвовать для Гаэты даже сицилійскою экспедиціей. Нѣкоторыя войска, назначавшіяся для похода, поступили вновь въ составъ осаднаго корпуса. Осажденные почти не прекращали огня, осыпая передніе посты непріятеля то бомбами, то картечью. Канонирскія шлюпки, дѣйствуя съ моря, въ то же время продолжали безпокоить осаждающихъ съ обоихъ фланговъ. Случилось, что гаэтскія бомбы наносили имъ весьма чувствительный вредъ. Такъ одною изъ нихъ убитъ былъ генералъ Валонгъ, завѣдывавшій всѣми инженерными работами и вообще пользовавшійся отличною репутаціею во французской арміи. Но ничто болѣе не могло остановить или замедлить успѣховъ осаждающихъ. Дѣйствуя подъ строгою цензурою Наполеона, который не переставалъ слѣдить за осадою, сопровождая ее своими критическими замѣчаніями, они твердо и увѣренно шли къ своей цѣли [1]). Еще въ первой половинѣ іюня подъ Гаэтой собрано было, какъ того требовалъ Наполеонъ, болѣе 80 орудій съ соотвѣтствующимъ запасомъ военныхъ снарядовъ. Всѣ работы ведены были въ одно время съ рѣдкимъ постоянствомъ и настойчивостью. Какъ скоро кончена была одна параллель, начиналась другая. Артиллеристы работали наперерывъ съ инженерами. Къ іюлю всѣ батареи, которыя назначены были для дѣйствія противъ крѣпостныхъ верковъ, приведены были къ окончанію. Оставалось только вооружить ихъ, чтобы потомъ открыть со всѣхъ сторонъ огонь однимъ разомъ. Передъ наступленіемъ рѣшительныхъ дѣйствій, маршалъ Массена получилъ приказаніе принять ихъ подъ свое личное управленіе. Совѣтъ опять шелъ прямо отъ Наполеона. Еще отъ 21 онъ писалъ Жозефу: „Отправьте маршала Массену къ Гаэтѣ и дайте ему 1,000 человѣкъ, чтобы продолжать осаду. Что́ ему дѣлать въ Неаполѣ?“ Тотъ же самый совѣтъ онъ повторилъ еще настойчивѣе въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ [2]). 28 іюня маршалъ прибылъ на мѣсто дѣйствія и принялъ начальство надъ осадой. Вмѣстѣ съ нимъ Жозефъ еще разъ посѣтилъ лагерь и осмотрѣлъ всѣ работы. 8 іюля назначено было для открытія огня по всей линіи [3]). Промежуткомъ нѣсколькихъ дней хотѣли воспользоваться лишь для того, чтобы наложить послѣднюю руку на произведенныя работы и поставить на мѣсто всѣ орудія.

[1]) См. особенно письмо Наполеона отъ 6 іюня. Ibid. p. 277.—[2]) См. Mém. de Jos. II, p. 248 и 252, ср. отвѣтъ Жозефа ibid p. 256.—[3]) Ibid. p. 256.

Но еще на истекъ этотъ кратковременный срокъ, какъ вдругъ вниманіе осаждающихъ отвлечено было совсѣмъ въ другую сторону. Англичане произвели высадку въ Калабріи, угрожая поднять противъ завоевателя всю провинцію и отрѣзать сообщенія его съ южною арміею.

VI. БИТВА ПРИ МАЙДѢ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Видя многое вокругъ себя и вдали, Наполеонъ часто не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть своего главнаго и самаго неутомимаго врага, который стерегъ его на всѣхъ путяхъ. Говорятъ, будто бы его генію принадлежитъ открытіе, которымъ онъ болѣе всего послужилъ человѣчеству, т. е. что Англія болѣе всего уязвима у себя дома, на своей собственной территоріи. Для полной правды слѣдовало бы прибавить, что онъ остался долженъ потомству приложеніемъ этого открытія. А если цѣнить только теоретическую заслугу, то слѣдовало бы уже предоставить эту честь Филиппу II. Онъ не только сдѣлалъ то же открытіе, но и пытался приложить его къ самому дѣлу.

Мечтая о завоеваніи Сициліи, Наполеонъ какъ будто не хотѣлъ и подумать объ англійской эскадрѣ, стоявшей у береговъ ея, ни объ англійскомъ войскѣ, которое, въ числѣ нѣскольких тысячъ, расположено было на самомъ островѣ. Между тѣмъ отъ нихъ въ особенности — отъ флота и арміи вмѣстѣ—зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ всего замышляемаго имъ предпріятія. Изъ чувства личной вражды Наполеонъ показывалъ видъ, что презираетъ такого противника, какъ Сидни-Смитъ. „Прикажите генералу, командующему гаэтскою осадою" —писалъ онъ уже въ то время, какъ англійская эскадра вышла въ море—„чтобы между нимъ и Сидни-Смитомъ не было допущено никакихъ парламентеровъ: это пустой болтунъ и интриганъ, который только и думаетъ о томъ, какъ бы надуть". „Не говорите мнѣ о Сидни-Смитѣ"—писалъ онъ брату через нѣсколько дней—„все, чего онъ добивается, это какъ бы надѣлать побольше шуму, и чѣмъ больше вы будете говорить о немъ, тѣмъ онъ будетъ изобрѣтательнѣе на разныя продѣлки (plus il cherchera à intrigailler)!" [1]) А Сидни-Смитъ между тѣмъ съ своей обычною настойчивостью и вовсе не тратя много

1) Mém. de Jos. II, p. 241 и 255.

словъ, неутомимо дѣлалъ свое дѣло. Эскадра его ни минуты не оставалась безъ дѣйствія. Воспользовавшись оплошностью французовъ, онъ взялъ Капри и посадилъ тамъ свой гарнизонъ; въ то же время онъ дѣлалъ высадки близь Матеры, угрожалъ Искіи и Прочидѣ, нѣсколько разъ снабжалъ Гаэту припасами и военными снарядами, то-и-дѣло показывался у береговъ Калабріи и поддерживалъ сношенія съ ея жителями. Черезъ него агенты Каролины незамѣтно разошлись по всей провинціи и вездѣ сыпали порохъ въ ожиданіи огня. Въ то же время отдѣльныя флотиліи, принадлежавшія той же эскадрѣ появлялись и по другую сторону южной Италіи. На восточномъ и южномъ берегахъ такъ же мало было безопасныхъ пунктовъ, какъ и на западномъ. Сенъ-Сиръ, командовавшій въ Апуліи, то-и-дѣло требовалъ себѣ подкрѣпленій. Цѣль Сидни-Смита была достигнута: французскія военныя силы, въ ожиданіи нападенія на многихъ пунктахъ, были развлечены и растянуты почти по всему пространству королевства.

Жозефъ лучше умѣлъ оцѣнить тѣ опасности, которыя могли произойти для него отъ столкновенія съ эскадрою: онъ отказался на время отъ похода въ Сицилію и рѣшился сосредоточить бóльшую часть силъ подъ Гаэтою. Но тогда для дѣятельности англичанъ открывалась другая не менѣе важная цѣль: чѣмъ бóльше стягивались французскія силы около Гаэты, тѣмъ больше обнажалась отъ нихъ Калабрія, и тѣмъ ненадежнѣе становились сообщенія находившихся въ ней войскъ со столицею и вмѣстѣ королевскою резиденціею.

Этою минутою въ самомъ дѣлѣ воспользовались англичане, чтобы перенести дѣйствія въ самую Калабрію. Въ то время, какъ въ сѣверо-западной части королевства готовился рѣшительный ударъ противъ Гаэты, 6000 англійскаго войска, подъ начальствомъ генерала Стюарта, сѣли на суда въ одномъ изъ сицилійскихъ портовъ, по всей вѣроятности въ Мессинѣ, и отправились къ берегамъ Италіи [1]). Число судовъ показывается различно. Уже съ 30 іюня ихъ видѣли въ морѣ и ежеминутно ждали появленія ихъ у самаго берега. Судя по движеніямъ флотиліи полагали, что непріятель намѣренъ произвести высадку на пространствѣ отъ мыса Спартименто до Пеццо,

[1]) Mém. de Jos. II. p. 355; cp. Coletta, l. c.; также Alison History of Europa, V, p. 644 (авторъ, кажется, по ошибкѣ утверждаетъ что экспедиція вышла изъ Палермо).

гдѣ-нибудь около Шиллы или Реджіо. Англичане дѣйствительно высадили небольшую партію около Мелито и тотчасъ же были отражены. Но это была лишь ложная атака, сдѣланная съ тою цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе противника. Главныя англійскія силы вошли между тѣмъ въ заливъ Санта-Евфеміа, и въ ночь на 2 іюля сдѣлали здѣсь высадку, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія. Французскія войска были слишкомъ растянуты и вообще слишкомъ недостаточны, чтобы могли воспротивиться непріятелю при самомъ переходѣ его на твердую почву.

Хотя этотъ первый успѣхъ, купленный безъ пролитія крови, и давалъ англичанамъ преимущество передъ противниками, но далеко еще не могъ назваться рѣшительнымъ. Надобно еще было стараться удержать занятую позицію и потомъ итти впередъ, т. е. пробивать себѣ путь съ оружіемъ въ рукахъ. Ренье, стоявшій съ небольшимъ отрядомъ близь Монтелеоне, былъ не изъ тѣхъ, на которыхъ можно подѣйствовать однимъ численнымъ превосходствомъ и заставить удалиться безъ боя. Получивъ извѣстіе о высадкѣ непріятеля, онъ тотчасъ же выступилъ впередъ по направленію къ Майдѣ, вытянувъ свои аванпосты до р. Ламато. Довольно было послѣ того трехъ-часового марша, чтобы двѣ враждебныя арміи сошлись лицомъ къ лицу. Въ то же время англійскій генералъ, чтобы не подвергать людей вреднымъ испареніямъ приморской низменности, отодвинулъ свои войска отъ берега и поставилъ ихъ на возвышеніи, почти въ виду непріятеля. Такимъ образомъ пространство, раздѣлявшее противниковъ, сократилось еще болѣе.

Противники недолго оставались въ наблюдательномъ положеніи. Ренье первый рѣшился перейти въ наступленіе. Говорятъ, что онъ въ этомъ случаѣ увлеченъ былъ нетерпѣливымъ желаніемъ отплатить своему противнику за одну давнишнюю неудачу. Ренье и Стюартъ были старые соперники между собою. Они встрѣчались на боевомъ полѣ еще въ Египтѣ, во время французской экспедиціи, и счастье склонилось тогда въ пользу англійскаго генерала. Немудрено, что самолюбіе Ренье было сильно затронуто, когда онъ увидѣлъ передъ собою своего прежняго врага, готоваго вступить съ нимъ въ новую борьбу уже на другой почвѣ и за свѣжіе лавры, и что онъ вступилъ въ бой, не соразмѣривъ своихъ средствъ съ непріятельскими силами. Ибо, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для французскаго генерала было гораздо выгоднѣе оставаться въ

своей позиціи, въ ожиданіи того губительнаго дѣйствія, которое неминуемо должна была произвести на англійскіе полки самая мѣстность, ими занимаемая. Но съ другой стороны, чтобы оцѣнить дѣйствія Ренье по всей справедливости, нельзя также не принять въ уваженіе тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя онъ самъ приводитъ въ своемъ донесеніи [1]). Ему казалось, что для своей собственной безопасности онъ долженъ дѣйствовать рѣшительно, и нисколько не теряя времени, стараться принудить англичанъ опять отступить къ самому берегу и снова сѣсть на суда. Высадка уже начинала производить свое дѣйствіе въ Калабріи. Ближайшіе города и селенія, Никастро и Сенъ-Беаджіо въ особенности, снова подняли у себя старое неаполитанское знамя. Были слухи потомъ, что вслѣдъ за англичанами наслѣдный принцъ долженъ высадиться съ другимъ отрядомъ между Реджіо и Шиллою. Потерявъ время, французскій генералъ легко могъ быть поставленъ между двухъ огней. Занятая позиція при р. Ламато вовсе не казалась ему крѣпкою, потому что окружена была лѣсами, черезъ которые цѣлыя толпы инсургентовъ могли пробраться незамѣченными и тревожить французовъ съ тылу. Наконецъ, имѣя подъ рукою до 5500 храбрыхъ войскъ, онъ находилъ, что смѣло можетъ повести ихъ противъ 6 или 7000 англійскихъ и горячею атакою надѣяться отбрасить ихъ къ морю, чтобы потомъ, быстрымъ движеніемъ, обратиться противъ неаполитанцевъ и поразить ихъ однимъ ударомъ. Планъ былъ таковъ, что онъ можетъ только свидѣтельствовать въ пользу смѣлости, находчивости и предпріимчивости французскаго генерала; другое дѣло — каково было самое исполненіе: но конечно и самый опытный полководецъ не могъ бы заранѣе поручиться за всѣ случайности битвы, которыя нерѣдко разстраиваютъ самыя искусныя тактическія соображенія.

Рано утромъ, 4-го іюля, въ англійскомъ лагерѣ замѣчено было сильное движеніе. Непріятель показывалъ намѣреніе перейти рѣку, чтобы отрѣзать французамъ дорогу на Монтелеоне. Часть его силъ передвинулась даже черезъ Ламато, держась устья рѣки. Ренье счелъ минуту благопріятною, чтобы, воспользовавшись раздѣленіемъ силъ противника, произвести на него нападеніе. Такъ какъ по другую сторону рѣки почва была гораздо ровнѣе, то онъ началъ переводить свои войска черезъ Ламато (выше англичанъ и въ противоположномъ имъ напра-

[1]) См. донесеніе Ренье Жозефу, Mém. de Jos. II, p. 376.

вленіи). Еще не дождавшись подкрѣпленій, авангардъ, подъ начальствомъ генерала Компера, смѣло перешелъ въ наступленіе. Его обманула неподвижность англичанъ, которая могла показаться нерѣшимостью, или даже чѣмъ-то хуже, но въ самомъ дѣлѣ обличала только отсутствіе излишней горячности. Атака ведена была очень живо и стремительно. Французы быстро подвигались впередъ подъ огнемъ егерей, которые разсыпаны были въ кустахъ. Но подойдя ближе къ непріятельскому фронту, они встрѣтили противъ себя твердо сомкнутые желѣзные ряды, готовые принять бой какимъ угодно оружіемъ. Дерзкая отвага встрѣтилась съ холоднымъ безстрашіемъ. Убійственный огонь не далъ французамъ даже построиться въ линію. Они пробовали перейти въ штыки, но встрѣтили тотъ же непобѣдимый отпоръ. Въ первой же атакѣ нѣсколько сотъ убитыхъ и раненыхъ выбыло изъ ихъ рядовъ; генералъ Комперъ былъ въ числѣ послѣднихъ и остался между плѣнными. Тогда атака превратилась въ отступленіе. Разбитый авангардъ счастливъ былъ уже и тѣмъ, что могъ опереться на высланное къ нему подкрѣпленіе, чтобы снова построиться въ ряды и выдержать натискъ преслѣдующихъ. Замѣшательство французовъ на правомъ крылѣ повлекло неудачу въ центрѣ. Ренье думалъ было поправить дѣло на лѣвомъ флангѣ и двинулъ здѣсь впередъ свою конницу, которая впрочемъ состояла лишь изъ 500 человѣкъ. Она уже начала было огибать правое крыло англичанъ, какъ вдругъ взята была во флангъ мѣткими выстрѣлами пѣхотнаго полка, лишь незадолго передъ тѣмъ высаженнаго на берегъ и еще не успѣвшаго занять свое мѣсто въ боевой линіи. Этотъ внезапный ударъ окончательно рѣшилъ дѣло. Лошади стали бить, бросаясь въ стороны; французская кавалерія смѣшалась и въ безпорядкѣ отступила назадъ. Сраженіе было проиграно на всѣхъ пунктахъ. Ренье оставалось лишь одно утѣшеніе, что онъ могъ по крайней мѣрѣ спасти свои войска, сколько ихъ оставалось, отъ совершеннаго пораженія и отвести ихъ въ порядкѣ назадъ. Черезъ часъ послѣ битвы побѣдители занимали уже ту самую позицію, откуда французы начали свое наступленіе [1].

[1]) Для нашего разсказа о Майдской битвѣ мы пользовались въ особенности донесеніемъ Ренье какъ близкаго, хотя и односторонняго свидѣтеля дѣла, и изложеніемъ Элисона въ его History of Europe (t. V, p. 646), какъ писателя, имѣвшаго въ виду англійскіе источники.

Ренье жаловался потомъ, что войска, бывшія въ дѣлѣ, не показали той стойкости, которой онъ ожидалъ отъ нихъ: упрекъ этотъ особенно падалъ на польскіе батальоны. Но надобно также замѣтить, что самъ предводитель французовъ, кажется, мало приготовленъ былъ встрѣтить столько непоколебимой стойкости со стороны своихъ противниковъ. Во всякомъ случаѣ расчетъ его оказался весьма невѣрнымъ, и завоеваніе, которое недавно еще можно было считать упроченнымъ, вдругъ потеряло половину своей цѣны, какъ сомнительная добыча, которая могла каждую минуту снова ускользнуть изъ рукъ своего владѣтеля. Неудача при Майдѣ грозила поднять противъ французовъ не только Калабрію, но и сосѣдственныя съ нею провинціи.

Кто бы подумалъ? Первое извѣстіе полученное Наполеономъ о высадкѣ англичанъ въ Калабріи доставило ему большое удовольствіе. „Какое счастіе"—писалъ онъ Жозефу отъ 19 іюля — „что англичане высадились. Генералу Ренье стоитъ только стянуть свои бригады, которыя расположены эшелонами по берегу, чтобы опрокинуть англичанъ. Не имѣя кавалеріи, они не посмѣютъ и думать удержаться внутри страны. Вѣроятно, они скоро и сами это почувствуютъ. Вы располагаете многочисленною кавалеріею, а у нихъ нѣтъ ея вовсе. Подумаешь, сама судьба толкнула ихъ сюда" [1]).

Мы видѣли, какъ мало оправдались эти мечты событіями. Нельзя ставить Ренье въ вину, что онъ, имѣвши уже случай помѣряться со своимъ противникомъ, показалъ при второй встрѣчѣ съ нимъ гораздо больше самонадѣянности и меньше осторожности, чѣмъ сколько слѣдовало. Наполеонъ сдѣлалъ прежде точно такой же опытъ: чему же онъ радовался, узнавши о высадкѣ?

Если пораженіе было невыгодно для военной репутаціи французовъ, то послѣдствія его могли быть даже гибельны для ихъ безопасности въ предѣлахъ Неаполитанскаго королевства. Послѣ битвы при Майдѣ возможны были два предположенія. Или побѣдители воспользовались бы своею побѣдою, чтобы продолжать свое наступательное движеніе, и какъ Ренье не въ состояніи былъ имъ противиться, а прочія французскія силы заняты были на другомъ краю осадою Гаэты, то весьма легко могло бы статься, что прикрываемые съ фланговъ инсургентами, они побѣдоносно прошли бы до самаго Неаполя [2]). Другое слѣдствіе было во всякомъ случаѣ неизбѣжно: это на-

[1]) Mém. de Jos. II, p. 390.—[2]) Mém. du génér. Pepe, 1, p. 279.

родное возстаніе въ ближайшихъ провинціяхъ. Калабрія ждала только благопріятнаго случая, чтобы вспыхнуть всеобщимъ пожаромъ. Въ ней были двѣ партіи, различныя столько же по своему состоянію, сколько и по духу и по самому образу мыслей. Одна изъ нихъ состояла изъ зажиточныхъ гражданъ, большею частью жителей городовъ: ненависть къ злоупотребленіямъ и страхъ анархіи заставили ихъ привязаться къ французскому завоеванію, отъ котораго они ждали себѣ большаго обезпеченія. Классъ менѣе достаточный, имѣя въ главѣ своей мѣстное духовенство, напротивъ того упорно держался прежняго порядка и готовъ былъ всякую минуту взяться за оружіе [1]). Послѣдняя партія постоянно возрастала въ числѣ по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе агентовъ Каролины распространялось въ Калабріи. Высадка англичанъ и пораженіе французовъ еще болѣе подняли ея духъ и увеличили ея средства. Каковы бы потомъ ни были успѣхи французскаго оружія, они не могли отвратить неизбѣжнаго возстанія въ южныхъ неаполитанскихъ провинціяхъ.

Первое предположеніе не сбылось, конечно не столько по недостатку кавалеріи, сколько отъ недостатка предпріимчивости со стороны англійскаго полководца. Англичанинъ смѣлъ, отваженъ и предпріимчивъ, пока находится на своей родной стихіи — на морѣ; но онъ же становится крайне остороженъ и нерѣшителенъ, когда сходитъ на непріятельскій берегъ. Онъ приметъ бой и выдержитъ сильный напоръ, но рѣдко отважится на смѣлое движеніе впередъ даже послѣ побѣды. Ему надобно главное дѣло не терять изъ виду своихъ кораблей, какъ тому, кто боится воды, надобно всегда стараться, сколько можно, быть ближе къ берегу. Такъ было по крайней мѣрѣ до сего времени въ европейскихъ войнахъ, въ которыхъ приходилось участвовать англичанамъ. Такъ дѣйствовали они еще при первомъ столкновеніи съ Наполеономъ, высадившись въ Египтѣ; такъ же мало хотѣли они воспользоваться и своею побѣдою въ Неаполѣ, и вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ въ сѣверномъ направленіи, пошли дальше къ югу, держась постоянно берега. Реджіо и Шилла, лежащіе при Мессинскомъ проливѣ и занятые французскимъ гарнизономъ, стали главною цѣлью всѣхъ ихъ усилій.

Но французскимъ генераламъ, командовавшимъ въ Калабріи, было оттого не легче. Имъ пришлось бороться съ

[1]) Ibid. p. 250—51.

инсуррекціею и ждать отъ нея нападенія со всѣхъ сторонъ. Когда Ренье отступалъ къ Катанцаро, почти вся горная Калабрія стояла подъ ружьемъ. Одно селеніе подавало примѣръ другому. Кому недоставало доброй воли, чтобы ополчиться, тотъ шелъ за другими изъ страха. Медлительность становилась наровнѣ съ измѣною. Цѣлыя селенія гибли отъ огня за то, что не выставляли бѣлаго знамени. Быстро формировались вооруженныя банды и вездѣ находили отважныхъ вождей. Люди 1799 года опять выступали впередъ, равно готовые поднять руку какъ на своихъ, такъ и на чужихъ [1]). Не только въ горныхъ проходахъ, но даже и на дорогахъ не стало больше никакой безопасности. Немногіе города оставались одинокими среди кипѣвшей возстаніемъ страны, какъ острова въ архипелагѣ. Но и они держались только своими крѣпкими стѣнами. Туда же, гдѣ ихъ не было, легко проникали волны движенія и вносили съ собою разрушеніе. Въ Никастро главный начальникъ городской стражи, принимавшій въ своемъ домѣ Жозефа во время поѣздки его въ Калабрію, сдѣлался жертвою ярости инсургентовъ: ему выкололи глаза и потомъ распяли на крестѣ [2]).

Прежде чѣмъ Ренье и Вердье, изъ которыхъ одинъ былъ въ верхней, другой въ нижней Калабріи, могли подать другъ другу руку помощи, сообщенія между ними были прерваны, и они лишились даже возможности пересылаться между собою извѣстіями. Нѣкоторое время каждый изъ нихъ не зналъ, что̀ подумать о другомъ. Не довольно сильные вмѣстѣ, порознь они не въ состояніи были предпринять никакого смѣлаго движенія. Тотъ и другой выжидали времени и думали только объ одномъ — чтобы спасти свои полки отъ совершеннаго истребленія. Между ними не могло быть никакого общаго дѣйствія: предоставленные каждый самому себѣ, они принуждены были двигаться ощупью и все больше и больше расходились въ разныя стороны. Генералъ Ренье, у котораго послѣ битвы при Майдѣ оставалось съ небольшимъ 3000 человѣкъ, простоявъ нѣсколько времени близъ Катанцаро, вышелъ отсюда въ Котроне, въ надеждѣ пробраться далѣе берегомъ моря. Между тѣмъ Вердье, напрасно ожидавшій отъ него какихъ-нибудь извѣстій въ Козенцѣ, отодвинулся наконецъ къ Кассано. Такимъ образомъ каждый изъ двухъ отрядовъ, составлявшихъ вмѣстѣ небольшую калабрійскую армію, могъ быть истребленъ порознь,

[1]) Mém. du génér. Pepe, 1, p. 267.—[2]) См. Mém. de Jos. II, p. 368—391 etc.

прежде чѣмъ другой узналъ бы объ его опасности. Во время отступленія оба они сверхъ того потеряли много людей въ частныхъ стычкахъ съ инсургентами, которые не переставали безпокоить ихъ на всемъ пути. Помощи можно было ждать только изъ Неаполя; но въ Неаполѣ долгое время вовсе не получали никакихъ извѣстій изъ лагеря [1]). Курьеры, посланные королемъ, не достигали мѣста своего назначенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль катастрофа висѣла надъ обоими отрядами.

Жозефъ, разумѣется, не могъ скрыть отъ Наполеона затруднительнаго положенія дѣлъ въ Калабріи. Онъ писалъ къ императору каждый день, извѣщая его даже о томъ, что самъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій изъ арміи. Можно себѣ представить, какъ исчезала самоувѣренность и росло безпокойство Наполеона при полученіи писемъ изъ Неаполя, которыя были одно неутѣшительнѣе другого. Мы возьмемъ нѣкоторыя мѣста переписки, относящіяся къ этому времени. „Военное искусство, о которомъ всѣ толкуютъ" — писалъ онъ отъ 21 іюля, узнавши, что Жозефъ уже нѣсколько дней не получалъ никакихъ извѣстій отъ Ренье — „есть искусство трудное. Во всемъ вашемъ совѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы сколько-нибудь понималъ это дѣло". Черезъ нѣсколько строкъ возвратившись опять къ этому предмету, онъ говоритъ уже объ немъ гораздо тревожнѣе. „Но ради Бога, неужели вы допустите уничтожить одну изъ вашихъ дивизій, имѣя въ своемъ распоряженіи армію въ 36,000 человѣкъ? Вѣдь если вы не получаете извѣстій отъ Ренье, такъ это значитъ, что сообщенія прерваны, и возстаніе охватило всю страну. Очень жалѣю, что по множеству дѣлъ я никакъ не могу оставить Парижа. Если бы я былъ въ Неаполѣ, ни одинъ англичанинъ не посмѣлъ бы выйти на берегъ. Я бы менѣе чѣмъ въ четыре дня собралъ противъ нихъ вдвое болѣе силъ, стѣснилъ бы ихъ и преслѣдовалъ кавалерійскими колоннами, и изъ нихъ не уцѣлѣло бы ни одного человѣка. Но что дѣлать!" [2]). Въ тотъ самый день, какъ эти строки писались въ Сенъ-Клу, Жозефъ готовилъ къ отправленію изъ Неаполя новый рядъ извѣстій, еще менѣе утѣшительныхъ, чѣмъ прежнія, мѣшая ихъ съ своими собственными размышленіями. Объяснивши императору, что отъ Ренье попрежнему нѣтъ извѣстій, онъ про-

[1]) Первыя извѣстія отъ Ренье получены были Жозефомъ не ранѣе 156 іюля. См. Mém. de Jos. II, p. 373. — [2]) Ibid. p. 394—95.

должалъ: „Англичане произвели нѣсколько высадокъ около Пескары и Манфредоніи; они продолжаютъ обстрѣливать о. Тремити; непріятель угрожаетъ всему заливу Поликастро; онъ вездѣ предпринимаетъ высадки; высадивъ людей и сложивъ деньги и оружіе, непріятель снова отплываетъ на судахъ". Любопытны собственныя размышленія Жозефа по случаю всѣхъ этихъ происшествій. „Въ продолженіе двухъ послѣднихъ недѣль"—писалъ онъ въ томъ же письмѣ—„непріятель обнаружилъ большую дѣятельность, и не жалѣя никакихъ средствъ, сѣялъ вездѣ мятежи и возстанія. Мы ведемъ борьбу съ врагомъ особеннаго рода: онъ уходитъ, какъ только мы его настигаемъ, и переноситъ войну туда, гдѣ насъ нѣтъ. Онъ такъ же быстро укрывается отъ непріятельскаго меча на своихъ корабляхъ, какъ Аріостовы паладины спасались отъ него посредствомъ волшебнаго кольца. Надобно сознаться, что пока у насъ не будетъ достаточныхъ силъ въ Средиземномъ морѣ, намъ нельзя быть ни минуты спокойными въ этой странѣ; только удвоивъ наши военныя силы, мы могли бы съ успѣхомъ противодѣйствовать тѣмъ, которые въ настоящее время владѣютъ моремъ, но въ теперешнемъ своемъ положеніи страна не имѣетъ для того достаточныхъ средствъ. Нужны большія усилія, чтобы удержаться въ ней" [1]). Печальное сознаніе! Оно все болѣе и болѣе давало чувствовать Жозефу непрочность его положенія, убивало въ немъ послѣднія надежды пріобрѣсти когда-нибудь Сицилію и заставляло его пріискивать другія средства для округленія своихъ владѣній. По примѣру Наполеона, и у него начинала проявляться манія — переставлять династіи съ мѣста на мѣсто, такъ впрочемъ, чтобы при общей пересадкѣ соблюсти свои собственныя выгоды. Такъ, отрекаясь отъ Сициліи, онъ между прочимъ предлагалъ императору планъ — отдать ее королю Этруріи, папу перемѣстить въ Неаполь, а самъ соглашался взять—вмѣсто Неаполя и Сициліи, изъ которыхъ одинъ былъ очень ненадеженъ, а другая вовсе уходила отъ рукъ — не болѣе какъ римскую область и Этрурію [2]). Не видно, чтобы Наполеонъ удостоилъ этотъ планъ своего вниманія. Онъ не счелъ даже нужнымъ отвѣчать на предложеніе своего брата. Владѣть Средиземнымъ моремъ было, какъ извѣстно, постоянною и главною цѣлью его политики [3]); но

1) Ibid. p. 396—97.—2) Ibid. p. 400.—3) Съ особенною ясностью высказана эта мысль въ перепискѣ: j'espère — писалъ Наполеонъ—que vous m'aiderez-

это самое и заставляло его особенно дорожить тѣми владѣніями, которыя завоеваніе доставило ему въ южной Италіи. Никогда не согласился бы онъ по доброй волѣ выпустить ихъ изъ своихъ рукъ. Потеря Неаполя была бы для него тѣмъ чувствительнѣе, что въ это самое время велись переговоры съ Англіею объ уступкѣ Сициліи. Вотъ почему Наполеонъ не переставалъ тревожиться за Калабрію и писалъ къ Жозефу въ сильныхъ выраженіяхъ, давая ему чувствовать, что дѣло гибнетъ не отъ недостатка средствъ, а отъ неумѣнья распорядиться со стороны короля и его ближайшихъ совѣтниковъ. „Какъ? съ 36,000 войска вы доведены до того, что должны защищаться противъ 6000 англичанъ? и вы спокойно оставляете въ ихъ рукахъ цѣлую треть вашего королевства? Да у васъ въ совѣтѣ нѣтъ и первыхъ понятій о военномъ дѣлѣ!“ Черезъ два дня, улучивъ свободную минуту, Наполеонъ далъ еще болѣе простора своему негодованію. „Я не могу постигнуть“—писалъ онъ—„какъ, имѣя около себя столько людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, вы не можете найти ни одного, который бы далъ вамъ добрый совѣтъ. Съ арміей, которая находится въ вашемъ распоряженіи, вы можете не только продолжать осаду Гаэты и охранять Неаполь, но и отразить всякую высадку и снова завоевать всю Калабрію; но у васъ какъ будто все замерло: не видно ни жизни, ни движенія, ни управляющей руки. До послѣдней минуты вы дѣлали только ошибки; но я не хочу огорчать васъ. Я васъ предупреждалъ не слушать много Д. (Матье-Дюма, заступившаго Міо въ качествѣ военнаго министра): онъ не имѣетъ никакого навыка въ военныхъ дѣлахъ. У васъ, кажется, никто не знаетъ, гдѣ находятся ваши войска, и никому нѣтъ дѣла, что они разсѣяны такъ, что нигдѣ не составляютъ дѣйствительной силы. Генералъ Ренье виноватъ тѣмъ, что дурно сдѣлалъ диспозицію къ бою и не умѣлъ шести тысячъ направить противъ непріятеля. Но послѣ того онъ самымъ жалкимъ образомъ оставленъ былъ безъ всякой помощи. Чтó будетъ съ нимъ, если ужъ онъ не могъ удержаться въ главномъ городѣ провинціи? Впрочемъ, чтó касается до меня лично, то я нисколько не удивленъ тѣмъ, чтó дѣлается теперь въ Калабріи: я давно зналъ этотъ духъ и т. д.“ [1]).

Императоръ имѣлъ основаніе жаловаться на нераспорядительность неаполитанскаго правительства. Прошло болѣе

puissament à être maître de la Méditerranée, *but principal et constant de ma politique*. Ibid p. 395. — [1]) Ibid. p. 411—403.

двухъ недѣль послѣ битвы при Майдѣ и въ положеніи французской арміи въ Калабріи не произошло никакой перемѣны къ лучшему. Если Ренье и Вердье и пробовали дѣлать движеніе то въ ту, то въ другую сторону, то они только теряли людей въ сшибкахъ съ инсургентами. Мятежъ вокругъ ихъ разгорался все болѣе и болѣе. Всѣ мѣры Жозефа ограничились только тѣмъ, что онъ выслалъ неапольскій гарнизонъ въ числѣ 1000 человѣкъ на подкрѣпленіе калабрійскимъ отрядамъ арміи, но и тѣ по своей незначительности не могли скоро достигнуть своего назначенія. Сколько было можно, Наполеонъ старался также помочь дѣлу издали своими опытными совѣтами. Для спасенія Ренье онъ считалъ необходимымъ, чтобы 10,000 войска всякаго рода (пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи) немедленно выслано было къ нему на помощь въ Кассано: „потому что"—прибавлялъ онъ значительно—„страшно подумать, что́ можетъ случиться съ нимъ". Затѣмъ слѣдовали болѣе подробныя наставленія для дѣйствій въ Калабріи, составленныя въ общемъ духѣ наполеоновской тактики. „Какъ скоро Ренье соединится съ высланными къ нему подкрѣпленіями, вы должны разставить ваши войска побригадно эшелонами отъ Неаполя до Кассано, одинъ отъ другого на разстояніи суточнаго перехода, такъ чтобы въ три дня можно было соединить четыре бригады въ 10 или 12,000 человѣкъ. Такимъ размѣщеніемъ войскъ эшелонами вы становитесь въ оборонительное положеніе, обезпеченное противъ всѣхъ случайностей, — въ томъ смыслѣ, что когда потомъ вамъ понадобилось бы предпринять даже наступательное движеніе съ опредѣленною цѣлью, оно останется загадкою для непріятеля, который видѣлъ васъ въ грозной дефенсивѣ, и что прежде, чѣмъ самъ онъ станетъ на ту же самую ногу (sur la défensive), пройдутъ десять или двѣнадцать дней, въ которые можно покончить все дѣйствіе" [1]).—„Все искусство войны"—говорилъ Наполеонъ въ заключеніе письма—„приводится къ оборонѣ и къ наступленію; какъ первая должна быть умно расположена и крайне осмотрительна, такъ наступательныя дѣйствія должны быть смѣлы и быстры".

Но неудачи французскаго оружія и успѣхъ инсургентовъ въ Калабріи съ новою силою возвращали Наполеона къ

[1]) Ibid. p. 405—8. Впрочемъ настоящій смыслъ послѣдняго пункта уловить весьма трудно: конечно отъ поспѣшнаго изложенія фраза много потеряла въ ясности.

той мысли, что въ завоеванной землѣ можно держаться только *посредствомъ террора.* Жозефу пришлось выслушать еще нѣсколько наставленій, составленныхъ въ этомъ духѣ. Всѣ прежнія мѣры еще разъ были заподозрѣны и подверглись сильному гоненію со стороны императора. „Вы держитесь"—писалъ онъ брату — „въ отношеніи къ неаполитанцамъ самой превратной политики, въ противоположность той, которая должна быть принята ко всѣмъ покореннымъ народамъ безъ исключенія". И внушенія въ духѣ этого общаго правила, почти можно бы сказать приказанія, одно другого безчеловѣчнѣе, пересылались потомъ чуть не съ каждою почтою въ Неаполь. „Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія" — писалъ Наполеонъ отъ 30 іюля — „что вы заняли Кассано. Да не забудьте между прочимъ отдать на разграбленіе два или три большіе бурга изъ тѣхъ, которые особенно дурно вели себя: *это послужитъ примѣромъ для другихъ и придастъ солдатамъ болѣе веселости и охоты дѣйствовать*" [1]). Хороши ободрительныя средства для дисциплинированной европейской арміи! Нельзя сомнѣваться, что сами французскіе солдаты, къ которымъ относилось это предложеніе, отвергли бы его съ негодованіемъ, если бы узнали настоящіе его мотивы. Но Наполеонъ оставался вѣренъ духу своей системы: въ письмахъ къ брату онъ потомъ продолжалъ развивать ее все далѣе и далѣе. „Запомните хорошенько, чтó я вамъ говорю"—подтверждалъ онъ Жезефу въ другомъ письмѣ.— „Судьба вашего царствованія будетъ зависѣть отъ вашего поведенія по возвращеніи изъ Калабріи. *Не прощайте мятежниковъ, а велите разстрѣлять изъ нихъ по крайней мѣрѣ шестьсотъ. Они перерѣзали у меня еще больше солдатъ. Велите предать огню тридцать домовъ главныхъ предводителей и раздать войску ихъ имѣніе.* Обезоружьте всѣхъ жителей, и пусть пять или шесть (вмѣсто двухъ или трехъ прежнихъ) большихъ деревень, которыя особенно показали себя съ дурной стороны, будутъ разграблены". Вендетта, достойная мстительнаго вождя какой-нибудь мелкой корсиканской партіи! И этими средствами Наполеонъ думалъ поддержать и утвердить навсегда свое колоссальное могущество! Къ цѣлой Европѣ думалъ онъ приложить тотъ способъ дѣйствія, котораго корсиканскія партіи держались въ своихъ междоусобіяхъ и которымъ онѣ навсегда погубили независимость своей родины. Напрасно кто подумалъ бы, что завоеватель былъ увлеченъ минутнымъ гнѣвомъ, или

1) Ibid. p. 412.

что онъ прибѣгалъ къ жестокимъ мѣрамъ въ порывѣ страсти. Нѣтъ, онъ обдумывалъ ихъ долго и спокойно: онѣ были у него плодомъ многолѣтней опытности и холоднаго размышленія. Пользу насильственныхъ и жестокихъ мѣръ Наполеонъ готовъ былъ доказывать многочисленными примѣрами изъ своей прежней практики. Это онъ дѣлалъ съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ если бы рѣчь шла о подвигахъ безкорыстія. „Такъ какъ вы сравниваете неаполитанцевъ съ корсиканцами"—писалъ Наполеонъ тономъ рапсода—„то вспомните, что, когда взяли Ніоло, сорокъ человѣкъ мятежниковъ были тотчасъ вздернуты на дерева, и эта мѣра произвела такой ужасъ, что никто не смѣлъ пошевельнуться. Піаченца вздумала было бунтовать, когда я оставилъ большую армію. Я послалъ туда Жюно. Онъ вздумалъ увѣрять меня, что никакой инсуррекціи нѣтъ, и еще сталъ угощать меня разными умствованіями à la française. Вмѣсто отвѣта я послалъ ему приказъ сжечь двѣ деревни и разстрѣлять зачинщиковъ мятежа, между которыми было шесть духовныхъ лицъ. Приказъ былъ исполненъ, — и страна возвратилась къ покорности, и долго уже впередъ не измѣнитъ ей" [1]).

Заключеніе письма также заслуживаетъ быть приведеннымъ, какъ весьма важная дополнительная черта къ полной характеристики завоевателя. „Если вы останетесь королемъ только по имени; если не будете держать бразды твердою и рѣшительною рукою; если будете дорожить мнѣніемъ народа, который самъ не знаетъ, чтó онъ хочетъ; если не уничтожите всѣхъ прежнихъ злоупотребленій и не будете умѣть сдѣлаться посредствомъ ихъ богаче; если не обложите вашихъ подданныхъ налогами, которыхъ было бы достаточно для содержанія необходимаго числа войска изъ французовъ, неаполитанцевъ, швейцарцевъ и корсиканцевъ и для сооруженія флота, то вы не сдѣлаете вовсе ничего, и хоть бы миръ продолжался четыре года, будете мнѣ больше вредны, чѣмъ полезны, потому что лишите меня принадлежащихъ мнѣ средствъ". Итакъ новое завоеваніе со всѣмъ его народонаселеніемъ назначено было служить только для пополненія денежныхъ и другихъ средствъ властолюбиваго завоевателя. Какое же право имѣлъ онъ дѣлать суровые упреки Массенѣ, который тоже пользовался всякою войною, чтобѣ только увеличить свои собствен-

1) Ibid. p. 414—417.

ныя средства? Или завоеватель думалъ имѣть оправданіе для себя въ болѣе возвышенныхъ побужденіяхъ?

VII. ВЗЯТІЕ ГАЭТЫ.

Если Жозофъ не спѣшилъ подать помощь южнымъ отрядамъ своей арміи, это происходило несовсѣмъ отъ недостатка распорядительности. Пока Ренье сражался съ англичанами и отбивался отъ инсургентовъ, король былъ занятъ осадою Гаэты, которая продолжала держаться несмотря на обращенныя противъ нея усилія осаждающихъ.

Надобно отдать честь твердой рѣшимости короля и его ближайшихъ совѣтниковъ. Они вѣрно поняли свою задачу и не дали себя въ обманъ. Высадка въ Калабріи дѣйствительно произведена была съ тою цѣлію, чтобы отвлечь французовъ отъ Гаэты и заставить ихъ хотя на время прекратить осаду. Расчетъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что, когда поднялась Калабрія, корпусу Ренье угрожало почти совершенное истребленіе. Были у Жозефа тяжелыя минуты сомнѣнія, но онъ ни разу не поддался искушенію отвести войска, стоявшія подъ стѣнами крѣпости и двинуть ихъ въ возмутившуюся провинцію. Въ распоряженіяхъ его не замѣтно почти никакого колебанія. Переписка служитъ тому очевиднымъ доказательствомъ. Нельзя сказать, чтобы это рѣшеніе принадлежало ему лично: по всей вѣроятности оно было внушено ему Массеною или другими ближайшими совѣтниками [1]); во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Жозефъ твердо стоялъ на томъ, что только покончивъ съ Гаэтою можно думать о новой экспедиціи въ Калабрію, и что потомъ даже гнѣвные упреки Наполеона не заставили его отступиться отъ принятаго однажды намѣренія.

Какъ было положено, огонь вдругъ былъ открытъ со всѣхъ батарей осаждающихъ. Канонада началось рано утромъ 7-го числа. Жозефъ, находившійся тогда въ лагерѣ, подалъ первый сигналъ. Гаэтскіе бастіоны также отвѣчали усиленнымъ огнемъ. По счету маршала Массены, командовавшаго въ это время осадою, французы дѣйствовали болѣе чѣмъ изъ 90 орудій, изъ которыхъ бо́льшая часть обращена была противъ города и укрѣпленій, а другія — противъ напріятельской флотиліи. Крѣпостныя же батареи вооружены были болѣе чѣмъ

1) По словамъ Колетты (t. II, l. VI, c. 3), голосъ Саличетти всего болѣе имѣлъ вліянія на это рѣшеніе.

100 орудіями большого калибра, между которыми было 16 мортиръ [1]). По времени, къ которому относится описываемое событіе, число орудій, собранныхъ съ обѣихъ сторонъ для дѣйствія, было такимъ образомъ несовсѣмъ обыкновенное. Силы были почти равныя, но французская артиллерія скоро дала почувствовать свое превосходство непріятелю. Не только укрѣпленія, но и самый городъ былъ осыпаемъ ядрами и бомбами. Въ короткое время у осажденныхъ взлетѣли на воздухъ четыре пороховыхъ погреба.

Въ нѣсколько часовъ мерлоны двухъ батарей, изъ которыхъ одна находилась въ центрѣ бастіоновъ (la batterie de la brèche), а другая на краю праваго фланга (la b. de la citadelle), были разрушены, и открылась возможность сдѣлать брешь въ этой части укрѣпленій. Нѣсколько канонерскихъ шлюпокъ, вышедши изъ гаэтскаго порта, открыли огонь съ моря, чтобы дѣйствовать съ боку во вредъ осаждающимъ; но имъ отвѣчали съ такимъ успѣхомъ, что двѣ изъ нихъ едва не потонули, а прочія должны были отодвинуться въ море. Французскія батареи не переставали дѣйствовать и заставили молчать многія непріятельскія орудія. Сами же они—по словамъ того же свидѣтеля—имѣли только два подбитыхъ орудія и потеряли отъ 60 до 70 человѣкъ убитыми и ранеными. Успѣхъ дня остался за ними, о чемъ Наполеонъ и извѣщенъ былъ письмомъ своего брата, написаннымъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія, подъ громомъ артиллеріи.

Съ этой минуты огонь болѣе не прекращался. Осаждающіе твердо слѣдовали указанію императора, который совѣтовалъ не прекращать огня, какъ скоро онъ открытъ однажды. Ободренные успѣхомъ перваго дня, они удвоили свои усилія. Ночь употреблена была сверхъ того на исправленіе поврежденій и усиленіе нѣкоторыхъ батарей, направленныхъ противъ главныхъ верковъ. Осажденные также работали надъ своими укрѣпленіями. Сосредоточенное на нѣкоторые пункты дѣйствіе артиллеріи произвело на другой день еще болѣе разрушенія. Амбразуры падали одна за другой, многія орудія были подбиты и оставлены канонирами. У осажденныхъ послѣдовалъ взрывъ большого склада бомбъ. Лицевая сторона цитадели была пробита ядрами, разрушеніе бастіона бреши (какъ называлось центральное укрѣпленіе) продолжалось съ новымъ успѣхомъ. Тогда осажденные, видя угрожающую имъ спасность, воору-

1) См. Mém. de Massena, V, p. 236.

жили вновь полуразрушенный бастіонъ четырьмя мортирами, взятыми съ кораблей, и открыли такой сильный огонь, что произвели нѣкоторое колебаніе въ непріятельскихъ рядахъ. Въ то же самое время французы почувствовали недостатокъ въ военныхъ снарядахъ: въ подвозѣ ихъ почему-то произошло замедленіе. Ужъ былъ вопросъ о томъ, чтобы умѣрить на время дѣйствіе артиллеріи. Генералы, завѣдывавшіе артиллерійскою и инженерною частью, предлагали ограничиться 40 выстрѣлами въ сутки на каждое орудіе. Но Массенна рѣшительно воспротивился такому предложенію. Оно, по его мнѣнію, служило лишь къ тому, чтобы внушить осаждающимъ невыгодное понятіе о средствахъ противника. Требованіе маршала было исполнено, и въ ожиданіи подвоза снарядовъ, огонь съ французскихъ батарей продолжался во весь день съ прежнею силою.

Массена былъ правъ, выдерживая до конца. Чѣмъ постояннѣе было дѣйствіе французской артиллеріи, тѣмъ больше ослабѣвалъ огонь осажденныхъ. Между тѣмъ сдѣланъ былъ новый подвозъ снарядовъ, и недостатка въ нихъ болѣе не чувствовалось. Два слѣдующіе дня неослабно продолжалось то же самое дѣйствіе; оно не прекращалось и ночью. Въ то же время, какъ происходила канонада, производимы были усиленныя работы въ траншеяхъ и ведены были апроши къ непріятельскимъ бастіонамъ. Параллели одна за другою приводимы были къ окончанію. Крѣпостные бастіоны уступали дѣйствію французскихъ батарей, разрушаясь на глазахъ осаждающихъ, и сдѣланныя прежде бреши увеличивались видимымъ образомъ. Осажденные, сколько могли, старались ночью вознаградить свои потери, понесенныя во время дня, и осыпали картечью непріятельскіе подступы; французы теряли много людей, но продолжали итти впередъ, то въ землѣ, то по ея поверхности. Намѣреніе ихъ было твердо, и всѣ усилія гарнизона не въ состояніи были поколебать ихъ рѣшимости. Въ это время яснѣе опредѣлились и намѣренія самого короля. Уже получены были извѣстія о бѣдствіяхъ арміи въ Калабріи, но несмотря на то онъ остался при той мысли, что надобно вести осаду Гаэты до конца. „Я рѣшился“—писалъ онъ Наполеону 10 іюля—„сосредоточить мои дѣйствія около Гаэты и Неаполя... Послѣ взятія Гаэты я сдѣлаю новыя распоряженія.“ — „Итакъ я принужденъ“—прибавлялъ онъ далѣе— „защищать Неаполь, который есть гаэтскій лагерь, и взять терпѣніе относительно всего прочаго“. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ еще опредѣленнѣе: „Какъ скоро Гаэта будетъ

взята, я выступлю въ Калабрію" [1]). Итакъ, по внушенію Массены, а частью по внушенію своей собственной воли, Жозефъ рѣшился—какъ бы ни были сильны отвлекающія побужденія—до тѣхъ поръ не отступать отъ Гаэты, пока она не сдастся добровольно или не будетъ взята силою.

Событія то, казалось, готовы были оправдать нетерпѣливыя ожиданія короля, то опять наводили сомнѣнія въ успѣхѣ. Черезъ четыре дня послѣ открытія бомбардированія, гарнизонъ Гаэты понесъ чувствительную для него потерю. Въ ночь на 11 число нѣсколько дезертировъ, явившись во французскій лагерь, объявили, что комендантъ крѣпости смертельно раненъ во время посѣщенія имъ одного изъ бастіоновъ. Еще гарнизонъ старался скрыть свою потерю и показывалъ прежнюю дѣятельность въ оборонѣ; но французы, пользуясь случаемъ, тотчасъ же усилили свой огонь и пустили новый градъ бомбъ въ городъ, чтобы устрашить жителей. Когда на другой день снова почувствовался недостатокъ въ снарядахъ, генералъ Дедонъ еще разъ предложилъ маршалу уменьшить огонь, но Массена съ прежнею рѣшимостью отвергнулъ сдѣланное ему предложеніе. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, кончить съ Гаэтою. Отступать передъ трудностями было не въ его характерѣ. Черезъ нѣсколько времени вновь явившіеся дезертиры подтвердили извѣстіе объ опасной ранѣ коменданта и кромѣ того дали знать, что гарнизонъ начинаетъ терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Массена немедленно хотѣлъ воспользоваться этими извѣстіями, чтобы внушить коменданту опасность его положенія и потребовать отъ него благовременной сдачи города. Генералъ Донзело (Donzelot) отправился въ Гаэту съ письмомъ. Его однако не допустили до самого коменданта, который былъ перенесенъ раненый на одинъ англійскій корабль. Новый комендантъ, полковникъ Гольцъ, принялъ письмо будто за тѣмъ, чтобы передать его принцу Гессенъ-Филипстальскому, а самъ между тѣмъ собралъ военный совѣтъ для совѣщанія съ нимъ о предложеніи французскаго маршала. Большинство рѣшило про себя, что можно держаться еще 18 дней, парламентеру же данъ былъ отвѣтъ, что крѣпость не намѣрена сдаваться [2]). Тогда Массена рѣшился прямо итти къ своей цѣли и приказалъ сколько можно болѣе усилить огонь съ брешь-батарей.

[1]) Ibid. p. 350 — 360. — [2]) См. Mém. de Mass. ibid; ср. также описаніе осады въ Mém. de Jos. t. III, p. 53.

Жозефъ въ это время колебался между увѣренностью скоро имѣть Гаэту въ своихъ рукахъ и страхомъ необходимости снять осаду по недостатку снарядовъ. Смотря потому, какое чувство брало верхъ, онъ дѣлалъ тѣ или другія предположенія для будущаго, впрочемъ ничего не измѣняя въ ходѣ осадныхъ дѣйствій. „Осада Гаэты" — доносилъ онъ Наполеону отъ 11 Іюля — „идетъ успѣшно; черезъ нѣсколько дней, мы надѣемся, крѣпость будетъ въ нашихъ рукахъ; тогда только я въ состояніи буду послать значительныя силы въ Калабрію." На другой день послѣ того онъ писалъ: „Мы уже истребили триста тысячъ фунтовъ пороху, и боимся, что намъ не достанетъ его. Я отправилъ одного изъ моихъ адъютантовъ въ Анкону и въ Миланъ, чтобы намъ выслали оттуда въ наискорѣйшемъ времени какъ можно болѣе пороху. Въ письмѣ отъ 13 Іюля читаемъ слѣдующія мѣста: „Осада Гаэты идетъ хорошо, и я надѣюсь въ скоромъ времени донести в. в-у о сдачѣ крѣпости. Ожидаю этого событія, чтобы немедленно потомъ отправить неапольскій гарнизонъ въ Калабрію, а его замѣстить гаэтскимъ отрядомъ, какъ болѣе нуждающимся въ отдохновеніи". — „Кончивъ съ Гаэтою, я выступлю въ Калабрію (если только англичане будутъ такъ добры, чтобы подождать насъ тамъ), а потомъ уже займусь экспедиціею въ Сицилію." — „Я послалъ за порохомъ въ Анкону и Миланъ; мы уже истратили его подъ Гаэтою пять сотъ тысячъ фунтовъ; непріятель возобновляетъ свои запасы и получаетъ новыхъ канонеровъ по мѣрѣ того, какъ терпитъ въ нихъ потери; мы же не можемъ ослаблять огня, потому что желаемъ постоянно сохранить на нашей сторонѣ его превосходство, безъ чего нельзя покорить крѣпости. Отсюда происходитъ, что мы истребляемъ ужасающее количество пороху." Иногда имъ овладѣвало нетерпѣніе до такой степени, что онъ самъ рѣшался итти на приступъ, думая можетъ-быть—вопреки мнѣнію своего брата — помочь трудному дѣлу своимъ личнымъ геройствомъ. „Я послалъ генера М. Матье (военнаго министра)" — писалъ онъ утромъ 14 іюля—„сказать маршалу, что я хочу быть въ Гаэтѣ 17-го числа, потому что 18-го часть осадныхъ войскъ должна выступить къ Неаполю. Въ самомъ дѣлѣ я рѣшился самъ итти на приступъ 17-го числа. Я конечно пущусь на такое дѣло только въ случаѣ крайней необходимости. Я не могу въ одно и то же время оберегать Неаполь, осаждать Гаэту и итти въ Калабрію; итакъ надобно тотчасъ же покончить съ Гаэ-

тою" [1]). Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ позабавиться Наполеонъ надъ этимъ нечаяннымъ припадкомъ героизма въ неаполитанскомъ королѣ! Но Жозефъ и самъ, кажется, недолго вѣрилъ въ свою храбрость. Черезъ нѣсколько часовъ опять находимъ его въ глубокомъ отчаяніи. Слѣды постепенно овладѣвавшаго имъ безпокойства видны на другомъ письмѣ, писанномъ имъ въ тотъ же день вечеромъ:

„Я еще не получилъ рапорта о ходѣ гаэтской осады отъ 13-го числа.

„Я рѣшаюсь сформировать въ Неаполѣ гражданскую гвардію въ 6000 человѣкъ; я вооружаю также французскихъ чиновниковъ.

„Непріятель дѣлалъ сегодня рекогносцировку по всему протяженію залива; всѣ думаютъ, что онъ хочетъ что-то предпринять въ ближайшихъ окрестностяхъ Неаполя.

„Если бы, какъ я опасаюсь, у насъ не случилось недостатка въ порохѣ, Гаэта былъ бы взята навѣрное.

„Я учредилъ особую военную комиссію, чтобы судить всѣхъ тѣхъ, которые, не будучи внесены въ списки гражданской гвардіи, попадутся однако съ оружіемъ въ рукахъ.

„Въ случаѣ, если недостатокъ пороху заставитъ меня превратить осаду Гаэты въ простую блокаду, у меня останется въ распоряженіи лишь 4000 человѣкъ, съ которыми я едва только въ состояніи буду прикрывать ретраншированный лагерь подъ Гаэтою и самый Неаполь.

„Въ Апуліи и Абруццахъ у меня нѣтъ другихъ силъ, кромѣ стоящихъ тамъ гарнизоновъ; я не могу и думать выступить въ Калабрію иначе, какъ бросивъ Неаполь и Гаэту" [2]).

14 іюля казалось роковымъ днемъ для Жозефа. Его испугало появленіе англійской эскадры въ заливѣ. Онъ еще крѣпко держался за Гаэту, но потерялъ почти всякую надежду на успѣхъ осады. Будущее вдругъ затуманилось передъ нимъ со всѣхъ сторонъ, и онъ, находясь въ Неаполѣ, рѣшительно не зналъ, чтó дѣлать. Нужно ли говорить, что Жозефъ не былъ созданъ для критическихъ обстоятельствъ?

Въ подобныя минуты конечно нуженъ былъ ему опытный совѣтникъ и руководитель, который бы поддержалъ падающее рѣшеніе. Само сабою разумѣется, что Наполеонъ не оставлялъ брата своими совѣтами относительно осады, какъ и относительно другихъ военныхъ дѣйствій; но совѣты его приходили

[1]) Mém. de Jos. t. II, p. 361, 364, 365—367.—[2]) Ibid. p. 360.

слишкомъ поздно, чтобы можно было употребить ихъ въ дѣло. Такъ онъ писалъ отъ 15 іюля: „Не велите стрѣлять полными зарядами, когда достаточно и ползаряда. Какъ мнѣ жаль, что у васъ нѣтъ маленькихъ мортиръ. Осьмидюймовыя мортиры, поставленныя въ 100 или 150 туазахъ, производятъ ужасное дѣйствіе. Не въ томъ дѣло, чтобы много стрѣлять, но чтобы стрѣлять вѣрно“ [1]). Въ письмѣ отъ 19 іюля Наполеонъ опять возвращается къ гаэтской осадѣ. „Не удивляйтесь, если въ первые дни канонада сдѣлаетъ мало вреда Гаэтѣ. Если огонь хорошо будетъ направленъ (что́ впрочемъ я иначе и не могу себѣ представить), то передняя часть (les pans) стѣны не выдержитъ и упадетъ однимъ разомъ въ шестой или седьмой день канонады; тогда, не теряя ни минуты времени, надобно тотчасъ же взять укрѣпленія“ [2]). Но самый важный совѣтъ, какой только могъ дать Наполеонъ въ этомъ дѣлѣ, былъ уже поданъ имъ прежде: онъ состоялъ въ томъ, чтобы ввѣрить осаду Массенѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ получилъ команду, осадныя дѣйствія были въ вѣрныхъ рукахъ. Онъ могъ обойтись и безъ дальнѣйшихъ совѣтовъ. Главное, что́ требовалось здѣсь для успѣха и чего подъ часъ не доставало Жозефу, это была стойкая выдержанность, не порывистая, но и не знающая никакихъ колебаній, а Массена былъ одаренъ ею съ избыткомъ. Онъ видѣлъ дѣйствіе, производимое, хотя и медленно, артиллеріею на гаэтскія укрѣпленія, и не отвлекаясь никакими сомнѣніями, продолжалъ вести свое дѣло впередъ, въ полной увѣренности его конечнаго успѣха.

Какъ огонь, такъ и работы осаждающихъ, пріостановленныя во время переговоровъ, не прекращались потомъ ни днемъ, ни ночью. Возводились новыя батареи, или старыя подвигались впередъ, и испорченныя орудія замѣнялись новыми. Огонь осажденныхъ также не умолкалъ нѣсколько дней. Французы старались по возможности усиливать наносимые ими удары. 15 числа ихъ ближайшія вновь вооруженныя батареи дѣйствовали съ такимъ ожесточеніемъ, что заставили молчать крѣпостныя орудія [3]). Подъ тѣмъ же огнемъ значительно увеличились самыя бреши, но осажденные, неутомимо работая подъ градомъ бомбъ и ядеръ, успѣли исправить многое въ продолженіе ночи. Слѣдующій день однако увеличилъ разрушеніе еще болѣе: у осажденныхъ снесены были всѣ парапеты, такъ что фронтъ ихъ линіи оставался совершенно беззащитенъ. Въ

[1]) Ibid. p. 371. — [2]) Ibid. p. 320. — [3]) См. опис. осады, III, p. 55.

ночь французскія апроши подошли почти къ самому гласису бастіона бреши. Борьба становилась уже неровною, но продолжалась съ тѣмъ же постоянствомъ и слѣдующія сутки. Въ этотъ день была приготовлена новая батарея противъ бреши. Утро 18 числа открылось, по обыкновенію, огнемъ съ обѣихъ сторонъ. Но дѣйствіе крѣпостной артиллеріи видимо начинало ослабѣвать. Между тѣмъ послѣднія осадныя работы французовъ были почти приведены къ окончанію. Нужно было не болѣе, какъ 36 часовъ, чтобы, дѣйствуя со вновь возведенной брешь-батареи, докончить главный проломъ. Вторая параллель была выведена самымъ отчетливымъ образомъ. Весь путь до главной бреши морскимъ берегомъ былъ приведенъ въ извѣстность нарочно предпринятою для этого рекогносцировкою. Массена видѣлъ, что наступило время рѣшительнаго дѣйствія, и велѣлъ войскамъ готовиться къ приступу. Атакующіе раздѣлены были на двѣ колонны. Первая изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Донзело, должна была итти по берегу моря къ большой бреши или цитадели; вторая, которою командовалъ генералъ Валентенъ (Valentin), имѣла своимъ назначеніемъ дѣйствовать противъ бастіона бреши, гдѣ былъ другой проломъ. Сверхъ того генералъ Ламаркъ съ особымъ отрядомъ имѣлъ предписаніе занять траншеи передней линіи и отсюда итти на соединеніе съ Донзело. Резервъ оставался подъ командою генерала Гардана: ему велѣно было выжидать времени, и смотря по обстоятельствамъ, устремиться на тотъ или другой пунктъ атаки. Уже войска были собраны на мѣстахъ, имъ назначенныхъ, и недоставало только команды, чтобы имъ выступить на упорный и кровавый бой, какъ въ три часа пополудни на обѣихъ брешахъ выставлены были бѣлыя знамена, и неаполитанскій офицеръ явился въ лагерь осаждающихъ съ предложеніемъ капитуляціи [1]).

Гаэта въ самомъ дѣлѣ доведена была до крайности. Послѣднее время гарнизонъ ея болѣе не возобновлялся. Смертельно раненый комендантъ былъ отвезенъ въ Сицилію и не нашелъ себѣ преемника, который бы могъ замѣнить его во всѣхъ отношеніяхъ. Защитники Гаэты были утомлены непрерывнымъ боемъ и не видѣли никакой надежды на скорую помощь или облегченіе. Неизвѣстно почему, сицилійское правительство перестало принимать дѣятельное участіе въ оборонѣ крѣпости. Вниманіе его было, кажется, отвлечено въ это вре-

[1]) Mém. de Mass. V, p. 246 — 47; cp. Mém. de Jos. III, p. 56—57.

мя происшествіями въ Калабріи. Еще наканунѣ того дня, когда французы начали готовиться къ приступу, въ гаэтскій портъ вошло вновь нѣсколько англійскихъ кораблей, но не съ тѣмъ, чтобы помочь гарнизону или доставить ему новыя средства, а чтобы только предложить ему вѣрное убѣжище на случай взятія города. Оставленный безъ помощи гарнизонъ началъ упадать духомъ. Еще онъ могъ отвѣчать на дѣйствіе осадной артиллеріи, но не въ состояніи былъ бы выдержать наступленія штурмовыхъ колоннъ. Разбитыя укрѣпленія не были болѣе надежнымъ щитомъ противъ приступа. Надобно было притомъ спѣшить воспользоваться присутствіемъ англійской эскадры въ портѣ, чтобы не остаться вовсе безъ опоры и убѣжища въ случаѣ рѣшительнаго успѣха со стороны французовъ. Вотъ почему новый комендантъ крѣпости, видя, что осаждающіе готовятъ послѣдній ударъ, счелъ за нужное предупредить его переговорами о сдачѣ крѣпости.

Какъ скоро появился парламентерскій флагъ, дѣйствіе артиллеріи было пріостановлено. Выслушавъ предложенія коменданта, маршалъ отправилъ отъ себя въ Гаэту генерала Франчески, чтобы окончательно договориться объ условіяхъ. Требованія французскаго главнокомандующаго были довольно умѣренны. Имѣя болѣе всего въ виду развязать себѣ руки, чтобы немедленно послѣ взятія Гаэты отправить осадное войско къ Неаполю, гдѣ чувствовали въ немъ крайнюю нужду, онъ готовъ былъ пренебречь даже нѣкоторыми обычными формами для скорѣйшаго окончанія дѣла. Сдача крѣпости въ ближайшій срокъ времени казалось ему уже достаточнымъ вознагражденіемъ за другія уступки. Для избѣжанія споровъ Массена согласился даже, вопреки принятому обычаю, чтобы капитуляція была написана не на французскомъ, а на итальянскомъ языкѣ. Онъ спохватился лишь послѣ и скрылъ отъ Наполеона подлинный документъ, выславъ въ военное министерство простую копію съ него [1]). Въ 11 часовъ вечера того же дня капитуляція была подписана. Крѣпость сдавалась французамъ со всѣми находившимися въ ней орудіями и военными снарядами, но гарнизонъ сохранялъ военныя почести и могъ тотчасъ же переправиться въ Сицилію, кромѣ тѣхъ, которые сами изъявляли желаніе поступить во французскую службу.

На другой же день всѣ статьи договора были приведены

[1]) Mém. de Massena, ibid.

въ исполненіе. Рано утромъ французы вступили въ Гаэту. Колонны Донзело и Валентена вошли туда черезъ проломы. Гарнизонъ сѣлъ на суда и отправился въ Сицилію. Въ крѣпости найдено побѣдителями до 180 орудій разнаго рода, 1850 ружей, 450 пикъ или косъ, 70,000 патроновъ, и сверхъ того большой запасъ пороху. Въ продолженіе осады было сдѣлано со стороны осаждающихъ около 70,000, а со стороны осажденныхъ болѣе 100,000 выстрѣловъ. Первые истратили пороху, считая въ томъ числѣ патроны, 250,000 килограмовъ, а защитники крѣпости вдвое болѣе того [1]). Кромѣ того употреблено было при осадѣ 171,000 мѣшковъ съ землею и десятки тысячъ фашинъ. Вся осада продолжалась пять мѣсяцевъ, въ томъ числѣ 11 дней непрерывнаго огня. Главная заслуга въ успѣхѣ ея безспорно принадлежала Массенѣ. Извѣщая Наполеона о счастливомъ событіи, Жозефъ старался особенно поставить ему на видъ неутомимую дѣятельность и настойчивость маршала и прямо приписывалъ его усиліямъ успѣшный исходъ всего предпріятія [2]). Когда было нужно, Массена дѣйствительно умѣлъ дѣлать свое дѣло. Жаль только, что по временамъ онъ заставлялъ платить себѣ слишкомъ дорого!

Какъ осада, такъ и оборона Гаэты принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ событій въ исторіи французскаго завоеванія въ Неаполѣ. Воздавая должное твердости и искусству осаждающихъ и храбрости гарнизона, знатоки военнаго искусства находятъ впрочемъ, что съ обѣихъ сторонъ сдѣлано было много ошибокъ и промаховъ. Главною ошибкой со стороны первыхъ было начальное бомбардированіе крѣпости, которое было предпринято только для вида и не имѣло рѣшительно никакихъ результатовъ. Наполеонъ и Массена были одного мнѣнія объ его совершенной безполезности. Впослѣдствіи осаждающіе не мало повредили себѣ тѣмъ, что, по окончаніи первой параллели, вмѣсто того, чтобы поспѣшить возведеніемъ батарей для ихъ прикрытія, немедленно повели свои работы впередъ, подвергаясь сильному огню со стороны непріятеля и сами не имѣя возможности отвѣчать ему. Это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы ускорить дѣло, значительно замедлило его и было причиною многихъ безполезныхъ потерь. Но и комендантъ крѣпости не извлекъ всѣхъ выгодъ изъ своего положенія и изъ тѣхъ средствъ, которыя находились въ его распо-

1) Ibid. — 2) Mém. de Jos. II, p. 391. M. le maréchal Massena a mis dans cette operation son obstination et son activité ordinaires. Le succés a couronné ses efforts.

ряженіи. При многихъ личныхъ достоинствахъ, ему не доставало опытности въ дѣлахъ подобнаго рода. Не всѣ мѣры предосторожности были приняты имъ въ свое время. Располагая многочисленною артиллеріею и имѣя болѣе широкую линію укрѣпленій, чѣмъ линія нападающихъ, онъ могъ бы, съ помощью эскадры и при большей распорядительности, нанести весьма чувствительный вредъ своимъ противникамъ. Если бы французскія осадныя работы были постоянно обстрѣливаемы съ боковыхъ рейдовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, при усиленномъ огнѣ съ фронта, осаждающіе не могли бы съ успѣхомъ подвигаться впередъ и принуждены были бы оставить траншеи до ихъ окончанія. Таково, повидимому, совершенно безпристрастное мнѣніе автора «Записокъ Массены» [1]). Не видно также, чтобы осажденные старались противодѣйствовать непріятелю минными работами, что̀ можетъ-быть засисѣло отъ недостатка искусныхъ инженеровъ. Наконецъ надобно замѣтить, что защитники Гаэты, хотя конечно не по своей винѣ, не извлекли довольно выгодъ изъ открытаго сообщенія съ моремъ. Въ послѣднее время осады они, несмотря на значительную убыль гарнизона, не получали изъ Сициліи почти никакой помощи. Вступивши въ крѣпость, французы нашли въ ней лишь самое малое количество съѣстныхъ припасовъ. Вообще, не унижая храбрости гарнизона, можно сказать, что если бы гаэтскія укрѣпленія достались въ руки болѣе искусныхъ и твердыхъ защитниковъ, успѣхи французской осады были бы гораздо сомнительнѣе.

Для Жозефа въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ не могло ничего случиться счастливѣе, какъ окончаніе гаэтской осады. Положеніе Ренье и бывшихъ подъ его командою отрядовъ арміи было самое критическое: опасность для нихъ росла съ каждымъ днемъ. Инсуррекціонное движеніе угрожало проникнуть въ восточныя провинціи и зайти въ тылъ неаполитанскому правительству. Даже Неаполь, откуда выведена была значительная часть гарнизона, не казался болѣе безопаснымъ. Взятіе Гаэты развязало Жозефу руки. Вниманіе его не было болѣе отвлечено происшествіями въ сѣверо-западной части королевства. Ставши твердою ногою въ Гаэтѣ, онъ могъ теперь занять Неаполь войсками бывшаго осаднаго корпуса и помышлять о походѣ въ Калабрію, отъ котораго въ эту минуту зависѣла судьба всего завоеванія.

[1]) Mém. de Mass. V, p. 249.

VIII. ПОХОДЪ МАССЕНЫ ВЪ КАЛАБРІЮ.

Едва окончивъ одно дѣло, Массена получилъ новое, не менѣе важное порученіе. Самый успѣхъ гаэтской осады давалъ ему предпочтительное право передъ другими начальствовать надъ экспедиціоннымъ отрядомъ, который назначался для покоренія вновь Калабріи. Мнѣніе Наполеона, какъ мы видѣли прежде, было въ его же пользу. Довольно основаній для Жозефа, чтобы ввѣрить опытности и искусству маршала судьбу вновь приготовленной экспедиціи. Подъ начальство Массены поступилъ отрядъ въ 10,000 человѣкъ, стоявшій гарнизономъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, мѣсто котораго заняли войска бывшаго осаднаго корпуса. Надѣялись, что, по соединеніи съ Ренье и Вердье, маршалъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи всего до 15,000 человѣкъ [1]. Событія не терпѣли никакого отлагательства, и потому, едва только кончены были самонужнѣйшія приготовленія, войско, собранное для усмиренія возмутившихся провинцій, выступило въ предназначенный ему походъ.

Но напередъ посмотримъ, что́ между тѣмъ происходило въ Калабріи.

Инсуррекція, опираясь на англичанъ, съ каждымъ днемъ дѣлала новые успѣхи. Мы оставили Ренье и Вердье съ разрозненными силами, одного—въ Котроне, другого—въ Кассано. Нѣкоторое время они были совершенно отрѣзаны другъ отъ друга и ничего не знали о взаимномъ своемъ положеніи. Наконецъ одному польскому офицеру удалось передать Ренье приказанія короля. Тогда онъ выступилъ изъ Котроне, стараясь соединиться съ Вердье. Этотъ небольшой переходъ отъ Котроне до Кассано стоилъ ему чрезвычайныхъ усилій и большихъ потерь. Припасовъ не было, да и брать ихъ было почти негдѣ. А между тѣмъ чуть не каждую деревню, черезъ которую лежалъ путь, приходилось брать приступомъ. Ожесточеніе видимо росло съ обѣихъ сторонъ. Если инсургенты безъ жалости избивали попадавшихся имъ въ руки плѣнниковъ, то французы мстили имъ сожженіемъ деревень и разграбленіемъ городовъ. Вступивъ въ улицы Карильяно, передовая французская колонна встрѣчена была ружейными выстрѣлами и оста-

[1] Авторъ «Зап. Массены», V, 255, впрочемъ значительно уменьшаетъ это число: по его словамъ, подъ начальствомъ маршала было лишь около 6,000, которыя, по соединеніи съ другими генералами, не могли составить болѣе 8,000.

вила на мѣстѣ до 20 человѣкъ. Желая выманить инсургентовъ за городъ, Ренье велѣлъ тотчасъ ударить отбой. Хитрость его имѣла полный успѣхъ: толпа съ яростными криками высыпала на равнину, но, встрѣченная здѣсь непріятельскою кавалеріею, была окружена ею со всѣхъ сторонъ, смята и на половину уничтожена. Вслѣдъ за тѣмъ городъ былъ отданъ на разграбленіе. За то инсургенты сами разграбили городъ Вико, узнавши, что французы брали въ немъ съѣстные припасы. Такъ, безпрестанно пролагая себѣ дорогу то огнемъ, то мечомъ, Ренье наконецъ достигъ Кассано. Но мѣста, оставленныя имъ позади, тотчасъ занимаемы были инсургентами. Даже Котроне, несмотря на защиту своихъ стѣнъ, не могла удержаться долѣе двухъ дней. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ вооруженными жителями, слабый гарнизонъ принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ.

На югѣ Калабріи только два крѣпкихъ пункта, Реджіо и Шилла, оставались еще въ рукахъ французовъ. Противъ нихъ направился генералъ Стюартъ послѣ битвы при Майдѣ. Ему легко было овладѣть Реджіо, котораго укрѣпленія состояли только изъ стѣнъ стараго замка. Но въ Шиллѣ онъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе, несмотря на то, что бывшій въ ней гарнизонъ не простирался свыше ста человѣкъ, и что укрѣпленія его были повреждены землетрясеніемъ. Комендантъ, простой инженерный капитанъ, не хотѣлъ и слышать о сдачѣ. Нужно было 20 дней бомбардированія, чтобы сдѣлать его нѣсколько сговорчивѣе. Наконецъ, когда уже въ крѣпости не оставалось почти ни капли воды, годной для питья, согласился онъ подписать капитуляцію. Шилла сдалась 16-го іюля, то-есть за два дня до сдачи Гаэты. Англичанамъ послѣ того не оставалось никакого дѣла въ южной Калабріи. Имъ приходилось или стоять сложа руки, или начать обратное движеніе и стараться вытѣснить французовъ изъ сѣверной части провинціи. Судя по тому бѣдственному положенію, въ которомъ находились отряды Ренье и Вердье, и ихъ совершенной безпомощности, нельзя сомнѣваться, что движеніе англійской арміи на сѣверъ, предпринятое тотчасъ послѣ взятія Шиллы, увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ враждебнымъ народонаселеніемъ, французскіе генералы не смѣли выходить изъ своего ретраншированнаго лагеря. Одно смѣлое усиліе со стороны превосходнаго въ силахъ противника, и они были бы вытѣснены изъ своего послѣдняго убѣжища.

Но смѣлое наступленіе на чужой землѣ вовсе не въ характерѣ англійскихъ генераловъ. Какъ ни замедлилась новая экспедиція французовъ въ Калабрію, она открылась еще вовремя, чтобы отвратить ударъ, который могъ угрожать съ юга небольшимъ французскимъ силамъ, находившимся въ этой провинціи. Генералъ Стюартъ стоялъ попрежнему въ южной Калабріи, близь Мессинскаго пролива, когда экспедиціонный отрядъ, подъ начальствомъ маршала Массены, выступилъ въ походъ. Впрочемъ и у французовъ нѣкоторое время дѣло не очень ладилось. Примѣтно, что взятіе Гаэты сильно подняло гордость маршала. Почувствовавъ свою важность, онъ началъ возвышать свои требованія. Съ трудомъ можно было уговорить его принять начальство надъ экспедиціею. Онъ находилъ, что командовать такою малочисленною арміею было ниже его достоинства. Жозефъ долженъ былъ вести съ нимъ много переговоровъ и такъ наскучилъ ими, что потерялъ всякую охоту пользоваться его способностями и услугами на будущее время. „Когда в. в-во"—писалъ онъ Наполеону отъ 1-го августа — „почувствуете нужду въ услугахъ маршала Массены, вы можете располагать имъ; что же касается до меня, то, что бы я ни дѣлалъ, я не могу болѣе удовлетворить его" [1]). Даже принявъ команду и выступивъ въ походъ, маршалъ все еще продолжалъ медлить и какъ бы нехотя принимался за дѣло, такъ что король самъ долженъ былъ ѣхать къ нему въ лагерь и своимъ личнымъ присутствіемъ стараться ускорить открытіе кампаніи [2]). Жозефа сопровождала въ этой поѣздкѣ его вновь набранная гвардія. Имъ приведены были сверхъ того къ дѣйствующей арміи нѣкоторые резервы. Истощивъ всѣ предлоги для отлагательства, Массена рѣшился наконецъ открыть военныя дѣйствія.

Взявшись за дѣло, Массена исполнилъ его, какъ слѣдовало опытному генералу, съ обычною своею рѣшимостію, твердостію и не менѣе обыкновенною неразборчивостію на средства. Предварительнымъ его распоряженіемъ было объявить всю Калабрію въ осадномъ положеніи, выслать впередъ генерала Гардана съ авангардомъ и въ то же время отдѣлить генерала Мермѐ для слѣдованія берегомъ моря на Сапри. Ближайшая цѣль маршала состояла въ томъ, чтобы соединиться съ отрядами Вердье и Ренье. Для этого онъ предпринялъ

1) Mém. de Jos. II, p. 425; cp. Mém. de Massena, V. p. 255,—2) Mém. de Jos. ibid. p. 426.

движеніе на Лагонегро. Вердье въ то же время велѣно было выступить изъ Кассано и итти на соединеніе съ главными силами. Вплоть до Лагонегро непріятель не противопоставилъ почти никакихъ препятствій. Здѣсь примкнули къ маршалу снова отряды Гардана и Мермѐ, исполнившіе данное имъ порученіе. Отсюда назначенъ былъ маршъ на Кастровиллари. Но за Лагонегро начиналась уже горная Калабрія, и движеніе представляло гораздо больше трудностей. Инсургенты рѣшились воспользоваться ими, чтобы заградить французамъ путь далѣе на югъ. Они избрали для того Лаурію, которая по своему положенію въ горномъ проходѣ легко могла быть защищаема съ окружающихъ ее высотъ. Часть инсургентовъ засѣла въ самомъ городѣ, и сверхъ того они же въ числѣ отъ 4 до 5,000 занимали окрестныя возвышенія. Маршалъ понялъ, что только съ бою можно было проложить дорогу впередъ, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженія къ атакѣ. Генералъ Гарданъ получилъ приказаніе подняться на высоты и стараться занять верхній городъ; въ то же самое время отрядъ волтижеровъ направленъ былъ къ нижней его части. Подойдя къ городскимъ воротамъ, войска встрѣчены были ружейною пальбою, но это не помѣшало имъ проникнуть внутрь ограды. Главная трудность впрочемъ ожидала ихъ впереди. Внутри города были баррикадированы не только улицы, но и самые дома. Маршалъ однако не отступилъ и передъ этою новою трудностію. Ни мало не медля, онъ приказалъ зажечь городъ. Пламя быстро охватило бо̀льшую часть зданій. Задыхаясь отъ огня, защитники Лауріи бросали оружіе и искали спасенія въ бѣгствѣ, но гибли подъ ударами, которые ожидали ихъ при всѣхъ выходахъ. Между тѣмъ генералъ Гарданъ появился на высотахъ. Черезъ нѣсколько времени французское знамя развѣвалось уже на стѣнахъ верхняго города. Тогда прекратилось и послѣднее сопротивленіе въ нижней его части. Вмѣстѣ съ защитниками Лаурія лишилась и большей части своихъ домовъ, погибшихъ въ пожарѣ, и окончательно осталась въ рукахъ французовъ.

Хуже всего, что побѣдители не могли удержаться отъ насилія и разныхъ неистовствъ даже послѣ взятія города. Донося королю о своемъ успѣхѣ, маршалъ самъ сознавался, что солдаты позволили себѣ „многія излишества,“ несовмѣстныя съ понятіемъ о дисциплинированномъ войскѣ. Но онъ извинялся „своеволіемъ побѣды“ и выражалъ надежду, что этотъ страшный примѣръ не преминетъ спасительно подѣй

ствовать на другихъ [1]). Какъ видно, что Массена въ пониманіи духа наполеоновскихъ распоряженій далеко опередилъ Жозефа! Впрочемъ и самъ король старался не отставать, по крайней мѣрѣ въ тонѣ своихъ депешъ, отъ главнаго исполнителя своихъ приказаній въ Калабріи. „Отъ города Лауріи, который имѣлъ 7,000 жителей"—писалъ онъ къ Наполеону—„осталась только куча развалинъ: мужчины, женщины, дѣти, все погибло въ пламени; но этотъ страшный примѣръ, кажется, много способствовалъ къ возстановленію порядка" [2]). Такъ спокойно и холодно, хотя съ чужихъ словъ, доноситъ о происшествіи, которое достойно варварскихъ временъ—не значитъ ли это, что Жозефъ, несмотря на свое доброе сердце, начиналъ понемногу входить въ духъ системы, которой выгоду такъ настойчиво старались доказывать ему въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Чего же бы можно было послѣ того ожидать отъ человѣка безъ всякихъ правилъ и убѣжденій?

Побоище, бывшее въ Лауріи, дѣйствительно навело страхъ на ближайшія мѣста въ провинціи. Инсургенты уклонялись отъ боя, и французы могли почти безпрепятственно продолжать свой путь къ Кастровиллари. Лежавшіе на дорогѣ города, Кастеллуччіо и Ротонда, выслали даже навстрѣчу имъ своихъ нотаблей съ увѣреніями въ неизмѣнной преданности. Массена думалъ, что ему придется атаковать крѣпкій бургъ Марано, находившійся на той же линіи; но инсургенты очистили его, не дождавшись приближенія французовъ. Прибывши въ Кастровиллари, маршалъ далъ своимъ войскамъ суточный отдыхъ. Здѣсь же имѣлъ онъ свиданіе съ Ренье, который нарочно прибылъ изъ Кассано, чтобы условиться съ главнокомандующимъ относительно будущихъ дѣйствій. Въ то же время высланная изъ Кастровиллари рекогносцировка разсѣяла большое скопище инсургентовъ, собравшееся близь Саррачене, подъ начальствомъ англійскаго полковника. Изъ Кастровиллари послѣдовало движеніе арміи къ Козенцѣ. Ничтожныя толпы, встрѣтившіяся на этомъ пути, были безъ труда разогнаны, и всѣ тѣ, которые имѣли несчастіе попасться съ оружіемъ въ рукахъ, тотчасъ же были повѣшены. Маршалъ не сомнѣвался, что мѣры этого рода могутъ произвести только „благотворное

1) Mém. de Jos. t. III, p. 115: mais, en gemissant de ces calamités, on ne peut douter qu'elles ne soient d'un exemple salutaire, etc. Ср сверхъ того записки его, ibid. p. 261, гдѣ прямо говорится о грабежѣ и другихъ излишествахъ. —2) Ibid. p. 124.

впечатлѣніе" на калабрійцевъ [1]). Козенца занята была 6,000 вооруженныхъ инсургентовъ, подъ начальствомъ главныхъ ихъ предводителей, Пане-ди-Грано, де-Конфлентисъ и другихъ; но едва лишь завидѣвъ французовъ, они, противъ ожиданія Массены, поспѣшно вышли изъ города и бросились въ разныя стороны. Французскій главнокомандующій въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что достаточно навести паническій страхъ на жителей, чтобы все бѣжало или покорялось безъ сопротивленія при первомъ его появленіи. Въ Козенцѣ произошло соединеніе экспедиціонной арміи съ отрядами Ренье и Вердье. Благодаря рѣшительному движенію маршала въ самое сердце Калабріи и неторопливости англичанъ, остатки прежней арміи такимъ образомъ спасены были почти отъ вѣрной погибели. Въ послѣднее время небольшіе французскіе отряды, остававшіеся въ Калабріи, до того были разобщены между собою, что, уже по соединеніи съ Массеною въ Козенцѣ, Ренье ничего не зналъ о взятіи Реджіо и Шиллы и еще надѣялся спасти Котроне [2]). Своевременнымъ освобожденіемъ остатковъ его корпуса изъ западни, въ которую онъ попалъ вслѣдствіе Майдской битвы, достигнута была одна изъ главныхъ цѣлей кампаніи.

Чтобы предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, нужно было еще покорить нижнюю Калабрію. Эта вторая задача распадалась на двѣ части: требовалось очистить страну отъ инсургентовъ и вытѣснить англичанъ изъ предѣловъ ея. По соединеніи съ Ренье, маршалъ въ состояніи былъ предпринять наступательное движеніе противъ англійскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генерала Стюарта. Смѣлости и рѣшимости ему было не занимать у другихъ; но онъ не хотѣлъ завязать всѣ свои силы въ горной странѣ, гдѣ возстаніе пустило глубокіе корни, и рисковать своими сообщеніями съ сѣверными провинціями. Ошибка Ренье послужила хорошимъ урокомъ его преемнику. Массена предпочелъ остаться на нѣкоторое время въ Козенцѣ и сдѣлать ее центромъ своихъ военныхъ операцій. Здѣсь онъ былъ безопасенъ отъ нападенія англичанъ, отсюда могъ поддерживать связь съ отдѣльными отрядами, которые оставлены были позади, и по мѣрѣ надобности посылать свѣжія войска въ разныя стороны. Ин-

1) Mém. de Mass. ibid p. 263.—2) См. донесеніе Массены, Mém. de Jos. III, p. 148—151.

сурекціонное движеніе было въ половину парализовано присутствіемъ въ центрѣ страны сильнаго противника.

Такъ какъ англичане не трогались, то французскій главнокомандующій, находясь въ Козенцѣ, тѣмъ съ большею свободою могъ дѣйствовать противъ мѣстной инсуррекціи. Три отряда высланы были имъ съ этою цѣлію въ разныя стороны. Первый, подъ начальствомъ Ренье, имѣлъ порученіе итти на помощь къ Котроне, въ томъ предположеніи, что она еще продолжала держаться противъ непріятеля. Въ то же время Вердье выступилъ на западъ, чтобы очистить морской берегъ отъ Паолы до мыса Суверо, а генералу Мермѐ назначено было занять постъ въ Каролеи, впереди Козенцы. Каждый изъ нихъ исполнилъ свое порученіе, сражаясь съ инсургентами и заставляя отдѣльныя ихъ скопища бѣжать въ горы. Но положеніе западнаго берега и послѣ того нисколько не измѣнилось. Здѣсь инсургенты удерживали за собою нѣкоторыя крѣпкія мѣста, Амантею, Фьуме-Фреддо и другія; здѣсь они получали отъ англичанъ подкрѣпленія людьми, оружіемъ и деньгами. Черезъ нѣсколько дней Ренье и Вердье опять посланы были съ двумя отрядами для усмиренія прибрежья. Движеніе ихъ несовсѣмъ удалось, потому что они не успѣли соединиться во-время; но дѣло обошлось по крайней мѣрѣ безъ большихъ пожертвованій. Гораздо счастливѣе былъ генералъ Гарданъ, который имѣлъ подобное же порученіе, и послѣ горячей схватки съ инсургентами успѣлъ вытѣснить ихъ изъ Фьуме-Фреддо. Только появленіе англійской эскадры у береговъ остановило дальнѣйшее его слѣдованіе. Массена думалъ также о томъ, чтобы поддержать безопасность у себя въ тылу, и время отъ времени двигалъ цѣлыя колонны изъ Кастровиллари и другихъ пунктовъ для дѣйствія въ ближайшихъ окрестностяхъ. Не менѣе дѣятельно производимо было обезоруженіе жителей вокругъ Козенцы. Для этой цѣли высылаемы были изъ главной квартиры небольшія подвижныя колонны, и какъ въ нихъ соблюдалась строгая дисциплина, то онѣ могли довольно успѣшно выполнять свое назначеніе. Жители окрестныхъ мѣстъ начинали мало-по-малу возвращаться къ спокойствію.

Къ концу августа положеніе французовъ въ верхней Калабріи казалось такъ обезпечено, что маршалъ не считалъ болѣе нужнымъ медлить и рѣшился двинуться далѣе на югъ. Первый шагъ въ нижнюю Калабрію ввѣренъ былъ генералу Ренье, какъ наиболѣе знакомому съ самою мѣстностію. Ему

велѣно было двинуться съ отборнымъ войскомъ изъ Шильяно на Никастро. Ожидали встрѣчи съ англичанами или по крайней мѣрѣ съ правильными неаполитанскими полками. Но въ лагерѣ передъ Никастро оказалось лишь нѣсколько тысячъ инсургентовъ подъ начальствомъ двухъ неаполитанскихъ полковниковъ и англійскаго майора. Одною сильною атакою Ренье смялъ ихъ и заставилъ обратиться въ бѣгство. Черезъ нѣсколько дней потомъ маршалъ самъ выступилъ изъ Козенцы, направляясь къ Монтелеоне. Этотъ новый переходъ, продолжавшійся четыре дня, исполненъ былъ безъ всякой помѣхи. Если и попадались иногда большія толпы инсургентовъ, то онѣ разбѣгались при первыхъ выстрѣлахъ. Въ Монтелеоне, котораго жители давно уже отличались симпатіями къ завоевателямъ, французы встрѣчены были съ непритворною радостію. Герцогъ Флореста, занимавшій передъ тѣмъ городъ съ 3-мя или 4-мя тысячами неаполитанскихъ войскъ, отступилъ въ южномъ направленіи. Ничто не мѣшало послѣ того Массенѣ утвердиться въ Монтелеоне и отсюда начать новый рядъ военныхъ операцій для покоренія остальной Калабріи. До сихъ поръ французы должны были осторожно подвигаться впередъ, чтобы не дать себя застать врасплохъ въ случаѣ нападенія со стороны англичанъ; но теперь и эта опасность миновалась: 5-го сентября англійскія войска снова сѣли на суда и отправились обратно въ Мессину. Въ то время, какъ Вердье, Мермѐ и Гарданъ удерживали позиціи въ Козенцѣ, Шильяно и Никастро, передовой отрядъ Ренье, высланный Массеною изъ Монтелеоне, могъ свободно простираться на югъ до Милето.

Итакъ походъ можно было считать конченнымъ. Оставалось лишь нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ на оконечности Италіи, то-есть Реджіо и Шилла, также на восточномъ и западномъ берегахъ Калабріи, какъ-то Котроне, Амантея, Маратея и другія, которыя еще находились въ рукахъ инсургентовъ. Но послѣ удаленія англичанъ, повидимому, не могло быть болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что въ непродолжительномъ времени и эти немногія мѣста достанутся въ руки побѣдителямъ, и вся провинція возвращена будетъ французскому владычеству [1]).

Наружность часто бываетъ обманчива. Французы два раза испытывали это на завоеваніи Калабріи. Пройдя вдоль всю

[1]) См. Mém. de Massena, V, p. 270–71.

страну и занявъ въ ней важнѣйшіе города, завоеватели однако скоро почувствовали снова что они сами не безопасны въ покоренномъ ими краю. Такъ мало значатъ самые успѣхи оружія, когда ничего не сдѣлано завоевателемъ, чтобы расположить въ свою пользу чувство народа, пріобрѣсть его симпатію, или — что́ еще хуже — когда забыто чувство всякаго уваженія, хотя бы даже и къ покоренной національности.

Переписка Жозефа съ Наполеономъ носитъ на себѣ ясные слѣды тѣхъ безпрестанныхъ тревогъ, которыя испытывали французы, находившіеся въ Калабріи, послѣ вторичнаго завоеванія. Инсуррекція внутри страны улеглась лишь на время, уступивъ силѣ, и готова была вспыхнуть вновь при каждомъ благопріятномъ случаѣ. Подвигаясь впередъ, французы каждую минуту должны были опасаться за свой тылъ. Чѣмъ больше они занимали мѣстъ въ провинціи, тѣмъ больше требовалось войска для поддержанія въ нихъ порядка и спокойствія. Въ завоеванной странѣ сообщенія даже между ближайшими пунктами могли быть производимы не иначе, какъ подъ прикрытіемъ военной силы. На берегахъ, кромѣ крѣпостей, занятыхъ непріятелемъ, и всѣ прочіе пункты не представляли никакой безопасности, потому что были подвержены нападенію съ моря. Владѣя моремъ, англичане постоянно угрожали берегамъ его и время отъ времени предпринимали небольшія высадки, которыя зажигали вновь только что потушенный огонь въ провинціи. При ихъ содѣйствіи укрѣпленныя мѣста, занятыя инсургентами, были почти необоримы. Опираясь на нихъ же, возстаніе во внутренней области также могло дѣлать новые успѣхи. Пока французы старались овладѣть Реджіо и Шиллою, они могли потерять назади у себя Козенцу, Кастровиллари, Лагонегро. Даже въ Неаполѣ Жозефъ не былъ совершенно спокоенъ. Англійскія военныя суда нерѣдко показывались въ самомъ заливѣ и угрожали королю въ его резиденціи.

„Сиръ“ — писалъ онъ брату отъ 7-го сентября: — „непріятель произвелъ высадку близь Террачины, какъ полагаютъ — въ числѣ 1,200 человѣкъ. Я велѣлъ направить сюда съ различныхъ сторонъ значительныя силы; мы скоро опрокинемъ его. Онъ уже проникъ до Итри, а патрули его показались въ Кастеллоне. Я имѣю причины думать, что тутъ дѣйствуетъ Фра-Діаволо. Другія толпы разбойниковъ англичане вдругъ высадили въ Поликастро, въ Санта-Эвфеміа, въ Рокка-Импе-

ріале; вездѣ они побиты, но много изъ нихъ ушло въ горы, и тамъ они стараются снова раздуть возстаніе“ [1]).

Въ письмѣ отъ 8-го сентября Жозефъ уже значительно пополнялъ свой прежній списокъ мѣстъ, гдѣ англичане приставали къ берегу. Къ Террачинѣ, Поликастро и другимъ мѣстамъ, гдѣ были произведены первыя высадки, присоединялись Торри-ди-Маре (въ Тарентскомъ заливѣ), Манфредонія и Чиленто. Догадка Жозефа о присутствіи Фра-Діаволо на неаполитанской землѣ скоро оправдалась. Онъ былъ разбитъ, преслѣдуемъ и наконецъ стѣсненъ въ Сорѣ, въ стѣнахъ которой искалъ себѣ убѣжища. Другіе отряды бандитовъ также были разсѣяны; но спокойствіе не возвращалось къ странѣ, гдѣ инсургентамъ стоило только броситься въ горы, чтобы спастись отъ преслѣдованія. Войска были утомлены безпрестанными передвиженіями. Въ казнѣ все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ въ деньгахъ. „Я занятъ теперь моими финансами“— писалъ между прочимъ Жозефъ отъ 9-го сентября: „я не въ состояніи покрывать военныя издержки обыкновенными средствами. Я веду войну небывалаго рода; у меня нѣтъ ни таможенъ и никакой торговли; отъ разбойниковъ же не знаю куда дѣваться; издержки на эту войну, и безъ того огромныя, растутъ съ каждымъ днемъ, а средства мои истощаются въ несоразмѣрной пропорціи“ [2]). Черезъ нѣсколько дней, извѣстивши Наполеона, что дороги во всей Калабріи открыты для сообщеній, Жозефъ тѣмъ не менѣе повторялъ прежнія жалобы. „Это такая неудобопроходимая и нездоровая страна“ — писалъ онъ отъ 14-го сентября о Калабріи — „географическое очертаніе ея такое причудливое, народонаселеніе же такое непостоянное, подвижное, страстное и въ то же время мужественное (какъ бы впрочемъ о немъ ни судили), что всѣ принимаемыя нами мѣры предосторожности оказываются недостаточны, между тѣмъ какъ непріятель, постоянно угрожающій намъ съ моря, не подвергается никакимъ опасностямъ“ [3])..

Во второй половинѣ того же мѣсяца Жозефъ имѣлъ удовольствіе извѣстить Наполеона о нѣкоторыхъ новыхъ успѣхахъ своихъ войскъ въ Калабріи. Взято было вновь нѣсколько крѣпкихъ позицій у непріятеля, въ томъ числѣ Котроне. Но рядомъ съ добрыми вѣстями стояли извѣстія о новыхъ тревогахъ. Возстаніе начинало проникать въ Апулію. Въ Абруццахъ также было весьма неспокойно. Фра-Діаволо продолжалъ

1) Mém. de Jos. II, p. 189.—2) Ibid. p. 192 — 3) Ibid. p. 201.

держаться въ Сорѣ. Англичане произвели вновь небольшую высадку близь Фонди, угрожали въ одно время Таренту, Террачинѣ, Гаэтѣ, атаковали острова Тремити, и наконецъ отдѣльная эскадра ихъ показалась даже въ Адріатическомъ морѣ. Къ прежнимъ бѣдствіямъ арміи присоединилось еще одно, начинавшее принимать очень опасные размѣры. Въ ней показались болѣзни. Массена писалъ изъ Монтелеоне, что у него въ корпусѣ не менѣе 3000 больныхъ. Надѣялись, что это бѣдствіе пройдетъ съ наступленіемъ холоднаго времени года; но расчетъ вышелъ очень невѣренъ. Принятыя мѣры не могли остановить развитія эпидемическихъ болѣзней въ войскѣ. Къ концу сентября въ одной Козенцѣ считалось до 2000 больныхъ [1]). Многіе высшіе офицеры также подверглись эпидеміи, отчего армія лишилась ихъ содѣйствія. Въ одно и то же время Жозефъ доносилъ, что генералъ Мермѐ находится при смерти, что генералъ Жирарденъ боленъ, и что генералы Партуно, Дигоне и Франчески находятся въ такомъ же состояніи [2]). Армія теряла лучшія свои силы, и король не имѣлъ никакихъ средствъ, чтобы пополнить ея потери.

Прошелъ еще мѣсяцъ, въ продолженіе котораго предпринято было много новыхъ движеній, но положеніе дѣлъ въ Калабріи не измѣнилось. Французское войско попрежнему страдало отъ болѣзней; англичане попрежнему высаживали на берегъ людей и выгружали оружіе и снаряды. Возстаніе, только что подавленное въ одномъ мѣстѣ, вспыхивало въ другомъ. Въ сообщеніяхъ между различными частями арміи не было ничего вѣрнаго. Каждый отдѣльный отрядъ находился какъ бы въ осадномъ положеніи. Французы легко разгоняли большія скопища инсургентовъ, и верхъ всегда почти оставался на ихъ сторонѣ; но кромѣ того, что эти столкновенія стоили потери крови, они держали полки въ постоянной тревогѣ и утомляли ихъ до крайности. Безопасность была только въ силѣ и неусыпной бдительности. Когда французы подвигались къ Реджіо, города Никастро, Козенца, Кастровиллари ждали только сигнала, чтобы начать отпаденіе. Мермѐ, находясь въ Шильяно, вдругъ со всѣхъ сторонъ стѣсненъ былъ многочисленнымъ отрядомъ инсургентовъ и даже получилъ отъ нихъ предложеніе сдаться. Онъ былъ выручень только подоспѣвшею къ нему на помощь колонною Франчески. Почти въ такомъ же положеніи находился генералъ Пери

[1]) Ibid. p. 212, 218, 228 и пр. — [2]) Ibid. p. 201.

(Peyri), стоявшій съ особымъ отрядомъ въ Кастровиллари. Вердье, которому слѣдовало итти къ нему на помощь, самъ долженъ былъ отбиваться отъ инсургентовъ въ своемъ лагерѣ. „Наше положеніе“ — писалъ Массена въ своихъ донесеніяхъ королю — „остается то же самое: мы безпрестанно бьемъ и обращаемъ въ бѣгство инсургентовъ, но не можемъ уничтожить ихъ, потому что они уходятъ въ горы и скоро опять собираются въ другомъ пунктѣ. Если сегодня мы оттѣснили ихъ къ морю и заставили спасаться на суда, то завтра они опять высаживаются на берегъ—лишь немного подалѣе“ [1]).

Маршала нельзя упрекнуть въ недѣятельности или нераспорядительности. Онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и имѣлъ въ подчиненныхъ ему генералахъ не менѣе дѣятельныхъ исполнителей его распоряженій. Но принятая имъ система войны, разорительная для края, была губительна и для самого войска. Ряды его замѣтно рѣдѣли столько же отъ утомленія и болѣзней, сколько и отъ безпрестанныхъ сшибокъ съ непріятелемъ, а король не имѣлъ почти никакихъ средствъ, чтобы пополнять, какъ слѣдуетъ, убыль въ дѣйствующей арміи. Состояніе его финансовъ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Вмѣсто того, чтобы стараться увеличить свои военныя силы, онъ принужденъ былъ отправить нѣкоторые кавалерійскіе полки въ сѣверную Италію по невозможности содержать ихъ въ Неаполѣ [2]). Время отъ времени у него вырывались признанія, которыя заключали въ себѣ самое строгое осужденіе всей завоевательной политики. „Если война продлится“ — писалъ онъ однажды Наполеону, изложивши ему весь свой бюджетъ — „то в. в-во можете быть увѣрены, что завоеваніе этой страны будетъ вамъ очень накладно. Одно содержаніе арміи будетъ стоить 4,500,000 франковъ, между тѣмъ какъ страна не можетъ доставлять болѣе 1,800,000. Или в. в-во будете дѣлать намъ вспоможеніе по 3 милліона ежемѣсячно, или мнѣ не останется другого средства, какъ обременить народъ налогами и дозволить войску жить грабежомъ, а это значитъ, что мы осуждены вѣчно бороться съ инсуррекціею, и наконецъ будемъ вырѣзаны ею всѣ до послѣдняго. Нельзя долгое время вести войну въ этой странѣ, имѣя противъ себя ея жителей и подвергаясь безпрестаннымъ нападеніямъ съ моря“ [3]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять повторяются тѣ же горькія

[1]) Mém. de Massena, V, p. 273—276. — [2]) Mém. de Jos. III, p. 220. — [3]) Ibid. p. 180.

жалобы: знакъ, что присланныя изъ Франціи пособія были недостаточны, и что денежныя средства короля нисколько не увеличились [1]). Поэтому и дѣйствующая армія не получала всѣхъ необходимыхъ ей подкрѣпленій, требованія ея оставались большею частью неудовлетворенными, и слѣдовательно покореніе Калабріи не подвигалось далѣе.

Массена наконецъ потерялъ всякое терпѣніе. Ему наскучила эта столь же безплодная, сколько и безславная борьба, которой не видѣлось впереди никакого конца. Онъ обратился къ королю съ просьбою объ увольненіи. Съ своей стороны Жозефъ тоже не могъ быть очень доволенъ результатами похода, который затянулся на такое долгое время и истощилъ всѣ его средства, и потому не противился много желанію маршала. Получивъ согласіе короля, Массена впрочемъ не хотѣлъ оставить Калабріи безъ свѣжихъ лавровъ. Въ Козенцѣ, на обратномъ пути изъ южныхъ частей провинціи, онъ составилъ планъ двухъ новыхъ экспедицій къ западному берегу. Цѣлію ихъ было обезпечить спокойствіе края съ этой стороны посредствомъ взятія Маратеи и Амантеи. Исполненіе также возложено было на генераловъ Мермѐ и Вердье. Оба они на пути къ своей цѣли встрѣтили чрезвычайныя трудности. Возвышенное положеніе и храбрость защитниковъ дѣлали Маратею и Амантею почти неприступными. Кромѣ того нападающіе должны были безпрестанно опасаться нападенія съ тылу, откуда имъ угрожали искуснѣйшіе предводители инсургентовъ. И это предпріятіе не могло быть скоро приведено къ концу, несмотря на всѣ усилія командующихъ генераловъ. Еще Мермѐ удержался подъ Маратеею, но Вердье долженъ былъ на время снять осаду Амантеи послѣ неудачной попытки овладѣть ею [2]). Потерявъ надежду на скорый успѣхъ, Массена сдалъ команду Ренье и во второй половинѣ декабря уѣхалъ въ Неаполь. Но и тамъ онъ не могъ найти дѣятельности по себѣ, и не видя со стороны короля прежней довѣренности, распростился съ нимъ навсегда и отправился въ главную армію. Жозефъ, отдавая должную справедливость заслугамъ маршала, разстался съ нимъ впрочемъ безъ сожалѣнія.

Менѣе всего занимала экспедиція въ Калабрію самого Наполеона. Не то чтобы онъ не понималъ всей ея важности: напротивъ, онъ очень хорошо зналъ, что въ Калабріи рѣшался во-

[1]) См. ibid p. 248, 249, 250 etc. — [2]) См. Mém. de Massena, V, p. 281; cp. Coletta, 2, VI, 3.

просъ о завоеваніи всего Неаполя, и нѣсколько разъ напоминалъ брату, что надобно спѣшить ея покореніемъ [1]). Но напрасно старались ему растолковать трудности дѣла. Наполеонъ стоялъ на своемъ, что если взяться за него какъ слѣдуетъ, то оно очень скоро можетъ быть приведено къ окончанію. Неаполитанскія высадки съ береговъ Сициліи казались ему нестоющими большого вниманія [2]). Онъ все ждалъ извѣстія о взятіи Реджіо и Шиллы и заранѣе давалъ совѣты, какъ надобно будетъ укрѣпить ихъ, чтобы сдѣлать ихъ недоступными для нападенія.

Опасенія Жозефа за Неаполь также нисколько не безпокоили завоевателя. Его скорѣе радовала, чѣмъ пугала мысль о возможности возстанія въ самой столицѣ завоеваннаго королевства. Мятежъ на улицахъ мирнаго города казался ему истиннымъ благодѣяніемъ, потому что обнаруживалъ дурные соки народонаселенія и уполномочивалъ завоевателя на самыя сильныя средства... Вотъ его собственныя слова: „*Какъ бы желалъ я, чтобы неапольская сволочь взбунтовалась противъ васъ. Вы до тѣхъ поръ не будете располагать ею, пока не проучите ее хотя разъ какъ слѣдуетъ. У каждаго завоеваннаго народа надобно желать возстанія. На бунтъ въ Неаполѣ я бы смотрѣлъ съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ какимъ отецъ семейства долженъ видѣть оспу на своихъ дѣтяхъ: это спасительный кризисъ, если только больной въ состояніи его выдержать*“ [3]). Подумаешь, какая отеческая заботливость! Наполеонъ, кажется, готовъ былъ прививать къ завоеванному народу даже искусственныя болѣзни, чтобы только вызвать наружу такъ называемые имъ вредные соки и потомъ имѣть право лѣчить его по-своему! Что за дѣло, если организмъ больного (не надобно забывать, что этотъ больной былъ цѣлый народъ) сильно пострадаетъ отъ операціи и сдѣлается вовсе неспособнымъ для нѣкоторыхъ жизненныхъ отправленій: за то изъ него навсегда изгнанъ зародышъ опасной болѣзни, и всѣ остальные соки его очищены!

Жозефу, какъ бы онъ ни былъ воспріимчивъ, никогда не войти было сполна въ систему своего брата. Для того онъ былъ слишкомъ добръ и простъ, не довольно подозрителенъ и слишкомъ мало имѣлъ полицейскихъ способностей. Онъ могъ перенять у Наполеона нѣкоторые отдѣльные пріемы, но никогда не въ состояніи былъ усвоить себѣ настоящаго генія

[1]) См. Mém. de Jos. III, p. 138, 145, 167 и др.—[2]) Ibid. p. 159.—[3]) Ibid. p. 127.

его внутренней политики. Чтобы понять ея истинный смыслъ, ему надобно было бы напередъ нѣсколько лѣтъ прослужить агентомъ извѣстнаго рода; чтобы уразумѣть пользу возстанія и услаждаться его неистовыми криками на улицахъ, надобно было пройти напередъ школу потоньше и позамысловатѣе макіавелевской.

Наполеонъ въ правѣ былъ гордиться своимъ изобрѣтеніемъ. Въ его время оно принадлежало ему одному и никому болѣе. Тайна его можетъ-быть никогда бы и не дошла до насъ, если бы не попала въ письма, которыя не предназначались имъ для обнародованія, но по счастію спасены отъ забвенія. По этому случаю дѣйствительно узнаемъ, что Наполеонъ требовалъ отъ брата величайшей тайны для своей переписки съ нимъ. Мы приведемъ одно изъ такихъ объясненій. Рѣчь была объ Рёдерерѣ, котораго Жозефъ хотѣлъ сдѣлать своимъ министромъ финансовъ. Наполеонъ не хотѣлъ много распространяться о немъ и приводилъ тому слѣдующее общее основаніе: „До меня дошло, что письма мои извѣстны многимъ лицамъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію: ихъ цитовали здѣсь, въ Парижѣ, и я дѣйствительно узналъ нѣкоторыя мнѣ принадлежащія выраженія. Получая отъ васъ письма, писанныя вашею собственною рукою, я хочу, чтобы вы и читали мои письма такъ же одни, и тотчасъ запирали бы ихъ на ключъ, дабы никто не могъ прочесть ихъ кромѣ васъ самихъ“ [1]). Нужно было пройти цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, чтобы эти задушевныя мысли Наполеона перестали быть тайною для исторіи. Какъ же хотятъ увѣрить насъ, что отъ времени нечего ожидать для истинной оцѣнки историческихъ дѣятелей.

IX. ПРОДОЛЖЕНІЕ КАМПАНІИ ВЪ КАЛАБРІИ.

Въ концѣ 1806 года вниманіе Наполеона сильно отвлечено было отъ Неаполя событіями въ центральной Европѣ. Какъ ни дорожилъ онъ завоеваніемъ южной Италіи, ему было не до нея, пока не рѣшенъ былъ новый великій споръ въ сѣверной Германіи. Эти обстоятельства также надобно принять къ свѣдѣнію, чтобы понять, почему Наполеонъ нѣкоторое время менѣе занимался дѣлами Неаполя и большею частью оставался глухъ на всѣ просьбы брата о подкрѣпленіяхъ войска и о денежныхъ пособіяхъ.

[1]) Ibid. p. 136.

Относительно новой европейской войны, загорѣвшейся тогда на сѣверѣ Германіи, переписка также сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя. Извѣстно, что послѣ долгаго и томительнаго колебанія Пруссія рѣшилась наконецъ объявить войну Франціи. Это рѣшеніе приготовлялось давно, нѣсколько лѣтъ къ ряду; но созрѣло оно, можно сказать, лишь наканунѣ того дня, когда открылись военныя дѣйствія. За три и даже за два мѣсяца объ немъ едва подозрѣвали въ Европѣ. Въ концѣ августа у Наполеона едва было темное предчувствіе о томъ, что ему грозитъ какая-то опасность съ Востока. „Вамъ ближе всего судить о вашихъ дѣлахъ" — писалъ онъ брату отъ 29 августа — „не теряйте только изъ виду одного: въ случаѣ, если насъ разобьютъ на Изонцо, и непріятель овладѣетъ Миланомъ, чью сторону можетъ взять, по вашему мнѣнію, ваша неаполитанская милиція?" [1]). Въ это время у Наполеона происходили еще переговоры о прочномъ мирѣ съ Англіею и Россіею. Австрія не трогалась и продолжала завѣрять всѣхъ въ своемъ неизмѣнномъ нейтралитетѣ. Въ Пруссіи только въ сентябрѣ начались вооруженія. Наполеонъ не спускалъ глазъ съ ея военныхъ приготовленій, но думалъ, что, по обыкновенію, они кончатся ничѣмъ. „Я писалъ уже вамъ"—такъ начиналось его письмо къ Жозефу отъ 12 сентября — „что Россія отказалась ратификовать заключенный съ нею трактатъ. Пруссія вооружается до смѣшного; но она недолго выдержитъ и скоро прекратитъ свои вооруженія, или дорого заплатитъ за свою попытку. Ничто не можетъ сравниться съ нерѣшительностью прусскаго кабинета. Вѣнскій дворъ продолжаетъ увѣрять меня въ своихъ мирныхъ расположеніяхъ, и я вѣрю имъ, зная его крайнее безсиліе. Какъ бы то ни было, меня не застанутъ врасплохъ: я готовъ на все... Очень можетъ случиться, что черезъ нѣсколько дней я самъ приму команду надъ моею большою арміею. Считая въ ней до 150,000, я могу съ этими силами покорить Вѣну, Берлинъ и Петербургъ", и т. д. [2]). Какъ ни много слѣпой самонадѣянности въ этихъ словахъ, нельзя однако не сознаться, что Наполеонъ очень вѣрно понималъ, такъ сказать, самую натуру берлинскаго кабинета, или одно изъ самыхъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ его свойствъ. Сколько разъ потомъ событія оправдывали мнѣніе, такъ опредѣленно высказанное завоевателемъ!

[1]) Mém. de Joseph, t. III, p. 164—[2]) Ibid. p. 196. Почти тоже повторялъ Наполеонъ въ слѣдующемъ своемъ письмѣ отъ 13 сентября. Ibid p. 199.

Въ какіе-нибудь пять дней послѣ того положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось. Война съ Пруссіею казалась уже Наполеону почти неизбѣжною. „Горизонтъ опять нѣсколько замутился въ Европѣ“—писалъ онъ Жозефу отъ 17 сентября.— „Очень возможно, что въ скоромъ времени у меня дойдетъ съ прусскимъ королемъ до войны.“ Нѣсколько позже, возвращаясь къ тому же предмету, онъ продолжалъ: „Еще дѣло можетъ быть уладится въ теченіе слѣдующихъ осьми или десяти дней; если же нѣтъ, то, при первой же встрѣчѣ съ пруссаками, имъ достанется отъ меня такъ, что все дѣло кончено будетъ въ нѣсколько дней.“ Эти слова опять дышатъ уже извѣстною намъ дерзкою самоувѣренностью завоевателя; но историку нечего скрывать, что въ самомъ непродолжительномъ времени они почти буквально оправданы были событіями. Нерѣдко и притомъ въ огромныхъ предпріятіяхъ расчетъ Наполеона выходилъ вѣренъ математически. На всякій случай впрочемъ онъ считалъ не лишними различныя мѣры предосторожности даже въ Италіи, и между прочимъ предписывалъ Жозефу такъ держать свои войска, чтобы въ короткое время можно было собрать ихъ около Неаполя. Письмо заключалось строгимъ наказомъ хранить его въ тайнѣ отъ всѣхъ. „Повторяю вамъ, вы много повредите себѣ, если это письмо, кромѣ васъ, будутъ читать и другіе. Я имѣю привычку обдумывать за три и даже за четыре мѣсяца, чтó я долженъ дѣлать впередъ, при чемъ разсчитываю обыкновенно на неудачу. Итакъ вы повредите вашему собственному положенію, если другіе будутъ знать, чтó я пишу вамъ“ [1]). Черезъ три дня потомъ онъ опять обращался къ брату и давалъ ему нѣкоторые дипломатическіе совѣты относительно того, какъ онъ долженъ вести себя въ случаѣ войны на сѣверѣ. „Читайте и перечитывайте мои письма, которыя я писалъ вамъ въ послѣднее время, и не чувствительно, и въ то же время неуклонно, исполняйте изложенныя въ нихъ распоряженія. Какъ скоро слухъ о новыхъ вооруженіяхъ дойдетъ до Неаполя, вы съ своей стороны увѣряйте, что дѣло уладится; а когда получены будутъ извѣстія о первыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, ваше дѣло будетъ говорить всѣмъ, что мы дѣйствуемъ въ соглашеніи съ Англіей, чтобы принудить Пруссію уступить намъ Ганноверъ. Пока лордъ Лаудерданъ (англійскій посланникъ) находится въ Парижѣ, никому не покажется это извѣстіе невѣроятнымъ.“

[1]) Ibid. p. 208—209.

Искусствомъ извлекать пользу изъ одного только факта присутствія того или другого оффиціальнаго лица въ извѣстномъ мѣстѣ, какъ всякій видитъ, Наполеонъ также владѣлъ въ высокой степени. „Вы нисколько не должны безпокоиться за себя“—прибавлялъ онъ въ концѣ письма Жозефу. — „Вы не прежде узнаете о моемъ прибытіи къ арміи и объ открытіи непріятельскихъ дѣйствій, какъ получивъ извѣстіе о моихъ успѣхахъ“ [1]).

И тутъ расчетъ Наполеона оказался почти буквально вѣрнымъ. Со времени отъѣзда своего изъ Парижа къ арміи (24 сентября), онъ извѣщалъ брата о продолженіи своего пути лишь краткими записочками, въ родѣ бюллетеней. Только въ послѣдней изъ нихъ, писанной изъ Бамберга (7 октября), прибавлено было нѣсколько строкъ, которыми Наполеонъ хотѣлъ извѣстить Жозефа о формальномъ объявленіи войны со стороны Пруссіи. „Пруссія сдѣлала шагъ“—писалъ онъ—„который есть истинное сумашествіе (un véritable délire). Военная партія рѣшительно восторжествовала въ кабинетѣ“. Это горькое слово сказано было не совсѣмъ напрасно. Объявленіе войны Наполеону со стороны берлинскаго кабинета дѣйствительно было самое неблаговременное. Со времени заключенія Базельскаго договора, Пруссія цѣлыя десять лѣтъ упорно хранила миръ несмотря на множество благопріятныхъ случаевъ и неизбѣжныхъ поводовъ къ войнѣ съ Франціей. Она не поддавалась никакимъ искушеніямъ, не склонялась ни на какія стороннія убѣжденія, равнодушно выносила многія оскорбленія ея чести и интересовъ, видѣла со дня на день возрастающее могущество своего стараго противника и сложа руки смотрѣла, какъ онъ раскидывалъ около нея свои опасныя сѣти. Пруссія оставалась неподвижною даже въ рѣшительную минуту второй борьбы Наполеона съ Австріей и не сдѣлала шагу, чтобы остановить успѣхи его въ западной и южной Германіи. Она преспокойно дала ему связать руки Австріи и подвести войска къ самой прусской границѣ, и тогда только пробудилась отъ усыпленія, когда лучше всего было бы не пробуждаться и пережидать грозу, хотя бы въ тревожномъ снѣ. Не давъ оправиться Австріи, не обезпечивъ себя крѣпкимъ союзомъ съ Россіею, Пруссія сама объявила войну Наполеону, когда онъ ждалъ только движенія съ ея стороны, чтобы опустить давно занесенную на нее желѣзную руку завоевателя. Никто не ста-

[1]) Ibid. p. 211.

нетъ отрицать, что пруссаки ринулись въ этотъ неравный споръ, подвигнутые чувствомъ оскорбленнаго національнаго достоинства, и что, когда они шли на бой, сердца ихъ бились высокимъ патріотическимъ воодушевленіемъ. Но было уже поздно... благопріятный часъ давно прошелъ, и тѣ, которые принимались за работу, пропустивъ его, заранѣе были осуждены на всѣ тяжелыя послѣдствія неблаговременно начатаго дѣла—на скорый упадокъ силъ и крайнее изнуреніе.

Слѣдующимъ же письмомъ своимъ, писаннымъ уже въ Потсдамѣ черезъ нѣсколько дней послѣ кровавыхъ побоищъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, Наполеонъ коротко извѣстилъ брата о своихъ новыхъ блестящихъ успѣхахъ. Эти новыя побѣды еще больше подняли его гордую самоувѣренность. Онъ уже въ цѣломъ мірѣ не видѣлъ болѣе достойныхъ себѣ соперниковъ. „Я раздавилъ Пруссію и точно такъ же раздавлю ея союзниковъ, если они придутъ къ ней на помощь. Австрійцы болѣе не страшны мнѣ, и вы можете удержать у себя всѣ ваши войска: я не имѣю въ нихъ болѣе нужды“ [1]). Затѣмъ ему оставалось только извѣщать брата о дальнѣйшихъ движеніяхъ своей побѣдоносной арміи и исчислять ему свои трофеи, которыхъ число умножалось съ каждымъ днемъ... Находясь въ Берлинѣ, Наполеонъ между прочимъ писалъ къ Жозефу, чтобы онъ выслалъ къ нему Массену, если не находитъ для него приличнаго занятія въ Неаполѣ [2]). Вслѣдствіе этого маршалъ дѣйствительно прибылъ черезъ нѣсколько времени къ арміи Наполеона и получилъ начальство надъ однимъ изъ ея корпусовъ.

Отъ крупныхъ событій большой европейской войны обратимся снова къ мелочнымъ подробностямъ покоренія возставшей провинціи.

Въ Калабріи послѣ отъѣзда Массены дѣло шло тихо, медленно, хотя не менѣе успѣшно. Наполеоновскіе тріумфы праздновались въ Неаполѣ, но не производили почти никакого дѣйствія на отдаленныя провинціи. Вести войну энергически, какъ требовалъ того Наполеонъ, король попрежнему не имѣлъ достаточныхъ средствъ. Онъ постоянно долженъ былъ требовать отъ наполеоновскаго правительства денежнаго пособія для содержанія своей арміи, а ему большею частью отвѣчали пышными словами и успокоительными фразами: „Въ вашихъ рукахъ“—писалъ ему Наполеонъ—„государство богатое и хорошо

[1]) Ibid. p. 225. — [2]) Ibid. p. 232.

населенное: съ Божіей помощію, оно будетъ могущественно и счастливо. Примите отъ меня искреннѣйшія желанія благоденствія вамъ и вашему царствованію и во всѣхъ обстоятельствахъ разсчитывайте на мое братское къ вамъ расположеніе" [1]).

Несмотря на эти великодушныя увѣренія денежныя пособія приходили къ Жозефу рѣдко и въ недостаточномъ количествѣ, да сверхъ того, время отъ времени, онъ долженъ былъ отсылать нѣкоторые свои полки къ большой арміи, ибо, завязавшись въ трудную войну съ Россіей, Наполеонъ опять началъ чувствовать нужду въ свѣжихъ войскахъ для пополненія своихъ убылей. Берега Неаполя попрежнему содержимы были въ блокадѣ. Владѣя всѣми сообщеніями моремъ, англичане безпрестанно показывались то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и выбрасывали на берега Калабріи цѣлыя толпы людей съ оружіемъ и большіе запасы военныхъ снарядовъ. Нѣсколько англійскихъ фрегатовъ постоянно держались въ самомъ заливѣ, хотя ничего не предпринимали противъ города [2]). Въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ или четырехъ дней Жозефу приходилось извѣщать брата о нѣсколькихъ высадкахъ [3]). Если внутри провинціи возстаніе и было подавлено, то на оконечностяхъ все еще не было никакой безопасности отъ сторукаго и неуловимаго исполина, который издалека протягивалъ свои руки, и какъ быстро показывался, такъ же проворно и исчезалъ въ широкихъ пространствахъ моря. Главная бѣда состояла въ томъ, что, поражая его по частямъ, нельзя было нанести ему одного чувствительнаго удара, который бы надолго отбилъ въ немъ охоту мѣшаться во внутреннія дѣла полуострова. Лишь къ концу февраля 1807 г. Калабрія нѣсколько поуспокоилась и съ этой стороны. Открывшаяся тогда война Англіи съ Портою заставила англійское правительство отправить бóльшую часть своей сицилійской эскадры въ Константинопольскій проливъ. Но отдыхъ былъ весьма кратковременный. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ англичане опять успѣли собрать около Мессинскаго пролива значительныя морскія силы и вновь угрожали вторженіями во владѣнія Жозефа. Сицилійское правительство сверхъ того готовило отъ себя новую экспедицію въ Калабрію и думало поручить ее храброму защитнику Гаэты, принцу Гессенъ-Филипстальскому, который оправился отъ своихъ ранъ и искалъ себѣ новой дѣятельности [4]).

[1]) См. письмо отъ 28 января 1807 г. Mém. de Joseph, III, p. 298. — [2]) Ibid. p. 305.— [3]) См. напр. письма отъ 29 янв. и 2 февр. Ibid. p. 300—303.— [4]) Ibid. p. 361.

Генералъ Ренье получившій команду послѣ Массены, имѣлъ положительное предписаніе отъ короля не дробить своихъ силъ на мелкіе отряды, не заходить слишкомъ далеко въ глубь Калабріи, не прикрывши, какъ слѣдуетъ, своихъ сообщеній, и вообше стараться держать свои силы въ сборѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не затруднить себѣ отступленія. Впрочемъ Ренье и самъ довольно наученъ былъ благоразумію прежними несчастными опытами и дѣйствовалъ съ большею осмотрительностью, не выставляясь много впередъ [1]). Движенія его были не очень быстры и блестящи, но за то надежны и способны дать болѣе прочные результаты, чѣмъ какіе достигнуты были его предшественникомъ. Притомъ же Ренье имѣлъ на своей сторонѣ и нѣкоторыя нравственныя преимущества, вслѣдствіе чего и самый характеръ войны измѣнился къ лучшему. Если новый главнокомандующій уступалъ своему предшественнику въ безтрепетной непоколебимости, то онъ не могъ также поравняться съ нимъ и въ безпощадности въ отношеніи къ своимъ упорнымъ противникамъ. Взаимному ожесточенію не было болѣе той пищи, которую оно находило себѣ при Массенѣ. Самое же высокое достоинство Ренье состовляла его неподкупная честность — добродѣтель очень простая, но которая, къ сожалѣнію, не была очень обыкновеннымъ явленіемъ между французскими генералами, служившими тогда въ неаполитанской арміи. Относительно честности преемника Массены мы имѣемъ самыя положительныя свидѣтельства Жозефа, тѣмъ болѣе важныя, что они, по всей вѣроятности, были вызваны сравненіемъ между обоими генералами. „Ренье“ — писалъ онъ Наполеону—„пользуется любовью жителей края по причинѣ своей всѣмъ извѣстной честности; я очень доволенъ имъ: онъ успѣлъ сдѣлать многое въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль“. Безъ сомнѣнія, эти успѣхи много зависѣли и отъ того, какъ онъ поставилъ себя въ отношеніи къ мѣстному населенію. Впослѣдствіи Жозефъ имѣлъ случай убѣдиться своимъ собственнымъ наблюденіемъ въ томъ уваженіи, которое Ренье успѣлъ внушить къ себѣ въ занимаемой имъ и не совсѣмъ еще успокоенной провинціи. „Я знаю“—писалъ онъ генералу изъ Тарента, куда проѣхалъ изъ Калабріи—„что вы все такъ же продолжаете пользоваться уваженіемъ благонамѣренныхъ людей, и что число вашихъ приверженцевъ постоянно

1) См. инструкцію Жозефа Ренье и письмо къ Наполеону. Ibid. p. 284 и 318.

увеличивается благодаря особенно вашему безкорыстію и обходительности. Я самъ объѣхалъ нѣкоторыя части провинціи и очень доволенъ ими" [1]). Что можно еще прибавить къ чести генерала, умѣвшаго внушить и поддержать уваженіе къ себѣ среди враждебнаго народонаселенія, которое онъ призванъ былъ усмирить своимъ оружіемъ?

Во все время своихъ дѣйствій въ Калабріи Ренье довольно близко держался данной ему инструкціи. Занимая главными силами внутренность провинціи, онъ посылалъ къ берегамъ лишь небольшіе отряды, которые, въ случаѣ неудачи, всегда имѣли готовую поддержку въ близкихъ къ нимъ резервахъ. Главная цѣль его дѣятельности состояла въ томъ, чтобы покорить одно за другимъ всѣ крѣпкія мѣста по берегу моря, находившіяся еще въ рукахъ инсургентовъ. Первыя дѣйствія противъ береговыхъ крѣпостей открыты были еще при Массенѣ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ послѣднихъ его распоряженій было отрядить генерала Вердье противъ Амантеи. Но маршалу пришлось уѣхать изъ Калабріи, не дождавшись свѣжихъ лавровъ. Вердье, имѣвшій въ своемъ распоряженіи болѣе 3000 человѣкъ, встрѣтилъ въ защитникахъ крѣпости достойныхъ себѣ противниковъ. Для обороны своей, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, Амантея имѣла только три желѣзныя пушки (?); гарнизонъ ея состоялъ большею частью изъ вооруженныхъ инсургентовъ. Но ими командовалъ храбрый полковникъ Марабелли: онъ умѣлъ вдохнуть въ нихъ духъ необоримаго мужества и такъ хорошо распорядился своими недостаточными средствами защиты, что французы были совершенно отбиты при первомъ покушеніи овладѣть крѣпостью. Вторая попытка была такъ же неудачна, какъ и первая. Вердье надѣялся завладѣть городомъ врасплохъ, подойдя къ нему съ той стороны, которая наименѣе была защищена противъ нечаяннаго нападенія. Съ этою цѣлью въ одну темную декабрьскую ночь выслань былъ изъ французскаго лагеря небольшой отрядъ охотниковъ. Семь человѣкъ изъ нихъ, пробираясь ползкомъ между утесами, успѣли такъ близко подойти къ непріятельскимъ форпостамъ, что могли слышать ихъ говоръ. За передовыми слѣдовала цѣлая густая колонна съ лѣстницами и веревками, какъ ходятъ обыкновенно на приступъ. Другія колонны готовы были поддержать первую, ударивъ въ то же время на городъ съ прочихъ сторонъ. Нападающимъ оставалось сдѣлать лишь нѣсколько

[1]) Ibid. p. 307 и 333.

шаговъ впередъ. Вдругъ между осажденными послышался дѣтскій крикъ: „французы!“ Люди, занимавшіе передніе посты, вмигъ встрепенулись и дали залпъ изъ ружей. Пули, хотя пущенныя наудачу, вырвали нѣсколько человѣкъ изъ французскихъ рядовъ; но какъ раненые, такъ и ихъ товарищи, чтобы не измѣнить себѣ и другимъ, притихли, такъ что гарнизонъ, не замѣчая и не слыша никакого движенія, опять успокоился. Защитники Амантеи думали, что вся тревога произошла изъ пустого страха, и кто-то даже прикрикнулъ на ребенка за то, что онъ понапрасну пугаетъ другихъ. Въ эту минуту раздался пушечный выстрѣлъ и внезапнымъ блескомъ своимъ обличилъ близкое присутствіе штурмовыхъ колоннъ непріятеля. Тогда нападающіе принуждены были ускорить свою атаку и встрѣтили на всѣхъ пунктахъ бдительныхъ стражей и неодолимый отпоръ на укрѣпленіяхъ. Нѣсколько разъ они возобновляли нападеніе и всякій разъ были отбиваемы. Наконецъ генералъ велѣлъ ударить отбой, и черезъ нѣсколько времени потомъ, снявши свой лагерь передъ Амантеею, возвратился опять въ Козенцу [1]).

Чтобы загладить слѣдъ этой неудачи, настойчивый Ренье, вскорѣ по принятіи команды отъ маршала, снова отправилъ того же генерала противъ Амантеи. На этотъ разъ Вердье лучше былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для веденія осады, и могъ воспользоваться даже прежними своими ошибками для болѣе успѣшнаго окончанія дѣла. Онъ и взялся за него теперь другимъ образомъ. Не прежде, какъ пробивши широкую брешь въ стѣнѣ, рѣшился онъ возобновить атаку противъ крѣпости. Но и это нисколько не поколебало мужественныхъ защитниковъ Амантеи: они попрежнему продолжали отбиваться отъ нападеній. Тогда наведена была мина противъ одного изъ двухъ бастіоновъ, въ которыхъ сосредоточены были главныя средства обороны, и только разрушивъ его, французы снова пошли на приступъ, — но и на этотъ разъ безуспѣшно, потому что осажденные, удалившись за вторую линію укрѣпленій, наносили оттуда такой вредъ непріятелю, что онъ не могъ долго удержаться въ занятой имъ позиціи и принужденъ былъ снова начать отступленіе. Мы передаемъ эти извѣстія со словъ одного очевидца, который самъ участвовалъ въ послѣдней осадѣ Амантеи (съ французской стороны) и впослѣдствіи составилъ себѣ очень извѣстное имя. Цѣлые сорокъ дней стоялъ Вердье

1) Подробности этого нападенія взяты нами у Колетты, 2, IV, 3.

во второй разъ подъ стѣнами крѣпости, и если наконецъ могъ вступить въ нее побѣдителемъ, то этимъ обязанъ былъ не столько успѣхамъ своего оружія, сколько совершенному изнуренію ея защитниковъ, которые истощили всѣ свои припасы и терпѣли нужду всякаго рода. Амантея сдалась французамъ на почетныхъ условіяхъ для храбраго гарнизона. Капитуляція была подписана во второй половинѣ февраля; вся же осада, если считать только отъ перваго похода Вердье, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ [1]).

За Амантеею послѣдовала сдача Бельмонте и Фьуме-Фреддо. Спустя нѣсколько времени французы успѣли возвратить также одно укрѣпленное мѣсто на восточномъ берегу, которое находилось во власти инсургентовъ со времени отступленія Ренье изъ нижней Калабріи. Взятіе Котроне стоило французамъ гораздо менѣе усилій; за то впрочемъ, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, побѣдитель не могъ предписать отъ себя никакихъ условій защищавшему ее гарнизону. Отрѣзанные даже отъ моря, малочисленные защитники котронской цитадели скоро приведены были въ самое крайнее положеніе. Въ виду города крейсировали англійскія военныя суда, но не подходили близко къ берегу. Не зная употребленія морскихъ знаковъ, осажденные не могли обратиться къ нимъ за помощью. Часто впрочемъ отчаяніе родитъ мысль о смѣлыхъ подвигахъ. Въ подтвержденіе этой истины защитники Котроне прибавили еще одинъ опытъ ко множеству прежнихъ, сохраненныхъ исторіею. Трое смѣльчаковъ, вышедши ночью изъ крѣпости, пробрались никѣмъ не замѣченные черезъ французскую линію, достигли самаго берега и тотчасъ бросились въ море. Тогда только увидѣли ихъ непріятельскіе часовые и пустили по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Изъ отважныхъ пловцовъ одинъ былъ убитъ на мѣстѣ, гдѣ застигла его пуля, другой тяжело раненъ, но третій счастливо добрался до англійскаго фрегата и былъ принятъ на бортъ его. Въ слѣдующую же ночь корабль близко подошелъ къ берегу. Между тѣмъ весь горнизонъ собрался у одного выхода, и какъ только поданъ былъ условный знакъ съ корабля, съ оружіемъ въ рукахъ вышелъ изъ крѣпости по направленію къ морю, и безпрестанно сражаясь, проложилъ себѣ путь до самой пристани [2]). Французы тотчасъ послѣ того заняли Котроне, но не нашли

[1]) См. Mém. du général Pepe, 1, p. 300—301; ср. Coletta, ibid.—[2]) Coletta, ibid.

тамъ ни одного офицера, который бы могъ подписать капитуляцію о сдачѣ города.

Послѣ того какъ французамъ удалось снова утвердиться на восточномъ и западномъ берегу, можно было бы ожидать, что Ренье предприметъ движеніе въ южную Калабрію противъ Шиллы и Реджіо. Но разныя обстоятельства замедлили на нѣкоторое время исполненіе этого плана. Со стороны Ренье не было недостатка въ рѣшимости, но ему связаны были руки инструкціями, которыя составлялись въ Неаполѣ. Мы уже знаемъ, въ чемъ состояла сущность ихъ. Опасаясь за сообщенія своей арміи, Жозефъ предписывалъ ему не выдвигаться слишкомъ впередъ. Въ апрѣлѣ онъ повторялъ ему то же самое, что говорилъ въ началѣ года. „Настоящее политическое состояніе Европы"—писалъ онъ Ренье отъ 7 апрѣля—„заставляетъ меня болѣе, чѣмъ когда-нибудь, требовать отъ васъ, чтобы вы съ своей стороны также содѣйствовали исполненію принятаго мною плана—имѣть всегда возможность по первому востребованію соединить всѣ наши силы въ центрѣ государства" [1]). Уже изъ этого общаго наказа видно, что покореніе крайняго прибрежья, лежащаго близь Мессинскаго пролива, пока не входило въ планъ короля. Онъ боялся слишкомъ завязывать свои силы на югѣ Италіи, когда еще не рѣшено было, какой исходъ приметъ великая борьба, происходившая въ то же время на сѣверо-востокѣ Европы. Дальнѣйшія слова инструкціи еще больше подтверждаютъ то же предположеніе. Упомянувъ о нижней Калабріи, Жозефъ положительно предписывалъ Ренье не держать въ ней другихъ войскъ, кромѣ небольшого отряда генерала Абе (Abbée). Всякій пойметъ, что если силы этого отряда достаточны были для сохраненія порядка внутри провинціи, то нельзя было возлагать на него же покореніе укрѣпленныхъ мѣстъ на ея оконечности, которыя заняты были храбрыми гарнизонами и имѣли сообщенія съ Сициліею.

Ренье оставалось послѣ того лишь справляться съ вооруженными скопищами, которыя время отъ времени появлялись во внутреннихъ частяхъ Калабріи. Эту задачу онъ могъ исполнить тѣмъ легче, чѣмъ менѣе силы его были развлечены оборонительными дѣйствіями на берегахъ. Край начиналъ понемногу успокоиваться. Жозефъ нѣсколько разъ выражалъ Наполеону свое довольство внутреннимъ состояніемъ провинціи [1]). Спокойствіе приводило съ собою и увѣренность въ прочности

1) Mém. de Jos. III, p. 331. 2) См. напр. ibid. p. 330, 342 etc.

завоеванія. Еще на стѣнахъ Шиллы и Реджіо развивалось старое неаполитанское знамя, какъ у завоевателей Калабріи снова появилась забытая мысль о походѣ въ Сицилію. Повидимому, она возродилась опять въ головѣ самого короля, обольщеннаго внутреннею тишиною края и благопріятными обстоятельствами внѣшними. Предпріятіе казалось тѣмъ исполнимѣе, что вниманіе англичанъ, по случаю разрыва съ Портою, обращено было тогда на Египетъ, къ берегамъ котораго они отправили значительную часть своихъ морскихъ силъ [1]). Но прежде, чѣмъ мысль эта созрѣла до опредѣленнаго плана, и собраны были средства для ея осуществленія, со стороны Сициліи послѣдовало новое воинственное движеніе, которое еще разъ грозило поставить на карту французское завоеваніе на югѣ Италіи.

19 мая 1807 года, когда король, объѣзжавшій внутреннія провинціи, находился въ Аквилѣ, прискакалъ къ нему курьеръ отъ главнокомандующаго южною арміею съ извѣстіемъ, что принцъ Гессенъ-Филипстальскій посадилъ войска на суда въ Мессинѣ и отправился съ ними къ берегамъ Калабріи [2]). Первое время не знали ни численныхъ силъ непріятеля, ни даже того, какія это были войска — неаполитанскія или англійскія. Слухи, разумѣется, преувеличивали размѣры сицилійской экспедиціи въ Калабрію до чрезвычайности. Лишь впослѣдствіи оказалось, что ихъ было немного болѣе 5000 и въ томъ числѣ—ни одного англійскаго солдата. Но начальникъ ихъ разсчитывалъ сверхъ того на общее возстаніе не только въ Калабріи, но и во всѣхъ прочихъ неаполитанскихъ провинціяхъ. Расчетъ его былъ довольно вѣрный: онъ основанъ былъ на существованіи обширнаго заговора внутри государства, который имѣлъ свой центръ въ самомъ Неаполѣ. Но неаполитанская полиція скоро напала на слѣды заговора и захватила главныхъ соумышленниковъ. Начатый противъ нихъ процессъ заставилъ примолкнуть и всѣхъ прочихъ, которые ждали только сигнала, чтобы взяться за оружіе. Такимъ образомъ вышедшая изъ Мессины экспедиція предоставлена была лишь своимъ собственнымъ силамъ. Жозефъ, сначала встревоженный, скоро опять успокоился и не хотѣлъ даже прерывать своего путешествія. Онъ очень хорошо понялъ, что, ввѣривши разъ армію опытному и знающему свое дѣло генералу, не должно стѣснять его дѣйствій, особенно въ чрезвычайныхъ обстоятель-

1) См. ibid. p. 344.— 2) Ibid. p. 361—365.

ствахъ, тѣмъ менѣе заставить его дѣлать каждый шагъ по указкѣ. Поэтому, отложивши въ сторону свои прежнія инструкціи, онъ писалъ только къ Ренье по случаю новаго вторженія въ Калабрію, чтобы тотъ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, и съ своей стороны старался лишь поддержать въ немъ рѣшимость и предпріимчивость. Прежній планъ скорѣйшаго сосредоточенія всѣхъ войскъ въ одномъ пунктѣ сохранялъ свою силу единственно на тотъ случай, когда бы англичане вновь угрожали нападеніемъ на неаполитанскія владѣнія. „Что же касается до высадокъ принца Филипстальскаго и подобныхъ ему князей"—писалъ Жозефъ къ Ренье отъ 26 мая—„то отъ васъ зависитъ опрокинуть ихъ и отбросить къ морю, не спрашиваясь у меня совѣта. Я не буду дожидаться васъ, чтобы повторить надъ ними тотъ же самый опытъ и ближе къ Неаполю... Если вы считаете за нужное опрокинуть ихъ, это ужъ будетъ ваше дѣло. Вамъ же лучше судить о мѣстѣ и времени, гдѣ и когда приличнѣе это сдѣлать. Вы однимъ словомъ полный хозяинъ вашихъ дѣйствій противъ нихъ" [1]. Тотъ же наказъ повторялъ онъ и въ слѣдующемъ письмѣ: „Если бы англичане угрожали намъ серьезною высадкою, тогда намъ слѣдовало бы сосредоточить наши силы; но теперь я того мнѣнія, что вы сами должны атаковать непріятеля съ тѣми войсками, которыя находятся въ вашемъ распоряженіи въ обѣихъ Калабріяхъ". Онъ возвращался къ той же мысли еще нѣсколько разъ, и послѣднее его слово было: „уничтожьте Филипстадта", какъ называлъ онъ принца Филипстальскаго, по французскому обычаю нѣсколько измѣняя его фамильное имя [2].

Эти увѣщанія были не совсѣмъ лишнія. Ренье въ первую минуту показалъ нѣкоторое колебаніе. Урокъ, полученный имъ при Майдѣ не прошелъ ему даромъ и даже, кажется, слишкомъ крѣпко засѣлъ у него въ головѣ. Онъ уже не чувствовалъ прежней необузданной смѣлости, и когда дошла до него вѣсть, что сицилійское войско высадилось между Пальмой и Пиццо, и что стоявшій около тѣхъ же мѣстъ отрядъ генерала Абе, вмѣсто того, чтобы стараться удержать непріятеля, отошелъ назадъ, первымъ его дѣломъ было тоже начать отступленіе изъ Монтелеоне, гдѣ находилась въ то время главная его квартира. Между тѣмъ принцъ Филипстальскій продолжалъ наступать по тому же направленію и скоро достигъ Милето, который лежитъ на одинъ переходъ отъ Монтелеоне.

[1]) Ibid. p. 365—66.—[2]) Ibid. p. 370.

При настоящемъ упадкѣ духа отступленіе Ренье легко могло обратиться въ бѣгство передъ непріятелемъ. Но въ немъ дѣйствовалъ не страхъ, а только излишекъ благоразумія и осторожности. Скоро врожденная ему храбрость взяла верхъ надъ нерѣшительностью. Стянувъ къ себѣ ближайшія подкрѣпленія, Ренье повернулъ свой фронтъ и смѣло пошелъ противъ непріятеля, предупреждая дальнѣйшее его движеніе. Силы французовъ и ихъ противниковъ были почти равны, когда они встрѣтились у Милето. Тѣ и другіе имѣли въ своихъ рядахъ отъ 4 до 5 тысячъ [1]. Но сицилійскія войска имѣли сверхъ того за собою самый городъ и могли защищаться въ немъ. Распоряженія Ренье — разсказываетъ очевидецъ, самъ участвовавшій въ битвѣ — на этотъ разъ отличались столько же благоразуміемъ, сколько и искусствомъ. Онъ выслалъ впередъ застрѣльщиковъ, которые взяли непріятеля во флангъ и въ самомъ началѣ дѣла нанесли ему чувствительный вредъ. Между тѣмъ одинъ пѣхотный полкъ зашелъ въ бокъ правому крылу сицилійцевъ и отрѣзалъ его отъ города. Непріятельская кавалерія, вдругъ выступившая изъ улицъ Милето, произвела было нѣкоторое колебаніе въ рядахъ французовъ; но тогда Ренье двинулся впередъ съ своими колоннами и смѣлымъ ударомъ опрокинулъ непріятеля. Сицилійцы уже не отступали, но бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ. Французамъ оставалось только забирать плѣнниковъ. Въ нѣсколько часовъ экспедиціонная армія почти не существовала. Принцъ Филипстальскій ушелъ съ остатками ея въ Реджіо, чтобы тотчасъ же сѣсть на суда и отплыть обратно въ Сицилію. Генералъ Абе по его слѣдамъ вступилъ въ Реджіо и занялъ его французскимъ гарнизономъ. Едва нарушенное спокойствіе въ нижней Калабріи снова было возстановлено.

Милетская битва въ нѣкоторой степени загладила стыдъ пораженія, понесеннаго тѣмъ же генераломъ въ битвѣ при Майдѣ. Она же надолго положила конецъ вторженіямъ со стороны Сициліи. Вся задача ограничивалась теперь покореніемъ немногихъ крѣпкихъ мѣстъ на берегу моря. Изъ нихъ городъ Реджіо былъ уже занятъ французами, но за то они еще разъ потеряли Котроне, какъ скоро стоявшій тамъ гарнизонъ, по случаю сицилійской высадки, вышелъ на соединеніе съ главною арміею.

[1] Пепе впрочемъ уменьшаетъ это число до 3000. См. Mém du gén. Pepe, I, p. 304. Ср. Mém. de Jos. III, p. 376.

Вѣрный своему обычаю Наполеонъ продолжалъ все это время обмѣниваться съ братомъ письмами. Но военныя обстоятельства не оставляли ему много свободы и потому участіе его въ корреспонденціи было менѣе дѣятельно, чѣмъ прежде. Не только требованія, но и самые запросы Жозефа нерѣдко оставались безъ отвѣта съ его стороны. Наполеону было не до того: событія на сѣверо-востокѣ Европы, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное личное участіе, находясь самъ при большой дѣйствующей арміи, были такъ велики, что отдаленная Калабрія и даже весь Неаполь часто вовсе уходили у него изъ виду. При потрясающемъ громѣ такихъ битвъ, какъ Эйлауская и Фридландская, можно ли было внимательно прислушиваться ко всему, что въ то же время происходило въ отдаленномъ углу южной Италіи, въ мелкой борьбѣ нѣсколькихъ регулярныхъ полковъ съ инсуррекціею, на половину уже обезоруженной.

Любопытно наблюдать за Жозефомъ въ то время, когда онъ наиболѣе былъ предоставленъ самому себѣ, или наименѣе связанъ тѣми повелительными совѣтами, которые присылались къ нему въ видѣ писемъ за наполеоновскою печатью и до сего времени заправляли всѣми его дѣйствіями. Къ чести Жозефа надобно сказать, что недостатокъ внѣшнихъ побужденій нисколько не почувствовался на его дѣятельности. Онъ хорошо понималъ какъ свои интересы, такъ и свои обязанности, и по доброй волѣ исполнялъ ихъ съ неменьшимъ усердіемъ. Мы видѣли распорядительность его относительно военныхъ дѣлъ въ предѣлахъ государства. Если она и не была очень блистательна, то нельзя также назвать ее и несообразною съ цѣлью. Кромѣ того Жозефъ весьма дѣятельно занимался важными реформами внутри своего государства, которыя во многомъ должны были измѣнить къ лучшему его устройство и администрацію [1]. Много требовалось усилія со стороны благонамѣреннаго правителя, чтобы снять съ этой несчастной страны вѣковую кору и ржавчину безчисленныхъ административныхъ и другихъ злоупотребленій. Взявшись однажды за дѣло, Жозефъ работалъ надъ нимъ безъ устали. Наконецъ онъ находилъ еще время для личныхъ наблюденій за разными отраслями большого государственнаго хозяйства и въ нѣсколько поѣздокъ посѣтилъ Калабрію, Апулію и Абруццы, вездѣ оста-

[1] О внутреннихъ реформахъ Жозефа въ Неаполѣ мы предоставляемъ себѣ говорить впослѣдствіи въ особой статьѣ.

вляя по себѣ добрую память разными благодѣтельными мѣрами и учрежденіями.

Еще дѣйствія неаполитанской полиціи отзывались прежнимъ инквизиціоннымъ духомъ, еще злой геній Саличетти умѣлъ находить среди покорнаго населенія новыя жертвы своей подозрительности: но самъ король былъ большею частью чуждъ его жестокихъ мѣръ, хотя можетъ-быть и не довольно твердо противодѣйствовалъ ему съ своей стороны. По крайней мѣрѣ честность его собственныхъ побужденій и намѣреній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этотъ періодъ они обнаружились гораздо яснѣе, чѣмъ прежде. Извѣстно, что съ самаго начала своего правленія въ Неаполѣ онъ долженъ былъ отстаивать передъ Наполеономъ нѣкоторыхъ имъ самимъ избранныхъ министровъ и чиновниковъ, какъ-то: Матьё, Дюма, Рёдерера и др. Но что́ прежде дѣлалось по личнымъ симпатіямъ, то стало теперь дѣломъ убѣжденія. Жозефъ защищалъ теперь уже не лица, а тѣ постоянныя правила, которыми они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ, и которыя, къ сожалѣнію, такъ мало имѣли цѣны въ глазахъ самого завоевателя. Здѣсь особенно чувствуется глубокое различіе между двумя братьями, и геніальность одного и посредственность другого нѣкоторымъ образомъ уравновѣшиваются между собою различною мѣрой ихъ нравственныхъ качествъ. „*Въ моихъ глазахъ*“ — писалъ онъ Наполеону отъ 26-го марта съ не совсѣмъ обычною откровенностью — „*честный человѣкъ имѣетъ гораздо болѣе цѣны, чѣмъ способный человѣкъ*. Лица же, въ которыхъ оба эти качества соединяются вмѣстѣ, дороже для меня, чѣмъ цѣлый лишній полкъ въ арміи. Вотъ почему я такъ держусь такихъ людей, какъ Ренье, Партуно, Донзело, Ламаркъ, Журданъ, Салиньи, Матьё, и вотъ почему я такъ много цѣню Редерера и Дюма“ [1]. Генерала Партуно онъ впослѣдствіи особо рекомендовалъ Наполеону, какъ человѣка, который своимъ отличнымъ поведеніемъ, своею честностью, усердіемъ и успѣхами думалъ заслужить всеобщее уваженіе [2]. На долю Ренье, Дюма, Рёдерера часто выпадали въ корреспонденціи подобные же лестные отзывы, болѣе всего въ пользу ихъ честности. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Жозефъ опять возвращался къ главному своему правилу относительно выбора себѣ помощниковъ. „Я соглашаюсь“ — писалъ онъ — „что не владѣю искусствомъ, подобно в. в—ву, употреблять въ пользу людей всякаго рода,

1) Mém. de Jos. III, p. 323–24. — 2) Ibid. p. 364.

давая каждому изъ нихъ назначеніе по его способностямъ. *Что касается до меня, то мнѣ нужны честные люди, на которыхъ бы я могъ положиться съ полною довѣренностью*. Вотъ почему я такъ дорожу Донзело и Ламаркомъ; то же могу сказать и о другихъ, которые въ настоящее время служатъ мнѣ въ Неаполѣ. Повѣрите ли, что похвалы, заслуженныя генераломъ Партуно въ Абруццахъ, доходятъ до меня даже въ Неаполѣ, несмотря на сто миль, насъ раздѣляющихъ. То же самое могу утверждать о генералѣ Ренье, дѣйствующемъ въ Калабріи" [1]). Что Жозефъ приводилъ свои правила не для парада, но дѣйствительно имѣлъ доброе желаніе руководиться ими въ самой своей дѣятельности, доказательствомъ служитъ то, что они же встрѣчаются въ простой задушевной перепискѣ его съ женою. „Могу сказать съ гордостью"—писалъ онъ ей—„что я живу, чтобы служить справедливости, а она состоитъ для меня въ томъ, чтобы сдѣлать народъ мой счастливымъ, по крайней мѣрѣ сколько позволяютъ это неизбѣжныя бѣдствія военнаго состоянія" [2]) Чувство самостоятельности и твердаго убѣжденія въ чистотѣ своихъ правилъ возросло уже въ Жозефѣ до такой степени, что иногда онъ позволялъ себѣ даже подавать нѣкоторые совѣты Наполеону—не въ военныхъ дѣлахъ, разумѣется, а въ общемъ направленіи политики. Такъ онъ однажды осмѣлился послать ему слѣдующій замѣчательный совѣтъ: „в. в—во вездѣ уже восторжествовали надъ своими врагами: теперь вы должны поберечь кровь подвластныхъ вамъ народовъ, государь долженъ остановить въ васъ героя. Немного больше или немного меньше пространство земли, которою вы можете владѣть, —это не должно приводить васъ въ сомнѣніе. Какія бы вамъ не пришлось сдѣлать уступки, онѣ будутъ славны для васъ, потому что будутъ полезны для вашего народа, котораго кровь проливается для этихъ пріобрѣтеній. Когда вы всѣми уже признаны побѣдоноснымъ и непобѣдимымъ, никому не придетъ въ голову предположить, чтобы хотя одно изъ условій мира было предписано вамъ тѣми самыми врагами, надъ которыми вы торжествуете ваши побѣды" [3]). Не нужно прибавлять, что одинокій голосъ Жозефа раздавался въ пустынѣ и не находилъ себѣ никакого отзыва. Счастливъ уже онъ былъ и тѣмъ, что доброе его желаніе не навлекло на него гнѣва завоевателя.

[1]) Ibid. p. 325—26.—[2]) Ibid. p. 348.—[3]) Ibid p. 326.—

X. ОКОНЧАНІЕ КАМПАНІИ ВЪ КАЛАБРІИ.

Трудное дѣло завоеванія южной Италіи приходило къ концу. Побѣда при Милето обезопасила Калабрію отъ новыхъ вторженій со стороны Сициліи и много облегчила дѣло внутренняго замиренія края. Еще нѣсколько усилій со стороны побѣдителей, и инсуррекція лишилась бы послѣднихъ своихъ убѣжищъ, которыя она до сихъ поръ удерживала за собою на крайнихъ оконечностяхъ провинціи.

Частью усталость, частью же недостатокъ силъ и другихъ военныхъ средствъ замедлили еще на нѣсколько мѣсяцевъ окончательную развязку. Казна Жозефа попрежнему была очень истощена; пособія, которыя присылались изъ Франціи, были недостаточны. Пораженіе при Милето отбило у сицилійцевъ охоту высаживаться большими массами на берега Калабріи; но стоявшій въ Сициліи наготовѣ отрядъ англійскаго войска, подъ начальствомъ генерала Мура, не внушалъ французамъ много довѣрія къ себѣ и заставлялъ ихъ быть крайне осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ. Жозефъ, хотя и выражалъ надежду Ренье—скоро видѣть Реджіо и Шиллу въ своей власти, однако самъ же предостерегалъ генерала отъ излишней опрометчивости и повторялъ ему свой прежній совѣтъ не завязывать много силъ на югѣ провинціи [1]). Изъ двухъ главныхъ пунктовъ при Мессинномъ проливѣ городъ Реджіо былъ занятъ французами во время преслѣдованія принца Филипстальскаго, но самый замокъ все еще оставался въ рукахъ инсургентовъ. Притомъ же Ренье чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснымъ съ тылу, пока не вытѣснилъ ихъ снова изъ Котроне, захваченной во время передвиженія французскихъ войскъ къ Милето. Первымъ его дѣломъ послѣ побѣды было поэтому обратиться назадъ и начать осаду котронскихъ укрѣпленій съ твердою рѣшимостью завладѣть ими какъ можно скорѣе. Нечаянность этой потери, кажется, еще болѣе подстрекала его къ усиленной дѣятельности. Какъ ни ограничены были средства непріятельскаго гарнизона, вновь занявшаго Котроне, со стороны осаждающихъ дѣло впрочемъ обошлось не безъ трудностей. Оно началось въ первыхъ числахъ іюня блокадою крѣпости. Замѣтивъ малочисленность французовъ, осажденные нѣсколько разъ безпокоили ихъ вылазками, но всякій разъ

[1]) См. Mém. de Jos. III, p. 391.

были отбиваемы съ урономъ. Къ французамъ скоро подошли подкрѣпленія, но какъ гарнизонъ въ то же время получилъ съ англійскихъ кораблей нѣсколько пушекъ тяжелаго калибра, то для успѣха необходимо было повести правильную осаду. 13 числа Ренье самъ прибылъ въ лагерь, чтобы наблюдать лично за ходомъ осадныхъ работъ. Они начаты были открытіемъ траншеи; потомъ заложены были мины. Осажденные не могли долго держаться противъ постояннаго дѣйствія французской артиллеріи. Спустя недѣли три послѣ открытія траншей они увидѣли себя принужденными искать спасенія въ бѣгствѣ. Они воспользовались для того одною темною ночью и тайно ушли изъ города. Французы снова заняли Котроне, не встрѣтивъ на стѣнахъ его никакого сопротивленія, и на этотъ разъ утвердились въ ней болѣе прочнымъ образомъ [1].

Реджіо и Шилла, казалось, не могли больше миновать ожидавшей ихъ участи. Что жъ было и дѣлать теперь Ренье въ Калабріи, какъ не стараться овладѣть этими двумя ключами къ Мессинскому проливу? Но обстоятельства были вовсе не такъ благопріятны для подобнаго предпріятія, какъ можно было бы подумать съ перваго взгляда. Во-первыхъ, Жозефъ имѣлъ тогда на своихъ рукахъ огромныя фортификаціонныя сооруженія, которыя требовали отъ него большихъ издержекъ. Они возводились по мысли Наполеона въ окрестностяхъ Кастелламаре для обезпеченія Неаполитанскаго залива противъ возможныхъ нападеній съ моря. По важности своей эти работы занимали въ то время все вниманіе короля. Не довольствуясь собственнымъ своимъ наблюденіемъ, онъ собралъ на мѣстѣ совѣтъ изъ лучшихъ своихъ генераловъ, и для той же цѣли вызвалъ даже Ренье изъ Калабріи [2]). Главнокомандующій скоро опять возвратился къ своему посту, но было уже слишкомъ поздно, чтобы начинать вновь наступательныя дѣйствія. Французы не разъ уже испытали на себѣ губительную силу лѣтнихъ жаровъ въ южной Италіи. Въ предшествующемъ году, во время похода Массены, армія гораздо больше потеряла людей отъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. Открытіе военныхъ дѣйствій въ такую пору года только увеличило бы изнуреніе силъ въ войскѣ и ускорило бы въ немъ развитіе болѣзни. Поэтому со стороны короля было очень благоразумно пріостановить на время всякое движеніе войскъ внутри сво-

[1]) Ibid. p. 381 (часть историческая).—[2]) См. письмо Жозефа къ Ренье, ibid. p. 407; ср. также p. 426.

его государства, въ Калабріи особенно [1]. Въ ожиданіи прохладительныхъ осеннихъ дождей, Ренье могъ озаботиться лишь прикрытіемъ занятыхъ уже береговъ провинціи и охраненіемъ внутренняго ея спокойствія.

Между тѣмъ на сѣверо-востокѣ Европы, подъ личнымъ управленіемъ завоевателя, событія шли впередъ съ необыкновенною быстротою и приготовили тамъ скорѣйшую развязку. 8 іюля 1807 года былъ подписанъ Тильзитскій миръ. На другой день послѣдовалъ и самый размѣнъ ратификацій договора. Жозефъ былъ признанъ со стороны Россіи королемъ Неаполя. Наполеонъ сверхъ того получилъ согласіе императора Александра I на занятіе Іоническихъ островов и устьевъ Каттаро. Естественно, что эти великія событія не могли не отозваться въ нѣкоторой степени и въ отдаленныхъ неаполитанскихъ предѣлахъ. Они точно не замедлили оказать свое дѣйствіе какъ на финансовое, такъ и на военное положеніе самаго крайняго изъ французскихъ завоеваній того времени. Жозефъ могъ послѣ того остановить движеніе собственно неаполитанскихъ полковъ, которые время отъ времени были отправляемы имъ къ большой арміи. Еще болѣе: Наполеонъ получилъ теперь возможность отдѣлить часть войскъ для пополненія ими французскихъ силъ въ Неаполѣ. Наконецъ необходимыя денежныя пособія стали приходить сюда изъ Парижа гораздо исправнѣе. Жалобы Жозефа на недостатокъ въ деньгахъ слышались все рѣже и рѣже. Лѣтніе жары постепенно сбывали, уступая мѣсто осенней прохладѣ. Повидимому, наступала самая благопріятная пора не только для окончанія старыхъ начинаній, но и для новыхъ замысловъ. Распространеніе завоеванія до самыхъ крайнихъ предѣловъ Калабріи казалось уже дѣломъ неминуемымъ. Что же еще медлили завоеватели и продолжали откладывать свой послѣдній маршъ къ Мессинскому проливу?

Условія Тильзитскаго мира сверхъ чаянія открывали Наполеону новую блестящую перспективу. Кромѣ того, что ими рѣшено было преобладаніе его въ Германіи, они еще указывали его безмѣрному властолюбію новые пути на югѣ европейскаго материка. Никто лучше Наполеона не умѣлъ пользоваться выгодами своего положенія. Изъ придаточной статьи трактата, которою было предоставлено ему право занятія устьевъ Каттаро и Іоническихъ островов, хотѣлъ онъ извлечь не

[1] J'ai suspendu — писалъ Жозефъ отъ 1 августа — autant que possible tout mouvement — Ibid. p. 414.

менѣе пользы для себя, чѣмъ изъ главныхъ условій того же договора. Вновь выговоренная добыча легко могла уйти изъ его рукъ, потому что была доступнѣе его постояннымъ врагамъ, чѣмъ ему самому, и потому онъ употребилъ всѣ средства и привелъ въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы превратить свое право въ неоспоримый фактъ прежде, чѣмъ англичане узнали бы только объ его намѣреніи. По счастію Наполеона, статья договора касательно Каттаро и Іоническихъ острововъ была тайная. Ничего не зная объ ея существованіи, англичане не могли ничего предпринять для прикрытія острововъ. Наполеону оставалось только умѣть держать статью въ секретѣ и дѣлать свое дѣло. Этого умѣнья у него былъ хорошій запасъ во всякое время; что же касается до дѣятельной способности, то, какъ извѣстно всякому, завоеватель былъ одаренъ ею въ высшей степени. При этихъ условіяхъ нельзя было сомнѣваться, что добыча, хотя она казалась очень невѣрною, такъ или иначе не избѣжитъ его рукъ.

Неаполю пришлось играть тутъ совершенно пассивную роль. Наполеонъ никогда не думалъ придавать ему самостоятельное значеніе: въ Жозефѣ онъ обыкновенно видѣлъ своего агента, чиновника, обязаннаго со всѣмъ усердіемъ служить интересамъ завоевателя, въ королевствѣ же его — лишь одну изъ послушныхъ пружинъ своей многосложной завоевательной машины. Въ настоящемъ случаѣ онъ особенно считалъ за нужное нажать своею сильною рукою эту пружину, чтобы посредствомъ ея ускорить исполненіе той части своего плана, которая выходила изъ предѣловъ Италіи и падала на нѣкоторыя смежныя съ нею земли и острова. Волей-неволей Жозефу приходилось только давать отъ себя приказанія, чтобы воля брата его исполнена была въ точности и безъ всякаго замедленія. На другой же день по заключеніи Тильзитскаго мира отправленъ былъ къ нему изъ главной квартиры Наполеона приказъ о немедленномъ занятіи о. Корфу и снабженіи его необходимыми припасами для будущаго гарнизона [1]). Въ то же самое время другой курьеръ поѣхалъ къ принцу Богарне, вице-королю Италіи, съ порученіемъ подобнаго рода относительно Далмаціи, и посланы были новыя инструкціи маршалу Мармону, который стоялъ съ своимъ отрядомъ неподалеку отъ Черногоріи [2]). Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ цѣлый

1) Ibid. p. 403. - 2) См. Alison, History of Europe, t. VI, p. 303.

рядъ конфиденціальныхъ писемъ къ Жозефу, въ которыхъ тотъ же самый планъ излагался подробнѣе. Въ Корфу предполагалось перевезти отъ 4 до 5 тысячъ французскихъ войскъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы имѣть время собрать эти силы въ Тарентѣ или другой южной гавани и не возбудить подозрѣнія въ англичанахъ. Дѣло и потому уже не могло итти быстро, что у Жозефа вовсе не было запасныхъ войскъ, и онъ долженъ былъ набирать будущій гарнизонъ Іоническихъ островов изъ различныхъ частей своей арміи. Приготовленіямъ въ Тарентѣ данъ былъ такой видъ, что будто опасаются нападенія на него со стороны моря и считаютъ за нужное содержать въ немъ значительныя силы для отраженія непріятеля. Между тѣмъ другая часть экспедиціоннаго войска готовилась къ отплытію изъ Отранте. Хотя съ большими усиліями, Жозефъ успѣлъ однако собрать и снарядить экспедицію къ концу августа. Начальникомъ ея назначенъ былъ генералъ Сезаръ Бертье, братъ извѣстнаго маршала, главнаго начальника императорскаго штаба. Выборъ былъ не совсѣмъ удачный, но Жозефъ не старался противодѣйствовать ему, потому что избавлялся отъ человѣка весьма суетнаго, который много вредилъ ему своимъ легкомысліемъ и болтливостью. Какъ бы то ни было, 17 августа первое, а 22 того же мѣсяца и второе отдѣленіе экспедиціи, подъ личнымъ начальствомъ командовавшаго ею генерала, могло уже выйти въ море и черезъ два дня достигло мѣста своего назначенія. Непріятель, нисколько не приготовленный къ появленію въ тѣхъ мѣстахъ французскихъ транспортныхъ судовъ, успѣлъ захватить только одну барку, при чемъ вся потеря французовъ не превышала 100 человѣкъ [1]). Переправленное войско имѣло при себѣ достаточное количество запасовъ на нѣсколько недѣль. Такимъ образомъ положено было довольно твердое и надежное начало новой вѣтви завоеванія. Сдѣлать счастливо первый шагъ въ этомъ зачинаніи значило побѣдить самую главную трудность. Отдавая отчетъ Наполеону въ своихъ распоряженіяхъ, Жозефъ съ нѣкоторою гордостью писалъ ему: „Приказанія в. в — ва относительно экспедиціи въ Корфу исполнены съ религіозною точностью“ [2]).

Понятно, что, имѣя на своихъ рукахъ такое важное предпріятіе, какъ занятіе Іоническихъ острововъ почти въ глазахъ у непріятеля, неаполитанское правительство не могло и думать

1) См. Mém. de Jos. III, p. 429—436.—2) Ibid. p. 431.

о томъ, чтобы усилить свои дѣйствія въ Калабріи. Какъ бы желая вознаградить брата за его заслугу, Наполеонъ оставилъ экспедиціонный отрядъ въ подчиненіи у него: внѣшній объемъ власти короля, повидимому, увеличился, а между тѣмъ это новое почетное титло налагало на него лишнюю тяжесть и требовало новыхъ пожертвованій, ибо издержки содержанія экспедиціи и увеличеніе ея средствъ падали прежде всего на его отвѣтственность. Если какое предпріятіе было особенно по мысли Наполеона, онъ ничего не хотѣлъ щадить для его успѣха. Такъ между прочимъ войска, перевезенныя въ Корфу, должны были, по его желанію, получать жалованье за три мѣсяца впередъ. Сверхъ того онъ безпрестанно возобновлялъ требованіе о высылкѣ къ нимъ подкрѣпленій. Наконецъ, въ ожиданіи блокады со стороны англійскаго флота, онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы гарнизонъ въ Корфу снабженъ былъ припасами по крайней мѣрѣ на цѣлый годъ [1]. Все это значило бить прямо по карману Жозефа. Правда, что ему теперь дѣятельнѣе высылались пособія, но они далеко не въ состояніи были покрыть всѣхъ чрезвычайныхъ требованій.

Впрочемъ и самое занятіе Корфу было только первымъ звеномъ въ новомъ обширномъ планѣ завоевателя. При малѣйшемъ поводѣ въ головѣ у него, какъ легкія мечты, роились уже огромные замыслы. Ему льстило не то, что онъ могъ владѣть однимъ или нѣсколькими лишними островами, но то, что ему открывался выходъ изъ тѣсныхъ предѣловъ европейскаго континента со стороны юга. Утверждаясь въ Корфу, онъ становился твердою ногою на Средиземномъ морѣ, которое, по его же словамъ, было главнѣйшею цѣлью всей его политики. Владѣя Іоническими островами и берегами Адріатики, онъ завязывалъ первый надежный узелъ для успѣшной борьбы съ англичанами. У него было теперь вѣрное убѣжище на томъ самомъ морѣ, на которомъ суда его флота въ послѣднее время едва смѣли показываться. Усилившись здѣсь, онъ весьма могъ отсюда закидывать свои сѣти далѣе. Многое, невозможное прежде, становилось досягаемымъ съ точки зрѣнія новаго владѣнія. Не только Сицилія, но и берега Греціи, Македоніи, Ѳракіи, можетъ-быть даже и отдаленный Египетъ казались уже гораздо доступнѣе глазу завоевателя. Почувствовавъ передъ собою просторъ, воображеніе Наполеона съ быстротою молніи пробѣгало одно пространство за другимъ и вырабаты-

1) Mém. de Jos. t. IV, p. 32.

вало планы за планами. Неутомимая мысль его, которая еще недавно вся поглащена была германскими отношеніями, снова поворотила къ югу. Тамъ открылось не только новое поприще для его безпокойнаго властолюбія, но вмѣстѣ и широкое поле для дѣятельности его изобрѣтательнаго ума.

Удивительно ли, что всѣ мысли, всѣ планы Наполеона мало-по-малу сосредоточились на о. Корфу? что нѣкоторое время онъ говорилъ и писалъ своему брату только объ о. Корфу? Сначала завоеватель какъ будто еще не вѣрилъ своему счастію: ему улыбалась мечта, которая могла и не сбыться. Но съ той самой минуты, какъ сюда переброшены были первыя французскія войска, и судьба острова ввѣрена ихъ защитѣ, Наполеонъ дорожилъ имъ какъ однимъ изъ лучшихъ алмазовъ своей короны. Чтобы только сохранить вновь занятый постъ, онъ, кажется, готовъ былъ поставить на карту свой флотъ и значительную часть своей арміи. Сношенія его съ Жозефомъ стали гораздо чаще, и не было письма, въ которомъ бы онъ не повторялъ имени дорогого ему острова, и не дѣлалъ относительно его новыхъ распоряженій или не задавалъ брату новыхъ вопросовъ [1]). Корфу, Корфу и Корфу—стало его постояннымъ лозунгомъ, а король Неаполя превратился для него въ довѣреннаго исполнителя порученій по части того же острова. То казалось Наполеону, что гарнизонъ Корфу не довольно многочисленъ, чтобы выдержать нападеніе: Жозефу слѣдовало распорядиться для пополненія его новыми войсками. То отъ него же требовалось доставить гарнизону свѣжіе припасы и снабдить его въ достаточномъ количествѣ военными снарядами. Такъ какъ со времени перваго занятія острова англичане постоянно угрожали сообщеніямъ его съ неаполитанскими берегами, то Наполеонъ хотѣлъ въ точности знать, какъ и когда отправился грузъ, назначенный въ Корфу, изъ той или другой гавани, какъ совершилъ онъ свой путь и счастливо ли достигъ своего назначенія. Малѣйшее замедленіе со стороны тѣхъ, на которыхъ возлагались подобныя порученія, казалось ему непростительнымъ опущеніемъ. Давно ужъ не обнаруживалъ онъ столько нетерпѣнія и не былъ такъ взыскателенъ къ исполнителямъ своей воли. Генералъ Сезаръ Бертье, котораго онъ щадилъ до сихъ поръ и отстаивалъ противъ своего брата, былъ смѣненъ за то только, что не совсѣмъ исправно высылалъ по-

[1]) См. особенно всю корреспонденцію, приложенную къ VIII и IX кн. историческаго разсказа. Mém. de Joseph, t. IV.

дробные отчеты о состояніи войскъ на Іоническихъ островахъ. Команду послѣ него принялъ Донзело, извѣстный своимъ участіемъ въ осадѣ Гаэты и служившій потомъ подъ начальствомъ Ренье. Но и послѣ того боязнь потерять Корфу не переставала смущать Наполеона. „О. Корфу“—писалъ онъ Жозефу уже въ началѣ слѣдующаго года (1808)—„такъ важенъ для меня, что потеря его была бы роковымъ ударомъ для моихъ плановъ. Тогда Адріатика была бы совершенно заперта для насъ, и у васъ на лѣвомъ флангѣ открылся бы портъ, гдѣ непріятель сталъ бы набирать албанцевъ и другія войска, и готовить на васъ нападеніе. Съ другой стороны, онъ возымѣлъ бы также сильное вліяніе прямо на Албанію. Итакъ я разсчитываю на ваше усердіе и увѣренъ, что вы ничего не забудете и не преминете воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы предохранить Корфу противъ всѣхъ возможныхъ случайностей“ [1]). Въ слѣдующемъ же письмѣ, по слуху о большихъ силахъ, собранныхъ англичанами въ Сициліи, Наполеонъ опять возвращался къ о. Корфу и еще разъ подтверждалъ Жозефу необходимость самыхъ сильныхъ мѣръ для его сохраненія. „Корфу долженъ имѣть въ вашихъ глазахъ болѣе важности, чѣмъ Сицилія. При настоящемъ состояніи Европы потеря Корфу была бы величайшимъ несчастіемъ, какое только можетъ случиться со мною“ [2]).

Вмѣстѣ съ Корфу опять начали выдаваться впередъ нѣсколько забытыя Реджіо и Шилла. Наполеонъ вспомнилъ о нихъ въ первый разъ, получивъ извѣстіе, что Бертье съ своимъ отрядомъ уже вышелъ изъ Отрантскаго порта по направленію къ Іоническимъ островамъ [3]). Это было еще въ сентябрѣ 1807 г. Тогда же онъ началъ напоминать брату, что пора бы уже приступить къ окончательному покоренію обоихъ пунктовъ. Въ октябрѣ у него накопилось уже столько нетерпѣнія, что онъ не иначе писалъ Жозефу о томъ же предметѣ, какъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да долго ли же, parbleu, будете вы къ стыду вашему терпѣть англичанъ въ Реджіо и Шиллѣ? Это такой позоръ, съ которымъ ничего не можетъ сравниться“ [4]). Черезъ два дня потомъ онъ опять писалъ въ Неаполь: „Какъ можете вы безъ стыда думать о томъ, что англичане до сихъ поръ держатся въ Шиллѣ. Вы сдѣлали ошибку, дозволяя имъ утвердиться въ ней: теперь надобно

1) Ibid. p. 128.—2) Ibid. p. 135.—3) См. Mém. de Jos. III, p. 439; —4) Ibid. t. IV, p. 35.

предпринимать осаду, чтобы выгнать ихъ оттуда. Повторяю вамъ приказаніе взять Шиллу... Вы получите это письмо около 1 ноября. Смотрите, чтобы къ концу того же мѣсяца англичане были выгнаны изъ Шиллы и не пятнали бы больше своимъ присутствіемъ ни одного уголка континента" [1]). Такъ говорилъ безсильный гнѣвъ завоевателя, который чѣмъ сильнѣе чувствовалъ себя, тѣмъ съ большею досадою видѣлъ, что какая-нибудь горсть враговъ до сихъ поръ держалась во владѣніяхъ, давно уже отписанныхъ имъ къ имперіи. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ съ своей стороны, когда находилъ, что дѣло покоренія двухъ остальныхъ пунктовъ въ Калабріи слишкомъ замедлилось, но справедливо ли было взваливать всю вину на Жозефа? Наконецъ наступило самое удобное время для дѣйствія; внѣшнія обстоятельства были также очень благопріятны. Но при всемъ добромъ усердіи Жозефъ не могъ вдругъ вести два дѣла, изъ которыхъ каждое требовало отъ него большихъ усилій. Въ томъ или другомъ неизбѣжно должно было произойти замедленіе, и какъ о. Корфу былъ постоянно на первомъ планѣ, то оно необходимо падало на долю Шиллы и Реджіо. Поставленный между двумя различными требованіями, и чувствуя себя не въ состояніи равно удовлетворить обоимъ, король нѣсколько разъ пробовалъ отписываться финансовыми итогами и по пальцамъ высчитывалъ брату свои огромныя издержки: ему отвѣчали тѣмъ же и доказывали какъ дважды два четыре, что средства его людьми и деньгами *должны быть* вдвое больше, чѣмъ онъ думаетъ! Напрасно просилъ онъ снисхожденія къ своимъ человѣческимъ силамъ, ссылался на свои чрезвычайныя усилія. „Я далекъ отъ того, чтобы жаловаться на кого бы то ни было" — писалъ онъ однажды, почти теряя обычное свое равнодушіе — „я ничего не могу сказать ни противъ моихъ подданныхъ, ни даже противъ моихъ непріятелей. Но справедливость требовала бы, чтобы в. в—во вполнѣ вошли въ мое положеніе и сколько-нибудь отдали бы должное усиліямъ и лишеніямъ всякаго рода, которыя я принужденъ налагать на себя, чтобы имѣть возможность сдѣлать лишь то, что̀ дѣйствительно дѣлается мною" [2]). Ясно, что, по убѣжденію самого Жозефа, дѣлать больше въ его положеніи и при извѣстныхъ средствахъ было бы свыше человѣческихъ силъ. Но въ отвѣтъ ему опять слышалось неумолимое требованіе — усилить гарнизонъ на Іоническихъ остро-

[1]) Ibid. p. 37.—[2]) Ibid. p. 43.

вахъ и спѣшить экспедиціею противъ Реджіо и Шиллы, чтобы очистить континентъ отъ присутствія англичанъ [1]). Надобно признаться: Жозефъ имѣлъ удивительный запасъ терпѣнія!

Итакъ, по указанію самого Наполеона, осенью 1807 г. неаполитанское правительство опять возвратилось къ мысли о покореніи Реджіо и Шиллы. Генералу Ренье даны были въ этомъ смыслѣ точныя приказанія, и онъ ждалъ только прибытія необходимыхъ подкрѣпленій, чтобы приступить къ дѣйствіямъ. По обстоятельствамъ, которыя намъ уже извѣстны, предположеніе это долго не могло быть исполнено. Впрочемъ, говоря много и сильно о Реджіо и Шиллѣ и часто возвращаясь къ нимъ, Наполеонъ дорожилъ ими не столько ради ихъ самихъ, сколько потому, что они также входили въ составъ одного большого его плана. Шилла была для него Корфу своего рода, съ тою разницею, что ее слѣдовало еще взять силою, тогда какъ тамъ стоялъ уже французскій гарнизонъ. Наполеону стоило найти одинъ твердый пунктъ для своей изобрѣтательной мысли, и скоро отъ него протягивался цѣлый рядъ проектовъ одинъ смѣлѣе другого. На этотъ разъ первый вопросъ былъ о Сициліи. Занятіе Корфу снова поднимало мысль объ ея завоеваніи. Расходясь въ побужденіяхъ, оба брата впрочемъ имѣли въ виду одну и ту же цѣль. Жозефъ узналъ по опыту, какъ необходимо для него обладаніе Сициліею: онъ получилъ увѣренность, что ни минуты не можетъ быть покоенъ въ своей половинѣ государства, пока въ другой будетъ развѣваться враждебное ему знамя [2]). Наполеонъ съ своей стороны полагалъ, что, сдѣлавши одинъ шагъ на Средиземномъ морѣ, пора приниматься и за другой. Въ то самое время, какъ извѣстія, приходившія изъ Сициліи, заставляли опасаться нападенія англичанъ на Корфу, онъ обдумывалъ въ своей головѣ подробный планъ экспедиціи въ Сицилію. Въ мысли его было достаточно широты, чтобы въ ней могло умѣститься нѣсколько большихъ предпріятій вмѣстѣ. Ему хотѣлось въ одно и то же время отвратить опасность, грозившую Іоническимъ островамъ, безпрепятственно перевезти на нихъ вновь большое количество военныхъ снарядовъ и припасовъ, имѣть въ своихъ рукахъ ключъ къ Мессинскому проливу и смѣлымъ, неожиданнымъ нападеніемъ утвердиться по другую его сторону. Вотъ съ какой точки зрѣнія видѣлъ онъ необходимость въ скорѣйшемъ взятіи Реджіо и Шиллы. Было бы странно и неловко, если

1) Ibid. p. 51, 56, 57 etc. — 2) См. ibid. p. 42.

бы они оставались еще во власти непріятеля, когда требовалось перенести дѣйствіе въ самое сердце Сициліи.

Кто подумаетъ, что дѣло шло о новой египетской экспедиціи. И въ самомъ дѣлѣ, если не по размѣрамъ, то по своимъ началамъ послѣдняя затѣя Наполеона имѣла много общаго съ знаменитымъ предпріятіемъ, которое рано уже прославило имя его въ отдаленнѣйшихъ областяхъ Востока. Задумана она была почти не менѣе смѣло, чѣмъ походъ въ Египетъ. Театромъ дѣйствія назначалось то самое море, на которомъ непримиримые враги французскаго завоеванія господствовали до сего времени, не зная себѣ соперниковъ. Французскія суда, если какія были въ Средиземномъ морѣ, большею частью жались у береговъ Неаполя и искали себѣ убѣжища подъ защитою приморскихъ укрѣпленій. На неаполитанскихъ верфяхъ, по приказанію Наполеона, строилось вновь нѣсколько большихъ военныхъ кораблей; но они не могли еще составить достаточной морской силы, съ которою бы можно было смѣло встрѣтить непріятеля. Чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ на открытомъ морѣ, надобно было употребить въ дѣло по крайней мѣрѣ бо́льшую часть французскаго флота, который укрывался въ Тулонской гавани, или стоялъ по ту сторону Гибралтарскаго пролива: какое же было средство безопасно провести его въ Средиземное море? Какъ было потомъ избѣжать бдительности англичанъ, которые сторожили своихъ враговъ на всѣхъ морскихъ путяхъ? Прежде чѣмъ эскадра достигла бы мѣста своего назначенія, она могла быть совершенно истреблена непріятелемъ. Но смѣлый духъ завоевателя не смущался передъ опасностями: онъ даже весьма охотно отваживался на нихъ, какъ бы измѣряя ими свои собственныя силы. Онъ попрежнему вѣрилъ въ свою звѣзду, подъ покровительствомъ которой совершилъ свой знаменитый переѣздъ отъ береговъ Франціи до устьевъ Нила, и принялъ новое, почти не менѣе смѣлое рѣшеніе—соединить въ глазахъ англичанъ значительныя морскія силы у береговъ Неаполя. Первое распоряженіе его относилось къ эскадрѣ, стоявшей подъ начальствомъ адмирала Альмана (Allemand) въ Рошфорѣ. Въ январѣ 1808 г. онъ вдругъ получилъ приказаніе выйти въ море и взять направленіе къ Тулону. Тамъ онъ долженъ былъ соединиться съ адмираломъ Гантомомъ, которому также велѣно было готовиться къ отплытію. 17 января Альманъ вышелъ изъ Рошфора и черезъ нѣсколько времени счастливо достигъ Тулона, не замѣченный непріятелемъ. Когда обѣ эскадры соединились, Ган-

томъ принялъ надъ ними начальство и 10 февраля выступилъ со всѣми своими силами по направленію къ Іоническимъ островамъ. Тамъ онъ долженъ былъ сложить свои тяжести, способствовать переправѣ къ о. Корфу транспортныхъ судовъ съ снарядами и припасами, собранныхъ въ Отранте и Бриндизи, стараться потомъ занять Мессинскій проливъ и содѣйствовать всѣми своими средствами экспедиціи въ Сицилію. Предполагалось, что къ тому времени Реджіо и Шилла будутъ взяты, и собранныя въ тѣхъ мѣстахъ французскія военныя силы готовы сѣсть на суда [1]).

Само собою разумѣется, что какъ самое предпріятіе, такъ и всѣ приготовленія къ нему содержались въ величайшей тайнѣ. Это было одно изъ первыхъ и необходимыхъ условій его успѣха. Только достигнувъ Корфу и имѣя близкую опору въ неаполитанскихъ береговыхъ укрѣпленіяхъ, и притомъ не иначе, какъ въ полномъ своемъ составѣ, французская эскадра была безопасна отъ нападенія. Наполеонъ умѣлъ сберечь свою тайну до послѣдней минуты. Онъ сдѣлалъ участниками ея лишь немногія, самыя близкія къ нему лица, строго запретивъ распространять ее далѣе. Жозефъ, который необходимо былъ въ секретѣ, то-и-дѣло получалъ наказы въ этомъ смыслѣ. Изъ лицъ, пользовавшихся его довѣренностью, только трое были посвящены въ тайну (въ томъ числѣ Журданъ и Саличетти), но и то съ большими ограниченіями [2]). Еще въ февралѣ Наполеонъ подтверждалъ брату хранить замыселъ „въ величайшемъ секретѣ“ [3]). Даже офицеръ генеральнаго штаба, который нарочно посланъ былъ въ Отранте, чтобы распоряжаться тамъ всѣми приготовленіями, ничего не зналъ о настоящей цѣли предпріятія. Ему дано было запечатанное письмо, которое онъ могъ вскрыть только на мѣстѣ, и притомъ не прежде, какъ извѣстившись, что „произошло что-то чрезвычайное“. Наконецъ адмиралъ, который командовалъ всею эскадрою, не могъ ничего сообщить объ ея назначеніи своимъ товарищамъ. Исполнивши буквально одно порученіе, они не смѣли болѣе сдѣлать ни одного шага впередъ, не получивъ отъ него новыхъ приказаній. Однимъ словомъ, замыселъ былъ подготовленъ къ исполненію безъ вѣдома большей части его участниковъ. Непроницаемая тайна лежала на всемъ пред-

1) См. подробныя по этому случаю распоряженія Наполеона въ письмахъ его къ брату, приложенныхъ къ X гл. корреспонденціи, т. IV.—2) Ibid. p. 109.—3) Ibid. p. 129—132.

пріятіи, когда приняты были всѣ необходимыя мѣры для его совершенія, и французскій флотъ переходилъ уже послѣднюю дистанцію, чтобы достигнуть Корфу и затѣмъ подать руку военнымъ силамъ, собраннымъ на берегахъ Неаполя.

Успѣхъ казался почти несомнѣннымъ. Наполеона радовала мысль, что всѣ приготовленія были сдѣланы во-время, что ничего не было опущено изъ виду, и что каждый стоялъ на своемъ посту, готовый по первому знаку начать дѣйствіе. Онъ разсчитывалъ, что около 20 февраля Гантомъ будетъ въ Корфу, а около 30 того же мѣсяца подойдетъ къ Реджіо, и только что не называлъ Мессинскаго пролива своимъ. Подробныя инструкціи, которыя Жозефъ продолжалъ еще получать отъ своего брата, относились уже больше къ предполагаемому походу внутри Сициліи. По своему обычаю, Наполеонъ и здѣсь заранѣе назначалъ всѣ пути, которыми должна была двигаться экспедиціонная армія, и указывалъ ей главныя точки опоры въ случаѣ занятія острова. Но чѣмъ дальше впередъ уходила его смѣлая мысль, тѣмъ досаднѣе ему было видѣть то замедленіе, которое, сверхъ его расчетовъ, произошло въ дѣйствіяхъ противъ Реджіо и Шиллы. Мысленно проводя свой флотъ по Мессинскому проливу и даже перевозя на немъ войска въ Сицилію, онъ не могъ спокойно подумать, что назади у него оставались еще два непокоренные пункта, которые угрожали его арміи съ тылу и мѣшали ея свободнымъ движеніямъ. И вотъ мало-по-малу Шилла (ибо это былъ самый крѣпкій изъ двухъ пунктовъ) выросла въ его глазахъ почти до того же значенія, какое недавно получилъ въ его понятіи островъ Корфу, съ тою разницею, что Корфу онъ любилъ, а къ Шиллѣ чувствовалъ нѣчто въ родѣ ненависти. Названіе ненавистной крѣпости почти такъ же часто стало повторяться въ его письмахъ къ Жозефу, какъ и имя любимаго его острова. „Какъ скоро Мессина будетъ занята“ — писалъ онъ брату, развивая передъ нимъ свой планъ —„вы можете считать Сицилію своею и тотчасъ направите ваши подкрѣпленія, въ числѣ 15,000, къ Реджіо, чтобы отсюда они могли переправиться по ту сторону пролива. Этотъ расчетъ основанъ на томъ предположеніи, что вы уже владѣете Шиллою, *этимъ важнѣйшимъ пунктомъ въ мірѣ*. Въ противномъ же случаѣ и во всемъ нашемъ предпріятіи нѣтъ болѣе ничего вѣрнаго, и вы потеряете Сицилію по вашей собственной винѣ“.—„*Эта проклятая скала*“—продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ, еще разъ возвращаясь къ Шиллѣ—„все еще мѣшаетъ всѣмъ моимъ зачинані-

ямъ, а ужъ я ли не старался дать вамъ почувствовать, что все зависитъ отъ ея покоренія" [1]). Такъ завоеватель все болѣе и болѣе усиливалъ свой тонъ, требуя немедленнаго покоренія Реджіо и Шиллы. По счастію, впрочемъ, Жозефъ могъ скоро отвѣчать ему довольно благопріятными извѣстіями. Уже 8 февраля отправлено имъ изъ Неаполя письмо съ извѣщеніемъ о взятіи Реджіо, при чемъ французы захватили 800 плѣнниковъ. Осада Шиллы началась еще ранѣе. Нѣкоторое время Ренье держалъ ее въ тѣсной блокадѣ. Дѣйствіе осадными орудіями много замедлилось оттого, что представились большія затрудненія для спуска тяжелой артиллеріи съ высотъ, которыми надобно подходить къ Шиллѣ со стороны твердой земли. Наконецъ и эта трудность была побѣждена [2]). Гарнизонъ состоялъ большею частью изъ англичанъ и защищался очень храбро. Сверхъ того подступъ къ укрѣпленіямъ чрезвычайно затрудненъ былъ самымъ ихъ положеніемъ на вершинѣ скалы, круто спускающейся къ морю. Всѣ эти неудобства и трудности протянули осаду Шиллы на нѣсколько недѣль. Наконецъ дѣйствіемъ французской артиллеріи почти всѣ крѣпостныя пушки были подбиты, и защитники Шиллы, лишенные всякой возможности отвѣчать непріятелю, принуждены были спасаться на суда, которыя ждали ихъ у берега. 15 числа „проклятая скала" была уже въ рукахъ французовъ, и Жозефъ, сообщая эту пріятную новость Наполеону, извѣщалъ его, что ждетъ только прибытія Гантома съ эскадрою, чтобы немедленно переправить войска въ Сицилію [3]).

А Гантомъ, отъ котораго теперь зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ предпріятія, и котораго такъ нетерпѣливо ждали 18,000 человѣкъ, стоявшихъ подъ ружьемъ частью въ Реджіо, частью на берегу Неаполитанскаго залива,—Гантомъ все еще не показывался... Гантомъ не подходилъ даже къ Отранте и Бриндизи, гдѣ также его ожидали, и куда онъ могъ прибыть гораздо ранѣе, ибо Отранте отстоитъ отъ Корфу лишь на одинъ небольшой переходъ. Напрасно Жозефъ разсылалъ своихъ курьеровъ въ разныя стороны, вездѣ наводя справки о приближеніи эскадры: она не только не показывалась въ виду береговъ, но и не давала никакой вѣсти о своемъ близкомъ присутствіи. Лишь 2 марта король могъ извѣстить Наполеона, что *въ Тарентѣ* прибыла *одна небольшая часть* ожидаемой эскадры. Начальникъ ея, контръ-адмиралъ Космао, ничего впро-

[1]) Mém. de Jos IV, p. 130. — [2]) Ibid. p. 148 etc. — [3]) Ibid. p. 157.

чемъ не могъ сообщить о Гантомѣ, кромѣ того, что разошелся съ нимъ вскорѣ по выходѣ изъ Тулона, и оставшись безъ инструкцій, хотѣлъ имѣть ихъ, вмѣсто адмирала, прямо отъ короля: требованіе, поставившее Жозефа въ тупикъ, ибо онъ самъ не имѣлъ никакихъ предписаній насчетъ одной части эскадры [1]). Потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, письма Жозефа къ брату иначе не начинались, какъ простою, мало повидимому говорящею, но въ то же время очень выразительною фразою: „Сиръ, я все еще не имѣю никакихъ извѣстій объ адмиралѣ Гантомѣ“. Наконецъ, уже 10 марта, онъ имѣлъ удовольствіе передать Наполеону вѣсть, что адмиралъ Гантомъ *прислалъ ему письмо* изъ Корфу, гдѣ онъ остается съ другою частью своей эскадры, считая себя въ тамошней гавани безопаснымъ отъ непріятельскаго нападенія [2]).

Такъ иногда однимъ разомъ, одною чертою пера разсѣиваются самыя пышныя мечты и разрушаются самые грандіозные планы, которые обдумывались можетъ-быть геніальною мыслію въ продолженіе многихъ безсонныхъ ночей! Впрочемъ въ этомъ случаѣ геніальный завоеватель перехитрилъ самъ себя. Вторая большая экспедиція его въ Средиземное море не удалась по двумъ причинамъ, изъ которыхъ одна не входила совсѣмъ въ его расчетъ, а другая прямо изъ него вышла. Дѣло въ томъ, что эскадра, тотчасъ по выходѣ своемъ изъ Тулона, была разсѣяна бурею, при чемъ многія суда потерпѣли поврежденіе. Послѣ долгаго блужданія одна часть ея, какъ мы видѣли, прибыла въ Тарентъ; но начальникъ ея, не будучи посвященъ въ тайну и не имѣя никакихъ инструкцій, не зналъ, что̀ предпринять съ своими слабыми силами. Самъ адмиралъ, по отдѣленіи отъ него Космао, тоже чувствовалъ себя не довольно сильнымъ и считалъ себя счастливымъ, что могъ укрыться въ Корфу съ своими поврежденными судами отъ преслѣдованія со стороны непріятеля. При томъ же онъ, какъ и его контръ-адмиралъ, тоже не получилъ никакихъ инструкцій на случай раздѣленія своего флота. Еще Жозефъ надѣялся собрать всѣ силы, отданныя въ его распоряженіе, въ одномъ пунктѣ; но прежде чѣмъ приказанія его были исполнены, тайна вышла наружу, и англичане приняли свои мѣры, которыя сдѣлали экспедицію въ Сицилію, даже послѣ взятія Шиллы и Реджіо, совершенно невозможною. Гантому не оставалось ни-

1) Ibid p. 191: Je n'en ai aucun à lui donner, puisque le cas arrivé n'est prevu dans aucune de lettres de Votre Majesté, etc.—2) Ibid. p 203—204.

чего болѣе, какъ по добру по здорову убираться въ Тулонъ; а чтобы на комъ-нибудь сорвать свое сердце, Наполеонъ сдѣлалъ Космао отвѣтчикомъ за все предпріятіе.

Итакъ весь этотъ обширный планъ, цѣлую зиму наполнявшій воображеніе завоевателя наравнѣ съ самыми большими предпріятіями, послужилъ лишь кратковременному появленію французскаго флота въ Средиземномъ морѣ и къ скорѣйшему заключенію военныхъ дѣйствій въ Калабріи. Взятіемъ Реджіо и Шиллы окончено было ея покореніе. Если Сицилія еще разъ ушла отъ Жозефа, то Неаполь остался въ рукахъ его спокойнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Къ тому же времени относится конецъ всей дѣятельности Ренье въ Неаполѣ. Съ именемъ его соединено воспоминаніе о нѣсколькихъ кампаніяхъ въ Калабріи. Онъ первый открылъ походы въ нее, онъ же ихъ и заключилъ. Успѣшныя дѣйствія противъ Реджіо и Шиллы были послѣднею его службою королю. Ихъ поссорило то самое, что, повидимому, должно бы было соединить ихъ тѣснѣе, а именно первый вѣрный шагъ Ренье къ Мессинскому проливу. Занимая Реджіо, онъ забылъ или не хотѣлъ подумать о королѣ и подписалъ капитуляцію лишь отъ своего имени, какъ французскій главнокомандующій. Жозефъ принялъ это опущеніе прямо за оскорбленіе себѣ и тогда же просилъ у Наполеона позволенія снять съ Ренье команду. Сверхъ чаянія онъ до того простеръ свою щекотливость, что видѣлъ въ этомъ поступкѣ своего генерала отрицаніе своего королевскаго достоинства [1]). Чѣмъ ниже чувствовалъ онъ себя передъ братомъ, тѣмъ взыскательнѣе хотѣлъ быть къ другимъ. Ренье едва имѣлъ время докончить покореніе Шиллы, потомъ взялъ отставку и уѣхалъ изъ Неаполя.

Послѣдующія событія находятся уже въ тѣсной связи съ современнымъ имъ движеніемъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Разсказъ объ нихъ мы отлагаемъ до другого времени, когда найдемъ удобнымъ обратиться къ другому отдѣлу нашихъ очерковъ, относящихся къ пребыванію Жозефа въ Испаніи. Ожидаемъ къ тому времени выхода мемуаровъ Сульта о походахъ его за Пиренеями.

1 Ibid. p. 137.

Карлъ V.*

Charles-Quint, son abdication, son sejour et sa mort au monastère de Yuste. Par M. Mignet. Paris. 1854.

Charles-Quint, chronique de sa vie intérieure et de sa vie politique, de son abdication et sa retraite dans le cloître de Yuste. Par Am. Pichot. Paris. 1854.

The closter life of the emperor Charles the fifth, by W. Stirling. London. 1852 [1]).

I.

Время отъ времени память великихъ историческихъ дѣятелей какъ бы вновь освѣжается въ литературѣ. Къ нимъ возвращаются съ усиленнымъ вниманіемъ послѣ забвенія многихъ лѣтъ и начинаютъ разбирать ихъ жизнь и дѣла съ большею прежняго любовію. По временамъ исторія любитъ дѣлать пересмотръ своихъ собственныхъ мнѣній о лицахъ и событіяхъ. Въ послѣдніе годы особенно посчастливилось славной исторической памяти Карла V. Ученый кредитъ Робертсона, стараго его историка, вдругъ упалъ на нѣсколько процентовъ. Вновь возбужденное участіе къ знаменитому современнику реформаціи вызвало нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ монографій объ его жизни и смерти, появившихся въ короткій срокъ двухъ или трехъ лѣтъ. Нѣкоторое время не было ни одного сколько-нибудь значительнаго періодическаго изданія, которое бы обошло вовсе Карла V. Со словъ французскихъ историковъ, одни передавали обстоятельства избранія его на императорскій престолъ, другіе пересказывали своимъ читателямъ загадочную исторію его отреченія и пребыванія въ монастырѣ. Вопросъ, поднятый впервые на отдаленномъ Западѣ, такъ или иначе отразился и въ нашей періодической литературѣ.

* Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г.

1) Подлиннаго сочиненія Стирлинга, къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками при составленіи нашей статьи и должны были довольствоваться нѣмецкимъ его переводомъ, сдѣланнымъ Линдау (Дрезденъ. 1853).

Не случайно пробудился вновь интересъ къ лицу, надъ которымъ, казалось, уже произнесенъ былъ судъ исторіи. Ближайшаго повода конечно надобно искать въ успѣхахъ новыхъ архивныхъ разысканій. Только въ наше время открылись любознательности драгоцѣнные архивы Испаніи, такъ долго бывшіе недоступными. Нельзя описать всего историческаго богатства, извлеченнаго въ послѣднее время изъ одного знаменитаго Симанкскаго (de Simancas) архива, благодаря настойчивости и неутомимой дѣятельности бельгійскихъ и французскихъ разыскателей. Гашаръ оставитъ по себѣ почетное имя въ новой исторіографіи лишь своими превосходными изданіями актовъ и корреспонденцій, касающихся Испаніи и Нидерландовъ подъ управленіемъ императоровъ и королей Габсбурго-австрійскаго дома. Никогда еще можетъ-быть изданіями одного трудолюбиваго собирателя не проливалось столько свѣта на одну изъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи, наполняющую въ ней болѣе столѣтія. Біографическая исторія Карла V и сына его Филиппа II въ особенности пріобрѣла новыя весьма важныя основанія, бывшія прежде почти вовсе неизвѣстными. Можетъ-быть менѣе видны и гласны, но не менѣе существенны и полезны новые труды нѣмецкихъ ученыхъ по той же части исторіи. Они прямо примыкаютъ къ изданіямъ бельгійскихъ собирателей, какъ необходимое и весьма важное ихъ дополненіе. Великое историческое значеніе двухъ царствованій не менѣе хорошо было понято въ Германіи, какъ и въ самой Бельгіи или въ Испаніи, гдѣ хранились для нихъ главные источники. Впрочемъ, какъ и надобно было ожидать, интересъ нѣмецкихъ изслѣдователей сосредоточился главнымъ образомъ на жизни Карла V, котораго дѣятельность всего болѣе принадлежала имперіи. Бельгійскіе же архивы доставили Ланцу обильный матеріалъ для характеристики знаменитаго императора, состоящій изъ его дипломатической и частной корреспонденціи. Она наполнила три довольно плотные тома особеннаго изданія [1]). Но вслѣдъ за тѣмъ нѣмецкая любознательность также нашла себѣ доступъ и къ заповѣднымъ сокровищамъ Симанкскаго архива. Гейне извлекъ изъ нихъ драгоцѣнную двухлѣтнюю корреспонденцію съ Карломъ V его духовника, о существованіи которой едва подозрѣвали [2]). На-

[1]) Correspondenz des Kaisers Karl V. von Dr K. Lanz. 3 Bde. 1845.—46.—[2]) Briefe an Kaiser Karl V geschrieben von seinem Beichtvater in den Jahren 1530—32. von Dr G. Heine. Berlin. 1848.

конецъ, уже въ 1853 году, историческою комиссіею Вѣнской академіи предпринято, при содѣйствіи того же Ланца, полное изданіе (въ трехъ отдѣленіяхъ) «Памятниковъ» Габсбургскаго дома, начиная отъ перваго появленія Максимиліана I на политической сценѣ до смерти Максимиліана II, или отъ 1473 до 1576 года. Первый изданный томъ относится ко 2-му отдѣленію и обнимаетъ въ себѣ первые года правленія Карла V [1]).

Вновь изданные документы, впрочемъ, лишь прибавили пищи старому интересу, который всегда соединялся съ воспоминаніемъ о Карлѣ V. Немного лицъ въ исторіи, способныхъ въ такой степени возбудить и надолго привязать къ себѣ однажды возбужденное вниманіе мыслящаго человѣка. Кто хоть разъ проходилъ съ мыслію разныя перемѣны въ судьбахъ Карла, тотъ никогда не можетъ изгладить изъ своей памяти этого величественно-печальнаго образа, заживо схоронившаго въ монастырѣ свое царственное величіе и свои колоссальные замыслы. Чувство, возбуждаемое его судьбою, нельзя назвать симпатіею, но оно почти равняется ей своимъ постоянствомъ и неизмѣнностію. Карла нельзя приравнять ни къ одному изъ великихъ дѣятелей стараго и новаго времени: онъ стоитъ отдѣльно, самъ по себѣ, поражая обращенную къ нему мысль не столько величавымъ видомъ, сколько таинственностію своего выраженія. Дивишься его неослабной душевной силѣ при постоянной физической болѣзненности; съ изумленіемъ взвѣшиваешь міровыя средства, отданныя судьбою въ его распоряженіе, и зная притомъ его неутомимую дѣятельность, не знаешь, чему приписать недостатокъ великихъ результатовъ... Кто болѣе его безпокоился свою жизнь, и кто менѣе пожалъ истинной славы отъ трудовъ своихъ? Какая смѣлая предпріимчивость, какая рѣдкая непреклонность воли, и при всемъ томъ — какъ мало настоящей производительности! У Карла V нѣтъ, кажется, ни одного соперника, который бы могъ поравняться съ нимъ обширностію средствъ и тонкостію расчета, а между тѣмъ рѣдкій успѣхъ его не былъ отравленъ быстро слѣдовавшею за тѣмъ неудачею, или новою превратностію счастія. Чѣмъ крѣпче затягивалъ онъ узелъ дипломатической сѣти, которая по его мысли должна была соединить въ одинъ союзъ бóльшую часть современныхъ ему политиче-

[1]) Monumenta Habsburgica. Sammlung von Actenstücken und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburg in dem Zeitraume von 1473 bis 1576. 2 Abtheilung. Kaiser Karl V und König Philipp II. I-r Band. Wien. 1855.

скихъ силъ, тѣмъ больше она рвалась, и недавніе союзники одинъ за другимъ переходили въ ряды его противниковъ.

Не была ли къ нему судьба въ одно и то же время нѣжной матерью и злою мачихой? Не оттого ли ужъ вѣнецъ истинно великаго человѣка миновалъ его головы, что онъ имѣлъ противъ себя таинственную силу рока, съ которою ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть равной борьбы? Но такой фатализмъ былъ бы очень страннымъ явленіемъ среди другихъ весьма разумныхъ движеній въ исторіи того времени.

А это добровольное и вмѣстѣ таинственное отреченіе Карла V отъ власти, которымъ такъ неожиданно для всѣхъ разрѣшилась его многолѣтняя государственная дѣятельность? Было ли оно естественнымъ слѣдствіемъ усталости послѣ многихъ лѣтъ самаго напряженнаго вниманія къ дѣламъ, или можетъ-быть источникомъ его было не столько отвращеніе къ дѣламъ, сколько накопившееся презрѣніе къ лицамъ и утрата всякой вѣры въ достоинство ихъ дѣйствій? Во всякомъ случаѣ дѣло непринужденнаго и соединеннаго съ торжественностію отреченія Карла V отъ престола стоитъ одиноко въ исторіи и всегда останется привлекательнымъ для мысли, хотя бы только ради своей оригинальности. Имъ въ сильной степени поражены были умы современниковъ, но даже и черезъ триста лѣтъ послѣ событія едва ли можно защититься отъ заключающейся въ немъ притягательной силы особеннаго рода. Драматизмъ положенія не ограничивается впрочемъ однимъ моментомъ: онъ простирается и на всю остальную жизнь Карла V, или на все время пребыванія его въ монастырѣ св. Юста. Недаромъ нѣкоторымъ современникамъ знаменитаго отшельника приходило въ голову видѣть въ немъ великаго актера. Поразителенъ въ самомъ дѣлѣ контрастъ царственнаго величія и скромнаго монастырскаго уединенія, почти съ равнымъ достоинствомъ выдержанныхъ одними и тѣми же душевными силами. Повидимому, только рѣшительное сценическое призваніе могло удовлетворить такимъ требованіямъ, лишь оно могло создать и сочетать между собою столько несродныя положенія. Но едва ли можно такъ легкомысленно играть съ мыслію о смерти; едва ли можно приносить великія жертвы лишь изъ суетнаго желанія снова привлечь къ себѣ ослабѣвшее вниманіе публики неожиданною перемѣною роли. Справедливо, что Карлъ V, заключенный въ своей тѣсной кельѣ, почти не менѣе занималъ собою современный ему міръ, чѣмъ во время своего величія, когда всеобщее вниманіе приковано было къ нему столько же

огромностію его средствъ, сколько и обширностію его замысловъ; но при всемъ томъ должно признаться, что перемѣна положенія и соединенной съ нимъ роли до сихъ поръ оставалась загадкою, къ которой еще не подыскано было настоящаго ключа. Не нашли ли его развѣ современные намъ изслѣдователи, которые имѣли въ своихъ рукахъ столько новаго матеріала?

Новыя историческія монографіи, сюда относящіяся, замѣчательны особенно выборомъ своей темы. Всѣ онѣ главнымъ образомъ посвящены послѣднимъ годамъ жизни Карла V, или пребыванію его въ монастырѣ. Прежняя дѣятельность императора и его общая характеристика едва наполняютъ въ нихъ нѣсколько вступительныхъ главъ. Стирлингъ, авторъ англійской монографіи, прямо начинаетъ съ знаменитаго отреченія. Причины лежатъ близко. Онѣ заключаются въ томъ, во-первыхъ, что англійскому и французскимъ историкамъ прежде всего досталась въ руки та часть новаго матеріала, которая именно относится къ пребыванію Карла V въ монастырѣ. Стирлингъ приготовился къ своему труду знакомствомъ съ испанской исторической литературою, въ которой естественно всего болѣе можно найти извѣстій о жизни императора въ самой Испаніи. Онъ же первый воспользовался богатою испанскою рукописью Томаса Гонзалеса, поступившею съ 1844 года во французскіе архивы и составляющею главное пособіе для изученія въ подробностяхъ того же предмета. Бельгійскія изданія Гашара, которыя сверхъ того дали такъ много матеріала для монографій Минье и Пишо, большею частію относятся къ тому же періоду въ жизни Карла V. Нѣмецкія изданія Ланца и Гейне, хотя не остались вовсе неизвѣстными французскимъ историкамъ, были впрочемъ отъ нихъ гораздо далѣе. Прибавить надобно романическую занимательность предмета. Исторія Карла V собственно оканчивается его отреченіемъ, а затѣмъ начинается романъ его жизни. Въ уединеніи св. Юста нѣтъ болѣе мѣста государственной и вмѣстѣ съ тѣмъ исторической дѣятельности: интересъ привязанъ только къ лицу и къ перемѣнамъ въ его положеніи. Какъ скоро открылись источники, которые изо дня въ день пересказываютъ всѣ обстоятельства пребыванія Карла V въ монастырѣ, эта часть его жизни, до тѣхъ поръ остававшаяся столько загадочною, должна была привлечь къ себѣ все вниманіе новой исторіографіи. Не часто достается такой кладъ въ руки историкамъ: какъ было тому или другому изъ нихъ не воспользоваться архивными пріобрѣ-

теніями для разсказа, который бы соединялъ съ занимательностію романа достовѣрность исторіи?

Нельзя въ этомъ случаѣ не порадоваться соревнованію историковъ, такъ горячо взявшихся за одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи реформаціоннаго періода, столько обильнаго замѣчательными лицами и событіями. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что каждая отдѣльная страница изъ жизни историческаго лица, какъ бы ни велика была степень ея занимательности, никогда впрочемъ не будетъ достаточно полна и ясна безъ связи съ другими. Самое неправильное развитіе имѣетъ однако свою послѣдовательность; прошедшею жизнію условливаются большею частію ея позднѣйшія явленія. Разсказъ о послѣдней судьбѣ историческаго дѣятеля особенно нуждается въ поясненіи ея предшествующими обстоятельствами. Какъ можетъ быть занимательна развязка, когда не знаешь узла, который долженъ быть развязанъ ею? Или какое можетъ быть участіе къ герою, когда не различаешь ясно, пожинаетъ ли онъ плоды своей прежней дѣятельности, или подъ закатъ своихъ дней принужденъ испытать и понести на себѣ послѣдствія своихъ ошибокъ? Полное наше участіе мы даримъ лишь полному человѣку, который влечетъ насъ къ себѣ не только своимъ личнымъ характеромъ, но и своимъ образомъ мыслей и всѣмъ направленіемъ своей дѣятельности.

Отъ новыхъ историковъ Карла V не укрылась необходимость — говоря о послѣднихъ годахъ, проведенныхъ имъ въ Испаніи, нѣсколько связать ихъ съ прежнею его жизнію. Только одинъ изъ нихъ, Стирлингъ, такъ увлеченъ былъ интересомъ вновь доставшагося ему матеріала, что открылъ свой разсказъ прямо распоряженіемъ императора объ отреченіи отъ престола. Французскіе историки, взявшіеся за то же дѣло нѣсколько позже, поступили нѣсколько осмотрительнѣе. Пишо отдѣлилъ цѣлую особую часть въ своей книгѣ и помѣстилъ въ ней всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о предшествующей жизни Карла V, объ его дѣтствѣ и юности, объ избраніи его на императорскій престолъ, о пребываніи его въ Нидерландахъ, объ отношеніяхъ къ Фердинанду и т. п. Читатель получаетъ такимъ образомъ обильный матеріалъ для размышленія, прежде чѣмъ достигаетъ тѣхъ событій, которыя составляютъ главное содержаніе монографіи. Къ сожалѣнію, самъ авторъ мало помогаетъ читателю своею собственною мыслію. Амедей Пишо принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые довольствуются внѣшнимъ порядкомъ въ расположеніи своего матеріала.

Мысль ихъ не господствуетъ надъ нимъ и потому не бываетъ въ уровень съ своею задачею. Ихъ сочиненія можно употреблять съ пользою для пополненія свѣдѣній, при недостаткѣ подлинныхъ источниковъ, но едва ли можно надѣяться отъ нихъ разъясненія задачи и рѣшенія трудныхъ вопросовъ. Они уже достигли своей цѣли, если успѣли сколько-нибудь занять ваше вниманіе внѣшнимъ повѣствованіемъ. Другое дѣло — умный и талантливый авторъ «Антоніо Переса» и «Маріи Стюартъ». Если нельзя совершенно поравнять его съ корифеями французской исторіографіи, то нельзя также зачислить его въ число послѣдователей той или другой исторической школы. Минье слишкомъ самостоятеленъ для того, чтобы итти по чужимъ слѣдамъ. Призваніе его быть историкомъ рѣшительно обнаружилось уже въ самомъ раннемъ его произведеніи. Вполнѣ же созрѣлъ его талантъ на многолѣтнихъ занятіяхъ исторіею реформаціоннаго періода въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. По этой части издано имъ въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ монографій. Вмѣстѣ взятыя, онѣ заслужили своему автору столько же почетное, сколько и видное мѣсто между представителями новаго историческаго искусства. Каждая изъ нихъ есть плодъ обширнаго и многосложнаго изученія. Минье не прежде принимается за перо, какъ выработавши себѣ отчетливое представленіе о характерѣ своего героя и его исторической дѣятельности. Разсказъ всегда спокойный, ровный и необыкновенно ясный составляетъ одну изъ главныхъ особенностей его изложенія. Повидимому самыми простыми средствами онъ умѣетъ достигать высшей степени исторической занимательности. Ему часто недостаетъ широты воззрѣнія, но рѣдко ошибается онъ во взглядѣ на человѣка, или недосмотритъ въ немъ существенныхъ сторонъ. Вотъ почему изъ всѣхъ новыхъ толковъ о Карлѣ V мнѣніе Минье имѣетъ для насъ особенную важность.

Задача Минье собственно ограничивалась тоже лишь пребываніемъ Карла въ монастырѣ св. Юста. Но какъ писатель, одаренный настоящимъ историческимъ тактомъ, онъ тотчасъ понялъ, что, безъ связи съ прежнею жизнію императора, разсказъ объ его отшельничествѣ имѣлъ бы только сказочный интересъ въ глазахъ читателя. Историческій интересъ событія лежитъ въ противоположности его съ прежнею жизнію и дѣятельностію того же лица. Чтобы привязать читателя къ знаменитому отшельнику, надобно по крайней мѣрѣ разсказать исторію его торжественнаго отреченія отъ власти. Какъ однако

говорить объ отреченіи Карла и не коснуться ближайшихъ причинъ, которыя приготовили этотъ необыкновенный актъ воли со стороны могущественнѣйшаго европейскаго властителя въ данную эпоху времени? Но что́, если ближайшія причины не объясняютъ явленія? Не обязанъ ли тогда историкъ подняться еще выше по времени и взойти можетъ-быть къ самымъ началамъ дѣятельности историческаго лица, чтобы доискаться того узла, который окончательно развязался лишь въ послѣдніе годы его жизни? Минье дѣйствительно слѣдуетъ этому порядку въ своемъ изложеніи. Онъ начинаетъ съ отреченія и старается прежде всего объяснить таинственный смыслъ его. Скоро становится ясно историку, что признаки извѣстнаго расположенія въ Карлѣ V можно замѣчать многими годами ранѣе, чѣмъ совершилось самое отреченіе. Очевидно: первыхъ поводовъ къ нему надобно искать гораздо выше, въ прежней жизни императора, можетъ - быть въ самомъ его характерѣ, естественныхъ наклонностяхъ и самой дѣятельности. Такимъ образомъ историкъ приведенъ къ необходимости собрать всѣ черты Карла V, изъ которыхъ слагается его внѣшняя и внутренняя характеристика.

Послѣдуемъ и мы за историкомъ. Приводимыя имъ черты тѣмъ драгоцѣннѣе, что собраны изъ донесеній оффиціальныхъ венеціанскихъ легатовъ, которые находились тогда почти при всѣхъ еврепейскихъ дворахъ и отличались точностію и вѣрностію своихъ наблюденій [1]). По ихъ описаніямъ, Карлъ былъ обыкновеннаго роста, но хорошо и крѣпко сложенъ. Въ молодости своей онъ отличался физическою силою и ловкостію и считался между лучшими наѣздниками своего времени. Охота была однимъ изъ любимыхъ его удовольствій. Случалось даже, что онъ сходилъ на арену, гдѣ происходилъ бой быковъ, и собственными руками повергалъ ихъ на землю. Но въ послѣдствіи эта благодѣтельная физическая дѣятельность должна была уступить мѣсто другой, которая требовала крайняго напряженія его душевныхъ силъ. Чѣмъ больше расширялись политическіе виды Карла, тѣмъ больше увеличивалась его умственная дѣятельность и заботливость. Онъ любилъ самъ входить во все. Послѣ канцлера Гаттинары, который умеръ въ

[1]) Извѣстно, что этими донесеніями особенно много пользовался Ранке для своихъ историческихъ произведеній. Онъ долженъ былъ почерпать ихъ большею частію изъ архивовъ; но послѣ во Флоренціи предпринято было полное изданіе венеціанскихъ донесеній подъ названіемъ: Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. По 1844 годъ ихъ издано было 7 томовъ.

1521 году, у него не было болѣе перваго министра. Высшая администрація и политика принадлежали ему лично. Секретарь Ковосъ и хранитель печати Гранвелла пользовались наибольшею его довѣренностію: онъ ничего не предпринималъ безъ совѣта съ ними, но послѣднее рѣшеніе въ дѣлахъ всегда удерживалъ за собою. Широкое чело его было отмѣчено рѣдкою силою духа; въ его твердомъ и вмѣстѣ проницательномъ взглядѣ отражалась постоянно дѣятельная мысль: но къ сожалѣнію, ни та, ни другая болѣе не находила себѣ отдыха или временнаго развлеченія въ физическихъ упражненіяхъ, которыя бы, приводя въ движеніе кровь, вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляли и самыя силы духа. Императору некогда было подумать о нихъ: какъ скоро онъ не былъ въ походѣ, онъ неизмѣнно велъ сидячую жизнь, которая вредно дѣйствовала и на физическое его здоровье.

Присоедините сюда слѣдствія извѣстной всѣмъ неумѣренности Карла V. Слабость къ женщинамъ слѣдовала за нимъ во всѣхъ его переѣздахъ изъ одной страны въ другую. По словамъ одного венеціанскаго посла, гдѣ бы онъ ни появлялся, женщины какъ высшаго, такъ даже и нисшаго состоянія никогда не были лишними въ его присутствіи. Другой не менѣе извѣстный недостатокъ Карла составляло его крайнее невоздержаніе на пищу. Всѣ современники согласны въ томъ, что аппетитъ его страдалъ какою-то болѣзненною неумѣренностію. Можетъ-быть первый поводъ къ тому заключался въ неправильномъ образованіи нижней части его лица. Нижняя челюсть Карла была такъ широка и длинна, что значительно выдавалась впередъ передъ верхнею, и онъ, закрывая ротъ, никогда не могъ сжать у себя зубовъ. Такое странное образованіе рта придавало много оригинальности его фигурѣ, но въ то же время имѣло вредное вліяніе на его пищевареніе. Онъ долженъ былъ мять каждый кусокъ, вмѣсто того чтобы жевать его. Оттого онъ любилъ только блюда сильно приправленныя пряностями. Всѣ другія казались ему совершенно безвкусными. Монфальконè, одному изъ майордомовъ, завѣдывавшему столомъ императора, не разъ приходилось выслушивать выговоры за то, что будто кухня его никуда не годится. Майордомъ былъ человѣкъ веселаго нрава и притомъ довольно находчивый. Онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу даже у императора: однажды, на подобное замѣчаніе относительно кухни, онъ отвѣчалъ слѣдующею шуткою: „я право не знаю, какъ угодить в. в—ву; развѣ не заказать ли новое рагу изъ стѣнныхъ часовъ?..“ По-

слѣднія слова напоминали Карлу страсть его къ часамъ, которые онъ любилъ имѣть во множествѣ и самыхъ разнообразныхъ формъ. Шутка майордома очень позабавила его, но нисколько не отучила отъ прежней слабости.

Напротивъ, неумѣренность Карла, кажется, возрастала съ годами. Онъ, который умѣлъ повелѣвать своими страстями, не властенъ былъ надъ своимъ аппетитомъ; онъ, который во всѣхъ превратностяхъ жизни сохранялъ власть надъ самимъ собою, за столомъ постоянно былъ рабомъ своего собственнаго желудка: такъ выражается о немъ нашъ историкъ. Не только совѣты медиковъ—даже голосъ духовника безсиленъ былъ противъ этой несчастной его слабости. Въ изданной Гейне переепискѣ кардинала Осмы то-и-дѣло встрѣчаются увѣщанія его духовному сыну—быть какъ можно воздержнѣе на пищу. Доходило до того, что духовникъ долженъ былъ говорить тономъ заботливаго дядьки, предостерегающаго своего воспитанника отъ каждаго вреднаго куска. Такъ между прочимъ писалъ онъ Карлу въ концѣ 1530 года: „Прошу в. в—во воздерживаться отъ тѣхъ блюдъ, которыя вамъ нездоровы; всему свѣту, напримѣръ, извѣстно, какъ вредитъ вашей груди употребленіе рыбы; ради самого Бога подумайте, что ваша жизнь принадлежитъ не вамъ однимъ, но и всѣмъ, и если в. в—во рѣшились не жалѣть *вашей* собственности, то все же мы имѣемъ право дорожить *нашей*" [1]). Въ началѣ слѣдующаго года кардиналъ Осма счелъ за нужное еще разъ повторить свое увѣщаніе, на ряду съ напоминаніемъ о высшихъ христіанскихъ обязанностяхъ „Прошу в. в—во"—писалъ онъ Карлу—„во-первыхъ, жить въ духѣ любви къ Богу и отвращаться грѣховъ, во-вторыхъ, въ пищѣ и питьѣ удовлетворять лишь необходимой потребности, а не служить рабски своему аппетиту", и т. д. [2]). Но никакія увѣщанія не были довольно дѣйствительны, чтобъ помочь Карлу избавиться отъ укоренившейся въ немъ слабости. Несмотря на усиливающіеся недуги онъ оставался вѣренъ своимъ застарѣлымъ привычкамъ. Англичанинъ Рожеръ Ашамъ нашелъ его въ 1550—51 году больного въ Аугсбургѣ. Онъ почти безвыходно оставался въ своей жарко натопленной комнатѣ, и во всю зиму только три раза вышелъ къ парадному столу, приготовленному въ сосѣдней залѣ. Ашамъ присутствовалъ при одномъ изъ этихъ обѣдовъ и былъ удивленъ несоразмѣрностію аппетита съ состоя-

[1]) См. Briefe an K. Karl V, p. 94 —[2]) Ibid. p. 97.

ніемъ больного. Карлъ не отказывался ни отъ одного блюда и очень часто наполнялъ свой стаканъ рейнвейномъ, выпивая его всякій разъ значительное количество (не менѣе четверти галлона).

Но яснѣе и выразительнѣе всего свидѣтельство фанъ-Мале, занимавшаго должность камергера при императорѣ и имѣвшаго много случаевъ близко наблюдать за нимъ. Во время осады Меца, черезъ два года послѣ пребыванія Ашама въ Аугсбургѣ, онъ писалъ къ одному изъ нидерландскихъ сеньоровъ: „Старый и очень глубокій источникъ многочисленныхъ болѣзней императора заключается въ чрезмѣрной ненасытности его желудка. Онъ до того подверженъ этой слабости, что даже среди припадковъ своей болѣзни не можетъ отказать себѣ въ тѣхъ блюдахъ и напиткахъ, которые особенно вредны ему. Вы совершенно въ правѣ жаловаться какъ на невоздержность императора, такъ и на излишнюю, до слабости доходящую снисходительность его докторовъ. Здѣсь только объ одномъ и говорятъ. Захочетъ ли онъ мяса? чтобы сейчасъ подавали ему. Вздумается ли ему покушать рыбы? чтобы тотчасъ же готова была рыба. Требуетъ ли онъ пива — ему не отказываютъ и въ томъ; надоѣло вино—его тотчасъ берутъ прочь. Врачъ превратился въ угодника: чего самъ цезарь хочетъ или не хочетъ, то и онъ приказываетъ или запрещаетъ. Признаемся—говоритъ фонъ-Мале въ заключеніе—мы здѣсь про себя куда какъ не рады усердію венгерской королевы, которая то-и-дѣло присылаетъ ему въ подарокъ рыбы. Недавно два дня къ ряду онъ кушалъ ее въ большомъ количествѣ, съ величайшею опасностію для своего здоровья. По его приказанію, ему подавали камбалы (sole), устрицъ и разныхъ морскихъ рыбъ, и онъ кушалъ ихъ въ разныхъ видахъ—сырыя, вареныя и жареныя“ [1]).

Неудивительно, что недуги Карла V росли съ каждымъ годомъ: они питались его невоздержаніемъ. Начало его болѣзненности восходитъ впрочемъ еще къ его юности. Когда ему еще не было 20 лѣтъ, съ нимъ начались первые припадки, въ родѣ эпилепсіи, повторявшіеся потомъ нѣсколько разъ. Случалось, что онъ падалъ отъ нихъ вовсе безъ чувствъ на землю. Со времени брака его съ португальскою инфантою Изабеллою (въ 1526 году) эти припадки прекратились, но Карлъ и послѣ того продолжалъ чувствовать сильныя боли въ головѣ, такъ

[1]) См. Mignet, Charles-Quint, p. 55—56.

что впослѣдствіи принужденъ былъ остричь свои длинные волосы. Чтó для самого Карла было средствомъ облегченія отъ боли, то для придворныхъ его скоро обратилось въ моду. Подражая императору, испанскіе гранды также разстались съ своими длинными локонами и приняли ту же короткую прическу. Но Карла стерегли другіе недуги. Ему было 30 лѣтъ, когда онъ почувствовалъ первые припадки подагры. Руки и ноги его поражены были почти въ равной степени. Съ каждымъ годомъ потомъ болѣзнь дѣлала новые успѣхи. Карлъ все больше и больше терялъ способность произвольныхъ движеній. Часто онъ не владѣлъ довольно правою рукою, чтобы подписать свое имя; во многихъ случаяхъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ носилкамъ, чтобы переходить съ одного мѣста на другое. Лишь съ величайшимъ трудомъ могъ онъ ѣздить верхомъ на лошади. Въ одно время съ подагрою, его не менѣе сильно безпокоила одышка и часто повторявшіеся приливы крови. Онъ еще былъ довольно молодъ лѣтами, какъ уже голова и борода его покрылись сѣдинами.

Странно впрочемъ: душевныя силы Карла, повидимому, не изнемогали въ борьбѣ съ физическими недугами. Минье конечно не говоритъ того; но у нѣмецкаго историка реформаціи есть черты въ этомъ родѣ, которыя навсегда остаются въ памяти. Императоръ постоянно занимался самъ всѣми дѣлами внутренняго управленія; во внѣшней политикѣ никто не могъ сдѣлать безъ него ни одного важнаго шага; въ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, когда весь успѣхъ зависѣлъ отъ оружія, онъ обыкновенно показывался лично впереди своего войска, и его блѣдный и болѣзненный видъ производилъ даже эффектъ особеннаго рода на противниковъ. Таково было напримѣръ почти неожиданное появленіе его въ битвѣ при Мюльбергѣ (1547). Мы приведемъ это обстоятельство словами нѣмецкаго историка. Битвѣ предшествовала переправа императорскаго ополченія черезъ Эльбу. „Первые переправились Альба и Морицъ, за ними остальная легкая кавалерія, въ числѣ около 4000 всадниковъ, къ которымъ подсажено было сзади до 800 стрѣлковъ; потомъ слѣдовалъ Фердинандъ и за нимъ самъ императоръ. Протестанты знали, что императоръ выступилъ въ походъ въ самомъ больномъ состояніи, и что еще недавно, находясь въ Нюренбергѣ, онъ неохотно принималъ у себя кого бы то ни было, и смотрѣли на него почти какъ на мертвеца: точно какъ набальзамированный трупъ или привидѣніе, выѣзжалъ онъ впередъ по направленію къ нимъ. А того не знали они, что

эта болѣзненная, истощенная и, повидимому, совершенно разбитая натура способна была вдругъ возвратить себѣ свою первоначальную энергію и въ такомъ случаѣ неудержимо стремилась къ цѣли, которую видѣла у себя впереди. Карла нельзя было узнать въ походѣ: онъ опять становился и здоровъ и бодръ; каждый день въ четыре часа утра онъ былъ уже на ногахъ. Такъ и теперь онъ рыцаремъ выѣхалъ впередъ, въ своемъ блестящемъ вооруженіи, подъ краснымъ бургундскимъ знаменемъ, шитымъ золотомъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ мести во взглядѣ и съ полною увѣренностію въ побѣдѣ" [1]).

По тѣмъ или другимъ причинамъ, французскій историкъ проходитъ молчаніемъ подобныя явленія. Мысль его всего болѣе занята усиливающеюся болѣзненностію Карла V. Въ ней видитъ онъ главную причину не только физическаго изнуренія, но и нравственной усталости императора. Силы его слабѣли — думаетъ онъ — по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ его дѣятельности. Наконецъ — говоритъ тотъ же историкъ — Карлъ V долженъ былъ совершенно изнемочь и пасть подъ излишнею тяжестью, несоразмѣрной ни съ какими индивидуальными силами [2]).

Такъ объясняется, по мнѣнію Минье, рѣшимость Карла V сложить съ себя власть, которая подъ конецъ превышала его личныя средства. Ближайшія причины къ послѣдовавшему за тѣмъ отреченію отъ свѣта онъ находитъ также въ самой организаціи императора и его раннихъ душевныхъ расположеніяхъ. Онъ былъ наклоненъ отъ природы къ задумчивости. Никогда не видали его совершенно веселымъ: напротивъ того, грустное душевное настроеніе замѣчали въ немъ въ самой ранней молодости. Оно не приходило отъ внѣшнихъ причинъ, но развивалось въ немъ естественнымъ образомъ изъ условій его внутренней организаціи. Грусть безотчетная, но тѣмъ не менѣе глубокая, нерѣдко овладѣвала имъ до такой степени, что онъ, хотя и противъ своей воли, временемъ отдавался ей всѣмъ своимъ существомъ. Тогда онъ самъ одѣвался въ трауръ, приказывалъ обтянуть свою постель чернымъ полотномъ и ставилъ вокругъ себя нѣсколько восковыхъ пламенниковъ... Среди полнаго разгара дѣятельности, Карлъ вдругъ иногда меланхолически отворачивался отъ жизни и любилъ окружать себя симптомами смерти. Это мрачное душевное расположеніе, воз-

1) Ranke, Deutsche Geschichte, B. IV, S. 513 — 514. — 2) Mignet, ibid. p. 13.

вращаясь время отъ времени, указывало на глубоко скрытый корень болѣзни въ самой природѣ человѣка.

Не безъ основанія думаютъ, что душевный недугъ Карла V былъ наслѣдственный. Кажется безъ ошибки можно сказать, что первый зародышъ болѣзни достался ему отъ матери, Хуаны Кастильской. Женщина страстнаго темперамента, она легко теряла власть надъ собою. Страсть нарождалась въ ней изъ самаго простого и естественнаго чувства и тотчасъ принимала то одностороннее направленіе, которое не оставляетъ болѣе никакой свободы душевнымъ движеніямъ. Она не иначе могла любить, какъ страстно, и потому никогда не была свободна отъ ревности. Другими словами, Хуана до того отдавалась своей страсти, что не властна была даже надъ своимъ сознаніемъ. Извѣстна исторія отношеній ея къ Филиппу Габсбургскому. Повидимому, ни въ чемъ не было недостатка для ихъ супружескаго счастія; но на самомъ дѣлѣ Филиппъ былъ слишкомъ любимъ своею женою, чтобъ могъ назваться вполнѣ счастливымъ. Это была та больная любовь, которая хочетъ полнаго обладанія любимымъ предметомъ и въ каждомъ нѣсколько свободномъ его движеніи непремѣнно видитъ измѣну себѣ. Филиппъ не выдержалъ и наконецъ бѣжалъ отъ такой любви... Оставивъ беременную супругу въ Испаніи, онъ самъ уѣхалъ въ Нидерланды (1503). Бѣдная Хуана была поражена въ самое сердце, ею овладѣла несказанная грусть; она, казалось, потеряла голосъ, перестала владѣть языкомъ и вся превратилась въ слухъ, въ нетерпѣливое ожиданіе возвращенія мужа. Но онъ не являлся, и мать едва успокоивала дочь обѣщаніемъ скоро отпустить ее, на свиданіе съ нимъ, въ сѣверныя провинціи. Разрѣшеніе отъ бремени сыномъ (Фердинандомъ) сдѣлало ее еще нетерпѣливѣе: она на время какъ бы потеряла употребленіе своихъ умственныхъ силъ, ничего не слышала и не понимала вокругъ себя, и жила только однимъ желаніемъ. Наконецъ ей удалось обмануть своихъ приставниковъ: разъ она ушла изъ дому, гдѣ ее стерегли, чтобы итти пѣшкомъ во Фландрію. Ее скоро остановили и воротили назадъ, но ничѣмъ потомъ не могли убѣдить ее занять отведенную ей комнату. День и ночь Хуана проводила внѣ покоевъ и почти ни на минуту не оставляла наружныхъ галлерей замка. Чтобъ отвратить новый побѣгъ, мать принуждена была переправить ее въ Брюссель. Но несчастная страсть ея скоро нашла здѣсь себѣ новую пищу. Отъ ревнивыхъ глазъ жены Филиппа не укрылась связь его съ одною фламандкою. На бѣду эта дѣвушка

была очень красива собою. При видѣ ея, Хуаною овладѣла неукротимая ярость мщенія: она ворвалась въ комнаты ненавистной женщины, силою обрѣзала ей длинные бѣлокурые волосы, которыми Филиппъ любовался въ особенности, и безъ жалости исцарапала иглами ея румяныя щеки. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ поступокъ заслужилъ ей отъ Филиппа лишь суровую укоризну. Горькіе упреки его, разумѣется, не могли быть для нея цѣлительнымъ бальзамомъ: они глубоко вонзились въ ея сердце и погрузили ее въ мрачное отчаяніе, изъ котораго она не выходила до самой смерти своего мужа.

Въ 1506 году Филиппъ возвратился вмѣстѣ съ женою въ Испанію и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ опасно заболѣлъ въ Бургосѣ. Новая бѣда опять застигла Хуану въ состояніи беременности. Несмотря на то, она ни на минуту не хотѣла отойти отъ постели больного мужа. Прежняя любовь сказалась въ ней со всею своею силою. Какъ глубокъ былъ ея сонъ, такъ тревожно было ея временное пробужденіе изъ него. Филиппъ умеръ на рукахъ Хуаны, и у нея не нашлось ни одной слезы, чтобы омочить его охладѣвшій трупъ; но никакая сила не могла разлучить ея съ нимъ, пока его не схоронили въ землѣ. Умирая Филиппъ выразилъ желаніе, чтобы тѣло его положено было вмѣстѣ съ прахомъ Изабеллы въ Гранадѣ. Предстоялъ довольнс длинный переходъ изъ сѣверной Кастиліи на югъ Испаніи. Трупъ былъ набальзамированъ и въ заколоченномъ гробѣ поставленъ на время въ одномъ картезіанскомъ монастырѣ неподалеку отъ Бургоса. Вдругъ, откуда ни возьмись, явилась Хуана середи церкви и заставила разступиться монаховъ, стоявшихъ на молитвѣ. Она требовала, чтобы ей отдали трупъ ея мужа. Напрасно возражалъ ей епископъ, ссылаясь на мѣстныя постановленія, строго воспрещавшія нарушать покой умершаго: онъ не прежде хотѣлъ допустить перенесеніе тѣла, какъ по истеченіи шести мѣсяцевъ. Многіе гранды и прелаты были сначала того же мнѣнія; но какъ противорѣчіе лишь болѣе раздражало Хуану, то всѣ они принуждены были уступить ея желанію, изъ опасенія ускорить разрѣшеніе ея отъ бремени. Тогда гробъ вынесенъ былъ изъ склепа и открытъ въ присутствіи пословъ папы, императора и Фердинанда, для того чтобы они могли засвидѣтельствовать тождество трупа съ лицомъ умершаго. Послѣ того Хуана не разставалась съ своимъ покойникомъ до самаго мѣста его погребенія. Изъ Бургоса печальная процессія направилась въ Торквемаду. Тутъ, по случаю разрѣшенія Хуаны отъ бремени

(она родила принцессу, которая впослѣдствіи была замужемъ за португальскимъ королемъ), произошла остановка на нѣсколько недѣль. Гробъ поставленъ былъ въ церкви, и вооруженная стража ни на минуту не отходила отъ него. Каждый день совершалась въ церкви обычная служба, но женщинамъ воспрещено было переступать церковный порогъ. Хуана продолжала горѣть тою же страстію къ умершему, которая составляла ея мученіе во время его жизни. Она не сомнѣвалась болѣе въ смерти мужа, но, вѣря какому-то темному предсказанію, все ждала, что онъ еще встанетъ изъ гроба. Лишь въ апрѣлѣ 1507 года процессія двинулась далѣе. Сдѣлавъ небольшой переходъ, она снова должна была остановиться на ночное время въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ. Гранды, сопровождавшіе процессію, расположились ночевать въ крестьянскихъ домахъ, а гробъ поставленъ былъ на ночь въ церкви одного монастыря, находившагося неподалеку оттуда. Но какъ монастырь оказался женскій, то Хуана тотчасъ дала приказаніе воротить гробъ назадъ. Встрѣтивъ его на обратномъ пути, она призвала кузнецовъ, велѣла имъ поднять крышу, и при свѣтѣ факеловъ, раздуваемыхъ вѣтромъ, долго смотрѣла на лицо своего мужа, обезображенное смертію. Погребальное шествіе продолжалась потомъ съ разными остановками. Не будемъ пересказывать всѣхъ его подробностей; довольно замѣтить, что Хуана осталась вѣрна себѣ до конца. Переходы отъ одной станціи до другой обыкновенно совершались ночью. „Кто навсегда утратилъ солнце своей жизни"—говорила Хуана—„тому неприлично показываться при свѣтѣ дня". Когда ее просили остановиться въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, она отвѣчала, что печальной вдовѣ нейдетъ заботиться о пріятномъ мѣстопребываніи, хотя бы даже только на время. Въ Тортолѣ встрѣтился съ нею старый отецъ ея, Фердинандъ, возвращавшійся тогда изъ Неаполя. Онъ не могъ видѣть дочери безъ слезъ, а она — она смотрѣла на него сухими глазами, какъ будто не испытавши никакого горя. Съ тѣхъ поръ, какъ прекрасная фламандка похитила сердце ея мужа, Хуана потеряла навсегда способность плакать [1]).

Весьма естественно находить въ сынѣ наслѣдственныя черты матери. Отчего не отнести данное явленіе къ настоящему его источнику, какъ скоро можетъ быть указана родовая связь между ними? Имѣя въ виду это обстоятельство, мы сочли

[1]) См. между прочимъ Havemann, Francisco Ximenez, p. 25—33.

нелишнимъ привести нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты изъ жизни матери Карла V. Онѣ бросаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя болѣе или менѣе постоянныя душевныя расположенія въ немъ самомъ. Притомъ, разумѣется, никто совершенно не смѣшаетъ двухъ весьма различныхъ между собою натуръ. Многія женскія свойства существенно измѣняются, какъ скоро они перенесены на почву мужской природы. Кромѣ того Карлъ V нисколько не наслѣдовалъ отъ матери ея горячаго, страстнаго темперамента. Природа его скорѣе была фламандская, чѣмъ испанская; холодная кровь Габсбурговъ, повидимому, взяла въ немъ перевѣсъ надъ воспламенительною кровью южной породы, къ которой онъ принадлежалъ по женской линіи. Можетъ-быть не мало способствовалъ тому же фламандскій климатъ, среди котораго прошли его дѣтство и молодость. Физическія силы Карла развились и окрѣпли на отдаленномъ сѣверѣ. Внуку Фердинанда и Изабеллы почти не пришлось дышать воздухомъ Испаніи, пока не сложился въ окончательную форму его организмъ. Лишь по смерти дѣда Карлъ переправился изъ Нидерландовъ въ Испанію, чтобъ занять наслѣдственный престолъ. Тогда уже умъ его созрѣлъ настолько, что, по прибытіи на мѣсто, онъ тотчасъ понялъ главныя трудности своего положенія и умѣлъ искусно обойти ихъ своей политикою. Бывшіе при немъ неотлучно фламандскіе совѣтники могли только удивляться его воспріимчивости и способности пользоваться чужими уроками. Кардиналъ Хименесъ, посѣдѣвшій въ управленіи политическими дѣлами Кастиліи, долженъ былъ отступить передъ непреклонною волею юнаго короля, которой вовсе нельзя было ожидать отъ его возраста. Молодость и неопытность Карла нисколько не помѣшали ему навязать испанцамъ, противъ ихъ воли, фламандское управленіе. Учрежденія остались въ прежнемъ видѣ, но высшая администрація перешла въ руки нидерландцевъ, прибывшихъ съ королемъ въ Испанію. Столкновенія представлялись на каждомъ шагу, но при всемъ томъ со стороны Карла не вышло наружу ни одной страстной вспышки. Онъ велъ себя очень умѣренно и не показывалъ никакой запальчивости. Это впрочемъ не значитъ, чтобы въ природѣ его не было ничего страстнаго; но страсть имѣла у него совсѣмъ другой характеръ. Она не кипѣла у него въ крови, но сливалась въ одно съ его волею. Однажды поставивши себѣ цѣль, Карлъ шелъ къ ней упорно, вопреки всѣмъ обстоятельствамъ, часто даже своимъ собственнымъ выгодамъ; ставши разъ враждебно къ тому или другому

лицу или явленію, онъ никогда не могъ совершенно измѣнить своихъ къ нему отношеній. Какъ скоро воля его устремилась въ одномъ направленіи, своротить ее туда или сюда было трудно и почти невозможно. Она скорѣе бы отреклась отъ самой себя, чѣмъ отъ своей цѣли, не достигнувъ ея. Страсть жила въ немъ слишкомъ глубоко, чтобы обнаруживаться внѣшними волненіями. Онъ могъ быть очень тихъ и спокоенъ по наружности и въ то же время горѣть сильнымъ внутреннимъ огнемъ отъ одной постоянной мысли. Онъ могъ имѣть въ головѣ обширные планы и не нуждаться въ сообщеніи ихъ другимъ. Если мысль его не достигла исполненія, она умирала въ немъ. Карлъ нуждался не въ сочувствіи другихъ, а развѣ только въ помощи для осуществленія своихъ плановъ. Самые близкіе къ нему люди угадывали его мысль не столько по словамъ, сколько по принимаемыхъ мѣрамъ. Страсть молчаливая, сдержанная, — она не имѣла ничего общаго съ болѣе чувственною страстію Хуаны, обыкновенно разрѣшавшеюся въ необузданные порывы. Болѣзненная сторона организаціи матери отразилась въ сынѣ не постояннымъ свойствомъ, а временными припадками менѣе насильственнаго характера. Они возвращались къ нему время отъ времени, но не могли переломить его природы и покорить себѣ его волю: по крайней мѣрѣ намъ кажется, что трудно было бы доказать противное.

Если мы не ошибаемся, французскій историкъ Карла V придаетъ гораздо болѣе важности его болѣзненному состоянію въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Въ глазахъ Минье не столько важенъ первоначальный корень недуга, сколько послѣдующее его дѣйствіе на пораженный имъ организмъ. Онъ видитъ постепенно усиливающееся меланхолическое расположеніе императора, которое наконецъ овладѣваетъ имъ совершенно и, такъ сказать, диктуетъ ему приговоры надъ самимъ собою [1]). Послѣднимъ словомъ такого больного душевнаго настроенія было рѣшеніе Карла V отказаться не только отъ власти, но даже отъ свѣта, и провести остатокъ дней въ монастырѣ. Истолковавъ себѣ въ этомъ смыслѣ одно изъ самыхъ главныхъ жизненныхъ рѣшеній своего героя, историкъ всего болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы показать, какъ оно постепенно подгото-

[1]) Charles-Quint, p. 12: La disposition qu'une tristesse naturelle, une douleur profonde et pieté ardente avaient alors fait naître, une extrême fatigue la renouvela dans la suite en la rendant de plus en plus *impérieuse*.

влялось въ предшествующей жизни того же лица. Такимъ образомъ онъ проходитъ, одну за другою, различныя степени одного и того же психическаго явленія, до тѣхъ самыхъ поръ, пока оно не овладѣваетъ волею Карла V и его же собственными устами произноситъ ему послѣдній приговоръ. Послѣдуемъ и мы за авторомъ въ этомъ любопытномъ изложеніи.

По словамъ Минье, первая мысль объ отреченіи явилась у Карла V за двадцать лѣтъ до ея исполненія. Это было въ 1535 году. Карлъ возвратился тогда изъ своего блестящаго и очень счастливаго похода противъ Туниса. Мы ничего не знаемъ о ближайшихъ побужденіяхъ, расположившихъ побѣдителя къ такому нечаянному обороту мыслей. Да и самый фактъ этого поворота такъ новъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ былъ такъ мало извѣстенъ, что надъ нимъ стоитъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Минье открылъ его впервые въ неизданномъ письмѣ португальскаго посла, Лоуренсо Пиреса-де-Тавора, къ королю Іоанну III [1]. Извѣстіе впрочемъ вовсе не современно самому случаю, къ которому оно относится. Лоуренсо Пиресъ узналъ о раннемъ намѣреніи Карла V удалиться отъ свѣта не прежде, какъ за нѣсколько дней до окончательнаго перемѣщенія его въ монастырь св. Юста, изъ разговора, который происходилъ между ними въ Харандильскомъ замкѣ (château de Jarandilla). Самое же письмо относится къ началу 1557 года. Сущность извѣстія состоитъ въ томъ, что императоръ, незадолго передъ тѣмъ, какъ ему заключиться навсегда въ монастырь, бесѣдуя съ португальскимъ посломъ, вспомнилъ, что подобная мысль представлялась уже его уму назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ. Современный Карлу историкъ Сепульведа упоминаетъ о томъ же, хотя въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Но, сверхъ этихъ извѣстій, ранняя мысль Карла объ отреченіи отъ міра не оставила никакихъ видимыхъ слѣдовъ въ его жизни и дѣятельности.

Позволимъ себѣ выразить здѣсь нѣкоторыя сомнѣнія — не въ истинѣ самаго факта, а относительно приписываемой ему силы и значенія. Мысль могла такъ же скоро исчезнуть, какъ неожиданно она мелькнула въ увѣнчанной свѣжими лаврами головѣ побѣдителя. Если въ ближайшіе къ тому времени годы жизни Карла незамѣтно никакихъ видимыхъ ея слѣдовъ, то едва ли не справедливѣе считать ее случайнымъ болѣзненнымъ припадкомъ, чѣмъ зерномъ будущаго великаго рѣшенія. Мы

[1] См. Mignet, p. 6.

знаемъ корень, отъ котораго время отъ времени могли нарождаться въ душѣ Карла разныя болѣзненныя расположенія, но не видимъ еще причины думать, чтобы они имѣли прямое вліяніе на его практическую дѣятельность. Она оставалась свободна попрежнему. Со стороны Карла было весьма естественно передъ вступленіемъ въ монастырскую ограду вспомнить ту минуту, когда мысль объ удаленіи отъ свѣта впервые представилась его воображенію. Переживая необыкновенное, человѣкъ невольно обращается къ прошедшему и ищетъ тамъ или предчувствій, или болѣе сознательнаго предощущенія своей послѣдующей судьбы. Но кто поручится намъ, что если бы не привзошли нѣкоторыя чрезвычайныя обстоятельства, мечта или предположеніе давнихъ лѣтъ точно нашли бы себѣ осуществленіе въ самой дѣйствительности, а не исчезли совершенно при другомъ ходѣ жизни?

Во второй разъ замѣчаютъ присутствіе той же мысли въ душевномъ расположеніи Карла V черезъ семь лѣтъ послѣ перваго случая. Извѣстіе опять принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно бы назвать „памятными“, въ томъ смыслѣ, что они по памяти возвращаются къ нѣкоторымъ случаямъ въ прежней жизни лица, будучи наведены на нихъ позднѣйшими событіями. На этотъ разъ свидѣтелемъ выступаетъ Донъ Франсиско де-Борха (Borja), маркизъ де-Ломбай, который изъ наслѣдственнаго герцога Гандіи сдѣлался впослѣдствіи генераломъ Іезуитскаго ордена (третьимъ послѣ основателя) [1]. Въ 1556 году, наканунѣ своего вступленія въ монастырь, Карлъ V вызвалъ къ себѣ въ Харэндильскій замокъ Дона Франсиско, извѣстнаго своею строгою жизнію. Разговоръ коснулся послѣдняго столько важнаго рѣшенія въ жизни императора. „А помните ли вы“, сказалъ Карлъ, „что еще въ 1542 году я говорилъ вамъ о моемъ намѣреніи удалиться отъ міра?“ Донъ Франсиско отвѣчалъ ему утвердительно. Біографъ его прибавляетъ, что это довѣренное сообщеніе сдѣлано было ему императоромъ во время собранія аррагонскихъ кортесовъ.

Еще разъ встрѣчаемся мы въ жизни Карла V съ такимъ обстоятельствомъ, которое сохранилось лишь въ его собственной памяти и въ памяти одного лица, пользовавшагося тогда довѣренностію императора. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль дѣйствительно представлялась ему и была передана другому, но,

[1]) Показаніе его приведено у Рибаденейры, въ его Vida del Padre Francisco de Borja. См. Mignet, ibid. p. 8.

кромѣ временнаго пребыванія Карла V въ одномъ изъ испанскихъ монастырей, она также не оставила наружныхъ слѣдовъ по себѣ. Любопытно было бы по крайней мѣрѣ узнать, чѣмъ она возбуждена была въ душѣ Карла V вторично? Можно ли это новое ея появленіе считать столько же случайнымъ, какъ и первое, или оно было условлено обстоятельствами самой жизни императора? У Минье же находимъ одно указаніе, которое отчасти разрѣшаетъ наше недоумѣніе. Онъ приводитъ множество случаевъ, показывающихъ между прочимъ, что Карлъ любилъ иногда провести нѣсколько дней въ тиши монастырскаго уединенія. Это случалось съ нимъ особенно въ трудныхъ или грустныхъ обстоятельствахъ жизни. Такъ между прочимъ онъ заключился на нѣкоторое время въ Мехорадскомъ монастырѣ, неподалеку отъ Ольмедо, въ 1541 году, послѣ своего несчастнаго похода къ Алжиру, когда суда его были разсѣяны бурею, и онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ своего предпріятія [1]). Тутъ понятны причины, заставившія Карла бѣжать, хотя на время, свѣта. Онѣ не зависѣли отъ случайнаго расположенія духа, а лежали въ самыхъ событіяхъ. Предпріятіе задумано было не хуже тунисскаго, а кончилось ничѣмъ. Вмѣсто ожиданной громкой славы Карлъ привезъ съ собою признаніе въ неудачѣ. На немъ конечно не было никакой вины, но гордость его потерпѣла чувствительный ударъ. Неохотно было ему показаться въ свѣтъ, когда на лицѣ его всякій могъ читать невольное сознаніе въ безсиліи. Куда скорѣе могъ онъ унести свое недовольство и свой внутренній разладъ, какъ не въ монастырское уединеніе? Гдѣ лучше могъ онъ укрыться, хотя бы только на время, отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ докучливыхъ распросовъ, наконецъ просто отъ встрѣчи съ людьми? Но во всякомъ случаѣ рана, нанесенная его гордости, кажется, была не такого свойства, чтобы могла скоро закрыться. Къ тому же въ положеніи дѣлъ внутри имперіи не могло быть ничего утѣшительнаго, успокоивающаго для императора. Вышедши изъ монастыря, онъ опять встрѣчался съ тѣми же трудными задачами, которыя до сихъ поръ безпрестанно возмущали и нарушали правильный ходъ его внутренней политики. Узелъ, затянутый въ Германіи реформаціоннымъ движеніемъ, съ каждымъ годомъ запутывался все болѣе и болѣе. На внѣшнемъ политическомъ горизонтѣ также собирались новыя тучи. Франція опять готовилась къ

[1]) См. Mignet, ibid. p. 58—89.

войнѣ, когда Карлъ V съ своей стороны всего менѣе чувствовалъ охоты принять вызовъ. Онъ торопился стянуть свои войска въ сѣверной Италіи и тѣмъ обнажалъ Германію, которой въ тоже время угрожала другая опасность со стороны Венгріи. Францискъ I приступалъ къ новой борьбѣ съ своимъ старымъ соперникомъ, усиливъ себя союзомъ съ мусульманскою Турціею. Германія, раздѣленная религіозными интересами, мало обѣщала императору дружнаго содѣйствія. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ князей втайнѣ готовы уже были подать руку на союзъ съ Франціею. Къ числу ихъ принадлежалъ между прочимъ герцогъ клевскій, котораго владѣнія лежали между Германіей и Нидерландами. Враждебныя дѣйствія съ его стороны, когда Франція грозила Нидерландамъ съ другой, могли поставить наслѣдственныя провинціи императора въ весьма опасное положеніе. Въ 1542 году ему было вовсе не легче, чѣмъ въ предшествующемъ 1541. Небо кругомъ обкладывалось густыми облаками, и никто не могъ сказать, гдѣ и чѣмъ можетъ разрѣшиться гроза. Если послѣ алжирскаго похода Карлъ страдалъ чувствомъ своей громкой неудачи, то въ слѣдующемъ году его безпокойно томила неизвѣстность ближайшаго будущаго. Такъ можно ли удивляться, что въ головѣ его скопилось тогда столько мрачныхъ мыслей, что у него опять явилось грустное желаніе совсѣмъ отречься отъ власти и удалиться отъ міра?

Читателю можетъ-быть покажется высказанное нами мнѣніе не болѣе какъ голымъ предположеніемъ? Попробуемъ заглянуть въ переписку Карла V около того времени. Она навѣрное поможетъ намъ разрѣшить сомнѣніе. Есть нѣсколько писемъ Карла отъ 1542 года. Чтобы лучше видѣть тогдашнее положеніе, если не самое настроеніе императора, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ писемъ его къ Фердинанду, писанныхъ въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. въ то время, когда уже довольно опредѣлились отношенія имперіи къ Франціи и Турціи. Извѣщая брата объ открытіи военныхъ дѣйствій со стороны Франціи, онъ писалъ между прочимъ: „Видя, въ какихъ я нахожусь трудныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе того, что противникъ мой началъ войну именно съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ ожидать ея, и притомъ въ такое время, когда почти всѣ мои силы были стянуты къ Италіи, чтобы быть въ готовности тотчасъ выступить въ Венгрію, вы поймете, что въ настоящую минуту я не имѣю средствъ помочь вамъ, и что мнѣ невозможно въ этихъ обстоятельствахъ и

думать о томъ, чтобы послать войска въ Венгрію, ибо я принужденъ отвести въ другую сторону (въ Нидерланды?) часть нѣмецкихъ и испанскихъ силъ, которыя находились до сего времени въ Италіи (какъ въ Ломбардіи, такъ и въ Неаполѣ съ Сициліею), оставляя впрочемъ и въ ней столько войска, сколько необходимо здѣсь содержать, чтобы всегда быть готову дать отпоръ какъ туркамъ на границахъ Неаполя и Сициліи, гдѣ они угрожаютъ нападеніемъ, такъ и французамъ въ Ломбардіи и въ другихъ пунктахъ Италіи, гдѣ только можно опасаться удара со стороны короля (Франциска), который нарочно старается вдругъ зажечь огонь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы я не въ состояніи былъ съ успѣхомъ сопротивляться ему. Надѣялся было я имѣть еще въ своемъ распоряженіи нѣсколько нѣмецкихъ дружинъ, которыя вдовствующая венгерская королева (правительница Нидерландовъ), сестра наша, велѣла вновь набрать, какъ скоро узнала о предпріятіи герцога клевскаго въ соединеніи съ Мартиномъ фонъ-Россомъ: она даже писала, что немедленно отправляетъ ихъ ко мнѣ, когда до нея дошли слухи, что король французскій выступилъ съ большими силами по направленію къ югу (de deça); но потомъ я извѣстился, что она сама находится въ затруднительномъ положеніи, угрожаемая въ одно и то же время нападеніемъ съ двухъ различныхъ сторонъ, и что набранные ею ратники много запоздали противъ ея ожиданія, и я признаюсь, что меня ужъ гораздо больше озабочиваетъ ея положеніе, чѣмъ всѣ бѣды, которыя грозятъ мнѣ съ суши и съ моря въ южныхъ странахъ“ [1]). Черезъ восемь дней потомъ онъ опять писалъ къ Фердинанду: „Хотя, сказать по правдѣ, я самъ нахожусь въ весьма стѣсненномъ положеніи, оставаясь въ Испаніи, какъ вы можете судить по тѣмъ большимъ силамъ, которыя король французскій собралъ противъ меня какъ у Руссильона, такъ и у Наварры, тогда какъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ другихъ войскъ, кромѣ туземныхъ испанскихъ, вовсе непривычныхъ къ войнѣ, и хотя сверхъ того есть большая вѣроятность, что дѣло не обойдется безъ вмѣшательства турокъ, которые могутъ послать свою армію моремъ; но при всемъ томъ меня гораздо больше безпокоитъ то, что́ я слышу о движеніяхъ французовъ къ Люксембургу, а равно о дви-

[1]) См. Lanz, Correspodenz des Kaisers Karl V, II, p. 351—352. Мы сохраняемъ въ переводѣ длинные періоды дипломатической корреспонденціи Карла V, какъ они есть въ подлинникѣ.

женіи клевскаго и датскаго ополченій, которыя съ другой стороны достигли уже Диста (Diest, притокъ Мааса?), такъ что я не сомнѣваюсь, что какъ скоро обѣ эти арміи соединятся между собою, онѣ въ состояніи будутъ отважиться на многое и сдѣлаютъ мнѣ много вреда въ тѣхъ провинціяхъ. А я рѣшительно не знаю, какъ могу помочь имъ отсюда, и не вижу также, чтобы въ этомъ случаѣ могли принести какую-нибудь пользу мои уполномоченные въ Италіи..." [1])

Карлъ V обыкновенно не отличался особенною откровенностію. Въ перепискѣ съ самыми близкими людьми рѣдко раскрывалъ онъ сполна свои планы, еще менѣе свое настоящее чувство. Уже тѣ признанія, которыя онъ принужденъ былъ сдѣлать въ августѣ 1542 года своему брату, достаточно показываютъ, какъ безотрадно представлялось ему состояніе политическихъ дѣлъ въ различныхъ частяхъ обширной его имперіи. Каково же должно было тогда быть его истинное расположеніе? Могъ ли онъ, при извѣстной его болѣзненной наклонности, освободиться хотя на минуту отъ мрачныхъ мыслей? Притомъ не надобно терять изъ виду того обстоятельства, что письма, изъ которыхъ мы взяли приведенные отрывки, писаны Карломъ въ Монсонѣ (Monçon, Montson), слѣдовательно прямо относятся къ пребыванію его въ Аррагоніи во время собранія тамошнихъ штатовъ. А мы видѣли, что вторичное выраженіе мысли императора объ удаленіи отъ міра принадлежитъ тому же самому времени.

Поэтому не иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями, можемъ мы допустить слѣдующія слова французскаго историка, которыми онъ заключаетъ свой разсказъ о первыхъ признакахъ меланхолическаго настроенія въ Карлѣ V, завершившагося впослѣдствіи совершеннымъ отреченіемъ его отъ власти. „Это первое охлажденіе ко власти Карлъ почувствовалъ въ такую пору своей жизни, когда ему еще не исполнилось сорока лѣтъ, и когда онъ былъ *въ полномъ блескѣ своего могущества*. Онъ окончилъ (?) съ выгодою для себя ту продолжительную борьбу, которая съ самаго начала вѣка тянулась между Франціею и Испаніею за обладаніе Италіей. Побѣдитель Франциска I въ трехъ войнахъ, слѣдовавшихъ одна за другою, побѣдитель Климента VII и всѣхъ независимыхъ итальянскихъ государствъ, онъ видѣлъ между своими плѣнниками сначала короля, потомъ папу, и наконецъ заставилъ

[1]) Ibid. p. 359—360.

страну, такъ долго оспариваемую у него, подчиниться во всемъ своимъ политическимъ видамъ. Съ другой стороны, онъ же былъ побѣдоноснымъ защитникомъ Германіи въ опасной борьбѣ ея съ турками. Онъ далъ сильный отпоръ столько страшному Солиману II, угрожавшему своимъ нашествіемъ самой Вѣнѣ, и положилъ предѣлъ его завоеваніямъ. Выступивъ потомъ противъ Хайръ-Эддина Барбароссы, онъ смѣло атаковалъ неустрашимаго корсара на сѣверномъ берегу Африки, въ Алжирѣ и Тунисѣ, гдѣ тотъ считалъ себя въ полной безопасности... Вообще говоря, Карлъ до сихъ поръ *зналъ только удачу* во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ" [1]).

Навѣрное можно сказать, что если бы подобныя рѣчи достигли слуха самого Карла V во время пребыванія его въ Монсонѣ, онъ сомнительно покачалъ бы надъ ними головою. Не далъ бы онъ вѣры словамъ другихъ о счастливомъ исходѣ борьбы за Италію, когда ему за нее же угрожали четвертою войною, возбуждавшею въ немъ такъ много опасеній. Не принялъ бы онъ безъ оговорки и всего, что̀ сказано новымъ историкомъ объ успѣхахъ его противъ мусульманъ, въ особенности противъ Барбароссы, когда у него въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ противъ Алжира, и не находилось достаточныхъ средствъ, чтобы прикрыть Венгрію отъ угрожавшаго ей вновь нашествія турецкихъ силъ. Если бы Карлъ V дѣйствительно чувствовалъ себя въ то время на высшей степени своего могущества, не боялся бы онъ такъ за свои наслѣдственныя провинціи и не высказывалъ бы такъ откровенно своихъ опасеній за нихъ. Черезъ годъ или два, конечно, положеніе измѣнилось. Отъ Нидерландовъ опасность была отвращена, и Карлъ своимъ смѣлымъ движеніемъ, по направленію къ Парижу, угрожалъ своему главному противнику въ самой его резиденціи. Но черезъ два года нѣтъ болѣе и рѣчи объ удаленіи императора въ монастырь. Онъ опять воспринимаетъ свою обычную дѣятельность, онъ крѣпче чѣмъ когда-нибудь держитъ въ рукахъ свою власть и замышляетъ самый сильный ударъ противъ тѣхъ, въ которыхъ видѣлъ главныхъ враговъ внутренняго міра въ имперіи. Мрачное расположеніе его духа какъ будто разсѣялось вмѣстѣ съ опасностями, грозившими ему съ разныхъ сторонъ.

Отсюда вплоть до 1556 года, т. е. когда Карлъ V на самомъ дѣлѣ сложилъ съ себя власть, извѣстные случаи не по-

[1]) Mignet, ibid. p. 8—11.

вторялись болѣе въ его жизни. По крайней мѣрѣ до насъ достигли только извѣстія о двукратной тяжкой болѣзни императора (въ 1547 и 1548), которой онъ подвергся вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ въ войнѣ съ протестантами. Нѣкоторое время самая жизнь его была въ немалой опасности. Тогда между прочимъ продиктовалъ онъ свою обширную инструкцію въ руководство Филиппу II, въ которой изложилъ свои политическіе виды и подалъ сыну многіе полезные совѣты, внушенные многолѣтнею государственною опытностію. Но это была болѣзнь чисто физическаго свойства; то мрачное душевное настроеніе, которое сопровождалось у Карла отвращеніемъ къ свѣтской дѣятельности, при ней не повторилось. За то, возобновившись еще разъ черезъ нѣсколько лѣтъ, оно взяло надъ нимъ такую силу, что онъ немедленно приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ для передачи своей власти со всѣми ея аттрибутами своимъ законнымъ преемникамъ и вскорѣ послѣ того дѣйствительно затворился въ стѣнахъ одного испанскаго монастыря, гдѣ и оставался безвыходно до послѣдней минуты своей жизни.

Получивъ однажды сомнѣніе въ непреодолимой силѣ нѣкоторыхъ прирожденныхъ наклонностей въ душѣ Карла V, въ настоящемъ случаѣ мы еще болѣе въ правѣ спросить: при какихъ обстоятельствахъ совершилось окончательное и безвозвратное отреченіе его отъ власти и отъ міра? — Сколько мы могли замѣтить, мнѣніе Минье относительно этого важнаго пункта не совсѣмъ твердо установлено. Онъ проходитъ одно за другимъ всѣ замѣчательнѣйшія событія того времени, касается ихъ во многихъ подробностяхъ, и хотя нерѣдко признается, что они принимали весьма неблагопріятный оборотъ для императора, особенно въ послѣдніе годы его управленія, но нигдѣ не говоритъ, чтобы обстоятельства имѣли сильное вліяніе на его рѣшеніе: судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, можно даже подумать, что — во мнѣніи нашего историка — Карлъ V не прежде отказался отъ государственной дѣятельности, какъ вышедши побѣдителемъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ поставленъ былъ со времени вторичнаго своего столкновенія съ князьями протестантской Германіи. Затѣмъ промедлилъ онъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ во власти, чтобы имѣть время возстановить свой авторитетъ въ полной его силѣ и безъ всякаго ущерба передать его своимъ преемникамъ.

Вмѣстѣ съ другими историками Карла V, Минье также признаетъ, что внутреннія событія имперіи, начиная съ 1552

года, не только ничего не прибавили къ прежней славѣ императора, но еще много повредили его прежде столько высокому авторитету въ общемъ мнѣніи Европы. И странно было бы отрицать то, что̀ каждому бросается въ глаза. Со времени знаменитаго движенія Морица Саксонскаго отъ Магдебурга къ Тиролю, Карлъ V нѣсколько разъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Застигнутый врасплохъ, онъ долженъ былъ въ ночномъ бѣгствѣ искать спасенія своей личной свободы и безопасности. Бѣглецомъ пришелъ онъ въ свои наслѣдственныя провинціи, и осужденный въ нихъ на бездѣйствіе, принужденъ былъ въ перемиріи съ своими противниками потерпѣть унизительныя для своего достоинства условія. Послѣ того ему оставалось только покрыть свою внутреннюю неудачу успѣшными дѣйствіями противъ внѣшняго непріятеля, отъ котораго страдала честь и существенныя выгоды имперіи. Пользуясь внутренними смутами въ ней и дѣйствуя въ союзѣ съ протестантами, сынъ Франциска I отхватилъ отъ Германіи цѣлую область съ нѣсколькими значительными городами. Разсѣянныя силы Карла V опять собрались понемногу, но счастіе и тутъ измѣнило ему. Осада Меца стоила ему половины арміи и кончилась безславнымъ отступленіемъ. Ничто не удавалось Карлу V въ эти трудныя минуты его жизни. Не только надобно было отречься, какъ отъ несбыточной мечты, отъ всякой мысли о возстановленіи политическаго и религіознаго единства Германіи: самое естественное желаніе отца передать императорскую корону прямо по наслѣдству своему сыну не нашло себѣ никакого сочувствія ни въ нѣмецкомъ народѣ, ни даже въ семьѣ императора, и потому осталося также неисполненнымъ. Неудовлетвореніе стало въ душѣ Карла V господствующимъ чувствомъ. Счастіе какъ будто вдругъ повернулось къ нему спиною. Онъ самъ довольно ясно сознавалъ свое положеніе, и приписывая свои неудачи старости, съ горькою улыбкою говорилъ другимъ, что и „фортуна любитъ молодость“ [1]).

Все это признаетъ и довольно подробно излагаетъ авторъ исторіи «Отреченія», хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами жизни своего героя. Но онъ очень мало оттѣняетъ дѣйствіе приведенныхъ событій на самый духъ Карла V, онъ не довольно даетъ почувствовать читателю, что они могли

[1]) Fortunam esse juvenum amicam. Strada, De bello belgico

имѣть сильное вліяніе на послѣднее рѣшеніе императора. По его мнѣнію, это рѣшеніе было гораздо болѣе свободное. Карлъ V пришелъ къ нему не прежде, какъ исправивъ свое невыгодное положеніе какъ внутри имперіи, такъ и во внѣшней политикѣ, и возвративъ своему авторитету прежнее его достоинство и величіе. На то посвятилъ онъ слѣдующіе (они же были и остальные) три года своего управленія и сошелъ съ престола въ обстоятельствахъ болѣе счастливыхъ. Нельзя было развить болѣе дѣятельности, чѣмъ сколько употреблено было имъ въ послѣдніе годы, для поправленія своихъ обстоятельствъ. Энергія его воли ничего не хотѣла уступить силѣ недуговъ, возраставшихъ съ каждымъ днемъ, и торжествовала надъ крайнимъ физическимъ изнуреніемъ. Постоянно больной, онъ однако не пренебрегалъ ничѣмъ для возстановленія своего политическаго значенія внутри и внѣ государства въ прежнемъ его достоинствѣ, и не прежде рѣшился передать власть въ другія руки, какъ устроивъ всѣ дѣла болѣе или менѣе по своему желанію.

Историкъ нигдѣ не говоритъ прямо, чтобы Карлъ V успѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ возстановить свой высокій авторитетъ и достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній: но таково почти общее впечатлѣніе двухъ первыхъ главъ его сочиненія. Была минута, когда повелитель Германіи, Испаніи и Новаго Міра дѣйствительно находился въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но онъ выдержалъ невзгоду, изгладилъ невыгодное впечатлѣніе, произведенное ею на него самого и на другихъ, и тогда только произнесъ свое отреченіе, когда исчезла всякая тѣнь внѣшняго принужденія. Читатель опять приведенъ къ тому заключенію, что послѣднимъ рѣшеніемъ Карла V выразилась лишь самая сильная степень того болѣзненнаго душевнаго расположенія, которое и прежде не разъ играло дѣятельную роль въ его жизни и дѣятельности. Подготовить же въ немъ такую печальную настроенность могли развѣ только усиливавшіеся его недуги и сопровождавшее ихъ крайнее изнуреніе физическихъ силъ.

Нѣтъ спора, что принятый нашимъ авторомъ отъ начала взглядъ на Карла V вѣрно выдержанъ до конца. Но чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ больше растутъ наши сомнѣнія. Какъ? неужели даже такія событія, какъ бѣгство изъ Инспрука и послѣдовавшее за тѣмъ Нассауское перемиріе, такъ мало соотвѣтствовавшее постояннымъ желаніямъ и видамъ императора, не имѣли довольно сильнаго вліянія на его духъ? Не-

ужели даже безуспѣшная осада Меца, почти равнявшаяся признанію въ политическомъ безсиліи, нисколько не тронула его самолюбія? Наконецъ Аугсбургскій религіозный миръ, которымъ закрѣплены были на долгія времена невыгодныя условія Нассаускаго перемирія, развѣ такъ отдаленъ былъ по времени отъ знаменитаго рѣшенія, произнесеннаго Карломъ V надъ самимъ собою, что между ними не могло быть никакой внутренней связи? Сомнѣваемся и готовы нѣсколько разъ повторить наши сомнѣнія. Авторъ, повидимому, нѣсколько обольстился осторожными и искусными рѣчами самого императора, который прикрывалъ ими свое отступленіе передъ превосходными силами неблагопріятной, если не прямо враждебной ему современности. Но даже и въ этихъ рѣчахъ, если только быть къ нимъ внимательнѣе, можно замѣтить пробивающееся въ нихъ чувство неудовлетворенія. Такъ въ 1555 году, вызывая своего сына Филиппа въ Бельгію, Карлъ V велѣлъ передать ему (черезъ Рюи Гомесъ-де-Сильва), что „онъ долженъ былъ отложить свою поѣздку въ Испанію, вынужденный силою обстоятельствъ, которыя безъ него могли бы принять совсѣмъ другой оборотъ, такъ что вредъ отъ нихъ почувствовался бы на всемъ пространствѣ его владѣній; но что теперь, когда съ помощію Божіею все опять уладилось, когда *часть* недавнихъ потерь возвращена снова, и потрясенная репутація тоже *отчасти* возстановлена, онъ намѣренъ возложить на него (т. е. на сына) попеченіе о дѣлахъ и управленіе ими, и надѣется, что тотъ окажется вполнѣ достойнымъ возлагаемаго на него порученія и устроитъ все къ лучшему“ [1]). Итакъ Карлъ V не надѣялся уже исправить всего своими собственными силами и спѣшилъ покинуть незадолго передъ тѣмъ съ большими усиліями подстроенную сцену, на которой дѣйствовалъ до сего времени, изъ опасенія, чтобы она не расшаталась еще болѣе, Послушаемъ еще одного итальянскаго политика, Федерико Бадоаро, выразившаго, по словамъ самого Минье, мнѣніе своихъ современниковъ о томъ, какое внезапное превращеніе произошло не только во внѣшней судьбѣ Карла V, но и въ самой репутаціи, соединенной съ его именемъ. Уже послѣ того, какъ совершилось отреченіе, этотъ умный наблюдатель доносилъ венеціанской синьоріи: „*Назадъ тому шесть лѣтъ* [2]) репутація Карла V стояла на высокой степени,

[1]) Изъ Симанскаго архива. См. Mignet, p. 91.—[2]) Писано въ 1558 году. См. p. 131—132.

какой не только въ наше время, но и за нѣсколько вѣковъ прежде, не достигалъ ни одинъ императоръ между современными ему повелителями по отношенію къ своимъ явнымъ и тайнымъ врагамъ, какъ внутри христіанскаго міра, такъ еще болѣе между невѣрными. Она была плодомъ многихъ и столько славныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ разное время: въ Африкѣ—надъ владѣтелемъ Туниса, въ Германіи—надъ курфирстомъ Іоганномъ Фридрихомъ саксонскимъ, ландграфомъ гессенскимъ, вольными городами и герцогомъ клевскимъ, въ войнахъ съ Франціею — надъ королемъ французскимъ, который былъ даже его плѣнникомъ, въ Италіи—надъ папою Климентомъ, надъ Генуею, Флоренціею и Миланомъ. *Но бѣгство изъ Инспрука и несчастный исходъ осады Меца вдругъ прервали это славное теченіе*. Тогда ожили воспоминанія и о другихъ прежде понесенныхъ имъ неудачахъ, какъ то: объ отступленіи изъ Прованса, объ алжирской экспедиціи, о безуспѣшной атакѣ Кастельново и о невыгодномъ мирѣ, заключенномъ съ французскимъ королемъ: все это, вмѣстѣ съ отреченіемъ его отъ власти и заключеніемъ въ монастырь, нанесло почти (quasi) рѣшительный ударъ репутаціи императора. Говорю „почти", ибо отъ него уцѣлѣло лишь столько, сколько судно, движимое вѣтромъ и веслами и получившее извѣстное направленіе, сохраняетъ еще его послѣ того, какъ вѣтеръ перестаетъ дуть и весла не дѣйствуютъ болѣе. Отсюда всѣ заключаютъ, что доселѣ огромный корабль обширной имперіи его в—ва движимъ былъ впередъ благопріятнымъ дуновеніемъ фортуны".

Событія послѣднихъ годовъ въ жизни Карла V очевидно оставляли совсѣмъ иное впечатлѣніе въ его современникахъ, нежели какое производитъ изложеніе тѣхъ же перемѣнъ у современнаго намъ историка. Временно и онъ конечно вынужденъ дѣлать нѣкоторыя уступки другому мнѣнію и признаваться, что „положеніе императора передъ его отреченіемъ все еще было довольно затруднительно и опасно"; но эти уступки не такого рода, чтобы ими можно было удовольствоваться. Современники самого Карла смотрѣли на дѣло совсѣмъ другими глазами. Во всемъ, что́ произошло съ 1552 года, они поражены были не энергіею его воли, способной изворотиться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и направить ихъ къ лучшему, а постепеннымъ паденіемъ громкой репутаціи, которая до того времени соединена была съ его именемъ. Самое отреченіе его отъ власти, по ихъ мнѣнію, было лишь новою степенью въ томъ же паденіи. Тутъ, кажется, трудно найти

середину: или Карлъ V дѣйствительно торжествовалъ надъ обстоятельствами, или они окончательно взяли верхъ надъ его волею.

При всемъ нашемъ уваженіи къ талантливому историку, мы не можемъ принять сполна его воззрѣнія. Мы позволяемъ себѣ думать, что оно вообще нѣсколько односторонне, и ищемъ только формулы, чтобы выразить немногими словами наше разногласіе съ авторомъ «Отреченія Карла V». Въ общемъ итогѣ оно, кажется, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ чертахъ. Опредѣляя своего героя, Минье болѣе всего останавливается на природныхъ недостаткахъ или особенностяхъ самой его организаціи и изъ нихъ главнымъ образомъ объясняетъ самый важный и вмѣстѣ столько загадочный шагъ въ его жизни, которымъ онъ заключилъ свою государственную и политическую дѣятельность. Положеніе дѣлъ и внѣшнія обстоятельства тутъ мало имѣли вѣса и значенія: развѣ только что они требовали отъ Карла V болѣе усилій, чѣмъ сколько могла выносить его природа, и привели съ собою крайнее изнуреніе его силъ, физическихъ и душевныхъ, ранѣе, чѣмъ можно было ожидать. Но если бы даже событія расположились и гораздо счастливѣе для него, если бы онъ и не испыталъ въ своей жизни никакихъ тяжелыхъ переворотовъ, рано или поздно онъ все бы, кажется, кончилъ тѣмъ же самымъ рѣшеніемъ, т. е. отдался бы весь своей болѣзненной наклонности и распростился преждевременно не только съ своею властію, но и со всѣмъ обществомъ: ибо корень недуга онъ постоянно носилъ въ душѣ съ самаго ранняго возраста. Мы также не отвергаемъ нѣкорыхъ болѣзненныхъ расположеній въ природѣ Карла V, но далеко не можемъ признать за ними того вліянія на важнѣйшія его рѣшенія, какое приписывается имъ авторомъ новой французской монографіи. По нашему мнѣнію, знаменитый императоръ далеко не всегда былъ полнымъ господиномъ своего положенія: внѣшнія событія играли гораздо болѣе значительную роль въ его жизни, чѣмъ думаютъ. Скажемъ прямо: на нашъ взглядъ, отреченіе Карла V скорѣе вытекало изъ его положенія и хода внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ его душевныхъ расположеній. Какое бы развитіе ни получилъ крывшійся въ немъ зародышъ болѣзни, едва ли бы когда онъ взялъ совершенный верхъ надъ его привычкою властвовать.

Но это мнѣніе въ свою очередь также можетъ показаться лишеннымъ твердыхъ основаній предположеніемъ, и потому мы беремъ на себя развить его нѣсколько подробнѣе, въ связи

съ обозрѣніемъ общей политики Карла V, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Русскаго Вѣстника».

II.

По нашему мнѣнію, ошибочно думать, что изъ однихъ природныхъ свойствъ Карла V и недостатковъ его организаціи объясняется все теченіе его жизни и важнѣйшіе въ ней повороты. Въ Карлѣ V, болѣе чѣмъ въ комъ-нибудь изъ его современниковъ, не надобно ни на минуту забывать по преимуществу политическаго дѣятеля. Если онъ хотѣлъ класть свою печать на событія и давать имъ направленіе по своей волѣ, то они въ свою очередь еще сильнѣе можетъ-быть отражались на его собственной судьбѣ. Слишкомъ глубоко завязавшись въ борьбу между современными ему направленіями, онъ не могъ выйти изъ нея цѣлымъ и неуязвленнымъ.

И потому еще нельзя надѣяться объяснить себѣ многое изъ одной частной жизни императора, что съ самаго начала онъ очень мало принадлежалъ семьѣ. Еще въ дѣтствѣ лишился онъ отца и, можно сказать, не имѣлъ болѣе матери, съ тѣхъ поръ какъ она впала въ безысходную грусть. Оба дѣда его, Фердинандъ испанскій и Максимиліанъ германскій, оставались почти одинаково чужды ему. Съ ранняго дѣтства Нидерланды замѣнили ему родину: онъ сталъ прививкомъ къ чужой землѣ, и все его воспитаніе было искусственное, удаленное отъ естественныхъ вліяній родной страны, семейныхъ узъ, народнаго духа и обычаевъ.

Прежде всякой другой школы онъ попалъ въ политическую. Она не ограничивалась только окружавшими его фламандцами, но нѣкоторымъ образомъ простиралась на всю страну, въ которой довелось ему провести свою молодость. Въ Нидерландахъ, по ихъ центральному положенію между Германіею, Франціею и Англіею, сходились тогда многія нити общеевропейской политики. Тутъ даже завязывались вновь нѣкоторые узлы ея, и не разъ отсюда задавались довольно трудныя задачи современнымъ правителямъ. Душею этихъ интригъ была тетка Карла V, правительница Нидерландовъ. У нея было врожденное призваніе къ дипломатикѣ. Чѣмъ больше узнаемъ Маргариту по открывающимся вновь источникамъ, тѣмъ больше раздвигается въ нашихъ глазахъ кругъ ея дипломатической и политической дѣятельности. Многое, что до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ приписывалось другимъ болѣе имени-

тымъ политикамъ того времени, оказывается теперь несомнѣнно принадлежащимъ ея уму и искусству. Не дѣлая большого шуму, она однако умѣла дѣлать очень многое. Въ ея ловкихъ рукахъ дипломатика стала однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ европейской политики.

Политическая жизнь Европы приливала тогда къ Италіи. Первая сдѣлала поворотъ къ ней Франція, и возбудила за собою и противъ себя сначала Италію, а потомъ и имперію. Фердинанду, обманомъ и силою вмѣстѣ, удалось захватить Неаполь. Максимиліанъ мечталъ обновить старыя права своей короны по крайней мѣрѣ на сѣверную и среднюю Италію, Людовикъ XII старался удержать за собою хотя Миланское герцогство. Не говоря уже объ итальянскихъ государствахъ, которыя замѣшаны были въ борьбу самымъ непосредственнымъ образомъ, Англія также не могла долго оставаться равнодушною къ общему дѣйствію. Мало-по-малу всѣ политическія силы Европы приливали къ одной области, протягивающейся вдоль по теченію рѣки По, между Альпами и Апеннинами. Вопросъ былъ въ томъ: какъ разойдутся или какъ соединятся между собою эти силы? Противъ кого будетъ направленъ главный ударъ? и какая рука будетъ довольно искусна, чтобы завязать общее дѣйствіе между столько разрозненными интересами и направить ихъ къ одной цѣли?—Союзъ дѣйствительно составился: онъ соединилъ въ себѣ до сихъ поръ раздѣленныя противоположными интересами силы Испаніи, Франціи и Германіи. Общій ударъ ихъ, казалось, направленъ былъ главнымъ образомъ противъ венеціанъ, которыхъ хотѣли оттѣснить далѣе къ морю, чтобы не оставить имъ болѣе никакой части въ будущемъ новомъ раздѣлѣ Италіи. Глаза всѣхъ и каждаго обращены были тогда на папу Юлія II. Въ этомъ желчномъ и воинственномъ старикѣ, казалось, ожили старыя воинственныя стремленія римскаго престола. Въ немъ видѣли душу и главнаго двигателя Камбрейскаго союза. Никто не замѣчалъ, за его рѣзко выдающеюся фигурою, дѣйствія другой, болѣе скромной руки, которая въ тишинѣ и въ тайнѣ подготовляла пути союзу и съ искусствомъ опытнаго дипломата затягивала нити его въ одинъ узелъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время не подлежитъ болѣе сомнѣнію дѣятельное участіе Маргариты нидерландской въ составленіи Камбрейской лиги. Кто знаетъ? Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ одинъ новый историкъ, изъ-за одного союза ей тогда уже ясно видѣлся другой, непосредственно слѣдовавшій за пер-

вымъ и имѣвшій своею прямою цѣлію обратить соединенныя силы противъ одного изъ союзниковъ, т. е. противъ Франціи. Юлій II, при всей своей предпріимчивости, едва ли одаренъ былъ такою дальновидностію: ближе всего лежали къ его сердцу тѣ интересы, которые входили въ кругъ дѣйствія первой лиги. Нужны были болѣе сильные личные мотивы, чтобы, призывая французовъ къ участію въ Камбрейской лигѣ, въ то же время замышлять совершенное изгнаніе ихъ изъ Италіи. Еще сами итальянцы были довольно равнодушными зрителями французскаго владычества въ своей родной странѣ, какъ уже въ Нидерландахъ обдумывался широкій планъ, вмѣщавшій въ себѣ не только ослабленіе венеціанскаго могущества на твердой землѣ, но и вынужденное возвращеніе Франціи къ естественнымъ ея предѣламъ [1]).

Маргарита нидерландская имѣла свои важныя личныя причины не любить Франціи и не желать ей успѣховъ во внѣшнихъ предпріятіяхъ. Есть душевныя раны, которыя не излѣчиваются цѣлую жизнь. Дочь Максимиліана была еще въ порѣ первой молодости, когда, безъ всякой вины съ ея стороны, во Франціи нанесено было глубокое оскорбленіе ея лицу и достоинству. Назначенная невѣста Карла VIII, она, вслѣдствіе одной домашней и вмѣстѣ политической интриги при французскомъ дворѣ, должна была уступить свое законное мѣсто другой принцессѣ и съ незаслуженнымъ стыдомъ возвратиться на родину. Съ той минуты жизнь потеряла для нея свою поэзію, свое очарованіе. Маргарита еще не хотѣла отказаться вовсе отъ счастія семейной жизни; два раза вступала она въ бракъ: сначала съ инфантомъ испанскимъ, потомъ съ Филибертомъ савойскимъ, и два раза осуждена была оплакивать преждевременную смерть мужа. Счастіе обмануло ее во всемъ; ей осталось одно утѣшеніе—во власти. Управленіе нидерландскими провинціями открывало ей довольно широкое поле дѣятельности. Какъ женщина, она не могла принимать непосредственнаго участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ своего времени: гибкая рука правительницы гораздо

[1]) Мы обязаны этимъ новымъ воззрѣніемъ на Камбрейскую лигу и слѣдующіе за нею политическіе союзы—Мишеле, автору недавно вышедшей книги о времени «Возрожденія (Renaissance) во Франціи». Извѣстны недостатки этого автора какъ историка; но по временамъ ему удается бросить такой мѣткій, такой вѣрный взглядъ на лица и на событія, что имъ озаряется цѣлый рядъ явленій. Главнымъ основаніемъ для опредѣленія мало замѣченной прежде роли Маргариты служила для Мишеле ея переписка.

больше приспособлена была выводить тонкіе узоры и вязать сложные узлы въ тишинѣ домашняго уединенія. Маргарита дѣятельно взялась за дипломатику. Если въ душѣ ея была какая пустота, то она съ избыткомъ наполнялась этою новою дѣятельностью, требовавшею многихъ соображеній и поглощавшею много времени. Изъ Нидерландовъ мысль правительницы свободно обнимала современныя политическія отношенія. Пока другіе двигали другъ противъ друга военныя силы, Маргарита въ тылу воюющихъ ткала свои тонкія дипломатическія сѣти. Въ нихъ хотѣла она поймать и запутать Францію. Въ то время, какъ политическое дѣйствіе все болѣе и болѣе стягивалось къ югу, она первая обратила вниманіе на Англію и старалась вовлечь ее въ союзъ съ континентальными державами. Побѣды, которыя Франція выигрывала на югѣ, не разъ уравновѣшивались дѣйствіемъ искусной политики на сѣверѣ. Юлій II дѣйствительно могъ думать нѣкоторое время о союзѣ съ французами противъ венеціанъ: въ глазахъ Маргариты этотъ союзъ могъ имѣть лишь временное значеніе, какъ посредствующая ступень для образованія будущей лиги противъ французскаго владычества въ Италіи. Оттого она не спускала глазъ съ Англіи, и потомъ, когда составился великій политическій союзъ между Австріей, Англіей и Испаніей, никому не хотѣла уступить чести его созданія. Послѣдствія извѣстны каждому: Людовикъ XII не въ состояніи былъ сохранить свое завоеваніе и принужденъ былъ очистить сѣверную Италію.

Историкъ, который первый раскрылъ эту невидную, но трудную и дѣятельную роль Маргариты въ эпоху итальянскихъ войнъ, нѣкоторымъ образомъ въ правѣ называть ее послѣ того „истинно великимъ человѣкомъ своей фамиліи и даже основателемъ величія Австрійскаго дома“. И въ самомъ дѣлѣ, начало его возвышенія—здѣсь, а между тѣмъ никто конечно не скажетъ, чтобы виновникомъ его успѣховъ былъ Максимиліанъ или кто либо другой изъ бывшихъ тогда на лицо членовъ той же фамиліи. Сомнительно также, чтобы Маргарита, замышляя свое хитрое дѣло, прямо имѣла въ виду выгоды своего отца, или чтобы въ ближайшемъ ея окруженіи не было другихъ болѣе сильныхъ побужденій. Мы, кажется, не ошибемся, назвавъ между ними тѣ высокія надежды, которыя соединялись съ именемъ кастильскаго принца, продолжавшаго въ Нидерландахъ свое воспитаніе. Правительница, безъ сомнѣнія, не хотѣла трудиться безплодно, но какъ у ней не было прямыхъ наслѣдниковъ, то всѣ ея надежды въ буду-

щемъ должны были сосредоточиться на томъ лицѣ, которое, по своему рожденію и положенію, болѣе другихъ имѣло право на ея участіе. Карлу, сыну Филиппа Габсбургскаго и Хуаны Кастильской, досталась эта завидная доля съ самаго дѣтства: едва исполнилось ему шесть лѣтъ, какъ уже въ пріятной перспективѣ сіяли передъ нимъ, одна послѣ другой, короны Кастиліи, Аррагоніи и можетъ-быть Неаполя. Права младшаго его брата далеко не равнялись его правамъ. Сверхъ того Фердинандъ оставался въ Испаніи, тогда какъ брату его довелось жить въ томъ самомъ городѣ, который былъ резиденціею его тетки правительницы. Помѣщая въ Брюсселѣ молодого принца, и въ лицѣ его — надежды будущаго поколѣнія, судьба какъ будто хотѣла указать въ немъ дочери Максимиліана живую цѣль ея стремленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ее къ дальнѣйшей дѣятельности.

Рано оторванный отъ семьи и отъ родной почвы, Карлъ сдѣлался почти вовсе чуждъ имъ отъ послѣдующаго воспитанія. Оно впрочемъ вовсе не было непосредственнымъ дѣломъ Маргариты и можетъ-быть даже немало способствовало къ охлажденію послѣднихъ родственныхъ связей между молодымъ принцемъ и его теткою, которая подлѣ него была единственною представительницею фамиліи и ея интересовъ. Воспитатели Карла были фламандцы родомъ, душою и нравомъ. Между ними самое важное мѣсто занималъ гувернеръ его де-Шьевръ (de Chièvres), изъ стараго рода Кроевъ (de Croy), а за нимъ надобно назвать еще Адріана утрехтскаго, въ качествѣ главнаго наставника принца. Оба они проникнуты были важностію своего назначенія и вели дѣло воспитанія съ большою точностію, но въ то же время педантически-холодно и безъ всякаго участія сердца. Думая образовать изъ Карла государственнаго человѣка и тонкаго политика, часто вовсе забывали въ немъ человѣка. Мало обращая вниманія на его дѣтскій смыслъ, его хотѣли заранѣе пріучить къ государственнымъ занятіямъ и заставляли его читать всѣ сколько-нибудь важныя бумаги. Де-Шьевръ не бралъ на себя даже труда чтенія: онъ хотѣлъ, чтобы Карлъ читалъ самъ и потомъ дѣлалъ донесенія правительственному совѣту. Его иногда нарочно будили ночью, по случаю какой-нибудь вновь поступившей бумаги, чтобы пріучить къ дѣловому порядку. Въ дѣлѣ умственнаго образованія Карла главная заслуга безспорно принадлежитъ его наставнику; но онъ ничѣмъ не въ состояніи былъ наполнить того пробѣла, который оставался въ воспитаніи принца вслѣд-

ствіе его исключительнаго положенія. Адріанъ въ этомъ отношеніи могъ сдѣлать для своего воспитанника только одно: утвердить въ немъ католицизмъ и такимъ образомъ скрѣпить хотя религіозную связь его съ Испаніею.

Въ Карлѣ, посредствомъ искусственнаго воспитанія, развита была преимущественно, насчетъ другихъ душевныхъ сторонъ, государственная и политическая воспріимчивость. Хотѣлъ онъ того, или нѣтъ, къ его уму въ самомъ раннемъ возрастѣ привиты уже были ходячія правила современной ему политики. Впрочемъ, для воспринятія ихъ, у него нашлось также довольно собственнаго, природнаго смысла. Брошенныя сѣмена пали не на каменистую почву. Прибавьте сюда примѣръ и неутомимую политическую дѣятельность тетки, которыя были постоянно въ глазахъ у Карла. Какъ бы духъ воспитанія ни охлаждалъ добрыя отношенія между ними, главное направленіе ея политики не могло не сообщиться и ея племяннику. Въ этомъ направленіи были два полюса—Испанія и Франція. Какъ только начиналъ раскрываться политическій смыслъ Карла, онъ уже научался смотрѣть на Францію какъ на естественную соперницу при исполненіи тѣхъ обширныхъ замысловъ, которые могли быть основаны на обладаніи Испаніею и соединенными съ ней землями. Отъ самаго начала тутъ было мѣсто не симпатіи или дружеству, а развѣ прямо противоположному чувству. Не то чтобы Карлъ высоко ставилъ народные интересы жителей Испаніи, или чтобы ему были дороги ихъ существенныя выгоды, которыя могли бы потерпѣть отъ соперничества съ сосѣдственною страною: народонаселеніе края, народъ вообще и его истинные интересы были для него понятія отвлеченныя; его учили дорожить формою безъ отношенія къ ея содержанію; Испанія могла быть населена кѣмъ угодно, — оттого Карлъ еще нисколько бы не измѣнилъ своихъ отношеній къ ней. Но отъ Испаніи производилъ онъ свои права, на Испанію смотрѣлъ онъ какъ на свое будущее достояніе: такъ могъ ли онъ оставаться равнодушенъ къ успѣхамъ Франціи за естественными ея предѣлами?

Потому, когда Карлъ, по смерти дѣда своего, Фердинанда Католическаго, вступилъ въ королевскія права и занялъ соединенные престолы Аррагоніи и Кастиліи, трудная задача управленія обширнымъ государствомъ не показалась ему свыше силъ. Благодаря искусственному воспитанію онъ достигъ преждевременной зрѣлости. Несмотря на свой юный возрастъ

онъ уже знакомъ былъ съ тайнами внутренней и внѣшней политики, другими словами, зналъ, чего хотѣть и какъ дѣйствовать для своихъ цѣлей. Давно извѣстную теорію ему оставалось лишь прилагать прямо къ дѣлу. Совѣтники, которые заправляли его воспитаніемъ въ Нидерландахъ, были неотлучно при немъ и въ Испаніи. Мы имѣли уже случай упомянуть о внутреннихъ его распоряженіяхъ по управленію Аррагоніею и Кастиліею. Уступая волѣ юноши, старикъ Хименесъ долженъ былъ сойти съ высокаго поста, который занималъ до сего времени и на которомъ думалъ умереть спокойно. Не хуже хитраго и многоопытнаго дѣда, Карлъ умѣлъ заставить преклониться предъ своею волею все еще гордые своею независимостію мѣстные государственные чины. Въ формальномъ отношеніи онъ впрочемъ дѣлалъ имъ всѣ возможныя уступки. Школа, въ которой Карлъ получилъ свое политическое образованіе, допускала крутыя и рѣзкія мѣры лишь въ томъ случаѣ, когда считала ихъ вполнѣ благовременными; въ противномъ же случаѣ, не отказываясь отъ нихъ совершенно, охотнѣе предоставляла исполненіе ихъ болѣе отдаленному будущему... Въ этомъ духѣ дѣйствовалъ и Карлъ въ первые годы своего пребыванія въ Испаніи.

Но еще любопытнѣе наблюдать за нимъ во внѣшней политикѣ. Нельзя сказать, чтобы имъ руководила особенная любовь къ той странѣ, гдѣ суждено было ему положить первыя основанія своей обширной власти: подобныя чувства не входили въ его воспитаніе и не могли быть внушены ему фламандскими наставниками; но самый интересъ власти, которой Испанія служила первою и главною опорою, заставлялъ его позаботиться о томъ, чтобы какъ можно выгоднѣе устроить ея внѣшнія отношенія. Начало этихъ дѣйствій восходитъ еще ко времени пребыванія Карла въ Брюсселѣ. Самыя раннія изъ нихъ непосредственно примыкаютъ къ извѣстной политикѣ правительницы Нидерландовъ. Такъ, гораздо прежде чѣмъ Карлъ узналъ лицомъ къ лицу Испанію, отъ его имени и въ интересахъ Кастиліи заключаемы были союзные трактаты между ею и Англіею. Рядъ договоровъ, подписанныхъ принцемъ кастильскимъ (какъ титуловался тогда сынъ Филиппа и Хуаны) и королемъ англійскимъ, и возобновлявшихся время отъ времени, открывается 1513 годомъ [1]). Договаривающіяся стороны обязывались не только хранить добрый миръ между собою,

[1]) См. Monum. Habsburgica, II Abth., 2 B., №№ 1, 3, 4.

но и помогать одна другой въ случаѣ непріятельскаго нападенія на ту или на другую. Однимъ изъ первыхъ царственныхъ актовъ Карла, по принятіи имъ испанской короны, было подтвердить прежнія условія новымъ договоромъ съ Англіею [1]. Расчетъ былъ очень вѣрный: пока еще не опредѣлились отношенія къ Франціи, молодому королю необходимо было оградить себя противъ возможныхъ случайностей прочнымъ союзомъ съ старою соперницею.

Съ нѣкотораго времени впрочемъ и отношенія ко Франціи склонялись болѣе къ миру. Смерть Людовика XII произвела въ нихъ замѣтный поворотъ. На первое время можно было думать, что умершій король унесъ съ собою въ могилу бо́льшую часть французскихъ притязаній на разныя итальянскія области. Виды и намѣренія его преемника еще не опредѣлились; личныя свойства его были еще не довольно извѣстны на сторонѣ, чтобы по нимъ можно было заключать о будущемъ направленіи его политики. Начинавшееся соперничество двухъ домовъ не успѣло превратиться въ закоренѣлую вражду между ними. Возвращеніе къ дружественнымъ отношеніямъ казалось тѣмъ возможнѣе, что представлялись виды на заключеніе политическаго союза родственнымъ. Что́, напримѣръ, мѣшало дочери Лудовика XII сдѣлаться невѣстою принца кастильскаго? и почему было не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предотвратить опасности возможнаго разрыва? Наслѣдникъ правъ на Испанію тѣмъ болѣе нуждался тогда въ вѣрныхъ союзникахъ, что вовсе не могъ похвалиться добрымъ расположеніемъ своего дѣда. Фердинандъ не очень жаловалъ своего внука. Такъ составился проектъ родственнаго союза, превратившійся потомъ въ формальный договоръ, между эрцгерцогомъ Карломъ и Рене, дочерью Лудовика XII [2]. Со стороны Франціи договоръ подписанъ былъ королемъ Францискомъ I. Главное обязательство состояло въ томъ, что Рене на восьмомъ году своей жизни должна быть помолвлена, а на тринадцатомъ выдана замужъ за кастильскаго принца. Комбинація не могла составиться безъ участія Маргариты: мы имѣемъ тому прямое доказательство въ особенномъ условіи договора, касающемся нѣкоторыхъ, ей собственно принадлежавшихъ правъ на разные участки.

Трактатъ не получилъ еще никакого исполненія, какъ Франція уже снова угрожала Италіи. Новое нападеніе было

[1]) Ibid. N 5: Bundesvertrag zwischen K. Henrich VIII von England und Karl V von Spanien, Brüssel, 19 April 1516. — [2]) Ibid. N 2: 24 Mars, 1515.

даже гораздо стремительнѣе, чѣмъ всѣ прежнія. Подобно лавинамъ, тѣсно сомкнутые ряды французовъ скатились съ непроходимыхъ альпійскихъ высотъ и смутили своимъ быстрымъ появленіемъ мало приготовленныхъ къ тому противниковъ. Переходъ былъ сдѣланъ тамъ, гдѣ казался наименѣе возможнымъ. Какимъ-то чудомъ доброй воли и терпѣнія тяжелая артиллерія въ 72 орудія была перевезена въ короткій срокъ времени черезъ высокій хребетъ горъ. Крутыя, неприступныя скалы раздвигались, уступая дѣйствію минъ. Какъ гроза Божія, цѣлая армія упала вдругъ на ломбардскую равнину. Даже неробкое сердце Проспера Колонны дрогнуло, когда вдругъ сказали ему о приближеніи французовъ. Рыцарь Баяръ засталъ его за столомъ нисколько не приготовленнаго. „Ужъ не упали ли они съ неба?“ спрашивалъ непріятельскій полководецъ въ недоумѣніи, и растерявшись, не сдѣлалъ всѣхъ должныхъ распоряженій къ бою. Силу французовъ составляло не столько ихъ число, сколько смѣлость и стремительность ихъ натиска. Собственно говоря, у нихъ не было даже предводителя. Старые генералы, Тремуль и Тривульче, уже изжившіе свое время, присутствовали тутъ больше для парада, чѣмъ для дѣйствія. Армію вели впередъ самъ король и родственникъ его, констабль Бурбонъ: одному изъ нихъ было только 21 годъ, другому не болѣе 25. Несмотря на то одинъ ударъ съ ихъ стороны могъ рѣшить участь цѣлой Ломбардіи. Спасеніе ея зависѣло не столько отъ самихъ итальянцевъ, сколько отъ наемнаго швейцарскаго войска, которое стояло неподалеку отъ Милана. Еще не было силы, которая могла бы сломить несокрушимые ряды швейцарцевъ. По своей необыкновенной стойкости они одни заслуживали въ свое время названіе пѣхоты въ строгомъ смыслѣ слова. Они не отличались пылкостію удара, но выдержавъ ударъ противника, смѣло и твердо переходили потомъ въ наступленіе. При Мариньяно произошла кровавая встрѣча между двумя арміями. Громъ ея огласился потомъ на всю Европу — и недаромъ. Противники оспаривали другъ у друга не только поле битвы и обладаніе страною, но и честь быть первою арміею. Въ дѣйствіи не было почти никакого единства: часто одна часть арміи не знала, чтó въ то же время дѣлалось съ другою. Но каждый исполнялъ свой долгъ въ упорнѣйшей битвѣ, разрѣшившейся окончательною побѣдою лишь на другое утро. Тяжесть боя пала болѣе всего на французскую пѣхоту: лишь съ величайшими усиліями могла она выдерживать натискъ швейцарскихъ массъ, которыя давили

ее своею густотою и едва ли не превосходили своею стойкостію. Впрочемъ и медленные нѣмецкіе ландскнехты, бывшіе во французской арміи, также сдѣлали свое дѣло. Съ пылкостію, свойственною молодости, Францискъ и командовавшій подъ нимъ Карлъ Бурбонъ бросались впередъ наравнѣ съ простыми ратниками. Они мужественно врубались въ густые ряды непріятеля и бились съ возрастающимъ ихъ числомъ до истощенія силъ. Нѣсколько разъ Францискъ былъ въ опасности не только за свою жизнь, но и за свою личную свободу. Павійская катастрофа могла постигнуть его десятью годами ранѣе. Французская артиллерія подъ опытнымъ начальствомъ Пьетро Наварро производила разрушающее дѣйствіе на непріятеля, но не она рѣшила дѣло. Лишь наступившая темнота на время разлучила сражающихся. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ швейцарцы остались внутри французскаго лагеря, куда успѣли пробиться въ продолженіе дня. Никто не спалъ ночью; передъ лицомъ другъ друга противники изготовляли оружіе и силы къ новому бою. Вплоть до самаго утра не умолкали звуки швейцарскихъ роговъ, мѣшаясь по временамъ съ звукомъ военныхъ трубъ изъ другого лагеря. Но французскіе начальники лучше умѣли воспользоваться ночнымъ роздыхомъ, чѣмъ ихъ противники. Когда швейцарцы, собравшись съ силами, пошли снова на бой, они вездѣ встрѣтили или устремленныя на нихъ копья нѣмецкихъ ландскнехтовъ, или пушечныя жерла, которыя вносили смерть въ ихъ густыя колонны. Скоро борьба стала неровною. При самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ швейцарскіе львы нисколько не подавались впередъ и едва въ состояніи были наполнять пустоту въ своихъ рядахъ. Подъ убійственнымъ огнемъ артиллеріи замѣтно остывалъ жаръ нападенія. Смѣлое боковое движеніе французской кавалеріи рѣшило битву. Желѣзные ряды швейцарцевъ поколебались и были сломлены. Появленіе Альвіано съ союзною венеціанскою кавалеріею заставило ихъ еще болѣе ускорить отступленіемъ. Какъ упоренъ былъ бой, такъ совершенна и обильна послѣдствіями была побѣда. Черезъ нѣсколько дней послѣ Мариньяно, Максимиліанъ Сфорца сдалъ Франциску миланскій замокъ и вмѣстѣ съ нимъ свою власть надъ герцогствомъ. Однимъ ударомъ достигнута была цѣль похода, и никто болѣе не осмѣливался оспаривать тріумфа у побѣдителей.

Нѣтъ нужды говорить, что этотъ неожиданный ударъ быстро отозвался по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Онъ впрочемъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы тотчасъ же возбудить

противодѣйствіе. Карлъ былъ къ нему можетъ-быть чувствительнѣе многихъ другихъ, но ни положеніе, ни средства его не позволяли ему думать о разрывѣ. Одинъ дѣдъ его стоялъ тогда на краю могилы, а другой еще менѣе предпріимчивъ былъ отъ самой природы и еще больше ослабѣлъ отъ старости. Смерть Фердинанда, послѣдовавшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, передала въ руки Карла тяжелое наслѣдство управленія двумя обширными государствами. Прежде чѣмъ воспользоваться для своихъ цѣлей ихъ средствами, ему еще нужно было утвердить въ нихъ свою власть. Карлъ явился въ Испанію чужимъ ей человѣкомъ: за недостаткомъ народной любви, ему надобно было позаботиться о другихъ, болѣе искусственныхъ основаніяхъ для прочности своего авторитета. Въ такомъ положеніи не умѣстнѣе ли было для него подумать о томъ, чтобы обезпечить себя новыми союзами, чѣмъ безъ нужды подвергать свою нисколько еще не упроченную власть опасностямъ невѣрной войны? Весьма возможно, что необходимость подтвердить прежній союзъ съ Англіею новымъ договоромъ внушена была ему между прочимъ этимъ самымъ расчетомъ. Съ другой стороны, успѣхи французовъ въ Испаніи должны были возбудить въ немъ опасенія за итальянскія его владѣнія, соединенныя съ аррагонскою короною. Чѣмъ затѣвать вновь опасный споръ, котораго исходъ былъ очень сомнителенъ, не лучше ли было попробовать мирнымъ трактатомъ оградить безопасность отдаленныхъ владѣній противъ возможныхъ покушеній на нихъ? Однимъ словомъ, въ положеніи Карла было гораздо выгоднѣе закрѣпить новыми трактатами прежній союзъ съ Францискомъ, чѣмъ начинать съ нимъ войну.

Наслѣдникъ Фердинанда и Изабеллы дѣйствительно предпочелъ первый путь. Нѣсколько слѣдующихъ одинъ за другимъ договоровъ съ Францискомъ, прежде и послѣ похода его въ Италію, свидѣтельствуютъ о заботливости Карла сохранить съ нимъ дружескія отношенія. Нойонскій трактатъ, подписанный 13 мая 1516 года, занимаетъ въ томъ числѣ самое важное мѣсто. Не исчисляемъ всѣхъ отдѣльныхъ условій этихъ договоровъ; по нашему мнѣнію, всего занимательнѣе въ нихъ указанія на тѣ общія начала, которыми Карлъ и его ближайшіе совѣтники хотѣли руководиться въ своей политикѣ. Такъ въ самомъ первомъ трактатѣ, заключенномъ съ Францискомъ еще при жизни Фердинанда, внукъ обязывался не подавать болѣе помощи дѣлу, если тотъ въ положенный срокъ не согласится уступить Наварру Франціи. Для этой цѣли союзники услови-

лись отправить отъ себя общее посольство къ Фердинанду и назначали ему годъ для размышленія. Въ договорѣ не было упомянуто о томъ, что̀ могло произойти въ случаѣ отрицательнаго отвѣта со стороны Испаніи; но легко было угадать намѣренія договаривающихся по самой его сущности: они, очевидно, были прямо враждебны властителю Аррагоніи [1]. Въ Нойонскомъ трактатѣ также есть одна подобная черта. Выговаривая себѣ право помогать Максимиліану въ войнѣ съ венеціанами, Карлъ впрочемъ нисколько не противорѣчилъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ дѣда со стороны своего союзника. Договоръ скрѣплялся новымъ брачнымъ условіемъ, въ силу котораго Луиза, дочь Франциска, объявлена была, вмѣсто Рене, невѣстою Карла и должна была принести ему въ приданое французскія притязанія на одну часть Неаполитанскаго королевства [2].

Такъ въ самомъ началѣ своего политическаго поприща Карлъ не задумывался приносить въ жертву интересы своихъ близкихъ родственниковъ своимъ политическимъ видамъ и соображеніямъ. Онъ готовъ былъ на наступательный союзъ противъ одного своего дѣда и почти отступался отъ другого. Сказать ли, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ національныхъ побужденій? Болѣе чѣмъ сомнительно: какъ не было до сего времени семьи для Карла, такъ не находилось еще націи, которую бы онъ могъ назвать своею и ко благу которой привязалъ бы всѣ свои желанія. По крайней мѣрѣ испанцы не считали его своимъ, да и онъ не тщеславился много своимъ испанскимъ происхожденіемъ. Карлъ дѣйствовалъ на общей, можно бы даже сказать — отвлеченной политической почвѣ: онъ преслѣдовалъ свои государственные идеалы и мало думалъ о тѣхъ, къ кому они были прилагаемы на практикѣ.

Еще далеко было до союза Карла съ націею, какъ онъ былъ уже въ тѣсномъ союзѣ съ королями французскимъ и англійскимъ. Но онъ обманывалъ себя, если предполагалъ много прочности въ этихъ политическихъ связяхъ. Не могло быть ничего прочнаго, во-первыхъ, въ союзѣ съ Генрихомъ VIII, у котораго все зависѣло отъ перваго капризнаго движенія воли.

[1]) Gaillard, Hist. de François I, 1, p.196— 98. См. также Renaissance, p. 260. — [2]) См. Mon. Habsb. 1, № 7; ср. Gaillard, ibid. p. 313 — 18. Что Максимиліанъ не пропустилъ безъ вниманія невыгодной для него статьи договора и затруднялся ею, объ этомъ доносили Карлу послы его въ Германіи. См. Lanz, Correspondenz, 1, p. 45.

Францискъ I въ сущности былъ гораздо постояннѣе въ своихъ стремленіяхъ; но за то по другимъ, болѣе глубокимъ причинамъ отъ него еще менѣе можно было ожидать неизмѣнной твердости въ добрыхъ отношеніяхъ къ новому союзнику. Не успѣли еще они, не имѣли случая узнать другъ друга лично, а то бы они сами почувствовали и сознали, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Мы уже встрѣтили разъ Франциска на полѣ битвы: не разъ еще и потомъ найдемъ его въ самомъ жару боя, запальчиво заносящагося въ густые ряды противниковъ. Это была настоящая его роль, та, которая прямо вытекала изъ его природы и воспитанія; тутъ онъ былъ можетъ-быть болѣе на мѣстѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь. Не надобно только искать въ немъ талантовъ искуснаго вождя: какъ генералъ, онъ никуда не годился. Его дѣломъ была личная отвага, благородное презрѣніе опасностей, мужественный жаръ въ горячей схваткѣ съ непріятелемъ. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить битву искуснымъ маневромъ, но могъ увлечь за собою впередъ многихъ нерѣшительныхъ. Тѣ же блестящія рыцарскія качества, которыми онъ отличался дома, въ своемъ домашнемъ и придворномъ кругу, приносилъ онъ съ собою и на войну. Воспитаніе лишь довершило то, что̀ дано было ему счастливою природою. Въ цѣлой Франціи немного было людей болѣе красивыхъ и привлекательныхъ по наружности. Статный ростомъ, Францискъ отличался еще необыкновенно пріятною фигурою. Мужественныя черты его постоянно смягчены были свѣтлою улыбкою. Глаза его смотрѣли привѣтливо и влекли къ нему добродушнымъ выраженіемъ. Какая-то особенная, мужская грація разлита была по всему его существу и свободно проявлялась во всѣхъ его движеніяхъ. Франція любила уже его за одну только прекрасную наружность, и съ свойственнымъ этому народу увлеченіемъ, заранѣе обѣщала въ немъ себѣ великаго короля. Какая разница съ неграціозною фигурою Карла и его наружнымъ болѣзненнымъ видомъ!

Было и другое, еще болѣе существенное различіе между двумя знаменитыми современниками. Францискъ былъ горячо любимъ въ своей семьѣ, которая почти вся состояла изъ женщинъ. Онъ выросъ и воспитался среди самыхъ нѣжныхъ женскихъ симпатій. Мать и сестра—la perle des Valois, какъ называли ее современники—были при немъ неотлучно. Въ этомъ постоянномъ окруженіи, сторона души, чувства, развилась въ немъ можетъ-быть даже нѣсколько на счетъ головы. Въ сво-

ихъ склонностяхъ къ женщинамъ Францискъ способенъ былъ даже на излишество. И теперь еще не знаютъ съ точностію, гдѣ слѣдуетъ поставить крайнюю черту въ его болѣе чѣмъ братски дружественныхъ отношеніяхъ къ Маргаритѣ. Политикѣ въ строгомъ смыслѣ, далекимъ и тонкимъ планамъ и соображеніямъ тутъ немного оставалось мѣста. Францискъ готовъ былъ на самыя отважныя предпріятія, но они вытекали скорѣе изъ его воинственныхъ инстинктовъ, личныхъ наклонностей и часто даже слабостей, чѣмъ изъ вѣрныхъ политическихъ расчетовъ. Предпринимая важное дѣло, или вступая въ борьбу съ сильнымъ противникомъ, онъ рѣдко умѣлъ удачно обезопасить себя со стороны искусными политическими союзами. Всѣ дѣйствія его были личны до крайности. Изъ личной антипатіи къ противнику онъ способенъ былъ продлить войну долѣе, чѣмъ сколько позволяли прямыя государственныя выгоды. Съ другой стороны впрочемъ надобно замѣтить и то, что симпатіи его никогда не были очень глубоки. Если ему не напоминали о нихъ словомъ или дѣломъ, онъ легко выбрасывалъ ихъ изъ своей памяти. Какая опять разница съ Карломъ, у котораго все основано было на широкихъ политическихъ соображеніяхъ, и который такъ мало способенъ былъ забывать однажды нанесенныя ему оскорбленія.

Напрасно Карлъ ласкалъ своего союзника нѣжными именами; напрасно пересылался съ нимъ подарками и называлъ его въ письмахъ „своимъ добрымъ отцомъ", за что́ Францискъ платилъ ему не менѣе нѣжнымъ названіемъ „добраго сына". Временемъ они обмѣнивались между собою и еще болѣе лестными комплиментами. „У меня одно лишь на мысли" — писалъ однажды Карлъ французскому королю — „чтобы быть угоднымъ вамъ, такъ какъ всякій добрый сынъ долженъ быть угоденъ своему доброму отцу" [1]). Подобныя увѣренія конечно болѣе всего относились къ предположенному родственному союзу. Но не только никогда не суждено было состояться этому браку: изъ всѣхъ попытокъ Карла къ сближенію съ Францискомъ не могло выйти ничего прочнаго. Чѣмъ далѣе впередъ простирались событія, тѣмъ болѣе оказывалось несомнѣннымъ, что не было натуръ менѣе симпатичныхъ одна другой, чѣмъ современные властители Испаніи и Франціи.

А имъ очень нужно было позаботиться о томъ, чтобы хотя искусственными политическими связями восполнить недоста-

[1]) Gaillard, ibid.

токъ естественныхъ симпатій. Такъ поставлены они были судьбою въ отношеніи другъ къ другу, что имъ приходилось сталкиваться почти на каждомъ шагу. Уже союзъ съ Англіею былъ такого свойства, что изъ-за него только могло совремемемъ возникнуть между ними опасное соперничество: ибо Франція почти не менѣе Карла заискивала расположенія Генриха VIII. Затѣмъ предметъ неисчерпаемаго спора составляли границы между Нидерландами и Франціею, потому что старое бургундское наслѣдство все еще не было подѣлено окончательно. Далѣе, союзникамъ никогда не развязать было полюбовно тѣхъ сложныхъ узловъ, которые еще ихъ предшественниками завязаны были какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Италіи. Наконецъ ко всѣмъ этимъ спорнымъ предметамъ присоединился еще нѣмецкій престолъ. Максимиліанъ дряхлѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ годомъ: открывались новые виды на самую почетную корону во всемъ образованномъ европейскомъ мірѣ. Не одно дотолѣ спокойное честолюбіе возбуждено было къ необычной дѣятельности приближавшеюся кончиною императора. Къ счастію для претендентовъ и къ несчастію для Германіи, никакое особенное право не ограничивало выборъ лица для замѣщенія нѣмецкаго королевскаго престола. Наслѣдственное право представлялось первое; но оно вовсе не имѣло безусловнаго значенія и по волѣ курфирстовъ легко могло быть замѣнено свободнымъ избраніемъ. Отъ ихъ взаимнаго соглашенія зависѣло провозгласитъ императоромъ Германіи того или другого короля или даже принца, хотя бы онъ былъ чужестраннаго происхожденія. Прямое наслѣдственное право неоспоримо принадлежало Карлу испанскому; но Франція совершенно на равной ногѣ могла противопоставить ему, — если бы оно выпало на ея долю,—согласіе курфирстовъ на избраніе ея короля въ нѣмецкіе императоры. Искусная дипломатическая интрига значила тутъ гораздо болѣе, чѣмъ законность, основанная на наслѣдственномъ правѣ.

Карлъ нисколько не обманывалъ себя насчетъ своихъ правъ престолонаслѣдія въ Германіи. Онъ хорошо понималъ, что ему можетъ-быть придется имѣть дѣло съ самыми близкими своими союзниками, королями французскимъ и англійскимъ, и заранѣе принималъ мѣры, чтобы обезпечить за собою избраніе [1].

[1]) Такъ въ инструкціи, данной Виллингеру, читаемъ между прочимъ: Er (Karl) hat die Sache der Kaiserwahl wohl überlegt, und sieht die grosse Wichtigkeit derselben für die Sicherheit aller seiner Staaten ein. Er ist von

Первая трудность заключалась въ волѣ самого Максимиліана, который желалъ передать послѣ себя нѣмецкій престолъ другому своему внуку, Фердинанду, считая Карла уже достаточно награжденнымъ. Это неудобство было отвращено, благодаря особенно содѣйствію папы, который, въ случаѣ раздѣленія Австрійскаго дома имѣлъ причины опасаться усиленія Франціи. Слѣдующія за тѣмъ мѣры, принятыя Карломъ, относились къ князьямъ избирателямъ. Съ этою цѣлью, въ августѣ 1517 года, нарочный посланный, Виллингеръ, отправленъ былъ изъ Нидерландовъ въ Германію. Онъ имѣлъ порученіе условиться по тому же предмету съ императоромъ и стараться склонить на сторону Карла князей имперіи. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія ему отданы были въ распоряженіе, сверхъ обыкновенныхъ, и нѣкоторыя чрезвычайныя средства. Такъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ банковые билеты на значительную сумму на знаменитый аугсбургскій банкирскій домъ Фуггеровъ. Тремъ духовнымъ курфирстамъ велѣно было обѣщать отъ имени Карла очень выгодныя бенефиціи въ Испаніи, а тремъ свѣтскимъ— пансіоны по 2000 гульденовъ; о четвертомъ не упоминалось въ инструкціи, потому вѣроятно, что его считали слишкомъ честнымъ для подкупа: это былъ славный покровитель германскаго реформатора, Фридрихъ саксонскій. Объ немъ вмѣстѣ съ герцогомъ баварскимъ и маркграфомъ бранденбургскимъ, поручено было посланному развѣдать, не согласны ли можетъ-быть они принять отъ Карла болѣе почетную награду—орденъ Золотого Руна [1]). Аугсбургскому регименту, то-есть городовому управленію, обѣщано было сохраненіе его въ полномъ составѣ, съ прежними правами и привилегіями [2]). Другія значительныя лица въ имперіи также получили разныя лестныя обѣщанія, соотвѣтствующія ихъ положенію и вліянію.

При содѣйствіи Максимиліана, внутри имперіи дѣло Карла мало-по-малу устроивалось по его желанію. Задолго до наступленія кризиса онъ имѣлъ уже на своей сторонѣ бóльшую часть владѣтельныхъ князей Германіи. Нѣкоторое время можно было сомнѣваться за Фридриха саксонскаго. Между тѣмъ его голосъ принадлежалъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ. Не столько по объему своей власти и силѣ, сколько по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, это былъ первый авторитетъ въ цѣлой имперіи. На его сторонѣ были и врожденное

den Bemühungen anderer darum wohl unterrichtet, und entschlossen, alle Mittel dafür anzubieten. См. Mon. Habsb. B. 11 № 19.—[1]) Ibid.—[2]) Ibid. № 20.

благоразуміе и многолѣтняя опытность. Не разъ въ отсутствіе императора управлялъ онъ имперіею и своими дѣйствіями заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе. Прозваніе Мудраго, данное ему современниками, было не случайное: во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ отличался неизмѣннымъ здравомысліемъ. Для своего времени онъ былъ безспорно самымъ вѣрнымъ представителемъ лучшей стороны нѣмецкаго народнаго характера. Отсюда почти всеобщая къ нему довѣренность и вниманіе къ каждому его дѣйствію. Потому и въ дѣлѣ избранія, его рѣшеніе было бы самое важное: онъ могъ увлечь за собою многихъ единственно силою своего авторитета, который высоко цѣнился во всей Германіи. Фридрихъ долго не обнаруживалъ своего мнѣнія относительно будущихъ выборовъ. Частью природное благоразуміе, частью же нѣкоторыя сомнѣнія, имѣвшія свой корень въ его патріотическомъ чувствѣ, не позволяли ему прежде времени высказываться въ такомъ важномъ дѣлѣ. Онъ не имѣлъ ничего личнаго противъ Карла, но не совсѣмъ твердо увѣренъ былъ въ благовременности избранія его на германскій престолъ. Однако, благодаря личному вмѣшательству Максимиліана и его хорошимъ отношеніямъ къ Фридриху, и эта важная трудность была побѣждена. Когда, на послѣднемъ аугсбургскомъ сеймѣ (1518 г.), напомнили императору, какъ необходимо, при предстоящихъ выборахъ имѣть на своей сторонѣ согласіе саксонскаго курфирста, Максимиліанъ отвѣчалъ съ довольною улыбкою: „Я уже имѣю отъ него добрый отвѣтъ“ [1]).

Но и послѣ того оставалось еще сдѣлать очень многое для успѣха предположеннаго избранія. Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть Максимиліана обнаружила скрытыя доселѣ трудности во всей ихъ силѣ. Не только Францискъ, но и Генрихъ англійскій открыто выступили съ своими притязаніями на нѣмецкій престолъ. Генрихъ, правда, мало встрѣтилъ себѣ сочувствія въ Германіи; но король французскій, съ помощію интригъ, денегъ и обѣщаній, успѣлъ составить себѣ значительную партію между нѣмецкими князьями и нашелъ себѣ партизановъ въ самой коллегіи курфирстовъ. Кромѣ того на его сторонѣ былъ папа, начинавшій уже опасаться возрастанаго могущества Австрійскаго дома, Венеція и швейцарцы. Когда князья съѣхались во Франкфуртъ на выборы, тогда особенно почувствовалась нерѣшительность положенія. Въ немъ

[1]) См. Tutzschmann, Friedrich der Weise, p. 246.

не было болѣе ничего вѣрнаго и опредѣленнаго; ужъ готовы были жребіи, и одна минута могла положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, но даже наканунѣ избранія никто не поручился бы, что оно падетъ на того, а не на другого претендента. Подъ конецъ ихъ осталось только два. Генрихъ VIII ограничился лишь тѣмъ, что въ собственноручномъ письмѣ къ курфирстамъ искалъ чести избранія. Но Францискъ не хотѣлъ допустить ни одного лишняго шага впередъ со стороны короля Испаніи. Между тѣмъ какъ посольство Карла расположилось на время выборовъ въ Гехстѣ (въ Нассау, близъ Майна), французское посольство съ конною свитою во сто человѣкъ стояло близь Рейна, въ Кобленцѣ. Оба вліянія сходились во Франкфуртѣ и боролись между собою внутри самаго сейма. Избирательные голоса покупались на вѣсъ золота. Если одинъ изъ совмѣстниковъ давалъ много, то другой обѣщалъ еще болѣе. Такимъ образомъ оба вліянія уравновѣшивались между собою на сеймѣ, слѣдствіемъ чего было то, что ни одно имя не могло соединить на себѣ большинства голосовъ. Тогда изъ самаго равновѣсія партій и невозможности подвинуть ихъ впередъ, неожиданно возникло новое имя, гораздо болѣе скромное, чѣмъ громкія имена властителей Франціи и Испаніи, но всѣмъ хорошо знакомое и давно пользовавшееся заслуженнымъ уваженіемъ въ цѣлой имперіи. Это было имя Фридриха Мудраго, который одинъ изъ всѣхъ курфирстовъ остался недоступенъ подкупу. Предложившій его собранію, архіепископъ майнцскій конечно разсчитывалъ больше на его отказъ, чѣмъ на согласіе, и имѣлъ притомъ совсѣмъ другіе виды. Но едва только предложеніе было пущено въ ходъ, какъ оно привлекло къ себѣ бо́льшую часть голосовъ. Интрига падала сама собою передъ магическимъ дѣйствіемъ популярнаго имени. Ни папа, ни Генрихъ англійскій не были противъ такого выбора. Рѣшеніе было теперь въ рукахъ самого Фридриха. Отъ него зависѣло принять дѣлаемое ему приношеніе и предвосхитить вѣнецъ Германіи у самыхъ неутомимыхъ и самонадѣянныхъ его искателей. До сихъ поръ Фридрихъ не высказывался передъ другими. Онъ молчалъ, потому что не могъ еще побѣдить всѣхъ своихъ сомнѣній. Но онъ не могъ болѣе упорствовать въ молчаніи, когда отъ него, именемъ государства и народа, требовали категорическаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе. Фридрихъ просилъ себѣ только срока на размышленіе.

Какъ мы дали замѣтить выше, мнѣніе саксонскаго курфирста давно уже склонялось въ пользу Карла. Руководясь глав-

нымъ образомъ мыслію о необходимости сильной руки для защиты имперіи отъ внѣшнихъ враговъ, благоразумный курфирстъ отдавалъ въ этомъ отношеніи полное преимущество испанскому королю передъ французскимъ. Притомъ же онъ принималъ въ соображеніе все же болѣе нѣмецкое происхожденіе Карла въ сравненіи съ его совмѣстникомъ. Если у Фридриха еще оставались сомнѣнія, то они происходили отъ недостатка увѣренности, что у Карла, по вступленіи его на престолъ, найдется довольно доброй воли, чтобы сохранить старыя нѣмецкія привилегіи неприкосновенными. Но въ послѣднее время получены были имъ изъ Гехста положительныя увѣренія въ готовности претендента подписать капитуляцію, которая будетъ предложена ему избирателями (Wahlcapitulation). Во мнѣніи папы симпатіи къ Австрійскому дому опять начали перевѣшивать наклонность къ французскому союзу. И все еще однако Фридрихъ держалъ рѣшеніе въ своихъ рукахъ и могъ каждую минуту поворотить его въ ту сторону, куда хотѣлъ. Съ какимъ же замираніемъ сердца должны были ждать его рѣчи всѣ присутствующіе, когда, въ день назначенный для окончательнаго выбора, онъ явился въ торжественное собраніе! Курфирстъ майнцскій, дѣйствуя по соглашенію съ Фридрихомъ, опять выступилъ съ предложеніемъ въ императоры Карла Австрійскаго, на что курфирстъ трирскій держалъ отвѣтъ и старался въ свою очередь склонить мнѣніе въ пользу короля французскаго. Тогда возсталъ Фридрихъ саксонскій. „Въ годину опасности" — сказалъ онъ, имѣя болѣе всего въ виду грозу турецкаго нашествія—„мы должны желать себѣ властителя, съ которымъ намъ не страшны были бы никакія невзгоды. Пусть носитъ скипетръ тотъ, кто всѣхъ могущественнѣе, кто одинъ гораздо крѣпче, чѣмъ всѣ наши нѣмецкія силы, соединенныя вмѣстѣ. Изъ двухъ предложенныхъ кандидатовъ мы должны держаться одного: каждый изъ нихъ въ состояніи защищать насъ, но — король испанскій происходитъ отъ нѣмецкой крови, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ нѣмецкой землѣ (въ Нидерландахъ?), носитъ титло наслѣдственнаго имперскаго князя и по праву наслѣдства владѣетъ въ Германіи тѣми самыми землями, которыя прямо подвергаются опасности нападенія: поэтому онъ имѣетъ больше правъ на насъ, чѣмъ король французскій, котораго исключаютъ наши законы, ибо онъ чуждъ намъ по крови и языку и не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ отечествомъ. Итакъ да будетъ Карлъ императо-

ромъ, а свобода и безопасность имперіи да оградятся твердыми постановленіями" [1]).

Когда Фридрихъ кончилъ, въ залѣ наступило глубокое молчаніе. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было глубоко и сильно. Всякому изъ слушателей почувствовалось, что между ними упало тяжелое, полновѣсное слово, котораго тяжесть они могли понять и понести лишь соединенными силами. Рѣшалась судьба великаго народа, имперіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ судьба міра. Произнесено было слово неотразимаго рѣшенія, ибо оно вмѣстѣ было словомъ самоотреченія. Передъ такимъ словомъ не могло устоять никакое противорѣчіе. Скоро и курфирстъ трирскій взялъ назадъ свой голосъ, лучше сказать, присоединилъ къ другимъ, которые Фридрихъ увлекъ за собою. Вскорѣ послѣ того дворянство и народъ созваны были въ церковь, и тамъ архіепископъ майнцскій объявилъ всенародно о послѣдовавшемъ избраніи Карла Австрійскаго, на мѣсто умершаго Максимиліана, главою Римской имперіи.

Событіе было великой важности не только для Германіи, но и лично для Карла. Онъ торжествовалъ въ одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ для своего самолюбія положеній, но торжествовалъ благодаря не столько употребленнымъ имъ средствамъ, сколько благоразумію и великодушію третьяго лица, какъ безкорыстнаго посредника между нимъ и избирателями, и пройдя сверхъ того черезъ опасное совмѣстничество одного изъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Въ продолженіе выборовъ была не одна минута, когда казалось, что германская корона не минуетъ рукъ побѣдителя при Мариньяно. Не того хотѣлъ, не того ожидалъ Карлъ отъ своего союза съ Франціею. Напрасно Францискъ, смягчая начинавшееся раздраженіе, старался представить свое столкновеніе съ королемъ въ видѣ благороднаго соперничества двухъ рыцарей, заискивающихъ одинъ передъ другимъ благосклонности одной дамы, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ имъ оставаться друзьями между собою. „Вашъ повелитель и я" — говорилъ онъ испанскимъ посламъ — „мы точно соперники, но отнюдь не враги между собою. У обоихъ насъ одна и та же властительница сердца, но какъ слѣдуетъ благороднымъ любовникамъ, мы оспариваемъ другъ у друга обладаніе ею не въ кровавомъ бою, а стараемся превзойти одинъ другого въ ея глазахъ ревностію нашего служенія и столько же нѣжнымъ, сколько почтительнымъ уходомъ за

[1]) Подробности избранія см. у Туцшмана, ibid. p. 232--57.

ней“ [1]). Францискъ могъ говорить эти слова отъ полнаго сердца: они вытекали изъ его воспитанія и постояннаго образа мыслей. Но для Карла подобныя рѣчи не имѣли никакого смысла: онѣ были вовсе чужды его обыкновеннымъ понятіямъ и не могли найти себѣ въ душѣ его отзыва. Одно только было понятно ему, что другіе хотѣли перебить у него дорогу, по которой онъ шелъ къ самой возвышенной цѣли своей, и что самое опасное совмѣстничество угрожало ему отъ ближайшаго сосѣда и союзника. Съ политической точки зрѣнія—а Карлъ не допускалъ другой—такой поступокъ казался измѣною, предательствомъ. Какъ бы ни велико было чувство самоудовлетворенія, испытанное Карломъ послѣ избранія, онъ не могъ простить Франциску покушенія устранить его отъ наслѣдственнаго престола Германіи. Сынъ Хуаны особенно былъ чувствителенъ къ тѣмъ обидамъ, которыя считалъ своими личными. Онъ обыкновенно мало говорилъ объ нихъ, потому что носилъ ихъ глубоко въ душѣ своей. Онъ могъ надолго подавить чувство своего оскорбленія и заставить его молчать въ себѣ, но никогда не отказывался отъ своего права на возмездіе. Кто хоть разъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться на одной съ нимъ дорогѣ, тотъ заранѣе могъ быть увѣренъ, что никогда не заслужитъ себѣ отъ него полнаго прощенія.

Нѣмецкое избраніе вдругъ поднимало Карла на такую высоту, передъ которою незначительными казались всѣ другія болѣе или менѣе возвышенныя положенія въ Европѣ. Для его плановъ и политической дѣятельности открывалась новая, еще болѣе обширная сфера. Но чѣмъ выше становилось положеніе, тѣмъ больше увеличивались соединенныя съ нимъ трудности. Всего болѣе вредило Карлу то обстоятельство, что, занимая въ одно время нѣсколько престоловъ, онъ нигдѣ впрочемъ не былъ у себя дома, за исключеніемъ развѣ Нидерландовъ. Въ то самое время, какъ онъ готовился перенести свое политическое искусство на новую почву, прежняя, то-есть испанская, сильно заколебалась подъ его ногами. Нѣмецкое избраніе болѣе, чѣмъ всѣ другія дѣйствія Карла, дало почувствовать испанцамъ недостатокъ національнаго характера власти его въ двухъ соединенныхъ королевствахъ, Аррагоніи и Кастиліи. Если прежде они колебались признать своимъ принца, воспитаннаго въ Нидерландахъ и постоянно окруженнаго фламандцами, то теперь они еще болѣе имѣли право считать его чу-

[1]) См. Gaillard, ibid. p. 375.

жимъ. Съ неудовольствомъ смотрѣли мѣстные чины на увеличивающіяся требованія короля, котораго не надѣялись даже удержать долго въ своей странѣ. Денежныя пособія казались имъ особенно отяготительными, потому что, какъ имъ было хорошо извѣстно, назначались главнымъ образомъ для утвержденія власти его въ Германіи. Недовольство сословій, сначала скрытое, принимало все болѣе и болѣе безпокойный характеръ. Отъ Карла хотѣли возобновленія старыхъ привилегій во всей ихъ силѣ, въ противномъ же случаѣ угрожали ему отказомъ въ необходимыхъ пособіяхъ. Прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться выгодами своего новаго высокаго положенія, ему еще надобно было пережить въ немъ весьма трудный критическій моментъ. Задача впрочемъ не показалась Карлу превышающею его силы. Простирая одну руку къ новому пріобрѣтенію, въ другой онъ хотѣлъ также крѣпко держать прежнее. Для этой цѣли употребленъ былъ имъ маневръ особеннаго рода. Непокорнымъ чинамъ Кастиліи предписано было собраться, вмѣсто Валладолида, въ болѣе отдаленномъ Санъ-Яго де-Компостелла, что въ Галиціи, а потомъ въ Коруньѣ, то-есть еще ближе къ морю. Вдали отъ главнаго центра движенія, хотя и окруженный лично нерасположенными къ нему кортесами, Карлъ безъ всякаго сомнѣнія чувствовалъ себя гораздо независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ случаѣ какой крайности могъ тотчасъ же сѣсть на корабль и ускорить свой переѣздъ въ Германію. Другими словами, стоя одною ногою на испанскомъ берегу, онъ заносилъ уже другую на нѣмецкія земли. Новая мѣстность, куда созваны были чины, неотмѣнно оказала на нихъ свое дѣйствіе. Еще въ Санъ-Яго толедскіе депутаты, говоря за другихъ, могли позволить себѣ нѣсколько оскорбительныхъ для Карла выраженій,—за что впрочемъ немедленно были высланы изъ города; но въ Коруньѣ смолкло всякое противорѣчіе. Какъ скоро самыя важныя предложенія были приняты, Карлъ сѣлъ на корабль и отправился къ Нидерландамъ, назначивши, вопреки всеобщему нерасположенію къ чужеземцамъ, Адріана утрехтскаго своимъ намѣстникомъ въ Испаніи и оставляя позади себя горизонтъ, омраченный грозовыми тучами [1]).

Когда корабль отошелъ отъ испанскаго берега, для Карла, повидимому, наступило время роздыха. Покинувъ одну почву,

[1]) См. между прочимъ Havemann, Darstellungen aus der inneren Gesch. Spaniens, p. 165—168.

онъ еще не достигъ и не почувствовалъ подъ собою другой. Какая возможна была для него въ этотъ промежутокъ политическая дѣятельность? Но мысль его и не нуждалась въ дѣйствительной почвѣ, когда у него всегда готова была своя, отвлеченная. Она слагалась обыкновенно изъ его личныхъ интересовъ и отношеній, и всегда, какъ на сушѣ такъ и на морѣ, неизмѣнно была при немъ. Какое было дѣло Карлу, что онъ ничего еще не успѣлъ узнать о настоящихъ потребностяхъ имперіи, ни всмотрѣться въ существенныя выгоды ея положенія? Съ минуты избранія его на нѣмецкій престолъ, для него начинался новый рядъ отношеній, которыя онъ думалъ устроить собственно для себя, не вступая еще въ прямыя сношенія съ Германіею.

На первомъ планѣ былъ, разумѣется, Францискъ, недавній соперникъ Карла по выборамъ. Взаимное охлажденіе между ними почувствовалось тотчасъ же, какъ только дѣло избранія приведено было къ окончанію. Если одинъ изъ совмѣстниковъ, ставши на подножіе императорскаго престола, возмечталъ о себѣ еще болѣе, то другой невольно чувствовалъ себя униженнымъ: ибо, несмотря на свой рыцарскій образъ мыслей, Францискъ носилъ въ груди сердце также весьма чувствительное не только къ личнымъ оскорбленіямъ, но и къ самымъ неудачамъ. Ни съ той, ни съ другой стороны еще не сдѣлано было шага къ явному разрыву, а между тѣмъ каждая изъ нихъ недовѣрчиво смотрѣла на другую и принимала мѣры для своей безопасности. Нойонскій трактатъ какъ бы вдругъ потерялъ свою обязательную силу, хотя условія его никѣмъ не были нарушены. Смертію Луизы, дочери Франциска и предназначенной невѣсты Карла, порвана была еще одна изъ слабыхъ нитей, которыми до сихъ поръ держалось ихъ непрочное дружество. Вслѣдствіе этихъ новыхъ отношеній къ Франціи, Карлу или его главному совѣтнику, де-Шьевру, пришла мысль о закрѣпленіи и расширеніи прежняго союза съ Англіею. Если уже съ точки зрѣнія испанскихъ владѣній казалось выгоднымъ завязать дружественныя связи съ Генрихомъ VIII, то теперь не безъ основанія видѣли въ нихъ одно изъ необходимыхъ условій для прочности новой власти въ Германіи. Маргарита нидерландская была повидимому того же мнѣнія. Тотчасъ всѣ дипломатическія пружины приведены были въ дѣйствіе, чтобы сколько можно рѣшительнѣе склонить Генриха VIII въ пользу одностороннаго союза. «Памятники Габсбургскаго дома» широко раскрываютъ передъ нами эту доселѣ малоизвѣ-

стную страницу въ исторіи нидерландо-австрійской политики [1]). Посольства слались за посольствами, и однѣ инструкціи смѣнялись другими, болѣе выразительными. Де-Шьевръ, дѣйствуя отъ имени Карла, заправлялъ сношеніями изъ Испаніи; но Маргарита, по близости своего мѣстопребыванія къ Англіи, также принимала въ нихъ непосредственное участіе. Между прочимъ была даже рѣчь о томъ, чтобы назначить Маргариту, на время отсутствія Карла, правительницею Испаніи, а де-Шьевру занять ея мѣсто въ Нидерландахъ; но рѣшеніе не состоялось, потому что, какъ кажется, она сама не изъявила на него согласія [2]). Попытка закрѣпить союзъ Австрійскаго дома съ англійскимъ королемъ много облегчалась ихъ родственными связями между собою. Генрихъ VIII женатъ былъ на родной сестрѣ Хуаны, и Карлъ обыкновенно называлъ его своимъ дядею. По родственному чувству, Катерина аррагонская всегда готова была оказать племяннику свое содѣйствіе. Но дѣло представляло также и свои важныя трудности. Генрихъ VIII ни сколько не скрывалъ своего желанія жить попрежнему въ добромъ согласіи съ Франціею. Главные его совѣтники прямо расположены были въ пользу Франциска. Кардиналъ Вольси былъ у него почти на жалованьи. Послѣ избранія Карла въ императоры, въ головѣ англійскаго министра созрѣла мысль объ укрѣпленіи союза между Англіею и Франціею, и для этой цѣли уже условлено было свиданіе между обоими королями. Карлу надобно было стараться, во что бы то ни стало, предупредить ихъ встрѣчу и ея возможныя послѣдствія. Нѣсколько недѣль длилась дипломатическая переписка, начавшаяся по этому поводу. Нидерландскіе уполномоченные при англійскомъ дворѣ употребляли всѣ усилія, чтобы, во время переѣзда Карла изъ Испаніи въ Нидерланды, устроить свиданіе его съ Генрихомъ. Но имъ пришлось бороться со всемогущимъ вліяніемъ Вольси. Напрасно они предлагали ему ежегодный пансіонъ въ 200,000 дукатовъ: Вольси долго медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, какъ бы взвѣшивая умственно тяжесть испанскаго золота въ сравненіи съ французскимъ. Наконецъ Катеринѣ удалось переломить его сопротивленіе; но Вольси еще долго и упорно стоялъ на томъ, что французское свиданіе должно предшествовать испанскому. Однако нидерландскіе ди-

[1]) См. Monumenta Habsburgica, 1 B., въ особенности №№ 34—46.—[2]) Въ особенности см. весьма замѣчательное конфиденціальное донесеніе Карлова повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Англіи де-Шьевру отъ 7 апрѣля 1520, ibid. № 42.

пломаты также были очень настойчивы: они не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не достигли желаемаго. Въ апрѣлѣ 1520 года, незадолго до отъѣзда Карла изъ Испаніи, въ Лондонѣ подписанъ былъ между нимъ и Генрихомъ VIII договоръ, въ которомъ заранѣе условлены были всѣ обстоятельства встрѣчи ихъ на англійскомъ берегу [1]).

Вотъ чѣмъ болѣе всего озабочена была мысль Карла во время переѣзда его отъ испанскихъ береговъ къ предѣламъ имперіи. Онъ носилъ въ головѣ цѣлый рой политическихъ плановъ, которые привязаны были къ предстоявшему союзу съ Англіею. Многое зависѣло отъ перваго успѣшнаго шага. Еще неизвѣстно было, чѣмъ разрѣшатся переговоры съ однимъ союзникомъ, и какія отсюда могутъ возникнуть вновь отношенія къ Франціи: разрывъ или продолженіе мира, дружба или соперничество? Имперія пока еще была въ сторонѣ, а ужъ отыскивались основанія для цѣлой системы будущихъ политическихъ дѣйствій. Карлу напередъ надобно было обдумать каждое свое слово при свиданіи съ Генрихомъ VIII, надобно было изловчиться заранѣе, чтобы этотъ важный союзникъ не ушелъ отъ его рукъ, чтобы успѣть положить твердый камень для будущихъ зачинаній.

Въ маѣ того же года предположенное свиданіе двухъ королей дѣйствительно состоялось въ тѣхъ самыхъ формахъ и по тому этикету, которые напередъ были условлены въ особенномъ договорѣ. Кажется, все произошло по желанію обѣихъ сторонъ. Карлъ остался доволенъ оказаннымъ ему почетнымъ пріемомъ, имѣлъ случай обо всемъ переговорить съ Генрихомъ, и черезъ нѣсколько дней потомъ, по прибытіи въ Нидерланды, получить отъ него визитъ на своей землѣ. Свиданіе могло служить образцомъ обоюдной вѣжливости и деликатности, и высокіе родственники, повидимому, разстались совершенными друзьями.

Какой же былъ политическій результатъ свиданія? Со стороны Карла мы не находимъ въ изданныхъ документахъ никакого оффиціальнаго выраженія недовольства. Сверхъ того насъ положительно извѣщаютъ, что ему удалось переломить упорство кардинала Вольси и рѣшительно склонить его въ свою пользу обѣщаніемъ ему своего императорскаго содѣйствія при будущемъ избраніи на папскій престолъ. Далѣе находимъ мы въ «Памятникахъ Габсбургскаго дома» новый договоръ

1) Ibid. № 43.

между Карломъ и Генрихомъ VIII, подписанный съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того въ Калѐ, которымъ подтверждались всѣ прежде заключенные между ними трактаты, и каждая сторона попрежнему обязывалась помогать другой въ случаѣ угрожающей ей внѣшней опасности [1]). Но не будемъ еще спѣшить заключеніемъ. Чтобы оцѣнить по справедливости плоды личныхъ переговоровъ Карла съ Генрнхомъ VIII, надобно еще упомянуть объ одномъ промежуточномъ событіи, которое имѣло мѣсто между ихъ свиданіемъ и заключеннымъ между ними впослѣдствіи Калескимъ договоромъ.

Едва только проводивъ своего гостя и отплативъ ему визитъ, Генрихъ VIII готовился уже къ новому свиданію— съ королемъ французскимъ. Оно произошло въ первой половинѣ іюня и продлилось почти до конца того же мѣсяца. Театромъ ему служила небольшая мѣстность близь Калѐ, гдѣ въ то время французскія владѣнія сходились съ англійскими: Генрихъ VIII учредилъ свою квартиру въ Гинѣ (Guines), Францискъ I—въ Ардрѣ (Ardres). Промежуточное пространство занято было двумя лагерями. Зрѣлище имѣло далеко не обыкновенный видъ; давно между христіанскими государями не бывало ничего подобнаго какъ по внѣшнему блеску и великолѣпію, такъ и по самому характеру событія. Точно какъ будто сходились между собою два сказочные короля, чтобы пощеголять другъ передъ другомъ красотою и роскошью своего убранства, блескомъ своей многочисленной свиты, наконецъ своею собственною статностію и силою. Каждый хотѣлъ напередъ ослѣпить другого, поразить его удивленіемъ, чтобы потомъ великодушно подать ему руку на дружескій союзъ. Тутъ ни къ чему не годились самыя тонкія политическія соображенія, а весь успѣхъ долженъ былъ зависѣть отъ силы личныхъ впечатлѣній съ той и другой стороны. Кто былъ впечатлительнѣе, отъ того и надобно было ожидать, что онъ сдастся первый. Сначала все происходило въ строгомъ порядкѣ, по установленному заранѣе церемоніалу и этикету. Первая встрѣча двухъ королей устроена была почти съ сценическимъ эффектомъ. Въ назначенный день каждый изъ нихъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, тронулся изъ своего лагеря и ѣхалъ по указан-

1) См. ibid. № 52 (14 іюля 1520). Впрочемъ условія написаны были лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; напр. sed quod bona fide et realiter eosdem tractatus in futurum observabimus, et quod contra quoscunque invadentes nos invicem defendemus, prout dictorum tractatuum vigore tenemur, astringimur et obligamur.

ному ему направленію, такъ чтобы имъ обоимъ можно было встрѣтиться на срединѣ промежуточнаго пространства. На высотахъ, которыя съ двухъ противоположныхъ сторонъ окружали лежавшую между ними равнину, Генрихъ VIII и Францискъ I, какъ благородные витязи старыхъ нѣмецкихъ сказаній, оставили каждый свою свиту и спустились внизъ къ приготовленной для нихъ палаткѣ: тамъ, въ виду множества зрителей, которыхъ взоры устремлены были на нихъ съ ближайшихъ высотъ, они встрѣтились между собою, обнялись дружески и рука въ руку вошли въ шатеръ, чтобы наединѣ передать другъ другу свои планы и мысли. Главный предметъ переговоровъ составлялъ предполагавшійся бракъ между наслѣдникомъ французскаго престола и единственною дочерью Генриха VIII, Маріею. Само собою разумѣется, что разговоръ ихъ остался тайною для постороннихъ наблюдателей, и изъ всей этой сцены они вынесли лишь одно замѣчаніе, что въ самую минуту встрѣчи споткнулась лошадь подъ англійскимъ королемъ. Охотники до примѣтъ не пропустили потомъ безъ вниманія и другого обстоятельства, то-есть что въ слѣдующую ночь буря повалила ту самую палатку, въ которой назначенъ былъ пріемъ тому же королю съ французской стороны. Несмотря на всѣ эти случайности, въ обоихъ лагеряхъ продолжало царствовать совершенное согласіе. Вскорѣ послѣдовало открытіе рыцарскаго турнира, на которомъ приглашены были участвовать всѣ желающіе. Первыя роли на немъ принадлежали самимъ вѣнчаннымъ особамъ. Францискъ I и Генрихъ VIII неутомимо соперничали другъ передъ другомъ воинственною ловкостію и крѣпостію въ рукѣ. Шесть дней бились они на копьяхъ, съ готовностію принимая всѣ дѣлаемые имъ вызовы; два дня потомъ длился бой широкими мечами, при чемъ противники были на лошадяхъ; наконецъ они сошли съ коней и сражались пѣшіе. Много огня и энергіи потрачено было въ этомъ притворномъ бою, много развито силы и ловкости съ обѣихъ сторонъ. Царственные рыцари превзошли всѣхъ своею твердостію и стойкостію, но между ними самими превосходство оказалось на сторонѣ французскаго короля. Вызванный Генрихомъ VIII на единоборство, онъ низложилъ его и ни разу потомъ не далъ ему взять верхъ надъ собою. Впервые можетъ-быть въ своей жизни Генрихъ VIII долженъ былъ понизить то высокое мнѣніе, которое до сихъ поръ онъ имѣлъ о своей личной доблести.

Впечатлѣніе не могло быть пріятно для Генриха; но оно скоро изгладилось, благодаря открытому характеру Франциска и его рыцарскому поведенію. До сихъ поръ всѣ свиданія и встрѣчи между ними происходили по условленному чину, въ которомъ столько же участвовалъ этикетъ, сколько и взаимная недовѣрчивость. Заранѣе опредѣлялось число лицъ, которыя должны были сопровождать ихъ при встрѣчахъ, съ точностію отмѣривалось пространство, наконецъ исчислялись самые шаги, которые надобно было сдѣлать съ обѣихъ сторонъ, чтобы сойтись на назначенномъ мѣстѣ. Если англійскій король дѣлалъ визитъ французской королевѣ въ Ардрѣ, то французскій король въ то же самое время отправлялся на поклонъ королевѣ англійской въ Гинѣ. Нѣкоторое время Францискъ довольно терпѣливо сносилъ весь этотъ наложенный на него чинъ, или условленный порядокъ, и выполнялъ его въ точности; но потомъ онъ сталъ явно тяготиться имъ. Врожденная живость его характера никогда не могла совершенно помириться со внѣшнимъ принужденіемъ; онъ возмущался духомъ, видя себя заключеннымъ въ какой-то магическій кругъ и обязаннымъ двигаться какъ бы по снурку внутри отведеннаго ему пространства. Но всего болѣе противна была его душѣ та обоюдная подозрительность, которою проникнуты были всѣ отношенія двухъ дворовъ, когда главная цѣль въ томъ и состояла, чтобы по возможности уничтожить всѣ поводы ко взаимной недовѣрчивости. Францискъ I былъ молодъ и исполненъ вѣры въ людей. Какъ самъ онъ открытъ былъ тогда для всѣхъ благородныхъ впечатлѣній, такъ вѣрилось ему, что и всякій другой, у кого бьется въ груди человѣческое сердце, долженъ предпочесть прямой и откровенный способъ дѣйствія тонкимъ политическимъ изворотамъ. Отчего, думалъ онъ, не остаться рыцаремъ и въ политикѣ? Къ чему были всѣ эти церемоніи и еще болѣе оскорбительныя мѣры предосторожности между двумя благородными властителями, если они сколько-нибудь уважали другъ друга? Не лучше ли было бы имъ, положившись на честное слово одинъ другого, встрѣчаться между собою запросто, не разбирая мѣста и времени, какъ слѣдуетъ друзьямъ, братьямъ, наконецъ какъ это прилично людямъ, которымъ хорошо знакомы понятія о чести?..

Нетерпѣніе Франциска скоро взяло верхъ надъ всѣми сомнѣніями. Въ одно утро, вставши ранѣе обыкновеннаго, онъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ, и никому ничего не говоря, отправился съ ними прямо по направленію къ Гиню. Англій-

ская стража въ 200 человѣкъ думала остановить его у подъемнаго моста. „Объявляю васъ, господа, моими плѣнниками,“ — сказалъ имъ Францискъ съ самою непринужденною и веселою миною, и велѣлъ немедленно вести себя къ королю. Внѣ себя отъ удивленія, англичане совершенно потерялись въ присутствіи нежданнаго гостя; прежде чѣмъ они рѣшились загородить ему дорогу, онъ уже стоялъ у дверей королевскаго жилища и стучался въ нихъ. Можно представить изумленіе только пробудившагося отъ сна Генриха! Но онъ былъ также молодъ, и эгоизмъ не успѣлъ еще пустить въ немъ глубокихъ корней. Поступокъ Франциска поразилъ его тѣмъ пріятнѣе, что нисколько не затрогивалъ его щекотливаго самолюбія. Генрихъ VIII и самъ начиналъ скучать, чувствуя недостатокъ свободы въ движеніяхъ, и потому онъ очень обрадовался, увидѣвъ передъ собою не въ урочный часъ французскаго короля. „Вы сыграли со мной отличную штуку“—сказалъ онъ Франциску, называя его притомъ своимъ братомъ: „благодаря вамъ я знаю теперь, какъ надобно жить съ вами. Итакъ — это кончено, я признаю себя вашимъ плѣнникомъ и отдаюсь въ ваше распоряженіе“. Вслѣдъ за тѣмъ онъ подалъ своему гостю золотое ожерелье, прибавивъ: „Прошу васъ носить его въ знакъ любви къ вашему плѣннику“. Францискъ не хотѣлъ оставаться въ долгу и тутъ же снялъ съ руки браслетъ, который стоилъ вдвое дороже. Вся эта сцена происходила въ спальнѣ Генриха VIII, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться съ постели. Замѣтивъ, что онъ хочетъ вставать, Францискъ тотчасъ предложилъ ему свои услуги. „На нынѣшній день позвольте мнѣ быть вашимъ камердинеромъ,“ сказалъ онъ Генриху, и въ самомъ дѣлѣ помогъ ему одѣваться. Оба короля разстались потомъ вполнѣ довольные другъ другомъ. Когда Францискъ возвращался къ своему лагерю, нѣсколько человѣкъ выѣхали къ нему навстрѣчу. На лицахъ ихъ написано было тревожное безпокойство: всѣ нетерпѣливо ждали его возвращенія, потому что боялись за его личную свободу. Обрадовавшись королю, маршалъ Флеранжъ не могъ сдержать своего нетерпѣнія, и съ откровенностію, свойственною заслуженному воину, сказалъ ему: „Поступить такъ, какъ вы поступили, значитъ быть совсѣмъ безъ головы. Я очень радъ, что вы воротились по добру по здорову, и посылаю къ чорту того, кто далъ вамъ такой глупый совѣтъ.“ На это король отвѣчалъ маршалу: „Я не спрашивалъ ничьего совѣта, зная заранѣе, что никто не посовѣтуетъ мнѣ того, на что я уже рѣшился самъ про себя.“

На другой день та же исторія повторилась со стороны Генриха, который хотѣлъ отплатить визитъ Франциску. Съ того дня отношенія между двумя королями стали гораздо прямѣе и дружелюбнѣе. Впечатлѣніе было сдѣлано, и Генрихъ VIII все больше и больше располагался въ пользу своего благороднаго союзника. Правда, что Франциску неудалось склонить Генриха нарушить нейтралитетъ, который онъ строго соблюдалъ до сего времени въ своихъ отношеніяхъ ко Франціи и Испаніи: съ помощію кардинала Вольси, запродавшаго свое содѣйствіе Карлу и Франциску вмѣстѣ, Катерина аррагонская успѣла еще удержать своего мужа отъ рѣшительнаго разрыва съ императоромъ. Далеко не вполнѣ достигнута была политическая цѣль, которая имѣлась въ виду при съѣздѣ, но Францискъ I имѣлъ полное право гордиться своимъ успѣхомъ, ибо много выигралъ въ личномъ расположеніи къ себѣ Генриха VIII: по чувству какого-то невольнаго уваженія къ своему союзнику, Генрихъ, чего еще не случалось съ нимъ прежде, отступался по крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ своихъ формальныхъ претензій. Читая въ прусутствіи Франциска условія вновь заключеннаго съ нимъ трактата, онъ остановился на первыхъ же словахъ: „Я, Генрихъ, король Англіи", и сказалъ дружески: „Я думалъ было прибавить — и Франціи, но такъ какъ эти слова были бы ложью въ вашемъ присутствіи, то отказываюсь отъ нихъ!.." [1])

Но возвратимся къ тому, кто служилъ поводомъ и вмѣстѣ былъ главнымъ предметомъ всей этой тонкой политической игры. Карлу, находившемуся тогда въ Нидерландахъ, нелегко было помириться съ мыслію о томъ, что̀ происходило у него въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Почти на глазахъ Карла перенимали у него союзника, на котораго онъ разсчитывалъ всего болѣе въ своихъ будущихъ отношеніяхъ къ Франціи. Что̀ могъ онъ съ своей стороны противопоставить тому дару обольщенія, котораго тайна заключалась болѣе всего въ самой личности Франциска? Равную ему любезность и рыцарскую прямоту въ обращеніи? Но ихъ вовсе не было въ природѣ и характерѣ Карла. Силу и высокое значеніе своего императорскаго авторитета? Но ими всего менѣе можно было подѣйствовать на своевольный и независимый нравъ Генриха VIII. На сторонѣ Карла, сравнительно съ его соперникомъ, было пожалуй однимъ внѣшнимъ преимуществомъ больше: онъ имѣлъ удоволь-

1) См. подробности объ этомъ съѣздѣ у Гальяра, ibid. p. 438—432.

ствіе принимать у себя въ Гравелингенѣ англійскаго короля уже послѣ свиданія его съ французскимъ. Племянникъ могъ удостовѣриться изъ устъ самого дяди, что имперія не имѣетъ причины видѣть въ немъ врага себѣ. Но чтобы, во время вторичныхъ переговоровъ, совершенно уравновѣсить въ душѣ Генриха то хорошее впечатлѣніе, которое произведено было на него французскимъ королемъ, на это у Карла недостало врожденной любезности и пріятности обращенія, а замѣнить ихъ нельзя было никакимъ искусствомъ. Оттого даже и въ новомъ своемъ свиданіи съ дядею Карлъ не могъ выговорить у него ничего болѣе, кромѣ подтвержденія прежняго союза, да и тѣмъ, кажется, обязанъ былъ больше продажности кардинала Вольси, нежели своему личному вліянію.

Итакъ, что бы Карлъ ни предпринималъ для себя, во всемъ суждено было ему сталкиваться съ своимъ сосѣдомъ по Нидерландамъ, Испаніи и Германіи. Ему нельзя было сдѣлать шага безъ того, чтобы не почувствовать передъ собою совмѣстника, не всегда конечно счастливаго, но всегда бдительнаго и дѣятельнаго. Корона Германіи и союзъ съ Англіею одни уже могли произвести между ними сильное охлажденіе и навсегда подорвать ихъ искреннее довѣріе другъ къ другу. А тамъ еще былъ нескончаемый споръ за бургундское наслѣдство, за Наварру, за Италію. Не расчерпать было имъ мирно ни одного изъ этихъ спорныхъ дѣлъ. Но истиннымъ яблокомъ раздора лежала между ними Италія. Побѣдителю ли при Мариньяно было отказаться отъ нея? А съ другой стороны, если уже король Испаніи не считалъ себя безопаснымъ въ Неаполѣ, пока французы угрожали ему изъ Ломбардіи, то какъ могъ потерпѣть ихъ здѣсь императоръ Германіи? Они загораживали ему путь къ Риму, они отдаляли его отъ Неаполя, они наконецъ нарушали цѣлость и связь его владѣній въ Германіи и Италіи. Владѣя нѣсколькими соединенными королевствами и располагая первою короною въ мірѣ, могъ ли Карлъ допустить чужое вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, которую онъ считалъ своею по многимъ правамъ?...

Пока еще впрочемъ тянулись переговоры о Наваррѣ, пока еще не были вовсе потеряны надежды на поддержаніе мира, Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ, пользуясь этимъ временемъ, утвердить свою власть въ имперіи торжественнымъ вѣнчаніемъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Принявши присягу отъ нидерландскихъ чиновъ, Карлъ отправился въ Ахенъ. Осенью съѣхались туда, одинъ за другимъ, всѣ важнѣйшіе

чины имперіи, курфирсты, князья и графы, а въ концѣ ноября 1520 г. послѣдовало и самое вѣнчаніе съ неслыханною доголѣ роскошью и великолѣпіемъ. Карлъ подтвердилъ клятвою свое согласіе на предложенную ему князьями капитуляцію и торжественно провозглашенъ былъ королемъ Германіи и Римскимъ императоромъ. Съ той минуты въ рукахъ его были судьбы половины западнаго христіанскаго міра.

Какіе же виды занимали Карла на этой высотѣ, или какіе планы вновь нарождались въ его головѣ, и были ли они достойны его величія? объ этомъ мы предоставляемъ себѣ говорить въ непродолжительномъ времени. Въ настоящемъ случаѣ мы лишь хотѣли познакомить читателей съ здоровымъ Карломъ V, какъ имъ уже извѣстны слабыя и больныя его стороны.

III.

Дѣятельность историческихъ лицъ опредѣляется большею частью тѣми общими началами, которыми они сами руководятся въ своей жизни. Въ этихъ началахъ заключается главное условіе единства дѣйствій; ими же часто объясняются кажущіяся противорѣчія въ дѣятельности одного и того же лица. Однажды покоривъ имъ свою волю, историческій дѣятель нерѣдко пренебрегаетъ ради ихъ своими существенными выгодами. Лишь немногіе, какъ Генрихъ IV Бурбонъ, въ состояніи бываютъ подчинить свои постоянныя начала высшимъ требованіямъ времени или обстоятельствъ, сознавши напередъ ихъ разумность. Оттого можетъ-быть такъ рѣдко истинное величіе, хотя и довольно часто повторяется извѣстное явленіе, что въ однѣхъ рукахъ собираются огромныя средства.

Въ Карлѣ V чувствуется прежде всего недостатокъ первыхъ привязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ общихъ руководительныхъ началъ, безъ которыхъ никто почти не пускается въ жизненное море. По странному стеченію обстоятельствъ, у него было только мѣсто рожденія, но не оказывалось истиннаго отечества. Болѣе всего онъ былъ нидерландецъ, но и то скорѣе по силѣ привычки, чѣмъ по глубокому сочувствію всѣмъ важнѣйшимъ интересамъ страны. Мы говорили прежде о томъ, какъ мало было дано мѣста въ его воспитаніи кровнымъ, родственнымъ чувствамъ.

Согрѣвающая сердце семейная любовь осталась почти вовсе чужда ему, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока онъ самъ не обзавелся своею семьею. Но привязанность къ нисходящему племени гораздо болѣе эгоистична, чѣмъ та, которая обращена къ старшимъ членамъ семьи. Начала семейныя и національныя рано замѣнены были для Карла болѣе отвлеченными началами политическими. Они сказались въ первой его государственной дѣятельности, ими же опредѣлились его первыя отношенія во внѣшней политикѣ. Наконецъ они же, въ той или другой степени, замѣшаны и во всѣ послѣдующія рѣшенія Карла V. При всемъ различіи обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился въ различное время своей жизни, образъ его дѣйствій впрочемъ постоянно запечатлѣнъ былъ однимъ и тѣмъ же характеромъ, сообразно съ духомъ школы, которой онъ принадлежалъ своимъ воспитаніемъ.

Изъ одной политики никогда впрочемъ нельзя надѣяться объяснить себѣ всего человѣка. Она одна не въ состояніи наполнить собою всего нравственнаго существа его. Есть сверхъ того цѣлый міръ постоянныхъ потребностей души, которыя охватываютъ болѣе обширную сферу и хотятъ себѣ иного удовлетворенія. Это, говоря вообще, потребность религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, безъ которыхъ не полно никакое существованіе. У Карла V ихъ нельзя отрицать, какъ и у другихъ славныхъ его современниковъ. Въ его время нельзя было иначе и воспитаться, какъ въ католическихъ понятіяхъ; но въ немъ они сверхъ того легли въ основу всего его будущаго образа мыслей и служили мѣрою для оцѣнки людей и явленій. Оттого, что Карлъ былъ воспитанъ въ Нидерландахъ, а не въ Испаніи, католицизмъ не развился въ немъ до испанскаго фанатизма, но нашелъ въ немъ всегда неизмѣнннаго и усерднаго поборника. Внѣ круга этихъ понятій Карлъ ничего не умѣлъ понять, и во всякомъ отступленіи отъ нихъ не хотѣлъ ничего болѣе видѣть, кромѣ непростительнаго заблужденія. Его умственные органы какъ бы срослись съ тѣми понятіями, которыя вложены были въ него первоначальнымъ воспитаніемъ, и потеряли способность дальнѣйшаго развитія въ области тѣхъ же идей.

Но основное воззрѣніе не могло не проникнуть и въ самую политику Карла. Не обнимая ея сполна, оно однако въ той или другой степени проникало во всѣ ея направленія и большею частью составляло въ ней самую душу. Католицизмъ былъ почти единственною живою цѣпью, привязывавшею Карла

къ его подданнымъ въ Испаніи и Италіи; на католическомъ воззрѣніи основаны были и самые ранніе его политическіе планы. Оно же потомъ служило главнымъ возбудительнымъ средствомъ для его фантазіи, которая, не довольствуясь дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, строила въ томъ же самомъ духѣ новыя обширныя предпріятія мечтательнаго свойства. Однимъ словомъ, въ то самое время, когда цѣлый вѣкъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, неудержимо рвался впередъ, мысль Карла V все больше и больше погружалась въ туманное средневѣковое созерцаніе, почерпая изъ него не только силу для своихъ личныхъ убѣжденій, но и побужденіе для своей политической дѣятельности въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

Очень рано уже можно наблюдать эту основу въ дипломатическихъ актахъ, которые дошли до насъ между другими памятниками царствованія Карла V. Она присутствуетъ въ самыхъ первыхъ его дипломатическихъ сношеніяхъ, когда еще онъ не носилъ на себѣ нѣмецкой короны. Пока не установились главныя направленія политики, она является здѣсь въ видѣ общей потребности мира между христіанскими народами. Такъ въ инструкціи Карла посламъ его при дворѣ Франциска читаемъ (1518): „Прежде чѣмъ начинать войну особенно противъ христіанъ, христіанскіе короли и государи, находящіеся въ мирѣ, должны строго обдумать дѣло, потому что правосудіе Творца ничѣмъ такъ не оскорбляется, какъ подобною войной, и никогда невинный народъ не терпитъ столькихъ разныхъ бѣдствій и притѣсненій“ [1]. „Католическій король“—говорится далѣе въ той же инструкціи — „который употребляетъ всѣ свои средства и все время на то, чтобы утвердить миръ между христіанами, отъ всего сердца желалъ бы устранить всѣ поводы къ несогласію и явному раздору между ними, и на этотъ конецъ посылаетъ своихъ пословъ къ императору и къ королямъ Франціи и Англіи“, и т. д. Предметомъ несогласія между двумя послѣдними державами былъ городъ Турне. Находя такой поводъ ничтожнымъ къ разрыву между христіанскими королями, Карлъ предлагаетъ имъ съ своей стороны общую цѣль, для которой они могли бы соединить свои силы, вмѣсто того чтобы ослаблять другъ друга взаимною враждою. „Если зайдетъ рѣчь о Турне“—пишетъ онъ въ другой инструкціи—„то пусть отвѣчаютъ послы, что у католиче-

1) Monum. Habsb. II Abth., I B. p. 56 (№ 23).

скаго короля нѣтъ въ семъ мірѣ большаго желанія, какъ видѣть христіанскихъ государей въ добромъ согласіи между собою, дабы они общими силами могли предпринять надежную войну противъ турокъ, и что онъ съ своей стороны готовъ для такого дѣла не щадить ничего, ни даже своей собственной особы“ [1]). Та же самая мысль повторяется потомъ въ новой инструкціи, писанной двумя мѣсяцами позже. „Католическій король“—сказано здѣсь между прочимъ—„всегда желалъ и теперь остается при томъ же самомъ желаніи, чтобы христіанскіе государи были соединены между собою узами тѣсной дружбы, и чтобы такимъ образомъ, при отсутствіи взаимной недовѣрчивости, тѣмъ удобнѣе можно было имъ подумать о походѣ противъ турокъ“ [2]). Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Карла съ Францискомъ опять встрѣчаемся съ тою же господствующею идеею. Такъ находимъ ее на первомъ планѣ въ начертаніи одного, повидимому, не состоявшагося договора между королями испанскимъ и французскимъ, незадолго до нѣмецкаго избранія [3]). „Всѣмъ современникамъ и тѣмъ, которые имѣютъ родиться на свѣтъ, да будетъ вѣдомо, что превысшіе, предоблестные и могущественнѣйшіе государи, Францискъ, милостію Божіею христіаннѣйшій король Франціи, и Карлъ, тою же милостію католическій король Испаніи и Обѣихъ Сицилій, памятуя то, что Богу угодно было почти въ одно время возвысить ихъ до королевскаго достоинства и призвать ко власти въ великихъ монархіяхъ, такъ что между христіанскими государями никто не можетъ сравняться съ ними въ силѣ и могуществѣ, сознавая также, что по этому самому они болѣе всѣхъ другихъ обязаны заботиться о сохраненіи и распространеніи христіанской республики и о возвеличеніи нашей святой католической вѣры, и по внушенію свыше чувствуя въ себѣ, съ самаго вступленія своего на престолъ, постоянное расположеніе къ поддержанію, сохраненію и умноженію добраго и истиннаго мира, дружбы и спокойствія не только между своими государствами, подданными и союзниками, но и въ цѣломъ вообще христіанствѣ, для того чтобы всѣ военныя силы христіанскихъ народовъ, соединенныхъ въ одно нераздѣльное могущество, могли быть дружно обращены противъ невѣрныхъ, какъ явныхъ враговъ нашей святой католической вѣры,— по всѣмъ симъ причинамъ означенные короли и прежде нѣ-

[1]) Ibid. p. 61 (№ 24).—[2]) Ibid. p. 66 (№ 25).—[3]) Это начертаніе предложено было уполномоченными Карла въ Монпелье. Mon. Habsb. I, p. 78—79 (№ 30).

сколько разъ заключали между собою разные мирные и дружественные договоры, въ силу которыхъ все христіанство до сего времени могло наслаждаться внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, и въ настоящее время, чтобы предотвратить неправильное толкованіе прежнихъ трактатовъ и придать имъ еще болѣе силы и крѣпости, положили открыть въ Монпелье новые переговоры съ мирною цѣлію черезъ своихъ уполномоченныхъ".

Прекрасныя слова о добромъ мирѣ и согласіи между всѣми христіанскими народами можно встрѣтить также, кромѣ инструкцій Карла V его уполномоченнымъ, и въ другихъ дипломатическихъ актахъ того времени. Генрихъ VIII, несмотря на свой неуживчивый нравъ, также любилъ пощеголять ими время отъ времени. Францискъ I тоже пользовался ими при удобномъ случаѣ. Но никѣмъ не повторялись они такъ часто и ни у кого не казались такъ искренни, какъ у Карла. Надобно полагать, что это были отголоски тѣхъ внушеній, которыя между прочимъ вошли въ его воспитаніе. Уроки Адріана утрехтскаго, какъ видно, не пропали для него даромъ и слились въ душѣ воспитанника съ политическими наставленіями другаго воспитателя. Первые составили въ ней общую идеальную основу, къ которой такъ или иначе старалась прикрѣпить себя и политическая теорія, лишенная собственныхъ твердыхъ основаній. Молодой умъ Карла неспособенъ былъ замѣтить внутренняго противорѣчія между двумя направленіями, и какъ только ему представилась возможность дѣйствовать самостоятельно, мечталъ уже о приложеніи своихъ началъ на практикѣ. Оттого могла произойти эта странная несообразность въ его собственныхъ дѣйствіяхъ, что, когда на дѣлѣ онъ всячески старался отвлечь Генриха VIII отъ тѣснаго союза съ Францискомъ I и самъ все больше и больше увлекался духомъ вражды противъ послѣдняго, на словахъ онъ то-и-дѣло твердилъ о мирѣ между всѣми христіанскими государями и выражалъ готовность на всѣ пожертвованія, чтобы соединить всѣ силы въ одномъ христіанскомъ предпріятіи.

Тогда уже опредѣлилась для него отдаленная цѣль всѣхъ этихъ усилій. Минуя всѣ современныя отношенія и какъ будто ничего не зная о нихъ, тогда уже онъ указывалъ своимъ настоящимъ и будущимъ союзникамъ на походъ соединенными силами противъ невѣрныхъ, противъ турокъ, какъ на вѣнецъ всей миролюбивой политики, основанной на христіанскихъ началахъ. Но эта цѣль оставалась почти несбыточною мечтою,

пока владѣнія Карла въ Европѣ не выходили изъ предѣловъ двухъ южныхъ полуострововъ. Какъ любимую мысль, ее часто можно было выставлять на видъ, но едва ли кому — самому Карлу или его совѣтникамъ — приходило въ голову серьезно думать объ ея исполненіи. Вступленіе на императорскій престолъ въ Германіи не только расширило горизонтъ его власти, но и значительно приблизило его къ осуществленію любимой мечты. Военныя средства Карла увеличились можетъ-быть болѣе чѣмъ вдвое, да и самая имперія имѣла гораздо болѣе прямыхъ интересовъ въ борьбѣ съ турками, чѣмъ отдаленный запиренейскій край. Испанія уже кончила свою борьбу съ мусульманами: для Германіи же она только начиналась.

Несправедливо впрочемъ было бы думать, что необходимость борьбы съ турками вытекала для Карла изъ самаго положенія Германіи, которой тогда дѣйствительно угрожалъ разливъ мусульманскаго завоеванія. Мы уже видѣли, что онъ вступилъ на нѣмецкій престолъ съ готовою мыслію. Если же здѣсь она получила новое развитіе, то этому были другія причины. Политическіе виды и идеи выростали для него не изъ самой почвы, на которой онъ стоялъ, а нарождались въ его головѣ сообразно съ высотою его личнаго положенія. Перемѣны въ положеніяхъ Карла можно сравнить съ постепеннымъ восхожденіемъ его съ одной высоты на другую. Чѣмъ больше онъ самъ поднимался вверхъ, тѣмъ шире, правда, раскрывался передъ нимъ горизонтъ, но тѣмъ болѣе терялъ онъ самъ чувство дѣйствительной почвы, и взглядъ его на предметы становился все отвлеченнѣе и отвлеченнѣе. Съ той высоты особенно, на которую поставило его нѣмецкое избраніе, исчезали для него частныя или народныя отличія, столько впрочемъ существенныя, и выдавалась рѣзко развѣ только самая видная противоположность двухъ міровъ—христіанскаго и мусульманскаго. Ибо такъ высоко стоялъ еще нѣмецкій императорскій престолъ въ общемъ мнѣніи вѣка, что съ высоты его дѣйствительно можно было обозрѣвать весь почти европейскій міръ; оттуда брошенный взглядъ доставалъ до крайнихъ его предѣловъ, оттуда же легко было видѣть и главныя точки соприкосновенія этого міра съ азіатскимъ или мусульманскимъ, хотя, съ другой стороны, можетъ-быть тѣмъ болѣе терялись въ безразличіи ближайшіе предметы, лежавшіе у самаго подножія этого высокаго пьедестала.

Возлагая на себя нѣмецкую корону, Карлъ V не только принималъ власть надъ Германіею, но и самую идею имперіи,

какъ она была выработана въ прежнее время. Чего не могла дать ему дѣйствительность, то онъ дополнялъ своимъ воображеніемъ. Его имперія была прямою наслѣдницею старой Римской; въ его мысляхъ она совмѣщала въ себѣ права Рима и Византіи. Это была та Священная Римская имперія, которой начало современно было возвышенію католицизма, и которая считала своимъ основателемъ Карла Великаго, а возстановителемъ Оттона I, также Великаго. Это было то величайшее государственное учрежденіе стараго времени, которое, по мысли своего основателя, должно было заключать въ себѣ всѣ христіанскіе народы, и считало своею высшею задачею распространеніе христіанскаго просвѣщенія. Если эта мысль представлялась уже Карлу съ высоты испанскаго престола, то какъ еще образнѣе, и потому понятнѣе, должна была она казаться ему на вершинѣ имперіи! Карлъ V хотѣлъ для себя имперіи въ ея старомъ смыслѣ, со всѣми ея отличительными признаками и особенностями. Онъ не иначе воображалъ ее себѣ, какъ въ видѣ огромнаго зданія съ двумя отдѣльными вершинами, подобно тому, какъ обыкновенно заканчивались большія готическія сооруженія. Именно потому, что онъ бралъ имперію на старыхъ основаніяхъ, онъ принималъ ее и съ папскою властію. Самый способъ выраженія его объ отношеніяхъ между собою двухъ верховныхъ властей католическаго міра, императорской и папской, заимствованъ былъ имъ прямо изъ средневѣковыхъ политическихъ теорій. Облекаясь одною изъ нихъ, Карлъ торжественно принималъ на себя и обязанности ея по отношенію къ другой. Въ этомъ смыслѣ написана грамота, данная императорскому уполномоченному, который въ іюнѣ 1520 года, слѣдовательно еще за нѣсколько мѣсяцевъ до коронованія Карла въ Ахенѣ, отправлялся къ римскому двору. „Мы, Карлъ (слѣдуютъ титла)“ — сказано въ ней между прочимъ — „уполномочиваемъ васъ, Дона Хуана Мануэля, отправиться въ качествѣ нашего посла къ римскому двору, желая черезъ васъ передать господину нашему, Льву X, выраженіе нашей сыновней преданности и увѣрить его въ томъ, что мы принимаемъ на себя защиту его святѣйшества вмѣстѣ со всею римскою церковію, такъ чтобы достоинство адвоката и покровителя апостольскаго престола, которое носили на себѣ наши предшественники, не только не потерпѣло въ насъ никакого ущерба, но получило бы новое приращеніе, — и какъ двѣ эти власти, т. е. папская и императорская, сравниваются съ двумя высокими свѣтилами вселенной, такъ пусть соотвѣтствуютъ онѣ

одна другой и въ самыхъ своихъ обязанностяхъ, чтобы отъ свѣта ихъ весь міръ получилъ христіанское просвѣщеніе, и чтобы никакой мракъ и никакая темнота не могли устоять передъ ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ“ [1]). Въ заключеніе и здѣсь поставляется на видъ конечная цѣль союза двухъ величайшихъ властей католическаго міра. Для того — говорится въ той же грамотѣ—духовный мечъ долженъ тѣсно соединиться съ свѣтскимъ, „дабы потомъ мы въ состояніи были однимъ дружнымъ ударомъ обратить эти соединенныя силы христіанскаго міра противъ враговъ католической вѣры, и могли бы, согласно сердечному нашему желанію, всѣми зависящими отъ насъ средствами дѣйствовать для распространенія христіанской религіи, чтобы не только носить имя католическаго, но и заслужить его себѣ на самомъ дѣлѣ“ [2]). Нужно ли что еще прибавлять къ этимъ словамъ самого Карла V, въ которыхъ такъ ясно высказались его понятія объ имперіи и значеніи ея внутри и внѣ европейскаго міра?

И пусть не думаютъ, что эти мысли сказались у него лишь въ минуту перваго упоенія нѣмецкимъ избраніемъ, когда онъ не успѣлъ всмотрѣться въ новое положеніе. Изданные документы не оставляютъ сомнѣнія, что извѣстное намъ представленіе Карла объ имперіи перешло въ твердое его убѣжденіе, и что онъ не только не хотѣлъ никогда измѣнить ему въ своихъ мысляхъ, но и положилъ его въ основаніе всей своей дѣятельности. Что бы онъ ни предпринималъ впослѣдствіи, точкою отправленія его дѣйствій было всегда одно и то же основное начало. Постоянство и неизмѣнность этого воззрѣнія мы можемъ прослѣдить на нѣсколько лѣтъ впередъ. Не дожидаясь вызова со стороны христіанскаго императора, турки смѣло простирались впередъ въ своихъ нападеніяхъ. Такъ въ 1522 году они угрожали острову Родосу, который находился тогда въ рукахъ одного католическаго рыцарскаго ордена. До свѣдѣнія Карла доведены были жалобы магистра ордена и просьбы его о помощи. Занятый большою европейскою войною, Карлъ долженъ былъ пока ограничиться въ своемъ отвѣтѣ одними обѣщаніями. Но требованіе такъ близко касалось его католической совѣсти, что

1) См. Mon. Habsb. II Abth. 1 B. p. 168 (№ 51). Особенно замѣчательны слова: quemadmodum hae duae dignitates, pastoralis; sc. et imperialis, duobus magnis orbis luminaribus æquiparantur. Этотъ способъ выраженія объ отношеніяхъ между собою двухъ властей, какъ извѣстно, ведетъ свое начало прямо отъ Иннокентія III, знаменитаго основателя католической теократіи.— 2) Ibid.

по этому случаю онъ не могъ не высказать еще разъ того понятія, которое имѣлъ самъ о своихъ великихъ обязанностяхъ. Приводя въ оправданіе свое настоящую войну и недостатокъ денежныхъ средствъ (ибо тѣ пособія, которыя опредѣлены были ему послѣднимъ нѣмецкимъ сеймомъ „для подъятія императорской короны и приведенія Священной имперіи въ такое состояніе, чтобы она могла принять на себя покровительство и защиту всего христіанства и обратить свои силы на низложеніе враговъ его“, пришлось употребить всѣ на оборону отъ нихъ Венгріи), Карлъ продолжаетъ свой отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „Несмотря на то, дабы никто не сомнѣвался болѣе, что мы никогда не имѣли другого желанія, какъ употребить наши силы противъ невѣрныхъ, мы рѣшили и постановили, какъ первый между христіанскими государями, истинный защитникъ и покровитель святой христіанской вѣры, адвокатъ и старшій сынъ римской церкви, отбрасывая отъ себя всякое извиненіе и поступая по нашему долгу, принять поспѣшно всѣ зависящія отъ насъ мѣры для противодѣйствія сей великой опасности и не пощадить ничего на сохраненіе, защиту и освобожденіе Родоса отъ угрожающихъ ему невѣрныхъ враговъ, хотя бы для того намъ нужно было не только употребить въ дѣло всѣ государственныя силы, но и подвергнуть самую жизнь нашу опасности“ [1]). Не будемъ говорить о томъ, что помѣшало Карлу исполнить его намѣреніе; довольно того, что, какъ показываетъ его частое возвращеніе къ одной и той же мысли, онъ видѣлъ свой первый долгъ въ отраженіи невѣрныхъ на всѣхъ точкахъ соприкосновенія ихъ съ христіанскимъ міромъ. И въ слѣдующіе за тѣмъ годы, мысли и желанія Карла неизмѣнно направлены были къ той же главной цѣли. Въ 1524 году, во время самаго разгара войны съ Францискомъ, онъ писалъ къ брату своему Фердинанду: „Вы хорошо знаете, мой любезный братъ, да и всякому это должно быть извѣстно, что моимъ постояннымъ желаніемъ и главною заботою всегда было сохранить и поддержать миръ и спокойствіе въ христіанскомъ мірѣ. Какъ всѣ мои прошедшія, такъ и настоящія дѣйствія имѣютъ только одну цѣль — достиженіе этого мира, который далъ бы намъ возможность соединить вмѣстѣ всѣ силы христіанъ, чтобы не только положить конецъ завоевательнымъ стремленіямъ турокъ и вообще всѣхъ невѣрныхъ, но и повести противъ нихъ наступательную войну и

[1]) См. Lanz: Corresp. d. Kaisers Karl V, 1, p. 67.

черезъ то еще болѣе способствовать къ умноженію, распространенію и возвышенію католической вѣры“ [1]). Два года спустя, по заключеніи мира съ королемъ французскимъ, Карлъ V писалъ теткѣ своей Маргаритѣ, правительницѣ Нидерландовъ: „Я рѣшился подписать этотъ миръ, главнымъ образомъ и прежде всего желая сдѣлать угодное Богу и имѣя въ виду облегченіе и спокойствіе подвластныхъ мнѣ земель и моихъ подданныхъ. И я питаюсь надеждою, что папа и всѣ христіанскіе государи не замедлятъ воспользоваться этимъ добрымъ началомъ, чтобы, идя далѣе тѣмъ же путемъ, приступить наконецъ къ большому предпріятію противъ турокъ, искоренить ереси, которыя Богъ по грѣхамъ нашимъ попускаетъ внутри христіанскаго міра, и такимъ образомъ доставить ему внѣшнее спокойствіе и утвердить въ немъ внутренній порядокъ. Все это такіе предметы, которымъ я отъ всего сердца готовъ посвятить себя, во исполненіе тѣхъ высокихъ обязанностей, какія Богу угодно было возложить на меня,—и могу увѣрить васъ, что не отъ меня будетъ зависѣть, если всѣ эти цѣли не найдутъ себѣ осуществленія“ [2]).

На папскомъ престолѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, произошло нѣсколько перемѣнъ. Когда Левъ X умеръ, выборъ палъ на бывшаго наставника Карла, Адріана утрехтскаго, а какъ и его скоро не стало, то избранъ былъ Климентъ VII изъ фамиліи Медичи. Нѣтъ нужды говорить, что пока Адріанъ носилъ тіару, доброе согласіе между императоромъ и папскимъ престоломъ не нарушалось, и Карлъ V не имѣлъ никакихъ причинъ измѣнять свои прежнія понятія объ отношеніяхъ между собою двухъ властей. Но поведеніе Климета VII далеко не могло внушить ему той довѣренности, какую онъ питалъ къ его предшественнику. Во время войны между императоромъ и королемъ французскимъ, папа не разъ склонялся на сторону послѣдняго. Даже по заключеніи мира съ Францискомъ, въ 1526 году, Карлъ имѣлъ еще много причинъ къ неудовольствію на Климента. Однако это не мѣшало ему оставаться при прежнихъ мысляхъ и даже употреблять тѣ же выраженія, говоря объ отношеніяхъ своей власти къ папскому престолу. „Такъ какъ оба мы“—писалъ онъ Клименту VII въ томъ же году, заставивъ его напередъ выслушать много горькихъ упрековъ въ недоброжелательствѣ — „поставлены міру

1) Ibid. p. 81.—2) Ibid. p. 151.

какъ бы два великія свѣтила, то потщимся, чтобы нами дѣйствительно просвѣтился весь міръ, и вмѣсто того, чтобы хотя временно помрачать горизонтъ его нашимъ несогласіемъ, подумаемъ лучше о цѣлой христіанской республикѣ, объ отраженіи враговъ ея общими силами и объ искорененіи въ ней ересей и всякихъ заблужденій“ [1]).

Прошло еще три года. Въ это время Карлъ еще разъ успѣлъ помѣряться съ своимъ прежнимъ соперникомъ въ открытой войнѣ. Несогласіе опять приходило къ концу; въ Камбре открыты были переговоры для заключенія мира. Эта война, казалось, обличила ложь существовавшихъ доселѣ отношеній между „двумя великими свѣтилами“ католическаго міра: если императоръ имѣлъ свои причины жаловаться на папу, то папа въ свою очередь никогда не могъ забыть разграбленія Рима, своей резиденціи, войсками главнаго покровителя католической церкви. Несмотря на то отношенія между Карломъ V и Климентомъ VII въ 1529 году были никакъ не хуже, чѣмъ по окончаніи первой войны. Императоръ попрежнему продолжалъ сноситься съ папскимъ престоломъ черезъ своихъ уполномоченныхъ и обмѣнивался съ нимъ тѣми же планами и соображеніями, какіе занимали его назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Самый порядокъ, въ которомъ его политическія мысли слѣдовали одна за другой, оставался тотъ же, что и прежде. Это особенно видно изъ одного мѣста донесенія императорскаго уполномоченнаго, бывшаго въ то время при папскомъ дворѣ, которое потому мы и приводимъ здѣсь. „Мы нашли“—писалъ де-Претъ (de Praet) отъ 30 іюля 1529 года изъ Рима—„его святѣйшество въ постели, и по лицу могли видѣть, что онъ былъ давно боленъ. Я сталъ на колѣни передъ его постелью, чтобы облобызать его ноги; но онъ никакъ не хотѣлъ этого допустить, и вмѣсто ногъ я едва могъ поцѣловать только покрывало въ томъ мѣстѣ, гдѣ они должны были находиться. Затѣмъ я представилъ его святѣйшеству ваше собственноручное письмо. Онъ прочиталъ его все до конца, и видно было, что онъ остался вполнѣ доволенъ его содержаніемъ. Потомъ вдругъ онъ заговорилъ самъ и отвѣчалъ мнѣ подробно на все содержаніе письма. Во-первыхъ, онъ выразилъ свое удовольствіе по случаю возстановленія дружескихъ связей между нимъ

[1]) Ibid. p. 220: Cum a deo simus ambo constituti velut luminaria duo magna, demus operam etc.

и вашимъ величествомъ; далѣе, онъ благодарилъ за выражаемое вашимъ величествомъ желаніе даровать спокойствіе Италіи, утвердить всеобщій миръ, положить конецъ вторженіямъ Турокъ и искоренить ереси, говоря, что все это предметы—достойные великаго христіанскаго государя" и т. д. [1]).

Послѣ всѣхъ этихъ признаній не трудно опредѣлить настоящій характеръ и значеніе политической мысли Карла V. Ей нельзя отказать въ величіи и даже нѣкоторомъ достоинствѣ. Она обнимала весь католическій міръ того времени, она переступала даже его отдаленные рубежи и не прежде хотѣла успокоиться, какъ уничтоживъ во всемірной борьбѣ противоположность его съ азіатскимъ міромъ. Положить предѣлъ бурному разливу мусульманскаго завоеванія и можетъ-быть даже предписать завоевателямъ католическій законъ—было высшимъ предметомъ его честолюбія. Нужно было имѣть необъятную силу воображенія, чтобы, усвоивъ однажды подобную мысль, вмѣстить въ себѣ и весь обширный театръ дѣйствія, который она необходимо приводила вслѣдъ за собою. Нужно было имѣть орлиный взглядъ и орлиную способность высокаго паренія, чтобы съ высоты одной мысли окинуть однимъ взоромъ, кромѣ средней и южной Европы, и многія другія страны, прилежащія къ тому же средиземному бассейну съ востока и юга. Изъ современниковъ Карла V, безспорно, никто не парилъ такъ высоко и никто не захватывалъ такъ много своимъ воображеніемъ. Его истинные предшественники въ этомъ направленіи оставались далеко позади. Та мысль вела свое начало еще отъ Карла Великаго; она же въ другую великую эпоху опрокинула едва не половину Европы на мусульманскую Азію. Въ XVI вѣкѣ Карлъ мечталъ осуществить идею, которая составляла главное движущее начало европейской духовной жизни въ XI и XII вѣкахъ. Но въ томъ-то и лежитъ осужденіе этой великой мысли, что, уходя далеко отъ своей современности, она возвращалась къ давно прошедшимъ и почти забытымъ уже идеаламъ. Она была схвачена, такъ сказать, сверху, безъ всякаго почти отношенія къ ближайшимъ жизненнымъ требованіямъ своего вѣка. Она не выросла на современной почвѣ, а была послѣднимъ отголоскомъ того направленія, которое составило главное содержаніе Среднихъ вѣковъ, и можно сказать, опредѣлило ихъ характеръ въ отличіе отъ древняго и новаго образованія. Мысль мечтательная; тамъ она впрочемъ была у мѣста, тамъ она

[1]) Ibid. p. 320.

была даже сильна сочувствіемъ къ ней народныхъ массъ; но съ тѣхъ поръ въ общемъ сознаніи произошло такъ много перемѣнъ, что самое геніальное усиліе въ прежнемъ духѣ не только не въ состояніи было возбудить въ немъ прежній энтузіазмъ, но едва ли даже могло на время привязать къ себѣ его участіе. Что бы ни предпринималъ Карлъ для своей цѣли, какъ бы ни гордился онъ своими успѣхами, онъ остался бы одинокъ среди современнаго ему общества, утратившаго самый смыслъ подобныхъ предпріятій. Новое поколѣніе людей хотѣло лучше терпѣть неудачи въ своемъ поступательномъ движеніи, чѣмъ пробиваться тощею славою мечтательныхъ подвиговъ, которые имѣли цѣлію возвратить его къ давно изжитымъ направленіямъ. Неудивительно, что Карлъ и его современники часто не узнавали, или переставали понимать другъ друга. Когда въ нихъ жила неумолкающая потребность обновленія, онъ думалъ только о томъ, чтобы снова вызвать къ жизни духъ Среднихъ вѣковъ, и смотря на все окружающее съ ихъ точки зрѣнія, умѣлъ однако быть еще идеальнѣе въ своемъ воззрѣніи на міръ, чѣмъ современники Готфрида Бульонскаго, Фридриха Барбароссы, Лудовика Святаго.

Забудемъ впрочемъ на минуту, что воззрѣніе Карла V коренилось въ средневѣковыхъ понятіяхъ; положимъ, что мысль его могла быть исполнена волею одного человѣка, вопреки общему настроенію умовъ. Если взять во вниманіе тѣ средства, которыя находились въ его распоряженіи, то, казалось бы, никогда еще не было столько благопріятной минуты для ея исполненія. Не говоря уже о множествѣ титлъ разнаго рода, соединившихся неожиданнымъ образомъ на особѣ Карла V, въ рукахъ его дѣйствительно собрались огромныя матеріальныя и военныя средства того времени. Ни подъ чьею властію не соединялось столько обширныхъ земель, ни подъ чьимъ знаменемъ не строилось и не выходило въ поле столько разнообразныхъ ополченій. Имперія, Нидерланды, Испанія и Неаполь отдавали ему цвѣтъ своего народонаселенія для военныхъ предпріятій. Нѣмецкіе ландскнехты давно уже пріобрѣли себѣ имя въ военныхъ лѣтописяхъ Европы; испанское войско тоже начинало входить въ славу своимъ мужествомъ и своею стойкостію. Матеріальныя средства, собравшіяся съ разныхъ сторонъ въ тѣхъ же рукахъ, также казались неистощимыми. Чего бы не додали Карлу европейскіе сборы, то съ избыткомъ вознаграждалось непрерывнымъ подвозомъ золота изъ Новаго

Свѣта [1]). Судьба какъ будто нарочно подслужилась Испаніи нетронутыми американскими рудниками, чтобы дать ей возможность осуществить несбыточное. Личныя свойства Карла V, казалось, также были въ мѣру великаго, задуманнаго имъ предпріятія. Онъ былъ удивительно какъ твердъ и постояненъ въ своихъ намѣреніяхъ. Минутная неудача не пугала его; мысли его не измѣнялись отъ случайной перемѣны обстоятельствъ. Духъ его отъ природы былъ властительный. Онъ не былъ крутъ нравомъ, часто недоставало ему полной рѣшимости, но въ немъ было много этой скрытой энергіи воли, которая цѣпко держится за свою любимую мысль, хотя бы даже собственныя выгоды требовали отъ него уступить на время и своротить съ дороги. Скорѣе можно было заставить Карла вовсе устраниться со сцены, чѣмъ дать его волѣ иное направленіе.

Итакъ что же мѣшало Карлу V, при его волѣ и его средствахъ, тотчасъ приняться за исполненіе любимой мысли, какъ скоро онъ сталъ во главѣ имперіи? Почему, прежде чѣмъ обратить всѣ свои силы противъ невѣрныхъ, онъ завязался въ другія продолжительныя войны? Зачѣмъ было такъ далеко откладывать предпріятіе, когда оно совершенно созрѣло въ его мысли? Причины тому лежали частью въ немъ самомъ, частью въ современныхъ обстоятельствахъ. Они-то заставили его, нисколько не отказываясь отъ главной цѣли и никогда не теряя ея изъ виду, впрочемъ значительно измѣнить планъ своихъ дѣйствій. Въ качествѣ главы Священной Римской имперіи и преимущественно ея средствами хотѣлъ онъ совершить свой великій подвигъ; но для того ему необходимо было напередъ подумать о томъ, чтобы возстановить имперію въ ея полномъ составѣ. Ибо въ мысли Карла V была имперія Карла Великаго, Оттона I, Генриха III и Гогенштауфеновъ, то-есть одно большое политическое тѣло, въ которомъ нераздѣльно сливались Германія и Италія, какъ двѣ равно существенныя ея части. Безъ Италіи имперія сходила въ его глазахъ на степень нѣмецкаго королевства. Наслѣдственное право Карла V на Неаполь, или южную Италію, облегчало Карлу дѣло соединенія двухъ странъ; но это было лишь первое начало, за которымъ оставалось еще побѣдить множество трудностей. Не

[1]) Чтобы видѣть, какъ хорошо понималъ Карлъ значеніе денегъ, довольно привести одно его выраженіе изъ письма къ Фердинанду: l'argent est le nerf et la force de la guerre... См. Lanz, 1, p. 81.

только ничего еще не сдѣлано было для возстановленія императорской власти въ прежнемъ ея объемѣ надъ другими частями Италіи, но даже простой переѣздъ новаго императора изъ Германіи въ Римъ для коронованія представлялъ множество трудностей. Правда, что Карлъ считалъ уже ахенское вѣнчаніе на царство достаточнымъ для освященія своего императорскаго достоинства, и очень оскорблялся, если его называли послѣ того лишь „избраннымъ римскимъ королемъ". Тѣхъ, которые, какъ Францискъ I, еще отказывали ему въ титлѣ императора, онъ готовъ былъ обвинить даже въ нарушеніи „божескихъ и человѣческихъ законовъ" [1]). Но тѣмъ не менѣе завершеніе всему дѣлу давало только окончательное освященіе императорской власти въ Римѣ. До тѣхъ поръ вновь провозглашенный императоръ оставался какъ бы только на степени „избранія" (electus). Какъ Священная имперія казалась неполна безъ Италіи, такъ право императора на Римъ не имѣло законной силы безъ римскаго вѣнчанія.

Постоянно имѣя въ виду средневѣковые образцы, Карлъ V непремѣнно хотѣлъ возобновить и старый обычай принятія короны въ самомъ Римѣ. Это былъ бы только первый шагъ съ его стороны для возстановленія императорской власти въ Италіи. Но возвращеніе къ обычаю, который никогда не обходился безъ трудностей, и послѣ Гогенштауфеновъ все больше и больше выходилъ изъ употребленія, получало видъ довольно опаснаго нововведенія и не могло не возбудить противъ себя разныхъ противорѣчій. Ни папа, ни другіе владѣтели въ сѣверной и средней Италіи не чувствовали большой охоты способствовать намѣренію Карла, которое если бы исполнилось, могло бы кончиться очень невыгодно для нихъ. Но сверхъ того, со времени похода Карла VIII Валуа, во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Италіи, очень важенъ былъ еще голосъ французскаго короля. Нужно ли говорить, какими глазами долженъ былъ онъ смотрѣть на предполагаемый походъ Карла V въ Италію и личное его пребываніе въ Римѣ? Въ душѣ Франциска I еще не погасло чувство перваго оскорбленія, какъ ему уже готовилось другое. Тотъ же самый соперникъ, который перебилъ у него нѣмецкую корону, въ силу новыхъ своихъ правъ располагался

[1]) Mon. Habsb. ibid. p. 191 (№ 57): dum in his ac caeteris subseqnentibus (litteris) nos dumtaxat electum Romanorum regem intitulat, videatur omnino effectus coronationis et unctionis in Aquisgrano de more celebrate sperni ac nihil fieri, licet post illam non electi regis, sed electi imperatoris titulus tribuatur, prout universa canit ecclesia, divinisque ac humanis legibus sancitum est.

вытѣснить его мало-по-малу и изъ Италіи. Франциску I, менѣе чѣмъ кому либо въ католическомъ мірѣ, прилично было оставаться равнодушнымъ зрителемъ подобнаго стремленія. Еще намѣреніе Карла не было довольно оглашено, какъ уже король французскій спѣшилъ протестовать противъ него передъ нѣмецкими курфирстами. „Какъ только мы узнали" — писалъ онъ имъ изъ Блуа, отъ 27 го декабря 1520 года — „что назначенъ сеймъ въ Вормсѣ для совѣщаній избраннаго нѣмецкаго короля съ избирателями, мы сочли благоприличнымъ и благовременнымъ поставить вамъ на видъ нѣкоторыя наши мысли о дѣлѣ, близко насъ касающемся, въ томъ предположеніи, что на этомъ сеймѣ вѣроятно будетъ рѣчь о переѣздѣ (transitu) въ Италію, о римской и миланской коронѣ и даже о миланскомъ герцогствѣ!.." [1]) Все это очевидно были такіе интересы, которые лежали очень близко къ сердцу Франциска. Не имѣя на своей сторонѣ никакихъ законныхъ основаній, чтобы воспротивиться мирному переѣзду избраннаго императора до самаго Рима, онъ впрочемъ весьма рѣшительно предупреждалъ князей имперіи, что долженъ будетъ принять свои мѣры, если Карлъ захочетъ вступить въ Италію съ вооруженною силою, сверхъ своей обыкновенной свиты. „Если избранный римскій король"—писалъ онъ курфирстамъ— „предпочитая миръ войнѣ, располагается итти въ Италію, для полученія въ ней императорской короны, лишь съ немногочисленною свитою, по примѣру своихъ предшественниковъ Сигизмунда и Фридриха, то мы не только съ своей стороны предлагаемъ ему должный почетъ, любовь и безопасность, но увѣрены, что по нашему примѣру и другіе властители Италіи сдѣлаютъ то же самое. Если же онъ вздумаетъ отправиться туда съ вооруженною силою и съ недобрымъ намѣреніемъ нарушить миръ страны и возмутить ея спокойствіе, то походъ его неминуемо повлечетъ за собою войну и всѣ нераздѣльныя съ нею бѣдствія. А въ такомъ случаѣ благонамѣреннымъ людямъ, понимающимъ, какъ эти бѣдствія противны волѣ Божіей, не остается ничего болѣе, какъ стараться предупредить и устранить ихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами" [2]). Несмотря на хитрые извороты дипломатической фразы, настоящій смыслъ посланія былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Довѣренное сообщеніе князьямъ подъ конецъ превращалось почти въ угрозу вновь избранному императору. Въ глазахъ Карла, который не успѣлъ

1) Ibid. p. 185 (№ 54).—2) Ibid.

еще огласить своего намѣренія предпринять вооруженный походъ въ Италію, такой поступокъ со стороны стараго совмѣстника могъ имѣть только одно значеніе — неприличнаго вызова. Когда же, присоединяя къ одному оскорбленію другое, Францискъ I обратился еще къ имперскимъ князьямъ съ нескромнымъ внушеніемъ — въ случаѣ предполагаемаго похода отказать императору въ своемъ содѣйствіи, и нисколько не церемонясь, выставлялъ его передъ ними своимъ врагомъ и недоброжелателемъ, готовымъ пожертвовать для своихъ личныхъ выгодъ высшими интересами цѣлой имперіи [1]), гордости Карла V почти не оставалось другого выбора, какъ принять дѣлаемый ему вызовъ и на первый разъ отплатить сопернику по крайней мѣрѣ столько же заносчивымъ отвѣтомъ. И въ самомъ дѣлѣ отвѣтъ его, также адресованный на имя нѣмецкихъ курфирстовъ, затрогивалъ съ весьма чувствительной стороны самолюбіе французскаго короля. Если Францискъ I ставилъ отъ себя условія итальянскаго похода, то Карлъ V припоминалъ ему вассальныя его отношенія къ имперіи и давалъ замѣтить, что — не вассалу предписывать законы ленному господину. Если король думалъ унизить императора, приравнявши его къ Сигизмунду и Фридриху, то императоръ, чтобы лучше дать почувствовать ему разницу, ссылался на свои наслѣдственныя права, сверхъ Германіи, на Испанію, Неаполь съ Сициліею, и чтó особенно было оскорбительно для повелителя Франціи, на *Бургундію*. Наконецъ, прямо наперекоръ требованію Франциска, онъ объявлялъ, что по настоящимъ обстоятельствамъ не иначе думаетъ предпринять походъ въ Италію, какъ съ большою вооруженною силою. „Потому-то особенно" — писалъ онъ въ той же грамотѣ, — „и считаю необходимымъ явиться въ Италію съ многочисленною силою и большими военными средствами, что замѣчаю въ ней сильное волненіе, и что вижу ясно, какъ она готовится встрѣтить меня съ оружіемъ въ рукахъ и приводитъ всѣ силы въ движеніе, чтобы не допустить насъ пользоваться тою высокою властію, на которую право дано намъ императорскимъ нашимъ достоинствомъ" [2]).

Такъ, дѣлая самый первый шагъ къ исполненію своего широко задуманнаго плана, Карлъ V опять встрѣчался враждебно

[1]) Ibid. p. 189 (№ 56): ut principes honoris justitiae et aequitatis *adversarium et provocatorem nostrum* in re sua privata et particulari imperium minime tangente contra jus fasque justitiam et aequitatem nullum illi favorem assistentiam subventionemque tribuatis.—[2]) Ibid. p. 191 (№ 57).

съ своимъ неизбѣжнымъ соперникомъ. Такъ, при самомъ первомъ взмахѣ своей сильной руки, онъ чувствовалъ уже постороннее усиліе отвести его ударъ въ другую сторону и даже вовсе заслонить отъ него намѣченную цѣль. Или надобно было принять вызовъ не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ пробить себѣ свободный путь впередъ, или отказаться отъ предположеннаго плана. Но мысль, приготовленная всѣмъ воспитаніемъ, уже срослась съ душою Карла; но воля его, какъ мы уже замѣчали и прежде, была не изъ тѣхъ, которыя можно заставить страхомъ или другимъ внѣшнимъ принужденіемъ своротить съ избранной дороги. Она тѣмъ упорнѣе привязывалась къ своему идеалу, чѣмъ больше дѣлали усилій, чтобы разрознить ихъ между собою. Встрѣчаясь съ препятствіями, она не уклонялась отъ цѣли, а только задерживалась на пути. Ее можно было отвлечь на время отъ главной цѣли, но не иначе, какъ противополагая трудности по направленію къ ней же. Если Карлъ завязывался въ постороннюю борьбу и тѣмъ, повидимому, отлагалъ исполненіе своего главнаго плана, то это онъ дѣлалъ потому только, что видѣлъ въ ней первую степень и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшее средство къ его же осуществленію. Планъ дѣйствій, если угодно, усложнялся, растягивался многими вводными эпизодами, но не измѣнялся въ сущности и направленіи. Кромѣ этой внѣшней перемѣны въ планѣ, нельзя было принудить Карла ни къ какой другой уступкѣ, какъ бы ни были велики противополагаемыя ему на пути препятствія. Съ кѣмъ бы онъ ни воевалъ, онъ думалъ, что сражается за то великое дѣло, которое въ его мысляхъ тѣсно соединялось съ бытіемъ и назначеніемъ Священной Римской имперіи.

Между тѣмъ еще отъ прежняго времени у Карла V и Франциска I оставалось много непоконченныхъ споровъ. Соприкасаясь почти вездѣ своими владѣніями, они вездѣ находили поводъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, недружелюбнымъ счетамъ между собою и довольно оскорбительнымъ притязаніямъ другъ на друга. Почти въ каждой пограничной области, въ Нидерландахъ, въ Бургундіи, около Пиренеевъ, была у нихъ какая-нибудь спорная земля. Если Карлъ былъ слишкомъ неумѣренъ въ своихъ притязаніяхъ, то Францискъ очень мало заботился даже о томъ, чтобы удовлетворить самымъ справедливымъ его жалобамъ. То онъ поддерживалъ нѣкоторыхъ мятежныхъ князей имперіи въ области рѣки Рейна, то угрожалъ вторженіемъ въ Испанію со стороны Наварры. Само собою разумѣется, что подъ вліяніемъ вновь начинав-

шагося большого спора за Италію эти старыя несогласія разгорались еще болѣе. Дипломатическая переписка вела лишь къ новому взаимному раздраженію, и потому общее рѣшеніе всѣхъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ становилось неизбѣжнымъ для обѣихъ сторонъ. Такъ переставлялись задачи, и измѣнялся внѣшній порядокъ дѣйствій, входившихъ въ составъ большого политическаго плана Карла V. Главная цѣль оставалась та же самая: война съ невѣрными и конечное отраженіе ихъ отъ предѣловъ христіанскаго міра, но она отодвигалась теперь на отдаленный планъ, а на переднемъ помѣщалась пока ближайшая задача—возстановленіе Священной имперіи въ полномъ ея составѣ. А такъ какъ каждый успѣхъ въ Италіи надобно было пріобрѣтать побѣдою надъ бдительнымъ соперникомъ, который ревниво смотрѣлъ за всякимъ движеніемъ, даже за всякимъ поворотомъ мысли императора по направленію къ Риму, то на первое время, хотя господствующіе виды были тѣ же самые, вся сила политическаго дѣйствія должна была разрѣшиться въ неминуемую борьбу между Карломъ и Францискомъ. Какъ это ни странно подумать, но въ предполагавшейся общей борьбѣ между мусульманскимъ и католическимъ міромъ дѣйствительно становилась на первое мѣсто война между двумя главными представителями послѣдняго. Она захватывала себѣ на ближайшій срокъ времени весь театръ дѣйствія, она притягивала къ себѣ какъ матеріальныя, такъ и умственныя средства обѣихъ сторонъ, она наконецъ приковывала къ себѣ вниманіе и многихъ постороннихъ дѣятелей, которые не участвовали въ ней непосредственно. Только ея благополучный исходъ долженъ былъ развязать руки побѣдителю и открыть ему свободное поприще для великой заключительной борьбы, въ которой онъ заранѣе уже видѣлъ вѣнецъ всей своей политической дѣятельности. Нѣтъ нужды говорить, что побѣда въ первомъ, или внутреннемъ, спорѣ предполагалась возможною лишь на той изъ двухъ враждебныхъ сторонъ, которая считалась первою по достоинству и казалась самою сильною по всѣмъ средствамъ. Въ заключеніе же всего, какъ дополнительное дѣйствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ завершеніе предыдущихъ подвиговъ, ставилось на концѣ того же обширнаго плана искорененіе начинавшихъ тогда распространяться внутри католическаго міра новыхъ религіозныхъ мнѣній и возстановленіе въ немъ совершеннаго единства.

Такъ основная мысль Карла V, нисколько не теряя своей внутренней энергіи, видоизмѣнялась впрочемъ по силѣ и требованію

обстоятельствъ. Попробуемъ же, для большей ясности, схватить всѣ эти видоизмѣненія въ одномъ краткомъ перечнѣ. Тотъ всеобщій христіанскій миръ, который всего болѣе занималъ Карла, пока онъ былъ только владѣтелемъ южныхъ королевствъ, отодвинулся почти на самый задній планъ. Императорскій вѣнецъ, возложенный Карломъ въ Ахенѣ, рѣшилъ воинственный оборотъ мысли. Всеобщая война съ врагами христіанскаго міра, при помощи и содѣйствіи римской церкви, стала на первомъ планѣ. Для этой же цѣли прежде всего казалось необходимымъ возстановленіе Священной имперіи въ прежнемъ ея объемѣ. Только вѣнчаніе въ Римѣ уполномочивало Карла повести великую брань отъ имени всего католическаго міра. Но возобновить старыя и почти забытыя притязанія на Италію значило окончательно разорвать съ Франціею и вызвать ея воинственнаго короля на единоборство. Пока не конченъ былъ этотъ ближайшій споръ, большое предпріятіе Карла противъ невѣрныхъ было неисполнимо. Оно впрочемъ не казалось очень отдаленнымъ, потому что, завязываясь во внутреннюю борьбу, Карлъ не имѣлъ еще причинъ считать ее безконечною. Но во всякомъ случаѣ не прежде, какъ въ концѣ ея, сіялъ его воображенію отраднымъ лучомъ тотъ всеобщій миръ, который одинъ могъ дать ему возможность обратить всѣ силы католическаго міра противъ невѣрныхъ. Такъ, хотя уже на значительномъ разстояніи, но все же продолжала свѣтить ему впереди любимая мечта, въ исполненіи которой онъ видѣлъ вѣнецъ всей своей дѣятельности. Мы знаемъ наконецъ, чѣмъ онъ думалъ завершить ее, когда бы весь планъ былъ приведенъ въ исполненіе, и императору развязались руки на новыя предпріятія.

Доказывать ли, что мысль Карла V не лишена была грандіозности, и что обширный планъ его обличалъ въ немъ самомъ много смѣлости и предпріимчивости? Но довольно замѣтить читателю, что эта мысль охватывала всѣ важнѣйшія отношенія какъ внутренней, такъ и внѣшней европейской политики. Что же касается самаго плана, какъ мы изложили его выше, то, по нашему личному воззрѣнію, своею обширностію онъ не уступалъ самымъ смѣлымъ замысламъ величайшихъ изъ Гогенштауфеновъ. Задачи, которую поставилъ себѣ Карлъ V, стало бы на самую дѣятельную и продолжительную жизнь, а онъ однако не хотѣлъ удовлетвориться ею и простиралъ свои виды еще далѣе.

IV.

Чтобы оцѣнить мысль Карла V особенно съ практической стороны, необходимо взглянуть на нее еще съ одной точки зрѣнія. Та имперія, отъ которой Карлъ думалъ заимствовать свое полномочіе на великую борьбу, была по преимуществу германская. Самое право на римскую корону и на Италію онъ могъ производить лишь отъ занимаемаго имъ, со времени избранія, нѣмецкаго престола. До тѣхъ поръ особенно, пока Карлу не удалось утвердить своихъ правъ на Италію, имперія и Германія были одно и то же. Спрашивается: въ какой степени нуждалась имперія въ тѣхъ возвышенныхъ и обширныхъ замыслахъ, которые наполняли мысль и воображеніе ея повелителя? какую прямую пользу могла она извлечь для себя изъ ихъ осуществленія? и въ какомъ вообще отношеніи находились ея истинныя и нетерпящія отлагательства нужды къ идеальнымъ планамъ императора? Ибо не можетъ быть спора въ томъ, что практическая польза политическаго предпріятія прежде всего измѣряется соотвѣтственностію его съ дѣйствительными потребностями народа.

Никто не станетъ отрицать, что вопросъ о войнѣ противъ невѣрныхъ очень близко касался интересовъ Германіи, и что потребность крѣпкой защиты отъ нихъ въ скоромъ времени могла выросги для нея въ настоятельную нужду. Мусульмане, то-есть турки, давно уже стояли твердою ногою за Дунаемъ и постоянно угрожали Венгріи. Уже въ XV вѣкѣ она должна была употреблять чрезвычайныя усилія, чтобы отбиться отъ ихъ неудержимаго завоевательнаго стремленія. Въ началѣ XVI не безопасны были отъ ихъ нашествія даже отдаленныя сѣверо-западныя земли того же королевства. За тѣмъ непосредственно слѣдовала очередь самой Германіи. Энергія мусульманскихъ завоевателей росла съ каждымъ годомъ, и нѣмецкимъ землямъ, соприкасающимся съ венгерской границей, навѣрное было не избѣжать турецкаго вторженія въ ближайшій срокъ времени. Объ этомъ надобно было позаботиться заблаговременно, то-есть надобно было стараться предотвратить нашествіе турокъ на Германію, противодѣйствуя ему въ сосѣдственной странѣ и прикрываясь отъ него, какъ щитомъ, ея независимостію.

Итакъ, повидимому, мысль Карла V совершенно совпадала съ одною изъ существенныхъ потребностей имперіи. Но, замѣчая

сходство, не просмотримъ также и весьма важной разницы между ними. Какъ въ другихъ частяхъ плана, такъ и въ этомъ вопросѣ мысль Карла развивалась больше на отвлеченной, чѣмъ на дѣйствительной почвѣ. Много думая о великой общей борьбѣ между мусульманскимъ и христіанскимъ міромъ, онъ забывалъ, что та же самая мысль во многихъ случаяхъ могла бы имѣть частное приложеніе; увлекаясь мечтою о будущемъ конечномъ пораженіи невѣрныхъ, онъ не спѣшилъ принимать мѣры для отраженія ихъ въ какой-нибудь одной мѣстности. При томъ же всякое отдѣльное усиліе, направленное противъ турокъ, которые угрожали Германіи, необходимо повлекло бы за собою измѣненія въ его планѣ и произвело бы въ немъ новое разстройство. Карлъ же не хотѣлъ прежде приступить къ борьбѣ съ невѣрными, какъ соединивши въ своихъ рукахъ бóльшую часть силъ католическаго міра. Для Германіи, напротивъ того, скорая помощь была бы самая спасительная. Ей было не до общаго плана, когда она каждый годъ могла ожидать, что юго-восточная граница ея будетъ прорвана. Венгрія находилась въ положеніи утопающаго, котораго могла бы спасти лишь посторонняя помощь. Вся надежда ея была на имперію. Расчетъ на скорое содѣйствіе императора казался тѣмъ вѣрнѣе, что онъ былъ связанъ съ Венгріею не только общими христіанскими интересами, но и тѣснымъ родствомъ съ тамошнимъ королевскимъ домомъ. Марія, жена Лудвига II, короля венгерскаго, была родная и притомъ самая любимая сестра императора. Уже въ августѣ 1521 года, въ виду крайней опасности со стороны турокъ, она, черезъ пословъ и письменно, обращалась къ брату съ отчаяніемъ въ сердцѣ, слезно умоляя его не замедлить помощію. Мы приведемъ собственныя ея слова: „Недавно просила я в. в—во черезъ посла подать сколько можно скорую и посильную помощь нашему королевству, составляющему оплотъ всего христіанства и находящемуся теперь въ крайнемъ стѣсненіи. Я поручила сверхъ того Іерониму Бальбо передать вамъ, что король и всѣ его подданные твердо полагаются на васъ, какъ на могущественнѣйшаго императора и на своего союзника и брата, и не сомнѣваются, что вы не покинете ихъ въ нуждѣ, какъ ради блага всего христіанства и всѣхъ королевствъ, соединенныхъ подъ вашею властію, такъ и по личному вашему расположенію ко мнѣ. Теперь я снова умоляю васъ, поспѣшите какъ только можно скорѣе помочь королю и мнѣ, покорной и преданной сестрѣ вашей, и вы обяжете насъ вѣчною благодар-

ностію къ вамъ самимъ и ко всему нашему (Габсбургскому) дому" [1]).

Кажется, нельзя было лучше дать почувствовать опасность, угрожавшую Венгріи; кажется, не было голоса болѣе близкаго сердцу Карла, какъ голосъ его любимой сестры. Однако въ изданныхъ документахъ исторіи Габсбургскаго дома мы не находимъ никакого прямого отвѣта со стороны императора и его правительства на слезныя просьбы венгерской королевы. На нихъ какъ будто не обращено было никакого вниманія; вопли Маріи хотя и достигали своего назначенія, но нисколько не достигали своей цѣли и едва ли даже не оставались вовсе безъ отвѣта. О Венгріи и ея крайнемъ положеніи почти нѣтъ и помина во множествѣ разныхъ инструкцій, дипломовъ и грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ этого времени. Исторически мы знаемъ далѣе, что со стороны Карла дѣйствительно не было сдѣлано тогда ни малѣйшаго движенія въ пользу Венгріи. Ему было не до того. Венгерское правительство, несмотря на тѣсныя родственныя связи двухъ домовъ, стояло пока для Карла на такомъ отдаленномъ планѣ, что онъ не могъ еще приложить къ нему своихъ мыслей. Онѣ тогда исключительно заняты были Италіею и Франціею. Съ Генрихомъ VIII англійскимъ и Франциcкомъ I велись у него дѣятельные переговоры, которые неминуемо должны были кончиться не очень надежнымъ союзомъ съ первымъ, и окончательнымъ разрывомъ съ послѣднимъ изъ двухъ королей. Душа и сердце Карла V были тамъ, гдѣ то распускался, то снова затягивался узелъ этихъ переговоровъ.

Кромѣ внѣшнихъ нуждъ у Германіи были тогда свои важныя внутреннія потребности, неумолчно требовавшія себѣ удовлетворенія. Онѣ касались не матеріальнаго благосостоянія нѣмецкаго народа, а самыхъ высокихъ и дорогихъ его интересовъ. Для Германіи наступило время великихъ рѣшеній, отъ которыхъ зависѣла вся ея будущность. Въ своемъ историческомъ движеніи она достигла того критическаго момента, когда прежде дѣйствовавшія направленія падаютъ, теряютъ всякую цѣну въ глазахъ народа, и являются потребности новыхъ началъ и новыхъ путей для общественной жизни. Это была та полная таинственнаго значенія минута, когда народъ выходитъ на распутіе и останавливается въ недоумѣніи, не зная, какимъ путемъ пойдетъ его будущее развитіе. Узнавши истинную цѣну своего прошедшаго, сознаніе того

[1]) Mon. Habsb. ibid. p. 235 (№ 70).

времени чувствовало на себѣ неотразимую силу новыхъ вліяній, но не могло еще довольно ясно различить, которому изъ нихъ назначено преобладаніе. За то человѣкъ нашего времени, перенесенный въ ту же самую эпоху высшаго напряженія нѣмецкихъ народныхъ силъ, можетъ свободно озирать оттуда какъ весь предшествующій ходъ нѣмецкой исторіи, такъ и послѣдующее его движеніе вплоть до нашей современности. Кто почему бы то ни было минуетъ этотъ пунктъ, или будетъ разсматривать его не въ связи съ остальною исторіею того же народа, тотъ никогда не достигнетъ полнаго ея разумѣнія. Какъ ея недостатки и слабости, такъ и тѣ стороны, которыми она выгодно отличается отъ другихъ, даже при политическомъ безсиліи народа, оттуда ведутъ свое начало и тамъ только находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе.

Въ данномъ моментѣ времени, сказали мы, надобно искать, во-первыхъ, настоящей оцѣнки прежде господствовавшихъ направленій въ Германіи. Извѣстно, сколько вѣковъ употребила она на то, чтобы утвердить свое господство въ Италіи, и чѣмъ кончились всѣ ея усилія, клонившіяся къ этой цѣли. Величайшіе герои борьбы и самые крѣпкіе духомъ вынесли изъ него лишь внутреннее раздраженіе и пали подъ бременемъ проклятій. Германія не только ничего не выиграла отъ этого идеальнаго стремленія, но еще принесла въ жертву ему свое внутреннее единство. Чѣмъ больше нѣмецко-римскіе императоры увлекались внѣшнею борьбою, тѣмъ больше и чаще теряли они изъ виду Германію, и слѣдовательно тѣмъ больше простора въ ней давали необузданному феодализму. Послѣдній вездѣ усиливался заступить отсутствующій высшій авторитетъ власти, стараясь по возможности облечься и его характеромъ. Паденіе Гогенштауфеновъ, роковое слѣдствіе того же стремленія, оставило Германію въ безраздѣльной власти феодализма. Наступила другая эпоха. Мысль о подчиненіи императорскому авторитету всей Италіи была на время покинута—не потому, чтобы наконецъ убѣдились въ безплодности предпріятія, но потому, что для исполненія его не находилось болѣе достаточныхъ средствъ. Ослабѣвшая императорская власть старалась напередъ найти для себя обезпеченіе внутри Германіи посредствомъ увеличенія своихъ фамильныхъ владѣній. Это былъ особенный родъ завоеваній: они дѣлались нѣмецкими императорами внутри нѣмецкой же области. Посредствомъ такихъ пріобрѣтеній императоры Габсбургскаго, Баварскаго и Люксембургскаго домовъ думали возвратить себѣ то высокое внѣш-

нее положеніе, которымъ пользовались ихъ предшественники. Но феодализмъ нисколько не расположенъ былъ отказаться отъ однажды пріобрѣтеннаго имъ преобладанія. Въ рукахъ его было вѣрное средство, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать тѣмъ стремленіямъ, которыя могли бы возвратить императорской власти прежнее ея значеніе и прежнюю силу въ Германіи. Это средство заключалось въ правѣ избранія императоровъ. Едва успѣвалъ нѣсколько возвыситься одинъ домъ, какъ слѣдующее избраніе замѣняло его другимъ, который опять долженъ былъ начинать съ того же. Пока происходила эта страшная игра, которая была выгодна только для феодальной анархіи, прочія сословія принуждены были ограждать и защищать себя своими собственными средствами, все больше и больше выдѣляясь изъ общаго состава имперіи. Конечнымъ результатомъ такого порядка вещей было то, что чувство народнаго единства было потрясено въ самомъ его основаніи, и что полититическое безсиліе народа начинало уже чувствоваться и на сторонѣ. Особенно поразительные признаки этого безсилія показались во второй половинѣ XV вѣка, когда новая опасность стала подходить къ Германіи съ юго-востока. Бездушное во всѣхъ отношеніяхъ правленіе Фридриха III превзошло всякую мѣру въ униженіи внутренняго достоинства имперіи и ея внѣшняго политическаго значенія. Въ самомъ народѣ однако было много жизненныхъ силъ. Онъ не могъ помириться съ своимъ униженіемъ, когда чувствовалъ, что для него только наступила пора дѣятельности. Изъ сознанія своего упадка онъ выносилъ живую потребность своего внутренняго обновленія. Подъ страхомъ новой грозы, которая приближалась къ Германіи со стороны, это чувство проникло даже въ феодальные ряды и расположило ихъ къ нѣкоторой уступчивости передъ общимъ требованіемъ преобразованій, для усиленія центральной власти въ имперіи [1]). Царствованіе Максимиліана I, первые его годы особеннно, исполнено попытокъ этого рода. Онѣ или не удались, или оказались недостаточными, но стремленіе и послѣ того не переставало жить въ народѣ. Удерживая за собою право избранія, князья имперіи впрочемъ менѣе злоупотребляли имъ для своихъ частныхъ интересовъ. Такъ, когда умеръ Максимиліанъ I, избиратели не обошли его внука, но именно на немъ остановили свой выборъ, въ той надеждѣ, что подъ его сильною и крѣпкою рукою Гер-

[1]) См. объ нихъ особенно Ранке, Deutsche Geschichte, T. I.

манія въ состояніи будетъ возвратить себѣ утраченное ею достоинство и прежній политическій вѣсъ. Это разумное рѣшеніе, правда, шло отъ одного курфирста, Фридриха Мудраго, но какимъ образомъ онъ могъ бы привлечь на свою сторону и прочіе голоса, если бы и другіе избиратели не были проникнуты, хотя бы и въ меньшей степени, тѣмъ же самымъ убѣжденіемъ?

Не какъ теорія, но какъ урокъ многихъ столѣтій, вытекала для Германіи изъ прежней ея исторической жизни необходимость крѣпкой и сильной государственной власти, которая бы положила конецъ феодальному неустройству и возвратила имперіи ея внутреннее единство и силу. Германіи надобно было спѣшить выходить на эту дорогу, пока еще феодализмъ не успѣлъ совсѣмъ возложить на себя порфиру, которую онъ понемногу стаскивалъ съ плечъ императора; для Германіи наступилъ послѣдній срокъ исправить прежнее ложное направленіе: пропустить его теперь значило можетъ-быть навсегда потерять благопріятный случай для утвержденія политическаго и національнаго единства. Наученная тѣмъ же долговременнымъ опытомъ, она лучше, чѣмъ когда-нибудь, понимала всю безплодность внѣшнихъ, хотя бы и очень блестящихъ предпріятій, когда сама страдала внутреннимъ нестроеніемъ, и совершенно охладѣла къ старымъ своимъ притязаніямъ на Италію. Въ глазахъ нѣмецкихъ избирателей, еще со времени знаменитаго сейма въ Рензе, римское вѣнчаніе перестало быть необходимымъ освященіемъ императорской власти. И самъ Карлъ V не ссылался ли на свое ахенское коронованіе, когда требовалъ отъ другихъ признанія своего императорскаго достоинства? Оставляя въ сторонѣ его планы и намѣренія, нельзя не признаться, что, по своему высокому положенію и многимъ личнымъ свойствамъ, онъ болѣе всѣхъ современныхъ властителей соотвѣтствовалъ истиннымъ выгодамъ и потребностямъ нѣмецкой имперіи. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она тогда находилась, повидимому, не могло быть сдѣлано болѣе удачнаго выбора. Излишне было бы возвращаться къ тѣмъ средствамъ, которыя судьба соединила въ рукахъ новоизбраннаго императора: для того времени они были первыя въ мірѣ. Никогда еще со времени Гогенштауфеновъ нѣмецкій феодализмъ не наживалъ себѣ такого могучаго и такъ сильно вооруженнаго противника. Если кто еще способенъ былъ держать въ уздѣ закоренѣлое феодальное своеволіе, то конечно одинъ только наслѣдникъ правъ и земель

Фердинанда Католическаго и Максимиліана Габсбургскаго. Скажутъ, что уже при самомъ избраніи онъ связанъ былъ капитуляціею, предложенною ему князьями имперіи? Но Карлъ воспитанъ былъ не въ тѣхъ правилахъ, чтобъ подписанная имъ бумага могла связать и самую его совѣсть. Несмотря на существованіе бумажнаго обязательства, для него лично вопросъ оставался въ перевѣсѣ силы на той или на другой сторонѣ. А какъ онъ понималъ свое дѣло по отношенію къ государству, котораго былъ главою, это мы отчасти видѣли уже на примѣрѣ Испаніи. Относительно политическихъ мнѣній Карла V вообще не можетъ быть никакого сомнѣнія. Онъ очень мало расположенъ былъ терпѣть подлѣ себя другіе авторитеты, онъ хотѣлъ для себя безраздѣльнаго полновластія. Карлу V, съ его понятіями о государственномъ порядкѣ, не возможно было долго ужиться въ мирѣ съ нѣмецкимъ феодализмомъ, который постоянно стремился къ полной самостоятельности. Къ тому надобно еще прибавить, что касательно средствъ для достиженія цѣли, Карлъ V не прочь былъ придерживаться правилъ извѣстной итальянской политики. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Il Principe Макіавеля былъ любимымъ его чтеніемъ, и что онъ не разставался съ книгою даже во время походовъ. Говорить ли о личномъ характерѣ Карла V, о необыкновенной упругости его воли? Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые, вспыхнувъ одною страстію, перегораютъ вмѣстѣ съ нею, чтобы потомъ увлечься совершенно инымъ чувствомъ; онъ былъ также и не изъ тѣхъ, въ которыхъ чувство, сильно занимающее волю, пробивается насильственными и опасными взрывами. Съ силою страсти онъ соединялъ и много расчета; свои намѣренія, свои стремленія онъ могъ носить въ себѣ цѣлые годы и не высказывать ихъ очень гласно, ни волноваться видимымъ образомъ, если исполненіе ихъ встрѣчало себѣ препятствія. Но къ чему однажды привязывалось его убѣжденіе, или за что онъ брался своею непреклонною волею, того не въ состояніи были перевернуть и переломить въ немъ никакія неудачи и превратности. Какъ мы сказали прежде, судьба могла заставить его прекратить движеніе, но не измѣнить его въ иномъ направленіи.

Приложите эти личныя силы, въ соединеніи съ государственными средствами, которыя находились въ распоряженіи того же лица, къ тогдашнимъ нуждамъ и потребностямъ Германіи: не въ правѣ ли она была надѣяться, что найдетъ себѣ въ Карлѣ V сильнаго и вѣрнаго защитника какъ противъ внѣш-

нихъ, такъ и противъ внутреннихъ своихъ враговъ? Навѣрное можно сказать, что личные виды и стремленія Карла V не противорѣчили этимъ надеждамъ и желаніямъ избравшей его страны; но во всякомъ случаѣ онъ не могъ оправдать ихъ въ скоромъ времени. У него уже принятъ былъ извѣстный планъ дѣйствій, въ которомъ пока еще не находилось мѣста внутреннимъ германскимъ отношеніямъ. Онъ хотѣлъ быть послѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему надобно было напередъ возвратить Италію въ составъ имперіи, возстановить миръ между христіанами и ихъ общими силами побѣдить турокъ: тогда только могъ онъ заняться внутреннимъ устройствомъ Германіи.

Имперія и новоизбранный глава ея еще болѣе расходились между собою въ другомъ весьма важномъ пунктѣ. Въ то время, когда Карлъ V, имѣя въ виду средневѣковой идеалъ Священной Римской имперіи съ обычными двумя вершинами, не иначе думалъ дѣйствовать, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ Римомъ, и потому между прочимъ располагалъ самый планъ свой въ извѣстномъ намъ порядкѣ, Германія съ своей стороны готовилась сдѣлать рѣшительное усиліе, чтобы оторваться отъ Рима и освободиться навсегда отъ его отяготительныхъ притязаній. Къ этой необходимости она также приведена была многолѣтнимъ историческимъ опытомъ. Напрасно думаютъ заподозрить великое германское движеніе XVI вѣка, приписывая его какимъ-то своекорыстнымъ побужденіямъ и эгоистическимъ видамъ главныхъ дѣятелей того времени; напрасно стараются бросить тѣнь на самую націю, чтобы только представить въ невыгодномъ свѣтѣ возникшее въ нѣдрахъ ея явленіе, которое навсегда останется неизгладимымъ въ лѣтописяхъ исторіи. Никто, не только отдѣльное лицо, но даже цѣлый народъ, не имѣетъ права произносить судъ надъ другою народностію лишь съ своей исключительной точки зрѣнія. У каждой націи могутъ быть свои, ей собственно принадлежащія, ея бытомъ и духомъ условленныя потребности, которымъ она и удовлетворяетъ своими собственными средствами. Тѣ, которые хотятъ произносить приговоры надъ великими внутренними движеніями, совершающимися въ другихъ народностяхъ, пусть напередъ примутъ на себя трудъ изучить, и изучить добросовѣстно, ихъ нужды, потребности ихъ духа, которыя вызвали или условили явленіе, и тогда уже произносятъ свой судъ надъ нимъ и дѣлаютъ оцѣнку его историческаго значенія. Никогда тотъ судъ не будетъ историческимъ,

который составился помимо знанія исторіи и ея разумныхъ требованій, какъ не можетъ быть правильной оцѣнки юридическаго факта безъ знанія мѣстнаго закона и обычая. И въ томъ и въ другомъ смыслѣ отсутствіе знанія есть прямое невѣжество, которое можетъ повести лишь къ несправедливымъ приговорамъ и самымъ нелогическимъ заключеніямъ.

Въ жизни историческихъ народовъ бываютъ трагическіе моменты, когда нація, въ большинствѣ своихъ членовъ или въ лицѣ своего главы и высшаго представителя, вся проникается одною потребностію и находитъ въ себѣ рѣшимость, круто своротивъ съ прежней битой дороги, выступить на новые невѣдомые пути, хотя бы для того нужно было разорвать со всѣмъ старымъ обычаемъ и съ вѣковымъ преданіемъ. Такой великій моментъ пережила Россія, когда державная воля Петра вдругъ вырвала ее изъ вѣкового закоснѣнія и поставила на широкіе пути европейской гражданственности. Всякій знаетъ, чего стоило ей это страшное усиліе, но всякій сознаетъ въ то же время, что оно было спасительно въ тогдашнемъ положеніи Россіи, и что безъ него не возможно было бы никакое дальнѣйшее движеніе. Для Германіи подобный моментъ наступилъ гораздо ранѣе, и вызванъ былъ притомъ другою потребностію. Наконецъ—что́ также составляетъ одно изъ главныхъ отличій великаго германскаго движенія отъ другихъ—оно нашло себѣ способные органы въ самомъ обществѣ и произведено было его собственными силами. Почти въ то самое время, какъ полагались первыя основанія великаго германскаго государства, началась духовная зависимость Германіи отъ Рима. Эта ранняя связь между ними должна была бы потомъ укрѣпляться съ вѣками. Такъ было между прочимъ въ другой, романской половинѣ католическаго міра, за небольшими исключеніями. Долгое время могло казаться, что въ этомъ отношеніи Германія пойдетъ однимъ путемъ съ романскими народностями. Даже великій политическій споръ между имперіею и Римомъ не поколебалъ преданности нѣмецкаго народа римскому престолу. Нѣсколько позже, когда одно сильное религіозное движеніе угрожало оторвать отъ Рима бо́льшую часть южной Франціи, римскіе епископы не имѣли никакихъ особенныхъ причинъ къ неудовольствію противъ Германіи. Если же и оставались еще нѣкоторые спорные пункты между имперіею и Римомъ, то они относились къ большой политической тяжбѣ, которая и послѣ того долго еще оставалась нерѣшенною.

Но теократическія стремленія римскаго престола никогда не находили себѣ сочувствія въ нѣмецкомъ народѣ. Когда же римская теократія почувствовала свою силу и вмѣсто слова вооружилась дѣйствительными громами, Германія еще болѣе охладѣла къ ея интересамъ. Въ томъ пріемѣ, который сдѣланъ былъ здѣсь первымъ инквизиторамъ, сказались постоянные инстинкты нѣмецкаго народа, глубоко враждебные религіозной нетерпимости. Никогда потомъ, ни въ Германіи, ни въ Англіи, инквизиція не могла пустить глубокихъ корней, потому что не встрѣчала себѣ никакой опоры въ народномъ духѣ. Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ все больше расходились неизмѣнныя стремленія римскаго престола съ истинными религіозными требованіями нѣмецкаго народа, которыя раскрывались въ той самой мѣрѣ, какъ господствующая система принимала одно исключительное направленіе. Въ то время, когда Римъ, потерявъ изъ виду нравственную природу человѣка, полагалъ всю заслугу съ его стороны лишь во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, которыхъ область размножилъ до безконечности, въ глубинѣ нѣмецкаго народнаго духа происходило сильное возбужденіе, устремлявшее избранные умы вѣка прямо въ противоположную сторону. Мистики XIV вѣка, дѣйствовавшіе въ одно время въ разныхъ частяхъ Германіи, были вѣрнымъ органомъ этого новаго движенія, происходившаго въ самой народной мысли. Ихъ постоянною темою была любовь; всѣ ихъ требованія были обращены къ высшей, духовной природѣ человѣка. Въ слѣдующемъ столѣтіи сталъ уже зрѣть и плодъ подобныхъ ученій. Отъ начала до конца вѣкъ исполненъ былъ сильныхъ потрясеній, въ которыхъ открыто выразилась несовмѣстимая болѣе противоположность двухъ направленій, римскаго и національнаго. На ближайшее время побѣда осталась за первымъ. Отчасти пользуясь нерѣшительностію общественнаго мнѣнія, но болѣе всего ловко дѣйствуя интригою, оно, казалось, успѣло сломить всякое сопротивленіе себѣ. Разсѣянный по воздуху прахъ Гуса и его ученика громче всего свидѣтельствовалъ о совершенномъ безсиліи нововводителей передъ старымъ римскимъ могуществомъ. Оно, повидимому, обновилось и окрѣпло силами въ этой неравной борьбѣ. Ни Констанцъ, ни Базель не могли ни въ чемъ успѣть, несмотря на то, что располагали всѣмъ сочувствіемъ и пользовались содѣйствіемъ просвѣщеннѣйшихъ людей вѣка. Весь плодъ великаго движенія заключился въ убогія рамы Пражской сдѣлки (компромисса), да и ея дѣйствіе ограничивалось лишь мѣстностію Богеміи.

Но временная побѣда не равнозначительна полному торжеству. Но видъ пылающихъ костровъ не въ состоянiи былъ восполнить недостатокъ крѣпкаго разумнаго убѣжденiя. Напрасно римскiй дворъ, дѣйствуя съ половины вѣка въ тѣсномъ союзѣ съ Габсбургскимъ домомъ, старался усыпить религiозную совѣсть народа. Она не могла успокоиться на одной внѣшности, и подъ страхомъ самыхъ безчеловѣчныхъ терзанiй, время отъ времени продолжала возвышать свой голосъ противъ римскаго преобладанiя. Каждое вновь приходившее направленiе высылало отъ себя новыхъ мужественныхъ бойцовъ на защиту дѣла, которое казалось давно проиграннымъ. Когда Римъ хотѣлъ сражаться только инквизицiонными средствами, они все больше и больше переносили предметъ спора въ область мысли, они хотѣли бороться только ея оружiемъ. Въ той полемикѣ, которую они вели противъ закоренѣлыхъ злоупотребленiй, незамѣтно устанавливалось цѣлое ученiе. Вырабатывая его теоретически, они всегда готовы были принять и нравственную отвѣтственность за него. Въ этомъ отношенiи всегда останутся памятны Германiи въ особенности имена Везеля и Весселя. Это были честные и добросовѣстные люди, дѣйствовавшiе по силѣ своихъ убѣжденiй и уравнивавшiе пути своимъ послѣдователямъ. Еще по временамъ падали отдѣльныя жертвы подъ мечомъ стараго изувѣрства, но за ними выростало уже новое общественное мнѣнiе, которое должно было принять подъ свою надежную защиту своихъ будущихъ представителей. Оно не было слѣпо, какъ то, которое ему предшествовало въ исторiи Запада, и которому римскiй престолъ болѣе всего обязанъ былъ своими успѣхами въ Среднiе вѣка: оно можетъ-быть было менѣе могущественно, но за то болѣе крѣпко своими разумными убѣжденiями. Оставалось только, чтобы оно нашло себѣ и вполнѣ достойный его органъ, — и тогда никакая сила не могла помѣшать ему склонить вѣсы на свою сторону.

Еще былъ живъ Максимилiанъ, дѣдъ Карла V, какъ уже вся Германiя, чутко прислушивалась къ одному голосу, который повелительно будилъ ее изъ вѣковаго усыпленiя. Призывный голосъ раздавался на всю страну, и въ короткое время, несмотря на свою малоизвѣстность, привлекъ къ себѣ всеобщее вниманiе и участiе. Неудивительно: изъ долгой умственной работы, занимавшей предшествующiя поколѣнiя, въ Германiи наконецъ сложилось убѣжденiе крѣпкое, сильное, непоколебимое. Оно ожидало себѣ только вѣрнаго органа и съ увлеченiемъ

отдалось ему, какъ скоро, прислушиваясь къ его словамъ, почувствовало въ нихъ всю силу своихъ собственныхъ требованій. Не было ни соумышленія и никакого общаго плана дѣйствій: было только съ одной стороны—вѣрное и энергическое выраженіе тѣхъ требованій, которыя давно лежали на сердцѣ каждаго, а съ другой—полное имъ сочувствіе и искренняя поддержка. Никогда еще общественное мнѣніе не совпадало въ такой степени съ индивидуальнымъ стремленіемъ одного лица. Оттого, безъ сомнѣнія, и возможно было это неслыханное явленіе, что простая личность одного человѣка, ничтожнаго по своему происхожденію и мало замѣтнаго по своему положенію, въ весьма краткій срокъ времени могла составить изъ себя великую общественную силу въ цѣлой обширной имперіи. Надобно впрочемъ сказать и то, что сосудъ, которому суждено было носить въ себѣ духовныя нужды народа, былъ удивительно крѣпкій и вмѣстительный. Нѣмецкая природа какъ будто поработала надъ нимъ съ особенною любовію. Онъ, казалось, весь былъ сложенъ изъ желѣза или другого крѣпкаго металла. Широкая кость его точно выкована была молотомъ рудокопа. Какъ могучъ былъ его физическій организмъ, такъ металлически крѣпко, звучно и сильно было его слово. Въ немъ какъ будто вовсе не было мѣста мягкимъ и нѣжнымъ звукамъ; оно ничѣмъ не льстило изнѣженному слуху и даже непріятно поражало его какою-то первобытною грубостію, жесткостію и рѣзкостію; но за то оно съ неотразимою силою проникало до сознанія и, какъ острый ножъ, прокладывало въ немъ путь себѣ до самой глубины духа. Когда Германія узнала имя виттенбергскаго теолога въ знаменитомъ спорѣ его съ Тецелемъ, онъ уже прошелъ въ своей тихой частной жизни черезъ множество тяжелыхъ внутреннихъ испытаній. Какихъ бурь, какихъ страшныхъ смятеній не вынесъ онъ въ своей тревожной юности! Какихъ глубокихъ сотрясеній не испыталъ его волновавшійся сомнѣніями духъ, прежде чѣмъ установились въ немъ твердыя убѣжденія! Его желѣзная природа, казалось, готова была изнемочь, но послѣ минутнаго паденія неутомимый духъ его опять возрождался къ новой, усиленной дѣятельности. Когда же въ этой трудной борьбѣ съ самимъ собою закалились навсегда его убѣжденія, ничто не въ состояніи было сокрушить ихъ адамантовой силы. Можно было разбить сосудъ на части, но нельзя было насильственно измѣнить его содержаніе. Новое убѣжденіе нашло

себѣ свою незыблемую формулу: „Я здѣсь стою, иначе я не властенъ, Богъ мнѣ помощникъ“ [1]).

Не беремъ на себя взвѣсить и оцѣнить по достоинству то содержаніе, которое наполняло собою новое убѣжденіе: въ немъ могли быть свои излишества, ибо и родилось оно изъ противодѣйствія крайности... Мы хотѣли только поставить на видъ его соотвѣтствіе требованіямъ національнаго сознанія и его отличительный характеръ. Крѣпкое столько же своею внутреннею силою, сколько и общимъ сочувствіемъ, оно было выше всѣхъ внѣшнихъ принужденій и неспособно изогнуться ни подъ какимъ внѣшнимъ давленіемъ. Видѣвши его первое обнаруженіе въ спорѣ противъ безсовѣстной продажи индульгенцій, Германія видѣла также и нѣсколько опытовъ его крѣпости еще до вступленія Карла на императорскій престолъ. Аугсбургское состязаніе августинскаго монаха съ папскимъ легатомъ и шумный лейпцигскій диспутъ не достаточно ли уже говорили за непреклонность новаго убѣжденія? не показали ли они на дѣлѣ его безстрашіе передъ лицомъ опасности? не дали ли они наконецъ почувствовать всѣмъ его превосходство передъ заносчивою наглостью его противниковъ, которые не умѣли или не хотѣли иначе вести споръ, какъ показывая въ отдаленной перспективѣ пылающій костеръ вмѣсто самаго сильнаго аргумента? Борьба крайне неравная: съ одной стороны—отдѣльныя лица, съ другой—цѣлыя учрежденія, проникнутыя непримиримымъ духомъ; у первыхъ единственное оружіе—логика; у послѣднихъ ядъ доноса и всѣ ужасы инквизиціи. Но по несчастію для ревнителей римскихъ злоупотребленій, споръ веденъ былъ не передъ невѣжественною толпою, а передъ болѣе или менѣе образованною публикою, которая получила достаточное воспитаніе для того, чтобы взвѣсить доводы обѣихъ сторонъ и оцѣнить ихъ по достоинству. Она не равнодушно присутствовала при состязаніи, но готовилась и сама принять въ немъ дѣятельное участіе. Каждый день прибавлялъ нѣсколько новыхъ сильныхъ голосовъ къ числу первыхъ защитниковъ виттенбергскихъ тезисовъ. Послѣ лейпцигскаго спора сочувствіе къ нимъ начинало обнаруживаться даже въ отдаленныхъ провинціяхъ Германіи. Разстояніе не дѣйствовало болѣе на распространеніе новыхъ идей. Нити отъ нихъ протягивались по всѣмъ направленіямъ. Совокупное дѣйствіе дружнаго большинства готово было смѣнить собою усилія одного частнаго лица.

[1]) „Hier stehe ich: ich kann nicht anders: Gott helfe mir.“

Движеніе становилось всеобщимъ и все больше и больше принимало характеръ національный.

Когда Карлъ V провозглашенъ былъ императоромъ, религіозное движеніе охватило уже бо́льшую часть Германіи. Всѣ глаза были обращены къ Виттенбергу. Раздробленная политически страна находила для себя точку соединенія въ томъ самомъ городѣ, который стоялъ во главѣ всего движенія. Еще никто не могъ сказать, какъ далеко пойдетъ оно; еще не разорваны были связи съ Римомъ, но вопросъ былъ поставленъ, и уклониться отъ рѣшенія его было болѣе невозможно. Вся будущность Германіи зависѣла отъ того, послѣдуетъ ли рѣшеніе въ согласіи съ высшею властію имперіи, или произнесено будетъ въ противорѣчіи съ нею. Нечего говорить о томъ, что Карлъ V ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своему образу мыслей вообще, не могъ стать на сторонѣ новаго движенія. Какъ мы уже знаемъ, всѣ его виды и политическіе планы имѣли совершенно иное направленіе. Въ этомъ раздѣленіи интересовъ высшей власти и страны, въ самую критическую минуту ея исторіи, было что-то роковое для Германіи. Съ увѣренностію можно сказать, что если бы Фридрихъ Мудрый не отклонилъ отъ себя избранія на послѣднемъ курфиршескомъ сеймѣ, дѣло пошло бы гораздо согласнѣе и кончилось бы гораздо счастливѣе для страны. Голосъ Фридриха былъ тогда чрезвычайно важенъ какъ по его высокому личному авторитету въ имперіи, такъ и по самому положенію его наслѣдственной области. Она лежала почти въ центрѣ Германіи; со времени же виттенбергскаго спора она стала истиннымъ средоточіемъ всего умственнаго движенія, которое отсюда уже распространялось во всѣ стороны. Извѣстны отношенія Фридриха къ главному виновнику реформы [1]). Не будучи явнымъ его партизаномъ, курфирстъ впрочемъ показывалъ много сочувствія къ нему и никогда не отказывалъ ему въ своемъ высокомъ покровительствѣ. Фридрихъ былъ недоступенъ увлеченію; но его ясный, неподкупный умъ легко отличалъ правое отъ неправаго. Злоупотребленіе, какимъ бы благовиднымъ предлогомъ оно ни прикрывалось, ни въ какомъ случаѣ не могло расположить его въ свою пользу, еще менѣе могло ожидать отъ него содѣйствія своимъ видамъ. Тецелю запрещенъ былъ входъ во владѣнія курфирста еще прежде, чѣмъ раздался строгій голосъ автора виттенбергскихъ тезисовъ. Странно расположились

[1]) См. объ этомъ подробнѣе у Туцшмана, Fried. d. Weise, стр. 264 и сл.

обстоятельства внутри Германіи: движеніе, въ ней происходившее, не пользовалось симпатіями главы государства, но за то оно имѣло на своей сторонѣ самый популярный авторитетъ въ цѣлой странѣ: угрожаемое самымъ сильнымъ противодѣйствіемъ, оно въ то же время состояло подъ самымъ надежнымъ покровительствомъ въ имперіи, которое обезпечивало его по крайней мѣрѣ противъ односторонняго и несправедливаго осужденія!

Если Карлъ V не могъ быть другомъ реформы, то спрашивается, какъ же онъ поставилъ себя въ отношеніи къ ней? понялъ ли онъ всю важность явленія? принялъ ли онъ по крайней мѣрѣ всѣ должныя мѣры, чтобы во-время противодѣйствовать ему и положить предѣлы его дальнѣйшему разливу? Ибо такъ былъ поставленъ вопросъ, что, въ положеніи Карла, надобно было или прямо примкнуть къ движенію, или, въ противномъ случаѣ, стараться подавить и уничтожить его въ самомъ началѣ. Тогда не состоялась бы реформа, но за то Германія много выиграла бы въ столь важномъ для нея дѣлѣ политическаго единства.

Отношенія Карла V ко внутреннему движенію, происходившему въ Германіи, заслуживаютъ вниманія. Прежде всего бросается въ глаза равнодушіе его къ новому явленію, которое волновало тогда цѣлую имперію. Ни въ перепискѣ его, ни въ дипломатическихъ актахъ, ближайшихъ ко времени избранія, нигдѣ не видно, чтобы мысль его много занята была событіями, происходившими въ Саксоніи. Онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ огромнаго вліянія на общее настроеніе умовъ во всей Германіи. Все вниманіе его на первое время поглощено было дипломатическими сношеніями съ Франціею и Англіею. Даже вступивши въ предѣлы имперіи и видѣвши многое своими глазами, онъ попрежнему остается мало озабоченъ происходящимъ вокругъ его волненіемъ умовъ. Самое сожженіе папской буллы въ Виттенбергѣ не подѣйствовало на него очень чувствительно. По крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы онъ много сокрушался по поводу этого событія, или готовился принять сильныя мѣры, чтобы потушить взрывъ пламени, которое явно начинало угрожать всеобщимъ пожаромъ. Нужны были настоятельныя внушенія нѣсколькихъ римскихъ посланныхъ, папскихъ легатовъ, для понужденія его пристальнѣе заняться дѣломъ, отъ неблагопріятной развязки котораго римскій престолъ не безъ причины опасался существеннаго ущерба своимъ матеріальнымъ и другимъ интересамъ. Такое равнодушіе

со стороны Карла V нельзя объяснить недостаткомъ постоянныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій: оно очевидно происходило изъ другихъ причинъ. Мало также сказать, что Карлъ не хотѣлъ заняться реформаціоннымъ движеніемъ въ Германіи, потому что еще не пришло для того время, и что это нарушило бы принятый имъ общій планъ политическихъ дѣйствій, въ которомъ, какъ мы знаемъ, борьба съ религіозными заблужденіями внутри христіанскаго міра занимала послѣднее мѣсто. Намъ кажется сверхъ того, едва ли не главною причиною его равнодушія было то, что съ высоты своего положенія онъ не видѣлъ настоящихъ размѣровъ явленія и не умѣлъ понять всей его важности.

Таково большею частію бываетъ свойство ума съ систематическимъ направленіемъ: нерѣдко случается ему просмотрѣть или не оцѣнить по достоинству важность явленія потому только, что оно еще не нашло себѣ мѣста въ заготовленномъ напередъ планѣ, или что теоретическое понятіе о немъ предшествовало, такъ сказать, наглядному съ нимъ знакомству. Но уже приближалось то время, когда Карлъ V долженъ былъ лицомъ къ лицу сойтись съ виновникомъ движенія и могъ собственнымъ взглядомъ измѣрить жившія въ немъ душевныя силы. Вскорѣ послѣ ахенскаго вѣнчанія назначено было собраться имперскому сейму въ городѣ Вормсѣ. Собраніе было первое въ новомъ царствованіи и потому получало особенную важность. Здѣсь имперскіе чины въ полномъ своемъ составѣ должны были впервые представиться новоизбранному императору; здѣсь же долженъ былъ произойти между ними взаимный обмѣнъ не однихъ только чувствованій, но и самыхъ мыслей и политическихъ видовъ. Какая будетъ впредь внутренняя и внѣшняя политика имперіи, и какое она дастъ направленіе Германіи, это могло опредѣлиться только вормскими рѣшеніями. Кромѣ политической задачи Вормскому сейму 1521 года, предстояло еще рѣшить другой, отнюдь не менѣе важный вопросъ—о религіозномъ движеніи, которое въ то время занимало всѣ умы въ Германіи. Около этихъ двухъ пунктовъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе; ими же исчерпывалось и все содержаніе наступавшихъ совѣщаній. Никто не оспаривалъ настоятельной необходимости немедленно приступить къ рѣшенію второго вопроса, но долго колебались относительно того, слѣдуетъ ли судить виновника реформы заочно, или призвать его самого къ суду. Съ своей стороны Карлъ V не показывалъ особеннаго желанія видѣть знамени-

таго противника Теделя въ Вормсѣ [1]). Какъ видно, онъ не придавалъ дѣлу большой важности, и думалъ, что въ отсутствіе подсудимаго оно можетъ быть рѣшено гораздо скорѣе и проще. Папскіе легаты были прямо противъ призванія на сеймъ теолога, котораго они столько же ненавидѣли, сколько и боялись. Самые поборники реформы, въ томъ числѣ Фридрихъ Мудрый, нѣкоторое время не могли побѣдить въ себѣ всѣхъ сомнѣній: и надобно признаться, что рѣшенія и дѣйствія прежнихъ собраній, направленныя противъ реформаторовъ XV вѣка, не располагали много къ довѣрію. Конечно была значительная разница между собраніемъ Констанцскимъ и Вормскимъ, изъ которыхъ первое было чистое духовное, а второе, несмотря на присутствіе въ немъ духовныхъ чиновъ, имѣло болѣе политическій характеръ; одно называлось соборомъ, другое—имперскимъ сеймомъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ высшее обезпеченіе для подсудимаго заключалось въ рукахъ императора. Если Сигизмундъ не посовѣстился нарушить даннаго имъ слова, то почему бы можно было положиться болѣе на слово Карла V? Упрекъ, сдѣланный въ свое время Сигизмунду, говорятъ, заставилъ его только покраснѣть: а почему бы Карлъ долженъ былъ поплатиться дороже за нарушеніе своего обѣщанія?

Чѣмъ больше однако вникали въ дѣло, тѣмъ больше чувствовали необходимость не произносить надъ подсудимымъ приговора, не выслушавши напередъ его самого. Когда другіе молчали, онъ самъ этого требовалъ для себя именемъ справедливости. Мало-по-малу его сторону приняли и тѣ, которые считались главными его покровителями. Тогда состоялось рѣшеніе о приглашеніи его на сеймъ для личныхъ объясненій. Въ началѣ XVI вѣка нельзя было не сдѣлать по крайней мѣрѣ этой уступки общественному мнѣнію. Отъ Констанцскаго собора до Вормскаго сейма время сдѣлало значительные успѣхи. Что бы ни таилось въ мысли Карла V, но онъ принужденъ былъ, кромѣ личныхъ увѣреній, данныхъ курфирсту саксонскому, выдать Мартину Лютеру охранный листъ за своимъ подписаніемъ, на свободный проѣздъ его въ Вормсъ и обратно. Получивъ приглашеніе, Мартинъ немедленно собрался въ дорогу и весною 1521 года, въ сопровожденіи императорскаго герольда, отправился къ мѣсту своего назначенія.

1) См. Tutzschmann, p. 341 sqq.

Мы не намѣрены пересказывать всю исторію знаменитаго сейма. Читатель найдетъ ее во всякой хорошей монографіи, содержащей въ себѣ подробное изложеніе нѣмецкой реформы. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить впечатлѣніе, произведенное на Карла V личнымъ присутствіемъ автора «Вавилонскаго плѣненія» на Вормскомъ сеймѣ. Карлъ нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть его въ собраніи; онъ слышалъ его отвѣты, онъ былъ свидѣтелемъ неотразимаго ихъ дѣйствія на присутствующихъ. Во услышаніе Карла были произнесены и тѣ немногія, но какъ бы изъ стали выкованныя слова, которыя приведены нами выше, и въ которыхъ сказалась вся адамантовая сила и крѣпость новаго религіознаго убѣжденія. Живя въ Вормсѣ, Карлъ не могъ также не видѣть, что́ въ то же время происходило и въ самомъ городѣ, и какъ отражалось въ массѣ собравшагося здѣсь народа все, что говорилось въ стѣнахъ собранія. По крайней мѣрѣ тѣ огромныя толпы, которыми постоянно была окружена квартира виттенбергскаго монаха, казалось, никакъ не могли ускользнуть отъ его вниманія. Наконецъ не могло остаться незамѣченнымъ то участіе, которое явно показывали ему многіе сильные князья имперіи, одинъ за другимъ появлявшіеся въ его жилищѣ, равно какъ не могли не достигнуть до слуха императора тѣ рѣчи, которыя велись между ними въ присутствіи многихъ свидѣтелей. „Если бы у меня было съ тысячу головъ“—говорилъ между прочимъ Мартинъ Спалатину и нѣкоторымъ другимъ лицамъ—„я скорѣе согласился бы, чтобы мнѣ отсѣкли ихъ всѣ, чѣмъ отказался бы отъ моихъ словъ“ [1]). Какъ было, казалось, не почувствовать, что въ этомъ человѣкѣ живетъ опасная сила, которою никакъ не должно было пренебрегать? И Карлъ конечно не остался глухъ и слѣпъ къ тому, что происходило въ его глазахъ и повторялось почти каждый день въ одномъ и томъ же видѣ; но явленіе больше поразило его своею новостію и неожиданностію, чѣмъ своею важностію и внутреннею силою. У него была одна горячая минута, когда онъ въ собственноручной запискѣ князьямъ объявилъ свое твердое намѣреніе поступить съ строптивымъ и непокорнымъ монахомъ по всей строгости законовъ. Но вспышка скоро прошла, и послѣдовавшіе за тѣмъ переговоры съ князьями ведены были безъ всякой особенной энергіи. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ и столько же напрасныхъ попытокъ понудить Мартина къ публичному

1) См. Tutzschmann, Fr. d. Weise, p. 353.

отреченію отъ его мнѣній, Карлъ согласился отпустить его изъ Вормса и сохранить во всей силѣ данную ему охранную грамоту. Надъ Лютеромъ произнесена была опала, но дѣйствіе ея могло начаться не прежде, какъ по истеченіи срока, выговореннаго ему въ томъ же охранномъ листѣ. Впрочемъ не было принято никакихъ особенныхъ мѣръ, чтобы положить конецъ движенію, или хотя ограничить его тѣми предѣлами, въ которыхъ оно держалось до сего времени. Эдиктъ, въ которомъ заключалось послѣднее рѣшеніе сейма, содержалъ въ себѣ множество угрозъ противъ опальнаго монаха и произносилъ безусловное осужденіе всѣхъ его сочиненій, но не былъ подкрѣпленъ никакимъ чрезвычайнымъ распоряженіемъ. Странныя угрозы слышались со стороны папскихъ уполномоченныхъ, но всякій видѣлъ, что онѣ скорѣе внушены были имъ недовольствомъ и происходящимъ оттого раздраженіемъ, чѣмъ чувствомъ своей силы. Дѣло представлялось Карлу V до такой степени личнымъ, что какъ скоро не было болѣе на лицо самого виновника движенія, онъ уже мало безпокоился за Германію.

Какъ не сказать, что Карлъ не узналъ явленія, бывшаго у него передъ глазами, и далеко не оцѣнилъ всей его важности и огромнаго значенія для имперіи? Разрывъ между двумя направленіями былъ произнесенъ, но ничего не сдѣлано было для того, чтобы во-время еще дать одному направленію перевѣсъ надъ другимъ. Мы не говоримъ, что Карлъ, въ интересахъ своей власти и всѣхъ плановъ, долженъ былъ поступить по образцу Сигизмунда, то-есть нарушить свое царственное слово и приготовить Лютеру участь Гуса и Іеронима Пражскаго. Если бы даже онъ и рѣшился на это постыдное дѣло, успѣхъ едва ли бы отвѣчалъ его ожиданіямъ. Времена много измѣнились. Фанатизмъ болѣе не находилъ себѣ прежняго сочувствія въ массахъ. За стѣною общественнаго мнѣнія, такъ гласно выразившагося въ продолженіе сейма, жизнь виттенбергскаго профессора, если не личная его свобода, была въ безопасности во время пребыванія его въ Вормсѣ. Явное насиліе противъ нея было бы не только безполезно, но и очень опасно для зачинающаго. Оно бы только ускорило взрывъ, который давно уже подготовлялся всеобщимъ броженіемъ умовъ въ Германіи [1]). При всемъ томъ нельзя не согласиться, что

[1]) Ранке (t. I, p. 485) приводитъ между прочимъ замѣчательныя слова одного посторонняго (англійскаго) свидѣтеля, присутствовавшаго въ Вормсѣ при

если уже разъ движеніе было признано противозаконнымъ, то нужны были болѣе сильныя и энергическія мѣры, чтобы остановить дальнѣйшее его распространеніе, чѣмъ тѣ, которыя приняты были Карломъ и его совѣтниками на Вормскомъ сеймѣ. Не словами и угрозами, а развѣ только умными и предусмотрительными распоряженіями можно было умѣрить это движеніе, которое съ каждымъ днемъ дѣлало новые успѣхи въ странѣ. Напрасно также кто сталъ бы объяснять недостатокъ твердыхъ и смѣлыхъ рѣшеній въ дѣлѣ реформы врожденною терпимостію Карла. Его политическое благоразуміе и осторожность дѣйствительно придавали иногда его поведенію характеръ умѣренности; но истинной терпимости не было въ его духѣ. Если онъ дѣйствовалъ умѣренно въ Вормсѣ, то этому также были другія, постороннія причины.

Въ то самое время, когда Карлъ V находился въ Вормсѣ, вниманіе его главнымъ образомъ устремлено было на Италію. Тамъ готовилась развязка запутаннымъ отношеніямъ, которыя давно ожидали себѣ рѣшенія; тамъ зрѣло начало предпріятія, которое занимало первое мѣсто въ общемъ планѣ императора. Послѣ долгаго колебанія Левъ X рѣшился наконецъ открыто принять его сторону въ спорѣ съ Францискомъ. 8 мая 1521 г. (то же число, которымъ помѣченъ былъ и Вормскій эдиктъ, хотя онъ собственно состоялся только 28 мая) подписанъ былъ въ Римѣ, между папою и императоромъ, союзный договоръ, по которому они обязывались „имѣть у себя какъ общихъ друзей, такъ и общихъ враговъ *безъ исключенія*“ [1]). При этомъ союзники конечно имѣли въ виду между прочимъ прекращеніе религіозныхъ споровъ въ Германіи; но главнымъ назначеніемъ союза было совокупное дѣйствіе противъ Франціи. Папа представлялъ въ распоряженіе императора всѣ свои средства, чтобы общими усиліями изгнать французовъ изъ Милана и Генуи. Надѣясь самъ при содѣйствіи императора утвердиться въ Феррарѣ, Левъ X съ своей стороны обѣщалъ поддерживать его въ притязаніяхъ на Венецію: ибо Карлъ мечталъ и на нее распространить права имперіи. Въ договорѣ была также рѣчь о подчиненіи высшему авторитету папы и императора всѣхъ другихъ властей. Однимъ словомъ, вновь заключенный договоръ содержалъ въ себѣ сѣмя многихъ весьма смѣлыхъ и ши-

совѣщаніяхъ: The Germans every where are so addicted to Luther that rather than he shall be oppressed by the Pope's authority, a hundred thousand of the people will sacrifice their lifes.—[1]) Ibid. p. 488.—См. также t. II, p. 256—257.

рокихъ, хотя едва ли сбыточныхъ зачинаній. Но главное состояло въ томъ, что въ немъ же была развязка всѣхъ прежнихъ несогласій императора съ его постояннымъ противникомъ; они должны были разрѣшиться теперь неминуемою войною. Уже въ іюлѣ того же года Просперъ Колонна, предводительствуя соединенными войсками папы и императора, выступилъ изъ Болоньи противъ Пармы. Въ августѣ уполномоченные Карла V и Франциска I еще разъ встрѣтились въ Калѐ, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ папы и короля англійскаго; но каждый изъ нихъ принесъ съ собою лишь новыя неумѣренныя требованія, и послѣдніе переговоры только ускорили неизбѣжное рѣшеніе. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало формальное объявленіе войны. „Или я буду самымъ жалкимъ изъ цезарей, или онъ перестанетъ величаться своимъ титломъ короля Франціи"—сказалъ Карлъ, начиная войну съ Францискомъ [1]).

Весьма возможно, что самыя рѣшенія, принятыя въ Вормсѣ, отчасти составились подъ вліяніемъ обстоятельствъ, приготовившихъ эту развязку. Карлу V было не до Германіи. Онъ спѣшилъ оставить ее для Испаніи и Италіи, вовсе не разсчитывая на скорое возвращеніе. Въ какую же минуту онъ покидалъ имперію и предоставлялъ ее самой себѣ?. Едва ли не въ самую критическую минуту ея исторіи. Виновникъ движенія, правда, былъ удаленъ со сцены; но онъ вовсе не находился въ рукахъ центральной власти, а въ тайномъ убѣжищѣ, подъ защитою и охраненіемъ своихъ вѣрныхъ доброжелателей. Дѣло его перестало быть личнымъ, т. е. непосредственно зависящимъ отъ его личнаго дѣйствія: но за то съ этой самой минуты оно становилось общимъ дѣломъ всѣхъ его послѣдователей, оно переходило въ руки покровительствующихъ ему князей имперіи, которые до сихъ поръ почти не выступали открыто, заслоненные главнымъ представителемъ всего движенія. И дѣло было отнюдь не потерянное, потому что имѣло на своей сторонѣ лучшаго и самаго популярнаго между имперскими князьями, Фридриха Мудраго. Если когда надобно было дѣйствовать энергически противъ нововводителей, такъ это именно теперь. Каждый годъ, каждый слѣдующій день потомъ долженъ былъ прибавлять новую силу движенію. Свободно распространяясь первое время, оно могло наконецъ достигнуть до тѣхъ опасныхъ размѣровъ, которые дѣлаютъ уже невозможнымъ сопротивленіе. Это была единственная минута, когда

1) Ibid. p. 259.

еще были приложимы сильныя средства противъ начинавшагося разлива. Пропустить ее теперь значило можетъ-быть потерять навсегда.

Многое, очень многое рѣшалось въ судьбахъ страны и народа отъѣздомъ императора изъ Германіи вскорѣ послѣ Вормскаго сейма. Въ ней такимъ образомъ нечувствительно совершился великій кризисъ, и затѣмъ надобно было ожидать его неизбѣжныхъ послѣдствій. Очевидно, что впредь два самыя жизненныя направленія Германіи должны были пойти розно и даже прямо враждебно одно другому. Еще далеко не рѣшено было, на которой сторонѣ останется побѣда; но во всякомъ случаѣ вопросъ поставленъ былъ такъ, что или въ Германіи утвердилась бы крѣпкая центральная власть, и всѣ другія попытки обновленія были бы устранены прочь, или реформа, вынесенная на плечахъ помѣстныхъ властей, взяла бы верхъ надъ противодѣйствующими ей силами, но тогда имперія лишилась бы всѣхъ выгодъ крѣпкаго политическаго единства. Иначе сказать, Германіи представлялось два исхода, и она не имѣла даже вполнѣ свободнаго выбора между ними.

V.

Карлъ V не имѣлъ глубокаго и вѣрнаго смысла для требованій времени и хотѣлъ итти своею собственною дорогою. Виды его были широки, но они нисколько не отвѣчали истиннымъ потребностямъ государства. Оттого, когда Германія сгарала жаждою реформы, онъ поворотился къ ней спиною и принялъ вызовъ Франциска на войну. На Лютера смотрѣлъ онъ такъ презрительно, что не могъ считать его за достойнаго противника и вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Послѣ главы мусульманскаго міра, только во Францискѣ видѣлъ онъ соперника, съ которымъ могъ помѣряться силами, не унижая своего достоинства. Итакъ личная вражда между двумя соперниками, долго тлѣвшая подъ видомъ наружнаго дружелюбія, вспыхнула наконецъ пожаромъ войны, которымъ скоро занялись, одна за другою, многія сосѣдственныя страны.

Со стороны Карла это дѣйствіе было неосторожно и слишкомъ самонадѣянно. Мы пока не будемъ говорить о томъ, что́ оставлялъ онъ позади себя, вступая въ ненужную борьбу съ бодрымъ и сильнымъ противникомъ. Достаточно ли онъ былъ приготовленъ къ войнѣ? Какія имѣлъ онъ ручательства — не

говоримъ уже въ полномъ успѣхѣ, но по крайней мѣрѣ въ томъ, что выйдетъ изъ нея съ честію въ непродолжительномъ времени, что она не отвлечетъ надолго его вниманія отъ другихъ, болѣе существенныхъ государственныхъ заботъ? Никто, правда, открывая походъ, не можетъ заранѣе поручиться въ побѣдѣ надъ непріятелемъ; правда также, что Карла впереди ожидали военные тріумфы, о которыхъ онъ можетъ-быть и самъ не мечталъ прежде времени. Но не менѣе вѣрно и то, что ему предстоялъ не одинъ военный походъ, а тяжелыя усилія многихъ лѣтъ, чтобы добиться тѣхъ обманчивыхъ успѣховъ, которые впослѣдствіи были утверждены за нимъ по Мадридскому договору, что первая война скоро повлекла за собою вторую, которая естественно потребовала отъ него еще большихъ усилій, и что наконецъ все это время почти невозвратно было потеряно имъ для вопросовъ внутренней политики, которые требовали безотлагательнаго рѣшенія. Онъ былъ молодъ, и потому излишняя самонадѣянность въ немъ нисколько не удивительна; но никто конечно, не возьметъ на себя смѣлость утверждать, что рѣшеніе на первую войну съ Франциском ъ обличаетъ въ Карлѣ преждевременную проницательность.

Внѣ личныхъ побужденій одно только обстоятельство можетъ еще служить нѣкоторымъ оправданіемъ рѣшимости Карла не только начать войну, но и затянуть ее на нѣсколько лѣтъ: это—почти одновременный ходъ дѣлъ въ предѣлахъ наслѣдственнаго его королевства, или въ Испаніи. Цѣль, которую онъ поставилъ здѣсь себѣ съ самаго вступленія на престолъ, достигалась сама собою вслѣдствіе неудачнаго возстанія городскихъ общинъ и послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ ихъ конечнаго пораженія. Мѣстная аристократія, примкнувъ къ королевской власти, стала заодно съ нею противъ движенія средняго сословія и доставила ей рѣшительный перевѣсъ въ этой неравной борьбѣ. Въ короткое время ополченія общинъ были разсѣяны, крѣпкіе города ихъ принуждены отворить ворота побѣдителю, и тѣ, которые стояли въ главѣ движенія и управляли имъ, заплатили головами за свою попытку отстоять съ оружіемъ въ рукахъ старыя вольности страны. Власть Карла выиграла вдвойнѣ: аристократія примкнула къ нему тѣснѣе, а среднее сословіе, которое до сихъ поръ составляло душу оппозиціи, принуждено было смириться передъ нимъ. Старое жизненное начало Испаніи было потрясено въ самомъ его основаніи. Однимъ сильнымъ ударомъ Испанія навсегда была выбита изъ своей старой колеи и направлена по той

роковой дорогѣ, которая впослѣдствіи привела ее къ истощенію силъ и лишила ее всякаго свободнаго движенія. На первое время дѣло ограничилось тѣмъ, что на собраніяхъ мѣстныхъ чиновъ смолкли всѣ свободные голоса, и предложенія короля, какъ они ни были отяготительны для народа, не встрѣчали себѣ никакого противорѣчія. Средства цѣлой страны были въ распоряженіи Карла, и онъ могъ свободно располагать ими для цѣли своего честолюбія...

Впрочемъ этотъ рѣшительный успѣхъ фламандской политики въ Испаніи относится уже къ тому времени, когда война съ Францискомъ была въ полномъ разгарѣ. Мы не пишемъ исторіи Карла V и потому не намѣрены пересказывать всѣхъ ея подробностей. Для нашей цѣли достаточно будетъ опредѣлить общій характеръ борьбы, и въ небольшомъ очеркѣ припомнить читателямъ главныя ея событія.

Войнѣ между Францискомъ I и Карломъ V трудно было назначить точныя границы. Если бы Карлъ былъ только королемъ Испаніи, она естественно сосредоточилась бы около Пиренеевъ. Если бы онъ дѣйствовалъ отъ имени имперіи, театромъ войны была бы западная граница Германіи. Но Карлъ V соединялъ въ своемъ лицѣ достоинства короля Испаніи и императора Германіи; сверхъ того Нидерланды были его наслѣдственною и особенно дорогою ему областію; наконецъ яблокомъ раздора между двумя соперниками были—Наварра въ Испаніи, Бургундія во Франціи и разныя владѣнія на сѣверѣ и югѣ Италіи. Война неминуемо должна была разбросаться такъ же далеко, какъ раскинуты были спорныя земли. Однимъ пожаромъ могли заняться пограничныя области между Франціей и Испаніей, между Франціей и Германіей, и многія внутреннія итальянскія владѣнія. Сосредоточить войну въ одномъ мѣстѣ и дать ей одно неизмѣнное направленіе было развѣ только одно средство: геніальный, глубоко обдуманный стратегическій планъ и исполненіе его столько же рѣшительное, сколько и быстрое. Но при переходѣ отъ средневѣковаго военнаго искусства къ новому, стратегія была еще въ младенчествѣ. Въ той и другой арміи были опытные и мужественные генералы, но рѣдко кто изъ нихъ возвышался на степень искуснаго полководца, чтобы смѣлымъ движеніемъ и неожиданнымъ ударомъ смутить и сбить съ толку противника. Самые главные соперники были весьма различныхъ свойствъ. По обычаю времени Карлъ V нерѣдко появлялся лично на полѣ брани, но онъ не былъ воиномъ въ строгомъ смыслѣ слова: онъ больше поручалъ воен-

ныя дѣйствія другимъ и наблюдалъ за ними на нѣкоторомъ разстояніи. Посылая подъ начальствомъ избранныхъ вождей свои полки противъ непріятеля, самъ онъ постоянно держалъ въ своихъ рукахъ нить дипломатическихъ переговоровъ. Это искусство приходилось больше по его нраву, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его дѣятельная дипломатическая переписка. Противникъ его былъ воспитанъ въ другихъ понятіяхъ. Пережившій свое время рыцарскій духъ нашелъ въ немъ безспорно одного изъ лучшихъ своихъ представителей. Конечно этотъ духъ поддерживался въ людяхъ XVI вѣка не столько самыми нравами, сколько особаго рода искусственною литературою, которая сама была порожденіемъ уже отживающаго свое время рыцарства. Но соки его прививались довольно успѣшно даже черезъ это искусственное воспитаніе. Во Францискѣ было къ тому и много природнаго расположенія. Мы уже имѣли случай видѣть его въ разныхъ столкновеніяхъ. Поставленный вровень съ своими современниками, Карломъ V и Генрихомъ VIII, онъ особенно выдается изъ ряда своимъ рыцарскимъ профилемъ. Да не подумаетъ кто, что подъ этимъ наружнымъ видомъ скрывалось истинное высокодушіе: какъ часто случалось и въ настоящемъ рыцарствѣ, умъ Франциска былъ довольно ограниченный, побужденія бо́льшею частію эгоистичны, но онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ всѣ внѣшніе рыцарскіе пріемы, что другія царственныя лица казались передъ нимъ людьми мѣщанскаго происхожденія. Какъ для Карла V война была преимущественно дѣломъ политическаго расчета, такъ Франциску она льстила особенно тою своею стороною, что открывала широкое поприще для его самодѣятельности съ оружіемъ въ рукахъ. Оттого такъ часто онъ появлялся впереди своихъ полковъ и такъ неустрашимо бросался въ кипучій бой. Въ немъ было много огня и той личной отваги, которая могла увлечь за нимъ даже робкихъ и нерѣшительныхъ, но иногда увлекала и его самого, безъ всякой нужды, на край опасности. Такимъ образомъ личное вмѣшательство Франциска и подвиги его мужества, вмѣсто того чтобы подвигать дѣло впередъ, иногда еще больше запутывали его. Въ финансовыхъ средствахъ съ обѣихъ сторонъ чувствовался постоянный недостатокъ. Францискъ не только самъ былъ плохой домохозяинъ, но еще сквозь пальцы смотрѣлъ на расхищенія казны, которыя дѣлались отъ его имени самыми близкими къ нему лицами, въ томъ числѣ особенно его матерью. Средства Карла, обладателя многихъ королевствъ въ Европѣ и вновь открытыхъ

сокровищъ Новаго Свѣта, на первый взглядъ казались неистощимы: но это дешево доставшееся богатство такъ же быстро разлеталось, какъ легко пріобрѣталось, и Карлъ ничѣмъ не былъ такъ наученъ цѣнить важность денегъ, какъ столько разъ испытаннымъ недостаткамъ въ нихъ. При такой постановкѣ обѣихъ сторонъ, борьба между ними получила характеръ медленнаго, нерѣшительнаго и часто перемежающагося дѣйствія, которое неминуемо должно было затянуться на многіе годы, а между тѣмъ не могло привести къ положительнымъ результатамъ.

Нѣкоторое время могло казаться, замѣчаетъ историкъ реформаціи въ Германіи [1]), что рѣшеніе спора должно послѣдовать на французско-нидерландской границѣ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь открылись военныя дѣйствія, здѣсь произошли первыя столкновенія. Но здѣсь же силы противниковъ скоро пришли въ равновѣсіе, и военныя движенія были пріостановлены. Войска императора, уже угрожавшія Шампани, принуждены были снова войти въ предѣлы имперіи. Болѣе важныя событія произошли въ Пиренейской области. Мстя за неудачное вторженіе въ Испанію Леспарра, которое предпринято было во время возстанія общинъ и кончилось пораженіемъ французскаго войска и взятіемъ въ плѣнъ самого предводителя, французы, вмѣстѣ съ наварскимъ королемъ, вступили вновь въ испанскіе предѣлы, взяли крѣпкую Фонтарабію и угрожали даже Санъ-Себастіану. Но и въ этихъ предѣлахъ не произошло ничего рѣшительнаго. Фонтарабія въ свою очередь была осаждена испанцами, и хотя всѣ ихъ усилія вынудить сдачу города посредствомъ голода, остались безуспѣшными, но за то и французы должны были здѣсь ограничиться своими успѣхами и не могли двигаться далѣе.

Самое страшное столкновеніе готовилось на той землѣ, которая служила постояннымъ поводомъ къ раздору между двумя царственными соперниками, то-есть въ Италіи. Тамъ каждый изъ нихъ имѣлъ свои надежныя опорныя точки и своихъ союзниковъ, одинъ — въ Неаполѣ и Римѣ, и многихъ ломбардскихъ городахъ, другой—въ Миланѣ, Феррарѣ, Венеціи и Генуѣ; тамъ все уже давно было поставлено на военную ногу. Если бы нѣмецкіе ландскнехты и не успѣли подойти съ сѣвера, то у Карла V было здѣсь наготовѣ соединенное папско-испанское войско подъ начальствомъ опытнаго кон-

[1]) Ranke, Deutsche Geschichte, II, p. 260.

дотьера Просперо Колонны. Съ другой стороны, французы, занимавшіе Миланское герцогство, надѣялись, что на выручку къ нимъ скоро подоспѣютъ швейцарцы, которымъ нужно было только спуститься съ высотъ, чтобы вступить въ долину Ломбардіи. Сначала имперцы думали воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ и предприняли нѣсколько отдѣльныхъ нападеній на города, союзные французамъ или занятые ихъ гарнизонами; однако почти всѣ ихъ попытки кончились неудачно. Тогда, желая, предупредить опасное соединеніе французовъ съ вольными швейцарскими дружинами, папскіе посланные привели въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы склонить хотя часть швейцарцевъ на сторону римско-испанскаго союза. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Въ короткое время нѣсколько тысячъ швейцарскихъ наемниковъ, большею частію изъ сѣверо-восточныхъ кантоновъ, изъявили готовность вступить въ службу императора. Трудность состояла только въ томъ, чтобы имъ успѣть во-время соединиться съ войскомъ Колонны. Была одна минута, когда въ рукахъ Лотрека, тогдашняго предводителя французскихъ войскъ, находилась можетъ-быть судьба цѣлой страны. Онъ могъ вмѣстѣ съ венеціанскимъ ополченіемъ напасть на Колонну и предупредить соединеніе его со швейцарцами. Тогда положеніе французовъ въ Италіи было бы обезпечено съ обѣихъ сторонъ. Но у Лотрека не доставало рѣшимости [1]). Онъ имѣлъ притомъ неблагоразуміе прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ въ Миланѣ, которыя возстановили противъ него тамошнее народонаселеніе. При его содѣйствіи и съ помощію швейцарцевъ Колонна завладѣлъ городомъ и провозгласилъ Франциска Сфорцу миланскимъ герцогомъ. Примѣру Милана вскорѣ послѣдовали и другіе города — Павія, Лоди, Парма и Піаченца. Однако и здѣсь, несмотря на эти важные успѣхи имперской арміи, дѣло было еще далеко отъ настоящаго рѣшенія. Французская армія потерпѣла нѣкоторый уронъ, но отступила въ порядкѣ. Она сосредоточилась въ Кремонѣ и оттуда угрожала съ одной стороны Милану, съ другой Пармѣ и Піаченцѣ. Колонна не чувствовалъ себя въ силахъ атаковать непріятеля въ занятой имъ крѣпкой позиціи и не предпринималъ никакого дальнѣйшаго движенія. Въ это время умеръ папа Левъ X. Это обстоятельство, естественно, еще болѣе увеличивало запутанное положеніе дѣлъ въ Италіи [2]).

[1]) Ср. Ranke, ibid. p. 269. — [2]) По этому поводу Карлъ писалъ къ своему уполномоченному при португальскомъ дворѣ: Toutefois—notre voyage d'Espagne

Между тѣмъ Карлъ, хотя и мало показывался въ полѣ, не дремалъ ни минуты. Онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми дипломатическими переговорами и нарочно оставался большею частію въ Нидерландахъ, чтобы быть сколько можно ближе къ театру войны и къ Калѐ, гдѣ все еще тянулись тогда переговоры между Франціею и Испаніею, при посредствѣ Англіи, или, точнѣе сказать, кардинала Вольси. Предложенный министромъ Генриха VIII проектъ восьмилѣтняго перемирія былъ отвергнутъ Франціею, которая не соглашалась возвратить Фонтарабію, и въ концѣ года конференція разошлась безъ всякаго успѣха. Но Карлъ V не пришелъ оттого въ уныніе. Смерть Льва X и предстоявшіе выборы дали ему въ руки превосходное орудіе, чтобы рѣшительно закупить на свою сторону всесильнаго кардинала. Пути къ тому уже приготовлены были разными подарками и пенсіями; оставалось только покончить дѣло новымъ, особенно лестнымъ обѣщаніемъ. Не полагаясь довольно на искусство своихъ дипломатовъ, онъ рѣшился еще разъ предпринять поѣздку въ Англію, чтобы лично удостовѣрить честолюбиваго кардинала въ своемъ къ нему благорасположеніи. До Германіи ему какъ будто не было никакого дѣла: онъ уходилъ все дальше и дальше отъ нея и въ своихъ планахъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. За то въ Англіи смѣлая попытка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ его присутствіи подписанъ былъ въ Виндзорѣ трактатъ, въ силу котораго императоръ обязывался произвести нападеніе на Францію со стороны Испаніи, а Генрихъ VIII—помогать ему со стороны Пикардіи. Съ той и другой стороны положено было вывести въ поле по 50,000 войска, какъ пѣхоты такъ и кавалеріи [1]. Этотъ ловкій оборотъ во внѣшней политикѣ стоилъ большой побѣды. Благодаря податливости министра на лестныя обѣщанія и безхарактерности короля, Карлъ V достигъ наконецъ цѣли многолѣтнихъ желаній.

Противъ Франціи приготовлялась цѣлая буря. Сверхъ замышленнаго нападенія на ея предѣлы общими силами Испаніи и Англіи, приняты были новыя мѣры, чтобы съ болѣе рѣшительнымъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Италіи. На швейцарцевъ болѣе не разсчитывали и надѣялись совершенно

depend de *pouvoir trouver argent*; sans lequel serions par necessité constraincts de changer propos, mesmes estant despuys survenue la mort du pape, par laquelle la charge de l'armée d'Italie demeure toute sur notre dos. Mon. Habsb., 2 Abth. tom. II, p. 514. И это въ самомъ началѣ войны!—[1]) См. Gaillard, I, p. 530.

замѣнить ихъ нѣмецкими ландскнехтами. Еще прежде, на папскія деньги, набрано было ихъ значительное число въ Тиролѣ и Швабіи; теперь произведена была новая вербовка въ другихъ мѣстахъ Германіи. Число охотниковъ возросло еще болѣе, когда знаменитый нѣмецкій кондотьеръ, Георгъ Фрундсбергъ, также предложилъ свои услуги союзникамъ. Подъ его знаменемъ скоро собралось до 12 полковъ, такъ что уже въ февралѣ 1522 года онъ могъ выступить съ ними по направленію къ Италіи. Особенное ополченіе сверхъ того собрано было Сфорцою въ Тридентѣ; наконецъ ожидалась еще значительная подмога отъ генуезскаго выходца Адорно, который съ большимъ запасомъ денегъ также отправился въ Германію и вербовалъ тамъ ландскнехтовъ. Повидимому, Германія ничѣмъ не занята была у себя дома и только тяготилась избыткомъ мужескаго народонаселенія...

Гдѣ употреблено было всего больше усилій, тамъ разразился и самый страшный ударъ. Во Франціи сдѣлано было немного. Какъ ни манила Генриха фантастическая мысль — присоединить къ своей наслѣдственной коронѣ еще французскую, усилія его мало соотвѣтствовали предположенной имъ несбыточной цѣли. Союзники долго сбирались и ни въ чемъ почти не имѣли рѣшительнаго успѣха. Только въ іюнѣ сдѣлано было со стороны моря нападеніе на Шербургъ, и лишь въ сентябрѣ произведена высадка въ Пикардіи. Войска Карла соединились съ англійскими, но все дѣло ограничилось лишь взятіемъ двухъ-трехъ городовъ, да разореніемъ близь лежащихъ мѣстъ. Скоро затѣмъ наступила осень, и нападающимъ не оставалось ничего болѣе, какъ поспѣшить обратнымъ движеніемъ. Настоящая боевая гроза прогремѣла въ Италіи. Французы не показывали желанія выйти изъ своего оборонительнаго положенія, но швейцарцы горѣли нетерпѣніемъ отмстить за свои прежнія неудачи и громко требовали битвы. Послѣ нѣкотораго колебанія нерѣшительный Лотрекъ былъ увлеченъ ихъ требованіями. Просперо Колонна стоялъ тогда лагеремъ близь Милана, при Бикоккѣ. Если кто изъ противниковъ былъ поставленъ гораздо выгоднѣе, то это конечно былъ онъ. Войска его занимали укрѣпленную природой и искусствомъ позицію. Они состояли попрежнему изъ старой испанской пѣхоты и итальянскихъ гибеллиновъ; но къ нимъ присоединились еще въ послѣднее время нѣмецкіе ландскнехты, приведенные Фрундсбергомъ. На этотъ разъ недоставало только швейцарцевъ, но тѣмъ не менѣе, въ распоряженіи Колонны были всѣ средства для успѣш-

наго отпора. Нужна была необычайная отвага, чтобы рѣшиться штурмовать его въ занятой имъ позиціи. Но горькое сознаніе прежнихъ неудачъ придало швейцарцамъ чувство львиной силы. Въ нихъ заговорила народная честь; они не помнили болѣе, что были наемниками во французскомъ войскѣ, и хотѣли честно исполнить свой долгъ. Штурмъ произведенъ былъ двумя колоннами: подъ градомъ пуль онѣ сомкнутыми рядами шли впередъ, соревнуя одна другой. Передъ ихъ бурнымъ напоромъ непрочны казались самые плотные окопы. Но живая стѣна ландскнехтовъ, которая стояла за ними, была надежнѣе всѣхъ искусственныхъ оплотовъ. Они встрѣтили нападающихъ грудь грудью. Георгъ Фрундсбергъ былъ впереди, съ аллебардою въ рукахъ. Завидѣвъ его, Арнольдъ Винкельридъ — издавна славное имя между швейцарскими патріотами — занесъ надъ нимъ смертоносный ударъ, но успѣлъ только поранить его, самъ же палъ на мѣстѣ отъ руки противника. Въ ту же минуту загорѣлся рукопашный бой по всей штурмовой линіи. Ярость нападенія скоро превратилась со стороны швейцарцевъ въ неменѣе жаркую оборону. Они стояли какъ львы, въ надеждѣ утомить упорное мужество непріятеля. Но ряды ихъ начинали уже рѣдѣть отъ учащенныхъ ударовъ, которые падали прямо на ихъ головы. Диверсія, сдѣланная въ это время на флангѣ французскою кавалеріею, не имѣла успѣха. Отступленіе французовъ еще больше расшатало и безъ того начинавшій колебаться швейцарскій строй. Самыя мужественныя сердца дрогнули, когда послышался крикъ: „назади бѣгутъ!“ Положивъ на мѣстѣ схватки 2000 своихъ труповъ, швейцарцы начали свое отступленіе. Они могли еще совершить его въ порядкѣ, но въ битвѣ при Бикоккѣ навсегда была утрачена слава несокрушимости стараго швейцарскаго строя.

Слѣдствія были крайне невыгодны для французскаго владычества въ Италіи. Швейцарцы не хотѣли долѣе оставаться въ Италіи и унесли свой стыдъ съ собою на родину. Гордые своею побѣдою, ландскнехты напротивъ двинулись впередъ. Генуя была взята ими и разграблена. Таковы были успѣхи этой кратковременной кампаніи, подавшіе еще болѣе надеждъ на будущее.

Странныхъ и самыхъ непослѣдовательныхъ превращеній исполнены событія слѣдующихъ годовъ. Послѣ успѣховъ 1522 г. Карлу V, повидимому, оставалось только пожинать лавры. Между тѣмъ какъ противники его падали духомъ, число его союзниковъ и слѣдовательно самыхъ военныхъ средствъ безпре-

станно возрастало. Благосклонное къ нему счастіе наконецъ взялось доставить ему надежнаго союзника въ самомъ непріятельскомъ лагерѣ. Это былъ Карлъ Бурбонъ, „второй человѣкъ послѣ короля во всемъ государствѣ", наслѣдственный обладатель двухъ княжествъ, столькихъ же герцогствъ, четырехъ графствъ и многихъ другихъ, менѣе значительныхъ владѣній, мужественный, рѣшительный, предпріимчивый. Онъ созывалъ свои собранія чиновъ и собиралъ подати въ своихъ владѣніяхъ; у него были свои крѣпости, которыя онъ занималъ своими гарнизонами. Его испытанная храбрость и военныя заслуги дали поводъ королю возобновить въ его лицѣ прежнее высокое достоинство коннетабля. Но его самого занимали еще болѣе смѣлые помыслы. Королевскій престолъ казался ему не такъ далекимъ и недовольно обезпеченнымъ надеждами на прямое наслѣдство, чтобы время отъ времени онъ не могъ также и на него бросать свой неробкій взоръ... какъ вдругъ фортуна, въ лицѣ матери Франциска, повернулась спиною къ Карлу Бурбону. Непризнанная или отвергнутая любовь старой женщины превратилась въ ненависть, а безпредѣльная угодливость переродилась въ неутомимое преслѣдованіе [1]). Многія права Бурбона подверглись сомнѣнію. Ему вдругъ угрожали нѣсколькими судебными процессами; самыя важныя владѣнія, которыя до сихъ поръ служили основаніемъ его высокихъ надеждъ, были болѣе не прочны въ его рукахъ. Въ отношеніяхъ къ нему короля также произошла ощутительная холодность. Гордый духъ Бурбона не могъ не возмутиться, видя вокругъ себя столько недоброжелательства и озлобленія. Онъ не въ состояніи былъ помириться съ такимъ положеніемъ, которое ему готовили въ обществѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ игралъ столь видную роль, — и не находя себѣ никакой довольно сильной опоры внутри государства, искалъ ее на сторонѣ, за его предѣлами. Въ жилахъ Бурбона текла между прочимъ итальянская кровь Гонзаговъ: нанесенное оскорбленіе не только приводило ее въ броженіе, но и воспламеняло въ ней жажду мести. Однимъ крутымъ поворотомъ герцогъ отвернулся отъ короля и его матери, отъ самой Франціи, и обратился лицомъ къ заклятому ея врагу, который и безъ того былъ уже очень опасенъ для нея своими недавними успѣхами въ Италіи.

Для кого другого можетъ-быть еще было бы вопросомъ, слѣдуетъ ли вступать въ сношенія съ человѣкомъ, который

1) Gaillard, II, p. 184: Elle hait à son tour, comme on haït quand on aime.

замышляетъ измѣну своей родинѣ. Есть по крайней мѣрѣ вѣроятность думать, что если бы Генрихъ VIII не сталъ много размышлять въ подобномъ случаѣ, то Францискъ I призадумался бы тотчасъ облечь своею довѣренностію того, кто перешелъ бы къ нему изъ непріятельскаго лагеря. Но для Карла V, повидимому, такой вопросъ не существовалъ вовсе. Въ его глазахъ личная польза оправдывала средства. Въ политикѣ его не было мѣста нравственнымъ началамъ, если они не согласовались съ его личными интересами. Онъ не только охотно вступилъ въ сношенія съ Бурбономъ, но потомъ, когда тотъ бѣжалъ изъ Франціи, принялъ его у себя и ввѣрилъ ему командованіе своими войсками.

Старые союзники попрежнему оставались вѣрны Карлу V. Договоръ его съ Генрихомъ существовалъ во всей своей силѣ. Первою мыслію Бурбона было опять произвести нападеніе на Францію со стороны имперіи и съ помощію Англіи. Онъ говорилъ, что пойдетъ освобождать страну отъ тираніи Франциска, и не сомнѣвался, что многіе города отворятъ свои ворота при одномъ его появленіи. Однако пылкія мечты его не оправдались. Отрядъ ландскнехтовъ, вступавшій подъ начальствомъ Фюрстенберга въ Шампань, по причинѣ недостатка въ продовольствіи скоро принужденъ былъ къ отступленію. Болѣе шума надѣлало наступательное движеніе соединеннаго англо-нидерландскаго войска изъ Пикардіи. Нѣкоторое время даже парижане были несвободны отъ страха непріятельскаго нашествія. Но и съ той стороны все кончилось ничѣмъ. Союзники нигдѣ не могли утвердиться и скоро возвратились назадъ. Въ Пиренейской области война ограничилась только нѣкоторыми дѣйствіями подъ Фонтарабіею.

Болѣе рѣшительные удары съ обѣихъ сторонъ опять готовились въ Италіи. Недавнія пріобрѣтенія императора были обезпечены новымъ крѣпкимъ союзомъ, который составился здѣсь для защиты правъ Франциска Сфорцы на Миланское герцогство. Новоизбранный папа, Адріянъ утрехтскій, бывшій наставникъ Карла V, остался вѣренъ политикѣ своего предшественника. Онъ не хотѣлъ только слѣдовать ему въ завоевательныхъ планахъ на герцогство Феррарское, чтó было причиною присоединенія къ союзу венеціанцевъ, которые до сихъ поръ дѣйствовали заодно съ французами. Карлъ Бурбонъ также прибылъ въ Италію, чтобы раздѣлить съ Пескарою команду надъ союзными войсками по смерти Колонны. Но и Франція въ то же время сдѣлала большія усилія съ цѣлію возста-

новить свое вліяніе и значеніе внутри полуострова. Она успѣла даже предупредить бдительность своихъ противниковъ, которые, повидимому, не ожидали наступательнаго движенія съ этой стороны. Когда адмиралъ Бонниве, получившій команду на мѣсто Лотрека, съ 35-тысячною арміею вступилъ въ Піемонтъ, имперцы не думали заграждать ему пути въ открытомъ полѣ и не оспаривали у него даже переправы черезъ рѣки: они ограничились только обороною важнѣйшихъ крѣпостей: Комо, Кремоны, Милана и Павіи. Вы ожидали бы можетъ-быть послѣ того, что предпріятіе Бонниве увѣнчается полнымъ успѣхомъ, что онъ воспользуется малочисленностію и оплошностію своихъ противниковъ и постарается нанести имъ какъ можно болѣе вреда? Нисколько. Пока адмиралъ медлилъ рѣшительными дѣйствіями, имперцы получили значительныя подкрѣпленія ландскнехтами и другими войсками, такъ что въ свою очередь въ состояніи были начать противъ него наступательное движеніе. Такъ какъ команда была теперь въ рукахъ Бурбона, то можно было ожидать наконецъ рѣшительной битвы. Но этого опять не случилось, потому что венеціанцы постоянно были того мнѣнія, что лучше надобно стараться оттѣснить непріятеля искусными стратегическими дѣйствіями. Ихъ мнѣніе принято было и въ военномъ совѣтѣ. Вслѣдствіе того военныя дѣла въ сѣверной Италіи приняли новый неожиданный оборотъ.

Съ необыкновенною ловкостію исполненъ былъ со стороны союзниковъ планъ военныхъ дѣйствій, по всей вѣроятности принадлежавшій самому Бурбону, который въ это время уже облеченъ былъ титломъ императорскаго намѣстника въ Италіи. Поставивъ отдѣльный отрядъ между Комо и Бергамо, чтобы сдерживать дальнѣйшій напоръ непріятеля, онъ съ главными силами двинулся къ Тичино и безпрепятственно перешелъ рѣку, неподалеку отъ Павіи. Чтобы не дать совершенно обойти себя, Бонниве долженъ былъ бросить свой укрѣпленный лагерь въ Ломбардіи и также переправляться черезъ Тичино. Онъ сталъ въ Виджевано, угрожая имперцамъ съ сѣвера. Тогда Карлъ Бурбонъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, перешелъ Гонью (Gogna) и занялъ Сартирану. Адмиралъ началъ было новое движеніе, чтобы вытѣснить имперцевъ изъ занятыхъ ими позицій, а они между тѣмъ утвердились уже, съ помощію гибеллиновъ, въ Верчелли, и такимъ образомъ овладѣли переправою черезъ Сезію. Бонниве не оставалось ничего болѣе, какъ итти къ верховьямъ Сезіи и тамъ поджидать наемныхъ дру-

жинъ, которыя должны были примкнуть къ нему изъ Швейцаріи. Но уже и на этомъ пути онъ встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперскіе гарнизоны. Швейцарцы, правда, успѣли соединиться съ нимъ, но они отказались помогать ему въ перевозѣ черезъ Сезію, по другую сторону которой, въ Гаттинарѣ, стоялъ Пескара съ тысячью всадниковъ. Несмотря на свою малочисленность имперцы противопоставили адмиралу упорное сопротивленіе. Завязался бой на самой переправѣ. Французы успѣли по разрушенному почти мосту перебраться на другую сторону и сожгли Гаттинару, но этотъ успѣхъ обошелся имъ гораздо дороже, чѣмъ сколько приносилъ чести. Побѣда, отъ которой зависѣло спасеніе цѣлаго войска, досталась имъ надъ незначительнымъ отрядомъ, крѣпкимъ только своею выгодною позиціею. По счастію, остальныя войска Карла Бурбона были еще довольно далеко, и адмиралъ могъ довольно свободно продолжать свое отступленіе во Францію. Однако безъ потерь не обошлось и на этомъ пути. Но чувствительнѣе всего была потеря, понесенная французами въ лицѣ Баяра, который палъ во время отступленія отъ Сезіи. Это было послѣднее воплощеніе истинно рыцарскаго духа и доблестей. Ему нигдѣ не нашлось потомъ достойнаго преемника, ибо наступало уже новое время, которое приводило съ собою иной духъ и другое искусство [1]).

Читатель видитъ, что война за Италію занимала въ это время всѣ мысли двухъ царственныхъ соперниковъ и съ каждымъ годомъ увеличивалась въ своихъ размѣрахъ. Съ какимъ же чувствомъ прочтетъ онъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ Карла V къ Фердинанду, писанномъ въ началѣ 1524 г., во время пребыванія императора въ Испаніи? — „Вы уже знаете — писалъ онъ брату—„да и всякому должно быть хорошо извѣстно, что мое всегдашнее желаніе и постоянная забота состоятъ въ томъ, чтобы сохранить миръ и спокойствіе между христіанскими государствами. И то, чтó я дѣлалъ до сихъ поръ, и чтó продолжаю дѣлать теперь, имѣетъ только одну цѣль — достиженіе этого мира, посредствомъ котораго мы могли бы соединить силы и оружіе христіанскихъ народовъ, и не только остановить турокъ въ ихъ дальнѣйшихъ движеніяхъ, но и вести противъ нихъ наступательную войну, и такимъ образомъ

[1]) См. Gaillard, II, p. 300. — Въ моемъ обозрѣніи кампаніи 1523 года я впрочемъ держался больше сжатаго, но отчетливаго изложенія Ранке, II, 283—296.

содѣйствовать къ распространенію и возвеличенію христіанской вѣры“ [1]). Какія противорѣчія не могутъ совмѣститься иногда въ головѣ человѣка!

Между тѣмъ въ ходѣ военныхъ событій еще разъ произошелъ неожиданный оборотъ. Давно ли Франція угрожала новымъ нашествіемъ на Италію? Давно ли самъ Францискъ готовился выступить въ томъ же направленіи, чтобы еще болѣе способствовать успѣху предпріятія и раздѣлить съ своимъ полководцемъ честь военныхъ тріумфовъ, въ которыхъ, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія, если судить по первымъ успѣхамъ адмирала? Но король противъ воли былъ удержанъ во Франціи, гдѣ онъ имѣлъ причины опасаться внутренней измѣны, а адмиралъ Бонниве скоро послѣ первыхъ успѣховъ былъ оттѣсненъ назадъ, не столько силою оружія, сколько искусными стратегическими движеніями. Въ февралѣ 1524 года пала Фонтарабія и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ Карлъ Бурбонъ началъ свое наступательное движеніе въ предѣлы южной Франціи... Это была его постоянная и любимая мысль съ тѣхъ поръ, какъ онъ отрекся отъ своего отечества. Императоръ тѣмъ охотнѣе далъ ему свое согласіе, что содержаніе войска въ Италіи приходилось очень дорого: въ чужой землѣ надѣялись удовлетворить его скорѣе и гораздо выгоднѣе. Все обѣщало полный успѣхъ предпріятію. Бурбонъ уже владѣлъ довѣріемъ итальянскаго войска и въ свою очередь многаго ожидалъ отъ его испытанной храбрости и опытности въ военномъ дѣлѣ. Франція, повидимому, не въ состояніи была дать энергическій отпоръ нападающимъ. Сверхъ всего Карлъ Бурбонъ могъ разсчитывать на нѣкоторыя симпатіи внутри ея. Ему казалось, что все дѣло можетъ рѣшиться одною битвою. „Если намъ только удастся“—писалъ онъ императору—„дать хоть одну битву французскому королю и, какъ я не сомнѣваюсь, одержать въ ней побѣду, то я заранѣе поздравляю васъ величайшимъ человѣкомъ какъ своего, такъ и прошедшихъ временъ, которому послѣ того останется лишь предписать законы всему міру“... [2]).

И въ самомъ дѣлѣ, походъ открылся при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ войскѣ Бурбона были нѣмцы, итальянцы и испанцы; послѣдніе — подъ начальствомъ Пескары. Французы почти не противопоставляли никакихъ препятствій нападающимъ. Смѣло подвигаясь впередъ, Бурбонъ въ

[1]) Lanz, Correspondenz, 1, p. 81.—[2]) Ranke, II, p. 299.

короткое время занялъ Антибъ, Фрежюсъ, Тулонъ. Главный городъ провинціи, Эсъ (Aix), также сдался ему безъ сопротивленія. Еще нѣсколько дней марша, и онъ стоялъ уже подъ стѣнами Марсели. Отъ паденія этого города зависѣла участь цѣлой области. Утвердившись въ немъ во-время, Карлъ Бурбонъ могъ надѣяться удержать за собою и другія сдѣланныя имъ завоеванія. Всѣ усилія имперскаго войска употреблены были теперь на осаду Марсели. Такъ какъ имъ не угрожало нападеніе со стороны, и даже самымъ гарнизономъ въ городѣ командовалъ не французъ, а итальянецъ, по имени Ренцо да-Чери, то осаждающіе съ большою вѣроятностію разсчитывали на вѣрный успѣхъ. Однако, когда приступили къ работамъ, дѣло представило много неожиданныхъ трудностей. Устройство траншей и батарей взяло цѣлый мѣсяцъ времени. Только въ концѣ сентября могъ быть назначенъ общій приступъ къ городскимъ стѣнамъ. Но тутъ же родились и первыя сомнѣнія со стороны осаждающихъ. Отъ плѣнныхъ узнали, что гарнизонъ приготовляется къ отчаянному сопротивленію, что за стѣнами проведены пороховыя мины, что заряженныя орудія стоятъ даже на улицахъ города. Это нечаянное открытіе отняло много бодрости у союзниковъ. Между тѣмъ около Авиньона собирались французскія силы. Въ виду опасности, угрожавшей южнымъ предѣламъ страны, король обратился къ народу съ требованіемъ чрезвычайныхъ пособій. Сословія показали много единодушія и соревновали одно передъ другимъ пожертвованіями въ пользу отечества. Благодаря имъ, внутри страны происходили дѣятельныя вооруженія, и вновь собранное войско готовилось итти на выручку осажденному городу. Еще Карлъ Бурбонъ стоялъ крѣпко на своемъ рѣшеніи, но товарищъ его, Пескара, вдругъ заговорилъ объ отступленіи. На военномъ совѣтѣ, который былъ созванъ по этому случаю бóльшая часть голосовъ объявила себя въ пользу того же мнѣнія. Нѣкоторые притомъ выразили опасеніе, чтобы Францискъ, пользуясь отвлеченіемъ силъ отъ Италіи, не сдѣлалъ въ нее вторженія, прежде чѣмъ итти на помощь къ Марсели. „Господа — воскликнулъ при этихъ словахъ Пескара — кто желаетъ сохранить императору Италію, тотъ пусть слѣдуетъ за мною“. Споръ могъ быть рѣшенъ только авторитетомъ самого императора; но онъ находился тогда въ Испаніи. Напрасно Бурбонъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи: мнѣніе Пескары превозмогло, особенно когда его сторону приняли предводители нѣмецкихъ полковъ. Еще французское войско не показывалось въ виду Мар-

сели, какъ осада города была снята, и Бурбонъ возвращался въ Италію, оставляя позади себя всѣ недавно сдѣланныя пріобрѣтенія и унося съ собою лишь стыдъ своей неудачи.

И вотъ еще разъ въ глазахъ набюдателя колесо военнаго счастія поворачивается въ противоположную сторону. Мысль, которую приписывали Франциску относительно Италіи, дѣйствительно входила въ его планы. Едва только имперцы начали свое отступленіе, какъ онъ тоже двинулъ свои силы по направленію къ Альпамъ. Успокоившись за Францію, король не хотѣлъ болѣе откладывать своего намѣренія и рѣшился лично принять начальство надъ войскомъ, которое назначалось для покоренія сѣверной Италіи. Почти въ одно время Альпы были свидѣтелями двухъ движеній, которыя оба происходили въ одномъ направленіи, но совершались по различнымъ побужденіямъ и съ цѣлями прямо противоположными. Въ то время, какъ имперцы, держась болѣе южныхъ путей, спѣшили оставить за собою приморскія Альпы, французы черезъ Пиньероль проникали уже въ предѣлы Піемонта. Одни торопились на защиту тѣхъ самыхъ мѣстъ, занятіемъ которыхъ надѣялись предупредить ихъ другіе. По словамъ миланской хроники, оба войска въ одно и то же время перешли черезъ Тессино — имперское при Аббіатс-Грассо, французское близъ Павіи.

Противники какъ будто обмѣнялись между собою ролями. Едва прошло нѣсколько недѣль послѣ осады Марсели, какъ имперцы принуждены были защищаться у себя въ Ломбардіи. Не потерпѣвъ ни одного пораженія, они вдругъ лишились всѣхъ своихъ выгодъ передъ непріятелемъ. Передъ нимъ опять открыта была вся Ломбардія, и оборона ограничивалась лишь крѣпкими городами. Измѣна Бурбона и вторженіе во Францію, казалось, послужили только къ тому, чтобы проложить Франциску болѣе легкіе пути въ Италію. Немногаго еще не доставало, чтобы вновь занятое имъ положеніе поравнялось съ тѣмъ, какое назадъ тому нѣсколько лѣтъ доставила ему побѣда при Мариньяно. Въ его полномъ и нераздѣльномъ распоряженіи была прекрасная армія, исполненная воинственнаго духа. Главную силу въ ней составляли французы; но она имѣла сверхъ того немаловажную опору для себя въ швейцарскихъ полкахъ, извѣстныхъ своею стойкостію. Наконецъ на французской сторонѣ было рѣшительное превосходство артиллеріи. Присутствіе этой грозной силы въ Италіи скоро почувствовалось и по другую сторону рѣки По. Тосканскіе города спѣ-

шили отплачиваться деньгами; Феррара взяла на себя доставленіе припасовъ во французскую армію. Все вниманіе Франциска между тѣмъ обращено было на Павію. Двѣ причины заставляли его спѣшить ея покореніемъ. Здѣсь, во-первыхъ, заключилось самое густое ядро изъ остатковъ той арміи, которая такъ недавно еще угрожала Марсели; во-вторыхъ, овладѣть Павіею значило стать твердою ногою на Тичино и на всякій случай обезпечить для себя переправу черезъ него. Задача не казалась очень трудною: ибо чѣмъ многочисленнѣе былъ гарнизонъ, тѣмъ скорѣе можно было надѣяться принудить его къ сдачѣ голодомъ. Во французскомъ лагерѣ, напротивъ того, было обиліе въ продовольствіи всякаго рода. Наибольшая часть павійскаго гарнизона состояла притомъ изъ нѣмецкихъ наемниковъ, которые давно не получали жалованья. Испанскій комендантъ крѣпости, Антоніо де-Лейва, ничего не могъ сдѣлать противъ нихъ съ своими 800 испанцевъ и съ трудомъ обуздывалъ ихъ своеволіе. Они безпрестанно требовали отъ него денегъ, и въ случаѣ отказа грозились убить его или сдать городъ непріятелю...

Павія однако была своего рода Марселью. Осада ея, обѣщавшая сначала скорый исходъ, сверхъ ожиданія затянулась на долгое время. Напрасны были всѣ усилія осаждающихъ отвести Тичино въ сторону. Видя неудачу своихъ попытокъ, они должны были замѣнить осаду города простою блокадою. Такъ прошло два, три мѣсяца. Само собою разумѣется, что это время не было потеряно даромъ противниками. Самъ Карлъ V не думалъ покидать Испаніи; но за него усердно дѣйствовали тѣ, на которыхъ лежала главная отвѣтственность за успѣшный ходъ войны. Бурбонъ вывезъ съ собою много драгоцѣнныхъ камней изъ Франціи: онъ продалъ ихъ теперь, и на вырученныя деньги отправился набирать ландскнехтовъ въ Германію. Отсутствіе его было непродолжительно. Благодаря содѣйствію Фердинанда онъ могъ скоро возвратиться въ Италію и привести съ собою 18 вновь набранныхъ дружинъ. Не менѣе ревностно работалъ Ланой, бывшій въ это время вице-королемъ въ Неаполѣ: онъ также продалъ все, что только могъ, и всю вырученную имъ сумму отправилъ прямо къ Фрундсбергу. Тотъ имѣлъ двойной интересъ желать успѣха въ войнѣ съ Франдискомъ: кромѣ того, что старый воинъ принималъ горячо къ сердцу успѣхи нѣмецкаго оружія въ Италіи, его безпокоила еще участь собственнаго сына, который находился тогда въ павійскомъ гарнизонѣ. На голосъ любимаго вождя въ корот-

кое время стеклись новыя толпы охотниковъ, такъ что къ концу года подъ его знаменемъ собралось еще одиннадцать дружинъ. Черезъ мѣсяцъ потомъ оба ополченія ландскнехтовъ соединились между собою при Лоди, а въ первыхъ числахъ февраля 1525 они стояли уже въ виду Павіи.

Кто бы ожидалъ? Павіи, именно Павіи суждено было смыть тотъ позоръ, который имперское войско вынесло изъ-подъ стѣнъ Марсели. Однимъ ударомъ рѣшена была участь осады, и нанесено пораженіе осаждающимъ. Самая главная трудность состояла въ томъ, чтобы выманить непріятеля изъ укрѣпленнаго лагеря, ибо французы очень хорошо поняли выгоды своего положенія и рѣшились заключиться въ своихъ окопахъ. Напрасно выжидалъ Пескара, бывшій въ это время главнымъ начальникомъ имперскаго войска, что они уступятъ свойственному имъ увлеченію: время проходило, а непріятель не трогался съ мѣста. Положеніе имперцевъ было тѣмъ затруднительнѣе, что хотя у нихъ и открыты были сообщенія съ окрестною страною, однако они начинали терпѣть недостатокъ въ припасахъ. Но голодъ бываетъ иногда вдохновителемъ мужества. Притомъ же Пескара хотѣлъ, кажется, загладить стыдъ отступленія отъ Марсели, котораго онъ былъ главнымъ виновникомъ. Онъ обратился къ своимъ испанцамъ, напомнилъ имъ, что у нихъ не остается ни куска хлѣба, и прибавилъ, что въ непріятельскомъ лагерѣ они, напротивъ, могутъ достать себѣ не только хлѣба, но еще много вина, мяса и разныхъ другихъ припасовъ. Съ своей стороны Фрундсбергъ сдѣлалъ подобное же воззваніе къ нѣмцамъ. Они тѣмъ охотнѣе приняли вызовъ, что самая честь заставляла ихъ итти на выручку братьевъ, которые находились въ крѣпости. Подъ этимъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ рѣшено было произвести на первый разъ ночное нападеніе въ одномъ пунктѣ, чтобы вступить въ сношенія съ гарнизономъ. Цѣль эта не была достигнута, но тревога, распространившаяся между французами, заставила ихъ выйти изъ лагеря. Впрочемъ такой нечаянный оборотъ дѣла грозилъ имперцамъ опасностію, къ которой они вовсе не были приготовлены. Передовыя колонны нападающихъ попали подъ страшный огонь непріятельской артиллеріи и пришли въ разстройство. Вслѣдъ за тѣмъ самъ король вылетѣлъ впередъ съ своею свитою и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ передъ нимъ побѣжала часть непріятельской кавалеріи. Одного изъ всадниковъ онъ успѣлъ даже повергнуть на мѣстѣ ударомъ собственной руки. Но въ это время Фрундсбергъ подошелъ съ стройными массами сво-

ихъ ландскнехтовъ; Пескара сталъ съ испанцами на другомъ крылѣ; подъ защитою тѣхъ и другихъ конница снова пришла въ порядокъ. Французы также всею массою вышли впередъ, чтобы поддержать свою кавалерію и артиллерію. Имперскій военачальникъ не колеблясь принялъ вызовъ на бой, и небольшая частная атака превратилась во всеобщее побоище. Центръ бился противъ центра, крыло—противъ крыла. Пескара командовалъ центромъ, Фрундсбергъ дѣйствовалъ на флангѣ, Бурбонъ и Ланой вели арьергардъ. Сначала превозмогло лѣвое крыло имперцевъ, которое состояло сплошь изъ нѣмецкихъ полковъ и дѣйствовало противъ нѣмецкихъ же наемниковъ, бывшихъ въ войскѣ Франциска. Швейцарцы также не устояли противъ центра, въ которомъ былъ Пескара съ испанскими ветеранами. Затѣмъ всѣ почти войска смѣшались между собою, и на всѣхъ пунктахъ закипѣлъ кровавый рукопашный бой. Французскіе ряды были большею частію пробиты и сломлены. Началось всеобщее отступленіе. Въ это самое время павійскій гарнизонъ вышелъ на встрѣчу отступавшимъ, и своимъ неожиданнымъ нападеніемъ привелъ ихъ въ совершенное разстройство. Послѣ того имперцамъ оставалось лишь преслѣдовать побѣжденныхъ, которые не думали болѣе защищаться и искали спасенія въ бѣгствѣ [1]).

Павія страшно отмстила за неудачи марсельскаго похода. Прекрасное войско, которымъ могла бы гордиться Франція, въ нѣсколько часовъ почти не существовало болѣе. До десяти тысячъ легло на мѣстѣ битвы, или погибло во время бѣгства въ волнахъ Тичино. Многіе славные вожди, Латремуль, Лапалисъ, Бонниве, сложили въ бою свои головы. Швейцарцы похоронили тутъ свою военную славу. Король Францискъ явилъ себя истымъ героемъ во время битвы. Онъ постоянно былъ впереди, сражался наравнѣ съ самыми храбрыми, два раза былъ раненъ и съ окровавленнымъ лицомъ продолжалъ носиться по боевому полю. Одну минуту, когда передъ нимъ побѣжала непріятельская конница, онъ считалъ побѣду вѣрною въ своихъ рукахъ. Но скоро битва приняла другой оборотъ, и Францискъ былъ увлеченъ толпою бѣгущихъ. На мосту онъ былъ сброшенъ съ лошади и принужденъ отдать свою шпагу Ланою, который отвелъ его плѣнникомъ въ испанскій лагерь.

[1]) Чтобы видѣть, какъ различно изображается ходъ этой битвы, стоитъ сравнить описаніе ея у Ранке и у Мишеле, Réforme, ch. IX. Я держался болѣе перваго, которое мнѣ кажется гораздо отчетливѣе.

Какая жестокая игра судьбы! Честь побѣды и всѣ ея выгоды достались именно тому изъ двухъ соперниковъ, который наименѣе заслуживалъ того по степени своего личнаго участія въ самомъ дѣйствіи. Въ то время, когда Францискъ мужественно бился на ряду съ простыми ратниками, Карлъ V спокойно оставался у себя въ Испаніи и не слыхалъ даже отдаленнаго гула павійской битвы: а между тѣмъ оружіе Карла торжествовало при Павіи, и онъ могъ на досугѣ готовить у себя въ Мадридѣ тюрьму для своего храбраго соперника! Говорятъ, онъ стоялъ у окна въ своемъ мадридскомъ дворцѣ и разговаривалъ съ приближенными объ опасномъ положеніи своей итальянской арміи, когда прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о блистательномъ пораженіи непріятеля подъ Павіею и о плѣненіи самого Франциска. Эта радостная вѣсть была выше всѣхъ ожиданій императора. Кровь какъ будто остановилась въ его жилахъ, и нѣсколько минутъ онъ не въ состояніи былъ произнести ни одного слова. Наконецъ, онъ могъ только проговорить: „Король Франціи въ моей власти, и мы побѣдители,“ — и удалился въ свои внутреннія комнаты, чтобы тамъ, на полной свободѣ, насладиться своимъ торжествомъ и предаться мысли о своемъ необыкновенномъ величіи.

И вотъ, казалось, Карлъ держалъ уже въ своихъ рукахъ самый жребій войны и могъ окончить ее по своему желанію. Въ самомъ же дѣлѣ Павія завязала новый, почти неразрѣшимый узелъ, который долженъ былъ затянуть борьбу на долгое время. Слѣпое счастіе предало въ руки Карла его храбраго противника. Во всей войнѣ конечно ничего не могло случиться счастливѣе, но тѣмъ не менѣе это была счастливая случайность, — не болѣе. Она могла вызвать побѣдителя развѣ только на особенное великодушіе, но вовсе не уполномочивала его на то, чтобы онъ могъ, вслѣдствіе несчастія своего соперника, еще болѣе возвысить передъ нимъ свои требованія. Только средневѣковому варварству позволительно было торговать свободою Ричарда англійскаго и выкупать ее на вѣсъ золота. Но для христіанскаго государя, который видѣлъ уже зорю новаго образованія и поставилъ одною изъ главныхъ своихъ цѣлей утвердить всеобщій миръ въ христіанствѣ, было бы крайне безчестно, если бы онъ вздумалъ злоупотреблять несвободою своего противника, чтобы извлечь изъ его положенія какъ можно болѣе выгодъ для себя. Да если бы онъ и добился чего посредствомъ принужденія отъ своего узника, какое было для него обезпеченіе, что тотъ, получивъ свободу, захочетъ сдер-

жать въ точности всѣ свои обѣщанія? Какую обязательную силу могъ бы имѣть даже самый контрактъ, если бы онъ заключенъ былъ съ человѣкомъ, лишеннымъ свободы?

Карлъ однако понялъ иначе свои отношенія къ несчастному плѣннику. Онъ поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступилъ бы безжалостный ростовщикъ съ своимъ кабальнымъ должникомъ. Черезъ нѣсколько времени плѣнникъ былъ перевезенъ изъ Италіи въ Испанію. Одна изъ мадридскихъ башенъ послужила ему тюрьмою. Тамъ держали его въ самомъ тѣсномъ заключеніи. Отведенная ему комната положительно имѣла видъ клѣтки: въ ней была одна дверь и одно окно съ желѣзною рѣшеткою. Прямо подъ окномъ былъ глубокій ровъ, и въ немъ помѣщалась многочисленная стража, которая день и ночь наблюдала за плѣнникомъ. Это было конечно невеликодушно; но еще невеликодушнѣе было то, что тюремщикъ нарочно стѣснялъ своего узника, чтобы убить въ немъ всякій духъ, довести его до отчаянія и, ради личной свободы, заставить его забыть самые священные интересы государства. Требованія Карла V превосходили всякую мѣру приличія. Не говоря уже о Миланѣ и Неаполѣ, онъ хотѣлъ еще отъ Франциска уступки Пикардіи, Бургундіи, Прованса; онъ требовалъ отъ него возстановленія Карла Бурбона во всѣхъ его правахъ, онъ наконецъ считалъ справедливымъ поддерживать отъ себя устарѣлыя претензіи своего союзника, Генриха англійскаго на Нормандію, Гасконь и нѣкоторыя другія провинціи. Однимъ словомъ, ему нисколько не было совѣстно требовать отъ своего несчастнаго противника, чтобы онъ совершенно ограбилъ себя въ его пользу.

Нельзя конечно много превозносить и поведеніе Франциска, послѣ того какъ онъ попалъ въ руки своему болѣе счастливому сопернику. Твердаго духа стало въ немъ ненадолго. Еще изъ Италіи онъ писалъ къ Карлу письма, унизительныя для своего достоинства. Находясь въ мадридской тюрьмѣ, онъ изнывалъ отъ скуки одиночества, онъ нетерпѣливо сносилъ лишеніе личной свободы. У него не доставало твердости, чтобы рѣшительно отвергнуть отъ себя самыя безстыдныя требованія. Онъ довольствовался тѣмъ, что на всѣ предложенія давалъ уклончивые отвѣты. Не совсѣмъ справедливы оказывались даже и тѣ слова, которыя Францискъ писалъ къ своей матери послѣ пораженія: „все потеряно кромѣ чести"... Самая честь не оставалась безъ ущерба—если не въ продолженіе битвы, то во время пребыванія короля въ плѣну. Испытаніе показало,

что та рыцарская осанка, которою Францискъ такъ выгодно отличался отъ своихъ современниковъ, находясь на свободѣ, была не настоящая, а заимствованная, или что рыцарскій духъ былъ въ немъ плодомъ искусственнаго воспитанія и не слился въ одно съ его природою. Въ случаѣ крайности онъ готовъ былъ—если не измѣнить истиннымъ интересамъ отечества, то солгать передъ своимъ сильнымъ соперникомъ. По счастію для Франціи, если не для чести ея короля, истинно рыцарскіе обычаи прошли, и новое время приносило свой духъ и свои требованія.

Моральное и физическое принужденіе, въ которомъ Францискъ находился со времени своего плѣна, повергло его въ опасную болѣзнь. Овладѣвшее имъ глубокое уныніе особенно способствовало развитію недуга. Въ этомъ состояніи единственнымъ утѣшеніемъ и вмѣстѣ цѣлительнымъ бальзамомъ для плѣнника было присутствіе въ Мадридѣ сестры его Маргариты. Она прибыла сюда черезъ три мѣсяца послѣ заключенія брата, чтобы сколько возможно облегчить его положеніе и своимъ личнымъ вліяніемъ способствовать успѣху переговоровъ. Ихъ связывало между собою очень нѣжное чувство особеннаго рода, которое нельзя назвать ни дружбою, ни братскою любовію въ строгомъ смыслѣ слова, но въ которомъ было гораздо больше преданности, чѣмъ въ той и другой привязанности, взятыхъ вмѣстѣ. Такое чувство могло родиться только въ переходную эпоху, когда еще не совсѣмъ прошло обаяніе рыцарства, а между тѣмъ возрожденный религіозный энтузіазмъ начиналъ уже неотразимо дѣйствовать на воспріимчивыя души. Частыя свиданія и разговоры съ любимою сестрою, и ея полное нѣжной прелести участіе въ судьбѣ плѣнника подѣйствовали на него весьма благотворно. Онъ окрѣпъ физически, онъ возвратилъ утраченную имъ бодрость духа и опять чувствовалъ въ себѣ силы бороться съ принужденіемъ, которому подвергали въ Мадридѣ его патріотизмъ и государственную совѣсть. Да не подумаютъ только, чтобы въ этой единственной отрадѣ, доставленной узнику во время его заключенія, участвовало сколько-нибудь великодушіе тюремщиковъ. Ихъ расчетъ былъ на то смягчающее вліяніе, которое, какъ они полагали, необходимо должна была оказать нѣжная привязанность женщины на упорство любимаго ею человѣка. Имъ казалось, что силою этой привязанности, дѣйствіемъ женскихъ слезъ скорѣе можно будетъ побѣдить его сопротивленіе. Сверхъ

того были не менѣе коварные расчеты на женскую откровенность, на возможность выманить у посредницы многія тайны и лучше выяснить себѣ черезъ нее положеніе дѣлъ во Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, мадридскимъ хитрецамъ удалось многое вывѣдать у Маргариты. Они успѣли также ввести ее въ свои виды относительно тѣхъ брачныхъ союзовъ, которыми предполагалось еще болѣе закрѣпить будущую кабалу царственнаго плѣнника—даже послѣ его освобожденія. Они ошиблись только въ томъ, что Маргарита своимъ нѣжнымъ участіемъ облегчитъ для совѣсти своего брата трудное дѣло измѣны величайшимъ государственнымъ интересамъ своего отечества. Напротивъ, своимъ присутствіемъ и вліяніемъ она внушила ему гораздо болѣе героизма, нежели сколько онъ способенъ былъ вмѣстить по своей природѣ. Говорятъ, что уѣзжая изъ Мадрида, Маргарита увезла съ собою актъ отреченія своего брата отъ престола, на случай, если бы его тюремщики хотѣли до конца настаивать на своихъ требованіяхъ. Она уже приближалась къ предѣламъ Франціи, когда настигло ее письмо брата, который начиналъ безпокоиться, чтобы у нея не отняли подписаннаго имъ документа, и просилъ ее ускорить свой выѣздъ изъ Испаніи.

Опасность была для Франциска не въ свиданіи съ сестрою, а въ разлукѣ съ нею послѣ долгаго пребыванія вмѣстѣ. Ни тотъ, ни другой изъ нихъ не могъ выдержать этого новаго испытанія какъ слѣдуетъ. Такова сила глубокой привязанности, какимъ бы именемъ мы ни назвали ее: ничто такъ не страшно ей, какъ разлученіе. Еще съ дороги (изъ Сарагоссы), Маргарита писала къ недавно-покинутому ею брату, чтобы онъ старался пріѣхать во Францію, то-есть освободиться изъ плѣна, *во что бы то ни стало.* На Франциска отсутствіе сестры производило еще болѣе ощутительное дѣйствіе. Оно потерялъ въ ней послѣднюю нравственную опору. Онъ опять ослабѣлъ физически. Между тѣмъ принужденіе со стороны тюремщиковъ продолжалось въ прежней его силѣ. На всемъ политическомъ горизонтѣ, сколько его видно было плѣннику изъ единственнаго окна его мадридской тюрьмы, не замѣчалось ни одной свѣтлой точки, которая бы манила его хотя слабою надеждою. Отвсюду слышались голоса искренняго сожалѣнія, но никто не готовился подать руку помощи несчастному заключеннику. Даже Франція, страдая за него внутренно, однако оставалась почти неподвижною. Такимъ образомъ Францискъ

приведенъ былъ къ необходимости подписать свое безчестіе въ Мадридскомъ договорѣ 1526 года [1]).

Карлъ V не могъ пожелать для себя болѣе выгодныхъ условій. По Мадридскому договору Францискъ отказывался отъ своихъ притязаній на Италію, передавалъ своему противнику верховныя права на Фландрію и Артуа, уступилъ ему даже Бургундію, и для скрѣпленія будущаго союза съ недавнимъ своимъ врагомъ, соглашался вступить въ бракъ съ сестрою его, вдовствующею королевою португальскою. Можно ли было повести далѣе неделикатность требованій и успѣть въ нихъ еще болѣе? Итакъ Карлъ V не ошибся въ своемъ расчетѣ, начиная войну съ Францискомъ прежде исполненія другихъ своихъ плановъ? Мадридскій договоръ развязалъ ему руки, и, казалось, ничто болѣе не мѣшало ему теперь приступить къ осуществленію задушевной своей мысли, которую онъ поставилъ главною задачею своего царствованія. Что въ этомъ отношеніи особенно дорого цѣнилъ онъ выгоды заключеннаго имъ мира съ Францискомъ, видно изъ письма его къ Маргаритѣ нидерландской, писаннаго по случаю Мадридскаго договора. Сказавши, что при заключеніи мира онъ руководился главнымъ образомъ желаніемъ водворить спокойствіе въ христіанскомъ обществѣ, Карлъ обращается вслѣдъ за тѣмъ къ своимъ планамъ на будущее. „Я надѣюсь“—говоритъ онъ—„что это начало послужитъ добрымъ примѣромъ для папы и всѣхъ христіанскихъ государей, и что идя этимъ путемъ, мы возможемъ совершить наше предпріятіе противъ турокъ, истребить ереси, которыя Богъ за наши грѣхи попускаетъ между христіанами, и наконецъ водворить между ними совершенный миръ и утвердить правду—дѣла̀, на которыя я особенно желалъ бы употребить мои силы, чтобы исполнить возложенныя на меня Богомъ обязанности“ [2]).

Итакъ Карлъ не сомнѣвался, что Мадридскій договоръ подвинулъ его еще ближе къ главной цѣли всѣхъ его стре-

[1]) Главнымъ источникомъ для исторіи этихъ въ высшей степени интересныхъ отношеній служатъ письма Маргариты. Мы пользовались для нашего краткаго обзора изложеніемъ Мишеле, которому этотъ предметъ доставилъ нѣсколько превосходныхъ главъ въ сочиненіи его о Реформѣ, См. Réforme, главы: VIII, XII, XIII.—[2]) Lanz, Correspondenz, I, p. 191. Cp. Ranke, II, p. 347—348. Эти пункты введены были и въ самый трактатъ, и вслѣдъ за тѣмъ, отъ имени обѣихъ договаривающихся сторонъ, послѣдовалъ вызовъ къ папѣ содѣйствовать имъ въ ихъ намѣреніяхъ.

мленій. На самомъ же дѣлѣ онъ еще крѣпче стянулъ узелъ вражды, котораго, пока соперники были на лицо, не разрубить было никакимъ оружіемъ. Кто возьмется утверждать, что Карлъ въ отношеніи къ своему менѣе счастливому противнику былъ великодушнѣе, чѣмъ Тамерланъ къ Баязету? Этого ли рода поведеніе могло поддержать въ побѣжденномъ его рыцарскій образъ мыслей и внушить ему уваженіе къ святости договоровъ? Не должно ли было оно скорѣе стереть съ него и ту печать благородства, которая была наложена и держалась въ немъ воспитаніемъ? Горькій опытъ жизни показалъ Франциску тщету благородныхъ помысловъ, поколебалъ его вѣру въ людей. Уже павійская катастрофа сама по себѣ нанесла сильный ударъ его благонамѣренности. Говорятъ, будто на другой же день своего плѣна, воспользовавшись позволеніемъ отправить отъ себя гонца къ матери, король вручилъ ему свое кольцо съ тѣмъ, чтобы оно было передано султану. Это кольцо носило въ себѣ зародышъ будущаго французско-турецкаго союза, направленнаго противъ Римско-Германской имперіи. Пребываніе въ Мадридѣ затронуло еще болѣе чувствительныя струны въ душѣ плѣнника. Со дна души его поднялись темныя силы, которыя молчали до сего времени. Онъ, повидимому, соглашался на все, но въ сердцѣ его гнѣздилась мысль объ отмщеніи. Лишенный возможности дѣйствовать открытою силою, онъ предоставлялъ себѣ право бороться съ своимъ недобросовѣстнымъ противникомъ другими средствами—лукавствомъ, хитростію, просто обманомъ. Въ то время, какъ онъ скрѣплялъ своею подписью трактатъ съ императоромъ, у него уже была подписана тайная протестація противъ того же самаго акта. Карлъ, правда, изобрѣлъ отличное средство, чтобы обезпечить себѣ ненарушимость договора: онъ не просто выпустилъ своего плѣнника на свободу, а такъ сказать вымѣнялъ его на двухъ малолѣтнихъ его сыновей, которыхъ имѣлъ право держать у себя до тѣхъ поръ, пока договоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе. То-есть онъ не довольствовался тѣмъ, что обиралъ Францію въ настоящемъ: въ лицѣ двухъ молодыхъ принцевъ онъ нѣкоторымъ образомъ забиралъ въ свои руки самую ея будущность. И въ самомъ дѣлѣ, долговременный плѣнъ въ Испаніи, которымъ они искупили свободу своего отца, положилъ на нихъ свою тяжелую печать: она особенно видна на темной фигурѣ Генриха II, которому суждено было пережить своего брата и на своемъ умѣ сохранить навсегда слѣдъ тюремной тѣсноты, задержавшей его

развитіе. Францискъ согласился даже купить свою свободу этою столько дорогою для него цѣною; но кто не видитъ, что это было не пожертвованіе, а вынужденная уступка злой необходимости, и что она способна была раздуть въ немъ прежнюю вражду въ непримиримую ненависть къ притѣснителю?

Неудивительно поэтому, что Францискъ вступилъ на родную землю съ мыслію о мщеніи. Въ лицѣ его почти не менѣе чувствовала себя оскорбленною вся Франція. Наконецъ Италія, приведенная въ безпокойство успѣхами испанской политики, все больше и больше склонялась на сторону ея противниковъ. Она не безъ причины начинала опасаться для себя одной участи съ Испаніею и старалась собрать свои разрозненныя силы въ одну политическую лигу. Разныя обстоятельства способствовали этому новому повороту внутренней итальянской политики. Адріанъ VI недолго занималъ папскій престолъ. Заступившій его мѣсто флорентинецъ Климентъ VII принадлежалъ къ итальянской школѣ политиковъ. Менѣе всего думалъ онъ руководиться симпатіями къ тому или другому лицу. Его постояннымъ правиломъ было не допускать перевѣса ни одной изъ враждующихъ сторонъ въ Италіи. Успѣхи имперскаго оружія на полуостровѣ все болѣе и болѣе располагали Климента къ союзу съ Франціею. Его вліяніемъ Флоренціи было указано то же самое направленіе. Мало-по-малу Италія снова приходила къ сознанію своего національнаго значенія. Въ Миланѣ составленъ былъ даже планъ возстановленія итальянской независимости. Правда, что это обстоятельство послужило императорскому намѣстнику только поводомъ занять своими войсками всѣ крѣпкія мѣста въ герцогствѣ, объявить герцога виновнымъ въ измѣнѣ и осадить его въ миланскомъ замкѣ. Но подобныя насильственныя дѣйствія, явно клонившіяся къ уничтоженію самостоятельности Миланскаго герцогства, только увеличивали число недовольныхъ въ Ломбардіи. Не нужно говорить, что герцогъ, осажденный Пескарою въ своемъ замкѣ, былъ естественный союзникъ всякаго, кто рѣшился бы поднять руку противъ императора за итальянскія владѣнія. Піемонтъ также начиналъ тяготиться его преобладаніемъ. Венеціанцы прямо взяли на себя роль посредниковъ между папою и французскимъ королемъ. Климентъ VII не усомнился разрѣшить Франциска отъ клятвы, которая обязывала его къ исполненію договора, и ободрялъ его искать для себя съ оружіемъ въ рукахъ болѣе выгодныхъ условій.

Все еще находясь подъ впечатлѣніемъ своего пребыванія въ Мадридѣ, король недолго колебался. Съ небольшимъ черезъ два мѣсяца по возвращеніи своемъ во Францію онъ заключилъ (въ Коньякѣ) съ итальянцами союзъ противъ императора. Для себя лично Францискъ выигрывалъ немного, ибо въ трактатѣ прямо была выговорена независимость Италіи, но въ этотъ разъ онъ готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ правъ на нее, лишь бы имѣть въ своихъ рукахъ вѣрное средство отомстить своему гордому сопернику. Генрихъ VIII англійскій не принялъ прямого участія въ лигѣ; но онъ не могъ простить Карлу, что тотъ не хотѣлъ поддержать его мнимыхъ правъ на французскую корону, и въ свою очередь также платилъ ему холодностію. Въ открывавшейся вновь войнѣ съ Франціею и ея итальянскими союзниками, которая была слѣдствіемъ Мадридскаго договора, императоръ оставался вовсе безъ союзниковъ.

Не надобно было имѣть много проницательности, чтобы догадаться, гдѣ на этотъ разъ должна была разразиться военная гроза. Тучи шли со всѣхъ сторонъ на Италію: она неминуемо подвергалась и самымъ сильнымъ ударамъ. Но никакіе вѣроятные расчеты не могли показать заранѣе, на чью сторону выпадутъ жребіи войны, или кому именно достанется быть очистительною ея жертвою. Будущее скрывало въ своихъ нѣдрахъ одну непроницаемую тайну для человѣческой дальновидности. Оно готовило самый сильный ударъ тому, кто считалъ себя болѣе другихъ безопаснымъ отъ него, и притомъ съ той стороны, откуда можно было ожидать его всего менѣе...

Въ военныхъ событіяхъ, которыми война открылась въ Италіи, весьма быстро произошелъ неожиданный поворотъ. Первое время, когда лига начала свои дѣйствія, имперцы находились въ довольно-стѣсненномъ положеніи. Пескара умеръ во время осады миланскаго замка. Это, правда, не помѣшало осаждающимъ утвердиться въ немъ черезъ нѣсколько времени; но за то союзники овладѣли Лоди и Кремоною; скоро къ нимъ пришли значительныя подкрѣпленія изъ Швейцаріи, а вслѣдъ за ними и французскіе передовые отряды вступили въ предѣлы Италіи. Въ сентябрѣ 1526 года почти вся Ломбардія, за исключеніемъ Милана и еще нѣкоторыхъ пунктовъ, была уже во власти союзниковъ. Въ войскѣ ихъ находились между прочимъ и папскіе вспомогательные отряды. Другое войско, посланное также изъ Рима, угрожало сверхъ того неаполитанскимъ предѣламъ. Карлъ Бурбонъ, хотя находился уже въ

Италіи, однако ничего еще не въ состояніи былъ предпринять противъ превозмогавшихъ его силами союзниковъ. Императоръ, остававшійся все это время въ Испаніи, не могъ помочь ему ни войсками, ни деньгами. Въ крайности Карлъ опять обратился къ брату Фердинанду и уполномочилъ его употребить всѣ возможныя средства въ Германіи, чтобы дѣйствовать оттуда для поддержанія падающаго императорскаго авторитета на полуостровѣ. Это значило еще разъ призвать къ участію въ военныхъ событіяхъ тѣ вольныя нѣмецкія дружины, которыя извѣстны были подъ именемъ ланскнехтовъ, и на которыхъ главнымъ образомъ лежала тяжесть войны, предшествовавшей Мадридскому договору. Фердинандъ принялъ данное ему порученіе горячо къ сердцу, ибо дѣло шло объ интересахъ цѣлаго дома. Настояла крайняя нужда въ людяхъ и деньгахъ: несмотря на оскудѣніе своей казны онъ въ короткое время умѣлъ пособить и той и другой нуждѣ. За людьми онъ обратился къ опытности и усердію Фрундсберга: тотъ отвѣчалъ ему полною готовностію содѣйствовать его желаніямъ и немедленно приступилъ къ набору ополченія. Потребности въ деньгахъ Фердинандъ умѣлъ удовлетворить другимъ способомъ: онъ уполномочилъ своихъ агентовъ отдавать подъ залогъ не только зáмки, но даже города и цѣлыя области. Фрундсбергъ объявилъ съ своей стороны, что онъ готовъ для той же самой цѣли заложить драгоцѣнныя вещи своей жены. Эти чрезвычайныя мѣры доставили средства, чтобы покрыть по крайней мѣрѣ первыя издержки вербовки. Барабанъ вдругъ забилъ во многихъ мѣстахъ южной Германіи, и охотники вездѣ начали стекаться густыми толпами, наперерывъ предлагая свои услуги. Уже въ ноябрѣ готово было ополченіе въ 11,000 человѣкъ; къ нему вскорѣ присоединился еще четырехъ-тысячный отрядъ храбрецовъ, которые взялись нести ту же самую службу безъ всякаго возмездія. Въ концѣ того же мѣсяца Фрундсбергъ повелъ своихъ новобранцевъ въ Италію. Число ихъ конечно было не очень велико, но они составляли крѣпкую однородную массу. Мы называемъ ихъ новобранцами, но между ними едва ли было много такихъ, которые бы не стояли уже прежде подъ тѣмъ же знаменемъ и не совершили нѣсколько походовъ въ Италію. Соединившись съ имперскою арміею, которая оставалась въ Ломбардіи, эти полки не только увеличивали ея численную силу, но—чтó гораздо важнѣе—возвращали ей довѣріе къ самой себѣ и тѣмъ прибавляли ей много энергіи.

Въ исполненіи этой мѣры не все впрочемъ зависѣло отъ одной доброй воли Фердинанда. Съ нею совпало еще одно стремленіе особеннаго рода, державшееся въ то время въ самомъ народѣ. Недаромъ же нашлось такъ много охотниковъ, которые изъявили готовность итти въ Италію даже безъ всякаго вознагражденія. Умы въ Германіи находились тогда далеко не въ обыкновенномъ состояніи: глубокій токъ реформаціи прошелъ уже почти по всей нѣмецкой землѣ, увлекая за собою бо́льшую часть ея народонаселенія. Сердца все больше и больше разгарались ненавистію къ Риму. Въ то время, какъ одни мирно сооружали новое зданіе протестантизма, другіе распалялись враждою къ старому порядку, котораго Римъ былъ главнымъ представителемъ, и прежде всего хотѣли удовлетворить инстинктамъ разрушенія. Какъ бываетъ всегда во время великихъ переворотовъ, темныя силы, злыя страсти также поднялись со дна общества и стремились опередить своимъ буйнымъ разливомъ успѣхи разумнаго движенія. Опасно было открывать выходъ такимъ стремленіямъ, особенно направлять ихъ на Италію. Карлъ V понималъ это, однако нисколько не думалъ стѣсняться подобными опасеніями. Напротивъ, это состояніе умовъ въ Германіи прямо входило въ его расчеты, и онъ готовъ былъ даже льстить протестантскимъ страстямъ, чтобы имѣть въ нихъ способное орудіе для своихъ цѣлей въ Италіи. Поддавшись чувству вражды своей противъ папы, который открыто принялъ сторону его непріятелей, онъ выражался о немъ почти языкомъ послѣдователей Лютера. Онъ не усомнился сказать даже въ своемъ манифестѣ, что поведеніе папы противно ученію евангельскому [1]). Не то ли же самое говорили протестанты, обличая разныя злоупотребленія папской власти? Итакъ неудивительно, что вызовъ, сдѣланный отъ имени императора къ извѣстной части нѣмецкаго народонаселенія, встрѣченъ былъ съ его стороны большимъ сочувствіемъ, и что ряды ополченія, которое назначалось для похода въ Италію, наполнялись скорѣе, чѣмъ можно было ожидать при крайней бѣдности денежныхъ средствъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто же не видитъ, что Италіи на этотъ разъ угрожало не простое ополченіе ландскнехтовъ, и что ряды, быстро спускавшіеся съ Альповъ въ равнину Ломбардіи, увлекаемы были впередъ не одною жаждою пріобрѣтенія, но и другими, еще болѣе опасными стремленіями?

[1]) См. Ранке, II, р. 337.

Еще можно было бы предотвратить бѣду, если бы у союзниковъ достало рѣшимости дѣйствовать наступательно и не допустить Фрундсберга до соединенія съ Карломъ Бурбономъ, который теперь безъ раздѣла командовалъ имперскимъ войскомъ въ Италіи. Но благопріятная минута опять была пропущена союзниками. Начальствовавшій ими герцогъ урбинскій всего менѣе отличался смѣлостію нападенія. Онъ довольствовался только тѣмъ, что, во время движенія Фрундсберга, тѣснилъ его съ фланга, но не хотѣлъ принять на себя отвѣтственности за битву. Нѣмецкое ополченіе, которому не доставало артиллеріи, также не имѣло причины желать и искать открытаго боя. Слѣдствіемъ было то, что ландскнехты, постоянно подвигаясь впередъ, достигли до рѣки По и близъ Піаченцы переправились на южную ея сторону. Ихъ не преслѣдовали. Черезъ нѣсколько времени Бурбонъ также нашелъ возможнымъ, оставивъ небольшой отрядъ въ Миланѣ, выступить въ томъ же направленіи. Въ февралѣ 1527 года послѣдовало соединеніе его съ Фрундсбергомъ близъ Фиренцуолы.

Такимъ образомъ лавина, скатившаяся съ альпійскихъ высотъ и быстрымъ движеніемъ перебросившаяся черезъ рѣку По, вдругъ получила весьма важное приращеніе. Пройдя насквозь Ломбардію, мимо войска союзниковъ, она уже миновала въ немъ свою ближайшую цѣль, и силою своего движенія увлекаема была все дальше и дальше впередъ. Чѣмъ больше уходила она отъ Милана, тѣмъ больше выяснялась передъ нею новая цѣль — Римъ. Чѣмъ дальше отъ рѣки По на югъ, тѣмъ чувствительнѣе ослабѣвала власть, доселѣ управлявшая движеніемъ лавины. Никто еще не говорилъ о Римѣ, о собранныхъ въ немъ вѣками несмѣтныхъ сокровищахъ, но они были у всѣхъ на мысли, и всѣхъ тянуло къ нему однимъ непреодолимымъ влеченіемъ. Ни Бурбонъ, ни Фрундсбергъ не были такъ настроены, чтобы рѣшительно воспротивиться подобному стремленію. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои причины неудовольствія противъ Рима. Герцогъ феррарскій, единственный ихъ союзникъ въ Италіи, по чувству своей личной вражды къ папѣ, также не могъ подать имъ лучшаго совѣта, какъ неуклонно слѣдовать по дорогѣ къ Риму. Сама судьба, казалось, направляла ихъ по этому роковому пути. Черезъ десять дней по соединеніи съ испанцами, лавина опять тронулась изъ Фиренцуолы. Еще слово „Римъ" не было произнесено вождями ополченія, какъ нетерпѣливое его желаніе поскорѣе наложить руку на сокровища великаго города выразилось въ

лагерѣ буйнымъ требованіемъ денегъ. Испанцы, нѣсколько мѣсяцевъ не получавшіе жалованья, первые подняли крики; за ними послѣдовали ландскнехты. Удовлетворить требованію можно было развѣ только обѣщаніемъ грабежа. Но прежде чѣмъ вожди могли рѣшиться на что-нибудь, палатка Бурбона была разграблена, и онъ самъ долженъ былъ укрываться отъ буйства солдатъ. Съ Фрундсбергомъ сталось гораздо хуже. Онъ не вынесъ внутренней бури, которая поднялась въ немъ при видѣ необузданнаго своеволія, овладѣвшаго его дружинами. Негодованіе до такой степени взволновало его кровь, что онъ замертво упалъ на мѣстѣ. При видѣ своего бездыханнаго вождя мятежныя головы тотчасъ возвратились къ порядку. Бунтъ стихъ; лагерь успокоился. Но Карлъ Бурбонъ, который снова сталъ во главѣ всего ополченія, не могъ думать болѣе о томъ, чтобы заправлять по своей волѣ его дальнѣйшими движеніями. Плотина была прорвана: одинъ изъ вождей былъ поглощенъ волнами, а другой больше не могъ противиться всеувлекающему потоку, и самъ волею или неволею долженъ былъ слѣдовать его теченію.

Единственное обстоятельство, которое, повидимому, могло бы, если не остановить, то по крайней мѣрѣ измѣнить ходъ этой страшной лавины, лишь способствовало дальнѣйшему ея движенію въ принятомъ направленіи. Герцогъ урбинскій также перевелъ свое войско черезъ По и слѣдовалъ издали за имперскимъ ополченіемъ, но не отваживался произвести на него нападенія. Угрожаемые съ тылу, имперцы тѣмъ больше уходили отъ преслѣдованія, чѣмъ дальше подвигались впередъ. Передъ ними не было никакого войска; города, которые лежали у нихъ на пути, большею частію приведены были въ оборонительное положеніе и тотчасъ же затворялись, при первомъ ихъ появленіи. Невозможно было думать объ осадѣ каждаго изъ этихъ мѣстъ, когда главная цѣль была еще далеко впереди, а непріятельская армія шла почти по пятамъ. Волею или неволею, наступающимъ оставалось только слѣдовать неуклонно по открытой передъ ними римской дорогѣ. Если же чѣмъ замедлялось ихъ движеніе, такъ это были различныя естественныя препятствія — дождливая погода, разливы рѣкъ и трудные переходы въ горахъ. Впрочемъ непріятель нигдѣ не показывался въ открытомъ полѣ, и имперскіе полки могли переноситься съ мѣста на мѣсто, почти безъ всякой потери въ людяхъ.

Такъ протекло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время Карлъ Бурбонъ перебрался черезъ Апеннины, прошелъ грозою мимо Флоренціи и Ареццо, и вышедши изъ Тосканы, вступилъ въ предѣлы старой наслѣдственной области римскаго престола. Движеніе имперскаго войска не было тайною ни для папы, ни для императора; но, по странному ослѣпленію, ни въ одномъ изъ нихъ не возбуждало никакихъ особенныхъ опасеній. Климентъ VII считалъ себя довольно безопаснымъ за стѣною своего города, котораго оборона ввѣрена была Ренцо да-Чери, извѣстному защитнику Марсели. Къ тому же онъ могъ обольщать себя переговорами о перемиріи, которые въ то время, не безъ вѣдома императора, происходили у него съ неаполитанскимъ намѣстникомъ. Между тѣмъ Карлъ V, оставаясь у себя въ Испаніи, неусыпно слѣдилъ оттуда за движеніемъ своихъ полковъ по направленію къ югу, зналъ настоящую цѣль ихъ стремленія и не только не думалъ ихъ останавливать, но и самъ начиналъ видимо увлекаться ихъ нетерпѣніемъ. „Я вижу, что вы идете къ Риму“ — писалъ онъ къ Карлу Бурбону, но такъ ясно сознавая цѣль его похода, не подумалъ впрочемъ ни однимъ словомъ выразить своего неодобренія. Ему казалось, что, угрожая Риму, можно будетъ всего вѣрнѣе достигнуть выгоднаго мира; онъ надѣялся такимъ образомъ предписать его папѣ на всей своей волѣ, и не предчувствуя никакого зла, съ удовольствіемъ видѣлъ приближеніе своихъ войскъ къ папской резиденціи... [1]).

5 мая 1527 года имперскія знамена показались на высотахъ Монте-Маріо. Вечеромъ того же дня Карлъ Бурбонъ стоялъ уже передъ Ватиканомъ, а въ Римѣ никто еще не предчувствовалъ, чѣмъ можетъ разрѣшиться повисшая надъ нимъ гроза. Ни съ той, ни съ другой стороны не было ни предложеній, ни попытки уладить дѣло переговорами. Непріятельскій полководецъ, поставленный между городомъ, который наводилъ на него свои пушки, и войскомъ союзниковъ, слѣдовавшимъ за нимъ по пятамъ, не имѣлъ никакой свободы выбора. Онъ тотчасъ же велѣлъ своимъ готовиться къ штурму городскихъ стѣнъ. Лишь необходимость запастись штурмовыми лѣстницами заставила его отложить приступъ до другого утра. Но едва только наступило оно, какъ Бурбонъ повелъ свои войска къ позиціи. Впереди шли испанцы, за ними въ небольшомъ разстояніи слѣдовали ландскнехты. Два обстоятельства

[1]) См. Ranke, II, p. 390—391.

особенно способствовали къ тому, чтобы дать дѣлу неожиданный оборотъ и ускорить его развязку. Во-первыхъ, сопротивленіе гарнизона, сверхъ всеобщаго ожиданія, оказалось очень слабо. Во-вторыхъ, несмотря на слабое дѣйствіе крѣпостной артиллеріи, однимъ изъ первыхъ ея выстрѣловъ непріятельскій предводитель былъ повергнутъ почти мертвымъ на землю. „Покройте меня“—успѣлъ онъ только проговорить окружающимъ его, чтобы штурмующія колонны не замѣтили его паденія, и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Первое обстоятельство до того облегчило имперцамъ побѣду, что они ворвались въ самый городъ и завладѣли многими орудіями, прежде чѣмъ папа извѣщенъ былъ о начавшемся штурмѣ: онъ едва имѣлъ время убраться по добру по здорову въ крѣпость св. Ангела. Скорая смерть непріятельскаго вождя также обратилась не въ пользу римлянъ. Имперское войско лишилось въ немъ послѣдней укрощающей силы, которая сколько-нибудь сдерживала еще буйные его порывы. Притомъ же паденіе Бурбона не могло долго оставаться тайною и только прибавило раздраженіе тѣмъ, которыхъ онъ велъ на приступъ. Герцогъ Филибертъ Оранскій принялъ послѣ него команду, но авторитетъ его былъ слишкомъ незначителенъ и не могъ удерживать войско въ предѣлахъ дисциплины. Въ нѣсколько часовъ весь городъ былъ въ рукахъ имперцевъ. Въ рядахъ ихъ скоро исчезъ всякій духъ порядка и подчиненія. Никто не слушалъ словъ команды; инстинкты своеволія взяли верхъ надъ всѣми другими побужденіями. Наступившая ночь дала полный просторъ необузданнымъ страстямъ. Грабежъ и буйство воцарились на улицахъ Рима. Никакое лицо и никакое мѣсто не было свято передъ дикимъ изступленіемъ солдатскаго своеволія. Оно вторгалось въ дома гражданъ, оно врывалось во дворцы и базилики, и подвергало ихъ безпощадному разграбленію. Святотатственная рука не обошла даже главной римской святыни, гроба св. Петра, гдѣ также произведены были поиски. Вѣками скопленныя сокровища Рима, частныя и общественныя, въ короткое время перешли въ руки его безпощадныхъ грабителей. Ненависть, воспитанная римскимъ фанатизмомъ въ Германіи и не уложившаяся еще въ мирныя формы реформаціи, пришла взять съ него свою страшную дань. Но католическіе воины Испаніи свирѣпствовали не менѣе нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Отъ грабежа и насилія не ушли даже тѣ, которые извѣстны были своимъ гибеллинскимъ образомъ мыслей. Говорятъ, что 8,000 человѣческихъ жизней погибло почти въ глазахъ папы, который смотрѣлъ на убій-

ства изъ своего заключенія и ничего не могъ сдѣлать, чтобы остановить это страшное кровопролитіе. Буйство кончилось сатурналіей. Одѣвшись въ кардинальскія платья, нѣсколько пьяныхъ наемниковъ ѣздили по городу въ сопровожденіи драбантовъ. На одномъ изъ участвовавшихъ въ этой шутовской процессіи была папская тіара. Поравнявшись съ замкомъ св. Ангела, мнимый папа остановился и началъ благославлять своихъ спутниковъ. Со стѣнъ крѣпости Климентъ VII могъ видѣть пародію своей власти. Немногимъ изъ его предшественниковъ досталась такая тяжелая участь: въ одно и то же время онъ былъ свидѣтелемъ, какъ была разграблена его резиденція, и опозорено самое папство.

Событіе скоро разгласилось по всему западному міру и поразило всѣхъ какъ громомъ. Названіе, данное ему на мѣстѣ, съ тѣхъ поръ навсегда осталось за нимъ въ исторіи: sacco di Roma, разграбленіе Рима. Нельзя сказать, чтобы не было вовсе другихъ, параллельныхъ ему событій, но къ сожалѣнію, этихъ событій надобно искать между такими страшными катастрофами, которыя еще болѣе пугаютъ своими именами: Сицилійская вечерня, Варѳоломеевская ночь, избіеніе протестантовъ въ Ирландіи и т. п. По счастію, такихъ событій немного въ исторіи человѣчества, и они составляютъ въ ней особенную категорію роковыхъ дѣлъ, которыхъ черная память не смывается даже вѣками.

Этотъ разграбленный Римъ былъ ли какой варварскій, или по крайней мѣрѣ мусульманскій городъ, котораго существованіе было несовмѣстимо съ благосостояніемъ сосѣднихъ народовъ? Нѣтъ, это былъ христіанскій городъ, сердце католическаго міра, резиденція его главы. Такъ можетъ-быть онъ подвергся внезапному нападенію варваровъ, и расхищеніе его произведено руками враговъ христіанства? Нисколько: то были ополченія другого главы западнаго христіанскаго міра, оффиціальнаго защитника римскаго престола и главнаго покровителя его интересовъ. Знамя римско-германскаго императора развивалось на стѣнахъ Рима, когда происходило безпримѣрное его разграбленіе. Кажется, резиденція самого главы мусульманскаго міра, взятаго войсками императора, не испытала бы отъ нихъ того, что потерпѣла резиденція папы отъ ихъ же неожиданнаго нашествія!

Какую же выгоду доставляло sacco di Roma тому, кто былъ хотя отдаленнымъ, но главнымъ виновникомъ этого несчастнаго событія? Не говоримъ о мѣстной добычѣ, которая вся

досталась самимъ хищникамъ: какую прибыль извлекъ Карлъ V изъ того, что Римъ былъ разграбленъ и находился въ его рукахъ? Едва ли что-нибудь болѣе, кромѣ того что Римъ дѣйствительно былъ временно въ его власти. Онъ могъ предписать папѣ, заключенному въ крѣпости св. Ангела, выгодный для себя миръ, но вовсе не пріобрѣталъ въ немъ себѣ надежнаго союзника. Война оттого не прекращалась, что Римъ былъ занятъ войсками императора, и рано или поздно надобно было его очистить. На сторонѣ же произведено было сильное раздраженіе противъ виновника римскаго грабежа, которое не могло скоро изгладиться. Оно было причиною, что Генрихъ VIII, оставляя своего прежняго союзника, рѣшительнѣе началъ склоняться на сторону его противника. Кардиналъ Вольси нарочно прибылъ изъ Англіи во Францію, чтобы условиться съ Францискомъ насчетъ будущихъ дѣйствій противъ императора. Пользуясь паническимъ страхомъ, который взятіе Рима произвело на всю Италію, Францискъ успѣлъ заключить вновь союзъ съ Сфорцею и венеціанцами. Послѣдніе мало-по-малу увлекали за собою и флорентинцевъ. Въ то время, какъ войска Карла V занимали города союзниковъ, сердца итальянцевъ все больше и больше обращались противъ него. Къ войнѣ, которую императоръ велъ до сихъ поръ противъ французскаго короля оружіемъ, присоединилась еще не менѣе задорная война на бумагѣ. Болѣзненное раздраженіе не прекращалось во Францискѣ съ той самой минуты, какъ онъ долженъ былъ для своей личной свободы пожертвовать свободою своихъ сыновей. Событія въ Римѣ дали ему новый справедливый поводъ къ жалобамъ. Онъ, естественно, вмѣнялъ императору всѣ бѣдствія, отъ которыхъ въ послѣдніе годы такъ много потерпѣли христіанскія страны Европы, Италія въ особенности. Оскорбленный этимъ укоромъ, Карлъ въ свою очередь старался взвалить всю вину на главу своего соперника. Сообщившееся ему раздраженіе было такъ велико, что заставило даже утверждать, въ отпоръ обвиненію Франциска, что будто онъ-то и былъ виноватъ во взятіи Рима и плѣненіи папы, ибо онъ своими притязаніями на Миланъ зажегъ снова войну въ Италіи... [1]).

При этомъ со дня на день возраставшемъ раздраженіи соперниковъ можно ли еще было думать о прекращеніи войны и возстановленіи мира? Не должна ли была, напротивъ, каждая сторона подумать о новыхъ усиліяхъ, чтобы обезпечить

[1]) Gaillard, II, p. 586.

свои старыя права и поддержать свои притязанія? Взятіе Рима и плѣнъ папы, вмѣсто того чтобы сколько-нибудь помочь развязать, затянулъ узелъ вражды еще болѣе. Если Карлъ V втайнѣ и радовался событію, то не могъ онъ не безпокоиться за его послѣдствія, не могъ не понять особенно того перелома, который римская катастрофа неминуемо должна была повлечь за собою въ его собственной политикѣ. Тотъ, кто держалъ въ своихъ рукахъ плѣнникомъ папу, и чьи войска свирѣпствовали въ его резиденціи хуже, чѣмъ въ завоеванномъ мусульманскомъ городѣ, могъ ли еще сохранить твердую вѣру въ свое призваніе быть главою всего христіанскаго міра и обратить соединенныя его силы противъ мусульманъ? Или какое еще возможно было впереди дружно-согласное дѣйствіе между императоромъ и папою противъ общаго врага, когда разграбленіе Рима положило сѣмя неизгладимой вражды между ними самими? По несчастію, между напечатанными письмами Карла V не сохранилось ни одного, въ которомъ бы онъ выражалъ свои чувствованія по поводу взятія Рима; но можно почти не сомнѣваться, что съ того времени многіе его постоянные и дотолѣ твердые замыслы сильно поколебались въ его собственныхъ убѣжденіяхъ.

Два года еще послѣ того продлилась война, распаленная вновь событіями въ Италіи. О томъ, какъ велико было произведенное ими раздраженіе, можно судить уже по тому обстоятельству, что Франпискъ I счелъ за нужное сдѣлать въ непродолжительномъ времени новое объявленіе войны своему противнику, какъ будто до сего времени они находились въ мирѣ между собою! Однако средства соперниковъ, истощенныя предшествующими усиліями, мало соотвѣтствовали ихъ нескрытому желанію какъ можно болѣе вредить другъ другу. Театромъ войны попрежнему осталась Италія. Францискъ напрягалъ свои силы, чтобы въ союзѣ съ папою не только снова утвердиться въ сѣверной части полуострова, но и завладѣть Неаполемъ; предупреждая своего противника, Карлъ V съ своей стороны поспѣшилъ отпустить папу изъ плѣна и старался оторвать Флоренцію отъ союза съ враждебною ему лигою, для чего предпринялъ возстановленіе въ ней Медичисовъ. Французская армія, подъ начальствомъ Лотрека, проникла до самаго Неаполя и уже приступила къ осадѣ его; но искусныя дѣйствія на морѣ генуэзца Андрея Доріи, который перешелъ на сторону императора, и заразительныя болѣзни, открывшіяся въ лагерѣ осаждающихъ, были причиною, что предпріятія

ихъ не имѣли никакого успѣха. Бо́льшая часть войскъ погибла во время болѣзней, а остальная была истреблена во время отступленія. Тогда французамъ пришлось ограничить свои дѣйствія одною Ломбардіей. Соперникъ Франциска былъ гораздо счастливѣе его въ своемъ предпріятіи: онъ заставилъ флорентинцевъ покориться своей волѣ, но эта покорность стоила ему десятимѣсячной осады города. Гораздо дѣятельнѣе происходила другая война между соперниками, состоявшая въ томъ, что они пересылались между собою различными вызовами, одинъ оскорбительнѣе другого. Не обольщая себя болѣе успѣхами войны, Францискъ хотѣлъ дать почувствовать свое превосходство противнику въ томъ, въ чемъ сознавалъ свою настоящую силу передъ нимъ. Это былъ духъ рыцарской доблести, который дѣйствительно составлялъ самое видное отличіе Франциска передъ современными ему властелинами западной Европы. Свободную игру рыцарскихъ свойствъ его мы видѣли уже прежде, при свиданіи его съ Генрихомъ VIII англійскимъ. Теперь, находясь въ болѣе стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ задумалъ воспользоваться также своимъ преимуществомъ передъ другимъ, болѣе опаснымъ соперникомъ, который, казалось, менѣе всего могъ похвалиться качествами отважнаго паладина. Поводъ лежалъ въ насмѣшливыхъ упрекахъ Карла V, который нещадно корилъ царственнаго рыцаря за то, что онъ не сдержалъ своего слова, даннаго въ Мадридѣ, и на этомъ основаніи требовалъ отъ него добровольнаго возвращенія въ мадридскую тюрьму. Нельзя было чувствительнѣе затронуть рыцарскую честь Франциска. Даже самое напоминаніе о плѣнѣ было для него невыносимо; но еще оскорбительнѣе почувствовалось ему обвиненіе въ нарушеніи вѣрности. Францискъ не вытерпѣлъ, и не вступая съ своимъ противникомъ въ дальнѣйшія объясненія, отвѣчалъ ему коротко и ясно вызовомъ на бой. „Я требую“—писалъ онъ Карлу въ заключеніи своего вызова —„чтобы вы назначили мнѣ мѣсто битвы. Все уже сказано между нами. Станемъ же другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ и покончимъ честнымъ боемъ нашу давнишнюю распрю, которая отъ многихъ препирательствъ между нами получила наконецъ видъ смѣшной тяжбы!“ [1]). И по своей природѣ, и по характеру своей политики Карлъ V былъ очень далекъ отъ того, чтобы охотно отвѣчать на подобные вызовы. О немъ навѣрное можно сказать, что будучи поста-

1) См. Gaillard, II, p. 593.

вленъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ находился тогда Францискъ, онъ однако не употребилъ бы того же самаго средства даже въ крайности. Но когда обращались къ чувству его чести, съ нескромнымъ желанiемъ обличить, можетъ-быть передъ цѣлымъ свѣтомъ, недостатокъ ея, онъ находилъ въ своей гордости довольно энергiи и рѣшимости, чтобы отвѣчать на всякiй запросъ. Франциску I въ особенности не хотѣлъ онъ уступить никакого преимущества предъ собою. Въ отношенiи къ своему сопернику онъ готовъ былъ забыть самые величавые свои планы, лишь бы не остаться позади его. Не надобно притомъ забывать, что хотя чувство рыцарской чести и не составляло болѣе существенной черты въ нравахъ того времени, однако понятiя о ней продолжали еще жить въ мысляхъ современниковъ Карла и Франциска. Все это достаточно объясняетъ, почему странное предложенiе французскаго короля не встрѣтило себѣ при мадридскомъ дворѣ никакого противорѣчiя. Карлъ объявилъ, что онъ охотно принимаетъ вызовъ, и назначилъ мѣсто и день, гдѣ и когда происходить бою.

Надобно было ожидать невиданнаго доселѣ зрѣлища. Старая распря между двумя царственными соперниками готова была разрѣшиться единоборствомъ между ними. Даже Среднiе вѣка не простирались такъ далеко въ приложенiи логическихъ выводовъ изъ началъ рыцарства. Несмотря впрочемъ на обоюдное согласiе противниковъ, предположенное ими рѣшенiе не было приведено въ исполненiе. Кто же виноватъ былъ въ томъ, что условленное дѣло не состоялось? Помѣшалъ ли ему здравый смыслъ, во-время проснувшiйся въ одномъ изъ соперниковъ, или у кого изъ нихъ не достало мужества? Ни то, ни другое: виною всему было излишество раздраженiя на одной сторонѣ, и желанiе спасти только приличiя, при отсутствiи истинно рыцарскаго увлеченiя, въ противоположномъ лагерѣ. Искусно скрывши свое оскорбленiе, Карлъ однако умѣлъ не менѣе хитро отмстить за него уже самымъ назначенiемъ мѣста боя: это была рѣка Бидассоа, на берегахъ которой произошло освобожденiе Франциска изъ плѣна. „Вы хорошо знаете это мѣсто“ — писалъ къ нему Карлъ въ своемъ отвѣтѣ, не довольствуясь простымъ упоминанiемъ мѣстности: — „тутъ вы получили свою свободу и тутъ же передали мнѣ вашихъ сыновей — въ залогъ исполненiя трактата, который вы нарушили потомъ“ [1]. Въ этомъ язвительномъ напоминанiи оскорблен-

[1]) Ibid. p. 596.

ное самолюбіе Карла находило себѣ первое удовлетвореніе. Для Франциска же все служило поводомъ къ тому, чтобы все больше и больше оскорбляться поступками своего противника и терять всякое самообладаніе: и скорый отвѣтъ Карла, и его обидные намеки на прошлое, и наконецъ цѣлый рядъ письменныхъ возраженій и оправданій, которыми императоръ сопровождалъ свое отвѣтное посланіе. Францискъ именно требовалъ боя, чтобы положить конецъ всѣмъ бумажнымъ словопреніямъ, которыя всегда были ему не по душѣ. Притомъ же онъ былъ не рыцарь просто, но и король. Сколько ни развиты были въ немъ рыцарскія понятія, чувство королевскаго достоинства однако брало перевѣсъ надъ ними. Какъ не думалъ онъ возвратиться въ плѣнъ, потому только что не могъ сдержать даннаго имъ слова, такъ не считалъ онъ обязательнымъ для себя сдѣланный имъ же самимъ вызовъ, когда, вопреки ясно выраженному имъ желанію, еще разъ потребовалось вступить въ ненавистныя объясненія, столько оскорбительныя для его достоинства. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній скоро созрѣла совсѣмъ иная развязка спорнаго дѣла, нежели какой можно было ожидать по его началу.

Герольду, который везъ отвѣтъ Франциску съ запасомъ разныхъ объясненій, дѣлали на дорогѣ многія затрудненія. Наконецъ онъ былъ допущенъ въ Парижъ и на другой же день принятъ королемъ въ многочисленномъ собраніи принцевъ крови и первыхъ сановниковъ государства. Тутъ произошла сцена, которая показала, что раздраженіе Франциска достигло высшей степени, и что онъ не владѣлъ болѣе собою. Прежде чѣмъ герольдъ началъ говорить, король запальчиво спросилъ у него, точно ли онъ приносилъ съ собою опредѣленный отвѣтъ на запросъ относительно назначенія мѣста боя.— „Государь“—отвѣчалъ герольдъ, пораженный страннымъ тономъ рѣчи короля—„позвольте мнѣ напередъ исполнить мое порученіе и передать все, что императоръ желалъ бы сообщить вамъ черезъ меня“.—„Я до тѣхъ поръ не стану слушать тебя“—продолжалъ тѣмъ же тономъ король—„пока ты не отдашь мнѣ императорскаго патента, въ которомъ онъ принимаетъ мой вызовъ“.—Но испанецъ, нисколько не смущаясь, началъ свою оффиціальную рѣчь словами: „Государь, его величество императоръ“...—„Говорю тебѣ“ прервалъ его нетерпѣливо король—„подай мнѣ напередъ патентъ, и потомъ уже ораторствуй, сколько себѣ хочешь“.—„Государь“—настойчиво отвѣчалъ герольдъ—„мнѣ приказано сначала прочитать вамъ картель, а потомъ уже

отдать ее вамъ въ руки". — „Какъ!" воскликнулъ король, вставая въ гнѣвѣ съ своего мѣста. „Такъ повелитель твой хочетъ дѣлать нововведенія въ моемъ государствѣ и думаетъ предписывать мнѣ законы даже при моемъ дворѣ? Это что еще за новое лицемѣрство съ его стороны?" — Затронутый за живое этимъ послѣднимъ выраженіемъ, которое въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ некстати сорвалось съ языка у Франциска, герольдъ очень твердо возразилъ ему, что государю его такъ же знакомы правила чести, какъ и всякому другому, и что онъ никогда не отступитъ отъ нихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. — „О, о?" былъ отвѣтъ короля. „Такъ я тому и повѣрю!" Наконецъ, повторивъ еще разъ свое требованіе герольду, Францискъ сказалъ ему: „Или отдай мнѣ немедленно патентъ, или убирайся, откуда ты пришелъ." — Тогда посланный объявилъ, что не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія, и потребовалъ, чтобы ему дано было письменное свидѣтельство въ отказѣ и охранный листъ для возвращенія въ отечество. — „Я очень радъ" — отвѣчалъ еще болѣе раздосадованный король — „пусть дадутъ ему, чего онъ требуетъ" [1]). — Получивъ требуемыя бумаги, герольдъ возвратился въ Испанію.

Послѣ этой странной сцены соперники были еще дальше отъ примиренія между собою, чѣмъ прежде. Средство, избранное Францискомъ, чтобы ускорить рѣшеніе спора, запутало его еще болѣе. Поединокъ не состоялся, но это самое обстоятельство прибавило много новаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ. Карлъ имѣлъ причины жаловаться на Франциска, а онъ въ свою очередь былъ недоволенъ столько же самимъ собою, сколько и своимъ противникомъ. Споръ принималъ все болѣе и болѣе личный характеръ, что́ дѣлало мирное окончаніе его почти безнадежнымъ. Опять начались нескончаемые походы въ Италію, наполнившіе послѣдніе мѣсяцы 1528 и первую половину слѣдующаго года. Францискъ I снова былъ въ невыгодѣ: войско его, подъ начальствомъ графа Сенъ-Поля, побито Лейвою, и Ломбардія почти такъ же была потеряна для него, какъ въ предшествующую кампанію Неаполь. Но этимъ новымъ успѣхомъ Карла война еще не оканчивалась. Пока лига оставалась на сторонѣ Франциска, онъ всегда имѣлъ для себя опору для продолженія борьбы внутри Италіи. Главное же состояло въ томъ, что ни у одного изъ соперниковъ, какъ у побѣдителя, такъ и побѣжденнаго, не достало столько миролюбиваго

1) См. Gaill. II, p. 609—610.

духа, чтобы выступить прямо съ предложеніемъ о мирѣ. Лишь императору удалось покончить мирнымъ союзомъ свои переговоры съ папою; но для Франциска въ самомъ этомъ союзѣ заключался новый поводъ къ продолженію войны. Несмотря на свое истощеніе онъ не хотѣлъ сдѣлать ни одного шага къ примиренію, хотя и начиналъ уже тяготиться своимъ положеніемъ. Поэтому весьма счастливо случилось, что нашлись лица, близкія къ соперникамъ, но чуждыя ихъ личной вражды, которыя взяли на себя посредничество. Это была мать Франциска, герцогиня ангулемская, и тетка Карла, Маргарита нидерландская, которая прямо высказывала то мнѣніе, что при усилившемся ожесточеніи обѣихъ сторонъ развѣ только имъ, женщинамъ, удастся устроить примиреніе между ними [1]). Онѣ съѣхались въ Камбре, долго вели между собою тайные переговоры и успѣли согласиться между собою въ главныхъ условіяхъ. Луиза отреклась за Франциска отъ всѣхъ правъ на Италію и отъ верховной ленной власти надъ Фландріею и Артуа. За это съ австрійской стороны уступлены были притязанія на Бургундію, также на Перонну и Булонь, какъ наиболѣе угрожавшія неприкосновенности французскихъ владѣній. Относительно сыновей Франциска положено было освободить ихъ изъ плѣна, за что Франція обязывалась выплатить императору два милліона. Ни одна сторона не могла быть довольна выговоренными въ Камбре условіями. Если Карлу трудно было отказаться вовсе отъ своихъ притязаній на Бургундію, то Францискъ еще менѣе расположенъ былъ отступиться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Италіи. Однако оба они охотно схватились за представившійся случай, чтобы такъ или иначе положить конецъ войнѣ, которая казалась уже безысходною. У каждаго изъ нихъ при этомъ былъ свой расчетъ. Какъ ни тяжелы были нѣкоторыя условія для Франциска, онъ согласился на нихъ, чтобы только выручить изъ плѣна своихъ сыновей. Что онъ хотѣлъ не прочнаго мира, а только временныхъ его выгодъ для себя, доказательствомъ служитъ заявленная въ парламентѣ протестація его противъ условленной уступки правъ его на Миланъ и нѣкоторыя другія владѣнія въ Италіи. Ни съ той, ни съ другой стороны не было искренняго расположенія къ миру, но тѣмъ не менѣе договоръ, состоявшійся въ Камбре, былъ утвержденъ согласіемъ обоихъ соперниковъ, и враждебныя дѣйствія между ними прекрати-

[1]) См. Ranke, III, 26.

лись — до возобновленія ихъ при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

И было уже давно пора покончить эту тягостную и безполезную борьбу. Для Карла, несмотря на пріобрѣтенныя имъ выгоды въ войнѣ, были даже болѣе настоятельныя причины спѣшить заключеніемъ мира, чѣмъ для его противника. Турецкая гроза, которую онъ до сихъ поръ оставлялъ на второмъ планѣ, желая напередъ справиться съ своимъ старымъ совмѣстникомъ, не дожидалась его и все ближе и ближе подступала къ границамъ имперіи. Эта ошибка въ расчетѣ со стороны Карла скоро дала почувствовать себя довольно печальными послѣдствіями. Въ Венгріи Фердинандъ имѣлъ неутомимаго противника себѣ въ Іоаннѣ Заполіи. Уже въ 1528 году послѣднему удалось привлечь на свою сторону султана Солеймана, который не скрывалъ своей вражды ко всему австрійскому дому и грозилъ ему открытымъ нападеніемъ. Прежде чѣмъ Карлъ, занятый войною въ Италіи, могъ подумать о сопротивленіи новому опасному врагу, угрожавшему австрійскимъ владѣніямъ съ юго-востока, 250-тысячная армія султана вступила въ предѣлы Венгріи, гдѣ скоро присоединился къ ней Заполія съ своими многочисленными приверженцами. Это было весною 1529 года. Фердинандъ, незадолго передъ тѣмъ (на Шпейерскомъ сеймѣ) разладившій съ протестантскими чинами, оставался почти безъ всякой помощи. Открытое сопротивленіе огромнымъ мусульманскимъ силамъ оказалось для него совершенно невозможнымъ. Но и укрѣпленныя мѣста недолго держались передъ ними. Офенъ, обороняемый нѣмецкими ландскнехтами, палъ въ нѣсколько дней. Тогда Солейману открылся свободный входъ въ нѣмецкіе предѣлы, и онъ продолжалъ свое движеніе прямо по направленію къ Вѣнѣ.

Карлъ еще въ концѣ іюля переѣхалъ изъ Испаніи въ Италію. Къ тому времени, когда турецкія силы шли на Вѣну, онъ успѣлъ уже вступить въ союзъ съ папою и покончить войну съ Францискомъ; но по своимъ отношеніямъ къ лигѣ долженъ былъ еще нѣкоторое время оставаться въ Италіи, и потому не могъ поспѣшить на помощь имперіи. Что же произошло? тотъ, кто думалъ быть грозою всего мусульманскаго міра, очутился въ такомъ положеніи, что не въ состояніи былъ отразить его вторженія въ свою собственную область. Турки дѣйствительно обложили Вѣну и начали тѣснить ее со всѣхъ сторонъ. Скорой помощи нельзя было ожидать ни откуда, и городу угрожало конечное разореніе. По счастію, въ Вѣнѣ на-

шелся еще мужественный гарнизонъ и довольно исправная артиллерія, чтобы сдержать первый горячій напоръ непріятеля, заставить его приняться за осадныя работы и мало-по-малу утомить его терпѣніе. Еще счастливѣе было то, что двукратно возобновлявшійся штурмъ вѣнскихъ укрѣпленій столько же разъ былъ отбитъ храбрыми ихъ защитниками. Холодныя октябрьскія ночи охладили и послѣдній пылъ осаждающихъ. Простоявъ напрасно болѣе двухъ недѣль подъ стѣнами Вѣны, турки рѣшили, что конечно не это время назначено судьбою для ея покоренія, и положили немедленно начать отступленіе, тѣмъ болѣе, что имперскія войска стали понемногу стягиваться съ разныхъ пунктовъ къ осажденному городу. Вскорѣ за рѣшеніемъ послѣдовало его исполненіе. Какъ, вступая въ предѣлы имперіи, турки не встрѣтили себѣ никакого сопротивленія, такъ и вышли изъ нихъ никѣмъ не преслѣдуемые.

Безъ всякаго содѣйствія со стороны императора, опасность прошла, но такъ же легко могла и возвратиться. Предѣлы имперіи оставались открыты новому нашествію. Карлу нельзя было наконецъ не поспѣшить возвращеніемъ въ Германію. Кромѣ внѣшней опасности, при этомъ случаѣ во всей силѣ почувствовалось также ея внутреннее раздѣленіе, требовавшее безъ отлагательства самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны главы имперіи. Карлъ дѣйствительно почувствовалъ въ нихъ необходимость и употребилъ послѣдніе два мѣсяца 1529 года на то, чтобы, при посредничествѣ папы, разными мирными сдѣлками покончить дѣла съ членами итальянской лиги. Наконецъ никто въ Италіи не противился болѣе признанію его въ императорскомъ достоинствѣ, и ему оставалось только освятить свою власть торжественнымъ вѣнчаніемъ въ церкви св. Петра. Но онъ такъ торопился отъѣздомъ въ Германію, что, вопреки существовавшему обычаю, согласился лучше принять корону въ Болоньѣ, гдѣ происходили послѣдніе его переговоры съ лигистами, чѣмъ терять еще время на поѣздку въ Римъ. Къ удивленію всего народа, церемонія дѣйствительно совершена была въ одномъ изъ болонскихъ храмовъ, котораго капеллы получили на этотъ разъ названіе капеллъ Св. Петра, а черезъ нѣсколько времени потомъ нововѣнчанный императоръ выѣхалъ изъ Болоньи, по пути въ Германію.

Мы видѣли, какъ мало подвинулись впередъ его высокіе планы въ продолжительныхъ войнахъ съ Францискомъ, и какъ особенно они отвели ему глаза отъ опасности, грозившей со

стороны турокъ. Посмотримъ теперь удастся ли ему покрыть свои ошибки во внѣшней политикѣ успѣхами внутренней.

VI.

Слишкомъ восемь лѣтъ продолжалось отсутствіе императора изъ Германіи. Бо́льшую часть этого времени онъ провелъ въ Испаніи, вниманіе же его главнымъ образомъ и почти безъ промежутка обращено было на войну съ Франціею. Она истощала его военныя и финансовыя средства, она же держала его умственныя силы въ постоянномъ напряженіи. Другимъ сторонамъ своей многосложной политики Карлъ V едва могъ посвящать въ теченіе всего этого времени, слабое и, такъ сказать, вынужденное вниманіе. Тетка его Маргарита продолжала управлять дѣлами въ Нидерландахъ, братъ Фердинандъ распоряжался отъ его имени внутреннею политикою въ Германіи. Камбрейскій союзъ давалъ дѣятельности Карла другое направленіе. Онъ опять мѣнялъ мѣсто своего пребыванія, изъ Испаніи снова переносился въ Германію, и вступалъ въ непосредственное управленіе имперіею. Такъ или иначе, война съ Франціею была кончена, и Карлъ, свободно располагая своими силами, повидимому могъ возвратиться къ тѣмъ планамъ, которые такъ много занимали его при вступленіи на германскій престолъ.

Но текущее время приноситъ съ каждою своею перемѣною и новыя требованія. Не во власти историческаго дѣятеля передвигать время и заставлять его сообразоваться съ своими желаніями. Напротивъ, успѣхъ предпріятія зависитъ прежде всего отъ его благовременности, и однажды потерянная благопріятная минута можетъ не возвратиться никогда. Мы уже видѣли, какое коренное разстройство произведено было въ главныхъ основаніяхъ политическихъ замысловъ Карла самымъ ходомъ итальянской войны, взятіемъ Рима въ особенности. Не отъ воли императора зависѣло потомъ, по возвращеніи въ Германію, найти ее въ томъ же положеніи, въ какомъ она находилась тотчасъ послѣ Вормскаго сейма. Въ восемь лѣтъ утекло здѣсь много воды, даже гораздо болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, и никакая человѣческая сила не въ состояніи была возвратить германское броженіе къ его первоначальному незначительному уровню. Оно уже выступило изъ низкихъ береговъ и покрыло бо́льшую часть поверхности земли. Во внѣшнемъ положеніи страны также произошли важныя перемѣны.

Опасность, которая во время Вормскаго сейма едва замѣтна была издали, теперь подошла къ самымъ ея предѣламъ и, какъ мы знаемъ, была однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій для императора поспѣшить возвращеніемъ въ Германію. Впрочемъ послушаемъ лучше его самаго. Письмо, писанное имъ въ началѣ 1530 года къ брату Фердинанду, лучше всего можетъ дать намъ понятіе о томъ, насколько измѣнилось въ это время его положеніе [1]).

Это было во время переѣзда императора черезъ Италію. Онъ находился тогда въ Болоньѣ и въ письмѣ къ брату старался объяснить ему причины, побудившія его выѣхать изъ Испаніи. Такихъ причинъ онъ насчитывалъ нѣсколько. Первою изъ нихъ было, по его словамъ, желаніе ускорить окончаніе мирныхъ переговоровъ и утвердить миръ на прочныхъ основаніяхъ (ибо это было еще до заключенія Камбрейскаго мира). Вторая причина, говоритъ Карлъ, заключается въ ересяхъ, которыя недавно возникли въ Германіи и съ каждымъ днемъ дѣлаютъ въ ней новые успѣхи. Третье приводимое имъ основаніе слагается изъ нѣскольких обстоятельствъ, взятыхъ вмѣстѣ. Неблагопріятный ходъ дѣлъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ требовалъ личнаго присутствія въ немъ самого императора; а между тѣмъ Карлъ находился въ сильномъ сомнѣніи, не будетъ ли онъ въ то время гораздо нужнѣе въ Германіи, которой, при ея глубокомъ внутреннемъ раздѣленіи, угрожала еще сильная опасность со стороны турокъ. Не сомнѣваясь, что вторженіе ихъ въ предѣлы имперіи не преминетъ послѣдовать въ непродолжительномъ времени, онъ хотѣлъ быть на этотъ случай если не въ самой Германіи, то по крайней мѣрѣ не въ далекомъ отъ нея разстояніи, и спрашивалъ у брата совѣта, ѣхать ли ему въ Неаполь, или отложить эту поѣздку до другого времени [2]).

Письмо было писано по особенному довѣрію къ Фердинанду, и для всѣхъ другихъ должно было оставаться тайною. Это обстоятельство Карлъ нѣсколько разъ поставляетъ на видъ своему брату. Потому посланіе его имѣетъ особенную важность. О прежнихъ величавыхъ намѣреніяхъ императора говорится

[1]) См. Lanz, Correspondenz, I, 369—373.—[2]) Ibid. La seconde, les grandes heresies qui sont en Allemaigne, lesquelles croissent tous les jours... Et oultre et par dessus toutes cestes me doubtant et creant la venue du Turc en estre plus prouchain, pour my trouver en quelque sorte que eust peu estre... etc. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о необходимости всмотрѣться пристально въ ходъ дѣлъ въ Германіи: pour veoir plus de clarte' en ces choses Dallemaigne.

въ немъ лишь мимоходомъ, едва упоминается вскользь: видно, что вѣра въ возможность ихъ исполненія сильно поколебалась. За то находимъ въ письмѣ другія, почти неожиданныя признанія. Первое изъ нихъ относится къ заключенному вновь миру, о которомъ извѣстіе Карлъ получилъ уже по прибытіи своемъ въ Италію. „Если этотъ миръ продлится", пишетъ онъ брату, „то онъ въ состояніи будетъ измѣнить всѣ мои намѣренія и заставитъ меня отказаться отъ того, что я предполагалъ сдѣлать". Разгадку этихъ словъ отчасти, кажется, можно искать въ перемѣнѣ мыслей Карла относительно самой Италіи. Ибо въ другомъ мѣстѣ своего письма онъ говоритъ, что отказывается отъ намѣренія покорить ее своей власти, въ той увѣренности, что оно повлекло бы за собою нескончаемую войну [1]). О союзѣ съ папою тоже говорится не иначе, какъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ. Императоръ уже мало надѣется видѣть его въ числѣ своихъ вѣрныхъ союзниковъ: онъ старается только о томъ, чтобы не имѣть въ немъ явнаго врага себѣ въ Италіи. Ни отъ Франциска, ни даже отъ своихъ итальянскихъ союзниковъ онъ впрочемъ не ожидаетъ для себя ничего добраго. На Генриха VIII англійскаго также плохая надежда. Къ прежней холодности присоединилась еще новая важная причина раздора: Генрихъ твердо рѣшился, вопреки всѣмъ требованіямъ справедливости, развестись съ своею женою, теткою императора, чтó неминуемо должно будетъ подать поводъ къ войнѣ между бывшими союзниками. Наконецъ Испанія, на которую пала главная тяжесть военныхъ условій, начинаетъ явно тяготиться ими и мало подаетъ надежды на содѣйствіе видамъ императора въ будущемъ...

Нельзя сказать, чтобы картина, которую рисуютъ передъ нами эти признанія, была пріятнаго свойства. Хотя миръ, заключенный вновь съ Францискомъ, имѣлъ свои выгодныя стороны, но предшествовавшая ему многолѣтняя война до такой степени испортила Карлу всѣ отношенія, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ многихъ своихъ плановъ и сталъ менѣе самонадѣянно смотрѣть на свое будущее. Тотъ идеальный оттѣнокъ, которымъ отличалась его внѣшняя политика въ первое время, значительно сгладился съ нея. Нѣтъ болѣе отважныхъ порывовъ, нѣтъ прежней смѣлости начинаній. Вмѣсто того, чтобы отважно итти впередъ и отыскивать опас-

1) Ibid. Car je ne veoys moyen ny raison de le vouloir conquerre, et quand bien en eusse eu party, ce me fut este cause dune guerre perpetuelle.

ность вдали, Карлъ долженъ принимать осторожныя мѣры для отраженія ея вблизи. Ибо пока онъ былъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ, исторія не дожидалась его, но продолжала принятымъ путемъ свое дальнѣйшее движеніе. Оттого произошло, что опасность, которую Карлъ думалъ предупредить смѣлымъ ударомъ вдали отъ своихъ предѣловъ, подступила къ нимъ на самое близкое разстояніе, прежде чѣмъ онъ приготовился даже встрѣтить ее какъ слѣдуетъ. По необходимости политика его лишалась своего всемірнаго характера и становилась, по крайней мѣрѣ на время, чисто мѣстною. Покинувъ Испанію, Карлъ переселялся въ забытую имъ Германію и готовился сдѣлать ее центромъ своей новой дѣятельности.

Такъ какъ изъ трехъ приведенныхъ имъ причинъ отъѣзда изъ Испаніи первая не существовала болѣе по утвержденіи мира, то поводы къ перемѣнѣ мѣста и самой политики со стороны императора очевидно сводятся къ двумъ остальнымъ побужденіямъ. Онъ видѣлъ, что Германіи угрожаетъ, во-первыхъ, внутренняя опасность отъ распространенія ересей и, во-вторыхъ, внѣшняя отъ вторженія турокъ, и спѣшилъ на мѣсто дѣйствія, чтобы лично противодѣйствовать той и другой напасти, которыя, несмотря на свое глубокое различіе, однако почти уравнивались между собою въ его мысляхъ. Но съ чего же слѣдовало ему начать свое противодѣйствіе? Противъ котораго изъ двухъ представившихся враговъ выгоднѣе повести было первое нападеніе? Усиленіе ересей въ Германіи не даромъ стояло впереди другихъ, болѣе сложныхъ причинъ, которыя служили Карлу побужденіемъ выѣхать изъ Испаніи. Внѣшнее нашествіе, какъ ни казалось неизбѣжно, было однако отсрочено на неопредѣленное время, ибо лишь незадолго передъ тѣмъ турки отступили назадъ. Чтобы съ успѣхомъ начать противъ нихъ наступательныя дѣйствія, нужна была дѣятельная помощь цѣлой Германіи: но можно ли было ожидать отъ нея дружнаго дѣйствія, пока она сама была раздѣлена религіозными партіями? [1]) Итакъ подавленіе ересей должно было предшествовать военнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ. Успѣхъ послѣдняго предпріятія необходимо условливался счастливымъ окончаніемъ перваго. Эта мысль дѣйствительно положена была

[1]) Ibid: Veu que lune des plus grandes hastes quil y pouvroit avoir, seroit pour traicter de la resistance contre le Turc, laquelle jespere ne sera besoing pour ceste annee. Et si croys que, jusques ces heresies soient remediees, que layde (l'aide) sera assez petite, etc. p. 370.

Карломъ въ основаніе его будущихъ дѣйствій въ Германіи: онъ рѣшился, по прибытіи своемъ на мѣсто, прежде всего обратить свои усилія противъ новаго религіознаго ученія, чтобы потомъ уже съ успѣхомъ дѣйствовать противъ внѣшнихъ непріятелей имперіи.

Рѣшеніе казалось довольно логическимъ. Чтобы впрочемъ судить о степени его благовременности, надобно знать судьбы новаго религіознаго ученія въ Германіи послѣ Вормскаго сейма.

Карлъ V очень ошибался, если, возвращаясь въ Германію послѣ восьмилѣтняго отсутствія, думалъ найти страну почти въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ ее вскорѣ послѣ Вормскаго сейма. Съ тѣхъ поръ въ ней многое измѣнилось,—и что еще возможно было для центральной власти въ 1521 году, надъ тѣмъ самымъ ей пришлось бы сильно задуматься въ концѣ того же десятилѣтія. Благопріятная минута была пропущена навсегда. Движеніе, съ которымъ не трудно еще было управиться въ началѣ, стало теперь великою общественною силою, противъ которой невѣрно было даже и употребленіе оружія. Убѣжденіе одного лица вошло въ общее сознаніе народа и не могло быть подавлено никакими насильственными средствами.

Въ восемь лѣтъ дѣло нѣмецкаго реформатора не только покорило себѣ бо́льшую часть умовъ въ Германіи, но и привлекло на свою сторону значительную часть политическихъ силъ имперіи. Направленіе опредѣлилось, многочисленное общество его послѣдователей получило правильную организацію и нашло себѣ надежную опору въ образовавшемся подъ вліяніемъ новаго ученія политическомъ союзѣ князей. Для законнаго существованія въ предѣлахъ имперіи ему недоставало только признанія со стороны верховнаго ея авторитета.

Единственное важное послѣдствіе Вормскаго сейма, удаленіе Лютера со сцены, вмѣсто того чтобы обратиться во вредъ реформаціи, послужило въ ея же пользу. Въ вартбургскомъ уединеніи реформаторъ положилъ начало великому труду, который долженъ былъ послужить оправданіемъ его стремленій передъ лицомъ нѣмецкаго народа и дать въ руки публикѣ могущественное орудіе противъ ухищреній римской доктрины. Извѣстно, какъ велико было дѣйствіе, произведенное на умы въ Германіи нѣмецкимъ переводомъ Библіи, который отчасти исполненъ былъ Лютеромъ во время пребыванія въ вартбургскомъ замкѣ. Многое, что доселѣ принималось на вѣру реформатору, утверждалось теперь въ общемъ сознаніи по силѣ крѣп-

каго разумнаго убѣжденія. Истина, столько времени закрытая отъ глазъ народа покровомъ чуждаго языка, стала доступна его слуху и понятна его уму. Каждый могъ по желанію повѣрять слова виттенбергскаго богослова, и не останавливаясь на буквѣ, входить въ самый духъ его ученія.

Кромѣ того ученіе продолжало распространяться далѣе своею собственною силою, по принятымъ имъ прежде направленіямъ. Ибо оно вышло изъ глубины нѣмецкаго духа и вполнѣ отвѣчало высшимъ умственнымъ требованіямъ народа. Это былъ протестъ противъ преобладанія внѣшности въ религіи, это было обращеніе къ лучшимъ силамъ человѣка именемъ внутренняго религіознаго чувства, почти совершенно вытѣсненнаго господствующимъ ученіемъ, которое полагало всѣ заслуги человѣка лишь во внѣшнихъ дѣлахъ. По счастію, Вормское собраніе слишкомъ мало придавало значенія новому ученію, и даже не позаботилось поставить какіе-либо предѣлы его распространенію. Не встрѣчая себѣ много внѣшнихъ препятствій, оно такъ же легко сообщалось народному духу послѣ Вормскаго сейма, какъ и до того времени. Каждый мѣсяцъ, каждая недѣля, прибавляли что-нибудь вновь къ его несомнѣннымъ успѣхамъ. Виттенбергъ попрежнему служилъ центромъ, откуда новое ученіе расходилось радіусами по всему протяженію Германіи. Движеніе совершало свой естественный оборотъ. Каждый пунктъ, пріобрѣтенный вновь реформаціонному ученію, пускалъ отъ себя его вѣтви далѣе. Всего яснѣе были успѣхи движенія на сѣверѣ и западѣ; впрочемъ почти съ неменьшею быстротою оно простиралось впередъ и въ прочихъ направленіяхъ. Едва прошло нѣсколько лѣтъ послѣ вормскихъ рѣшеній, какъ уже реформаціонное ученіе не было новостью не только въ Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, Люнебургѣ, но даже и въ болѣе отдаленномъ Виртембергѣ, наконецъ въ Баваріи, Австріи и Пруссіи.

Движеніе было въ полномъ смыслѣ слова народное, потому что охватывало одно за другимъ почти всѣ сословія. Первые слѣдовали ему образованные классы. Черезъ нихъ мало-по-малу оно сообщалось и другимъ слоямъ общества. Съ особеннымъ успѣхомъ принималось оно между городскими жителями, но не ограничиваясь чертою города, проникало отсюда даже въ массу сельскаго народонаселенія. Рыцарское сословіе участвовало въ движеніи, въ той мѣрѣ, въ какой приготовлено было къ нему образованіемъ. Даже нѣкоторыя монашескія братства не остались вовсе чужды происходившему вокругъ нихъ обра-

щенію новыхъ идей. Вездѣ заводились новыя школы и умножалось число типографій. По словамъ Эразма, въ Германіи только и читали что сочиненія въ защиту и противъ Лютера. Классическія занятія, которыя передъ тѣмъ были въ сильномъ ходу, все больше и больше уступали направленію, которое выходило изъ Виттенберга. Распространяясь такимъ образомъ вверхъ и внизъ, оно скоро пріобрѣло себѣ ревностныхъ приверженцевъ между довѣреннѣйшими совѣтниками князей, и наконецъ между ними самими считало не мало искреннихъ послѣдователей. Поколѣніе, защищавшее реформацію изъ политическихъ расчетовъ, мало-по-малу уступало мѣсто другому, которое принимало ея интересы прямо къ сердцу. Таково было особенно замѣтное различіе между курфирстомъ Фридрихомъ Мудрымъ и его преемниками, Іоганномъ и Іоганномъ Фридрихомъ.

Пока Карлъ отсутствовалъ изъ Германіи, реформаціи болѣе всего угрожала опасность отъ ней самой, то-есть отъ тѣхъ крайнихъ стремленій, которыя естественно соединяются со всякимъ умственнымъ движеніемъ, какъ его неумѣренныя и неразумныя послѣдствія. Реформація сильно расшатала систему старыхъ воззрѣній на міръ, на природу, на общество, такъ что ни одно изъ прежнихъ началъ не казалось уже довольно твердымъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого потрясенія было между прочимъ то, что все опять стало вопросомъ, и всякій считалъ себя въ правѣ не только произносить свое рѣшеніе, но и навязывать его цѣлому обществу. Со дна его поднялись самыя необузданныя страсти, и увлекали большинство тѣхъ, которые уже выбиты были изъ старой колеи новымъ движеніемъ. Мечтатели, одинъ необузданнѣе другого, безпрестанно выходили изъ толпы, и подъ предлогомъ необходимости перестроить общественный порядокъ, готовы были совершенно ниспровергнуть его. Споръ переносился изъ сферы религіозной въ соціальную. Подъ вліяніемъ Карлштадта, Мюнцера и другихъ, мирное теченіе реформаціи едва не превратилось въ бурный, разрушительный водоворотъ. Увлекаемая ими, она перерождалась въ страшную анархію, въ которой неминуемо должна была потеряться, погубивъ съ собою и самое общество... Опасность была тѣмъ выше, что реформація въ собственномъ смыслѣ не успѣла вполнѣ опредѣлиться, то-есть не нашла еще твердыхъ границъ, которыя бы отдѣляли ее, съ одной стороны, отъ господствовавшихъ прежде направленій, а съ другой—отъ тѣхъ крайностей, которыя вытекали изъ ея же началъ путемъ

фантастическихъ выводовъ. Словомъ, она еще не отыскала своей окончательной формулы и потому легко могла быть смѣшана съ другими современными, хотя вовсе не родственными ей явленіями. Но обстоятельство, которое всего болѣе грозило ей гибелью, также обратилось въ ея пользу. Тотъ, кто былъ главнымъ виновникомъ реформаціи, носилъ въ душѣ своей и настоящую ея мѣру. Подъ оболочкою, часто мистическою, его рѣчей скрывался глубокій практическій смыслъ. Въ обступавшихъ его крайнихъ направленіяхъ онъ отыскалъ разумные предѣлы, которыхъ до того времени недоставало его ученію. Онъ тотчасъ замѣтилъ тонкую черту, гдѣ начиналось раздѣленіе, и поспѣшилъ обозначить ее, по своему обычаю, такими рѣзкими признаками, что никто потомъ не могъ смѣшать двухъ смежныхъ, но противоположныхъ между собою лагерей. Не только онъ не хотѣлъ поддерживать неумѣренныхъ нововводителей, но при всякомъ случаѣ старался энергически имъ противодѣйствовать. Чѣмъ больше они раздували фанатизмъ въ народѣ, тѣмъ настоятельнѣе былъ реформаторъ въ своихъ мирныхъ внушеніяхъ. Когда они проповѣдывали буйство и насиліе, онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей покорности и терпѣнія. Наконецъ, когда въ общемъ возстаніи Германіи они задумали ниспровергнуть существующія отношенія между территоріальною властію и ея подданными, Лютеръ открыто принялъ сторону князей и своими патріотическими воззваніями много способствовалъ дѣлу порядка и спокойствія страны.

Нѣтъ ничего несправедливѣе тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ иногда нѣмецкому реформатору новая исторіографія, поставляя ему въ вину то, что онъ ограничился чисто религіозною реформою и рѣшительно отвергъ отъ себя всѣ другія попытки преобразованій. По нашему мнѣнію, напротивъ того, ничто столько не свидѣтельствуетъ въ пользу его мудрости и великаго практическаго смысла, какъ это умѣніе его удержаться въ предѣлахъ одной задачи, когда такъ легко было увлечься другими направленіями, не имѣвшими съ нею ничего общаго, кромѣ современности. Въ томъ и состоитъ его величіе, что среди всеобщаго волненія и смѣшенія всѣхъ понятій онъ остался вполнѣ вѣренъ своему истинному призванію и не хотѣлъ допустить въ него ничего посторонняго. Онъ понялъ, сначала инстинктомъ, а потомъ разумомъ, въ чемъ была величайшая, не терпящая никакого отлагательства потребность времени,—и посвятивъ на удовлетвореніе ей всѣ силы своей души и всю ея энергію, исключилъ изъ своей дѣятельности

все, что было въ современныхъ направленіяхъ мечтательнаго, и потому несбыточнаго и обманчиваго. Смѣшавъ съ ними реформацію, онъ подвергъ бы и ее всѣмъ случайностямъ анархіи. Не менѣе вѣрно поняты были имъ отношенія къ имперскимъ властямъ. Не забудемъ, что со времени Вормскаго сейма очень ясно опредѣлились отношенія реформатора къ высшему авторитету въ имперіи: отъ него реформа не могла болѣе ожидать себѣ ни поддержки, ни содѣйствія. Ставши къ нему прямо во враждебное отношеніе, нужно ли было реформатору рѣшиться также на разрывъ и съ территоріальными властями и такимъ образомъ лишить себя и послѣдняго покровительства? Не естественнѣе ли, не разумнѣе ли было съ его стороны—лишившись надежды на защиту главы имперіи, искать себѣ твердой опоры въ противоположномъ лагерѣ, тѣснѣе примкнуть къ князьямъ, которые составляли другую политическую силу въ государствѣ? Пристать же къ третьему, то-есть анархическому элементу, значило бы вооружить противъ реформаціи всѣ государственныя силы и тѣмъ самымъ легкомысленно обречь ее на совершенное пораженіе.

Вѣрный инстинктъ, христіанское чувство, практическій смыслъ, все указывало реформатору на тѣсный союзъ съ князьями въ борьбѣ ихъ съ возставшими сословіями, и онъ ни минуты не колебался въ выборѣ. Прочность территоріальной власти и успѣшный ходъ реформаціи слились въ одно общее дѣло. Какъ Лютеръ явился горячимъ защитникомъ княжескихъ правъ въ борьбѣ съ анархіею, такъ князья, принявшіе реформу, въ свою очередь готовы были защищать ее противъ тѣхъ, которые захотѣли бы остановить ея свободное развитіе. Въ рукахъ своихъ покровителей реформація по необходимости принимала политическій характеръ, ибо, привлекая къ себѣ однихъ князей, въ то же время возбуждала противъ себя другихъ. Княжеская Германія, какъ и все ея народонаселеніе, раздѣлялась на два противоположные лагеря. Но въ этой борьбѣ, въ предѣлахъ самой территоріальной власти, дѣятельная роль принадлежала уже не столько реформатору, сколько его сильнымъ покровителямъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ борьбѣ между политическими партіями, и въ этомъ случаѣ каждая изъ двухъ противоположныхъ сторонъ старалась обезпечить себя тѣснѣйшимъ соединеніемъ своихъ силъ въ одинъ общій союзъ. Католическіе князья, предоставленные въ отсутствіе императора самимъ себѣ, сдѣлали первый шагъ къ тому: герцогъ Генрихъ брауншвейгскій, герцогъ Георгъ

саксонскій и курфирстъ Альбрехтъ бранденбургскій вступили между собою въ соглашеніе для противодѣйствія успѣхамъ лютеранизма. Примѣръ былъ поданъ. Князья, приверженцы реформы, тѣмъ болѣе спѣшили ему послѣдовать, что имъ надобно было подумать о своей безопасности. Уже въ концѣ 1525 года происходили между ними по этому поводу совѣщанія: въ февралѣ же слѣдующаго года они кончились заключеніемъ формальнаго союза, извѣстнаго подъ именемъ Торгаускаго. Главными участниками въ немъ были курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій. Но въ непродолжительномъ времени примкнули къ нимъ также многіе князья сѣверной Германіи. Союзники обязывались дѣятельно помогать другъ другу и стоять твердо за новое ученіе.

Легко было бы подавить этотъ союзъ въ первомъ его зародышѣ. Но кто въ Германіи могъ взять на себя подобное дѣло въ отсутствіе императора? Фердинандъ, который вмѣсто его управлялъ внутренними дѣлами имперіи, не имѣлъ для того ни довольно рѣшимости и воли, ни достаточнаго офиціальнаго титла, ибо въ то время онъ не былъ еще избранъ римскимъ королемъ. Только что возникавшій католическій союзъ не получилъ еще прочной организаціи и далеко не въ состояніи былъ выдержать своими силами открытую борьбу съ своими противниками. Нельзя сказать, чтобы императоръ не принималъ никакого участія въ событіяхъ, происходившихъ въ оставленной имъ Германіи. Напротивъ, онъ очень живо интересовался успѣхомъ католическаго союза; онъ приглашалъ многихъ князей отъ себя лично къ участію въ немъ; онъ постоянно внушалъ имъ ту мысль, что надобно стараться истребить ересь общими силами; онъ наконецъ писалъ имъ, что самъ намѣренъ въ скоромъ времени отправиться въ Римъ, чтобы принять противъ нея надлежащія мѣры. Даже въ статьяхъ Мадридскаго договора упоминалось о необходимости двухъ великихъ общественныхъ предпріятій—наступательной войны противъ турокъ и чего-то въ родѣ крестоваго похода противъ послѣдователей реформы [1]). Но все пока, съ его стороны, ограничивалось только совѣтами и внушеніями, то-есть одними словами. Другого, болѣе дѣятельнаго участія не могъ онъ принять во внутреннихъ событіяхъ Германіи, потому что вниманіе его попрежнему приковано было ко Франціи. Но что́ можно было сдѣлать словами противъ вооруженнаго союза?

1) См. Ranke, II, p. 349.

Естественно, что, слыша направленныя противъ него угрозы, которыя однако не сопровождались употребленіемъ дѣйствительной силы, онъ старался еще болѣе укрѣпиться въ своихъ средствахъ и не пренебрегалъ никакими мѣрами, чтобы увеличить свои размѣры.

Враждебныя отношенія, которыя открылись между императоромъ и папою вскорѣ послѣ Мадридскаго мира, также не замедлили отозваться на внутренней нѣмецкой политикѣ. Когда, въ іюнѣ того же (1526) года, имперскіе чины собрались на сеймъ въ Шпейерѣ, вопросъ о реформѣ занялъ самое видное мѣсто въ ихъ совѣщаніяхъ. Раздѣленіе между чинами еще не было такъ рѣзко, чтобы требованія однихъ, составленныя въ духѣ новаго ученія, могли встрѣтить рѣшительное противорѣчіе со стороны другихъ. Потребность реформы сознавали даже многіе члены католической партіи. Никто не хотѣлъ взять на себя защиты Вормскаго эдикта; всякій напротивъ чувствовалъ необходимость смягчить прежнее суровое постановленіе, по крайней мѣрѣ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія вопроса на предполагавшемся всеобщемъ соборѣ. Въ этомъ смыслѣ составлены были первыя, впрочемъ довольно робкія предложенія сейма императору. Отъ него зависѣло теперь дать тотъ или другой оборотъ совѣщаніямъ чиновъ; онъ могъ своимъ авторитетомъ склонить ихъ нерѣшительное мнѣніе въ ту или другую сторону. Но, во-первыхъ, самое уже отсутствіе его изъ Германіи внушало много смѣлости нововводителямъ; а во-вторыхъ, по своимъ тогдашнимъ отношеніямъ къ папскому престолу, онъ очень мало склоненъ былъ поддерживать папскія притязанія внутри имперіи. Ему казалось крайне несообразнымъ съ здравою политикой воевать съ папой въ Италіи и въ то же время защищать его интересы въ Германіи. Долго колебался Карлъ дать положительный отвѣтъ депутаціи, посланной къ нему отъ сейма; наконецъ, въ письмѣ къ брату, онъ выразилъ желаніе, чтобы отмѣнены были понудительныя мѣры, положенныя Вормскимъ эдиктомъ противъ нововводителей; для окончательнаго же рѣшенія спора открывалъ виды на возможность національнаго собора въ будущемъ. Въ заключеніе своего посланія онъ высказывалъ надежду, что нѣмецкіе князья, конечно въ знакъ своей признательности, не откажутся дѣятельно помогать ему, когда того потребуютъ обстоятельства, въ войнѣ ли противъ турокъ, или въ Италіи... [1]) Этихъ намековъ

[1]) Ibid. II, p. 365–366.

было достаточно, чтобы лишить католическую партію послѣдней возможности перевѣса на сеймѣ и оставить за рѣшеніями его неопредѣленный характеръ. Фердинандъ, правда, имѣлъ свои важныя причины быть противъ совершеннаго отмѣненія Вормскаго эдикта; но съ другой стороны онъ не могъ воспротивиться такъ ясно выраженной волѣ императора. Такъ составилось „среднее“ рѣшеніе, которое впрочемъ оказалось гораздо выгоднѣе для послѣдователей новаго ученія, чѣмъ для ихъ противниковъ. За недостаткомъ другихъ твердыхъ началъ, въ основаніе рѣшенія положенъ былъ принципъ мѣстной, или такъ называемой территоріальной власти, и потому принято на будущее время, въ ожиданіи опредѣленій собора, предоставить всѣмъ чинамъ имперіи поступать въ религіозныхъ дѣлахъ такъ, какъ внушитъ каждому изъ нихъ собственная его совѣсть или чувство долга по отношенію къ Богу и къ императору. Это значило признать за территоріальною властію, по крайней мѣрѣ на время, право распоряжаться въ дѣлахъ, касающихся религіи, по своему собственному усмотрѣнію. Еще Вормскій эдиктъ не былъ отмѣненъ формально, какъ уже реформа нѣкоторымъ образомъ получала право законнаго существованія въ Германіи!

Шпейерскія рѣшенія были необыкновенно важны какъ для внѣшнихъ успѣховъ реформы, такъ и для ея внутренняго развитія. Подъ ихъ покровительствомъ она невозмущаемо могла совершать свое дальнѣйшее кругообращеніе. Почти три года потомъ продолжалось отсутствіе императора изъ Германіи. Фердинандъ все это время занятъ былъ своими отношеніями къ Венгріи и своимъ домогательствомъ богемской короны, которую онъ получилъ не прежде какъ въ 1527 году. Ему было не до того, чтобы противодѣйствовать успѣхамъ реформаціи въ предѣлахъ чужихъ владѣній. Изъ уваженія къ требованіямъ своихъ новыхъ подданныхъ въ Богеміи, Моравіи, Лузаціи и Силезіи, которые исполнены были симпатій къ реформѣ, онъ нашелся вынужденнымъ слѣдовать умѣренной политикѣ даже въ своихъ собственныхъ земляхъ. Конечно его поведеніе нисколько не было обязательнымъ примѣромъ для другихъ католическихъ чиновъ имперіи. Тамъ съ каждымъ годомъ начинала обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе реакція противъ реформы. Въ Баваріи, напримѣръ, проповѣдниковъ новаго ученія хватали на дорогахъ и предавали суду. Сначала реформисты могли откупаться деньгами, но когда герцога стали упрекать въ корыстолюбіи, тогда онъ принялъ другія мѣры. Съ 1528

года обвиненіе въ реформѣ влекло за собою въ Баваріи неминуемую смертную казнь. Такъ въ Ландсбергѣ девять человѣкъ осуждено было на сожженіе, а въ Мюнхенѣ 29—на потопленіе. Недоставало только, чтобы въ герцогствѣ формально была введена инквизиція со всѣми ея ужасами. Но насильственная инквизиціонная расправа никогда не была по духу нѣмецкаго народа. Баварскіе герцоги могли свирѣпствовать, сколько имъ угодно, въ своихъ несчастныхъ владѣніяхъ: ихъ безполезныя жестокости нимало не вредили успѣхамъ реформы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находилась подъ покровительствомъ мѣстной власти и могла распространяться съ полною свободою. Тамъ она все глубже и глубже входила въ понятія народа, тамъ она, подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого реформатора и его ближайшихъ послѣдователей, наконецъ мало-по-малу выработала себѣ и опредѣленную внѣшнюю форму согласно съ самымъ ученіемъ. Прежніе обряды уступали мѣсто новымъ, и вездѣ устанавливалось новое церковное управленіе.

Идея облекалась формою, отвлеченная мысль превращалась въ живой организмъ, и уже никакая внѣшняя сила не могла болѣе лишить ее права на бытіе. Начала реформы такъ глубоко уже залегли въ почвѣ народнаго духа, что преслѣдованіе, хотя бы оно вооружилось самою огромною матеріальною силою вѣка, не въ состояніи было искоренить ихъ безъ упорной и съ обѣихъ сторонъ ожесточенной борьбы. Въ такихъ обстоятельствахъ открылся второй Шпейерскій сеймъ 1529 года.

Это собраніе означало новый оборотъ въ ходѣ событій. Впечатлѣніе, произведенное взятіемъ Рима, нѣсколько изгладилось. Императоръ замѣтно началъ склоняться къ миру съ папою, а союзъ между ними могъ скрѣпиться не иначе, какъ на томъ условіи, чтобы противъ еретиковъ, какъ называли въ Италіи послѣдователей Лютера, приняты были болѣе рѣшительныя мѣры. Такое требованіе со стороны папы встрѣчаемъ уже въ концѣ 1528 года. Подъ этимъ вліяніемъ послѣдовало отъ императора приглашеніе нѣмецкимъ чинамъ собраться въ непродолжительномъ времени на сеймъ, опять въ Шпейерѣ. Главными предметами совѣщаній напередъ указаны были вооруженія противъ турокъ и въ особенности религіозныя нововведенія. Уже по самому тону пригласительнаго патента легко можно было видѣть, какого рода рѣшеній ожидали отъ собранія. Между имперскими чинами, явившимися на сеймъ, указанное направленіе также встрѣтило себѣ много со-

чувствія. Въ послѣдніе годы раздѣленіе между двумя партіями обозначилось довольно рѣзко,—и когда на открывшемся сеймѣ стали собирать голоса, рѣшительный перевѣсъ оказался на сторонѣ исключительныхъ католиковъ. Изъ курфирстовъ только саксонскій былъ въ пользу реформы; между князьями имперіи пятеро духовныхъ и трое свѣтскихъ были рѣшительно противъ нея. Неудивильно, что распредѣленіе голосовъ вышло такъ неравномѣрно: не забудемъ, что въ курфирстской коллегіи засѣдали три архіепископа, а между князьями было очень много епископовъ, которые всѣ естественно были преданы интересамъ римской церкви. И потому, когда императорскіе комиссары, ссылаясь на внутреннее настроеніе Германіи вслѣдствіе нововведеній, предложили отмѣнить рѣшенія прежняго Шпейерскаго сейма и возстановить Вормскій эдиктъ во всей его силѣ, большинство имперскихъ чиновъ объявило себя въ пользу предложенія. По существовавшему доселѣ порядку, рѣшеніе, принятое большинствомъ, становилось обязательнымъ закономъ для цѣлой имперіи. Но на этотъ разъ оно встрѣтило себѣ сильное противорѣчіе со стороны меньшинства. Послѣдователи реформы объявили, что они не могутъ допустить такого глубокаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся ихъ совѣсти. Они утверждали, что въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе не иначе можетъ имѣть силу, какъ съ ихъ согласія. Не забыто было ими и то, что какъ постановленіе прежняго Шпейерскаго сейма, до сихъ поръ остававшееся въ силѣ, принято было всѣми, такъ и противоположное рѣшеніе не могло быть допущено противъ воли нѣкоторыхъ членовъ собранія. Саксонскій посланникъ прямо объявилъ передъ лицомъ всего сейма, что приговоры большинства не могутъ быть обязательны въ религіозныхъ дѣлахъ. Но Фердинандъ и императорскіе комиссары не хотѣли принять во вниманіе этого возраженія. Они сослались на прежній обычай и утвердили приговоръ католическаго большинства какъ законное рѣшеніе, которому обязаны покориться даже и разногласящіе съ нимъ. Напрасно тѣ, которые оставались въ меньшинствѣ, просили себѣ хотя кратковременной отсрочки: Фердинандъ отвѣчалъ имъ, что онъ долженъ исполнить императорское повелѣніе, и что считаетъ все дѣло поконченнымъ. Такъ какъ послѣдователи реформы не въ состояніи были измѣнить принятаго рѣшенія и однако не могли покориться ему безъ насилія своей совѣсти и безъ ущерба своимъ правамъ, то имъ оставался только одинъ выходъ—*протестація* противъ приговора большинства. Они точно явились еще разъ въ со-

браніе и прочли состоявшееся между ними рѣшеніе. Протестъ былъ подписанъ курфирстомъ Іоанномъ саксонскимъ, маркграфомъ Георгомъ бранденбургскимъ, герцогами: Эрнстомъ и Францомъ брауншвейгъ-люнебургскими, ландграфомъ Филиппомъ гессенскимъ и княземъ Вольфгангомъ ангальтскимъ. Ихъ же сторону приняли сверхъ того и многіе имперскіе города.

Случай былъ чрезвычайный, какъ отступленіе отъ обыкновеннаго порядка вещей; но и самое явленіе, которое выразилось въ немъ, также далеко не принадлежало къ числу обыкновенныхъ. Раздѣленіе между партіями и ихъ противоположность, такъ сказать, заявлены были офиціально. Послѣдователи реформы, отнынѣ протестанты, составили внутри сейма оппозицію, которая предъявляла свои права на существованіе независимое отъ большинства. Ее нельзя было обвинить въ непослѣдовательности: она осталась вѣрна началамъ, принятымъ съ общаго согласія на сеймѣ 1526 года. Точкою раздѣленія служилъ религіозный вопросъ: но между подписавшими протестъ былъ зародышъ особой политической силы въ государствѣ, и враждебное столкновеніе между нею и противоположною партіею стало отнынѣ неизбѣжно. Нельзя конечно поставить въ вину Карлу того, что нѣкоторымъ образомъ условлено уже было господствующими направленіями вѣка; однако нельзя также не замѣтить, что все это совершилось въ Германіи во время его отсутствія. За глазами у него произошло образованіе политической партіи изъ послѣдователей реформы; только пользуясь его отсутствіемъ, могли они достигнуть выгодныхъ для себя рѣшеній на первомъ Шпейерскомъ сеймѣ; да и теперь, на второмъ собраніи, едва ли бы они рѣшились дѣйствовать такъ рѣзко, вопреки мнѣнію большинства, если бы совѣщанія происходили въ присутствіи самого императора, и всякій зналъ бы, что противорѣчіе не пройдетъ ему даромъ со стороны высшаго авторитета имперіи. Но Карлъ V находился еще тогда въ Испаніи и только готовился къ отъѣзду въ Италію. На сеймѣ предсѣдательствовалъ вмѣсто его Фердинандъ, который не имѣлъ никакихъ особенныхъ титлъ на то, чтобы своимъ именемъ требовать отъ чиновъ имперіи подчиненія себѣ и надѣяться на исполненіе своей воли. Послѣдователи реформы очень хорошо знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, когда подписывали свой протестъ.

Легко видѣть, къ чему должна была повести такая постановка партій внутри Германіи. Твердое, неизмѣнное убѣжде-

ніе легло въ основу общества, которое приняло названіе *протестантскаго*. Его нельзя было болѣе разсѣять и уничтожить по произволу, а между тѣмъ, какъ меньшинство, оно не могло считать своего существованія обезпеченнымъ. Положеніе его было невѣрно, особенно потому, что противоположная партія имѣла на своей сторонѣ высшій авторитетъ имперіи. Внѣшняя война приходила къ концу, и императоръ, возвратившись въ Германію, могъ направить свои силы противъ протестантскихъ князей. Имъ необходимо было подумать о томъ, чтобы по возможности расширить свой союзъ и скрѣпить его прочною внутреннею организаціею. Къ этой цѣли, дѣйствительно, были направлены всѣ ихъ усилія послѣ второго Шпейерскаго сейма. Хотя назначеніе протестантскаго союза было чисто оборонительное, однако, при тѣснѣйшемъ образованіи его, нельзя было не коснуться щекотливаго вопроса объ отношеніяхъ территоріальной, или помѣстной власти къ императорской вообще, и о возможности столкновеній между ними. Никто не подозрѣвалъ тогда, что, касаясь этого вопроса, затрогивали въ немъ главное зерно величайшихъ переворотовъ въ будущей исторіи Германіи. Любопытно также замѣтить, что въ то самое время, какъ внутри протестантскаго союза начинало преобладать мнѣніе о правѣ сопротивленія со стороны князей, Лютеръ былъ рѣшительно противъ него: онъ оставался вѣренъ религіозному началу, и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ допустить, чтобы защитники взялись за мечъ [1]. По этому уже можно судить, какъ далеко ушло протестантское дѣло въ своемъ развитіи отъ первыхъ своихъ началъ: въ эту минуту по крайней мѣрѣ самъ реформаторъ стоялъ уже на заднемъ планѣ; главными же представителями движенія были князья, подписавшіе протестъ на Шпейерскомъ сеймѣ. Предположенный ими большой протестантскій союзъ не состоялся на первое время, потому что для него взяты были слишкомъ широкія основанія. Хотѣли соединить въ одно общее съ нѣмецкою реформою дѣло и параллельныя ей стремленія въ Швейцаріи, не понявъ того, что швейцарская реформа, во главѣ которой былъ Цвингли, имѣла свои существенныя отличія, которыя чувствовались тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе старались согласить ихъ съ ученіемъ Лютера. Попытка эта не удалась, и союзъ, въ который наравнѣ съ Магдебургомъ и Нюренбергомъ должны были войти также Страсбургъ, Ба-

[1] См. Ranke, p. 181—199.

зель и Цюрихъ, не могъ составиться по первому предположенію: Меланхтонъ и Лютеръ были особенно противъ такого, какъ имъ казалось, незаконнаго соединенія. Но побужденіе осталось, и какъ нельзя было ожидать, чтобы обстоятельства измѣнились къ лучшему, то образованіе въ ближайшемъ будущемъ, во имя протестантскаго начала, значительнаго политическаго союза, съ воинственнымъ храктеромъ, не могло болѣе подлежать никакому сомнѣнію.

Знамя было готово; въ теченіе нѣкотораго времени недоставало только опредѣленнаго изложенія той доктрины, которая давала протестантскому обществу право на самостоятельное существованіе. Но, какъ мы уже замѣтили прежде, въ промежутокъ времени отъ Вормскаго сейма до второго Шпейерскаго, идея протестантизма созрѣла на столько, что не трудно было найти ей и внѣшнее опредѣленное выраженіе. Протестанты чувствовали, что приближается время, когда они должны отдать, передъ націею и передъ цѣлымъ міромъ, разумный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и оправдать свое исключительное положеніе,—и чтобы не оставить мѣста никакому недоумѣнію, старались прежде всего перевести свои теоретическія понятія на опредѣленныя слова и заключить ихъ въ неизмѣнныя формулы. Самъ реформаторъ не годился на подобное дѣло: онъ шелъ въ глубину идеи, разрабатывалъ ея внутреннее содержаніе, мало заботясь объ ея внѣшности. Но, какъ во всемъ, время помогло реформѣ и въ этомъ отношеніи. Чѣмъ больше идея переходила во внѣшнее явленіе, тѣмъ больше и самые умы склонялись къ тому, чтобы искать для ней вѣрнаго отраженія въ буквѣ. Меланхтонъ какъ будто былъ созданъ на то. Благодаря его дѣятельности идея германскаго протестантизма, доселѣ колебавшаяся между противоположными крайностями, получила ясное разграниченіе, какъ по отношенію къ католицизму, такъ и къ другимъ, параллельнымъ ей самой выраженіямъ того же духа, и превратилась въ опредѣленное „исповѣданіе", которое, будучи предъявлено въ послѣдствіи въ Аугсбургѣ, стало съ того времени извѣстно подъ именемъ „Аугсбургскаго". Итакъ въ началѣ 1530 года какъ политическое, такъ и теоретическое образованіе протестантской партіи въ Германіи было кончено. Оставался только нерѣшеннымъ вопросъ о военной ея организаціи; но и его рѣшеніе могло быть только ускорено приближавшимся возвращеніемъ императора въ Германію.

VII

Въ іюнѣ 1530 года Карлъ V прибылъ въ Аугсбургъ, чтобы присутствовать на имперскомъ сеймѣ, которому назначено было собраться въ этомъ городѣ. Императоръ, въ первый разъ послѣ знаменитаго Вормскаго сейма, хотѣлъ лично предсѣдательствовать въ собраніи имперскихъ чиновъ и непосредственно участвовать въ рѣшеніи на мѣстѣ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней германской политики.

Вормсъ и Аугсбургъ были какъ бы два крайніе пункта, въ предѣлахъ которыхъ заключилось цѣлое особое развитіе въ умственной жизни германскаго народа. И тамъ и здѣсь рѣшалось одно спорное дѣло; и тамъ и здѣсь главный вопросъ былъ о реформаціи. Но какая огромная разница между Вормсомъ и Аугсбургомъ! Тамъ идея реформаціи была воплощена въ одномъ человѣкѣ, который, предпринимая одинъ изъ величайшихъ переворотовъ, когда-либо колебавшихъ человѣческую мысль, почти ничего не имѣлъ за себя кромѣ своего адамантоваго убѣжденія; здѣсь та же самая идея представлена была цѣлымъ союзомъ протестантскихъ князей и одномыслящихъ съ ними городовъ, которые всѣ приносили на сеймъ—въ одной рукѣ точное изложеніе своихъ вѣрованій, не оставлявшее мѣста никакимъ недоумѣніямъ, а въ другой—мечъ, подъятый на защиту новаго ученія противъ всякаго, кто объявилъ бы себя врагомъ его. Дѣло простого монаха, имѣвшее видъ нарушенія іерархической дисциплины, стало жизненнымъ вопросомъ для многихъ высокопоставленныхъ членовъ имперіи, для значительной части цѣлой націи. Многое измѣнилось и въ положеніи самого императора. Онъ, правда, возвращался въ Германію, увѣнчанный многими побѣдами; высокія права императорской власти окончательно были утверждены за нимъ торжественнымъ освященіемъ; Италія лежала у его ногъ, и даже Франція, ослабленная безплодными военными усиліями послѣднихъ лѣтъ, принуждена были сознаться въ своемъ безсиліи передъ нимъ и ожидать болѣе благопріятнаго времени, чтобы возобновить свою нескончаемую тяжбу. Между тѣмъ Карлъ возвращался въ Германію уже не тѣмъ, какимъ оставилъ ее назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Мысль его созрѣла вмѣстѣ съ годами; тяжелый опытъ умѣрилъ ея прежнюю пылкость и научилъ ее большей осмотрительности. Успѣхи, пріобрѣтенные въ войнѣ съ Францискомъ, взяли у Карла слишкомъ много дорогого времени, и

однако далеко не соотвѣтствовали его пылкимъ надеждамъ. Война, сверхъ того, внесла много горечи въ отношенія его къ римскому престолу, дружное содѣйствіе котораго такъ необходимо было ему для исполненія его колоссальныхъ намѣреній. Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ внутри Германіи и за ея восточными предѣлами. Карлъ V нашелся вынужденнымъ отказаться хотя на время отъ своихъ любимыхъ плановъ, отложить ихъ исполненіе и подчинить свою политику новымъ обстоятельствамъ, которыя возникли помимо его воли и собрались въ грозную тучу въ тылу у него. Начиналась новая политика, болѣе пассивная, нежели дѣятельная, болѣе вынужденная, нежели добровольная, которая имѣла своею цѣлію не горделивое предупрежденіе опасности, а осторожное ея отвращеніе, тѣсно соединенное притомъ съ выросшими вновь внутренними затрудненіями не менѣе опаснаго свойства. Противъ воли и всѣхъ расчетовъ Карла, столько пренебреженная имъ реформа стала у него на первомъ планѣ и неожиданно потребовала отъ него гораздо больше усилій, чѣмъ сколько онъ желалъ бы удѣлить на нее отъ своей многосложной государственной дѣятельности.

Впрочемъ тайна этого поворота въ политикѣ Карла еще ничѣмъ не была обличена во внѣшности. Повидимому, онъ возвращался въ Германію тѣмъ же могущественнымъ властителемъ, отъ воли котораго зависѣло дать событіямъ, совершавшимся въ предѣлахъ католическаго міра, то или другое направленіе. Теперь силу и могущество этой воли должны были испытать на себѣ представители протестантизма на предстоявшемъ имперскомъ сеймѣ. Казалось, достаточно было одного появленія между ними императора, чтобы заставить ихъ преклониться передъ его требованіями; казалось, самое вступленіе его въ Аугсбургъ нарочно совершено было съ необыкновенною пышностію и торжественностію, чтобы тѣмъ сильнѣе дать почувствовать всѣмъ присутствующимъ блескъ и величіе императорской власти, отъ которыхъ прежнія впечатлѣнія почти уже начинали изглаживаться между ними. И въ самомъ дѣлѣ, Карлъ явился въ Аугсбургъ съ мыслію употребить въ дѣло все свое могущество, чтобы возстановить церковное единство въ Германіи [1]). Сполна эта мысль раскрыта была въ запискѣ, поданной императору папскимъ легатомъ Кампеджи. Для пред-

[1]) См. Ranke, III, p. 228: alle Seine Macht anzuwenden, „um die Schmach, die man Christo angethan, zu rächen.“

положенной цѣли кардиналъ предлагалъ въ постепенномъ порядкѣ слѣдующія средства: сначала обѣщанія, потомъ угрозы и затѣмъ тѣсный союзъ съ католическими чинами имперіи; на случай же, если бы всѣ эти средства оказались недѣйствительными, онъ совѣтовалъ императору употребить противъ непокорныхъ князей открытую силу, то-есть начать дѣйствовать противъ нихъ мечомъ и огнемъ. Короче, по мысли кардинала-легата, сопротивленіе протестантовъ могло послужить императорской власти развѣ только предлогомъ для того, чтобы принять противъ нихъ самыя рѣшительныя мѣры и истребить ихъ до самаго корня, при чемъ всѣ средства считались для ней равно позволительными. Въ сущности мысль Карла почти не расходилась съ мнѣніемъ папскаго уполномоченнаго. Вовсе не изъ слѣпой покорности волѣ папы, а потому, что таковы были его собственныя убѣжденія и понятія о своей власти, онъ не прочь былъ прибѣгнуть къ самымъ сильнымъ мѣрамъ противъ ослушниковъ своей власти внутри имперіи. Особенный оттѣнокъ получила мысль его развѣ въ томъ отношеніи, что между насильственными мѣрами, которыя могли быть употреблены имъ противъ послѣдователей реформы, онъ мало расположенъ былъ употребить инквизицію, и что онъ больше полагался на дѣйствительность мирныхъ средствъ, чѣмъ папскій уполномоченный, и придавалъ имъ болѣе чѣмъ только формальное значеніе въ своихъ сношеніяхъ съ протестантами.

Съ перваго пріема уже впрочемъ можно было видѣть, что время мирнаго соглашенія для обѣихъ враждующихъ сторонъ прошло невозвратно. Протестанты твердо стояли на своемъ и мало показывали наклонность къ уступкамъ. Уже при первомъ свиданіи съ императоромъ въ Аугсбургѣ, они дали ему почувствовать непреклонность своихъ убѣжденій. Еще прежде чѣмъ открылось засѣданіе сейма, Карлъ собралъ у себя протестантскихъ князей и выразилъ имъ желаніе, чтобы до рѣшенія всего дѣла они наложили молчаніе на своихъ проповѣдниковъ. Какъ ни умѣренно было это первое требованіе, однако протестанты нашли исполненіе его несовмѣстнымъ съ своею религіозною совѣстію. Карлъ видимо пораженъ былъ этимъ отказомъ. Кровь бросилась ему въ лицо, когда ему передали слова ландграфа гессенскаго, отвѣчавшаго за другихъ князей союза. Карлъ повторилъ свое требованіе, но ему отвѣчали еще рѣшительнѣе. „Скорѣе соглашусь я“, сказалъ между прочимъ Георгъ, маркграфъ бранденбургскій, „на этомъ самомъ мѣстѣ склонить мою голову подъ сѣкиру, чѣмъ отступлюсь въ чемъ-

нибудь отъ слова Божьяго." По этому можно было судить, какимъ духомъ проникнуты были члены союза; но Карлъ и послѣ того не терялъ еще надежды на мирныя соглашенія съ ними.

Предложенія, сдѣланныя сейму императоромъ, вполнѣ соотвѣтствовали новому обороту его политики. Онъ указалъ на необходимость вооруженій противъ турокъ и въ то же время объявилъ свое намѣреніе—мирными и кроткими мѣрами положить конецъ религіознымъ смутамъ. Собраніе рѣшило заняться прежде всего религіознымъ вопросомъ. Такова же была, какъ мы знаемъ, и мысль самого императора. 25 іюня 1530 года назначено было чрезвычайное засѣданіе, на которомъ протестанты представили свое исповѣданіе. Этимъ актомъ оно заявлено было передъ всѣми чинами имперіи. Отнынѣ великій внутренній споръ, раздѣлявшій всю Германію, получилъ документальный характеръ. Все личное и частное было устранено изъ него, возбужденныя новымъ ученіемъ требованія возведены на степень общихъ положеній. Аугсбургскимъ исповѣданіемъ окончательно совершенъ былъ разрывъ, который обнаружился въ религіозномъ сознаніи народа. Еще императоръ надѣялся удержать за собою роль высшаго посредника между партіями; но поведеніе католическаго большинства на сеймѣ нисколько не соотвѣтствовало его миролюбивымъ намѣреніямъ. Исполненное непримиримаго духа, оно не хотѣло сдѣлать ни малѣйшей уступки своимъ противникамъ и рѣшительно отказывало имъ въ правѣ существованія какъ отдѣльной партіи. Не желая оставить за протестантами ни тѣни преимущества, хотя бы только въ логическихъ основаніяхъ спора, католики взялись представить полное опроверженіе всего ихъ ученія. Это взяло у нихъ много времени, но вмѣсто того, чтобы подвинуть споръ къ окончанію, запутало его еще болѣе. Засѣданія сейма превратились въ богословскіе диспуты. Каждое сказанное въ собраніи слово, можно сказать, увеличивало глубину существующаго раздѣленія между партіями. Карлъ по своему положенію не могъ отдѣлиться отъ большинства: какъ фохтъ, или законный адвокатъ римской церкви, онъ долженъ былъ, волею или неволею, слѣдовать за его рѣшеніями. Но онъ все еще не терялъ надежды на доброе соглашеніе: чего нельзя было больше ожидать отъ католиковъ, того имѣлъ онъ нѣкоторыя причины ожидать отъ протестантовъ. И въ самомъ дѣлѣ, многое въ судьбѣ ихъ зависѣло отъ его воли. На сеймѣ они составляли только меньшинство; кромѣ того

глава союза, курфирстъ саксонскій, еще не получилъ императорскаго утвержденія въ своемъ достоинствѣ и могъ лишиться его по своей винѣ. Но они были воодушевлены тѣмъ духомъ, который неспособенъ ни къ какимъ сдѣлкамъ. Малѣйшее отступленіе отъ представленнаго ими изложенія вѣры казалось имъ измѣною святой истинѣ. Нѣсколько разъ сходились обѣ стороны на конференціи между собою, и не могли согласиться почти ни въ одномъ важномъ пунктѣ. Даже что́ и уступали сначала, то, одумавшись, опять брали назадъ. Курфирстъ, какъ ни много имѣлъ онъ причинъ опасаться за свое положеніе, никогда впрочемъ не забывалъ подтверждать своимъ теологамъ, чтобы въ своихъ совѣщаніяхъ съ католиками они прежде всего имѣли въ виду истину и не заботились объ его личныхъ интересахъ. При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, всѣ попытки къ соглашенію не привели ни къ какому результату.

Мы нарочно остановились нѣсколько на подробностяхъ этого знаменитаго состязанія, чтобы читатели могли видѣть, какъ много полагался Карлъ на силу своего личнаго авторитета, желая привести этотъ споръ къ счастливому окончанію. Послѣдняя попытка со стороны императора уладить дѣло мирнымъ образомъ состояла въ обѣщаніи перенести его въ непродолжительное время на рѣшеніе всеобщаго собора. Въ ожиданіи же его всѣ чины безъ изъятія должны были сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ существующими постановленіями. При всемъ своемъ желаніи представить рѣшеніе спора собору, протестанты не могли допустить соединеннаго съ нимъ условія и еще разъ отвѣчали отказомъ. Съ этой минуты мысли Карла начали принимать другое направленіе. Глубоко огорченный отказомъ протестантскихъ чиновъ на его предложеніе, онъ не замедлилъ выразить имъ свое „чувствительное неудовольствіе". Въ перепискѣ своей съ папою, относящейся къ тому же времени, онъ уже прямо говорилъ, что мирныя средства истощены, и что не остается ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ оружію... Это рѣшеніе было въ немъ тѣмъ тверже, что созрѣло послѣ долгаго колебанія, послѣ всѣхъ попытокъ поладить съ разномыслящими членами сейма. Оно не замедлило выразиться и въ самомъ собраніи. Отвѣчая на новыя возраженія со стороны протестантовъ, Карлъ объявилъ большинству, что не потерпитъ ни малѣйшей уступки въ дѣлахъ, касающихся вѣры, и готовъ на защиту ея употребить не только собственныя свои силы и средства, но и вступить въ союзъ съ папою

и другими христіанскими государями. Протестанты поняли эти слова такъ, что они могутъ ожидать себѣ той же участи, какая постигла мавровъ въ Испаніи. Въ такомъ же смыслѣ, по праву, истолковано было ими и заключительное рѣшеніе сейма, составленное въ обидныхъ для протестантовъ выраженіяхъ и назначавшее имъ, вмѣсто всякой льготы, лишь опредѣленный срокъ на размышленіе. Послѣдователямъ реформы оставленъ былъ только выборъ между безусловнымъ принятіемъ рѣшенія и всѣми послѣдствіями опалы. Императоръ далъ имъ знать отъ себя лично, что отказъ ихъ онъ сочтетъ за сопротивленіе своей власти и немедленно приметъ надлежащія мѣры, чтобы положить конецъ опасной ереси. Въ намѣреніяхъ Карла и большинства собранія не оставалось болѣе никакого сомнѣнія. Протестантамъ надобно было подумать о своей безопасности. Не дожидаясь конца засѣданій, они откланялись собранію и вскорѣ потомъ разъѣхались по своимъ владѣніямъ.

Расходясь между собою, обѣ стороны не могли освободиться отъ одного тяжелаго чувства. Изъ участниковъ сейма всякій сознавалъ болѣе или менѣе, что онъ несетъ на себѣ свою долю отвѣтственности въ опасномъ рѣшеніи, и всякій изъ нихъ исполненъ былъ предчувствія, что натянутое положеніе, которое оставлялъ по себѣ расходившійся сеймъ, не можетъ разрѣшиться добромъ. Это чувство невольно сказалось въ сценѣ прощанія между главными представителями обѣихъ сторонъ, Карломъ V и Іоанномъ саксонскимъ. „Дядя", сказалъ императоръ курфирсту, когда тотъ пришелъ отдать ему послѣдній поклонъ (они считались въ родствѣ между собою),—„не того надѣялся я отъ тебя".—Курфирстъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ; но глаза его наполнились слезами, и онъ ничего не могъ проговорить. Такъ вышелъ онъ изъ дворца и вслѣдъ за тѣмъ выѣхалъ изъ города! [1]).

Такова была разность положеній, созданныхъ, одно вслѣдъ за другимъ, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, двумя большими сеймами въ Германіи. Вормсъ едва давалъ предчувствовать то, что́ совершилось потомъ въ Аугсбургѣ. Въ Вормсѣ рѣшалось дѣло Лютера, въ Аугсбургѣ—цѣлой многочисленной общины, которая распространена была почти по всей Германіи, и во многихъ мѣстахъ нашла себѣ сильную опору въ территоріальной власти. Опалу, которая въ Вормсѣ произнесена была надъ однимъ человѣкомъ и не произвела внутри сейма чувствитель-

[1]) Ranke, III, p. 288.

наго раздѣленія, приходилось повторить въ Аугсбургѣ надъ цѣлымъ союзомъ протестантскихъ князей и городовъ. Въ Аугсбургѣ не было, какъ въ Вормсѣ, цѣлаго синклита судей, и передъ ними одного подсудимаго, а стояли одна передъ другой двѣ партіи и спорили между собою о равенствѣ своихъ правъ. Такъ какъ, по глубокой разности самыхъ началъ, теоретическое ихъ соглашеніе оказалось невозможнымъ, то противники расходились на почтительное разстояніе другъ отъ друга, чтобы попытаться силою разрубить узелъ, котораго нельзя было развязать мыслію. Въ промежуткѣ между партіями образовалась пустота, которая ни чѣмъ не могла быть наполнена, какъ только густыми рядами сражающихся...

Слово вражды не было гласно произнесено на сеймѣ, но всякій могъ явственно различить его въ концѣ той перспективы, которую протестанты видѣли передъ собою въ назначенной имъ отсрочкѣ. Если положеніе могло измѣниться къ лучшему, то развѣ только въ продолженіе этого термина (до 5 мая 1531 года). Но необходимымъ условіемъ для того было бы, чтобы протестанты показали хотя нѣкоторое расположеніе къ уступчивости. Они однако продолжали дѣйствовать прямо въ противоположномъ смыслѣ. По справедливости считая свое положеніе весьма небезопаснымъ, они постоянно были озабочены тѣмъ, чтобы какъ можно больше расширить предѣлы своего союза и укрѣпить его внутреннею организаціею. Перваго они достигали тѣмъ, что успѣли ввести въ свой союзъ много новыхъ членовъ изъ числа большихъ городовъ имперіи. Въ 1531 году число ихъ простиралось уже до четырнадцати. Почти всѣ богатые и значительные города въ сѣверной и западной Германіи переходили одинъ за другимъ на сторону протестантскаго союза. Даже Аугсбургъ, гдѣ происходили засѣданія сейма, не хотѣлъ подписать его рѣшеній и тѣмъ занялъ мѣсто въ рядахъ оппозиціи. Еще замѣтнѣе были усилія, которыя протестантскіе князья дѣлали для достиженія второй своей цѣли. Въ концѣ того же года (22 декабря 1530) они собрались между собою въ Шмалькальденѣ для совѣщанія и постановили правиломъ помогать другъ другу общими силами, откуда бы ни происходило нападеніе. Это былъ зародышъ такъ называемаго Шмалькальденскаго союза, который отличался отъ Торгаускаго не только бóльшимъ числомъ членовъ, но и своимъ болѣе опредѣлившимся характеромъ. Поднятый вновь на этомъ собраніи вопросъ объ отношеніи территоріальной власти къ императорской рѣшенъ былъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ

событій, скорѣе въ пользу первой изъ нихъ. Даже теологи, присутствовавшіе на совѣщаніяхъ, не противорѣчили много такому рѣшенію. Истекающій срокъ, назначенный Аугсбургскимъ сеймомъ, нисколько не измѣнилъ и даже не поколебалъ намѣреній союзниковъ. Вмѣсто того, чтобы заискивать примиренія съ большинствомъ, они старались только о соединеніи своихъ силъ въ одно крѣпкое цѣлое. Сходясь нѣсколько разъ въ продолженіе 1531 года, они успѣли распредѣлить между собою роли и установить довольно правильную организацію. Члены союза составляли совѣтъ, въ которомъ считалось девять голосовъ. Изъ нихъ четыре раздѣлены были между Саксоніею и Гессеномъ, четыре—между городами, и одинъ предоставленъ прочимъ князьямъ. Сверхъ того опредѣлены были число и составъ союзнаго войска. На содержаніе его назначалась особая сумма, для покрытія которой князья взносили ежемѣсячно 30,000, а города 40,000 гульденовъ. Наконецъ команда надъ войскомъ раздѣлена была между главными предводителями союза, курфирстомъ саксонскимъ и ландграфомъ гессенскимъ.

Тѣмъ болѣе было причинъ императору ускорить разрывъ съ непокорнымъ меньшинствомъ и приступить къ исполненію тѣхъ мѣръ, къ которымъ клонились рѣшенія Аугсбургскаго сейма. Каждый мѣсяцъ надобно было ожидать объявленія войны протестантамъ. Карлъ имѣлъ достаточныя основанія къ тому еще до истеченія опредѣленнаго срока: тѣмъ болѣе онъ былъ въ правѣ взяться за оружіе послѣ того, какъ срокъ исполнился и вооруженія протестантовъ ни для кого не были тайною. Если ихъ поведеніе на сеймѣ не превзошло мѣры его великодушія, то, казалось, послѣдующія ихъ дѣйствія должны были истощить всякое терпѣніе съ его стороны. Притомъ же Карлу нельзя было терять много времени на размышленіе: у него оставалось еще много нерѣшенныхъ дѣлъ въ другихъ странахъ, присутствіе его требовалось не въ одной только Германіи. Чѣмъ ранѣе покончилъ бы онъ съ внутреннимъ нѣмецкимъ вопросомъ, тѣмъ скорѣе бы развязались у него руки на любимую имъ внѣшнюю дѣятельность. Однако, несмотря на всю вѣроятность войны, она не была объявлена ни прежде, ни послѣ истеченія срока. Мысли Карла о послѣдователяхъ реформы нисколько не измѣнились, онъ зналъ объ ихъ приготовленіяхъ, а между тѣмъ вовсе не спѣшилъ предупредить ихъ рѣшительнымъ ударомъ. Онъ, который не боялся состязаться ни съ какимъ внѣшнимъ противникомъ, не нахо-

дилъ въ себѣ довольно рѣшимости, чтобы вступить въ открытую борьбу съ явными ослушниками своей воли внутри имперіи.

Между тѣмъ турецкая гроза снова начала подвигаться къ границамъ имперіи. Отливъ и новый приливъ непріятельскихъ силъ тутъ слѣдовали одинъ за другимъ довольно правильною чередою, какъ отливъ и приливъ моря. Кто не успѣлъ воспользоваться отливомъ, чтобы утвердиться на осушенной землѣ, тотъ не могъ безопасно оставаться на ней во время новаго прилива. Такъ было въ это время съ восточными границами Германіи. Едва прошло два года послѣ перваго нашествія турокъ на имперію, какъ Солейманъ дѣлалъ уже приготовленія къ новому походу противъ императора. Начатые по этому случаю переговоры не могли отвратить опасности. Продолжая переговариваться о мирѣ, турки между тѣмъ подвигались къ венгерской границѣ. Все вниманіе императора и брата его, короля Венгріи, поневолѣ обратилось въ одну сторону. Въ виду непріятельскихъ силъ, которыя грозными массами надвигали съ юго-востока, нечего было и думать о разрывѣ съ вооруженнымъ союзомъ князей внутри имперіи. Каковы бы ни были душевныя расположенія императора, сама необходимость требовала отъ него сближенія съ протестантами. Уже въ началѣ 1532 года, при посредствѣ курфирстовъ майнцскаго и пфальцскаго, открыты были съ ними сношенія въ Швейнфуртѣ. Но пока громъ гремѣлъ въ отдаленіи, переговоры мало подвигались впередъ. И съ той и съ другой стороны слишкомъ чувствовался еще недостатокъ доброй воли и совершенное отсутствіе истиннаго духа примиренія. Между тѣмъ наступило лѣто, и многочисленное турецкое ополченіе, предводимое самимъ султаномъ, вторглось въ беззащитную Венгрію. Всякая напрасно потерянная минута могла потомъ дорого обойтись имперіи. Въ такихъ обстоятельствахъ созванъ былъ имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ, а съ протестантскими князьями вновь открыты переговоры въ Нюренбергѣ. Еще большинство продолжало упорствовать, протестанты также оставались при своихъ требованіяхъ, но императоръ готовъ былъ купить внутренній миръ даже цѣною нѣкоторыхъ важныхъ уступокъ. Соглашеніе дѣйствительно не замедлило послѣдовать, на томъ основаніи, что Вормскій эдиктъ и рѣшенія Аугсбургскаго сейма отмѣнялись впредь до созванія всеобщаго собора. Распуская собраніе, засѣдавшее въ то же время въ Регенсбургѣ, императоръ сверхъ того далъ торжественное обѣщаніе—въ случаѣ, если соборъ не состоится въ продолженіе

года, созвать вновь имперскій сеймъ и не пожалѣть ничего для справедливаго удовлетворенія нуждъ и потребностей нѣмецкаго народа. Такое обѣщаніе могло быть вынуждено у Карла только крайнею необходимостію. Онъ самъ сознавалъ всю его важность,—и изъ опасенія, чтобы сеймъ, въ силу его же словъ, не присвоилъ себѣ чрезвычайнаго значенія, не созывалъ его потомъ цѣлыя восемь лѣтъ!

Ближайшая цѣль соглашенія впрочемъ была достигнута. Обезпеченные условіями Нюренбергскаго религіознаго мира и рѣшеніемъ Регенсбургскаго сейма, протестанты не противились болѣе присоединить свои силы къ общему императорскому ополченію, назначенному противъ турокъ; сверхъ того, своими денежными взносами они покрыли значительную часть издержекъ похода. Благодаря этому доброму согласію, въ короткое время подъ стѣнами Вѣны собралось большое ополченіе, котораго численная сила простиралась до 80,000 человѣкъ. Это необычайное и почти вовсе неожиданное усиліе не замедлило произвести свое дѣйствіе на султана, который съ массою своихъ силъ стоялъ въ то время уже въ Штиріи. Еще имперское ополченіе не успѣло двинуться впередъ, какъ онъ началъ свое отступленіе. Безъ битвы, безъ побѣды, предѣлы имперіи были очищены отъ непріятеля, и опасность варварскаго нашествія снова устранена на неопредѣленное время. Изъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ Карлъ V на этотъ разъ не вынесъ особенной славы, но радъ былъ и тому, что по крайней мѣрѣ успѣлъ возстановить безопасность имперіи благодаря содѣйствію протестантовъ. Какъ ни обманчивъ былъ союзъ съ ними, естественно впрочемъ, что его нельзя было разорвать тотчасъ послѣ войны, и потому рѣшеніе внутренняго спора, какъ оно представлялось мысли Карла при заключеніи Аугсбургскаго сейма, опять откладывалось на далекій срокъ времени.

Вотъ на какіе скудные и вовсе не блестящіе результаты уходили огромныя средства цѣлой имперіи и нѣсколькихъ королевствъ, соединенныхъ подъ властію одного человѣка! Въ Вормсѣ Карлъ V отвернулся отъ реформы съ презрѣніемъ: достойно ли было его высокаго положенія много заниматься дѣломъ простого монаха? Въ Аугсбургѣ онъ уже сознавалъ важность вытекавшей отсюда опасности и почувствовалъ необходимость, не теряя болѣе времени, противодѣйствовать ей всѣми своими средствами. Однако цѣлые два года послѣ Аугсбургскаго сейма онъ не сдѣлалъ ни одного рѣшительнаго

шага для исполненія своего намѣренія, и наконецъ, подъ вліяніемъ страха внѣшней опасности, пошелъ даже на союзъ съ протестантами... Это былъ оборотъ столько же неожиданный, сколько и недостойный величія повелителя нѣсколькихъ странъ въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Побужденія къ тому заключались конечно не въ одномъ только опасеніи турецкаго нашествія. Были безъ сомнѣнія и другія, болѣе внутреннія причины такой странной медлительности и нерѣшимости, послѣ того какъ рѣшеніе, казалось, совершенно созрѣло въ немъ. Но гдѣ ихъ искать? въ самомъ ли Карлѣ, или въ иныхъ лицахъ, которыя наиболѣе имѣли на него вліянія?

Говоря о Карлѣ V, нельзя придавать много значенія постороннимъ вліяніямъ на него. Впрочемъ были и нѣкоторыя исключенія. Въ первой молодости Карла, наиболѣе вліянія на него имѣла тетка его, Маргарита нидерландская. Она была первою руководительницею его въ политическомъ искусствѣ. Совѣты ея и въ послѣдствіи принимались племянникомъ съ большимъ уваженіемъ. Но, можетъ-быть въ самое критическое время жизни Карла, Маргарита перестала служить ему своею дѣятельностію и своими совѣтами: она не пережила года Аугсбургскаго сейма [1]). Изъ государственныхъ мужей, окружавшихъ Карла, особенною довѣренностію его пользовался Гаттинара, безспорно лучше всѣхъ умѣвшій входить въ политическіе планы и намѣренія своего повелителя. Но его также не было болѣе въ живыхъ въ самое критическое время: онъ умеръ въ Инспрукѣ, незадолго до открытія Аугсбургскаго сейма.

Затѣмъ остались еще два лица, которыхъ мнѣнія и совѣты имѣли особенный вѣсъ въ глазахъ императора: это были Фердинандъ, король венгерскій, и кардиналъ Осма. Первый нѣсколько лѣтъ къ ряду управлялъ отъ имени Карла внутренними дѣлами имперіи. Титло римскаго короля, которое императоръ доставилъ Фердинанду по возвращеніи своемъ въ Германію, служило новымъ знакомъ его высокой довѣренности къ преданности и благоразумію брата. Письма Карла къ нему исполнены выраженій любви и дружбы. Въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за Аугсбургскимъ сеймомъ, Ранке приписываетъ совѣтамъ Фердинанда рѣшительное вліяніе на императора. По словамъ нѣмецкаго историка, онъ наиболѣе содѣйствовалъ къ тому, чтобы склонить Карла на мирное соглашеніе съ протестантами, о которомъ онъ сначала не могъ

[1]) См. ея предсмертное посланіе къ Карлу. Lanz, 1, p. 408.

слышать безъ внутренняго волненія [1]). Такое миролюбивое расположеніе дѣйствительно выходило изъ самыхъ свойствъ Фердинанда; оно было условлено сверхъ того интересами его власти въ Венгріи, которая болѣе всего страдала отъ турецкаго нашествія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его внушенія пригодились очень кстати и не мало способствовали къ миролюбивому повороту внутренней политики. Но едва ли можетъ быть здѣсь рѣчь о рѣшительномъ вліяніи одного лица на другое. Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что внушенія Фердинанда потому только оказались дѣйствительны, что сходились съ мыслями самого императора. Каковы бы ни были личныя чувства его въ отношеніи къ протестантскому союзу, онъ не менѣе другихъ видѣлъ необходимость подчинить ихъ политическимъ расчетамъ. Онъ видѣлъ, что не можетъ вдругъ разрѣшить всѣхъ трудностей, боялся запутаться въ новыя враждебныя отношенія и все больше и больше склонялся къ мирному способу дѣйствія. Это очень ясно видно изъ писемъ его къ брату въ первой половинѣ 1531 года. Пробывши годъ въ Германіи, Карлъ опять нетерпѣливо рвался въ Испанію, гдѣ считалъ свое присутствіе не менѣе необходимымъ. „Вы можете понять"—писалъ онъ Фердинанду въ началѣ апрѣля означеннаго года—„какъ много потерпятъ дѣла и потребности моихъ испанскихъ королевствъ, и сколько можетъ явиться новыхъ поводовъ къ неудовольствіямъ и жалобамъ со стороны моихъ тамошнихъ подданныхъ, если мое отсутствіе продолжится еще далѣе, и потому я желалъ бы, не откладывая болѣе, возвратиться въ Испанію, чтобы принять надлежащія мѣры противъ мавровъ, которые держатъ ее въ постоянномъ страхѣ и помочь ей въ разныхъ другихъ нуждахъ" [2]). Разсуждая далѣе о благовременности войны съ турками со стороны Фердинанда, онъ взвѣшиваетъ всѣ возможныя основанія *въ пользу* и *противъ*, и находитъ, что послѣднія вѣсятъ гораздо сильнѣе, а потому совѣтуетъ брату—предпочесть миръ, хотя бы и не очень выгодный. „Съ другой же стороны"—говоритъ онъ, переходя къ основаніямъ противъ войны—„если принять въ соображеніе могущество турокъ, которое такъ велико, и ваши нужды и средства для сопротивленія имъ, которыя такъ скудны и недостаточны, и наконецъ мало имѣя надежды на содѣйствіе прочихъ князей, я право не знаю, какое можно

[1]) См. Ranke, III, p. 404—5; ср. также p. 414. — [2]) См. Lanz, I, p. 431. (Письмо отъ 3-го апрѣля 1531 года).

принять другое рѣшеніе, какъ развѣ посовѣтовать вамъ, для устраненія нашествія со стороны турокъ, буде можно постараться избѣжать войны по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, а чтобы дать еще лучшій оборотъ дѣлу, особенно имѣя въ виду пользу нашей святой вѣры, вы должны не пропускать удобнаго случая и поставить себѣ въ непремѣнный долгъ заключить перемиріе съ воеводою Заполія, если только это окажется возможнымъ, тѣмъ или другимъ способомъ, лишь бы не на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, при посредничествѣ короля польскаго, или кого другого," и т. д. [1]). Вообще Карлъ все больше и больше располагался въ пользу миролюбивыхъ сдѣлокъ,—не только по отношенію къ внѣшнимъ врагамъ имперіи и своего брата, но и по внутреннему религіозному спору, занимавшему тогда всѣ умы въ Германіи. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, отправляя къ Фердинанду копію съ обширной дипломатической переписки, Карлъ между прочимъ писалъ къ нему изъ Гента слѣдующее: „Такъ какъ дѣла принимаютъ дурной оборотъ, то я все болѣе и болѣе нахожу необходимымъ, чтобы вы, сообразуясь съ моими послѣдними письмами, обдумали внимательно и испробовали всѣ возможные способы, не выходящіе изъ границъ приличія, нельзя ли при помощи и содѣйствіи курфирстовъ, князей и другихъ значительныхъ лицъ изъ католиковъ, отыскать какое-нибудь средство, лишь бы не самое дурное, чтобы устроить примиреніе внутри (разумѣется съ протестантами), или пріостановить дальнѣйшее распространеніе господствующихъ заблужденій" и т. д. [2]). Можно ли послѣ того сомнѣваться, что значеніе въ дѣлѣ мирнаго соглашенія съ протестантами отнюдь не менѣе принадлежало самому Карлу, чѣмъ Фердинанду? Возможно ли было бы такое настоятельное внушеніе брату со стороны императора, если бы эта мысль принадлежала не ему самому, а Фердинанду? Но вотъ еще новое свидѣтельство въ пользу того же мнѣнія. Оно находится въ слѣдующемъ письмѣ Карла къ Фердинанду, писанномъ около двадцати дней спустя (21 мая 1531 года). Увѣдомляя брата, что онъ не могъ еще принять окончательнаго рѣшенія по нѣкоторымъ его запросамъ, Карлъ опять настаиваетъ съ своей стороны на необходимости скорѣйшаго соглашенія съ протестантами. „Во всякомъ случаѣ", говоритъ онъ, „намъ болѣе чѣмъ нужно, сохраняя всевозможное благоразуміе и осмотрительность, впрочемъ сколько можно поспѣ-

[1]) Ibid. p. 432. — [2]) Ibid. p. 451.

шить условиться между собою, чтобы устроить соглашеніе между лютеранами и тѣми, которые не измѣнили истинной вѣрѣ, и постараться окончить его въ наискорѣйшемъ времени, пока еще дѣло идетъ о всеобщемъ соборѣ“ [1]). Спрашиваемъ еще разъ: не ясно ли изъ всѣхъ этихъ признаній, что Фердинандъ нашелъ уже въ императорѣ полное сознаніе необходимости примиренія съ протестантами, хотя конечно ему и много еще надобно было бороться съ самимъ собою, чтобы согласиться на нѣкоторыя уступки въ ихъ пользу?

Остается кардиналъ Осма, духовникъ императора. Его вліяніе было нравственнаго свойства, но оно должно было проникать также и въ политику, особенно въ дѣлахъ, касающихся религіозной совѣсти. Тутъ голосъ духовника имѣлъ для Карла неоспоримую важность. Ихъ, правда, раздѣляло большое пространство: въ то время, когда Карлъ колебался между двумя противоположными рѣшеніями относительно важнѣйшаго вопроса внутренней политики, кардиналъ находился въ Италіи, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ императоромъ, и гдѣ потомъ остался по его желанію, чтобы служить посредникомъ между нимъ и римскимъ дворомъ. Но между ними происходила все это время, то-есть отъ 1530 до 1532, дѣятельная переписка. Она долгое время скрывалась въ испанскихъ архивахъ и была неизвѣстна даже нѣмецкому историку реформаціи. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному трудолюбивому изслѣдователю удалось собрать ее на мѣстѣ, и привести во всеобщую извѣстность посредствомъ изданія въ нѣмецкомъ переводѣ. Обнародованіе этой корреспонденціи пролило много новаго свѣта на одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи знаменитаго царствованія.

Для тѣхъ впрочемъ, которые желали бы воспользоваться перепискою между Карломъ V и его духовникомъ и по ней сдѣлать нѣкоторые окончательные выводы, есть одно довольно важное неудобство. Въ изданіи г. Гейне мы имѣли передъ собою только письма кардинала, но не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ императора. Оттого происходитъ, что не всегда можно рѣшить съ достовѣрностію, кому обязана своимъ началомъ та или другая мысль, встрѣчающаяся въ корреспонденціи — тому ли, въ чьихъ письмахъ она находится, или самому императору. Ибо между ними происходилъ постоянный обмѣнъ мыслей, и нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя роль совѣтника принадлежала

[1]) Ibid. p. 456.

въ этой перепискѣ кардиналу, однако и его мнѣнія могли измѣняться подъ вліяніемъ идей его царственнаго корреспондента.

Вопросъ объ отношеніяхъ къ протестантамъ проходитъ черезъ всю переписку кардинала. Почти можно сказать, что онъ составляетъ въ ней одинъ изъ главныхъ предметовъ разсужденія. Оба корреспондирующія лица, очевидно, заняты имъ въ высокой степени. Но читателю бросается притомъ въ глаза, что мнѣніе кардинала объ этомъ вопросѣ далеко не выдержано отъ начала до конца. Какъ слѣдуетъ испанскому католику и сановнику римской церкви, онъ въ началѣ не знаетъ другого рѣшенія вопроса, какъ истребленіе новаго ученія до корня и конечное разсѣяніе всѣхъ его послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ онъ долгъ императора не жалѣть своей жизни для защиты католической вѣры, и конечно такой же толкъ готовъ дать словамъ кардиналовъ въ римской консисторіи, которые, прославляя Карла V, называли его „ангеломъ, посланнымъ съ неба для уврачеванія христіанскаго міра“ [1]. Обращаясь къ Германіи и пріискивая въ умѣ своемъ средства для возвращенія католицизму потерянныхъ его членовъ, кардиналъ допускаетъ еще „подарки и льстивыя рѣчи“ для успѣшнѣйшаго дѣйствія на тѣхъ, которые стоятъ во главѣ движенія и сильны или своею ученостію, или своимъ общественнымъ положеніемъ; для массы же, если бы она не хотѣла слушаться простыхъ увѣщаній, онъ считаетъ только одно врачевство вполнѣ цѣлительнымъ — открытую *силу* [2]. Языкъ его нѣкоторое время остается тотъ же и послѣ Аугсбургскаго сейма. Въ томъ состоитъ, полагаетъ онъ, пріятнѣйшая Богу религія, чтобы обращать еретиковъ и побѣждать невѣрныхъ [3]; а что касается до вѣрнѣйшаго способа обращенія, то онъ опять находитъ, что „нѣтъ болѣе спасительнаго средства для уврачеванія заблуждающихся, какъ власть католическихъ государей“ [4]. — „Такъ какъ, всемилостивѣйшій мой государь“, говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ, „Богу не угодно совершить чудо, а разумными убѣжденіями ничего нельзя сдѣлать съ этими *вра-*

1) См. Briefe an Kaiser Karl V, von Dr. Heine, p. 6 и 16. — 2) Ibid. p, 20. Und ist das geschehen, so habt ihr für *das übrige niedrige Volk* zuerst Eure kaiserliche Edikte und christliche Ermahnungen œffentlich zu erlassen, und wollen sie dann nicht gehorchen, dann ist der wahre Rhabarbar, um sie zu heilen — *die Gewalt*. — 3) Ibid. p. 32. — 4) Ibid. p. 41. Niemals hat sich eine andere Medicin für ihre Gesundheit gefunden, als die Gewalt der katholischen Fürsten. (Отъ 1 октября 1530).

нами, то не будетъ излишнимъ подумать объ употребленіи *силы*, какъ вѣрнаго средства для спасенія".

Но вскорѣ послѣ того въ языкѣ безпощаднаго кардинала замѣчается нѣкоторая перемѣна. Онъ уже не такъ энергически стоитъ за насильственныя мѣры, онъ менѣе фанатикъ чѣмъ прежде, онъ не прочь даже совѣтовать и нѣкоторое снисхожденіе въ отношеніи къ послѣдователямъ новаго религіознаго ученія. Не то чтобы у него явились сомнѣнія въ дѣйствительности насильственныхъ средствъ: въ этомъ отношеніи кардиналъ неисправимъ; но онъ находитъ, что благоразумнѣе отложить ихъ до другого, болѣе благопріятнаго времени. „При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ", пишетъ онъ Карлу, указавъ на опасность со стороны турокъ и выразивъ сомнѣнія въ возможности помощи со стороны Франціи и Англіи,— „не знаю я, достанетъ ли у васъ средствъ, чтобы обуздать силою лютеранъ, которые такъ сильны сами по себѣ, и которыхъ тылъ сверхъ того прикрываютъ еретическіе кантоны Швейцаріи" [1]). Это новое направленіе его мысли еще виднѣе въ слѣдующихъ строкахъ того же письма. „Если ваше величество, взвѣсивъ ваши силы, думаете, что онѣ недостаточны для того, чтобы одержать верхъ и успѣть въ своемъ предпріятіи, то вы нисколько не обязаны нести напрасную потерю. Въ такомъ только случаѣ вы можете употребить на это дѣло всѣ ваши силы и нѣкоторымъ образомъ поставить на карту вашу жизнь и ваши владѣнія, если есть какой-нибудь разумный расчетъ, что оно можетъ быть вами выиграно".— Черезъ мѣсяцъ потомъ кардиналъ уже очень опредѣленно говоритъ о тѣхъ уступкахъ, которыя могутъ быть сдѣланы протестантамъ въ ожиданіи того времени, когда императоръ будетъ въ состояніи обуздать ихъ силою. „Когда имперскіе князья снова сойдутся на сеймъ, вамъ надобно будетъ постараться уговорить этихъ еретиковъ, чтобы они, оставаясь при своихъ заблужденіяхъ, держались по крайней мѣрѣ средняго пути: пусть они сохранятъ свои обряды, лишь бы согласились на перемѣны въ существенныхъ пунктахъ, такъ что вы и за вами вашъ братъ всегда могли бы имѣть въ нихъ преданныхъ себѣ слугъ. Ужъ если они хотятъ быть нечистыми псами, то пусть будутъ; вы же смотрите сквозь пальцы на ихъ заблужденія, пока вы не въ состояніи обуздать ихъ силою, и пока

[1]) Ibid. p. 49–50. (Отъ 8 октября 1530 года).

еще не нашлось довольно дѣйствительнаго средства, чтобы вылѣчить ихъ отъ этого недуга“ [1]).

Въ послѣднемъ своемъ видѣ мысль кардинала довольно близко уже сходится съ извѣстными намъ побужденіями императора, которыя заставили его согласиться на религіозный миръ съ протестантами. Здѣсь же можно замѣчать и начала той макіавелистической политики, которою Карлъ и его преемники руководились въ отношеніи къ протестантамъ каждый разъ, какъ только видѣли и сознавали невозможность дѣйствовать противъ нихъ открытою силою. Конечно полагаясь на испытанную скромность своего духовнаго сына, кардиналъ съ рѣдкою откровенностію высказалъ въ томъ же письмѣ и главное правило этой политики. Мы приведемъ это столь характеристическое мѣсто переписки. „Пока нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы поправить дѣло“, пишетъ кардиналъ, „по моему мнѣнію, было бы лучше всего, если бы вы не показывали и тѣни неудовольствія и сохраняли бы съ еретиками тотъ же самый тонъ, какъ и съ католиками; пусть даже всякій изъ нихъ будетъ взысканъ вашею милостію, кто только согласится служить вамъ по христіанскому долгу. Вашему величеству нечего болѣе обольщать себя пустою мечтою (Phantasie) *объ обращеніи душъ къ истинной вѣрѣ*: отнынѣ всѣ ваши мысли должны быть направлены къ тому, чтобы *привести тѣла въ послушаніе своей волѣ*. Вы спасете вашу душу, если въ дѣйствіяхъ и вѣрѣ вашей будете слѣдовать примѣру вашихъ предковъ и даже превзойдете ихъ въ добрыхъ дѣлахъ; ибо въ настоящее время въ нихъ болѣе настоитъ нужды, чѣмъ когда-либо. Таковъ мой совѣтъ вамъ, и я готовъ закрѣпить его моею подписью“ [2]).

Переписка продолжается еще болѣе года послѣ того; но для нашей цѣли достаточно приведенныхъ нами выписокъ. Свидѣтельство ихъ такъ выразительно, что едва ли послѣ него можетъ быть какое сомнѣніе въ сходствѣ направленій обоихъ корреспондентовъ касательно религіознаго вопроса. Остается только рѣшить, кому изъ нихъ принадлежитъ первая мысль о необходимости временныхъ уступокъ протестантамъ. На это, какъ мы сказали, нѣтъ прямого отвѣта, ибо въ обнародованную переписку не вошли письма Карла V, и мы даже не знаемъ, существуютъ ли они въ архивахъ. Но есть нѣкоторыя вѣроятности въ пользу одного рѣшенія. Во-первыхъ, у кардинала гораздо замѣтнѣе крутой поворотъ отъ одной мысли къ другой, чѣмъ у

1) Ibid. p. 65. (Отъ 18 ноября того же года). – 2) Ibid p. 65–66.

его духовнаго сына. По крайней мѣрѣ первыя его письма никакъ не обѣщаютъ съ его стороны послѣдующаго согласія на уступки протестантамъ. Не совершился ли въ немъ самомъ этотъ поворотъ подъ вліяніемъ мыслей Карла? Не слишкомъ ли настаивалъ императоръ въ своихъ письмахъ на недостаточность своихъ средствъ и на трудность своего положенія, такъ что нѣкоторымъ образомъ самъ же подсказалъ своему духовнику тѣ совѣты, которые подъ конецъ находимъ въ его письмахъ? Не утверждая этого дѣйствительно, ссылаемся впрочемъ на многія мѣста писемъ кардинала, прямо показывающія, что Карлъ нѣсколько разъ выражалъ ему признаніе въ недостаточности своихъ средствъ, а это прямо вело къ необходимости примиренія. Ясно почти до очевидности, что всѣ основанія, приводимыя кардиналомъ, заимствованы изъ писемъ его корреспондента. Въ одномъ мѣстѣ, отвѣчая Карлу, онъ очень наивно высказываетъ свое сожалѣніе, что не видитъ съ его стороны довольно рѣшимости на употребленіе того средства, которое, по мнѣнію кардинала, одно только можетъ быть дѣйствительно противъ заблуждающихся, то-есть насилія [1]). Что́ еще нужно для вѣроятности того предположенія, что кардиналъ, склоняясь къ уступчивости, самъ только уступалъ почти уже опредѣлившемуся мнѣнію о томъ же предметѣ своего царственнаго корреспондента?

Неоспоримо, что Карлъ V въ важныхъ дѣлахъ обращался за совѣтомъ къ нѣкоторымъ особенно довѣреннымъ лицамъ, но мы сомнѣваемся, чтобы совѣты ихъ имѣли на него рѣшительное вліяніе. Хорошіе и дурные совѣты равно не производили на него своего дѣйствія, если не совпадали съ его собственною мыслію. Такъ поступилъ онъ, сколько мы можемъ заключить по нѣкоторымъ признакамъ, и при первомъ своемъ столкновеніи съ протестантскимъ союзомъ. Мысль о необходимости уступокъ протестантамъ возникла въ его собственной головѣ; но его религіозная совѣсть долго еще не могла освободиться отъ сомнѣній. Въ этомъ состояніи голосъ духовника безспорно имѣлъ для него особенную важность. Когда же духовникъ, уступая доводамъ своего корреспондента, и самъ склонился къ его мнѣнію, мысль Карла получила нѣкотораго рода освященіе, и онъ могъ потомъ смѣлѣе приступить къ ея исполненію.

[1]) Vor allem aber schmerzt mich, so wenig Neigung zum wahren Heilmittel zu sehen, welches die *Gewalt* ist.

Нашъ окончательный выводъ состоитъ въ томъ, что въ робкомъ рѣшеніи Карла—вмѣсто того чтобы потребовать къ отчету членовъ Шмалькальденскаго союза, искать съ ними мирнаго соглашенія, главная отвѣтственность лежала на немъ самомъ. Впрочемъ само по себѣ оно не могло бы еще заслужить ему упрека съ нашей стороны. Оно было внушено ему вѣрнымъ расчетомъ, политическою осторожностію; оно показываетъ, что Карлъ по крайней мѣрѣ сознал̀ъ наконецъ и измѣрилъ своею мыслію великость опасности, которою слишкомъ пренебрегалъ въ зародышѣ, и которой далъ разрастись на волѣ, занятый своею личною политикой. Недостало у него героизма, такъ нашлось на этотъ разъ простое благоразуміе. Онъ не опередилъ своимъ умомъ событій, такъ по крайней мѣрѣ старался не слишкомъ отставать отъ нихъ. Упрека заслуживаетъ только іезуитская двусмысленность его поведенія съ протестантами, которымъ онъ подавалъ руку на примиреніе, чтобы напасть на нихъ въ минуту болѣе благопріятную для него.

Принятое Карломъ V рѣшеніе, говоримъ мы, вытекало изъ его положенія и внушено было ему благоразуміемъ. Съ этой стороны поступокъ его нельзя подвергнуть осужденію. Всякій однако видитъ, какъ это произвольное рѣшеніе долженствовало быть тяжело для его гордости. Итакъ со всѣми могущественными средствами, которыми онъ располагалъ, ему нельзя было разрѣшить по своему желанію перваго важнаго вопроса во внутренней политикѣ имперіи? Итакъ ему надобно было унижаться почти до ласкательства передъ протестантскими князьями, которыхъ онъ ненавидѣлъ въ душѣ?...

VIII.

Читатель, вѣроятно, утомился, слѣдя за нами въ обозрѣніи событій, которыми наполнена первая половина жизни и дѣятельности Карла V. Но, раскрывая нашу мысль въ противорѣчіи съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ новыхъ историковъ, мы по необходимости должны были коснуться многаго, чтобы она не показалась произвольною. Идея знаменитаго царствованія, столь продолжительнаго и обильнаго разнородными событіями, по нашему мнѣнію, можетъ сложиться не иначе, какъ изъ обстоятельнаго обозрѣнія всѣхъ входящихъ въ него направленій, въ связи ихъ между собою. Только при такомъ изученіи стано-

вятся ясны тѣ глубокія противорѣчія, въ которыхъ запутался Карлъ, думая подчинить ходъ великихъ всемірныхъ событій своего вѣка своей личной политикѣ, и упорствуя въ своихъ ограниченныхъ воззрѣніяхъ, вопреки требованіямъ времени. Если мы не ошибаемся, то въ этихъ противорѣчіяхъ и ихъ слѣдствіяхъ лежитъ тайна того безплодія, которымъ, несмотря на могущественныя средства императора, поражена почти вся его политическая дѣятельность. Отсюда же, кажется намъ, объясняется многое и въ душевномъ его состояніи. На событія, совершившіяся въ промежутокъ времени отъ 1521 до 1532 года, мы сочли за нужное обратить особенное вниманіе читателей, потому что главное противорѣчіе Карловой политики, которая состоитъ въ одностороннемъ, и потому крайне ограниченномъ пониманіи протестантизма и происходящемъ отсюда неправильномъ развитіи отношеній къ нему, тутъ зачинается, зрѣетъ и къ концу означеннаго періода достигаетъ своего полнаго раскрытія. Кто вникнулъ въ натуру этого противорѣчія, тому нетрудно уже будетъ составить себѣ вѣрное понятіе о послѣдующемъ ходѣ событій, ибо они были большею частію прямымъ результатомъ того положенія дѣлъ, которое создано было различными отношеніями внутренней и внѣшней политики во время вторичнаго пребыванія императора въ Германіи. Поэтому, оставляя въ сторонѣ многія подробности изъ второй половины его царствованія, мы думаемъ представить ее въ болѣе общемъ обзорѣ и остановить вниманіе читателя только на тѣхъ пунктахъ въ исторіи Карла V, на которыхъ особенно ощутительно приближеніе послѣдней катастрофы, приготовившей отреченіе его отъ всего, и соединенной съ нею дѣятельности.

Противорѣчіемъ называемъ мы отношенія къ протестантизму, потому что они заставили Карла измѣнить для нихъ любимымъ его планамъ и вынудили у него уступки, которыя не согласовались ни съ его матеріальнымъ положеніемъ, ни съ его убѣжденіями. Нюренбергскій религіозный миръ надолго связалъ ему руки; своимъ обязательствомъ передъ протестантами перенести споръ на рѣшеніе всеобщаго собора, онъ лишилъ себя свободы дѣйствія во внутренней политикѣ; въ ожиданіи того времени, когда папа согласится исполнить его желаніе, онъ долженъ былъ оставить протестантовъ въ покоѣ. Конечно у него еще былъ выходъ во внѣшнюю политику; онъ могъ возвратиться мыслію къ своимъ прежнимъ предпріятіямъ, но даже и здѣсь онъ не имѣлъ болѣе свободы движенія. Даже воинственная политика Карла V по необходимости принимала

пассивный характеръ. Если бы Карлъ и желалъ, не въ его власти было болѣе сохранить мирныя отношенія къ Франціи: новый родственный союзъ съ императоромъ (посредствомъ брака съ сестрою его, Элеонорою) нисколько не мѣшалъ Франциску искать случая отмстить за прежнія оскорбленія. Съ папою не могло быть искренняго союза, пока не изгладилась память о разграбленіи Рима. Противъ турокъ Карлъ могъ дѣйствовать развѣ только половиною своихъ силъ, то-есть больше какъ повелитель Испаніи и Неаполя, чѣмъ въ качествѣ нѣмецкаго императора, пока Германія не была приведена къ желаемому единству. Такъ, подъ вліяніемъ отношеній къ протестантамъ, измѣнился характеръ тѣхъ самыхъ предпріятій, въ которыхъ Карлъ нѣкогда думалъ найти свою славу и основать свое право на безсмертную заслугу христіанскому міру.

Предоставивъ управлять имперіею своему брату, новоизбранному римскому королю, Карлъ V удалился въ Италію, чтобы оттуда перебраться въ Испанію, гдѣ онъ считалъ необходимымъ свое личное присутствіе. Не безъ основанія думаютъ нѣкоторые, что онъ потому самому спѣшилъ покинуть Германію, что тяготился своимъ принужденнымъ въ ней положеніемъ [1]). Слѣдствія его удаленія почувствовались скоро. Послѣднія событія внушили протестантскому союзу много довѣрія къ себѣ и доставили ему чувство силы, котораго онъ не имѣлъ до того времени. Отсутствіе императора придало членамъ союза еще больше смѣлости и самонадѣянности. Имъ оставалось только искусно пользоваться обстоятельствами, чтобы увеличивать свое значеніе и пріобрѣтать себѣ новыя силы въ имперіи. Отнынѣ дѣйствительно протестантское дѣло быстро идетъ впередъ, возрастая съ каждымъ годомъ въ смыслѣ политической силы, и время отъ времени давая уже чувствовать ее своимъ противникамъ. Возстановленіе единства посредствомъ всеобщаго собора, на рѣшеніе котораго, повидимому, возлагали свои надежды обѣ стороны, становилось со дня на день все больше и больше несбыточною мечтою. Всѣ громко требовали собора, а между тѣмъ едва ли кто непритворно желалъ, чтобы мысль о немъ нашла себѣ скорое осуществленіе. Всего непріятнѣе была она для католической іерархіи. Если даже обѣщаніе, данное Карломъ, было искренно, оно тѣмъ не менѣе было неудобоисполнимо, ибо встрѣчало себѣ

1) K. A. Menzel, Neuere Geschichte der Deutschen, I, p. 268.

сильныя препятствія въ Римѣ. Тамъ соглашались на него только для вида, чтобы между тѣмъ выиграть время. О настоящихъ же расположеніяхъ римскаго престола касательно этого предмета можно получить понятіе изъ извѣстной намъ переписки кардинала съ императоромъ. Онъ имѣлъ много случаевъ извѣдать истинный образъ мыслей Климента VII о предполагавшемся соборѣ, и не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія, что въ Римѣ долгое время не могли равнодушно слышать о немъ. „Сколько мнѣ извѣстенъ образъ мыслей папы“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „то онъ не хочетъ слышать о соборѣ и отвергаетъ всякую мысль о немъ“. Въ слѣдующихъ письмахъ, возвращаясь къ тому же предмету, кардиналъ употребляетъ еще болѣе сильныя выраженія. По его словамъ, папа убѣжденъ, что для него, пока онъ живъ, нѣтъ болѣе „горькой чаши“, какъ этотъ соборъ, и тѣ кардиналы, которые рѣшаются подать свои голоса въ его пользу, поступаютъ подобно мореходцамъ, которые въ минуту опасности бросаютъ свое имущество въ море, чтобы спасти свою жизнь [1]). Такое глубокое предубѣжденіе противъ собора со стороны того, кто долженъ былъ подать въ пользу его первый голосъ, могло измѣниться развѣ съ перемѣною лица на папскомъ престолѣ. Недостатокъ искренней готовности содѣйствовать той же цѣли, впрочемъ, чувствовался также и со стороны протестантовъ. Такова была сила недовѣрія ихъ къ папѣ и ко всей католической іерархіи, что они никогда не могли вполнѣ удовлетвориться предложенными имъ условіями и всегда находили причины подозрѣвать своихъ противниковъ въ недобросовѣстности и неблагонамѣренности. Пока такимъ образомъ происходилъ обмѣнъ предложеній и требованій съ обѣихъ сторонъ, внутреннее разногласіе между ними увеличилось до такой степени, что заранѣе можно было предсказывать неуспѣхъ всякой попытки для теоретическаго соглашенія ихъ между собою.

Въ каждомъ новомъ движеніи протестантизма обнаруживалось чувство пріобрѣтенной имъ силы. Онъ не дожидался болѣе вызова, но смѣло пользовался всякимъ поводомъ, чтобы расширить еще далѣе свою область. Какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ протестантскій союзъ явно стремился создать себѣ независимое положеніе. Такъ уже въ 1533 году одно изъ главныхъ положеній Нюренбергской религіозной сдѣлки, ко-

[1]) См. Heine, Briefe, p. 43, 68, 72.

торымъ прекращались на время процессы по „дѣламъ вѣры“, истолковано было протестантскою оппозиціею въ весьма широкомъ смыслѣ и распространено даже на процессы по „церковнымъ имѣніямъ“, несмотря на протестъ императорскаго суда (Reichskammergericht) и ясно выраженную волю самого императора въ особомъ эдиктѣ, подписанномъ въ Болоньѣ [1]). Возникшій отсюда споръ кончился тѣмъ, что въ началѣ слѣдующаго года протестанты рѣшительно отказали имперскому суду въ повиновеніи по церковнымъ дѣламъ. Это былъ первый чувствительный ударъ, нанесенный центральнымъ учрежденіямъ имперіи со времени Максимиліана I. Вслѣдъ за тѣмъ на юго-западѣ Германіи произошло одно событіе, которое еще чувствительнѣе касалось чести и интересовъ императорской власти. Оно тоже вышло изъ протестантской среды и было первымъ проявленіемъ наступательнаго характера, который начинала принимать протестантская оппозиція внутри имперіи. Вопросъ состоялъ въ возстановленіи правъ Ульриха, изгнаннаго виртембергскаго герцога, котораго земли за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были заняты такъ называемымъ Швабскимъ союзомъ и уже поступили во владѣніе Габсбургскаго дома. Друзья Ульриха, которыхъ онъ имѣлъ между членами протестантскаго союза, нѣсколько разъ принимались ходатайствовать за него передъ императоромъ; однако всѣ ихъ просьбы остались напрасны. Дѣло изгнаннаго герцога нисколько не подвинулось впередъ и послѣ Аугсбургскаго и Регенсбургскаго сеймовъ. Чтобы возвратить ему права, отнятыя силою, также не оставалось другого средства, какъ употребленіе силы. Никто, разумѣется, не посмѣлъ такъ поставить вопросъ, пока Карлъ V находился въ Германіи; но отсутствіе его прибавило духа тѣмъ, которые брали на себя защиту правъ Ульриха. Самый безпокойный, но вмѣстѣ и самый предпріимчивый изъ нихъ былъ Филиппъ, ландграфъ гессенскій, занимавшій столь видное мѣсто въ протестантскомъ союзѣ. Его неукротимый духъ только и можно было держать въ уздѣ страхомъ; но какъ скоро всякое внѣшнее стѣсненіе прекращалось, онъ бурно предавался своимъ страстнымъ движеніямъ. Такъ поступилъ онъ и въ дѣлѣ Ульриха, воспользовавшись удаленіемъ императора изъ Германіи. Прежде чѣмъ въ Виртембергѣ успѣли изготовиться къ нападенію, онъ вступилъ въ него съ войскомъ, собраннымъ большею частію

[1]) K. A. Menzel, I, p. 247.

на французскія деньги. Счастіе также было въ союзѣ съ ландграфомъ: смѣлое предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Виртембергскій намѣстникъ Фердинанда, пфальцъграфъ Филиппъ, былъ побитъ на голову войскомъ ландграфа, и черезъ мѣсяцъ потомъ Ульрихъ вступилъ во владѣніе герцогствомъ.

Событіе произошло среди глубокаго внутренняго мира и имѣло видъ внезапнаго военнаго набѣга. Не только былъ имъ нарушенъ миръ имперіи, но въ лицѣ Фердинанда, вытѣсненнаго ландграфомъ изъ Виртемберга, оскорблены и права самого императора. Всѣ ждали страшной грозы со стороны оскорбленной власти; всѣ думали, что императоръ и Фердинандъ не потерпятъ такого дерзкаго посягательства на свои высокія права и не оставятъ нарушителя ихъ безъ примѣрнаго наказанія. Но къ общему удивленію, эти ожиданія были обмануты. Карлъ V былъ слишкомъ далеко (онъ находился въ то время въ Испаніи), а братъ его, проигравши разъ виртембергское дѣло, не чувствовалъ себя въ состояніи поправить его своими собственными средствами. Не умѣя никогда предупредить опасности, Фердинандъ обыкновенно считалъ себя счастливымъ, если могъ, хотя бы невыгодною мировою сдѣлкою, остановить дальнѣйшіе успѣхи непріятеля. Вмѣсто того, чтобы, въ качествѣ правителя имперіи, потребовать у ландграфа отчета въ его дѣйствіяхъ и поддержать свои требованія оружіемъ, онъ заключилъ съ нимъ, при посредствѣ курфирста саксонскаго, миръ въ Каданѣ, по которому призналъ Ульриха во владѣніи герцогствомъ, удовольствовавшись лишь нѣкоторыми формальными уступками въ свою пользу. Всего болѣе льстило Фердинанду признаніе его со стороны членовъ протестантскаго союза римскимъ королемъ, что̀ также входило въ условія о мирѣ. За то онъ отступился въ Каданѣ отъ своихъ существенныхъ правъ и выгодъ. Все дѣло обратилось въ пользу протестантизма. Правда, что оно было поднято и приведено къ окончанію лишь однимъ изъ членовъ союза; но въ заключеніи мира участвовалъ также глава его, курфирстъ саксонскій, а главное состояло въ томъ, что, съ возстановленіемъ Ульриха, союзъ пріобрѣталъ еще одного значительнаго члена для себя на юго-западѣ Германіи.

Иная роль досталась ландграфу гессенскому въ бурныхъ событіяхъ слѣдующаго (1535) года, когда, вслѣдствіе мюнстерскаго возстанія, опасность грозила даже соціальнымъ отношеніямъ въ Германіи: тутъ онъ дѣйствовалъ въ защиту

порядка и для поддержанія законности, тутъ онъ былъ, не менѣе всѣхъ католическихъ членовъ имперіи, представителемъ охранительныхъ началъ. Но роль его не ограничилась тѣмъ только, что въ охраненіи порядка онъ шелъ наравнѣ съ другими: ему досталось сверхъ того болѣе важное преимущество—привести къ окончанію осаду Мюнстера и подавить опасный мятежъ въ главномъ его убѣжищѣ. Намѣстникъ императора не участвовалъ въ дѣлѣ, столь важномъ для спокойствія цѣлой имперіи. Ландграфу главнымъ образомъ обязаны были благодарностію не только епископъ мюнстерскій и католическіе жители города, но и всѣ благомыслящіе люди Германіи.

Но душою протестантскаго союза были саксонскіе курфирсты. На нихъ лежала печать особеннаго рода. Они какъ будто созданы были въ мѣру того духа, который вновь внесенъ былъ въ жизнь нѣмецкою реформою. Ихъ смѣнилось трое во время событій, которыя мы разсказываемъ, и каждая изъ этихъ перемѣнъ прибавляла внутренней крѣпости тому дѣлу, которое они взяли подъ свою защиту. Ни одинъ изъ нихъ не отличался воинственностію, но и никто не способенъ былъ измѣнить своему убѣжденію. Ихъ духовная организація была нѣсколько одностороння, но за то, предавшись разъ одной идеѣ, она почти сливалась съ нею въ одно. Въ этомъ отношеніи можно даже замѣчать нѣкоторую постепенность. Протестантское воспитаніе укоренялось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ранѣе оно начинало дѣйствовать на человѣка. Если первый курфирстъ, при которомъ началась реформа, былъ исполненъ доброжелательства и сочувствія къ ней, то послѣдній носилъ уже ее въ своемъ сердцѣ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ жилъ одною съ ней жизнію, ибо отъ самой первой юности воспитанъ въ протестантскихъ понятіяхъ. Вообще, чѣмъ труднѣе становились времена, тѣмъ глубже духъ реформы проникалъ въ убѣжденія ея защитниковъ, такъ что она могла погибнуть развѣ только съ ними.

Въ курфирстѣ Фридрихѣ Лютеръ восхвалялъ его мудрость, въ братѣ его Іоганнѣ—благочестіе; что же касается до сына послѣдняго, Іоганна Фридриха, то самъ реформаторъ, желая ему, чтобы онъ соединилъ въ себѣ качества отца и дяди, замѣчалъ въ немъ, впрочемъ, сверхъ того какое-то особенное упорство мысли. Это была дѣйствительно одна изъ главныхъ особенностей третьяго курфирста; но какъ содержаніемъ ея было протестантское убѣжденіе, то она послужила главною опорою про-

тестантизма, когда для него наступили времена испытаній. Если Фридрихъ прикрылъ своимъ щитомъ реформатора въ Вормсѣ, если Іоганнъ былъ главнымъ адвокатомъ протестантскаго исповѣданія въ Аугсбургѣ, то Іоганну Фридриху предстояла впереди гораздо болѣе трудная и тяжелая роль — защищать съ опасностію жизни и свободы протестантское дѣло при Мюльбергѣ... Какъ бы въ предчувствіи будущихъ событій, онъ отдался весь заботливости о томъ, чтобы соблюсти реформу во всей ея чистотѣ и предохранить ее отъ всѣхъ возможныхъ уклоненій. Онъ бралъ на себя нѣкоторымъ образомъ дѣло самого реформатора. Его занимало не движеніе идеи, а сохраненіе ея на той высотѣ, которой она уже достигла въ своемъ развитіи. Служеніе ей въ этомъ видѣ доходило у него до страсти, до ослѣпленія: онъ становился подозрителенъ не только къ чужимъ, но и къ своимъ. Даже Меланхтона онъ готовъ былъ подозрѣвать въ наклонности къ католицизму. Еще менѣе могли внушить ему довѣрія миролюбивыя предложенія со стороны противниковъ протестантизма. Тамъ, въ самомъ центрѣ католическаго міра, мысль о рѣшеніи спора посредствомъ всеобщаго собора, напротивъ того, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлала довольно значительные успѣхи. Тому способствовали, во-первыхъ, личное пребываніе Карла V въ Италіи и переговоры его съ папою, и во-вторыхъ, послѣдовавшая въ 1534 году смерть Климента VII. Заступившій его мѣсто Павелъ III, казалось, былъ довольно искренно расположенъ въ пользу собора. Онъ нарочно для того вошелъ въ сношенія съ протестантскими князьями. Но его уполномоченные постоянно встрѣчали себѣ между ними холодный пріемъ. Іоганнъ Фридрихъ, которому принадлежалъ первый голосъ, былъ подозрительнѣе самого Лютера къ намѣреніямъ тѣхъ, кого онъ считалъ врагами своей вѣры. И нельзя сказать, чтобы онъ былъ несправедливъ въ своихъ подозрѣніяхъ. Намѣреніе главы католицизма обратить соборъ въ орудіе своихъ же видовъ ясно проглядывало изъ предложенныхъ протестантамъ условій. Протестанты заранѣе должны были обязаться принять соборныя рѣшенія, какъ бы они ни выпали; имъ предоставленъ былъ сверхъ того выборъ между тремя городами: Мантуей, Піаченцой и Болоньей, которые всѣ лежали въ Италіи и находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ папы. Сомнѣнія курфирста впослѣдствіи оправдались еще болѣе: когда, по соглашенію между папою и императоромъ, соборъ объявленъ былъ на 1537 годъ въ Мантуѣ, изданная по этому случаю папская булла не обинуясь поста-

вляла цѣлію собранія—„совершенное истребленіе лютеранскаго ученія". Итакъ курфирстъ былъ правъ, если съ самаго начала недовѣрчиво смотрѣлъ на предложенія, которыя дѣлали ему съ римской стороны относительно собора. Вопреки мнѣнію теологовъ, онъ тѣмъ рѣшительнѣе отклонялъ всѣ такого рода вызовы, чѣмъ настоятельнѣе и докучливѣе были папскіе уполномоченные. А какъ голосъ саксонскаго курфирста господствовалъ въ протестантскомъ собраніи, то легко представить себѣ тѣ слѣдствія, къ которымъ естественно вело противорѣчіе Іоганна Фридриха римскимъ предложеніямъ.

Оно вело къ тому, чтобы еще больше увеличить существующее раздѣленіе и заставить отдѣлившихся отъ католическаго единства князей еще тѣснѣе соединиться между собою, ради большей безопасности. Это произошло дѣйствительно на собраніи ихъ въ Шмалькальденѣ, гдѣ они, по возбужденію Іоганна Фридриха, не только согласились продолжить свой союзъ еще на десять лѣтъ, но еще сверхъ того, вопреки смыслу Нюренбергскаго религіознаго мира, приняли новое рѣшеніе, въ силу котораго могли быть допускаемы въ протестантскій союзъ и всѣ желавшіе вступить въ него вновь. Это значило раздвинуть еще болѣе предѣлы союза, который и безъ того уже былъ опасною силою въ имперіи. Тѣ, къ которымъ обращенъ былъ вызовъ, не остались глухи къ нему. Герцоги померанскіе, герцогъ виртембергскій, князья ангальтскіе и нѣкоторые другіе тотчасъ изъявили желаніе вступить въ протестантскій союзъ; города Аугсбургъ, Франкфуртъ, Кемптенъ, Гамбургъ и Ганноверъ не замедлили послѣдовать ихъ примѣру [1]). Когда же потомъ снова поднялся вопросъ о войнѣ съ турками, протестантскіе чины рѣшительно отказали императору и его намѣстнику во всякомъ пособіи, ссылаясь на то, что требованія ихъ все еще оставались неудовлетворенными, а между тѣмъ, чрезъ посредство главныхъ вождей союза, старались завязать сношенія съ королями французскимъ и англійскимъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть себѣ въ нихъ сильную опору на сторонѣ.

Это было проявленіе новой силы въ имперіи, становившейся уже опасною для тѣхъ, которые принадлежали къ другому лагерю. Въ свою очередь католическіе чины должны были подумать о мѣрахъ для своей безопасности. За отсутствіемъ главы имперіи, имъ на первое время не оставалось дру-

1) См. K. L. Menzel, I, p. 273.

гого средства, какъ собрать свои разсѣянныя силы и противопоставить одному союзу другой. Послѣ многихъ переговоровъ, онъ дѣйствительно состоялся въ Нюренбергѣ, въ іюнѣ 1538 года. Членами этого союза, кромѣ императора и Фердинанда, были архіепископы майнцскій и зальцбургскій, герцоги баварскіе, герцогъ Георгъ саксонскій и герцоги брауншвейгскіе. Подобно протестантскимъ чинамъ они также обязывались стоять другъ за друга и помогать одинъ другому въ случаѣ опасности. Какъ и протестантскій союзъ, католическая лига также имѣла свою организацію: она раздѣлялась на два округа, и каждый изъ нихъ имѣлъ у себя въ распоряженіи свои военныя средства. Директоромъ одного округа былъ герцогъ баварскій, другого—герцогъ брауншвейгскій. Назначеніе лиги не оставляло мѣста никакому сомнѣнію: она была прямо направлена противъ союза протестантскихъ князей. Германія явно распалась на два враждебные лагеря, которые стояли другъ противъ друга, готовые къ бою. Взятая въ своемъ объемѣ, католическая лига безъ всякаго сравненія превосходила въ силахъ протестантскую. Но не надобно забывать, что главный элементъ ея силы составляла власть императора, который въ то время находился въ отсутствіи. Фердинандъ постоянно былъ занятъ венгерскими дѣлами, и по своему уклончивому характеру мало годился въ вожди большого воинственнаго союза. Итакъ образованіе католической лиги внутри Германіи нисколько не подвигало развязки. Пока продолжалось отсутствіе Карла, пока онъ не принялъ непосредственнаго участія въ дѣйствіяхъ лиги, до тѣхъ поръ отъ нея нельзя было ожидать ничего рѣшительнаго; протестанты же, имѣя передъ собою большой католической союзъ, котораго назначеніе ни для кого не было тайною, тѣмъ дѣятельнѣе производили свои собственныя вооруженія.

Но гдѣ же былъ Карлъ V? Что́ удерживало его такъ долго внѣ Германіи, что́ мѣшало ему до сихъ поръ употребить дѣятельныя мѣры, чтобы остановить во-время развитіе и усиленіе протестантскаго союза? Мы можемъ слѣдить за нимъ почти шагъ за шагомъ со времени отъѣзда его изъ Германіи. Никто не возьметъ на себя упрекнуть его въ недостаткѣ дѣятельности. Какъ всегда, Карлъ точно такъ же былъ неутомимъ и въ этотъ промежутокъ времени. Онъ то-и-дѣло переносился съ мѣста на мѣсто, собиралъ войска, предпринималъ трудные походы, велъ черезъ своихъ уполномоченныхъ весьма сложные дипломатическіе переговоры, въ которыхъ

нерѣдко принималъ и личное участіе: но изъ всей этой обширной политической дѣятельности едва малая часть приходилась на долю Германіи. Лишь время отъ времени эдиктъ, подписанный императоромъ, напоминалъ протестантамъ объ его существованіи; но не подкрѣпленныя дѣйствительною силою эти офиціальныя напоминанія, вообще умѣренныя и осторожныя, все больше и больше теряли въ ихъ глазахъ свое значеніе и не производили на нихъ никакого впечатлѣнія. Можно бы подумать что въ политикѣ Карла произошелъ сильный переворотъ, что мысль и все вниманіе его были поглощены новыми великими планами и предпріятіями... На самомъ же дѣлѣ ничто не измѣнилось въ его внѣшнихъ видахъ и намѣреніяхъ, и онъ долженъ былъ употребить все это время на то, чтобы такъ или иначе раздѣлаться съ прежними отношеніями, которыя прямо вытекали изъ старой его политики. То были отношенія къ папѣ, Италіи, Франціи и Англіи. За исключеніемъ одного блестящаго эпизода, о которомъ скажемъ ниже, во всѣхъ дѣйствіяхъ Карла, относящихся къ этому времени, не замѣтно никакого новаго зачинанія, новой идеи: отвративъ лицо свое отъ религіознаго движенія, въ которомъ заключалось сѣмя великаго будущаго развитія, и связанный своимъ прошедшимъ, онъ поневолѣ долженъ былъ пробавляться задами, оставшимися отъ прежнихъ недоконченныхъ его начинаній. Такой политики нельзя даже назвать дѣятельною въ собственномъ смыслѣ: она скорѣе имѣла пассивный характеръ.

Изъ Германіи, какъ мы уже видѣли, Карлъ V отправился въ Италію. Онъ думалъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ ней, чтобы личными переговорами съ папою устранить всѣ бывшія между ними недоразумѣнія и ускорить дѣло о созваніи всеобщаго собора. Въ Италіи надѣялся еще онъ вознаградить себя за потерянное напрасно время внутри имперіи. Но за что онъ ни принимался здѣсь, все не удавалось ему. Въ Болоньѣ произошло свиданіе между императоромъ и папою, но расчетъ на дружное содѣйствіе Климента VII оказался весьма невѣрнымъ. Подъ разными предлогами папа нашелъ средство отклонить созваніе собора еще на неопредѣленное время. Карлъ надѣялся по крайней мѣрѣ скрѣпить свой политическій союзъ съ Климентомъ; но напрасно старался онъ побѣдить недовѣріе къ себѣ папы, въ памяти котораго были живы воспоминанія событій 1527 года. Со времени римскаго грабежа онъ все больше и больше располагался къ тѣсному союзу съ Франціею. Онъ не прекращалъ своихъ сношеній съ

императоромъ, но еще чаще и искреннѣе сносился съ его политическимъ противникомъ. Въ 1533 году, въ то самое время, когда Карлъ садился на корабль, чтобы переправиться въ Испанію, Климентъ выѣхалъ изъ Рима по направленію къ французской границѣ, и въ Марсели имѣлъ свиданіе съ Францискомъ. Это свиданіе было гораздо важнѣе болонскаго. Оно надолго оставило глубокіе слѣды не только въ итальянской политикѣ, но и во внутренней исторіи Франціи. Климентъ пріѣхалъ не одинъ въ Марсель: съ нимъ была его племянница, Катерина Медичи, которой имя такъ глубоко и такими мрачными чертами врѣзано въ послѣдующія страницы французской исторіи. Политическій союзъ папы и повелителя Франціи скрѣпился еще кровнымъ. Находясь въ Марсели, Климентъ VII имѣлъ удовольствіе благословить бракъ своей племянницы съ сыномъ Франциска. Это было начало весьма важнаго поворота въ итальянской политикѣ.

Слѣдствія марсельскаго свиданія обнаружились довольно скоро. Францискъ возобновилъ свои требованія на Миланъ, Геную, Монферратъ, и сверхъ того объявилъ въ пользу своего сына, герцога орлеанскаго, притязанія на герцогство Урбинское. Однако Климента VII скоро не стало, а преемникъ его не имѣлъ особенныхъ причинъ доброхотствовать Франциску. Еще король не хотѣлъ отступиться отъ своихъ требованій, но не имѣя никакой твердой опоры въ Италіи, не могъ отважиться прямо на войну съ императоромъ, и потому еще не потеряна была надежда—уладить это вновь возникшее разногласіе между ними и раздѣленіе интересовъ посредствомъ усиленныхъ переговоровъ. Тѣмъ временемъ Карлъ V воспользовался для самаго блестящаго и счастливаго предпріятія во всей своей дѣятельности. Это былъ знаменитый походъ его противъ Туниса, исполненный лѣтомъ 1535 года. Предпріятіе очевидно примыкало къ тому обширному плану, котораго цѣлію было ниспроверженіе мусульманской имперіи общими силами христіанскаго міра. Принужденный внутренними германскими событіями стѣснить свою дѣятельность, Карлъ не хотѣлъ впрочемъ вовсе отказаться отъ своей любимой мысли, и искалъ выхода ей въ другомъ направленіи. Чего нельзя было совершить авторитетомъ и силами германскаго императора, то онъ старался хотя отчасти привести въ исполненіе силами испанскаго короля. Походъ противъ Туниса безъ дальнихъ околичностей можно назвать испанскимъ предпріятіемъ: онъ былъ исполненъ большею ча-

стію испанскими силами и съ помощію испанскаго флота. Во-время задуманная, эта экспедиція, благодаря мужеству и распорядительности Карла, который лично управлялъ всѣми ея дѣйствіями, быстро была приведена къ счастливому окончанію. Около половины іюня флотъ вышелъ изъ Барселоны, а въ началѣ августа онъ стоялъ уже, на обратномъ пути, у береговъ Сициліи. Въ промежутокъ этого времени взята была приступомъ Голлета, большое укрѣпленіе неподалеку отъ морского берега, разбито огромное ополченіе Барбароссы, который принужденъ отступить въ безпорядкѣ съ потерею почти всей своей артиллеріи, и наконецъ самый Тунисъ занятъ войсками императора. Главная часть подвига безспорно принадлежала самому Карлу. Чтобы судить о степени его личнаго участія во всѣхъ этихъ событіяхъ, надобно читать его письма къ Ганнарту (испанскому посланнику во Франціи) и королевѣ венгерской, писанныя на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій; надобно видѣть изъ нихъ, какъ внимательно слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своего войска и самъ воодушевлялся его успѣхами [1]). Карла почти нельзя узнать въ этихъ письмахъ: такъ мало походитъ бойкій и живой языкъ ихъ на обыкновенный способъ его выраженія. Тріумфъ побѣдителя не ограничился одною славою: онъ былъ существенно полезенъ для христіанскаго міра. Однимъ разбойническимъ гнѣздомъ на сѣверномъ берегу Африки стало меньше. Карлъ удержалъ за собою Голетту, а Тунисъ отдалъ въ видѣ своего лена прежнему его владѣльцу Мулей-Гассану. Нѣсколько тысячъ христіанскихъ плѣнниковъ получили свободу.

Этотъ громкій успѣхъ снова поднялъ предпріимчивый духъ императора. Возвращаясь изъ тунисской экспедиціи, онъ мечталъ уже о новыхъ воинственныхъ предпріятіяхъ. Походъ противъ Алжира не состоялся лишь по причинѣ поздняго времени года. Между тѣмъ виды Карла простирались уже несравненно далѣе. По свидѣтельству одного изъ придворныхъ, при дворѣ снова уже была рѣчь о походѣ слѣдующимъ лѣтомъ къ Константинополю [2]). Съ своей стороны папа Павелъ III также считалъ время благопріятнымъ для общаго предпріятія противъ турокъ и въ этомъ смыслѣ дѣлалъ внушенія императору. Первоначальный планъ Карла снова возникалъ передъ нимъ во всей своей широтѣ. Для этой цѣли предпола-

[1]) См. Lanz, Correspondenz, II, p. 186—204; ср. также стр. 27.— [2]) См. Ranke, II, p. 49—20.

галось вновь образовать итальянскую лигу и ея силами увеличить тѣ средства, которыя могла доставить Испанія и Германія. Содѣйствіе венеціанъ, которыхъ владѣнія особенно были подвержены нападеніямъ со стороны турокъ, казалось несомнѣннымъ. Наконецъ были надежды на то, что, при посредничествѣ папы, и самъ Францискъ не откажется участвовать въ этомъ великомъ дѣлѣ, котораго цѣлію было освобожденіе всего христіанскаго міра отъ угрожавшей ему опасности.

Но возродившаяся мечта скоро опять потерпѣла крушеніе, разбившись объ неуступчивую дѣйствительность. Въ то самое время, когда Карлъ боролся съ Хайръ-Эддиномъ въ Тунисѣ, соперникъ его сносился прямо съ турецкимъ султаномъ. Смерть герцога миланскаго, случившаяся вскорѣ по возвращеніи Карла въ Италію, дала поводъ Франциску возобновить свои требованія на герцогство. Желая предупредить образованіе лиги въ пользу Карла, онъ былъ тѣмъ настойчивѣе въ своихъ притязаніяхъ. Подновленная ими старая вражда опять готова была разгорѣться открытою войною между соперниками. Напрасно Карлъ, неготовый къ войнѣ въ Италіи, думалъ отклонить отъ себя вызовъ переговорами: противникъ его видимо спѣшилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, и воспользовавшись своимъ несогласіемъ съ савойскимъ герцогомъ, который принялъ сторону императора, въ мартѣ 1536 года двинулъ свои войска въ Піемонтъ. Французы нашли горные проходы не защищенными и скоро потомъ заняли самый Туринъ, незадолго передъ тѣмъ оставленный герцогомъ. Это былъ самый рѣшительный шагъ въ цѣлой войнѣ, открывшейся вновь между старыми совмѣстниками. Отъ него главнымъ образомъ зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ ея, имъ же опредѣлены были заранѣе и послѣдніе ея результаты. Быстрое занятіе Піемонта французами лишило Карла почти всякой свободы движенія въ Италіи. Чтобы только остановить дальнѣйшіе ихъ успѣхи, ему необходимо было, не теряя времени, принять съ своей стороны сильныя оборонительныя мѣры. О большомъ предпріятіи противъ турокъ пока нечего было и помышлять. Лѣтомъ того же года у Карла уже готова была значительная армія изъ испанцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ. Сначала онъ пробовалъ угрожать съ нею положенію непріятеля въ Піемонтѣ. Но французы знали, что они безопасны отъ нападенія, и не трогались съ мѣста. Почти весь успѣхъ движенія Карла ограничился тѣмъ, что онъ открылъ себѣ, черезъ земли маркиза Салуццо, дорогу къ французской границѣ. Тогда у него явилось другое,

очень смѣлое рѣшеніе: онъ вздумалъ повести вдругъ съ двухъ сторонъ нападеніе на французскую землю, чтобы тѣмъ скорѣе выманить противника изъ Піемонта. Въ то время, какъ нидерландская армія перешла границу на сѣверѣ и заняла Гизъ, самъ онъ направился знакомымъ ему путемъ въ южную Францію, и въ половинѣ августа стоялъ уже лагеремъ близъ Эса (Aix). Но Францискъ очень вѣрно оцѣнилъ всѣ выгоды своего положенія и не поддался страху опасности, которая, повидимому, угрожала его собственнымъ владѣніямъ. Для защиты ихъ онъ нашелъ достаточнымъ учредить два укрѣпленные лагеря — при Валансѣ и Авиньйонѣ. Этою мѣрою цѣль его была достигнута вполнѣ. Нѣкоторое время обѣ арміи стояли лицомъ къ лицу одна передъ другою, но никто изъ противниковъ не отважился произвести нападеніе: Францискъ — потому что это не входило въ его планы, Карлъ — потому что цѣль его была выманить противника изъ занимаемыхъ имъ позицій. Между тѣмъ въ имперскомъ лагерѣ открылся недостатокъ въ припасахъ и усилились болѣзни. Отъ нихъ погибла половина нѣмецкаго ополченія; испанское же войско лишилось, въ лицѣ Антонія Лейвы, своего лучшаго предводителя. Положеніе становилось критическимъ. Чтобы выйти изъ него, необходимо было оставить эсскій лагерь и сдѣлать движеніе въ ту или другую сторону. Еще Карлъ не хотѣлъ отказаться отъ своего плана и двинулся было впередъ, по направленію къ Марсели, но и это покушеніе не произвело никакого дѣйствія на непріятеля, и Карлъ скоро увидѣлъ себя въ необходимости повторить еще разъ извѣстное отступленіе Карла Бурбона отъ стѣнъ того же города. Нидерландское войско имѣло не болѣе успѣха: оно достигло Перонны и, послѣ тщетныхъ усилій принудить ее къ сдачѣ, возвратилось въ свои предѣлы.

Почти не обнажая меча, Францискъ остался побѣдителемъ. Благовременное занятіе Піемонта доставило ему несравненныя выгоды, какихъ не могла дать ни одна выигранная битва. Наступившая зима естественно располагала обѣ стороны къ возобновленію переговоровъ; но Францискъ находился вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы отъ него можно было ожидать какихъ-нибудь уступокъ. Не говоря уже о Миланѣ, онъ не хотѣлъ подать своимъ противникамъ никакой надежды даже на очищеніе Піемонта. Между тѣмъ союзъ короля съ султаномъ скрѣпился еще тѣснѣе. Весною 1537 года Францискъ снова уже принималъ угрожающее положеніе какъ по отношенію къ Нидерландамъ, такъ и въ Италіи. Вопреки прежнимъ

договорамъ, онъ опять возобновилъ свои притязанія на Артуа и Фландрію и угрожалъ вторженіемъ въ Нидерланды. Въ іюлѣ отрядъ турокъ высадился въ Апуліи и занялъ Корсо, а въ сентябрѣ французы начали вновь движеніе въ Піемонтѣ. Впрочемъ ни та ни другая сторона не могли похвалиться рѣшительными успѣхами, какъ ни одна изъ нихъ не считала себя побѣжденною. Опять наступала зима и приносила съ собою естественное замедленіе въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Скоро всѣ движенія прекратились, а между тѣмъ ни одинъ изъ противниковъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты понизить свои требованія, или уступить притязаніямъ другого. Дѣло стало, и однако полное примиреніе было невозможно, потому что для него недоставало самаго перваго и необходимаго условія.

Съ обѣихъ сторонъ думали можетъ-быть выиграть время, и только теряли его понапрасну. Единственная возможность развязки заключалась въ постороннемъ посредничествѣ. Толчкомъ для него послужилъ страхъ турецкаго нашествія на Италію. При содѣйствіи папы, между императоромъ, Венеціею и имъ самимъ составился особый союзъ противъ турокъ. Замѣчательно, что Карлъ не пропустилъ и этого случая, чтобы поставить на видъ союзникамъ свои мечтательные планы, между которыми разрушеніе Турецкой имперіи занимало первое мѣсто. При договорѣ была даже рѣчь о возложеніи на императора константинопольской короны [1]. Но даже самые участники союза не могли не видѣть всей его безплодности, пока такъ или иначе не покончена была внутренняя вражда, раздѣлявшая главныхъ представителей христіанскаго міра. Тогда папа принялъ на себя и это посредничество, и предложилъ свиданіе между ними въ Ниццѣ. Старанія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: какъ можно было ожидать по самому ходу обстоятельствъ, окончательное примиреніе между соперниками оказалось невозможнымъ даже при его посредничествѣ; но ему по крайней мѣрѣ удалось устроить между ними временное перемиріе, для котораго назначался десятилѣтній срокъ. На все это время обѣ стороны удерживали въ своемъ владѣніи тѣ мѣста, которыя заняты были ими во время войны. Всѣ спорные пункты между ними оставались попрежнему нерѣшенными. Францискъ — и это былъ самый видный результатъ всей войны — сохранялъ за собою пріобрѣтенную имъ позицію въ Піемонтѣ. Карлъ вы-

1) См. Ranke, IV, p. 118.

игрывалъ только въ томъ отношеніи, что могъ нѣкоторое время не опасаться новаго нападенія со стороны Франціи.

Ницское перемиріе нисколько не подвинуло спора впередъ: оно только пріостановило на время продолженіе военныхъ дѣйствій. Свиданіе между Карломъ и Францискомъ, которое произошло потомъ въ Эгмортѣ (Aiguesmortes), ограничилось лишь выраженіями взаимнаго уваженія и дружбы [1]. Положеніе, созданное перемиріемъ, было такъ неестественно, что изъ него не могло выйти прочнаго мира. Въ будущемъ неминуема была новая война между соперниками, и развѣ отъ нея только можно было ожидать окончательнаго рѣшенія этой многолѣтней тяжбы. Не способствовало ли по крайней мѣрѣ заключенное съ Францискомъ перемиріе къ успѣшнѣйшему исполненію другого предпріятія, на которое тогда опять обращено было главное вниманіе императора? Дѣйствительно, мысль о большомъ походѣ противъ мусульманъ не переставала занимать его послѣ Ницскаго перемирія. Осенью того же года онъ прямо объявилъ свое намѣреніе итти слѣдующею весною противъ турокъ съ 60,000 избраннаго войска. Но для всякаго было ясно, что для исполненія этой мысли необходимо было прежде всего водворить внутренній миръ въ имперіи. Для такого огромнаго предпріятія, какъ походъ противъ турокъ въ ихъ земли, требовалось дружное содѣйствіе не только католическихъ, но и протестантскихъ чиновъ Германіи, а для того надобно было не раздражать послѣднихъ и даже стараться нѣкоторыми уступками расположить ихъ въ свою пользу. Отъ вниманія Карла не ушло это обстоятельство, и онъ немедленно принялъ зависящія отъ него мѣры, чтобы хотя на время уладить свои несогласія съ членами Шмалькальденскаго союза.

Мы оставили протестантовъ въ то время, когда, при содѣйствіи императорскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, доктора Гельда, противъ нихъ образовалась католическая лига въ Нюренбергѣ. Это было событіе, современное Ницскому перемирію. Гельдъ, дѣйствовавшій по инструкціи самого императора, ожидалъ отъ него утвержденія союза; но къ удивленію всѣхъ его членовъ, оно не приходило... Мало того: Карлъ лишилъ устроителя Нюренбергскаго союза своей довѣренности и перенесъ лежавшія на немъ обязанности на архіепископа лундескаго, который всегда былъ въ пользу мирныхъ сдѣлокъ съ проте-

[1]) См. о немъ письма самого Карла V къ венгерской королевѣ, Lanz, Correspondenz, II, p. 284.

стантами. Ясно, что перемѣна произошла въ самой политикѣ и не ограничилась лишь смѣною одного лица другимъ. Еще яснѣе обнаружилось это новое направленіе императорской политики въ началѣ 1539 года, во Франкфуртѣ (на Майнѣ), куда, по предложенію курфирста бранденбургскаго, сошлись главные члены обоихъ союзовъ, чтобы попытаться еще разъ найти мирное рѣшеніе раздѣлявшаго ихъ спора: ибо, какъ писалъ Фердинандъ курфирсту бранденбургскому, дѣло дошло наконецъ до того, что въ Гессенѣ, Виртембергѣ и другихъ протестантскихъ мѣстахъ явно производимы были вооруженія, очевидно вызванныя католическимъ союзомъ. Недолго отстаивалъ императорскій повѣренный въ дѣлахъ нюренбергскія рѣшенія передъ протестантами: пока происходили совѣщанія съ ними, онъ еще болѣе убѣдился въ томъ, что если не сдѣлать имъ уступокъ, то надобно отложить всякую надежду на ихъ содѣйствіе въ предполагаемой войнѣ съ турками. Но какъ требованія протестантовъ значительно возросли по заключеніи Нюренбергской лиги, то и самыя уступки, сдѣланныя имъ во Франкфуртѣ, пріобрѣтали особенную значительность. Само собою разумѣется, что полнаго соглашенія между партіями не послѣдовало, но по крайней мѣрѣ успѣли согласиться на пятнадцати-мѣсячное перемиріе съ выгодными для протестантовъ условіями. Во-первыхъ, они выговорили себѣ свободу отъ преслѣдованій высшаго имперскаго суда по религіознымъ дѣламъ; во-вторыхъ, въ замѣну собора, который не могъ состояться до сего времени, имъ обѣщано было въ ближайшемъ времени самостоятельное рѣшеніе религіознаго спора, безъ всякаго вмѣшательства со стороны папы, посредствомъ добровольнаго соглашенія между избранными представителями той и другой партіи. Повѣренный Карла до того простеръ свое миролюбіе, что лютеране могли протестовать въ самомъ договорѣ противъ допущенія на будущія совѣщанія папскихъ уполномоченныхъ, на томъ основаніи, что они болѣе не признаютъ папу главою христіанской вѣры. Однимъ словомъ, благодаря посредничеству императорскаго повѣреннаго, Шмалькальденскій союзъ одержалъ во Франкфуртѣ рѣшительную побѣду надъ католическою лигою [1]).

Подобно Ницскому перемирію, франкфуртское соглашеніе впрочемъ также было нерѣшительно по вопросу, который послужилъ для него главнымъ поводомъ. Виды на содѣйствіе

[1]) См. Ranke, IV, p. 128–134; ср. K. A. Menzel, I, p. 318.

протестантовъ въ войнѣ противъ турокъ поставлены были еще въ зависимость отъ успѣха религіозныхъ совѣщаній. Споръ возвращался къ религіозной сущности вопроса, но онъ въ то же время не терялъ и своего политическаго характера, и потому усложнялся еще болѣе. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этихъ довольно запутанныхъ обстоятельствахъ, личное присутствіе императора въ Германіи было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ въ Испаніи, куда онъ отправился послѣ свиданія своего съ Францискомъ. Но Карлъ все еще не спѣшилъ своимъ возвращеніемъ въ имперію, и легко могло случиться, что отсутствіе его продолжилось бы еще на одинъ годъ, если бы его не заставили поторопиться чрезвычайныя обстоятельства, случившіяся въ то время въ Нидерландахъ. Это было народное возстаніе, которое вспыхнуло въ Гентѣ и въ короткое время приняло довольно опасные размѣры. Правительницею Нидерландовъ, со времени смерти Маргариты, была родная сестра Карла, Марія, бывшая королева Венгріи. Не имѣя тонкаго политическаго смысла своей тетки, ни ея правительственнаго такта, она впрочемъ старалась управлять провинціями въ томъ же духѣ. Между тѣмъ времена становились все труднѣе и тревожнѣе, протестантскій духъ мало-по-малу проникъ и въ нидерландскія провинціи, и соединился тамъ съ независимымъ духомъ старыхъ демократическихъ общинъ. Чѣмъ болѣе возрастали нужды правительства и чѣмъ неумѣреннѣе становились его требованія пособій отъ городовъ, тѣмъ чаще оно встрѣчало себѣ въ нихъ сопротивленіе. Начавшееся по этому поводу несогласіе между Гентомъ и правительницею черезъ нѣсколько времени перешло въ открытое возстаніе. Королева, неосторожно допустившая усилиться волненію и перейти въ вооруженный мятежъ, потомъ не въ состояніи была управиться съ нимъ. Для подавленія его требовалось присутствіе самого Карла и притомъ въ скорѣйшемъ времени. Онъ и самъ не хотѣлъ болѣе медлить, зная по донесеніямъ, какимъ опаснымъ духомъ заражена непокорная гентская община: ибо, стремясь къ политической независимости, она въ то же время поднимала вопросы религіозные и соціальные [1]). Это былъ тотъ самый духъ, который нѣкоторое время угрожалъ всей Германіи изъ Мюнстера. Карлу особенно непріятно было видѣть возрожденіе его въ тѣхъ провинціяхъ, которыя болѣе всѣхъ были близки его сердцу, и безъ пособія

[1]) О подробностяхъ гентскаго возстанія см. Th. Juste, Vie de Marie de Hongrie (Bruxelles, 1855), ch. III.

которыхъ не могло бы состояться ни одно обширное его предпріятіе. Но какое странное положеніе создалъ себѣ этотъ могущественный повелитель нѣсколькихъ королевствъ! Когда ему надобно было наскоро переѣхать изъ Испаніи въ Нидерланды, онъ не находилъ для себя ни одного вполнѣ безопаснаго пути: ни черезъ Германію, потому что ему пришлось бы проѣзжать черезъ протестантскія земли, что́ нѣкоторымъ образомъ ставило его въ зависимость отъ членовъ Шмалькальденскаго союза, ни моремъ, потому что, въ случаѣ какого несчастія, онъ могъ быть выброшенъ на враждебный ему берегъ Англіи или Франціи [1]). Въ такомъ положеніи Карлъ рѣшился лучше ввѣриться рыцарскому характеру своего недавняго противника и съ его согласія ѣхать черезъ Францію, чѣмъ отваживаться на другія опасности. При этомъ случаѣ онъ могъ поблагодарить судьбу и за Ницское перемиріе, и за свой родственный союзъ съ Францискомъ. Элеонора, сестра Карла, была посредницею между своимъ братомъ и мужемъ. Расчетъ Карла былъ очень вѣренъ. Францискъ неспособенъ былъ отказать въ просьбѣ, когда обращались къ его великодушію; еще менѣе могъ онъ, давши слово, вѣроломно нарушить его и задержать своего беззащитнаго гостя во время слѣдованія его въ Нидерланды. Но полная, беззавѣтная довѣрчивость не лежала въ свойствахъ Карла. Какъ его собственное слово не имѣло для него обязательной силы, такъ мало полагался онъ и на слово другого. Онъ не прежде переступилъ предѣлы Франціи, какъ обезпечивъ себя всевозможными письменными увѣреніями со стороны короля и его жены, и несмотря на почетный пріемъ, оказанный ему во время пріѣзда во Францію, ни на одну минуту не могъ освободиться отъ подозрѣній, пока не достигъ границы Нидерландовъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ 1540 года Карлъ V былъ уже въ Брюсселѣ. Мятежъ скоро долженъ былъ смириться передъ нимъ. Не дожидаясь добровольной покорности со стороны гентцевъ, императоръ самъ отправился въ ихъ городъ и ввелъ въ него вслѣдъ за собою большую вооруженную силу. Пораженные тѣмъ величіемъ и блескомъ, которые онъ умѣлъ явить во время своего вступленія въ Гентъ, жители не посмѣли оказать ему ни малѣйшаго сопротивленія. Въ нѣсколько часовъ всѣ важнѣйшіе пункты внутри Гента были заняты военными отрядами, и виновникамъ возстанія отрѣзанъ вы-

[1]) Ср. ibid. p. 58.

ходъ изъ города. Наступило томительное ожиданіе. Карлъ до сихъ поръ хранилъ молчаніе о своихъ намѣреніяхъ, и жители все еще надѣялись, что онъ окажетъ уваженіе къ ихъ старымъ правамъ. Но самыя важныя его рѣшенія зрѣли обыкновенно въ тишинѣ молчанія. Вдругъ главные зачинщики мятежа были схвачены и преданы суду. Изъ нихъ девять человѣкъ приговорены были къ смертной казни, и какъ императоръ не хотѣлъ смягчить приговора, то онъ исполненъ былъ въ точности на одной изъ гентскихъ площадей. Тогда жители Гента увидѣли, чего имъ можно ожидать. Смиривъ свою гордость, они пришли униженно умолять Карла о прощеніи. Но отвѣтъ его былъ суровъ, и рѣшеніе неизмѣнно. Онъ объявилъ гражданамъ свою твердую волю навсегда положить конецъ подобнымъ безпорядкамъ. Въ наказаніе за свою вину весь городъ подвергся тяжелой опалѣ. Онъ долженъ былъ выдать императору свои вѣковыя грамоты, которыя составляли основанія его привилегій; недвижимыя имущества, принадлежавшія городу, также разнаго рода оружіе и всѣ военные снаряды были отобраны въ казну; жители не смѣли болѣе отказываться отъ уплаты пособія, и сверхъ того, на нихъ наложенъ былъ еще временный штрафъ въ 150,000 и постоянная ежегодная контрибуція въ 6,000 флориновъ. Въ заключеніе всего, община лишилась своего прежняго демократическаго устройства и получила новую организацію, которая уничтожала ея самостоятельность. Это устройство распространено было и на другіе города, прямо или косвенно участвовавшіе въ гентскомъ возстаніи. А чтобы обезпечить нововведенный порядокъ и на будущее время, Карлъ приказалъ соорудить въ городѣ цитадель, и самъ положилъ первый камень въ ея основаніе.

Такъ дѣйствовалъ онъ, когда воля его не была связана никакими внѣшними препятствіями и отношеніями. Въ Гентѣ онъ показался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ; къ Генту приложилъ онъ на-чисто ту систему, которой желалъ покорить и всѣ прочія свои владѣнія, но которую до сихъ поръ ему удалось привести въ исполненіе только въ Испаніи. Германія давно уже стояла на очереди, и по всей вѣроятности, ей предстояла та же самая участь; но благопріятная минута была пропущена, и Карлъ напрасно потомъ ждалъ ея возвращенія. Это была почти единственная страна, къ которой онъ не могъ вполнѣ приложить своей воли. Чѣмъ болѣе онъ выжидалъ, тѣмъ болѣе она уходила отъ его рукъ. Онъ не могъ

отказаться отъ своихъ видовъ и намѣреній на нее, и однако не находилъ въ себѣ довольно рѣшительности, чтобы привести ихъ въ исполненіе. Такое принужденное состояніе невольно порождало въ немъ сильное внутреннее раздраженіе, и нужно было все умѣнье Карла владѣть собою, чтобы нарушенное въ немъ равновѣсіе не было замѣчено со стороны.

Въ слѣдующемъ году послѣ укрощенія гентскаго возстанія находимъ уже Карла въ Германіи. Чтобы вполнѣ быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы приложить свой способъ дѣйствія въ Гентѣ и къ членамъ Шмалькальденскаго союза: ибо вооруженный протестантскій союзъ былъ такимъ же нарушеніемъ его правъ, какъ и возстаніе Гента. Но Карла почти нельзя узнать на нѣмецкой землѣ: такъ измѣняется здѣсь опять его образъ дѣйствій и самая политика. Онъ всячески щадитъ протестантовъ: нисколько не думая угрожать имъ, онъ, напротивъ, дѣлаетъ видъ, что ищетъ только привести къ концу миролюбивое соглашеніе съ ними. Въ головѣ у него два плана, равно его занимающіе: возстановленіе единства въ христіанскомъ мірѣ и общее предпріятіе противъ турокъ [1]). Но первое представляется ему все еще довольно сомнительнымъ, а второе уже созрѣло и не терпитъ болѣе отлагательства. Итакъ всѣ усилія Карла внутри имперіи, по возвращеніи его изъ Испаніи, направлены къ тому, чтобы, не теряя времени, привести къ концу мирное соглашеніе, начатое во Франкфуртѣ, и воспользоваться содѣйствіемъ протестантскихъ князей въ войнѣ съ турками. Для того считаетъ онъ самымъ приличнымъ средствомъ предложенное прежде религіозное совѣщаніе между обѣими сторонами, и на исполненіе этой мысли употребляетъ все время своего третьяго гощенія въ Германіи, продолжающагося болѣе года.

Отъ одного изъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій Карла V мы опять переходимъ къ самому уклончивому, обманчивому и совершенно безполезному: это его усиліе не помирить только двѣ религіозныя партіи внѣшнимъ образомъ, но и согласить между собою самыя ихъ убѣжденія, и снова привести ихъ къ единству мысли. Съ этою цѣлію два раза предпринимаемы были, по волѣ императора, религіозныя совѣщанія между представителями двухъ религіозныхъ ученій, между которыми тогда раздѣлено было народонаселеніе Германіи. Оба они происходили въ 1541 году, одно въ Вормсѣ, другое въ Регенсбургѣ. Не

1) См. Ranke, IV, p. 175.

считаемъ за нужное останавливаться на подробностяхъ того и другого. Какъ бы ни искусно были они ведены, отъ нихъ нельзя было ожидать никакого твердаго результата. Можно соединить механически самыя разнородныя вещи, можно помирить два народа, долго враждовавшіе между собою, но нельзя надѣяться возвратить къ единству распавшуюся мысль, расколовшееся на-двое религіозное сознаніе. Сколько ни дѣлали подобныхъ попытокъ въ разныхъ странахъ, никогда не достигали онѣ желаемой цѣли. Единственное средство помирить между собою разнородныя убѣжденія — это уровнять ихъ политически, — и только остановившись на немъ, западная Европа могла наконецъ успокоиться отъ потрясавшихъ ее религіозныхъ волненій.

Невозможность раціональнымъ путемъ возстановить единство распавшихся на двѣ стороны убѣжденій, всего чувствительнѣе обнаружилась на регенсбургскомъ диспутѣ. Здѣсь обѣ стороны представлены были людьми столько же умѣренными, сколько и учеными: Гропперъ и Юліусъ Пфлугъ отъ католиковъ, и Буцеръ съ Писторіусомъ отъ протестантовъ. Благодаря взаимной уступчивости и снисходительности, они дѣйствительно успѣли согласиться между собою въ четырехъ первыхъ пунктахъ. Но чѣмъ болѣе они сближались другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе сами удалялись отъ понятій представляемыхъ ими массъ, и теряли ихъ сочувствіе. Католическое и протестантское убѣжденія оставались особо, а между ними образовалась какая-то средняя партія, не признаваемая ни тою, ни другою крайнею стороною. Лютеръ былъ одинъ изъ первыхъ, которые горячо возстали противъ условленныхъ пунктовъ. И конечно онъ былъ правъ, потому что никто живѣе его самого не могъ почувствовать малѣйшее отступленіе отъ его же идеи. За нимъ естественно послѣдовалъ курфирстъ саксонскій, и вотъ уже соглашеніе съ этой стороны стало очень сомнительнымъ. Ревностные католики также вопіяли противъ своихъ представителей. Наконецъ сами они, пройдя благополучно первые пункты, никакъ не могли согласиться на слѣдующихъ. Результатъ былъ тотъ, что и прежде принятые пункты теряли всякое значеніе.

Когда же потомъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ прерваннаго диспута, чины собрались на сеймъ въ томъ же городѣ, и имъ предложены были протоколы послѣдняго совѣщанія, съ обѣихъ сторонъ послышалось рѣзкое противорѣчіе, такъ что послѣ нельзя было надѣяться согласиться въ рѣшеніяхъ. Между тѣмъ какъ католическое большинство рѣшительно от-

вергало условленные четыре пункта, протестанты еще болѣе возвышали свои требованія. На Востокѣ между тѣмъ горизонтъ опять застилался густыми тучами. Опасность, которую думали предупредить смѣлымъ нападеніемъ, снова подступала къ границамъ имперіи. Вѣсти, приходившія изъ Венгріи, часъ отъ часу становились хуже. Въ то время, какъ войско Фердинанда осаждало Офенъ, распространился слухъ, что Солиманъ со всѣмъ войскомъ идетъ на выручку осажденному городу. Въ этихъ обстоятельствахъ для императора особенно было важно обезпечить за собою содѣйствіе протестантовъ. Съ другой стороны, впрочемъ, ему весьма трудно было согласить на уступки имъ католическую партію. Потому при рѣшеніи выбранъ былъ средній терминъ, который состоялъ въ подтвержденіи главныхъ условій Нюренбергскаго религіознаго мира; окончательное же рѣшеніе всего спора опять отлагалось до будущаго національнаго собора, а если бы онъ не состоялся въ продолженіе назначеннаго срока, то до будущаго имперскаго сейма. Но такое постановленіе не могло болѣе удовлетворить протестантовъ, и потому Карлъ взялъ на себя, безъ согласія большинства, издать въ ихъ пользу особую декларацію, по которой они получили разныя уступки въ подробностяхъ. Въ суммѣ они не выигрывали еще столько ни при однихъ переговорахъ. Впрочемъ такъ какъ ни та, ни другая сторона не считала себя вполнѣ удовлетворенною, то и опредѣленное чинами денежное пособіе (въ чемъ состояла вся сущность дѣла) также несовсѣмъ соотвѣтствовало ожиданіямъ императора. Карлъ, правда, успѣлъ собрать на эти деньги вспомогательный отрядъ и послалъ его, подъ начальствомъ графа Фюрстенберга, въ Венгрію; но прежде чѣмъ пришла эта запоздалая помощь, войско Фердинанда, осаждавшее Офенъ, было разбито, и городъ былъ занятъ турками [1]).

Всѣ обширные замыслы Карла V еще разъ приведены были къ весьма малымъ размѣрамъ. Предпріятіе, котораго цѣлію было потрясеніе турецкаго могущества въ самомъ его центрѣ, опять ограничилось только морскимъ походомъ къ сѣвернымъ берегамъ Африки. Это было какъ бы естественное продолженіе тунисскаго похода. За Тунисомъ слѣдовала теперь очередь Алжира, другого разбойническаго гнѣзда на томъ же берегу. Только завоеваніемъ послѣдняго обезпечивалось вполнѣ владѣніе первымъ. Какъ ни успѣшно было въ свое

1) См. K. A. Menzel, I, p. 347—357.

время предпріятіе противъ Туниса, оно далеко не достигало своей цѣли безъ Алжира. Покореніемъ его Карлъ безспорно оказалъ бы великую услугу христіанскому міру. Это былъ бы косвенный ударъ и для самой Турціи, ибо Алжиръ находился подъ властію капуданъ-паши, который управлялъ имъ въ качествѣ намѣстника султана. Наоборотъ, въ случаѣ неудачи алжирскаго похода, много потеряло бы своей цѣны и прежде сдѣланное завоеваніе въ сосѣдствѣ съ нимъ. И на этотъ разъ Карлъ V принялъ лично на себя начальство надъ экспедиціей. Казалось, звѣзда побѣдителя Туниса сіяла ярко попрежнему. Начало предпріятія было очень счастливо. Болѣе 20,000 человѣкъ были безпрепятственно высажены на берегъ, и всякій надѣялся вскорѣ увидѣть знамя императора развѣвающимся на стѣнахъ Алжира. Но успѣхъ экспедиціи, предпринятой въ позднее время года (въ концѣ октября), зависѣлъ гораздо болѣе отъ воздушныхъ перемѣнъ, чѣмъ отъ искусства вождей и мужества войска. Во вторую же ночь послѣ высадки поднялась страшная буря, отъ которой погибла большая часть флота, стоявшаго у береговъ. Войска, расположенныя подъ открытымъ небомъ, также потерпѣли много отъ проливного дождя; всего же болѣе пострадали отъ него орудія и военные снаряды. Пользуясь этими обстоятельствами, турки вышли изъ города и смѣло ударили на непріятеля. Имъ, правда, не удалось сломить твердые ряды европейскаго войска: поощренное примѣромъ своего царственнаго вождя, который при этомъ случаѣ показалъ удивительное присутствіе духа и рѣдкое презрѣніе опасности, оно мужественно отразило напоръ турокъ. Но оставаться послѣ того на негостепріимномъ берегу было бы крайнимъ безразсудствомъ. Благоразуміе предписывало немедленно отступить къ немногимъ судамъ, чтобы спасти войско отъ конечнаго истребленія. Три дня продолжалось отступленіе, безъ дорогъ и безъ припасовъ. Карлъ дѣлилъ съ войскомъ всѣ его лишенія и опасности, и одинъ изъ послѣднихъ сѣлъ на корабль. Но на морѣ ожидало отступающихъ новое испытаніе. Вскорѣ по отплытіи ихъ отъ берега, буря поднялась снова, и разсѣянныя суда флота должны были порознь искать себѣ спасенія въ гаваняхъ Испаніи и Италіи. Въ этомъ несчастномъ походѣ Карлъ V еще разъ имѣлъ случай заявить свое личное мужество и твердость духа, но не вынесъ изъ него ничего болѣе, кромѣ горькихъ и тяжелыхъ воспоминаній.

Никогда еще можетъ-быть спокойствіе не было такъ дорого Карлу, какъ по возвращеніи изъ второго африканскаго похода. Ему конечно было тогда не до новыхъ наступательныхъ предпріятій. Но не въ его волѣ было даже отказаться отъ славы и воспользоваться хотя только временнымъ отдыхомъ для себя. Старыя отношенія требовали себѣ развязки и не позволяли ему ни минуты вздохнуть свободно. Въ Германіи ждали его новыя опасенія со стороны турокъ, въ Испаніи и Италіи — вновь запутавшіяся отношенія ко Франціи. Такъ какъ послѣднія приняли опять угрожающій видъ, то Карлъ нашелся вынужденнымъ предоставить устройство дѣлъ въ имперіи и оборону ея противъ турокъ своему брату, а самъ предпочелъ остаться въ Испаніи, въ ожиданіи нападенія со стороны Франциска. Такъ, каждый разъ почти, возвращаясь къ себѣ домой послѣ продолжительнаго отсутствія, Карлъ непремѣнно опять встрѣчался съ своимъ безпокойнымъ соперникомъ, который ожидалъ его уже снова готовый къ бою.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы Францискъ хотѣлъ только воспользоваться несчастными для его противника обстоятельствами: онъ имѣлъ законный предлогъ къ тому, чтобы вновь начать вооруженія. Еще въ то время, когда происходили совѣщанія Регенсбургскаго сейма, въ Италіи произошло событіе, которое могло бы разорвать и болѣе крѣпкій союзъ, чѣмъ какой былъ между императоромъ и королемъ послѣ Ниццскаго перемирія. Двое повѣренныхъ Франциска, Фрегозо и Ринкона, переправлявшихся по его порученію черезъ Ломбардію въ Константинополь, были неподалеку отъ Павіи захвачены стоявшими тамъ испанскими солдатами, и погибли отъ нихъ насильственною смертію, безъ всякаго суда и расправы. Отсюда начало новыхъ взаимныхъ неудовольствій, которыя могли разрѣшиться не иначе, какъ возобновленіемъ войны. Подозрѣніе въ умышленномъ убійствѣ королевскихъ повѣренныхъ падало на императорскаго намѣстника въ Павіи, а черезъ него—и на самого императора. Францискъ считалъ себя оскорбленнымъ и не хотѣлъ оставить обиды безъ отмщенія. Къ тому же старые счеты за Миланъ все еще не были приведены къ окончанію между соперниками. Пока императоръ былъ занятъ турецкими дѣлами и своимъ алжирскимъ походомъ, Францискъ дѣлалъ вооруженія у себя дома и искалъ себѣ союзниковъ на сторонѣ. Нѣсколько армій было поставлено на военную ногу во Франціи. Союзъ былъ заключенъ съ Солиманомъ, съ Даніею и Швеціею. Всѣ они обязались помогать Франциску своими флотами. Сверхъ

того король старался завязать сношенія съ нѣмецкими протестантами, и даже внутри имперіи нашелъ себѣ надежнаго союзника въ герцогѣ клевскомъ. Такимъ образомъ онъ въ состояніи былъ въ одно и то же время угрожать владѣніямъ императора на сушѣ и на морѣ.

Война дѣйствительно открылась лѣтомъ 1542 года. Францискъ вдругъ сдѣлалъ нападеніе съ двухъ сторонъ: пока одна армія, перейдя испанскую границу, осаждала Перпиньянъ, другая вторгалась въ Нидерланды. Въ Испаніи успѣхи французовъ были ничтожны благодаря присутствію и личной дѣятельности императора; но въ Нидерландахъ французское вторженіе привело въ ужасъ всѣхъ жителей. Еще болѣе опасный характеръ приняла война въ слѣдующемъ году. Францискъ повелъ лично свое войско въ Нидерланды. Около того же времени союзникъ его Солиманъ съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ изъ Адріанополя и снова грозилъ покореніемъ Вѣны. Датчане постоянно тревожили нидерландскіе берега. Въ августѣ 1543 года турецкое войско овладѣлоГраномъ въ Венгріи, а черезъ десять дней потомъ турецкимъ флотомъ завоевана была Ницца въ Италіи. Карлъ очень благоразумно счелъ за нужное лично явиться туда, гдѣ угрожала наибольшая опасность, и направился черезъ Италію въ Германію. Переговоры, которые онъ имѣлъ проѣздомъ съ папою, не удались, и потому онъ нашелъ выгоднѣе для себя сойтись ближе съ протестантами. Для этой цѣли на первые мѣсяцы 1544 года назначенъ былъ сеймъ въ Шпейерѣ. Въ ожиданіи его онъ впрочемъ не остался недѣятельнымъ. Осень употреблена была имъ на приведеніе къ покорности герцога клевскаго. Это дѣло скоро удалось ему, потому что Францискъ, занятый въ то время мыслію о завоеваніи Люксенбурга, не хотѣлъ поддержать своего союзника. Тѣмъ же временемъ Карлу посчастливилось устроить еще одно важное дѣло: непостоянный, измѣнчивый Генрихъ VIII, мѣнявшій вмѣстѣ съ женами и свои политическія симпатіи, опять возвратился къ союзу съ нимъ и обѣщалъ ему свое содѣйствіе въ войнѣ съ Франціею. Между тѣмъ открылся Шпейерскій сеймъ. Императоръ умѣлъ искусно связать отношенія къ Франціи и Турціи въ одно общее дѣло, такъ что вопросъ получилъ видъ національнаго. Требованія со стороны Карла большихъ денежныхъ пособій на этотъ разъ не встрѣтили себѣ противорѣчія даже со стороны протестантскихъ чиновъ; но протестанты не пропустили случая и выговорили себѣ, въ дополненіе къ прежнимъ, новыя весьма выгодныя условія.

Во-первыхъ, нѣкоторые пункты деклараціи, изданной Карломъ безъ согласія чиновъ, были внесены въ общее рѣшеніе сейма. Во-вторыхъ, протестантамъ обѣщано было новое устройство имперскаго суда, по ихъ мысли. Вообще они все болѣе и болѣе уравнивались въ правахъ со своими противниками, и императоръ былъ главнымъ орудіемъ этого уравненія. Обрадованный готовностію протестантовъ содѣйствовать его цѣлямъ, тогда особенно его занимавшимъ, онъ не замѣчалъ, какъ далеко заходили ихъ требованія, и искренно дѣлалъ имъ уступку за уступкою. Казалось, всѣ несогласія готовы были разрѣшиться въ полную гармонію. Протестанты никогда еще не имѣли столько причинъ быть довольными императоромъ, а онъ, повидимому, очень былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы свой новый союзъ съ ними скрѣпить еще болѣе въ будущемъ, и уже была рѣчь о возможности родственнаго союза — между сыномъ Іоганна Фридриха и дочерью короля Фердинанда [1].

Ближайшая цѣль, которую Карлъ имѣлъ въ виду, дѣлая уступки протестантамъ, дѣйствительно была имъ скоро достигнута. Получивъ средства для войны, онъ умѣлъ ими воспользоваться. Давно подъ его знаменами не собиралось такой цѣльной и однородной арміи: она простиралась отъ 30 до 40,000 человѣкъ и состояла большею частію изъ нѣмецкихъ ополченій. Испанскаго войска считалось въ ней около 6000, итальянцевъ не было вовсе. Съ этими силами Карлъ рѣшился открыть новую кампанію противъ Франциска, давая ей такой видъ, что она должна составить лишь первую часть въ большой турецкой войнѣ; а чтобы лучше отвлечь французскія силы отъ Италіи, онъ положилъ произвести нападеніе на Францію изъ Лотарингіи и угрожалъ своему противнику въ его собственныхъ владѣніяхъ. Планъ былъ хорошо придуманъ и не менѣе искусно исполненъ. Францискъ, мало приготовленный къ такому неожиданному нападенію, принужденъ былъ ограничиться лишь оборонительными дѣйствіями. Притомъ же, со времени Павійской битвы, онъ избѣгалъ сраженія въ открытомъ полѣ. Тѣмъ легче было Карлу, переступивъ границу, подвигаться впередъ на непріятельской землѣ. Его задерживали лишь нѣкоторыя крѣпкія мѣста, встрѣчавшіяся на дорогѣ, но и они скоро сдавались превосходнымъ его силамъ. Въ то же время Генрихъ VIII, согласно своему послѣднему договору съ императоромъ, произвелъ высадку на сѣверномъ берегу Франціи.

[1]) См. Ranke, IV, p. 303—308.

Противъ желанія Карла, онъ, правда, ограничился осадою Булони; но это нисколько не остановило рѣшимости его союзника, и онъ смѣло продолжалъ свое движеніе впередъ, по направленію къ Парижу. Города сдавались одинъ за другимъ. Въ какіе-нибудь два мѣсяца, Линьи, Сенъ-Дизье, Витри, Эперне, Шато-Тьери, были въ рукахъ императора. Никогда еще со времени Оттоновъ нѣмецкое войско не заходило такъ далеко во внутренность Франціи, и какъ время стояло сухое и теплое, и осень почти еще не начиналась, то уничтожались и тѣ естественныя препятствія, которыя всего болѣе могли повредить успѣху нападающихъ въ чужой землѣ. Конечно кампанію нельзя было считать совершенно потерянною для французовъ. Они не были разбиты ни въ одной битвѣ, они могли зайти въ тылъ Карлу и угрожать его сообщеніямъ съ Германіею. Въ свою очередь онъ также могъ попасть въ незавидное положеніе. Предпріятіе его было весьма рискованное. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, кто изъ двухъ соперниковъ долѣе выдержитъ. Но именно въ этой выдержанности и состояло рѣшительное преимущество Карла передъ его противникомъ. Несчастіе сдѣлало Франциска осторожнымъ, лѣта и болѣзни убили въ немъ прежнюю бодрость и энергію. Народонаселеніе страны, весьма чувствительное къ опасности у себя дома, также мало способно было поддержать его. Чѣмъ яснѣе обнаруживалось намѣреніе Карла итти къ Парижу, тѣмъ больше увеличивался паническій страхъ жителей окрестной страны. Францискъ не выдержалъ, и первый искалъ мира. Предложеніе его пришлось очень кстати. Карлъ былъ доволенъ своими успѣхами, но не ослѣпленъ ими, и съ своей стороны вовсе не прочь былъ принять миръ на выгодныхъ условіяхъ. Онъ дѣйствительно состоялся въ Крепи 14 сентября 1544 года.

Хотя миръ заключенъ былъ не въ далекомъ разстояніи отъ самой столицы Франціи, однако онъ не давалъ Карлу рѣшительнаго перевѣса, какъ можно было бы ожидать по ходу войны. Карлъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго пріобрѣтенія внутри Франціи. Лишь Францискъ отказался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ своихъ притязаній и верховнаго права въ тѣхъ земляхъ, которыя достались Карлу по бургундскому наслѣдству. Даже Миланъ удержанъ былъ Карломъ не безусловно. Между другими условіями Крепійскаго мира находимъ обѣщаніе императора—выдать за второго сына Франциска или свою собственную дочь, или дочь своего брата, и отдать въ приданое за первою Нидерланды, а за второю Миланъ, при чемъ

однако онъ выговаривалъ себѣ право занимать этотъ городъ и Кремону своими гарнизонами столько времени, сколько ему заблагоразсудится. Едва ли не самое выгодное условіе для Карла состояло въ томъ, что сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ завоеванія возвращались къ ихъ прежнимъ владѣтелямъ. Такимъ образомъ французы должны были очистить и Піемонтъ, который они продолжали занимать со времени Ниццскаго перемирія.

Когда подумаешь притомъ, что эта была послѣдняя война между Карломъ и Францискомъ, заключившая навсегда ихъ многолѣтнюю вражду, то невольно рождается вопросъ: неужели эти выгоды стоили тѣхъ кровопролитныхъ войнъ, которыми онѣ были куплены, и неужели ради ихъ можно было нѣсколько разъ мѣнять политику и жертвовать имъ другими планами болѣе существенной важности?..

IX.

По успѣшномъ совершеніи „первой части" большой турецкой войны, надобно было ожидать, что Карлъ V немедленно примется за вторую, которая въ прежнихъ его планахъ занимала самое видное мѣсто, и также быстро приведетъ ее къ окончанію. Ибо, соперничая съ Францискомъ, онъ впрочемъ не покидалъ своей любимой мысли о потрясеніи турецкаго могущества и въ ней постоянно видѣлъ главную задачу, вполнѣ достойную своего величія: когда же было лучше выполнить ее, какъ не послѣ мира при Крепи? Но вмѣсто ожидаемаго случилось совсѣмъ другое. Мысль о большомъ походѣ противъ турокъ была оставлена, и Карлъ вмѣсто того завязался мало-по-малу въ большую внутреннюю войну съ тѣми самыми чинами имперіи, которыхъ онъ въ продолженіе стольких лѣтъ старался привлечь на свою сторону, именно въ надеждѣ на ихъ содѣйствіе въ войнѣ съ турками!

Впрочемъ едва ли можно удивляться тому, что́ имѣло свой корень въ самой природѣ вещей и существовавшихъ отношеній. Противорѣчіе между двумя направленіями, изъ которыхъ одно было прямымъ выраженіемъ духа времени и его потребностей, а другое служило отголоскомъ прошлаго, или отживающаго, было такъ глубоко, что столкновеніе и рѣшительный разрывъ между ними были неизбѣжны. Все зависѣло отъ того, произойдетъ ли этотъ разрывъ ранѣе или позже. Онъ

могъ послѣдовать въ самые первые годы царствованія Карла V, или черезъ двадцать пять лѣтъ потомъ. Въ первомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться, на чьей сторонѣ должна была остаться побѣда. Но съ самаго начала Карлъ не хотѣлъ обратить довольно вниманія на умственное движеніе, которое имѣло своимъ представителемъ простого монаха. Вообще, онъ не понималъ природы религіознаго убѣжденія. Занятый своими личными планами, онъ долго смотрѣлъ сквозь пальцы на успѣхъ новаго ученія въ Германіи, и далъ ему вырости до размѣровъ опасной политической силы. Мало того: своими уступками протестантизму, сдѣланными для постороннихъ цѣлей, онъ воспиталъ въ немъ сознаніе своей силы, укрѣпилъ въ немъ чувство независимости. Начиная съ тридцатыхъ годовъ, протестантскій союзъ не боялся уже предлагать свои условія императору и въ то же время завязывалъ политическія связи внѣ предѣловъ имперіи. Съ каждымъ годомъ потомъ онъ расширялъ все болѣе и болѣе свои основанія, а вниманіе Карла все еще было отвлечено отъ него посторонними отношеніями. Такъ прошло около четверти вѣка. Время не только не ослабило противорѣчія, которое раздѣляло два направленія, но увеличило его еще болѣе. Насильственная развязка была неизбѣжна попрежнему, но исходъ ея съ каждымъ годомъ становился сомнительнѣе: ибо великая разница была имѣть дѣло съ едва опредѣлившимся стремленіемъ нѣкоторыхъ умовъ, или съ цѣлымъ вооруженнымъ союзомъ многихъ территоріальныхъ властей, связанныхъ однимъ непреклоннымъ убѣжденіемъ.

Постоянно и много теряя въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ оттого, что все еще не рѣшенъ былъ главный вопросъ во внутренней политикѣ, Карлъ наконецъ и самъ почувствовалъ необходимость заняться имъ предпочтительно передъ всѣми другими, и такъ или иначе раздѣлаться навсегда съ протестантами. Это не было свободное рѣшеніе его воли, а вынужденная уступка обстоятельствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, если Карлъ не хотѣлъ дождаться того, чтобы протестанты стали ему предписывать свою волю по разнымъ вопросамъ внутренней германской политики, то онъ не могъ болѣе откладывать послѣдняго расчета съ ними: потому что дошло уже до того, что союзъ не признавалъ надъ собою никакого другого авторитета, кромѣ императорскаго, да и съ нимъ постоянно находился въ оппозиціи, и все чаще и чаще присвоивалъ себѣ вооруженную расправу, принадлежавшую высшей власти имперіи. Таково было, напримѣръ, извѣстное намъ возстановленіе герцога виртембергскаго, которое было

совершено рукою ландграфа гессенскаго, вопреки волѣ императора и прямо во вредъ интересамъ его брата. Одинъ удачный опытъ въ этомъ родѣ служилъ примѣромъ и поощреніемъ для другихъ. Дѣйствительно, вооруженное вмѣшательство, которое такъ счастливо кончилось для протестантовъ на юго-западѣ, повторилось потомъ съ не меньшимъ успѣхомъ въ сѣверной Германіи. Тамъ протестантизмъ имѣлъ себѣ постояннаго и очень упорнаго врага въ герцогѣ Генрихѣ брауншвейгскомъ. Давно уже искалъ онъ случая смирить протестантскую гордость, и вздумалъ воспользоваться для того приговоромъ имперскаго суда надъ городомъ Госларомъ за нѣкоторыя его самовластныя дѣйствія. Это было въ 1541 году, то-есть, въ то самое время, когда въ Германіи начались религіозныя совѣщанія, и когда Карлъ имѣлъ особенныя причины не раздражать протестантовъ. Императорскою декларацiею, послѣдовавшею въ Регенсбургѣ, пріостановлено было исполненіе приговоровъ имперскаго суда, но герцогъ Генрихъ продолжалъ и послѣ того отбирать у госларцевъ имѣнія, находившіяся въ его владѣніяхъ, и принимать противъ нихъ разныя стѣснительныя мѣры. Когда же Карлъ, по распущеніи Регенсбургскаго сейма, снова оставилъ Германію, онъ уже вовсе не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ противъ беззащитнаго города. Никто изъ католическихъ чиновъ не хотѣлъ возвысить голоса противъ такого вопіющаго самоуправства; даже Фердинандъ довольствовался лишь словесными увѣщаніями герцогу. Но шмалькальденцы громко возстали противъ него, и не только пылкій ландграфъ, но и болѣе миролюбивый курфирстъ взялся за оружіе, чтобы наказать „нарушителей общественнаго мира“. Ихъ соединенное ополченіе простиралось до 20,000 человѣкъ. Герцогъ чувствовалъ себя не въ состояніи вести борьбу съ этою силою, и выѣхалъ изъ своихъ владѣній. Вся надежда его была на укрѣпленные города. Но и они скоро перешли въ руки союзниковъ. Напрасно герцогъ, изгнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, ожидалъ заступничества со стороны католическихъ чиновъ: на сеймѣ, который собрался въ Нюренбергѣ, послышались только голоса неодобренія противъ него. Дѣйствія же ландграфа и курфирста, наоборотъ, заслужили себѣ полное одобреніе на собраніи членовъ протестантскаго союза, происходившемъ, по занятіи герцогства, въ самомъ Брауншвейгѣ. Тогда же главы союза, по соглашенію съ прочими его членами, издали отъ себя декларацію, въ которой объявляли, что не признаютъ болѣе надъ собою власти имперскаго суда и не

намѣрены впредь подчиняться его приговорамъ, а когда, въ началѣ слѣдующаго (1543) года, сеймъ еще собрался въ Нюренбергѣ, они уже прямо потребовали, чтобы имперскій судъ былъ распущенъ, и прежніе его члены замѣщены новыми [1]).

Такъ отъ нерѣшительности и уклончиваго образа дѣйствій одной стороны видимо возрастало политическое значеніе другой. Наконецъ они не только не хотѣли подчиняться установленнымъ авторитетамъ, но и требовали преобразованія ихъ въ своемъ духѣ. Присутствіе самого императора на Шпейерскомъ сеймѣ 1544 года мало измѣнило это теченіе дѣлъ. Мы уже видѣли, какъ, занятый своими воинственными планами, обращенными въ одно время противъ Запада и Востока, старался онъ привлечь на свою сторону членовъ протестантскаго союза и не постоялъ даже за обѣщаніе устроить вновь имперскій судъ по ихъ желанію. Въ слѣдующемъ году, когда на Вормскомъ сеймѣ опять поднятъ былъ вопросъ о рѣшеніи спора на соборѣ, который съ папскаго согласія долженъ былъ въ скоромъ времени открыться въ Тридентѣ, они же, вопреки мнѣнію большинства и самого императора, настояли на томъ, что, помимо собора — какъ будто его и не существовало вовсе — рѣшеніе опять предоставлено было будущему религіозному совѣщанію, и для этой цѣли назначены засѣданія особой комиссіи въ Регенсбургѣ [2]).

Если бы еще всѣ эти уступки вели къ той цѣли, которую Карлъ постоянно имѣлъ въ виду, то есть, къ „умиротворенію" (pacification) Германіи, или выкупались сторонними выгодами. Но до сихъ поръ выигрывали только протестанты, и отъ однихъ требованій переходили къ другимъ. Карлу наконецъ открылись глаза на то положеніе, которое онъ составилъ для нихъ въ государствѣ своими уступками. Онъ увидѣлъ наконецъ то, что́ долженъ былъ бы понять съ самаго начала, то-есть, что надобно или рѣшиться дѣйствовать энергически и обуздать протестантовъ силою, или обречь себя на полное торжество протестантовъ въ Германіи. Въ немъ утвердилось первое рѣшеніе. Ясные признаки его находимъ въ 1546 году. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ сестрѣ своей Маріи послѣ второго регенсбургскаго совѣщанія, столько же неудачнаго, какъ и прежнія. „Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня извѣстія, что цѣль ихъ (протестантовъ) состоитъ въ томъ, чтобы, по закрытіи настоящаго сейма, послѣ котораго, какъ они предпо-

1) См. Ranke, IV, p. 284—85. 2) См. K. A. Menzel, I, p. 409.

лагаютъ, дѣла останутся въ такомъ же запутанномъ положеніи и настроеніи, какъ прежде, прибрать къ своимъ рукамъ всю расправу внутри имперіи, и въ подрывъ императорскому авторитету покорить своему суду всю остальную Германію, и что они только видятъ и слышатъ, какъ бы поставить на своемъ, низложить тѣхъ, которые вздумали бы имъ противиться, довершить разореніе служителей церкви и сверхъ того нанести всякій возможный вредъ мнѣ и королю, моему брату. Мы сами обречемъ себя погибели вмѣстѣ со всѣми католиками, если все будемъ откладывать употребленіе сильныхъ средствъ противъ упомянутыхъ протестантовъ и станемъ попрежнему щадить ихъ, слыша ихъ безпрестанныя сѣтованія и жалобы. Я имѣлъ уже по этому предмету нѣсколько совѣщаній съ моимъ братомъ, и письменныхъ и изустныхъ, а равно также и съ нашимъ родственникомъ, герцогомъ баварскимъ; и они также согласились со мною, что не остается болѣе другого средства, какъ прибѣгнуть къ открытой силѣ и дѣйствовать ею на протестантовъ, чтобы принудить ихъ по крайней мѣрѣ къ такимъ условіямъ, съ помощію которыхъ—если ужъ нельзя сдѣлать ничего болѣе—можно было бы по крайней мѣрѣ избѣжать несчастной необходимости потерять все безъ возврата“ [1]).

Изъ этихъ словъ, кажется, одинаково ясны какъ рѣшимость Карла V вступить въ открытую борьбу съ протестантами, такъ и самыя побужденія, заставившія его принять такое рѣшеніе. Но мы отступили бы отъ исторической истины, если бы захотѣли все приписать однимъ только общимъ мотивамъ. Важнѣйшія рѣшенія Карла обыкновенно истекали прежде всего изъ личныхъ интересовъ, видовъ, желаній, или симпатій; общіе же, или государственные, большею частію стояли уже на второмъ планѣ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Предѣлы круга, въ которомъ происходило обращеніе новыхъ религіозныхъ идей, въ послѣдніе годы раздвинулись очень широко во всѣхъ направленіяхъ. Особенно значительны были успѣхи, сдѣланные реформою на югѣ и на западѣ, то-есть, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, повидимому, всего менѣе могла ожидать себѣ сочувствія. Такъ въ 1542 году она введена была въ Регенсбургѣ, за которымъ смотрѣлъ столь бдительный глазъ герцоговъ баварскихъ. Примѣру Регенсбурга не замедлилъ послѣдовать и Верхній Пфальцъ. Даже въ Австріи чи-

[1]) Lanz, Correspondenz, II, p. 487.

сло приверженцевъ протестантизма увеличивалось съ каждымъ годомъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ. Другое движеніе, выходя изъ Виртемберга и Вестфаліи, которые уже съ тридцатыхъ годовъ принадлежали новому ученію, все болѣе и болѣе захватывало прирейнскія земли. Протестантская община основалась въ Мецѣ, сильная наклонность къ реформѣ обнаруживалась и въ Кёльнѣ. Реформатское направленіе скоро получило здѣсь особенную важность. Во главѣ его сталъ самъ архіепископъ города, по имени Германъ фонъ-Видъ, одно изъ первыхъ духовныхъ лицъ въ имперіи. Въ исторіи внѣшняго распространенія реформы по поверхности Германіи еще не представлялось столь важнаго случая. Примѣры обращенія бывали и прежде между духовными князьями, но никому не приходило въ голову, чтобы протестантизмъ могъ найти себѣ приверженцевъ между духовными курфирстами, которые составляли главную опору католицизма въ Германіи. Притомъ же обращеніе Германа произошло не изъ своекорыстныхъ причинъ: онъ не имѣлъ въ виду, подобно другимъ, никакихъ свѣтскихъ цѣлей и дѣйствовалъ единственно по своему убѣжденію. Онъ былъ человѣкъ довольно простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень чистосердечный, и какъ скоро та или другая мысль переходила въ его убѣжденіе, онъ старался по немъ расположить и самую жизнь свою. Умъ его не отличался особенною глубиною, но и не былъ зараженъ непобѣдимыми предразсудками. Потребности времени легко нашли себѣ доступъ къ его неиспорченному сердцу и пріобрѣли себѣ его искреннія симпатіи. Онъ читалъ, сравнивалъ одни явленія съ другими и мало-помалу пришелъ къ тому убѣжденію, что въ Аугсбургскомъ исповѣданіи заключаются истинныя основанія необходимой реформы. Мало того: по свойственной ему искренности, курфирстъ нисколько не думалъ таить своей мысли, и немедленно желалъ привести ее въ исполненіе. Это былъ характеръ столь наивный, что онъ вовсе не замѣчалъ того противорѣчія въ которое ставилъ себя своими дѣйствіями съ своимъ положеніемъ и со всѣмъ существующимъ порядкомъ вещей, и боялся не исполнить лежащій на немъ долгъ совѣсти, если еще замедлится введеніе реформы въ курфиршествѣ. Рѣшеніе его созрѣло около 1541 года. Въ Регенсбургѣ онъ познакомился лично съ Буцеромъ и призвалъ его къ своему двору. Въ слѣдующемъ году, на собраніи мѣстныхъ чиновъ въ Боннѣ, курфирстъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи, а съ 1543 нача-

лись уже и самыя религіозныя нововведенія, совершавшіяся вездѣ подъ покровительствомъ самого курфирста. Не только въ Боннѣ и Андернахѣ, но и въ самомъ Кёльнѣ причащеніе было принимаемо подъ обоими видами, и духовныя лица вступали въ бракъ по протестантскому обычаю. Въ капитулѣ слышались противорѣчія, но какъ реформа имѣла на своей сторонѣ самого архіепископа, то успѣхъ ея въ Кёльнскомъ курфиршествѣ казался неподлежащимъ сомнѣнію.

Изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ протестантизмомъ внутри Германіи, это было самое чувствительное для императора. Во-первыхъ, непростительно было въ его глазахъ отступничество такого лица, какъ духовный курфирстъ, ибо оно подавало самый дурной примѣръ другимъ. И въ самомъ дѣлѣ, епископъ мюнстерскій ждалъ только утвержденія реформы въ Кёльнѣ, чтобы ввести ее и въ своихъ владѣніяхъ [1]). Но всего болѣе тревожило Карла то неизбѣжное вліяніе, которое преобразованное курфиршество какъ по своему положенію, такъ и нравственному значенію, должно было имѣть на сосѣдственныя нидерландскія провинціи. Нидерланды были дороги Карлу V во многихъ отношеніяхъ. Это была не только родная ему страна, гдѣ онъ выросъ и воспитался, и откуда вынесъ бóльшую часть своихъ понятій и правилъ, но и самый вѣрный, если не самый главный, источникъ его финансовыхъ средствъ. Нидерланды же служили опорною точкою и исходнымъ пунктомъ для большей части его политическихъ комбинацій. Здѣсь онъ былъ дома въ собственномъ смыслѣ этого слова, чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, и потому особенно здѣсь старался предотвратить всякое сильное потрясеніе, которое могло бы повести къ ослабленію его власти. Сохраненіе епископскаго авторитета во всей силѣ казалось ему для того первымъ и самымъ необходимымъ условіемъ. Въ странѣ, которая лежала такъ близко къ Германіи и находилась съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ, протестантскія симпатіи давно уже были не рѣдкость: но самый сильный толчокъ для нихъ безспорно заключался въ кёльнскихъ событіяхъ. Примѣру Кёльна тогда же готовы были послѣдовать многіе города въ Нидерландахъ. По замѣчанію флорентинскаго посланника, начинавшееся здѣсь движеніе угрожало быть гораздо сильнѣе, чѣмъ въ самой Германіи [2]). Встревоженный Карлъ немедленно принялъ строгія мѣры, чтобы подавить броженіе въ самомъ

[1]) См. Ranke, IV, p. 341. — [2]) Ibid. p. 359.

его началѣ. Многія книги подвергнуты были совершенному запрещенію; учреждена была строжайшая цензура для всѣхъ вновь появляющихся сочиненій въ стихахъ и прозѣ; всѣ подозрительные люди были удалены силою или бѣжали сами отъ преслѣдованія; даже сама правительница не могла удержать своего проповѣдника, котораго образъ мыслей казался сомнительнымъ. Но всѣ эти мѣры были бы не дѣйствительны, если бы реформа утвердилась въ Кёльнѣ. Чтобы успокоить Нидерланды, надобно было положить прежде конецъ нововведеніямъ въ курфиршествѣ. Однимъ словомъ, замѣчаетъ нѣмецкій историкъ реформаціи, кёльнское и нидерландское дѣло сливались для Карла въ одинъ и тотъ же вопросъ, и онъ до тѣхъ поръ не могъ быть спокоенъ, пока такъ или иначе не одолѣлъ протестантскаго духа во владѣніяхъ курфирста.

„Видя наконецъ крайнюю опасность для религіи", писалъ онъ въ томъ же довѣренномъ письмѣ къ сестрѣ своей, правительницѣ Нидерландовъ, „и не сомнѣваясь болѣе, что если не отвратить зла заблаговременно, то неминуемымъ слѣдствіемъ его будетъ, во-первыхъ, совершенное отчужденіе и всей остальной Германіи отъ нашей святой вѣры, а во-вторыхъ—распространеніе ереси въ моихъ нидерландскихъ провинціяхъ (mes pays dembas) и отпаденіе ихъ отъ вѣры, которое неизбѣжно повлечетъ за собою измѣну съ ихъ стороны и непослушаніе моей власти — *чего я не могъ бы ни видѣть, ни потерпѣть ни за что въ мірѣ*—и взвѣсивъ многія другія обстоятельства, я наконецъ рѣшился начать войну противъ тѣхъ, кого считаю главными моими врагами" и проч. [1]).

Обстоятельства дѣйствительно расположились такъ, что, кромѣ внутренней войны, императору не оставалось другого выхода. Чѣмъ болѣе налегалъ онъ на измѣнившаго католицизму курфирста, думая сдержать его своимъ авторитетомъ и грозою внѣшняго принужденія, тѣмъ больше запутывались отношенія его къ членамъ протестантскаго союза. Ибо давленіе, производимое на протестантизмъ на Рейнѣ, живо чувствовалось и въ Виттенбергѣ. Сначала Карлъ предостерегалъ курфирста письменно; наконецъ, когда всѣ такого рода внушенія оказались безполезны, въ маѣ 1545 онъ самъ явился въ Кёльнъ,

[1]) Lanz, ibid, p. 488: et que cestuy inconvenient passerrait infailliblement en mes pays dembas, et salieneroient de nostre sainte foi et par consequent de la fidelité et obeissance quils me doivent chose que je ne voudroye pour rien du monde ny veoir ny comporter, etc.

проѣздомъ на сеймъ, собиравшійся въ Вормсѣ. Первымъ его дѣломъ въ столицѣ архіепископа было ободрить мѣстную оппозицію, которая главнымъ образомъ сосредоточивалась въ капитулѣ и въ духовномъ сословіи города. За тѣмъ послѣдовало запрещеніе распространять новое ученіе въ стѣнахъ Кёльна, и поднятъ вопросъ о возстановленіи инквизиціонной комиссіи. Самому же архіепископу дано было знать, что курфиршеское его достоинство нераздѣльно соединено съ епископскимъ саномъ, или другими словами, что съ переходомъ къ протестантизму онъ долженъ лишиться и самой своей власти,—и чтобы въ намѣреніяхъ императора не оставалось никакого сомнѣнія, на Германа подана была жалоба въ Римъ и начатъ противъ него формальный процессъ. Возвращаясь изъ Вормса, Карлъ опять заѣхалъ въ Кёльнъ и еще разъ имѣлъ свиданіе съ курфирстомъ. Тутъ онъ могъ убѣдиться еще болѣе, что имѣлъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ непреклонныхъ характеровъ, на которыхъ не дѣйствуютъ никакія угрозы. Когда императоръ напомнилъ Герману, что, въ случаѣ упорства, его ожидаетъ лишеніе курфиршескаго достоинства, тотъ очень спокойно отвѣчалъ ему, что въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ возвратиться къ своему прежнему званію. Послѣ того Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ совершенно устранить непокорнаго архіепископа и замѣстить его другимъ лицомъ, котораго преданность католицизму не подлежала бы сомнѣнію. Къ тому клонился процессъ, который открытъ былъ противъ Германа въ Римѣ и уже приходилъ къ своему окончанію; но чтобы ничего недоставало для обвиненія и со стороны имперіи, духовенство кёльнское представило еще отъ себя жалобу императору, въ которой обвиняло своего архіепископа въ нарушеніи Вормскаго эдикта и рѣшеній Аугсбургскаго сейма. Этотъ второй процессъ перенесенъ былъ въ Брюссель, куда Карлъ удалился изъ Кёльна, и предоставленъ тамошнему *придворному суду*. Курфирстъ протестовалъ противъ такой вопіющей несправедливости, но не получилъ отъ императора никакого отвѣта. Тогда, видя, что на него со всѣхъ сторонъ сбираются грозы, онъ принялъ для своей безопасности рѣшеніе, котораго слѣдствія скоро почувствовались по всей Германіи.

Въ концѣ 1545 года, на собраніи мѣстныхъ чиновъ въ Боннѣ, курфирстъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи обратиться съ просьбою къ членамъ Шмалькальденскаго союза, чтобы они приняли участіе въ его дѣлѣ. Чины ободрили его мысль, и она тотчасъ приведена была въ исполненіе. Шмаль-

кальденцы очень хорошо знали, какъ близко къ сердцу принималъ Карлъ вопросъ о кёльнской реформѣ, но тѣмъ не менѣе обѣщали курфирсту защищать его дѣло, какъ свое собственное, и тотчасъ сдѣлали о немъ сильное представленіе самому императору; когда же пронесся слухъ, что Карлъ намѣренъ, проѣздомъ на Регенсбугскій сеймъ, явиться въ Кёльнъ съ военною силою и низложить своею властію ослушника, они не постояли и за обѣщаніемъ дѣйствительной помощи своему новому союзнику, въ случаѣ направленнаго противъ него вооруженнаго нападенія. Это смѣлое вмѣшательство союза въ такое дѣло, котораго рѣшеніе Карлъ предоставлялъ себѣ лично, глубоко оскорбило его самолюбіе. Но за одною обидою не замедлила послѣдовать другая, почти не менѣе чувствительная. Около того же времени герцогъ Генрихъ браун-швейгскій сдѣлалъ попытку возвратить свои владѣнія, которыя еще съ 1542 года находились въ рукахъ его протестантскихъ враговъ. Но онъ имѣлъ бдительныхъ противниковъ. Соединенныя ихъ силы скоро опять торжествовали надъ нимъ полную побѣду, и все предпріятіе герцога кончилось разсѣяніемъ его ополченія и взятіемъ въ плѣнъ его самого. Онъ отведенъ былъ въ крѣпкое мѣсто, и какъ военноплѣнный, содержался въ строгомъ заключеніи. Происшествіе быстро огласилось по всей Германіи, вездѣ произвело сильное впечатлѣніе, однако никто не отважился поднять руки на защиту герцога. Протестантскій союзъ расправлялся съ своими врагами внутри имперіи какъ самостоятельная политическая сила, и никому не хотѣлъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ открывались уже новые виды на увеличеніе внѣшняго объема и вмѣстѣ съ тѣмъ на приращеніе самыхъ силъ союза. Въ началѣ 1546 реформа была введена въ Пфальцѣ, и тамошній курфирстъ также искалъ чести быть принятымъ въ число членовъ протестантской лиги. Наконецъ, съ перемѣною курфирста въ Майнцѣ, и тамъ обнаружились подобныя же наклонности... Еще два-три такія пріобрѣтенія со стороны протестантизма, и католическое большинство въ Германіи распалось бы само собою. Карлъ V живо почувствовалъ опасность и писалъ папѣ, что пришло время, когда оба они могутъ сказать о себѣ, что Германія не хочетъ ихъ знать болѣе. Съ своей стороны папа не менѣе его былъ проникнутъ тѣмъ же самымъ сознаніемъ. На просьбу императора о денежномъ пособіи въ 100,000 дукатовъ, онъ отвѣчалъ готовностію не только помочь ему втрое большею суммою, но и содѣйствовать его на-

мѣреніямъ всѣмъ своимъ достояніемъ и не пожалѣть для него самой тіары. Передъ лицомъ сознанной общей опасности, папѣ и императору легко уже было согласиться между собою и устранить всѣ недоразумѣнія. Сначала Карлъ уступилъ желанію римскаго двора относительно открытія собора въ Тридентѣ, которое и послѣдовало въ концѣ 1545 года. Затѣмъ, въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года, папа принялъ условія императора и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ на войну съ протестантами.

Между тѣмъ въ Германіи еще продолжались совѣщанія о мирѣ, религіозномъ и политическомъ. Казалось, обѣ стороны желали и надѣялись еще достигнуть соглашенія въ своихъ требованіяхъ. Императоръ весьма благосклонно принялъ ходатайство саксонскаго курфирста за кёльнскаго архіепископа и обѣщалъ не произносить иначе рѣшенія въ его дѣлѣ, какъ по соглашенію со всѣми чинами имперіи. Встрѣтившись потомъ съ ландграфомъ въ Шпейерѣ, на пути къ Регенсбургскому сейму, онъ всячески старался увѣрить его въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Гранвелла, довѣреннѣйшій изъ совѣтниковъ Карла, повторялъ передъ всѣми тѣ же самыя увѣренія. Онъ утверждалъ, что если и дѣлаются какія вооруженія, то они не имѣютъ другой цѣли, кромѣ защиты границъ. На предстоявшемъ Регенсбургскомъ сеймѣ, казалось, должны были разрѣшиться и послѣднія недоумѣнія. Но все это была только искусная стратегема со стороны Карла. Точно такою же стратегемою было съ его стороны—заключивши (въ октябрѣ 1545) 18-мѣсячное перемиріе съ турками, по которому онъ почти отказался отъ Венгріи и обязался платить дань султану, при открытіи сейма снова повести рѣчь о необходимомъ пособіи въ войнѣ противъ турокъ. Карлу V стоило большихъ усилій надъ самимъ собою, чтобы вдругъ такимъ образомъ перевернуть всю свою политику. Рѣшаясь на открытую войну съ протестантами, онъ приносилъ въ жертву этому новому, вынужденному у него обстоятельствами предпріятію всѣ свои прежніе замыслы. Онъ рѣшался на него трудно, но за то рѣшался крѣпко. Онъ отказывался даже отъ нѣкоторыхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ прежде, онъ отрекся отъ своихъ завоевательныхъ плановъ на Турцію и унизился до постыднаго примиренія съ нею въ то самое время, когда она всего менѣе могла быть опасна для имперіи [1]); но за то хотѣлъ

1) См. Ranke, IV, p. 372.

вознаградить себя полнымъ и вѣрнымъ успѣхомъ въ войнѣ съ своими внутренними врагами. Чтобы отважиться поднять мечъ противъ протестантовъ, Карлу надобно было заранѣе обезпечить себя со всѣхъ сторонъ противъ неудачи. Иначе эта опасная игра не стоила бы свѣчъ въ его глазахъ. Онъ приносилъ на внутреннюю борьбу всѣ свои умственныя силы, всѣ свои дѣятельныя способности: свое личное мужество, неусыпную бдительность, искусство интриги, хитрость, притворство, вмѣстѣ съ огромными военными средствами. Чѣмъ долѣе продержался бы обманъ протестантовъ, тѣмъ лучше было бы для Карла: если бы ему и не удалось застать ихъ совершенно врасплохъ, все же онъ засталъ бы ихъ недовольно приготовленными... И въ самомъ дѣлѣ, даже на Регенсбургскомъ съѣздѣ 1546 года, поставленные лицомъ къ лицу передъ своими противниками, шмалькальденцы все еще были въ заблужденіи насчетъ своего положенія. Безпрестанно слыша о вооруженіяхъ императора, ландграфъ въ объясненіе имъ могъ указать только двѣ цѣли — или Піемонтъ, или Алжиръ. Въ первый разъ Карлъ нѣсколько обличилъ свое рѣшеніе, когда, на томъ же сеймѣ, ему представили отвѣтъ протестантскихъ чиновъ на его требованія: онъ на минуту потерялъ свою обычную важность и—*засмѣялся*...

Это было выраженіе самодовольнаго чувства, внушеннаго Карлу увѣренностію въ близорукости его враговъ и въ своемъ близкомъ торжествѣ надъ ними. Дѣйствительно, на его сторонѣ было множество выгодъ. Минута была выбрана очень благопріятная, и всѣ внѣшнія отношенія устроены такъ, что Карлъ ни съ какой стороны не могъ опасаться помѣхи себѣ. Мы уже сказали о перемиріи съ турками. Франціи тоже были связаны руки не столько Крепійскимъ миромъ, сколько продолжавшеюся войною съ Англіею, ибо Генрихъ VIII ни за что не хотѣлъ разстаться съ Булонью. Новый трактатъ съ папою передавалъ въ руки Карла значительную часть ватиканскихъ сокровищъ [1]). Располагая этими чрезвычайными средствами, Карлъ могъ въ одно и то же время производить вооруженія въ разныхъ частяхъ Германіи. Прежде чѣмъ протестантамъ открылись глаза на опасность, у него уже въ разныхъ мѣстахъ Германіи происходила дѣятельная вербовка ланцкнехтовъ; вся Италія, отъ Тироля до Неаполя, занята была военными приготовленіями, и сверхъ того третья армія

[1]) Ibid. p. 403.

готовилась въ Нидерландахъ. Въ то же время, онъ успѣлъ увеличить число своихъ союзниковъ въ самой Германіи. Между прочимъ герцогъ баварскій, доселѣ державшійся отдѣльно, не устоялъ противъ обольщенія заслужить курфиршеское достоинство, на которое онъ могъ имѣть виды въ случаѣ опалы курфирста пфальцскаго, и вступилъ въ тѣсный союзъ съ императоромъ. Присоединеніемъ Баваріи прекращалось разъединеніе силъ въ южныхъ частяхъ имперіи. Но самое важное пріобрѣтеніе безспорно сдѣлано было Карломъ внутри самаго протестантскаго лагеря. Это была самая мастерская штука его дипломатическаго искусства. Онъ создалъ протестантамъ скрытаго и потому особенно опаснаго врага среди ихъ самихъ. По тонкому расчету Карла, одно изъ недавнихъ и весьма важныхъ пріобрѣтеній Шмалькальденскаго союза должно было превратиться въ орудіе еге конечнаго пораженія. Однимъ словомъ, незадолго до открытія войны, Морицъ, молодой герцогъ саксонскій, вступилъ въ тайный союзъ съ главою имперіи противъ своихъ единовѣрцевъ.

У Карла былъ особенный даръ открывать и переманивать къ себѣ способныя орудія, которыя могли бы служить его цѣлямъ, даже изъ непріятельскаго лагеря. Такъ нѣкогда переманилъ онъ къ себѣ Карла Бурбона отъ Франциска; такъ теперь умѣлъ онъ подготовить себѣ надежнаго союзника въ самомъ тылу у протестантовъ. Пока былъ живъ герцогъ Георгъ (+1539), католицизмъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя себѣ въ саксонскихъ владѣніяхъ. Только что заступившій мѣсто Георга, братъ его Генрихъ открылъ протестантизму свободный входъ въ свои земли и самъ вошелъ въ союзъ съ шмалькальденцами. Но ему какъ будто суждено было только очистить дорогу для своего сына. Въ 1541 году Генрихъ умеръ, и Морицъ принялъ послѣ него наслѣдство уже въ преобразованномъ видѣ. Съ Морицомъ вступало въ ряды владѣтельныхъ лицъ имперіи новое поколѣніе людей, то, которое уже было воспитано въ духѣ новаго религіознаго ученія. Для нихъ вопросъ о реформѣ не существовалъ болѣе: въ ихъ понятіяхъ это было уже рѣшенное дѣло, о которомъ излишне было бы вновь начинать безполезный споръ. Реформа предупредила въ нихъ всѣ сомнѣнія и стала дѣломъ привычки. Но сравнительно съ своими предшественниками, второе поколѣніе не имѣло ужъ къ ней прежней горячности. Какъ тѣ даже на политическіе вопросы смотрѣли большею частію съ религіозной точки зрѣнія, такъ послѣдніе въ самыхъ рели-

гіозныхъ спорахъ болѣе наклонны были дѣйствовать на основаніи политическихъ побужденій. Мысль ихъ не была уже поглощена одною исключительною идеею: они легко отдѣляли свое убѣжденіе отъ политики. По тому самому въ нихъ опять сильнѣе могли заговорить личныя страсти, и врожденное властолюбіе снова начинало играть свойственную ему роль при рѣшеніи политическихъ споровъ. Таковъ былъ Морицъ, молодой герцогъ саксонскій. Въ немъ жилъ безпокойный духъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ удовлетвориться даннымъ положеніемъ. Онъ не измѣнилъ бы своему убѣжденію изъ-за своихъ честолюбивыхъ видовъ, но и не сталъ бы стѣсняться въ нихъ ради убѣжденія. Природа его была въ высшей степени практическая; ему нуженъ былъ прежде всего просторъ для дѣйствія,—и какъ владѣнія герцога тѣсно граничили съ землями саксонскаго курфирста, то ему первому пришлось испытать на себѣ свободныя движенія своего безпокойнаго сосѣда. Между ними были нѣкоторые старые счеты, перешедшіе къ нимъ по наслѣдству; интересы ихъ раздѣлились еще болѣе, когда протестантскимъ князьямъ открылись виды утвердиться, подъ тѣмъ или другимъ титломъ, въ Магдебургѣ и Гальберштадтѣ, освободившихся посредствомъ реформы отъ власти своего архіепископа. Тутъ обнаружилось впервые, что протестантская политика начинала высвобождаться изъ-подъ исключительнаго вліянія религіозныхъ побужденій. Морицъ нисколько не былъ расположенъ уступить преимущество старшему члену своего рода и смѣло простиралъ свои виды на Магдебургъ, даже съ опасностію нарушить единство протестантскаго союза и возмутить его внутреннее согласіе, которымъ онъ силенъ былъ противъ католическаго большинства. Если онъ тогда же не привелъ своихъ намѣреній въ исполненіе, то это лишь потому, что одинъ не въ состояніи былъ бороться съ курфирстомъ. Ему нужно было пособіе сильной руки... Сначала Гранвелла, а черезъ него довольно скоро и самъ императоръ оцѣнили природу этого человѣка и угадали его потребности. Правда, что онъ не спѣшилъ явно отдѣлиться отъ Шмалькальденскаго союза, дѣйствовалъ за одно съ его членами противъ герцога брауншвейгскаго, и еще весною 1546 года обѣщалъ имъ стоять за дѣло реформы до послѣдней возможности [1]); но всѣ эти наружные признаки не обманули проницательности императора и его близ-

1) См. Ranke, IV, p. 396.

кихъ совѣтниковъ, и не помѣшали имъ отличить честолюбиваго герцога отъ прочихъ членовъ союза. По чувству взаимной нужды, съ обѣихъ сторонъ попробовали вступить въ переговоры. Въ лицѣ Гранвеллы и Карловица нашлись искусные посредники, которые успѣли привести это трудное дѣло къ желаемому концу. Морицъ обязался служить императору, а тотъ въ свою очередь обѣщалъ утвердить его во владѣніи Магдебургомъ и Гальберштадтомъ. Вопросъ о реформѣ умѣли обойти довольно искусно, такъ что онъ не помѣшалъ успѣху переговоровъ. Хотя герцогъ и не отказывалъ въ признаніи собора, но какъ онъ въ то же время выговорилъ не только себѣ, но и своимъ подданнымъ право не измѣнять принятымъ ими религіознымъ убѣжденіямъ, то первое условіе, которое относилось къ собору, не имѣло другого значенія, кромѣ формальнаго.

Какъ бы то ни было, цѣль Карла V привязать къ себѣ въ предстоявшей борьбѣ самое энергическое лицо между приверженцами реформы была достигнута, и онъ былъ совершенно правъ, когда, черезъ нѣсколько дней потомъ, въ такихъ словахъ выражалъ свою увѣренность въ успѣхѣ своихъ замысловъ. „Я знаю, какое великое дѣло беру на себя", писалъ онъ все въ томъ же письмѣ къ сестрѣ своей, „но тѣмъ не менѣе я надѣюсь съ Божіею помощію сдѣлать кое-что на пользу вѣры и снова привести Германію въ предѣлы должнаго повиновенія. Въ этомъ согласны со мною всѣ, для кого только предпріятіе не составляетъ секрета, и вы можете быть увѣрены, что я не сталъ бы рисковать, не имѣя вѣрнаго расчета, и не взялъ бы на себя болѣе того, что́ позволяютъ мнѣ мои средства и обстоятельства. Повѣрьте также, что я приложу все стараніе и съумѣю взяться за дѣло такъ, что если кто и захочетъ вмѣшаться со стороны, и даже въ состояніи будетъ исполнить свое намѣреніе, тотъ придетъ слишкомъ поздно и во всякомъ случаѣ немного успѣетъ сдѣлать" [1]).

Передъ этимъ искусствомъ вести дѣла, передъ этою ловкостію интриги, какъ поразительна недальновидность протестантовъ, которые готовы были предостерегать отдаленный Піемонтъ, не замѣчая того, что гроза сбиралась прямо надъ ихъ головами! Хитрости и опытности они могли противопоставить только свою простоту и излишнюю довѣрчивость къ другимъ. Конечно, ихъ

[1]) Lanz, Correspondenz, II, p. 488: Et pouvez estre asseuree, que se nadventureray, riens sans bon fondement, ny plus avant, que je verray estre beina propos, etc.

нельзя было застать совершенно врасплохъ: они давно были вооружены и всегда готовы принять вызовъ; въ этомъ отношенiи они даже превосходили своихъ противниковъ, которые должны были вновь собирать войска и дѣлать вооруженiя. Но какъ незначительны были, даже взятыя вмѣстѣ, силы союза передъ тѣми, которыя должны были собраться подъ знаменемъ Карла! Извнѣ—никакой помощи; внутри—весьма чувствительное отпаденiе и тайная измѣна. Къ этому надобно еще присоединить недостатокъ строгаго единства, ибо союзъ имѣлъ нѣсколькихъ начальниковъ, но ни одного постояннаго главы. Наконецъ, передъ самымъ почти открытiемъ борьбы, онъ потерялъ того, кто по справедливости могъ считаться его душою. Виновникъ реформы сошелъ со сцены прежде, чѣмъ наступилъ рѣшительный кризисъ. Онъ умеръ во-время для себя. Его назначенiе было исполнено: мысль его осуществилась, приняла видимую форму; умственный подвигъ былъ конченъ; наступила пора испытанiя другого рода, гдѣ крѣпкая рука была нужнѣе, чѣмъ сильное слово. Но все же потеря его не могла не почувствоваться тѣми, которые были соединены его именемъ: въ немъ лишались они живого начала, котораго присутствiе между ними восполняло недостатокъ внѣшняго единства и поддерживало согласiе внутри союза. Мартинъ умеръ, призывая своихъ послѣдователей къ усиленнымъ молитвамъ.

Увѣренность Карла V не обманула его: расчетъ его дѣйствительно оказался вѣрнымъ, и предпрiятiе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Вся кампанiя окончилась менѣе нежели въ годъ. Она извѣстна подъ именемъ „Шмалькальденской войны“ и занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторiи нѣмецкой реформацiи. Для нашей цѣли мы впрочемъ считаемъ достаточнымъ лишь общее ея обозрѣнiе. Въ началѣ войны шмалькальденцы имѣли значительныя выгоды передъ императоромъ, но или не умѣли, или не могли воспользоваться ими, какъ слѣдуетъ. Тутъ оказалось, что хотя средства ихъ были довольно ограниченны, они однако недаромъ носили названiе вооруженнаго союза. Въ самомъ дѣлѣ, едва только стали извѣстны намѣренiя императора, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ совершенно изготовиться къ войнѣ, протестанты въ нѣсколько дней поставили на ногу два сильныя ополченiя. Одно изъ нихъ, сѣверное, подъ начальствомъ курфирста и ландграфа, занимало Турингiю, откуда угрожало Баварiи и австрiйскимъ владѣнiямъ; другое, южное, состоявшее изъ виртембергскихъ дружинъ и городскихъ ополченiй, подъ начальствомъ Шерт-

лина, направилось къ Тиролю, чтобы заградить путь чужеземнымъ войскамъ, которыя подходили къ императору изъ Италіи. Этими движеніями союзники предупредили императора, который все еще оставался въ Регенсбургѣ, среди тамошняго протестантскаго народонаселенія, ожидая подкрѣпленій и едва имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотенъ вооруженныхъ людей. Если бы у протестантовъ достало рѣшимости, они могли бы тогда же однимъ сильнымъ ударомъ покончить дѣло въ свою пользу. Карлу V угрожала серьёзная опасность въ Регенсбургѣ. Но противники его сами связали себѣ руки своею излишнею опасливостію и осторожностію. Ничего не подозрѣвая о договорѣ Карла съ герцогомъ баварскимъ, они еще надѣялись спасти себѣ въ немъ союзника и не смѣли нарушить неприкосновенности его владѣній, чтобы открыть себѣ дорогу къ Регенсбургу, или занять своими силами всѣ выходы изъ Тироля. Точно также они старались обходить владѣнія Фердинанда, вообразивъ себѣ, что онъ можетъ-быть еще захочетъ остаться нейтральнымъ въ войнѣ своего брата съ членами союза! [1]) Эта нерѣшимость союзниковъ и ложный взглядъ ихъ на политическія отношенія были причиною, что они напрасно потеряли самое удобное время для дѣйствія и дали возможность Карлу собрать свои силы и съ своей стороны начать дѣйствовать наступательно. Когда наконецъ протестанты, имѣя во главѣ своей самого Іоганна Фридриха, переправились на правый берегъ Дуная и двинулись съ своими силами къ Регенсбургу, Карлъ въ свою очередь перешелъ на лѣвый берегъ той же рѣки и скоро занялъ крѣпкую позицію близь Ингольштадта.

Оттого впрочемъ дѣло протестантовъ далеко еще не было проиграно. Ничто не мѣшало имъ потомъ искать встрѣчи съ своимъ противникомъ въ полѣ и помѣриться съ нимъ силами въ открытомъ бою. Таково, повидимому, и было ихъ намѣреніе, когда они также перешли обратно черезъ Дунай и расположились противъ непріятельскаго лагеря. Но, во-первыхъ, тутъ уже обозначились тѣ выгоды, которыя доставило Карлу продолжительное бездѣйствіе его противниковъ: подойдя къ Ингольштадту, они нашли передъ собою лагерь не только хорошо укрѣпленный, но и защищаемый крѣпостію; а во-вторыхъ, каждый разъ, какъ только нужно было дѣйствовать рѣшительно, между протестантскими начальниками обна-

[1]) См. Ranke, IV, p. 421, 431.

ружилось несогласіе въ мнѣніяхъ, которое много вредило и единству самаго дѣйствія. Вообще Карлу V много помогло во всей этой кампаніи то нерѣшительное состояніе духа, въ какомъ онъ засталъ своихъ противниковъ. Какъ ни запоздало его предпріятіе, все-таки ему пришлось имѣть дѣло въ Шмалькальденской войнѣ съ первымъ поколѣніемъ приверженцевъ реформы. Большею частію это были люди, находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ главнаго ея виновника и основателя. Они были вполнѣ преданы его дѣлу, но та же религіозная совѣсть, которая побуждала ихъ браться за оружіе на защиту новаго ученія, удерживала ихъ руку, когда приходилось имъ поднять мечъ противъ священнаго лица главы Римской имперіи. Даже послѣ того, какъ надъ ними произнесена была опала и открылись непріязненныя дѣйствія, они все еще не могли совершенно отрѣшиться отъ своихъ сомнѣній и такъ слабо вели наступленіе, что его едва можно было отличить отъ обороны. Карлъ искусно пользовался этою нерѣшимостію союзниковъ, и выигрывая у нихъ шагъ за шагомъ, довелъ ихъ наконецъ до того, что, слѣдуя за нимъ неотлучно, они гораздо болѣе сами подвергались опасности нападенія съ его стороны, чѣмъ сколько угрожали ему. У Ингольштадта къ арміи Карла присоединилось еще нидерландское ополченіе, и онъ могъ теперь, почти въ виду своихъ противниковъ, совершить движеніе къ Нёрдлингену, съ цѣлію отразить ихъ сообщенія съ Швабіею. Шмалькальденцы слѣдовали въ томъ же направленіи и скоро настигли непріятельское войско, но довольствовались только тѣмъ, что въ виду его расположенія заняли выгодную позицію на высотахъ. Тогда Карлъ, оставивъ ихъ ожидать нападенія, самъ двинулся къ Ульму. Это смѣлое наступленіе заставило протестантовъ еще разъ убрать свой лагерь и спѣшить на защиту одного изъ главныхъ своихъ опорныхъ пунктовъ. Они явились еще во-время, чтобы спасти Ульмъ отъ неожиданнаго нападенія, но потеряли почти всю дунайскую линію и лишились всѣхъ выгодъ угрожающаго положенія. Война все больше и больше переносилась на протестантскую половину имперіи, точнѣе сказать, на земли членовъ союза. Впрочемъ подъ Ульмомъ произошла значительная остановка, и казалось, ни та, ни другая сторона не могли льститься скорою развязкою. Если союзники, отразивъ ударъ отъ города, должны были потомъ ограничиться принятою ими системою укрѣпленнаго лагеря, то и Карлъ съ своей стороны, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, все еще

не спѣшилъ перейти въ открытое наступленіе. Два лагеря долго стояли одинъ противъ другого, — одинъ близь Ульма, другой близь Гингена,—при чемъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ сшибокъ и фальшивыхъ тревогъ, не произошло ничего замѣчательнаго. Между тѣмъ наступило позднее время года, и полились осенніе дожди. Жизнь въ лагерѣ скоро стала невыносимою. Къ другимъ бѣдствіямъ присоединился еще недостатокъ въ припасахъ. Появившіяся въ войскѣ болѣзни приняли заразительный характеръ. Отъ нихъ терпѣли оба ополченія, но зло особенно усилилось въ лагерѣ императора. Въ войскѣ его было много итальянцевъ и испанцевъ, и они-то платили наибольшую дань смертности. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, потеря Карла въ лагерѣ подъ Ульмомъ простиралась не менѣе какъ до 15,000 человѣкъ.

Въ то время, когда армія Карла V гибла безплодно, и могло казаться, что предпріятіе его приходитъ къ концу, не достигнувъ своей цѣли, онъ разсчитывалъ на вѣрный успѣхъ и былъ ближе къ нему, чѣмъ когда-нибудь. Пока союзники стояли въ бездѣйствіи подъ Ульмомъ, тайный врагъ готовилъ имъ рѣшительный ударъ на сѣверѣ. До сихъ поръ Морицъ оставался нейтральнымъ и не принималъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Не имѣя никакого подозрѣнія о договорѣ его съ императоромъ, саксонское правительство, постановленное курфирстомъ на время своего отсутствія, думало даже ввѣрить герцогу защиту страны противъ возможныхъ покушеній со стороны Фердинанда. Между тѣмъ Морицъ продолжалъ сноситься съ братомъ императора для своихъ цѣлей, и сообща съ нимъ приготовлялъ военное занятіе курфиршества. Подѣливъ напередъ съ Фердинандомъ свое будущее пріобрѣтеніе, онъ немедленно собралъ свои силы и выступилъ съ ними къ саксонской границѣ. Это было въ концѣ октября 1546 года, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ въ императорскомъ лагерѣ изготовленъ былъ герцогу дипломъ на достоинство курфирста. Такъ какъ никто не ожидалъ нападенія съ этой стороны, то Морицъ встрѣтилъ лишь самое слабое сопротивленіе, и съ помощію богемцевъ и венгровъ въ короткое время завладѣлъ всею Саксоніею.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ скоро достигли протестантскаго лагеря при Гингенѣ и распространили въ немъ сильную тревогу. Понятно, что курфирстъ, котораго ударъ касался всего ближе, долженъ былъ безпокоиться болѣе другихъ. Еще другіе могли разсуждать, но ему нельзя было долѣе оставать-

ся, сложа руки, въ лагерѣ, когда его земли и его права были захвачены хищникомъ. Курфирсту не на кого было больше надѣяться, какъ только на самого себя. Онъ немедленно выступилъ изъ лагеря, спѣша на защиту своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Но вслѣдъ за нимъ и весь протестантскій лагерь пришелъ въ движеніе. Силы союзниковъ значительно уменьшились, и каждый изъ нихъ долженъ былъ подумать о своей безопасности. Гингенская позиція потеряла почти всякое значеніе; гораздо вѣрнѣе и надежнѣе казалось каждому защищаться у себя дома. Впрочемъ, когда Карлъ, по удаленіи курфирста, сдѣлалъ было угрожающій видъ и подошелъ близко къ протестантскому лагерю, ландграфъ тотчасъ принялъ свои мѣры для отраженія противника и заставилъ его отказаться отъ своего намѣренія. Но единственная выгода, полученная отсюда союзниками, состояла въ томъ, что они могли потомъ разойтись, не опасаясь преслѣдованія; лагерь же, который до сихъ поръ сдерживалъ стремленія Карла, пересталъ существовать, и онъ могъ теперь съ полною свободою дѣйствовать въ юго-западной Германіи.

Не распадаясь на части, протестантскій союзъ въ лицѣ своихъ членовъ однако разошелся въ разныя стороны, такъ что въ немъ не могло быть больше никакого общаго дѣйствія. Это важное преимущество, стоившее блистательной побѣды, досталось Карлу даже безъ битвы. Затѣмъ оставалось ему только побивать отдѣльныхъ членовъ союза, каждаго порознь, чтó уже не представляло много трудности. Самое главное для него было управиться съ саксонскимъ курфирстомъ, который пользовался наибольшимъ авторитетомъ въ союзѣ и располагалъ самыми значительными силами. Пока императоръ былъ занятъ въ Швабіи, Іоганнъ Фридрихъ неутомимо дѣйствовалъ въ своей наслѣдственной области. Онъ привелъ съ собою 20,000 войска, легко вытѣснилъ Морица изъ курфиршества, и въ началѣ 1547 года обратился уже къ Магдебургу и Гальберштадту, съ намѣреніемъ произвести въ нихъ давно задуманную секуляризацію. Морицъ не считалъ себя безопаснымъ даже въ своихъ владѣніяхъ. Вездѣ въ окрестныхъ странахъ протестантское движеніе пробуждалось съ новою силою. Не только Лузація и Силезія, но и самая Богемія, несмотря на присутствіе въ ней Фердинанда, отзывались симпатически на успѣхи курфирста въ Саксоніи. Въ короткое время Іоганнъ Фридрихъ, казалось, могъ надѣяться возстановить свое прежнее политическое значеніе въ сѣверной Герма-

ніи и опять стать во главѣ обширнаго союза, основаннаго на единствѣ религіозныхъ убѣжденій и крѣпкаго народными симпатіями. Соединивъ около себя весь протестантскій сѣверъ и опираясь на него, онъ въ состояніи былъ бы возобновить борьбу съ большею вѣроятностію успѣха, чѣмъ дѣйствуя на отдаленномъ югѣ и безпрестанно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній.

Но прежде чѣмъ союзъ могъ образоваться въ новой своей формѣ, Карлъ принялъ уже противъ него свои мѣры. Въ продолженіе зимы онъ успѣлъ утвердить свою власть въ юго-западной Германіи. Ульмъ и Аугсбургъ покорились ему первые. Герцогъ виртембергскій долженъ былъ униженно заискивать у него снисхожденіе. За тѣмъ послѣдовало покореніе Франкфурта и Кёльна. Курфирстъ Германъ остался вѣренъ принятому имъ направленію, но за то принужденъ былъ сложить съ себя свою власть. Наконецъ, даже отдаленный Страсбургъ, чтобы отвести отъ себя грозу, долженъ былъ послѣдовать примѣру другихъ городовъ и смириться передъ императоромъ. Къ веснѣ 1547 года во всей западной Германіи не было ни одного пункта, гдѣ бы власть Карла не находила себѣ признанія. Около того же времени судьба разрѣшила и всѣ сомнѣнія его относительно Франціи. Старый соперникъ Карла, Францискъ I, который до сихъ поръ стоялъ живою преградою всѣмъ властолюбивымъ его замысламъ, сошелъ въ могилу, конечно въ самую благопріятную минуту для своего противника. Другой участникъ событій этого времени, Генрихъ VIII, умеръ еще въ началѣ года. Мысль Карла наконецъ освободилась отъ одной изъ постоянныхъ своихъ заботъ, тылъ его былъ вполнѣ обезпеченъ, и ничто не мѣшало ему теперь, занявъ гарнизонами главные пункты на юго-западѣ, обратить остальныя свои силы противъ сѣвера. Въ апрѣлѣ онъ началъ свое движеніе къ саксонскимъ границамъ, и въ Эгерѣ соединился съ Морицомъ и съ братомъ своимъ Фердинандомъ. Курфирстъ такъ мало былъ приготовленъ къ этому нечаянному движенію, что незадолго передъ тѣмъ отдѣлилъ часть своего войска, а самъ съ остававшимися при немъ силами занялъ позицію неподалеку отъ Мейссена. Онъ имѣлъ потомъ неосторожность допустить Карла подойти такъ близко къ себѣ, что отступленіе стало уже невозможностію. Какъ извѣстно, при Мюльбергѣ, на берегу Эльбы, произошло столкновеніе, кончившее однимъ ударомъ всю борьбу. Неравенство силъ было такъ велико, что, какъ скоро обѣ стороны всту-

пили въ бой между собою, никакая счастливая случайность не могла уже спасти войско курфиста отъ пораженія. Еще ему открыта была дорога въ крѣпкій Виттенбергъ, гдѣ онъ могъ найти себѣ вѣрное убѣжище; но онъ былъ столько добросовѣстенъ, что хотѣлъ дѣлить съ войскомъ всѣ опасности, и былъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Битва кончилась почти совершеннымъ истребленіемъ небольшой саксонской арміи.

Торжество Карла V было полное. Мюльбергъ во многихъ отношеніяхъ напоминалъ собою Павію. Различны только размѣры: ибо небольшое протестантское войско, потерпѣвшее пораженіе при Мюльбергѣ, ни по своимъ численнымъ силамъ, ни по личной доблести своего вождя не можетъ итти въ сравненіе съ французскою арміею, которая сражалась при Павіи; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ военное счастіе одинаково вѣрно служило императорскому знамени. И тамъ и здѣсь битва кончилась совершеннымъ пораженіемъ непріятеля, и тамъ и здѣсь побѣда Карла увѣнчалась взятіемъ въ плѣнъ самихъ знаменитыхъ вождей. Въ лицѣ ихъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ вѣрный залогъ, владѣя которымъ, могъ предписывать условія мира по своему желанію. Онъ обыкновенно не любилъ церемониться съ своими плѣнниками, и старался извлечь изъ ихъ несвободы всю возможную пользу для себя, нисколько не думая о приличіяхъ. Положеніе Іоганна Фридриха было въ этомъ отношеніи даже гораздо хуже, чѣмъ Франциска. Онъ не равнялся съ нимъ правами своей власти; полный господинъ своей наслѣдственной области, онъ впрочемъ въ то же время былъ присяжникъ императора, какъ и его собственные подданные. Война, которую курфирстъ велъ противъ Карла, по праву могла быть названа крамолою, и какъ скоро его захватили съ оружіемъ въ рукахъ, то съ нимъ могли поступить какъ съ измѣнникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, первые дни послѣ Мюльберга Іоганну Фридриху угрожалъ смертный приговоръ, и только для успокоенія прочихъ князей имперіи измѣнили первое рѣшеніе и присудили плѣнника къ лишенію курфиршескаго достоинства и къ пожизненному заключенію.

Одного только недоставало мюльбергскому дѣлу для полнаго сходства въ успѣхѣ съ павійскимъ. Получивъ въ свои руки Франциска, Карлъ безраздѣльно располагалъ въ его лицѣ главою враждебной себѣ коалиціи. Не совсѣмъ такъ вышло при Мюльбергѣ. Плѣненіе Іоганна Фридриха развѣ въ половину только могло соотвѣтствовать плѣну Франциска. Протестантская лига составлена была изъ разнородныхъ политиче-

скихъ элементовъ. Кромѣ Іоганна Фридриха, въ нее входило много другихъ владѣтельныхъ особъ, и въ военной организаціи союза ландграфу принадлежала почти равная роль съ курфирстомъ. Мюльбергская битва предала во власть императора только одного изъ двухъ главныхъ предводителей протестантской лиги. Чтобы побѣда была такъ же полна, какъ при Павіи, Карлу надобно было во что бы то ни стало достать въ свои руки и второго вождя протестантской партіи, не участвовавшаго въ послѣднемъ сраженіи и сохранившаго свое независимое положеніе. Можетъ-быть убѣжденія ландграфа были не такъ глубоки и основательны, какъ у его несчастнаго товарища, но за то онъ былъ гораздо предпріимчивѣе его, бодрѣе духомъ, имѣлъ неоспоримое военное призваніе и вообще рожденъ былъ для дѣятельной роли. Испытанная въ бояхъ рука его не дрогнула бы передъ непріятелемъ вдвое сильнѣйшимъ. Пока онъ оставался цѣлъ и невредимъ, за нимъ могла быть довольно безопасна вся сѣверо-западная Германія. Словомъ, въ мюльбергской побѣдѣ оставался значительный пробѣлъ, который можно было пополнить только уравненіемъ участи обоихъ вождей протестантскаго союза.

Два средства могли служить Карлу для достиженія его послѣдней цѣли. Ему надобно было или продолжать войну и стараться одолѣть ландграфа открытою силою, или заманить его въ свои руки хитростію. Но первое средство представляло свои опасности. Ландграфъ имѣлъ болѣе времени приготовиться къ отпору нападенія, чѣмъ курфирстъ, захваченный почти врасплохъ, и постоянно былъ насторожѣ въ своихъ владѣніяхъ. Притомъ же главный вопросъ для Карла состоялъ не столько въ побѣдѣ, сколько въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ извѣстное лицо. Гораздо безопаснѣе и надежнѣе казалось захватить его мирнымъ образомъ и получить возможность вполнѣ располагать его судьбою. Устроить это дѣло было тѣмъ легче, что ландграфъ хорошо понималъ трудность своего положенія, и чтобы выйти изъ него, съ своей стороны не прочь былъ отъ мировой сдѣлки. Для полнаго успѣха Карлу нужно было только до времени искусно затаить свои настоящіе виды, или стараться скрыть ихъ подъ двусмысленными формулами, подтвержденными различнаго рода толкованіемъ — роль, которая прямо лежала въ его характерѣ и не требовала отъ него большихъ усилій. Онъ былъ не врагъ честнаго поведенія—пока оно совпадало съ его личными выгодами. Въ лагерѣ императора нашлись и посредники, гото-

вые служить интересамъ той и другой стороны и стараться согласить ихъ между собою. Между ними самое выгодное мѣсто принадлежало Морицу, который имѣлъ свои, какъ личныя, такъ и политическія причины искать примиренія обѣихъ сторонъ. Его участіе въ войнѣ было вызвано честолюбіемъ. Низложеніемъ Іоганна Фридриха и возведеніемъ его самого въ курфиршеское достоинство интрига его приходила къ концу. Далѣе требованія Морица пока не простирались: онъ никогда не желалъ истребленія протестантизма, которому принадлежалъ своими религіозными убѣжденіями, а теперь ничто не мѣшало ему болѣе принять даже нѣкоторое участіе въ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ. Между ними ландграфъ былъ всѣхъ ближе къ нему по родственнымъ связямъ. Морицъ желалъ по крайней мѣрѣ спасти личную свободу своего тестя и избавить его отъ тяжкой опалы, и дѣйствительно успѣлъ настоять на томъ, что Карлъ далъ свое слово, въ случаѣ покорности ландграфа, сохранить ему жизнь и не подвергать его вѣчному заключенію. На этомъ условіи состоялось примиреніе между ними. Черезъ два мѣсяца послѣ Мюльбергской битвы, ландграфъ явился ко двору императора, чтобы принести ему свою покорную голову и испросить у него себѣ прощеніе. Карлъ, повидимому, былъ удовлетворенъ выраженіемъ его покорности. Но вечеромъ того же дня ландграфъ, позванный вмѣстѣ съ другими почетными гостями къ герцогу Альбѣ, былъ задержанъ у него какъ государственный преступникъ и потомъ принужденъ слѣдовать за дворомъ въ качествѣ плѣнника...

Съ этой минуты Мюльбергъ вполнѣ уравнялся съ Павіей. Карлъ держалъ въ своихъ рукахъ обоихъ предводителей враждебной ему партіи въ Германіи. Въ лицѣ ихъ онъ какъ бы снялъ голову съ Шмалькальденскаго союза. Нѣтъ нужды говорить, что задержаніе ландграфа имѣло прямымъ слѣдствіемъ покореніе всего Гессена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлу открывались виды на преобладаніе на всемъ протестантскомъ сѣверѣ. Если со стороны нѣкоторыхъ городовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Бременъ, и послѣ того продолжалось еще вооруженное сопротивленіе, то Карлъ не обращалъ уже на него большого вниманія. Въ рукахъ его было такъ много залоговъ несомнѣнной силы, что онъ и не думалъ безпокоиться много объ остальномъ. Еще одно усиліе съ его стороны—и все должно было преклониться передъ его волею внутри имперіи; но послѣдній успѣхъ внушилъ ему столько самоувѣренности, что онъ не

видѣлъ нужды спѣшить послѣднимъ ударомъ. Борьба съ протестантизмомъ не была добровольнымъ его дѣйствіемъ: она, какъ мы видѣли, была у него вынуждена обстоятельствами; она стоила ему пожертвованія многими обширными замыслами во внѣшней политикѣ, которые стояли у него на первомъ планѣ. Но по крайней мѣрѣ эти, столько тяжелыя для его самолюбія, жертвы принесены были имъ недаромъ; пусть онъ отвлеченъ былъ войною противъ шмалькальденцевъ отъ своего любимаго предпріятія: за то онъ торжествовалъ въ ней полную побѣду и далъ своимъ внутреннимъ врагамъ такой урокъ, что имъ, казалось, невозможно было болѣе оправиться. Если онъ принужденъ былъ отказаться на время отъ внѣшнихъ пріобрѣтеній, за то получилъ возможность поставить свою власть въ имперіи гораздо выше, чѣмъ она стояла при его предшественникахъ. И что́ мѣшало ему наконецъ, смиривъ протестантскую Германію, возвратиться ко внѣшнимъ предпріятіямъ?

Но это былъ весьма обманчивый рядъ заключеній. Въ Шмалькальденской войнѣ разыгрался только первый актъ великой религіозной драмы въ Германіи. Карлъ V именно снялъ въ ней лишь верхушки предпріятія, но успѣхъ его нисколько не простирался въ глубину. Пораженный въ лицѣ своихъ вождей, протестантизмъ тѣмъ не менѣе оставался цѣлъ какъ непреклонное религіозное убѣжденіе, какъ самый духъ народа. Многіе города легко покорились Карлу въ той надеждѣ, что ихъ религіозная совѣсть не потерпитъ отъ него никакого принужденія. До сихъ поръ онъ вѣдался, можно сказать, съ отдѣльными лицами: теперь ему надобно было имѣть дѣло со всенародною совѣстію. Но эту силу Карлъ могъ понимать всего менѣе. Да и хорошо ли понималъ онъ тѣхъ, съ помощію которыхъ надѣялся привести свое дѣло къ концу? Не обманывался ли онъ насчетъ своей опытности и знанія людей? У него достало проницательности, чтобы отыскать ловкаго союзника себѣ даже внутри непріятельскаго лагеря; но самый этотъ успѣхъ долженъ былъ бы вразумить его, что на сцену выступала новая порода людей, съ которою надобно было обращаться тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ она казалась уступчивѣе и податливѣе на разныя приманки и обѣщанія. Примѣръ Морица служилъ явнымъ доказательствомъ, что личность начинала освобождаться отъ господствовавшихъ надъ нею вліяній, и эгоистическіе интересы опять брали верхъ надъ другими побужденіями. Со стороны его предшественниковъ по крайней мѣрѣ

нельзя было опасаться коварства: то были простые и честные люди, которые вели борьбу безъ ухищреній. Теперь наступало время борьбы другого рода. Измѣна заступала мѣсто открытаго противодѣйствія; недостатокъ силъ восполнялся тонкимъ расчетомъ и хитростію. А какое было ручательство, что эти новыя пружины, дѣйствію которыхъ Карлъ обязанъ былъ главнымъ своимъ успѣхомъ въ Шмалькальденской войнѣ, не будутъ также употреблены въ дѣло и его противниками?

Вообще положеніе Карла V послѣ Мюльберга требовало едва ли не большей осмотрительности и разборчивости на средства, чѣмъ прежде. Но онъ не устоялъ противъ искушенія: онъ обольстился своимъ успѣхомъ и предался самоувѣренности. Какъ ложно смотрѣлъ Карлъ на свое положеніе, и какъ мало былъ наученъ предшествующимъ опытомъ, можно судить по той мѣрѣ, которою онъ думалъ окончательно водворить внутренній миръ и спокойствіе въ Германіи. Наружное волненіе улеглось; надобно было успокоить самые умы. Вопросъ очевидно былъ опять о судьбѣ новаго ученія. Но какое возможно было для него рѣшеніе? Карлъ былъ настолько самостоятеленъ, что отвергнулъ мысль о безусловной реставраціи. Онъ не согласился предоставить все дѣло рѣшенію собора, который изъ Тридента перенесенъ былъ въ Болонью и находился подъ исключительнымъ вліяніемъ папы и крайней католической партіи. Какъ глава имперіи, онъ удержалъ это право за собою и придумалъ мѣру, извѣстную подъ именемъ *интерима*. По мысли изобрѣтателя, это была провизорная или временная мѣра, которой предназначалось дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ силу рѣшенія свободнаго всеобщаго собора, предполагавшагося въ будущемъ. Но какъ подобное предположеніе могло не состояться вовсе, то интеримъ получалъ постоянное значеніе и прямо заступалъ мѣсто недостававшихъ соборныхъ опредѣленій. Такимъ образомъ выходило, что Карлъ бралъ на себя лично ту самую роль, на которую право отрицалъ у болонскаго собранія. Какъ и всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ, интеримъ имѣлъ своимъ назначеніемъ согласить въ себѣ требованія той и другой стороны и потому самому, разумѣется, не удовлетворять ни одной изъ нихъ. Первоначальная мысль Карла была даже сдѣлать его равно обязательнымъ для обѣихъ партій и подчинить ему католиковъ въ одинаковой степени съ протестантами; но онъ встрѣтилъ между первыми такое сильное противодѣйствіе, что скоро увидѣлъ себя принужденнымъ отказаться отъ своего намѣре-

нія [1]). Тогда вся тяжесть мѣры пала на протестантовъ, и они одни должны были нести на себѣ всѣ слѣдствія непослушанія. Короче сказать,—думая избѣжать крайностей, Карлъ опять впадалъ въ рутину, и средство, придуманное имъ для возстановленія нарушеннаго религіознаго единства, принимало для гонимой партіи характеръ насильственной, деспотической мѣры, способной развѣ только увеличить глубокій внутренній раздоръ и произвести новое раздраженіе въ сердцахъ.

Мы не будемъ много останавливаться на исторіи интерима. Она наполнила собою нѣсколько лѣтъ (1548 — 51) и имѣла почти одинаковый ходъ съ другими заблужденіями человѣческаго ума и воли. Нигдѣ въ протестантской Германіи интеримъ не нашелъ себѣ никакого сочувствія; напротивъ, вездѣ встрѣчали его или негодованіемъ, или насмѣшками. Строгіе протестантскіе теологи видѣли въ немъ искаженіе евангельскаго ученія, и даже тѣ, которые никогда не отличались особенною твердостію ума и характера, какъ Меланхтонъ, не иначе соглашались принять его, какъ съ разными перемѣнами и исправленіями. Такъ между прочимъ составилась особая согласительная формула въ Лейпцигѣ, получившая силу закона во всей Саксоніи. Но въ Магдебургѣ, напримѣръ, интеримъ вызвалъ противъ себя цѣлый потокъ сатирическихъ сочиненій. Подобное же настроеніе господствовало и во многихъ другихъ городахъ имперіи. На Карла такое противорѣчіе его волѣ дѣйствовало раздражительно; онъ чувствовалъ свою силу и нисколько не былъ приготовленъ къ упорному сопротивленію со стороны побѣжденныхъ. Чѣмъ нетерпѣливѣе желалъ онъ утвержденія своей мѣры, тѣмъ больше оскорблялся ея непризнаніемъ. Оскорбленному же властителю что́ мѣшало показать свою власть? Юго-западные города, Регенсбургъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Констанцъ, первые испытали на себѣ гнѣвъ его. Нюренбергъ покорился добровольно. Предупреждая насильственное введеніе интерима, Гессенъ, гдѣ правили сыновья плѣннаго ландграфа, также смирился передъ волею императора. Еще оппозиція держалась въ сѣверныхъ странахъ, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ Магдебургѣ; но она казалась такъ безсильна, что Карлъ не хотѣлъ даже взять на себя борьбы съ нею, и поручивъ осаду непокорнаго города Морицу и другимъ вѣрнымъ ему князьямъ сѣверной Германіи, самъ спокойно оставался въ Аугсбургѣ.

[1]) См. Ranke, V, p. 45, 51.

Звѣзда его ярче, чѣмъ когда-нибудь, восходила надъ имперіею, бросая свѣтъ свой и на окрестныя страны. Другимъ путемъ, другими средствами, онъ однако достигалъ того же идеала, которымъ постоянно одушевлена была его политическая дѣятельность отъ самыхъ первыхъ ея началъ. Не побѣдами надъ мусульманскимъ міромъ, какъ предполагалось сначала, но приведеніемъ къ покорности всей Германіи онъ высоко становился надъ всѣми современными властителями. Разрозненная религіозною враждою страна снова соединилась единствомъ предписаннаго имъ закона. Никогда еще Карлъ не былъ такъ близокъ къ осуществленію идеи той власти, которая до сихъ поръ принадлежала ему по имени. Противорѣчія на имперскомъ сеймѣ, который онъ неразъ собиралъ около себя, находясь въ Аугсбургѣ, слышались рѣже и выражались весьма робко. Самые смѣлые изъ чиновъ теряли духъ въ присутствіи вооруженныхъ испанцевъ, которые были неотлучно при императорѣ и служили орудіемъ для введенія интерима въ непокорныхъ городахъ. Тѣмъ же, которые, какъ курфирсты майнцскій и трирскій, еще брали на себя смѣлость возражать противъ такого опаснаго нововведенія, тотчасъ дано было почувствовать, что они присвоиваютъ себѣ право, имъ не принадлежащее. Тѣмъ менѣе могли ожидать признанія или возвращенія своихъ правъ опальные князья, которые уже лишились однажды своей свободы. Съ ними поступали какъ съ военноплѣнными. Даже въ отношеніи къ ландграфу гессенскому, такъ вѣроломно захваченному въ плѣнъ, Карлъ не хотѣлъ признать за собою никакихъ обязательствъ и продолжалъ держать его въ заключеніи. Тюрьма Филиппа становилась все тѣснѣе и тѣснѣе, и временное его заключеніе превращалось въ постоянное. Долгое время возили несчастнаго плѣнника съ мѣста на мѣсто; наконецъ, вопреки всѣмъ правамъ, была рѣчь даже о томъ, чтобы вовсе удалить его изъ Германіи и переправить въ Испанію, которая и должна была сдѣлаться его гробомъ! Карлъ считалъ уже свою власть настолько обезпеченною въ настоящемъ, что простиралъ свои виды даже на отдаленное будущее, и думалъ на нѣсколько поколѣній впередъ обойти избирательный законъ имперіи. Если ему не удалось тогда же провести избраніе своего сына Филиппа въ римскіе короли, то потому только, что онъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ своемъ братѣ, который самъ имѣлъ виды на императорскую корону и не хотѣлъ уступить своего права племяннику.

Такъ, подъ видомъ введенія интерима, осуществлялась идея того единства, которая соединялась съ понятіемъ императорской власти. Но была въ ней и другая, еще болѣе мечтательная сторона, которая однако столько же входила въ виды Карла, какъ и первая: власть „главы имперіи“ была по его представленію первою властію въ христіанскомъ мірѣ и должна была простираться на всѣ отношенія, не исключая и духовныхъ. И дѣйствительно, онъ мечталъ уже употребить эту власть какъ орудіе для возстановленія религіознаго единства въ цѣломъ католическомъ мірѣ. Въ Скандинавіи и Англіи онъ надѣялся достигнуть своей цѣли посредствомъ своего интерима. Трудно было провести тѣ же самые виды на югъ отъ Германіи, тамъ, гдѣ господствовала римская доктрина во всей ея строгости: ибо папа Павелъ III почти такъ же враждебно смотрѣлъ на интеримъ, какъ и строгіе протестанты. Но Карлъ и не настаивалъ на принятіи интерима со стороны папы: онъ надѣялся гораздо благовиднѣе достигнуть того же посредствомъ собора, если бы только ему удалось высвободить соборъ изъ-подъ исключительнаго папскаго вліянія. Для того онъ очень озабоченъ былъ перенесеніемъ собора обратно въ Тридентъ; для того же онъ требовалъ допущенія протестантовъ къ участію въ совѣщаніяхъ собора. Такимъ образомъ, онъ надѣялся получить результаты, сходные съ своею провизорною мѣрою, которые однако были бы обязательны для всего католическаго міра [1]. Уже при Павлѣ III Карлъ настолько успѣлъ въ своемъ желаніи, что папа согласился закрыть соборъ въ Болоньѣ. Дѣло пошло еще успѣшнѣе впередъ, когда Павелъ III умеръ (1549) и мѣсто его занялъ Юлій III, избранный большинствомъ, расположеннымъ въ пользу императора. Въ 1550 соборъ снова открылся въ Тридентѣ, и въ началѣ слѣдующаго года впервые послышались среди католическаго собранія протестантскіе голоса. Карлъ переѣхалъ изъ Аугсбурга въ Инспрукъ, чтобы быть ближе къ Триденту и слѣдить за ходомъ соборныхъ совѣщаній. Онъ забывалъ на время Германію, потому что надѣялся скоро привести въ исполненіе другіе, болѣе широкіе свои виды.

Когда такимъ образомъ мысль Карла V занята была только единствомъ, сдерживаемымъ одною его властію, природа явленій, среди которыхъ онъ былъ поставленъ, требовала непремѣннаго раздѣленія, двойства. Въ этомъ состояло вѣчное

1) См. Ranke, V, p. 89, 139.

его противорѣчіе съ духомъ времени. За то же и мстилъ онъ Карлу тяжелыми ударами, изъ которыхъ послѣдній былъ конечно самый чувствительный для его гордости и самолюбія. Онъ приготовленъ былъ въ глубокой тайнѣ на сѣверѣ, и разразился надъ головой Карла совершенно неожиданно. Двигателями его были прежнее недовольство, оставшееся послѣ Шмалькальденской войны, и то новое раздраженіе, которое произведено было въ умахъ насильственнымъ введеніемъ интерима. Способное же орудіе для того, чтобы эти чувства стали дѣйствительною силою, нѣкоторымъ образомъ подготовлено было самимъ Карломъ въ Морицѣ саксонскомъ. Онъ первый возбудилъ честолюбіе молодого герцога и открылъ ему пути для дѣятельной роли внутри имперіи; онъ, правда, думалъ воспользоваться этимъ орудіемъ исключительно для себя: но въ томъ самомъ оборотѣ, которымъ Морицъ привлеченъ былъ въ одну важную минуту на сторону императора, заключалась возможность и другой измѣны. Морица нельзя было привязать узами благодарности. Личные интересы всегда стояли у него на первомъ планѣ, а какъ со времени интерима онъ не находилъ имъ много удовлетворенія на той сторонѣ, которой принадлежалъ по своимъ политическимъ связямъ, то ему не стоило большого усилія надъ собою повернуть въ другую сторону. Энергическая мысль его не могла успокоиться на одномъ успѣхѣ: возбуждаемая честолюбіемъ, она постоянно занята была отыскиваніемъ новыхъ путей для дѣятельности. Къ тому же онъ способенъ былъ почувствовать оскорбленіе, а въ дѣло ландграфа замѣшана была его собственная честь. Наконецъ въ предпріимчивости Морицъ мало кому уступалъ изъ своихъ современниковъ: нисколько не пугаясь представлявшихся трудностей, онъ напротивъ любилъ занимать ими свое воображеніе. Нѣтъ спора, что природа его была крайне эгоистическая; но это самое открывало ему возможность такихъ средствъ, о которыхъ его строго добросовѣстные предшественники, стоявшіе во главѣ протестантскаго дѣла, едва ли могли бы и помыслить: противъ своего личнаго противника Морицъ не задумался бы вступить въ тѣсный союзъ даже со врагомъ своего отечества. Справедливо замѣчаютъ, что чрезвычайныя обстоятельства пораждаютъ и дѣятелей не совсѣмъ обыкновенныхъ. Морицъ былъ именно этимъ необычайнымъ орудіемъ, которому назначено было развязать, тѣмъ или другимъ способомъ, одинъ изъ самыхъ запутанныхъ узловъ своего времени.

По своему положенію Морицъ никогда бы конечно не могъ отважиться на борьбу съ могущественнымъ императоромъ: такъ велика была несоразмѣрность силъ между ними. Но и при совершенномъ равенствѣ средствъ исходъ борьбы былъ бы еще очень сомнителенъ, если бы на сторонѣ курфирста не было превосходства въ томъ самомъ качествѣ, въ которомъ Карлъ до сихъ поръ не зналъ себѣ соперника: это его скрытность и умѣнье, такъ сказать, отводить глаза противниковъ. Врожденный талантъ скрытности и притворства Морицъ образовалъ въ себѣ до совершенства, до тончайшаго искусства. Сокровенныя думы его часто оставались неизвѣстны самымъ довѣреннымъ его совѣтникамъ. Онъ избѣгалъ сообщеній, посредствомъ писемъ, говоря, что „изустный разговоръ, или обмѣнъ мыслей, гораздо лучше, чѣмъ писанная бумага“. Онъ не держалъ у себя даже чужихъ писемъ, но отдавалъ ихъ на сохраненіе своей женѣ. Замѣчено также, что и въ разговорѣ, вмѣсто того чтобы прямо сообщить свою мысль другому лицу, онъ обыкновенно начиналъ съ противнаго предположенія [1]). Въ его положеніи борьба съ Карломъ возможна была только хитростію и ловкостію. Но какъ побѣдитель при Мюльбергѣ и самъ былъ силенъ въ этомъ искусствѣ, то Морицу надобно было довести его до истиннаго мастерства, чтобы перехитрить противника. На все это у него достало умѣнья, и произведеніе дѣйствительно вышло мастерское — въ томъ смыслѣ, что предпріятіе было совершенно готово, прежде чѣмъ Карлъ получилъ о немъ подозрѣніе. Видимымъ образомъ онъ продолжалъ вести осаду Магдебурга, въ интересахъ столько же своихъ, сколько и императора; втайнѣ же онъ заводилъ новыя связи для защиты религіи и политическихъ правъ съ протестантскими князьями сѣверной Германіи, и сносился для той же цѣли съ Генрихомъ II французскимъ, который ждалъ только случая, чтобы вмѣшаться въ дѣла имперіи. Послѣдовавшая наконецъ сдача Магдебурга, повидимому, отдавала въ руки Карла и послѣдній оплотъ протестантизма: въ самомъ же дѣлѣ, этимъ событіемъ окончательно утверждалось единство новаго протестантскаго союза на сѣверѣ, такъ что союзники вслѣдъ за тѣмъ могли непосредственно приступить къ исполненію своего обширнаго плана и начать наступательныя дѣйствія противъ неприготовленнаго къ нимъ противника.

1) См. Ranke, V, p. 221—224.

Какъ искусно было задумано это второе дѣйствіе религіозной войны, такъ быстро совершалось его исполненіе. Самая Шмалькальденская война могла бы показаться слишкомъ медленною передъ походомъ Морица въ южную Германію. Въ ноябрѣ 1551 г. послѣдовала сдача Магдебурга. Въ началѣ слѣдующаго года подписанъ былъ договоръ съ Генрихомъ II, а чрезъ мѣсяцъ потомъ Морицъ выступилъ уже съ союзнымъ ополченіемъ изъ Турингіи во Франконію и держалъ съ нимъ путь прямо на Аугсбургъ. Карлъ V между тѣмъ спокойно оставался въ Инспрукѣ. Со времени взятія Магдебурга все вниманіе его обращено было на тридентскія событія. Онъ упорно отвергалъ всѣ доходившіе до него темные слухи о протестантскомъ союзѣ на сѣверѣ. Даже узнавъ о движеніи союзниковъ, онъ все еще думалъ, что дѣло идетъ только объ освобожденіи ландграфа, и такъ далекъ былъ отъ всякой мысли объ опасности, что грозился, вмѣсто отвѣта, послать защитникамъ плѣнника разрубленныя его части. Это было почти въ то самое время, какъ союзники подступили къ Аугсбургу и съ торжествомъ вступили въ него, встрѣченные сочувствіемъ жителей. Еще шагъ Морица впередъ, и императору былъ бы отрѣзанъ входъ въ Германію съ юга. На западѣ было не лучше. По соглашеніи съ союзниками, Генрихъ II также направилъ свои силы къ Германіи. Монморанси подступилъ къ Мецу и занялъ городъ безъ сопротивленія. Карлу наконецъ открылись глаза на опасность, когда она почти уже подошла къ воротамъ его резиденціи. Онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ однимъ только оскорбленнымъ зятемъ ландграфа, но съ религіозными и политическими антипатіями цѣлой страны, которая боялась участи Испаніи. Недавно еще грознаго, императора могла спасти только быстрая, энергическая помощь. Но духовные курфирсты, къ которымъ онъ прежде всего обратился за нею, сами чувствовали себя въ весьма затруднительномъ положеніи. Получивъ тотъ же вызовъ, Фердинандъ отвѣчалъ, что онъ долженъ употребить всѣ свои силы въ Венгріи, которой Османы снова угрожали нападеніемъ. По своимъ труднымъ обстоятельствамъ онъ отклонилъ отъ себя даже честь — дать въ своихъ земляхъ временное убѣжище императору. Въ тылу у Карла было не больше опоры. Тревога скоро сообщилась Триденту, и почтенные члены собранія уже приготовлялись къ отъѣзду. Внутри Италіи Карлъ не видѣлъ для себя безопасности, а переправа черезъ море въ Испанію, въ случаѣ встрѣчи съ турецкими или французскими

кораблями, могла стоить ему личной свободы. Можетъ-быть впервые въ цѣлой жизни Карла дрогнуло его поистинѣ неробкое сердце. Онъ упалъ духомъ и видѣлъ для себя возможность спасенія только въ бѣгствѣ. Уже въ началѣ апрѣля, онъ тайно собрался въ дорогу и съ немногими вѣрными спутниками пытался бѣжать во Фландрію.

О состояніи его духа можно судить по письму, которое онъ писалъ къ Фердинанду до выѣзда изъ Инспрука. „Я принужденъ“, говорилъ онъ брату,—„оставить Германію, потому что не вижу въ ней никого, кто бы хотѣлъ принять мою сторону, а число враговъ моихъ такъ велико,—и между тѣмъ какъ они ведутъ противъ меня свои ополченія, я остаюсь совершенно безъ денегъ и не имѣю никакихъ средствъ получить ихъ въ скоромъ времени“. Упомянувъ далѣе о тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожали ему въ Италіи и на переѣздѣ оттуда въ Испанію, онъ продолжаетъ: „Вы сами можете легко понять, какъ дорого обошлось бы все это для моей чести и репутаціи, и какимъ прекраснымъ концомъ увѣнчались бы всѣ мои труды на старости лѣтъ, не говоря уже о томъ, что́ я считаю за вѣрное, т. е., что въ Италіи тотчасъ вспыхнетъ возстаніе, а Нидерланды непремѣнно сдѣлаются добычею Франціи. И ужъ конечно я предпринимаю мое странствованіе не по доброй волѣ, когда вижу кругомъ себя столько препятствій для того, чтобы проникнуть во Фландрію—не говорю съ войскомъ, но хоть бы съ моею свитою, и когда мнѣ заперты всѣ пути; но потому единственно, что нахожусь въ опасности и боюсь на старости лѣтъ понести величайшій стыдъ и униженіе, какое только можетъ быть испытано царственнымъ лицомъ. Взвѣсивъ все и сообразивъ всѣ трудности моего положенія, я не нашелъ ничего лучше, какъ поручить себя волѣ Божіей, и рѣшился скорѣе прослыть за стараго глупца, чѣмъ погубить себя на старости лѣтъ, не исполнивъ того, что́ еще я могу, хотя бы мои ослабѣвшія силы и недуги были и противъ того... Если Богу угодно будетъ увѣнчать мое предпріятіе успѣхомъ, я надѣюсь, что буду оправданъ въ вашихъ глазахъ; и если бы даже мнѣ не посчастливилось, и попытка моя кончилась бы смертію или плѣномъ, все же мнѣ пріятнѣе было бы думать, что я исполнилъ то, что́ могъ, чѣмъ незаслуженно продлить свои дни и пользоваться спокойствіемъ“ [1]).

Изъ этихъ признаній видно, что Карлъ рѣшился на бѣгство потому, что чувствовалъ себя въ самомъ безпомощномъ

1) Lanz, Correspondenz, III, p. 160—161.

состоянiи, и что для него гораздо менѣе было опасности бѣжать, чѣмъ оставаться на мѣстѣ. Въ ночь на 7-е апрѣля онъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Инспрука, въ сопровожденiи двухъ камергеровъ и нѣсколькихъ служителей, надѣясь горными путями пробраться къ Ульму. Но на половинѣ дороги странники узнали, что Морицъ стоитъ уже у Фюссена, и чтобы не попасться ему въ руки, должны были поворотить назадъ къ Инспруку. Тогда Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ стараться отвратить отъ себя опасность какою-нибудь сдѣлкою съ непрiятелемъ. По счастiю для императора, братъ его Фердинандъ успѣлъ до сего времени сохранить дружественныя отношенiя къ Морицу, и между ними дѣйствительно положено было открыть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ переговоры въ Линцѣ; въ ожиданiи же того времени обѣ стороны согласились наблюдать перемирiе. Но Карлъ былъ далекъ отъ мысли заключить миръ съ своимъ противникомъ при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ: онъ думалъ только воспользоваться состоявшимся перемирiемъ для того, чтобы выиграть время, и какъ только собралъ нѣсколько денегъ, тотчасъ началъ дѣлать вооруженiя. Они происходили близь Франкфурта и Ульма; главнымъ же сборнымъ пунктомъ назначено было мѣстечко Реитти (Reitti) близь Эренбергскаго горнаго прохода (на рѣкѣ Лехѣ), ибо Карлъ всего болѣе желалъ обезопасить для себя выходъ изъ Тироля. Будь Морицъ менѣе бдителенъ, онъ могъ бы въ короткое время лишиться всѣхъ выгодъ своего положенiя; но онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движенiемъ Карла, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сосредоточить свои силы, ударилъ на ту часть ополченiя, которая стояла лагеремъ у Реитти. Имперцы не выдержали натиска и бѣжали въ безпорядкѣ. Черезъ нѣсколько времени господствующее возвышенiе и самый горный проходъ были въ рукахъ Морица. Дорога къ Инспруку лежала открытою передъ нимъ, и только мятежное состоянiе войска, вдругъ потребовавшаго себѣ жалованья, остановило на время это движенiе. Но Карлъ не могъ долѣе оставаться въ Инспрукѣ. На другой день послѣ дѣла при Реитти онъ призвалъ Iоганна Фридриха и объявилъ ему свободу, обязавъ его впрочемъ словомъ не удаляться отъ двора до нѣкотораго времени. Вечеромъ того же дня, несмотря на припадокъ своей постоянной болѣзни, Карлъ выѣхалъ изъ города. Путь его освѣщался свѣтомъ факеловъ; на горахъ лежалъ еще снѣгъ; погода была дождливая и холодная. Уходя отъ Морица въ противополож-

ромъ направленіи, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ горы и остановился только въ Виллахѣ (въ Каринтіи). Взятіе Эренбергскаго прохода отозвалось также и въ Тридентѣ: почтенное собраніе вдругъ разсыпалось въ разныя стороны. Черезъ пять дней потомъ Морицъ занялъ городъ, который недавно еще служилъ резиденціею императору. Преобладающее вліяніе одной мысли и одной воли чувствовалось на всей линіи отъ Магдебурга до Инспрука.

Личная свобода Карла V была въ безопасности; но позора, пережитаго имъ въ Инспрукѣ и на пути отъ него къ Виллаху, онъ не могъ смыть во всѣ остальные дни своей жизни. Повелитель имперіи и нѣсколькихъ королевствъ, державшій столько лѣтъ въ своихъ рукахъ судьбы нѣсколькихъ народностей, далъ застать себя врасплохъ новичку въ политическомъ искусствѣ; побѣдитель Франциска, итальянской лиги, Хайръ-Эддина и протестантскаго союза постыдно бѣжалъ передъ тѣмъ, кто даже своимъ курфиршескимъ титломъ обязанъ былъ его сильному покровительству! Карлъ V позволилъ сдѣлать себя смѣшнымъ въ глазахъ цѣлаго свѣта какому-нибудь Морицу саксонскому! Одна минута въ настоящемъ бросала черную тѣнь на все славное прошедшее. Но еще хуже было то положеніе, въ которомъ находился Карлъ послѣ бѣгства изъ Инспрука. Онъ долженъ былъ держаться вдали отъ всѣхъ, скрываться въ недоступномъ убѣжищѣ, когда внутри имперіи готовились величайшія рѣшенія, которымъ суждено было имѣть огромное вліяніе на всю будущую судьбу ея; онъ не могъ подать прямо своего голоса, когда дѣло касалось важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, которой онъ одинъ хотѣлъ дать направленіе!

Переговоры, условленные въ Линцѣ, дѣйствительно открылись въ Пассау. Сюда съѣхались всѣ курфирсты и многіе, какъ духовные, такъ и свѣтскіе князья имперіи. Не будучи правильнымъ сеймомъ, это собраніе однако должно было замѣнить его собою, и по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась имперія, пріобрѣтало особенную важность. Пользуясь отсутствіемъ главы, сходившіяся здѣсь партіи положили рѣшить спорные пункты прежде всего между собою. Онѣ не хотѣли даже допустить Фердинанда къ непосредственному участію въ своихъ совѣщаніяхъ и передавали ему уже готовыя рѣшенія. Благодаря такой независимой постановкѣ, обѣ стороны легко могли достигнуть соглашенія въ самыхъ главныхъ пунктахъ. Никто болѣе не настаивалъ на необхо-

димости единства: всѣ, напротивъ, проникнуты были убѣжденіемъ, что надобно раздѣлить интересы партій, и во что бы то ни стало положить конецъ внутренней войнѣ, которая неизбѣжна была при прежней системѣ. Къ тому клонились требованія протестантской партіи изначала, и если она бралась за оружіе, то единственно съ тою цѣлію, чтобы отстоять свое отдѣльное существованіе. Католическіе же чины, которые до сихъ поръ держались противоположнаго мнѣнія, принуждены были отказаться отъ него, потому что не имѣли болѣе поддержки со стороны императора и не надѣялись располагать прежнимъ большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ протестантское начало, то самое, которое назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ вызвало шпейерскій протестъ и съ тѣхъ поръ было предметомъ преслѣдованія, нашло себѣ въ Пассаускомъ собраніи общее признаніе со стороны имперскихъ чиновъ. Въ такомъ же духѣ составлены были и прочія рѣшенія. Бо́льшая часть предложеній шла отъ самого Морица, которому вообще принадлежала самая видная роль въ собраніи. Мнѣніе курфирста, что Тридентскій соборъ не можетъ считаться способнымъ орудіемъ религіознаго единенія, было принято п католическими чинами. Не отвергая вовсе возможности соглашенія въ будущемъ, они впрочемъ нисколько не противорѣчили Морицу въ томъ, что каково бы ни было послѣднее рѣшеніе спора, ни въ какомъ случаѣ оно не должно служить поводомъ къ нарушенію внутренняго мира въ имперіи. Вопросъ религіозный все больше и больше отдѣлялся отъ политическаго. Это величайшей важности постановленіе, которымъ начало религіозной свободы обезпечивалось противъ возможныхъ случайностей, вскорѣ утверждено было и согласіемъ Фердинанда. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ Морицъ, чтобы провести свою мысль о тѣхъ облегченіяхъ для протестантовъ, которыя зависѣли отъ состава имперскаго суда. За всѣ эти уступки католическихъ чиновъ протестанты обязывались съ своей стороны не покушаться на права духовныхъ князей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые до того времени сохранили свои владѣнія. Не говоримъ о рѣшеніяхъ второстепенной важности. Между ними самое значительное относилось къ освобожденію ландграфа. Вообще Пассауское собраніе было такъ счастливо составлено, что внутри его всѣ противорѣчія довольно легко разрѣшались въ гармонію. Одного только не доставало ему для полноты успѣха: созванное въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, оно имѣло только временный харак-

теръ, и чтобы рѣшенія его могли сдѣлаться постоянными и имѣть прочное вліяніе на ходъ событій въ Германіи, требовалось еще согласіе на нихъ императора и окончательное утвержденіе ихъ посредствомъ правильнаго имперскаго сейма.

Карлъ не принималъ непосредственнаго участія ни въ совѣщаніяхъ Пассаускаго собранія, ни въ его рѣшеніяхъ, но, какъ всякій легко можетъ себѣ представить, былъ къ нимъ весьма неравнодушенъ. Онъ имѣлъ посредника въ своемъ братѣ, съ которымъ велъ постоянную переписку изъ Виллаха. Онъ не былъ рѣшительно противъ переговоровъ, потому что надѣялся черезъ нихъ выиграть время, и въ самомъ дѣлѣ не оставался въ продолженіе ихъ недѣятеленъ, на всякій случай производя въ разныхъ мѣстахъ посильныя вооруженія. Но, благодаря миролюбивому духу, господствовавшему въ собраніи чиновъ, переговоры между ними сладились гораздо скорѣе, чѣмъ внѣшнее положеніе Карла сколько-нибудь измѣнилось къ лучшему. Онъ попрежнему ничего еще не былъ въ состояніи предпринять, когда ему предложены были состоявшіяся въ Пассау постановленія. Трудно представить себѣ положеніе болѣе тяжелое и почти безвыходное для того, кто недавно еще мечталъ обнять своею властію полміра. Принять пассаускія рѣшенія значило для него отказаться отъ системы, которая занимала всѣ его мысли, которой онъ посвятилъ столько трудовъ и усилій, для которой наконецъ пожертвовалъ грандіозными планами своей молодости. Къ политическому и религіозному единству Германіи приводился въ послѣднее время весь смыслъ его царствованія. Если бы оно не удалось, то къ чему служили всѣ жертвы, всѣ труды и подвиги прошедшихъ лѣтъ, наконецъ самыя побѣды? Но что̀ установлялось сдѣлкою, заключенною между чинами въ Пассау, какъ не начало раздѣленій? Карлъ не въ состояніи былъ уничтожить этихъ рѣшеній, и однако не могъ отклонить ихъ отъ себя. Ему не оставалось почти никакого выбора. Тогда онъ, за недостаткомъ силы, противопоставилъ пассаускимъ предложеніямъ свое упорство,—загородился отъ нихъ рѣшительнымъ отказомъ, и чтобы не оставить свой поступокъ вовсе безъ оправданія, ссылался на требованія своей совѣсти и на существующія постановленія въ имперіи (les ordonnances de l'empire), которыя онъ считалъ нарушенными въ Пассау. Болѣе всего возмущала его мысль о *вѣчномъ* мирѣ съ протестантами: онъ боялся, однажды давши слово, навсегда связать себѣ руки

своимъ обязательствомъ, и потому держался противъ этого пункта до послѣдней крайности.

„Что касается до мира съ протестантами," писалъ онъ своему брату:—„то, хотя я не чувствую никакого расположенія начинать съ ними войну, и не имѣю въ настоящее время средствъ для того, да и сами они видятъ, что несмотря на всѣ ихъ оскорбленія, я не только не поднялъ противъ нихъ меча, но еще желалъ бы извинить ихъ чѣмъ-нибудь,—впрочемъ ни за что въ свѣтѣ не соглашусь я подставить свою голову подъ *узду*, которую хотятъ наложить на меня, чтобы потомъ уже никогда не имѣть возможности отдѣлаться отъ нея: такое обязательство слишкомъ было бы противно тому, что̀ я считаю моимъ долгомъ".—„И если власть императорская должна погибнуть," продолжалъ онъ далѣе, все больше и больше возвышая тонъ,—„что̀, какъ я думаю, составляетъ ихъ конечную цѣль, хотя они стараются показать совсѣмъ другое, то я не хочу, чтобы это совершилось при мнѣ, или чтобы я послужилъ къ тому поводомъ".—„Не подумайте", читаемъ еще нѣсколько ниже, — „чтобы это происходило оттого, что я не хочу простить нанесенныхъ мнѣ оскорбленій, что̀, какъ вы доказываете, послужило бы вовсе не къ стыду, а напротивъ къ чести: увѣряю васъ, что если бы дѣло шло только о моемъ униженіи, я бы не постоялъ за себя, лишь бы тѣмъ доставить миръ странѣ, и не сталъ бы затрудняться прощеніемъ обидъ, которыя мнѣ пришлось понести за мое желаніе общаго блага; но дѣло въ томъ, что если бы я и могъ проглотить стыдъ, то у меня осталось бы еще тяжелое бремя на совѣсти, котораго я не въ состояніи вынести".—Въ заключеніи письма находимъ даже слѣдующую угрозу: „Послѣ всего я наконецъ прихожу къ такому окончательному и неизмѣнному рѣшенію, что если статьи мира не будутъ исправлены по моему желанію, то я ни за что не соглашусь связать мою совѣсть подобнымъ трактатомъ, и скорѣе пойду самъ на встрѣчу моимъ врагамъ съ тѣми немногими силами, какія мнѣ удастся собрать, а если онѣ окажутся такъ малы, что съ ними нельзя будетъ и помышлять о сопротивленіи, то я лучше совсѣмъ оставлю Германію и уйду въ Италію или во Фландрію, если только будетъ для того какая-нибудь возможность" [1]).

1) Lanz, III, p. 318—329.

Около мѣсяца прошло въ безполезной перепискѣ. Чтобы побѣдить упорство Карла, Фердинандъ долженъ былъ лично отправиться къ нему въ Виллахъ. Онъ старался представить брату выгодныя стороны мира, и не скрылъ своихъ опасеній за судьбу какъ цѣлой страны, такъ своего дома въ особенности, въ случаѣ, если бы протестанты снова принуждены были взяться за оружіе. Представленія Фердинанда были подкрѣплены донесеніями политическихъ агентовъ императора, которые около того же времени писали къ нему изъ разныхъ мѣстъ, что вооруженія идутъ медленно, что положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становится опаснѣе, и что если онъ будетъ продолжать упорствовать въ своемъ намѣреніи, то отъ него отпадутъ даже и тѣ, которые до сихъ поръ оставались ему вѣрными [1]). Карлъ уступилъ въ маловажныхъ подробностяхъ, но въ главныхъ пунктахъ остался непоколебимъ попрежнему. Статью о вѣчномъ мирѣ онъ вычеркнулъ изъ проекта собственною рукою. Онъ стоялъ на томъ, что вопросъ, какимъ способомъ лучше покончить религіозный раздоръ, можетъ быть рѣшенъ только на правильномъ сеймѣ, въ присутствіи самого императора, и соглашался на миръ лишь временно, въ ожиданіи будущихъ рѣшеній. Всѣ усилія Фердинанда склонить брата на дальнѣйшія уступки были напрасны, и успѣхъ примиренія казался столько же сомнительнымъ, какъ и прежде.

Протестанты поняли, что въ этомъ упорствѣ былъ свой расчетъ, и что имъ не переломить его иначе, какъ развѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Неутомимый Морицъ дѣйствительно опять взялся за оружіе и нечаяннымъ нападеніемъ на Франкфуртъ, гдѣ было одно изъ сборныхъ мѣстъ императорскаго ополченія, думалъ подновить то впечатлѣніе, которое за нѣсколько времени передъ тѣмъ заставило Карла бѣжать изъ Инспрука. Притомъ же, владѣя Франкфуртомъ, онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ сообщенія императора съ Нидерландами. На этотъ разъ однако счастіе измѣнило Морицу: онъ потерпѣлъ неудачу при нападеніи. Но это самое обстоятельство открыло ему глаза на перемѣну въ положеніи, изъ которой могли вырости для протестантовъ новыя опасности. Если Карлъ и не въ состояніи еще былъ предпринять противъ нихъ наступательное движеніе, то по крайней мѣрѣ располагалъ уже достаточными силами, чтобы отразить возможное нападеніе съ

[1]) См. Lanz, III, въ особенности донесенія De Rye, Сельда и Швенди, p. 339, 354 etc.

ихъ стороны. Морицу оставался выборъ между новою сомнительною войною, въ которой онъ могъ встрѣтить между своими противниками и прежняго курфирста, и принятіемъ измѣненныхъ условій мира, какъ они были начертаны въ Виллахѣ. Онъ предпочелъ послѣднее. Близь Франкфурта же были подписаны Морицомъ предложенія, которыя шли отъ Карла чрезъ посредство Фердинанда, а примѣру курфирста не замедлили послѣдовать и другіе члены протестантской лиги.

Повидимому, согласіемъ Морица устранялось послѣднее препятствіе къ примиренію, хотя бы оно было только временное и потому весьма ненадежное. Но Карлъ никогда искренно не раздѣлялъ мысли о мирѣ съ протестантами. Постоянная цѣль его была выиграть время переговорами и мало-по-малу занять прежнее положеніе въ имперіи. Чѣмъ больше переговоры приближались къ концу, тѣмъ больше онъ оправлялся отъ страха и получалъ довѣренности къ своимъ силамъ, — и когда ему оставалось только скрѣпить свои же условія мира, Карлъ обратился къ брату съ тайнымъ предложеніемъ, которое имѣло смыслъ вызова на войну съ протестантами. Но Фердинанду въ то время было лишь самому до себя. Турки снова угрожали ему въ Венгріи, а въ этихъ обстоятельствахъ для него всего дороже была помощь Морица, на которую онъ могъ разсчитывать только въ случаѣ мира. Получивъ рѣшительный отказъ брата, Карлъ наконецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ подписать мирныя условія съ протестантами. Такъ состоялось знаменитое Пассауское перемиріе.

Сдѣлка была только временная, и потому не рѣшала еще спора окончательно. Карлъ нисколько не связалъ себѣ руки на будущее. У него оставались еще нѣкоторыя надежды на свое искусство, ловкость и опытность въ дѣлахъ; частію онъ могъ разсчитывать также, что съ перемѣною обстоятельствъ измѣнятся и самыя отношенія между нимъ и чинами имперіи, что вражда утихнетъ, и ему опять удастся привлечь на свою сторону прежнее большинство. Главною его заботою стало поэтому, какъ отдалить сколько можно болѣе созваніе большого имперскаго сейма. Тѣмъ временемъ онъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы завязать новыя связи въ имперіи, и по возможности возстановить свою военную репутацію, которой также нанесенъ былъ сильный ударъ послѣдними событіями. Конечно Германія была не въ такомъ положеніи, чтобы можно было думать о какомъ-нибудь завоевательномъ предпріятіи: она сама терпѣла въ это время отъ чужого нашествія и ну-

ждалась въ крѣпкой оборонѣ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Но въ такихъ обстоятельствахъ не маловажною заслугою со стороны императора было бы даже успѣшное отраженіе непріятеля изъ предѣловъ имперіи, хотя бы оно не сопровождалось никакими новыми пріобрѣтеніями. Особенно больно было Карлу видѣть успѣхи французовъ на нѣмецкой землѣ; овладѣвши Мецомъ, они продолжали свои завоеванія далѣе. Какъ перемѣнились обстоятельства! Давно ли Карлъ торжествовалъ надъ Францискомъ и угрожалъ ему въ самомъ Парижѣ? И вотъ, черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ послѣ его смерти, побѣдитель при Павіи не въ состояніи былъ ничего предпринять, чтобы защитить свои собственныя владѣнія отъ вторженія его сына! Надобно же было императору воспользоваться возстановленіемъ внутренняго мира хоть для того, чтобы отмстить Генриху II за его дерзкое покушеніе и возвратить имперіи отторгнутые имъ города.

Предпріятіе имѣло за себя всѣ вѣроятности успѣха. Къ тому времени у Карла собрались значительныя военныя силы. Соперникъ его не отличался особенными военными талантами. Протестантскіе князья, въ силу вновь заключеннаго перемирія, отступились отъ Генриха. Кромѣ того, Морицъ взялся помогать Фердинанду въ Венгріи, такъ что Карлъ, не опасаясь болѣе за свой тылъ, могъ обратить всѣ свои силы противъ французовъ. Кампанія открылась вскорѣ послѣ внутренняго замиренія. Карлъ лично принялъ начальство надъ войскомъ и повелъ его прямо противъ Меца. Гордый духъ его не могъ вынести мысли, чтобы этотъ старый имперскій городъ оставался еще въ рукахъ непріятеля. Въ возвращеніи Меца онъ видѣлъ сверхъ того необходимое средство для обезпеченія своихъ Нидерландовъ. Въ октябрѣ началась правильная осада города. Въ императорскомъ лагерѣ почти не сомнѣвались въ ея успѣхѣ, а на сторонѣ составилось даже такое убѣжденіе, что, какъ скоро Мецъ будетъ взятъ, Карлу не трудно уже будетъ совладать съ прочими своими противниками [1]). Скоро однако осаждающіе увидѣли, что имъ предстоитъ дѣло гораздо болѣе трудное, нежели какъ они предполагали. Защита города ввѣрена была храброму герцогу Гизу, въ распоряженіи котораго находился многочисленный гарнизонъ. Несмотря на всѣ усилія осаждающихъ, работы ихъ медленно подвигались впередъ. Только въ ноябрѣ въ состояніи были они открыть огонь

1) Ranke, p. V, 287.

изъ большой батареи, которая назначена была для дѣйствія противъ городскихъ стѣнъ. Имъ удалось наконецъ пробить одну значительную брешь; но когда развѣялся дымъ, они увидѣли за нею новое сильное укрѣпленіе, которое заставило ихъ отложить штурмъ до другого времени. Начаты были новыя работы, а между тѣмъ въ лагерѣ все больше и больше чувствовалось дѣйствіе поздняго времени года. Наступившіе холодные дожди не только охладили послѣдній жаръ въ осаждающихъ, но и произвели въ рядахъ ихъ такое опустошеніе, что нельзя было и думать о продолженіи осады. Особенно гибеленъ былъ для нихъ декабрь мѣсяцъ, когда отъ однѣхъ болѣзней выбыла изъ строя третья часть испанцевъ и половина итальянцевъ, бывшихъ въ императорскомъ войскѣ. Карлъ дождался еще подъ стѣнами Меца наступленія 1553 г., но вскорѣ потомъ снялъ осаду, и со стыдомъ удалился во внутреннія владѣнія. Это значило почти то же, что отказаться отъ Меца навсегда, ибо чѣмъ больше непріятель имѣлъ времени, чтобы укрѣпиться въ немъ, тѣмъ труднѣе было изгнать его отсюда. Слѣдствія этой неудачи почувствовались даже на отдаленномъ югѣ. Съ наступленіемъ весны французскій флотъ, въ соединеніи съ турецкимъ, угрожалъ Неаполю, и какъ въ то же время вся Италія находилась въ сильномъ броженіи, то Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ принять услуги папы Юлія III, и при помощи его заключить перемиріе съ Франціею.

Пораженіе внутреннее, униженіе передъ внѣшнимъ врагомъ... Такъ разбивались одна за другою великолѣпныя мечты Карла, такъ измѣняла ему самая дѣйствительность, и каждый годъ уносилъ что-нибудь изъ того ореола, въ которомъ онъ обыкновенно являлся своимъ современникамъ. Можно себѣ представить, какъ все это должно было дѣйствовать на его духъ. Въ случаѣ успѣшнаго хода мецской осады, Карлу предсказывали покореніе и „прочихъ“ его враговъ: неуспѣхъ ея, конечно, не менѣе долженъ былъ отразиться на внутреннихъ событіяхъ Германіи. Своимъ безсиліемъ въ имперіи Карлъ скоро поставленъ былъ въ весьма фальшивое положеніе. Вскорѣ по возвращеніи его изъ похода, закипѣла вражда между Альбрехтомъ, воинственнымъ маркграфомъ бранденбургскимъ, и нѣкоторыми духовными чинами, терпѣвшими отъ его самоуправства и насилія. Естественно было ожидать, что въ этомъ спорѣ императоръ приметъ сторону слабыхъ. Иначе въ чемъ же бы состояло особенное значеніе высшаго авторитета въ

имперіи? Но вышло наоборотъ: Карлъ остался на сторонѣ маркграфа, съ которымъ вступилъ въ связи во время мецскаго похода, между тѣмъ какъ Морицъ принялъ на себя защиту притѣсненныхъ католическихъ князей, несмотря на то, что отдѣлялся отъ нихъ своими религіозными убѣжденіями! Впрочемъ, когда дѣло дошло до открытой борьбы, Карлъ устранился отъ всякаго участія въ ней, такъ что союзъ съ нимъ не принесъ ни малѣйшей пользы маркграфу. Онъ принужденъ былъ защищаться лишь своими собственными силами, и потерпѣлъ одно за другимъ нѣсколько пораженій. Союзъ съ императоромъ не спасъ его даже отъ приговора, который былъ произнесенъ надъ нимъ имперскимъ судомъ, и борьба кончилась тѣмъ, что стѣсненный со всѣхъ сторонъ Альбрехтъ бѣжалъ изъ Германіи и искалъ себѣ убѣжища во Франціи (1554). Подъ конецъ всего Карлу досталось еще утвердить собственноручною подписью тѣ распоряженія, которыми предписывалось неукоснительное исполненіе приговора, произнесеннаго надъ бывшимъ его союзникомъ.

Въ битвѣ при Сиверсгаузенѣ, гдѣ Альбрехтъ понесъ первое пораженіе, смертельный ударъ поразилъ и самаго опаснаго его противника. Морицъ жилъ только одинъ день послѣ сраженія, въ которомъ еще разъ доказалъ силу своей руки. Онъ умеръ, какъ жилъ, въ союзѣ со врагомъ своего отечества и не признавая надъ собою никакого высшаго авторитета въ имперіи. Какъ бы то ни было, протестантское дѣло лишилось въ немъ сильной руки и головы вмѣстѣ. Но таково уже было общее настроеніе умовъ въ Германіи, что самая смерть курфирста не произвела никакой ощутительной перемѣны въ положеніи партій. Потребность мира взяла въ общемъ мнѣніи рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими интересами, и религіозное раздѣленіе никому не казалось болѣе серіознымъ препятствіемъ къ окончательному примиренію. Напрасно Карлъ искалъ, на что бы опереться для противодѣйствія пассаускимъ рѣшеніямъ: даже въ братѣ своемъ Фердинандѣ онъ не находилъ довольно вѣрной опоры себѣ. Между тѣмъ въ Германіи затихли всѣ внутреннія вражды, и дальнѣйшая отсрочка давно обѣщаннаго сейма для принятія неизмѣнныхъ рѣшеній сдѣлалась болѣе невозможною. Наконецъ онъ назначенъ былъ на первые мѣсяцы 1555 года. Непремѣнное присутствіе на немъ императора составляло одно изъ главныхъ условій, на которыхъ Карлъ согласился принять пассаускія предложенія; но послѣ того надежды его упали до такой степени, что онъ от-

казался явиться на засѣданія сейма и поручилъ предсѣдательство на немъ своему брату. Онъ не ожидалъ болѣе ничего хорошаго для себя и хотѣлъ по крайней мѣрѣ избавиться отъ стыда присутствовать при составленіи своего приговора и не быть въ состояніи ни отвратить его, ни дать ему другого направленія.

„Чѣмъ болѣе я думаю о смутахъ въ Германіи,“ писалъ онъ по этому поводу къ Фердинанду изъ Брюсселя,—„тѣмъ болѣе я вижу, что нѣтъ другого средства обезпечить ея спокойствіе и остановить распространеніе зла, какъ посредствомъ всеобщаго собранія чиновъ, на которомъ можно было бы обсудить сообща, какъ лучше выйти изъ такого положенія... Богу извѣстно, сколько желательно было бы мнѣ, и по чувству любви моей къ Священной имперіи и германской націи, и по желанію пользы какъ вашей, такъ и всего нашего Австрійскаго дома, а равно и по уваженію къ интересамъ моихъ наслѣдственныхъ странъ, лежащихъ по сосѣдству, присутствовать лично на этомъ собраніи, чтобы содѣйствовать чинамъ въ стремленіи къ предположенной цѣли; но я долженъ вамъ признаться откровенно, ни мое душевное состояніе, ни положеніе моихъ дѣлъ, какъ и вы сами легко можете понять, не позволяютъ мнѣ теперь этого сдѣлать. Съ другой стороны, впрочемъ, мнѣ было бы очень горько подумать, что Германія должна терпѣть по причинѣ моего отсутствія. Обсудивъ все это и видя ясно, что мнѣ рѣшительно невозможно скоро явиться туда самому, я рѣшился обратиться къ вамъ, чтобы вы, не откладывая болѣе собранія чиновъ, и не приводя ихъ въ сомнѣніе дальнѣйшими его отсрочками, приступили немедленно къ открытію сейма, и взяли на себя трудъ присутствовать лично на его засѣданіяхъ и управлять теченіемъ дѣлъ его... Я понимаю это такъ, что вы будете дѣйствовать какъ римскій король, замѣняющій меня въ мое отсутствіе, или другими словами, какъ вы бы стали распоряжаться, если бы я находился въ Испаніи, а не отъ моего только имени и въ силу мнѣ собственно принадлежащей власти“ [1]). Изъ этихъ словъ видно, что Карлъ вовсе отступался отъ сейма и уполномочивалъ брата дѣйствовать совершенно самостоятельно. Конечно такое самоотреченіе обошлось его гордому духу весьма не дешево. И въ самомъ дѣлѣ, что́ другое оставалось ему дѣлать? положеніе измѣнилось до того, что онъ не могъ не сознаться въ своемъ безсиліи, а между тѣмъ взглядъ

[1]) Lanz, III, p. 623—24.

его на вещи, понятія и убѣжденія остались тѣ же самыя, и ему, который прошелъ съ ними бо́льшую часть своей жизни, невозможно было переломить себя на старости лѣтъ. „Чтобы искренно сказать вамъ всю правду, какъ слѣдуетъ между братьями," читаемъ далѣе въ томъ же письмѣ,— „все это я долженъ сдѣлать собственно ради одного только пункта, то-есть религіи, на счетъ чего я имѣю сильныя сомнѣнія, которыя были мною объяснены вамъ изустно, во время нашего свиданія въ Виллахѣ", и пр. [1]). Другими словами, мысль Карла такъ же мало вмѣщала въ себѣ религіозное раздѣленіе, какъ и политическое, и продолжала отвергать его теоретически, когда уже оно готово было утвердиться въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, когда въ Аугсбургѣ на большомъ собраніи имперскихъ чиновъ, рѣшалась судьба Германіи, Карлъ V оставался въ Нидерландахъ. Отсутствіемъ его устранялось и послѣднее затрудненіе къ соглашенію между партіями, которыя давно уже склонялись къ миру между собою. Мы не будемъ излагать всего хода Аугсбургскаго сейма 1555 года: подробности его принадлежатъ исторіи реформаціи, которая заключила имъ одну фазу своего развитія и завязала узелъ для будущаго, болѣе широкаго дѣйствія. Съ нашей точки зрѣнія всего важнѣе рѣшеніе главнаго спорнаго пункта, котораго сущность состояла въ томъ, побѣдитъ ли единство, или одержитъ верхъ раздѣленіе. Соглашеніе относительно этого вопроса послѣдовало довольно скоро. Начало религіознаго раздѣленія, которое отчасти восторжествовало уже на пассаускихъ переговорахъ, одержало въ Аугсбургѣ окончательный верхъ. Не только подтверждена была вновь формула, принятая въ Пассау, но и поставленъ относительно религіозныхъ дѣлъ непреложнымъ образомъ „постоянный, неизмѣнный, безусловный, другими словами—*вѣчный* миръ" въ имперіи. Проектъ составился въ высшей, или курфиршеской коллегіи, и встрѣтилъ нѣкоторое противорѣчіе лишь въ совѣтѣ князей. Но и оно не могло удержаться передъ общею потребностію мира. Болѣе разногласія обнаружилось между чинами, когда отъ основного начала перешли къ приложенію его въ частностяхъ; однако и здѣсь, съ помощію взаимныхъ уступокъ, мало-по-малу успѣли достигнуть соглашенія. Независимость протестантскаго начала признана была во всемъ; только дальнѣйшее его распространеніе подвергнуто нѣкоторымъ стѣснительнымъ условіямъ. Но это былъ

[1]) См. Ranke, V, p. 378.

вопросъ не столько настоящаго, сколько будущаго. Мѣры, принятыя относительно внутренней администраціи, такъ же мало соотвѣтствовали видамъ императора: онѣ передавали въ руки чиновъ бóльшую часть *исполнительной* власти, какъ имъ уже принадлежала по праву почти исключительно и власть законодательная [1]). Впрочемъ оба эти вопроса, религіозный и внутренней политики, какъ уже замѣчено нами прежде, такъ тѣсно были связаны между собою, что торжество протестантскаго начала необходимо влекло за собою и возвышеніе территоріальной власти, или политическое раздробленіе Германіи.

Фердинандъ, несмотря на свой миролюбивый характеръ, долго упорствовалъ дать свое согласіе на рѣшенія Аугсбургскаго сейма. Онъ никому не обязанъ былъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ; но передавая ему полномочіе, Карлъ не забылъ поставить ему на видъ, что поручаетъ дѣло его совѣсти, и что, какъ будущій преемникъ императора, онъ долженъ стараться самъ для себя [2]). Получивъ этотъ урокъ, Фердинандъ не рѣшился стать прямо въ оппозицію сейму, но думалъ достигнуть своей цѣли посредствомъ отсрочки засѣданій его до будущаго года. Расчетъ опять состоялъ въ томъ, чтобы выиграть время. Однако предложеніе короля встрѣтило себѣ между чинами такое энергическое противорѣчіе, что онъ счелъ за лучшее отказаться отъ своего намѣренія. Протестантскіе князья говорили открыто, что эта отсрочка не можетъ имѣть другой цѣли, какъ дать возможность ихъ противникамъ заключить миръ съ Франціей и Турціей, чтобы потомъ обратить всѣ свои силы на протестантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не желая дать застать себя врасплохъ, тогда же начали вооруженія [3]). Другая попытка Фердинанда—разбить большинство сейма, принявъ одни его рѣшенія и отвергнувъ другія, въ томъ числѣ постановленіе о вѣчномъ мирѣ, такъ же мало удалась ему, какъ и первая. Она произвела только новую бурю въ собраніи и снова возбудила едва затихнувшія страсти. Истощивъ всѣ средства Фердинандъ далъ знать императору, что не видитъ болѣе никакой возможности протянуть далѣе засѣданія сейма, и не дожидаясь отвѣта, утвердилъ принятыя чинами рѣшенія (25-го сентября 1555 года). Съ этой минуты они стали неизмѣннымъ закономъ для цѣлой имперіи.

Такъ совершилась развязка великаго религіознаго спора, нѣсколько десятилѣтій къ ряду державшаго въ напряженіи всѣ

1) См. Ranke, V, p. 378.—2) См. Lanz, III, p. 649—50.—3) Ibid. p.677, 679.

умственныя и матеріальныя силы Германіи. И не было ли это вмѣстѣ развязкою цѣлаго царствованія? рѣшенія Аугсбургскаго сейма не были ли и ему послѣднимъ приговоромъ? На протестантскомъ вопросѣ сосредоточены были въ послѣднее время всѣ усилія Карла, ему пожертвовалъ онъ другими, болѣе привлекательными своими планами, на немъ надѣялся видѣть торжество своей внутренней политики и твердое основаніе для успѣховъ внѣшнихъ предпріятій, а вмѣсто того потерпѣлъ на немъ самое сильное пораженіе. Когда Карлъ надѣялся видѣть вѣнецъ своихъ усилій въ сохраненіи строгаго единства, вопросъ безвозвратно былъ рѣшенъ въ пользу раздѣленія. Всякая попытка измѣнить это рѣшеніе въ противоположномъ смыслѣ отнынѣ была бы безуміемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для Карла закрывалась почти всякая дѣятельность. Ибо, только при условіи крѣпкаго единства Германіи, могъ онъ возобновить свои мечты о всемірномъ владычествѣ, только ея соединенныя силы могли дать ему средство для успѣшной борьбы съ внѣшними врагами, особенно съ Турціей. Ожидать всего отъ времени было уже поздно. Жизнь Карла склонялась уже къ закату, недуги его росли съ каждымъ годомъ, и самая мысль замѣтно теряла свою первоначальную энергію. Ему оставалось только постоянно питаться горькимъ чувствомъ своего униженія, безъ надежды новыми славными подвигами изгладить его изъ памяти современниковъ. Онъ, правда, сохранялъ свою власть въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ; при немъ оставались всѣ прежнія его титла. Но къ чему бы они послужили ему впередъ? Карлъ вовсе не былъ такъ суетенъ, чтобы довольствоваться одними громкими титлами. Душа его была славолюбива, она жаждала дѣятельности, она успокоивалась только въ стремленіи къ высокопоставленной цѣли, а какая высокая цѣль еще возможна была въ его положеніи?..

По всему надобно было ожидать какого-нибудь необыкновеннаго оборота. Сильная душа, недовольная міромъ, мститъ ему тѣмъ, что отворачивается отъ него. Такъ случилось и съ Карломъ послѣ Аугсбургскаго сейма. Въ сентябрѣ произошло его закрытіе, а въ октябрѣ того же года Карлъ писалъ уже брату о намѣреніи своемъ отречься отъ престола, какъ о дѣлѣ совершенно рѣшенномъ [1]). Если бы это рѣшеніе и готовилось издавна, то почему оно созрѣло только теперь?.. По нашему разумѣнію, самый удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ

[1]) См. Lanz, III, 688—89.

даютъ предшествующія событія. Только они свою развязкою могли породить въ Карлѣ то отвращеніе отъ власти, которое необходимо должно было предшествовать его отреченію. Несмотря на всѣ настоянія Фердинанда, онъ не хотѣлъ удержать за собою даже никакого титла, и выражалъ брату свое сильное желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ всего, что принадлежитъ ко власти [1]). Читатель видитъ теперь, почему мы не можемъ принять безусловно мнѣнія тѣхъ изъ новыхъ историковъ, которые послѣдній актъ царственной воли Карла V, поражающій своею безпримѣрностію, приписываютъ усилившимся его недугамъ и болѣзненной мечтательности, повидимому доставшейся ему по наслѣдству. Безъ сомнѣнія, эти причины также имѣли свою долю участія въ его отреченіи, но онѣ однѣ не въ состояніи были произвести дѣйствіе, которое, какъ бы мы его ни толковали, показываетъ однако полное употребленіе умственныхъ силъ со стороны дѣйствующаго лица. Вообразимъ себѣ другой, болѣе счастливый ходъ событій для Карла: какая есть вѣроятность, что онъ точно также почувствовалъ бы отвращеніе отъ власти и поспѣшилъ бы сбросить ее съ себя какъ тяжелое бремя? — Отдавая всю справедливость талантамъ новыхъ изслѣдователей, мы въ этомъ случаѣ предпочитаемъ мнѣніе нѣмецкаго историка реформаціи, котораго проницательный умъ и вѣрное сужденіе давно уже угадали истину [2]).

Отреченіе совершилось со всею торжественностью въ Брюсселѣ; сначала — это было еще въ концѣ октября 1555 года — Карлъ V передалъ своему сыну власть надъ Нидерландами; потомъ, въ началѣ слѣдующаго года, въ его же пользу сложилъ съ себя корону Испаніи. Затѣмъ, уже передъ отправленіемъ своимъ въ Испанію, онъ послалъ нѣмецкимъ курфирстамъ грамоту, въ которой отрекался отъ императорскаго достоинства въ пользу своего брата. Себѣ же послѣднимъ убѣжищемъ, какъ извѣстно, Карлъ избралъ монастырь Св. Юста въ Испаніи. Не надобно впрочемъ думать, чтобы, слагая съ себя власть, онъ вмѣстѣ съ нею отрѣшился отъ всѣхъ земныхъ помысловъ. Слишкомъ глубоко былъ онъ заманенъ въ

1) Ibid. p. 708: l'un des grands desirs que j'ai en ce monde, cest de me desnuer du tout, non seulement de ladministration de lempire, pour les raisons que si souvent jay mis en avant, a mon advis justes et raisonnables, mais aussi de laisser le titre et vous rendre librement la dignité.—2) См. Ranke, V, p. 410: Was war ihm an der Macht gelegen, wenn sie ihm nicht mehr zur Ausführung seiner Gedanken dienen konnte?.. Nur in der besonderen Bedeutung, wie er das Kaiserthum gefasst, hatte es Werth für ihn.

борьбу съ жизненными силами, дѣйствовавшими въ современности, и не могъ по волѣ изгладить въ себѣ всѣ вынесенныя изъ нея впечатлѣнія. Одно изъ нихъ особенно глубоко запало въ его душу и не переставало приводить ее въ движеніе до самаго конца его дней: это нерасположеніе къ протестантамъ, которое отъ неудачи выросло до чувства неодолимой ненависти къ нимъ. Повидимому, онъ нарочно спѣшилъ сдать свою власть въ болѣе крѣпкія руки своего сына въ той надеждѣ, что его молодой умъ и неистощенная энергія всего скорѣе найдутъ средства отмстить тѣмъ, которые нанесли самый чувствительный ударъ гордости отца его. Не отъ Карла зависѣло, что власть его не безъ раздѣла перешла къ Филиппу, и что съ королевскимъ достоинствомъ онъ не могъ передать ему и императорскаго. Тѣ чувства, которыми Карлъ заключалъ свою дѣятельность, послужили основаніемъ политическаго воспитанія Филиппа въ его молодости. Мысль, особенно занимавшая Карла въ послѣдніе годы его жизни, вполнѣ олицетворилась въ его сынѣ. Поэтому на Филиппѣ, какъ политическомъ дѣятелѣ, отразился образъ отца его только въ половину. Въ немъ почти нѣтъ вовсе той свѣтлой стороны Карла, которою отличается, сравнительно со второю, первая половина его царствованія: онъ, напротивъ, весь съ головы до ногъ былъ вѣрнымъ отраженіемъ лишь послѣдней его мысли, мрачной, недовольной, озлобленной и предпріимчивой единственно во вредъ протестантамъ.

Новыя изслѣдованія проливаютъ особенно яркій свѣтъ на послѣдніе годы жизни Карла, проведенные имъ въ монастырѣ. Подробности о нихъ, соединенныя въ одну стройную картину, читатели найдутъ въ сочиненіяхъ Минье и др.; мы же съ своей стороны ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ. Заключившись въ тишинѣ монастырскаго уединенія, Карлъ однако не терялъ изъ виду событій, происходившихъ на сценѣ политическаго міра, и при всякомъ важномъ случаѣ выражалъ свое мнѣніе, или подавалъ совѣты своему сыну. Но одно только явленіе въ состояніи еще было потрясти эту отжившую душу и привести ее въ сильное движеніе: это былъ опять протестантизмъ. Такъ, когда признаки его открыты были въ самой Испаніи, Карлъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что требовалъ отъ правительства неотмѣннаго наказанія всѣхъ виновныхъ безъ исключенія. „Ибо“, писалъ онъ, „я дозналъ моимъ опытомъ въ Германіи и Фландріи, что тамъ нельзя

ожидать ни спокойствія, ни благосостоянія, гдѣ нѣтъ единства религіознаго ученія!“ [1]) Эта рана была въ немъ такъ глубока, что онъ могъ излѣчиться отъ нея только смертію, послѣдовавшей въ октябрѣ 1558 года.

[1]) Mignet, p. 368.

ЮНОСТЬ КАТЕРИНЫ МЕДИЧИ.

Эпизодъ изъ послѣднихъ временъ флорентинской республики *.

Die Jugend Katharina's de Medici. Von Alfred Reumont. Zweite umgearbeitete Auflage. Berlin. 1856.

Небольшое сочиненіе г. Реймонта въ короткое время достигло второго изданія. Не удивляемся этому успѣху. Несмотря на свой малый объемъ, книга г. Реймонта пополнила весьма важный пробѣлъ въ исторіи замѣчательныхъ лицъ XVI столѣтія. Кому неизвѣстно имя Катерины Медичи? Кто не знаетъ, хотя въ общемъ очеркѣ, тѣхъ кровавыхъ дѣлъ, которыя соединены съ ея памятью? Это имя врѣзано глубокими чертами въ исторіи Франціи. Оно нераздѣльно соединено съ исторіею величайшаго кризиса, какой только испытала страна до катастрофы 1789 г. Личное вліяніе Катерины сильно отозвалось на послѣднихъ судьбахъ дома Валуа. Когда одинъ за другимъ быстро сходили въ могилу его недолговѣчные представители, она одна поддерживала интересы фамиліи и давала единство ея политикѣ. Она пережила своего свекра, мужа и всѣхъ своихъ сыновей, за исключеніемъ послѣдняго, который былъ самымъ вѣрнымъ ея выраженіемъ. Едва ли когда женская жизнь была обуреваема столькими волненіями, едва ли когда отвѣтственность женщины была такъ велика за современныя событія и ихъ неизбѣжныя послѣдствія. Оттого изслѣдователи до сихъ поръ старательно собираютъ малѣйшіе слѣды дѣятельности Катерины и ея личнаго участія въ происшествіяхъ того времени. Оттого до сихъ поръ ведется жар-

* Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г.

кій споръ между ея порицателями и защитниками. Но чтобъ опредѣлить по справедливости мѣру заслугъ историческаго лица, или его ошибокъ и провинностей передъ исторіею, надобно прежде всего возстановить историческаго человѣка сполна; не довольно изучить въ подробности одну часть его дѣятельности,—необходимо прослѣдить еще все его развитіе и въ особенности знать тѣ обстоятельства, при которыхъ совершалось его воспитаніе. А мы до послѣдняго времени почти ничего не знали о молодости Катерины. Лишь помня ея итальянское происхожденіе, заключали обыкновенно, что обычные пріемы мѣстной итальянской политики не мало участвовали и въ ея собственной политической дѣятельности во Франціи. Даже Альбери [1]), одинъ изъ послѣднихъ и самыхъ тщательныхъ ея біографовъ, довольствовался лишь общимъ очеркомъ ея юности. Большой трудъ его не прибавилъ почти ничего къ прежнимъ недостаточнымъ понятіямъ, которыя мы имѣли о дѣтствѣ, первой молодости, и вообще о жизни Катерины въ Италіи. Усерднымъ разысканіямъ г. Реймонта, уже извѣстнаго своими интересными монографіями по итальянской исторіи, обязаны мы возстановленіемъ этой забытой части въ жизни знаменитой правительницы. Отнынѣ ея историку нѣтъ нужды начинать съ догадокъ и предположеній; онъ можетъ пойти прямо отъ твердыхъ фактовъ и положить ихъ въ основаніе изученія этого замѣчательнаго характера. Тогда можетъ-быть и многія событія послѣдующей жизни Катерины представятся нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ они были изображены до его времени.

Предпринимая второе изданіе своей книги, авторъ пересмотрѣлъ ее вновь и нѣкоторыми прибавленіями даже нѣсколько увеличилъ ее въ объемѣ. Не имѣя на сей разъ подъ руками перваго изданія, мы не можемъ рѣшить съ точностію, сколь значительны эти вновь сдѣланныя прибавленія. Повидимому, впрочемъ, они относятся больше къ той мѣстности, среди которой происходили событія, составляющія содержаніе разсказа, нежели къ подробностямъ самаго дѣйствія. Къ слову о каждомъ сколько-нибудь замѣчательномъ учрежденіи во Флоренціи, монастырѣ, церкви, палаццо, г. Реймонтъ пересказываетъ главныя черты его исторіи. Много останавливаетъ его также исторія знаменитыхъ флорентинскихъ фамилій. Увлеченіе понятное, отъ котораго почти нельзя избавиться, живя во Фло-

[1]) Авторъ книги: Vita di Caterina Medici.

ренціи и познакомившись хорошо съ ея стариною: такъ она полна историческихъ воспоминаній всякаго рода. Мы исключимъ излишнія подробности чисто мѣстнаго характера, которыя не могутъ быть интересны для всякаго читателя, и постараемся передать русской читающей публикѣ лишь главное содержаніе книги г. Реймонта, сколько оно относится къ жизни изображаемаго имъ лица. Менѣе всего беремъ на себя въ этомъ случаѣ обязанность критика: это превзошло бы наши средства. Извѣстія, собранныя вновь г. Реймонтомъ объ юности Катерины Медичи, вездѣ подкрѣплены историческими свидѣтельствами. Притомъ основательное знакомство автора съ памятниками итальянской исторіи давно уже извѣстно ученому міру, и добросовѣстность его въ пользованіи ими ничѣмъ не заподозрѣна. Намъ остается лишь вѣрно слѣдовать его разсказу и передавать одну за другою его существенныя черты.

I.

Дочь Флоренціи, Катерина происходила отъ знаменитаго рода Медичисовъ. Но въ то время, когда Катерина увидѣла свѣтъ, цвѣтущая пора республики уже кончилась, да и вообще въ исторіи Флоренціи, какъ и цѣлой почти Италіи, произошелъ значительный поворотъ. Совершился кругъ, блестящаго внутренняго развитія, которому немного еще находимъ примѣровъ въ новой исторіи; всѣ жизненныя силы, какія только заложены были въ этой плодотворной почвѣ, вышли наружу и дали роскошный цвѣтъ. Въ политическомъ устройствѣ Италія перепробовала всѣ возможныя формы; она произвела свою собственную цивилизацію, которая давала ей право смотрѣть на остальной міръ, какъ на варварскій. Ей обязана была наука своимъ столь плодотворнымъ возрожденіемъ. Пышный цвѣтъ ею же вызваннаго искусства только распускался; еще творились тѣ безсмертные образы, которые навсегда останутся предметомъ удивленія для потомства, недостижимымъ для подражанія: но это было уже естественное дѣйствіе прежде совершившагося развитія. За цвѣтомъ неминуемо должно было послѣдовать отцвѣтаніе. Однажды выработанные пріемы и преданія искусства продолжаютъ жить и теперь, но творчество не могло долго держаться на одинаковой высотѣ и мало-по-малу перешло въ щегольство наружною формою.

Можетъ-быть самый этотъ избытокъ жизни искалъ себѣ выхода изъ Италіи, чтобы передать свои богатства и другимъ народностямъ, у которыхъ туго подвигалось дѣло образованія. Какъ бы то ни было, въ концѣ XV вѣка обстоятельства расположились такъ, что Италія волею или неволею должна была открыть свои границы чужеземцамъ и вступить съ ними въ обмѣнъ не только произведеніями искусствъ и ремеслъ, но и самыми идеями. Напоръ со стороны Германіи ослабѣвалъ съ каждымъ годомъ; за то со стороны Франціи плотина была прорвана, и начался притокъ свѣжихъ силъ къ Италіи, нѣсколько разъ прорѣзывавшихъ ее до самой южной оконечности. Въ продолженіе двухъ поколѣній Франція выслала въ Италію, одну за другою, нѣсколько армій, такъ что между двумя странами образовалось постоянное сообщеніе. Груды тѣлъ служили мостомъ, но жизнь не отвращается никакихъ путей. Между тѣмъ какъ французскія силы приливали къ сердцу Италіи, въ тылу ихъ итальянская цивилизація проникала все больше и больше во Францію. Вслѣдъ за произведеніями искусства, при дворѣ французскихъ королей появлялись одинъ за другимъ и самые художники. Прошло нѣсколько лѣтъ, и геній возрожденія (renaissance), обязанный своимъ бытіемъ Италіи, смѣло уже налагалъ свою руку на памятники средневѣковаго искусства въ самой родинѣ феодализма. Родственныя связи между двумя странами становились все чаще и чаще. Воинственное движеніе утихало, но Франція и Италія время отъ времени подновляли связь между собою новыми органическими нитями. Прежде Франція высылала за Альпы свои арміи, а потомъ взяло верхъ обратное движеніе, и она стала принимать у себя дѣтей Италіи, которыя, являясь мирно и поодиночкѣ, скоро однако становились въ первые ряды общества и оказывали на него неотразимое вліяніе. Такихъ лицъ было нѣсколько: Катерина Медичи, Марія Медичи, кардиналъ Мазарини.

Въ эту эпоху, передъ концомъ своей независимости и самостоятельнаго развитія, Флоренція испытала у себя дома много потрясеній. Въ промежутокъ времени, когда она, заподозривъ Медичисовъ въ покушеніи на свою свободу, выслала ихъ изъ своихъ стѣнъ и потомъ, уступая превозмогающей силѣ, принуждена была снова допустить ихъ у себя, уже въ качествѣ владѣтельныхъ герцоговъ, жизнь иногда вспыхивала въ ней яркимъ огнемъ, такъ что заревомъ отъ него освѣщались и сосѣднія страны, не безъ страха видѣвшія около себя эти

опасныя вспышки. Таково въ особенности было время Савонаролы, когда вся Флоренція, вслѣдъ за этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, устремилась было на путь реформы и всесторонняго обновленія. Политическія страсти разыгрывались въ ней съ прежнею силою и нерѣдко приводили къ тѣмъ же роковымъ катастрофамъ. Между тѣмъ Медичисы успѣли проложить себѣ дорогу къ римскому престолу и связать свои виды съ его интересами. Это было едва ли не самое роковое событіе въ политической жизни республики. Отсюда началось то глубокое раздѣленіе интересовъ между Медичисами и ихъ родиною, которое могло кончиться или новымъ для нихъ униженіемъ, или совершеннымъ подчиненіемъ Флоренціи ихъ власти. Но съ тѣхъ поръ какъ Медичисы располагали средствами и вліяніемъ римскаго престола, послѣднее предположеніе съ каждымъ днемъ получало болѣе вѣроятности. Республика не въ состояніи была одна бороться съ богатою фамиліею, которая, несмотря на изгнаніе, была сильна во Флоренціи своимъ вліяніемъ, и въ то же время отстаивать свою свободу противъ Рима и его могущественныхъ союзниковъ. Клименту VII дѣйствительно удалось нанести ей послѣдній ударъ съ помощію Карла; но еще гораздо прежде, за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія на папскій престолъ Льва X изъ той же фамиліи, флорентинцы принуждены были принять у себя изгнанныхъ Медичисовъ и возвратить имъ прежнее значеніе въ республикѣ.

Лоренцо II былъ прямой наслѣдникъ правъ своего дома. Онъ былъ сынъ Петра Медичи, умершаго въ изгнаніи, и внукъ Лоренцо I Великолѣпнаго, при дворѣ котораго возрождающаяся наука не только находила себѣ постоянное покровительство, но и пользовалась разными внѣшними удобствами, какъ будто у себя дома. Несмотря на молодость Лоренцо II, приверженцы его фамиліи соединяли съ любимымъ именемъ много блестящихъ надеждъ. Онъ дѣйствительно не лишенъ былъ нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ и, по мнѣнію нашего автора, за которое впрочемъ мы не беремъ на себя отвѣтственности, конечно оправдалъ бы возложенныя на него надежды и ожиданія флорентинцевъ, если бы первое время имѣлъ побольше самостоятельности, для того чтобы противиться вліянію старшаго своего родственника, который считался какъ бы главою всей фамиліи. Джованни Медичи, вступившій на римскій престолъ подъ именемъ Льва X, хотѣлъ изъ Рима управлять и Флоренціею. Онъ пользовался молодостію племянника и скоро обратилъ его въ орудіе своего честолюбія. Для исполненія своихъ

плановъ Левъ X имѣлъ сверхъ того вѣрную опору въ матери Лоренцо, Альфонсинѣ Орсини, которой гордость не удовлетворялась возвращеніемъ лишь прежнихъ правъ дома въ республикѣ. Одною изъ первыхъ заботъ папы было доставить племяннику титло владѣтельнаго лица, и какъ объ этомъ рано еще было думать въ самой Флоренціи, то онъ назначилъ Лоренцо герцогомъ урбинскимъ. Такъ одна неправда покрывалась другою. Въ свое время папа Юлій II, слѣдуя системѣ непотизма, еще прежде утвердившейся при римскомъ дворѣ, отдалъ герцогство своему племяннику, Франческо Марія делла-Ровере. Еще живъ былъ этотъ названный владѣтель Урбино, какъ Левъ X подвергнулъ его владѣніе новому произвольному распоряженію, тоже въ пользу своей фамиліи. Чтобы вступить въ дѣйствительныя права герцога урбинскаго, Лоренцо сначала долженъ былъ завоевать ихъ себѣ. Права стараго узурпатора были ничѣмъ не хуже тѣхъ, которыя еще предстояло добывать мечомъ новому. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, Лоренцо не охотно принялъ вызовъ дяди. Какъ бы то ни было, однако онъ вступилъ въ борьбу съ указаннымъ ему противникомъ и довелъ ее до конца. Добыча не легко досталась завоевателямъ; борьба вышла упорная и кровопролитная. Самъ Лоренцо, при осадѣ Мондольфо, получилъ тяжелую рану и пролежалъ три мѣсяца въ Анконѣ. Но Франческо наконецъ принужденъ былъ уступить своему сопернику, или, лучше сказать, соперникамъ, и удалился въ Мантую, гдѣ, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, нашелъ себѣ пріемъ и убѣжище въ фамиліи Гонзага. Излѣчившись отъ раны, молодой Медичи возвратился во Флоренцію съ титломъ герцога, и своею ли личностію, или больше своимъ положеніемъ возбуждалъ ужъ столько участія къ себѣ, что Макіавелли рѣшился посвятить своего «Il principe» его имени.

Но Левъ X и послѣ того не думалъ еще отказаться отъ опеки надъ племянникомъ. Лоренцо сверхъ того долженъ былъ послужить ему орудіемъ, чтобы завязать болѣе обширныя политическія связи. Дѣло шло о выборѣ невѣсты новому герцогу. Папа думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сколько можно больше упрочить свое положеніе, которое казалось не довольно безопаснымъ въ самомъ Римѣ. Насильственное присвоеніе Урбинскаго герцогства возбудило Льву X много враговъ. Недоброжелательство и непріязнь къ нему проникли даже въ кардинальскую коллегію. Гроза могла вдругъ подняться съ нѣсколькихъ сторонъ. Чтобы предупредить ее,

папѣ надобно было постараться обезопасить себя помощію сильнаго союзника. Предположенный бракъ племянника представлялъ къ тому самый благопріятный случай. По многимъ соображеніямъ, Левъ X рѣшился искать ему невѣсты во Франціи. Кромѣ безопасности внутренней, онъ имѣлъ также въ виду возраставшее могущество Габсбургскаго дома и готовившееся его преобладаніе. Французскій королевскій домъ, казалось, одинъ только могъ быть преградою его властолюбію. Своимъ новымъ политическимъ видамъ папа не поколебался пожертвовать своими прежними антипатіями Тѣ же причины располагали въ свою очередь и Франциска къ сближенію съ римскимъ епископомъ. Ни одна сторона не имѣла твердыхъ основаній много довѣрять другой; но тѣмъ не менѣе обѣ искали союза между собою и надѣялись каждая извлечь изъ него свою выгоду. Съ этою цѣлію, въ 1518 году кардиналъ Биббіена, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ Льва X, отправленъ былъ въ качествѣ легата во Францію. Съ другой стороны также нашлись искусные посредники, и скоро все дѣло устроилось по желанію папы.

Избранная невѣста герцога урбинскаго была Маделена делла-Туръ д'Овернь, дочь Жана, графа Бульонскаго, и Катерины Бурбонской, отрасль знаменитаго дома по отцу и по матери. „Кто станетъ отрицать“, говоритъ Брантомъ, „славу высокаго и благороднаго рода Булонь-Овернь, ведущаго свое начало отъ того самаго Эвстаѳія, котораго братъ, Готфридъ Бульонскій, предводительствуя множествомъ христіанскихъ князей и бароновъ, рыцарей и воиновъ, сложилъ свое оружіе и щитъ у гроба Спасителя въ Іерусалимѣ? Рѣдкій изъ знаменитыхъ царственныхъ родовъ въ христіанскомъ мірѣ не искалъ чести вступить въ родство съ этимъ домомъ—короли Франціи, Англіи, Шотландіи, Венгріи и наконецъ Португаліи, на которую Бульонскій домъ имѣлъ даже законное право по смерти короля Себастіана. Поэтому можете видѣть, какое онъ занимаетъ высокое мѣсто между другими знаменитыми домами. Однажды я слышалъ изъ устъ самого папы Пія IV, что едва ли есть во Франціи другой столько высокій и знатный домъ, который бы могъ поспорить съ Бульонскимъ древностію своего происхожденія, мужествомъ и благородствомъ“. Такъ высоко стоялъ этотъ домъ въ глазахъ самихъ французовъ, хотя и не былъ царственнымъ. Маделена, какъ и сестра ея, которая была уже замужемъ за Джономъ Стюартомъ, герцогомъ

Альбани, сверхъ того приносила съ собою богатое наслѣдство. Графы овернскіе составляли младшую линію дома, котораго старшая, герцогская, погасла прежде. По всѣмъ этимъ причинамъ Маделенѣ отдано было предпочтеніе передъ другими знатными невѣстами въ той же странѣ. Переговоры ведены были около года; наконецъ папскій нунцій и флорентинскій посланникъ въ Парижѣ подписали условія брачнаго договора.

На этотъ разъ виды папы совершенно совпадали съ желаніями самого герцога. Пока продолжались переговоры, онъ самъ находился въ перепискѣ съ нунціемъ о томъ же предметѣ. Къ тому времени, когда подписанъ былъ договоръ, герцогъ оправился отъ ранъ и началъ приготовляться къ поѣздкѣ во Францію, гдѣ положено было праздновать свадьбу. Одно счастливое событіе во французскомъ королевскомъ домѣ еще болѣе возвысило блескъ этого торжества и дало возможность герцогу съ титломъ жениха соединить еще достоинство представителя другихъ, высшихъ интересовъ. Еще во время переговоровъ у Франциска родился сынъ первенецъ. Счастливый отецъ желалъ, чтобы папа былъ воспріемникомъ новорожденнаго, и выразилъ свое желаніе въ собственноручномъ письмѣ къ Льву X. Предложеніе Франциска нашло себѣ самый благосклонный пріемъ при римскомъ дворѣ. Папа охотно согласился быть воспріемникомъ французскаго дофина; онъ поручилъ племяннику представлять его лицо при церемоніи. Такимъ образомъ Лоренцо могъ явиться при французскомъ дворѣ, который тогда находился въ Амбуазѣ, вдвойнѣ желаннымъ гостемъ. Вскорѣ по прибытіи его начались празднества. Сначала отпраздновали крещеніе дофина. Возлагая на первенца свои надежды въ будущемъ, отецъ далъ ему свое имя. Этимъ надеждамъ не суждено было сбыться; но никто еще тогда не предугадывалъ преждевременной смерти новорожденнаго принца, и потому ничто не смущало радости праздника. Къ тому же, незадолго передъ крещеніемъ дофина, которое отлагалось очень долгое время, королевское семейство умножилось еще однимъ сыномъ. Это былъ тотъ самый Генрихъ, которому суждено было наслѣдовать послѣ смерти старшаго брата титло дофина и соединить свою судьбу съ будущею наслѣдницей имени Медичисовъ. Празднества продолжались цѣлые десять дней. Въ великолѣпныхъ турнирахъ, съ битвами и осадами крѣпостей, которые даны были по этому случаю, принималъ также участіе и герцогъ урбинскій, бывшій вмѣстѣ съ герцогомъ лотарингскимъ воспріемникомъ принца

отъ купели. Затѣмъ наступили свадебныя торжества. Пышностію и великолѣпіемъ они превзошли даже тѣ, которыя имъ предшествовали. Праздники открылись парадным пиршествомъ за королевскимъ столомъ. Оно продолжалось далеко за полночь. Яркое освѣщеніе отъ множества свѣчъ и факеловъ почти превращало ночь въ бѣлый день. Свадебный пиръ окончился танцами. Затѣмъ начались турниры, продолжавшіеся болѣе недѣли и удивившіе всѣхъ своимъ необыкновеннымъ изяществомъ. Герцогъ урбинскій и здѣсь имѣлъ случай показать себя съ выгодной стороны. Въ заключеніе дана была примѣрная осада деревяннаго за́мка, нарочно построеннаго на этотъ случай и снабженнаго необходимою артиллеріей. Герцогъ д'Алансонъ командовалъ внутри крѣпости, а коннетабль Бурбонъ вмѣстѣ съ Вандомомъ велъ ея осаду. Съ обѣихъ сторонъ происходили горячія схватки. Осажденные ждали Флеранжа, который съ 400 человѣкъ долженъ былъ прійти къ нимъ на выручку. Вдругъ, въ то самое время, когда Флеранжъ началъ свое движеніе, откуда ни возьмись самъ Францискъ въ полномъ вооруженіи, и тотчасъ примкнулъ къ вспомогательному отряду. Изъ крѣпости въ то же время послѣдовала вылазка. Алансонъ схватился съ Бурбономъ, между тѣмъ какъ Вандомъ отражалъ короля и Флеранжа. Артиллерія гремѣла какъ въ настоящемъ бою. Большого труда стоило развести сражающихся: до того распалились они боевымъ огнемъ. Въ заключеніе праздниковъ молодые получили богатые подарки, при чемъ флорентинскіе посланники не могли довольно надивиться щедрости короля и его доброму расположенію къ дому Медичисовъ.

Празднества въ честь молодыхъ не ограничились впрочемъ одною Франціей: они повторялись еще по возвращеніи герцога на родину. Во многихъ мѣстахъ по дорогѣ приготовленъ былъ ему торжественный пріемъ—въ Реджіо, Моденѣ, Болоньѣ. Но нигдѣ не были такъ рады случаю попраздновать, какъ въ самой Флоренціи. Это была старинная слабость ея жителей. Со страстію отдаваясь враждѣ политическихъ партій, они впрочемъ не могли слишкомъ долго оставаться въ ея удушливой атмосферѣ. Живая и расположенная къ беззаботной веселости, натура народа безпрестанно проглядывала сквозь тяжелыя условія его историческаго быта. Кровавыя междоусобія нерѣдко перемежались здѣсь общественными увеселеніями. На тѣхъ же улицахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ лилась кровь, происходили потомъ танцы и турниры, на которыхъ дружелюбно сходились между собою недавніе соперники. Такъ и на горизонтѣ

Флоренціи свѣтлыя краски часто борятся съ темными; но если взять всю сумму годового оборота дней, то рѣшительный перевѣсъ останется за первыми. Герцогъ, и особенно мать его, были противъ всякой торжественности. Лоренцо писалъ еще съ дороги, чтобы предупредить чрезвычайныя издержки со стороны республики. Но флорентинцы никакъ не хотѣли пропустить случая повеселиться, попраздновать, и не столько можетъ-быть въ честь герцога, сколько для своего собственнаго удовольствія, придумывали разныя пиршества и увеселенія, одно великолѣпнѣе другого. Скоро во Флоренціи истощился весь запасъ богатыхъ матерій для мужскихъ и дамскихъ нарядовъ, и надобно было посылать за ними въ Лукку и Венецію. Кончилось тѣмъ, что, предупреждая всеобщее раззореніе, республика должна была возобновить старые мѣстные законы противъ роскоши.

Левъ X, глава фамиліи и устроитель союза, имѣлъ причины только радоваться. Нетерпѣніе видѣть поскорѣе счастливаго племянника вызвало его изъ Рима въ Витербо. Лоренцо также спѣшилъ выѣхать къ нему навстрѣчу. Въ Монтефьясконе произошло между ними свиданіе, причемъ папа выразилъ герцогу свое полное довольство всѣмъ случившимся. И въ самомъ дѣлѣ, все, казалось, шло по желанію. Старыя узы, соединявшія домъ Медичисовъ съ республикою, повидимому были скрѣплены вновь; новый брачный союзъ давалъ, сверхъ того, право ожидать и новаго пріумноженія фамиліи. Герцогу было еще невступно 27 лѣтъ отъ роду; республика пока сохраняла свои старыя формы, но сущность управленія находилась уже въ его рукахъ. Немногаго еще недоставало, чтобы власть, существовавшая на дѣлѣ, заняла и соотвѣтственное внѣшнее положеніе; одно герцогское титло, которое носилъ уже Лоренцо, пролагало путь другому. Ослѣпленный блескомъ и пышностью, которыми любили окружать себя Медичисы, народъ, повидимому, не замѣчалъ готовившагося перехода. Никто не предчувствовалъ тогда бѣдъ, грозившихъ именно этому поколѣнію Медичисовъ; никто не воображалъ, чтобы торжества, сопровождавшія возвращеніе счастливой четы во Флоренцію, были послѣдними свѣтлыми днями въ жизни молодыхъ супруговъ. Таково было между тѣмъ тяжелое опредѣленіе судьбы. Когда славный домъ, казалось, былъ всего ближе къ осуществленію своихъ давнишнихъ надеждъ, въ это самое время жизненныя силы измѣнили ему до того, что старшая линія осталась почти безъ наслѣдниковъ.

Началомъ бѣдствій была опасная болѣзнь матери герцога. Альфонсины Орсини, постигшая ее вскорѣ послѣ радостнаго возвращенія сына во Флоренцію. Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ самъ Лоренцо лежалъ уже въ постели. Болѣзнь его открылась лихорадкою и, повидимому, сначала не представляла большой опасности; но судя по нѣкоторымъ подробностямъ, сохранившимся о состояніи больного въ современныхъ извѣстіяхъ, надобно полагать, что корень зла лежалъ гораздо глубже, или что болѣзнь охватила организмъ, уже истощенный неумѣренною жизнію, и потому неспособный бороться съ нею. Несмотря на усилія врачей, болѣзнь держалась упорно; если же и уступала на время употребленнымъ противъ нея средствамъ, то скоро возвращалась съ новымъ ожесточеніемъ. Дѣйствіе ея между прочимъ обнаружилось въ крайнемъ разслабленіи всѣхъ членовъ. Такъ прошло цѣлое лѣто. Для больного потребовалась перемѣна воздуха, и потому въ декабрѣ перенесли его въ виллу Сассетти, занимающую одно изъ самыхъ живописныхъ положеній на сѣверъ отъ Флоренціи. Свѣжій горный воздухъ и вообще прекрасная мѣстность на нѣкоторое время взяли свое: больной сталъ чувствовать себя лучше. Но скоро опять начался упадокъ силъ. Уже въ началѣ 1519 года герцогъ жаловался, что не можетъ заниматься дѣлами. Даже наступившая весна не произвела никакого улучшенія въ его состояніи. Наконецъ успѣхи болѣзни поставили врачей втупикъ, и они рѣшились перенести больного обратно въ городъ.

Прежде чѣмъ впрочемъ домъ Медичисовъ облекся трауромъ, печальнымъ членамъ семьи дано было еще разъ озариться радостною улыбкой. Въ то самое время, какъ рука смерти уже занесена была надъ главою семейства, оно обрадовано было прибавленіемъ новаго члена. Это былъ какъ бы послѣдній яркій лучъ солнца передъ мракомъ черной тучи, которая готовилась облечь весь горизонтъ. Немного времени спустя по возвращеніи Лоренцо въ городъ, жена его разрѣшилась отъ бремени здоровымъ ребенкомъ (13-го апрѣля 1519 г.). Новорожденная была дочь, но это нисколько не уменьшило радости родителей. Счастливое событіе въ семействѣ, повидимому, даже благодѣтельно подѣйствовало на больного. Герцогъ тотчасъ пожелалъ видѣть новорожденную, и когда Альфонсина принесла ее къ нему на рукахъ, онъ замѣтно повеселѣлъ. Въ тотъ же день въ Римъ послано было извѣстіе, что герцогу стало лучше. Черезъ три дня потомъ послѣдовало крещеніе младенца. Ему даны были имена: Катерина Марія Ромола, первое—въ честь

матери герцогини, второе—на память дня, посвященнаго Мадоннѣ, въ который происходило крещеніе, третье—въ силу существовавшаго тогда обычая во Флоренціи прибавлять это имя къ другимъ. Все, казалось, обошлось благополучно. Сама родильница первое время чувствовала себя очень хорошо. Но скоро въ ея состояніи произошла значительная перемѣна. Уже на другой день послѣ церемоніи съ нею былъ припадокъ лихорадки; черезъ нѣсколько времени потомъ онъ повторился еще въ сильнѣйшей степени, такъ что врачи начали безпокоиться за больную. Окружавшіе герцогиню нѣсколько дней были между страхомъ и надеждою. На нѣкоторое время болѣзненные припадки утихли, и можно было думать, что жизнь Маделены спасена. Но вдругъ болѣзнь возвратилась съ удвоенною силой, такъ что сочли за нужное приготовить больную къ смерти. Она жила еще два дня, и потомъ навѣки закрыла глаза. Базилика Санъ Лоренцо приняла въ своихъ стѣнахъ смертные останки герцогини.

Всего чувствительнѣе отозвалось это печальное событіе въ истощенномъ организмѣ больного. Уже первыя извѣстія о неблагопріятномъ оборотѣ въ здоровьи герцогини привели его въ сильное безпокойство. Онъ забылъ свою радость по случаю рожденія дочери, и занятъ былъ лишь мыслію о безнадежномъ положеніи ея матери. Его собственная болѣзнь скоро опять приняла оборотъ къ худшему. Наконецъ смерть Маделены нанесла послѣдній роковой ударъ его, и безъ того потрясеннымъ, силамъ. Уже въ концѣ апрѣля въ Римѣ имѣли извѣстіе, что можно опасаться всего, а въ первыхъ числахъ мая кардиналу Медичи писали изъ Флоренціи, что герцогъ находится при послѣднемъ издыханіи. 4-го мая онъ дѣйствительно не существовалъ болѣе. Еще два или три дня, и флорентинцы въ торжественной процессіи проводили трупъ Лоренцо въ погребальный склепъ фамиліи.

Такъ въ нѣсколько дней смерть разметала всѣ надежды Льва X и разбила лучшія мечты его. Отъ цвѣтущаго молодостію семейства осталась лишь малолѣтняя дочь, которая не пережила еще и полнаго мѣсяца. Главные представители правъ фамиліи исчезли съ лица земли, не оставивъ по себѣ даже прямого наслѣдника. Едва завязанный узелъ новой политики распустился, прежде чѣмъ изъ него успѣли сдѣлать какое-нибудь употребленіе, и тому, кто взялъ на себя главное попеченіе объ интересахъ цѣлой фамиліи, надобно было завязывать его снова. Впрочемъ долго тянувшаяся болѣзнь герцога заранѣе

уже приготовила Льва X къ этой печальной развязкѣ и навела мысль его на новыя соображенія. Еще Лоренцо лежалъ въ постели, какъ уже папа, имѣя въ виду могущія послѣдовать событія, далъ совсѣмъ другое направленіе своей политикѣ. Боясь, чтобы, въ случаѣ смерти племянника, Флоренція не ушла отъ его рукъ, и желая крѣпче привязать ее къ себѣ на будущее время, онъ счелъ гораздо благонадежнѣе для себя, вмѣсто французской помощи, опереться на сильную руку Карла V, молодого короля Испаніи и наслѣдника правъ на нѣмецкую императорскую корону, и въ январѣ 1519 года заключилъ съ нимъ тайный союзъ, котораго существованіе лишь въ недавнее время стало извѣстно исторіи [1]). Вообще, флорентинскія отношенія многое объясняютъ въ дѣйствіяхъ папы при предстоявшихъ тогда выборахъ на нѣмецкій престолъ. Самыя колебанія его между французскимъ и испанскимъ союзомъ происходили частію изъ того же источника. Тайный договоръ Льва X съ Карломъ V положилъ начало новому направленію римской политики въ отношеніи, къ Флоренціи, и имѣлъ большое вліяніе на послѣднюю судьбу республики. Флоренція, конечно безъ ея вѣдома, введена была въ договоръ папы съ новымъ его союзникомъ, на томъ основаніи, что, какъ сказано въ трактатѣ „въ настоящее время она находится въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ его святѣйшествомъ, такъ что *по праву можетъ считаться заодно съ его владѣніями* и самою его властію". Для беззащитной республики въ тогдашнемъ ея положеніи едва ли что могло случиться несчастнѣе этого насильственнаго и безъ вѣдома ея совершившагося отождествленія ея политики съ римскою.

Съ теченіемъ времени надъ прахомъ герцога урбинскаго воздвигся великолѣпный памятникъ, которымъ по праву гордится новое искусство. Между множествомъ сооруженій этого рода, которыми полна монументальная базилика Санъ-Лоренцо, онъ по преимуществу останавливаетъ на себѣ вниманіе посѣтителя. Немногія еще изъ произведеній геніальнаго художника, который работалъ надъ нимъ незадолго передъ своею смертію, въ состояніи возбудить къ себѣ столько симпатіи. Можно бы сказать, что Микель-Анджело вложилъ въ него свою душу. Памятникъ состоитъ изъ самой гробницы, по концамъ которой брошены, въ полулежачемъ положеніи, двѣ символическія фигуры, одна въ образѣ молодой женщины, дру-

1) Онъ напечатанъ въ Archivio storico italiano въ приложеніи къ Istorie Fiorentine Джакопо Питти, В. I, р. 376—83.

тая — пожилого мужчины, изображающія собою раннюю зарю и сумерки. Несмотря впрочемъ на свое различное значеніе, обѣ онѣ равно проникнуты одною мыслію. Хотя нѣжный образъ зари и свѣтлѣе темныхъ сумерокъ, но все же онъ неспособенъ внушить зрителю отраднаго чувства. Заря и сумерки, помѣщенныя рядомъ, — это, говорятъ, изображеніе тѣхъ прекрасныхъ надеждъ, которыя такъ рано были возбуждены въ итальянскихъ сердцахъ молодымъ Медичисомъ и такъ преждевременно погасли вмѣстѣ съ его жизнію. Его собственное изображеніе въ сидячемъ положеніи помѣщено въ нишѣ надъ гробницею. Онъ представленъ въ воинственномъ костюмѣ своего времени, съ шлемомъ на головѣ, нѣсколько надвинутымъ на брови. Правая рука его оставлена свободною, другою онъ задумчиво подпираетъ подбородокъ. Думою, грустною думою проникнуто его облагороженное художникомъ лицо; она же потомъ отражается и въ самой позѣ его. Недаромъ фигура прозвана знаменательнымъ именемъ il pensiero. Она дѣйствительно воплотила въ себѣ задумчивую мысль... Но точно ли эта мысль есть настоящее выраженіе Лоренцо, вѣрно уловленное художникомъ въ живыхъ чертахъ его и потомъ искусно воспроизведенное рѣзцомъ? Или можетъ-быть такъ выразились тѣ патріотическія надежды, которыя, говорятъ, флорентинцы привыкли соединять съ именемъ молодого Медичиса? Нѣтъ, эта глубокая и вмѣстѣ столь печальная дума не могла принадлежать самому Лоренцо, и также мало была выраженіемъ обращенныхъ будто бы къ нему надеждъ флорентинцевъ. Мысль герцога урбинскаго была горда и самолюбива. Она подъ конецъ вся была направлена къ тому, чтобы заставить флорентинцевъ признать его волю своимъ закономъ, и какъ, повидимому, все удавалось ему для этой цѣли, то въ душѣ его и не могло быть мѣста печальной думѣ. Лоренцо не искалъ любви флорентинцевъ и не пользовался ею: итакъ художникъ и съ этой стороны не имѣлъ никакой причины дать ему такое выраженіе.

Въ памятникѣ сказалась лишь собственная задушевная мысль художника. Едва ли кто изъ великихъ представителей новаго искусства вносилъ такъ много личнаго въ свои произведенія, какъ Микель-Анджело. Другіе были велики тѣмъ, что, создавая свою форму, умѣли вмѣстить въ нее общее содержаніе; у Микель-Анджело, напротивъ, всякій почти образъ служилъ болѣе или менѣе для выраженія его личныхъ душевныхъ движеній. Оттого творенія его конечно доставляютъ менѣе объективнаго наслажденія; но неоспоримо также, что въ

этомъ состоитъ самая характеристичная его особенность, которой никакъ не надобно терять изъ виду при его изученіи. Чего не достаетъ для полнаго эстетическаго наслажденія, то восполняется у него видимымъ присутствіемъ мысли. Природа его постоянно была раздѣлена между артистическимъ призваніемъ и потребностію другой, болѣе практической дѣятельности. Душа его была глубоко патріотическая; онъ носилъ въ ней всѣ тѣ раны, которыми болѣла Италія уже не одно столѣтіе. Дума его неизмѣнно преслѣдовала одну цѣль — избавленіе ея отъ бѣдствій; любимымъ идеаломъ его было возстановленіе ея независимости. Особенно горячо билось его сердце за Флоренцію. Цѣль была ясна передъ нимъ, но въ рукахъ его, вмѣсто меча и всякаго другого орудія публичной дѣятельности, были только кисть и рѣзецъ... Обстоятельствами своей жизни онъ тѣсно связанъ былъ съ домомъ Медичисовъ, но онъ не любилъ Медичисовъ. Между тѣмъ время уносило одну за другою высокія надежды художника, и мрачно становилось на душѣ его. Тогда рѣзецъ служилъ ему проводникомъ, посредствомъ котораго дума его находила себѣ выходъ наружу; тогда, работалъ ли онъ по волѣ папы, въ Ватиканскомъ дворцѣ, или исполнялъ какой заказъ Медичисовъ въ самой Флоренціи, всякій образъ принималъ на себя отпечатокъ его грустной мысли объ Италіи [1].

II.

Когда знаешь заранѣе, какая важная роль готовилась въ будущемъ для послѣдней отрасли знаменитаго флорентинскаго дома, и какое широкое поприще предназначалось для ея дѣятельности въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то становится особенно интересно знать, какъ прошли дѣтство и первая молодость этого ребенка, такъ рано обреченнаго круглому сиротству? Кто были первыя лица, его окружавшія, какія вліянія дѣйствовали на него съ наибольшею силою, и наконецъ при какихъ обстоятельствахъ совершилось его воспитаніе? Ибо отъ первоначальныхъ впечатлѣній много зависитъ нравственный складъ человѣка.

1) Та же мысль о художественной дѣятельности Микель-Анджело весьма поэтически развита Мишлѐ, посвятившимъ въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ своей исторіи Франціи цѣлую особую главу обозрѣнію работъ его въ Римѣ. Можно сказать, что Мишлѐ своимъ часто столь мѣткимъ прозрѣніемъ угадалъ то, къ чему нашъ авторъ приведенъ былъ внимательнымъ изученіемъ.

Потерявъ родителей, дочь Лоренцо и Маделены не осталась впрочемъ безъ всякаго призрѣнія. Сверхъ погасавшей старшей линіи, въ домѣ Медичисовъ было тогда на лицо еще нѣсколько членовъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ, которые всѣ считались въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ наслѣдницею имени и правъ герцога урбинскаго, и потому должны были позаботиться объ ея участи. Въ окруженіи сироты не было конечно довольно теплаго родственнаго чувства, которое бы замѣняло ей нѣжную материнскую заботливость; но она вовсе не лишена была родственнаго покровительства и временно по крайней мѣрѣ могла находить въ немъ замѣну самой семьи.

Между этими кровными покровителями Катерины самое видное мѣсто принадлежало родному дядѣ отца ея, папѣ Льву. Мы видѣли уже прежде, какое живое участіе принималъ онъ въ судьбѣ своего дома, и какъ много озабоченъ онъ былъ положеніемъ тѣхъ его членовъ, которые находились во Флоренціи. Безъ сомнѣнія, высокое покровительство Льва X еще болѣе обезпечено было сиротѣ по смерти ея отца и матери. Онъ впрочемъ лишь полутора годами пережилъ своего племянника. Смерть застигла его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пожать плоды своихъ новыхъ связей съ Габсбургскимъ домомъ. Но Катерина и послѣ того не осталась безъ сильныхъ заступниковъ изъ своей же фамиліи. Таковъ былъ кардиналъ Джуліо Медичи, одинъ изъ первыхъ сановниковъ при дворѣ Льва X, впослѣдствіи и самъ занявшій римскій престолъ. Онъ происходилъ отъ младшаго брата Лоренцо I Великолѣпнаго, по имени Джуліана, и потому находился въ болѣе отдаленной степени родства съ линіею, къ которой принадлежала Катерина; но это нисколько не мѣшало ему, по смерти Лоренцо II, принять на себя заботы объ интересахъ его наслѣдницы. По своему ванію онъ могъ даже гораздо лучше наблюдать за ними, чѣмъ папа Левъ X, который почти неотлучно долженъ былъ оставаться въ Римѣ, и потому, когда не стало герцога урбинскаго, именно кардиналу Медичи поручена была опека надъ сиротою. Онъ дѣйствительно очень усердно взялся за свою новую обязанность и не хотѣлъ измѣнить ей даже по вступленіи своемъ на папскій престолъ. Мы увидимъ еще впослѣдствіи, какъ велико было его участіе въ устройствѣ послѣдующей судьбы Катерины и особенно въ ея политическомъ возвышеніи.

Изъ женщинъ, окружавшихъ наслѣдницу герцога урбинскаго въ ея дѣтствѣ, назовемъ особенно двухъ. Лишившись отца и матери, она осталась первое время на рукахъ своей бабки, Альфонсины Орсини, женщины весьма надменнаго характера, которая считала себя всѣхъ знатнѣе въ домѣ и никогда не могла привязать къ себѣ ничьей симпатіи. Ея внушеніямъ въ особенности приписываютъ то направленіе политической дѣятельности Лоренцо, которое было причиною отчужденія отъ него флорентинцевъ. Здѣсь было бы мѣсто вопросу о томъ, какое вліяніе могла имѣть она на свою внучку; но Альфонсина жила еще менѣе по смерти сына, чѣмъ папа Левъ X. Она умерла прежде, чѣмъ началось воспитаніе Катерины въ собственномъ смыслѣ. Тогда мѣсто ея для сироты заступила тетка ея Кларисса, родная сестра герцога урбинскаго. Она была замужемъ за Филиппомъ Строцци, наслѣдникомъ знатной и богатой флорентинской фамиліи, которая была почти одинаковаго происхожденія съ Медичисами. Кларисса была женщина съ волею и характеромъ, чего нельзя сказать объ ея мужѣ, который при ясномъ умѣ и многихъ достолюбезныхъ качествахъ не отличался однако ни твердостью, ни самообладаніемъ. Она не чужда была гордости, наслѣдованной ею отъ матери, но за то своимъ высокимъ духомъ нерѣдко могла напомнить знаменитаго своего дѣда, Лоренцо I Медичи. Сама мать довольно большой семьи, Кларисса Строцци впрочемъ всегда готова была удѣлить свои попеченія и своей осиротѣвшей племянницѣ, и Катерина надолго потомъ сохранила о ней благодарное воспоминаніе. Если въ дѣтствѣ своемъ она видѣла что-нибудь похожее на любовь, то конечно это было въ домѣ ея тетки. За то впослѣдствіи, когда сыновья Клариссы принуждены были бѣжать изъ отечества и остались почти безъ крова, имъ стоило только обратиться къ французскому двору, чтобы найти тамъ себѣ вѣрный пріютъ и надежное покровительство.

Такимъ образомъ маленькая герцогиня, la duchessina — какъ называли Катерину во Флоренціи—повидимому не имѣла недостатка въ попечителяхъ для своего дѣтства. Но, во-первыхъ, члены этой разрозненной семьи не довольно хорошо ладили между собою. Еще Левъ X и Альфонсина сходились большею частію въ главныхъ своихъ видахъ; но ихъ скоро не стало, а между тѣми, которые наслѣдовали ихъ значеніе въ фамиліи, скоро почувствовалось сильное разногласіе. Кардиналъ Медичи и Кларисса Строцци преслѣдовали каждый свои отдѣльные

интересы и постоянно имѣли множество причинъ къ взаимному неудовольствію. Первый поводъ къ тому былъ поданъ кардиналомъ, который не хотѣлъ поддержать законныхъ требованій Клариссы на одну долю наслѣдства по смерти брата и матери. Сдѣлавшись потомъ папою, онъ нисколько не думалъ исполнить своихъ обѣщаній, данныхъ прежде въ пользу ея семейства. Все радѣніе Климента VII, напротивъ того, обращено было въ пользу старшей линіи дома, и какъ отъ нея не оставалось болѣе прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то онъ старался мало-по-малу ввести въ ихъ право побочныя ея отрасли. Два лица могли имѣть на то притязанія: Александръ, котораго обыкновенно выдавали за незаконнаго сына герцога урбинскаго, хотя, собственно говоря, происхожденіе его было очень сомнительнаго свойства, и Ипполитъ, также незаконный сынъ младшаго брата Петра Медичи, нѣкогда изгнаннаго изъ Флоренціи. По своей несамостоятельности они ничего не могли предпринять отъ себя: когда кардиналъ Медичи вступилъ на папскій престолъ, старшему изъ нихъ, Александру, еще не исполнилось пятнадцати лѣтъ, а Ипполитъ былъ еще моложе цѣлымъ годомъ. Но они имѣли за себя дѣятельнаго ходатая въ Климентѣ VII, который стоялъ тогда во главѣ всей фамиліи. Онъ открылъ имъ входъ во Флоренцію, помѣстилъ ихъ въ наслѣдственномъ домѣ Медичисовъ и даже доставилъ имъ доступъ къ публичнымъ должностямъ въ республикѣ. Ясно, что онъ готовилъ ихъ къ высокой цѣли и посредствомъ ихъ надѣялся со временемъ сгладить тотъ перерывъ, который произошелъ въ прямой линіи дома. Совсѣмъ иными глазами смотрѣла на нихъ Кларисса, наслѣдовавшая фамильную гордость Орсини и настоящихъ Медичисовъ. Сколько же по своей личной незначительности, столько и по своему непризнанному происхожденію, они внушали ей одно презрѣніе. Тѣмъ менѣе могла она простить Клименту, который видимо озабоченъ былъ возвышеніемъ Александра и Ипполита на степень законныхъ наслѣдниковъ дома. Всѣ эти обстоятельства питали взаимное нерасположеніе между двумя главными лицами, которыя, по смерти Льва X и Альфонсины Орсини, принимали самое близкое участіе въ судьбѣ маленькой сироты, и конечно не остались безъ вліянія если не прямо на ея воспитаніе и развитіе, то по крайней мѣрѣ на внѣшнее ея положеніе.

Отсюда произошло прежде всего то, что наслѣдница славнаго имени и богатой фамиліи не только не имѣла отеческаго дома, но и одного постояннаго гнѣзда. Первые годы своего

дѣтства она переходила изъ однихъ рукъ въ другія, до тѣхъ поръ, пока ребенку не нашлось болѣе вѣрнаго убѣжища—въ стѣнахъ монастыря! Никто изъ ближайшихъ ея попечителей не жилъ постоянно во Флоренціи. Кардиналъ, который явился сюда тотчасъ по смерти герцога урбинскаго, скоро отозванъ былъ обратно въ Римъ смертію Льва X. По своимъ фамильнымъ дѣламъ Кларисса также бóльшую часть времени проводила въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Маленькая дукессина конечно пользовалась въ ея домѣ только временнымъ гостепріимствомъ, но не могла найти въ немъ себѣ постояннаго пріюта. Вѣроятно это самое обстоятельство побудило наконецъ Климента VII помѣстить сироту въ монастырѣ Санта-Лучіи и поручить ея воспитаніе тамошнимъ монахинямъ доминиканскаго ордена [1]). Дѣлая этотъ выборъ, папа, повидимому, имѣлъ въ виду память тѣхъ благодѣяній, которыми монастырь обязанъ былъ щедротамъ Медичисовъ, перестроившихъ его вновь въ половинѣ XV столѣтія. Съ того времени обитательницы Санта-Лучіи, заступившія мѣсто прежнихъ доминиканцевъ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ домомъ своихъ благодѣтелей. Можетъ-быть также Климентъ VII желалъ доставить племянницѣ сколько можно болѣе безопасное убѣжище во Флоренціи: ибо монастырь Санта-Лучіи, существовавшій до конца прошедшаго вѣка, или до французскаго завоеванія, находился неподалеку отъ Санъ-Галло, то-есть на одной изъ самыхъ крайнихъ оконечностей города. Какъ бы то ни было, отеческій домъ рано пересталъ существовать для Катерины, и она, по волѣ самаго усерднаго изъ своихъ попечителей, была передана на руки монахинямъ, на которыхъ лежало теперь ея воспитаніе и развитіе въ ней первыхъ понятій.

Еще несчастнѣе для образованія женскаго сердца расположились внѣшнія обстоятельства, или политическія событія того времени. Флорентинская республика доживала тогда свои послѣдніе годы. По мѣрѣ того, какъ падала старая энергія ея гражданъ, число и силы враговъ ея видимо увеличивались. Но любовь къ независимости не разъ еще вызывала въ ней проблески прежней доблести. Республика до конца не переста-

[1]) Къ сожалѣнію, разсказу нашего автора въ этомъ мѣстѣ недостаетъ полной опредѣленности. Упоминая о томъ близкомъ участіи, которое Клариса принимала въ сиротѣ, онъ не говоритъ, къ какому именно времени оно относится. Недостаетъ также точнаго указанія и времени, когда Климентъ рѣшился помѣстить сироту въ монастырь.

вала бороться съ враждебными ей силами. Борьба происходила то внутри города, то за стѣнами его, и всякій разъ отзывалась сильнымъ потрясеніемъ во всѣхъ классахъ общества. Отъ этихъ событій нельзя было укрыться нигдѣ, ни даже въ монастырскомъ уединеніи; никакая жизнь, заключенная внутри города, не была свободна отъ сопровождавшей ихъ тревоги и волненія. Среди этого безпрестаннаго водоворота невсегда могли устоять люди зрѣлые и крѣпкіе духомъ; какихъ же потрясеній не должна была испытать душа ребенка, пока вокругъ его кипѣли народныя страсти?

Смертію герцога урбинскаго нарушено было равновѣсіе не только въ домѣ Медичисовъ, но и въ самой республикѣ. Съ каждою минутою надобно было ждать, что страсти народа, нетерпѣливо сносившаго всякое покушеніе на свою свободу, снова придутъ въ движеніе. Чтобы поддержать авторитетъ своей фамиліи во Флоренціи, Левъ X немедленно отправилъ туда кардинала Медичи, вице-канцлера римскаго престола. На этотъ разъ кардиналъ Джуліо вѣрно понялъ свою задачу и умѣлъ очень искусно соблюсти интересы своей фамиліи въ городѣ, гдѣ каждый неосторожный шагъ его могъ возбудить подозрѣніе въ жителяхъ. Отложивъ излишнюю притязательность, онъ возвратилъ флорентинцамъ прежнюю свободу выборовъ и вообще старался сохранить неприкосновенность формъ, которыя были имъ такъ дороги. Видя благоразуміе и умѣренность правителя, народъ съ своей стороны также отвѣчалъ ему довѣріемъ. По словамъ историка Питти, кардиналу приходилось гораздо больше бороться съ неумѣренными требованіями партизановъ своей фамиліи, чѣмъ съ порывами противоположной партіи. Но когда скоро послѣдовавшая смерть Льва X отозвала кардинала Медичи обратно въ Римъ, для Флоренціи опять наступили довольно трудныя времена. Заступившій мѣсто Льва X, Адріанъ VI мало расположенъ былъ поддерживать интересы Медичисовъ, и Франческо-делла-Ровере, прежній владѣтель Урбино, снова могъ взяться за оружіе для возвращенія своихъ правъ на герцогство. Въ войну, открывшуюся по сему случаю, вовлечена была также и Флоренція, которой Левъ X подарилъ графство Монте-Фельтро, составлявшее часть урбинскихъ владѣній. Нужна была очень опытная и искусная рука, чтобы въ это трудное время сохранить прежній порядокъ и спокойствіе въ республикѣ. По отъѣздѣ кардинала, она не осталась совершенно безъ правителя. Отправляясь снова въ Римъ, Джуліо Медичи передалъ управленіе ею, на время

своего отсутствія, кардиналу Сильвіо Пассерини, лицу очень облагодѣтельствованному прежнимъ папою. Но уже въ 1523 году кардиналъ Медичи самъ былъ избранъ на римскій престолъ, и миссія Пассерини, которая сначала имѣла только временное назначеніе, сдѣлалась болѣе постоянною. Ему-то досталось заправлять дѣлами республики, когда для нея наступала пора опаснаго кризиса.

Климентъ не могъ сдѣлать болѣе неудачнаго выбора, какъ назначивъ Пассерини своимъ намѣстникомъ во Флоренціи. Между духовными сановниками, окружавшими въ то время римскій престолъ, едва ли еще можно было отыскать человѣка болѣе ограниченнаго и упрямаго. Впрочемъ неудивительно, что и въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ нерѣдко, упрямый нравъ принимался за твердость характера. Въ одномъ только нельзя было упрекнуть Пассерини—въ недостаткѣ преданности дому Медичисовъ. Но онъ думалъ доказать эту преданность тѣмъ, что̀ могло послужить только во вредъ фамиліи. Зная, что ничѣмъ нельзя больше угодить Медичисамъ, какъ утвержденіемъ ихъ власти во Флоренціи, онъ прямо шелъ къ своей цѣли и своими дѣйствіями безпрестанно оскорблялъ щекотливое самолюбіе гражданъ. Въ полной увѣренности, что въ городѣ существуетъ цѣлая партія, которая готова на все ради Медичисовъ, кардиналъ самовластно распоряжался финансами республики и вообще пренебрегалъ всѣми наружными формами. Этотъ ничѣмъ не прикрытый произволъ казался флорентинцамъ всего нестерпимѣе. Они молчали до времени, но неудовольствіе съ каждымъ днемъ копилось между ними и рано или поздно должно было снова разрѣшиться опаснымъ взрывомъ. Кромѣ извѣстной привязанности флорентинцевъ къ своимъ свободнымъ формамъ, между ними оставались еще элементы броженія отъ весьма недавняго времени. Въ городѣ не изгладились еще всѣ слѣды переворота, произведеннаго въ немъ, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ, доминиканцемъ Савонаролою. Разсѣянные остатки его партіи могли снова соединиться подъ знаменемъ, которое было бы поднято недовѣріемъ и враждою къ Медичисамъ. Недоставало только внѣшняго толчка, но и онъ былъ подготовленъ событіями, которыя послѣ 1525 года произошли въ сѣверной и потомъ въ средней Италіи.

Тамъ давно уже происходила упорная борьба между двумя честолюбивыми соперниками, изъ которыхъ каждый старался подчинить Италію своему исключительному вліянію. Ни та,

ни другая сторона долго не могла похвалиться рѣшительнымъ успѣхомъ. Наконецъ одинъ изъ соперниковъ, надѣясь своею личною доблестію доставить перевѣсъ своему оружію, явился самъ на поле битвы. Но за свой благородный порывъ онъ поплатился слишкомъ дорого. Павійская битва была проиграна, и Францискъ I отвезенъ плѣнникомъ въ Мадридъ. Въ рукахъ торжествующаго Карла V была самая судьба его противника. Этотъ громкій успѣхъ императора, повидимому, долженъ былъ еще тѣснѣе скрѣпить союзъ его съ римскимъ престоломъ: ибо тому, кто принадлежитъ къ одной изъ враждующихъ сторонъ, естественно радоваться успѣхамъ своего союзника. Но папы въ своихъ политическихъ отношеніяхъ съ нѣкотораго времени слѣдовали другому началу, которое выработано было вновь ходомъ событій въ самой Италіи. Это былъ страхъ всякаго перевѣса, всякаго преобладанія, и желаніе ему противодѣйствовать. Климентъ VII еще больше былъ подверженъ этому страху, чѣмъ его предшественникъ на римскомъ престолѣ, и на томъ основалъ свои важнѣйшія политическія рѣшенія. Такъ эта самая побѣда при Павіи вмѣсто того, чтобы упрочить римскій союзъ съ побѣдителемъ, заставила папу перейти на сторону побѣжденнаго и униженнаго его противника. Договоръ въ Коньякѣ скрѣпилъ новый союзъ между Францискомъ I и римскимъ престоломъ. Но этотъ неожиданный поворотъ мало говоритъ въ пользу предусмотрительности папы: дѣлая его, Климентъ накликалъ бѣду не только на себя, но и на Римъ, и можно сказать, указалъ цѣль необузданной жадности и своеволію побѣдителей. Войско ихъ скоро приняло движеніе къ югу, и почти безпрепятственно подвигаясь впередъ въ этомъ направленіи, наконецъ угрожало самому Риму.

Это было какъ бы внезапное движеніе вихря, отъ котораго воздухъ мгновенно замутился во всей окрестной странѣ. Потрясеніе, произведенное имъ въ атмосферѣ, скоро почувствовалось и во Флоренціи, хотя она лежала нѣсколько въ сторонѣ отъ движенія. Въ виду грозы, которая надвигала съ сѣвера, республиканская партія получила основаніе думать, что для нея наступила пора дѣйствовать. Уже въ то время, какъ войско Карла Бурбона спускалось долиною Арно по направленію къ Риму, во Флоренціи вспыхнуло возстаніе. Кардинала Пассерини въ то время не было въ городѣ: вмѣстѣ съ молодыми Медичи, Александромъ и Ипполитомъ, онъ выѣхалъ для переговоровъ съ Франческо делла-Ровере, герцогомъ урбинскимъ, который шелъ тогда по слѣдамъ имперскаго войска,

начальствуя ополченіемъ итальянской лиги. Пользуясь этимъ случаемъ, враги Медичисовъ ударили тревогу. Толпа недовольныхъ ворвалась во дворецъ, гдѣ засѣдали пріоры: извѣстная статуя Микель-Анджело, изображающая Давида въ юности, которая тогда помѣщалась во внутреннемъ дворѣ зданія, до сихъ поръ носитъ на себѣ видимые знаки кипѣвшаго около нея буйства. Прежде чѣмъ, впрочемъ, зачинщики возстанія могли принять какія-нибудь мѣры, чтобы упрочить свое положеніе въ городѣ, намѣстникъ возвратился назадъ въ сопровожденіи самого герцога урбинскаго и отряда его войскъ, такъ что ему нетрудно было возстановить нарушенный порядокъ. Но наступившее послѣ того спокойствіе было самаго обманчиваго и ненадежнаго свойства. Все зависѣло отъ успѣха или неуспѣха имперскаго ополченія, которое въ то время продолжало подвигаться далѣе на югъ. Вдругъ во Флоренціи разнеслась вѣсть, что Римъ взятъ штурмомъ войсками Карла Бурбона, и самъ папа, чтобъ избѣжать плѣна, принужденъ запереться въ крѣпости св. Ангела. Это извѣстіе подбавило масла на огонь народныхъ страстей, который продолжалъ тлѣть подъ наружнымъ спокойствіемъ, и произвело новый ихъ взрывъ, гораздо опаснѣе прежняго. Кардиналъ Пассерини, лишенный дѣятельной помощи герцога урбинскаго, оставался рѣшительно безсовѣтенъ и не зналъ чтó предпринять противъ усиливавшагося движенія. Враги Медичисовъ, напротивъ того, были сильны не только своимъ числомъ, но и своимъ единствомъ. Между ними главное мѣсто конечно занимали приверженцы демократіи въ обширномъ смыслѣ слова; но къ нимъ примкнули сверхъ того остатки партіи, которая господствовала во время Савонаролы: наконецъ сюда же присоединились многія знатныя фамиліи, ненавидѣвшія Медичисовъ за ихъ стремленіе къ рѣшительному преобладанію въ республикѣ. Связанные одною общею нуждой, эти разнородные элементы на первое время держались крѣпко между собою. Имъ даже удалось согласиться въ выборѣ одного главы: это былъ Никколò Каппони, человѣкъ столько же заслужившій общее уваженіе своимъ личнымъ характеромъ, сколько располагавшій къ себѣ и самымъ своимъ именемъ. Онъ былъ сынъ того Петра Каппони, у котораго достало нѣкогда духа, чтобы бросить къ ногамъ французскаго короля разорванный мирный трактатъ его съ Флоренціей. Едва прошло пять дней послѣ разграбленія Рима, какъ уже возстаніе противъ Медичисовъ было въ полномъ разгарѣ. Ни намѣстникъ, ни молодые Медичисы не въ состояніи были ему про-

тивиться, и какъ имъ нельзя было ни откуда ожидать скорой помощи, то не оставалось почти сомнѣнія, что народное движеніе одолѣетъ наконецъ всѣ препятствія.

Среди столь важныхъ событій, когда дѣло шло о судьбѣ цѣлаго общества, поражаетъ всего болѣе отсутствіе яркихъ и сильныхъ характеровъ. Почти единственную нѣсколько видную роль досталось играть въ нихъ—кто бы могъ ожидать?—женщинѣ! Это была извѣстная уже намъ по имени Кларисса Строцци, сестра умершаго герцога урбинскаго. Обстоятельства привели ее во Флоренцію въ то самое время, когда тамъ начались внутреннія смуты. До сихъ поръ она оставалась съ мужемъ при дворѣ Климента, и только приближеніе военной грозы заставило ее поспѣшить удаленіемъ изъ Рима. Здѣсь уже, бѣжа отъ опасности, она впрочемъ успѣла показать много находчивости и изворотливости. Во избѣжаніе тревоги между жителями, римское правительство затворило городскія ворота и запретило выѣздъ всѣмъ безъ исключенія. Кларисса нашла однако средство нанять для себя бригантину и тайно бѣжать съ двумя своими сыновьями въ Остію, откуда потомъ переправилась въ Пизу. Здѣсь получила она приглашеніе отъ флорентинцевъ, которые желали видѣть ее въ своемъ городѣ. Приглашеніе не было просто знакомъ вниманія къ ней, но имѣло также политическую цѣль. Флорентинцы видимо отличали Клариссу отъ другихъ членовъ дома, къ которому она принадлежала по своему рожденію, и хотѣли употребить ея вліяніе, чтобы заставить прочихъ Медичисовъ вмѣстѣ съ кардиналомъ безъ всякаго шума удалиться изъ города. Филиппъ Строцци, не желая ссориться съ папою, совѣтовалъ женѣ уклониться отъ предложенія недовольныхъ; но Кларисса думала иначе. Послѣднее пребываніе въ Римѣ оставило въ ней такъ много непріятныхъ впечатлѣній, что она не могла считать себя обязанною дѣлать только угодное папѣ. Притомъ же въ нравѣ ея всегда было много самостоятельности и независимости. Вопреки мнѣнію мужа, она приняла сдѣланное ей приглашеніе и въ сопровожденіи нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, въ тотъ же день отправилась во Флоренцію.

Обѣ партіи смотрѣли на Клариссу какъ на единственную посредницу, и съ нетерпѣніемъ желали видѣть ее въ городѣ. Друзья, родственники, кліенты дома, равно какъ и многіе знатные граждане, которые были въ пользу народнаго движенія, ждали ее въ наслѣдственномъ дворцѣ Медичисовъ, въ этомъ знаменитомъ дворцѣ, который былъ свидѣтелемъ самой блестящей

эпохи въ исторіи фамиліи и до сихъ поръ остается на своемъ мѣстѣ молчаливымъ памятникомъ ея прошедшей славы, хотя давно уже получилъ другое назначеніе. Еще на крыльцѣ встрѣтилъ Клариссу архіепископъ города, самъ происходившій изъ того же самаго дома, вмѣстѣ съ Ипполитомъ Медичи, и повелъ ее во внутренніе покои. Тутъ же находился мессеръ Оттавіано де-Медичи, дальній родственникъ фамиліи, но въ то же время преданнѣйшій другъ ея, никогда не разлучавшійся съ молодыми отраслями дома, Александромъ и Ипполитомъ, которые были поручены его заботливости довѣріемъ Климента VII,—тотъ самый Оттавіано, чьею дружбою столько дорожили флорентинскіе художники, начиная отъ Микель-Анджело и до Вазари, и чьей усердной заботливости потомство обязано сохраненіемъ нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ искусства отъ расхищенія грабителей. Кроткій и нѣжный образъ Оттавіано почти неразлученъ съ исторіею дома въ самую критическую для него эпоху, хотя большею частію остается на второмъ планѣ, въ полутѣни, какъ Іосифъ въ произведеніяхъ Рафаэля. Входя во внутреннія комнаты, Кларисса увидѣла идущаго къ ней на встрѣчу кардинала Пассерини. „Монсиньоръ, монсиньоръ“, начала она, обратившись къ нему, „до чего довели вы насъ! Неужели вы все еще думаете, что ваше поведеніе, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, есть достойное продолженіе того, котораго держалися мои предки?“— Кардиналъ хотѣлъ говорить, но она опять остановила его прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово. „Мои предки“, продолжала Кларисса, „имѣли во Флоренціи столько власти, сколько было предоставлено имъ волею народа. Покоряясь впослѣдствіи той же самой волѣ, они удалились въ изгнаніе, и ею же призванные обратно, снова увидѣли свое отечество. Не слѣдовало ли также и вамъ, во избѣжаніе худшаго, умѣть покоряться обстоятельствамъ и не забывать, что папа находится теперь въ стѣсненномъ положеніи?“ Затѣмъ она обратилась къ Ипполиту и Александру. „Я беру на себя“, сказала имъ Кларисса, „заботы о вашемъ благѣ: повѣрьте мнѣ, оно гораздо ближе къ моему сердцу, чѣмъ къ сердцу кардинала.“ Этими и подобными тому увѣщаніями Кларисса надѣялась склонить молодыхъ Медичисовъ добровольно выйти изъ города.

Трудная роль, которую взяла на себя эта отважная женщина, повидимому удавалась ей. Уже молодые Медичи, не находя ни въ комъ опоры себѣ, начинали въ самомъ дѣлѣ склоняться передъ ея увѣщаніями. Никколо Каппони и нѣ-

которые другіе знатные граждане, присутствовавшіе при этой сценѣ, съ своей стороны также приложили всѣ старанія, чтобы содѣйствовать Клариссѣ и вынудить у молодыхъ людей окончательное рѣшеніе. Невѣроятное дѣло,—во Флоренціи почти безъ всякаго сильнаго потрясенія могъ совершиться важный внутренній переворотъ. Но въ массахъ началось уже опасное броженіе, и одна минутная тревога едва было не испортила всего плана миролюбивыхъ посредниковъ. Въ народѣ слова Клариссы перетолкованы были въ другую сторону; увѣряли, что она требовала отъ Ипполита и Александра, чтобы они немедленно очистили дворецъ Медичисовъ, прибавляя, что домъ Козьмы I никогда не былъ конюшнею, и т. п. Сколько подобныя рѣчи льстили грубому вкусу и ненависти одной партіи, столько же возбуждали негодованія въ другой. Тревога увеличилась еще болѣе, когда неподалеку отъ той комнаты, гдѣ Клариса держала диспутъ съ опальными членами своего дома, раздался выстрѣлъ,—неизвѣстно, сдѣланный ли случайно, или съ какимъ намѣреніемъ. Кларисса сама не могла освободиться отъ безпокойнаго чувства, и жалуясь, что ее гонятъ изъ отеческаго дома, вышла изъ него задними дверьми и искала себѣ убѣжища въ домѣ Джованни Джинори. Опасность висѣла впрочемъ не столько надъ нею самою, сколько надъ головою ея молодыхъ редственниковъ, которые могли сдѣлаться жертвою народной ярости. По счастію, мессеръ Оттавіано успѣлъ скоро успокоить ее, и она опять согласилась возвратиться въ фамильный дворецъ. Гонимые надѣялись еще найти себѣ заступленіе въ Филиппѣ Строцци, который также не замедлилъ явиться во Флоренцію, вслѣдъ за своею женой. Боязнь разрыва съ папою въ самомъ дѣлѣ подавляла въ немъ всякое чувство вражды; если бы онъ даже и желалъ остановить движеніе, то былъ бы не въ состояніи, какъ по своимъ личнымъ свойствамъ, такъ и по тѣмъ малымъ средствамъ, которыя могли быть въ его распоряженіи. Улицы, которыми онъ долженъ былъ проходить отъ своего дома ко дворцу Медичисовъ, уже наполнены были вооруженными людьми; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставлены были даже орудія. Малѣйшее неосторожное движеніе со стороны партизановъ гонимой фамиліи послужило бы сигналомъ къ кровопролитной схваткѣ между гражданами. Филиппъ отказался отъ несвойственной ему роли, и молодые Медичисы должны были покориться своей участи.

Благодаря этой уступчивости, или скорѣе упадку духа и совершенному недостатку рѣшимости со стороны членовъ и приверженцевъ господствовавшей фамиліи, дѣйствительно можно было надѣяться, что переворотъ обойдется безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и кровопролитія. Собрался большой народный совѣтъ, столько лѣтъ уже невиданный во Флоренціи, и дѣйствовавшая до сихъ поръ синьорія мирно сложила съ себя свою власть. Мѣсто ея заступила другая, гораздо менѣе благопріятная Медичисамъ. Верхъ, одержанный ихъ противниками сначала во дворцѣ, а потомъ въ синьоріи, доставилъ послѣднимъ полную побѣду и въ цѣломъ городѣ. Притомъ не было пролито ни одной капли крови, и даже не раздалось ни одного выстрѣла. Съ другой стороны, всѣ дѣйствія лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ народнаго движенія, запечатлѣны были духомъ истинно великодушной умѣренности. Никакихъ суровыхъ мѣръ, бывшихъ до сихъ поръ въ обычаѣ противъ опальныхъ, не хотѣли принять даже противъ наличныхъ членовъ гонимой фамиліи. Ипполитъ, Александръ и Катерина Медичи могли, если хотѣли, оставаться въ городѣ, и никому не были обязаны никакимъ отчетомъ въ событіяхъ, которыя произошли послѣ 1512 года, или возвращенія Медичисовъ во Флоренцію; ихъ частное имущество поставлено было подъ защиту законовъ, и сверхъ того, не въ примѣръ другимъ, имъ обѣщана была свобода отъ налоговъ. Можно ли было требовать большаго великодушія со стороны гордыхъ своимъ успѣхомъ побѣдителей?

Республика была бы очень счастлива, если бы совершившійся въ ней переворотъ до конца сохранилъ свой умѣренный характеръ. Но происходившее въ ней явленіе было столько же безпримѣрное въ тосканскихъ лѣтописяхъ, сколько и обманчивое. Въ движеніи, которое кончилось вторичнымъ низложеніемъ Медичисовъ, участвовали самые разнородные элементы общества. Сначала между ними не было замѣтно никакого раздѣленія. Во главѣ движенія стояли избранные члены общества, принадлежавшіе къ лучшимъ городскимъ фамиліямъ: они несли на себѣ всю отвѣтственность и увлекали за собою послушныя массы. Къ сожалѣнію, какъ бываетъ обыкновенно во время всякаго общественнаго переворота, вмѣстѣ съ законными требованіями въ народѣ возбуждены были самыя неумѣренныя притязанія. Чѣмъ успѣшнѣе дѣло шло впередъ, тѣмъ болѣе опасныя страсти разыгрывались въ заднихъ слояхъ общества. Предводителямъ движенія надобно было

въ одно и то же время бороться съ усиліями противной партіи, естественно желавшей возвратить потерянное ею положеніе, и сдерживать неумѣренные порывы массъ, которыя искали удовлетворенія своимъ жестокимъ инстинктамъ. Нужна необыкновенно крѣпкая, ловкая и неистощимая на средства рука, чтобы во время подобнаго бурнаго волненія благополучно провести государственный корабль между сциллою и харибдою, нужно имѣть кормчему въ особенности адамонтовую твердость духа и силу воли, чтобы въ опасную минуту не выпустить изъ рукъ руля и не отдаться обманчивому влеченію народной волны. Исторія знаетъ немного подобныхъ подвиговъ, но имена тѣхъ, которымъ они удались, врѣзаны неизгладимыми чертами на страницахъ ея лѣтописей. Во Флоренціи не нашлось такой руки, когда въ ней чувствовалось наиболѣе нужды. Всегда плодовитая на таланты разнаго рода, она и въ эту пору считала, въ рядахъ своихъ гражданъ, нѣсколько первоклассныхъ дарованій, которымъ немного было равныхъ во всей современности; но руки, мощной мужеской руки, которая бы по своей волѣ могла двигать всею государственною машиной, ей недоставало до конца ея независимаго политическаго существованія. Оттого, когда движеніе поднялось снизу, когда заколебались самыя массы, прежнее равновѣсіе между партіями было нарушено, и никакія границы не казались уже довольно широкими, чтобы можно было надѣяться сдержать въ нихъ народное своеволіе.

Уже самыя первыя рѣшенія новой синьоріи, которая, низлагая Медичисовъ, предоставляла имъ впрочемъ пользоваться гражданскими правами въ республикѣ, возбудили неудовольствіе въ народѣ. Въ этой умѣренности своихъ правителей массы видѣли только неумѣстное послабленіе и излишнюю поблажку въ отношеніи къ тѣмъ, на кого они смотрѣли какъ на своихъ враговъ. Народный ропотъ видимо возросталъ, волненіе увеличивалось. Это было первое испытаніе для новой синьоріи. Дѣло правителей было защищать свою мѣру, отстаивать ее даже съ опасностію своей жизни противъ мстительныхъ инстинктовъ толпы, но они сочли за лучшее для себя немедленно уступить ея требованіямъ. Никколо Каппони и Филиппъ Строцци, явившись къ кардиналу Пассерини, убѣдительно просили его—вмѣстѣ съ обоими юношами какъ можно скорѣе оставить Флоренцію. Не находя для себя болѣе никакой опоры въ городѣ, кардиналъ и молодые Медичисы принуждены были отправиться въ изгнаніе. Передъ отъѣздомъ

съ нихъ взяли обѣщаніе, что они сдадутъ новому правительству и всѣ остававшіяся въ ихъ рукахъ укрѣпленія. Эта первая уступка обличила слабость правителей и придала еще болѣе смѣлости крайней партіи. Едва только Медичисы выѣхали изъ города, какъ народъ бросился къ ихъ дому, съ явнымъ намѣреніемъ предать его расхищенію. Хотя съ большимъ трудомъ, Никколо Каппони удалось еще отвратить это насиліе; но народное волненіе послѣ того уже не утихало. На другой же день распространилась въ городѣ вѣсть, будто папа освободился отъ своего заключенія въ замкѣ, и Медичисы, ведя за собою многочисленное войско, находятся уже на пути къ Флоренціи. Подобные слухи, какъ ни мало были они основательны, увеличивали волненіе въ народѣ и внушали ему еще болѣе недовѣрчивости къ правителямъ. Еще дѣло пока не дошло до явнаго насилія, и новая синьорія продолжала удерживать за собою власть, которая досталась ей вслѣдствіе переворота; но взаимное довѣріе между партіями было уже подорвано, и какъ сторона, до сихъ поръ заправлявшая движеніемъ, теряла всякую энергію по мѣрѣ того, какъ возрастала сила и дерзость другой, то не трудно было предвидѣть, что при первомъ сильномъ дыханіи бури народныя волны разольются по всей поверхности и разрушатъ всѣ основанія недавно установленнаго, но еще не окрѣпнувшаго порядка.

Кларисса Строцци своею излишнею самонадѣянностію нѣсколько ускорила приближеніе этой роковой минуты. Когда, бѣжа народнаго гнѣва, молодые Медичисы выѣхали изъ города, она также нашла неблагоразумнымъ оставаться долѣе въ наслѣдственномъ дворцѣ своихъ предковъ и переселилась въ домъ своего мужа. Но тамъ скоро овладѣло ею душевное безпокойство. Она чувствовала себя въ состояніи играть роль въ происходившихъ передъ нею событіяхъ, она знала, что даже народная ненависть отличаетъ ее отъ другихъ членовъ гонимой фамиліи, и уступая овладѣвшему ею нетерпѣнію, рѣшилась снова занять постъ, который, казалось, указанъ былъ ей самою судьбою. Къ чести Клариссы надобно прибавить, что, думая о себѣ, она вспомнила также о своей племянницѣ, которая оставалась забытою всѣми въ монастырѣ Санта-Лучіа, взяла ее къ себѣ и вмѣстѣ съ нею помѣстилась вновь во дворцѣ Медичисовъ. Почти запустѣвшій домъ мало-по-малу опять началъ наполняться людьми. Вѣрный Оттавіано впрочемъ и не покидалъ его ни на минуту, ревностно блюдя за фамильными сокровищами. Теперь же, когда здѣсь поселилась

Кларисса, нерѣдко появлялся сюда и кардиналъ-архіепископъ Ридольфи, какъ извѣстно, состоявшій также въ родствѣ съ Медичисами, а вслѣдъ за нимъ мало-по-малу стали показываться и другіе знатные граждане, находившіеся съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Народъ подозрительными глазами смотрѣлъ на это сходбище и, кажется, видѣлъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. До слуха Никколо Каппони нѣсколько разъ доходили прямо изъ толпы предостереженія, которыя всего менѣе могли расположить его къ душевному спокойствію. „Смотри“, говорили ему одни, „чтобы тебя тамъ не изрѣзали въ куски„. „Вы перемѣнили только посуду“, прибавляли многозначительнѣе другіе: „а народъ хочетъ, чтобъ и вино было новое“. Было ясно, что народная ненависть, питаемая вновь возникшими подозрѣніями, мало-по-малу обращалась и на остальныхъ членовъ той же фамиліи. Своимъ неосторожнымъ поведеніемъ Кларисса сама подала противъ себя оружіе врагамъ. На бѣду ея, Филиппъ Строцци также заподозрилъ себя въ глазахъ демократовъ, допустивъ изгнанниковъ бѣжать изъ Пизы въ Лукку, прежде чѣмъ они сдали находившіяся въ ихъ рукахъ укрѣпленія. Извѣстіе о бѣгствѣ Ипполита и Александра бросило въ глазахъ толпы черную тѣнь на всю фамилію. Хотя слово „измѣна“ и не было еще никѣмъ произнесено, но при одной уже мысли о томъ, что Строцци втайнѣ дѣйствуетъ заодно съ Медичисами, народъ пришелъ въ такое волненіе, что затѣмъ надобно было ожидать неминуемаго взрыва. Въ предчувствіи близкой бѣды, всѣ остальные обитатели медицейскаго дворца спѣшили заблаговременно покинуть его и искали себѣ болѣе безопаснаго убѣжища. Кардиналъ-архіепископъ нашелъ себѣ пріютъ въ сосѣднемъ домѣ Мартелли, а Кларисса, возвращая Катерину снова въ монастырь Санта-Лучіа, искала тамъ крова и защиты не только для своей племянницы, но и для себя самой. Даже вѣрный Оттавіано принужденъ былъ оставить свой постъ и выѣхать изъ дома, котораго онъ до сей поры былъ неизмѣннымъ стражемъ.

Еще держалась впрочемъ синьорія, составленная вновь подъ господствующимъ вліяніемъ знатныхъ городскихъ фамилій. Чтобы въ предстоявшей борьбѣ съ мятежемъ противопоставить силу силѣ, умѣренная партія рѣшилась ввѣрить исполнительную власть въ однѣ руки и провозгласила Никколо Каппони гонфалоньеромъ. Лучшаго выбора, повидимому, нельзя было сдѣлать: Никколо былъ тогда самое популярное лицо въ

Флоренціи. Но онъ не рожденъ былъ для тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда республика. Едва послѣдовало его назначеніе, какъ уже весь городъ былъ въ полномъ возстаніи. Казалось, побитая партія Савонаролы, спустя много лѣтъ послѣ ея пораженія, опять возстала въ прежнемъ своемъ составѣ. На этотъ разъ ей дѣйствительно принадлежало численное большинство и слѣдовательно перевѣсъ вліянія. Она привлекла къ себѣ сверхъ того многія изъ лучшихъ фамилій въ городѣ, чѣмъ еще болѣе ослабила силы своихъ противниковъ. Многимъ казалось, что возвратились времена вдохновеннаго доминиканца. Рѣшенія синьоріи слѣдовали одно за другимъ, но не находили себѣ ни повиновенія, ни исполнителей. Когда нужно было дѣйствовать энергически, новый гонфалоньеръ думалъ, что еще не ушло время для примиренія и надѣялся достигнуть его кроткими мѣрами. Мятежъ между тѣмъ разлился по всѣмъ улицамъ и скоро перешелъ въ открытое буйство. Ярость его прежде всего обратилась противъ дворца Медичисовъ. Уничтоживъ наружные щиты съ гербами фамиліи, мятежники ворвались во внутренность дома и тамъ продолжали дѣло разрушенія. Нигдѣ не встрѣчая противъ себя другой общественной силы, которая бы могла внушить къ себѣ уваженіе, они перенесли потомъ свое неистовство въ самыя церкви, чтобъ и въ нихъ не оставить никакихъ памятниковъ ненавистной фамиліи. Впрочемъ и эта необузданная ярость была не такъ слѣпа, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда: она еще умѣла выбирать. Такъ въ монастырѣ Аннунціаты, стѣны котораго до сихъ поръ хранятъ въ себѣ столько живыхъ воспоминаній о временахъ Медичисовъ, предметами народной ярости сдѣлались особенно статуи Льва X и Климента VII: онѣ были разбиты въ куски.

Среди этихъ событій новая синьорія обнаружила только свое крайнее безсиліе.. Она ничего не въ состояніи была сдѣлать, чтобъ обуздать дикое своеволіе демократіи, и предчувствуя свое неизбѣжное паденіе, равнодушно видѣла, какъ власть уходила отъ нея въ другія руки. Республика опять возвращалась къ тому безпокойному состоянію, въ которомъ жизнь ея слагалась изъ постоянныхъ тревогъ и волненій, потому что происходившее въ ней броженіе не оканчивалось еще преобладаніемъ той партіи, которая вела свое начало отъ приверженцевъ Савонаролы. За нею стояла другая, еще болѣе крайняя, дождавшаяся своей очереди, чтобы поставить свою волю закономъ государству. Это были такъ называемые

аррабіаты, которые въ борьбѣ съ Савонаролою нѣсколько разъ имѣли случай обнаружить свою непримиримость. Но прежде чѣмъ республика испытала вновь ихъ тяжелое господство, ей готовилось уже страшное мщеніе со стороны. Климентъ VII былъ глубоко возмущенъ событіями, происходившими во Флоренціи. Болѣе всего оскорблено было его самолюбіе тѣмъ, что̀ произошло въ монастырѣ Аннунціаты. Узнавъ, что народъ осмѣлился наложить руку на изваянія какъ его предшественника, такъ и его собственное, Климентъ вышелъ изъ себя и поклялся, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока униженная Флоренція не отворитъ передъ нимъ своихъ воротъ. Мстительная и въ то же время холодная душа его способна была выполнить эту горькую угрозу надъ отечественнымъ городомъ. Для того не усомнился онъ измѣнить свою внѣшнюю политику, для того согласился простить Карлу V самое разграбленіе Рима его наемниками и подать руку на тѣсный союзъ съ тѣмъ, въ комъ видѣлъ опаснаго врага для независимости цѣлой Италіи, чтобы только скорѣе имѣть въ своихъ рукахъ средства отмстить Флоренціи! Уже заключая съ императоромъ свой мирный договоръ, онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы флорентинцы были исключены изъ него, то-есть лишены благодѣяній мира,—и какъ только представилась первая возможность, то же буйное ополченіе наемниковъ всякаго рода, которое недавно еще безчинствовало въ Римѣ, по указанію папы направилось къ его отечественному городу, грозя ему страшною карою. Такъ руками Медичисовъ заготовлены были въ новомъ Римѣ цѣпи на свободу Флоренціи. Ту же участь терпѣла древняя Тоскана отъ стараго Рима, съ тою только разницею, что она не имѣла своихъ Медичисовъ.

Таковы были событія, среди которыхъ Катерина Медичи провела свое дѣтство и достигла десятилѣтняго возраста. О ней самой, объ ея личной жизни въ эти годы дошли до насъ лишь самыя односложныя извѣстія. Такъ мы видѣли, что едва прошло нѣсколько дней послѣ ея рожденія, какъ она лишилась семьи и крова; что воспитаніе ея началось въ монастырѣ; что гражданскія бури и тамъ не оставили въ покоѣ ея дѣтства; что на нѣкоторое только время маленькая дукессина была пригрѣта участіемъ своей тетки, которая взяла ее съ собою даже во дворецъ Медичисовъ, но что скоро потомъ новыя тревоги заставили не только ребенка, но и самую его покровительницу опять искать убѣжища въ томъ же монастырѣ. Кларисса Строцци не пережила долго удара, который былъ на-

несенъ ея новымъ надеждамъ и наслѣдственной гордости: она умерла въ началѣ мая 1528 года, горько оплакиваемая своимъ мужемъ, который часто находилъ въ ней опору для своей слабой воли. Похоронивъ жену, Филиппъ уѣхалъ въ Ліонъ, будто за тѣмъ, чтобъ устроить тамъ свои торговыя дѣла, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ унести куда-нибудь подальше свою голову отъ начинавшихся смутъ, въ которыхъ онъ самъ не надѣялся играть никакой роли. Послѣ того наслѣдница славнаго имени осталась совершенно одна, безъ родственниковъ и покровителей,—лишеніе тѣмъ болѣе важное, что для Флоренціи наступала пора тяжелыхъ испытаній, среди которыхъ трудно было устоять даже съ зрѣлою волею и съ твердыми, вполнѣ установившимися убѣжденіями.

Отъ самой Катерины не осталось изъ этой эпохи ни малѣйшаго письменнаго памятника. Да и чего можно хотѣть отъ десятилѣтняго возраста? отъ ребенка этихъ лѣтъ какихъ ожидать письменныхъ выраженій его чувствъ и мыслей? Но о воспитаніи его тѣмъ не менѣе можно судить по нѣкоторымъ даннымъ съ большою вѣроятностію. Прежде всего — по отрицательному методу. Читатель видитъ, какъ мало было здѣсь мѣста и матеріала для развитія женской нѣжности и чувствительности. Случается, что ребенокъ, потерявшій семью и предоставленный самому себѣ, рано начинаетъ жить внутреннею жизнію. Съ дукессиною не могло быть и этого. Едва только для нея наступилъ возрастъ, когда она могла нѣсколько понимать себя, какъ начался политическій кризисъ, въ которомъ она осуждена была играть самую страдательную роль. Ей некогда было даже задуматься, сосредоточиться въ себѣ: для того у нея не было довольно внѣшняго покоя. Какъ мы видѣли, Катерину то-и-дѣло переводили изъ одного мѣста въ другое, или, пожалуй, передавали ея съ однѣхъ рукъ въ другія. Домашняя школа не удалась, такъ за то рано, даже слишкомъ рано началась для Катерины политическая школа. Ибо воспитаніе не слагается изъ однихъ только уроковъ въ собственномъ смыслѣ: въ ту пору, когда всѣ впечатлѣнія еще такъ свѣжи и сильны, ни одно внѣшнее событіе не проходитъ даромъ для молодого ума: оно оставляетъ въ немъ глубокій слѣдъ, хотя и не вдругъ доходитъ до сознанія. Катерина, прежде чѣмъ могла знать, что̀ такое политическія партіи, чуть не каждый день видѣла вокругъ себя ихъ волненіе и отчасти на себѣ самой испытала ихъ неумѣренность. Страхъ передъ ними былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ

и вмѣстѣ постоянныхъ чувствъ въ ней. Не видно, чтобы въ ребенкѣ могла образоваться какая привязанность. Не знаемъ даже, было ли, среди этихъ безпрестанныхъ смутъ, интригъ и взаимныхъ обвиненій между партіями, какое мѣсто для того чувства, которое, такъ сказать, всасывается съ молокомъ матери, то-есть для любви къ отечеству. Если бы Катерина по крайней мѣрѣ могла видѣть чаще добрые примѣры! Но вся сцена передъ нею занята была сплошь политическимъ дѣйствіемъ и нераздѣльными съ нимъ интригами. Политическія страсти проникли даже въ стѣны монастырей. Этотъ обычай ввелся во Флоренціи со времени Савонаролы. Монахини Санта-Лучіи, которымъ ввѣрено было воспитаніе Катерины, также раздѣлялись на два лагеря и нерѣдко вели между собою горячіе политическіе споры. Тогда какъ однѣ изъ нихъ продолжали доброхотствовать Медичисамъ, въ которыхъ видѣли единственное спасеніе для государства, нетерпѣливый патріотизмъ другихъ требовалъ немедленнаго удаленія ихъ изъ города. Эти сцены Катерина безпрестанно видѣла передъ собою. Хотѣла ли она примѣровъ на сторонѣ? Передъ нею былъ примѣръ главы рода, старшаго члена фамиліи и главнаго защитника его интересовъ, страшный примѣръ Климента VII, который со всѣхъ сторонъ подкапывался подъ свободу своего родного города, чтобы на развалинахъ его возвысить власть своего дома... По истинѣ, это былое самое печальное дѣтство!

III.

Обстоятельства расположились очень несчастливо для Флоренціи. Изъ нихъ самое бѣдственное конечно было то, что она нажила себѣ опаснаго врага въ римскомъ епископѣ. О нравѣ его достаточное понятіе можетъ дать Гвиччардини, который, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, имѣлъ случай знать Климента VII ближе другихъ современныхъ историковъ, и наконецъ видѣлъ его насквозь. Климентъ былъ человѣкъ души холодной и въ то же время весьма доступной страху. Если онъ когда и дѣлалъ уступки, то единственно изъ страха, а отнюдь не вслѣдствіе добраго расположенія или благосклонности къ людямъ. Онъ былъ скупъ, ни въ чемъ не былъ благонадеженъ, и вообще не отличался природнымъ расположеніемъ дѣлать добро. Такими непривлекательными чертами рисуетъ его Гвиччардини. Другой флорентинскій историкъ,

Варки, въ немногихъ словахъ подтверждаетъ то же сужденіе, прибавляя еще отъ себя, что онъ былъ человѣкъ мелкой души [1]). Тутъ, очевидно, нельзя было разсчитывать ни на какія благородныя душевныя движенія; тутъ не было мѣста ни признательности, ни великодушію. Быть въ близкихъ сношеніяхъ съ Климентомъ и не заслужить его немилости значило уже не быть пасынкомъ счастія. Но бѣда тому, кто имѣлъ неосторожность оскорбить его самолюбіе и навлечь на себя его гнѣвъ! Тотъ могъ еще ожидать себѣ спасенія отъ случая или отъ помощи сильнаго союзника, но только не пощады и снисхожденія со стороны оскорбленнаго.

Не вдругъ впрочемъ Климентъ VII рѣшился принести Флоренцію въ жертву своей мстительности. Нѣкоторое время на сердцѣ у него лежала другая тяжелая обида, которая была тѣмъ чувствительнѣе, что разразилась надъ нимъ громовымъ ударомъ и застигла его нисколько не приготовленнаго. Въ своей собственной резиденціи, въ столицѣ цѣлаго католическаго міра, папа вдругъ увидѣлъ себя плѣнникомъ императора и былъ свидѣтелемъ разграбленія Рима его войсками. Если бы въ рукахъ Климента были какія-нибудь средства для возмездія за нанесенную ему обиду! Но къ его несчастію, всѣ выгоды внѣшняго положенія и матеріальныхъ средствъ были на сторонѣ его врага. Ватиканскіе громы давно притупѣли; да и благовременно ли было пользоваться ими, когда новое религіозное ученіе, возникшее на сѣверѣ, каждый годъ дѣлало новые успѣхи въ Германіи, и когда единственнымъ надежнымъ оплотомъ противъ его распространенія казалось могущество нѣмецкаго императора? При всей своей чувствительности къ обидамъ, Климентъ VII, говоритъ тотъ же историкъ, былъ крайне остороженъ и осмотрителенъ въ дѣйствіяхъ и зналъ тайну владѣть собою. Уступая желѣзной необходимости, онъ умѣлъ проглотить римское оскорбленіе, то-есть подавить возбужденное имъ чувство въ душѣ своей, конечно до другого, болѣе благопріятнаго времени. Но чѣмъ меньше страсть его находила себѣ удовлетворенія въ одномъ направленіи, тѣмъ больше являлась необходимость отыскать для нея выходъ въ другую сторону. Ядъ отъ одной, еще не закрывшейся раны, незамѣтно переливался къ другой. Но прежде чѣмъ перенести свою мстительность на флорентинцевъ, Клименту еще надобно было переломить себя въ отношеніи къ тому, кто, намѣ-

[1]) См. Guicci ardini, l. XX; Varchi, XIV.

ренно или ненамѣренно, былъ однако главнымъ виновникомъ разграбленія Рима.

Повидимому, это былъ для Климента самый трудный шагъ въ жизни. Никогда еще побѣда надъ собою не доставалась ему такъ тяжело. Оттого надолго отсрочился и самый часъ его мщенія отечественному городу. Нельзя было много задумываться надъ открытіемъ первыхъ сношеній съ Карломъ V или его намѣстниками въ Италіи, послѣ взятія Рима. Того требовало настоятельно личная безопасность папы и желаніе его какъ можно скорѣе освободиться отъ стѣснительнаго и вмѣстѣ столь позорнаго плѣна. Гораздо труднѣе было потомъ перейти отъ этихъ, крайнею необходимостію вынужденныхъ сношеній къ тѣсному союзу съ императоромъ [1]. Но тутъ помогли частію обстоятельства, частію же нѣкоторые искусные посредники. Къ первымъ надобно причислить тѣ несчастія, которыя постигли французское войско, подъ начальствомъ Лотрека, на походѣ его въ Италію. До сихъ поръ папа видѣлъ въ королѣ французскомъ самаго вѣрнаго своего союзника и надежнаго защитника. Нѣкоторое время онъ могъ даже надѣяться найти въ немъ и своего мстителя. Но смерть Лотрека и несчастный исходъ всего предпріятія сильно подорвали эти надежды. Между тѣмъ во Флоренціи, которая продолжала держаться союза съ Франціею, торжествующая демократія все больше и больше ожесточалась противъ Медичисовъ. По изгнаніи Александра и Ипполита и по смерти Клариссы Строцци, тамъ оставалась еще племянница папы, такъ рано лишившаяся почти всѣхъ своихъ покровителей. Какъ мы знаемъ, пріютомъ для нея во Флоренціи служилъ нѣкоторое время монастырь Санта-Лучіи; но уже въ декабрѣ 1527 года, когда эпидемія, свирѣпствовавшая въ городѣ, проникла и въ это тихое убѣжище, маленькая дукессина переведена была въ другой, болѣе отдаленный монастырь Delle Murate, помѣщавшійся близь самой городской стѣны. Неизвѣстно, кому собственно обязана была Катерина этимъ заботливымъ вниманіемъ къ ея положенію; достовѣрно только то, что въ переводѣ ея изъ одного монастыря въ другой принималъ непосредственное участіе французскій посланникъ, находившійся тогда во Флоренціи. Въ этихъ обстоятельствахъ Климентъ былъ совершенно въ правѣ желать и требовать отъ флорентинцевъ, чтобы они отпустили племянницу его въ Римъ. Къ сожалѣнію, требованіе его встрѣ-

[1]) Segni, Storie fiorentine, l. I, ad an. 1527.

тило себѣ сильное противорѣчіе въ крайней партіи. Предвидя себѣ постояннаго врага въ Климентѣ, флорентинскіе демократы не безъ основанія думали, что, получивъ возможность располагать рукою своей племянницы, онъ употребитъ ее орудіемъ новыхъ политическихъ связей, и упорствовали въ своемъ намѣреніи удержать ее у себя вмѣсто залога [1]). Такъ уже въ самой ранней молодости Катеринѣ суждено было послужить яблокомъ раздора между своимъ отечественнымъ городомъ и главнымъ представителемъ своей фамиліи. Понятно, что поведеніе флорентинцевъ не могло расположить Климента къ миролюбію. Напротивъ оно произвело въ немъ внутреннее волненіе, которое, все болѣе и болѣе отвлекая его мысли отъ римской обиды, сосредоточивало ихъ на флорентинскихъ событіяхъ. Этою минутой воспользовались искусные посредники, изъ которыхъ первый былъ Антоніо Муссетола, неаполитанскій посланникъ при римскомъ дворѣ, чтобы погасить въ Климентѣ остатки вражды его къ цезарю, или обратить пламя ея въ другую сторону.

Для успѣха замысла минута выбрана была самая благопріятная. Папа въ самомъ дѣлѣ скоро началъ склонять свой слухъ къ льстивымъ рѣчамъ посредниковъ, которые ничего еще не говоря о союзѣ съ имперіею, старались по крайней мѣрѣ внушить ему желаніе войти въ непосредственныя сношенія съ императоромъ. Почему знать? быть-можетъ самое желаніе очистить свою совѣсть передъ римскимъ престоломъ расположитъ цезаря искать случая оказать папѣ ту или другую важную услугу. Всего скорѣе онъ могъ услужить Клименту въ начинавшейся борьбѣ его съ флорентинцами. Безъ императора едва ли даже можно было помышлять о ней... Прошло еще нѣсколько времени, и сношенія между Климентомъ VII и Карломъ V были въ полномъ ходу. Они ведены были главнымъ образомъ черезъ Николая Шомберга, епископа капуанскаго, который нарочно для того отправленъ былъ папою въ Испанію. Въ дипломатическомъ искусствѣ посланнаго не могло быть сомнѣнія, и потому не трудно было предвидѣть заранѣе, что изъ сношеній, которыхъ онъ служилъ органомъ, скоро образуется тѣсный союзъ. Одно обстоятельство впрочемъ замедлило еще на нѣкоторое время его заключеніе. Подавая руку на союзъ съ тѣмъ, подъ чьимъ знаменемъ произведенъ былъ штурмъ и грабежъ Рима, папа ставилъ непремѣннымъ условіемъ возстановленіе своей

[1]) Idem, l. II, ad an. 1528.

синьоріи или своего авторитета во Флоренціи. Какъ ни важно было для Карла V помириться съ главою католицизма, онъ однако долго не рѣшался принять предложенное ему условіе мира. Для него еще, какъ видно, слишкомъ нова, непривычна была мысль о томъ, чтобы можно было такъ произвольно обращаться съ цѣлымъ самостоятельнымъ обществомъ и предписывать ему извнѣ какіе угодно законы. Не раздѣляя ненависти Климента къ Флоренціи, онъ еще чувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ правамъ ея, какъ независимаго государства. Если бы флорентинцы захотѣли въ то время польстить Карлу и стали пристальнѣе искать союза съ нимъ, неудивительно, что они успѣли бы еще побѣдить папскую интригу. Но господствующая партія во Флоренціи едва сдѣлала одинъ шагъ, и то гораздо позже, къ сближенію съ императоромъ. Мы еще будемъ говорить о причинахъ, которыя не позволяли республикѣ расположиться въ пользу союза съ имперіею. Это невмѣшательство флорентинцевъ много облегчило трудъ римскаго посланнаго. Еще Карлъ V не успѣлъ выѣхать изъ Испаніи, какъ между нимъ и папою были условлены главные пункты союза, то-есть вѣнчаніе Карла императорскою короной, возвращеніе Милана Сфорцѣ, возстановленіе власти папы въ Романьѣ и главное— униженіе передъ нимъ мятежной Флоренціи. Черезъ нѣсколько времени послѣ того императоръ лично явился въ Италію и остановился въ Генуѣ, гдѣ опять встрѣченъ былъ римскими послами. Между тѣмъ Филибертъ, принцъ Оранжскій, тотъ самый, который командовалъ имперскими войсками во время римскаго грабежа, по вызову папы прибылъ изъ Неаполя въ Римъ для совѣщаній о планѣ будущей кампаніи. Когда потомъ Карлъ V изъ Генуи отправился въ Болонью, гдѣ положено было происходить торжественному его вѣнчанію, Климентъ VII не замедлилъ вслѣдъ за нимъ явиться туда же, и все что еще оставалось между ними нерѣшеннаго, было окончательно улажено при личномъ свиданіи.

Что же дѣлала между тѣмъ Флоренція? Зачѣмъ не старалась она предотвратить этотъ роковой для себя союзъ, или почему сама не искала дружества съ тѣмъ, кто, ставши на сторону ея противника, давалъ ему рѣшительный перевѣсъ въ борьбѣ съ республикою? Политическимъ людямъ Флоренціи, управлявшимъ въ то время ея судьбою, повидимому трудно избавиться отъ упрека, которымъ отзываются эти вопросы; и въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что вина въ послѣднихъ несчастіяхъ Флоренціи главнымъ образомъ ле-

житъ на ея демократіи, которая не была ни довольно предусмотрительна, чтобы запасти себѣ надежныхъ союзниковъ, ни довольно искусна, чтобы разбить составившійся противъ нея союзъ между папою и императоромъ. Обвиненіе такъ важно, что стоило бы разсмотрѣть его вновь еще внимательнѣе. Мы коснемся мимоходомъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его сторонъ. Надобно прежде всего замѣтить, что въ тогдашнемъ положеніи Италіи нечего было и думать той или другой изъ воюющихъ сторонъ обойтись безъ помощи внѣшней, безъ содѣйствія того или другого сильнаго сторонняго союзника. Выборъ впрочемъ былъ только между Франціею и Испаніею, или, если угодно, имперіею. Доселѣ можетъ-быть справедливъ упрекъ, падающій на правителей Флоренціи. Но что бы могло заставить ихъ расположиться преимущественно въ пользу союза съ имперіею? Политическія симпатіи Флоренціи почти постоянно были гвельфскія. Съ гвельфскимъ характеромъ прошла она черезъ весь періодъ борьбы между папскимъ престоломъ и императорскою властію. Или можетъ-быть новая имперія, имѣвшая во главѣ своей Карла испанскаго, пріобрѣла болѣе правъ на сочувствіе флорентинцевъ? Болѣе чѣмъ сомнительно. И личныя свойства знаменитаго Габсбурга, и его политическія правила были вовсе не таковы, чтобы могли пріобрѣсти ему расположеніе флорентинскихъ гражданъ и внушить имъ довѣріе къ нему. Слишкомъ ясно было для всѣхъ намѣреніе Карла V доставить себѣ перевѣсъ и полное преобладаніе въ Италіи. Флоренція, болѣе чѣмъ самая Венеція, имѣла причины опасаться его успѣховъ и усиливающагося вліянія. Времена гибеллинизма прошли, и республика всего менѣе могла ожидать, что найдетъ себѣ въ императорѣ надежнаго союзника въ предстоявшей борьбѣ съ папою. Безразсудно конечно было бы вооружать противъ себя властителя, располагавшаго такими огромными средствами. Но и въ этомъ отношеніи флорентинскіе правители не заслужили себѣ никакого упрека. До самаго послѣдняго времени Карлъ V не имѣлъ никакого особеннаго повода жаловаться на нихъ, и самъ съ своей стороны ничѣмъ не показалъ враждебнаго расположенія къ республикѣ. Флорентинцы до конца не думали прерывать съ нимъ сношеній, и послы ихъ являлись къ нему еще въ Генуѣ, когда онъ находился здѣсь проѣздомъ изъ Испаніи въ Болонью. Даже при этомъ случаѣ Карлъ не выразилъ имъ никакого личнаго неудовольствія; но какъ въ мысли его уже рѣшенъ былъ

союзъ съ Климентомъ, то посламъ и было объявлено, чтобы они прежде всего искали соглашенія съ папою.

Всѣ обстоятельства указывали флорентинцамъ на Францію какъ на естественную союзницу на сторонѣ. Къ ней обращены были надежды республики еще со времени Савонаролы. Начавшееся тогда общеніе между королями Франціи и флорентинскою синьоріей продолжалось и впослѣдствіи. Нѣсколько разъ пройдя Италію завоевателями и вооруживъ противъ себя бо́льшую часть ея правителей, французы умѣли однако избѣжать прямо враждебнаго столкновенія съ Флоренціею. Этого мало: въ послѣднія тридцать лѣтъ, когда оба народа болѣе ознакомились между собою, между ними образовались даже узы взаимной благосклонности. Итакъ что́ удивительнаго, если первою мыслію флорентинцевъ послѣ разрыва съ папою было скрѣпить вновь свой прежній союзъ съ Франціею? Въ ожиданіи грозы со стороны Рима, въ комъ могли они скорѣе искать себѣ опоры, какъ не въ своемъ старомъ союзникѣ? Въ рѣшеніи ихъ не было ничего легкомысленнаго или безразсуднаго: ибо впечатлѣніе, оставленное въ итальянскихъ сердцахъ пораженіемъ французовъ при Павіи, начинало уже сглаживаться, и успѣхи Лотрека въ сѣверной Италіи опять возвысили славу французскаго оружія между туземцами. Небольшое число гражданъ, которые стояли за союзъ съ императоромъ, конечно также имѣли за себя благовидныя основанія. Сравнивая средства и личный характеръ обоихъ царственныхъ соперниковъ, они были въ правѣ отдавать преимущество Карлу V, какъ болѣе могущественному, постоянному и благоразумному; кромѣ того послѣднія римскія событія естественно располагали къ той мысли, что Климентъ VII не иначе долженъ смотрѣть на императора, какъ на своего врага. Но, во-первыхъ, споръ между Карломъ и Францискомъ далеко еще не былъ конченъ, и военное счастіе такъ же легко могло измѣнить первому, какъ оно служило ему до сихъ поръ; далѣе извѣстно было, что императоръ отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность во взятіи Рима и слагалъ всю вину на необузданность войска, такъ что было бы слишкомъ преждевременно заключать о невозможности скораго примиренія между нимъ и папою. Сколько разъ въ рукахъ искусныхъ дипломатовъ самыя дурныя отношенія превращались въ основанія для тѣснаго союза! но хуже всего было то, что немногочисленные партизаны союза съ императоромъ или принадлежали къ явнымъ приверженцамъ Медичисовъ, или состояли съ ними въ той или другой степени родства, и потому не могли внушить къ себѣ

никакого довѣрія. Вопреки всѣмъ ихъ доводамъ народъ твердилъ одно, что „лиліи должны процвѣтать съ лиліями“ [1]), и союзъ съ Франціею былъ возстановленъ по волѣ большинства. Допуская даже, что флорентинцы въ этомъ случаѣ нѣсколько погрѣшили противъ требованій политическаго благоразумія, нельзя однако не отдать должной справедливости ихъ постоянству въ политикѣ: они остались вѣрны своимъ прежнимъ симпатіямъ, пока не получили никакого новаго повода отступиться отъ нихъ и стараться замѣнить ихъ другими. Когда же наконецъ императоръ открыто принялъ сторону ихъ заклятого врага, тогда самая нужда заставляла ихъ еще крѣпче держаться союза съ Франціею.

Менѣе всего можно поставить самимъ флорентинцамъ въ вину, что имъ суждено было обмануться въ тѣхъ надеждахъ, которыя они въ правѣ были возлагать на этотъ союзъ. Крайняя флорентинская партія такъ же мало, какъ и умѣренная, могла отвѣчать за то, что новая французская армія, пройдя побѣдоносно черезъ всю Италію, вскорѣ потомъ потеряла своего предводителя, и частію отъ болѣзней, частію отъ пораженій, почти вся погибла въ южныхъ предѣлахъ полуострова. Если республика и послѣ того не измѣнила своихъ отношеній къ прежнему союзнику, если, напротивъ, эти несчастія послужили для нея только новымъ побужденіемъ къ сохраненію прежнихъ политическихъ связей [2]), кто захочетъ осудить ее за такое великодушное поведеніе? Если, наконецъ, флорентинцы и тогда продолжали еще надѣяться на Францію, когда она, увѣряя ихъ въ своей неизмѣнной дружбѣ, втайнѣ вела переговоры съ ихъ врагами, кто возьметъ на себя сдѣлать имъ упрекъ въ непредусмотрительности? Извѣстныя всѣмъ рыцарскія качества Франциска I, казалось, были достаточнымъ ручательствомъ если не за постоянство его политическихъ правилъ, то за твердость въ данномъ словѣ. Но рыцарскія правила не могли замѣнить Франциску недостатка врожденной твердости духа. Тяжелыя испытанія, постигшія его войска въ послѣдней кампаніи, были свыше его силъ. Онъ все больше падалъ духомъ съ каждою новою неудачей, и наконецъ думалъ уже не о томъ, чтобы спасти свою честь и сохранить выгоды своихъ союзниковъ, а какъ бы поскорѣе выпутаться изъ войны съ наименьшими для себя пожертвованіями. Извѣстно, что эту услугу

[1]) Gigli con gigli dover fiorire. См. Segni, l. I, ad an. 1527.—[2]) Ibid. 1, p. 110.

оказали ему двѣ „дамы“: мать его Луиза савойская и Маргарита нидерландская, которыя, съѣхавшись въ Камбре́, договорились между собою объ условіяхъ мира, названнаго по сему случаю „дамскимъ“. Изъ иностранныхъ пословъ только папскій нунцій допущенъ былъ присутствовать при заключеніи договора. Подтверждая его, Францискъ не только не хотѣлъ ничего выговорить въ пользу Флоренціи, но еще обязывался особою статьей не подавать ей никакой помощи—безъ согласія папы! Если бы по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ духъ, подписавъ этотъ постыдный для себя договоръ, сдѣлать извѣстнымъ его содержаніе своимъ прежнимъ союзникамъ: тогда они знали бы, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и соображаясь съ обстоятельствами, еще успѣли бы можетъ - быть принять нѣкоторыя чрезвычайныя рѣшенія. Но Францискъ хотѣлъ прикрыть стыдъ измѣны покровомъ тайны, такъ что въ Италіи долгое время не знали настоящаго содержанія камбрейскихъ переговоровъ, и Флоренція почти до конца оставалась въ несчастной увѣренности, что на случай крайней опасности имѣетъ вѣрнаго союзника на сторонѣ, и можетъ разсчитывать на его содѣйствіе.

Въ этомъ несчастномъ расположеніи внѣшнихъ обстоятельствъ, по нашему мнѣнію, заключалось гораздо болѣе рокового для Флоренціи, чѣмъ во внутреннемъ ходѣ событій, предшествовавшихъ ея паденію. Напрасно было бы хотѣть сложить всю вину на флорентинскую демократію. Безъ сомнѣнія, она виновата во многихъ безполезныхъ крайностяхъ и излишествахъ; но ввѣренная другимъ рукамъ оборона республики противъ внѣшнихъ враговъ едва ли была бы ведена съ большею энергіей и служила болѣе вѣрнымъ щитомъ для ея безопасности. Въ Италіи того времени ни одинъ переворотъ и ни одно важное рѣшеніе не могли состояться безъ непосредственнаго участія и воли тѣхъ, которые избрали ее главнымъ поприщемъ своего личнаго соперничества. Какія бы усилія ни употребляла Флоренція, и какъ бы ни были искусны всѣ ея дѣйствія, она была такъ слаба сама по себѣ, что не могла настоять на своей волѣ и отвратить приговоръ, который произнесенъ былъ ей на сторонѣ. Будь она столько счастлива, что та или другая изъ двухъ державъ, соперничествовавшихъ за Италію, взяла бы ея сторону, тогда одна вѣроятность уравновѣшивалась бы другою, и успѣхъ по крайней мѣрѣ столько же могъ входить въ расчетъ, сколько и неудача. Но какъ скоро противъ республики были папа и императоръ, а съ дру-

гой стороны ей втайнѣ измѣнялъ и послѣдній союзникъ, какая была для нея человѣческая возможность не пасть въ неравной борьбѣ?

Перевѣсъ крайней партіи былъ почти неизбѣженъ въ томъ положеніи, въ какомъ находилась тогда республика. Въ томъ состояла сущность послѣдняго флорентинскаго переворота, чтобы, удаляя Медичисовъ, вмѣстѣ съ ними устранить отъ дѣлъ и ихъ приверженцевъ. Но послѣдніе естественно наполняли собою ряды умѣренной партіи. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе усиливалось движеніе, тѣмъ болѣе оно обращалось въ ея невыгоду. Партія же, которая вытѣсняла ее собою, не приносила съ собою привычекъ умѣренности, потому что ихъ не было въ ея природѣ. Была впрочемъ одна минута въ этомъ ходѣ событій, когда рука, столько же искусная, сколько и твердая, могла еще, повидимому, удержать республику на половинѣ рокового склона и избавить ее по крайней мѣрѣ отъ крайностей демократической исключительности. Во власти гонфалоньера, вновь возвышенной народнымъ довѣріемъ, лежалъ зародышъ довольно крѣпкаго и сильнаго авторитета, чтобы сдерживать необузданные порывы страстей. Но средства къ тому заключались не въ самой только власти: многое еще зависѣло отъ выбора лица, которому она была ввѣряема. Избраніе Никколо Каппони гонфалоньеромъ республики, повидимому, не оставляло ничего болѣе желать: по сознанію современниковъ, во Флоренціи не было еще между именитыми ея гражданами человѣка, который бы болѣе былъ достоинъ всеобщаго уваженія и пользовался бы въ равной съ нимъ степени народнымъ довѣріемъ. Но какъ мы уже замѣтили прежде, благородныя и достойныя любви качества преобладали въ Каппони надъ практическими свойствами, столько необходимыми для государственнаго дѣятеля. Въ томъ положеніи, въ какомъ находилась тогда республика, отъ главы ея столько же требовалась способность инищіативы, предпріимчивость и находчивость мысли, сколько духъ, энергія, смѣлость и рѣшительность дѣйствія. Каппони же обыкновенно давалъ опережать себя крайней партіи въ самыхъ смѣлыхъ предположеніяхъ, и когда надобно было дѣйствовать, смотрѣлъ сквозь пальцы на ея излишества и вопіющія злоупотребленія силою. Такимъ показалъ онъ себя въ дѣлѣ Джакопо Аламани, пылкаго юноши изъ знатной фамиліи, который позволилъ себѣ нѣкоторыя излишества, когда проходилъ законъ о всеобщемъ вооруженіи гражданъ, и за то долженъ

былъ поплатиться своею головой: участіе къ нему гонфалоньера выразилось только тѣмъ, что онъ подалъ въ пользу его тайный голосъ, и не сдѣлалъ ничего болѣе для его спасенія. Въ другомъ же случаѣ, когда Пьерфилиппо Пандольфини, одинъ изъ самыхъ необузданныхъ демагоговъ, обратившись къ народу съ рѣчью, открыто возбуждалъ его къ бунту и вызывался самъ вести его на разграбленіе домовъ многихъ знатныхъ гражданъ, эта преступная дерзость такъ же прошла ему безъ всякаго наказанія, какъ и многія другія въ томъ же родѣ, замѣчаетъ современный лѣтописецъ [1]). Считая безплодною жестокостью всякое насиліе противъ частнаго имущества Медичисовъ, Каппони однако допустилъ его конфискацію. Каждая изъ этихъ уступокъ только прибавляла дерзости неумѣренной партіи и роняла въ ея глазахъ единственную законную силу, которая еще могла бы сдерживать ея необузданныя стремленія.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ послѣ вторичнаго изгнанія Медичисовъ изъ Флоренціи. Въ продолженіе этого времени народъ нѣсколько разъ подтверждалъ Никколо Каппони въ званіи гонфалоньера. Но еще не вышелъ послѣдній срокъ, какъ демократы воспользовались первымъ представившимся подозрѣніемъ, чтобы низложить Каппони и произвести новые выборы, болѣе согласные съ ихъ видами. Бывшій гонфалоньеръ, несмотря на свою популярность, едва избѣжалъ пытки и обвиненія въ государственной измѣнѣ. При избраніи преемника ему ясно обозначилось преобладаніе крайней партіи въ республикѣ. Изъ трехъ самыхъ популярныхъ именъ того времени: Томмасо Содерини, Альфонсо Строцци и Франческо Кардуччи, выборъ палъ на послѣднее, именно потому что оно было новое и не возбуждало въ народѣ никакихъ аристократическихъ воспоминаній. Болѣе всего это имя знакомо было слуху Климента VII, которому самые звуки его должны были казаться оскорбленіемъ: ибо за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ нѣкто Бальдассаръ Кардуччи, докторъ правъ, публично называлъ папу тираномъ и отзывался объ его происхожденіи въ такихъ нелестныхъ выраженіяхъ, что Климентъ принужденъ былъ принести на него жалобу республикѣ и требовалъ заключенія его въ тюрьму. Неизвѣстно, принадлежалъ ли Франческо къ одной фамиліи съ Бальдассаромъ, или только случайно сходился съ нимъ въ имени и въ политическомъ направленіи: во

1) См. Segni, ad an. 1528.

всякомъ случаѣ подобный выборъ не заключалъ въ себѣ ничего пріятнаго для папы. Со вступленіемъ въ должность новаго гонфалоньера, для Климента развязывался послѣдній узелъ, который до сихъ поръ мѣшалъ ему рѣшительно дѣйствовать противъ республики. Онъ имѣлъ преданныхъ ему людей между именитыми флорентинскими гражданами и много разсчитывалъ на ихъ содѣйствіе: сюда принадлежали Франческо Веттори, Франческо Гвиччардини, Руберто Аччайоли, и нѣкоторые другіе; но, по замѣчанію современнаго историка, никто изъ нихъ не тронулся бы съ мѣста, пока Никколо Каппони находился во главѣ управленія [1]). Когда же онъ былъ низложенъ, и власть перешла къ непримиримымъ врагамъ Медичисовъ, Климентъ не только получилъ законный предлогъ къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Флоренціи, но и не могъ болѣе сомнѣваться въ содѣйствіи тѣхъ, которые держали сторону прежняго гонфалоньера.

Какъ и слѣдовало ожидать, новой порядокъ вещей внутри республики, начавшійся съ возвышеніемъ Кардуччи, ознаменовался многими насильственными мѣрами. Все рѣже и рѣже слышался голосъ людей умѣренныхъ, между тѣмъ какъ представители крайнихъ мнѣній не стѣснялись болѣе ничѣмъ въ выраженіи своихъ требованій, и дѣйствуя заодно съ исполнительною властію, нерѣдко увлекали за собою и законодательную. Флоренціи, незадолго до ея паденія, пришлось испытать многія крайности исключительнаго демократическаго владычества. Онѣ росли и увеличивались по мѣрѣ того, какъ блокада города со стороны непріятеля становилась тѣснѣе. Никакія выраженія народной ненависти къ Медичисамъ не казались слишкомъ грубыми и неприличными. То она обращалась противъ какой-нибудь великолѣпной виллы, принадлежавшей изгнанной фамиліи, то изливала свою желчь противъ нея въ каррикатурахъ и пасквиляхъ. Болѣе всего доставалось Клименту, лицу отсутствующему. Катерина, которая изъ всѣхъ членовъ фамиліи одна находилась налицо въ городѣ, повидимому избавлена была отъ всѣхъ оскорбленій. Невинный возрастъ дукессины служилъ ей единственнымъ щитомъ противъ нихъ. Лишь въ одномъ упорствовали флорентинцы: они смотрѣли не нее не иначе, какъ на заложницу, и непремѣнно хотѣли удержать ее до конца войны въ стѣнахъ города. Поэтому за ней наблюдали довольно строго и не давали ей сдѣлать ни одного свобод-

[1]) Ibid.

наго шага внѣ монастыря. Впрочемъ, когда блокада подступила ближе къ городскимъ стѣнамъ, имя Катерины стало чаще произноситься на народныхъ сходкахъ. Льстивая угодливость безчеловѣчнымъ инстинктамъ толпы заводитъ иногда слишкомъ далеко. Такъ и въ этомъ случаѣ можно было слышать голоса, которые не стыдясь высказывали мнѣніе, что самое вѣрное средство остановить дѣйствіе батарей принца Оранжскаго было бы привязать наслѣдницу имени Медичисовъ къ крѣпостнымъ зубцамъ и поставить ее цѣлью непріятельскихъ выстрѣловъ. Едва ли даже и тотъ, кто имѣлъ духъ выговорить это варварское предложеніе, серіозно вѣрилъ его исполненію; тѣмъ менѣе могло оно встрѣтить одобренія со стороны правителей города. Въ виду возрастающихъ опасностей, они нашли необходимымъ только перемѣнить мѣстопребываніе Катерины. И въ самомъ дѣлѣ, монастырь delle Murate находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ городской стѣны, что нельзя было поручиться за безопасность жившихъ въ немъ, въ случаѣ новыхъ успѣховъ непріятеля [1]). Плѣнница вѣроятно и сама не пропустила бы случая бѣжать изъ своего заключенія, если бы со стороны помогли ей отворить дверь ея клѣтки. Въ монастырѣ, много облагодѣтельствованномъ въ прежнее время Медичисами, нѣсколько разъ уже замѣчаемы были сильныя симпатіи въ пользу изгнанной фамиліи и горячее участіе въ судьбѣ лицъ, ей преданныхъ и большею частью находившихся въ суровомъ заключеніи. Монахини не довольствовались тѣмъ, что посылали имъ, отъ имени то настоятельницы монастыря, то Катерины, корзины съ разнымъ печеньемъ: ободренныя успѣхами осаждающихъ, онѣ придумали еще болѣе выразительное средство для передачи своихъ чувствъ заключеннымъ. Вынося опорожненныя корзины, тюремный стражъ не разъ находилъ на днѣ ихъ выложенный цвѣтами гербъ Медичисовъ. Извѣстія объ этихъ сношеніяхъ не укрылись отъ „совѣта десяти“ такъ называемыхъ „охранителей свободы“, который вмѣщалъ въ себѣ почти всю исполнительную власть во время войны. Тогда состоялось рѣшеніе совѣта отдѣлить Катерину отъ малонадежной общины delle Murate и перевести ее обратно въ монастырь Санта-Лучіи, котораго обитательницы, вѣрныя доминиканскимъ преданіямъ,

[1]) Положеніе этого монастыря и теперь еще можно видѣть во Флоренціи: мѣсто его въ настоящее время занимаетъ большая государственная тюрьма герцогства. Городская стѣна находится отсюда въ какихъ-нибудь ста шагахъ.

и находясь подъ вліяніемъ сосѣдней обители Санъ-Марко, обнаруживали гораздо болѣе сочувствія къ демократической партіи.

Порученіе это возложено было на Сильвестра Альдобрандини, тогдашняго канцлера и тайнаго секретаря синьоріи. Сильвестръ явился у монастырскихъ воротъ въ сопровожденіи отряда гражданской стражи. Появленіе его привело мирныхъ обитательницъ монастыря въ сильную тревогу. Онѣ думали уже, что для Катерины наступилъ послѣдній часъ, и готовились быть свидѣтельницами разныхъ насильственныхъ мѣръ противъ нея. Съ трудомъ могъ добиться повѣренный синьоріи, чтобы по крайней мѣрѣ выслушали отъ него, въ чемъ состоитъ данное ему порученіе. Наконецъ монахини вывели Катерину къ рѣшеткѣ пріемной комнаты. Дукессина вся была въ черномъ, и волосы у ней были подстрижены по-монашески. Сильвестръ обратился къ ней очень дружелюбно и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ передалъ ей волю правительства. „Ступайте и скажите моимъ повелителямъ и отцамъ", отвѣчала ему Катерина, „что я намѣрена посвятить себя Богу и хочу провести всю жизнь мою съ этими почтенными матерями". Напрасно посланный старался успокоить своихъ собесѣдницъ и разсѣять всѣ ихъ опасенія; напрасно хотѣлъ онъ увѣрить дукессину, что правительство ищетъ только ея безопасности, и что она должна знать, по своему собственному опыту, какого добраго пріема можетъ ожидать себѣ въ Санта-Лучіи. Всѣ увѣщанія его остались совершенно безполезны. Катерина упорствовала въ своемъ намѣреніи, между тѣмъ какъ монахини со слезами умоляли посланнаго предоставить ей самой свободу рѣшенія. Все это кончилось тѣмъ, что онѣ вмѣстѣ упали на колѣна и обратились къ Богу съ горячею молитвой быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Альдобрандини оставалось или уступить, или прибѣгнуть къ насилію. Онъ избралъ первое и отправился донести синьоріи о неуспѣхѣ своего порученія. Правители однако не хотѣли измѣнить своего рѣшенія и послали настоятельницѣ монастыря новое приказаніе отпустить дукессину. Черезъ два дня потомъ тотъ же посланный снова явился у монастырскихъ воротъ. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ со стороны монахинь болѣе готовности покориться волѣ синьоріи. Катерина горько плакала, когда ее вывели къ Альдобрандини, но онъ скоро успокоилъ ее своимъ привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ. Переѣздъ совершился очень тихо и скромно. Простившись съ

сестрами, Катерина сѣла на мула и въ сопровожденіи нѣсколькихъ служительницъ отправилась въ знакомое уже ей убѣжище Санта-Лучіи. Тамъ оставалась она до самаго конца осады Флоренціи.

IV

Надобно отдать ту справедливость Флорентинской республикѣ, что въ минуту опасности, когда сильный врагъ угрожалъ ея независимости, она исполнила свой долгъ передъ отечествомъ и до самаго конца вела неравную борьбу энергически. Всѣ необходимыя мѣры защиты были приняты въ свое время. Еще Каппони былъ гонфалоньеромъ, какъ по настоянію демократической партіи граждане были вооружены и раздѣлены на нѣсколько дружинъ, каждая подъ начальствомъ своего капитана. Демократическій духъ учрежденія виденъ особенно изъ того, что дружины сами выбирали своихъ офицеровъ, начиная отъ капитана и до сержанта. Отъ правительственнаго совѣта назначались лишь особые комиссары и ораторы, на которыхъ лежала обязанность разъ въ мѣсяцъ собирать дружины по церквамъ и говорить имъ рѣчи для поддержанія воинственнаго духа и любви къ свободѣ. Сверхъ того положено было, чтобы разъ въ годъ нарочно для того избранный ораторъ произносилъ рѣчь о томъ же предметѣ передъ цѣлымъ соединеннымъ ополченіемъ. Нѣтъ нужды говорить, что это послѣднее учрежденіе вело ко многимъ злоупотребленіямъ. Подъ вліяніемъ демагоговъ правильныя собранія милиціи превращались въ буйныя сходки, которыя готовы были предписывать свою волю самимъ правителямъ. Всякій между тѣмъ понималъ ясно, что нельзя было и думать бороться съ врагами республики силами одного гражданскаго ополченія. Благоустроенной и опытной въ военномъ дѣлѣ арміи, которая угрожала Флоренціи извнѣ, съ успѣхомъ можно было противопоставить только постоянное войско. Но можно ли было по желанію создать его въ короткій срокъ времени, когда непріятель готовъ уже былъ вступить въ предѣлы республики? Тутъ особенно почувствовалась старая немощь итальянскихъ городовъ, привыкшихъ ввѣрять свою защиту наемникамъ и разучившихся защищаться своими внутренними средствами. Флоренціи также не оставалось другого выбора, какъ поручить оборону своихъ предѣловъ и укрѣпленій какому-нибудь наемному кондотьеру. Нѣ-

которое время большинство колебалось между Эрколе да-Эсте и Малатестой Бальйони, которые изъ всѣхъ предводителей наемныхъ дружинъ пользовались тогда наибольшею извѣстностію въ Италіи. Посредничество французскаго короля, находившагося еще въ союзѣ съ флорентинцами, склонило рѣшеніе на сторону Малатесты. Несмотря на испытанную храбрость этого капитана, нельзя впрочемъ сказать, чтобы флорентинцамъ особенно посчастливился ихъ выборъ. Малатеста составилъ себѣ имя, находясь на службѣ Венеціанской республики; но потомъ онъ распростился съ нею и основалъ свое пребываніе въ Перуджѣ, то-есть въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ Римомъ. Хотя, принявъ предложеніе флорентинцевъ, онъ и поссорился съ папою, но тѣмъ не менѣе и послѣ того оставалось мѣсто подозрѣнію, что сношенія между ними не прекращались вовсе, и что храбрый капитанъ не всегда вѣрно служилъ интересамъ республики. Происходившій отсюда недостатокъ взаимной довѣренности много вредилъ единству дѣйствія и нерѣдко портилъ самыя энергическія рѣшенія защитниковъ города. Вторымъ предводителемъ послѣ Малатесты назначенъ былъ Стефанъ Колонна, также довольно извѣстный своею опытностію въ военномъ ремеслѣ. Подъ начальствомъ этихъ двухъ капитановъ собралось нѣсколько тысячъ отборной италіанской пѣхоты, и эти-то немногочисленные полки составляли почти единственную надежную силу, которая могла быть съ пользою употреблена въ открытомъ бою съ непріятелемъ.

Вслѣдъ за устройствомъ вооруженной силы приступлено было къ возобновленію городскихъ укрѣпленій, ибо ясно было съ перваго взгляда, что опасность не могла ограничиться лишь крайними предѣлами республики. Для этой части своихъ оборонительныхъ распоряженій Флоренція не нуждалась въ чужой помощи. Всегда богатая артистическими талантами, она и на сей разъ легко нашла между своими гражданами довольно изобрѣтательныхъ умовъ, которые могли ей разрѣшить эту трудную задачу своимъ знаніемъ и искусствомъ. Казалось, въ флорентинцахъ ожилъ духъ древнихъ сиракузскихъ гражданъ. Архитекторы и художники спѣшили приложить свои знанія, назначенныя для мирныхъ занятій, къ военнымъ потребностямъ времени. Въ патріотической душѣ Микель-Анджело Буонаротти онѣ какъ будто пробудили новыя силы, до сихъ поръ дремавшія безъ употребленія. На крѣпостныя работы, на возведеніе новыхъ укрѣпленій для защиты родного города, онъ перенесъ весь тотъ жаръ, съ которымъ обыкновенно служилъ до сихъ

поръ художественной дѣятельности. Можно сказать, что придуманный имъ планъ обороны начертанъ былъ тѣмъ же смѣлымъ рѣзцомъ, который прославилъ его какъ ваятеля. Линія укрѣпленій далеко отодвинулась впередъ и захватила окрестныя высоты, командующія городомъ. Новые бастіоны поднялись на вершинахъ Санъ-Миніато и Санъ-Джорджо, и глубокія траншеи прорѣзали ихъ бока. Какъ бы угадывая недостатокъ численныхъ силъ, которыя Флоренція могла выставить противъ непріятеля, геніальный художникъ хотѣлъ множествомъ искусственныхъ преградъ задержать приближеніе къ городу. Но кромѣ созиданія вновь, оборонительныя мѣры требовали также и разрушенія. Много тяжелыхъ жертвъ принесено было флорентинцами въ этомъ отношеніи. Сначала разрушены были всѣ предмѣстія, которыя на большомъ разстояніи тянулись отъ каждыхъ воротъ города и служили естественнымъ его продолженіемъ. Той же участи подверглись и многія богатыя виллы въ окрестностяхъ Флоренціи. Ихъ безъ пощады предавали разоренію, изъ опасенія, чтобы онѣ не послужили опорными пунктами для непріятеля. Примѣру столицы послѣдовали потомъ Пиза, Пистойя, Ареццо и другіе города въ провинціи, безжалостно разоряя всѣ зданія, общественныя и частныя, которыя лежали за городскими стѣнами и могли быть обращены въ свою пользу осаждающими. Послѣднимъ дѣломъ распорядителей было заготовить, на случай продолжительной осады, разнаго рода жизненные припасы. По множеству пунктовъ, которымъ вдругъ угрожала опасность, задача была немаловажная. Но, замѣчаютъ современники, какъ будто само небо сжалилось надъ защитниками Флоренціи: оно послало въ этомъ году весьма обильную жатву, и трудъ заготовленія припасовъ облегчился самъ собою.

Говорятъ еще, что въ трудную минуту народной жизни во Флоренціи не нашлось ни одного великаго человѣка, и въ этомъ обстоятельствѣ видятъ не послѣднюю причину безуспѣшности всѣхъ ея усилій [1]). Великими людьми мы называемъ тѣхъ, которые торжествуютъ надъ самыми трудными обстоятельствами и достигаютъ своей цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Если говорить о самомъ фактѣ, то въ настоящемъ случаѣ онъ не подлежитъ сомнѣнію: событія оказались сильнѣе людей, и между флорентинскими гражданами дѣйствительно

[1]) См. Rosini, Saggio sulle azioni e opere di Fr. Guicciardini, въ приложеніи къ его исторіи.

не нашлось ни одного, который бы сталъ выше обстоятельствъ времени. Но едва ли будетъ исторически правильно выводить общее требованіе изъ того, что́ по самой натурѣ своей случайно, и хотѣть приложить его ко всякой данной эпохѣ. Притомъ, говоря о недостаткѣ великихъ личностей во Флоренціи въ минуту ея политическаго кризиса, хотятъ внушить ту мысль, что ихъ не было только въ самомъ городѣ, но что они находились тогда въ папскомъ лагерѣ. И въ самомъ дѣлѣ, многіе именитые флорентинцы, Франческо Гвиччардини, Франческо Веттори, Баччо Валори и другіе, безспорно все очень даровитые и способные люди, не только оставались все время борьбы внѣ предѣловъ отечества, но еще служили врагамъ его своими совѣтами и интригами, и хорошо зная всѣ слабыя стороны осажденныхъ, пользовались ими—для успѣховъ непріятельскаго оружія. Но это наблюденіе имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ въ глазахъ историка. Итакъ Флоренція въ одно и то же время должна было бороться съ врагами внѣшними и внутренними. Кто возьметъ на себя утверждать положительно, что изъ флорентинскихъ эмигрантовъ вышли бы спасители отечественнаго города, если бъ они оставались до конца его гражданами? А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они много вредили ему, находясь въ лагерѣ непріятеля. Поддерживая связи съ одною частію флорентинскихъ гражданъ, эмигранты постоянно возбуждали ее противъ другой, которая располагала властію въ республикѣ, и такимъ образомъ усиливали взаимное раздраженіе между внутренними партіями въ то время, когда требовалось единство всѣхъ частныхъ усилій для одной общей цѣли. Кого винить послѣ того, если партія, располагавшая тогда властію въ городѣ, становилась съ каждымъ днемъ все подозрительнѣе къ людямъ другихъ политическихъ убѣжденій и наконецъ вынуждена была прибѣгать противъ нихъ къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ, казнямъ и конфискаціямъ имѣній? Гуманныя понятія тогда только что начинали выясняться изъ хаоса всякаго рода предразсудковъ, накопившихся отъ предшествующаго хода исторіи, и не успѣли даже коснуться политики. Другія общества изъ подобной двойственной опасности выносили вдвое бо́льшую энергію и были такъ счастливы, что выходили изъ борьбы побѣдителями. Флоренція не имѣла этого счастія, и потому можетъ-быть тѣ крайнія мѣры, которыя они считали необходимыми для своего спасенія, кажутся менѣе оправданными.

Численныя силы, приведенныя принцемъ Оранжскимъ на покореніе республики, простирались за 35,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 12,000 испытанной въ бояхъ испанской и нѣмецкой пѣхоты. Флоренція же при всѣхъ своихъ усиліяхъ едва могла противопоставить этимъ силамъ 13,000 правильнаго войска, да и тѣ разсѣяны были по разнымъ городамъ, равно подвергавшимся опасности нападенія. Наконецъ, когда камбрейскій договоръ не былъ больше тайною, Флоренція была оставлена и прочими своими союзниками. Даже послы Венеціанской республики, не принимавшей никакого участія въ борьбѣ, выѣхали изъ города. Всѣ попытки флорентинскаго правительства достигнуть мирнаго соглашенія не привели ни къ какому результату. Уже непріятельское войско стояло на тосканской землѣ, а республика еще вела переговоры съ императоромъ. Но Карлъ V стоялъ на томъ, что Флоренція должна покориться волѣ папы; условія же Климента были таковы, что принять ихъ значило бы отказаться отъ всѣхъ послѣдствій недавняго переворота и положить начало реакціи. Для того, чтобы предотвратить вторженіе непріятельскихъ силъ въ предѣлы Тосканы, средства республики были слишкомъ недостаточны. Не желая подвергать Перуджу бѣдствіямъ войны, Малатеста скоро сдалъ ее императорскому войску и самъ поспѣшно отступилъ къ Ареццо. Такимъ образомъ война перенесена была въ самую Тоскану. Идя по слѣдамъ Малатесты, Филибертъ скоро появился подъ стѣнами Кортоны, и несмотря на безуспѣшность перваго нападенія, въ короткое время заставилъ гарнизонъ удалиться изъ города. Синьорія поспѣшила призвать Малатесту на защиту столицы, и какъ по выходѣ его изъ Ареццо тамъ оставался лишь малочисленный отрядъ, то непріятелю не трудно было вытѣснить его и утвердиться на его мѣстѣ. Тогда Филиберту открылся свободный путь къ самой Флоренціи, и онъ дѣйствительно не замедлилъ показаться въ ея окрестностяхъ, на первое время расположившись станомъ въ равнинѣ Риполи.

Это было въ концѣ октября 1529 г. Въ короткое время послѣ того вся правая сторона долины Арно находилась уже во власти Филиберта, и артеллерія его готова была отвѣчать съ ближайшихъ холмовъ на выстрѣлы флорентинскихъ батарей, устроенныхъ на возвышеніяхъ Санъ-Миніато и Санъ-Джорджо. Въ рѣшительную минуту папа еще разъ повторилъ свои неумѣренныя требованія. Но они произвели только новое раздраженіе въ сердцахъ неробкихъ защитниковъ Флоренціи.

Папскій посланный не дождался никакого отвѣта, но вслѣдъ за отъѣздомъ его семьдесятъ человѣкъ изъ флорентинскихъ гражданъ, извѣстныхъ своею преданностію дому Медичисовъ, были подвергнуты аресту и тюремному заключенію. Нѣсколько человѣкъ, которые осмѣлились было подать голосъ въ пользу уступокъ, тотчасъ же были схвачены, и народнымъ приговоромъ осуждены на смертную казнь. Преслѣдуя лица, ожесточившаяся рука поборниковъ независимости не хотѣла пощадить и ихъ собственности. Въ одну ночь запылалъ роскошный дворецъ Джакопо Сальвіати, знатнаго флорентинца, проживавшаго тогда при папскомъ дворѣ, въ другую — сгорѣлъ старый фамильный домъ Медичисовъ. Наконецъ, въ знакъ совершеннаго разрыва съ имперіею, послы республики получили приказаніе отъ своего правительства немедленно выѣхать изъ Болоньи. Обоюдное ожесточеніе дошло до крайней степени, когда одинъ изъ пословъ, откланиваясь въ послѣдній разъ Клименту, обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Послѣ долгихъ и напрасныхъ ожиданій, что вамъ, святой отецъ, угодно будетъ оказать намъ хотя нѣкоторую пощаду и избавить страну отъ угрожающаго ей нашествія, республика положила отозвать насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возложила на насъ послѣднее порученіе—сообщить вашему святѣйшеству, что она твердо рѣшилась защищать свою свободу до послѣдней крайности. И какъ, несмотря на всю справедливость своего дѣла, она не нашла ни со стороны вашей, ни со стороны императора, того снисхожденія, котораго въ правѣ была бы ожидать отъ намѣстника Христа и отъ христіанской имперіи, то ей не остается ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ престолу божественнаго правосудія, чтобъ оно, взвѣсивъ приводимыя тою и другою стороною основанія, произнесло надъ ними свой правдивый приговоръ, который бы вмѣнился во славу ему“. Эта вовсе не дипломатическая рѣчь, въ которой ораторъ далъ полную свободу своему внутреннему чувству, привела Климента въ такое негодованіе, что съ большимъ трудомъ могли успокоить его. Послы отправились, и съ этой минутой рѣшеніе спора зависѣло единственно отъ развязки той борьбы, которая происходила подъ самыми стѣнами Флоренціи.

Осада шла довольно медленно, но тѣмъ не менѣе успѣхъ оставался большею частію на сторонѣ осаждающихъ. Встрѣчая почти вездѣ мужественное сопротивленіе, они впрочемъ постоянно брали надъ ними верхъ своими численными силами и и превосходствомъ своего оружія. Скоро имперцамъ удалось

захватить одинъ изъ высокихъ холмовъ въ окрестностяхъ Санъ-Миніато, откуда они могли обстрѣливать устроенныя тамъ флорентинскія батареи. Ставши твердою ногою на Бардуччіо (такъ называлось это возвышеніе), имперскій генералъ надѣялся въ непродолжительномъ времени повести свои войска на приступъ къ самому городу. Но какъ защитники Флоренціи и послѣ того не падали духомъ и нерѣдко безпокоили непріятеля въ самыхъ его окопахъ, то Филибертъ нашелся вынужденнымъ перемѣнить свой начальный планъ и довольствоваться пока одною блокадою. Для того онъ поставилъ крѣпкіе посты по обоимъ берегамъ Арно, чтобы прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ городу. Между тѣмъ другіе отряды, разосланные по окрестностямъ, опустошали ихъ, или старались привести къ покорности. Тамъ, гдѣ не помогала сила, они не прочь были отъ сдѣлокъ, для чего умѣли находить ловкихъ посредниковъ въ самой Флоренціи. Такъ имя Малатесты замѣшано было въ одну сдѣлку, въ силу которой жители Муджелло соглашались предать свою судьбу на волю императора. Понятно, что этотъ случай еще болѣе увеличилъ недовѣріе флорентинскихъ гражданъ къ ихъ наемному кондотьеру. И въ самомъ дѣлѣ, чего было ожидать отъ военачальника, оставшагося и во время войны въ добрыхъ сношеніяхъ съ противною стороною, и готоваго содѣйствовать ея видамъ своими услугами. Но трудное положеніе и недостатокъ въ людяхъ, болѣе чѣмъ самое благоразуміе, располагали республику къ терпимости. Непріятель между тѣмъ продолжалъ тѣснить ее со всѣхъ сторонъ и обрѣзывать у ней одно за другимъ всѣ внѣшнія средства. Почти всѣ припасы, которое шли къ осажденнымъ изъ Прато, Пистойи, Эмполи, Пизы, были перехватываемы на дорогѣ. Нужды Флоренціи росли съ каждымъ днемъ; чтобы пособить имъ, нужны были великія жертвы, чрезвычайныя средства. Патріотизмъ осажденныхъ не охладѣлъ и передъ ними. Тогда приняты были многія энергическія рѣшенія, которыя несомнѣнно принесли бы пользу республикѣ, если бы только вообще была какая-нибудь соразмѣрность въ ея силахъ съ средствами противниковъ. Сначала назначены были къ продажѣ земли, принадлежавшія разнымъ городскимъ сословіямъ и нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ. Затѣмъ дошла очередь до монастырскихъ имѣній: они также принесены были на алтарь отечества, повидимому безъ большого сопротивленія лицъ, которыя были заинтересованы ихъ владѣніемъ. Изъ продажи всѣхъ этихъ имѣній выручена

была значительная сумма денегъ [1]). Но въ то время, когда казна осажденнаго города пополнялась новыми средствами, внѣшняя его область все больше и больше переходила въ руки непріятеля.

Въ такомъ положеніи засталъ дѣла новый гонфалоньеръ, Рафаэлло Джиролами,смѣнившій Кардуччи и вступившій въ должность въ декабрѣ 1529. Мужество и энергія защитниковъ Флоренціи не убавилась, но успѣхи нисколько не соотвѣтствовали ихъ усиліямъ. Малатеста, получившій званіе генерала республики, все обѣщалъ начать дѣйствовать наступательно противъ непріятеля, а самъ между тѣмъ не трогался съ мѣста. Своими распоряженіями онъ дѣлалъ много шума внутри города, но почти никогда не переступалъ за черту городскихъ укрѣпленій. Благодаря этой случайной, или преднамѣренной неподвижности своего противника, а можетъ-быть и тайнаго друга, непріятель имѣлъ полную свободу тѣснить все болѣе и болѣе окрестныя мѣста, которыхъ оборона ввѣрена была республикою особымъ комиссарамъ. Усилія его были направлены къ тому, чтобъ отрѣзать у Флоренціи всѣ сообщенія съ западнымъ краемъ, откуда она получала главное свое продовольствіе. Цѣль эта отчасти уже достигалась занятіемъ Прато и Пистойи, которыя наконецъ были покинуты защищавшими ихъ гарнизонами. Но на пути между Пизою и Ливорно съ одной стороны и Флоренціею съ другой оставался еще твердый Эмполи, гдѣ комиссаромъ былъ Франческо Ферруччи, въ одно время распоряжавшійся защитою ввѣреннаго ему города и находившій еще средства доставлять флорентинскому правительству необходимые припасы. Тогда, чтобы положить конецъ и этимъ сообщеніямъ, имперцы положили утвердиться въ Ластрѣ, лежавшей на половинѣ разстоянія между Эмполи и Флоренціей. Малочисленные защитники Ластры въ правѣ были ожидать, что они будутъ поддержаны какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Ферруччи дѣйствительно выслалъ къ нимъ на помощь часть войска, находившагося подъ его командою, но какъ онъ не могъ отдѣлить много отъ своего гарнизона, а изъ Флоренціи, гдѣ командовалъ Малатеста, не сдѣлано было никакой диверсіи, то нападающимъ не трудно было привести въ исполненіе свое намѣреніе. Они скоро ворвались въ городъ, перерѣзали всѣхъ его защитниковъ и сами утвердились въ его укрѣпленіяхъ. Не лучше того шли дѣла на югъ отъ Флорен-

[1]) См. для подробностей Segni, St. fiorent., l. III, ad an. 1529.

ціи. Начальствовавшій тамъ кондотьеръ Наполеонъ Орсино допустилъ разбить себя непріятелю, что̀ имѣло слѣдствіемъ сдачу Монтепульчіано, который былъ въ той сторонѣ главнымъ опорнымъ пунктомъ республики.

Только сильная диверсія со стороны могла еще отвратить опасность, которая съ каждымъ днемъ подходила ближе къ стѣнамъ Флоренціи. Кромѣ Франціи впрочемъ ей неоткуда было ожидать этой чрезвычайной помощи. Черезъ нѣсколько времени ворота осажденнаго города и въ самомъ дѣлѣ отворились для въѣзда французскаго повѣреннаго. Но онъ привезъ лишь увѣреніе своего короля, что въ настоящее время онъ ничѣмъ не можетъ пособить республикѣ, и совѣтъ ея правителямъ—поспѣшить покорностію императору. Тогда разсѣялись и послѣднія мечты, обольщавшія флорентинцевъ, и они могли наконецъ увѣриться, что у нихъ нѣтъ болѣе ни одного вѣрнаго союзника въ цѣломъ мірѣ. Впрочемъ и эта печальная увѣренность подѣйствовала на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ можно было ожидать. Предоставленные самимъ себѣ, они не упали духомъ, но только увеличили свою взыскательность къ тѣмъ, которымъ вмѣстѣ съ начальствомъ надъ военными силами ввѣрена была и самая оборона города. Съ наступленіемъ весны флорентинскія дружины чаще стали безпокоить непріятельскіе аванпосты. Даже уклончивый Малатеста наконецъ принужденъ былъ уступить настоятельнымъ требованіямъ народа. Однажды онъ самъ повелъ войско за городъ и ударилъ съ нимъ на окопы осаждающихъ. Имперцы впрочемъ противопоставили нападающимъ мужественный отпоръ. Самъ принцъ Оранжскій сражался вмѣстѣ съ простыми солдатами и подавалъ другимъ примѣръ храбрости. Два часа продолжался горячій бой, нѣсколько разъ переходившій въ рукопашную схватку. Нападающіе также не уступали въ мужествѣ своимъ противникамъ, но какъ всѣ выгоды были на сторонѣ имперцевъ, которые сражались за окопами, то Малатеста, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ, подалъ знакъ къ отступленію. Это безуспѣшное дѣло послужило ему потомъ предлогомъ передъ флорентинцами—не принимать болѣе наступательныхъ движеній и ограничиваться впредь одними чисто оборонительными дѣйствіями.

Флоренція неминуемо шла къ своему паденію. Но послѣдніе дни ея еще озарились подвигами героизма, достойнаго лучшей участи. Въ стѣнахъ осажденнаго города одновременно происходили два явленія, изъ которыхъ одно было естественнымъ слѣдствіемъ другого. Внѣшнія потери, вмѣсто

того чтобы приводить въ уныніе флорентинцевъ, еще болѣе питали въ нихъ несбыточныя надежды. Не будучи очень суевѣрны, они впрочемъ со времеми Савонаролы охотно склоняли слухъ свой къ патріотическимъ предвѣщаніямъ, которыхъ органомъ были обыкновенно монахи доминиканскаго ордена. Монастыри Санъ-Марко и Марія-Новелла постоянно служили разсадниками энтузіастовъ этого рода. Среди самаго стѣсненнаго положенія Флоренціи, два брата, фра-Фойяно и фра-Цаккерія, не переставали твердить народу, что скоро наступитъ время чудеснаго избавленія. Но чѣмъ больше возрастала слѣпая увѣренность народа въ успѣхѣ своего дѣла, тѣмъ недовѣрчивѣе смотрѣлъ онъ на всѣ дѣйствія своего главнаго начальника. Съ каждымъ днемъ увеличивалось число недовольныхъ, которые почти въ глаза называли Малатесту предателемъ и требовали замѣны его вторымъ предводителемъ, Стефаномъ Колонною. Чтобы не оставаться подъ тяжестію обвиненія въ измѣнѣ, Малатеста рѣшился еще разъ сдѣлать нападеніе на ближайшіе непріятельскіе ретраншаменты. Вышедши изъ города, самъ онъ занялъ позицію на берегу Арно, а Колонну вмѣстѣ съ Джованни да-Турино выслалъ впередъ вести атаку. Ночное время благопріятствовало нападающимъ. Въ стремительномъ натискѣ они выбили непріятеля изъ первыхъ занятыхъ имъ ложементовъ и имѣли уже надъ нимъ значительный успѣхъ, когда Колонна въ горячей схваткѣ получилъ одну за другою двѣ раны, между тѣмъ какъ товарищъ его былъ смятъ и опрокинутъ въ ровъ отрядомъ непріятельской кавалеріи. Говорятъ однако, что побѣда вѣрно осталась бы на сторонѣ флорентинцевъ, если бы Малатеста захотѣлъ поддержать бой и поспѣшилъ самъ на помощь къ передовымъ войскамъ. Но онъ вмѣсто того приказалъ тотчасъ ударить отбой, такъ что эта новая попытка, стоившая флорентинцамъ потери многихъ храбрыхъ, кончилась такою же неудачею, какъ и первая. Съ того времени Малатеста окончательно потерялъ всякую вѣру въ народѣ. Его еще терпѣли по необходимости, но надежды и добрыя ожиданія осажденныхъ мало-по-малу перешли на другое лицо. Оно вышло прямо изъ рядовъ флорентинскихъ гражданъ и, можно сказать, было создано трудными обстоятельствами времени. То былъ Франческо Ферруччи, послѣднее славное имя въ лѣтописяхъ независимой республики, хотя извѣстность его начинается только со времени осады Флоренціи. Мы встрѣчались уже съ нимъ въ нашемъ разсказѣ. До сихъ поръ дѣятельность

Ферруччи ограничивалась лишь обороною Эмполи, гдѣ онъ находился въ качествѣ комиссара отъ флорентинскаго правительства; но чѣмъ стѣснительнѣе становилось положеніе Флоренціи, тѣмъ болѣе обширное поприще захватывали себѣ его таланты, и тѣмъ яснѣе открывалось для другихъ не совсѣмъ обыкновенное призваніе этого замѣчательнаго человѣка.

Первымъ знакомъ особенной довѣренности флорентинцевъ къ Франческо Ферруччи было данное ему порученіе итти изъ Эмполи къ Вольтеррѣ и принудить ея жителей, которые отложились отъ Флоренціи и приняли къ себѣ отрядъ имперскаго войска, снова признать власть республики. На время отсутствія прежняго комиссара, въ Эмполи посланъ былъ Андреа Джуньи съ нѣсколькими ротами отборной пѣхоты. Сдавъ ему власть надъ городомъ, Франческо съ военною силою, бывшею въ его распоряженіи, немедленно выступилъ къ Вольтеррѣ, и прежде чѣмъ имперцы узнали о его движеніи, открылъ себѣ путь въ тамошнее укрѣпленіе, гдѣ еще держался небольшой гарнизонъ подъ флорентинскимъ знаменемъ. Жители самаго города еще думали о сопротивленіи: они располагали нѣсколькими орудіями и сверхъ того имѣли для себя опору въ стоявшемъ у нихъ отрядѣ имперскаго войска. Но Ферруччи не далъ имъ оправиться, напалъ на нихъ среди бѣлаго дня, и послѣ жестокой сѣчи, которая продолжалась до глубокой ночи, заставилъ ихъ безусловно сдаться. Пять артиллерійскихъ орудій были его военными трофеями. Вольтерра дорого поплатилась за свою невѣрность. Ей пришлось имѣть дѣло съ побѣдителемъ, котораго энергія выражалась крутыми и суровыми мѣрами. Ферруччи, казалось, былъ созданъ для военной диктатуры. Жители побѣжденнаго города должны были потерпѣть въ своихъ домахъ тяжелый военный постой и заплатить контрибуцію.

Только-что покончивъ расправу съ Вольтеррою, Ферруччи замышлялъ уже обратить оружіе противъ С. Джеминіано. Но ему самому предстояло еще выдержать трудную борьбу съ непріятелемъ во вновь-завоеванномъ городѣ. Принцъ Оранжскій не могъ равнодушно видѣть успѣховъ противника почти въ тылу своего лагеря. Онъ собралъ большія силы и одну часть ихъ двинулъ противъ Эмполи, а другую направилъ къ Вольтеррѣ. Фабриціо Марамольдо, который командовалъ послѣдними, скоро подступилъ къ самымъ стѣнамъ города и гордо потребовалъ немедленной его сдачи. Но на вызовъ его трубачи со стѣнъ Вольтерры насмѣшливо отвѣчали звуками, похожими

на кошачье мяуканье. Гордость непріятельскаго капитана была тѣмъ болѣе оскорблена этимъ презрительнымъ отвѣтомъ, что въ немъ находили какое-то сходство съ звуками его собственнаго имени [1]). Отсюда началась, по словамъ современниковъ, непримиримая вражда между надменнымъ Марамольдо и дерзкимъ его соперникомъ, кончившаяся лишь смертію одного изъ нихъ. На первый разъ впрочемъ Фабриціо долженъ былъ заставить молчать въ себѣ овладѣвшую имъ ярость: передъ нимъ была каменная ограда, за которою стояли почти не менѣе твердые защитники, и ему не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ расположиться станомъ подъ городомъ и въ ожиданіи подкрѣпленій стараться наносить хоть частный вредъ своимъ противникамъ.

Борьба не казалась опасною для защитниковъ Вольтерры до тѣхъ поръ, пока непріятельскія силы были раздѣлены между двумя пунктами. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія главнаго предводителя имперскихъ войскъ, и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе кончить съ Эмполи. Для обороны послѣдняго пункта, какъ мы сказали, присланъ былъ изъ Флоренціи Андреа Джуньи, но къ сожалѣнію, Ферруччи, котораго онъ занялъ мѣсто, былъ незамѣнимъ. Къ успѣшному дѣйствію артиллеріи осаждающихъ присоединилась еще измѣна нѣкоторыхъ гражданъ, и городъ черезъ нѣсколько времени былъ въ рукахъ непріятеля. Тогда всѣ эти силы, которыя до сихъ поръ стояли подъ стѣнами Эмполи, также обращены были противъ Вольтерры. Главный начальникъ ихъ, маркизъ дель-Васто, сталъ по одну сторону города, между тѣмъ какъ Марамольдо продолжалъ обстрѣливать его съ другой. Дѣло защитниковъ Вольтерры было, повидимому, самое безнадежное. Борьба собственными средствами съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ казалась почти невозможностію, а помощи ждать имъ было неоткуда. Помочь бѣдѣ въ состояніи были развѣ только чрезвычайныя усилія героизма. Событія однако показали, что Ферручи былъ не ниже и этой задачи. Первая и самая важная опасность грозила городу съ той стороны, гдѣ дѣйствовалъ Марамольдо. Въ короткое время онъ успѣлъ сдѣлать большой проломъ въ городской стѣнѣ и тотчасъ пошелъ на приступъ. Но онъ встрѣтилъ другую, еще болѣе непоколебимую стѣну—въ мужественныхъ, хотя и немногочисленныхъ своихъ противникахъ. Ферруччи былъ лично на мѣстѣ,

[1]) См. Segni, l. IV, ad an. 1530.

готовый дать отпоръ смѣлому врагу. Онъ неустрашимо шелъ впередъ, бросался въ самый жаръ сѣчи, и только пораженный сильнымъ ударомъ камня изъ одного метательнаго орудія, принужденъ былъ на время удалиться изъ битвы. Марамольдо думалъ воспользоваться этимъ замѣшательствомъ, чтобы пробиться впередъ, но тамъ ждали его новыя траншеи, только что передъ тѣмъ оконченныя руками женщинъ. Между тѣмъ Ферруччи, едва оправившись отъ удара, успѣлъ снова явиться на мѣстѣ боя. Воодушевленные его присутствіемъ, защитники Вольтерры сдѣлали еще одно усиліе, и непріятель принужденъ былъ скоро отступить съ большою потерею въ людяхъ. Еще менѣе успѣха имѣли имперцы на другой сторонѣ. Только что они, дѣйствіемъ своей артеллеріи, разрушали одни укрѣпленія, какъ на ихъ мѣстѣ тотчасъ же выростали другія. Неудачная попытка Марамольдо менѣе всего могла служить поощреніемъ для другихъ, которые начинали дѣло позже его. Отчаявшись заранѣе въ успѣхѣ своего предпріятія, дель-Васто лишь для вида сдѣлалъ легкій приступъ и вслѣдъ за тѣмъ перенесъ свое дѣйствіе на другое мѣсто, заставивъ также передвинуться и подчиненнаго ему Марамольдо съ своимъ отрядомъ. Но перемѣна позиціи осталась безъ всякихъ выгодныхъ послѣдствій для осаждающихъ. Съ какой стороны они ни подступали, вездѣ встрѣчали тотъ же мужественный отпоръ и ту же неутомимую дѣятельность въ исправленіи укрѣпленій. Наконецъ оба непріятельскіе капитана, недовольные другъ другомъ, въ одно время отступили отъ города, и защитники Вольтерры съ гордостію могли сказать, что только своимъ героическимъ усиліямъ обязаны были успѣхомъ обороны.

Естественно, что Флоренція, съ живымъ участіемъ слѣдившая за подвигами Ферруччи въ провинціи, все больше и больше располагалась къ нему своимъ довѣріемъ, и наконецъ отъ него только ожидала себѣ спасенія. Какъ ни медленны были успѣхи осаждающихъ, но каждый день приближалъ роковую развязку, которая грозила гибелью флорентинской независимости, и всѣ видѣли ясно, что прежними средствами нельзя избавиться отъ бѣды. Помощь свѣжей и сильной руки чувствовалась тѣмъ болѣе, что отъ долговременной блокады Флоренція начинала уже испытывать на себѣ всѣ бѣдствія голода. Сдѣланные прежде запасы истощились, а жатва этого года или вовсе не могла быть собрана, или досталась непріятелю. Когда наступило лѣто, даже мясо кошекъ значительно поднялось въ цѣнѣ, а ослиное лишь за

рѣдкость подавалось за большими столами. Надобно было, хотя бы только для избѣжанія голодной смерти, предпринять что-нибудь рѣшительное. Тогда всѣ взоры обратились на отважнаго и доблестнаго защитника Вольтерры. „Совѣтъ десяти" облекъ его званіемъ „генеральнаго комиссара" республики, и готовился вручить его мужеству и дѣятельности самую судьбу города. Ферруччи получилъ приказаніе, оставивъ въ Вольтеррѣ небольшой гарнизонъ, отправиться въ Пизу, собрать тамъ сколько можно войска и итти съ нимъ къ Флоренціи. Ничего болѣе не ожидая отъ Малатесты, флорентинскіе правители хотѣли обойтись безъ него, и для того призывали генеральнаго комиссара, чтобы, поставивъ его во главѣ народной милиціи, ввѣрить ему исполненіе своихъ воинственныхъ плановъ. Для этой цѣли нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Съ свойственною ему энергіею и распорядительностью принялся Ферруччи за исполненіе даннаго ему порученія. Какъ всегда, онъ и въ этомъ случаѣ былъ неразборчивъ на средства. Распоряженія его въ Пизѣ особенно тяжело почувствовались капиталистами. Онъ принудилъ ихъ къ большимъ денежнымъ взносамъ, и на деньги, вырученныя этимъ способомъ, собралъ въ короткое время до 3000 пѣхоты и до 600 кавалеріи, и заготовилъ для нихъ необходимое количество припасовъ. Въ концѣ іюля 1530 года онъ уже въ состояніи былъ выйти изъ Пизы и вести свое ополченіе далѣе, по направленію къ Флоренціи. Ему очень счастливо удалось потомъ пробраться черезъ луккскую область и достигнуть Пистойи. Но возможность дальнѣйшаго движенія и соединенія съ флорентинцами онъ могъ купить только рѣшительною побѣдой надъ непріятелемъ.

Движеніе Ферруччи не укрылось отъ вниманія имперскаго полководца. Узнавъ, что вновь собранное въ Пизѣ ополченіе направляется къ Флоренціи, принцъ Оранжскій съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы преградить ему дорогу къ осажденному городу. Фабриціо Марамольдо, занимавшій Эмполи, и Александро Вителли, который стоялъ въ пизанской области, получили приказаніе немедленно выступить къ Пистойѣ. Филибертъ скоро и самъ присоединился къ нимъ неподалеку отъ Гавинаны. Между тѣмъ Ферруччи подходилъ къ тому же самому пункту съ другой стороны. Близкое присутствіе превосходнаго въ силахъ непріятеля нисколько не поколебало его намѣренія. Напротивъ того, онъ еще больше рвался впередъ, желая предупредить непріятеля въ Гавинанѣ, гдѣ, какъ онъ

зналъ, заготовлено было большое количество припасовъ. Такъ же мало подѣйствовало на него извѣстіе, полученное черезъ лазутчиковъ, что принцъ идетъ противъ него со всѣмъ своимъ войскомъ. На военномъ совѣтѣ, когда всѣ почти подали голосъ въ пользу отступленія, Ферруччи одинъ былъ противнаго мнѣнія, говоря, что его собственный жребій и судьба отечества зовутъ его впередъ. „Ахъ, ты предатель, Малатеста!“ повторялъ онъ при этомъ по нѣскольку разъ, конечно находя въ измѣнѣ кондотьера единственное объясненіе тому, что принцъ могъ двинуть всѣ свои силы, не опасаясь нападенія съ тылу.

И въ самомъ дѣлѣ, Франческо Ферруччи какъ будто былъ увлекаемъ своею несчастною судьбой. Никто не смѣлъ противорѣчить волѣ генеральнаго комиссара, и 2-го августа 1530 года ближайшія ворота Гавинаны были заняты передовымъ его отрядомъ, къ которому онъ не замедлилъ присоединиться лично. Съ словами: „Солдаты, я надѣюсь, вы не покинете меня въ этотъ день“, вступилъ онъ въ городъ. Но въ ту самую минуту Марамольдо, пробивши брешь въ городской стѣнѣ, также входилъ въ Гавинану, только съ другой стороны. Судьба снова сводила лицомъ къ лицу двухъ противниковъ, которые разстались въ послѣдній разъ съ ненавистью другъ къ другу. Никто изъ нихъ, разумѣется, не подумалъ отступать, слыша о приближеніи другого, и разстояніе, ихъ раздѣлявшее, съ каждою минутой становилось все меньше и меньше. Почти на самой серединѣ города встрѣтились между собою оба ополченія, и тутъ началась между ними жестокая схватка. Марамольдо смѣло шелъ впереди своихъ и наносилъ вокругъ страшные удары. Завидѣвъ его, Ферруччи не утерпѣлъ, соскочилъ съ лошади, схватилъ пику, и какъ простой ратникъ нѣсколько разъ бросался въ самый пылъ сѣчи. Но судьба отвела его удары отъ Марамольдо, и избрала себѣ на этотъ разъ другую, болѣе знаменитую жертву: это былъ самъ Филибертъ, главный предводитель имперцевъ. Онъ прибылъ къ своему войску, когда уже кипѣла битва, и не хотѣлъ остаться позади другихъ. Но въ одной изъ городскихъ улицъ ждалъ его смертельный ударъ. Пораженный имъ, принцъ упалъ съ лошади, и на мѣстѣ испустилъ дыханіе.

Извѣстіе о смерти главнаго предводителя имперцевъ быстро разнеслось по всѣмъ рядамъ сражающихся. Впрочемъ оно имѣло гораздо менѣе вліянія на ходъ битвы, нежели какъ можно было бы ожидать. Лишь на минуту въ имперскомъ войскѣ произошло замѣшательство; кавалерія дрогнула и на-

чала отступленіе. Но Вителли, принявшій команду послѣ Филиберта, не потерялся. Въ его распоряженіи были еще свѣжія, нетронутыя силы, которыя стояли въ бездѣйствіи неподалеку отъ города. Одного эскадрона копейщиковъ достаточно было, чтобъ остановить бѣгущихъ и поддержать колеблющихся. Благодаря свѣжимъ подкрѣпленіямъ имперцы скоро опять въ состояніи были перейти въ наступленіе. Ихъ противники бились съ неизмѣнною стойкостію, но ряды ихъ естественно рѣдѣли съ каждымъ часомъ отъ усиленныхъ ударовъ непріятеля, а пополнить убыль было некому: Ферруччи съ самаго начала долженъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои силы, потому что могъ держаться противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля только всею ихъ массой. Много храбрыхъ легло на мѣстѣ; тѣ же, которые уцѣлѣли еще послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркаго боя, едва держались на ногахъ отъ крайняго изнеможенія. День былъ чрезвычайно знойный: силы ратниковъ, уже изнуренныя неравнымъ боемъ, окончательно измѣнили имъ подъ дѣйствіемъ жгучаго лѣтняго солнца. Самъ Франческо имѣлъ несчастіе принадлежать къ числу тѣхъ, которыхъ смерть обошла до конца, сберегая имъ самую тяжелую долю. Едва держась на ногахъ отъ крайняго утомленія, онъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ первомъ попавшемся домѣ, и тамъ захваченъ былъ въ плѣнъ непріятелемъ. Изъ ополченія его лишь немногіе пережили этотъ роковой день. По сдѣланному послѣ счету, до 600 изъ нихъ пало въ самой битвѣ и около 2000 погибло потомъ отъ ранъ. По этому можно судить, какія ничтожныя силы оставались въ распоряженіи у Ферруччи подъ конецъ боя [1]).

Плѣнника привели къ Марамольдо. Тотъ не могъ скрыть своего звѣрскаго удовольствія, и встрѣтилъ своего несчастнаго противника словами: „Наконецъ-то ты попался въ мои руки!" Покоряясь своей злосчастной участи, Ферруччи замѣтилъ на это лишь одно, что несчастіе, случившееся съ нимъ, могло повториться и надъ всякимъ. При этихъ словахъ ярость овладѣла Марамольдо: забывъ всякій стыдъ и человѣческое чувство, онъ приказалъ сначала обезоружить плѣнника и безоружному нанесъ ему первый ударъ своею собственною рукой. По этому знаку удары посыпались на Ферруччи со всѣхъ сторонъ, и тотъ, кого пощадилъ жребій войны, палъ подъ руками убійцъ...

[1]) О подробностяхъ Гавинанской битвы см. Segni, l. IV, ad an. 1530.

Какъ неожиданно выросла, такъ быстро и погасла последняя надежда флорентинцевъ! На роде смерти, которою умеръ Феруччи, они могли видеть, съ какими жестокими и непримиримыми врагами имели дело. Но самое главное зло состояло въ томъ, что потеря Франческо была незаменима для Флоренціи. Еще правители и граждане республики не хотели отказаться отъ сопротивленія; потерявъ всякую надежду на помощь извне, они еще думали продолжать борьбу теми средствами, которыя были у нихъ подъ руками. Горячія головы даже позволяли себе мечтать о новомъ нападеніи на непріятельскіе окопы, и для того положили лишить Малатесту команды и передать ее Стефану Колонне, къ которому имели больше доверія. Уже синьорія сделала распоряженіе, чтобы письменно объявить кондотьеру, что она не нуждается более въ его сомнительныхъ услугахъ. Но это не довольно обдуманный шагъ со стороны правителей только ускорилъ печальную развязку. Правители Флоренціи забыли, что если имъ принадлежалъ высшій гражданскій авторитетъ внутри города, то Малатеста располагалъ въ немъ всею вооруженною силой. Оскорбить его, когда онъ имелъ все средства вредить своимъ недоброжелателямъ, значило только нажить себе новаго опаснаго врага. И въ самомъ деле, Малатеста разсвирепелъ какъ тигръ, узнавши о решеніи синьоріи, и какъ все почти важнейшіе посты въ городе находились въ его рукахъ, то ему стоило лишь отдать несколько приказаній, чтобы принять угрожающій видъ. Напрасно гонфалоньеръ грозилъ съ своей стороны стать во главе народной милиціи, и выступить съ нею противъ непокорнаго кондотьера: осажденные ничемъ больше не могли угодить непріятелю, какъ начавъ у себя междоусобіе и обративъ оружіе другъ противъ друга. Между темъ въ городе оставалось припасовъ лишь на три дня. Тогда мирная партія, которая молчала до сихъ поръ, увидела, что для нея наступила наконецъ пора действовать. Вліяніе ея скоро почувствовалось на последующихъ решеніяхъ. Прежде всего положено было въ правительственномъ совете войти въ соглашеніе съ Малатестою, а вследъ за темъ отправлены послы къ Клименту для соглашенія о сдаче города.

Въ условіяхъ мира, предписаннаго Флоренціи ея врагами, повидимому не слышался суровый приговоръ победителя: vae victis. Принужденная согласиться на возвращеніе Медичисовъ и другихъ изгнанниковъ, вступить въ союзъ съ императоромъ и заплатить военныя издержки, республика за то получила

торжественное обѣщаніе, что ей будутъ сохранены ея права и независимость, какъ они существовали до войны. Но всякій, хотя нѣсколько знакомый съ характеромъ Климента VII, пойметъ, что послѣдняя часть договора продиктована была притворствомъ и ложью, и что, утверждая его своею подписью, флорентинцы вмѣстѣ съ тѣмъ подписывали смертный приговоръ своей политической свободѣ и независимости. Климентъ точно не спѣшилъ наложить цѣпи на свою добычу, которая не могла больше уйти отъ его рукъ. Цѣлый годъ потомъ онъ оставлялъ флорентинцевъ въ пріятномъ заблужденіи, что они спасли отъ погибели по крайней мѣрѣ самое существенное. Но наконецъ очарованіе исчезло: Александръ Медичи провозглашенъ былъ герцогомъ Флоренціи, и бывшая республика скоро почувствовала надъ собою тяжелую руку деспота, котораго мстительность не хотѣла удовлетвориться никакими жертвами.

V.

Занявшись судьбою осажденнаго города, мы на нѣкоторое время почти потеряли изъ виду главное лицо нашего разсказа. Но и напрасно хотѣли бы мы знать много подробностей о положеніи Катерины во время осады, когда самые современники ограничиваются только извѣстіями о перемѣщеніи ея изъ одного монастыря въ другой, по волѣ флорентинскаго правительства. Тамъ, въ стѣнахъ Санта-Лучіи, она была какъ бы погребена до конца войны, плѣнница города, который самъ, въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, нѣкоторымъ образомъ былъ узникомъ осаждавшихъ его непріятелей. Съ другой стороны намъ казалось вовсе нелишнимъ передать читателямъ главныя черты событія, которое произвело совершенный переворотъ въ исторіи города, столь богатаго историческими воспоминаніями! [1]) Событіе это безспорно не могло остаться безъ вліянія и на молодую особу, бывшую невольною его свидѣтельницею. Не забудемъ, что Катерина находилась еще въ томъ возрастѣ, когда умъ и сердце человѣка воспитываются и образуются подъ вліяніемъ окружающихъ его явленій. До насъ не дошло ни одного слова, сказаннаго ею во время вторичнаго пребыва-

[1]) Мы должны признаться, что въ описаніи осады нѣсколько отступили отъ нашего автора, и находя его разсказъ недостаточно полнымъ, старались пополнить его извѣстіями одного весьма безпристрастнаго историка, современнаго событію.

нія въ Санта-Лучіи, но намъ не трудно себѣ вообразить, хотя въ общихъ чертахъ, ея положеніе въ этомъ заключеніи. Оставаясь въ стѣнахъ своего родного города, она между тѣмъ принадлежала къ гонимой фамиліи. На нее смотрѣли какъ на залогъ, за нею часто наблюдали какъ за лицомъ подозрительнымъ. Она жила во Флоренціи, но симпатіямъ ея было мѣсто развѣ только въ противоположномъ лагерѣ. Находясь въ нѣжномъ возрастѣ, она нѣкоторое время лишена была всѣхъ привязанностей. Участіе, которое она видѣла къ себѣ въ монастырѣ делле-Мурате, едва ли могло повториться для нея въ Санта-Лучіи, гдѣ господствовали совсѣмъ иныя политическія симпатіи. Постоянно окруженная недовѣрчивостію и подозрительностію, могла ли она воспитать въ себѣ довѣріе къ другимъ? Среди страстей, которыя такъ бурно волновались вокругъ нея, была ли она хотя минуту свободна отъ душевной тревоги?

Въ положеніи Катерины ничего не могло случиться счастливѣе, какъ прекращеніе осады. Событіе, лишившее независимости Флоренцію, было началомъ свободы для юной плѣнницы. Впрочемъ эта новая свобода имѣла для нея лишь относительное значеніе. Катерина освобождалась отъ тѣсноты заключенія и соединеннаго съ нимъ безпокойства, но это вовсе не значитъ, чтобъ она могла послѣ того свободно располагать сама собою. Дукессинѣ возвращался почетъ, принадлежавшій ей по происхожденію; сама же она поступала въ распоряженіе своего попечителя, который хотѣлъ устроить судьбу ея по своему собственному усмотрѣнію. По прекращеніи осады Катерина, перемѣщенная на время въ прежнее ея убѣжище делле-Мурате, перевезена была потомъ, по требованію Климента, прямо въ Римъ, гдѣ и оставалась до новой важной перемѣны въ своей участи. Такъ проходила она въ своей ранней молодости одну практическую школу за другою: то жизнь въ стѣнахъ монастыря, внутри осажденнаго города, подъ надзоромъ подозрительной демократіи, то почетная жизнь во дворцѣ (извѣстномъ впослѣдствіи подъ именемъ „Палаццо Мадама“), въ столицѣ католическаго міра, подъ непосредственною опекою и вліяніемъ человѣка, который почти ни на минуту не выходилъ изъ сплетенной имъ самимъ сѣти политическихъ интригъ.

Флорентинцы, удерживая Катерину во время осады, не безъ основанія думали, что въ рукахъ Климента она также можетъ превратиться въ орудіе его политики, направленной противъ независимой республики. И въ самомъ дѣлѣ, папа

видѣлъ въ своей племянницѣ прекрасное средство расширить свои политическія связи, увеличить число своихъ союзниковъ, и постоянно озабоченъ былъ прісканіемъ ей приличной партіи. Помимо воли дукессины и часто безъ ея вѣдома, насчетъ ея при римскомъ дворѣ безпрестанно строились новые планы; нити ихъ, перекрещиваясь между собою, нерѣдко составляли цѣлый лабиринтъ, въ которомъ могла не потеряться только изворотливая голова Климента VII. Еще Катеринѣ не исполнилось девяти лѣтъ, какъ уже у нея было, одинъ за другимъ, нѣсколько жениховъ. Эта честь досталась прежде всего Эрколе д'Эсте, сыну Альфонса, герцога феррарскаго, котораго папа надѣялся такимъ образомъ отвлечь отъ союза съ императоромъ. По разнымъ причинамъ впрочемъ герцогъ нашелъ выгоднѣе для себя породниться съ Лудовикомъ XII, женивъ сына на его дочери. Но прежде чѣмъ прерваны были переговоры съ феррарскимъ дворомъ, папа получилъ уже новое предложеніе, относившееся къ рукѣ его племянницы. Оно шло издалека и сдѣлано было отъ имени молодого шотландскаго короля Іакова V, при чемъ посредникомъ служилъ родственникъ его, герцогъ Альбани, который по женѣ считался также дядею Катерины и управлялъ имѣніями, доставшимися ей по наслѣдству отъ матери. Какъ ни лестно было предложеніе для сироты, оно однако съ самаго начала не понравилось Клименту, по причинѣ дальняго разстоянія между Италіею и Шотландіею. „На однихъ курьеровъ“, думалъ онъ, „придется мнѣ употребить гораздо больше, чѣмъ сколько будетъ стоить ея приданое“. Іаковъ V, какъ извѣстно, вступилъ потомъ въ бракъ съ дочерью Франциска I, а послѣ ея смерти—съ Маріею Гизъ, отъ которой родилась Марія Стюартъ. Между женихами Катерины изъ той же эпохи замѣтимъ также одного изъ принцевъ лотарингскаго дома, графа Водемонъ, брата герцога Антона, который впрочемъ скоро нашелъ свою смерть подъ стѣнами Неаполя, во время осады его Лотрекомъ. Было сверхъ того одно предложеніе—отъ Генриха VIII англійскаго, который искалъ руки папской племянницы для своего побочнаго сына, герцога Ричмонда; повидимому, оно нисколько не польстило Клименту и не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Одновременно съ осадою Флоренціи и въ связи съ этимъ событіемъ развивался еще одинъ планъ замужества дукессины, который казался серіознѣе всѣхъ прежнихъ. Въ открывавшейся тогда войнѣ папы съ республикою многое зависѣло отъ искусства и доброй воли главнаго предводителя имперскихъ

войскъ, Филиберта Оранжскаго. Но тому не прошло еще и полныхъ трехъ лѣтъ, какъ этотъ самый Филибертъ стоялъ въ Римѣ съ войсками императора, будто въ завоеванномъ городѣ, и повидимому, менѣе всякаго другого обѣщалъ изъ себя усерднаго поборника папскихъ интересовъ. Чтобы вѣрнѣе закупить въ свою пользу его услуги, Климентъ, по словамъ нѣкоторыхъ, между прочимъ предложилъ принцу руку своей одиннадцатилѣтней племянницы. Другіе прибавляютъ сверхъ того, будто между папою и имперскимъ полководцемъ было даже условлено, что, въ случаѣ покоренія Флоренціи, она останется удѣломъ побѣдителя, какъ награда за его заслуги и вмѣстѣ какъ приданое его невѣсты. Это послѣднее извѣстіе кажется довольно сомнительнымъ. Трудно представить себѣ, чтобы Климентъ VII такъ легко могъ согласиться передать Флоренцію въ чужія руки. Не для того конечно составлялъ онъ противъ нея союзы и вездѣ возбуждалъ ей противниковъ. Его крайнею цѣлію было удержать навсегда этотъ городъ во власти своей фамиліи, которая, кромѣ Катерины, имѣла еще и другихъ представителей. Рука молодой герцогини урбинской конечно была въ глазахъ Климента менѣе высокой цѣны, чѣмъ право владѣнія Флоренціей, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ, желая больше привязать къ себѣ Филиберта, продолжалъ манить его обѣщаніемъ родственнаго съ нимъ союза. Какъ бы то ни было, судьба однако сулила иначе: принца не стало прежде, чѣмъ Флоренція отворила ворота побѣдителю. Онъ палъ въ одинъ день съ Ферруччи въ битвѣ при Гавинанѣ.

Переселеніе Катерины въ Римъ естественно вызвало насцену новыхъ искателей ея руки. Она уже возмужала настолько, что могла привлекать къ себѣ не однимъ своимъ положеніемъ, но и самою своею личностію. Находясь въ Римѣ, она не была болѣе плѣнницею—напротивъ того, пользовалась здѣсь бо́льшимъ внѣшнимъ почетомъ, приличнымъ ея происхожденію и званію. Владѣтельные князья Италіи особенно льстились мыслію о возможности породниться съ Климентомъ посредствомъ брака съ его племянницею. Между претендентами на ея руку изъ этого времени называютъ Федериго Гонзагу, герцога мантуанскаго, и молодого делла-Ровере, наслѣдственнаго принца урбинскаго. Сверхъ того при самомъ дворѣ папскомъ встрѣчаемъ еще одно лицо, которому, повидимому, не чужды были тѣ же самые виды. Это былъ не кто иной, какъ извѣстный уже намъ Ипполитъ Медичи, племянникъ Льва X.

Онъ не оставилъ по себѣ много памяти въ исторіи, но искусство взяло на себя трудъ увѣковѣчить его выразительныя черты. Въ галлереѣ Питти до сихъ поръ можно видѣть портретъ его, изображенный живою кистію величайшаго представителя венеціанской школы. Климентъ VII предназначалъ Ипполита къ духовнымъ почестямъ, и рано уже возвысилъ его въ достоинство кардинала; но это назначеніе вовсе не соотвѣтствовало его личнымъ наклонностямъ. Ипполитъ былъ исполненъ свѣтскаго честолюбія и жаждалъ совсѣмъ иной дѣятельности, нежели какая требовалась отъ того званія, которымъ онъ облеченъ былъ по волѣ своего высокаго покровителя и главы фамиліи. Съ презрѣніемъ смотря на своего сверстника Александра, котораго Климентъ готовилъ въ герцоги покоренной Флоренціи, онъ называлъ его „сыномъ африканской рабыни", и съ откровенностью высказывалъ свое убѣжденіе, что могъ бы ужиться гораздо лучше съ флорентинцами. Предпочтеніе, которое Ипполитъ уже въ званіи кардинала продолжалъ оказывать свѣтской дѣятельности, отражалось и на самой его внѣшности. Находясь въ званіи папскаго легата при войскѣ, которое назначалось противъ турокъ, онъ обыкновенно носилъ венгерское платье изъ бархата, которое очень шло къ его красивой наружности, и нисколько не смотрѣлъ духовною особой. Такимъ онъ изображенъ и на портретѣ Тиціана. Въ чертахъ лица его гораздо больше благородства, чѣмъ у другихъ членовъ той же фамиліи. Во всей фигурѣ его много изящества; но лицо сверхъ того нравится своимъ открытымъ и прекраснымъ выраженіемъ: строгость его смягчена легкимъ меланхолическимъ оттѣнкомъ. Исторически извѣстныя свойства молодого кардинала соотвѣтствовали его привлекательной наружности. Горячій темпераментъ его не выносилъ однообразія и увлекался многими порывами. Ипполитъ любилъ пышность и въ то же время извѣстенъ былъ своимъ великодушіемъ и щедростію. Живя при папскомъ дворѣ, молодая дукессина часто имѣла случай видѣть своего родственника, и не осталась равнодушна къ его достоинствамъ. Эта склонность тѣмъ замѣчательнѣе, что была едва ли не единственною въ молодости Катерины. Съ своей стороны Ипполитъ, которому тогда было не болѣе двадцати лѣтъ, тоже отвѣчалъ ей взаимностію. Между ними скоро образовались отношенія истинной привязанности и дружбы. Тутъ было мѣсто любви, и для Катерины, казалось, готовилось семейное счастіе. По словамъ венеціанскаго посланника, по городу уже ходили слухи, что Ипполитъ намѣренъ сложить съ

себя званіе кардинала и вступить въ бракъ съ своею родственницей, „къ которой онъ чувствуетъ склонность, и которая сама очень любитъ его“.

Но въ Римѣ Катерина такъ же мало была властна надъ собою, какъ и во Флоренціи. Она могла, по влеченію сердца, одному дарить свою склонность, другому отказывать въ ней; но выборъ жениха принадлежалъ ея попечителю. На глаза Климента это былъ вопросъ политики, а совсѣмъ не сердца. Изъ двухъ первыхъ предложеній ни одно не льстило его видамъ, и потому ни одно не встрѣтило съ его стороны благосклоннаго пріема. Правда, что вступивши въ бракъ съ делла-Ровере, Катерина съ бо́льшимъ правомъ могла бы сохранить за собою титло герцогини урбинской, которое продолжали давать ей въ Римѣ, несмотря на протестъ настоящаго владѣтеля герцогства. Но въ обѣихъ фамиліяхъ еще была слишкомъ свѣжа память недавней вражды, ихъ раздѣлявшей, и взаимныхъ оскорбленій, въ которыхъ онѣ не безъ основанія обвиняли одна другую, и потому ни съ той, ни съ другой стороны не могло быть искренняго желанія покончить старый споръ тѣснымъ родственнымъ союзомъ. Взаимная склонность между Катериною и сыномъ Джуліана, если и была замѣчена Климентомъ, едва ли казалась ему достойною серіознаго вниманія. Кромѣ того, что онъ уже однажды навсегда установилъ карьеру Ипполита, назначивъ его кардиналомъ, его корыстная душа не могла найти никакого интереса въ бракѣ между членами одной и той же фамиліи, которые ничего почти не въ состояніи были прибавить ни къ богатству, ни къ политическому значенію одинъ другого. Подобный союзъ не могъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ человѣка, который во всемъ искалъ только средства для возвышенія своей фамиліи.

Затѣмъ представлялись еще двѣ партіи, и притомъ обѣ очень выгодныя. Одинъ изъ претендентовъ находился въ самой Италіи и занималъ въ ней весьма видное мѣсто между владѣтельными лицами. Это былъ сынъ Лудовика Мора, по имени Франческо, герцогъ миланскій. Внутри Италіи Медичисы конечно не могли подобрать себѣ другой, столько же выгодной партіи. Надобно знать притомъ, что предложеніе это шло черезъ Карла V и служило съ его стороны знакомъ благоволенія къ покровительствуемому имъ герцогу. Родственный союзъ съ наслѣдникомъ имени Сфорцы могъ такимъ образомъ еще болѣе способствовать къ сближенію папы съ императоромъ, ибо вполнѣ согласовался съ ясно выраженными желаніями

послѣдняго. Но еще болѣе лестно должно было казаться Медичисамъ другое предложеніе, которое открывало имъ виды прямо на родственный союзъ съ однимъ изъ царствующихъ домовъ въ Европѣ. Въ одно время съ миланскимъ герцогомъ французскій король также искалъ руки Катерины для второго своего сына, герцога орлеанскаго. Какъ по высокому личному положенію Франциска, такъ и по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ находился къ Италіи, предложеніе его представляло много выгодныхъ сторонъ для честолюбиваго первосвященника, употреблявшаго всѣ средства, чтобъ упрочить вліяніе своей фамиліи на дѣла полуострова. Лично для невѣсты также нельзя было пожелать болѣе приличной партіи. Генрихъ Орлеанскій былъ тогда въ самой цвѣтущей порѣ своей молодости. Не принадлежа къ числу богато одаренныхъ личностей, онъ впрочемъ умѣлъ внушить современникамъ болѣе выгодное понятіе о себѣ, чѣмъ старшій его братъ, который считался наслѣдникомъ французскаго престола. Венеціанскіе послы, бывшіе при французскомъ дворѣ, хвалятъ статный видъ Генриха и отдаютъ полную справедливость его ловкости въ военныхъ упражненіяхъ. Онъ былъ отличный наѣздникъ, превосходно владѣлъ оружіемъ и не зналъ себѣ соперника ни въ какихъ занятіяхъ и играхъ, требовавшихъ матеріальной силы и ловкости. Передъ Францискомъ Сфорцою въ особенности, который считалъ уже себѣ тридцать семь лѣтъ и былъ болѣзненнаго сложенія, на сторонѣ французскаго претендента были неоспоримыя преимущества.

Климентъ VII располагалъ совершенно по своей волѣ рукою своей племянницы. Отъ него одного зависѣлъ выборъ ей жениха. Устранивъ прочихъ претендентовъ и оставшись при двухъ послѣднихъ, онъ однако долго не хотѣлъ произнести рѣшенія между ними. Не то чтобъ онъ сомнѣвался, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе по личнымъ качествамъ и достоинствамъ: расчеты этого рода очень мало входили въ его соображенія. Папа Климентъ VII—въ томъ согласны всѣ современныя свидѣтельства [1])—былъ человѣкъ робкаго духа и до крайности холоднаго сердца. Высокіе помыслы, широкіе планы не проникали въ его мелкую душу. Внѣ своихъ личныхъ и фамильныхъ интересовъ онъ не зналъ для себя никакихъ цѣлей. Заключившись въ этой тѣсной сферѣ, онъ постоянно озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы не потерять однажды

[1]) Кромѣ приведенныхъ выше, также Контарини, Соріано, Варки, Веттори и пр.

пріобрѣтеннаго положенія, боялся за каждый свой шагъ, былъ труденъ на рѣшенія, нерѣдко двуличенъ и лживъ. Поставленный между двумя большими политическими силами, которыя вели между собою упорную борьбу за преобладаніе въ Италіи, онъ къ тому направлялъ всѣ свои усилія, чтобы только удержаться самому между двумя сильными соперниками. Онъ не имѣлъ ни столько честолюбія, чтобы искать для себя роли посредника и мало-по-малу стараться возвыситься на степень трибунала надъ обѣими спорящими сторонами, ни столько духа и рѣшимости, чтобы, соединившись съ одной изъ нихъ, общими силами дѣйствовать противъ другой и потомъ имѣть свою долю въ добычѣ. Все искусство Климента, напротивъ, заключалось въ двусмысленномъ лавированіи между двумя соперниками, такъ чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ считать его рѣшительнымъ врагомъ себѣ и при случаѣ могъ быть полезенъ ему противъ другого. Само собою разумѣется, что этой цѣли никогда нельзя было достигнуть прямотою дѣйствій. Обманъ, ложь и лицемѣріе были единственно годныя для того средства. Не будучи въ тѣсномъ союзѣ ни съ Карломъ V, ни съ Францискомъ I, Климентъ старался держать себя такъ, чтобы не допустить до рѣшительнаго разрыва ни съ тою, ни съ другою стороной. Если одна изъ нихъ обѣщала ему больше выгодъ, онъ дѣлалъ видъ, что склоняется въ ея пользу; когда же она начинала брать видимый перевѣсъ надъ силами противника, папа спѣшилъ на дѣлѣ искать опоры противъ нея въ другомъ лагерѣ, а самъ между тѣмъ продолжалъ увѣрять ее въ своей дружбѣ.

Въ этомъ методическомъ отрицаніи прямого и твердаго расчета заключалась постоянная политическая система Климента. Нерѣдко она ставила его почти въ безвыходное положеніе. Разграбленіе Рима имперскими войсками было однимъ изъ горькихъ плодовъ ея. Но Климентъ и послѣ того не хотѣлъ измѣнить своего образа дѣйствій. Такъ черезъ нѣсколько времени послѣ римской катастрофы, какъ мы видѣли, онъ не усомнился скрѣпить свой союзъ съ императоромъ, чтобы съ его помощію предписать свою волю Флоренціи. Союзъ этотъ былъ, казалось, окончательно утвержденъ въ Болоньѣ. Но когда Карлъ V, для рѣшенія вопроса о реформѣ, началъ настаивать на созваніи собора, папа, не прекращая дружественныхъ увѣреній передъ императоромъ, снова сталъ искать случая привязать свои интересы къ политикѣ Франціи. Въ такихъ

обстоятельствахъ сдѣланы были Клименту съ обѣихъ сторонъ предложенія, относившіяся къ рукѣ его племянницы.

Про себя Климентъ, кажется, рѣшилъ довольно скоро, которому изъ двухъ предложеній слѣдуетъ отдать предпочтеніе, какъ болѣе согласному съ его политическими видами; но онъ медлилъ произнести свое рѣшеніе и дѣлалъ видъ передъ другими, будто самъ еще колеблется въ выборѣ. Ему не довольно было ввести въ свою политическую систему брачный союзъ своей племянницы: онъ хотѣлъ еще извлечь для нея выгоду изъ самаго сватовства. Уже въ 1531 году переговоры съ французскимъ дворомъ относительно замужества Катерины были въ полномъ ходу. Габріель де-Грамонъ, епископъ тарбскій, нарочно присланъ былъ въ Римъ съ предложеніями отъ Франциска I. Онъ хотѣлъ, чтобы второму сыну его, Генриху Орлеанскому, вмѣстѣ съ рукою дукессины обѣщано было, отъ имени императора, Миланское герцогство, въ случаѣ бездѣтной смерти Франческо Сфорцы. Папа, разумѣется, долженъ былъ взять на себя посредничество. Во мнѣніи Франциска I это былъ самый приличный способъ положить конецъ старой враждѣ его съ императоромъ. Климентъ могъ только льститься предложенными ему условіями, и весьма вѣроятно, что въ душѣ онъ улыбался имъ, а между тѣмъ въ то же самое время онъ увѣрялъ другихъ, что готовъ породниться съ Сфорцою, если только императоръ согласится утвердить жениха во владѣніи герцогствомъ. Въ этомъ смыслѣ писалъ Карлу V и духовникъ его, бывшій тогда въ Римѣ посланникомъ, находя съ своей стороны, что это было бы самое вѣрное средство отбить у французовъ всякую охоту вмѣшиваться впредь въ дѣла Италіи. Климентъ не переставалъ увѣрять его въ своей неизмѣнной преданности императору и отзывался о французахъ въ самыхъ нелестныхъ выраженіяхъ, говоря, что имъ нельзя ни въ чемъ довѣрять, и что они всегда имѣютъ въ виду лишь свои собственныя выгоды. Ему, правда, не удалось обмануть проницательности Карла: тотъ рано уже началъ догадываться, что папа опять склоняется къ союзу съ его противникомъ. Но Климентъ продолжалъ свои отрицанія и оттягивалъ со дня на день окончательное рѣшеніе. У него явились вновь нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ искренности французскихъ предложеній. Подозрительнымъ казалось ему желаніе Франциска довольствоваться пока только помолвкою своего сына съ Катериною, а самый бракъ праздновать уже во Франціи. Чтобы лучше вызнать настоящія его намѣренія, Климентъ поддерживалъ переговоры съ повѣ-

ренными императора относительно предложенія миланскаго герцога. Этотъ маневръ не замедлилъ произвести свое дѣйствіе на Франциска. Чтобы не дать предупредить себя своему сопернику и скорѣе добиться рѣшительнаго отвѣта отъ папы, онъ предложилъ ему личное свиданіе въ Ниццѣ. Климентъ изъявилъ полное согласіе на предложеніе короля, а самъ между тѣмъ, черезъ пословъ императора, спѣшилъ повторить передъ нимъ увѣреніе въ готовности своей устроить бракъ племянницы согласно съ его желаніями. Такъ какъ Сфорца получилъ уже инвеституру на герцогство, то папа ставилъ теперь съ своей стороны другое условіе, то-есть чтобы герцогу были гарантированы его владѣнія на случай внѣшняго нападенія. Уже союзъ съ Франціею окончательно рѣшенъ былъ въ мысляхъ Климента, какъ онъ однажды, находясь съ глазу на глазъ съ духовникомъ Карла V, вдругъ поднялъ руки къ небу и съ большимъ жаромъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы весь міръ былъ подъ властію императора! Если бы даже потребовалось, чтобы я для того отказался отъ папскаго достоинства, клянусь Богомъ, я не постоялъ бы и за то!“

Свиданіе, назначенное въ Ниццѣ, не состоялось по разнымъ причинамъ. Вмѣсто того въ слѣдующемъ (1532) году Клименту опять пришлось ѣхать въ Болонью для личныхъ переговоровъ съ императоромъ. Съѣздъ былъ довольно многочисленный. Между другими посѣтителями сюда явился и Франческо Сфорца, полный надеждъ на успѣхъ своего домогательства. И въ самомъ дѣлѣ, все казалось благопріятствовало его желанію. Императоръ, державшій его сторону, могъ теперь лично дѣйствовать на папу, который постоянно нуждался въ его помощи, какъ по своимъ отношеніямъ къ Флоренціи, такъ и по ходу религіознаго вопроса въ Германіи. Но французскій дворъ также отправилъ своихъ представителей въ Болонью. Прибывъ сюда, они тотчасъ сдѣлали папѣ формальное предложеніе на счетъ брака его племянницы съ герцогомъ орлеанскимъ. Казалось, Клименту нельзя было больше уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта, и двуличное поведеніе его должно было кончиться; однако онъ и тутъ умѣлъ еще извернуться. Принужденный вести переговоры съ послами Франциска такъ сказать въ глазахъ его противника, онъ оправдывался тѣмъ, что какъ французское предложеніе сдѣлано ему прежде миланскаго, то отдать предпочтеніе послѣднему значило бы съ его стороны прямо оскорбить короля, но что впрочемъ онъ нисколько не вѣритъ искренности Франциска и думаетъ съ своей сто-

роны, что тотъ хочетъ притворнымъ сватовствомъ только выиграть время. Карлъ V едва ли давалъ много вѣры словамъ Климента, но чтобы скорѣе рѣшить всѣ сомнѣнія, самъ же побудилъ его заставить французскихъ пословъ поспѣшить предъявленіемъ окончательнаго полномочія для заключенія предположеннаго союза.

Покидая весною 1533 г. Болонью, Климентъ VII увозилъ съ собою два готовые брачные договора. Въ одно и то же время онъ умѣлъ уладить союзъ Катерины съ Генрихомъ Валуа и получить согласіе Карла V на бракъ его побочной дочери Маргариты съ Александромъ Медичи, который тогда носилъ уже титло герцога флорентинскаго.

VI.

Возвратимся къ Катеринѣ Медичи. Мы оставили ее въ Римѣ; но около того времени, когда рѣшался выборъ жениха ея, находимъ ее уже снова во Флоренціи, куда она опять была перемѣщена по волѣ своего попечителя.

Катерина давно уже перестала быть ребенкомъ. Для нея наступилъ тотъ возрастъ, когда женщина начинаетъ обращать на себя вниманіе самою своею внѣшностію. Еще находясь въ Римѣ, по тринадцатому году, она уже заставляла говорить о себѣ видѣвшихъ ее чужестранцевъ. До насъ дошло отъ того времени одно краткое описаніе ея внѣшняго вида, сохранившееся въ донесеніяхъ венеціанскаго посланника Соріано. „Дукессинѣ“, говоритъ онъ, „наступилъ тринадцатый годъ. Это дѣвушка очень живыхъ свойствъ, общительнаго характера и тонкаго образованія. Она не велика ростомъ и худощава; черты лица ея нельзя назвать тонкими; въ наружности ея замѣчательны особенно выдающіеся глаза, какъ у большей части членовъ дома Медичисовъ“.

Съ теченіемъ времени эти первыя скудныя извѣстія о внѣшности Катерины пополняются чертами болѣе наглядными. Малу-по-малу она становится интересною особою, такъ что многія лица, въ особенности близкія къ ней, желаютъ имѣть у себя ея изображеніе. Сколько извѣстно, въ Римѣ уже Себастіанъ дель-Пьомбо, ученикъ Микель Анджело, писалъ съ нея портретъ; но почему-то художникъ не могъ окончить своего труда, и онъ остался въ гардеробной комнатѣ папы, какъ вещь, недостигшая своего назначенія. Нѣсколько портре-

товъ съ Катерины сдѣлано было потомъ во Флоренціи. Первый изъ нихъ писанъ былъ Вазари, имѣвшимъ тогда не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, по порученію герцога Александра; второй приписывается мастерской кисти Анджело Бронцино, одного изъ превосходнѣйшихъ флорентинскихъ колористовъ, котораго картина «Сошествіе во адъ» безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній галлереи Уффици. Говоря о своемъ портретѣ съ герцогини урбинской, Вазари разсказываетъ по этому случаю одну черту, которая также можетъ итти къ ея характеристикѣ. „Я бы очень желалъ", говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „передать милую веселость ея нрава, но къ сожалѣнію она не поддается никакой кисти. Недавно еще она заставила меня смѣяться. Однажды я провелъ цѣлое утро за ея портретомъ и потомъ ушелъ, оставивъ на мѣстѣ мою палитру съ красками. Послѣ обѣда возвращаюсь, чтобы опять приняться за работу, и что же нахожу? она ужъ успѣла намалевать тутъ какую-то негритянку. Я тотчасъ бросился назадъ, думая, что если такъ пойдетъ, то наконецъ и самому живописцу не миновать той же участи". Гораздо болѣе извѣстно впрочемъ третье изображеніе Катерины, приписываемое кисти Бронцино. Снимокъ съ него приложенъ къ сочиненію Альбери, и онъ же потомъ повторенъ въ маломъ объемѣ при книгѣ нашего автора. Глядя на этотъ портретъ, который хотя сдѣланъ позже другихъ, долженъ впрочемъ относиться къ той же порѣ въ жизни Катерины, тотчасъ узнаешь италіанскій типъ. Правильныя, хотя нѣсколько грубыя черты, высокій лобъ, большіе глаза на выкатѣ, вообще красивое, хотя и не очень привлекательное лицо; выраженію не достаетъ женской нѣжности: въ немъ больше ума, нежели души. Описаніе Брантома, хотя оно сдѣлано много лѣтъ послѣ того, отчасти тоже можетъ итти сюда. Говоря о Катеринѣ, онъ хвалитъ ея красивый и величавый видъ, не лишенный впрочемъ пріятности, ея стройную талію, бѣлый цвѣтъ кожи и въ особенности прекрасную форму рукъ. По его словамъ, это послѣднее преимущество Катерина сохранила до конца своей жизни, и какъ бы по наслѣдству передала его потомъ Генриху III, любимому изъ своихъ сыновей.

Такъ описывали, кистію и перомъ, наружность герцогини урбинской ея современники, имѣвшіе случай много всматриваться въ нее. Очевидно, внѣшній видъ Катерины и ея умѣнье держать себя много говорили въ ея пользу. Она могла также нравиться и нѣкоторыми сторонами своего характера. Какъ

видно и въ ней игра молодости сказывалась наклонностію къ шуткѣ и разнымъ невиннымъ проказамъ. Все это въ порядкѣ вещей; но притомъ въ Катеринѣ не замѣчается ничего необыкновеннаго, что бы заставляло предполагать для нея особенное призваніе. Дочь своего вѣка, Катерина, повидимому, вовсе не имѣла назначенія стать выше его, а развѣ только вѣрно выразить собою нѣкоторыя характеристическія его стороны.

Въ образованіи герцогини немаловажное мѣсто занимаетъ вторичное пребываніе ея во Флоренціи. Неизвѣстно, какою мыслію руководился папа, отсылая племянницу обратно въ тотъ городъ, который столько времени служилъ ей мѣстомъ печальнаго заключенія. Придавалъ ли онъ особенную цѣну присутствію членовъ своей фамиліи среди флорентинскаго общества, послѣ того какъ для нихъ не было здѣсь болѣе никакой опасности? или онъ увидѣлъ необходимость помѣстить молодую дѣвушку въ болѣе приличной для нея средѣ, такъ чтобы она менѣе чувствовала свое сиротство и могла въ хорошихъ рукахъ довершить свое умственное и нравственное воспитаніе? Достовѣрно лишь то, что отправляя племянницу снова во Флоренцію, Климентъ поручалъ ее особенному вниманію и попеченію одной дальней своей родственницы, Маріи Сальвіати де-Медичи. Эта женщина двойными узами связана была съ фамиліею, имя которой продолжала удерживать за собою. Мать ея, по имени Лукреція, была родная сестра папы Льва X. Джакопо Сальвіати, за которымъ она была замужемъ, происходилъ также отъ одной изъ знаменитыхъ флорентинскихъ фамилій, жилъ обыкновенно въ Римѣ и принадлежалъ къ числу довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ сначала Льва X, а потомъ и Климента VII. Отъ этого брака родилась Марія, которая въ свою очередь возвратилась въ семейство Медичисовъ, вышедши замужъ за Джованни, происходившаго отъ младшей отрасли той же самой фамиліи и составившаго себѣ довольно славное имя между современниками. Подъ именемъ Giovanni delle Bande nere, какъ называли его отъ имени дружинъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, онъ извѣстенъ былъ во всей Италіи. Въ свое время на него возложено было много прекрасныхъ надеждъ, и какъ онъ былъ въ цвѣтѣ молодости, то и самое исполненіе ихъ не казалось несбыточнымъ. Изъ всѣхъ Медичисовъ онъ одинъ имѣлъ рѣшительное военное призваніе и въ короткое время далъ много залоговъ своего несомнѣннаго мужества и энергіи. Но ему суждена была преждевременная смерть. Джо-

ванни палъ при Мантуѣ въ 1526 г., сражаясь съ ланцкнехтами Георга Фрундсберга. Оставшись вдовою еще въ молодыхъ лѣтахъ, Марія впрочемъ не хотѣла болѣе принимать никакихъ предложеній и посвятила себя воспитанію своего восьмилѣтняго сына Козьмы, сдѣлавшагося впослѣдствіи флорентинскимъ герцогомъ. Вообще о благоразуміи и поведеніи Маріи Сальвіати современники отзываются въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя сомнѣваться въ ея личныхъ достоинствахъ.

Ей-то досталось раздѣлить вмѣстѣ съ вѣрнымъ Оттавіано де-Медичи послѣднія заботы надъ воспитаніемъ молодой дѣвушки, которая считалась уже невѣстою и черезъ нѣсколько времени должна была вступить въ чужую семью самостоятельнымъ членомъ. Во флорентинскомъ окруженіи ея, рядомъ съ Маріею Сальвіати, нерѣдко также встрѣчается имя Катерины Тибо, герцогини Камерино. Послѣдняя пользовалась репутаціею высокообразованной женщины своего времени, которой понятія выходили изъ обыкновеннаго круга женскаго воспитанія. Сверхъ того она была женщина испытанная тяжелою жизнію, и не разъ имѣла случай показать свой крѣпкій духъ и непоколебимость своихъ правилъ. Немудрено, что подъ вліяніемъ этихъ двухъ женщинъ пополнились нѣкоторые пробѣлы въ воспитаніи Катерины, оставшіеся отъ прежняго столь неблагопріятнаго для нея времени. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что она принесла потомъ въ свое новое отечество много просвѣщенной любви къ искусству и образованнаго вкуса, которые долгое время были какъ бы наслѣдственнымъ качествомъ въ фамиліи Медичисовъ, и до сихъ поръ составляютъ едва ли не лучшее ихъ право на почетное мѣсто въ исторіи. То были конечно медицейскія преданія лучшаго времени, которыя впослѣдствіи заставили Катерину предпринять распространеніе Лувра и сооруженіе вновь Тюльери и другихъ зáмковъ, выписывать въ Парижъ дорогія рукописи изъ Италіи и дарить свое высокое вниманіе и покровительство такимъ людямъ, какъ Лопиталь и Монтань. Но если бы спросили, въ какую пору жизни она могла лучше всего познакомиться съ этими преданіями, или, что́ впрочемъ то же самое, подъ какимъ вліяніемъ развились въ ней подобные вкусы, мы можемъ указать въ отвѣтъ, слѣдуя нашему автору, только на время вторичнаго ея пребыванія во Флоренціи, когда она сама достигла уже довольно зрѣлаго возраста и находилась подъ руководствомъ двухъ женщинъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ и опытностію. Заимствовалась ли отъ нихъ будущая

королева Франціи также и нѣкоторыми правилами для жизни,— этотъ вопросъ рѣшить гораздо труднѣе, по недостатку точныхъ данныхъ для того, чтобы строго отличить одно отъ другого различныя практическія вліянія, дѣйствовавшія на нее въ разное время.

Во Флоренціи же застало Катерину извѣстіе о брачномъ договорѣ, заключенномъ на ея имя Климентомъ съ уполномоченнымъ Франциска. Мы ничего не знаемъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на нее эта важная вѣсть. Повидимому впрочемъ, Катерина не имѣла никакихъ возраженій и осталась довольна распоряженіемъ своего попечителя. Затѣмъ начались приготовленія къ брачному торжеству, которыя взяли нѣсколько мѣсяцевъ. Климентъ VII не отказывался отъ своего желанія лично видѣться до того времени съ Францискомъ гдѣ-нибудь въ Италіи, чтобы окончательно уговориться съ нимъ объ условіяхъ; но предположенное свиданіе опять не состоялось, и наконецъ Марсель назначенъ былъ какъ для съѣзда, такъ и для празднованія самаго торжества. Между тѣмъ Катерина, какъ уже объявленная невѣста, вступила въ свѣтъ, то-есть стала показываться въ публикѣ и участвовать въ разныхъ церемоніяхъ. Такъ сохранились подробности объ участіи ея въ торжественномъ пріемѣ Маргариты австрійской, по случаю проѣзда ея черезъ Флоренцію. Это было весною 1533 года. Какъ мы видѣли, Климентъ VII, находясь въ Болоньѣ, успѣлъ устроить два выгодные для себя союза. Второй изъ нихъ, по которому герцогъ Александръ получалъ руку побочной дочери императора, долженъ былъ служить для поддержанія равновѣсія, нѣсколько нарушеннаго союзомъ съ Франціею. Но Маргаритѣ едва только исполнилось девять лѣтъ. До времени совершеннолѣтія положено было отправить ее въ Неаполь къ тамошнему намѣстнику, донъ Педро де-Толедо, куда путь лежалъ ей черезъ резиденцію ея жениха. По этому случаю во Флоренціи назначено было происходить большому параду. Между двѣнадцатью знатными дамами, которыя выѣзжали въ процессіи встрѣчать невѣсту герцога, находилась также Катерина Медичи. Встрѣча произошла въ богатой виллѣ Каффаджіоло, на болонской дорогѣ. Въ тотъ же день Маргарита имѣла торжественный въѣздъ въ самый городъ. Вступивъ во Флоренцію черезъ ворота Прато, поѣздъ направился отсюда по главнымъ улицамъ ко дворцу Медичисовъ. Впереди ѣхалъ герцогъ Александръ съ двумя кардиналами, изъ которыхъ одинъ былъ родственникъ его Тибо, а другой нарочно присланъ былъ импе-

раторомъ сопровождать невѣсту до мѣста ея назначенія. Потомъ слѣдовала сама Маргарита, имѣя по одну сторону свою будущую родственницу; за ними шли ланцкнехты, аллебардисты и множество знатныхъ гражданъ. Несмотря на будни, празднество продолжалось послѣ того до самаго вечера. Въ церкви С. Феличе представлена была одна мистерія; на площади Санта-Кроче, гдѣ прежде происходили рыцарскіе турниры, данъ бой быковъ, и въ заключеніе всего на площади С. Лоренцо сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Десять дней потомъ Маргарита гостила во дворцѣ Медичисовъ, среди почета и увеселеній всякаго рода, и наконецъ, откланявшись своему жениху, отправилась на жительство въ Неаполь.

Папа между тѣмъ озабоченъ былъ заготовленіемъ для своей племянницы приличнаго приданаго. Несмотря на свою скупость, онъ не жалѣлъ издержекъ, чтобъ отпустить ее отъ себя какъ богатую невѣсту и ничѣмъ не уронить достоинства своего дома. Сверхъ наслѣдственныхъ имѣній своей матери, Катерина получала еще значительную сумму денегъ (130,000 золотыхъ монетъ, aureorum solarium). Для покрытія этой суммы одинъ банкъ Строцци ссудилъ папѣ 80,000 дукатовъ, подъ залогъ многихъ драгоцѣнныхъ вещей, въ томъ числѣ одной мантіи съ украшеніями Бенвенуто Челлини. Не возвративъ при жизни Климента и половины своихъ денегъ, Филиппъ Строцци долженъ былъ потомъ вѣдаться съ его преемниками, которые впрочемъ очень мало были расположены платить чужіе долги. Сверхъ того большія суммы употреблены были на приготовленіе невѣстѣ богатаго приданаго. По показанію современниковъ, оно въ самомъ дѣлѣ отличалось не только роскошью, но и изяществомъ. Флорентинцы много дивились красотѣ различныхъ уборовъ и постельныхъ занавѣсовъ, вытканныхъ золотомъ по бархату. Весь домашній приборъ сдѣланъ былъ въ отличнѣйшемъ вкусѣ, какъ умѣли тогда дѣлать только въ Италіи. Притомъ, говорятъ, никогда еще не видано было въ такомъ количествѣ самаго дорогого и красиваго жемчугу. Катерина привезла его во Францію въ такомъ обиліи, что изъ него потомъ составился еще богатый подарокъ для невѣстки ея, Маріи шотландской, которую иногда можно видѣть въ этомъ нарядѣ на современныхъ изображеніяхъ. Но самою драгоцѣнною вещью въ художественномъ отношеніи изъ всѣхъ, которыя Катерина вывезла съ собою изъ Италіи, былъ небольшой ящикъ изъ горнаго хрусталя съ золотою оправою, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Валеріо Вичентино, въ искусствѣ

рѣзьбы на камнѣ уступавшаго развѣ только древнимъ художникамъ. Этотъ ящикъ, неизвѣстно когда и по какому загадочному случаю, впослѣдствіи опять воротился въ Италію и въ настоящее время находится въ большомъ флорентинскомъ собраніи геммъ. Повидимому, онъ назначался первоначально для церковнаго употребленія, и потому стѣнки его покрыты священными изображеніями изъ жизни Спасителя, отъ поклоненія волхвовъ до вознесенія на небо; но на крышѣ изображенъ гербъ Медичисовъ съ именемъ Климента. Всѣ эти работы, по увѣренію знатоковъ, въ техническомъ отношеніи немного имѣютъ себѣ равнаго. Вообще папа, отправляя племянницу къ иностранному двору, не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь и старался богатствомъ и блескомъ дополнить то, чего не доставало ей для уравненія съ урожденными принцессами. Жаль только, что флорентинцамъ же пришлось поплатиться частію и за эти издержки. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ современники новый тяжелый налогъ, которымъ флорентинскіе граждане обложены были въ іюлѣ того же года. Предлогомъ къ тому служили работы, предпринятыя для возведенія одного новаго форта, на самомъ же дѣлѣ бóльшая часть собранной суммы пошла на приданое папской племянницы.

Наконецъ и приданое невѣсты было готово, но поѣздка ея во Францію долго еще отлагалась по причинѣ лѣтнихъ жаровъ. Боялись впрочемъ не столько за нее, сколько за здоровье Климента, который хотѣлъ самъ сопровождать племянницу и присутствовать при заключеніи брачнаго союза. Съ своей стороны Карлъ V употреблялъ различныя пружины, чтобы не допустить папу до свиданія съ Францискомъ. Но, несмотря на всѣ препятствія, Климентъ не хотѣлъ болѣе измѣнять своего рѣшенія. Не располагаясь самъ ѣхать во Флоренцію, онъ далъ порученіе Филиппу Строцци собрать невѣсту въ дорогу и сопутствовать ей первое время. Послѣ прощальнаго обѣда, на который приглашены были знатныя флорентинскія дамы, Катерина навсегда откланялась своему родному городу, и 1 сентября выѣхала по дорогѣ къ Пистойѣ. Катерина Тибо, Марія Сальвіати Медичи и нѣкоторыя другія родственныя дамы провожали невѣсту далеко за городъ. Между спутниками ея, кромѣ Филиппа Строцци, упоминается также Франческо Гвиччардини. Герцогъ Александръ дожидался поѣзда въ виллѣ Поджіо и отсюда провожалъ его до Пистойи. Между тѣмъ французскія суда ждали уже Катерину у живописнаго морского берега, неподалеку отъ Специи. Они были

приведены сюда кардиналомъ Альбани, который не разъ уже участвовалъ въ сватовствѣ своей родственницы. Принявъ невѣсту на корабль, онъ отвезъ ее въ Ниццу, а самъ возвратился къ тосканскимъ берегамъ, чтобы служить при переправѣ другого именитаго гостя, также направлявшаго свой путь къ предѣламъ Франціи.

Спустя недѣлю послѣ выѣзда Катерины изъ Флоренціи, Климентъ VII также тронулся изъ Рима. Но какъ въ предшествующемъ году, во время своей вторичной поѣздки въ Болонью, такъ и теперь онъ старался всячески миновать Флоренцію, и чтобы только не ѣхать на нее, предпочелъ пробираться почти безъ дорогъ черезъ Умбрію, гдѣ путешественнику приходилось иногда итти по нѣскольку миль пѣшкомъ, потому что лошади падали, и даже мулы не выдерживали труднаго пути. По его словамъ, онъ дѣлалъ это для того, чтобъ избавить флорентинцевъ отъ лишнихъ издержекъ, неизбѣжныхъ при проѣздѣ такого высокаго гостя; но всякій видѣлъ, что это была съ его стороны лишь пустая отговорка. Никто также не подумаетъ искать настоящаго побужденія, почему бы папа желалъ во что бы то не стало миновать Флоренцію, въ чувствѣ его раскаянія или стыда передъ ея жителями: и въ цвѣтущее свое время Медичисы не отличались много подобными чувствами, а въ XVI вѣкѣ, за весьма немногими исключеніями, кажется утратили о нихъ и самое понятіе. Климента VII удерживала отъ проѣзда черезъ Флоренцію боязнь имъ же самимъ возбужденной ненависти и никогда не погасавшее въ немъ самомъ враждебное чувство къ ея гражданамъ. Ему, безъ сомнѣнія, непріятно было показаться въ городѣ, который онъ никогда не любилъ, и который продолжалъ испытывать на себѣ его мстительную политику. Итакъ папа, въ сопровожденіи десяти кардиналовъ и многихъ епископовъ и прелатовъ, направился изъ Рима на Монтепульчіано и потомъ, продолжая путь долинами Кьяны и Эльзы, достигъ Пизы. Парадная галера ожидала его въ Ливорно. Когда онъ сѣлъ на корабль, эскадра Доріи и многія другія суда́, стоявшія на рейдѣ, привѣтствовали его выстрѣлами изъ всѣхъ своихъ орудій и потомъ двинулись всѣ за нимъ, какъ бы составляя почетную его свиту. Флотилія продолжала держаться берега и скоро пристала къ Виллафранкѣ, близь Ниццы, гдѣ Катерина ожидала своего попечителя. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы ѣхать къ французско-савойской границѣ, гдѣ назначено было происходить помолвкѣ;

но какъ герцогъ савойскій, по своимъ отношеніямъ къ императору, не соглашался допустить на своей землѣ свиданіе между папою и Францискомъ, то принято было новое рѣшеніе—взявъ невѣсту на корабль, ѣхать изъ Ниццы прямо къ Марсели, гдѣ уже сдѣланы были всѣ приготовленія для пріема именитыхъ гостей.

Самого короля еще не было въ Марсели, но посланный имъ впередъ маршалъ Монморанси ждалъ только приближенія флотиліи, чтобы выѣхать ей на встрѣчу. 12 октября 1533 она показалась передъ городомъ. Едва завидѣвъ папскій флагъ, бригантины и фрегаты, стоявшіе въ гавани, съ музыкою пошли впередъ, въ городѣ раздался колокольный звонъ, и загремѣло 300 орудій въ честь новопріѣзжихъ. Маршалъ принялъ папу на другомъ концѣ гавани, у дверей своего великолѣпно убраннаго дома, гдѣ гости нашли себѣ временное помѣщеніе. На другой же день послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ городъ. Климента несли на плечахъ въ большихъ креслахъ; онъ былъ въ одеждѣ первосвященника, но безъ тіары; за нимъ ѣхали на мулахъ кардиналы, по-двое въ рядъ. Потомъ слѣдовала въ великолѣпномъ нарядѣ герцогиня урбинская, окруженная пышною свитою дамъ и кавалеровъ, принадлежавшихъ къ обѣимъ націямъ. Въ такомъ порядкѣ процессія вступила въ городъ и остановилась въ нарочно приготовленномъ для того дворцѣ. Тутъ помѣстился папа съ своею племянницею и со всѣмъ своимъ штатомъ, а другой домъ, прямо черезъ улицу, приготовленъ былъ для пребыванія короля, — и чтобы высокіе посѣтители во всякое время могли удобнѣе сходиться между собою, оба дома были соединены большими деревянными переходами, вмѣщавшими въ себѣ цѣлую огромную залу. Король также не заставилъ себя долго ждать. Онъ прибылъ на слѣдующій день, тоже остановился въ домѣ маршала и спѣшилъ прежде всего отдать папѣ свой поклонъ и принять отъ него благословеніе. Тогда открылась вторая процессія, почти не менѣе пышная, какъ и первая. Многіе принцы крови и другія знатныя особы сопровождали короля въ его шествіи. По тогдашнему обычаю, иностранные посланники также слѣдовали за дворомъ. Папа встрѣтилъ короля съ обычною торжественностію, сидя на возвышенномъ мѣстѣ и окруженный своими духовными сановниками. Когда король сталъ передъ нимъ на колѣни, Климентъ приподнялъ его и принялъ въ свои объятія. Въ заключеніе церемоніи парижскій епископъ, отъ имени короля, держалъ рѣчь передъ папою. Откланиваясь, Францискъ пригласилъ

къ своему столу нѣкоторыхъ кардиналовъ, въ томъ числѣ Ипполита Медичи, который изъ всѣхъ присутствовавшихъ наиболѣе обратилъ на себя его вниманіе.

Вскорѣ послѣ того прибыла въ Марсель и Элеонора, вторая супруга Франциска I, она же сестра императора, съ принцами королевскаго дома. Когда наконецъ женихъ и невѣста были на лицо, немедленно было приступлено и къ самому брачному торжеству. Ни одно извѣстіе не говоритъ о томъ, успѣли ли они до того времени обмѣняться своими чувствами, ни даже какое произвели другъ на друга впечатлѣніе. Объ этомъ никто впрочемъ и не заботился, ибо бракъ былъ политическій. Такъ какъ по лѣтамъ женихъ и невѣста были подъ пару другъ другу, то казалось, что ужъ выполнены были и всѣ условія счастливаго союза. Современныя извѣстія гораздо болѣе заняты почетными гостями, присутствовавшими на брачномъ торжествѣ, между которыми Климентъ VII и Францискъ I занимали главное мѣсто. Папа самъ благословилъ бракъ, такъ счастливо устроившійся согласно съ его видами и желаніями. Но общее вниманіе обращено было въ эти дни всего болѣе на Франциска, который показалъ себя тутъ съ самой выгодной своей стороны и обворожилъ всѣхъ своими рыцарскими свойствами. Элеонора также старалась не отстать отъ мужа любезностію обращенія. Изъ трехъ принцевъ королевскаго дома каждый умѣлъ тою или другою стороною расположить въ свою пользу присутствующихъ. О Генрихѣ замѣчаютъ, что веселостію нрава и общительностію онъ отличался даже передъ прочими братьями. Столько прекрасныхъ свойствъ, соединенныхъ въ одномъ семействѣ, если и не могли замѣнить для Катерины любви и симпатіи, по крайней мѣрѣ должны были облегчить ей переходъ въ новую семью и ужъ никакъ не предвозвѣщали ей тѣхъ тревогъ, которыя ожидали ее въ будущемъ.

Во Флоренціи память объ этомъ событіи до сихъ поръ сохраняется въ одной изъ залъ стараго палаццо (Palazzo vecchio), гдѣ происходили нѣкогда засѣданія синьоріи. Исполняя порученіе герцога Козьмы I, Вазари изобразилъ здѣсь на стѣнѣ брачный союзъ Катерины Медичи съ Генрихомъ Валуа. Хотя картина сдѣлана позже событія и не отличается особенными достоинствами кисти, но тѣмъ не менѣе она всегда останется интересна представленными на ней лицами. Главное мѣсто въ ней опять принадлежитъ Клименту VII. Онъ вручаетъ принцу руку своей племянницы. Около нихъ изображены, вмѣстѣ съ высокими свидѣтелями церемоніи, и нѣкоторые другіе знатные

современники, какъ-то король и королева наваррскіе, Марія Гизъ, королева шотландская, также многіе кардиналы. Изъ ближайшихъ родственниковъ Катерины недостаетъ только Филиппа Строцци: это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Козьма I, смертельный врагъ Филиппа, не хотѣлъ потерпѣть его подлѣ себя даже въ картинѣ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ вѣрно отражающей въ себѣ дѣйствительность.

Болѣе мѣсяца продолжалось пребываніе Климента VII и прочихъ высокихъ гостей въ Марсели. Лишь въ послѣднихъ числахъ ноября, послѣ торжественной службы, за которою было объявлено всеобщее отпущеніе грѣховъ, папа опять сѣлъ на корабль и отправился въ обратный путь. Въ томъ же старомъ палаццо флорентинской синьоріи и рукою того же художника представлено возвращеніе Климента въ Римъ послѣ бракосочетанія племянницы. Шествіе его имѣетъ видъ тріумфальнаго. Разныя символическія фигуры, побѣда, согласіе, спокойствіе и миръ, ведутъ его въ Римъ какъ побѣдителя. Художникъ какъ будто хотѣлъ сказать зрителю, что дѣло, устроенное Климентомъ въ Марсели было послѣднимъ вѣнцомъ его политики и источникомъ многихъ выгодъ какъ для него самого, такъ и для Италіи. Въ сущности впрочемъ выгоды новаго союза были вовсе не такъ значительны, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда. Собственно говоря, онъ не произвелъ никакого важнаго измѣненія въ политикѣ: положеніе дѣлъ въ юго-западной Европѣ осталось послѣ него то же самое. На сторонѣ союзъ долженъ былъ представляться тѣснѣе и грознѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Какъ ни нуждались Климентъ VII и Францискъ I въ помощи другъ друга противъ императора, котораго оба они имѣли причины опасаться, и какъ ни горько долженъ былъ плакаться первый, въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ съ своимъ новымъ союзникомъ, на недостатокъ единомыслія и добраго согласія въ прошедшемъ, изъ послѣднихъ совѣщаній ихъ между собою не вышло никакого общаго плана дѣйствій и на будущее время. Во-первыхъ потому, что было уже слишкомъ поздно, или что самая лучшая пора, когда еще можно было надѣяться съ успѣхомъ противодѣйствовать общему врагу, была безвозвратно пропущена; во-вторыхъ, Климентъ VII даже и на этотъ разъ никакъ не могъ освободиться отъ свойственной ему нерѣшительности, или лучше сказать, отъ своей трусливой и эгоистической политики, которая заставляла его упорно держаться на серединѣ разстоянія между двумя противоположными лагерями, никогда не становясь рѣ-

шительно на одну сторону. Боязнь вооружить противъ себя Карла V побудила его и въ настоящемъ случаѣ довольствоваться лишь словесными обѣщаніями передъ Францискомъ и отвергнуть всякое письменное обязательство. Союзъ съ Франціею, при концѣ жизни, исполненной столькихъ тревогъ—замѣчаетъ нашъ авторъ—конечно прибавилъ новаго блеска дому Климента, но не доставилъ ему политическихъ выгодъ даже въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ привыкъ ихъ понимать.

Одно, чѣмъ могъ бы еще тщеславиться тогдашній глава фамиліи Медичисовъ, дѣйствительно вытекло впослѣдствіи изъ родственнаго союза, заключеннаго имъ съ французскимъ королевскимъ домомъ: это—возвышеніе бывшей (впрочемъ по имени только) герцогини урбинской на степень французской королевы и потомъ даже правительницы государства. Но такое неожиданное обстоятельство никакъ не могло входить въ расчеты Климента, потому что произошло вслѣдствіе преждевременной смерти дофина, котораго права на престолъ перешли такимъ образомъ на младшаго брата, мужа Катерины Медичи. Притомъ же Климентъ не дождался этой, столько лестной для всего дома, перемѣны въ судьбѣ своей племянницы. Онъ умеръ въ концѣ слѣдующаго (1534) лѣта, менѣе чѣмъ черезъ годъ по возвращеніи своемъ изъ Марсели. Верхомъ его политическаго искусства все-таки остается уничтоженіе свободы и самостоятельности своего родного города.

Въ одно время съ папою выѣхалъ изъ Марсели и Францискъ I съ своимъ вновь увеличившимся семействомъ. Изъ родственниковъ Катерины остался при ней лишь Филиппъ Строцци, котораго папа назначилъ своимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. Королевскій кортежъ направился къ Авиньону, чтобъ оттуда уже держать прямой путь къ Парижу. Катеринѣ Медичи не суждено было болѣе увидѣть свою родину: отнынѣ она сама, ея жизнь и вся ея дѣятельность неотъемлемо принадлежали Франціи.

Такъ исполнилось повидимому самое простое и обыкновенное дѣло въ лѣтописяхъ европейскихъ династій. Дѣвушка знатнаго происхожденія, наслѣдница очень громкаго имени не только въ Италіи, но и за ея предѣлами, вступала посредствомъ брака во французское королевское семейство. Кажется, что́ могло быть проще, и чего можетъ такъ усильно добиваться историческое изслѣдованіе, стараясь прослѣдить изъ года въ годъ

прежнюю жизнь даннаго лица, не только лишенную внутренней значительности, но не представляющую много и внѣшней занимательности? Не лучше ли было бы изслѣдователю, вмѣсто того, отправляться въ жизнеописаніи Катерины, какъ историческаго лица, прямо отъ того событія, которое впервые выдвинуло ее на видную историческую роль? Такъ и поступали предшествующіе историки, внимательно слѣдя за всѣми дѣйствіями Катерины и не теряя ея изъ виду съ той минуты, какъ она начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ своего новаго отечества и оказывать на нихъ видимое вліяніе. Какъ бы ни расходились мнѣнія историковъ о нравственномъ характерѣ дѣятельности Катерины во второй и большей половинѣ ея жизни, всѣ впрочемъ согласны въ важности ея роли и значительности ея вліянія на современныя происшествія во Франціи. Но всѣ замѣчаютъ при томъ, что эта роль носитъ на себѣ свой особенный характеръ, или что она не была условлена происходившими около нея событіями и подготовлена ими, но скорѣе наоборотъ — сама была приложена къ нимъ, какъ уже нѣчто данное, готовое. Такимъ образомъ историкамъ приходилось разсуждать о характерѣ роли, какъ они находили ее въ дѣйствіи, почти вовсе не занимаясь ея происхожденіемъ, и произносить надъ нею приговоры, мало думая о тѣхъ моральныхъ условіяхъ, которыми она была приготовлена заранѣе. Надобно же было наконецъ изслѣдователю спросить у себя, откуда взялась эта роль, которая, на разстояніи почти трехъ вѣковъ, нерѣдко еще приводитъ читателя въ ужасъ своими страшными чертами, и какія обстоятельства и вліянія подготовили ея образованіе, прежде чѣмъ она могла обнаружиться въ самомъ дѣйствіи.

Съ этой точки зрѣнія первая молодость Катерины и бракъ ея съ однимъ изъ принцевъ Валуа, которому назначено было впослѣдствіи занимать самый престолъ Франціи, получаютъ болѣе глубокій смыслъ въ глазахъ историка, чѣмъ можно было бы ожидать по первому виду. Брачный союзъ Катерины съ Генрихомъ Орлеанскимъ соединялъ нѣкотораго рода органическими узами Францію и Италію. Галера, на которой наслѣдница имени Медичисовъ переправлялась на французскую землю, перевозила вмѣстѣ съ нею цѣлый рядъ политическихъ идей и пріемовъ, выработанныхъ преимущественно въ Италіи и до сихъ поръ почти исключительно бывшихъ въ употребленіи въ ней самой. Никто конечно не станетъ утверждать, что, переѣзжая въ Марсель, Катерина везла съ собою и бу-

дущую судьбу своего новаго отечества въ продолженіе цѣлыхъ двухъ поколѣній; но нельзя также не признать, что въ этомъ будущемъ отразилось въ большей или меньшей степени то, чего зародышъ подготовленъ былъ въ ней обстоятельствами и впечатлѣніями ея юности. Въ этомъ отношеніи полной благодарности заслуживаетъ трудъ г. Реймонта, посвятившаго молодымъ годамъ Катерины, до брака ея съ Генрихомъ Валуа, особое изслѣдованіе, основанное на подлинныхъ документахъ и провѣренное многими современными памятниками.

Воспоминаніе о Тимоѳеѣ Николаевичѣ Грановскомъ *.

(Посвящено ученикамъ его).

Въ горькой утратѣ нѣтъ ничего утѣшительнѣе, какъ воспоминаніе объ утраченномъ. Мы всѣ, любившіе покойнаго и такъ неожиданно потерявшіе его, чувствуемъ, что потеря наша невознаградима, и воспоминаніями о его жизни стараемся облегчить столь тяжелую для насъ мысль о его смерти. Намъ все хочется думать, что онъ еще съ нами, и что не смерть, а сонъ смежилъ его вѣки и связалъ на время его языкъ.

Дорогая всѣмъ намъ память Т. Н. Грановскаго вызываетъ у насъ различныя воспоминанія. Каждому памятно и дорого въ немъ свое. Кто не можетъ довольно наговориться о его профессорской дѣятельности; кто съ особенною любовью вспоминаетъ его задушевную бесѣду въ тѣсномъ дружескомъ кругу; тотъ задумывается надъ чувствительною потерею, которую понесло въ немъ цѣлое общество; тотъ, наконецъ, оплакиваетъ въ немъ просто человѣка, котораго нельзя было не любить, зная его лично. Любили же его всѣ мы—друзья, товарищи и ученики разныхъ возрастовъ и поколѣній, и потому всѣ мы

* Помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г. вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ П. Н. къ редактору:

„М. Г. Вамъ уже извѣстна потеря, понесенная Московскимъ университетомъ... Мы еще не въ состояніи оцѣнить всей великости такой потери; мы еще не успѣли собрать нашихъ мыслей... Было бы желательно имѣть вѣрную біографію покойнаго и полную оцѣнку его профессорской и литературной дѣятельности; но на первое время приходится ограничиться лишь немногими свѣжими для насъ воспоминаніями. Я надѣюсь впрочемъ, что вы не откажете дать имъ мѣсто въ вашемъ журналѣ, страницы котораго не разъ украшались историко-критическими статьями покойнаго...

Примите увѣреніе и пр.“.

охотно присоединяемъ наши голоса къ счастливому напоминанію о немъ стихомъ древняго поэта, которое какъ будто само-собою сказалось во время застольной бесѣды, бывшей послѣ погребенія у одного изъ присутствовавшихъ — такъ оно шло къ покойному Грановскому:

Quis desiderio sit pudor, aut modus,
Tam cari capitis? [1]).

Tam cari capitis! повторили мы въ одинъ голосъ вслѣдъ за говорившимъ. Лучше нельзя было выразить истины *нашего* чувства. Древній поэтъ—все равно, какъ бы онъ ни назывался—нашелъ для него вѣрное слово и образъ. Въ ту минуту мы, въ самомъ дѣлѣ, не столько думали объ осиротѣвшей каѳедрѣ профессора, еще менѣе хотѣли помнить о томъ, что опустѣло столь видное мѣсто въ общественномъ кругу, сколько чувствовали отсутствіе между нами *дорогого намъ человѣка*. Не находила себѣ отзыва самая нѣжная привязанность; не слыхала болѣе ни привѣта, ни отвѣта себѣ самая теплая симпатія, внушенная нашему чувству его же незабвенною личностью. Не было больше съ нами того, къ кому мы привязаны были нашею сердечною любовью! Какая же могла быть мѣра нашимъ слезамъ, или кто изъ насъ устыдился бы неумѣренной скорби о немъ—tam cari capitis?

Но надобно также дать мѣсто и мысли, или болѣе отчетливому воспоминанію о достоинствахъ покойнаго. Онъ самъ училъ насъ повѣрять наши чувства сознательною мыслью. Да позволено же будетъ мнѣ, имѣвшему счастіе быть ученикомъ его, а черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ и товарищемъ по каѳедрѣ, сказать нѣсколько словъ въ объясненіе того обаятельнаго притяженія, которое онъ постоянно оказывалъ на всѣхъ окружающихъ. Я могу не совсѣмъ точно выразить мои мысли о немъ, но думаю, что во всякомъ случаѣ онѣ найдутъ себѣ вѣрный отголосокъ въ тѣхъ, которые дорожатъ его памятью. Передъ нами прошло одно изъ тѣхъ прекрасныхъ жизненныхъ явленій, надъ которыми стóитъ задуматься въ поученіе самимъ себѣ. Чтобъ знать настоящую цѣну прекраснаго, надобно постараться дать себѣ отчетъ въ его привлекательныхъ свойствахъ. Пусть каждый, призванный къ тому, скажетъ о немъ свое мнѣніе. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ сужденія, чѣмъ вѣрнѣе опредѣлится явленіе, тѣмъ больше по-

[1]) Horat. Carm. Od. XXIV. Это напоминаніе принадлежитъ М. П. Погодину.

нятіе о немъ выиграетъ въ истинѣ. Мы обязаны сдѣлать это ради самой памяти нашего Грановскаго.

У всѣхъ насъ въ свѣжей памяти увлекательная и въ то же время исполненная достоинства рѣчь профессора, въ которой онъ передавалъ намъ свои историческіе уроки. Въ ней заключалась тайна перваго очарованія для молодыхъ его слушателей. Онъ умѣлъ говорить ею лучшимъ, благороднѣйшимъ человѣческимъ чувствамъ; онъ дѣйствовалъ на свою аудиторію симпатически. Громкимъ и пышнымъ фразамъ не находилось мѣста въ его рѣчи; не пренебрегая живописнымъ выраженіемъ, онъ любилъ преимущественно вѣрное и мѣткое слово. И оно удавалось ему какъ нельзя болѣе. Всѣ ученики его согласны въ томъ, что фраза его отличалась удивительною оконченностью и легко укладывалась въ памяти, не нуждаясь въ повтореніи. Но тайна производимаго имъ дѣйствія заключалась не въ одной художественной рѣчи: всякій, слышавшій его на каѳедрѣ, выносилъ съ собою какое-то новое возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ большею душевною силою. Въ отвѣтъ на его рѣчь отзывались въ душѣ каждаго самые чистые инстинкты человѣческой природы, и это не было только дѣйствіе его изящнаго слова, но и того глубокаго сочувствія, котораго самъ онъ исполненъ былъ ко всѣмъ великимъ явленіямъ исторической жизни. Рѣдкій историческій урокъ не переходилъ у него въ живое созерцаніе минувшихъ дѣлъ и событій. Ихъ поэзія всегда находила въ немъ готовый органъ себѣ. При великомъ историческомъ имени воодушевленіемъ загорались глаза его, и въ самомъ его голосѣ, тихомъ и въ то же время необыкновенно благозвучномъ, всегда находились струны, которыя мгновенно передавали другимъ каждое движеніе его благородной души. Обаяніе было тѣмъ выше и полнѣе, что дѣйствовало не на одну только умственную сторону слушателя, но на все его нравственное существо. Кто не вовсе лишенъ былъ воспріимчивости, тотъ не могъ противиться обаятельному дѣйствію симпатической рѣчи профессора.

Строго систематическое, послѣдовательное изложеніе всего содержанія науки не было его дѣломъ. Въ узкія, тѣсныя рамки системы не любилъ онъ вводить прошлую жизнь человѣчества, какъ не умѣщается въ нихъ настоящее широкое ея развитіе. Въ своемъ изложеніи предмета онъ хотѣлъ быть вѣрнымъ самому историческому духу, вмѣсто того, чтобъ заниматься разстановкою всѣхъ отдѣльныхъ явленій историче-

ской жизни по мѣстамъ. Онъ любилъ соприкасаться съ самыми живыми сторонами исторіи. Великія эпохи, равно какъ и великія историческія личности, въ особенности влекли къ себѣ его вниманіе и надолго привязывали къ себѣ его умственное и сердечное участіе. Такъ любилъ онъ останавливаться въ своихъ чтеніяхъ на многозначительной эпохѣ разложенія стараго римскаго общества и созиданія новаго, христіанскаго. Живое сочувствіе къ высокому назначенію послѣдняго не исключало въ немъ трогательнаго участія въ трагической судьбѣ перваго. Такъ вѣчно юный образъ Александра Великаго плѣнялъ его блескомъ своихъ дѣлъ и высокою душевною доблестью, которой не могли совершенно помрачить никакія тѣни, хотя бы онѣ и дѣйствительно имѣли мѣсто въ жизни македонскаго завоевателя. Аннибалу были отданы его симпатіи не столько ради великаго военнаго генія карѳагенскаго полководца, сколько ради рѣдкой силы его духа въ борьбѣ съ враждебною судьбою и ради его трагическаго характера. Лудовикъ IX всегда привлекалъ его къ себѣ своею нравственною красотою и безукоризненною чистотою своей свѣтлой души. Въ немъ узнавалъ онъ высшій идеалъ благороднѣйшихъ средневѣковыхъ стремленій, и потому такъ живо симпатизировалъ ему. Въ Бэконѣ Веруламскомъ высокій умъ и глубокій теоретическій смыслъ не былъ заслоненъ для него, какъ въ глазахъ многихъ другихъ, нѣкоторыми житейскими недостатками въ нравственомъ характерѣ англійскаго мыслителя, и наоборотъ, его блестящая умственная дѣятельность не могла измѣнить совершенно въ его пользу неподкупнаго суда нашего историка...

Но мы бы долго не кончили, если бъ хотѣли перечислить всѣ явленія исторической жизни, на которыя онъ отзывался своимъ сочувствіемъ. Бо́льшая часть изъ нихъ въ памяти его недавнихъ слушателей. Они хорошо знаютъ, какъ, проходя въ быстромъ очеркѣ темныя и безплодныя эпохи въ исторіи, умѣлъ онъ сосредоточивать свое вниманіе на лучшихъ представителяхъ духа времени въ каждомъ историческомъ періодѣ, и какими вѣрными, полными жизненной силы чертами изображалъ ихъ передъ внимательною аудиторіею. Когда дѣло шло о великихъ историческихъ дѣятеляхъ, казалось, не медленное слово ученаго, а вѣрный рѣзецъ художника проводилъ ихъ отчетливо-ясные очерки. Оттого глубоко западали они въ воображеніи и не изглаживались послѣдующими разнообразными впечатлѣніями школы и жизни. Оттого, по выходѣ изъ школы, у многихъ рвалась крѣпкая сѣть логически-выведен-

ныхъ понятій, а начертанные имъ образы всецѣло оставались въ мысли. Но сверхъ того эти образы такъ удачно были выбраны и такъ вѣрно очерчены, что, говоря за самихъ себя, они въ то же время можетъ-быть еще краснорѣчивѣе говорили за цѣлое время, которому принадлежали. Слушатели выигрывали вдвойнѣ: въ поэтически-прекрасныхъ очеркахъ вставала передъ ними прошлая жизнь человѣчества.

Когда же подходили ближе къ профессору, чтобъ попросить у него объясненія на разные вопросы, вызванные большею частью его же чтеніями, тогда узнавали его и научались лучше цѣнить съ другой, не менѣе значительной стороны. Тутъ, въ простой бесѣдѣ съ глазу на глазъ, открывалось все необыкновенное богатство его литературнаго образованія въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Говоря о другомъ, надобно было бы употребить слово „эрудиція"; но къ нему это выраженіе не идетъ. Собранный имъ, посредствомъ чтенія и занятій многихъ лѣтъ, литературный запасъ вовсе не походилъ у него на тяжелую ученую арматуру, обременительную для памяти и нерѣдко отяготительную для самой науки. Онъ не любилъ наряжаться въ него, щеголять имъ внѣшнимъ образомъ, а между тѣмъ зналъ ему цѣну и умѣлъ употреблять его въ дѣло. Въ своихъ урокахъ и историческихъ сочиненіяхъ онъ прямо давалъ готовый результатъ своего обширнаго знакомства съ литературою предмета, не наполняя ихъ множествомъ литературныхъ именъ и заглавій. Внѣшній аппаратъ науки и ея содержаніе сливались у него въ одно цѣлое; мысль его свободно располагала всѣмъ научнымъ матеріаломъ. Словомъ, онъ владѣлъ тайною *живого* знанія. Кто стоялъ отъ него дальше, тотъ могъ, пожалуй, и не считать его ученымъ; кто же входилъ съ нимъ въ ближайшія сношенія по предмету науки, тотъ не могъ довольно надивиться неистощимости его знаній. Ему болѣе, чѣмъ кому-либо изъ насъ, принадлежала тайна художественной обработки науки, искусство формы, вмѣщающей въ себѣ много разнообразнаго матеріала и въ то же время скрывающей отъ глазъ внутренніе его спаи.

Относительно литературы предмета, съ нимъ почти равно могли совѣтоваться ученики и товарищи. Не было въ ней довольно темнаго уголка, въ который бы онъ не успѣлъ заглянуть. Историческая литература Германіи, Франціи, Англіи были, казалось, въ полномъ его распоряженіи. Неудивительно: онъ обыкновенно проходилъ ихъ самъ, съ карандашемъ въ рукѣ. Такъ дѣлалъ онъ до послѣдняго дня своей жизни.

Быстрое соображеніе и вѣрный взглядъ облегчали ему какъ чтеніе, такъ и оцѣнку нерѣдко весьма многотомнаго сочиненія, между тѣмъ какъ счастливая память твердо хранила бо́льшую часть ввѣреннаго ей ученаго богатства. Стоило только затронуть любознательнымъ вопросомъ его ученыя воспоминанія — и заглавія ученыхъ сочиненій вставали въ его мысли одно за другимъ, какъ давно знакомыя ему имена лицъ, съ которыми онъ связанъ былъ продолжительнымъ знакомствомъ. Заглавіе книги тотчасъ напоминало ему и самое направленіе автора. Навыкъ его въ оцѣнкѣ историческихъ сочиненій былъ такъ великъ, что часто по нѣсколькимъ страницамъ онъ могъ довольно вѣрно опредѣлить характеръ и достоинство произведенія. Какъ скоро книга разъ заняла его вниманіе, возбудила въ немъ интересъ, онъ не могъ оторваться отъ нея до конца. Но всегда бдительный умъ нельзя было подкупить однимъ блескомъ изложенія. Недостатокъ основательности и строгой отчетливости не выкупался для него самыми яркими сторонами авторскаго таланта. Еще наканунѣ своей смерти, кончивъ чтеніе одной новой книги, которая въ высокой степени возбуждала его ученый интересъ, онъ такъ отозвался о ней: „Я бы не желалъ написать такой книги. Это легкомысленно; такъ писать нельзя". И несмотря на то онъ сознавался, что книга впрочемъ имѣетъ свои достоинства и можетъ произвести большой эффектъ въ читающей публикѣ.

Всѣмъ готовъ былъ онъ подѣлиться со всякимъ любознательнымъ слушателемъ, что́ самъ зналъ или думалъ о замѣчательныхъ явленіяхъ исторической литературы. Впрочемъ литературный интересъ его далеко не ограничивался ея предѣлами. Онъ хотѣлъ полнаго человѣка и искалъ его во всей литературѣ, прошлой и современной. Поэтическіе памятники разныхъ временъ и народовъ были постояннымъ и любимымъ предметомъ его изученія. Онъ часто переходилъ къ нимъ отъ собственно историческихъ занятій, глубоко понимая связь ихъ съ самою жизнію; онъ имѣлъ обычай доспрашиваться у нихъ многаго, недосказаннаго исторіею. Въ тѣхъ случаяхъ, когда недостатокъ знанія того или другого древняго языка мѣшалъ ему изучать произведенія въ подлинникѣ, онъ обращался къ переводамъ и искалъ лучшіе изъ нихъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ. Какъ часто выражалъ онъ намъ свое глубокое сожалѣніе, что, по особеннымъ условіямъ своего образованія, онъ лишенъ былъ возможности читать въ подлинникѣ греческихъ писателей! Но это не значитъ, чтобъ онъ не ста-

рался, всѣми зависящими отъ него средствами, пополнить недостатокъ непосредственнаго знакомства съ ними. Въ статьѣ о Нифлунгахъ видимъ мы образчикъ того, какъ умѣлъ онъ входить въ давно забытые поэтическіе интересы и извлекать изъ нихъ тотъ самый жизненный духъ, которымъ они нѣкогда были созданы. По той же самой причинѣ всегда привлекала его къ себѣ современная литература вообще. Она служила ему указателемъ другихъ, болѣе внутреннихъ сторонъ жизни, которыя большею частью остаются недоступны для наблюденій историка. За недостаткомъ другихъ данныхъ, по ней часто узнавалъ онъ присутствіе жизненныхъ силъ въ народѣ. Талантливый романистъ всегда былъ замѣченъ имъ и оцѣненъ по достоинству. Ни одна строка даровитаго писателя не была имъ пропущена, ни одинъ литературный вопросъ не ускользалъ отъ его вниманія. Его независимое мнѣніе обыкновенно предупреждало литературный судъ и высказывалось прямо и непринужденно.

Никогда впрочемъ совершенно не удовлетворяло его знакомство съ современностью черезъ призму поэтическихъ произведеній: онъ хотѣлъ полнѣйшаго и болѣе положительнаго. Объ руку съ изученіемъ идеальной стороны жизни шло у него знакомство съ дѣйствительнымъ бытомъ и состояніемъ общества. Онъ почерпалъ его обыкновенно изъ европейскихъ путешествій по всѣмъ странамъ стараго и новаго міра. Надобно было удивляться, когда и какъ находилъ онъ довольно времени, чтобъ побывать вездѣ. Каждый замѣчательный европейскій путешественникъ имѣлъ въ немъ незнаемаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго спутника себѣ. Чего недоставало большимъ описаніямъ путешествій по разнымъ частямъ свѣта, или въ въ чемъ они отстали отъ современности, того искалъ онъ въ періодическихъ изданіяхъ. Впечатлѣнія его были такъ живы, что многіе его разсказы, заимствованные имъ у европейскихъ путешественниковъ, можно было принимать за истину непосредственнаго наблюденія. Его много занимали физическія особенности края и нравы его жителей, но болѣе всего—ихъ политическій и общественный бытъ вмѣстѣ съ предлагаемыми средствами для его усовершенствованія. Въ дѣлѣ знаній этого рода онъ всегда могъ подать добрый совѣтъ и указать желающему надежнаго современнаго руководителя. У себя въ кабинетѣ, безъ труда и усилій, лишь съ помощью умнаго выбора путешествій, дорожныхъ записокъ и другихъ повременныхъ извѣстій, устроилъ онъ нѣкотораго рода умственную

обсерваторію, откуда наблюдалъ за движеніемъ современности въ разныхъ ея видахъ и направленіяхъ. Оттого никогда нельзя было привлечь его вниманіе одностороннимъ, исключительнымъ взглядомъ въ пользу или во вредъ той или другой народности: подобныя воззрѣнія вызывали у него лишь улыбку, которой смыслъ былъ довольно понятенъ. Въ памяти его былъ такой огромный запасъ положительныхъ свѣдѣній, что нельзя было надѣяться сколько-нибудь занять его мысль односторонними сужденіями, которыя имѣютъ свой корень въ ограниченности понятій.

Вообще, съ какой бы стороны ни подходили къ профессору, во всемъ чувствовалось его умственное превосходство. Оно равно обнаруживалось и какъ знаніе и какъ сужденіе. Трудно было хотѣть помѣряться съ нимъ въ первомъ: потому что запасъ знанія собирался имъ многіе годы съ рѣдкимъ постоянствомъ и сдѣланъ былъ съ тою необыкновенною легкостью и быстротою, которыя всегда отличали его занятія. Какъ бы ни усильно спѣшили за нимъ, онъ былъ всегда впереди. Въ области науки, которой преимущественно посвящалъ онъ свои занятія, немного находилось новыхъ наблюденій и открытій, которыя были бы для него совершенною нечаянностью. Сколько разъ на извѣщеніе въ этомъ родѣ отвѣчалъ онъ намъ ссылкою на книгу, проложившую первый путь ко вновь сдѣланному открытію! Повѣрку всегда можно было сдѣлать по его же указанію на полкахъ его библіотеки. Также мало доставалось кому застать неготовымъ его сужденіе. Вѣрный тактъ и твердо установленный образъ мыслей, особенно въ послѣдніе годы жизни, замѣняли ему во многихъ случаяхъ необходимую подготовку. Всякое замѣчательное общественное явленіе оставляло свой слѣдъ въ его воспріимчивомъ умѣ и приводило въ движеніе его постоянно бодрую и дѣятельную мысль. Въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ онъ обыкновенно показывалъ много той великодушной снисходительности, которая лучше любитъ останавливаться на добрыхъ свойствахъ человѣка, чѣмъ выставлять на видъ его дурныя стороны. Если были замѣтные недостатки въ нравственномъ профилѣ того или другого лица, онъ видѣлъ ихъ можетъ-быть лучше другихъ, но неохотно касался ихъ въ разговорѣ. Но какъ скоро въ его присутствіи хотѣли представить эти самые недостатки въ выгодномъ свѣтѣ и даже выдать ихъ за совершенство, онъ не считалъ себя болѣе обязаннымъ къ молчанію и энергически высказывалъ свое противорѣчіе. Ничто такъ не оскорбляло его

нравственное чувство, какъ извращеніе понятій. Воспитывать чувство правды въ другихъ — было для него святою обязанностью не только на каѳедрѣ, но и въ самой жизни. Молодыя, неиспорченныя сердца особенно хорошо понимали это нравственное превосходство души его, и потому влеклись къ нему такимъ горячимъ сочувствіемъ.

Превосходство нравственное и умственное, соединенныя въ одномъ лицѣ, естественно внушаютъ, вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ, и нѣкоторое чувство робости. Таково въ особенности бываетъ первое дѣйствіе высокихъ умственныхъ качествъ на умы юные, неопытные. Сознавъ разъ высокое умственное превосходство въ другомъ лицѣ, они останавливаются передъ нимъ въ невольномъ удивленіи и долго потомъ не рѣшаются войти съ нимъ въ ближайшія сношенія, хотя бы ожидали отъ того существеннѣйшей пользы для себя. Чувство весьма понятное: неопытность гораздо менѣе можетъ защититься отъ него, чѣмъ самонадѣянная посредственность. Чѣмъ больше молодой умъ исполняется уваженія къ высокимъ умственнымъ достоинствамъ другого лица, тѣмъ больше смущается своего передъ нимъ безсилія. Онъ забываетъ даже о своей пользѣ и боится, какъ бы не оскорбить своимъ приближеніемъ то самое превосходство, которое уважаетъ и любитъ въ другомъ.

Многіе изъ насъ испытали это чувство на себѣ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ покойному Грановскому; но оно держалось недолго. Оно оказывалось особенно неумѣстно въ его ближайшемъ присутствіи—такъ много было ободрительнаго въ его взглядѣ на васъ, такъ много дружелюбнаго въ его обращеніи съ вами. Если вы приносили съ собою хоть искру любви къ наукѣ, хотя робкое желаніе войти въ ея высокіе интересы, вы уже пріобрѣли себѣ право на его доброе расположеніе. Вамъ стоило только заикнуться передъ нимъ о желаніи имѣть лучшія ученыя пособія, какъ онъ уже готовъ былъ служить вамъ средствами своей библіотеки. По его книгамъ, какъ и изъ его уроковъ, учились многія поколѣнія. Въ своемъ кабинетѣ онъ былъ какъ-то особенно простъ и исполненъ снисходительнаго вниманія къ вопросамъ и недоумѣніямъ, часто довольно наивнымъ, любознательной юности. Простоту своего обращенія онъ доводилъ до такой степени, что именно въ его присутствіи забывалось чувство умственнаго его превосходства. Съ двухъ-трехъ разъ онъ умѣлъ внушить столько нравственнаго довѣрія къ себѣ, что самая неопытная мысль высказывалась передъ нимъ безъ всякаго внутренняго принужденія.

Передъ его дружески-благосклоннымъ взглядомъ и ободрительнымъ выраженіемъ какъ будто исчезало различіе возрастовъ, ума, знанія, и окружающіе его молодые слушатели, несмотря на ихъ незрѣлость, казались сверстниками его — если не по уму, то по чувству. Ихъ поднимало и ободряло не чувство собственнаго достоинства, котораго, большею частью, еще недоставало, а самое это пребываніе въ сферѣ нравственной личности, умѣвшей нисходить до ихъ уровня, и соприкосновеніе съ нею въ предѣлахъ одной умственной области.

Изъ людей, знавшихъ лично профессора, не всѣ конечно, но также очень многіе имѣли случай испытать на себѣ его доброжелательную волю, или по крайней мѣрѣ быть свидѣтелями выраженія ея на другихъ. Она обнимала не только все, чего касались его симпатіи, но часто простиралась и гораздо далѣе. Природное влеченіе къ добру онъ воспиталъ въ себѣ до живого и дѣятельнаго начала. Чѣмъ только могъ, готовъ онъ былъ всегда содѣйствовать общеполезному дѣлу— именемъ, совѣтомъ, ходатайствомъ, наконецъ матеріальными средствами. Съ радостью привѣтствовалъ онъ всякій успѣшный трудъ, и между молодыми нашими учеными, которымъ приходилось издавать въ свѣтъ свои сочиненія, не одинъ произноситъ его имя съ глубокою признательностью. Еще незадолго до его смерти нѣсколько ученыхъ трудовъ было предпринято вновь по его указанію и возбужденію. Успѣхъ доброй книги, чье бы имя она ни носила на себѣ, радовалъ его не менѣе своего собственнаго. Рѣдко выступалъ онъ какъ критикъ, еще менѣе любилъ литературную полемику, но никогда не прочь былъ предпослать свое одобреніе полезному изданію, чтобъ облегчить обращеніе его въ публикѣ. Литераторы разныхъ направленій являлись къ нему предлагать чтеніе своихъ произведеній: если они не надѣялись заслужить полнаго его одобренія, то льстились уже его благосклоннымъ вниманіемъ. И они большею частью не ошибались въ расчетѣ; только совершенная бездарность истощала мѣру его благосклонности и дѣлала его крайне нетерпѣливымъ.

Но трудъ, но усердіе къ дѣлу имѣли въ немъ самаго постояннаго и заботливаго доброжелателя. Сколько прошло мимо насъ молодыхъ людей, обойденныхъ несправедливою судьбою и встрѣтившихъ въ немъ готовую руку помощи! Онъ былъ счастливъ, если могъ устроить способнаго человѣка, вытащить его изъ грязи и дать ему приличное занятіе. Онъ былъ бы еще счастливѣе, если бъ могъ еще болѣе увеличить кругъ

своего благодѣтельнаго дѣйствія. Впрочемъ, мы увѣрены, и безъ того найдется много людей, которые вспомнятъ о немъ со слезами искреннѣйшей благодарности. *Они* знаютъ, что́ онъ сдѣлалъ для нихъ, и въ большей части случаевъ—едва ли знаетъ еще кто другой, кромѣ ихъ самихъ.

Сосудъ былъ онъ знанія, добра и чести. Щедрою рукою расточалъ онъ ихъ вокругъ себя; мы же слали ему въ отвѣтъ нашу любовь и преданность. Другихъ даровъ мы не могли принести ему, столь богато одаренному. Любовь наша усыпала послѣдній путь его цвѣтами, она плела ему вѣнки на гробъ—пусть ея же теплый лучъ сіяетъ вѣчно и надъ его могилою! И если земные плоды могутъ расти и на Божіей нивѣ, то пусть и на его могильной насыпи взойдутъ для насъ и принесутъ обильный плодъ сѣмена знанія, добра и чести!

Дѣтство и юность Т. Н. Грановскаго*.

I. ДѢТСТВО ГРАНОВСКАГО.

Мѣстомъ рожденія Грановскаго былъ городъ Орелъ, дѣтство же его прошло большею частію въ Погорѣльцѣ, сельцѣ Болховского уѣзда Орловской губерніи. Если не ошибаемся, это сельцо было благопріобрѣтенное имѣніе дѣда Грановскаго, перешедшее потомъ къ отцу его. Фамильныя воспоминанія Грановскихъ почти не простираются назадъ далѣе перваго владѣтеля Погорѣльца изъ ихъ рода. Онъ происходилъ отъ бѣднаго семейства и всѣмъ обязанъ былъ своей предпріимчивости, дѣятельности и практическому уму. О немъ разсказы-

* Напечатано уже послѣ смерти автора, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г. Редакція его, помѣщая въ своемъ журналѣ эти главы послѣдняго литературнаго труда П. Н., присоединила слѣдующую характеристику ихъ:

„Дѣтство и юность Грановскаго составляютъ первыя главы неоконченнаго труда, которымъ былъ занятъ покойный другъ нашъ, П. Н. Кудрявцевъ, незадолго до своей кончины. Онъ писалъ эти страницы въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, въ Нерви близь Генуи, вскорѣ послѣ потери своей жены. Эта біографія, прерванная смертію автора, который самъ ждетъ теперь своей біографіи, будетъ имѣть для читателя двойной интересъ, возбуждаемый столько же именемъ Грановскаго, сколько именемъ Кудрявцева. Нельзя не замѣтить, съ какимъ участіемъ біографъ пользовался всякою мелкою чертою, какую только удавалось ему найти, для характеристики своего героя. Какъ старается онъ осмыслить каждую подробность его воспитанія и жизни и привести въ связь съ его развитіемъ! Въ этой преданности предмету, въ этой любви къ изображаемому лицу отпечатлѣвается характеръ самого автора. Его собственная благородная личность возставала передъ нами, когда мы читали эти посмертныя строки. Въ небрежности почерка, въ недописанныхъ словахъ и обмолвкахъ, такъ необыкновенныхъ въ его рукописяхъ, которыя всегда отличались тщательностію, чувствуется то тяжелое состояніе духа, въ которомъ онъ писалъ эти строки на берегу Генуэзскаго залива„

вали, что, рано оставшись сиротою, онъ съ 15 копѣйками денегъ пѣшкомъ пришелъ въ Орелъ и мало-по-малу умѣлъ выйти въ люди. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность въ Орлѣ какъ отличный законникъ и искусный ходатай по дѣламъ. Одинъ выигранный имъ трудный процессъ доставилъ ему награду въ 25,000 рублей, капиталъ, положившій начало его благосостоянію. Самая женитьба его была довольно оригинальна. Онъ почувствовалъ склонность къ дочери своего начальника, Лукашевича, но не могъ получить его согласіе на бракъ, и рѣшился увезти свою суженую. Отъ этого брака родился отецъ Тимоѳея Николаевича.

Старикъ былъ еще живъ, когда родился внукъ ему. Это было, какъ мы сказали, въ самомъ Орлѣ, куда родители Грановскаго пріѣзжали временемъ пожить. Замѣчаютъ что днемъ рожденія Тимоѳея Николаевича было 9 марта, т. е. первый день весны 1813 года. Дѣдъ былъ очень радъ новорожденному и на крестинной пирушкѣ, садясь за игру, обѣщалъ въ его пользу весь выигрышъ. Ему въ самомъ дѣлѣ удалось выиграть въ этотъ вечеръ до 15,000 рублей (ассигн.); но вечеръ еще не кончился, какъ деньги уже снова были проиграны. Въ жизни Грановскаго не разъ случалось потомъ, что судьба готовила противъ него измѣну въ то самое время, какъ, казалось, начинала улыбаться ему.

У самого Грановскаго уцѣлѣли нѣкоторыя очень свѣжія воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. Такъ онъ могъ припомнить себя играющимъ на коврѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Это было по всей вѣроятности еще въ Погорѣльцѣ, куда онъ перевезенъ былъ вскорѣ послѣ рожденія и отданъ на воспитаніе кормилицѣ. Но какъ только кончилось его кормленіе, дѣдъ опять потребовалъ его къ себѣ и ходилъ за нимъ какъ самая усердная нянька. Такъ велика была привязанность старика къ ребенку, что онъ не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже на ночь, и обыкновенно спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Въ домѣ его Грановскій принялъ самыя раннія впечатлѣнія. Старикъ не получилъ въ свое время образованія и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго; но онъ былъ человѣкъ очень начитанный и хранилъ въ памяти большой запасъ собранныхъ опытомъ или добытыхъ чтеніемъ свѣдѣній. Бѣлыя стѣны его дома въ Орлѣ покрыты были множествомъ выписокъ изъ книгъ. Глазъ ребенка пріучался къ письменамъ прежде, чѣмъ имѣлъ ясное понятіе о нихъ. Когда потомъ онъ познакомился съ грамотою, тѣ же выписки должны были доставить ему первый матеріалъ

для чтенія. Сверхъ того дѣдъ обыкновенно заставлялъ его читать Св. Писаніе, и мальчикъ уже 5 лѣтъ отъ роду зналъ наизусть много текстовъ. Такъ рано началось упражненіе его памяти.

Любимецъ дѣда, Грановскій могъ сдѣлаться его баловнемъ. Но судьба судила иначе. На закатѣ дней старику пришлось испытать сильное потрясеніе, котораго онъ не въ состояніи былъ выдержать. Послѣднее время онъ жилъ уже большею частію въ деревнѣ и только временемъ ѣздилъ въ Орелъ. Однажды отсутствіе его изъ Погорѣльца продолжалось болѣе обыкновеннаго. Наконецъ его привезли обратно изъ города—съ признаками умственнаго разстройства. Говорятъ, что причины помѣшательства были чисто семейныя. Дѣдъ Грановскаго былъ женатъ на второй женѣ (мы не знаемъ, къ какому собственно времени относится это обстоятельство его жизни). Въ супружескія отношенія этой четы къ удивленію закралась ревность, и притомъ не со стороны мужа, а со стороны жены. Мучимая страстію, она вздумала прибѣгнуть къ разнымъ приворотнымъ зельямъ. Заготовленныя ею склянки найдены были потомъ въ самыхъ подушкахъ больного. Не выдержалъ ли онъ физическаго дѣйствія ихъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ сильно потрясенъ былъ нравственно,—какъ бы то ни было, съ того времени началось его помѣшательство, такъ что въ Погорѣльцѣ должны были отвести ему отдѣльный флигель для жительства. Еще страннѣе, что за первый признакъ умственнаго разстройства старика принято было обстоятельство, которое въ то же время могло бы служить и доказательствомъ его ума. На почтѣ былъ перехваченъ большой пакетъ, содержавшій въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлый проектъ «О преобразованіи судебныхъ мѣстъ въ Россіи». Здѣсь правда, какъ постоянный рефренъ, повторялось, что такого-то секретаря отдать подъ судъ, а такого-то высѣчь; но тѣ, которые имѣли случай читать весь проектъ, отзывались о немъ какъ о чрезвычайно умной вещи. Говорить ли, что авторомъ его былъ дѣдъ Грановскаго?

Умственное разстройство старика повлекло за собою и значительныя матеріальныя потери, которыя не могли не почувствоваться въ цѣломъ семействѣ. Домашнимъ извѣстно было, что, сбираясь въ послѣдній разъ въ Орелъ, оно хотѣлъ покупать новое имѣніе въ 1000 душъ, стало-быть имѣлъ съ собой большой запасъ денегъ или документовъ; но во время первыхъ припадковъ помѣшательства все это было расхищено, и когда потомъ привезли его въ деревню, у него не оставалось

болѣе ничего. Несмотря на свое болѣзненное состоянiе, дѣдъ впрочемъ сохранилъ прежнюю привязанность къ любимому внуку; лучше сказать, у него только и осталась одна эта привязанность. Онъ охотно допускалъ къ себѣ старшаго внука и даже любилъ видѣть его около себя. Мальчику было тогда около 6 лѣтъ. Онъ также охотно льнулъ къ дѣду, который не переставалъ ласкать его, и наконецъ составилъ себѣ у него родъ азила. Напроказничавъ у себя дома, мальчикъ обыкновенно послѣ того скрывался въ отдѣльномъ флигелѣ и иногда оставался тамъ по нѣскольку дней, что̀ не мало безпокоило мать его. Когда потомъ больного повезли на Кавказъ для лѣченiя, то взяли съ нимъ и внука. Дѣтское воображенiе его поражено было разсказами о черкесахъ. Уже возвратившись опять подъ домашнюю кровлю, когда за столомъ заходилъ разговоръ объ ихъ нападенiяхъ, онъ не иначе рѣшался гулять послѣ обѣда, какъ вооружившись ножомъ. Конечно впечатлѣнiе не удержалось въ немъ долго, но оно важно, какъ первый толчокъ его воображенiю.

Такъ прошло около трехъ лѣтъ, т. е. до самой смерти дѣда. Послѣ того Тимоѳей Николаевичъ безраздѣльно принадлежалъ своей семьѣ, до самаго вступленiя своего въ пансiонъ, т. е. до 13-лѣтняго возраста. Объ этомъ перiодѣ его жизни также сохранилось нѣсколько отрывочныхъ воспоминанiй. Жили большею частiю въ Погорѣльцѣ, но часто также ѣздили въ Орелъ и оставались тамъ довольно долгое время. Вообще Грановскiе жили очень открыто и первое время даже роскошно, много выѣзжали сами и много принимали у себя. Мальчикъ рано уже началъ видѣть людей и привыкъ обращаться съ ними. Между тѣмъ для него наступилъ тотъ возрастъ, когда полагаются первыя сѣмена образованiя посредствомъ болѣе или менѣе правильнаго ученiя. Мы далеки отъ мысли приписывать образованiю болѣе, чѣмъ сколько лежитъ въ самой природѣ человѣка: оно не создаетъ ничего вновь, оно только развиваетъ данное отъ природы; въ сущности задача его ограничивается тѣмъ, чтобы дать по возможности разумную форму уже готовому матерiалу. Но какъ много зависитъ отъ этой формы въ жизни человѣка и въ самой его дѣятельности! Матерiалъ остается одинъ и тотъ же: размѣръ душевныхъ силъ не увеличивается, и степень ихъ энергiи не прибавляется; но въ соприкосновенiи съ образованiемъ онѣ теряютъ свою природную грубость и слѣпоту, и посредствомъ развитыхъ понятiй приходятъ къ сознанiю самихъ себя. Просвѣщенное понятiе

ставитъ передъ ними цѣли, влагаетъ въ нихъ побужденія; оно наконецъ даетъ ихъ дѣятельности болѣе или менѣе разумный смыслъ. Съ этой точки зрѣнія школа, какова бы она ни была, всегда будетъ занимать важное мѣсто въ жизни современнаго человѣка. Счастливъ тотъ особенно, на чью долю выпадетъ образованіе, наиболѣе сообразное съ его инстинктами: тогда въ результатѣ бываетъ много гармоніи. Тогда оно особенно благотворно. Но случается также, что или оно падаетъ на неблагодарную почву, или же само страдаетъ недостаткомъ жизненнаго начала: тогда и слѣдствія бываютъ весьма различны. Во всякомъ случаѣ впрочемъ ему принадлежитъ важное мѣсто въ направленіи индивидуальной дѣятельности.

Домашняя школа Грановскаго мало отступала отъ общаго обычая того времени. Первое образованіе дѣтей обыкновенно поручалось тогда иностраннымъ гувернерамъ. Катастрофа 1812 года, оставившая въ Россіи много плѣнныхъ иностранцевъ, едва ли не способствовала еще болѣе къ распространенію этого обычая. Грановскій, какъ только началъ подрастать, также поступилъ подъ надзоръ гувернера. Лица мѣнялись нѣсколько разъ, но ходъ занятій оставался одинъ и тотъ же до самаго поступленія мальчика въ пансіонъ. Разумѣется, главное мѣсто въ этомъ образованіи занимало изученіе иностранныхъ языковъ. По словамъ самого Грановскаго, ученіе было несвязно и недостаточно, однако и не было совершенно безуспѣшно. Еще не совсѣмъ вышедши изъ дѣтства, онъ уже довольно бѣгло говорилъ по-французски и по-англійски. Такимъ образомъ мало-по-малу ему открывалась возможность удовлетворить одной изъ самыхъ постоянныхъ его потребностей — потребности чтенія. Говоря объ этихъ домашнихъ классахъ, Грановскій припоминалъ также и нѣкоторыя свои шалости. Такъ разсказывалъ онъ между прочимъ, какъ, желая отдѣлаться отъ классовъ, онъ придумалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ (Николаемъ) пить воду съ мухами, чтобы возбудить въ себѣ тошноту. Опытъ однако почему-то не удался, и шалуны принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Вмѣстѣ съ братьями училась и старшая изъ сестеръ, Варвара. Случилось однажды, что гувернеръ-учитель, вспыливъ не нее за что-то, ударилъ ее линейкою по рукѣ. Грановскій говорилъ, что этотъ случай пробудилъ въ немъ первое чувство любви къ сестрѣ, которое потомъ продолжалось до самой его смерти. Такъ впечатлительна была его природа.

Несмотря на всѣ недостатки образованія черезъ гувернеровъ, Грановскій однако сохранилъ о нихъ до конца благодарное воспоминаніе. Дѣло,повидимому,касалось формы, языка, но черезъ эту форму незамѣтно проникало и много облагороженныхъ понятій.

Впрочемъ идеи проникаютъ въ молодую голову не однимъ только узкимъ путемъ школы. Врожденная потребность ознакомиться съ внѣшнимъ міромъ такъ велика, что она ищетъ себѣ выхода помимо условныхъ формъ и часто въ самомъ дѣлѣ опережаетъ школьную систему. Самая легкая и самая широкая дорога къ этой цѣли есть обыкновенно чтеніе. Дайте молодому, воспріимчивому уму этотъ магическій ключъ, который называется грамотою, и онъ самъ будетъ стараться проложить себѣ дорогу къ незнакомымъ сферамъ. Такимъ путемъ молодые умы можетъ-быть иногда пріобрѣтаютъ понятія, которыя годятся лишь для извѣстнаго возраста; но за то сколько же есть умственныхъ сокровищъ, собираемыхъ молодыми умами помощью этого простого средства, и съ которыми систематическое ученіе не собралось бы познакомить ихъ можетъ-быть еще цѣлый десятокъ лѣтъ! Въ Грановскомъ также очень рано пробудилась страсть къ чтенію. По счастію, какъ мы видѣли, грамотность далась ему весьма скоро. Задача была въ томъ, какъ удовлетворить новой потребности. На первое время впрочемъ она легко могла быть удовлетворена средствами домашней библіотеки. Тутъ были книги весьма разнороднаго содержанія, начиная отъ всемірнаго путешествія аббата Делапорта и оканчивая похожденіями Жилблаза. Грановскій читалъ книги съ жадностію, глотая ихъ; часто онъ не могъ оторваться отъ шкафа, и снявши книгу съ полки, тутъ же прочитывалъ ее, стоя не колѣняхъ. Понятно: это было для молодого ума какъ бы первое откровеніе незнакомаго міра.

При такомъ способѣ чтенія домашнія средства скоро истощились, а потребность чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ было взять новой пищи для нея, живя въ деревнѣ? Отецъ, кажется, былъ очень равнодушенъ къ возникавшей страсти сына, но мать, нѣжно любившая его, нашла средства удовлетворить ей. По сосѣдству съ Грановскими жило нѣсколько богатыхъ помѣщиковъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно у графа Каменскаго и Пушкарева, были хорошія библіотеки. Доступъ къ нимъ былъ правда довольно труденъ; но мать нашла средство доставать изъ нихъ книги посредствомъ людей, которымъ за то платила деньги. Вѣроятно пользуясь отсутствіемъ

хозяевъ, они носили цѣлыми узлами. Грановскій, при всей жадности къ чтенію, долго не могъ истощить открывшагося ему богатаго запаса.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о содержаніи и составѣ этихъ библіотекъ; знаемъ только, что въ одной изъ нихъ нашлись между прочимъ нѣкоторыя сочиненія Вальтеръ-Скотта. Въ томъ возрастѣ, въ которомъ тогда находился Грановскій, нельзя было пожелать ему болѣе счастливой встрѣчи между писателями. Рано или поздно мы всѣ въ свое время знакомились съ знаменитымъ шотландскимъ романистомъ, и всѣ хранимъ благодарную память о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя выносили изъ чтенія его сочиненій. Эти впечатлѣнія происходили не отъ сложной, запутанной интриги, какою большею частію щеголяютъ сочиненія французскихъ романистовъ, а отъ тѣхъ глубокихъ чувствъ и общечеловѣческихъ идей, которыя неуловимо разлиты во всѣхъ сочиненіяхъ автора «Ламермурской невѣсты» и «Сенъ-Ронанскихъ водъ». Онъ, правда, вездѣ переноситъ васъ въ средневѣковый бытъ; онъ, повидимому, всего болѣе занимаетъ васъ этимъ столько оригинальнымъ и вмѣстѣ столько вѣрнымъ исторически аппаратомъ средневѣковыхъ подробностей; всѣ лица его, кажется, отлиты въ эту средневѣковую форму: а между тѣмъ взвѣсьте дѣйствія благороднѣйшихъ его героевъ, анализируйте ихъ чувства, и вы увидите, что, несмотря на свои готическія формы, они проникнуты самымъ гуманнымъ содержаніемъ, которое бы сдѣлало честь и нашему вѣку. Но художникъ лучше хотѣлъ перенести своихъ героевъ въ давно отжившее время и заставить ихъ дѣйствовать среди фантастическихъ средневѣковыхъ формъ: что жъ? въ этомъ только новая тайна его прелести; особенно въ глазахъ юности эти фантастическія декораціи можетъ-быть въ десять разъ увеличиваютъ интересъ самаго предмета. Вспомните «Монастырь», «Аббата» и пр. и пр. Диккенсъ едва ли уступитъ Вальтеръ-Скотту въ глубинѣ и широтѣ гуманнаго содержанія: однако, если не ошибаюсь, теперешнее молодое поколѣніе читаетъ его съ несравненно меньшимъ интересомъ, чѣмъ въ наше время читались произведенія шотландскаго романиста, — и я думаю, немаловажная причина этому заключается въ томъ, что Диккенсъ почти не знаетъ для своего дѣйствія другой почвы, кромѣ современной, т. е. болѣе или менѣе прозаической. Вальтеръ-Скоттъ въ свое время читался съ удивительнымъ интересомъ, и читатель незамѣтно самъ проникался тѣмъ, что составляетъ душу его произведеній. У Грановскаго

глубокое уваженіе къ шотландскому романисту сохранилось до конца его жизни. Онъ всегда отзывался о немъ съ большою любовію и отъ него производилъ начало многихъ лучшихъ ощущеній своей юности, между прочимъ первое живое впечатлѣніе отъ рыцарства. Это сѣмя пало на плодородную почву, и впослѣдствіи развитое другими добрыми вліяніями, принесло роскошный плодъ.

Изъ личныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на Грановскаго въ дѣтствѣ, самое значительное принадлежало его матери. Отецъ, отъ природы человѣкъ добрый и благородный, мало впрочемъ занимался своимъ семействомъ, дѣля свое время между дѣлами и разъѣздами по сосѣдямъ. За то дѣти тѣмъ болѣе привязывались къ матери, которая была почти неразлучна съ ними. Анна Васильевна, урожденная Чернышъ, была женщина рѣдкаго сердца. Дѣти имѣли въ ней не только мать, но и истиннаго друга, къ которому довѣрчиво обращались со всѣми своими вопросами и желаніями. Между нею и ими не было никакого разстоянія: ея нѣжная, заботливая, внимательная любовь къ дѣтямъ облегчала имъ доступъ къ ней во всякую минуту. Это располагало ихъ къ довѣрчивости, общительности; они не боялись подходить къ матери съ своими маленькими тайнами, потому что всегда увѣрены были въ ея участіи. Тимоѳей Николаевичъ, какъ старшій лѣтами, чувствовалъ себя болѣе другихъ подъ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ. Мы уже видѣли, какъ мать старалась пособить его возраставшей жаждѣ чтенія, при недостаткѣ средствъ домашней библіотеки. Но и въ другихъ отношеніяхъ, которыя были гораздо поважнѣе, она же была первою его совѣтницею и повѣренною всѣхъ его тайнъ. Наконецъ къ ея вліянію, какъ къ первоначальному источнику, Грановскій впослѣдствіи относилъ все, что было въ немъ лучшаго. Мы легко повѣримъ этому благодѣтельному дѣйствію нѣжнаго женскаго сердца, да еще сердца матери, на молодое воспріимчивое чувство; мы повѣримъ, что много, очень много благородныхъ инстинктовъ должно было впервые развернуться въ немъ подъ кроткими лучами материнской любви. Такъ было до самаго конца ея жизни. Въ послѣдніе свои годы, когда отношенія отца къ сыну стали измѣняться къ худшему, она же обыкновенно была примирительницею между ними, стараясь смягчать съ обѣихъ сторонъ излишнюю раздражительность. И когда наконецъ ея не стало, добрая память, оставленная ею въ дѣтяхъ, долго еще поддерживала связь и согласіе между остальными членами семейства.

Все это случилось довольно счастливо для того возраста, въ которомъ находился тогда Грановскій: онъ рано начинаетъ знакомиться съ языками, какъ средствомъ для будущаго своего образованія; посредствомъ чтенія мало-по-малу заготовляется у него первый запасъ разнородныхъ свѣдѣній; онъ растетъ подъ вліяніемъ любящаго материнскаго сердца, при чемъ нельзя не замѣтить также отсутствія другихъ вліяній, которыя бы могли дѣйствовать не него въ противоположномъ смыслѣ. Главное же, что Грановскій все свое дѣтство остается среди своей семьи, гдѣ въ отношеніяхъ къ матери, братьямъ и сестрамъ развиваются первыя его чувства. Дѣлать отсюда прямыя заключенія о будущемъ было бы слишкомъ поспѣшно; но нельзя пропустить безъ вниманія эти первыя благопріятныя условія, при намѣреніи обозрѣть послѣдовательно весь ходъ жизни лица, составляющій предметъ нашего очерка.

Говорятъ, что господствующія наклонности человѣка обнаруживаются уже въ его дѣтствѣ, и нѣкоторые заключаютъ по нимъ о самомъ его призваніи. До насъ дошли нѣкоторыя воспоминанія о тѣхъ играхъ и забавахъ, которыя занимали дѣтство Грановскаго. Какъ и другіе его сверстники, въ свободное отъ уроковъ время онъ также много возился съ птицами. Ловля ихъ, въ особенности голубей, была однимъ изъ любимыхъ его занятій. Пѣтушиные бои тоже не мало доставляли ему удовольствія. Но ничему не предавался онъ съ такою охотою и увлеченіемъ, какъ тѣмъ играмъ, которыя имѣли видъ военныхъ упражненій. Набравъ толпу крестьянскихъ мальчиковъ, онъ ставилъ ихъ въ строй, предпринималъ съ ними цѣлые походы, велъ осады городовъ, давалъ сраженія. Отсюда пожалуй легко было бы сдѣлать заключеніе о военныхъ наклонностяхъ мальчика. Грановскій и самъ говаривалъ, что въ молодости у него составилось понятіе о военномъ призваніи его. Съ своей стороны мы думаемъ, что наблюденія надъ дѣтскимъ возрастомъ вовсе не даютъ права на такіе опредѣлительные выводы. Можно конечно находить, что мальчикъ былъ очень живого нрава, что онъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ сложа руки, что въ немъ текла довольно горячая, подвижная кровь, и что наконецъ ему постоянно нужна была какая-нибудь дѣятельность; но намъ кажется вовсе не логическимъ изъ этой общей посылки выводить такое частное слѣдствіе, какъ мысль о военномъ призваніи. Мы, напротивъ, увѣрены, что если бы, какою-нибудь игрою случая, Грановскому и въ самомъ дѣлѣ досталось носить военный мундиръ, онъ

никогда не удовлетворился бы тѣсною сферою этого званія. Инстинкты его были гораздо глубже и шире; умъ его любилъ просторъ, и постоянная потребность жить общими интересами не вытекала изъ одного только его образованія, но глубоко заложена была въ самой его природѣ.

Точно также ничего не говорятъ положительно ни въ пользу, ни противъ мальчика слѣдующія черты изъ дѣтства Грановскаго, тоже сохранившіяся въ его личныхъ воспоминаніяхъ. Мы приводимъ ихъ только какъ достовѣрные факты изъ его дѣтскаго возраста. Однажды Грановскій взялся съ нѣсколькими мальчиками-удальцами произвести нападеніе на садовую бесѣдку, въ которой засѣли другіе мальчики. Онъ былъ по обыкновенію впереди, и въ жару атаки взобрался на самый верхъ подставленной лѣстницы; но въ это самое время другой мальчикъ приподнялъ лѣстницу съ другого конца, и нашъ герой полетѣлъ головою внизъ и расшибся въ кровь. Виноватый проказникъ послѣ того не зналъ, какъ загладить свою вину, и выражалъ свое раскаяніе совершенною преданностію своему зашибенному товарищу. Грановскій не хотѣлъ помнить зла, но замѣтивъ эту слабость со стороны виновника, старался обратить ее въ свою пользу. Такъ какъ тотъ ни въ чемъ не смѣлъ отказать ему, то онъ обыкновенно объявлялъ свои притязанія на его долю лакомствъ и бралъ ее, какъ по праву принадлежащую себѣ. Надъ своею воинственностью въ дѣтствѣ Грановскій самъ же смѣялся, приводя слѣдующую черту. Разъ онъ гулялъ съ сестрами, вооруженный толстою палкою. Передъ тѣмъ говорили о бѣшеной собакѣ, которая будто бы бѣгала по селенію и пугала жителей, и ему очень хотѣлось встрѣтиться съ нею, чтобы поколотить ее. Собака, та или другая, не заставила себя долго ждать: она какъ разъ выбѣжала навстрѣчу гуляющимъ. При видѣ ея нашъ маленькій храбрецъ тотчасъ же давай Богъ ноги, и скрылся въ ближнемъ лѣсу, забывши о сестрахъ, которымъ обѣщалъ свою защиту. По счастію впрочемъ опасности никакой не было, и онѣ отдѣлались однимъ страхомъ. Вотъ еще одна черта изъ его же дѣтскихъ воспоминаній. Въ домѣ находилась между прочимъ въ услуженіи одна женщина съ своею маленькою дочерью. Агатѣ—такъ звали послѣднюю—житье было очень плохое. Хоть она и не была у дѣла, но много терпѣла отъ своей матери, которая была сердитаго и крутого нрава, и на ней вымещала всю злость. Грановскому не разъ приходилось быть свидѣтелемъ беззащитнаго положенія бѣдной дѣвочки. Вотъ,

баринъ", сказала она ему однажды послѣ жестокихъ побоевъ,— „если мать забьетъ меня до смерти, то вамъ останутся мои куклы". И онъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ явилось у него тайное желаніе, чтобы съ Агатою дѣйствительно случилось то, что она сама себѣ предсказывала.

Превративъ каждый отдѣльный случай въ общую посылку, сколько можно было бы вывести отсюда разныхъ заключеній о трусливости мальчика, о раннемъ развитіи въ немъ эгоизма и т. п. Но мы не будемъ торопиться выводами, которымъ здѣсь собственно и мѣста нѣтъ. Приведенные нами случаи доказываютъ только одно, что въ дѣтствѣ Грановскаго было много общаго съ другими дѣтьми. У него также были воинственные порывы, какъ у многихъ, и онъ также бѣжалъ отъ опасности, когда встрѣчался съ нею лицомъ къ лицу. Какъ и всѣ почти дѣти его возраста, онъ также не отличался великодушіемъ въ отношеніи къ своимъ сверстникамъ и старался обращать ихъ слабости въ свою пользу. Все это въ порядкѣ вещей, и едва ли кому придетъ въ голову отыскивать въ подобныхъ чертахъ что-нибудь личное или индивидуальное. Возрастъ, которымъ мы были заняты до сихъ поръ, есть время первыхъ впечатлѣній, и больше требовать отъ него нечего [1]).

II. ЮНОСТЬ ГРАНОВСКАГО.

Личная или индивидуальная физіономія человѣка начинаетъ обрисовываться только въ юности. Но въ то же время продолжается сборъ впечатлѣній, которыхъ первое начало принадлежитъ еще дѣтству. При сильно развитой воспріимчивости отъ внѣшняго міра, все больше и больше выступаютъ наружу внутреннія самостоятельныя наклонности человѣка.

Для Грановскаго также наступилъ этотъ столько полный жизнію возрастъ. По своему началу, онъ почти совпадаетъ у него съ первымъ выходомъ изъ родительскаго дома, и такъ какъ во всякомъ случаѣ эта первая внѣшняя перемѣна не могла остаться безъ вліянія на послѣдующее развитіе мальчика, то мы съ нея рѣшились повести нашъ разсказъ объ его юности. Грановскому исполнилось 13 лѣтъ. Въ семействѣ, ка-

[1]) Подробности, составляющія содержаніе этой главы, сообщены намъ Ел. Б. Грановскою, которая слышала ихъ или отъ него самого, или отъ ближайшихъ его родственниковъ, помнившихъ его дѣтство.

жется, еще не составилось относительно его никакихъ опредѣленныхъ плановъ. Несмотря на мнимо-воинственныя наклонности мальчика, никто не думалъ предназначать его къ военной службѣ. Отецъ, какъ мы сказали, занятый посторонними дѣлами, мало заботился объ устройствѣ будущей судьбы сына. Мать, по чувству естественной материнской нѣжности, вѣроятно не прочь была бы удержать сына еще нѣсколько времени у себя въ домѣ. Между тѣмъ недостаточность домашняго образованія чувствовалась все болѣе и болѣе. Всякій, видѣвшій мальчика, своими разспросами о немъ долженъ былъ напоминать родителямъ, что пора подумать о дальнѣйшемъ его образованіи и приготовленіи къ жизни. Съ разныхъ сторонъ слышались разные совѣты. Между прочимъ докторъ Каспари, жившій въ Орлѣ и хорошо знавшій все семейство Грановскихъ, конечно основываясь на замѣченныхъ имъ способностяхъ мальчика, совѣтовалъ отвезти его въ Ригу, записать тамъ въ нѣмецкую школу, а дальнѣйшій ходъ предоставить на волю судьбы. Каспари не сомнѣвался, что мальчикъ самъ отыщетъ себѣ дорогу. Этотъ совѣтъ показался слишкомъ смѣлымъ, но такъ какъ время не позволяло откладывать рѣшенія, то въ семействѣ положено было отправить старшаго сына въ Москву и помѣстить его въ одномъ изъ лучшихъ тамошнихъ пансіоновъ.

Изъ частныхъ заведеній въ Москвѣ пользовался тогда хорошею репутаціею пансіонъ доктора Кистера. Сюда поступилъ Грановскій, въ первый разъ разставшись съ отеческимъ домомъ. Итакъ Москвѣ обязанъ былъ онъ первыми своими впечатлѣніями по разлученіи съ семьею. Въ Москвѣ, то-есть въ томъ самомъ городѣ, которому впослѣдствіи принадлежала почти вся его умственная и гражданская дѣятельность, онъ впервые пробовалъ стать на свои ноги и жить отдѣльною отъ семейства и потому болѣе или менѣе независимою жизнію. Здѣсь же завязались для него и первыя дружескія связи, по крайней мѣрѣ первыя симпатіи, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не полна никакая жизнь въ юности. Любопытно было бы знать, каково было первое впечатлѣніе Грановскаго отъ Москвы, какъ почувствовалось ему удаленіе отъ семьи, среди которой онъ выросъ, какіе новые интересы пробуждены были въ немъ пребываніемъ въ пансіонѣ и т. п. Но къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы должны остаться почти безъ отвѣта: такъ мало сохранилось подробностей о первомъ пребываніи Грановскаго въ Москвѣ и о жизни его въ пансіонѣ. Судя по тому впрочемъ, что у него самого уцѣлѣло немного воспоминаній объ этомъ

кратковременномъ періодѣ, можно полагать, что онъ прошелъ для него безъ большихъ внутреннихъ перемѣнъ и не оставилъ глубокихъ слѣдовъ ни въ его умѣ, ни въ сердцѣ. Вообще въ то время учились понемногу, а въ пансіонахъ особенно не налегали на занятія. Отъ воспитанниковъ нѣмецкаго учебнаго заведенія всего скорѣе можно было бы ожидать успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Однако и эта часть, повидимому, не очень процвѣтала въ пансіонѣ доктора Кистера. Если Грановскій и началъ здѣсь свои занятія нѣмецкимъ языкомъ, то не ушелъ въ нихъ далеко. Тогда же, вѣроятно, началось для него то поэтическое вліяніе, которое онъ такъ высоко цѣнилъ до конца своей жизни: мы разумѣемъ вліяніе Пушкина. Это было время пышнаго расцвѣта его музы. Новые музыкальные тоны послышались въ русской литературѣ, поэзія вдругъ заговорила небывалыми дотолѣ образами, которыхъ главная прелесть заключалась въ ихъ необыкновенной простотѣ и изяществѣ. Пока старое поколѣніе упорно отбивалось отъ этого чарующаго вліянія и загораживалось отъ него своими предразсудками, новое охотно шло къ нему навстрѣчу и полною душою принимало въ себя его вдохновенія, угадывая въ поэтѣ своего великаго образователя. Нельзя, чтобы нѣкоторые лучи этого новаго свѣта, который тогда такъ ярко горѣлъ на горизонтѣ русской жизни, не проникъ и въ скромный пансіонъ Кистера, нельзя, чтобы воспитанники его менѣе другихъ были внимательны ко вновь восходившему свѣтилу, и въ той или другой степени не ощущали на себѣ самихъ его благотворнаго дѣйствія. Но, повторяемъ, мы почти вовсе лишены положительныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ въ жизни Грановскаго, и говоря о немъ, должны ограничиться одними предположеніями.

Извѣстія о личныхъ отношеніяхъ Грановскаго во время ранняго пребыванія его въ Москвѣ также недостаточны, но нѣсколько положительнѣе первыхъ. Между пансіонскими товарищами онъ нашелъ себѣ первыхъ друзей. Двое изъ нихъ, Баумгартъ и Соловцовъ, пользовались особеннымъ его расположеніемъ. Замѣчательно впрочемъ, что избранные друзья Грановскаго сильно расходились между собою своимъ нравомъ и своими разнородными качествами. Первый изъ нихъ былъ гордъ, недоступенъ и вообще не пользовался расположеніемъ товарищей; другой, напротивъ, отличался своею рѣдкою общительностію и былъ любимъ всѣми. Изъ-за нихъ бывало много шуму и ссоръ въ пансіонѣ. Но по одному достовѣрному извѣстію, тутъ лучше всего обнаружился примирительный харак-

теръ Грановскаго. Однажды, воротившись изъ деревни, онъ нашелъ, что всѣ почти товарищи его перессорились между собою все по тому же поводу. Грановскій однако не присталъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, но прежде всего постарался примирить между собою своихъ друзей, а потомъ успѣлъ возстановить миръ и между остальными товарищами [1]). Какъ ни рано начались эти первыя его привязанности, но онѣ не теряли своей цѣны въ его глазахъ даже много лѣтъ спустя послѣ пансіона, и мы не разъ еще встрѣтимся потомъ съ гг. Баумгартомъ и Соловцовымъ въ нашемъ очеркѣ. Это была одна изъ постоянныхъ особенностей Грановскаго, что однажды зародившееся въ немъ чувство никогда почти не покидало его совершенно. Вообще свойствами своего нрава онъ тогда уже сильно располагалъ въ свою пользу тѣхъ, которые имѣли случай узнать его ближе. Не только товарищи, самъ содержатель пансіона былъ очень привязанъ къ нему, и черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ (въ 1836 году), встрѣтивъ его снова въ Москвѣ, плакалъ отъ радости [2]). Внѣ пансіона знакомство Грановскаго, кажется, ограничивалось только домомъ Храповицкихъ, которые жили тогда въ Москвѣ. Онъ проводилъ у нихъ праздники, хотя и не видно, чтобы получалъ отъ того особенное удовольствіе [3]).

Говоря о недостаткахъ пансіонскаго образованія того времени, нельзя однако забывать, что Грановскій не могъ воспользоваться даже имъ какъ слѣдуетъ. Для того онъ не довольно еще отдалился отъ своего родного дома, отъ семьи, хотя и жилъ отъ нея на большомъ разстояніи. Благодаря нестрогой обязательности пансіонскаго ученія, у него пропадало много времени даромъ. Такъ на первую же лѣтнюю вакацію его взяли домой, въ деревню, да продержали тамъ кстати и часть слѣдующей зимы. На этотъ разъ онъ впрочемъ все-

1) Это извѣстіе было сообщено Ел. Б. Грановской г. Минцереромъ —2) Изъ письма Грановскаго къ сестрѣ. — 3) Сохранилась половина одного письма Грановскаго въ деревню, писаннаго изъ пансіона. Въ ней находимъ подпись его имени и особую приписку (по-французски) къ сестрѣ. Помѣщаемъ здѣсь этотъ первый по времени остатокъ изъ переписки его съ родными и друзьями: Ma chère soeur, je profite de quelques instans pour t'écrire. J'ai passé bien agréablement les fêtes chez M-me Chrapovizky: M-lle Aléxandrine te fait ses compliments. Je prie de présenter mes hommages à M-lle Fallot (гувернанткѣ) et de lui dire que je suis très reconnaissant pour son conseil de ne dépenser mon argent que pour l'agréable et l'utile et que je tache de le suivre autant que je puis. Adieu, je suis jusqu' au tombeau avec tout l'amour possible...

таки воротился въ пансіонъ. Но на слѣдующее лѣто вышло иначе. Когда наступила вторая лѣтняя вакація, Грановскаго по обыкновенію опять выписали домой, и частію по безпечности, частію по привычкѣ откладывать, продержали его въ деревнѣ ужъ не часть только зимы, а цѣлые три года [1]). Послѣ того онъ уже не возвращался въ пансіонъ, гдѣ провелъ всего около двухъ лѣтъ.

Три лучшіе года юности, когда умственныя силы пробудились и жаждутъ дѣятельности, проведенные ни въ чемъ! Это была потеря почти невознаградимая. Вмѣсто того, чтобъ укрѣпиться въ силахъ и запастись необходимымъ матеріаломъ для будущаго, молодой человѣкъ могъ потеряться, получить дурныя привычки отъ одного только бездѣйствія. Есть пора въ жизни, когда праздность губительнѣе всякаго положительнаго зла. Грановскому, въ золотую пору его юности, именно грозила эта бѣда. По возвращеніи изъ пансіона въ деревню онъ очутился среди совершенной пустоты на нѣсколько лѣтъ. Преждевременно прерванныя пансіонскія занятія не успѣли пустить въ немъ глубокіе корни, а дома онъ не могъ найти для себя ничего новаго. По несчастію, отецъ его сильно вдался въ игру и занимался сыномъ еще менѣе прежняго. Онъ вовсе забылъ, что для сына нужна та или другая школа, и взявши его изъ пансіона, не хотѣлъ ничѣмъ замѣнить этотъ столько чувствительный недостатокъ у себя дома. Грановскій все время оставался безъ учителей и безъ правильнаго ученія. Его молодость, его направленіе, отчасти наконецъ самая его будущность предоставлены были случайностямъ именно въ такую пору, когда человѣкъ всего болѣе нуждается въ искусномъ и опытномъ руководительствѣ. Все зависѣло теперь для него отъ случайныхъ встрѣчъ и отъ влеченія его собственныхъ наклонностей. Онъ былъ еще такъ молодъ, что не могъ силою собственнаго сужденія или воли постановить себѣ цѣль впереди и не ошибиться въ выборѣ путей и средствъ для ея достиженія.

Среди томительнаго однообразія деревенской жизни единственнымъ развлеченіемъ для молодого человѣка были временныя поѣздки въ Орелъ и другія сосѣднія мѣста, гдѣ жили родные или знакомые семейства его. Тутъ по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ около себя другіе предметы, встрѣчалъ новыя ли-

1) Je suis venu passer deux mois, писалъ онъ послѣ изъ Петербурга къ сестрѣ своей Александринѣ, je suis resté trois ans.

ца. И надобно сказать, что онъ еще былъ довольно счастливъ на свои встрѣчи. Такъ онъ не безъ удовольствія вспоминалъ впослѣдствіи объ одномъ французѣ, по имени г. Жонье, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ Орлѣ. Г. Жонье былъ немножко фразеръ, но это не мѣшало ему имѣть очень образованныя понятія. Молодой человѣкъ съ удовольствіемъ слышалъ, что онъ говорилъ о чести, благородствѣ, чувствѣ собственнаго достоинства, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ въ мірѣ. Грановскій привыкъ до сихъ поръ встрѣчать подобныя понятія только въ книгахъ; его поразило рѣзкое различіе этого языка отъ того, которымъ обыкновенно говорили орловскіе помѣщики. Неудивительно, что подчасъ Грановскій обольщался громкою фразою, принимая ее за чистую монету; въ томъ возрастѣ впрочемъ, въ которомъ онъ тогда находился, это было простительно. Онъ искренно вѣрилъ тому, что́ слышалъ, не повторялъ чужихъ фразъ и довольствовался тѣмъ, что опускалъ на дно души выражаемыя ими понятія. Къ тому же промежутку времени относится одна довольно большая поѣздка Грановскаго съ матерью къ бабкѣ, которая жила постоянно въ Малороссіи. Мы ничего не знаемъ о впечатлѣніяхъ дороги, ни о томъ, сколько времени взяла она у нашего путешественника, тяготившагося всего болѣе его излишествомъ. Сохранившіяся воспоминанія касаются лишь одного пункта. Дорогою заѣзжали въ Нѣжинъ, гдѣ жила тетка Грановскаго (родная сестра его матери) съ своимъ семействомъ. Тутъ узналъ онъ M-lle Герито́, которая была въ этомъ домѣ гувернанткою. Повидимому, M-lle Герито́ была уже дѣвушка не первой молодости, но она сохранила столько любезности, что молодой человѣкъ невольно привязался къ ней и потомъ завелъ съ нею даже переписку. Если не ошибаемся, здѣсь же подарили ему карманные часы. Первые часы, съ какою пріятностію долженъ былъ онъ почувствовать ихъ въ своемъ карманѣ! И какъ неохотно бы конечно онъ разстался съ ними даже въ случаѣ крайности! Однако у Грановскаго вышло иначе. Ему хотѣлось непремѣнно угостить свою новую знакомую и привезти что-нибудь въ подарокъ гувернанткѣ своихъ сестеръ. Въ это время подвернулся какой-то жидъ, и Грановскій продалъ ему свои часы за пятнадцать рублей (ассигн.). Такъ мало было у него завѣтнаго, какъ скоро ему хотѣлось исполнить то или другое сердечное желаніе.

Къ счастливымъ встрѣчамъ надобно также причислить знакомство его съ Колышаевичемъ. О немъ мы знаемъ, что

онъ жилъ большею частію въ Орлѣ и былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, а главное — очень одаренный отъ природы [1]). Между нимъ и Грановскимъ, по возвращеніи его изъ пансіона, завязались отношенія довольно дружественныя. Впослѣдствіи Грановскій даже прямо называлъ Колышаевича первымъ своимъ другомъ (по времени). Что же свело ихъ между собою? Конечно не одна только случайная встрѣча и не равенство лѣтъ, потому что Колышаевичъ былъ значительно старше своего пріятеля годами. Связь между ними была совсѣмъ другого рода. Молодость очень искренна въ своихъ выборахъ: она инстинктивно отдаетъ свои симпатіи тому, чтó встрѣчаетъ себѣ въ обществѣ однороднаго. Ранняя дружба Грановскаго съ Колышаевичемъ отчасти бросаетъ свѣтъ и на него самого. Колышаевича всѣ знали въ Орлѣ за человѣка пылкаго нрава и благородныхъ воззрѣній на жизнь. Отсюда объясняется и тайна того вліянія, которое онъ имѣлъ на своего молодого друга. Обстоятельства впрочемъ не благопріятствовали ихъ связи, и она была непродолжительна. Колышаевичъ рано женился, запутался въ дѣлахъ и скоро потомъ совсѣмъ потерялся; Грановскаго же ожидало другое назначеніе.

Несмотря на частые разъѣзды и вновь заведенныя знакомства, у молодого человѣка, не имѣвшаго никакихъ опредѣленныхъ занятій, все-таки оставалось слишкомъ много праздного времени, которое онъ не зналъ чѣмъ наполнить. Надобно было самому изобрѣтать развлеченія. Скука томила его; онъ рвался куда-нибудь, бросался на всякій новый предметъ и ни на чемъ не могъ остановиться. То брался онъ за охоту и проводилъ за ней по нѣскольку дней; то и охота надоѣдала ему, и онъ хватался за первую попавшуюся книгу. Между прочимъ какъ-то подвернулась ему одна часть математики, алгебра или геометрія. Онъ тотчасъ присѣлъ за нее и безъ всякой посторонней помощи, просто отъ скуки, занялся изученіемъ этой почти совершенно новой для него науки,—чтó конечно помогло ему потомъ при экзаменѣ. Наконецъ нельзя, чтобы въ эти годы и при той живой воспріимчивости, которою рано отличался Грановскій, не нашлось мѣста если не прямо любви, то тому нѣжному чувству, которое большею частію предшествуетъ ей въ юности. Это первое, молодое чувство бываетъ обыкновенно неглубоко и непродолжительно, но тѣмъ не менѣе въ извѣстные годы оно наполняетъ всего человѣка и составляетъ луч-

[1]) О немъ извѣстно сверхъ того, что онъ былъ товарищемъ Гоголя по лицею.

шую его жизнь. Таково было и чувство Грановскаго къ молодой дѣвушкѣ N (впослѣдствіи M-me S.), которую онъ встрѣчалъ часто въ орловскомъ обществѣ. Она была очень красива собою и имѣла множество поклонниковъ между тамошнею молодежью. Грановскій также не остался равнодушенъ къ ея красотѣ. Онъ нетерпѣливо искалъ встрѣчи съ ней и забывалъ часы, танцуя съ нею на балахъ. Мы не можемъ сказать, отвѣчали ли ему взаимностію; знаемъ только, что чувство его не было безраздѣльною тайною. Какъ во всемъ, такъ и въ этомъ случаѣ мать была неизмѣнною его повѣренною. Она знала, что сынъ ея неравнодушенъ къ дѣвушкѣ, и не видя никакой основательной причины противорѣчить его склонности, съ улыбкою провожала его на балъ, а потомъ дожидалась и сама встрѣчала его у себя дома, если онъ очень запаздывалъ. Такія отношенія нравятся намъ несравненно болѣе самой замысловатой системы воспитанія. Нѣтъ лучше школы для молодого чувства, для его искренности и чистоты, какъ если развитіе его идетъ объ руку съ внушеніями нѣжнаго материнскаго сердца и не имѣетъ нужды отдѣляться отъ него ни въ одномъ своемъ движеніи. Не возбуждаемое противорѣчіями, оно въ такомъ случаѣ не идетъ вкривь и вкось, но выростаетъ въ свой естественный ростъ и потомъ или распускается настоящимъ цвѣтомъ, или же, если у него нѣтъ глубокихъ корней, пропадаетъ само собою какъ миражъ. Такъ было и съ Грановскимъ въ отношеніяхъ его къ M-lle N. Чувство его къ ней не выросло до настоящей любви, и разведенные скоро судьбою, они разошлись потомъ безъ тяжелыхъ воспоминаній.

Самою сильною и глубокою привязанностію Грановскаго въ эту пору конечно была любовь его къ матери. Чувство это тѣмъ болѣе росло и усиливалось въ немъ, что онъ самъ уже могъ хорошо оцѣнить отношенія къ ней отца, которыя далеко не могли назваться очень пріятными. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ, что положеніе нѣжно любимой имъ матери въ домѣ было вовсе незавидное. Понятно, что молодое, горячее чувство его, поставленное между двумя сторонами, все больше и больше отбивалось отъ одной изъ нихъ и естественно наклонялось въ другую. По счастію, впрочемъ, перевѣсъ происходилъ въ такомъ направленіи, которое могло послужить только въ пользу ему.

Къ концу пребыванія Грановскаго въ Погорѣльцѣ, въ тамошнемъ домашнемъ быту произошла небольшая перемѣ-

на. Между симпатическими знакомствами его этого времени мы назвали между прочимъ M-lle Геритó. Она, повидимому, особенно расположила и даже привязала къ себѣ молодого человѣка необыкновенною любезностію и веселостію своего нрава, такъ что по возвращеніи своемъ изъ Малороссіи онъ любилъ время отъ времени обмѣниваться съ нею письмами. Нѣсколько изъ нихъ дошло въ цѣлости до насъ. Всѣ они написаны по-французски, какъ потому, что M-lle Геритó не знала русскаго языка, такъ и потому, что корреспондентъ ея рано получилъ привычку къ французскому языку. Сначала эти письма кажутся довольно странными. Чувство, въ нихъ проходящее, довольно неуловимо. Его нельзя назвать ни дружбою, ни даже просто симпатіею, а между тѣмъ видно, что корреспонденту г-жи Геритó пріятно завести съ нею разговоръ по всякому поводу. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ почему-то называетъ себя „пасторомъ", le pasteur, а о Грановскомъ говоритъ какъ о третьемъ лицѣ, или какъ о своемъ другѣ, надъ которымъ позволяетъ себѣ слегка посмѣяться [1]. Поводомъ къ такому странному раздѣленію послужило, повидимому, различіе въ отношеніяхъ Грановскаго къ M-lle Геритó и къ другимъ лицамъ, ею

[1]) Вотъ для образчика одно изъ этихъ писемъ. Mademoiselle! Coment le pauvre pasteur pourrait-il vous exprimer toute la reconnaissance pour votre charmante incomparable lettre? S'il savait même toutes les langues de l'univers, il ne trouverait pas assez d'expressions pour le faire, mais en français c'est vraiment impossible; le bon Dieu seul pourra dignement vous recompenser de ce que vous daignez encore vous souvenir parfois de son serviteur, pour moi je ne puis que continuer de prier pour vous (si toutes fois mes prières peuvent vous être utiles), surtout j'implore le Tout-Puissant de preserver la plus aimable de ses brebis de l'incredulité, car votre lettre ne m'a que trop prouvé, que vous me croyez capable de mentir en vous parlant. Malheureux que je suis! L'ai-je merité? Ma philosophie seule m'a soutenu, mais, mon amie, je vous assure, croyez-moi du moins cette fois, c'est vraiment un désespoir de la mauvaise opinion que vous avez de lui, j'ai beau lui dire qu'il n'y avait aucun mérite d'être un peu meilleur qu'à l'ordinaire là où tout est parfait, il ne m'écoute point et ne cesse de se lamenter. Au reste c'est assez de vous occuper d'un être aussi insipide, vous me permettrez de vous parler de quelque chose de plus intéressant, c'est-à-dire de mon idéal. Que fait-il? où est-il? Se souvient-il, de son triste chevalier? Vous avez raison de dire, mademoiselle, que c'est une triste chose que l'amour platonique. Il me fait même oublier que ma longue êpitre vous ennuie déjà depuis longtemps. Daignez donc agréer les assurances de l'estime profonde de celui qui a l'honneur de se dire,

Mademoiselle,

Votre

très humble serviteur

LE PASTEUR.

Безъ даты. Писано въ Орлѣ.

ловко подмѣченное и обращенное въ шутку. Какъ бы то ни было, отсюда выходитъ довольно милая игра разными намеками, хотя и не всегда понятными для читателя. Изъ нихъ ясно видно только то, что M-lle Геритó успѣла внушить Грановскому много довѣренности къ себѣ и скоро сдѣлалась повѣренною нѣкоторыхъ маленькихъ его секретовъ. Но сверхъ того, кажется намъ, своими любезными качествами она затронула въ молодомъ человѣкѣ еще одну довольно живую струну. Это была его наклонность къ веселой шуткѣ, сохранившаяся у него до послѣдняго времени. Въ M-lle Геритó онъ впервые встрѣтилъ лицо, готовое съ своей стороны поддержать въ немъ это расположеніе, и не преминулъ, какъ умѣлъ, воспользоваться даннымъ поводомъ. Воображеніе было тотчасъ приведено въ движеніе, и хотя выдумка на первый разъ вышла можетъ быть не совсѣмъ удачна, но все же на нѣкоторое время она заняла мысль молодого корреспондента и дала пищу пробуждавшейся фантазіи его. Скоро впрочемъ наступилъ конецъ фантастической перепискѣ. M-lle Геритó оставила домъ тетки Грановскаго и переселилась въ самый Погорѣлецъ, также въ качествѣ гувернантки. Это было въ 1830 году. Грановскій потерялъ такимъ образомъ одного изъ своихъ исправныхъ корреспондентовъ, но за то въ домашнемъ быту жителей Погорѣльца стало одною умною собесѣдницею больше. У Грановскаго явилось новое занятіе. Онъ часто бралъ изъ библіотеки отца старые переводные романы (Дарленкура и другихъ), чтобы перечитывать ихъ вслухъ своей матери; теперь, когда M-lle Геритó хотѣла быть его слушательницею, онъ долженъ былъ брать на себя трудъ передавать содержаніе книги по-французски и мало по-малу привыкъ дѣлать это à livre ouvert.

Такъ проходило время въ Погорѣльцѣ до новой перемѣны въ положеніи Грановскаго [1]).

Ему было уже около осьмнадцати лѣтъ. Наконецъ надобно было подумать если не о школѣ, то хотя о томъ, чтобы такъ или иначе устроить его судьбу. Всякій видѣлъ, что въ Погорѣльцѣ ему нельзя оставаться долѣе. Если бы въ то время выборъ предоставленъ былъ самому Грановскому, онъ не колеблясь отдалъ бы предпочтеніе военной службѣ. Такъ говорилъ онъ самъ впослѣдствіи, вспоминая объ ошибкахъ и заблужденіяхъ своей юности. Время еще полно было свѣжей памяти о славныхъ дняхъ 12-го года. У Грановскаго не вы-

[1]) Большею частію подробностей объ этой части молодости Грановскаго мы также обязаны Е. Б. Грановской.

ходили изъ головы герои какъ отечественной, такъ и общеевропейской войны, веденной за независимость народовъ противъ французскаго завоевателя. Особенно любилъ онъ переноситься мыслію въ эпоху всеобщаго вооруженія Пруссіи, когда почти все мужское народонаселеніе готовилось итти на войну. Но это юношеское стремленіе Грановскаго встрѣтило себѣ сильное противорѣчіе со стороны матери; она предпочитала для любимаго сына гражданскую службу, и такъ какъ отецъ, повидимому, былъ довольно равнодушенъ къ выбору, то голосъ ея взялъ перевѣсъ. Въ январѣ 1831 года положено было отправить Грановскаго въ Петербургъ и тамъ опредѣлить гдѣ нибудь на службу, поручивъ его на первое время вниманію и попеченію родственниковъ.

Рѣшеніе болѣе или менѣе случайное, но очень важное для всей будущности Грановскаго. Оно надолго, можетъ-быть даже навсегда, отдѣляло его отъ родной семьи, оно вдругъ переносило его изъ отдаленной южной губерніи на сѣверъ, изъ провинціальной глуши въ столицу имперіи. Оно же навсегда уничтожало для него возможность попасть въ число воспитанниковъ Московскаго университета,— путь, который, казалось, ожидалъ его впереди, пока онъ находился для образованія въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ. Грановскому выпала сверхъ чаянія другая дорога.

Но напередъ мы должны еще разсказать одно дорожное приключеніе. Грановскій отпущенъ былъ изъ дому одинъ. При немъ былъ необходимый запасъ обыкновенныхъ денегъ, полученныхъ отъ отца на дорогу, да еще небольшое собраніе старыхъ золотыхъ монетъ, подарокъ матери. Годъ былъ холерный, и такъ какъ болѣзнь казалась заразительною, то въ разныхъ мѣстахъ устроены были карантины. Грановскому также пришлось просидѣть въ одномъ изъ нихъ нѣсколько дней: можно вообразить себѣ его скуку и нетерпѣніе. Онъ былъ впрочемъ не одинъ: между товарищами его временнаго заключенія находился также и одинъ отставной военный, который взялся отыскать развлеченіе для себя и для него. Это были карты. Предложеніе показалось Грановскому такъ просто и естественно, что онъ принялъ его не колеблясь. Ему и въ голову не приходило подумать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, тогда какъ партнеръ его, кажется, дѣйствовалъ навѣрное. Началась игра; въ короткое время Грановскій проигралъ свои дорожныя деньги. Ему стало досадно; онъ захотѣлъ непремѣнно отыграться и пустилъ въ ходъ собраніе старыхъ золотыхъ монетъ. Но онъ

имѣлъ дѣло со старымъ, опытнымъ воробьемъ: тотъ не хотѣлъ польстить ему даже маленькимъ выигрышемъ и въ нѣсколько минутъ прибралъ къ своимъ рукамъ и послѣдній запасный капиталъ, которымъ Грановскій думалъ отыграть потерянное. Урокъ былъ слишкомъ жестокъ для молодого, неопытнаго, предоставленнаго самому себѣ человѣка, и могъ имѣть для него очень дурныя послѣдствія. Неговоря уже о стыдѣ и раскаяніи, Грановскому наконецъ не съ чѣмъ было доѣхать до Петербурга. По счастію, въ той же компаніи, изъ которой вышелъ негодяй, такъ безсовѣстно обобравшій его, нашелся и одинъ истинно добрый человѣкъ, какъ кажется, купеческаго званія. Замѣтивъ смущеніе Грановскаго, онъ подошелъ къ нему, съ участіемъ разспросилъ объ его положеніи, и предупреждая всякую просьбу, самъ очень деликатно предложилъ ему денегъ на дорогу. Этому доброму участію незнакомаго проѣзжаго Грановскій обязанъ былъ тѣмъ, что могъ наконецъ добраться до Петербурга. Спустя много лѣтъ, разсказывая объ этомъ своемъ „приключеніи", онъ всегда съ самою теплою признательностію вспоминалъ о своемъ неизвѣстномъ благодѣтелѣ и очень сожалѣлъ, что не могъ потомъ узнать его имени.

Непріятное положеніе Грановскаго не кончилось пріѣздомъ въ Петербургъ. Его смущала мысль о томъ, что́ скажутъ дома, когда узнаютъ о случившемся съ нимъ дорогою. Чтобы предупредить неизбѣжные толки, онъ хотѣлъ тотчасъ же написать обо всемъ къ отцу, но отложилъ это намѣреніе по совѣту дяди (г. Бодиско), который думалъ, что такое извѣстіе могло бы очень огорчить его родителей. Повидимому, г. Бодиско взялся самъ писать въ Погорѣлецъ, и чтобы сколько можно уменьшить провинность племянника въ глазахъ его семейства, показалъ лишь четвертую часть всего проигрыша (20 руб. асс. вмѣсто 85). Но Грановскій также не утерпѣлъ: не привыкнувъ ничего скрывать отъ матери, онъ черезъ нѣсколько времени откровенно сознался ей во всемъ и, къ удивленію своему, вмѣсто ожиданнаго выговора, получилъ въ отвѣтъ очень мягкое письмо. Эта добрая и нѣжная мать была вѣрна себѣ до конца, и такъ какъ сынъ больше всего дорожилъ ея мнѣніемъ о себѣ, то весьма естественно, что послѣ ея отвѣта онъ скоро успокоился, и несчастная исторія мало-по-малу стала приходить въ забвеніе [1]).

[1]) Такъ, кажется намъ, слѣдуетъ согласить извѣстіе самого Грановскаго въ письмѣ его къ теткѣ (отъ 3 октября 1831), что дядя отсовѣтовалъ ему писать въ деревню, съ тѣмъ, что́ сообщала мнѣ Е. Б. Грановская о письмѣ Т. Н-ча къ матери и объ ея отвѣтѣ.

Если бы кто въ неосторожномъ поступкѣ Грановскаго, на дорогѣ его въ Петербургъ, замѣтилъ излишнее увлеченіе, мы бы съ своей стороны не стали противорѣчить. Увлеченіе безъ сомнѣнія было въ немъ, и мы скажемъ даже болѣе,—оно не было у него только выраженіемъ юности, но нерѣдко прорывалось въ немъ и въ болѣе зрѣлые года. Смѣемъ думать, что увлеченіе не порокъ само-по-себѣ, и что если оно можетъ быть унижено нечистымъ побужденіемъ, такъ оно же, облагороженное цѣлію, еще болѣе способно возвысить въ нашихъ глазахъ цѣну дѣйствій человѣка. Въ той маленькой исторіи, которую мы разсказали, увлеченіе Грановскаго конечно было безотчетное и объясняется только его молодостію. Но надобно знать, какъ скоро потомъ приходилъ онъ къ сознанію своего поступка, какъ хорошо понималъ свою природу и какъ отчетливо судилъ о своихъ дѣйствіяхъ. Depuis que je suis ici, писалъ онъ къ теткѣ изъ Петербурга по поводу той же исторіи: je n'ai pas touché les cartes, ce qui du reste ne me coûte pas beaucoup, car je les aime tout aussi peu que jadis, et si j'ai joué en quarantaine, c'est qu'ayant commencé pour passer le temps, j'ai continué pour regagner mon argent, — l'amour du jeu n'y était pour rien. D'ailleurs on ne peut ni assez perdre, ni assez gagner aux cartes; peut-être il m'arrivera de jouer encore dans ma vie, mais ce sera à un gros jeu: ou j'y gagnerai quelque chose de plus beau que l'argent, ou je m'y perdrai moi-même. Mais n'allez me croire capable de rechercher le gain de quelques roubles. Jamais je ne m'avilirai jusque là [1]). Тѣ, которые знали Грановскаго въ послѣдующіе годы, согласятся съ нами, что въ этихъ словахъ онъ сказался лучше, чѣмъ можетъ-быть думалъ самъ. Нельзя не узнать его: такимъ онъ былъ дѣйствительно въ минуты своей жизни, болѣе критическія чѣмъ послѣ карантиннаго проигрыша. Быстрота и смѣлость рѣшенія были всегда готовы у него, и никогда не задумывался онъ надъ тѣми лишеніями, которыхъ могло стоить ему благородное рѣшеніе.

[1]) „Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь здѣсь, я не прикасался къ картамъ, что впрочемъ было мнѣ нетрудно, потому что я такъ же мало люблю ихъ теперь, какъ и въ прежнія времена; а если я игралъ въ карантинѣ, то начавъ для препровожденія времени, я продолжалъ только для того, чтобъ отыграться, — тутъ нисколько не участвовала страсть къ игрѣ. Впрочемъ въ картахъ ни выигрышъ, ни проигрышъ не имѣетъ большой цѣны; можетъ-быть придется мнѣ играть еще когда-нибудь въ моей жизни, но ужъ если играть, то играть въ большую игру: или придется мнѣ выиграть что-нибудь получше денегъ, или распроститься съ самимъ собою. Но не думайте считать меня способнымъ добиваться выигрыша нѣсколькихъ рублей. Никогда я не унижусь до этого“. Изъ письма къ теткѣ, о которомъ мы уже упоминали.

Но вотъ наконецъ Грановскій въ Петербургѣ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо далѣе отъ своихъ, чѣмъ когда находился въ московскомъ пансіонѣ, онъ несравненно болѣе принадлежитъ теперь самому себѣ, наконецъ онъ поставленъ гораздо независимѣе для выбора себѣ дороги жизни. Куда пойдетъ онъ? кѣмъ окружитъ себя? къ чему особенно привяжетъ свои симпатіи, и какое выберетъ себѣ направленіе? Мы уже отчасти знаемъ юношу. Въ немъ много врожденной живости; кровь обращается въ немъ быстро; воображеніе его пылко, но ничѣмъ еще не поражено сильно и потому довольно спокойно; онъ собралъ посредствомъ чтенія порядочный запасъ свѣдѣній разнаго рода, но въ нихъ нѣтъ ни порядка, ни основательности: они только разшевелили въ немъ потребность знанія, нисколько не удовлетворивъ ея; наклонности его благородны; онъ почти вовсе не знаетъ еще людей, но сердце въ немъ симпатическое; одна привязанность заложена въ немъ глубже всѣхъ, но есть мѣсто и другимъ. Какъ воспользуется онъ теперь своею независимостію? останется ли онъ вѣренъ тому назначенію, которое придумали для него въ деревнѣ, или увлечется тѣмъ, что̀ до сихъ поръ считалъ своимъ призваніемъ, то-есть военною службою? Въ центрѣ административной дѣятельности цѣлой имперіи пробудится ли въ немъ честолюбіе, и вмѣстѣ съ другими будетъ ли онъ усильно добиваться честей, или въ немъ заговорятъ другіе, мало извѣстные инстинкты, и сообразно съ ними онъ будетъ стараться проложить себѣ дорогу внѣ всѣхъ сдѣланныхъ прежде предположеній?

Все это пока только возможность, равной силы и равнаго значенія. Но пройдетъ немного времени, и та или другая изъ нихъ возьметъ перевѣсъ надъ прочими и превратится въ дѣйствительность. Будемъ же наблюдать, какъ совершалось это превращеніе.

На первое время Грановскій поселился въ домѣ своего родственника, г. Бодиско, за которымъ была его тетка (другая сестра его матери). Сначала ему было довольно дико видѣть себя въ незнакомомъ городѣ, и первые дни онъ почти никуда не выходилъ, оставаясь дома съ своимъ дядею или проводя время за книгою [1]. Но волею или неволею скоро пришлось выйти ему изъ этого заключенія. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, вѣроятно благодаря покровительству дяди, онъ былъ записанъ на службу въ департаментъ... Началось хожденіе каждый день

[1]) Письмо къ теткѣ въ мартѣ 1831. Ср. также письмо къ сестрѣ (подъ № 1).

въ департаментъ и знакомство съ товарищами. Занятія Грановскаго, по его собственнымъ словамъ (также въ одномъ письмѣ къ теткѣ), были очень невелики и незначительны: они состояли то въ перепискѣ бумагъ, то въ небольшихъ переводахъ. Впрочемъ, такъ какъ письмоводство происходило большею частію по-французски, оно принесло ему ту несомнѣнную пользу, что онъ могъ еще лучше овладѣть французскимъ языкомъ, которымъ говорилъ уже съ дѣтства. „Я скоро стану", писалъ онъ къ сестрѣ, „писать по-французски лучше, чѣмъ по-русски, ибо въ департаментѣ все пишу французскія бумаги" [1]).

Но вообще матеріалъ для ежедневныхъ департаментскихъ занятій былъ очень незначителенъ, и потому остальное время на службѣ проходило въ разговорахъ съ товарищами. Тутъ Грановскій знакомился столько же съ лицами, сколько и съ предметами для него новыми. Разговоры продолжались иногда и вечеромъ, въ квартирѣ того или другого изъ товарищей. Такимъ образомъ Грановскій все больше и больше узнавалъ Петербургъ и привыкалъ къ нему. Мало-по-малу образуется у него и вкусъ къ нѣкоторымъ удовольствіямъ петербургской жизни. Онъ самъ упоминаетъ о нихъ въ письмахъ своихъ къ сестрѣ. Такъ ему пріятно зайти иногда въ кондитерскую, потому что тамъ „можно найти всѣ журналы русскіе и много иностранныхъ"; такъ начинаетъ онъ посѣщать театры, при чемъ отдаетъ предпочтеніе французскому передъ русскимъ, прибавляя, что „послѣдній посѣщалъ бы чаще, но дорого" [2]). И въ томъ и въ другомъ случаѣ выборъ очень счастливый: онъ показываетъ, что молодой, неопытный провинціалъ привезъ съ собою однако достаточный запасъ любознательности, и что эстетическій вкусъ былъ въ немъ врожденною способностію [3]).

Первый шагъ въ новую жизнь былъ сдѣланъ. Отчего же было и не продолжать ея тѣмъ же порядкомъ? Но у нашего молодого человѣка вдругъ является мысль—*объ университетѣ* [4]). Откуда взялась она? Намъ хотятъ внушить, что эта мысль была подана ему кѣмъ-нибудь изъ его родственникомъ, рѣшившимъ про себя, что молодому человѣку не дурно бы еще поучиться. Ничего подобнаго не находимъ въ письмахъ самого

[1]) Письмо къ сестрѣ 1831 г. (подъ № 4).—[2]) Въ письмѣ къ сестрѣ за 1831 (подъ № 3).—[3]) Г. Григорьеву, вѣроятно, пріятно будетъ узнать, что такъ называемыя имъ эпикурейскія наклонности Грановскаго начались гораздо ранѣе, нежели какъ онъ полагалъ въ своемъ очеркѣ.—[4]) Первое упоминаніе о ней находимъ въ томъ же письмѣ подъ № 3.

Грановскаго, да и не имѣемъ никакой нужды въ подобномъ предположеніи. Онъ былъ уже не ребенокъ и не имѣлъ нужды, чтобы за него рѣшали другіе. Мысль же объ университетѣ могла встрѣтиться ему вездѣ, какъ скоро онъ былъ въ Петербургѣ. Она легко могла представиться ему въ разговорахъ съ товарищами, зародиться при встрѣчѣ съ студентами, и т. п. Съ его стороны всего важнѣе было ухватиться за нее и стараться привести ее въ исполненіе. Намѣреніе свое Грановскій спѣшилъ сообщить своему семейству. Отецъ былъ противъ, но мать поддерживала, сколько могла, желаніе сына, и своимъ согласіемъ, кажется, окончательно рѣшила его выборъ. Родные Грановскаго упрекали его въ непостоянствѣ, но онъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи. Mais croyez-moi, писалъ онъ по этому случаю къ своей теткѣ, je ne change pas d'idées aussi souvent que peut-être on le croit. Maintenant je desire étudier: c'est encore de l'inconstance, direz-vous, entrer au service, être bien et vouloir le quitter au bout de quelques jours, c'est aller vite. Mais attachant beaucoup de prix à l'opinion de ma bonne tante, je la prie d'attendre quelque temps avant de me proclamer inconséquent, et si au bout de deux ans je reviens à Pogoreletz aussi sot et ignorant que jadis, alors... Il est impossible de vaincre sa destinée, du moins on peut lutter avec elle, et je le ferai [1]).

Ясно, что петербургская жизнь пробудила въ Грановскомъ сознаніе недостатковъ начальнаго его образованія и развила въ немъ живую потребность восполнить ихъ всѣми возможными средствами. За мысль, внушенную другими, не принимаются такъ горячо, какъ онъ взялся за мысль объ университетѣ.

Но въ это самое время послѣдовалъ для него неожиданный ударъ, который обратилъ мысли его совсѣмъ въ другую сторону и могъ заставить его совершенно отказаться отъ своего плана. Еще въ февралѣ 1831 года Грановскій лишился своей тетки, у которой жилъ въ Петербургѣ, такъ что, хотѣлъ онъ или не хотѣлъ, а ему надобно было скоро подумать о пере-

1) „Но повѣрьте мнѣ, я не такъ часто мѣняюсь въ моихъ мысляхъ, какъ думаютъ. Теперь я хочу учиться: это опять непостоянство, скажете вы, вступить въ службу, получить хорошее мѣсто и бросать его черезъ нѣсколько дней, — не слишкомъ ли все это скоро? Придавая большую цѣну мнѣнію моей доброй тетушки, я прошу ее немного подождать, прежде чѣмъ упрекать меня въ непостоянствѣ, и если года черезъ два я вернусь въ Погорѣлецъ такимъ же глупцомъ или невѣждою, каковъ былъ прежде, то... Нельзя преодолѣть судьбу, но можно съ нею бороться, и я буду бороться“.

мѣщеніи на вольную квартиру. Это было первое испытанное имъ неудобство въ новой жизни. Но его ожидало гораздо болѣе тяжелое испытаніе. Лѣтомъ того же года, только что успѣлъ онъ подать просьбу объ отставкѣ и началъ помышлять о приготовленіи къ экзамену, изъ деревни пришло извѣстіе о смерти его матери. Грановскій менѣе всего былъ приготовленъ къ этому несчастію. Въ его годы и въ его положеніи не могло быть болѣе чувствительной потери. Въ одно время лишался онъ самой глубокой своей привязанности и самой твердой своей опоры, неговоря уже о матеріальной помощи, которая болѣе всего зависѣла отъ матери. Нѣкоторое время горе сильно давило его, тѣмъ болѣе что не могло быть ни съ кѣмъ раздѣлено. Удаленный отъ семьи и еще не видя около себя преданныхъ друзей, онъ лишь самъ съ собою долженъ былъ пережить самыя трудныя минуты. Даже въ перепискѣ съ старшею сестрою онъ едва смѣлъ коснуться поразившаго ихъ общаго несчастія. Молодое чувство его было сильно потрясено и не находило себѣ никакого выхода. Напрасно старался онъ дать ему другое направленіе и въ минуту душевнаго умиленія приглашалъ и сестру перенести всю любовь, которую оба они питали къ матери, на пережившаго ее отца: „Онъ теперь намъ отецъ и мать", писалъ къ ней Грановскій: „для него должны мы жить въ ожиданіи соединенія съ нею" [1]). Одно чувство не могло послужить замѣною другого. Притомъ эти отношенія были такъ различны, что при самой доброй волѣ нельзя было восполнить недостатокъ однихъ другими. Время, одно только время, могло заживить эту больную рану, надолго лишившую молодого человѣка свободы всѣхъ его движеній. Еще въ сентябрѣ онъ жаловался на то, что не можетъ взяться ни за какую работу. Чѣмъ больше думалъ онъ о своей потерѣ, тѣмъ больше сознавалъ ея великость. Вмѣстѣ съ нею трудъ и занятіе потеряли всякую цѣну въ его глазахъ. Но цѣлительная сила времени обнаруживалась уже въ томъ, что онъ по крайней мѣрѣ могъ привести свои печальныя мысли въ порядокъ и отыскать для себя въ нихъ самихъ новую точку отправленія. Это мѣсто письма его къ теткѣ такъ замѣчательно, что мы считаемъ за нужное привести его здѣсь вполнѣ.

Depuis sa mort, писалъ онъ, je suis devenu un véritable paresseux. Je ne travaille, je ne me mets à un ouvrage quelque facile qu'il soit qu'avec une véritable aversion. Pourquoi travailler? Cela ne *lui fera plus*

1) Письмо къ сестрѣ 1831 года (подъ № 6).

de plaisir, *mes succès ne recevraient point de recompense.* J'ai perdu en elle mon ange gardien; j'ai perdu en la perdant plus que vous ne croyez, ma bonne tante. La triste nouvelle ne m'a pas fait pleurer: le lendemain je parlais déjà bien tranquillement avec Mr. Sargensky de choses tout à-fait *indifférentes*. Mais vous vous souviendrez peut-être un jour que ce n'était pas pour rien que je vous disais, que j'ai perdu mon ange gardien. Vous m' écrivez qu'elle trouvera là haut sa recompense pour ce qu'elle a souffert ici: je croyai cependant la rendre si heureuse dans ses vieux jours! Je m'en sentais la force. Du moins il me reste cette consolation que *son fils sera toujours digne d'Elle*. [1]).

Можно позавидовать такому чистому чувству и вмѣстѣ такому явному сознанію своего долга въ отношеніи къ умершей. И въ томъ и въ другомъ былъ вѣрный залогъ многихъ прекрасныхъ свойствъ. Вытекавшая отсюда для него задача особенно стоитъ того, чтобы поставить ее на видъ читателю. Стараться быть достойнымъ сыномъ такой матери — въ этой мысли Грановскій нашелъ для себя лучшее утѣшеніе, и она же дала ему нравственныя силы для дѣятельности.

Охота къ занятіямъ, въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу возвратилась къ нему. Положеніе его было трудное. Со смертью матери онъ лишился единственныхъ вѣрныхъ средствъ содержать себя въ Петербургѣ. Отецъ не только не обѣщалъ ему ничего, но и ничего не писалъ ему о своихъ намѣреніяхъ. Несмотря на то Грановскій твердо оставался при своей мысли о вступленіи въ университетъ, и съ этою цѣлію началъ приготовленіе къ экзамену. Въ одно и то же время ему приходилось бороться со многими трудностями. Прежде всего надобно было стараться устроить такъ или иначе матеріальную жизнь. Съ тѣми скудными средствами, которыя уцѣлѣли у Грановскаго отъ прежняго времени, почти нельзя было и думать жить одному. По счастію, онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ

[1]) „Послѣ ея смерти я сталъ совершеннымъ лѣнивцемъ; за всякій трудъ, за всякое дѣло, хотя бы самое легкое, я принимаюсь съ истиннымъ отвращеніемъ. Къ чему трудиться? Это не порадуетъ ея, мои труды останутся безъ награды. Я потерялъ болѣе чѣмъ вы думаете, милая тетушка. Я не плакалъ, когда пришло печальное извѣстіе: на другой день я говорилъ съ г. Сарженскимъ о разныхъ вещахъ. Но вы помянете мое слово: я недаромъ назвалъ ее моимъ ангеломъ хранителемъ. Вы мнѣ пишете, что она тамъ найдетъ себѣ награду за все то, что она выстрадала здѣсь. Я такъ надѣялся успокоить и утѣшить ее на старости! Мнѣ казалось, что я могъ бы это сдѣлать. По крайней мѣрѣ я утѣшаю себя тѣмъ, что ея сынъ будетъ достоинъ ея.“ Изъ письма къ теткѣ отъ 23 сент. 1831 года.

бывшихъ своихъ пансіонскихъ товарищей, гг. Соловцова и Баумгарта, которые тогда находились уже въ военной службѣ, и чтобы хоть немного сократить свои расходы, поселился вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ на одной квартирѣ. Имѣя постоянно передъ глазами своего прежняго товарища и пріятеля, теперь военнаго человѣка, Грановскій однако не соблазнился его примѣромъ. Трудность, которая предстояла ему въ этой общей жизни съ старымъ товарищемъ, была совсѣмъ другого рода. Столъ положено было держать вмѣстѣ, но Грановскій скоро замѣтилъ, что ему вовсе не подъ силу тянуться за своимъ товарищемъ. Чтобы скрыть свое замѣшательство, онъ началъ подъ разными предлогами уклоняться отъ домашнихъ обѣдовъ. Онъ ссылался на какое-нибудь мнимое приглашеніе, уходилъ изъ дому и не разъ оставался вовсе безъ обѣда. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока случай не свелъ его съ однимъ изъ его земляковъ, также проживавшимъ въ Петербургѣ небольшими средствами. Г. Кристофовичъ пригласилъ Грановскаго жить вмѣстѣ. Средства послѣдняго оттого нисколько не увеличились, но тутъ по крайней мѣрѣ съ обѣихъ сторонъ было полное равенство, и одному нечего было чиниться передъ другимъ, чтобы скрыть свои недостатки. Другая трудность казалась еще непобѣдимѣе. Начавъ приготовленіе къ экзамену, Грановскій опять почувствовалъ нужду въ чужой помощи. Кромѣ собственныхъ занятій, по нѣкоторымъ предметамъ ему необходимы были уроки. Но уроки требовали денегъ, а Грановскій и безъ того терпѣлъ въ нихъ нужду [1]). Сверхъ того впереди предстояла ему значительная трата на форменное платье и на необходимый запасъ книгъ, а между тѣмъ кошелекъ его съ каждымъ днемъ истощался. Мы даже не знаемъ, какими чрезвычайными средствами, или какою особенною изворотливостію могъ онъ выбиться изъ этого крайне затруднительнаго положенія. Вѣрно только то, что, несмотря на всѣ трудности, онъ устоялъ въ своемъ намѣреніи и почти безъ всякой помощи проложилъ себѣ дорогу къ университету.

1) J'ai voulu me préparer pour l'examen tout seul, mais c'est vraiment impossible: il faut bien jeter 100 r. pour quelques leçons etc. (я хотѣлъ одинъ приготовиться къ экзамену; но это рѣшительно невозможно: придется бросить на уроки рублей сто, и т. д), писалъ онъ къ теткѣ отъ 22 декабря 1831 года. Исчисливъ притомъ и другія свои потребности, онъ заключаетъ: le diable a inventé l'argent (чортъ выдумалъ деньги)!

Академическій и гражданскій годы тогда совершенно совпадали между собою. Университетскіе курсы открывались въ началѣ каждаго новаго года и закрывались къ концу его. Грановскій расположилъ свои занятія такъ, чтобы поступить въ университетъ не позже начала слѣдующаго 1832 года. Ему дорогà казалась всякая излишняя потеря времени. Но на бѣду его, въ пріемѣ студентовъ и расположеніи курсовъ произошла въ это самое время очень невыгодная для него перемѣна. Впредь положено было принимать студентовъ только послѣ лѣтнихъ вакацій. Грановскому угрожала безплодная и очень тягостная въ его положеніи потеря нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы выйти изъ этого новаго затрудненія, молодому человѣку приходилось противъ воли искать сторонняго покровительства. Но намѣреніе его было неизмѣнно, и онъ, не имѣя никакихъ связей, рѣшился однако на искательство. Какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ, въ самомъ дѣлѣ удалось ему достать рекомендательное письмо къ одному профессору правъ, и тотъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но при всемъ своемъ добромъ желаніи могъ сдѣлать для своего protégé, кажется, только одно — что онъ былъ допущенъ къ слушанію университетскихъ лекцій безъ степени студента, съ обязательствомъ держать вступительный экзаменъ въ свое время [1]).

Итакъ послѣ многихъ усилій, передъ молодымъ человѣкомъ отворились наконецъ двери университета. Онъ началъ дѣятельно посѣщать лекціи и въ то же время продолжалъ свои занятія для приготовленія къ экзамену. Естественно, что въ это время ему уже было не до развлеченій. Выбравъ самъ себѣ цѣль впереди, онъ шелъ къ ней твердымъ и вѣрнымъ шагомъ. Лѣтомъ 1832 года начались экзамены для вступающихъ. Они начались въ августѣ и кончились не ранѣе сентября. Никогда не подвергавшись публичнымъ испытаніямъ, Грановскій мало довѣрялъ себѣ и долженъ былъ употреблять большія усилія, чтобы не отстать отъ другихъ [2]). Наконецъ совѣтъ университета произнесъ свое рѣшеніе, и нашъ юноша

[1]) Всѣ эти подробности взяты нами изъ того же письма Грановскаго къ теткѣ. Въ слѣдующемъ (отъ 4 янв. 1832) онъ писалъ къ ней же: Après demain j'irai déjà à l'université pour y entendre les cours, c'est-à-dire pas encore comme étudiant: il est impossible de m'admettre comme tel avant l'examen public qui doit avoir lieu au mois de mai. (Послѣ завтра я уже отправляюсь слушать лекціи въ университетъ, но еще не студентомъ, потому что для этого нужно выдержать публичный экзаменъ, который будетъ въ маѣ). — [2]) „На дняхъ держу экзаменъ", писалъ онъ къ сестрѣ отъ 30 іюля: „шея трещитъ отъ усталости".

не безъ сердечнаго трепета увидѣлъ свое имя между принятыми студентами [1]). Грановскій вступилъ на юридическій факультетъ. По всѣмъ извѣстіямъ, этотъ выборъ зависѣлъ не столько отъ его воли, сколько условленъ былъ необходимостію. Къ математикѣ Грановскій не чувствовалъ особенной наклонности, а къ факультету словесныхъ наукъ онъ находилъ себя не довольно приготовленнымъ, по недостаточному знанію древнихъ языковъ. Главное впрочемъ состояло для него не столько въ той или другой отрасли наукъ, сколько вообще въ университетскомъ образованіи, и онъ былъ счастливъ уже и тѣмъ, что нашелъ доступъ къ нему.

Мы не можемъ слѣдить за ходомъ всего университетскаго курса Грановскаго. Другіе, которымъ досталось быть товарищами его по университету и находиться съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, брали уже на себя трудъ пересказывать нѣкоторыя подробности, относящіяся къ тому времени. Мы съ своей стороны не располагаемъ никакимъ запасомъ личныхъ воспоминаній изъ той поры въ жизни Грановскаго. Въ нашихъ рукахъ есть лишь нѣсколько писемъ его къ сестрѣ и теткѣ, гдѣ онъ почти только мимоходомъ упоминаетъ объ университетѣ, о переходахъ съ курса на курсъ, объ экзаменахъ. Нашъ матеріалъ даетъ намъ средства только для самой краткой хроники тѣхъ перемѣнъ, какія произошли съ Грановскимъ во время пребыванія его въ университетѣ. Итакъ наше дѣло будетъ сообщить публикѣ тѣ немногія черты, которыя дошли до насъ въ его родственныхъ письмахъ, и пополнить ихъ, гдѣ необходимо, уже напечатанными воспоминаніями товарищей покойнаго.

Университетскія занятія Грановскаго шли ровно, послѣдовательно и безъ всякаго замедленія. По словамъ г. Григорьева, онъ пробылъ на первомъ курсѣ вмѣсто одного года полтора [2]). По письмамъ впрочемъ этого не выходитъ. Грановскій началъ посѣщать лекціи въ качествѣ сторонняго слушателя; студентомъ же былъ принятъ только въ сентябрѣ 1832 года, слѣдовательно первый курсъ его кончился не ранѣе какъ въ слѣдующемъ году, и былъ, какъ и у всѣхъ прочихъ, одногодичный. Лекціи читались тогда поутру и послѣ обѣда; но собственно студенты начинали работать лишь съ

[1]) Mes examens sont finis, писалъ онъ къ теткѣ уже отъ 22 сентября, bien plus heureusement que je ne l'esperais, et me voilà étudiant de droit".—[2]) «Русская Бесѣда», 1856. кн. III, стр. 19. «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ».

приближеніемъ экзаменовъ. Тутъ начиналось, какъ выражается авторъ воспоминаній, сплошное зазубриванье всего того, что было прочитано съ каѳедры въ продолженіе всего учебнаго года. Студентъ только и былъ спасенъ, если могъ съ буквальною вѣрностію передать все слышанное имъ отъ преподавателя. Нѣкоторые изъ слушателей простирали свою ретивость до того, что отваживались на заучиванье наизусть цѣлыхъ печатныхъ томовъ (какъ напримѣръ «Исторіи Греціи» Арсеньева), и по ихъ же собственному увѣренію, благополучно достигали своей цѣли. Послѣ того въ быту нашихъ университетовъ произошло много внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ; но къ сожалѣнію, ходъ занятій и способъ приготовленія къ отвѣтамъ, для большинства студентовъ, до сихъ поръ остается почти тотъ же. Точно такъ же и теперь студентъ большею частію довольствуется въ учебное время посѣщеніемъ и записываніемъ лекцій, чтобы собрать такимъ образомъ необходимый матеріалъ для приготовленія къ экзамену, который и наполняетъ у него все послѣднее время курса. Тутъ онъ обремененъ занятіями, тутъ ему некогда вздохнуть свободно, между тѣмъ какъ бо́льшая часть года проходитъ для него въ ожиданіи. Это несоразмѣрное распредѣленіе студенческихъ занятій, приливающихъ обыкновенно къ одной части года, зависитъ отъ обязательныхъ переходныхъ экзаменовъ. Пока будетъ существовать причина, не измѣнится и ея дѣйствіе. Студентъ всегда будетъ думать только о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ экзамена, и къ концу года попрежнему будетъ обременять себя занятіями, имѣющими чисто пассивный характеръ и отнимающими у знанія основательность и достоинство.

Какъ и другіе, Грановскій также долженъ былъ слѣдовать обыкновенному тогда порядку въ ходѣ университетскихъ занятій. Только ревность его никогда не доходила до безплоднаго заучиванія на память цѣлыхъ печатныхъ сочиненій. Какъ скоро приближалось время экзаменовъ, онъ тоже усаживался за тетрадки и сидѣлъ за ними съ утра до вечера. Такъ было съ нимъ, напримѣръ, въ маѣ 1833 года, какъ видно изъ письма къ сестрѣ. И никто конечно не поставитъ ему въ вину того, что́ было тогда въ общемъ порядкѣ вещей. Покровителей у него не было, а положеніе требовало во что бы то ни стало перейти съ перваго курса на второй. Усилія его были вознаграждены полнымъ успѣхомъ, да сверхъ того, благодаря одному случаю, онъ какъ бы получилъ за нихъ особую премію. Нѣкто Василій Максимовичъ (не знаемъ фамиліи этого неожиданнаго

благодѣтеля), уѣзжая, какъ видно, на лѣто изъ Петербурга, оставилъ въ распоряженіе Грановскаго значительную часть своей библіотеки. „250 томовъ книгъ, и въ томъ числѣ *весь Вальтеръ-Скоттъ*, позавидуй“ [1]), писалъ Грановскій сестрѣ. Это пріобрѣтеніе, хотя только временное, было для него сущій кладъ. Оно давало ему средство не только наполнить начинавшееся для него свободное время, но и запастись новымъ содержаніемъ, расширить свои понятія посредствомъ разнообразнаго чтенія. Нѣтъ нужды объяснять, почему Вальтеръ-Скоттъ былъ ему дорогъ особенно. Если онъ успѣлъ полюбить шотландскаго романиста еще въ деревнѣ, куда можетъ-быть заходили только какіе-нибудь плохіе переводы его съ французскаго, то теперь долженъ былъ цѣнить его еще болѣе. Это обстоятельство, повидимому, было причиною, что Грановскій, получивши приглашеніе ѣхать на лѣтніе мѣсяцы въ Псковскую губернію (вѣроятно для уроковъ), отказался отъ него и остался въ Петербургѣ.

Въ началѣ второго курса однообразіе университетской жизни и занятій нѣсколько нарушено было поѣздкою Грановскаго въ Погорѣлецъ. Не надобно впрочемъ думать, чтобъ онъ предпринялъ ее для удовольствія или для отдыха. Послѣ мы увидимъ, что она была вызвана совсѣмъ другими обстоятельствами. Какъ бы то ни было, она взяла у нашего студента часть октября и ноября 1833 года и оставила одинъ довольно глубокій слѣдъ въ его жизни [2]). Потеря времени, употребленнаго на поѣздку, не могла впрочемъ имѣть большого вліянія на успѣхи Грановскаго въ университетѣ, по тому самому, что, какъ мы сказали, главное зависѣло отъ экзаменовъ, а до нихъ оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ воспоминаній г. Григорьева видно, что къ тому же году относится и сближеніе Грановскаго съ нѣкоторыми товарищами по университету, послужившее основаніемъ для пріятельскихъ связей по крайней мѣрѣ на остальное время университетскаго курса и ближайшіе къ нему годы. Во вторую половину года занятія Грановскаго, повидимому, ничѣмъ болѣе не были нарушены, и по обыкновенному порядку, кончились экзаменомъ и послѣдовав-

[1]) Письмо къ сестрѣ отъ 10 мая 1833 года. Въ іюлѣ онъ писалъ о томъ же теткѣ: Nos examens qui ont duré un mois et qui ont été diablement sévères cette année-ci, me faisaient travailler sans exagération jour et nuit. Grace à Dieu, m'en voilà quitte pour un an encore. —[2]) См. одно письмо Грановскаго къ сестрѣ, писанное въ концѣ ноября изъ Москвы, о дорогѣ изъ деревни. Года не означено, но сомнѣнія въ немъ, кажется, быть не можетъ.

шимъ затѣмъ переходомъ его на третій или заключительный курсъ университетскаго образованія.

Нельзя не пожалѣть, что, начиная отсюда, въ сохранившихся письмахъ Грановскаго къ сестрѣ остался пробѣлъ до самаго 1835 года. До насъ не дошли также письма, писанныя имъ къ теткѣ въ промежутокъ отъ 1834 до 1838. Потому мы особенно благодарны г. Григорьеву, котораго воспоминанія даютъ намъ возможность хотя одною чертой пополнить этотъ важный пробѣлъ. Мы только просимъ у него извиненія, что, передавая сообщенный имъ фактъ, принуждены остеречься отъ его кисти, любящей употреблять нѣсколько грязноватый колоритъ даже тамъ, гдѣ, кажется, самая натура предмета требуетъ свѣтлыхъ красокъ. Дѣло происходило въ началѣ учебнаго $183^4/_5$ года. Сверхъ обычнаго курса философіи, профессоръ Фишеръ объявилъ между прочимъ, что онъ будетъ читать „исторію философскихъ системъ". Къ чести нашей университетской молодежи надобно замѣтить, что этотъ важный предметъ всегда возбуждалъ въ ней самое живое участіе. Явленіе очень понятное: для любознательнаго ума нѣтъ ничего интереснѣе и, прибавимъ, поучительнѣе, какъ слѣдить за совершившимся уже процессомъ философической мысли и наблюдать за многообразными ея превращеніями въ различныхъ школахъ. Курсъ, объявленный профессоромъ Фишеромъ, также возбудилъ нетерпѣливыя ожиданія въ студентахъ Петербургскаго университета. Но не успѣлъ еще профессоръ открыть свои лекціи, какъ послѣдовало распоряженіе университетскаго совѣта, отмѣнявшее вовсе чтеніе объявленнаго курса. Студенты, обманутые въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, не могли помириться съ такимъ рѣшеніемъ. Они еще надѣялись измѣнить его по своему желанію и положили обратиться къ совѣту съ просьбою разрѣшить чтеніе обѣщаннаго имъ курса исторіи философскихъ системъ. Этотъ прекрасный юношескій порывъ происходилъ изъ весьма благороднаго источника, и конечно начальная мысль принадлежала лишь очень немногимъ, которыхъ живая любознательность наиболѣе чувствовала потребность въ здоровой пищѣ науки. Между ними намъ положительно называютъ Грановскаго, и мы легко узнаемъ въ этомъ случаѣ живую и вмѣстѣ столько искреннюю его натуру, которая какъ будто создана была для благородныхъ движеній. Тѣ, которые стояли впереди, увлекли своимъ примѣромъ и прочихъ товарищей, такъ что прошеніе совѣту написано было отъ всѣхъ студентовъ филологическаго

и юридическаго факультетовъ, и на другой же день подано ректору университета. Но тутъ, къ сожалѣнію, единственный источникъ, изъ котораго мы могли почерпнуть извѣстіе объ этомъ интересномъ явленіи, выходящемъ изъ уровня обыкновенной университетской жизни, измѣняетъ намъ своимъ совершеннымъ молчаніемъ. Разсказавъ о дѣйствіяхъ студентовъ до представленія просьбы, авторъ воспоминаній сознается потомъ, что окончаніе дѣла вышло у него изъ памяти, называетъ его, въ заключеніе своего разсказа, „выходкою", а Грановскаго честитъ именемъ „коновода" [1]). Такъ двумя словами, взятыми изъ словаря пошлостей, затоптаны въ грязь, однимъ разомъ, и благородный порывъ юношей и смѣлое начинаніе того, кто вмѣстѣ съ немногими другими увлекалъ ихъ своимъ примѣромъ. Впрочемъ мы благодарны автору и за то, что онъ, съ тѣмъ или другимъ намѣреніемъ, спасъ однако отъ забвенія довольно интересную черту въ университетской жизни своего товарища.

О ходѣ университетскихъ занятій Грановскаго въ томъ же году мы очень мало извѣщены. Самъ онъ, занятый совсѣмъ другими отношеніями, едва касается ихъ въ письмахъ къ сестрѣ. Мимоходомъ лишь упоминаетъ онъ даже о такомъ обстоятельствѣ, какъ представленіе его Пушкину, не знаемъ— черезъ кого и по какому поводу [2]). Надобно полагать, что Грановскій самъ искалъ этой чести, и конечно считалъ тотъ день праздникомъ для себя, когда могъ лично бесѣдовать съ знаменитымъ поэтомъ. Не менѣе интересно упоминаніе о томъ, что уже въ мартѣ 1835 года ему представлялся случай попасть въ число немногихъ избранныхъ, которые назначались къ отправленію за границу, конечно по окончаніи университетскаго курса [3]). Это назначеніе, хотя и не состоявшееся по разнымъ обстоятельствамъ, показываетъ, что Грановскій тогда уже былъ въ виду у университетскаго начальства, какъ одинъ изъ самыхъ способныхъ молодыхъ людей для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Между тѣмъ учебный годъ приближался къ концу. Наступило время экзаменовъ. Дѣло шло уже не о переходѣ съ одного курса на другой, а о полученіи первой ученой степени, и Грановскій утроилъ свои усилія, работалъ иногда по тридцати шести часовъ сряду, раз-

[1]) См. статью г. Григорьева, стр. 23. — [2]) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 10 февраля 1835 года. Упоминая объ этомъ, Грановскій прибавляетъ, что былъ представленъ поэту- avec une recommendation fort flattante pour moi.—[3]) Также въ письмѣ къ сестрѣ отъ 25 марта 1835.

строилъ самое здоровье, чтобы выйти изъ университета съ честiю. Цѣль его была достигнута. Несмотря на непрiятности, которыя студенты его курса имѣли съ однимъ изъ своихъ профессоровъ, онъ съ полнымъ успѣхомъ кончилъ свои экзамены и вышелъ съ степенью кандидата юридическаго факультета [1]).

Такъ, среди тѣсныхъ и нерѣдко очень затруднительныхъ обстоятельствъ, Грановскiй прошелъ весь курсъ университетскаго образованiя. Читатель, вѣроятно, желалъ бы знать, въ какой степени оно было полно или недостаточно, развило ли оно какiе особые вкусы въ молодомъ человѣкѣ, дало ли ему опредѣленное направленiе, и вообще какiя влiянiя дѣйствовали на него всего сильнѣе, пока онъ находился въ университетѣ. На эти вопросы еще прежде насъ отвѣчалъ уже отчасти авторъ воспоминанiй, какъ ближайшiй къ дѣлу свидѣтель. По его описанiю, которому мы не имѣемъ никакой причины противорѣчить, тогдашнiе наши университеты, въ томъ числѣ и Петербургскiй, стояли мало чѣмъ выше гимназiй. Порядокъ преподаванiя былъ почти школьный. Правда, что уроки не задавались, какъ въ школахъ, но за то такъ называемыя лекцiи очень часто читались по печатнымъ учебникамъ. Между профессорами были люди съ именемъ и съ заслуженнымъ авторитетомъ, но на три или на четыре такихъ человѣка приходилось иногда до тридцати преподавателей, которые смотрѣли на свое занятiе какъ на ремесло. Многiе изъ нихъ, читая свой предметъ по нѣскольку лѣтъ, не имѣли почти никакого понятiя объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою въ это время, и сами не двигались ни на шагъ впередъ. При такомъ состоянiи преподаванiя нельзя было много требовать отъ слушателей. Застой, который такъ сильно чувствовался въ большинствѣ наставниковъ, отражался и на нихъ. Такъ какъ ихъ водили большею частiю на ученическихъ помочахъ, то и они вели себя учениками. Не слыша съ каѳедры живого пониманiя науки, они и сами прiучились смотрѣть на нее какъ на мертвую букву. Отъ нихъ требовали какъ высшаго совершенства, чтобъ они передавали съ буквальною вѣрностью слова преподавателя, и они думали исполнить весь свой долгъ, если успѣвали съ точностiю затвердить къ экзамену заготовленныя напередъ записки. Самостоятельная дѣятельность не лежала въ требованiяхъ про-

[1]) Обо всемъ этомъ см. письмо къ сестрѣ отъ 23 iюня.

фессоровъ, и по тому самому оставалась почти неизвѣстною и ихъ слушателямъ.

По словамъ того же автора, было впрочемъ тогда въ Петербургскомъ университетѣ нѣсколько преподавателей европейскаго достоинства. Объ одномъ изъ нихъ онъ даже говоритъ съ такимъ энтузіазмомъ, что едва находитъ ему достойное мѣсто между первоклассными учеными всего просвѣщеннаго міра. Никто не споритъ объ обширныхъ и разнообразныхъ знаніяхъ О. И. Сенковскаго, хотя великія заслуги его наукѣ до сихъ поръ остаются недоказанною темою. Притомъ же, чтобъ оцѣнить его достоинства, какъ преподавателя, и подчиниться ихъ вліянію, надобно было занимать мѣсто между его учениками, а Грановскій, какъ студентъ юридическаго факультета, никогда не имѣлъ чести принадлежать къ ихъ числу. Уже послѣ университетскаго курса, литературныя связи и симпатія ввели нашего молодого кандидата въ кругъ знаменитаго оріенталиста; но тутъ онъ имѣлъ дѣло уже не съ профессоромъ, а съ издателемъ журнала, и не только не состоялъ подъ его вліяніемъ, но, кажется, даже разстался съ нимъ безъ большого сожалѣнія. Къ другимъ достойнымъ преподавателямъ, упоминаемымъ въ спискѣ г. Григорьева, между тогдашними университетскими знаменитостями, какъ-то: Щеглову, Грефе, Бонгарду, Грановскій также не имѣлъ никакихъ отношеній, потому что они принадлежали къ другимъ факультетамъ. Были впрочемъ, по извѣстіямъ того же автора, свои „свѣтила" и въ факультетѣ правъ. Сюда причисляетъ онъ Шнейдера, профессора римскаго права, и Врангеля, занимавшаго каѳедру исторіи русскаго законодательства. Съ своей стороны мы должны замѣтить, что мы не слыхивали отъ самого Грановскаго даже именъ этихъ преподавателей: ясный знакъ, что они никогда не производили на него сильнаго впечатлѣнія, и если они принесли ему пользу, то развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бываетъ полезенъ исправный учитель въ школѣ. Далѣе г. Григорьевъ прибавляетъ, что университетъ, уже въ концѣ ихъ пребыванія въ немъ, освѣжился еще двумя новыми преподавателями, гг. Устряловымъ и Фишеромъ. Но первый изъ нихъ поступилъ сначала на каѳедру русской словесности, а потомъ уже перешелъ на отечественную исторію, такъ что мы не знаемъ даже, былъ ли Грановскій его слушателемъ. По крайней мѣрѣ у автора воспоминаній нѣтъ на это опредѣленнаго указанія [1].

[1]) Ср. стр. 22 и 23.

Что же касается г. Фишера, то, кромѣ свидѣтельства г. Григорьева, мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, чтобы говорить о сильномъ вліяніи его на своихъ слушателей. Намъ извѣстна только его программа общаго философскаго курса, написанная имъ въ 1848 или 1849 году и разосланная во всѣ русскіе университеты, а судя по ней, мы не имѣемъ никакой причины заключать, чтобы курсъ его хорошо знакомилъ слушателей съ современнымъ состояніемъ науки и сильно дѣйствовалъ на ихъ воспріимчивую мысль. Заслуга его, повидимому, состояла въ томъ, что онъ знакомилъ студентовъ съ языкомъ и общими положеніями своей науки, такъ что слушатели его могли потомъ переходить къ чтенію философическихъ сочиненій и добираться мало-по-малу до ихъ внутренняго смысла. Между прочимъ, когда Грановскій былъ уже на послѣднемъ курсѣ, Н. В. Гоголь читалъ въ Петербургскомъ университетѣ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Но Грановскій едва ли былъ между его слушателями. Точно также мы не имѣемъ никакихъ причинъ искать его между студентами, которые слушали первое чтеніе г. Шульгина, поступившаго преподавателемъ въ Петербургскій университетъ около того же времени и тоже по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Итакъ Грановскій прошелъ трехгодичный университетскій курсъ какъ добрую, солидную школу, въ которой имѣлъ случай познакомиться вновь съ многими науками и собрать хорошій запасъ фактическихъ свѣдѣній разнаго рода, но въ которой не состоялъ ни подъ какимъ особеннымъ вліяніемъ, такъ что, выходя изъ нея, не выносилъ еще никакого рѣшительнаго направленія: оно могло установиться въ немъ лишь при болѣе благопріятныхъ условіяхъ послѣдующаго развитія.

Но когда дѣло идетъ о школьномъ образаваніи, хотя бы школа была самаго высшаго разряда, никогда не надобно забывать о тѣхъ вліяніяхъ, которыя въ то же самое время дѣйствуютъ на молодыхъ людей путемъ чтенія, литературы вообще. Они дѣйствуютъ скромно, малозамѣтно, а между тѣмъ дѣйствіе ихъ часто простирается гораздо дальше и идетъ глубже, чѣмъ сколько могутъ сдѣлать школьные уроки со всѣмъ своимъ неистощимымъ запасомъ разныхъ понудительныхъ мѣръ. Это зависитъ конечно отъ того, что всякая натура ищетъ пищи по себѣ и охотнѣе берется за то, чтó сама находитъ по своему вкусу. У Грановскаго также постоянно были занятія своего собственнаго выбора, которыя шли на ряду съ университетскими и состояли главнымъ образомъ въ

чтеніи. Мы уже видѣли, какое удовольствіе доставилъ ему одинъ его знакомый, предоставившій въ его распоряженіе часть своей библіотеки на время лѣтней вакаціи. Жаль, что мы не можемъ сказать, изъ какихъ еще книгъ состоялъ этотъ выборъ, въ которомъ главное мѣсто занимало полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта. Это было еще лѣтомъ 1833 года. Произвольныя занятія Грановскаго, то-есть чтенія и знакомства съ разными литературными произведеніями, не входившими въ кругъ его университетскихъ курсовъ, неизмѣнно продолжались и въ слѣдующіе годы и нечувствительно зарождали въ немъ охоту къ самодѣятельности. Въ этомъ отношеніи мы обязаны автору воспоминаній сообщеніемъ многихъ очень интересныхъ фактовъ. Юность довѣрчива, сообщительна; она любитъ дѣлиться какъ своими чувствами, такъ и своею неопытною дѣятельностью. Грановскій радъ былъ встрѣтить въ г. Григорьевѣ тѣ же самые порывы и вмѣстѣ съ нимъ искалъ средствъ удовлетворенія этой новой своей потребности. Сблизившись такимъ образомъ, они принялись переводить общими силами «Начертаніе исторіи среднихъ вѣковъ», соч. Демишеля. На ихъ бѣду, книга Демишеля принадлежала къ числу тѣхъ, о которыхъ можно сказать: не родись пригожъ, а родись счастливъ. Наши пріятели только что начинали свой трудъ, какъ въ Москвѣ уже перевели ее въ два или три дня посредствомъ одной сторукой машины. Дѣлать было нечего; Грановскому вмѣстѣ съ его товарищемъ пришлось бросить начатый переводъ и искать другого занятія. Тогда имъ пришло на мысль, что переводъ съ французскаго не стоитъ труда, и что гораздо лучше и полезнѣе сдѣлать хорошій выборъ изъ англійской литературы. Увлеченные успѣхомъ «Хаджи Бабы» Морьера, переведеннаго или, лучше сказать, передѣланнаго Сенковскимъ, они рѣшились взяться за переводъ другого романа того же автора: «Zohrabe the hostage», и чтобъ имѣть болѣе опоры, призвали на помощь себѣ еще одного товарища (Ковалинскаго), который былъ гораздо сильнѣе ихъ въ англійскомъ языкѣ. Часть этой общей работы, то-есть нѣсколько первыхъ главъ романа, были даже напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1834 года. Но почему-то и это предпріятіе не пошло въ ходъ, и наша переводная община опять распалась на свои составныя части. Каждый изъ бывшихъ членовъ ея пошелъ послѣ того своею дорогою, смотря по тому, куда кого влекли его инстинкты или болѣе отчетливыя побужденія. О себѣ разсказываетъ авторъ воспоминаній, что онъ рѣ-

шительно поворотилъ тогда къ Востоку и взялся перевести одну персидскую рукопись; Грановскій же, наоборотъ, еще сильнѣе прилѣпился къ Западу, выбравши на этотъ разъ предметомъ своихъ частныхъ занятій англійскихъ поэтовъ такъ называемой „Озерной школы": Кольриджа, Соути и другихъ. Такой выборъ могъ быть и случайнымъ, но нельзя не назвать его счастливымъ. Озерная школа была во всякомъ случаѣ добрая школа. Изученіе ея произведеній не мало должно было способствовать къ поэтическому образованію Грановскаго. Оно приходилось ему очень кстати послѣ добраго знакомства съ шотландскимъ романистомъ. Оно нечувствительно переводило его мысль изъ средневѣковаго быта къ міру новыхъ ощущеній. По словамъ автора воспоминаній, Грановскій не довольствовался однимъ чтеніемъ и изученіемъ англійскихъ поэтовъ, но пробовалъ также передавать нѣкоторыя избранныя ихъ піесы русскими стихами. Одна большая поэма изъ той же школы даже была переведена имъ сполна и притомъ, какъ замѣчаетъ тотъ же свидѣтель, „весьма недурно". Въ этой борьбѣ съ англійскими поэтами образовывался воздержный и строгій языкъ будущаго автора «Аббата Сугерія» и «Характеристикъ».

Тѣмъ же литературнымъ путемъ, кажется, пришло къ Грановскому и раннее расположеніе его къ историческимъ занятіямъ. Отъ Вальтеръ-Скотта не труденъ уже былъ переходъ и къ историческимъ книгамъ въ собственномъ смыслѣ. И въ самомъ дѣлѣ—мы ссылаемся опять на того же близкаго свидѣтеля его университетской жизни—изъ французской литературы того времени онъ выбиралъ себѣ для чтенія преимущественно историковъ, обходя самые знаменитые романы Евгенія Сю, Виктора Гюго и другихъ производителей той же школы. Довольно рано уже успѣлъ онъ познакомиться съ сочиненіями Баранта, Сисмонди, Тьера, Вильмена, Гизо и другихъ корифеевъ новой французской исторіографіи. Цѣня достоинство каждаго изъ нихъ, онъ впрочемъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми прочими Огюстену Тьери, котораго рѣдкій талантъ разсказа, въ высшей степени яснаго и занимательнаго, былъ ему гораздо симпатичнѣе. Въ его «Завоеваніи Англіи Норманами» онъ видѣлъ образецъ историческаго изложенія и, по окончаніи курса, предпринималъ было даже переводить его на русскій языкъ, чтобы ближе познакомить съ нимъ русскую публику, но скоро долженъ былъ отложить и этотъ трудъ, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ, которыя гото-

вились въ его собственномъ положеніи. Любознательность Грановскаго впрочемъ не ограничилась одними французскими историками. Между другими относящимися сюда воспоминаніями г. Григорьева для насъ особенно дорого то извѣстіе, что товарищъ его, еще находясь въ университетѣ, началъ уже читать и англійскихъ историческихъ писателей, и что Юмъ, Робертсонъ и Гиббонъ были ему знакомы прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сойти со студенческой скамьи. Это знакомство также стоило всякой доброй школы и не могло пройти безплодно для образованія молодой мысли. Теперь мы лучше понимаемъ, откуда взялись у Грановскаго, въ первой же напечатанной имъ исторической статьѣ, составленной по Капфигу («Судьбы евреевъ»), и такіе вѣрные историческіе пріемы, и такая твердость возрѣнія, и наконецъ такая воздержность и сосредоточенность въ изложеніи. Высокіе образцы замѣняли ему недостатокъ опытности. Черезъ знакомство съ ними образовался у него вѣрный историческій тактъ еще прежде, чѣмъ созрѣли въ немъ ясныя и твердыя убѣжденія.

Судя по этимъ даннымъ, тогда уже образовался у Грановскаго перевѣсъ въ пользу историческихъ занятій. Еще направленіе его не опредѣлилось съ точностію, но ясно можно было видѣть, что онъ, напримѣръ, не сдѣлается записнымъ юристомъ и не посвятитъ себя исключительно поэтической дѣятельности. Послѣднее замѣчаніе не значитъ впрочемъ, чтобы Грановскій считалъ поэтическую область совершенно закрытою для себя. Изучая англійскихъ поэтовъ Озерной школы, онъ въ то же время вступилъ въ борьбу и съ самою ихъ формой. Около того же времени, или нѣсколько раньше, была у него и такая пора, когда онъ пробовалъ излагать въ стихахъ свои собственныя мысли и чувства. Такъ можно было бы съ большою вѣроятностью предполагать, даже не имѣя въ рукахъ никакихъ положительныхъ фактовъ; но напечатанныя г. Григорьевымъ воспоминанія не оставляютъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что было время, когда Грановскій дѣйствительно увлекался страстію къ стихотворству. Упражненія въ русской словесности, въ томъ числѣ и стихи, были въ большомъ ходу въ Петербургскомъ университетѣ, особенно со времени вступленія въ него П. А. Плетнева, который поощрялъ такого рода занятія. Тогда Ершовъ написалъ свою столь счастливую сказку «Конекъ-Горбунокъ», которая не только чита-

[1]) Статья г. Григорьева, стр. 32—33.

лась, но заучивалась многими наизусть. Однажды на каѳедрѣ профессора явилась между прочимъ и тетрадка стиховъ Грановскаго. Въ ней заключались два небольшія стихотворенія, подъ названіемъ «Москва» и «Вопросъ и отвѣтъ», и отрывокъ изъ драматической поэмы, названной «Сценою изъ жизни Каліостро». Неизвѣстно, какъ отозвался профессоръ объ этихъ юношескихъ опытахъ, но тетрадка, писанная въ началѣ 1834 года, по странному случаю до сихъ поръ сохранилась у одного изъ бывшихъ товарищей автора, и желающіе ближе познакомиться съ заключавшимися въ ней стихотвореніями, могутъ найти ихъ сполна въ статьѣ г. Григорьева «Грановскій до его профессорства» [1]).

Мы вовсе не думаемъ останавливаться на этихъ стихотвореніяхъ съ цѣлью подробнаго ихъ анализа. Оттого нисколько не выиграла бы исторія нашей стихотворной литературы, и ничего не прибавилось бы къ репутаціи Грановскаго какъ писателя. Довольно того, что напечатанные теперь юношескіе опыты его въ стихахъ, какъ своею формою, такъ и содержаніемъ, не могутъ навлечь ни малѣйшаго нареканія на него. Мы даже не совсѣмъ хорошо понимаемъ тѣ резоны, которые заставили автора воспоминаній обнародовать ихъ въ публикѣ, Насъ интересуютъ начальные стихотворные опыты тѣхъ писателей, которые впослѣдствіи пріобрѣли заслуженную поэтическую славу: въ нихъ мы стараемся распознать первый зародышъ таланта, который потомъ распустился роскошнымъ цвѣтомъ. О Грановскомъ этого сказать нельзя. Въ природѣ его могло быть много поэтическаго, но онъ не занялъ никакого мѣста между нашими поэтическими дѣятелями. Его опыты въ стихахъ не имѣютъ никакого спеціальнаго значенія. Въ молодости всякій считаетъ себя и, можно даже сказать, бываетъ немного поэтомъ. Грановскій писалъ стихи, слушаясь общаго побужденія многихъ, и издавать въ настоящее время его юношескіе опыты значитъ точно то же, что́ печатать и другія „упражненія" въ русской словесности, которыя въ то время появлялись одно за другимъ на каѳедрѣ профессора. Мы рѣшительно не можемъ взять въ толкъ, кому можно было бы угодить подобнымъ изданіемъ. Можетъ-быть впрочемъ самъ авторъ опытовъ придавалъ имъ въ свое время большое значеніе и своею излишнею навязчивостію далъ своимъ товарищамъ право думать, что онъ дорожитъ своею поэтическою извѣстностію. Но во-первыхъ,

[1]) См. стр. 26—31.

если онъ и въ самомъ дѣлѣ ошибался тогда о себѣ, то нѣтъ ни малѣйшей причины думать, чтобъ онъ сохранилъ то же ошибочное мнѣніе о себѣ и впослѣдствіи. А во-вторыхъ, самъ авторъ воспоминаній свидѣтельствуетъ намъ, что Грановскій, раздѣляя со многими своими сверстниками слабость къ стихотворству, менѣе всего впрочемъ подверженъ былъ искушенію распространять свои опыты между товарищами, неговоря уже о публикѣ. „Можно думать", говоритъ г. Григорьевъ, „что юристъ нашъ дѣйствительно, и даже въ значительной мѣрѣ, обладалъ способностью управляться съ риѳмами; о поэтическомъ же настроеніи духа его и говорить нечего; со всѣмъ тѣмъ Т. Н. никогда не былъ причастенъ общей слабости стихотворствующихъ — сообщать вдохновенія свои публикѣ и всякому желающему наслаждаться ими. Ничего, сколько я знаю, не напечаталъ онъ ни изъ собственныхъ поэтическихъ произведеній, ни изъ переводовъ своихъ стихами; никогда, сколько помнится, не вызывался онъ прочесть что-либо изъ своихъ работъ по этой части даже товарищамъ". И потомъ нѣсколько далѣе: „Онъ, можно сказать, стыдился, что пишетъ стихи, занимается такимъ вздоромъ, тогда какъ, по собственному убѣжденію, долженъ былъ бы учиться, заниматься чѣмъ-нибудь болѣе питательнымъ для духа" [1]). Г. Григорьевъ воленъ былъ конечно, по праву близкаго товарища, прибрать къ своимъ рукамъ ту самую тетрадку, о которой идетъ у насъ рѣчь, и даже уберечь ее въ продолженіе многихъ лѣтъ въ своемъ письменномъ столѣ, какъ живое воспоминаніе о бывшихъ когда-то пріятельскихъ отношеніяхъ къ человѣку, съ которымъ потомъ такъ далеко развела его дорога жизни; но мы вовсе не видимъ, какое нравственное право имѣлъ онъ, дождавшись смерти Грановскаго, обнародовать его юношескія упражненія въ стихотворствѣ, которыя такъ бережно пряталъ даже отъ своихъ товарищей, и потомъ, когда тетрадка случайно попалась въ руки одного нескромнаго пріятеля, нѣсколько разъ настоятельно требовалъ отъ него возвращенія „этихъ грѣховъ своей юности", какъ бы предчувствуя, что пріятель его со временемъ сочтетъ для себя за особенное удовольствіе обнародовать секретъ его всей читающей русской публикѣ. „Какъ ни старался въ послѣдствіи Т. Н.", говоритъ тотъ же г. Григорьевъ, „достать отъ меня обратно эти грѣхи своей юности, я сохранилъ ее (тетрадку) до сихъ поръ, и теперь *очень доволенъ*, что, благодаря

1) См. тамъ же, стр. 33.

упорству своему, могу познакомить позднѣйшихъ (?) пріятелей Грановскаго съ первыми звуками его замолкшей за серіознѣйшими занятіями лиры.“ Странное довольство въ томъ, что вы не возвратили автору его литературной собственности и потомъ, противъ его воли, обнародовали ее для всей публики! Повторяемъ, напечатанныя юношескія упражненія Грановскаго въ стихахъ ни въ какомъ отношеніи не роняютъ репутаціи ихъ автора, но едва ли много говорятъ въ пользу ихъ непризваннаго издателя.

Товарищескія отношенія Грановскаго, пока онъ былъ въ университетѣ, оставили въ его сверстникахъ самыя добрыя воспоминанія. Вообще онъ былъ очень любимъ своими товарищами [1]). Между тѣми, которые были особенно близки къ нему, г. Григорьевъ кромѣ себя называетъ еще гг. Бутовскаго, Злобина, Ершова, Савельева, Кутузова-Голенищева и нѣкоторыхъ другихъ. Жизнь этого пріятельскаго кружка была вообще довольно скромная. Вечеромъ нерѣдко сходились они всѣ вмѣстѣ то у того, то у другого изъ членовъ своего тѣснаго круга, но „обильныя возліянія Бакху“, какъ выражается авторъ воспоминаній, не имѣли тутъ мѣста. Сходились безъ всякой опредѣленной цѣли, удовлетворяя лишь самой простой потребности провести нѣсколько часовъ въ непринужденной дружеской бесѣдѣ, и толковали между собою о чемъ случилось, или чтó было ближе къ ихъ юношескимъ понятіямъ и интересамъ, при чемъ явленія фантастическаго міра или разсказы о духахъ и призракахъ занимали молодыхъ собесѣдниковъ гораздо болѣе, нежели современная дѣйствительность. Историкъ кружка, повидимому, вмѣняетъ ему въ особенное достоинство это отсутствіе болѣе серіозныхъ научныхъ или жизненныхъ интересовъ. Съ чувствомъ какого-то страннаго самодовольства даетъ онъ замѣтить намъ, что такіе предметы, какъ французская палата и ея пренія, вовсе не занимали собесѣдниковъ, и что даже такія имена, какъ Гегель и Шеллингъ, едва доходили до нихъ по слуху и потому никогда ни могли входить въ содержаніе ихъ пріятельскихъ разговоровъ. „Мы“, говоритъ онъ, „толковали спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ разсудка; не умѣли мы горячиться о гуманности, но за то были весьма гуманны въ дѣйствительности“ [2]), Авторъ какъ будто

[1]) Mes professeurs, писалъ онъ къ сестрѣ отъ 20 апрѣля 1835 года, sont tous remplis d'attention pour moi, mes camarades m'aiment. — [2]) См. тамъ же, стр. 36.

хочетъ внушить намъ ту мысль, что путь, которымъ шелъ тогда этотъ пріятельскій кружокъ, былъ единственно разумный, и что выиграли всего болѣе тѣ изъ товарищей, которые остались вѣрны ему и впослѣдствіи. На наши глаза однако явленіе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Оно, очевидно, было естественнымъ плодомъ того свѣжаго и неподдѣльнаго чувства, которое такъ свойственно молодости и располагаетъ ее къ довѣрчивости и общительности. Инстинктивная потребность общенія заставила сойтись ближе между собою нѣсколько молодыхъ людей, сверстниковъ по возрасту и по самой школѣ. Нельзя не сочувствовать такому естественному сближенію, но не надобно также забывать, что оно, какъ самая первая и ранняя ступень въ дружественныхъ отношеніяхъ, непремѣнно предполагаетъ дальнѣйшее развитіе. На одномъ чувствѣ, за исключеніемъ любви въ собственномъ смыслѣ, нельзя основать ничего постояннаго. Для полнаго развитія дружественныхъ отношеній необходимо, чтобы сверхъ чувства сюда вошли еще и другіе элементы и скрѣпили первый, случайно образовавшійся узелъ болѣе разумными и потому болѣе прочными связями.

Пріятельскій кружокъ, о которомъ разсказываетъ г. Григорьевъ, былъ безспорно прекраснымъ явленіемъ по непринужденности и искренности чувства, связывавшаго всѣхъ его членовъ между собою; но было бы грубою ошибкою видѣть въ немъ идеалъ совершенства и хотѣть обратить въ похвалу ему самые его недостатки. Недоставало ему болѣе серіозныхъ и дѣльныхъ интересовъ, и потому въ немъ не было никакихъ залоговъ будущности. Онъ держался, пока пріятели сходились въ стѣнахъ университета, но какъ скоро эти внѣшнія узы распались для нихъ, отъ кружка не осталось почти никакого слѣда. Каждый потомъ пошелъ своею дорогою жизни, и прежніе пріятели со временемъ разошлись до того, что подъ конецъ не узнавали другъ друга. Это значитъ, что одни изъ нихъ все больше проникались тѣми интересами, которыхъ недостатка не сознавали еще ясно, находясь внутри пріятельскаго кружка, а другіе между тѣмъ уходили отъ тѣхъ же интересовъ все дальше и дальше въ противоположномъ направленіи, и наконецъ достигли того, что именно въ совершенномъ отчужденіи отъ нихъ увидѣли для себя залогъ благополучія и основаніе законной гордости. Отсюда произошло, что самая среда, о которой первые вспоминали не иначе, какъ съ улыбкою, въ глазахъ другихъ получила впослѣдствіи зна-

ченіе идеала, выше котораго они ничего не могутъ себѣ представить.

Окончивъ съ студенческою жизнію Грановскаго, мы впрочемъ едва рѣшили только половину нашей задачи, относящейся къ его юности. Жизнь студента не обнимаетъ еще всѣхъ сторонъ человѣка. Сверхъ студенчества у него были и другія столько же постоянныя отношенія, въ которыхъ личный характеръ его раскрывался можетъ-быть еще положительнѣе. Кромѣ связей по товариществу, у него были еще тѣ или другія отношенія къ обществу, къ своей семьѣ, къ родственникамъ и другимъ знакомымъ. Тутъ представлялись ему тоже своего рода задачи, для рѣшенія которыхъ требовалось кое-что поболѣе обыкновенныхъ усилій ума; тутъ нерѣдко приходилось ему не размышлять только, но и дѣйствовать въ собственномъ смыслѣ слова. Мы не можемъ перейти къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего молодого ученаго, не коснувшись напередъ этихъ, такъ сказать, общечеловѣческихъ отношеній изъ его юности, сколько можно знать о нихъ изъ его собственныхъ писемъ и изъ воспоминаній нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему лицъ.

Находясь въ Петербургскомъ университетѣ, Грановскій, хотя болѣе удаленъ былъ отъ своей семьи, чѣмъ во время пребыванія своего въ московскомъ пансіонѣ, но нисколько не былъ оторванъ отъ нея, и какъ самъ находился въ постоянной зависимости отъ нея, такъ въ свою очередь имѣлъ немаловажное вліяніе по крайней мѣрѣ на младшихъ ея членовъ. Мы знаемъ уже, какое сильное замѣшательство произвела смерть матери даже въ матеріальномъ быту Грановскаго. Первое время отецъ не только не высылалъ ему денегъ, но даже не хотѣлъ ничего отвѣчать ему. Молодой человѣкъ, оставленный безъ всякихъ средствъ, долженъ былъ биться какъ рыба объ ледъ. Переселившись на жительство къ одному изъ своихъ земляковъ, онъ избавился отъ тѣснившей его нужды. Въ г. Кристофовичѣ онъ имѣлъ хорошаго товарища, потому что могъ дѣлиться съ нимъ своими недостатками. Тотъ былъ нѣсколько старше его годами, но также человѣкъ безъ состоянія и притомъ еще женатый. Единственная его выгода передъ Грановскимъ состояла въ томъ, что онъ былъ на службѣ, то-есть имѣлъ постоянное жалованье, но этого жалованья едва хватало ему на ежедневные расходы. Имѣя въ глазахъ такой при-

мѣръ, Грановскій и самъ учился терпѣливо переносить нужду. Онъ не бѣгалъ какъ прежде изъ дому, но почасту долженъ былъ, вмѣсто обѣда, пробавляться однимъ картофелемъ, или запивать свой голодъ пустымъ чаемъ. Это вынужденное голоданье продолжалось немало времени и не могло не отозваться нѣкоторыми дурными послѣдствіями. Изъ нихъ главное было разстройство физическаго здоровья, которое давало чувствовать себя Грановскому нѣсколько лѣтъ съ ряду послѣ того и выражалось или постоянною слабостію, или какимъ нибудь мѣстнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ, заставлявшимъ иногда опасаться за самую его жизнь [1]).

У насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о томъ, когда Грановскій разстался съ своимъ землякомъ и добрымъ товарищемъ по жизни. Знаемъ только, что онъ жилъ съ г. Кристофовичемъ не только во время приготовленія своего къ экзамену, но и долгое время по вступленіи въ университетъ. Если они потомъ и разошлись, то память прежнихъ дружескихъ отношеній никогда не изглаживалась.

Еще въ то время, когда Грановскій жилъ съ семействомъ г. Кристофовича, обстоятельства его нѣсколько измѣнились къ лучшему. Надобно полагать, что онъ получилъ наконецъ нѣкоторое вспоможеніе отъ отца. Уже и потому не могъ онъ совершенно отказать сыну въ необходимомъ вспоможеніи, что ему досталась часть имѣнія, составлявшаго собственность его матери. Грановскій могъ наконецъ требовать себѣ доходовъ съ имѣнія. Горькое впечатлѣніе, оставленное въ любящемъ сынѣ смертію матери, отъ времени также начинало терять свою ѣдкость. Молодость брала свое; она громко предъявляла свои требованія на жизнь и искала для нихъ хоть малаго удовлетворенія. Нельзя же было молодому человѣку постоянно сидѣть взаперти: надобно было, хоть немного, выйти и въ свѣтъ. Счастливо оконченный вступительный экзаменъ, хотя уже послѣ четырехъ мѣсячнаго слушанія университетскихъ лекцій, повидимому особенно способствовалъ къ тому, чтобы къ Грановскому возвратилось лучшее настроеніе духа. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ осени 1832 года, письма его къ сестрѣ становятся не такъ мрачны. Онъ самъ упоминаетъ о томъ, что бываетъ иногда въ обществѣ и начинаетъ „веселиться" [2]). Когда потомъ наступили зимніе праздники, Грановскій съ удоволь-

[1]) Изъ воспоминаній, сообщенныхъ Ел. Б. Грановскою. —[2]) Въ письмахъ къ сестрѣ отъ 1832 года (подъ № 9 и 10).

ствіемъ отдавался столь любимому имъ въ молодости удовольствію танцовать. Только тяжелая болѣзнь, постигшая его въ началѣ 1833 года, опять посадила его дома и заставила отказаться отъ тѣхъ немногихъ удовольствій, которыя онъ находилъ въ кругу своихъ знакомыхъ.

Итакъ нашъ студентъ, несмотря на свои тѣсныя обстоятельства, не хотѣлъ ограничиться однимъ университетскимъ кружкомъ. Онъ чувствовалъ также нужду въ обществѣ и не пренебрегалъ случаемъ являться въ немъ время отъ времени. Такъ было съ нимъ всегда, какъ скоро обстоятельства его нѣсколько поправлялись, и академическія занятія не мѣшали ему располагать своимъ временемъ по желанію. Тогда онъ оживалъ духомъ и любилъ проводить свободные часы въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ. Онъ скоро успѣлъ побѣдить провинціальную дикость, съ которою пріѣхалъ въ Петербургъ, но надолго сохранилъ скромную застѣнчивость, которая замѣтна была даже въ обращеніи его съ товарищами [1]). Само собою разумѣется, что общество еще болѣе прибавило ему развязности. Впрочемъ кругъ его свѣтскихъ знакомыхъ въ Петербургѣ былъ очень немногочисленный. Большею частію онъ знакомился съ своими земляками и съ ними проводилъ свои досуги. При этомъ нельзя не замѣтить, что дамское общество онъ обыкновенно предпочиталъ мужскому, да и странно было бы, если бы молодой человѣкъ его возраста и съ его живыми наклонностями находилъ больше удовольствія въ мужской бесѣдѣ, которая главнымъ образомъ обращалась около карточнаго стола. Имена петербургскихъ знакомыхъ Грановскаго нерѣдко встрѣчаются въ его перепискѣ съ сестрою, и мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ болѣе или менѣе связанныя съ исторіею его юности. Такъ, въ одномъ письмѣ Грановскій пишетъ о знакомствѣ съ г-жею Хитрово; въ другомъ говоритъ мимоходомъ, что обѣдалъ у m-me Höpfner и очарованъ ею; въ третьемъ упоминаетъ о „предолгихъ разговорахъ“ съ г-жею Умецкою. Изъ одного письма 1833 года видно, что онъ проводилъ воскресенья у Можайскихъ, гдѣ „плясалъ много“. Изъ другихъ мѣстъ переписки можно заключить, что это же семейство было особенно близко къ нему, и что оно лучше другихъ было посвящено въ его семейныя отношенія [2]). Сверхъ того въ письмахъ не разъ упоминается еще о какой-то г-жѣ З., имѣвшей впрочемъ, какъ оказалось послѣ, на нашего сту-

[1]) Ср. г. Григорьева, ст. 1, стр. 20.—[2]) См. напр. письмо отъ 4 мая 1835.

дента виды особеннаго рода. Попадаются также имена знакомыхъ пріѣзжихъ, повидимому холостяковъ, но невсегда съ лестными эпитетами. Объ одномъ изъ нихъ Грановскій выражается такъ: il est impossible d'être plus bête que lui. Этотъ отзывъ вырвался у него въ интимной перепискѣ съ сестрою; но надобно замѣтить вообще, что Грановскій всегда былъ очень чувствителенъ къ уму и неохотно прощалъ недостатокъ его въ другихъ. Потому можетъ-быть женское общество привлекало его къ себѣ особенно: онъ находилъ въ немъ чего искалъ—любезность, грацію и умѣнье поддержать разговоръ, хотя бы онъ касался самыхъ обыкновенныхъ вещей въ мірѣ.

Но не здѣсь, не въ этомъ обществѣ можно надѣяться узнать Грановскаго ближе какъ человѣка. Сюда онъ приходилъ время отъ времени искать себѣ развлеченія; но душою онъ принадлежалъ своей семьѣ, — и съ нѣкотораго времени даже болѣе, чѣмъ находясь среди ея въ Погорѣльцѣ. Мы знаемъ уже, какъ безутѣшная грусть о смерти нѣжной матери разрѣшилась у него сердечнымъ обѣтомъ — стараться быть всегда „достойнымъ ея сыномъ“. Но какъ и въ чемъ онъ могъ показать на дѣлѣ, что такое рѣшеніе было дѣйствительнымъ актомъ доброй его воли, что оно произнесено имъ не въ минуту душевнаго умиленія, но съ полною готовностію осуществить его въ самыхъ дѣйствіяхъ? Общая формула стать „достойнымъ сыномъ матери“ получала смыслъ лишь въ такомъ случаѣ, когда бы для нея нашлось ближайшее приложеніе. У Грановскаго оно дѣйствительно скоро разрѣшилось въ болѣе опредѣленную практическую цѣль. Сердце подсказало ему, когда лучше всего могъ онъ направить свою благородную рѣшимость, употребить хотя часть своихъ силъ на дѣятельное сохраненіе доброй памяти о матери. Въ ноябрѣ 1831 года онъ писалъ къ своей теткѣ: Au reste mes plans sont si vagues, si indéfinis encore que vraiment je ne sais ce que je veux; je n'ai pour ainsi dire qu'un désir bien prononcé, c'est *d'être utile à ma famille* et Dieu m'en donnera les moyens [1]. Тутъ уже нѣтъ болѣе ничего неопредѣленнаго: молодой человѣкъ очень хорошо помнилъ, что никто столько не потерпѣлъ отъ преждевременной смерти матери, какъ его младшіе сестры и братья, остававшіеся дома почти безъ всякой опоры, и потому вмѣняетъ себѣ въ святую обязан-

[1]) „Впрочемъ мои планы еще такъ смутны, такъ неопредѣленны, что право я самъ не знаю чего хочу; у меня только одно такъ сказать ясное желаніе быть полезнымъ моему семейству, и Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ.“ Въ письмѣ къ теткѣ отъ 4 ноября 1831 года.

ность, стараться по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ имъ. Такъ какъ самое близкое лицо къ нимъ была теперь тетка, то онъ тогда же писалъ къ ней, заклиная ея именемъ той любви и дружбы, которую она питала къ его семьѣ, не оставлять бѣдныхъ сестеръ въ ихъ сиротствѣ и одиночествѣ. A présent permettez-moi de vous parler, такъ обращался онъ къ ней, comme à une amie, comme à une soeur, comme à un des êtres qui me font encore aimer la vie—n'abandonnez pas mes pauvres soeurs: je sais bien tout ce que cela doit vous coûter, tous les desagréments, etc. Mais ce sera un bienfait dont sans doute vous ne serez point recompensée ici, mais une plus belle recompense en serait le prix [1]). Этотъ голосъ шелъ прямо отъ полнаго сердца: онъ былъ залогомъ, что рѣшеніе, принятое нашимъ юношею, было вполнѣ искреннее и не могло измѣниться отъ случайныхъ обстоятельствъ.

Легко однако было сказать молодому человѣку, что онъ хочетъ быть полезенъ своимъ сестрамъ, когда онъ самъ еще ничѣмъ не былъ обезпеченъ, нерѣдко принужденъ терпѣть самую тѣсную нужду, и въ довершеніе всего отдаленъ отъ нихъ разстояніемъ болѣе чѣмъ тысячи верстъ. Чтó тутъ можно было сдѣлать при самой доброй волѣ и неизмѣнной рѣшимости? Какая была человѣческая возможность пособлять другимъ членамъ семьи, когда онъ самъ еще находился отъ нея въ полной зависимости, и часто нуждался въ вещахъ первой необходимости? И никто конечно не потребовалъ бы многаго отъ студента, зная его тѣсное личное положеніе: искреннее участіе и добрый совѣтъ—вотъ все, чего позволительно было желать отъ него въ отношеніи къ сестрамъ и братьямъ, которые были моложе его лишь нѣсколькими годами и продолжали оставаться въ домѣ своего отца, и если бы, сверхъ чаянія, братское чувство Грановскаго нашло средство сдѣлать для нихъ что-нибудь болѣе существенное, это была бы уже его личная заслуга, которой нельзя объяснить одною силою долга или чувствомъ своей обязанности.

Благодаря сохранившимся письмамъ мы можемъ слѣдить за отношеніями Грановскаго къ семьѣ во время пребыванія его въ Петербургѣ. Слово, имъ сказанное, не было пустымъ звукомъ:

[1]) Тамъ же. „Теперь позвольте мнѣ говорить вамъ какъ другу, какъ сестрѣ, какъ одному изъ тѣхъ существъ, которыя еще привязываютъ меня къ жизни,—не покидайте моихъ бѣдныхъ сестеръ: знаю все, чего вамъ будетъ это стоить, всѣ непріятности и пр. Но это будетъ благодѣяніемъ, за которое вы конечно не получите награды здѣсь, но васъ ожидала бы за него гораздо лучшая награда.“

при первой возможности оно превращалось у него въ настоящее дѣло. Для того возраста, въ которомъ тогда находился Грановскій, это было конечно болѣе чѣмъ счастливое исключеніе изъ обыкновеннаго правила. Въ началѣ ноября 1831 года онъ писалъ къ теткѣ, что хочетъ быть полезенъ своимъ сестрамъ, а въ декабрѣ того же года, если еще не ранѣе, онъ уже рѣшилъ про себя и писалъ къ отцу о намѣреніи своемъ уступить въ пользу сестеръ имѣніе, доставшееся ему по смерти матери. Въ этомъ распоряженіи не было ничего, что бы могло сколько-нибудь польстить хотя бы тщеславію, довольно извинительному въ молодомъ человѣкѣ, потому что сдѣлка была бы чисто домашняя и не предназначалась для публичности. Грановскій не сообщалъ о своемъ намѣреніи даже своимъ сестрамъ; по крайней мѣрѣ въ перепискѣ его съ ними не находимъ о томъ никакого упоминанія. Только изъ одного письма его къ теткѣ узнаемъ объ этомъ его поступкѣ. Тетка, принимавшая послѣ матери ближайшее участіе въ судьбѣ сестеръ Грановскаго, сочла своимъ долгомъ благодарить его за такое великодушное дѣло. Онъ отвѣчалъ ей въ слѣдующихъ словахъ: Je vous suis infiniment obligé pour ce que vous me dites de flatteur relativement à la donation du bien en Petite Russie; mais vos louanges sont éxagerés, et ce n'est pas une fausse modestie qui m'inspire ces paroles: c'est si peu de chose que ce bien qu'il ne faut pas être un modèle de frère pour le céder. D'ailleurs c'était mon intention toujours et parmi mes vices l'avarice ne se trouve point [1]). Черезъ годъ или полтора послѣ того, заботясь о томъ, чтобы сколько можно выгоднѣе устроить материнское имѣніе— также въ пользу сестеръ, Грановскій двумя словами объяснялъ причину, почему не старался удержать его за собою: car Platon (младшій братъ) et moi nous devons nous suffire nous mêmes [2]). Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы читатель могъ лучше судить о чистотѣ намѣреній молодого человѣка, который въ пользу любимыхъ сестеръ отказывался отъ единственнаго своего достоянія.

На первое время сдѣлано было довольно. Братское чувство Грановскаго могло нѣсколько упокоиться, зная, что тетка, ко-

[1]) Въ письмѣ къ теткѣ отъ 22 декабря 1831 года. „Безконечно благодаренъ вамъ за все лестное, что́ вы говорите мнѣ касательно уступки имѣнія въ Малороссіи; но похвалы ваши преувеличены, и я говорю это вовсе не изъ ложной скромности: имѣніе это такъ ничтожно, что вовсе не требуется быть образцовымъ братомъ, чтобъ уступить его. Впрочемъ таково было всегда мое намѣреніе, и въ числѣ моихъ пороковъ скупости не находится.“—[2]) „Потому что мы съ Платономъ должны сами о себѣ заботиться.“ Къ сестрѣ, въ сентябрѣ 1833 года (подъ № 6).

торая была очень любима въ семьѣ, нарочно переселилась въ Погорѣлецъ, чтобъ быть какъ можно ближе къ его сестрамъ и хотя отчасти замѣнить имъ утраченную мать. На всякій случай сверхъ того у сестеръ его былъ хотя небольшой, но вѣрный доходъ съ материнскаго имѣнія, котораго впрочемъ отецъ ихъ оставался попечителемъ. Но впереди Грановскому предстояли еще бо́льшія трудности, требовавшія отъ него бдительности и настойчивости не по лѣтамъ. Ему почти ни на минуту нельзя было совершенно успокоиться ни за себя, ни за своихъ. Читатель знаетъ, до какой степени въ его собственномъ положеніи по смерти матери не было ничего вѣрнаго. Деньги приходили случайно и никогда не могли покрыть самыхъ существенныхъ его недостатковъ, Не разъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ ожиданій, приходилось ему прибѣгать къ родственникамъ (именно къ г. Бодиско) и брать у нихъ деньги заимообразно, чтобъ имѣть возможность существовать. Школа, имѣвшая можетъ-быть для него и свою полезную сторону, но тѣмъ не менѣе трудная, тяжелая и оставлявшая въ душѣ молодого человѣка много горькихъ ощущеній. „Заброшенный сюда", писалъ онъ около половины 1832 года къ сестрѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего положенія,—„безъ знакомыхъ почти, безъ связей, я долженъ, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ, прокладывать себѣ дорогу и въ добавокъ питаться утомительною мыслію, что дома обо мнѣ забыли, какъ будто о гостѣ, который погостилъ и уѣхалъ навсегда" [1]). Грановскому еще не было тогда и полныхъ двадцати лѣтъ: въ эту пору какъ тяжело сознать себя въ такомъ положеніи! Только что находилъ онъ средства выпутаться хотя на время изъ своихъ трудныхъ обстоятельствъ, какъ нужда угрожала ему снова. Къ большимъ недостаткамъ присоединялись еще иногда разныя мелкія непріятности, прибавлявшія горечи въ эту жизнь, и безъ того не очень богатую счастливыми минутами. Такъ между прочимъ Грановскій не мало терпѣлъ отъ крѣпостного мальчика, который былъ отпущенъ съ нимъ изъ деревни, или послѣ присланъ ему для услуженія. Гришка былъ малый не промахъ: очень мало безпокоясь о недостаткахъ своего барина, онъ, напротивъ, находилъ у него многія вещи излишними и старался освободить его отъ нихъ понемногу. Баринъ долго смотрѣлъ сквозь пальцы на проказы своего слуги, но наконецъ потерялъ всякое терпѣніе, и чтобъ избавиться отъ домашняго врага, принужденъ

[1]) Въ письмѣ къ теткѣ отъ 1832 года (подъ № 4).

былъ прогнать его отъ себя. Но слѣды хищничества Гришки въ домашнемъ быту своего барина долго еще чувствовались и послѣ его изгнанія [1]).

Среди такой обстановки молодому человѣку надобно было имѣть добрый запасъ воли, чтобы въ порядкѣ вести свои собственныя дѣла; но онъ въ то же время долженъ былъ еще ни на минуту не терять изъ виду своей семьи и смотрѣть въ оба, чтобы въ положеніи ея, и безъ того не очень выгодномъ, не произошло какого новаго замѣшательства. И въ самомъ дѣлѣ, весною 1833 года до Грановскаго дошли извѣстія, что въ родительскомъ домѣ готовится перемѣна, отъ которой сестры его не могли ожидать себя ничего добраго. Нашелся одинъ интриганъ, который, вкравшись въ довѣренность ихъ отца и пользуясь его безпечностію, возымѣлъ было намѣреніе наградить ихъ маменькою своего собственнаго выбора. Однимъ словомъ, дѣло шло о второмъ бракѣ отца Грановскаго. Молодой человѣкъ пришелъ въ ужасъ. Онъ очень хорошо понималъ, что не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ это дѣло, и не хотѣлъ позволить себѣ ни одного замѣчанія насчетъ возможной женитьбы отца вообще; но онъ не могъ не испугаться за своихъ сестеръ, видя изъ сообщенныхъ ему извѣстій, что дѣло шло вовсе не о семейномъ счастіи отца, но о томъ, чтобы ввести въ домъ новое лицо и прибрать къ однимъ рукамъ все вліяніе, ко вреду остальныхъ членовъ семейства. Повидимому, Грановскій зналъ самое лицо, которое было орудіемъ этой постыдной интриги, и оттого можетъ-быть возмущался еще болѣе. Чтó было однако дѣлать въ его положеніи? До сихъ поръ въ семейныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ надежную опору для себя въ теткѣ, которая, живя въ домѣ отца его, могла принимать на себя посредничество; но незадолго передъ тѣмъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, и она покинула Погорѣлецъ, предоставивъ племяннику же позаботиться о томъ, какъ бы можно было замѣнить ее въ домѣ [2]). Грановскому не оставалось ничего болѣе, какъ

[1]) Подробности см. въ письмѣ къ сестрѣ отъ начала 1833 года (№ 1).— [2]) Объ этомъ мы знаемъ изъ письма Грановскаго къ теткѣ (отъ 10 мая 1833 года) по случаю выѣзда ея изъ Погорѣльца. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ: Au reste je sais bien tout ce que perdent mes pauvres soeurs en vous perdant. Que deviendront elles seules dans ce triste Pogoreletz qui devient de plus en plus solitaire? Vous m'écrivez de chercher une dame ici; rien n'est plus facile que d'en trouver dix; mais que leur dirai-je? Mon père ne m'ecrit décidément rien; pour que je puisse faire quelque chose, il faut que je connaisse les conditions qu'il peut offrir; d'ailleurs il y a une autre dificulté, c'est que je puis

стараться дѣйствовать черезъ старшую сестру. Онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить ей всего своего негодованія противъ того господина, который былъ главнымъ виновникомъ всей интриги [1]): Je viendrai a Orel, писалъ онъ, exprès à pied s'il le faut, si cet infame reussit et je lui ferai payer le succès de ses viles intrigues. J'ai eu un accès de rage en lisant etc. [2]) Но горячность тутъ была безполезна, и Грановскій, умѣряя свой собственный жаръ, спѣшилъ помочь сестрѣ благоразумнымъ совѣтомъ—побѣдить свою недовѣрчивость и стараться сблизиться съ отцомъ, чтобы дѣйствовать на него лично.

О дальнѣйшемъ ходѣ этой интриги мы можемъ только сказать, что она не имѣла успѣха, и предположенный второй бракъ отца Грановскаго, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не состоялся. Впрочемъ едва ли еще она была развязана совсѣмъ, какъ семейству грозила уже новая напасть. Однажды, перебирая газетныя объявленія, Грановскій случайно напалъ на одно изъ нихъ, которымъ извѣщалось, что Погорѣлецъ, наслѣдственное имѣніе отца его, заложенное и просроченное, назначается къ продажѣ съ публичнаго торга! Можно представить себѣ, чтó почувствовалъ онъ при этой неожиданной новости. Его взяло отчаяніе. Онъ уже воображалъ себѣ конечное разореніе семейства. Письмо, которое онъ писалъ тогда къ сестрѣ, носитъ на себѣ ясные слѣды его безпокойства. Онъ хотѣлъ быть вполнѣ откровененъ съ нею и въ то же время боялся слишкомъ напугать ее. „Знаешь ли, чтó я сдѣлалъ, когда пришелъ въ себя? J'ai remercié le bon Dieu d'avoir appellé à lui notre mère et de lui avoir épargné par là un terrible moment" [3]). Но только-что написавъ эти слова, Грановскій почувствовалъ, что они были бы слишкомъ горьки для сестры его, и спѣшилъ

bien me tromper dans mon choix, et que faire alors?— „Впрочемъ я знаю, какъ много теряютъ въ васъ мои бѣдныя сестры. Чтó будутъ онѣ дѣлать однѣ, въ этомъ Погорѣльцѣ, который становится все пустыннѣе и пустыннѣе. Вы пишите, чтобы я поискалъ здѣсь компаньонку; можно, пожалуй, найти ихъ десятокъ, но чтó мнѣ сказать имъ? Отецъ рѣшительно мнѣ ничего не пишетъ; чтобы сдѣлать что-нибудь, надо знать какія условія онъ можетъ предложить; къ тому же есть еще затрудненіе: я могу ошибиться въ выборѣ. Чтó тогда дѣлать?"

[1]) Имя его (З—ъ) написано и потомъ зачеркнуто въ письмѣ, но такъ, что можно прочесть. Все это письмо, вѣроятно для того, чтобы лучше сохранить содержаніе его въ секретѣ, писано по-французски. — [2]) „Я готовъ, если нужно, пѣшкомъ прійти въ Орелъ; если мерзавецъ этотъ успѣетъ, я заставлю его дорого поплатиться за эти подлыя интриги. Я пришелъ въ ярость, читая и т. д." — [3]) „Я благодарилъ Бога, что онъ позвалъ къ себѣ нашу матушку и избавилъ ее отъ ужасной минуты."

приправить ихъ нѣкоторыми утѣшеніями: Espérez et priez Dieu, il peut tout faire (надѣйся и молись Богу, все въ Его власти), писалъ онъ далѣе. „Все зависитъ отъ того, успѣетъ ли отецъ во-время послать деньги въ Петербургъ. Можетъ-быть онъ уже и послалъ ихъ, или по крайней мѣрѣ вышлетъ въ скоромъ времени". Не желая впрочемъ убаюкивать ее ложными надеждами, Грановскій вслѣдъ за тѣмъ просилъ сестру, чтобъ она всячески старалась убѣдить отца не замедлить высылкою денегъ, потому что одинъ потерянный день можетъ испортить все. Въ заключеніе письма опять было утѣшеніе: что бы ни случилось, писалъ Грановскій сестрѣ, она можетъ быть увѣрена, что всегда найдетъ въ немъ преданнаго брата, который готовъ помогать ей своими послѣдними средствами [1]).

Тревога, поднятая сыномъ, повидимому не произвела большого впечатлѣнія на отца. Срокъ, назначенный для продажи имѣнія, сокращался съ каждымъ днемъ; но владѣлецъ Погорѣльца оставался при своей прежней безпечности. Въ такихъ обстоятельствахъ Грановскому почти вовсе нельзя было ожидать, чтобъ его собственныя дѣла могли скоро поправиться. А между тѣмъ его одолѣвало безденежье. Отецъ оставлялъ его безъ всякаго отвѣта по четыре и по пяти мѣсяцевъ. Чтобы жить, существовать какъ-нибудь, надобно было прибѣгать къ займамъ. По счастію, у Грановскаго были добрые родственники въ Петербургѣ: г. Бодиско не переставалъ снабжать его деньгами для необходимыхъ расходовъ. Но этотъ неизбѣжный долгъ, увеличивавшійся съ каждымъ мѣсяцемъ и угрожавшій сдѣлаться неоплатнымъ, лежалъ тяжелымъ камнемъ на душѣ нашего студента [2]). Онъ не видѣлъ впереди никакой возможности справиться съ своими долгами; его пугала мысль, что тайна ихъ можетъ разгласиться, и что, не зная его нуждъ, всѣ будутъ говорить объ его расточительности. Грановскій дорожилъ своею репутаціею: мысль, что на нее могутъ наложить незаслуженное пятно, была причиною многихъ горькихъ минутъ для него [3]). Между тѣмъ у него были на душѣ и другія заботы. Тетка писала ему отъ себя, чтобы онъ подумалъ сдѣлать что-нибудь для младшаго брата

1) Письмо безъ даты, но по сравненіи съ другими письмами очевидно, что оно относится къ этому времени. Ср. письмо къ сестрѣ же отъ 6 сентября 1833 года, гдѣ упоминается о томъ же.—2) Surtout ce que je dois à Bodisco, писалъ онъ къ теткѣ отъ 12 іюня 1832 года, me pèse sur l'ame. Этотъ долгъ, простиравшійся въ концѣ 1832 г. до 500 руб., въ половинѣ 1833 возросъ до 700. См. тамъ же.—3) Si Bodisco en parle à quelqu'un, s'il dit du mal de moi, je ne sais ce que je ferai. Тамъ же.

(Платона), который оставался въ деревнѣ почти безъ всякаго призора. Надобно ли говорить, что Грановскій радъ былъ бы сдѣлать для брата всякое возможное добро? Но въ томъ положеніи, въ какомъ онъ самъ находился въ то время, подобное обращеніе къ нему только напоминало ему лишній разъ собственную безпомощность и служило для него новымъ горькимъ вызовомъ, потому что при всемъ своемъ добромъ желаніи, онъ могъ отвѣчать на него только прямымъ отказомъ.

Отъ всего этого можно было потерять голову. Потомъ дѣло дошло до того, что Грановскому часто нечѣмъ было заплатить, чтобъ отправить письмо на почту. Тяготѣвшій на на немъ прежній долгъ заставлялъ его удерживаться отъ новыхъ займовъ, а между тѣмъ каждый наступавшій день приносилъ свои новыя потребности, просившія немедленнаго удовлетворенія. La tête me tourne quand j'y pense, писалъ онъ къ теткѣ въ порывѣ откровенности. Приходилось хоть вовсе бросить университетъ и пѣшкомъ итти въ Орелъ [1]). Встревоженное воображеніе рисовало ему будущее самыми мрачными красками. Молодой умъ туманился, черныя мысли пробивались въ голову. Отъ сестры онъ еще скрывалъ многое, не желая привести ее въ совершенное отчаяніе, но въ перепискѣ съ теткою позволялъ себѣ высказываться вполнѣ. Мы приведемъ одно такое мѣсто, показывающее, что у Грановскаго были трудныя минуты, что онъ почти терялъ власть надъ собою. Письмо служило отвѣтомъ теткѣ на вызовъ ея сдѣлать что-нибудь для брата. Vous me dites de faire quelque chose pour Platon. Et quoi donc? Le faire venir ici pour partager mes besoins? ce serait lui rendre un triste service; il faut avoir mon caractère pour pouvoir lutter comme je le fais contre les mille et mille desagrémens, privations etc. Et je vous dirai franchement que si cela dure longtemps, je me brûlerai la cervelle. Je sais que cette phrase vous paraîtra impie et Dieu sait quoi,—mais c'est de sang-froid que je vous écris, sans la moindre exaltation. J'ai bien médité ce qui me reste à faire et à moins de quelque circonstance imprévue, je dois en finir par là. Je n'ai que vingt ans, mais j'en ai assez vu. Si j'avais le moindre espoir d'être utile à ma famille,—mais non, car mon père lui-même m'en ôte les moyens. Et que serai-je alors, pensez-y, à vingt ans, sans place, sans attestat, avec quelques connaissances qui me seront plutôt nuisibles qu'utiles, car elles ne feront qu'aiguilloner mon ambition sans la satisfaire. Et d'ailleurs mes connaissances ne sont que superficielles à present. Mieux vaux rejoindre ma mère, elle priera pour moi si j'aurai commis un crime par là. [2]).

[1]) Письмо къ сестрѣ отъ 6 сент. 1833.—[2]) „Вы говорите, чтобъ я сдѣлалъ

Горько въ двадцать лѣтъ дожить до того, чтобы не знать, куда дѣваться отъ жизни, и допустить хотя на минуту мысль о неестественной смерти, какъ единственно возможный исходъ изъ трудныхъ обстоятельствъ. Грановскій имѣлъ несчастіе пережить такую минуту въ своей ранней молодости. Между тѣмъ испуганное воображеніе безъ устали било тревогу, нетвердый умъ все больше и больше склонялся на его сторону, такъ что молодой человѣкъ начиналъ терять всякое внутреннее равновѣсіе. Опасная минута для молодого возраста. По счастію, обстоятельства, которыя произвели въ нашемъ студентѣ это нравственное потрясеніе, были еще не такъ неисправимы, чтобы для нихъ не оставалось ничего болѣе, кромѣ дурного исхода. Съ исправленіемъ ихъ, и въ положеніи Грановскаго тотчасъ почувствовалась значительная перемѣна къ лучшему.

Въ началѣ осени 1833 года, черезъ день или два послѣ того, какъ онъ писалъ къ сестрѣ о необходимости выйти изъ университета, пришло къ нему объявленіе о полученіи денегъ на его имя. Отецъ, не писавшій ему ни слова около пяти мѣсяцевъ, наконецъ прислалъ ему 500 р. асс. для содержанія [1]). Эта высылка заставляетъ насъ предполагать, что въ то же время приняты были необходимыя мѣры и для обезпеченія имѣнія. Безпокойныя мысли Грановскаго тотчасъ разсѣялись; къ нему возвратилась прежняя его веселость. Мрачный тонъ исчезъ въ его письмахъ, и непринужденная шутка опять заняла въ нихъ свое обычное мѣсто. Съ деньгами въ

что-нибудь для Платона. Но что же? Выписать его сюда, чтобъ онъ дѣлилъ со мною мои нужды? это значило бы оказать ему печальную услугу; надо имѣть мой характеръ, чтобы бороться со множествомъ непріятностей, лишеній и проч. Скажу вамъ откровенно, что если это продолжится, я готовъ буду застрѣлиться. Знаю, что эти слова возмутятъ васъ; но я пишу къ вамъ въ спокойномъ состояніи духа, безъ всякой экзальтаціи. Я много обдумывалъ, что̀ мнѣ остается дѣлать, и если не встрѣтятся какія-либо обстоятельства, мнѣ придется кончить этимъ. Мнѣ только двадцать лѣтъ, но я уже многаго насмотрѣлся. Если бы у меня была хотя малѣйшая надежда быть полезнымъ моему семейству,—но нѣтъ! отецъ отнимаетъ у меня всѣ средства къ тому. Что̀ я предприму тогда, подумайте, двадцати лѣтъ, безъ мѣста, безъ аттестата, при нѣсколькихъ знакомствахъ, которыя будутъ мнѣ болѣе вредны, чѣмъ полезны, потому что они будутъ только раздражать мое честолюбіе, не удовлетворяя его. Къ тому же мои теперешнія знакомства ограничиваются лишь самыми поверхностными отношеніями. Лучше мнѣ соединиться съ матушкой—она будетъ ходатайствовать за меня передъ Богомъ, если этимъ я совершу преступленіе.“ Письмо къ теткѣ отъ 2 іюля 1833 года.

[1]) Письмо къ сестрѣ писано 6 сент. 1833, а письмо къ теткѣ, съ извѣщеніемъ о полученіи денегъ, отъ 8 сент. того же г. Слѣдующее письмо къ сестрѣ отъ конца сентября показываетъ Грановскаго уже совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа.

карманѣ онъ почувствовалъ было страсть къ музыкѣ и думалъ уже брать уроки; но разсчитавъ получше, нашелъ, что „выгоднѣе сдѣлать новый фракъ", безъ котораго нельзя показаться въ обществѣ, чѣмъ тратить деньги на прихоти.

Но отъ семейныхъ заботъ Грановскій не былъ совершенно свободенъ даже въ это, сравнительно лучшее время. Въ одномъ отношеніи извѣстія, приходившія къ нему изъ дому, были довольно успокоительны. Ему писали, что годъ былъ очень выгодный, и что доходъ, полученный съ имѣнія, превосходилъ обыкновенный сборъ. Представлялся прекрасный случай, при помощи экономіи и дѣятельности, привести въ порядокъ разстроенныя дѣла по хозяйству. Но въ это самое время владѣльцу пришла охота ѣхать въ Москву и провести тамъ всю зиму. Предполагавшаяся поѣздка не имѣла никакой особенной цѣли, но отъ нея нельзя было ожидать ничего добраго. Она должна была неминуемо истощить послѣдніе ресурсы семьи и можетъ быть еще обременить имѣніе новыми долгами. Легко понять смущеніе и безпокойство Грановскаго, когда онъ узналъ отъ старшей своей сестры о намѣреніи отца. Вся надежда ея была на брата; но онъ съ своей стороны, вполнѣ раздѣляя ея опасенія, не видѣлъ однако никакой возможности дѣйствовать на отца. Нечего было и думать о томъ, чтобъ онъ захотѣлъ принять отъ сына хотя бы даже самыя почтительныя возраженія. Мало того: по многимъ опытамъ Грановскій имѣлъ основаніе опасаться, что совѣты его покажутся отцу только новымъ оскорбленіемъ, какъ дерзкое вмѣшательство въ его личныя дѣла, и по естественному духу противорѣчія, заставятъ его еще болѣе утвердиться въ принятомъ намѣреніи [1]). Надобно было избрать другой образъ дѣйствій. Въ отвѣтъ на просьбу сестры, Грановскій совѣтовалъ ей стараться самой отклонить отца отъ предположенной поѣздки, но самъ, кажется, плохо вѣрилъ въ успѣхъ своихъ внушеній и съ каждымъ днемъ все больше и больше утверждался въ той мысли, что отъ письменныхъ сношеній всего менѣе можно ожидать успѣшныхъ результатовъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Онъ понялъ необходимость самому быть на мѣстѣ, чтобы тамъ поискать средствъ сдѣлать что-нибудь въ пользу младшихъ членовъ семейства. Еще все его не оставляли опасенія за судьбу Погорѣльца; онъ желалъ потомъ устроить какъ-нибудь повыгоднѣе хотя мате-

[1]) См. письмо Грановскаго къ теткѣ отъ 8 сент. 1833 и къ сестрѣ отъ 9 сент. того же года.

ринское имѣніе для сестеръ. Наконецъ его озабочивала также мысль о братѣ, остававшемся дома безъ всякаго занятія, и о младшей сестрѣ, которая начинала уже подрастать, но заключенная въ стѣнахъ родительскаго дома, не имѣла почти никакихъ средствъ для своего образованія.

Всѣ эти обстоятельства и добрыя заботы объ участи прочихъ членовъ семейства, какъ можно заключать по многимъ соображеніямъ, заставили Грановскаго рѣшиться, осенью 1833 года, предпринять поѣздку въ Погорѣлецъ. Она продолжалась около двухъ мѣсяцевъ [1]). Предпринимая ее, Грановскій нарушалъ ходъ своихъ академическихъ занятій и потому рисковалъ поплатиться за нее цѣлымъ лишнимъ годомъ въ университетѣ. Онъ ясно понималъ всѣ невыгоды, которымъ подвергалъ себя этою безвременною отлучкою, но тѣмъ не менѣе остался твердъ въ своемъ намѣреніи и могъ потомъ въ утѣшеніе себѣ сказать, что ѣздилъ недаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, поѣздка его въ деревню далеко не была безполезною прогулкою. Неизвѣстно навѣрное, чѣмъ кончились переговоры его съ отцомъ относительно Погорѣльца; но есть основанія думать, что настоянія сына и въ этомъ отношеніи не были безполезны. Что же касается материнскаго имѣнія въ Малороссіи, то Грановскій вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ формально былъ признанъ его попечителемъ и съ этого времени могъ распоряжаться имъ по своему собственному усмотрѣнію [2]). Тогда же онъ имѣлъ случай позаботиться о младшей сестрѣ своей Александринѣ. Она пока оставалась въ Погорѣльцѣ, но отецъ, повидимому, не противорѣчилъ болѣе помѣщенію ея въ пансіонъ. На обратномъ пути въ Петербургъ, Грановскій нарочно останавливался въ Москвѣ, чтобы разузнать о находившихся тамъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ [3]). Наконецъ, онъ возвратился не одинъ, а съ млад-

[1]) Такъ можно заключить по письмамъ Грановскаго къ сестрѣ. Послѣднее, отправленное къ ней изъ Петербурга, писано въ концѣ сентября, а затѣмъ слѣдуетъ уже письмо съ дороги на обратномъ пути въ Петербургъ, писанное въ концѣ ноября.—[2]) Какъ о томъ, такъ и о другомъ предметѣ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ теткѣ отъ 26 дек. 1833 года. Вотъ какъ выражается онъ о послѣднемъ: Maintenant il (père) m'a chargé de la tutelle de ce bien; naturellement que je ne pourrai pas faire beaucoup étant ici, mais j'éspère que le changement de l'intendant et l'attention que je donnerai aux affaires ne seront pas inutiles. (Теперь онъ возложилъ на меня попеченіе объ этомъ имѣніи. Разумѣется, я не могу много сдѣлать, оставаясь здѣсь, но я надѣюсь, что смѣна управляющаго и вниманіе, какое посвящу я дѣламъ, не будутъ безполезны). —[3]) Письмо къ сестрѣ съ дороги (безъ числа).

шимъ братомъ (Платономъ), котораго взялъ на свое попеченіе.

Тѣмъ однако не кончились еще заботы Грановскаго о семейныхъ дѣлахъ. Но о ходѣ ихъ въ слѣдующихъ годахъ мы не можемъ говорить съ тою же подробностію уже и потому, что спѣшимъ перейти къ другимъ отношеніямъ, также занимающимъ довольно видное мѣсто въ молодости Грановскаго. Къ тому же въ письмахъ его къ роднымъ, начиная съ конца 1833 года, слѣдуетъ довольно замѣтный перерывъ. Письма къ теткѣ прекращаются вовсе, а въ перепискѣ съ сестрою за 1834 годъ оказывается значительный ущербъ. Несомнѣнно впрочемъ, что положеніе самого Грановскаго, по возвращеніи его изъ деревни, такъ же мало было обезпечено, какъ и прежде, и онъ попрежнему долженъ былъ бороться съ разными нуждами. На рукахъ его былъ теперь младшій братъ, котораго надобно было содержать и приготовлять къ той или другой школѣ, что́, разумѣется, также стоило денегъ, а между тѣмъ средства Грановскаго нисколько не увеличились, и онъ никогда не могъ разсчитывать на полученіе денегъ въ опредѣленные сроки. Требованія его были очень умѣренны: онъ желалъ имѣть для себя и для брата 250 рублей въ мѣсяцъ (3000 руб. асс. въ годъ), но и тѣ получалъ съ большимъ трудомъ и весьма неисправно, такъ что почти не выходилъ изъ затруднительнаго положенія [1]). Но разъ получивши деньги, Грановскій считалъ уже себя Крезомъ и никогда не отказывался одолжать другихъ. Случалось не разъ, что, раздавши свой собственный запасъ, онъ потомъ самъ принужденъ былъ прибѣгать къ займамъ, перебиваться съ копѣйки копѣйку на до новаго полученія.

За сестеръ своихъ онъ могъ быть нѣсколько спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ дѣло о материнскомъ имѣніи устроилось по его желанію. Поѣздка въ Погорѣлецъ принесла свою пользу еще и въ томъ отношеніи, что младшая сестра Грановскаго, Александрина, въ концѣ 1834 года дѣйствительно была наконецъ помѣщена въ одномъ московскомъ пансіонѣ. Теперь заботы брата сосредоточивались главнымъ образомъ на старшей сестрѣ, Варварѣ. Она была моложе его только однимъ годомъ. Ихъ соединяла тѣсная дружба съ самаго дѣтства. Они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, читали, и почти въ одно и то же время начали понимать себя и все ихъ окружающее. Рано

[1]) См. письмо къ сестрѣ отъ 1834 г. подъ № 1 (единственное) и отъ 1835 (подъ № 9).

уже образовалось между ними сходство во вкусахъ и симпатіяхъ; преждевременная смерть матери, кажется, еще больше закрѣпила ихъ братскій союзъ. Можно бы сказать, что они перенесли другъ на друга ту любовь, которою оба исполнены были къ матери. Съ того времени между братомъ и сестрою не было никакой тайны. Она повѣряла ему свои нужды и свои опасенія, онъ сообщалъ ей малѣйшія подробности своего житья-бытья въ Петербургѣ. Мало-по-малу они стали совершенно необходимы другъ для друга. Свиданіе Грановскаго съ сестрою въ 1833 году придало его чувству новую свѣжесть и силу. Онъ вступилъ уже въ ту пору молодости, когда сердце мущины распускается для другихъ, еще болѣе нѣжныхъ чувствованій, которыя выводятъ его изъ тѣснаго круга семейныхъ и родственныхъ отношеній: пришло время, и онъ также почувствовалъ въ себѣ присутствіе другого пламени; но и тогда нѣжно любимая сестра сохранила прежнее свое мѣсто въ сердцѣ брата. Передавая ей самыя задушевныя свои тайны, онъ прибавлялъ: car enfin quoi qu'il m'arrive, vous aurez toujours la première place dans mon coeur. (Что бы ни случилось, ты всегда будешь занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ) [1].

Много успокоительнаго, отраднаго было для Грановскаго въ этомъ чувствѣ нѣжной братской любви; но оно имѣло также и свои нетерпѣливые порывы, которые иногда брали верхъ надъ его разсудительностію. Возвратившись изъ деревни, Грановскій провелъ весь слѣдующій годъ въ Петербургѣ; обстоятельства не позволяли и думать о новой поѣздкѣ въ Орелъ. Уже проходила и другая зима послѣ того, и наступало время окончательныхъ экзаменовъ. Продолжительная разлука, при сильной привязанности, произвела свое обыкновенное дѣйствіе. Чѣмъ больше Грановскій терялъ надежду скоро увидѣть сестру, тѣмъ больше накоплялось въ немъ нетерпѣнія. Вдругъ однажды пришло ему въ голову, что сестра сама могла бы пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нимъ. Эта мысль представилась ему такъ живо, что онъ тотчасъ же взялся за перо, чтобы немедленно передать ее сестрѣ. Онъ началъ шуткою, сознаваясь самъ, что желаніе его безразсудно; но эта несбыточная мысль у него же подъ перомъ переродилась въ твердую увѣренность, такъ что подъ конецъ письма онъ какъ ребенокъ радовался своей мысли и вѣрилъ возможности ея

[1]) Письмо къ сестрѣ отъ 29 іюня 1835 года.

исполненія [1]). Надобно знать, что въ томъ же самомъ письмѣ находятся жалобы Грановскаго на безденежье, заставившее его войти въ новые долги. Мысль о возможномъ свиданіи съ любимымъ братомъ не могла не улыбнуться и сестрѣ. Отвѣчая ему, она хотя и не обѣщала рѣшительно, но не лишала его надежды, что съ своей стороны постарается устроить поѣздку въ Петербургъ. Впрочемъ, въ ея положеніи, дѣло было такъ несбыточно, что, даже подавая брату слабую надежду, она едва ли не говорила болѣе для его утѣшенія, чѣмъ сама вѣрила своимъ словамъ. Но Грановскій находился въ такомъ настроеніи, что достаточно было малѣйшаго намека, чтобъ онъ увидѣлъ въ немъ начало осуществленія своей любимой мечты. Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ потомъ, онъ уже писалъ сестрѣ такимъ тономъ, какъ будто не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что все дѣло можетъ устроиться по его желанію, и начиналъ даже строить разные воздушные замки насчетъ будущаго пребыванія ея въ Петербургѣ [2]). Письмо заключалось выразительными словами: je vous attends comme les Juifs attendent leur Messie. Не прошло послѣ того и полныхъ двухъ недѣль, какъ Грановскій, не дожидаясь отвѣта отъ сестры, снова обращался къ ней съ своими вопросами, сомнѣніями, ожиданіями. Нетерпѣніе росло въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Désormais mes lettres auront toutes un même refrain: venez, venez, venez [3]), говорилъ онъ въ концѣ письма, не находя болѣе довольно сильныхъ убѣжденій, чтобы сестра поспѣшила отвѣчать его нетерпѣливому желанію.

Извѣстно впрочемъ, что обыкновенный порядокъ вещей въ мірѣ расходится съ горячими желаніями юности. Ихъ судьба—истлѣвать мало-по-малу своимъ собственнымъ огнемъ и потомъ исчезать совершенно въ вихрѣ новыхъ порывовъ, или перерождаться въ болѣе зрѣлыя движенія души. Такъ было и съ нетерпѣливымъ желаніемъ Грановскаго увидѣть сестру и провести съ нею нѣсколько дней въ Петербургѣ. Всѣ обстоятельства были рѣшительно противъ ихъ общаго плана, и онъ самъ скоро началъ понимать его несостоятельность. Еще въ апрѣлѣ онъ надѣялся по крайней мѣрѣ съѣхаться для свиданія съ Александриною; но потомъ мало-по-малу погасла и эта послѣдняя надежда, и Грановскому для свиданія съ старшею

1) C'est qu'aussi je suis vraiment devenu enfant, писалъ онъ, depuis que l'espoir de vous voir ici, ma bonne Barbe, m'est venu. См. письмо отъ 10 февр. 1835 года.—2) Письмо къ сестрѣ отъ 11 марта 1835 года.—3) Письмо отъ 25 марта того же года.

сестрою, оставалось только ожидать благопріятнаго времени, чтобы предпринять новую поѣздку въ деревню. Мы впрочемъ думаемъ, что приведенный нами случай не только не лишній въ нашемъ очеркѣ, но что онъ прибавляетъ къ физіономіи лица, съ которымъ мы знакомимся, новую довольно интересную черту. Она тѣмъ важнѣе, что, въ той или другой степени, проходитъ потомъ и черезъ послѣдующую жизнь его, хотя невсегда замѣтно для постороннихъ. Живой и благородный порывъ былъ въ немъ не просто выраженіемъ юношеской пылкости. Источникъ подобныхъ движеній былъ у него болѣе постоянный: онъ находился въ самой его природѣ, и потому не могъ изсякнуть до конца. Мы знаемъ уже изъ другихъ примѣровъ впечатлительность Грановскаго. Полученное имъ сильное впечатлѣніе, происходило ли оно отъ предмета, или мысли, не остывало въ его умѣ, но и не улетучивалось въ какой-нибудь фантастическій образъ въ его воображеніи. Оно, напротивъ, захватывало въ немъ всего человѣка, собирало около себя всѣ душевныя его силы. Тамъ, гдѣ могла развиться безплодная мечтательность, у него пробуждалась живая энергія. Сила желанія сказывалась у него потребностію немедленно перевести ее въ дѣйствіе. Таковъ онъ былъ въ юности, такимъ остался и въ годахъ зрѣлаго мужества, нерѣдко опережая молодость пылкостію своихъ стремленій.

Говоря объ отношеніяхъ Грановскаго къ семьѣ, нельзя также не упомянуть о разныхъ мелкихъ заботахъ, которыя онъ бралъ на себя по тѣмъ же самымъ побужденіямъ. Сестры обыкновенно черезъ него исполняли всѣ свои порученія въ Петербургѣ. Нерѣдко Грановскому приходилось хлопотать о женскихъ нарядахъ и покупать разные матеріалы для женскаго рукодѣлія. Но самая постоянная его забота состояла въ томъ, чтобъ у сестеръ былъ хорошій запасъ для чтенія. Для того онъ самъ выбиралъ книги и отправлялъ ихъ въ деревню. Случалось, что къ книгамъ присоединялись и другіе подарки. Между прочимъ находимъ упоминаніе о подаркѣ, посланномъ имъ для „няни“. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ намъ мѣрку тѣхъ чувствъ, которыя связывали Грановскаго съ семьею во время его студенчества.

Сверхъ привязанности къ семейству и горячей любви къ сестрамъ, сердце молодого человѣка въ то же время было открыто и другимъ нѣжнымъ ощущеніямъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, какъ естественно предполагать по самой

натурѣ Грановскаго, занимаетъ симпатическая наклонность къ женщинѣ. Нашъ разсказъ объ его юности мы считали бы очень неполнымъ, если бы по той или другой причинѣ ему не доставало этой столько важной страницы. Но по счастію, въ письмахъ Грановскаго къ сестрамъ находимъ нѣкоторыя указанія и на тѣ нѣжныя отношенія, которыя въ тѣсномъ смыслѣ слова называются „любовью". По времени эти извѣстія также относятся большею частію къ университетской порѣ въ жизни Грановскаго, и мы спѣшимъ воспользоваться ими для дополненія нашего очерка.

Нашему студенту исполнилось двадцать лѣтъ. Въ молодое сердце незамѣтно проникла та тревога, которая успокоивается только на сочувствіи любимой женщины. Расположить въ свою пользу женское сердце Грановскому было не трудно, когда онъ такъ притягательно дѣйствовалъ уже на мущинъ, своихъ товарищей. Въ пользу его много говорила самая наружность. Типъ лица его былъ нѣсколько южный. При продолговатомъ профилѣ онъ имѣлъ черные волосы и такіе же глаза, живо смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей, которыя почти сходились между собою. Черты лица казались довольно крупными, можетъ-быть потому особенно, что верхняя часть головы развита была у него болѣе, чѣмъ нижняя. Впрочемъ онъ имѣлъ замѣчательно тонкій подбородокъ. Находясь въ Петербургѣ, Грановскій не чуждался общества, ограничиваясь впрочемъ, какъ мы уже видѣли, посѣщеніемъ лишь немногихъ знакомыхъ ему домовъ. Здѣсь уже имѣлъ онъ случай часто встрѣчать молодыхъ и красивыхъ женщинъ, но, повидимому, ни одна изъ нихъ не сдѣлала на него сильнаго впечатлѣнія. Скорѣе случалось даже совершенно наоборотъ. Для нѣжнаго чувства любви къ женщинѣ сердце Грановскаго впервые раскрылось тамъ же, гдѣ прошли годы его дѣтства и началась его молодость. Мы разскажемъ начало и продолженіе этихъ отношеній по тѣмъ извѣстіямъ, которыя находимъ въ его собственныхъ письмахъ.

Это было въ 1833 году. Какъ мы уже знаемъ, семейныя обстоятельства вынудили тогда Грановскаго предпринять поѣздку въ Погорѣлецъ. Живя въ деревнѣ отца, онъ имѣлъ случай познакомиться съ семействомъ ***. Оно состояло изъ отца и двухъ взрослыхъ дочерей (о матери въ письмахъ по крайней мѣрѣ не упоминается). Все это были совершенно новыя лица для нашего студента. Да и самое знакомство погорѣлецкихъ жителей, повидимому, началось лишь незадолго

передъ тѣмъ. Въ перепискѣ Грановскаго съ сестрами до того времени нѣтъ упоминанія ни о самомъ ***, ни объ его семействѣ. Можно полагать, что отецъ Тимоѳея Николаевича познакомился съ нимъ какъ съ дѣловымъ человѣкомъ, когда дѣла его по имѣнію пришли въ большое разстройство [1]). Былъ ли *** въ то же время и сосѣдъ Грановскихъ по имѣнію, мы не можемъ сказать положительно; но видно, что въ 1833 году оба семейства находились уже въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ между собою и часто видались другъ съ другомъ; *** былъ человѣкъ очень практическій и опытный въ житейскихъ дѣлахъ. Нашъ молодой человѣкъ былъ скоро обвороженъ его живымъ участіемъ въ дѣлахъ семьи и тѣми благоразумными совѣтами, которые онъ подавалъ отцу его. Онъ даже уѣхалъ въ Петербургъ съ тою мыслію, что семья его имѣетъ въ *** своего лучшаго друга, принимающаго къ сердцу всѣ ея интересы.

Двѣ дочери ***, повидимому, были весьма различнаго свойства. Особенно любезными свойствами отличалась младшая, дѣвушка очень живого и искренняго нрава. Старшая была гораздо болѣе сосредоточена въ себѣ, но и болѣе способна производить глубокое впечатлѣніе. Обѣ онѣ очень нравились Грановскому, каждая тою стороною своего нрава, которая была въ ней господствующею, но онъ скоро уже началъ отдавать рѣшительное предпочтеніе старшей. Впечатлѣніе было сдѣлано; оно пало на свѣжую, нетронутую почву, и принявши его разъ, впечатлительная натура нашего молодого человѣка не могла уже отдѣлаться отъ него по желанію. Оно или должно было вырасти въ душѣ его до глубокаго чувства и составить его счастіе, или, при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, послужить для него источникомъ многихъ тревогъ и волненій.

Судя по наружности впрочемъ, новая привязанность Грановскаго была чисто случайнаго свойства и не имѣла никакого залога прочности. Начавшись случайною встрѣчею юноши съ молодою дѣвушкою, среди деревенскаго уединенія и однообразія жизни, она, повидимому, могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока оба лица находились вмѣстѣ, и потомъ должна была погаснуть въ слабѣющихъ воспоминаніяхъ. Не болѣе

[1]) Mr ***, писалъ Грановскій къ теткѣ по возвращеніи въ Петербургъ (отъ 26 декабря 1833), voilà le seul homme qui lui (au père) fasse de temps en temps penser aux affaires. C'est vraiment le meilleur ami de notre famille; je ne saurais vous dire combien je l'aime et je ne le connais que depuis peu.

обѣщаютъ и самыя письма Грановскаго къ сестрамъ по отъѣздѣ его изъ деревни. Онъ очевидно находится еще подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое произвела на него новая его знакомая, онъ не разъ возвращается къ мысли о ней, но онъ также охотно говоритъ объ ея сестрѣ, называя ее ma charmante belle, и вообще поступаетъ и выражается, какъ свойственно человѣку его лѣтъ послѣ встрѣчи съ симпатическою ему женщиною, о которой пріятно продлить воспоминаніе сколько можно болѣе послѣ разлуки. Такія воспоминанія находимъ въ первомъ же письмѣ Грановскаго къ сестрѣ, писанномъ съ дороги (изъ Москвы). Онъ говоритъ, что не пишетъ къ ней по краткости времени, но за то, по пріѣздѣ въ Петербургъ, обѣщаетъ послать „огромное письмо“ (une lettre immense). Онъ не можетъ также утерпѣть, чтобы не спросить сестру о томъ, въ какомъ состояніи находится *ея* здоровье, и жалѣетъ ли она объ его отъѣздѣ. Между тѣмъ въ Москвѣ у нашего студента также нашлись нѣкоторыя новыя знакомства; однажды онъ обѣдалъ у m-me Höpfner и былъ совершенно очарованъ. Признаваясь въ этомъ сестрѣ, онъ однако спѣшитъ оговориться, чтобы не дать повода упрекнуть себя въ непостоянствѣ. Все это въ порядкѣ вещей. Та же исторія продолжается по возвращеніи Грановскаго въ Петербургъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ первомъ же своемъ письмѣ къ сестрѣ онъ опять обращается къ *ней*, прося своего вѣрнаго корреспондента напомнить ей обѣщаніе, данное въ деревнѣ, писать къ нему. На „огромное“ письмо его однако не стало: отъ него самого узнаемъ, что онъ между прочимъ писалъ и къ *ней* довольно большое письмо (une assez longue lettre). По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ о *ней*, она все живѣе представляется его воображенію, и онъ подъ конецъ начинаетъ уже выражать сожалѣніе, что не продлилъ своего пребыванія въ деревнѣ. Былъ же и хорошій предлогъ къ тому—именины отца, которыя праздновались въ декабрѣ. „Конечно“, прибавляетъ самъ же Грановскій, „оттого у меня убавилось бы еще болѣе шансовъ для полученія степени при выходѣ изъ университета, но за то у меня было бы болѣе и нѣсколькими днями счастія“ [1]).

Все это очень искренно, но мы до сихъ поръ видимъ только обыкновенныя отношенія между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкою, которые, встрѣтившись разъ, почувствовали симпатію другъ къ другу. Самая переписка ихъ между

[1]) Собственно: mais du moins j'aurais eu encore une semaine de bonheur.

собою нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Она также легко могла прекратиться, какъ и началась. На томъ же самомъ основаніи дѣло оставалось и въ слѣдующемъ году. Грановскій продолжалъ писать прямо къ *ней* и къ *ней* же возвращался въ перепискѣ своей съ сестрою [1]). Легко понять, что письма эти служили для изліянія взаимнаго чувства, но какъ они не дошли до насъ, то трудно судить, высказывались ли въ нихъ и какія-нибудь положительныя намѣренія. По нѣкоторымъ признакамъ впрочемъ видно, что между нашими влюбленными временемъ возникали неудовольствія, происходили маленькія ссоры. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сестрѣ Грановскій явно намекаетъ на то, что имъ недовольны въ Орлѣ, и старается объяснить себѣ, откуда бы происходила эта непріятная ему перемѣна. Можетъ-быть, думаетъ онъ, ей показываютъ письма, которыя не адресованы къ *ней*, можетъ-быть она оскорбляется нѣкоторыми выраженными въ нихъ сомнѣніями... Въ 1835 году видъ дѣла однако значительно измѣняется. Во-первыхъ, переписка продолжается и слѣдственно связь, по началу своему столько простая и невинная, затягивается все болѣе и болѣе, а между тѣмъ являются вновь нѣкоторыя обстоятельства, ослабляющія взаимное довѣріе и частію даже уваженіе съ обѣихъ сторонъ.

Если прежде были недовольны Грановскимъ, то теперь онъ въ свою очередь имѣетъ причины быть недовольнымъ другими. До него доходитъ слухъ о какомъ-то поступкѣ *ея* съ нѣкоторымъ господиномъ, и онъ находитъ, что она не могла себя болѣе компрометировать. При этомъ случаѣ впервые для насъ сказывается въ молодомъ человѣкѣ серіозное чувство. Чѣмъ больше онъ любитъ дѣвушку, тѣмъ больше оскорбляется за нее каждымъ неосторожнымъ ея шагомъ и словомъ. Было ли между ними по этому поводу какое объясненіе, или нѣтъ, изъ уцѣлѣвшей переписки не видно, но мы знаемъ, что Грановскому на его неудовольствіе отвѣчали холодностію и даже упорнымъ молчаніемъ, которое продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Неудивительно, что въ этомъ молчаніи былъ своего рода расчетъ, хоть можетъ-быть и не зависѣвшій прямо отъ лица, находившагося въ перепискѣ съ Грановскимъ: но онъ

[1]) См. письмо къ сестрѣ 1834 года. Къ сожалѣнію, это единственно дошедшее до насъ отъ означеннаго года. Что впрочемъ обмѣнъ письмами между Грановскимъ и новою его знакомкою происходилъ не часто, можемъ видѣть изъ перваго письма его къ сестрѣ отъ 1835 года, гдѣ онъ между прочимъ упоминаетъ, что къ *ней* отправилъ всего пять писемъ и столько же получилъ отъ нея.

не иначе объяснялъ себѣ безотвѣтность со стороны любимой имъ дѣвушки, какъ совершеннымъ охлажденіемъ съ ея стороны, и однажды, въ припадкѣ досады и негодованія, сжегъ прежнія ея письма, въ той мысли, что между нимъ и *ею* все кончено. „Корабли были сожжены", но нетерпѣливое желаніе возвратиться назадъ оттого можетъ-быть выросло еще болѣе. Во-вторыхъ — и это конечно было самое дурное — въ отношенія между молодыми людьми замѣшалось вовсе не кстати третье лицо, которому всего лучше было бы оставаться до времени въ сторонѣ. Это былъ отецъ молодой дѣвушки. Вмѣшательство его вовсе не имѣло цѣлію положить конецъ перепискѣ и обмѣну чувствъ между его дочерью и лицомъ, заинтересованнымъ ею: напротивъ, онъ, съ своей стороны, приносилъ въ это дѣло много неожиданной благосклонности и не только не мѣшалъ сношеніямъ молодыхъ людей, но, повидимому, готовъ былъ даже способствовать сближенію ихъ между собою. Но какъ бы ни было благосклонно это участіе, оно давало совершенно другой оборотъ дѣлу, именно потому, что происходило отъ отца молодой дѣвушки, который естественно долженъ былъ имѣть свои расчеты тамъ, гдѣ рѣчь была о чувствѣ. Зная, какими благородными чувствами всегда воодушевленъ былъ нашъ юноша, мы не сомнѣваемся, что чѣмъ болѣе затягивалась переписка между нимъ и симпатичною ему дѣвушкою, тѣмъ болѣе утверждалась въ немъ мысль — рано или поздно заключить свои отношенія къ ней прочнымъ и неизмѣннымъ союзомъ. Подобное рѣшеніе было конечно незрѣло и не довольно благоразумно, но оно по крайней мѣрѣ было вполнѣ искренно и совершенно свободно. Но какъ скоро впутался сюда отецъ, Грановскій не могъ болѣе смотрѣть прежними глазами на свои отношенія къ его дочери. Дѣло, по существу своему столь чистое, начинало терять въ его глазахъ свой прежній безкорыстный характеръ. Нечестнымъ заискиваньемъ казался ему всякій шагъ третьяго лица, обращенный прямо къ нему. Связь, основанная на такомъ независимомъ чувствѣ, какъ взаимная симпатія, все больше и больше принимала видъ несвободнаго, даже прямо вынужденнаго дѣйствія. Тѣнь, брошенная на дѣло непризваннымъ вмѣшательствомъ отца, падала отчасти и на лицо его дочери. Связанный съ одной стороны своимъ чувствомъ и можетъ-быть даже словомъ, Грановскій то-и-дѣло встрѣчалъ съ другой новые поводы къ тому, чтобы раскаяться въ своемъ рѣшеніи, или по крайней мѣрѣ не считать его счастливымъ для себя. Тутъ было много безпо-

койнаго раздраженія, которое не разъ выразилось и въ самыхъ его письмахъ.

Это безъ сомнѣнія одна изъ весьма интересныхъ страницъ въ жизни молодого человѣка. Грановскій былъ поставленъ какъ бы между двумя огнями. Въ одно и то же время онъ увлекался чувствомъ своей привязанности и не могъ не оскорбляться недостаткомъ искренности съ другой стороны. Когда онъ съ свойственною ему пылкостію, готовъ былъ всего себя принести въ жертву любви, онъ видѣлъ, что его искали какъ выгодной партіи, и старались сдѣлать его предметомъ очень тонкаго расчета. Переписка, которую Грановскій считалъ уже конченною, скоро возобновилась противъ его ожиданія. Въ одно время онъ получилъ письма—отъ нея самой и отъ ея отца. То и другое содержало въ себѣ одну просьбу, лучше сказать, выраженіе одного желанія. Дѣло въ томъ, что Грановскому оставалось лишь какихъ-нибудь два три мѣсяца до окончанія университетскаго курса, а между тѣмъ онъ писалъ къ своимъ, что по обстоятельствамъ не надѣется слѣдующее лѣто быть въ деревнѣ. Повидимому, это извѣстіе разстроивало нѣкоторые планы, напередъ составленные тамъ на случай ожидаемаго его пріѣзда. Поэтому между ними сочтено было за нужное стараться вынудить у него рѣшеніе, которое онъ не соглашался произнести добровольно. Очень удивленъ былъ Грановскій, получивъ отъ г-на *** приглашеніе пріѣхать на лѣто къ нему въ деревню, на что напередъ уже испрошено было и согласіе его отца. Такъ по крайней мѣрѣ писали Грановскому. Но онъ былъ еще непріятнѣе пораженъ, встрѣтивъ въ письмѣ молодой дѣвушки, писанномъ послѣ продолжительнаго молчанія, ту же самую просьбу. Такое совпаденіе, очевидно, не могло быть случайно: оно заставляло подозрѣвать цѣлую тактику. Кромѣ того, что извѣстныя уже обстоятельства Грановскаго не позволяли ему въ то время думать о скорой поѣздкѣ въ деревню, довольно уже было одного этого подозрѣнія, чтобы еще больше утвердить его въ прежнемъ намѣреніи. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ *ей* повтореніемъ своего отказа. Но это новое рѣшеніе досталось ему довольно тяжело. Оно произвело въ немъ внутреннее раздвоеніе, раздоръ съ самимъ собою. Чувства свои по сему случаю онъ выразилъ въ письмѣ къ своей сестрѣ. Отказываясь формально, онъ таилъ въ сердцѣ желаніе отправиться въ Орелъ при первой возможности. Каково бы ни было выраженное *ею* желаніе, отказываясь исполнить его, Грановскій не могъ однако освободиться отъ чувства вины своей передъ нею. Чувство, въ немъ жившее, было искренно

и успѣло уже пустить въ немъ довольно глубокіе корни. „Теперь“, писалъ онъ сестрѣ послѣ своего рѣшенія, „я не знаю, что́ дѣлать съ собою и куда дѣвать себя. Можетъ-быть они не довѣряютъ мнѣ и считаютъ меня способнымъ на обманъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего отвѣчать имъ. Я не хочу унизиться до увѣреній передъ ними въ томъ, что они имѣютъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ“ [1]). Передъ нимъ только что открывается будущность: долженъ же онъ подумать прежде всего о томъ, чтобы какъ-нибудь устроить свое положеніе въ свѣтѣ. Но онъ признается въ то же время, что передъ *ея* несомнѣнною волею не устояли бы никакіе его расчеты. Если бъ она рѣшительно того потребовала, онъ готовъ пріѣхать въ деревню въ назначенное ею время, хотя бы это стоило ему всей будущности [2]). Между прочимъ ему теперь уже представляется случай быть отправленнымъ въ Германію (вѣроятно по окончаніи курса): но онъ не можетъ принять предложенія, потому что это слишкомъ увеличило бы срокъ его разлуки съ нею. Все это приводитъ Грановскаго къ тому общему признанію, что *она*, или даже самая мысль о ней, имѣетъ надъ нимъ великую силу, даже гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало быть. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ писемъ отъ нея и въ то же время боится ихъ получить. Одна мысль сдѣлать ей непріятность заставляетъ молчать въ немъ голосъ разсудка и лишаетъ его всякой твердости [3]).

Въ Орлѣ между тѣмъ неуклонно продолжали слѣдовать прежней тактикѣ, вовсе не заботясь о томъ, что надобно сколько-нибудь пощадить деликатность чувствъ молодого человѣка. Въ апрѣлѣ Грановскій получилъ отъ *** новое письмо и при немъ двѣсти рублей денегъ – ему на праздники. Нельзя было неделикатнѣе поступить съ человѣкомъ, для котораго честное слово и даже одно честное намѣреніе были выше всѣхъ внѣшнихъ обязательствъ. Этою, слишкомъ родственною любезностію со стороны лица, которое не имѣло на то никакихъ правъ, Грановскій поставленъ былъ въ довольно затруднительное положеніе. „Я очень ему благодаренъ“, писалъ онъ между прочимъ къ сестрѣ, „но долженъ признаться, что мнѣ крайне не нравится эта излишняя обязательность съ его стороны“ [4]). Отка-

[1]) Je ne veux point m'abaisser au point de les assurer que je suis honnête homme. Письмо къ сестрѣ отъ 25 марта 1835.—[2]) Qu'il m'arrive ce qu'il pourra, mais je ferai mon *devoir* dût-il me coûter tout mon avenir. *Ibid.*—[3]) L'idée de lui faire de la peine me fait enfant, je n'ose point être raisonable, être ferme. *Ibid.* —[4]) Je lui suis fort reconnaissant pour ses bontés, mais je vous avoue que cela me fait de la peine. Отъ 20 апрѣля 1835.

заться отъ непріятнаго подарка, у него не достало духа, или не позволила та же самая деликатность его чувствъ, но онъ не спѣшилъ также и благодарностію за него, самъ еще не зная, какъ лучше рѣшить свои сомнѣнія. Между тѣмъ изъ Орла получено было отъ того же лица новое письмо, въ которомъ, несмотря на дружескій тонъ, давали однако почувствовать Грановскому, что тамъ съ неудовольствіемъ смотрятъ на упорный отказъ его пріѣхать въ деревню. Упрекъ могъ быть смягченъ развѣ только письмомъ отъ другого лица, которое прямо замѣшано было въ эту исторію. Но отъ него, несмотря на свои нетерпѣливыя ожиданія, Грановскій цѣлый мѣсяцъ не получалъ ни строки. Молчаніе любимой дѣвушки въ этомъ случаѣ было для него тѣмъ болѣе тяжело, что самъ онъ писалъ къ ней по извѣстному поводу три раза, и наконецъ даже просилъ у нея прощенія въ томъ, что позволилъ себѣ быть „благоразумнымъ". Она, очевидно, не хотѣла принимать отъ него никакого оправданія и какъ будто даже вовсе передала свое дѣло въ другія руки. Положеніе Грановскаго было тѣмъ непріятнѣе, что въ Петербургъ, Богъ знаетъ какимъ путемъ, проникли уже слухи объ отношеніяхъ его къ одному орловскому семейству съ особенными видами. Однажды, когда онъ былъ вечеромъ у однихъ своихъ знакомыхъ, съ нимъ даже прямо завели разговоръ о m-lle *** какъ о невѣстѣ. Можно себѣ представить смущеніе молодого человѣка, который вовсе не ожидалъ такого сюрприза! Онъ краснѣлъ во время разговора, но, воротившись домой, еще больше утвердился въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ. Отцу „невѣсты" онъ не откладывалъ болѣе своего отвѣта, и благодаря его за присланныя деньги, заключалъ впрочемъ просьбою — уволить его впредь отъ подобныхъ приношеній. Мысль, что не хотѣли вѣрить честности его намѣреній, была ему особенно оскорбительна. „Ужъ не думаетъ ли онъ", повторялъ Грановскій въ новомъ письмѣ къ сестрѣ, „что я могу его обмануть? Въ такомъ случаѣ онъ очень ошибается Я останусь честнымъ человѣкомъ, хотя бы даже это мнѣ стоило моего счастія" [1]). Что же касается до *нея*, то на молчаніе Грановскій также рѣшился отвѣчать молчаніемъ. Положивъ руку на сердце, онъ находилъ, что не можетъ ни въ чемъ упрекнуть себя передъ нею, и что она сама виновна во всемъ. Ея упорное молчаніе, когда за нее писали другіе, было ему болѣе всего обидно. Въ другихъ случаяхъ онъ могъ обвинять себя въ излишней раздражительности и запальчивости: теперь онъ не могъ сдѣлать

[1]) Письмо отъ 4 мая 1835.

себѣ упрека ни въ томъ, ни въ другомъ, и тѣмъ тверже оставался при своемъ намѣреніи не только не ѣхать въ деревню, но и не прерывать своего молчанія. Послѣдняго рѣшенія онъ не думалъ измѣнить даже въ будущемъ [1]).

Не надобно говорить, какъ много въ этихъ отношеніяхъ было непріятнаго, и какъ много они способствовали ко взаимному охлажденію съ обѣихъ сторонъ. Чувство Грановскаго не погасло отъ того, но оно не было болѣе такъ прямо и искренно. Vous croirez peut-être, писалъ онъ сестрѣ, que je l'aime moins? malheureusement non, ma chère Barbe, je l'aime toujours. (Ты думаешь можетъ-быть, что я менѣе люблю ее? къ несчастію нѣтъ, милая Варенька, я все еще люблю ее). Неизмѣнно оставаясь при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ, Грановскій однако начиналъ больше вникать въ характеръ лица, съ которымъ думалъ соединить свою судьбу, и въ немъ невольно зарождалось подозрѣніе, что между ними не можетъ быть полной гармоніи. Перебирая въ памяти свою послѣднюю поѣздку въ Погорѣлецъ, онъ сознавался самъ себѣ, что во все это время они развѣ только два дня были вполнѣ согласны между собою. Чѣмъ больше подъ непріятными впечатлѣніями послѣдней переписки тускнѣлъ въ его воображеніи одинъ образъ, тѣмъ больше вставалъ въ немъ другой, съ которымъ первое знакомство относилось ко времени той же самой поѣздки. Это была Полина, младшая дочь ***, замѣтно отличавшаяся отъ сестры своимъ характеромъ. Сколько одна была сосредоточена въ себѣ, столько другая жива и сообщительна. Первая очевидно болѣе способна была къ глубокому внутреннему чувству, и потому самому должна была гораздо сильнѣе подѣйствовать на нашего молодого человѣка. Но сестра ея также оставила въ немъ пріятное впечатлѣніе, хотя совсѣмъ иными свойствами, и какъ скоро въ отношеніяхъ Грановскаго къ старшей сестрѣ произошло нѣкоторое охлажденіе, онъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ о младшей, о которой мысль возбуждала въ немъ болѣе отрадныя представленія. Часто получая отъ нея письма и никогда не имѣвши съ нею ни малѣйшей размолвки, Грановскій находилъ, что она „въ высшей степени милая дѣвушка“ (vraiment adorable). Въ истинномъ ли припадкѣ досады на самого себя, или можетъ-быть думая тѣмъ сильнѣе возбудить ревность въ старшей сестрѣ, онъ нарочно старался возвышать достоинства Полины, называлъ ее „ангеломъ доброты и благоразумія“ и даже прибавлялъ, что „конечно былъ слѣпъ, когда не на ней остановилъ свой выборъ въ Орлѣ“ [2]).

[1]) *Ibid.* — [2]) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 24 мая 1835 года.

Между тѣмъ съ другой стороны вовсе не хотѣли окончательнаго разрыва. Ничего не выигравъ молчаніемъ, старшая сестра рѣшилась первая возобновить прерванную переписку. Въ концѣ мая Грановскій опять имѣлъ отъ нея два письма. Но тонъ ихъ, кажется, былъ вовсе не таковъ, чтобы корреспондентъ ея снова могъ расположиться въ ея пользу. Упомянувъ о полученныхъ письмахъ, Грановскій, между прочимъ, писалъ къ сестрѣ, что намѣренъ писать прямо къ отцу молодой дѣвушки, и думаетъ прибавить нѣсколько словъ къ ея сестрѣ, которая также прислала ему письмо, а къ *ней* напишетъ развѣ съ слѣдующею почтою. Это было въ то самое время, какъ онъ оканчивалъ свой курсъ въ университетѣ и слѣдовательно могъ уже мечтать о самостоятельности. Слухи, уже и прежде ходившіе между петербургскими знакомыми Грановскаго о скорой его женитьбѣ, укрѣпились теперь еще болѣе. Его даже поздравляли формально съ невѣстою. Понятно, что эти поздравленія могли быть только непріятны ему. Чувство его именно въ то время перестало быть тайною, когда оно много потеряло своей цѣны въ его собственныхъ глазахъ. Непріятнымъ также казалось ему и то, что чѣмъ больше разглашалась его тайна, тѣмъ больше терялъ онъ уваженія со стороны тѣхъ, которые считали его до сихъ поръ за разсудительнаго молодого человѣка [1]) *).

[1]) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 29 іюня: Jusqu'ici j'ai toujours été regardé comme un jeune homme raisonable, j'ose dire qu'on m'estimait même, actuellement on me regarde avec d'autres yeux.

*) „Здѣсь оканчивается рукопись, оставшаяся по смерти автора. Разсказъ прерывается тамъ, гдѣ сосредоточивается столько интереса, возбуждается столько ожиданій въ читателѣ, но за то прерывается такъ, что эта неоконченная біографія остается какъ бы особымъ цѣлымъ. Авторъ оставилъ насъ на первомъ разсвѣтѣ жизни своего героя; но какъ хорошо, съ какою полнотою, съ какимъ изяществомъ изображенъ этотъ разсвѣтъ! Какъ ни сильно возбуждено въ насъ желаніе итти далѣе за мастерскимъ разсказомъ, исполненнымъ живой правды и художественной прелести, чувство наше сохраняетъ цѣльное впечатлѣніе этого юношескаго образа, который уже успѣлъ обрисоваться передъ нами такъ явственно и въ такихъ привлекательныхъ чертахъ. Найдется ли другая рука, которая могла бы возобновить прерванную нить и продолжать ее съ такою же любовію, входящею во всѣ подробности, и съ такимъ же мастерствомъ, умѣющимъ изъ каждой мелочи извлечь живую, исполненную смысла черту?“ *Примѣч. ред. «Рус. В.»*

Bayerische Staatsbibliothek München

Важнѣйшія опечатки.

Стрн.		*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	снизу	3	Шувенъ	Схувенъ
6	„	9	Шонговенъ	Схонговенъ
7	сверху	2	Мирниксъ	Марниксъ
54	снизу	1	von	van
57	„	13	много	многое
75	„	12	оставалось	оставалась
79	сверху	7	пишите	пишете
96	снизу	11	наровнѣ	наравнѣ
202	„	18	фонъ	фанъ
207	„	12	Тортолѣ	Тортонѣ
219	„	3	Нассауское	Пассауское
220	сверху	5	Нассаускаго	Пассаускаго
224	„	8	Италію	Испанію
231	снизу	21	констабль	коннетабль
233	„	2	дѣлу	дѣду
239	„	15	Не	Но
„	„	4	возраста-наго	возраста-вшаго
240	сверху	10	Гехстѣ	Гёхстѣ